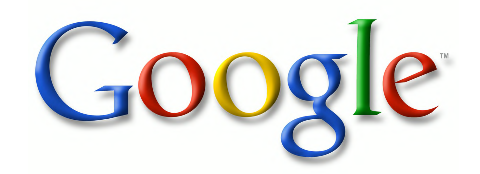
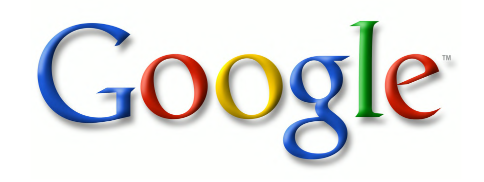




VE
RI
TAS

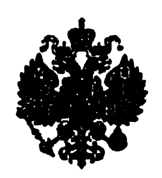
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

ІЮЛЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

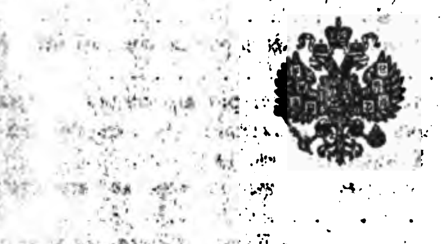
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

ІЮЛЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю стр. обложки.

Gratis

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (19-го мая 1906 года). „Состоящему въ запасѣ армейской пѣхоты полковнику *Левшину* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, съ переименованіемъ его въ *коллежскіе совѣтники*.

II. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1. (3-го сентября 1905 года). *О присвоеніи С.-Петербургской 2-ой гимназіи наименованія „Гимназія Императора Александра I-го" и объ установленіи жетона для наличнаго и бывшаго служебнаго персонала названной гимназіи и бывшихъ воспитанниковъ ея, окончившихъ въ ней курсъ.*

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 3-й день сентября 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе С.-Петербургской 2-ой гимназіи по случаю исполнившагося 7-го сентября 1905 года 100-лѣтія со дня ея основанія по волѣ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича наименованія „Гимназія Императора Александра I-го" и на утвержденіе жетона для наличнаго и бывшаго служебнаго персонала названной гимназіи и бывшихъ воспитанниковъ ея, окончившихъ въ ней курсъ.

Описаніе жетона въ память столѣтія С.-Петербургской 2-ой гимназіи.

На лицевой сторонѣ изъ бѣлой эмали золотые иниціалы Императора Александра I-го и Государя Императора Николая II-го. Подъ Императорской Короной, увѣнчивающей жетонъ, накладнымъ золотомъ „сто". Внизу на эмали рисунокъ фронтона С.-Петербургской 2-ой гимназіи.

На обратной сторонѣ по синей эмали золотыми накладными буквами: С.П.Б., вензель 2 Г. и золотыя обозначенія годовъ 1805 и 1905 г.

На лентѣ внизу жетона фамилія лица, которому принадлежитъ жетонъ.

Къ жетону придѣлано кольцо для ношенія только въ видѣ брелока.

Жетонъ учреждается для наличнаго и бывшаго служебнаго персонала и бывшихъ воспитанниковъ, окончившихъ гимназію.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 13 мая 1906 года № 116, ст. 653).

2. (10-го декабря 1905 года). *О присвоеніи стипендіи при Датновскомъ, Ковенской губерніи, приходскомъ мужскомъ училищѣ Имени Императора Александра II-го.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день декабря 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Имени Императора Александра II-го стипендіи, учреждаемой при Датновскомъ, Ковенской губерніи и уѣзда, приходскомъ мужскомъ училищѣ на проценты съ капитала, пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Карломъ Буткевичемъ и его супругою.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 3-го января 1904 года, донесъ правительствующему сенату для распубликованія.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 29 мая 1906 г., № 130, ст. 787).

3. (24-го декабря 1905 года). *Объ учрежденіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи Имени Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день декабря 1905 года, Высочайше

соизволилъ на учрежденіе при Астраханскомъ реальномъ училищѣ на проценты съ пожертвованнаго станицею Атаманской капитала въ 2.240 руб. 35 коп. — одной стипендіи Имени Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 10-го января 1906 года, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Тамъ же, ст. 788).

4. (27-го декабря 1905 года). *О присвоеніи учреждаемымъ при Бѣлгородскомъ, Курской губерніи, и Краснослободскомъ, Пензенской губерніи, четырехклассныхъ городскихъ училищахъ стипендіямъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, на 24-й день декабря 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемымъ при Бѣлгородскомъ, Курской губерніи, и Краснослободскомъ, Пензенской губерніи, четырехклассныхъ городскихъ училищахъ стипендіямъ: двадцати при первомъ и десяти при второмъ, въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Имени Его Императорскаго Высочества.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 21-го января 1906 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Тамъ же, ст. 789).

5. (31-го декабря 1905 года). *О присвоеніи образованному пермскимъ губернскимъ земствомъ капиталу въ 120.000 рублей наименованія: капиталъ Имени Императора Александра III-го для внѣшкольнаго образованія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день декабря 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе образованному пермскимъ губернскимъ земствомъ капиталу въ 120.000 рублей наименованія: „капиталъ Имени Императора Александра III-го для внѣшкольнаго образованія“.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 21-го января 1906 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Тамъ же, ст. 790).

6. (14-го января 1906 года). *О присвоеніи Венкульской земской народной школѣ, С.-Петербургской губерніи, Имени Императора Александра II-го.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день января 1906 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Венкульской земской народной школѣ, С.-Петербургской губерніи, Имени Императора Александра II-го.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 30-го января 1906 года, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Тамъ же, ст. 791).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(5-го мая 1906 г., № 33). По Одесскому учебному округу. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Одесской 2-й гимназіи, *Терновскій*—съ 21-го сентября 1905 г.; учителя гимназій: Одесской 3-й, *Лучинскій*—съ 8-го іюня 1905 г., Одесской Ровнякова, *Ровняковъ*—со 2-го февраля 1905 г., Севастопольской, *Назарьевъ*—съ 1-го августа 1905 г. и Ялтинской, *Рейманъ*—съ 19-го іюня 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи, *Иващенко*—съ 9-го сентября 1904 г.; учителя гимназій: Болградской, *Иванченко*—съ 27-го октября 1904 г., Евпаторійской, *Трофимовъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Керченской, *Марти*—съ 10-го іюня 1905 г., Кишиневской 2-й, *Козленко*—съ 10-го іюня 1905 г., Одесской 5-й, *Смирновъ*—съ 5-го декабря 1904 г.; учитель Ѳеодосійскаго учительскаго института *Беспдинъ*—съ 1-го августа 1905 г.; наставникъ Новомосковской учительской семинаріи *Чайкинъ*—съ 1-го августа 1905 г. и врачъ Одесскаго городского шестиклассного училища *Воскресенскій*—съ 28-го сентября 1896 г.; исправляющій должность наставника Херсонской учительской семинаріи *Тарасенко*—съ 1-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя гимназій: Аккерманской: *Кочубинскій*—съ 15-го августа 1904 г. и *Судковскій*—съ 10-го августа 1904 г., Болградской, *Деманжъ*—съ 1-го сентября 1903 г., Елисаветградской, *Ѳоменко*—съ 13-го декабря 1904 г., Луганской, *Симоновскій*—съ 18-го іюля

1904 г., Маріупольской, *Слепцовъ*—съ 18-го іюля 1904 г., Николаевской, *Хранко*—съ 21-го іюня 1903 г., Одесской 3-й, *Рудницкій*—съ 10-го сентября 1903 г., Одесской 4-й: *Анохинъ* и *Музыченко*, оба—съ 1-го іюля 1904 г. и Одесской 5-й, *Васильевъ* (сверхштатный)—съ 9-го сентября 1904 г.; учителя: Вознесенской прогимназіи, *Смоленскій*—съ 6-го декабря 1904 г.; женскихъ гимназій: Керченской, *Клаусъ*—съ 1-го октября 1902 г., Одесской, бывшій, нынѣ преподаватель Одесскаго кадетскаго корпуса *Каменскій*—съ 5-го августа 1902 г., Тираспольской, *Ковскій*—съ 14-го августа 1904 г., Херсонской 2-й, *Макаровъ*—съ 12-го января 1904 г., Новомосковской, *Кузяевъ*—съ 1-го сентября 1904 г., реальныхъ училищъ: Елисаветградскаго, *Шерръ*—съ 1-го августа 1904 г., Одесскаго св. Павла, *Маляровъ*—съ 15-го августа 1904 г.; врачъ Одесскаго реальнаго училища св. Павла, докторъ медицины *Зиле*—съ 4-го декабря 1904 г.; учитель-инспекторъ Килійскаго городского трехкласснаго училища *Сѣтенко*—съ 1-го августа 1905 г.; руководитель работъ Бахмутскаго ремесленнаго училища *Орловъ*—съ 15-го мая 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго Ефруси, *Жукинъ*—съ 8-го ноября 1905 г., Бердянскаго четырехкласснаго, *Зозулинскій*—съ 10-го ноября 1901 г., Екатеринославскаго четырехкласснаго, *Шишкинъ*—съ 16-го августа 1905 г., Маріупольскаго четырехкласснаго, *Трандафиловъ*—съ 1-го августа 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Одесской 2-й гимназіи, *Бѣлинскій*—съ 7-го января 1906 г., Өеодосійской гимназіи, *Дмитріевъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Одесскаго реальнаго училища, *Подгаецкій*—съ 1-го октября 1905 г. и Херсонской гимназіи, *Скульскій*—съ 8-го августа 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощники прозекторовъ Императорскаго Новороссійскаго университета: *Самаринъ*—съ 20-го сентября 1905 г. и *Кржишковскій*—съ 19-го марта 1905 г.; лаборанты Императорскаго Новороссійскаго университета: *Григоровичъ-Березовскій*—съ 24-го февраля 1905 г., *Сынгаевскій*—съ 8-го октября 1905 г. и *Щастный*—съ 23-го февраля 1903 г.; ординаторъ глазной факультетской клиники Императорскаго Новороссійскаго университета *Филатовъ*—съ 14-го іюля 1903 г.; врачи: Бердянской женской гимназіи, *Збандуто*—съ 15-го апрѣля 1903 г., и Өеодосійскаго городского шестикласснаго училища *Фиделевъ*—съ 11-го октября 1902 г.; почетный смотритель Бобринецкаго городского четырехкласснаго училища *Бредюковъ*—съ 12-го марта 1904 г.; учитель-инспекторъ Ананьевской школы ремесленныхъ учениковъ *Козловъ*—съ 4-го сентября 1902 г.;

врачъ Александровскаго средняго механико-техническаго училища *Тулубъ*—съ 9-го декабря 1903 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Багоцкій*—съ 1-го іюля 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Екатеринославскаго 1-го шестикласснаго, *Севастьяновъ*—съ 1-го іюля 1905 г., Одесскаго шестикласснаго, *Тишкинъ*—съ 26-го октября 1904 г. и Никопольскаго трехкласснаго, *Ивановъ* (бывшій)—съ 1-го іюля 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Кишиневской 1-й гимназіи, *Мадань*—съ 15-го іюля 1905 г. и Комратскаго реальнаго училища, *Мутафъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя женскихъ гимназій: Бердянской, *Доброленскій*—съ 15-го іюня 1904 г., Екатеринославской Маріинской, *Благоправовъ*—съ 29-го января 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго, *Тишкинъ*—съ 26-го октября 1901 г., Екатеринославскаго 1-го шестикласснаго: *Дмитріевъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Бѣлецкій*—съ 11-го сентября 1903 г., Одесскаго шестикласснаго, *Мучкинъ*—съ 1-го іюля 1902 г., Одесскаго шестикласснаго Ефрусси: *Стрѣльченко*—съ 1-го августа 1903 г. и *Жуганъ*—съ 1-го августа 1902 года, Симферопольскаго пятикласснаго, *Зиновьевъ* (сверхштатный)—съ 18-го августа 1903 г. и Бахмутскаго трехкласснаго, *Петраковъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюля 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Одесской 3-й гимназіи *Разшивалинъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Елисаветградской гимназіи, *Завиновскій*—съ 5-го ноября 1903 г., Одесской 5-й гимназіи: *Клопотовъ*—съ 1-го сентября 1903 г. и *Сурковъ*—съ 30-го апрѣля 1904 г., Севастопольской прогимназіи *Нольде*—съ 1-го февраля 1904 г., и Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища, *Капустинъ*—съ 11-го декабря 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель-инспекторъ Григоріопольскаго городского трехкласснаго училища *Мусіечко*—съ 19-го августа 1904 г.; товарищъ предсѣдателя попечительства при бахмутскомъ ремесленномъ училищѣ, *Скиліоти*—съ 17-го октября 1903 г.; письмоводитель Александровскаго средняго механико-техническаго училища *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; учителя приготовительныхъ классовъ: Ананьевской гимназіи, *Артисевичъ*—съ 28-го августа 1903 г. и Одесскаго реальнаго училища св. Павла, *Антонюкъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники столоначальника канцеляріи попечителя: *Мышковскій*—съ 1-го сентября 1905 г. и *Киріаковъ*—съ 25-го января 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Маякскаго трехкласснаго, *Гришинъ*—съ

8-го іюля 1902 г. и Александровскаго трехкласснаго, *Бѣлавинъ*—съ 5-го октября 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: помощникъ библіотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Григоровичъ*—съ 6-го сентября 1904 г.; учитель 3-го Луганскаго приходскаго училища *Климашевъ 2-й*—съ 17-го августа 1904 г.

Производится изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники* бывшій учитель-инспекторъ Одесской школы ремесленныхъ учениковъ *Бибиковъ*, на основаніи ст. 794 уст. служб. Прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учителя: мужскихъ гимназій: Ананьевской, *Генкеръ*—съ 24-го іюля 1901 г., Одесской 2-й: *Куртиди*—съ 14-го іюля 1901 г., *Подлипскій*—съ 28-го іюня 1901 г., Симферопольской: *Барсовъ*—съ 23-го октября 1900 г. и *Плотницкій*—съ 15-го августа 1901 г., Вознесенской прогимназіи, *Городецкій*—съ 25-го іюня 1901 г., женскихъ гимназій: Бендерской, *Рябовъ*—съ 22-го января 1901 г., Одесской М. А. Бальцъ, *Перфуминъ*—съ 15-го августа 1901 г., Одесской О. Г. Шольпъ, *Вахевичъ*—съ 7-го мая 1901 г., Тираспольской, *Ивановъ*—съ 19-го января 1901 г., реальныхъ училищъ: Екатеринославскаго 2-го, *Пискаревъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Елисаветградскаго, *Келлеръ*—съ 31-го іюля 1901 г., Кишиневскаго, *Пантелѣевъ*—съ 15-го января 1901 г., Мелитопольскаго, *Мольнеръ*—съ 1-го октября 1900 г., Одесскаго, *Бѣльчанскій*—съ 7-го февраля 1901 г., Одесскаго св. Павла, *Павловъ*—съ 1-го декабря 1900 г., Симферопольскаго, *Позднышевъ*—съ 1-го ноября 1900 г., Александровскаго средняго механико-техническаго училища, *Баранъ*—съ 28-го іюня 1901 г., Ѳеодосійскаго учительскаго института, *Котовъ*—съ 12-го февраля 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: лаборантъ при ботанической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Новопокровскій*—съ 26-го марта 1905 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Александровскаго шестикласснаго: *Заколодяжный*—съ 1-го іюля 1901 г. и *Тимошевъ*—съ 1-го августа 1901 г., Одесскаго шестикласснаго имени В. Н. Лигина, *Михайловскій* (сверхштатный)—съ 14-го октября 1900 г., Севастопольскаго шестикласснаго *Павловъ*—съ 1-го октября 1900 г., Маріупольскаго четырехкласснаго, *Тищенко*—съ 1-го іюля 1901 г., Павлоградскаго четырехкласснаго: *Приходько*—съ 1-го сентября 1901 г. и *Карнекинъ* (сверхштатный)—съ 1-го января 1901 г., Хотинскаго четырехкласснаго, *Корецкій*—съ 1-го января 1901 г., Херсонскаго трехкласснаго, *Власенко*—съ 1-го

іюля 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Екатеринославской гимназіи, *Щербатюкъ*—съ 15-го іюня 1901 г., Измаильской гимназіи, *Савицкій*—съ 1-го мая 1901 г., Екатеринославскаго 2-го реальнаго училища, *Буга*—съ 15-го августа 1901 г., Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища, *Зубовъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1901 г.; *коллежскаго регистратора*: учитель чистописанія, черченія и рисованія Одесскаго городского шестиклассного училища имени В. Н. Лигина, *Карцовъ*—съ 1-го февраля 1901 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Севастопольскаго шестиклассного, *Лихоносъ*—съ 1-го августа 1901 г., Новомосковскаго трехклассного, *Приставка*—съ 19-го іюня 1901 г.; домашніе учителя дирекцій народныхъ училищъ: Екатеринославской: *Семеновъ*—съ 5-го іюля 1904 г. и *Свѣтлицкій*—съ 10-го февраля 1905 г., Херсонской, *Гнѣдой*—съ 4-го марта 1900 г.

(13-го мая 1906 года, № 35). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: дѣлопроизводители VII класса департамента общихъ дѣлъ, *Образцовъ*—съ 27-го февраля 1906 г. и VIII класса, младшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія, *Никифоровъ*—съ 11-го апрѣля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, *Григорьевъ*—съ 1-го октября 1905 г. и помощникъ журналиста того же департамента *Авдуевскій*—съ 1-го марта 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія *Доловъ*—съ 1-го января 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: счетный чиновникъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Макаровъ*—съ 1-го января 1906 г. и канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Матвѣевъ*—съ 1-го октября 1901 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя: мужскихъ гимназій: Казанской 2-й, *Болотниковъ*—съ 1-го августа 1905 г., Саратовской 1-й, *Кондопуло*—съ 20-го января 1906 г. и Симбирской, *Романовъ*—съ 1-го февраля 1906 г., Самарскаго реальнаго училища, *Загайкевичъ*—съ 9-го августа 1904 г. и Казанскаго промышленнаго училища, *Андреевъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи *Петровъ*—съ 24-го іюля 1904 г.; руководитель работъ при техническихъ мастерскихъ Казанскаго промышленнаго учи-

лища *Володинъ*—съ 1-го марта 1905 г.; учителя женскихъ гимназій: Бузулукской, *Кольцовъ*—съ 16-го августа 1895 г., Сарапульской, *Поповъ*—съ 7-го октября 1905 г., реальныхъ училищъ: Вятскаго, *Кряжевъ*—съ 20-го августа 1905 г., Сарапульскаго Алексѣевскаго, *Пельцъ*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* ассистентъ хирургической факультетской клиники Императорскаго Казанскаго университета *Петрулисъ*—съ 3-го іюля 1905 г. и помощникъ прозектора при каѳедрѣ физіологіи того же университета *Сегель*—съ 19-го января 1905 г.; ученый кузнецъ Казанскаго ветеринарнаго института *Мамадышскій*—съ 29-го апрѣля 1905 г.; учителя: гимназій: Императорской Казанской 1-й, *Григорьевъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Астраханской, *Палице*—съ 20-го сентября 1904 г., Симбирской, *Виноградовъ*—съ 30-го ноября 1904 г., Казанскаго промышленнаго училища: *Лаврентьевъ*—съ 29-го іюня 1902 г., *Радцигъ*—съ 10-го сентября 1903 г. и *Брюно*—съ 16-го августа 1904 г., реальныхъ училищъ: Елабужскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го августа 1902 г., Казанскаго: *Мельниковъ*—съ 6-го сентября 1903 г. и *Румянцевъ*—съ 1-го августа 1904 г., Новоузенскаго, *Олигеръ*—съ 18-го іюля 1904 г.; учитель-инспекторъ Дубовскаго городского четырехкласснаго училища *Першевъ*—съ 14-го марта 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, *Петровъ-Кобяковъ*—съ 24-го сентября 1902 г., Уржумскаго трехкласснаго, *Морозовъ*—съ 1-го іюля 1905 г. и Хвалынскаго четырехкласснаго, *Бильчуговъ*—съ 24 го мая 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: лаборантъ при лабораторіи органической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Казанскій*—съ 20-го августа 1905 г.; учитель инспекторъ Хвалынской школы ремесленныхъ учениковъ *Виноградовъ*—съ 31-го іюля 1899 г.; учителя: городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, *Лихачевъ*—съ 29-го іюля 1902 г., трехклассныхъ: Черноярскаго, *Дубовцевъ*—съ 17-го іюня 1904 г., Красноярскаго, *Рубцовъ*—съ 15-го сентября 1904 г., Яранскаго, *Зарюгинъ*—съ 24-го сентября 1904 г., Ардатовской женской прогимназіи, *Киселевъ*—съ 1-го іюня 1902 г. и приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища, *Твердышевъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный лаборантъ при ботаническомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета *Келлеръ*—съ 11-го октября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вольскаго реальнаго училища *Невзоровъ*—съ 20-го октября 1903 г.; учителя: Ор-

ловской Татіанинской женской гимназіи: *Покровскій*—съ 18-го ноября 1903 г. и *Тихоницкій* (бывшій)—съ 7-го апрѣля 1904 г.; городскихъ трехклассныхъ училищъ: Царевосанчурскаго, *Черновъ*—съ 1-го декабря 1901 г., Николаевскаго, *Обуховъ*—съ 30-го сентября 1902 г. и Лѣсно-Карамышскаго русскаго центральнаго училища, *Фрицлеръ*—съ 14-го іюня 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вятскаго Александровскаго реальнаго училища *Ончуковъ* — съ 1-го августа 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ библіотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Трубниковъ*—съ 30-го марта 1905 г.; исправляющій должность сверхштатнаго лаборанта при лабораторіи органической химіи того же университета *Кыштымовъ*—съ 8-го ноября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Симбирской гимназіи *Траутманъ*—съ 11-го мая 1877 г.; письмоводитель Вольскаго реальнаго училища *Преображенскій*—съ 9-го октября 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники библіотекаря Императорскаго Казанскаго университета: *Буссе*—съ 10-го августа 1905 г., и *Мазингъ*—съ 1-го февраля 1903 г.; учителя приходскихъ училищъ: Самарскихъ: двухкласснаго, *Дудинцевъ*—съ 25-го сентября 1900 г. и VIII, *Зыринъ*—съ 4-го августа 1903 г., Бугурусланскаго 1-го: *Шигаевъ*—съ 11-го сентября 1900 г. и *Ледомскій*—съ 12-го іюня 1899 г.; надзиратель Казанской татарской учительской школы *Александровъ*—съ 30-го сентября 1903 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*—инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи *Кибардинъ*—съ 28-го сентября 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета при каѳедрѣ анатоміи *Вишневскій*—съ 22-го марта 1901 г., по степени доктора медицины; учителя: мужскихъ гимназій: Астраханской, *Расторгуевъ* — съ 1-го августа 1901 г., Самарской, *Протопоповъ*—съ 11-го декабря 1901 г., женскихъ гимназій: Глазовской, *Горишовскій*—со 2-го августа 1901 г., Саратовской министерства (бывшій), *Арно*—съ 17-го сентября 1901 г., реальныхъ училищъ: Вятскаго, *Соколовъ*—съ 1-го августа 1901 г., Казанскаго, *Арбековъ*—съ 1-го августа 1901 г., Сарапульскаго, *Беркутовъ*—съ 20-го ноября 1901 г., Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища *Якимовичъ*—съ 1-го іюля 1901 г., (сверхштатный), *Алянчиковъ*—съ 1-го января 1901 г. и *Штаубъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Казанской татарской учительской школы, *Петясовъ*—съ 15-го декабря 1901 г.; руководители работъ Казанскаго

промышленнаго училища: *Андреевъ*—съ 13-го сентября 1900 г. и *Першаковъ*—съ 25-го сентября 1901 г.; надзиратель Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища *Боголюбовъ*—съ 22-го сентября 1901 г.; наставникъ Казанской учительской семинаріи *Никифоровъ*—съ 1-го августа 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*: исправляющій должность ассистента акушерско-гинекологической клиники Императорскаго Казанскаго университета *Занченко*—съ 22-го марта 1901 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи того же университета *Калачевъ*—съ 13-го іюля 1901 г. и врачъ Царицынскаго городского четырехкласснаго училища *Славутскій*—съ 28-го декабря 1900 г., всѣ трое по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный хранитель геологическаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Кротовъ*—съ 16-го ноября 1904 г., сверхштатный лаборантъ при лабораторіи органической химіи того же университета *Марко*—съ 4-го августа 1905 г., секретарь правленія того же университета *Индинскій*—съ 30-го декабря 1904 г., всѣ трое по диплому первой степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: при Казанскомъ учительскомъ институтѣ, *Снигиревъ*—съ 8-го ноября 1901 г., четырехклассныхъ: Саратовскаго 1-го, *Тяпаевъ*—съ 1-го августа 1898 г., Сердобскаго, *Федоровъ*—съ 1-го августа 1900 г., трехклассныхъ: Царицынскаго, *Говыринъ*—съ 14-го іюля 1901 г., Карсунскаго, *Емельяновъ*—съ 27-го августа 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Казанской 3-й, *Никитинъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и Саратовской 1-й, *Широковъ*—съ 11-го сентября 1901 г.; *губернскаго секретаря*, сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ географіи Императорскаго Казанскаго университета—*Булдаковъ*—съ 16-го сентября 1903 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: учителя рисованія, черченія и чистописанія: Кузнецкаго городского трехкласснаго училища, *Винокуровъ*—съ 25-го сентября 1900 г. и 2-го и 3-го Астраханскихъ городскихъ четырехклассныхъ училищъ, *Драгомировъ*—съ 23-го октября 1899 г.; домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Алексѣевъ*—съ 10-го мая 1886 г.

(19-го мая 1906 года, № 37). *Назначается*, состоящій въ запасѣ армейской пѣхоты полковникъ *Левшинъ*—попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, съ переименованіемъ его въ *коллежскіе совѣтники*.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Бѣльской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебедевъ*.

По Рижскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, учитель Митавскаго реальнаго училища *Боневъ*—съ 19-го іюля 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: асситтентъ Рижскаго политехническаго института *Тифъ*—съ 1-го января 1906 г.; учителя реальныхъ училищъ: Виндавскаго, *Лѣсюкъ*—съ 1-го октября 1904 г., и Митавскаго, *Ястремскій*—съ 17-го сентября 1905 г.; наставникъ Юрьевской учительской семинаріи *Столяровъ*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя Ревельской гимназіи Императора Николая I: *Рабиновичъ*—съ 10-го октября 1904 г. и *Бауманъ* (сверхштатный)—съ 20-го октября 1904 г.; учитель-завѣдывающій Рижскимъ двухкласснымъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ *Мостовичъ*—съ 21-го іюля 1905 г.; врачъ при Рижскихъ русскихъ начальныхъ училищахъ *Лѣпинь*—съ 20-го апрѣля 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ классныхъ наставниковъ Аренсбургской гимназіи *Мейеръ*—съ 1-го іюля 1905 г.; учитель Виндавскаго трехкласснаго городского училища *Рыжко*—съ 1-го сентября 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя *Савицкій*—съ 1-го февраля 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, исправляющій должность помощника столоначальника канцеляріи попечителя *Кузнецовъ*—съ 27-го января 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя-завѣдующіе Юрьевскими городскими начальными училищами: женскимъ имени А. С. Пушкина. *Штейнбергъ*—съ 1-го января 1903 г. и 3-мъ мужскимъ, *Кима*—съ 14-го августа 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Бобровъ*—съ 16-го августа 1901 г. и Рижскаго городского реальнаго училища, *Лебедевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; врачъ при Рижскомъ городскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ *Рейнатъ* (онъ же Рейнгардтъ)—съ 19-го іюля 1902 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*, врачъ Феллинскаго трехкласснаго городского училища *Сосаръ*—съ 10-го ноября 1901 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Рижскаго Петропавловскаго трехкласснаго, *Өедюнинъ* (сверхштатный)—съ 22-го августа 1901 г., Вольмарскаго трехкласснаго, *Осиптъ*—съ 1-го августа 1901 г. и Рижскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, *Дрейманъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюля 1901 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится* изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*, бывшій врачъ Одесской Маріинской женской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ *Бертенсонъ*, на основаніи п. 2 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

(27-го мая 1906 года, № 60). *Назначаются*: директоръ Харьковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шиховъ*—окружнымъ инспекторомъ Харьковскаго учебнаго округа; инспекторъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щенетевъ*—директоромъ Маріупольской гимназіи.

Утверждаются: директоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тилингъ*—въ означенной должности, согласно избранію; отставной штабсъ-капитанъ *Карвольскій-Гриневскій*—почетнымъ попечителемъ Черниговскаго дворянскаго пансіона-пріюта, согласно избранію, на три года.

Перемѣщаются: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, докторъ государственнаго права, статскій совѣтникъ князь *Трубецкой* и Варшавскаго, докторъ всеобщей исторіи *Петрушевскій*—ординарными профессорами Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрамъ: первый—энциклопедіи права и исторіи философіи права, а второй всеобщей исторіи.

Предоставляется бывшему инспектору студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Алякритскому*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, статскій совѣтникъ *Корсунскій*, съ 9-го декабря 1905 г.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать на 6-е мая 1906 г. нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія *орденами*: *св. Станислава 2-й степени*—почетнаго блюстителя Богородско-Репьевскаго одноклассн аго училища, Симбирскаго уѣзда, князя

Александра *Ухтомскаго* и *третьей степени*: законоучителя евангелическо-лютеранскаго исповѣданія С.-Петербургскаго главнаго нѣмецкаго училища при церкви св. Петра, кандидата богословія Евгенія *Римера*, попечителей училищъ потомственныхъ дворянъ Ново-Березниковскаго земскаго, Нижегородскаго уѣзда, Федора *Эгермана* и Казачкинскаго начальнаго народнаго, Балашовскаго уѣзда, Николая *Кудрицкаго*, почетныхъ блюстителей двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Харинскаго сельскаго, Ржевскаго уѣзда, дворянина Николая *Лутковскаго* и Лежневскаго, Ковровскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Василія *Кокушкина* и учителя Харьковскаго начальнаго при Александровскомъ пріютѣ благотворительнаго общества училища, личнаго почетнаго гражданина Степана *Недыбалюка* и *св. Анны 3-й степени*: состоящаго по вольному найму при лазаретѣ Кронштадтской мужской гимназіи, отставного титулярнаго совѣтника Николая *Юношева*, вольнонаемнаго писца канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, отставного поручика Антона *Пацевскаго*, отставного прапорщика изъ дворянъ Дмитрія *Арцыбашева* и почетнаго попечителя С.-Петербургской третьей гимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина Василія *Лебедева*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы, на 6-е мая 1906 г. *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ*: по С.-Петербургскому учебному округу: учительницы училищъ: земскихъ: Кадниковскаго уѣзда: Бѣльтяевскаго—Надежда *Вознесенская*, Петряевскаго перваго—Галина *Киселева* и Грибцовскаго перваго—Елена *Суслова* и Щелконовскаго, Сольвычегодскаго уѣзда: Манефа *Шемякина* и Гредислава *Ядрихинская*, Трегубовскаго образцоваго начальнаго—Елизавета *Кузнецова*, Устюгскаго женскаго приходскаго—Марія *Хохрякова*, земскихъ: Одигитріевскаго, Вельскаго уѣзда, Александра *Молоковская*, Судромскаго—Вивея *Сергіевская* и Тотемскаго уѣзда: Заозерскаго—Серафима *Баженова*, Шуйскаго—Вѣра *Свѣтлосанова* и Шуйскаго женскаго—Екатерина *Красикова*, Едровскаго двухкласснаго сельскаго, Валдайскаго уѣзда, Анна *Конева*, частнаго въ Новгородѣ—Елизавета *Афанасьева*, приходскихъ: Новгородскаго перваго—Наталія *Сухинина* и второго въ гор. Череповцѣ—Софія *Коровина*, земскихъ: Новгородскаго уѣзда: Подберезскаго женскаго Ольга *Долматова* и Ямского начальнаго Анна *Галкина*, начальнаго въ гор. Череповцѣ Анна *Судакова*. Череповецкаго

уѣзда: Богородскаго—Марія *Хрисанфова*, Ирдоматскаго—Аполинарія *Демидова*, Муравьевскаго—Лариса *Дружинская*, Носовскаго—Капитолина *Стефановская*, Прягаевскаго—Раиса *Екатерининская* и Ягановскаго—Евласія *Благовѣщенская* и Великосельскаго, Бѣлозерскаго уѣзда, Елизавета *Новоденская*, Веребьинскаго частнаго начальнаго, Крестецкаго уѣзда, Анна *Мостина* и Боровскаго земскаго, Каргопольскаго уѣзда, Марія *Говердовская*, учительница частной женской прогимназіи въ гор. Псковѣ Вѣра *Корзина*, учительница Большекорзухинскаго сельскаго общественнаго училища, Архангельскаго уѣзда, Маріамна *Рычкова*, учитель-завѣдывающій вторымъ классомъ Карпогорскаго двухкласснаго сельскаго училища, Пинежскаго уѣзда, Григорій *Недашковскій*, учительница второго класса женскаго двухкласснаго приходскаго училища имени А. С. Пушкина Пелагея *Постникова*, преподавательница Никольской женской прогимназіи, Вологодской губерніи, Марія *Кубасова*, учителя училищъ: земскихъ: Сереговскаго, Яренскаго уѣзда, Арсеній *Губенскій*, Пицкаго, Сольвычегодскаго уѣзда, Петръ *Симоновъ*, Богоявленскаго, Устюгскаго уѣзда, Виталій *Кулаковъ*, Хозьминскаго, Вельскаго уѣзда, Александръ *Базиновъ* и Вожбольскаго, Тотемскаго уѣзда, Петръ *Бусыревъ*, Окуловскаго двухкласснаго сельскаго, Крестецкаго уѣзда, Алексѣй *Евдокимовъ* и земскихъ: Череповецкаго уѣзда: Высоковскаго—Никита *Кеминъ*, Кондошскаго—Петръ *Пронинъ*, Коротовскаго—Андрей *Карповъ*, Судбицкаго—Дмитрій *Борисовъ* и Яконскаго—Василій *Бѣляевъ* и Кирилловскаго уѣзда: Березовецкаго—Василій *Орнатскій* и Колкачскаго—Алексѣй *Надпорожскій* и бывшая учительница Фарафоновскаго земскаго училища, Новгородскаго уѣзда, Евгенія *Бѣлавина*; по Московскому учебному округу: учителя двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: при станціи „Елецъ“ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ Карпъ *Гришаевъ* и Овстугскаго, Брянскаго уѣзда, Николай *Серебряковъ*, учителя-завѣдывающіе двухклассными сельскими министерства народнаго просвѣщенія училищами, Брянскаго уѣзда: Овстугскимъ Борисъ *Марочкинъ* и Любохонскимъ—Петръ *Баранчиковъ*, учительница Брянскаго городского женскаго приходскаго училища Пелагея *Рождественская*, учителя начальнаго училища при Брянскомъ заводѣ: Андрей *Соколовъ*, Николай *Шелыгановъ* и Михаилъ *Барановъ*, учительницы училищъ: начальнаго при Брянскомъ заводѣ Ольга *Козловская* и начальныхъ народныхъ: Брянскаго уѣзда: Акуличскаго—Марія *Соколова*, Берлевецкаго—Марія *Измайлова*, Гатьковскаго—Марія *Діесперова*, Рубчинскаго—Александра *Знаменская*,

Токаревскаго—Марія *Вѣтрова* и Полпинскаго—Пелагея *Чаплина*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ, Брянскаго уѣзда: Жуковскаго—Андрей *Тихомировъ* и Ивотскаго—Николай *Богомоловъ*, учительницы училищъ: Муравишниковскаго сельскаго начальнаго народнаго, Сычевскаго уѣзда: Татіана *Истомина* и начальныхъ народныхъ: Балкановскаго—Марія *Емельянова*, Берновскаго—Агриппина *Пятницкая*, Дарскаго—Софія *Синева*, Иверовскаго—Любовь *Синева*, Капковскаго—Елизавета *Лебедева*, Микулинскаго—Павла *Троицкая*, Новскаго: Клавдія *Мельникова* и Екатерина *Масленникова* и Раменскаго—Екатерина *Покровская*, учителя училищъ: Ряснинскаго начальнаго народнаго—Дмитрій *Евдокимовъ* и сельскихъ начальныхъ народныхъ, Ельнинскаго уѣзда, Жулевскаго—Григорій *Маякинъ* и Николаевскаго—Евгеній *Аѳонскій*, учительницы училищъ: Коробецкаго сельскаго начальнаго народнаго, Ельнинскаго уѣзда, Евдокія *Двойнова* и начальныхъ народныхъ: Стареньковскаго: Елизавета *Соколова* и Ольга *Соколова*, Никитскаго—Надежда *Соколова*, Стоянцевскаго—Елизавета *Лебедева*, Гайновскаго—Софія *Ѳивская*, Алферьевскаго—Анна *Успенская*, Афимьинскаго—Дарія *Орлова* и Коротовскаго—Анастасія *Гумилина*, учителя училищъ: Ульяновскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Василій *Арсеновъ* и Дорожаевскаго начальнаго народнаго Семенъ *Карповъ*, бывшій учитель Серебряно-Прудскаго начальнаго училища, Вѣновскаго уѣзда, Петръ *Миловидовъ*, учитель Козельскаго перваго приходскаго мужского училища, Александръ *Селивановъ*, учительницы начальныхъ училищъ, Мосальскаго уѣзда: Спасъ-Кобыльскаго — Анна *Виноградова* и Тепляковскаго—Серафима *Петрова*, учителя училищъ: Храпковскаго, Покровскаго уѣзда, Павелъ *Лебедевъ* и Скопинскаго четвертаго мужского городского приходскаго—Александръ *Херсонскій* и учительницы училищъ: Михайловскаго женскаго двухкласснаго городского приходскаго—Серафима *Стерло-Орлицкая*, Мехенковскаго начальнаго—Надежда *Чулкова* и Костинскаго, Покровскаго уѣзда, Марія *Чуйкова*; по Оренбургскому учебному округу: учительницы училищъ: Оренбургскаго шестого женскаго „Пушкинскаго"—Екатерина *Бѣлякова* и Плецкаго женскаго начальнаго—Александра *Кузьмина* и учитель Мраковскаго русско-башкирскаго училища Матвѣй *Шарыгинъ*; по Казанскому учебному округу: учителя училищъ: Симбирскаго 6-го двухкласснаго приходскаго — Дмитрій *Ѳедоровъ* и сельскихъ народныхъ: Соловцовскаго, Казанскаго уѣзда, Аѳанасій *Хлюпинъ*, Мамадынскаго уѣзда: Омарскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія

Николай *Гурьевъ*, Малмыжкинскаго — Иванъ *Сметанинъ* и Старо-Юмьинскаго—Леонтій *Фокинъ* и Ядринскаго уѣзда: Шуматовскаго—Арсеній *Быстровъ*, Ново-Мадиковскаго—Тимоѳей *Молняковъ* и Асакасинскаго—Матвѣй *Ивановъ*, Алатырскаго уѣзда: Барышско-Слободскаго—Дмитрій *Морозовъ*, Сгомасскаго—Матвѣй *Ѳедоровъ* и Чиндяновскаго одноклассяаго министерства народнаго просвѣщенія—Николай *Шутовъ*, Буинскаго уѣзда: Ново-Ильмовскаго мужского—Петръ *Алексѣевъ*, Чилимскаго—Ефимъ *Блохинцевъ*, Городищенскаго—Захаръ *Васильевъ*, Бурундуковскаго двухклассиаго министерства народнаго просвѣщенія—Ефимъ *Мѣшковъ* и Хомбусь-Батырскаго—Василій *Золотовъ* и Болтинскаго, Курмышскаго уѣзда, Николай *Сапожниковъ*, учительницы училищъ: приходскихъ гор. Казани: третьяго—Вѣра *Шмелева*, пятаго—Наталья *Овчинникова*, девятаго—Любовь *Корнилова*, восемнадцатаго женскаго—Александра *Пестрова* и двадцатаго женскаго—Александра *Нотара*, Ядринскаго городского второго мужского—Александра *Дубровина*, Казанскаго фабрично-заводскаго начальнаго товарищества Алафузовыхъ—Зоя *Камичева*, сельскихъ народныхъ: Казанскаго уѣзда: Арышхаздинскаго—Фавета *Альбинская*, Богородскаго—Варвара *Ардальонова*, Побѣдиловскаго—Евламиія *Семенова*, Кокушкинскаго—Лидія *Таліева*, Сунгуровскаго—Ирина *Горинова*, Тарлашинскаго—Юлія *Сѣдомская* и Царицынскаго—Надежда *Агальцева*, Мамадышскаго уѣзда: Секинесскаго—Александра *Октаева*, Кирилинскаго—Елена *Троицкая*, Горохово-Польскаго—Анна *Лузина*, Урманчеевскаго—Екатерина *Ѳомина*, Грахаискаго—Александра *Данкевичъ* и Каменно-Починовскаго—Надежда *Горшнова*, Ядринскаго уѣзда: Полянковскаго—Надежда *Лотова* и Чигинарскаго—Пелагея *Мазаева*, Ждамировскаго одноклассиаго женскаго министерства народнаго просвѣщенія, Алатырскаго уѣзда, Раиса *Розова*, Буинскаго уѣзда: Ивашевскаго—Ираида *Кильдюшевская* и Чеботаевскаго—Анисья *Черниговская* и Рахинскаго одноклассиаго сельскаго Астраханской губерніи, Елена *Моисеева*, помощница учителя Алатырскаго мужского начальнаго училища, Александра *Степанова* и помощница учительницы Борисковскаго начальнаго училища, Казанскаго уѣзда, Зинаида *Ураевская*; по Кіевскому учебному округу: учительница Гладковичскаго одноклассиаго сельскаго училища, Овручскаго уѣзда, Александра *Любинская*, учитель-завѣдывающій Перекопскимъ двухклассиымъ сельскимъ училищемъ, Роменскаго уѣзда, Прокофій *Прядка*, учитель Волошиновскаго начальнаго народнаго училища Роменскаго уѣзда, Григорій *Чаленко*, запасной учитель начальнаго народнаго училища, того

же уѣзда Иванъ *Василенко*, учительницы училищъ: Роменскаго уѣзда: Волошиновскаго начальнаго народнаго Марія *Приходько*, Хмѣловскаго двухклассннаго сельскаго—Пульхерія *Карбаненко*, Мало-Бубновскаго начальнаго народнаго Анна *Андріевская* и Св. Владимірскаго городского приходскаго Софія *Семенчинова*, учители начальныхъ народныхъ училищъ: Бабринскаго Роменскаго уѣзда—Петръ *Спичакъ* и Гадячскаго уѣзда: Лисовскаго—Өедоръ *Колдововъ*, Подолковскаго—Романъ *Грицай*, Рымаревскаго—Дмитрій *Васильченко* и Сватковскаго—Даніилъ *Василенко*, учительницы начальныхъ народныхъ училищъ: Гадячскаго уѣзда: Сергѣевскаго — Александра *Тулюпа*, Крутьковскаго—Наталія *Криворучко* и Свинарновскаго—Александра *Кравченко*, учитель Роменской талмудъ-торы Лазарь *Левинъ*, учитель Ольшанскаго народнаго училища, Сосницкаго уѣзда, Сергѣй *Вышневецкій*, учительницы училищъ: Жукинскаго начальнаго народнаго, Остерскаго уѣзда, Олимпіада *Гулямицкая* и Корецкаго двухклассннаго приходскаго—Марія *Никитина*, учительница приготовительнаго класса двухклассннаго городского на ст. „Кіевъ I" училища Софія *Гродецкая*, учителя училищъ: народныхъ: Михайлово-Будищскаго, Звенигородскаго уѣзда, Трофимъ *Мазурокъ*, Зозовскаго, Липовецкаго уѣзда, Алексѣй *Брикунъ* и Весело-Кутскаго одноклассннаго, Уманскаго уѣзда, Архипъ *Сектимъ* и Искровскаго сельскаго начальнаго, Полтавскаго уѣзда, Иванъ *Спасскій*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Монастырищскимъ, Липовецкаго уѣзда, Тимофей *Яцунъ*, Шаулихскимъ, Уманскаго уѣзда, Иванъ *Музыченко*, Красиловскимъ, Таращанскаго уѣзда, Иванъ *Витвицкій* и Лысянскимъ, Звенигородскаго уѣзда, Іосифъ *Зинькевичъ* и надзирательница женскаго отдѣленія Винницкаго двухклассннаго городского училища Раиса *Подгородецкая* и по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Муромцевскаго двухклассннаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Тарскаго уѣзда, Степанъ *Землянипынъ* и учительницы училищъ двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Тюкалинскаго уѣзда: Люблино-Малороссскаго—Александра *Баранова* и Баженовскаго—Ольга *Серебренникова* и Абатскаго, Ишимскаго уѣзда, Евфросинья *Иванова* и Тюкалинскаго двухклассннаго городского приходскаго—Ольга *Убыткова*.

По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Награждаются* орденомъ *св. Анны 3-й степени*: коллежскіе ассессоры: сверхштатный ассистентъ, докторъ медицины Эдмундъ-Владиславъ *Карловичъ* и завѣдывающій аптекою, провизоръ Феликсъ *Красинскій*.

По пріюту принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. *Производятся*, за отличіе: изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: дѣйствительные члены попечительнаго совѣта пріюта: лѣкарь Карлъ-Эдуардъ *Лангенбахеръ* и Алфредъ *Штритеръ*; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣйствительный членъ попечительнаго совѣта пріюта, зубной врачъ Константинъ *Юргенсъ*, со старшинствомъ съ 22-го мая 1905 года.

Награждаются орденами, *св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени*: дѣйствительный членъ попечительнаго совѣта пріюта, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ *Пѣжинскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени, старшій надзиратель пріюта, статскій совѣтникъ Михаилъ *Андріяшевъ*; дѣйствительный членъ попечительнаго совѣта пріюта, коллежскій совѣтникъ Николай *Жуковъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительный членъ попечительнаго совѣта пріюта, коллежскій ассессоръ Владиміръ *Асташевъ*.

Св. Анны 3-й степени: преподаватель низшаго механико-техническаго отдѣленія пріюта, инженеръ-электрикъ, титулярный совѣтникъ Александръ *Потираловскій*.

Св. Станислава 2-й степени: дѣйствительный членъ попечительнаго совѣта пріюта, коллежскій ассессоръ Вильгельмъ *фонъ-Лоретцъ-Эблинъ*; титулярные совѣтники, дѣйствительные члены того же совѣта: Алексѣй *Жуковъ* и Григорій *Жуковъ*.

Св. Станислава 3-й степени: титулярные совѣтники: преподаватель механико-техническаго отдѣленія пріюта Степанъ *Бурлаковъ* и воспитатель пріюта Яковъ *Соколовъ*; коллежскіе регистраторы: воспитатели пріюта: Михаилъ *Грусниковъ*, Веніаминъ *Максимовъ* и Петръ *Чирковъ* и дѣйствительные члены пріюта: Андреасъ-Теодоръ *Левенстернъ* и Петръ *Кулунчаковъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу бухгалтеру пріюта, неимѣющему чина Ивану *Бѣланенко*—время вольнонаемныхъ занятій въ семъ же пріютѣ съ 5-го января 1890 г. по 6-е декабря 1892 года.

Предоставляются права государственной службы, съ причисленіемъ къ 3-му разряду канцелярскихъ служителей: дѣйствительнымъ членамъ попечительнаго совѣта пріюта: потомственному почетному гражданину Николаю *Дунаеву* и мѣщанину Владиміру *Исаеву*.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (26-го апрѣля 1906 года, № 8585). *О необходимости доставленія подробныхъ данныхъ при возбужденіи ходатайствъ объ открытіи среднихъ учебныхъ заведеній, съ отпускомъ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе ихъ.*

Въ циркулярномъ предложеніи министерства народнаго просвѣщенія отъ 18-го марта 1883 г., за № 3727, между прочимъ указаны тѣ данныя, выясненіе которыхъ представляется необходимымъ при возбужденіи вопросовъ объ открытіи новыхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Несмотря на подтвержденную въ циркулярѣ отъ 27-го апрѣля 1900 г., за № 11126, необходимость доставленія этихъ данныхъ, таковыя весьма рѣдко сообщаются во всей полнотѣ, что вызываетъ продолжительную дальнѣйшую переписку и влечетъ за собой промедленіе въ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній.

Во избѣжаніе на будущее время такихъ нежелательныхъ явленій, прошу ваше превосходительство въ представленіяхъ или отзывахъ объ открытіи мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ отпускомъ средствъ изъ казны подробно освѣщать и мотивировать каждое данное дѣло, руководствуясь указаніями, преподанными въ означенныхъ циркулярахъ за №№ 3727 и 11126, и подкрѣпляя соображенія о необходимости открытія учебнаго заведенія цифровыми данными, гдѣ это представляется нужнымъ и возможнымъ. При этомъ представляется весьма желательнымъ, чтобы данный вопросъ трактовался не изолированно, а по возможности въ связи съ общимъ планомъ удовлетворенія образовательныхъ потребностей населенія соотвѣтствующаго раіона.

Въ частности, кромѣ указанныхъ въ циркулярѣ данныхъ о количествѣ населенія и т. п., по каждому вопросу надлежитъ сообщать нижеслѣдующія свѣдѣнія: 1) о количествѣ населенія данной губерніи или области, составѣ его и преобладающихъ промыслахъ, 2) о количествѣ дѣтей школьнаго возраста въ данной мѣстности, 3) о количествѣ дѣтей жителей даннаго города или уѣзда, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ городовъ, 4) какъ великъ можетъ быть контингентъ учащихся въ новомъ учебномъ заведеніи и 5) почему отдается предпочтеніе тому или другому типу учебнаго заведенія (реальному училищу, гимназіи и т. п.).

Затѣмъ, установивъ желательность учрежденія мужского средняго учебнаго заведенія даннаго типа въ томъ или другомъ городѣ, необ-

ходимо съ *полною опредѣленностью* выяснить матеріальную сторону дѣла, а именно установить размѣръ единовременныхъ и ежегодныхъ затратъ, вызываемыхъ учрежденіемъ учебнаго заведенія, и выяснить вопросъ о способѣ обезпеченія его соотвѣтствующимъ помѣщеніемъ. При этомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на покрытіе означенныхъ расходовъ испрашиваются къ отпуску средства изъ казны, необходимо входить въ сношеніе съ мѣстными обществами по вопросу о томъ, не найдутъ ли они возможнымъ принять участіе въ устройствѣ и содержаніи учебнаго заведенія. Принятыя обществами по данному предмету обязательства должны быть выяснены въ ясно формулированныхъ постановленіяхъ.

Всестороннее выясненіе означенныхъ вопросовъ представляется желательнымъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) если помѣщеніе для учебнаго заведенія съ квартирами для лицъ, имѣющихъ по закону право на таковыя, отводится безвозмездно, то—будетъ ли оно удовлетворять потребностямъ учебнаго заведенія, не понадобится ли приспособленіе его и, въ такомъ случаѣ, какая сумма потребуется на эту надобность и на какой источникъ она будетъ отнесена; 2) если учебное заведеніе будетъ находиться въ наемномъ помѣщеніи, то за какую плату и изъ какого источника таковая будетъ покрываться; 3) если для учебнаго заведенія необходимо соорудить собственное зданіе, то сколько на эту надобность потребуется (по составленнымъ смѣтамъ или приблизительному подсчету архитектора) и изъ какихъ источниковъ этотъ расходъ можетъ быть произведенъ.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что, какъ указано въ циркулярѣ отъ 5-го декабря 1903 г., за № 37896, вопросы объ открытіи мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ отпускомъ средствъ изъ казны должны быть возбуждаемы заблаговременно, дабы имѣлась возможность испросить разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ на производство изъ казны необходимаго расхода и затѣмъ внести въ смѣту соотвѣтствующіе кредиты.

2. (15-го мая 1906 года, № 9555). (Съ однимъ приложеніемъ). *О введеніи въ дѣйствіе съ наступающаго 190⁶/₇ учебнаго года установленной ученымъ комитетомъ министерства таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ.*

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенантъ Глазовъ, принимая во вниманіе неудовлетворительность во многихъ отно-

шеніяхъ учебнаго плана реальныхъ училищъ, засвидѣтельствованную многочисленными отзывами компетентныхъ лицъ, имѣющимися въ министерствѣ, предложилъ ученому комитету проектировать необходимыя улучшенія въ учебномъ планѣ реальныхъ училищъ.

Во исполненіе таковаго предложенія ученый комитетъ выработалъ таблицу числа часовъ классныхъ занятій въ недѣлю въ реальныхъ училищахъ съ двумя отдѣленіями въ 5-омъ и 6-омъ классахъ и дополнительныхъ классахъ.

Таблица эта была препровождена, при циркулярномъ предложеніи отъ 2-го апрѣля 1905 года за № 7015, на заключеніе попечителей учебныхъ округовъ.

На основаніи заключеній, сдѣланныхъ гг. попечителями, ученый комитетъ окончательно установилъ таблицу, которая должна придать учебному плану реальныхъ училищъ болѣе общеобразовательный характеръ.

Но бывшій министръ, въ виду предполагавшейся въ самомъ близкомъ будущемъ общей реформы средняго образованія въ Россіи, не нашелъ возможнымъ ввести полностью установленную ученымъ комитетомъ таблицу, а ограничился измѣненіемъ числа часовъ классныхъ занятій въ недѣлю по нѣмецкому и французскому языкамъ во 2-мъ и дополнительномъ классахъ и измѣненіемъ учебнаго плана преподаванія русскаго языка и словесности въ 4-омъ и дополнительномъ классахъ.

Усматривая, однако, что вышеупомянутая таблица сообщаетъ ученію въ реальныхъ училищахъ болѣе общеобразовательный характеръ, усиливая преподаваніе русскаго языка, исторіи и французскаго языка, вводя преподаваніе законовѣдѣнія въ дополнительномъ классѣ, восполняя въ VI-омъ классѣ пробѣлъ въ преподаваніи естествовѣдѣнія, распредѣляя болѣе равномѣрно преподаваніе физики, не умаляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподаванія математики, я нахожу ее болѣе соотвѣтствующею тѣмъ цѣлямъ, кои должно преслѣдовать ученіе въ реальныхъ училищахъ, особенно послѣ предоставленія питомцамъ сихъ училищъ, по окончаніи курса, права поступленія въ университетъ по выдержаніи дополнительнаго испытанія только изъ латинскаго языка.

На основаніи сего и руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го іюля 1902 года, прошу ваше превосходительство предложить педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ ввѣреннаго вамъ округа ввести въ дѣйствіе съ наступающаго 190⁶/₇ учебнаго года, впредь до предстоящей реформы средней школы, прилагаемую при семъ уста-

новленную ученымъ комитетомъ таблицу, сдѣлавъ однако для наступающаго учебнаго года слѣдующее отступленіе: одинъ урокъ изъ трехъ, назначенныхъ для преподаванія естествовѣдѣнія въ 6-омъ классѣ, долженъ быть посвященъ изученію сравнительной географіи Россіи, каковую не изучали ученики, переходящіе нынѣ въ 6-ой классъ.

Вызываемыя новою таблицею измѣненія въ учебныхъ планахъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ будутъ сообщены вашему превосходительству въ непродолжительномъ времени.

ТАБЛИЦА

числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ПРЕДМЕТЫ.	Приготовительный классъ.	Основное отдѣленіе.							Итого (безъ приготовительнаго класса).	Коммерческое отдѣленіе		Итого (безъ приготовительнаго класса).
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Дополнит. классъ.		V.	VI.	
Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	2	2	14	2	2	12
Русскій языкъ	6	5	5	4	4	4	4	4	30	4	4	26
Нѣмецкій языкъ	—	5	4	4	4	3	3	3	26	3+*1*	3+*1*	25
Французскій языкъ (или другой иностранный)	—	—	5	5	4	3	2	2	21	3+*1*	2+*1*	21
Географія	—	2	2	2	2	2	—	2	12	2	*2*	12
Исторія	—	2	2	2	3	3	4	3	19	3	4	16
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Математика	6	4	4	4	6	6	6	5	35	*2*	*3*	23
Физика	—	—	—	—	—	3	4	3	10	3	4	7
Естествовѣдѣніе	—	2	2	2	2	2	3	2	15	2	—	10
Рисованіе	2	2	2	2	2	2	2	2	14	—	—	8
Черченіе	—	—	—	2	1	—	—	—	3	—	—	3
Чистописаніе	4	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Письмоводство и книговодство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*4*	*4*	8
Итого	22	26	28	29	30	30	30	30	203	30	30	173

Примѣчаніе. Напечатанныя курсивомъ цифры означаютъ числа особыхъ для коммерческаго отдѣленія уроковъ, совокупность коихъ составляетъ 19. Всего число даваемыхъ преподавателями уроковъ, за исключеніемъ приготовительнаго класса, равно 222.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Адамовъ, В.* Учебникъ элементарной психологіи. С.-Пб. 1906. Стр. 142 + 2 табл. рис. Цѣна 1 руб."

— „*Берло, А.* Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. I. Этимологія. Изд. 3-е. Кіевъ. 1906. Стр. III + 96. Цѣна 40 коп.—II. Синтаксисъ. Кіевъ. 1905. Стр. II + 106. Цѣна 50 коп."

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 8-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 80.—2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изданіе 7-е, А. Д. Ступина. М. 1906. Стр. 85 + 3.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изд. 6-е, А. Д. Ступина. М. 1906. Стр. 79. Цѣна каждой книги 25 коп."

— „*Воскресенскій, Е.* Теорія словесности. 5-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 158. Цѣна 60 коп."

— „*Добрынинъ, К. И.* Древній Востокъ и героическая Греція. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. IV + 176. Цѣна 80 коп."

— „*Ельницкій, К.* Очерки по исторіи педагогики. 7-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1905. Стр. 157. Цѣна 75 коп." (для женскихъ гимназій).

— „*Ивановъ, Г. И.* Начальный курсъ географіи. Часть 2-я. Азія, Африка, Америка, Австралія. Изданіе А. П. Слакскаго и Г. И. Иванова. С.-Пб. 1906. Стр. II + 132 + 6 картъ. Цѣна 75 коп."

— „*Киселевъ, А.* Дополнительныя статьи алгебры. 6-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. IV + 104. Цѣна 50 коп." (для дополнит. класса реальныхъ училищъ).

— „*Киселевъ, А.* Краткая алгебра. 8-е изд., В. В. Думнова. М. 1906. Стр. VI + 206. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Киселевъ, А.* Систематическій курсъ ариѳметики. Изд. 17-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. VI + 244. Цѣна 75 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Элементарная алгебра. Изд. 17-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. VII + 345. Цѣна 1 руб. 10 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Элементарная геометрія. Изд. 14-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. VIII + 307. Цѣна 1 руб. 10 коп.“

— „*Kozlowski*, ks. Historya święta dla użytku mlodziezy. Wydanie 17. Wilna. 1905. Cz. I. Historya św. starego testamentu. Стр. 264.— Cz. II. Historya św. nowego testamentu. Стр. 232. Цѣна каждой части 50 коп.“

— „*Kozlowski*. ks. Historya święta i katechizm dla dzieci. Wydanie 26. Wilna. 1905. Стр. 140. Цѣна 20 коп.“

— „*Kokowski*, Krótka składnia języka polskiego. Wydanie 3. Warszawa-Lodz. 1904. Стр. 50. Цѣна 30 коп.“

— „*Крафтъ, К.* Элементарная нѣмецкая грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изд. 7-е. Кіевъ. 1906. Стр. V + 126. Цѣна 40 коп.“

— „*Likowski*, ks. Katechizm rzymsko-katolicki większy. Podług ks. ks. *Deharba*. Warszawa. 1906. Стр. 255. Цѣна 80 коп.“

— „*Zunkiewicz*, ks. Wykład obrzędów i religijnych zwyczajów rzymsko-katolickiego kosciola. Wydanie 7. Wilna. 1899. Стр. 422. Цѣна не обозначена.“

— „*Петровъ, Конст. Ѳедор.* Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. С.-Пб. 1906. 1) Этимологія въ образцахъ. Изд. 12-е. Стр. 119 + III. Цѣна 40 коп.—2) Синтаксисъ въ образцахъ. Изд. 13-е. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“ (также для низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Pechnik*, ks. Zarys apologetyki. Lwów. 1901. Стр. 131 + II. Цѣна 1 руб.“

— „*Filipski*, ks. Historya Biblijna starego testamentu. Lodz. 1904. Стр. 326. Цѣна 90 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Баумбахъ, Рудольфъ.* Избранные разсказы. Обработалъ *К. Р. Берентъ.* (Избран. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей,

подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 3-е. С.-Пб. 1906. Стр. 102 + 1 (текста) + 83 + 6 (приложеній). Цѣна съ прилож. 60 коп. въ переплетѣ".

— „*Gahlnbäck, E.* Deutsches Lesebuch. St. Pbg. 1906. I. Teil. Стр. IV + 206.—II. Teil. Стр. IV + 195.—III. Teil. Стр. IV + 186. Цѣна каждой части 85 коп." (для старшихъ классовъ).

— „*Гауффъ.* Лихтенштейнъ. Романтическое сказаніе изъ исторіи Вюртемберга. Сокращенный текстъ. Обработалъ *К. Р. Берентъ.* (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е, испр. С.-Пб. 1906. Стр. 146 + 1 карта (въ текстѣ) + 120 + 6 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ прилож. 60 коп., въ перепл. 75 коп."

— „*Гладковъ, Б. И.* Толкованіе Евангелія. Изданіе И. Л. Тузова. С.-Пб. 1905. Стр. 686. Цѣна 1 руб. 60 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Daudet, Alphonse.* Le petit chose. Обработалъ *Б. Ѳ. Кленце.* (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е, испр. С.-Пб. 1906. Стр. 116 (текста) + 93 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 65 коп. въ перепл."

— „* * *. Lectures françaises à l'usage des classes élémentaires. St.-Pbg. 1907. 128 pages. Prix 20 cop."

— „*Мольеръ.* Скупой. Комедія. Объяснилъ *К. Л. Фельги.* (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 3-е. С.-Пб. 1906. Стр. 138 (текста) + 32 (словаря). Цѣна 60 коп. въ перепл."

— „*Покровскій, В. Д.* C. Julii Caesaris commentariorum de bello Gallico liber. III. Латинскій текстъ съ введеніемъ и словаремъ. Тифлисъ. 1906. Стр. 40 + 2 + 64. Цѣна 35 коп."

— „*Торнау, Н. Н.* Учебный историческій атласъ. Часть III. Новая исторія. 5-е изданіе. С.-Пб. 1905. Стр. 12 + табл. (XI—XIV). Цѣна въ папкѣ 55 коп."

— „*Шредеръ* и *Кулль.* Біологическія стѣнныя таблицы къ зоологіи. Вып. II. Пять таблицъ. Изданіе Н. Киммеля. Рига. 1906" (также для низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Storm, Theodor.* Pole Poppenspäler. Eine Erzählung (Russische Schulausgaben neuerer deutscher Schriftsteller, herausgeg. von *A. Allendorf.* № 1). Изд. маг. „Сотрудникъ школъ". М. 1906. Стр. VI + 128. Цѣна 60 коп." (для среднихъ классовъ).

2. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Барсуковъ, Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 20-я. С.-Пб. 1906. Стр. X + 401. Цѣна 2 руб. 50 коп."

— „*де-Волланъ, Григорій.* Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. 2-е, испр. и доп. изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1906. Стр. 566 + V. Цѣна 3 руб., въ перепл. 3 руб. 75 коп."

— „*Фребель, Фридрихъ.* Избранныя сочиненія. Томъ I. Воспитаніе человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго *И. Д. Городецкаго.* Изданіе К. И. Тихомирова. (Педагогическая библіотека). М. 1906. Стр. XIX + 326 + II. Цѣна 1 руб. 75 коп." (для старшаго возраста).

— „*Чарская, Л. А.* Газаватъ. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. II + 310 + II. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ коленк. перепл. 3 руб. 50 коп."

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Лукьяновъ, Н. С.* Физическій кабинетъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 4. Волнообразныя движенія. Опыты по акустикѣ. Полтава. 1906. Стр. 205 + 1. Цѣна 2 руб."—признать заслуживающей рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія посредствомъ особаго циркуляра учебно-окружнымъ начальствамъ для пріобрѣтенія всѣми учебными заведеніями, имѣющими физическіе кабинеты.

— Книгу: „*Комаровъ, В. Л.* Практическій курсъ ботаники. Часть I. Строеніе растеній. Спб. 1905. Стр. IV + 300. Цѣна 1 руб. 50 коп."—рекомендовать особымъ циркуляромъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Беллярминовъ, И.* Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изд. 33-е. С.-Пб. 1905. Стр. 361+1 карта. Цѣна 90 коп.“ (для городск. учил.).

— „*Ельницкій, К.* Методика начальнаго обученія отечественному языку. 19-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1905. Стр. 202+VI. Цѣна 75 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается меѳодика начальнаго обученія русскому языку, а также въ учит. библ. низш. уч. зав.).

— „*Зюкова, П. А.* Товарищъ. Книга для чтенія. 3-й годъ обученія. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 224. Цѣна 45 коп.“

— „*Keller, Jadwiga.* Nauka pissania i czytania. Warszawa. 1905. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Краткая ариѳметика. Изд. 10-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“ (для городск. учил. и низш. женск. уч. зав.).

— „*Павловъ Н.* Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Ч. 2-я. I. Числа до 1000. II. Числа любой величины. 11-е изд., А. А. Дубровина. Казань. 1906. Стр. 100. Цѣна 20 коп.“

— „*Плстеневъ, И.* Учебникъ географіи. 7-е изд. С.-Пб. 1905. Стр. 99. Цѣна 50 коп.“ (для городск. учил.).

— „*Пономаревъ, Н.* Родная земля. Книга для чтенія. Годъ 1-й. 6-е изд. С.-Пб. 1906. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“

— „*Filochowski,* ks. Krótki katechizm dla przygotowania dzieci do pierwszej spowiedzi i komunii świętej. Wydanie dwudzieste. Warszawa. 1905. Стр. 47. Цѣна 3 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ельницкій, К.* Условія успѣшности ученія въ начальной школѣ. 5-е изд., М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1906. Стр. 29. Цѣна 20 коп.“

— „*Запанковъ, Н. А.* Учитель народной школы. С.-Пб. 1906. Стр. 62. Цѣна 25 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. 1) Черноземная равнина—житница русской земли. Разсказъ. Стр. 39. Цѣна 12 коп.—2) Въ колосистой ржи. Разсказъ. Стр. 31. Цѣна 10 коп.—3) Въ лѣсной глуши. Разсказы. Стр. 31. Цѣна 10 коп.—4) Изъ лѣтописей зимы. Ошкуи. Глухарь. Разсказы. Стр. 45. Цѣна 15 коп.—5) Карпушкинъ родникъ. Разсказъ. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

— „*Бухаревъ, І.* Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною греко-россійскою церковію, и сказанія о всѣхъ праздникахъ православной церкви и чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы. Изд. 4-е, вновь испр. и доп. М. 1903. Стр. IV+776. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Диккенсъ, Ч.* Колокола. Повѣсть. Съ англ. изложила *В. Т.* М. 1898. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Елисѣевъ, М.* По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи. Изд. 4-е, Р. І. Сератова. М. 1906. Стр. 440. Цѣна 1 руб.“

— „Иностранные народные поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Р. Борнсъ, П. Беранже, А. Петёфи, А. Негри, М. Конопницкая, І. Амброзіусъ. Подъ ред. *И. А. Бѣлоусова.* М. 1906. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“

— „*Литвиненко, П.* 1) Въ краю родномъ. М. 1906. Стр. 31. Цѣна 25 коп.—2) Въ лѣтній день. М. 1905. Стр. 30. Цѣна 25 коп.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Зернышки. Сборникъ разсказовъ и сказокъ. Изд. 3-е, т-ва Сытина. М. 1905. Стр. 103.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Къ свѣту. Повѣсть. (Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина). Изд. 2-е. М. 1905. Стр. 107. Цѣна 8 коп.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Любимые друзья. Сборникъ разсказовъ. Изд. т-ва Сытина. М. 1905. Стр. 127.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Труженики. Сборникъ разсказовъ. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 253. Цѣна 1 руб.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Ясное солнышко и др. разсказы и повѣсти. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 245. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Львова, М. А.* Свящ. исторія для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. VIII+167.“

— „*Митропольскій, П.* «Малиновый» звонъ. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Осада Севастополя. (Сокращено по «Разсказамъ о Севастопольской оборонѣ» Льва Толстого). № 31. М. 1903. Стр. 64.“

— „*Порѣцкій, С. А.* Давайте работать! Практическое руководство къ тому, какъ научиться самому работамъ картонажнымъ, переплетнымъ, столярнымъ, токарнымъ по дереву, выпиливанію и рѣзьбѣ по дереву, слесарнымъ, токарнымъ и др. работамъ по металлу, гальванопластикѣ, формованію изъ металла, гипса и цемента, изготовленію моделей кораблей и настоящихъ лодокъ и изготовленію физическихъ приборовъ. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. VII+144+154+223. Цѣна 2 руб. 80 коп.“

— „*Рёскинъ, Джонъ.* Царь Золотой рѣки или Черные братья. Штирійская сказка. Съ англ. № 405. М. 1903. Стр. 64.“

— „*Сенкевичъ, Г.* Орсо. (Мальчикъ Геркулесъ). Разсказъ. Переводъ *Н. Васина.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1906. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Слава Севастополя. Сборникъ къ 50-тилѣтію Севастопольской войны. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Б-ка для семьи и школы). М. 1906. Стр. 79. Цѣна 25 коп.“

— „*Твенъ, М.* Принцъ и нищій. Съ англ. по Марку Твену передѣлала *С. Бурэ.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 176. Цѣна 30 коп.“

— „*Толстой, Левъ.* Три смерти. Разсказъ. № 100. М. 1904. Стр. 32.“

— „*Тулуповъ, Н. В.* Собраніе родныхъ сказокъ. По Аѳанасьеву и др. сборникамъ. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 254. Цѣна 1 руб.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Бѣдные индусы. Повѣсть. (Русская библіотека Вольфа, № 23). С.-Пб. 1904. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующую книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Павловъ, А.* Практическій курсъ краткой грамматики церк.-слав. языка новаго періода. 4-е изд., Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1905. Стр. 143+III. Цѣна 50 коп." (для городск. учил., съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ся изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру *В. Л. Анцова*, подъ заглавіемъ: „Золоченіе и серебреніе по дереву и металлу. Съ 14 рис. Изд. 2-ое С.-Пб. 1905 г. Цѣна 30 коп.", допустить въ библіотеки ремесленныхъ училищъ всѣхъ типовъ и ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ училищахъ.

— Книгу *С. Порьцкаго*, подъ заглавіемъ: „Давайте работать! Выпускъ третій. М. 1904 г.",—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ ремесленныхъ школъ и ремесленныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ.

— Книгу „*М. Фельзбергъ*. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. Перев. съ вновь переработаннаго нѣмецкаго изданія; изд. 2-е. К. А. Казначеева. М. 1906 г. Цѣна 60 коп.",—признать пригодною для библіотекъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, указавъ при этомъ, однако, на необходимость пониженія несоотвѣтственно высокой цѣны книги.

— Книгу *А. Баранова*, подъ заглавіемъ: „Наблюденіе надъ погодой при помощи упрощенныхъ метеорологическихъ приборовъ. С.-Пб. 1905 г. Цѣна 40 коп.", — допустить какъ пособіе въ сельскохозяйственно-техническія и ремесленныя учебныя заведенія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ [1]).

— „*Алтаевъ, Ал.* Въ новый міръ. Историч. повѣсть. 2-е изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Б-ка для семьи и школы). М. 1906. Стр. 191. Цѣна 50 к.“

— „*Бухаревъ, I.* Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною греко-россійскою церковію, и сказанія о всѣхъ праздникахъ православной церкви и чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы. Изд. 4-е, вновь испр. и доп. М. 1903. Стр. IV+776. Цѣна 1 р. 50 к.“

— „*Васинъ, Н.* Страна черныхъ христіанъ. (Описаніе Абиссиніи — ея жителей и природы). Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 64. Цѣна 15 к.“

— „*Велерсъ, Г.* Современная Японія. Переводъ *И. Армандъ*. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 258. Цѣна 1 р.“

— „*де-Волланъ, Григорій.* Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. 2-е, испр. и дополн. изд., т-ва М. О. Вольфъ. С.-П. 1906. Стр. 566+V. Цѣна 3 р., въ перепл. 3 р. 75 к.“

— „*Гладковъ, Б. И.* Толкованіе Евангелія. Изданіе И. Л. Тузова. С.-Пб. 1905. Стр. 686. Цѣна 1 р. 60 к.“

— „*Головинъ, Н. Б.* Исторія 349-ти великихъ дней. Оборона Севастополя въ очеркахъ для юношества. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1905. Стр. 38. Цѣна въ перепл. 75 коп.“

— „*Дилевская, Н.* Черноморскія степи. (Геогр. Комиссія при

---

[1]) Въ силу Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1905 г., безплатныя народныя читальни, въ отношеніи своего книжнаго состава, подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библіотекахъ. Желая однако содѣйствовать завѣдывающимъ означенными учрежденіями лицамъ въ выборѣ подходящихъ книгъ, министерство предложило ученому комитету продолжать дѣятельность по разсмотрѣнію произведеній печати и публиковать списки тѣхъ книгъ, которыя по своему содержанію могутъ быть доступны и полезны, а потому наиболѣе желательны въ народной библіотекѣ.

Съ такою же цѣлью ученымъ комитетомъ будетъ изданъ въ непродолжительномъ времени каталогъ вышедшихъ въ прежнее время, начиная съ 1891 г., книгъ въ различныхъ изданіяхъ, признанныхъ наиболѣе подходящими по своей дешевизнѣ и качествамъ.

учебн. отдѣлѣ общ. распростр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 127+1 карта. Цѣна 40 к."

— „*Елисѣевъ, М.* По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи. Изд. 4-е, Р. І. Нератова. М. 1906. Стр. 440. Цѣна 1 руб."

— „Житія святыхъ, на русскомъ языкѣ изложенныя по руководству Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго. Книга 7-я. Изд. Московской Синодальной типографіи. М. 1906. Стр. 750. Цѣна 2 р. 10 к."

— „*Засодимскій, П.* Бывальщины и сказки. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 240. Цѣна 1 р. 25 к."

— „*Ивановъ, И. М.* Петръ Великій. Его жизнь и государственная дѣятельность. Біогр. очеркъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біогр. б-ка Ф. Павленкова). С.-Пб. 1898. Стр. 69. Цѣна 25 к."

— „*Ивановъ, Ив. Ив.* Святой король Франціи и его время. 2-е изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». (Б-ка для семьи и школы). М. 1906. Стр. 203. Цѣна 50 коп."

— „Иностранные народные поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Р. Борнсъ, П. Беранже, А. Петёфи, А. Негри, М. Конопницкая, Г. Амброзіусъ. Подъ ред. *И. А. Бѣлоусова*. М. 1906. Стр. 52. Цѣна 30 коп."

— „*Оночининъ, Е. Н.* Сказъ про птичьяго ловца Никитку. Изъ эпохи голландскаго посольства 1676 г. къ Московскому царю. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». (Б-ка для семьи и школы). М. 1906. Стр. 320. Цѣна 1 р."

— „Простая душа. Разсказъ. (Изъ жизни польскихъ рабочихъ по разсказу Бол. Пруса). № 141. М. 1904. Стр. 64."

— „Слава Севастополя. Сборникъ къ 50-илѣтію Севастопольской войны. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». (Библіотека для семьи и школы). М. 1906. Стр. 79. Цѣна 25 коп."

— „*Троицкій, Д. И.* Севастополь. Очерки и разсказы изъ исторіи Крымской войны. С.-Пб. 1905. Стр. 348+1 карта. Цѣна 1 р."

— „*Филиппов, М. М.* М. Д. Скобелевъ. Его жизнь и дѣятельность, военная, административная и общественная. Біогр. очеркъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біогр. б-ка Ф. Павленкова). С.-Пб. 1894. Стр. 96. Цѣна 25 коп."

— „*Хитрово, Т. Л.* Уралъ. (Геогр. Комиссія учебн. отдѣла общ. распростр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 142+2 карты. Цѣна 40 коп."

— „*Чарская, Л. А.* Газаватъ. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историч. повѣсть. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. II+310+II. Цѣна 2 р. 75 коп., въ коленк. перепл. 3 р. 50 коп.“

— „*Энгельгардтъ, М. А.* 1) Н. Коперникъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біограф. очеркъ. С.-Пб. 1892. Стр. 69. Цѣна 25 коп.— 2) Жоржъ Кювье, его жизнь и научная дѣятельность. Біограф. очеркъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1892. Стр. 79. Цѣна 25 коп. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. б-ка Ф. Павленкова).„

XI. ИЗВѢЩЕНІЕ.

Постоянною комиссіею народныхъ чтеній (Екатерининскій каналъ, 14) выпущены въ свѣтъ новыя чтенія:

1. „Бесѣда о государственномъ совѣтѣ и совѣтѣ министровъ. Съ 2-мя портретами и рисункомъ. Цѣна 8 коп.

2. „О забастовкахъ. Какъ относятся къ нимъ въ разныхъ государствахъ“, А. В. Ососова. Цѣна 10 коп.

3. „Чужое добро въ прокъ не идетъ“. По драмѣ А. А. Потѣхина. Разсказалъ А. Н. Канаевъ. Съ 6-ю рисунками. Цѣна 10 коп.

4. Разсказы Сѣверцова-Полилова: „Возрожденіе“, „Въ рудникѣ“ и „У паровоза“. Цѣна 10 коп.

Приняты на складъ:

1. „Малоземелье и какъ съ нимъ бороться“. Изданіе 2-ое А. В. Ососова. Цѣна 10 коп.

2. „О налогахъ“. А. В. Ососова. Цѣна 15 коп.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМІРА ИМѢЕТСЯ ВАКАНСІЯ ЛЕКТОРА АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Для замѣщенія этой должности историко-филологическій факультетъ университета назначаетъ съ 1-го іюня конкурсъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, приглашаются подать о томъ заявленія декану историко-филологическаго факультета не позже 1-го сентября 1906 года.

2) При заявленіи должны быть представлены: а) аттестатъ или

свидѣтельство объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія или гимназіи въ Россіи или за границей или же дипломъ на степень бакалавра; б) рукописное или печатное сочиненіе по англійскому языку или по литературѣ.

3) Лица, явившіяся кандидатами на должность лектора, должны въ присутствіи членовъ историко-филологическаго факультета: а) защищать представленныя ими сочиненія и извлеченные изъ нихъ тезисы и б) прочитать двѣ пробныя лекціи, одну по языку, другую по исторіи литературы.

4) Конкурсное испытаніе будетъ произведено въ октябрѣ 1906 года.

Примѣчаніе: Лекторы иностранныхъ языковъ въ Императорскихъ университетахъ получаютъ содержанія 1000 рублей въ годъ, числятся въ должности VIII класса и въ отношеніи къ пенсіи пользуются правами учебной службы.

ПУШКИНЪ И Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

I.

Мы очень ревниво относимся къ Пушкину какъ къ поэту; настолько ревниво оберегаемъ мы его славу, что, въ преклоненіи передъ его „самобытностью“, признаемъ лишь съ большими оговорками кратковременное плѣненіе его фантазіи нѣкоторыми міровыми геніями. Среди же своихъ современниковъ онъ для насъ всегда корифей и вдохновитель. И въ самомъ дѣлѣ, про кого изъ его сверстниковъ можно сказать, что онъ подчинилъ себѣ хоть на мгновеніе эту геніальную натуру? Когда рѣчь идетъ о направленіи мыслей Пушкина, то такіе вліятельные собесѣдники найдутся, въ очень, правда, ограниченномъ числѣ. Назовемъ хоть Чаадаева, Грибоѣдова, В. Одоевскаго и Императора Николая Павловича, который на своей утренней прогулкѣ въ Лѣтнемъ саду любилъ встрѣчаться съ Александромъ Сергѣевичемъ. Но образъ мыслей не создаетъ поэта. А кто кромѣ стариковъ—Жуковскаго и Батюшкова—могъ въ поэзіи Пушкина услыхать свои звуки, не говоря уже о цѣлой мелодіи? Никто повидимому.

II.

Въ 1828 году стихотвореніе Пушкина „Чернь“ облетѣло всю грамотную Россію. Оно въ разныхъ кругахъ нашло себѣ восторженныхъ декламаторовъ и на первыхъ порахъ не возбудило ни въ комъ никакого иного чувства, кромѣ эстетическаго. Стихотвореніемъ наслаждались, и въ него мало вдумывались. Затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, стали вдумываться, а въ шестидесятыхъ на него озлобились. Поэта привлекли къ общественному суду за оскорбленіе словами—публики,

„толпы", и къ суду нравственному за чрезмѣрную гордыню и самомнѣніе. Разбирательство дѣла за невозможностью выслушать самого обвиняемаго тянулось долго и было въ концѣ концовъ не рѣшено, а предано забвенію. Судьи удовольствовались для виду однимъ объясненіемъ, которое было выдвинуто защитниками поэта. Защитники говорили, что Пушкинъ, такъ неучтиво обругавшій толпу, вовсе не имѣлъ въ виду народную толпу, непросвѣщенную, но алчущую свѣта; что онъ совсѣмъ не думалъ о „массѣ читателей", которая ждала его слова и просила его о помощи; и что всѣмъ своимъ гнѣвомъ и бранью поэтъ обрушился на голову той „улицы"—хотя бы весьма фешенебельно одѣтой и даже съ лоскомъ культуры,—„улицы", которая кишитъ самодовольными пошляками или поклонниками буржуазнаго pot au feu—того самаго „горшка", о которомъ говорится въ стихотвореніи. Такое объясненіе могло быть принято только при желаніи поскорѣй покончить съ навязчивымъ вопросомъ. Оно неудачно. Едва ли улица станетъ расписываться въ томъ, что она „коварна, безстыдна, малодушна, глупа и на клевету способна"—какъ себя аттестуетъ толпа въ стихотвореніи, да и помимо этого было бы очень обидно, если бы это глубокое по смыслу стихотвореніе было навѣяно лишь чувствомъ раздраженія поэта противъ пошляковъ, то есть противъ величины ирраціональной въ жизни; хотѣлось бы думать, что оно актъ глубокой мысли на тему вполнѣ раціональную.

III.

И мы имѣемъ всѣ основанія предположить, что стихотвореніе „Чернь" возникло не случайно и что его созданію предшествовала долгая незримая работа ума и сердца поэта—работа, которая, легко могло быть, воспользовалась какимъ-нибудь подвернувшимся предлогомъ, чтобы заставить художника всѣ ея выводы сразу воплотить въ образахъ.

Если мы хотимъ озадачить художника, намъ стоитъ только обратиться къ нему серьезно съ вопросомъ, кто онъ, и какъ понимаетъ онъ свое призваніе въ мірѣ? Нѣтъ болѣе труднаго вопроса, быть можетъ потому, что таинство творчества для людей вообще неуловимо и не объяснимо, какъ, напримѣръ, самый актъ сознанія или познанія, И какъ говорить о назначеніи поэта въ жизни, когда назначеніе самой жизни намъ неизвѣстно? Правда, критики издавна объясняли это міровое назначеніе поэзіи въ безчисленной вереницѣ увѣсистыхъ книгъ,

но имъ какъ-то плохо вѣрится. Правильнѣе было бы допросить самихъ поэтовъ, но почти всѣ они, за самыми ничтожными исключеніями, всегда уклоняются отъ прямого и исчерпывающаго отвѣта или говорятъ о томъ, чѣмъ бы они хотѣли быть въ мірѣ, т. е. фантазируютъ, и отсутствіе понятія замѣняютъ арабесками красивыхъ словъ...

Но отмахнуться отъ этого вопроса о своемъ призваніи поэтъ не можетъ; и отвѣчаетъ онъ на него по мѣрѣ силъ—тайно или гласно, наивно или глубокомысленно—но отвѣчаетъ. По этимъ отвѣтамъ можно судить о ростѣ его самосознанія, а по впечатлѣнію, какое эти отвѣты производятъ на его поклонниковъ, о степени ихъ сознательнаго отношенія къ искусству.

Первый изъ русскихъ художниковъ, который далъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, достойный самого вопроса, былъ Пушкинъ, и отвѣтъ этотъ, что весьма характерно, сводился къ словамъ: „подите прочь". Нужно замѣтить однако, что наши поэты не всегда были такъ сердиты и что самъ Пушкинъ, прежде чѣмъ написать свой „Ямбъ", былъ и нѣженъ и привѣтливъ со своими слушателями, даже съ такими, которые вокругъ него случайно „толпились".

Карамзинъ—самъ не поэтъ, но влюбленный въ поэта—очень высоко ставилъ художника. „Кисть, рѣзецъ, струна и гласъ совершили въ мірѣ все великое—говорилъ онъ. Люди рычали какъ звѣри и какъ камень были ихъ сердца, пока поэзія не облагородила ихъ и не способствовала установленію среди нихъ общественно-гуманныхъ отношеній" (Стихотвореніе „Дарованія"). „Истинный поэтъ всегда хорошій человѣкъ,—продолжалъ умиленно Карамзинъ—какъ дурной человѣкъ никогда не можетъ быть хорошимъ авторомъ („Что нужно автору").. Положимъ, поэтъ бываетъ капризенъ и измѣнчивъ какъ прудъ „подъ дыханьемъ вѣторка" („Протей или не согласія стихотворца"), но эту вольность простить ему можно. „Двѣ роли отведены художнику въ жизни. Онъ либо искустный лжецъ—тогда онъ „играетъ мечтой среди бѣдной существенности", тогда онъ—хитрый чародѣй, который „изъ цвѣтка творитъ красавицъ, производитъ на соснѣ розы, находитъ въ крапивѣ нѣжный миртъ и строитъ замки изъ песка" („Къ бѣдному поэту"). „По поэтъ не только мечтатель, но и наставникъ, однако мирный наставникъ, чуждый гнѣва и воинственнаго пыла".

Карамзинъ при его оптимизмѣ, при увѣренности, что Богъ обратитъ все къ цѣли общаго блага, и что вѣра должна упокоить доброе

сердце, „возмущенное странными феноменами на театрѣ міра“ („Филалетъ къ Мелодору“), рекомендовалъ поэту полное спокойствіе духа. „Безъ гнѣва обличай порокъ“ говорилъ онъ („Опытная Соломонова мудрость“) и если нельзя уберечься отъ гнѣва, то уйди и стань поодаль и „взирай на обманчивый міръ“ („Къ самому себѣ“). Если мы не можемъ перемѣнить людей, то предадимъ на волю рока мрачный свѣтъ, построимъ себѣ тихій кровъ за мирной сѣнію лѣсовъ, гдѣ бы могли издали гнушаться порокомъ („Посланіе къ Дмитріеву“). Все равно. Съ Платономъ и Питтакомъ и Зенономъ не учредишь республикъ, а потому уйдемъ подальше... Но остаться въ свѣтѣ мы все-таки должны, а потому смиримся. Блаженъ, у кого самыя скромныя желанія, кто подъ солнцемъ имѣетъ *свой* домикъ и мысли вдаль не простираетъ, кто *„отъ скуки“* призываетъ музъ и *забавляетъ* себя, домашнихъ и чужихъ стихами („Посланіе къ А. Л. Плещееву“).

Неудивительно, что сентименталистъ, проповѣдуя такую эпикурейскую, хоть и безобидную мораль, готовъ былъ искусству, этому „глаголу боговъ“, приписать въ обществѣ охранительную миссію и признать въ немъ панацею противъ возмущенія, уже не души человѣческой только, а всякаго возмущенія соціальнаго. Искусство должно было, по понятію Карамзина, служить къ умиротворенію умовъ и заглаживать шероховатости общественной жизни. „Всѣ люди, писалъ Карамзинъ, могутъ наслаждаться плодами искусства и науки, а кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ,—спокойнѣйшимъ говорю: ибо, находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь. Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе—и просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжной своей подругой, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго сатрапа“ („Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи“).

Такъ разсуждалъ о поэтѣ и объ искусствѣ тотъ писатель, на сентиментальномъ настроеніи котораго воспиталось все наше молодое поколѣніе начала XIX вѣка. Радость въ мечтахъ, а иногда и грусть въ мечтахъ, уединеніе и прежде всего доброе сердце,—вотъ душевный, внутренній міръ поэта,—оазисъ среди шумнаго и порочнаго міра внѣшняго...

Приблизительно этихъ же взглядовъ на роль поэта въ жизни держался и Жуковскій, хотя онъ былъ настоящій поэтъ,—чѣмъ Карам-

зинъ не былъ—и хотя онъ и признавалъ искусство, вопреки традиціи XVIII в., совсѣмъ особой самостоятельной областью духовнаго творчества, независимой, и себѣ довлѣющей. Это инстинктивное признаніе и ощущеніе художника Жуковскій однако въ стихахъ не оформилъ: только подъ конецъ своей жизни, когда мистика и піэтизмъ совсѣмъ овладѣли его душой, онъ нашелъ наконецъ формулу, въ которую задумалъ втиснуть все содержаніе поэзіи. Онъ сказалъ тогда, что поэзія есть „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“ и хотѣлъ сказать этимъ, что какъ Богъ есть полнота всѣхъ совершенствъ въ мірѣ—сліяніе добра, красоты и истины, такъ и поэзія есть воплощеніе всѣхъ этихъ великихъ благъ въ звукахъ и образахъ, воплощеніе безкорыстное, служащее само себѣ цѣлью. Не своеволіе, не тщетный призракъ—поэта зоветъ самъ Богъ, и онъ къ великому долженъ стремиться смиренно. Само творчество есть великая непроницаемая тайна. Вдохновеніе есть общеніе избраннаго человѣка съ Богомъ, молитва за людей, предвкушеніе лучшей жизни, даръ прозрѣнія будущаго, даръ пониманія прошлаго. Это великая тайна, безъ которой, однако, наша земная жизнь была бы лишена лучшаго своего украшенія, своего смысла и счастія... Такъ думалъ Жуковскій о поэзіи подъ старость, когда пытался осмыслить весь пройденный имъ путь; но въ юности онъ думалъ иначе. Поэтъ былъ тогда въ его глазахъ въ достаточной степени свѣтскимъ человѣкомъ. Правда, за поэтомъ оставалось въ жизни очень почетное мѣсто, которое его обязывало смотрѣть на міръ серьезными очами и ни на минуту не забывать, что онъ избранникъ. Въ людяхъ онъ долженъ былъ возбуждать самыя возвышенныя и добрыя чувства. Но въ общемъ эта отвѣтственная задача была ему облегчена тѣмъ, что само служеніе искусству было источникомъ великихъ радостей, великаго покоя. Муза для избранника всегда желанная гостья, мирная и добрая, и въ бесѣдѣ съ ней онъ страданій не знаетъ. А если онъ рѣшится совсѣмъ отстраниться отъ толпы—что̀ и есть высшая мудрость поэта, то онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

„Поэзія есть тихая прелесть и очарованіе души“, говорилъ молодой Жуковскій; она веселая спутница: радость, фантазія; „веселая супруга“, дающая неизмѣнное счастіе, „утѣха, прибѣжище, вѣрная спутница и въ счастіи и въ горести“ („Моя богиня“ 1809 г.). Она гостья, за которой по пятамъ слѣдуютъ любовь и дружба, всегда имѣющія „безсмѣнный постой“ у поэта, за „заборомъ, которымъ онъ оградилъ себя отъ міра“ („Посланіе къ Батюшкову“ 1812 г.). Въ обитель поэта поэзія входитъ, конечно, не только въ сопровожденіи

веселыхъ чувствъ, но и генія, науки и вкуса. Непосвященной толпѣ нѣтъ дороги туда, куда зашли эти гости („Посланіе къ Батюшкову" 1812 г.).

Но радости и всякія преимущества обязываютъ. Служеніе поэта музамъ должно быть ихъ достойно. Музы дружатъ только съ „добромъ". Чистота младенца должна въ душѣ поэта слиться съ величіемъ свободы и только для неизмѣнныхъ благъ должна быть открыта его душа („Посланіе къ Батюшкову" 1812 г.). Кому дано „бряцаніемъ стройнымъ лиры переливать въ сердца любовь къ добру, тотъ на землѣ не тщетный обитатель". Въ стремленіи къ возвышенному и царь, и судья, и поэтъ, и воинъ, — равны. „Всѣмъ на добро одни права даны: любить добро и пѣть его на лирѣ"; вотъ—все („А. Н. Арбеневой" 1812 г.). Такая роль требуетъ большого самообладанія: за славой не нужно гнаться. „Независимо, въ тиши уютнаго уединенія, съ ясной душой надо пѣть для музъ, для наслажденія" („Къ Вяземскому и Пушкину" 1814 г.). Тотъ, чью колыбель боги осѣнили парнасскимъ лавромъ, тотъ посреди общественныхъ явленій, невидимый толпѣ, идетъ куда влечетъ его крылатый геній и все наслѣдіе свое— великолѣпный свѣтъ — облетаетъ онъ на могучихъ крыльяхъ, повсюду зря красу и благо" („Посланіе къ Вяземскому" 1814 г.).

Такъ размышлялъ Жуковскій о поэзіи, когда помыслы его не были еще всецѣло обращены къ небу. Какъ видимъ, эти думы отличаются отъ думъ Карамзина лишь болѣе изящной, поэтической отдѣлкой и бóльшей поэтической глубиной. Поэтъ—тотъ же мечтатель, любитель уединенія, служитель добра по преимуществу. Правда—и въ этомъ Жуковскій былъ отчасти новаторъ—его пѣвецъ, слѣдуя примѣру самого автора, въ юности любилъ носить доспѣхи и сражался за родину. За вычетомъ этого „браннаго подвига" пѣвецъ Жуковскаго—сентиментальный мечтатель, искренно и глубоко чувствующій, но о призваніи своемъ имѣющій представленіе довольно несложное и простодушное. Это представленіе не соотвѣтствовало той глубинѣ дарованія, какимъ располагалъ Жуковскій.

Силенъ былъ какъ талантъ и Батюшковъ, но и онъ не съумѣлъ опредѣлить себѣ цѣну. Его пластичная поэзія избѣгала разсужденій. Онъ хотѣлъ дѣйствовать не на умъ, а на зрѣніе и на слухъ своихъ слушателей. Когда же ему случалось прославлять свою богиню— „мечту, эту душу поэтовъ и стиховъ", то новизной его гимны не блистали. Мечта утѣшала, мечта радовала, мечта требовала уединенія. Поэтъ презиралъ „свѣтъ и блескъ пустой славы" и шелъ „забвенія

тропой" („Мечта" 1802—3, и 1817 г.). Поэзія какъ сладостный нектаръ была пріятна и полезна... и враждовала съ наукой, скучной и такъ часто возбуждающей въ насъ гнѣвное чувство противъ жизни („Посланіе къ Н. Гнѣдичу" 1805 г.). Поэзія для Батюшкова—всегда мечта, словно въ мечтаніи заключена вся сущность искусства. Но Батюшковъ неохотно поручалъ поэту другія роли и говорилъ о нихъ вскользь—потому что самъ былъ по преимуществу тихій мечтатель и эстетикъ въ очень тѣсномъ смыслѣ этого слова.

IV.

О томъ, какъ должно понимать призваніе поэта, часто говорилъ и Пушкинъ, говорилъ при случаѣ, отдаваясь свободно впечатлѣніямъ бытія, пока для него еще новымъ. Никто до него не былъ о поэзіи столь высокаго мнѣнія и никто не скрывалъ такъ тщательно въ обыкновенныхъ бесѣдахъ своихъ мыслей объ этомъ предметѣ, какъ онъ. Онъ боялся, должно быть, какъ бы ему не надоѣли разспросами. „Стихотворство мое ремесло,—говорилъ онъ, отрасль чистой промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе; какъ скоро стихи написаны, я уже смотрю на нихъ какъ на товаръ, по столько то за штуку" (1824 г.). Мы будемъ очень наивны, если надъ этими словами станемъ ломать голову. Они именно затѣмъ и сказаны, чтобы избавить себя и другихъ отъ необходимости подумать.

И Пушкинъ не думалъ, а творилъ, и въ этомъ творчествѣ открывались для поэта все новые и новые горизонты. Сначала, по примѣру старшихъ, онъ хотѣлъ быть „эпикурейскимъ отшельникомъ" и въ свою пустыню звалъ веселую гостью, поэзію, для забавы, конечно... („Сонъ" 1816 г.). Иной разъ печаль любви была его вдохновительницей... („Пѣвецъ"). Но поэтъ возмужалъ очень скоро и на самой зарѣ своей сознательной жизни сталъ смутно понимать, къ сколь великой тайнѣ онъ приблизился. Съ трепетомъ склонилъ онъ предъ музами колѣни, грудь его исполнилась отважной вѣры и мечтой полетѣлъ онъ къ „безвѣстному". Это „безвѣстное" чуялось ему въ твореніяхъ великихъ геніевъ. Оно было нѣчто непонятное, но таинственно величавое („Къ Жуковскому" 1817 г.). Мало по малу подъ давленіемъ идей и настроеній своей эпохи это таинственное начинало принимать опредѣленныя формы. Поэтъ разрѣшалъ себѣ проповѣдь общественныхъ взглядовъ („Деревня" 1819 г.), доходилъ въ этой проповѣди до рѣзкой политической пропаганды („Вольность" 1820 г.), но очень скоро и рѣшительно отъ такого расширенія компетенцій поэта отказался.

Онъ съ благодарностью вспомнилъ вновь о „мирныхъ пѣсняхъ фригійскихъ пастуховъ" („Муза" 1821 г.) и отдалъ въ послѣдній разъ должное поэту-борцу и общественному дѣятелю („Кинжалъ" 1821 г.). Пушкинъ склонился въ смиреніи передъ тайной искусства и сталъ говорить о призваніи поэта въ очень неопредѣленныхъ словахъ, но все болѣе и болѣе подчеркивая ту рознь и то непониманіе, которое ссоритъ поэта съ его слушателями. Какой грустью звучатъ, напримѣръ, извѣстные стихи:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья,
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной черню забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ („Разговоръ" 1824 г.).

„Презрѣнная чернь" начинаетъ пугать поэта и онъ понимаетъ, что онъ носитель какой-то тайны, которая дѣлаетъ его чужимъ для людей. Столь недавно еще любимый образъ поэта-мечтателя, въ уединеніи славящаго красу вселенной, смѣняется въ мечтахъ Пушкина кровавымъ призракомъ Андре Шенье, непонятаго толпой и казненнаго во имя той свободы, которой онъ служилъ всю свою краткую жизнь. Дикая, разбушевавшаяся толпа, она не понимаетъ, чью кровь она пролила на плахѣ („Шенье" 1825 г.). Но какъ бы ни былъ великъ гнѣвъ поэта на толпу, неужели бросить ее на произволъ судьбы и не сказать ей того слова, которое въ сущности принадлежитъ не поэту, а дано ему свыше, вложено въ его уста шестикрылымъ серафимомъ? Каковы бы ни были страданія и разочарованія художника, онъ долженъ, обходя моря и земли, жечь сердца людей своимъ глаголомъ („Пророкъ" 1826 г.).

Онъ долженъ — это вѣрно, но онъ чувствуетъ иногда, что онъ этого не можетъ.

Стбитъ ли толпа любви, состраданья? Не лучше ли, отдавъ суетѣ міра—неизбѣжной, ежедневной суетѣ—слѣдуемую ей дань, бѣжать отъ людей, какъ только почувствуешь вѣяніе вдохновенія и приближающійся раскатъ божественнаго глагола? Какъ пробудившійся орелъ— поэтъ тоскуетъ среди людей:

Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира

Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы... („Поэтъ" 1827 г.).

Но бѣжать отъ вопроса, не значитъ рѣшить его. Дубрава не убережетъ пѣвца, потому что встрѣча съ людьми неизбѣжна. Народъ все-таки будетъ надменно и хладно внимать поэту, онъ будетъ приставать съ вопросами и глумиться надъ его „бренчаньемъ". Онъ потребуетъ у поэта отчета въ томъ, что онъ говоритъ. Онъ пожелаетъ получить наставленіе, чтобы использовать его. Что сказать этой толпѣ? И у поэта сорвалось съ устъ жестокое слово: „подите прочь и каменѣйте въ развратѣ смѣло"; „безумные рабы довольствуйтесь бичами, топорами и темницами и оставьте мнѣ свободу сладкихъ молитвъ и звуковъ" („Чернь" 1828 г.). Кажется, что это былъ послѣдній отвѣтъ толпѣ, отвѣтъ, который художникъ не подвергалъ больше пересмотру. Въ своихъ стихахъ онъ этой темы о призваніи поэта коснулся еще только однажды и повторилъ свои прежнія слова, правда не столь гнѣвно. „Ты самъ свой высшій судъ—сказалъ онъ тогда поэту, какое тебѣ дѣло, тебѣ, взыскательному художнику, что толпа плюетъ на твой алтарь и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ?" („Поэту" 1830 г.).

Какой же смыслъ заключенъ въ этихъ горделивыхъ словахъ, а, главное, въ чемъ ихъ оправданіе?

V.

Изъ всѣхъ приведенныхъ стихотвореній видно, что художникъ никакъ не могъ примирить понятіе о поэтѣ какъ властителѣ съ понятіемъ о немъ какъ о служителѣ. Самостоятельный ли онъ хозяинъ въ своемъ царствѣ мечты, не отдающій никому ни въ чемъ отчета, или это самовластіе только призрачное, и поэтъ наравнѣ съ другими есть часть одного цѣлаго и потому ради этого цѣлаго живетъ и дѣйствуетъ? Пушкинъ въ концѣ концовъ призналъ себя вполнѣ самовластнымъ и самостоятельнымъ и, повидимому, на этомъ рѣшеніи успокоился.

Но едва ли это успокоеніе далось ему такъ легко, какъ намъ это кажется. Да и вполнѣ понятно. Самовластно владѣть другими и давать имъ чувствовать свою власть—для художника высшая награда; но чувствовать себя самовластнымъ и не имѣть съ другими ника-

кихъ точекъ соприкосновенія—быть царемъ въ царствѣ мечты и не существовать для земли—было бы для него большимъ несчастіемъ. А между тѣмъ сказать всѣмъ людямъ: „подите прочь! какое мнѣ до васъ дѣло, оставьте мнѣ молитвы и каменѣйте въ развратѣ“, т. е. и не дѣлайте никакой попытки понять меня—не значило ли это между собой и міромъ положить грань навсегда непроходимую? Могъ ли этого желать художникъ? Едва ли. Надо думать, что, отстраняя „чернь“ отъ себя и изгоняя ее изъ храма, онъ все-таки оставался при убѣжденіи, что этотъ храмъ построенъ для нея и ей нуженъ, и что онъ—молясь въ сладкихъ звукахъ—молится за нея и ей на пользу. Стихотвореніе „Чернь“ выражало не разрывъ съ толпой, а лишь приказаніе ей не мѣшать поэту дѣлать свое дѣло. Естественно, что объ этомъ дѣлѣ надлежало поэту подумать и очень серьезно, прежде чѣмъ такъ категорически требовать невмѣшательства со стороны всѣхъ окружающихъ. Не забудемъ также, что это требованіе высказано Пушкинымъ въ 1828 году, когда еще не улеглась совсѣмъ тревога его юнаго духа, когда въ душѣ его была еще жива память о недавнихъ годахъ либеральничанья, политиканства, фрондерства и увлеченія байроническими мотивами всевозможнаго протеста. Если тотчасъ вслѣдъ за этими бурными годами художникъ вдругъ заговорилъ такъ увѣренно и убѣжденно о своемъ правѣ на „сладкія“ пѣсни, то, очевидно, онъ долго и много думалъ о цѣнѣ такихъ мирныхъ пѣсенъ, далекихъ отъ всякой злобы дня, злобы политической, общественной или просто суетливой.

А между тѣмъ ни въ стихахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ тѣхъ лѣтъ слѣдовъ такихъ думъ не осталось...

И вотъ, родилась у изслѣдователей его творчества мысль—не продумалъ ли кто-нибудь все это за Пушкина и не выразилъ ли Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи итогъ чужой мысли, съ которой согласился. Одно обстоятельство въ жизни поэта дѣлало такое предположеніе вѣроятнымъ.

VI.

Въ 1826 году, доставленный по приказанію Императора Николая Павловича въ Москву—Пушкинъ старался наверстать потерянное въ деревнѣ время въ шумной бесѣдѣ въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ первопрестольной столицы. Въ одномъ кружкѣ его можно было тогда встрѣтить довольно часто. Это былъ кружокъ молодыхъ

московскихъ „любомудровъ"—первыхъ у насъ въ Россіи восторженныхъ послѣдователей нѣмецкой философіи. Въ общеніи съ этими философами Пушкинъ—какъ утверждаютъ—и зачерпнулъ отъ той мудрости, которая дала ему нравственное право говорить съ толпой такъ гордо. Дѣйствительно, въ этомъ кружкѣ, какъ извѣстно, излюбленной темой жаркихъ споровъ былъ вопросъ о поэтѣ и его назначеніи въ жизни. Поэтъ, какъ высшее воплощеніе всей міровой сущности, былъ предметомъ религіознаго культа среди этой молодой компаніи. Она привѣтствовала Пушкина, какъ воплощеніе своего идеала, а Пушкинъ нашелъ въ ней мудрецовъ, которые истолковали ему его собственное назначеніе. Слушая ихъ и претворяя ихъ теоретическія выкладки въ образы, Пушкинъ и создалъ свой „ямбъ"—свою „Чернь".

Такъ иногда говорятъ, когда хотятъ разрѣшить загадку происхожденія этого стихотворенія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ это было?

До насъ дошла только самая общая сущность споровъ, въ которыхъ этотъ веселый и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезный кружокъ коротаяъ свои вечера и ночи. Въ какой мѣрѣ эти молодые философы на Пушкина повліяли—мы не знаемъ. Но мы знаемъ навѣрное, что Пушкинъ на чистую теоретическую философію всегда откликался туго, питалъ къ ней чувство уваженія и почтенія, но отнюдь не любви, и однажды, какъ разъ въ это время, послѣ одного изъ собраній этого кружка, пришелъ къ Погодину, декламировалъ противъ философіи, и какъ утверждаетъ Погодинъ, декламировалъ „нелѣпо". Очевидно, что молодые философы вывели Пушкина изъ терпѣнія, когда плели свою тонкую паутину отвлеченностей на его глазахъ, привыкшихъ къ пластическимъ и осязаемымъ формамъ.

Есть поэты, для которыхъ отвлеченная мысль—родникъ вдохновенія. Но случается, что и великій поэтъ чувствуетъ себя неловко въ мірѣ отвлеченностей, и избѣгаетъ ихъ или путается въ нихъ. Пушкинъ въ нихъ не путался, но ставилъ ихъ всегда внѣ поля своего поэтическаго зрѣнія. Такъ, вѣроятно, поступилъ онъ и въ кружкѣ московскихъ философовъ. Онъ слушалъ ихъ, вставлялъ, конечно, свою реплику въ ихъ споры, наслаждался ими какъ личностями—а они были вполнѣ достойны его дружбы и любви—и выходилъ изъ ихъ компаніи обогащенный, конечно, впечатлѣніями, быть можетъ и мыслями, но впечатлѣніями по преимуществу. Легко можетъ быть, что непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ общенія съ этими людьми и вызвали въ его фантазіи тотъ образъ художника на

молитвѣ, который глухъ и нѣмъ для толпы и такъ краснорѣчивъ передъ алтаремъ своего бога.

VII.

Постараемся на основаніи дошедшихъ до насъ свѣдѣній возстановить то впечатлѣніе, которое произвели эти московскіе идеалисты на Пушкина.

Исторія кружка московскихъ идеалистовъ двадцатыхъ годовъ давно разъяснена, и болѣе полное разслѣдованіе ея едва ли возможно. Члены этого философскаго братства разсказали о немъ все, что знали, а архивъ ихъ собраній (если таковой дѣйствительно существовалъ) былъ сожженъ въ 1825 году изъ опасеній, которыя едва ли имѣли за собой какое-нибудь реальное основаніе. Все, чѣмъ можно было бы дополнить исторію кружка, это—разъясненіемъ вопроса о степени вліянія на него идей Шеллинга, которымъ члены этого философскаго братства тогда очень увлекались. Но такое разъясненіе дало бы не особенно богатые результаты.

Установить связь между идеями московскихъ поклонниковъ искусства и ученіемъ Шеллинга не трудно—но этимъ сущность ихъ бесѣдъ и ихъ культурной роли не опредѣлится. Этотъ союзъ философовъ давалъ русскому обществу—тогда столь мало культурному—нѣчто большее, чѣмъ простое теоретическое разсужденіе, хотя бы на столь важную тему, какъ вопросъ объ искусствѣ. Кружокъ московскихъ шеллингіанцевъ былъ прежде всего культурнымъ центромъ среди густой и непросвѣщенной толпы. Въ ихъ бесѣдахъ звучала та повышенная нота идеализма, которая, не выражая собой, быть можетъ, ничего опредѣленнаго, была и необходима, и благотворна какъ призывъ, какъ повышеніе требованій, которыя человѣкъ долженъ ставить жизни. Жизнь была такъ утилитарно-прозаична, такъ плоска, такъ повседневна, сѣра, что углубленіе ея русла, ея возведеніе въ поэзію, ея аристократизація, если такъ можно выразиться, была истиннымъ служеніемъ минутѣ, хотя и казалась отрицаніемъ этой минуты и воинственнымъ походомъ противъ нея.

Такую повышенную идеалистическую ноту и брали въ своихъ бесѣдахъ и въ своихъ писаніяхъ тѣ юнцы,—которые въ Москвѣ, въ двадцатыхъ годахъ, учредили общину имени Шеллинга, состоя одновременно чиновниками на службѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Имена ихъ нѣсколько стерлись отъ времени, хотя собирательное ихъ имя „архивные юноши“ живо и понынѣ и въ каждомъ чело-

вѣкѣ, знакомомъ съ судьбами нашей словесности, будитъ очень нѣжное воспоминаніе. Само слово „архивъ“ какъ будто нѣсколько пыльное слово и мало поэтичное... но наши юноши съумѣли его опоэтизировать очень своеобразно. На свою службу въ архивѣ иностранной коллегіи, они смотрѣли какъ на одолженіе, которое они дѣлаютъ начальству. На какой улицѣ архивъ помѣщается, это они, конечно, знали, но что въ немъ хранится, объ этомъ вѣроятно только догадывались. Собирались они въ его гостепріимныхъ стѣнахъ, болтали, спорили о только что прочитанныхъ книжкахъ, читали стихи—свои и чужіе, и съ благословенія ближайшаго начальства, къ театру весьма неравнодушнаго, переводили драмы Коцебу. Есть извѣстіе, что въ присутственные часы они даже сочиняли—о ужасъ!—сказки...

Въ обществѣ эти молодые архиваріусы были въ большомъ почетѣ. Уважали ихъ за ихъ умъ и знанія, за ихъ образованіе, за то, что, несмотря на свои молодые годы, они были „мудрецами“. Объ ихъ мудрости были хорошо освѣдомлены въ городѣ. Знали, что они по вечерамъ и ночамъ ведутъ бесѣды на самыя головоломныя темы, что читаютъ книжки другимъ недоступныя и сами пишутъ образно, убѣжденно и глубокомысленно, какъ это и теперь можно провѣрить по философскому альманаху „Мнемозина“—который при ихъ ближайшемъ участіи издавалъ тогда въ Москвѣ лицеистъ Кюхельбекеръ, ихъ большой пріятель и поклонникъ. Эту архивную молодежь не только уважали въ обществѣ, но и любили. Да и нельзя было не любить ее. Все, что мы знаемъ о членахъ этого философскаго дружества, рисуетъ намъ ихъ какъ людей утонченно деликатныхъ, людей необычайной душевной порядочности, какъ рыцарей въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова. Въ высшемъ кругѣ, у женской половины, они были на самомъ лучшемъ счету, какъ весьма пріятные кавалеры. Танцовали они, конечно, отлично, что не мѣшало имъ на блестящихъ балахъ, между двумя кадрилями, отойдя въ сторону къ окну, „углубивъ взоръ въ мракъ ночи, думать о тайнахъ бытія и о судьбахъ человѣчества“—какъ признавался одинъ изъ нихъ, кн. В. Одоевскій. Если что можно было поставить въ вину этимъ благовоспитаннымъ юношамъ, такъ, можетъ быть, излишекъ эстетизма:—онъ мѣшалъ имъ иногда сразу оцѣнить человѣка; такъ, напримѣръ, когда Татьяна Ларина изъ деревни пріѣхала въ Москву и не успѣла еще освободиться отъ провинціальной застѣнчивой простоты въ костюмѣ и манерахъ—архивные юноши, какъ увѣряетъ Пушкинъ, „смотрѣли на нее чопорно и говорили между собой про нее неблагосклонно“.

За вычетомъ этого грѣшка, ихъ поведеніе, и въ умственномъ, и въ нравственномъ смыслѣ могло назваться безупречнымъ. Всѣ ихъ знакомые въ этотъ были согласны; одинъ только Грибоѣдовъ на нихъ косился и увѣрялъ, что въ ихъ архивѣ числится на службѣ и Алексѣй Степановичъ Молчалинъ. Но вѣдь Грибоѣдовъ говорилъ, что на собраніяхъ декабристовъ и Репетиловъ участвовалъ... Не каждому слову Грибоѣдова нужно вѣрить: онъ былъ человѣкъ желчный и хлесталъ своимъ сатирическимъ бичемъ, не всегда внимательно присматриваясь къ встрѣчнымъ; и къ тому же онъ былъ очень аккуратный чиновникъ, и архивные юноши могли ему показаться des étrangers aux affaires...

Этой архивной молодежи было предназначено свершить свое историческое дѣло... Съ этимъ согласится всякій, кто только вспомнитъ, какъ звались эти „обильные надеждами“ юноши. Въ 1823 году на службѣ въ московскомъ архивѣ состояли П. и И. Кирѣевскіе, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. и А. Веневитиновы, С. Шевыревъ, Мельгуновъ, Соболевскій, С. Мальцевъ, кн. Мещерскіе и другіе. Изъ этихъ именъ добрая половина стала именами знаменитыми.

Въ эту среду литераторовъ и философовъ и попалъ въ 1826 году Пушкинъ.

VIII.

Онъ засталъ сплоченное и однородное по составу общество, въ которомъ, какъ это всегда бываетъ, имѣлись свои, если не руководители въ прямомъ смыслѣ слова, то излюбленные ораторы. Одинъ изъ нихъ пользовался тогда большой популярностью, которая скоро—съ благословенія смерти—стала настоящей славой... Это былъ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.

Его пѣсни и рѣчи теперь полузабыты, вытѣснены изъ нашей памяти, но все-таки всякій разъ, когда заходитъ разговоръ о счастливыхъ дняхъ пушкинской поэзіи или о жизни стараго московскаго студенчества, всегда произносится его имя. Есть люди, имена которыхъ, какъ старыя знамена: всѣ отдаютъ имъ дань уваженія, всѣ на нихъ указываютъ, но рѣдко кто знаетъ, въ какихъ они были битвахъ и что на нихъ изображено и написано.

А въ свое время Веневитиновъ высоко держалъ свое знамя...

IX.

Короткая жизнь Дмитрія Владиміровича (родился въ 1805 г.) была полна волненія внутренняго, полна неуловимыхъ душевныхъ движеній,

на которыя лишь намекают недописанныя имъ статьи и недопѣтыя пѣсни.

Потомокъ старинного дворянскаго рода, росъ онъ въ домѣ своей матери (отца онъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ) окруженный всѣми благами беззаботнаго существованія, видя жизнь всегда съ ея лицевой стороны и привыкая любить въ ней ея красоту и изящество.

Съ дѣтства мальчикъ былъ окруженъ избраннымъ и интеллигентнымъ обществомъ; съ большой зоркостью и осторожностью были выбраны для него первые наставники, которые не въ примѣръ многимъ гувернерамъ того времени, съумѣли сочетать знаніе иностранныхъ языковъ съ широкимъ литературнымъ образованіемъ.

Они ввели своего ученика въ цѣлый кругъ художественныхъ и умственныхъ интересовъ, и корень ученья былъ ему столь же складокъ, сколь и плоды его. Еще совсѣмъ ребенкомъ, Веневитиновъ чувствовалъ себя своимъ въ мірѣ разнообразнѣйшихъ человѣческихъ интересовъ, самыхъ сложныхъ и глубокихъ психическихъ движеній. Если вѣрить его біографамъ, то первая его любовь была любовь къ античному міру, къ его идейной, возвышенной и трагической сторонѣ, не въ примѣръ другимъ его сверстникамъ, которые изъ школьныхъ классическихъ книгъ вычитывали лишь поверхностную эпикурейскую мораль и восторженный культъ Вакха и Киприды. Въ ранніе годы былъ въ Веневитиновѣ пробужденъ интересъ и къ нѣмецкой словесности, которая со временемъ стала предметомъ его излюбленныхъ занятій. Къ французской литературѣ онъ особаго пристрастія не питалъ.

Литературное образованіе было дополнено занятіями музыкой и живописью. Какъ артистическая натура Веневитиновъ усвоилъ эти искусства очень быстро и легко: его друзья признавали за нимъ большой музыкальный талантъ, зная, съ какою легкостью онъ читалъ теоретическія сочиненія о музыкѣ и какія самъ писалъ трудныя композиціи.

Семнадцати лѣтъ отъ роду Дмитрій Владиміровичъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ былъ усерднымъ слушателемъ И. И. Давыдова и М. Г. Павлова—первыхъ насадителей шеллингіанскаго ученія на нашей университетской каѳедрѣ. Въ университетѣ оставался онъ недолго: всего два года и, быстро и легко сдавъ экзаменъ, поступилъ на службу въ архивъ. Здѣсь, въ кругу талантливыхъ товарищей, которыхъ ему судьба послала, онъ сталъ образовываться какъ мыслитель и какъ поэтъ. Съ перваго же года ихъ совмѣстной

жизни „служеніе мудрости и музамъ“ замѣнило юношамъ офиціальную службу. Веневитинову было 18 лѣтъ, когда его друзья произвели его въ санъ „мудреца“; и онъ поддерживалъ это званіе съ честью. Усидчиво работалъ онъ надъ своимъ самообразованіемъ, равномѣрно расширяя кругъ своихъ философскихъ интересовъ и эстетическаго созерцанія. Онъ одновременно совершенствовался и какъ поэтъ, и какъ мыслитель. Въ какіе-нибудь три года (1823—1826) достигъ онъ значительной высоты пониманія и творчества, имѣя руководителемъ лишь собственное дарованіе и непреодолимое тяготѣніе къ „высотамъ“ духа.

Былъ у него только одинъ недостатокъ, легко впрочемъ поправимый—онъ былъ непозволительно юнъ для выполненія тѣхъ требованій, которыя самъ себѣ ставилъ. Растеніе парниковое, выхоленное въ гостинныхъ и въ тиши или шумѣ кабинетной бесѣды—онъ не зналъ, что такое ударъ жизни; онъ зналъ только, какъ тѣ или другіе великіе люди отзывались на эти удары. На всѣ печали и радости бытія онъ смотрѣлъ сквозь дымку мечты, и ждалъ, когда ему самому суждено будетъ испить отъ той чаши горечи и меда, о міровомъ значеніи которой онъ такъ красноречиво разсуждалъ и спорилъ. Ожиданія его должны были скоро сбыться.

На 22 году покинулъ онъ Москву для настоящей службы въ Петербургѣ, гдѣ, пользуясь своими связями, онъ могъ быстро сдѣлать карьеру. Но не о ней онъ думалъ: онъ былъ полонъ поэтическихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дружескаго круга, полонъ воспоминаній о нѣжной страсти, которая въ Москвѣ, кажется, скрасила его прощальные дни. Прощаясь съ товарищами, онъ рѣшилъ усердно работать въ любимой области „философическаго“ умозрѣнія, чтобы поддержать хоть издалека своихъ друзей, которые тогда приступали къ изданію философскаго журнала.

Умныхъ мыслей и хорошихъ стиховъ было въ головѣ Веневитинова много, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ тревожные дни, слѣдовавшіе за декабрьской смутой. Житейскій опытъ его обогатился сразу новыми впечатлѣніями: его по ошибкѣ арестовали, подозрѣвая въ сношеніяхъ съ декабристами. Никакихъ послѣдствій это дѣло для него впрочемъ не имѣло, и петербургская свѣтская жизнь съ избыткомъ стала вознаграждать его за скучные часы ареста. Онъ увлекся ею и зиму 1826—7 года прожилъ очень весело, безъ сожалѣнія объ утраченномъ времени, такъ какъ успѣлъ въ промежуткѣ между веселыми бесѣдами написать нѣсколько истинно-художественныхъ стихотвор-

ныхъ перловъ и двѣ, три умныхъ статьи, которыми могъ остаться доволенъ. И вотъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 года на одномъ балу онъ случайно простудился. Здоровья былъ онъ слабаго: въ немъ было предрасположеніе къ чахоткѣ,—и простуды, осложнившейся воспаленіемъ легкихъ, онъ не перенесъ. 15-го марта 1827 г. онъ скончался. Онъ какъ будто предчувствовалъ свою смерть и въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи предсказалъ ее. Но съ жизнью ему было все-таки трудно прощаться.

У него было кольцо, найденное въ какой-то геркуланской могилѣ; онъ носилъ его какъ брелокъ и называлъ своимъ талисманомъ. Въ своихъ стихахъ онъ говорилъ, что онъ надѣнетъ его въ день своей свадьбы или въ день смерти. Друзья это знали и вотъ, когда началась его агонія, одинъ изъ нихъ надѣлъ ему это кольцо на палецъ. Больной почувствовалъ его и въ минуту просвѣтленія спросилъ: „меня обвѣнчали"?—Нѣтъ! торжественно отвѣтили ему, и Веневитиновъ заплакалъ.

Во время болѣзни онъ былъ въ постоянномъ поэтическомъ возбужденіи, и это возбужденіе было такъ сильно, что всѣ свои мысли онъ высказывалъ окружающимъ въ стихахъ. И друзья, съ своей стороны, почтили торжественность этихъ послѣднихъ минутъ умиравшаго поэта—служеніемъ той вѣчной идеѣ, о которой въ жизни такъ много думалъ ихъ товарищъ. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ имъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ у постели Веневитинова, они въ третьей комнатѣ, среди тревогъ и страховъ, много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о христіанствѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ.

„Долго, пока друзья не разбрелись по разнымъ сторонамъ, сохранился среди нихъ трогательный обычай: въ день кончины Веневитинова вечеромъ собирались они на грустный пиръ и въ числѣ приборовъ, предназначенныхъ для наличныхъ собесѣдниковъ, ставился одинъ пустой въ память усопшаго".

X.

На смерть Веневитинова вся русская литературная семья отозвалась единодушной печалью,—поразительно единодушной и искренней. Его гробъ поэты засыпали стихотвореніями и еще въ шестидесятыхъ годахъ слышались отзвуки этой панихиды.

„Лучомъ божественнаго свѣта, звукомъ гармоніи небесъ“ называли его; обѣщали ему „поцѣлуи ангеловъ“, утѣшали себя тѣмъ, что „геній его не могъ принадлежать землѣ“; алтарю, который онъ воздвигъ, пророчили вѣчную жизнь до „смерти свѣта“; говорили, что „невольная тоска по небесному совершенству истерзала до смерти его самолюбивый духъ“. Его сравнивали съ „Волгой тихой, свѣтлой и глубокой“, говорили, „что орла должно созерцать только въ небесахъ“; Веневитиновъ былъ „снѣго бѣлый“ лебедь, возвѣщающій звучною пѣснью свою кончину и съ улыбкой смотрящій на „сѣтующій міръ“; вѣрили, что онъ „одѣтый въ нетлѣніе, дослышитъ свою недопѣтую пѣсню въ небесахъ“; „счастливъ, говорили—кто прожилъ какъ онъ, вѣкъ соловьиный и розы“. Плакали о томъ, сколько „поцѣлуевъ и пѣсенъ потеряла въ немъ любовь, сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ какъ онъ“...

Поэты впрочемъ склонны преувеличивать, но въ данномъ случаѣ всѣ ихъ поэтическія метафоры подтверждаются отзывами всѣхъ суровыхъ „зоиловъ“. Журналы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ въ одинъ голосъ признали общую потерю. По ихъ мнѣнію Веневитиновъ призванъ былъ быть „украшеніемъ нашей поэзіи и, быть можетъ, создателемъ нашей философіи; онъ былъ проникнутъ откровеніемъ своего вѣка; глубокій самобытный поэтъ—въ немъ каждое чувство было освѣщено мыслью, каждая мысль согрѣта сердцемъ; въ познаніи самого себя находилъ онъ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ искусства и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ и созерцалъ красоту созданія. Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія“ (И. Кирѣевскій). „Его поэтическій даръ развернулся вдругъ подобно тѣмъ роскошнымъ цвѣтамъ, которые цвѣтутъ въ продолженіи одного теплаго утренняго часа... Онъ все затронулъ съ глубокою и самосознательной симпатіей къ сущему“ (Мельгуновъ). „Съ него начинается новая эпоха для русской поэзіи, эпоха, съ которой красота формы уступаетъ первенство красотѣ и возвышенности содержанія“ (Хомяковъ). „Онъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи“ (Надеждинъ). „Въ самой цвѣтущей юности онъ умѣлъ понимать жизнь и преждевременно былъ одаренъ совершенною опытностью“ (Булгаринъ). „Какъ гармонія міра, всюду скрытая, теряется въ безконечно пестромъ разнообразіи предметовъ види-

мыхъ, безпорядочно разбросанныхъ по міру своевольной рукой человѣка—такъ поэты и художники, сіи отголоски гармоніи предвѣчной, сіи звуки неба, сіи избранные пророки, теряются въ нарядной толпѣ людей обыкновенныхъ. Веневитиновъ какимъ-то свѣтлымъ пророчествомъ души заранѣе постигалъ недоступныя тайны жизни, несмотря на недостатокъ опыта" („Галатея"). „Ему нельзя было долго жить, ибо духовная сила перевѣсила въ немъ тѣлесную и существо его потеряло равновѣсіе; онъ мгновенно перечувствовалъ все, и земное безсмертіе промѣнялъ на небесное" (Трилунный). „Въ немъ было художнически-рефлективное направленіе въ родѣ Гете" (Станкевичъ). „Изъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ пушкинскаго періода онъ одинъ обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ и силою любви могъ проникать въ ея святилище. Онъ самъ собою составилъ бы школу, если бъ судьба не пресѣкла безвременно его прекрасной жизни" (Бѣлинскій). „Въ двадцать лѣтъ онъ былъ уже болѣе нежели образованнымъ человѣкомъ — онъ былъ художникъ и мыслитель". (Полевой).

Во всѣхъ этихъ отзывахъ намъ дана, конечно, не только оцѣнка заслугъ Веневитинова какъ писателя, но и отзвукъ того обаятельнаго впечатлѣнія, какое онъ производилъ какъ личность, и именно какъ личность поэта и идеалиста. „Въ его углубленномъ въ себя взорѣ и живой физіономіи было нѣчто внушающее и привлекательное", „бѣсѣды его были полны той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался". „Онъ и въ жизни былъ поэтомъ, его счастливая наружность, его тихая и важная задумчивость, его стройныя движенія, вдохновенная рѣчь, свѣтская непритворная любезность ручались въ томъ, что онъ и жизнь свою образуетъ какъ произведеніе изящное". „Природа сама, кажется, съ удовольствіемъ приготовила это существо. Вѣрный и независимый вкусъ, благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское простосердечіе и знаніе потребностей лучшаго общества, дружелюбіе и мечтательность такъ плѣнительно сливались и обнаруживались въ немъ, что, узнавъ его, нельзя было не любить. Въ его сердцѣ, такъ же какъ и въ умѣ, соединялось все лучшее. По чистотѣ собственныхъ чувствованій онъ былъ довѣрчивъ и съ удовольствіемъ дѣлился всѣми благами души своей". Такъ говорили люди, лично его знавшіе. Въ одной изъ своихъ повѣстей („Адель") Погодинъ разсказалъ трогательную исторію любви (конечно вымышленную) нѣкоего рано умершаго юноши Дмитрія. Ничего сходнаго между жизнью этого Дмитрія и жизнью Дмитрія

Владиміровича Веневитинова не было, но нѣтъ сомнѣнія, что Погодинъ думалъ о своемъ недавно скончавшемся другѣ (повѣсть написана въ 1830 г.), когда писалъ: „сколько любви кипѣло у него въ сердцѣ! Какими особенными прекрасными свойствами отличался его умъ! Онъ ясно видѣлъ священную цѣль, назначенную человѣчеству и былъ убѣжденъ сердечно, что она будетъ достигнута. Въ восторгѣ преклонялъ онъ колѣна предъ тѣми помазанниками, коимъ Провидѣніе представляло славный жребій увлекать къ ней толпы за собою (т. е. передъ поэтами). Онъ пламенно любилъ отечество и съ гордостью находилъ въ исторіи и настоящемъ времени залоги тѣхъ благодѣяній, которыя воздастъ оно нѣкогда роду человѣческому. Науку ставилъ онъ выше всего, но не въ мертвыхъ буквахъ, а въ живомъ умозрѣніи, съ сердечнымъ участіемъ; и въ самомъ дѣлѣ, знанія составляли часть его тѣла, часть его бытія. Онъ радовался младенчески всякому благому успѣху, общему и частному; любилъ людей и старался оправдывать ихъ даже въ самыхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ“...

Надо было обладать особой притягательной силой ума и характера, чтобы у всѣхъ вызвать такое признаніе при встрѣчѣ и такую печаль при разлукѣ.

XI.

Вскорѣ послѣ смерти Веневитинова друзья выпустили въ свѣтъ полное собраніе его сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Это были два маленькихъ изящно отпечатанныхъ томика. Они не возбуждаютъ въ насъ теперь тѣхъ восторженныхъ чувствъ, съ какими они были нѣкогда встрѣчены. Многое, разумѣется, въ нихъ устарѣло, но кое-что сохранило свою свѣжесть и какъ художественно-совершенное никогда ее не утратитъ.

Проза Веневитинова сильно потускнѣла. Философскіе діалоги и монологи, равно какъ и философскія стихотворенія въ прозѣ, сентиментально-романтическія по настроенію, съ кудряво-формулированной мыслью, навѣянной нѣмецкими идеалистами—остаются, правда, любопытными матерьялами для исторіи воздѣйствія западной философіи на русскую и хорошими образчиками стараго философскаго языка. Критическія же статьи о литературныхъ новинкахъ, какъ и статья о томъ, каково должно быть истинно-русское просвѣщеніе—въ свое время надѣлали много шума, но теперь совсѣмъ отошли въ область

исторіи, растворившись безъ остатка въ пріемахъ и сужденіяхъ критики позднѣйшей...

Извѣстную стоимость сохранили переводы Веневитинова изъ Гете, но они—незначительный придатокъ къ его оригинальнымъ стихотвореніямъ.

Эти стихотворенія—единственное, что намъ осталось въ оправданіе той славы, которой Веневитиновъ нѣкогда пользовался. Ихъ немного—десятка два, и добрая половина изъ нихъ упражненія въ извѣстномъ стилѣ или стихи на случай, довольно обычныя.

Но есть въ этой тетрадкѣ стиховъ нѣсколько страницъ, которыя опредѣлили навсегда физіономію поэта и въ исторіи развитія нашей лирики заполнили совершенно самобытную страницу.

Поэзія Пушкина, какъ извѣстно, вмѣщала въ себѣ всѣ мотивы и тональности пѣсенъ его современниковъ, и не было стихотворенія Дельвига, Баратынскаго, Языкова, Туманскаго, Козлова, которое въ стихахъ Пушкина не нашло бы себѣ достойной параллели или, чаще, болѣе совершеннаго образца. Стихи Веневитинова составляютъ исключеніе: въ нихъ есть своеобразный элементъ, который въ нашей лирикѣ, не только тогдашней, но и позднѣйшей, попадается крайне рѣдко. Это элементъ чистой философской мысли: умозрѣніе, переданное не въ формѣ аллегорическаго или символическаго образа, а въ своемъ чистомъ видѣ, въ видѣ мысли, втѣсненной въ размѣрную рѣчь и заостренной риемой...

Эта философская мысль сосредоточена вокругъ одного основного вопроса—о значеніи эстетическаго начала въ жизни. Въ поэзіи Веневитинова эта трудная проблема, конечно, не рѣшена, даже не развита съ достаточной полнотой, она только намѣчена и служитъ только фономъ, на которомъ авторъ вырисовываетъ свою любимую фигуру—образъ юноши-поэта, осужденнаго на раннюю смерть и носящаго въ своемъ опечаленномъ сердцѣ тяжесть сознанія своего міроваго призванія.

XII.

„Одно чувство наслажденія при взглядѣ на какое-нибудь изящное произведеніе для насъ неудовлетворительно—говорилъ Веневитиновъ. Мы хотимъ спросить, какою силою оно возбуждается, въ какой связи находится съ прочими способностями человѣка („Письмо къ графинѣ А. И. Трубецкой"). „Мы должны осмыслить наши эстетическія эмоціи

и привести ихъ въ связь съ тѣмъ, что мы цѣнимъ въ насъ всего болѣе—съ нашей высшей духовной дѣятельностью, съ умозрѣніемъ. Всякое художественное произведеніе не есть вымыселъ, а есть правда жизни. Фантазія, эта волшебница, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни, облекая высокое въ свою радужную одежду, не искажаетъ лицо свѣтлаго луча истины, но дробитъ его на всевозможные цвѣты. Не то ли же самое дѣлаетъ природа? Не для того ли созданы всѣ чувства человѣка, чтобъ на богатомъ древѣ жизни породить мысль, сей божественный плодъ, пріуготовленный цвѣтами фантазіи?“ („Утро полдень, вечеръ и ночь“). „Искусство не придатокъ къ жизни, а настоящая творческая сила, которая вмѣстѣ съ философіей творитъ жизнь во всѣхъ ея даже реальныхъ проявленіяхъ“. „Философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собой, изъ общаго источника разливаютъ дары свои на смертныхъ и волшебная сила гармоніи, воздвигая стѣны и образуя общества, въ мѣрныхъ тонахъ преподавала человѣчеству простые, но безсмертные законы“ („Разборъ разсужденія г. Мерзлякова о началѣ и духѣ древней трагедіи“). „Первое чувство никогда не творитъ, и не можетъ творить; потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія“ („Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“).

„Весь міръ—престолъ нашей матери, говорили устами Веневитинова три сестры, три искусства—скульптура, живопись и музыка; ее изображалъ и мраморъ и холстъ на землѣ: ее прославляли лиры пѣснопѣвцевъ; но она останется недосягаемою для чувствъ смертнаго; наша мать—Поэзія; вѣчность—ея слава; вселенная—ея изображеніе“. („Скульптура, живопись и музыка“). „Всѣ дары духа, данные человѣку, сообща приближаютъ его къ золотому вѣку, нѣкогда дѣйствительно существовавшему и ожидающему насъ въ будущемъ. Она снова будетъ эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные. Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ—всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ—всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку „самопознанія“. „Что до времени?“—говоритъ поэтъ. Меня давно не станетъ, но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что я предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее.—Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество. Пусть Солнце поглотитъ

нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части, ее составляющія!!! Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи „вселенной". („Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ").

Всѣ эти красивыя строки не столько мысли, сколько поэтическія настроенія. Къ такому краснорѣчію располагала Веневитинова и слишкомъ общая постановка вопроса и поэтическое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ статей Шеллинга, откуда всѣ эти мысли взяты.

Но навертывалась одна мысль, болѣе опредѣленная, и она требовала болѣе яснаго отвѣта. Можно было признать искусство силой, которая наравнѣ съ другими участвуетъ въ созданіи нашей жизни. Но въ какомъ отношеніи долженъ былъ стоять поэтъ къ тому, что называется злобой дня? Онъ могъ своими созданіями торопить наступленіе счастливаго времени, но какъ онъ долженъ былъ относиться къ самому переживаемому моменту, къ его нравственной, а потому и соціальной и политической сущности? Имѣлъ ли онъ право игнорировать моментъ въ этомъ именно смыслѣ, служа вѣчному и тѣмъ самымъ косвенно все-таки вліяя на современность? Веневитиновъ, несмотря на то, что въ 1825 году политическая лихорадка его слегка потрепала, рѣшилъ этотъ вопросъ безповоротно. Онъ оправдывалъ Платона за то, что онъ, увѣнчавъ истинныхъ поэтовъ цвѣтами, просилъ ихъ оставить предѣлы его государства. Вмѣстѣ съ Платономъ Веневитиновъ почиталъ поэзію не *вредною* для общества въ тѣсномъ смыслѣ слова, а *безполезною*. „Республика, говорилъ Платонъ устами Веневитинова, должна быть составлена изъ людей мыслящихъ, и потому дѣйствующихъ. Къ такому обществу можетъ ли принадлежать поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ни чего не ищетъ и слѣдственно уклоняется отъ цѣли всеобщаго (?) усовершенствованія. Философія есть высшая поэзія" („Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ"). Веневитиновъ нѣсколько самоувѣренно позволилъ себѣ говорить въ данномъ случаѣ отъ лица Платона и, хоть въ дальнѣйшемъ теченіи своего монолога онъ и заставилъ греческаго мудреца восторженно говорить о поэтѣ, тѣмъ не менѣе не совсѣмъ понятно, какъ можетъ поэтъ уклоняться отъ цѣли *всеобщаго* усовершенствованія, когда именно въ этомъ все міровое назначеніе искусства, какъ насъ увѣрялъ Веневитиновъ. Очевидно—въ данномъ случаѣ допущена простая неточность выраженія. Если, какъ говорятъ Платонъ и Веневитиновъ, философія есть высшая поэзія, а философы призваны управлять государствомъ, то поэзія не вычеркнута изъ числа силъ,

дающихъ направленіе нашей жизни, если же отъ *всеобщаго* усовершенствованія поэты уклоняются, то это должно понимать въ томъ смыслѣ, что они не хотятъ участвовать въ усовершенствованіи *общемъ*, т. е. общественномъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Съ такимъ толкованіемъ согласна и одна страница, вставленная Веневитиновымъ въ его полемику съ профессоромъ Мерзляковымъ. Возражая своему профессору на его мысль объ участіи поэзіи въ ходѣ развитія греческой политической жизни, нашъ эстетикъ восклицалъ: „кто ожидалъ бы, чтобъ въ нашемъ вѣкѣ взирали на поэзію какъ на „орудіе политики"? Какъ?! Поэзія должна влачить оковы рабства отъ самой колыбели? Безполезно опровергать эту мысль.—Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію самъ ее отброситъ". Веневитиновъ не мотивировалъ подробно этой мысли, но, очевидно, онъ былъ убѣжденъ, что искусство суеты не терпитъ и отъ злобы дня сторонится.

XIII.

Всю совокупность только что изложенныхъ взглядовъ Веневитиновъ изъ области разсужденія перенесъ въ область чистой поэзіи.

Гимнъ поэту—вотъ сущность его самыхъ сильныхъ стихотвореній—тѣхъ, которыя въ тогдашней лирикѣ не имѣли себѣ параллели.

Въ преддверіи вѣчности поэтъ пѣвецъ свою пѣсню любви и вѣры. Великій чистый духъ благословилъ его этимъ даромъ пѣснопѣнія и не только для міра юдоли, но для выполненія иной болѣе великой задачи. Поэтъ переживетъ міръ. Среди развалинъ міра его пѣсня можетъ гремѣть столь же свободно во славу таинственнаго начала всей космической жизни:

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.
Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалой!
И если бъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эфира
И хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой! („Сонетъ").

Если пѣснь пѣвца беретъ свое начало въ глубинахъ чистаго предвѣчнаго Духа, то обладаніе этимъ божественнымъ даромъ—удѣлъ немногихъ:

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила,
Какъ Прометей похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ („Поэтъ и другъ").

Всякое избраніе обязываетъ. Думать, что можно сочетать блага земной жизни съ небесной миссіей, было бы безразсудно. Самое цѣнное земное благо—жизнь должна быть принесена въ жертву тайнѣ общенія съ Богомъ. Но для художника смерть есть лишь возрожденіе и не возрожденіе за гробомъ, а вторая жизнь, здѣсь на землѣ: надъ истинно художественной пѣснью время не властно:

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
А кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ
Какъ вѣщій голосъ изловилъ!—
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата—
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому—процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому—рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой („Поэтъ и другъ").

Но что же поэтъ имѣетъ сказать міру? Жизнь кипитъ передъ нимъ

„какъ океанъ безбрежный". Найдетъ ли онъ надежный утесъ, на который могъ бы твердой ногой опереться?—

Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Онъ будетъ горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что любить, что пѣть?

Но вотъ онъ получаетъ приказаніе свыше:

Открой глаза на всю природу—
Но дай имъ выборъ и свободу,
Твой часъ еще не наступалъ;
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ:—
Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья („Я чувствую, во мнѣ горитъ").

Тихія струны, стройныя созданья, смиреніе гордыхъ желаній—все показываетъ, что истинный поэтъ не только разгадчикъ великихъ тайнъ, но и царь надъ страстями. Внѣшній міръ для него предметъ созерцанія, а не волненія; онъ не рабъ минуты, онъ принадлежитъ самому себѣ и безраздѣльно:

Смири преступныя волненья:
Не ищетъ въ чужѣ утѣшенья
Душа богатая собой („Посланіе къ Рожалину").

Для людей живетъ эта богатая душа, но какъ будто бы не среди нихъ: она очень аристократична; она сторонится отъ всѣхъ; всякое прикосновеніе толпы для нея почти что обида. Согрѣтая возвышенными страстями, она хочетъ казаться холодной и нѣмой. „Не отдавай души моей" молится она своему ангелу:

На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,

Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни („Моя молитва").

Подальше отъ людей:

Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.—
Гордись, что ими ты забытъ,
Ихъ равнодушное безстрастье
Тебѣ да будетъ похвалой.
Зарѣ не улыбался камень,
Такъ и сердецъ небесный пламень
Толпѣ бездушной и пустой
Всегда былъ тайной непонятной!
Встрѣчай ее съ душой булатной
И не страшись отъ слабыхъ рукъ
Ни сильныхъ ранъ, ни тяжкихъ мукъ („Посланіе къ Рожалину").

Всѣ эти мысли, въ которыхъ такъ поэтично оттѣнено одинокое положеніе поэта среди толпы, Веневитиновъ слилъ въ одномъ образѣ удивительно красивомъ и глубокомысленномъ:

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли-бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?—
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость,—
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста;
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,

Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства;
Когда-жъ внезапно что нибудь
Взволнуетъ огненную грудь, —
Душа безъ страха, безъ искусства,
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О, если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ словъ.
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья! („Поэтъ“).

XIV.

Въ такомъ строгомъ и величественно печальномъ образѣ воплотились тѣ длинные споры, въ которыхъ Веневитиновъ и его друзья изощряли свой философскій умъ и свое остроуміе. Этотъ образъ, конечно, не исчерпываетъ содержанія всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя волновали нашихъ молодыхъ философовъ. Но стоитъ только хоть бѣгло ознакомиться съ этими мыслями, чтобы увидать въ стихотвореніи Веневитинова попытку ихъ поэтическаго облеченія.

Мистическая любовь къ поэзіи, религіозное преклоненіе передъ ней, философское оправданіе ея какъ самой таинственной и животворной силы въ мірѣ—было, выражаясь старымъ словомъ, „вѣяніемъ“ той „романтической“ эпохи.

Вѣяніе это проникало къ намъ преимущественно изъ Германіи. Нѣмецкимъ поэтамъ и философамъ обязаны мы тѣмъ расширеніемъ взгляда на роль поэта въ жизни, которое исправило односторонность и узость эстетическаго міровоззрѣнія господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ классицизма и сентиментализма. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка Германія была той страной, гдѣ на поэта была возложена самая святая миссія и гдѣ ему даны были самыя широкія полномочія. Германія имѣла право на такое обожествленіе поэта, потому что изъ всѣхъ культурныхъ странъ она въ тѣ годы

была страна наиболѣе богатая истинными геніями. Шиллеръ только что умеръ, Гете и его сверстники были живы и начинала цвѣсти знаменитая „романтическая" школа...

Разцвѣтъ этой школы совпалъ съ очень тревожнымъ историческимъ моментомъ. Непосредственно послѣ трагедіи революціи и имперіи, въ эпоху затишья общественной жизни, въ годы упадка соціальныхъ страстей—появился въ Германіи этотъ новый герой, который долженъ былъ затмить всѣхъ недавно прославленныхъ героевъ и на котораго, какъ на новаго реформатора міра, были теперь обращены всѣ взоры. Этотъ герой былъ—служитель искусства.

Люди какъ будто извѣрились въ силѣ и пользѣ непосредственнаго активнаго вмѣшательства человѣка въ ходъ событій, хотя и не утратили вѣры въ возможность мирнаго разрѣшенія тѣхъ нравственныхъ и соціальныхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ обошлось недавно такъ дорого. Къ этой цѣли, думали они, должно идти инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который былъ избранъ раньше, и перевоспитать и осчастливить человѣка нужно иными, болѣе прочными и надежными средствами, чѣмъ тѣ, которыя были раньше испытаны. Этотъ новый путь къ свободѣ, къ счастію, къ братству пролегалъ — полагали они — черезъ область изящнаго, и *эстетическое* воспитаніе человѣчества должно было предшествовать воспитанію *цивическому*.

На первый взглядъ можетъ показаться совсѣмъ невѣроятнымъ, какъ люди — свидѣтели только что завершившейся великой трагедіи, въ которой разыгрались всѣ человѣческія страсти и въ которой съ такой кровавой очевидностью обнаруживалась вся порывистость и сложность психической организаціи человѣка—какъ люди могли такъ наивно повѣрить въ спасительную силу искусства и подумать, что искусство осуществитъ то, чего не достигло совмѣстное дѣйствіе и борьба всѣхъ страстей въ человѣческомъ сердцѣ. А между тѣмъ нѣмецкіе художники конца XVIII и начала XIX вѣка въ это вѣрили, вѣрили со всей непринужденной искренней наивной вѣрой и тѣмъ достигли того душевнаго покоя, той самоувѣренности и ясности взгляда на свое призваніе, отсутствіе которыхъ обыкновенно такъ болѣзненно ощущаетъ служитель красоты, затертый шумящей вокругъ него жизнью.

Если изъ этихъ мечтаній и разсужденій объ искусствѣ для самой жизни и не получилось никакой прямой выгоды, если поэты и не приблизили жизнь къ желанному нравственному и соціальному идеалу, то въ выгодѣ остались все-таки художники, которые въ это мимо-

летное мгновеніе почувствовали себя столь счастливыми и властными.

Въ ихъ глазахъ всѣ люди дѣла, всѣ общественные дѣятели, всѣ трибуны, публицисты, ораторы, законодатели, вожди партій, вожди военные, всѣ ученые и мыслители были дискредитированы недавними событіями. Довѣрять кому-либо изъ прежнихъ общественныхъ дѣятелей они не могли. Всѣ герои оказались весьма грѣшными и несовершенными людьми и только одинъ герой, менѣе всего стоявшій на виду, оказался съ чистой совѣстью. Это былъ — поэтъ. На его ризѣ пятенъ крови не было; если подчасъ въ лицѣ кое-какихъ слабыхъ или слишкомъ увлеченныхъ членовъ своей семьи онъ и взывалъ къ возстанію, и дѣлалъ свою пѣсню рабыней минуты, пѣлъ вражду и ненависть, то въ лицѣ большинства онъ и въ этотъ страшный часъ разгорѣвшихся страстей успокаивалъ людей, умиротворялъ ихъ, взывалъ къ единенію, любви и братству.

Никогда еще вѣра во всемогущество искусства не была такъ сильна у нѣмецкихъ идеалистовъ — нашихъ ближайшихъ учителей — какъ въ эти годы, когда Германія одержала надъ цѣлымъ міромъ рѣшительную и единственную въ своемъ родѣ побѣду — покоривъ весь міръ силою своей философской мысли и силою своего художественнаго творчества; и думать такъ высоко о поэтѣ и объ искусствѣ она могла именно потому, что у ней на лицо имѣлась поэзія огромной силы, и она располагала философской мыслью, единственной по своей глубинѣ.

Переживъ эпоху бури и натиска, нѣмецкій поэтъ причалилъ къ мирной пристани, и воздвигъ въ знакъ своего спасенія жертвенникъ языческимъ богамъ древности, — въ сущности великому пантеистическому богу. Этотъ жертвенникъ онъ впрочемъ скоро разрушилъ, и на его мѣсто поставили алтарь христіанскому Богу, окруживъ этотъ алтарь всей обстановкой рыцарской и монашеской и всей блестящей внѣшностью эпохи возрожденія.

Наступали годы религіознаго „романтизма“, самаго глубокаго, туманнаго и мистическаго — отъ жизни дѣйствительной, повидимому, совсѣмъ отрѣшеннаго. Этотъ романтизмъ, съ пренебреженіемъ относясь къ минутѣ, хотѣлъ жить для вѣчности, но, живя для вѣчности, онъ не отрекался отъ нравственнаго воздѣйствія на жизнь. Но только не отъ моральной проповѣди, не отъ политическаго трактата, не отъ общественнаго движенія ожидалъ онъ этого воздѣйствія. Онъ ждалъ его отъ красоты и ея обнаруженія въ мірѣ. Утопая въ видѣніяхъ,

поэтъ считалъ себя правымъ не только какъ художникъ, но считалъ себя и нравственно правымъ.

Эстетическій миражъ сталъ для него панацеей всѣхъ золъ житейскихъ. Отчужденіе отъ видимой дѣйствительности романтики возвели въ первое и неизбѣжное условіе всякаго истиннаго вдохновенія. Весь міръ превратился для нихъ въ видѣніе, въ сонъ красивый, а потому и истинный и добрый; и этотъ сонъ можно было принять за реальность—такъ онъ былъ поэтиченъ и такъ глубокомысленно былъ онъ истолкованъ.

Поэтамъ и прозаикамъ онъ приснился, а истолковалъ его Шеллингъ, поэтъ и философъ, какого міръ не видалъ со временъ Платона.

Въ заключительной главѣ своей „Системы трансцендентальнаго идеализма“ 1800 г. (Schellings Sämmtliche Werke. Erste Abtheilung. Dritter Band. Stuttgart, 1858) изложилъ Шеллингъ свою „философію искусства“.

Художественное произведеніе (die aesthetische Production) признано было въ этой „Системѣ“ за единственное и вѣчное чудо, въ которомъ разрѣшается противорѣчіе свободнаго и не свободнаго дѣйствія; оно одно способно удовлетворить наше вѣчное безконечное стремленіе и только оно одно даетъ намъ чувство безконечной гармоніи, устраняющее противорѣчія между дѣйствіемъ сознательнымъ и безсознательнымъ. Не себѣ приписываетъ художникъ разрѣшеніе этого противорѣчія, но добровольной благодати своей природы, которая такъ милостиво утишила въ немъ болѣзненное ощущеніе этого противорѣчія. Каковы бы ни были намѣренія художника, но онъ находится подъ давленіемъ силы, которая отличаетъ его отъ всѣхъ людей, которая заставляетъ его высказывать и изображать то, въ чемъ онъ самъ не можетъ отдать себѣ полнаго отчета и смыслъ чего безконеченъ. Абсолютное совпаденіе и гармонія свободы и необходимости и гармонія сознательнаго дѣйствія и безсознательнаго въ произведеніи искусства—не могутъ быть разъяснены; они—явленіе, которое, хотя оно и непонятно, но отрицаемо быть не можетъ, и потому искусство и есть единственное чудо, единственное откровеніе (Werke III, 617—8). Всякое эстетическое творчество въ своемъ принципѣ — говорилъ философъ дальше—абсолютно свободно, такъ какъ художникъ побуждается къ такому дѣйствію противорѣчіемъ, которое лежитъ внутри его самого, въ самомъ святилищѣ его собственной природы, тогда какъ всякое другое произведеніе вызвано противорѣчіемъ, которое лежитъ внѣ человѣка, и потому дѣйствіе его имѣетъ внѣшнюю

цѣль. Изъ этой независимости отъ внѣшнихъ цѣлей вытекаетъ святость и чистота искусства. Эта святость и чистота не позволяетъ признать родства искусства не только съ тѣмъ, что называется чувственнымъ удовольствіемъ (Sinnenvergnügen) и чего развѣ только варварство можетъ требовать отъ искусства въ столѣтіе, которое въ экономическихъ измышленіяхъ (ökonomische Erfindungen) готово видѣть высшее проявленіе человѣческаго духа, но эта чистота и святость кладутъ грань между искусствомъ и всѣмъ, что относится къ моральности, даже къ наукѣ, которая по своему безкорыстію всего ближе подходитъ къ искусству (Werke III, 622—623).

Эстетическое воззрѣніе, говорилъ философъ — есть тоже трансцендентальное, но ставшее объективнымъ, и потому искусство единственно вѣчный и истинный органъ и документъ философіи, который всегда и постоянно подтверждаетъ съизнова то, чему философія не можетъ дать внѣшняго выраженія, а именно—безсознательное въ поступкахъ и дѣйствіяхъ (im Handeln und Produciren) и его первоначальное тожество съ сознательнымъ. Для философа искусство потому самое высшее, что оно ему какъ бы отворяетъ святая святыхъ, гдѣ въ вѣчномъ и первоначальномъ сочетаніи, какъ бы въ единомъ огнѣ, горитъ то, что въ природѣ и исторіи разобщено, что въ жизни и дѣйствіи, равно какъ и въ мышленіи, должно вѣчно другъ друга отталкивать (ewig sich fliehen muss). То воззрѣніе на природу, которое философъ искусственно для себя вырабатываетъ, оно въ искусствѣ естественно и первоначально. То, что мы называемъ природой это—стихотвореніе, написанное чудесными и таинственными письменами... Сквозь чувственный міръ (die Sinnenwelt) какъ сквозь слова проглядываетъ смыслъ, какъ сквозь полупрозрачный туманъ страна фантазіи, къ которой мы тяготѣемъ. Чудесная картина возникаетъ, когда падаетъ тотъ незримый покровъ (die unsichtbare Scheidewand), который отдѣляетъ міръ дѣйствительный отъ идеальнаго; она какъ бы то окно (die Oeffnung), сквозь которое намъ вполнѣ становятся видимы образы и страны того міра фантазіи, который только несовершеннымъ образомъ просвѣчиваетъ сквозь міръ дѣйствительный. Для художника природа не больше, чѣмъ она и для философа, а именно она—идеальный міръ, который намъ является при постоянныхъ ограниченіяхъ (unter beständigen Einschrenkungen); она только несовершенное отраженіе міра, который находится не внѣ ея, а въ ней самой (Werke III, 627—628).

Если къ этому поэтическому, хотя нѣсколько туманному славо-

словію искусства, какъ высшаго откровенія мудрости, какъ высшей способности человѣка проникать въ тайну міра, какъ единственной данной человѣку возможности гармонически сочетать вѣчно разъединенное—свободу и необходимость, безсознательное и сознательное,—если ко всему этому мы добавимъ історіософскіе взгляды Шеллинга, то первенствующее значеніе искусства въ жизни выступитъ съ еще большей опредѣленностью.

Хотя самъ Шеллингъ и не выяснялъ подробно вопроса о связи красоты и добра и о непосредственномъ вліяніи красоты на этическій порядокъ міра, но его ученіе объ искусствѣ, какъ о высшемъ сочетаніи свободы и необходимости, оттѣняло достаточно ясно ту великую роль, которая въ ходѣ жизни отведена художнику. Смыслъ прогресса, по мнѣнію Шеллинга, заключался въ смѣнѣ царства Судьбы, подъ властью которой человѣчество въ древнѣйшія времена находилось, царствомъ предопредѣленія, которое должно наступить въ будущемъ, и въ этомъ царствѣ божественнаго Продопредѣленія и должно было совершиться гармоничное примиреніе человѣческой свободы и необходимости и восторжествовать истинно религіозное міросозерцаніе, одинаковое далекое и отъ фатализма и отъ атеизма (Werke III, 592—604). Одному художнику было доступно, такимъ образомъ, какъ бы предвкушеніе этого грядущаго порядка и моментъ художественнаго творчества, моментъ неизъяснимаго вдохновенія, былъ признанъ единственной минутой, когда человѣкъ можетъ заглянуть въ святая святыхъ жизни и почувствовать, что „абсолютное", не уничтожая его свободы и сознанія, находитъ въ немъ и его дѣятельности свое „Откровеніе", такъ какъ вся исторія есть не что иное, какъ именно такое „откровеніе", „обнаруженіе" абсолюта.

XV.

Эти мысли нѣмецкаго философа нашли себѣ отзвукъ и въ нашей, тогда еще совсѣмъ скудной, философской литературѣ. А. Галичъ повторялъ и пояснялъ ихъ въ своемъ „Опытѣ науки изящнаго" (С.-Пб. 1825 г.), которое онъ опредѣлялъ какъ „чувственно-совершенное проявленіе значительной истины свободною дѣятельностью нравственныхъ силъ генія". „Въ ряду истиннаго и добраго" ставилъ Галичъ красоту и полагалъ, что „изящное не можетъ служить никакимъ стороннимъ видамъ"; „изящное приводитъ всѣ силы души человѣка въ легкое и равномѣрное движеніе—говорилъ онъ—и погру-

жаетъ въ чувство блаженства и самодовольствія, примиряя ее съ жизнію, которая напрасно ожидаетъ подобныхъ выгодъ отъ науки даже нравственной".

Галичъ былъ, какъ извѣстно, лицейскимъ учителемъ Пушкина. Быть можетъ, еще въ тѣ годы онъ говорилъ своимъ ученикамъ о такомъ высокомъ призваніи художника, но ученики тогда едва ли могли заинтересоваться такими отвлеченностями. Пушкину, по крайней мѣрѣ, эти мысли показались новыми, когда онъ услыхалъ ихъ не въ переложеніи, а въ оригиналѣ, на вечеринкахъ Веневитинова.

Но московскіе Шеллингіанцы въ ихъ преклоненіи передъ искусствомъ не ограничивались только разсужденіемъ; въ большомъ почетѣ былъ у нихъ и тотъ художественный комментарій къ словамъ Шеллинга, который они находили въ богатой нѣмецкой романтической поэзіи. Изъ нѣмецкихъ „романтиковъ" тогда имъ особенно нравились Лудвигъ Тикъ, Вакенродеръ и Новалисъ. Сочиненіе Вакенродера „Phantasien über die Kunst von einem kunstliebenden Klosterbruder" была переводена друзьями Веневитинова на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Объ искусствѣ и художникахъ". „Размышленія отшельника, любителя изящнаго" (Москва 1826 г.). Изъ сочиненій Тика большимъ успѣхомъ пользовалось „Жизнеописаніе Франца Штернбальда". Усердно читался также и романъ Новалиса „Генрихъ фонъ Офтердингенъ".

Всѣ эти романы и разсказы были въ сущности философскіе трактаты на тему о призваніи художника въ мірѣ. „Только божественнымъ внушеніемъ—говорилось въ нихъ — дается художнику возможность создать великое; своимъ лучшимъ созданіемъ художникъ обязанъ непосредственному вмѣшательству чудеснаго и вся наша свѣтская болтовня о вдохновеніи художника — прямой грѣхъ, такъ какъ мы думаемъ судить о человѣкѣ, которому Богъ непосредственно оказываетъ поддержку. И отъ Бога не только способность творить изящное, но и способность имъ наслаждаться, такъ какъ истинное созерцаніе художника есть молитва, есть то чистое вознесеніе души къ Богу, въ которомъ связь наша съ нимъ всего тѣснѣе и чище. Великіе художники, это — тѣ же пророки, которыхъ Богъ посылаетъ на землю, чтобы о себѣ напомнить" (Вакенродеръ). „Это общеніе человѣка съ Богомъ происходитъ не только тогда, когда мысль и чувства художника устремлены на божественные предметы—нѣтъ! всякое художественное произведеніе есть откровеніе Божіе. Художникъ не столько человѣкъ, сколько воздушное созданіе, изъ семьи фей или

кобольдовъ, но онъ во всякомъ случаѣ духъ добрый, а не призрачное созданіе темной силы для обольщенія человѣчества; онъ не можетъ быть такимъ, такъ какъ на немъ лежитъ особая религіозная миссія. Небеса съ магнетической силой притягиваютъ его сердце, притомъ небеса христіанскія. Его подвигъ, хотя бы тѣ краски, которыя онъ бросаетъ на полотно — тотъ-же подвигъ, что и смерть мученика во славу своего Бога. Можно сказать даже больше, что Богъ иногда разрѣшаетъ художнику проникнуть въ тайну своего творенія. Великій Творецъ для нашихъ слабыхъ чувствъ явилъ себя въ природѣ и не самъ Онъ говоритъ съ нами, такъ какъ мы слишкомъ слабы, чтобы уразумѣть его; въ каждой травкѣ, въ каждомъ камнѣ даетъ Онъ намъ намекъ на себя. Почти такъ же поступаетъ и художникъ: чуждые, чудные и незнакомые намъ лучи свѣтятся изъ него и онъ заставляетъ играть эти волшебные огни сквозь кристаллы искусства передъ глазами простыхъ смертныхъ, чтобы мы не пугались его и по своему его поняли. И тогда-то закончено его созданіе и вся жизнь человѣческая, залитая небеснымъ свѣтомъ, лежитъ передъ глазами зрителя и тайно вплетены въ эту жизнь цвѣты,—о которыхъ и самъ художникъ ничего не знаетъ, цвѣты, насажденные перстомъ Божіимъ; эѳирнымъ волшебствомъ вѣютъ они на насъ и говорятъ о томъ, что художникъ—Божій любимецъ" (Тикъ).

Если художнику дана возможность такого тѣснаго общенія съ Богомъ, то ему же данъ и даръ прозрѣнія всѣхъ самыхъ глубочайшихъ тайнъ природы, которая сама есть откровеніе Божіе. Искусство и природа, это два языка, какими Богъ говоритъ съ людьми. Для поэта природа вѣчно живая ткань, живой покровъ, которымъ облечено Божество и который онъ одинъ дерзаетъ иногда приподнимать, чтобы заглянуть въ великое святилище, гдѣ живетъ неизреченная тайна.

Но и въ дѣлахъ чисто земныхъ поэтъ такой же ясновидящій, какъ и въ вопросахъ самыхъ таинственныхъ и высокихъ. „Его дѣтская непредубѣжденная наивность вѣрнѣе находитъ дорогу сквозь лабиринтъ событій, чѣмъ мудрость, сбитая съ пути разсчетами на собственную выгоду и ослѣпленная безконечнымъ числомъ случаевъ и усложненій. Людямъ дано два пути—путь опыта, тяжелый съ безчисленными отклоненіями, другой, почти какъ скачекъ—путь внутренняго созерцанія. Идущій второй дорогой схватываетъ сущность каждаго событія и каждой вещи сразу въ ея живомъ и разнообразномъ единствѣ" (Новалисъ). „Одни поэты обладаютъ искусствомъ вѣрно

связывать событія: въ ихъ разсказахъ и басняхъ замѣтна большая чуткость къ таинственному духу жизни. Въ ихъ сказкахъ больше истины, чѣмъ въ ученыхъ хроникахъ. Пусть вымышлены всѣ дѣйствующія лица ихъ разсказовъ и вся ихъ судьба—важно то, —что внутренній смыслъ разсказа истиненъ и естественъ. Намъ нужно созерцаніе великой и простой души историческихъ событій, а внѣшніе образы, въ которые эта душа облечена имѣютъ для насъ малое значеніе" (Новалисъ).

Но кромѣ области знанія, художнику открыто необозримое, безбрежное царство чаяній, видѣній и предощущеній.

„Душа художника иногда въ плѣну у чудесныхъ сновидѣній; каждая частичка природы, каждый движущійся цвѣтокъ, каждое пролетающее облако для него воспоминаніе, либо намекъ на грядущее. Цѣлыя полчища воздушныхъ видѣній, для которыхъ душа остальныхъ людей закрыта, бродятъ въ его душѣ; духъ поэта вѣчно движущійся потокъ, неумолкающій ни на мгновеніе въ своемъ мелодичномъ шопотѣ, каждое дыханіе касается его и оставляетъ на немъ свой слѣдъ, каждый лучъ свѣта въ немъ отражается; онъ менѣе всего нуждается въ досадной матеріи, всего болѣе зависитъ самъ отъ себя, ему дозволено одѣвать свои образы въ лунное сіяніе и закатъ зари, онъ одинъ можетъ извлекать изъ незримыхъ арфъ никогда не слышанные звуки, по которымъ скользятъ на землю ангелы и нѣжные духи, привѣтствуя каждаго слушателя какъ брата" (Тикъ).

„Времена чудесъ, положимъ, прошли, но были эти времена, когда художникъ былъ настоящимъ чародѣемъ и чудотворцемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ древнія преданія: художники своей игрой и пѣньемъ пробуждали къ жизни скрытыхъ въ лѣсахъ духовъ, пріучали дикихъ людей къ порядку и нравственности—возбуждали въ нихъ нѣжныя, миролюбивыя чувства, превращали кипящіе пороки въ тихія воды и даже заставляли двигаться въ плавныхъ движеніяхъ мертвые камни. Поэты были пророки и жрецы, законодатели и врачи, они умѣли вызывать своимъ волшебствомъ высшія существа, которыя учили ихъ тайнамъ грядущаго и всей земной мудрости. Они внесли порядокъ въ природу" (Новалисъ).

Этическое значеніе искусства нашло, конечно, свое оправданіе въ этихъ акаонистахъ: „Любовь Божья равно разлита надъ всѣми людьми; Богъ для всѣхъ справедливый отецъ и молитва каждаго человѣка дойдетъ до него. А искусство есть именно такая молитва: она цвѣтокъ общечеловѣческаго чувства и во всѣхъ странахъ земли возно-

сится она къ небу. Въ каждомъ произведеніи искусства, гдѣ бы оно ни произросло, Богъ видитъ небесную искру, отъ него исшедшую. Ему одинаково дорогъ готическій храмъ, какъ и храмъ греческій. Военная музыка дикарей ему также пріятна, какъ и церковное хоровое пѣніе. А между тѣмъ люди, они такъ непохожи на своего отца, они вѣчно ссорятся другъ съ другомъ и не понимаютъ другъ друга и не видятъ, что они всѣ стремятся къ одной цѣли, такъ какъ каждый изъ нихъ стоитъ твердо на своей почвѣ и не хочетъ окинуть цѣлое своимъ взглядомъ. Но пусть они обратятся къ своему чувству, къ красотѣ и искусству, пусть увидятъ, что эта красота доступна всѣмъ людямъ и тогда они поймутъ, насколько они объединены одними движеніями сердца, насколько они братья. Намъ, дѣтямъ XIX вѣка, дано то преимущество, что мы стоимъ на вершинѣ высокой горы, и нашимъ глазамъ открыты многія страны и времена, лежащія у нашихъ ногъ. Воспользуемся этимъ и весело посмотримъ на времена и народы и будемъ стремиться почувствовать общечеловѣческое во всѣхъ ихъ чувствахъ и во всемъ, что ихъ чувствомъ создано. Поэтому-то въ искусствѣ данъ залогъ терпимости и любви къ человѣчеству" (Вакенродеръ).

Понятно, что при исполненіи такой священной роли, въ которой совмѣщено служеніе Богу и проповѣдь высшей мудрости и морали, художникъ не можетъ быть активнымъ участникомъ въ мелкой ежедневной житейской борьбѣ. Шумъ битвы долженъ его пугать и быть ему непріятенъ, такъ какъ онъ отрываетъ его отъ самопогруженія въ молитву, отъ созерцанія. Спокойствіе духа и безстрастіе—первое условіе для истинно величавой молитвы, которая не забываетъ о землѣ, но носится надъ ней какъ нѣкогда надъ хаосомъ носился духъ Божій.

„Первое, чему художникъ долженъ научиться, это способности побороть въ себѣ всякую душевную тревогу, потому что всякое рефлектирующее отношеніе къ дѣйствительности есть ядъ для вдохновенія. Этотъ покой духа не долженъ быть результатомъ какихъ-нибудь предшествующихъ психическихъ движеній; онъ—покой, самъ себя полагающій, особый даръ, особый актъ божеской благодати, который позволяетъ художнику стоять среди людей, но совсѣмъ внѣ ихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ схватывать красоту и понимать сущность этой жизни лучше всякаго другого. Художникъ настоящій ясновидящій. Мы все говоримъ о золотыхъ временахъ—думаемъ, что они отъ насъ такъ далеки и рисуемъ ихъ себѣ въ такихъ чудесныхъ краскахъ. На самомъ дѣлѣ эта чудная страна лежитъ у насъ иногда

подъ ногами. Если мы ее не замѣчаемъ, то потому, что не совсѣмъ честно (redlich) обходимся сами съ собой. Отчего мы иногда не отрекаемся сами отъ себя, отчего не сбросимъ съ себя все то, что насъ давитъ и мучитъ, отчего не вдыхаемъ чистый воздухъ и не пріобщаемся къ небесной свободѣ, которая прирождена намъ? Мы должны забыть на нѣкоторое время и войны, и битвы, и перебранки, и клевету, оставивъ все позади себя и закрыть глаза на то, сколько дикаго, сумасброднаго и путаннаго въ нашей жизни—затѣмъ, чтобы доставить небесному миру случай снизойдти на насъ и обнять насъ своими милыми крыльями. Но мы всегда предпочитаемъ путаться въ хитросплетеніи обычной житейской суеты, мы сами затягиваемъ флеромъ то зеркало, которое съ облаковъ къ намъ спускается, въ которомъ божество и природа являютъ намъ свои небесные облики—и все это мы дѣлаемъ затѣмъ, чтобы все ничтожество міра намъ показалось чѣмъ-то важнымъ. При такихъ условіяхъ человѣческій духъ не можетъ подняться изъ пыли и смѣло взглянуть на звѣзды и почувствовать свое родство съ ними. Онъ не можетъ любить искусство, потому что онъ не любитъ того, что освобождаетъ его отъ путанной растерянности (Verworrenheit), въ которой онъ обрѣтается“... (Тикъ). „Мы не можемъ сдержать себя въ уздѣ; всѣ наши планы, надежды и все довѣріе къ себѣ самому, все гибнетъ подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній, и въ душѣ нашей становится пусто и пустынно какъ въ дикой мѣстности, въ которой всѣ мосты сорваны яростнымъ потокомъ..... стóитъ намъ посмотрѣть на этотъ городъ, на эти стѣны, на это трудолюбіе людей,—и всѣ наши видѣнія исчезаютъ; великіе чудесные образы въ нашей фантазіи гаснутъ и никакое видѣніе не озаряетъ нашей души“ (Тикъ).

„Пусть въ государствѣ все служитъ къ единой цѣли; въ извѣстныя эпохи необходимо, чтобы граждане для своего блага или для своей независимости любили только свое отечество, свое оружіе, гражданскую свободу и ничто иное; но вы забыли, что въ такихъ государствахъ каждая отдѣльная душа (jedes eigene Gemüth) погибаетъ, чтобы поддержать лишь общій образъ цѣлаго. Блага, ради которыхъ свобода должна быть дорога человѣку, движеніе всѣхъ его силъ, развитіе всѣхъ богатствъ его духа,—эти самыя дорогія сокровища приносятся въ жертву, чтобы сохранить лишь эту свободу. Такимъ образомъ самая цѣль теряется ради средствъ. Развѣ это не чудное явленіе, когда человѣческій духъ смѣло, въ тысячи направленіяхъ, въ тысячи разнообразныхъ теченіяхъ, какъ струи искуснаго фонтана,

бьеть навстрѣчу солнцу? Именно то и утѣшительно, что не всѣ люди желаютъ одного и того же. А посему, оставьте невинному дѣтскому искусству идти своей дорогой, такъ какъ въ немъ всего чище, всего милѣе и наиболѣе непосредственно проявляетъ себя высота человѣческаго духа; искусство не строго какъ мудрость, оно—благочестивый ребенокъ, невинныя игры котораго должны трогать и увеселять каждое чистое сердце. Зачѣмъ искусству приносить пользу государству, обществу? Когда великое и красивое столь себя унизило, чтобы приносить пользу? Если такъ высоко цѣнить домашнюю пользу несчастнаго міра, то его благодѣтелями явились случай и всякія ничтожества; и что значитъ слово польза? Развѣ все должно имѣть своей конечной цѣлью ѣду, питье и одежду? Истинно высокое не можетъ и не должно быть полезно: такая полезность противна его божественной природѣ; и требовать этого,—значитъ лишать благородства все возвышенное и унижать его до самыхъ пошлыхъ потребностей. Искусство залогъ нашего безсмертія, тайный знакъ, по которому чудеснымъ образомъ узнаютъ себя вѣчные духи. Ангелъ въ насъ стремится проявить себя, но онъ находитъ въ насъ только силы человѣка, онъ не можетъ убѣдить насъ въ своемъ существованіи, а потому распоряжается и дѣйствуетъ самымъ нѣжнымъ, мягкимъ (lieblich) образомъ, чтобы какъ въ чудесномъ снѣ привить намъ сладкую вѣру. Въ порядкѣ, въ творческой гармоніи возникаетъ искусство“ (Тикъ).

Такъ говорили нѣмецкіе романтики, а вслѣдъ за ними и друзья Веневитинова, когда они старались уяснить себѣ роль художника среди макрокосма и выяснить общественную и божественную миссію этихъ странныхъ существъ, этихъ вдохновенныхъ сомнамбулъ, которыя какъ будто съ закрытыми для міра глазами безопасно бродятъ на высотѣ, съ которой всякій обыкновенный зрячій непремѣнно бы свалился.

XVI.

Выросшіе на нѣмецкой романтической почвѣ всѣ эти мысли, образы и настроенія нашли у нашихъ юношей съ „геттингенской душой“ почетный и радушный пріемъ. Быть можетъ, нашимъ московскимъ философамъ и не была вполнѣ ясна основная психологическая мотивировка нѣмецкаго культа поэта, но красота ритуала этого культа пришлась имъ по душѣ—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми внѣшними своими позами этотъ поэтъ всезнающій, всесильный, одинокій, въ раз-

ладѣ съ толпой или въ гнѣвѣ на нее, напоминалъ излюбленнаго, тогда еще очень популярнаго, героя въ гаральдовомъ костюмѣ. Въ глубинѣ ихъ духа эти два красивыхъ образа другъ на друга не были похожи: одинъ былъ апостолъ войны, другой апостолъ примиренія, но въ своихъ рѣчахъ и въ своемъ обращеніи съ людьми они иногда могли показаться родными братьями. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто увлекался Байрономъ (а кто имъ не увлекался у насъ въ двадцатыхъ годахъ?), могъ заинтересоваться этимъ романтическимъ типомъ вдохновеннаго молчаливаго поэта, который, какъ говорилъ Веневитиновъ, „не желая блеснуть принужденной личиной страсти, гдѣ-нибудь въ углу, уединенный, таилъ *вселюбящую грудь*".

Самъ Веневитиновъ въ своихъ раннихъ стихахъ обнаружилъ немалое пристрастіе къ байроническимъ мотивамъ прежде, чѣмъ полюбилъ нѣмцевъ и Гете. Большимъ поклонникомъ Байрона былъ и Пушкинъ незадолго до своего пріѣзда въ Москву и до своего знакомства съ московскими „любомудрами".

Веневитиновъ изъ первыхъ своихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ вывелъ то заключеніе, что прославленный поэтъ еще не вполнѣ сознаѣлъ свою силу, что онъ еще во власти того „волненія духа", которое вредитъ истинному творчеству, что онъ еще не вполнѣ разбайронился. Веневитиновъ писалъ тогда Пушкину:

Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный поэтъ,
Покинулъ міръ осиротѣлый,
Оставя славы жаркій слѣдъ
И тѣнь всемірныя печали,—
Хвалебнымъ громомъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань принесъ увядшей силѣ
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ.
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго Галла.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья,
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ:
Онъ нашъ:—жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ.
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.

Наставникъ нашъ, наставникъ твой
Онъ кроется въ странѣ мечтаній
Въ своей Германіи родной,
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонятъ насъ („Къ Пушкину“).

Неизвѣстно, чѣмъ Пушкинъ отвѣчалъ на это предложеніе привѣтствовать въ стихахъ Гете; но для насъ имѣетъ цѣну не самъ по себѣ этотъ совѣтъ, а тотъ ходъ мыслей, который навелъ Веневитинова на это стихотвореніе. Философъ, признавая всю силу дарованія Пушкина, боялся какъ бы Пушкинъ не подчинилъ свою пѣсню тревогѣ страстей какъ Байронъ или мыслямъ о политикѣ, на которыя наталкивалъ Пушкина скорбный образъ Андрея Шенье, и совѣтывалъ ему вспомнить о Гете, объ этомъ великомъ мастерѣ смирять всѣ страсти, единственномъ поэтѣ, который съ истинной высоты умѣлъ смотрѣть на жизнь, на всѣ волненія толпы въ безмятежномъ покоѣ созерцающаго духа.

XVII.

Пушкинъ полюбилъ Веневитинова и уважалъ его; онъ хорошо помнилъ его стихи, но, конечно, едва ли вспоминалъ о нихъ, когда писалъ свои собственные. Онъ могъ сказать о Веневитиновѣ стихами самого Веневитинова:

Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты,
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ! („Поэтъ и другъ“).

Эта краткая жизнь была, однако, мгновеніемъ въ исторіи развитія одной вѣчной идеи.

Въ сферу вліянія этой философской идеи Пушкинъ первый разъ въ своей жизни попалъ въ кружкѣ Веневитинова. Пусть онъ и неохотно на нее отзывался—а отвлеченныхъ тонкостей Пушкинъ, дѣйствительно, не любилъ—но по своей способности не пропускать ни

одного впечатлѣнія жизни безъ отклика, онъ въ стихотвореніи „Чернь" претворилъ въ образы всѣ нити новыхъ мыслей, долетѣвшихъ до его слуха. Мысли эти, быть можетъ, таились въ немъ — и вылились въ звуки, когда около него зазвучала художественная пѣсня, этими мыслями вдохновленная.

П. Котляревскій.

ПСКОВСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ XVI И XVII ВВ.[1]).

V.

Кромѣ селъ, деревень, починковъ, пустошей и селищъ для монастырей, церквей съ ихъ придѣлами и богадѣленныхъ избъ, существовали разныя доходныя статьи, связанныя съ землевладѣніемъ и находившіяся во владѣніи и пользованіи тѣхъ или другихъ учрежденій. Нѣкоторыя изъ этихъ статей были безоброчныя, другія оброчныя, т. е. съ платежемъ извѣстнаго оброка въ царскую казну. Смотря по обстоятельствамъ, возможенъ былъ переходъ оброчныхъ въ безоброчныя и наоборотъ. Оброчныя статьи сдавались съ торговъ предложившему наивысшую цѣну, хотя, въ то же время, могли быть предметомъ завѣщанія и пожертвованія. Нѣкоторыя статьи, какъ, напримѣръ, рыбныя ловли, могли состоять въ собственности церковныхъ учрежденій и этими послѣдними сдаваться въ оброкъ. Въ качествѣ оброчниковъ-арендаторовъ, мы встрѣчаемъ не только монастырскихъ настоятелей (архимандритовъ, игуменовъ, строителей) съ братіей и не только церковныхъ старостъ, но и членовъ причта и монаховъ, которые какъ видно не считались имущественно неправоспособными[2]). Изрѣдка доходъ съ тѣхъ или иныхъ статей шелъ спеціально въ пользу духовенства, чаще имѣлъ назначеніе „на церковное строеніе", обыкновенно же не обособлялся отъ другихъ доходовъ, поступавшихъ въ монастырскую казну, или къ старостамъ приходскихъ церквей.

Какъ объяснено было въ первой статьѣ, начальные листы кн.

---

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905 г. декабрь и 1906 г. апрѣль и май.

[2]) Такіе монастыри, какъ Никольскій съ Валку („общій монастырь"), гдѣ проведено было монашеское общежитіе, были исключеніемъ.

355 не сохранились ни въ подлинникѣ, ни въ копіи (кн. 831), поэтому *изъ безоброчныхъ нивъ*, съ перечисленіемъ которыхъ мы прежде всего встрѣчаемся при чтеніи кн. 355, намъ извѣстны лишь нѣкоторыя (Ивановскаго монастыря съ Завеличья, Никольскаго Кожина монастыря, Успенья съ Завеличья, Мироносицкаго монастыря съ Ильинской улицы, Никольскаго монастыря съ Валку, Духовскаго монастыря изъ Домантовы стѣны) и затѣмъ извѣстенъ общій итогъ. Всѣхъ монастырскихъ церковныхъ нивъ (по Пскову) было 238; пашни въ нихъ всѣхъ трехъ слѣтей было 428 четв. съ осминой, да худой земли 160 четв. безъ полуосмины; всей пашни — доброй и худой земли [1]) и перелогу всѣхъ трехъ полей 1121 ч. съ полуосминой по 374 ч. безъ полуосмины въ полѣ, да у тѣхъ же нивъ, межъ пашень, 13 пожень; сѣна на нихъ ставилось 73 копны. Пахались эти нивы и пожни косились псковичами—посадскими людьми и волостными крестьянами (т. е. изъ засадъ), которые въ монастыри и къ церквамъ давали изъ хлѣба четвертый снопъ. Сверхъ того за Пантелеймоновскимъ монастыремъ съ Краснаго двора, за Мироносицкимъ монастыремъ, за Успеньемъ съ Завеличья и за Никольскимъ монастыремъ съ Валку состояли четыре оброчныя нивы, оброку съ которыхъ платилось 5 алтынъ и 3 деньги [2]).

За нивами слѣдуютъ *мельницы* царя и великаго князя оброчныя. Въ числѣ разныхъ оброчныхъ мельницъ (т. е. сдававшихся всякимъ вообще арендаторамъ) упоминаются прежде всего нѣсколько мельницъ Печерскаго монастыря. При одной изъ нихъ („Дмитревская Денисова") были дворъ мельника и нивка съ пашней. При другой („Зыковская Суконника") стоялъ дворъ монастырскій, въ которомъ жили старцы, пріѣзжая изъ монастыря; тутъ же были дворъ ямщика и пашня. При третьей мельницѣ Печерскаго монастыря существовала кузница. Ниже [3]) встрѣчаемся еще съ мельницей того же монастыря, у которой былъ дворъ мельника и слободка на печерской землѣ; оброку съ нея платилось 10 руб.

Мельницы имѣли Сергѣевскій и Крыпецкій монастыри. Мельница Сергѣевскаго монастыря стояла на Варварской землѣ, и потому съ нея платился не только оброкъ (1 р. 11 алт.), но и поземъ въ Вар-

---

[1]) Это одинъ изъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда въ кн. 355 дѣлается различіе между доброю и худою землею.

[2]) Л. 9 и сл.

[3]) Л. 15.

варскій монастырь (22 алт. 2 д.). Мельницу „Ѳедкинскую Душилова“ держали богоявленскіе старосты изъ Запсковья на церковное строенье, уплачивая оброкъ 25 алт. и 5 ден.

Слѣдуетъ рядъ мельницъ, находившихся на Псковѣ рѣкѣ въ долевомъ владѣніи и пользованіи. Четверть мельницы „Вавиловской бережной“ принадлежала пяти церквамъ (Петру и Павлу и Борису и Глѣбу съ Бую, Богоявленью изъ Кстова и Богоявленью изъ Бродовъ и Варварѣ Великомученицѣ что въ середнемъ городѣ на Усохѣ), а ³/₄ мельницы—царя и великаго князя—состояли на оброкѣ за церковными старостами названныхъ церквей, которые держали свои доли на церковное строенье. Жеребьи между упомянутыми церквами „по дѣловой и полюбовной записи“ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: „вымилочныя деньги“ за 7 денъ должны были идти въ пользу Варвары св., за 7 денъ Петру и Павлу, двумъ Богоявленьямъ полчетверта дня, да Петровскимъ двумъ попамъ да Ѳоминскому (? sic!) да Борисоглѣбскому полдесята дня. Раздѣлъ и вымилочныхъ денегъ“ долженъ былъ производиться, какъ скоро вымалывалось 40 алт. и 4 деньги; изъ этихъ денегъ Петру и Павлу съ Борисомъ и Глѣбомъ (т. е. очевидно и съ священниками этихъ церквей) шло 30 алт. безъ гривны, двумъ Богоявленіямъ 4 алт. и 5 ден., Варварѣ Великомученицѣ 9 алт. и 2 д. [1]).

Въ другой мельницѣ (Вавиловской же), что была въ спорѣ съ Варварскимъ попомъ Дмитріемъ Деонисьевымъ, ³/₄ были царя и великаго князя и ¹/₄ двухъ Богоявленій, при чемъ эта послѣдняя четверть распредѣлялась между ними такъ, что три жеребья изъ нея шли въ пользу Богоявленья и Рождества Пречистой что со Кстова, а четвертый жеребей принадлежалъ Богоявленью изъ Бродовъ. Эта четверть была оброчная; оброку съ нея уплачивалось 4 р. съ гривною. Наоборотъ въ мельницѣ на Псковѣ рѣкѣ подъ Богоявленьемъ, на островку, три выти состояли за Богоявленіемъ во Кстовѣ, а четвертая выть была царя и великаго князя. Вымилочными деньгами два Богоявленья дѣлились между собою такъ, что Богоявленье въ Бродахъ имѣло четыре жеребья, а Богоявленье во Кстовѣ пятый жеребей; оброку платилось 2 рубля.

²/₃ мельницы за Михайловскими воротами принадлежали Введенію Пречистой что изъ-за Петровскихъ воротъ и Настасьѣ св. съ Полонища, а треть состояла за Алексѣевскимъ монастыремъ что за Вели-

---

[1]) Л. 11—12.

кими воротами; оброку со всѣхъ трехъ жеребьевъ платилось 12 руб. 15 алт. [1]). Введенскій монастырь имѣлъ еще безоброчную четверть мельничнаго мѣста (гдѣ раньше была мельница, и гдѣ въ данный моментъ ея не существовало). Остальныя $^3/_4$ этого мѣста состояли на оброкѣ за Покровскими старостами изъ Доман. ст. Дѣло въ томъ, что при мельницѣ были дворовое мѣсто и нивка (пашни перелогомъ худой земли 9 четвертей съ осминой въ полѣ, а въ дву потомужъ). Покровскіе старосты съ своихъ трехъ жеребьевъ платили оброку (впредь пока мельница не будетъ поставлена) $1^1/_2$ руб., „а какъ на томъ мѣстѣ мельницу поставятъ, и имъ оброчить во Псковѣ у дьяковъ (т. е. размѣръ оброка долженъ быть опредѣленъ вновь).

Далѣе упоминаются: мѣсто мельничное двухъ Богоявленій, мельница Крыпецкаго монастыря (въ которой $^1/_4$ принадлежала Онуфрію Рогаткину),—двѣ мельницы двухъ Богоявленій, Рождества Христова изъ Доман. ст. и Петра и Павла изъ середняго города (изъ „вымилковъ“ дѣлились „по половинамъ“, т. е. $^1/_2$ двумъ Богоявленьямъ и $^1/_2$ двумъ другимъ церквамъ), — мельница Никольскаго монастыря изъ Песокъ („по половинамъ“ съ Печерскимъ старцемъ Макаріемъ),—мѣсто мельничное двухъ Богоявленій и Петра и Павла изъ середняго города (мельница сгорѣла въ 93 г., а какъ скоро ее поставятъ, оброку съ нея должно платиться 25 алт. 2 деньги). Есть мельница одного Богоявленья въ Бродахъ и есть еще нѣсколько общихъ мельницъ обоихъ Богоявленій [2]).

Въ мельницѣ общей двухъ Богоявленій и Снѣтогорскаго монастыря три жеребья принадлежали двумъ Богоявленьямъ, четвертый Снѣтогорскому монастырю, отъ котораго жилъ тутъ старецъ; оброку платилось 2 руб. У Введенія за монастыремъ была мельница одного Снѣтогорскаго монастыря, а у мельницы дворъ, въ которомъ жилъ мельникъ, возлѣ нея существовало еще мѣсто мельничное того же монастыря; раньше оброку съ обѣихъ мельницъ платилось 6 р., а въ данный моментъ уплачивалось съ одной только мельницы 3 руб.

Упоминаются нѣсколько мельницъ Любятова монастыря (одна съ дворовымъ мѣстомъ и съ нивкою для пашни) и два мельничныхъ мѣста Костельникова монастыря; существовавшія на послѣднихъ мельницы

---

[1]) Л. 12—13.

[2]) Объ одномъ мельничномъ мѣстѣ, данномъ Богоявленскимъ приказчикамъ съ Завсковья, было сказано раньше по другому поводу. См. *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1905, декабрь, стр. 234—235.

раньше были безоброчными. Мельницу имѣлъ Троицкій протопопъ съ братіей (т. е. соборяне отъ Троицы въ Крему). Одно мельничное мѣсто было дано на льготу до 7105 г. (мельницу сожгли литовскіе люди въ 89 г.) игумену Снѣтогорскаго монастыря Геннадію съ братіей, Варламскому церковному приказчику Ивану Рѣпѣ со всѣми варламскими прихожанами и богадѣльныхъ избъ старостамъ Карпу Васильеву и Минѣ рыбнику за Гремячими воротами, у рѣчки Мелевицы, подъ Хлѣбною горою. Полчетверта жеребья въ этой мельницѣ числилось за Варламомъ преподобнымъ, полтора жеребья за Снѣтогорскимъ монастыремъ, да безоброчныхъ жеребій богадѣльныхъ избъ, да два жеребья Козьмы-Демьяна съ Запсковья и Рождества Христова изъ Доман. ст. Старцы богадѣльныхъ избъ, равно какъ Кузьмодемьянская и Рождественская церкви, оброка не должны платить и по прошествіи льготнаго срока (въ 105 г.); оброкъ по истеченіи льготнаго времени, *со шти (т. е. съ шести) жеребьевъ* (?!) платится по $1^1/_2$ руб. да пошлинъ по 2 алт. и по 3 ден. [1]). За Кузьмодемьянскимъ монастыремъ съ Гремячей горы также была мельница: раньше одна половина мельницы была безоброчною по старинѣ, другая оброчною, а нынѣ и послѣднею половиною монастырь владѣетъ безоброчно, такъ какъ оброкъ съ нея снятъ дьякомъ Парфеніемъ Родіоновымъ по государевой грамотѣ за приписью дьяка Петра Григорьева, „за вседневную службу“ [2]).

Въ засадахъ нѣкоторыя оброчныя мельницы доставляли доходъ монастырямъ и церквамъ такимъ образомъ, что имъ платилось за „притыку“, т. е. за прикрѣпленіе плотины къ церковной землѣ, при чемъ вознагражденіе за притыку могло имѣть разную форму. Такъ въ торошинской губѣ бѣльской засады, въ Запольѣ, на рѣкѣ Псковѣ, на долгой быстринѣ, существовало пустое мельничное мѣсто, на которомъ раньше стояла мельница, бывшая на оброкѣ за Игнашкомъ Ивановымъ и за Иванкомъ Пасоновымъ; при ней было пашни перелогомъ 1 ч., а пруды и плотина была примкнута къ Елизаровскаго монастыря землѣ (въ жеглицкой губѣ пустошь Тетерина); оброку давалось на годъ по 3 руб., да въ Елизаровъ монастырь за притыку изъ вымолку восьмая деньга (въ данный моментъ мельники померли и мельницу сожгли литовскіе люди). Въ той же бѣльской засадѣ, въ бѣльской губѣ въ Ондреевѣ помѣстьѣ Базарова, что нынѣ за Ондрю-

[1]) Л. 16.
[2]) Л. 20.

шею за Даниловымъ, существовало на Псковѣ же рѣкѣ, мельничное мѣсто, на которомъ раньше стояла мельница. Одинъ берегъ, на которомъ стояла мельница, принадлежалъ помѣщику, „а другой берегъ тоя мельницы притыка церковная что въ псколянской губѣ". Эта мельница была на оброкѣ за Базаровымъ, оброку давалось по 2 руб. да за притыву къ Николѣ Чудотворцу (псколянской губы) мололи на просвиры ржи на годъ по 20 четвертей [1]).

Нѣкоторые монастыри и церкви имѣли *варницы*. Въ Петровскомъ концѣ существовала варница Крыпецкаго монастыря, въ которой жилъ дворникъ Ермолка Юрьевъ; оброку съ нея платилась полтина. Богоявленье изъ Бродовъ имѣло варницу пивную и винную, съ которой оброку платился рубль, и еще варницу кожевную, съ которой уплачивалось оброку полтина. Иванъ Милостивый имѣлъ варницу подъ Благовѣщенскимъ монастыремъ и платилъ съ нея оброку $1^1/_2$ р. Вѣроятно не отъ имени церкви, а самъ за себя и отъ себя, Петровскій попъ изъ Домаи. ст. съ погреба держалъ варницу, находившуюся у него во дворѣ, уплачивая съ двора и съ варницы оброкъ въ размѣрѣ 1 руб.

При описаніи *бань* оброчныхъ (24 бани и 3 пустыхъ мѣста, между которыми нѣтъ церковныхъ) упоминается баня съ варницей на Егорьевскомъ Взвозѣ на Егорьевской землѣ: баню и варницу ставили сами псковичи, Егорью на Взвозѣ давали позомъ, а царю и великому князю платили оброку 2 руб. [2]).

При исчисленіи *клѣтей и лавокъ* упоминается цѣлый рядъ клѣтей, лавокъ и полокъ, какъ собственно—монастырскихъ и церковныхъ, такъ и принадлежавшихъ отдѣльнымъ членамъ духовенства, не исключая монастырскихъ старцевъ и старицъ. Изъ общаго итога [3]) торговыхъ помѣщеній въ Петровскомъ, Полонищскомъ и Запсковскомъ концахъ [4]) (1107 лавокъ, 3 прилавка, 2 полка, 4 чулана, 17 мѣстъ и 2 скамьи) значительное число состояло за церквами, монастырями и духовенствомъ, не считая 27 лавокъ и чулановъ и 4 мѣстъ, которыя находились на церковной землѣ. Въ послѣднихъ, т. е. нахо-

---

[1]) Л. 241—242.

[2]) Л. 21.

[3]) Л. общій итогъ на л. 148.

[4]) Кромѣ этихъ концовъ, упоминаются еще Завеличкій конецъ, о старостѣ котораго говорится, что онъ имѣлъ лавку въ торговыхъ рядахъ (л. 65), Теребицкій конецъ (л. 409) и Городецкій (гдѣ находилась церковь Архангела Михаила на Великой улицѣ, л. 381).

дившихся на церковной землѣ, торговыя операціи могли производиться отъ имени самихъ церковныхъ учрежденій, или, устраиваемыя церковными учрежденіями на своей землѣ, лавки могли сдаваться въ наемъ торговцамъ, или же, наконецъ, церковное учрежденіе давало землю торговцу подъ устройство лавки, взимая съ него поземъ; впрочемъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, наемная плата за церковную лавку и поземъ за пользованіе церковною землею подъ устройство лавки, повидимому, не различались ясно. Въ частности клѣти разсматривались съ той же точки зрѣнія, какъ и лавки, потому что хранившійся въ нихъ хлѣбъ предназначался не для удовлетворенія собственныхъ потребностей церкви или монастыря, а на продажу.

Упоминаются слѣдующія церковныя торговыя мѣста:

Клѣть Богоявленья изъ Кстова, въ которую сыплютъ всякій церковный хлѣбъ, обр. 2 гр.

Клѣть Сироткина монастыря, въ которую сыплютъ всякій хлѣбъ монастырскій, обр. 10 алт. Этому же монастырю принадлежала лавка о двухъ замкахъ: въ одномъ сидѣлъ Михалко Теронтьевъ изъ найму, въ другой Нечайко Дмитріевъ, обр. 11 алт.

Затѣмъ слѣдуютъ лавки Крыпецкаго монастыря, Николая Чудотворца Завѣтнаго Образа, общая лавка Троицы что въ Крему съ Козьмой-Демьяномъ съ Запсковья [1]), лавки Мирожскаго и Никольскаго монастырей съ Завеличья и клѣть Успенія Пречистой съ Завеличья, лавки Богоявленья изъ Бродовъ, Покрова изъ Доман. ст., Царя Константина съ Песку, скудельныхъ старцевъ, лавка церковная Архіепископа Ивана съ Запсковья [2]), клѣть „рядовская" завѣтнаго Образа Троицы Живоначальной что въ Крему [3]), лавки Пятницы въ Бродахъ, Иванскаго монастыря съ Завеличья, Зачатейскаго монастыря, Успенскаго монастыря съ Полонища, Петровскаго монастыря съ Завеличья, Кузьмодемьянскаго монастыря съ Гремячей горы [4]), житницы Троицы въ Крему и Печерскаго монастыря, мѣсто клѣтное Озерскаго монастыря изъ Кобыльскаго уѣзда [5]), лавка церковная Духа Св. изъ Доман. ст., въ которой сидѣлъ Петрушка Микулинъ сынъ, воротникъ

[1]) Л. 46.
[2]) Л. 62—84.
[3]) Л. 104.
[4]) Л. 108—120.
[5]) Л. 122 и сл.

Бродскихъ воротъ, лавка о двухъ затворахъ Кирилла Чудотворца Бѣлозерскаго что въ Доман. ст., въ которой держали всякій церковный хлѣбъ, и съ которой оброку платилось 7 алт. и 3 д. [1]), клѣти Варвары Св. съ Усохи и Сергѣевскаго монастыря съ Полонища. Объ одной пустой лавкѣ говорится, что она была всѣхъ рядовичей, и ее отдаютъ изъ найму, а тотъ наемъ (т. е. плату) даютъ къ церквамъ Николы Чудотворца и Софьи Св. что въ Доман. ст. [2]).

Много говорится о лавкахъ Оксиньи Св. что въ торгу и Покрова Богородицы съ торгу. Церковь препод. Ксеніи раньше имѣла много лавокъ, стоявшихъ на царя и в. князя землѣ: въ нихъ сидѣли торговые люди, а нынѣ то мѣсто подъ папертью, а торгуютъ на томъ мѣстѣ у паперти на скамейкахъ сапогами, свѣчами и всякимъ мелкимъ товаромъ [3]). Кромѣ того существовало нѣсколько поземныхъ лавокъ на церковной Ксеніинской землѣ, поземъ съ которыхъ шелъ въ пользу этой церкви, и нѣсколько лавокъ самой Оксиньи Св., отдававшіяся въ наемъ старостами этой церкви, при чемъ наниматели, кромѣ наемной платы, вносили оброкъ въ царскую казну [4]). Много лавокъ имѣла Покровская церковь съ торгу. Объ одной лавкѣ говорится, что „ее отдаютъ изъ найму церковные старосты, а найму даютъ за поземъ (!) по 10 алт. на годъ, а царю и в. князю по 10 московокъ". О другой, также отдававшейся изъ найму, сказано, что въ ней торгуютъ засною (крупою) и солью, „найму за поземъ" даютъ по 20 алт. на годъ, а царю и в. кн. оброку по гривнѣ. Съ двухъ лавочекъ, въ которыхъ торговали молокомъ, киселемъ и засною, позему давалось къ Покрову по 5 алт., а царю и великому князю по алтыну съ лавки. Съ четырехъ церковныхъ лавокъ, въ которыхъ торговали молокомъ и масломъ, оброку давалось за поземъ (!) со всѣхъ четырехъ 30 алт., а царю и в. кн. 8 алт. Съ пяти церковныхъ лавочекъ, въ которыхъ торговали масломъ и свѣчами, позему съ каждой платилось Покрову по 4 гривны, а царю и в. кн. по гривнѣ

[1]) Л. 127.

[2]) Л. 66.

[3]) Л. 81.

[4]) Л. 105. По словамъ автора „Истор. княж. Псковск." III, 142, церковь Препод. Ксеніи была построена в. кн. Васильемъ Ивановичемъ, по покореніи Пскова, въ 1510 г., а въ 1590 г. она сгорѣла. Во время производства писцоваго дѣла въ 80-хъ годахъ XVI в. она очевидно существовала, такъ какъ говорится и о церкви, и о паперти церковной. Однако, отмѣтимъ фактъ, что за этой церковью по кн. 355 нѣтъ никакихъ деревень и пустошей. Позднѣе мы припомнимъ этотъ фактъ.

въ годъ. Съ двухъ чулановъ, въ которыхъ торговали свѣчами, церкви давалось за поземъ на свѣчи и на ладанъ по 2 гривны въ годъ, а царю и в. кн. по 10 московокъ съ чулана. На церковной же Покровской землѣ, между Петровской и Луцкою улицами, на Вымлѣ, около колодезя были устроены навѣсы, подъ которыми торговали на восьмерыхъ санкахъ хлѣбомъ и калачами, поземъ давали съ этихъ мѣстъ Петровской и Луцкой улицъ сусѣди по 8 алт., а царю и великому князю полтину, „разводя этотъ оброкъ межъ себя сами". На будущее время навѣсовъ не должно быть, съ тѣмъ чтобы дана была возможность проходить къ колодезю на случай пожара, но торговля на 8 санкахъ, поземъ и оброкъ остаются по старинѣ. Это еще не все. Отъ Покрова Пречистой къ середнему городу идучи, на лѣвой сторонѣ, находились еще двѣ скамьи съ навѣсами на покровской землѣ: сидѣли тутъ Сидорко Родіоновъ да Якушъ Филатовъ отъ Покровскаго старосты изъ Домант. ст. Михаила Митрофанова по оброчной грамотѣ Сульменя Булгакова, торгуя калачами на семерыхъ санкахъ. Оброку раньше давалось по полтинѣ на годъ, да въ церкови Покрова за поземъ платился алтынъ, но Покровскіе старосты Сергѣйко Мартемьяновъ да Юшко Игнатьевъ надъ тѣмъ оброкомъ наддали полтину, такъ что на будущее время должно было уплачиваться по рублю въ годъ, при чемъ поземъ въ пользу церкви оставленъ безъ измѣненія. Наконецъ позади гостинаго льняного двора, на другой сторонѣ Криваго переулка, отъ нивы идучи къ Петровской улицѣ, была скамья противъ двора Петровской проскурницы, торговали тутъ молокомъ; позему къ церкви платилась гривна и оброку 10 московокъ [1]).

Упоминаются еще нѣсколько поземныхъ лавокъ, приносившихъ доходъ (по четыре московки съ лавки въ годъ) Николаю Чудотворцу что у Званицкаго креста у стараго Примостья [2]), и 2 лавочки у Егорьевской колокольницы на Егорьевской землѣ. Въ послѣднихъ торговали хлѣбомъ, калачами и свѣчами, поземъ давался Егорью на свѣчки и на темьянъ, а оброку царю и великому князю платилось 6 алт., по 3 алтына съ лавки [3]).

Что касается Завеличья, то тамъ у пловучаго моста у Изборской улицы на церковной Пречистенской землѣ (т. е. Успенія съ Поромани) находилось семь лавокъ, въ которыхъ торговали хлѣ-

[1]) Л. 136—139.
[2]) Л. 145.
[3]) Л. 147—148.

бомъ, калачами, солью, заспою, вообще всякимъ мелкимъ товаромъ, и 15 пустыхъ лавочныхъ мѣстъ. Раньше со всѣхъ лавокъ уплачивался поземъ церкви, въ количествѣ 1 рубля и 10 московокъ, а царю и великому князю платилось 2 рубля 8 алт. и 5 денегъ; но въ настоящій моментъ государева оброку не платилось, такъ какъ онъ былъ сложенъ по государевой грамотѣ за подписью дьяка Меншова Батева въ 86 году [1]).

Съ 150 листа идетъ длинное описаніе пустыхъ лавокъ и мѣстъ лавочныхъ и клѣтныхъ въ большомъ торгу и по улицамъ, при чемъ упоминаются мѣста Петра Св. съ Верхняго острова, Клементьевскаго монастыря съ Завеличья, Великопустынскаго, Сергѣевскаго и Снѣтогорскаго монастырей, Николы Чудотворца съ Усохи и Софіи Св. изъ Доман. ст. На Запсковьѣ также находилось нѣсколько пустыхъ лавокъ и мѣстъ лавочныхъ, между прочимъ Богоявленскія, съ которыхъ раньше поземъ платился Богоявленскимъ старостамъ на церковное строеніе по 2 алт. съ лавки, а царю и великому князю оброкъ платился по книгамъ.

Между владѣльцами лавокъ, какъ выше было замѣчено, встрѣчаемъ духовныхъ лицъ разныхъ степеней, а также женъ и вдовъ ихъ, равно монастырскихъ старцевъ и старицъ. Лавки или клѣти имѣли: Троицкіе попы (четверо) [2]), Архангельскій попъ изъ Песокъ [3]), Никольскій попъ съ Запсковья [4]), Богоявленскій попъ съ Запсковья [5]), Пятницкій и Петровскій изъ Доман. ст. [6]), Прочистенскіе съ Завеличья [7]), Васильевскій съ Болота [8]), Варламскій изъ предѣла отъ Николы съ Запсковья [9]), Покровскій изъ Мелетова [10]), попъ Клементій съ Государева двора [11]), Ивана Архіепископа на Запсковьѣ попъ Савелій, Никольскій изъ Устья и Покровскій [12]), вдовая попадья Анна Кузь-

[1]) Приписка на оборотѣ 148 л.
[2]) Л. 45, 53, 66 и 69.
[3]) Л. 51.
[4]) Л. 80.
[5]) Л. 81.
[6]) Л. 88—89.
[7]) 91—92. Изъ числа ихъ одинъ вдовый.
[8]) Л. 105.
[9]) Л. 107.
[10]) Вѣроятно придѣльный, потому что въ Мелетовѣ церковь была во имя Успенія.
[11]) Л. 121.
[12]) Л. 130—131. Клѣтью Никольскаго попа изъ Устья въ данный моментъ владѣли Игнатьевы люди Татищева.

мина и жена Пречистенскаго попа съ Завеличья [1]). Спускаясь ниже по іерархической лѣстницѣ, находимъ лавки или клѣти: *дьяконовъ* Воздвиженскаго, Пречистенскаго съ Завеличья [2]), Петровскаго, Алексѣевскаго и Рождественскаго дьяконовъ изъ Доман. ст. и дьякона Старо-Вознесенскаго монастыря [3]) — *дьячковъ* Троицкихъ [4]), Княжъ Володимерскаго съ Сѣнной нивы и Пятницкаго, Спасскаго отъ стараго костра и Егорьевскаго со Взвозу, Ново-Вознесенскаго монастыря, Ивановскаго съ Завеличья, дьячковъ отъ Іоанна Златоустаго и Іоанна Милостиваго и Воскресенскаго предѣльнаго дьячка [5]), — *пономарей* Иванскаго монастыря съ Завеличья, Сергѣевскаго монастыря, Пречистенскаго съ Завеличья, Григорьевскаго съ нивки, другого Успенскаго пономаря съ Завеличья [6]).

Неизвѣстно, въ какомъ качествѣ Печерскій игуменъ имѣлъ двѣ клѣти съ присѣньемъ, а Кузьмодемьянскій игуменъ съ Гремячей горы лавку [7]), т. е. въ качествѣ ли монастырскаго начальства, или въ своихъ личныхъ интересахъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что старцы и старицы имѣли лавки въ своихъ личныхъ интересахъ. Печерскій старецъ Арсеній Хвостовъ имѣлъ нѣсколько лавокъ. Одна изъ нихъ была со скамьей; оброку съ лавки и скамьи платилось 45 алт. и 3 деньги, а торговали въ ней сукнами и тафтами, золотомъ и серебромъ [8]). Съ двухъ другихъ лавокъ, съ четырьмя при нихъ прилавками, платилось 40 алт.; съ четвертой лавки его же 3 алт. [9]). Далѣе упоминаются лавки пяти другихъ Печерскихъ же старцевъ — Закхея, Родіона, Обросима, Досиѳея и Макарія [10]), Златоустовскаго старца Макарія [11]) и старицъ: Домны, жившей въ монастырѣ у старой Пят-

---

[1]) Л. 95. Послѣдняя имѣла клѣть вопче съ церковнымъ дьячкомъ изъ Оклюдицъ.

[2]) 36, 38—39. Лавка послѣдняго была поставлена „на полуторыхъ мѣстѣхъ лавочныхъ", оброку съ нея платилась полтина.

[3]) Л. 50, 53, 102 и 107, Изъ нихъ Алексѣевскій дьяконъ имѣлъ даже не одну лавку, а двѣ: послѣдняя была поземная на церковной землѣ Оксиньи Св.; позему съ нея уплачивалась полполтины и оброку 3 алт. Л. 105.

[4]) Одного лавка, другого клѣть. Л. 46 и 66.

[5]) Л. 54, 67, 119, 130 и 131.

[6]) Л. 37, 43, 51, 80 и 90.

[7]) Л. 121.

[8]) Л. 37—38.

[9]) Л. 39—107.

[10]) Л. 47, 48, 102, 109 и 135.

[11]) Л. 113.

ницы [1]), Прасковьи Ивановской жены Сергѣева [2]), Ефросиніи Ильинскаго монастыря съ Завеличья [3]), Маріи Истоминской жены Синицына [4]), Настасьи Михайловскаго монастыря изъ Песокъ, Θедосьи, жившей у Воскресенья на Стадищѣ, Анны изъ Успенскаго монастыря [5]), Александры Иванскаго монастыря съ Завеличья [6]).

Очень много мѣста отведено въ кн. 355 описанію *рыбныхъ ловель и исадовъ* въ разныхъ губахъ псковскихъ засадъ и пригородскихъ уѣздовъ; изъ послѣднихъ для нашей цѣли важны уѣзды Гдовскій и Кобыльскій, въ которыхъ, какъ и въ псковскихъ засадахъ, находилось много церковныхъ ловель и исадовъ. Нѣкоторыя ловли были оброчныя, нѣкоторыя безоброчныя. Большею частью ловля, производившаяся неводами, или однимъ неводомъ и другими орудіями, дѣлилась по жеребьямъ между нѣсколькими церквами, при чемъ опять одни жеребьи могли быть оброчными, другіе безоброчными; одни могли предоставляться монастырямъ и церквамъ, другіе оставались за царемъ и великимъ княземъ и сдавались въ оброчное содержаніе любому съемщику, всего чаще тѣмъ же самымъ церквамъ и монастырямъ, для которыхъ такимъ образомъ часть ловли была безоброчною, другая состояла на оброкѣ. Ловля всего чаще производилась съ исадовъ, но иногда изъ селъ и деревень. Исады большею частью стояли на государевой землѣ, но иногда на монастырской и церковной, да и на государевой землѣ могли быть устраиваемы монастырями дворы ловецкіе, въ каковомъ случаѣ, кромѣ оброка въ царскую казну, уплачивался поземъ монастырямъ. Ловецкіе дворы могли быть пашенными и непашенными. Впрочемъ, описанію ловель предшествуетъ еще описаніе рыбнаго, сущоваго и просольнаго ряда (во Псковѣ на посадѣ, подъ горою у Псковы рѣки, на берегу подъ городовою стѣною), при чемъ упоминаются, между прочимъ, амбаръ съ полками Никольскаго

---

[1]) Л. 37.

[2]) Л. 42.

[3]) Л. 47.

[4]) Л. 48.

[5]) Л. 93 и 94.

[6]) Л. 107 и 111. Изъ книгъ вотчинной конторы видно, что старицы и монахини могли сохранять своихъ холоповъ по вступленіи въ монашество и давали имъ отпускныя, уже будучи монахинями, даже схимницами. См. кн. 78/1620 вотч. конт. по Пскову, № 286, № 417 и 456, или поступались ими въ пользу своихъ родственниковъ (ibidem 354), и ср. еще завѣщаніе чернорізца-схимника въ Сборникѣ Муханова, С.-Пб. 1866, № 331.

попа Бориса Прокофьева, жившаго на Запсковьѣ, и общая лавка („по половинамъ") Троицы въ Крему и Богоявленья на Запсковьѣ [1]).

Такъ какъ писецъ, описавъ ловли бѣльской засады, переходитъ къ Гдовскому и Кобыльскому уѣздамъ, затѣмъ возвращается къ псковскимъ засадамъ, при чемъ наиболѣе важное мѣсто въ его описаніи занимаетъ завелицкая засада, то и мы будемъ держаться того же порядка при извлеченіи изъ кн. 355 необходимыхъ для нашей цѣли данныхъ.

Въ кривовицкой губѣ бѣльской зас. изъ четырехъ оброчныхъ тоней близь села Муровицкаго, одна, раньше бывшая за Иванкомъ Слютою съ дѣтьми, въ данный моментъ состояла за Ильей пророкомъ, что въ кривовицкой губѣ.

Въ тонѣ на Веприцѣ ловили однимъ неводомъ. Въ этомъ неводѣ 1/3 царя и великаго князя, 2/3 четырехъ монастырей—Снѣтогорскаго, Стефановскаго, Лазаревскаго и Сороткина (т. е. по полутрети или по 1/6 каждому); ловля монастырская была безоброчная, а съ царя и великаго князя трети полагался оброкъ въ количествѣ 15 алт. Въ тонѣ загорицкой подъ вязомъ также ловили однимъ неводомъ. Два жеребья были въ немъ царя и великаго князя, а треть невода принадлежала архіепископу новгородскому, вопче съ церковью Петра и Павла съ Бую, какъ безоброчная [2]).

При описаніи *исадовъ* въ кривовицкой губѣ, въ которые весною пріѣзжали рыбные ловцы и проживали въ нихъ, ловя на Псковскомъ озерѣ неводами, сѣтями, мережами, подволоками, котцами и всякими ловлями, съ масленаго заговѣнья до Петрова дня, упоминаются многія рыбныя ловли царя и великаго князя, общія съ монастырями и церквами. Такъ въ исадѣ Горкахъ, на устьѣ Великой рѣки, царю и великому князю принадлежали семь жеребьевъ оброчныхъ, а восьмой жеребей принадлежалъ Верхоостровскому монастырю. Въ рыбной ловлѣ въ Жидиловомъ бору 1/2 принадлежала царю и великому князю и сдавалась на оброкъ, другая 1/2 принадлежала семи церквамъ и монастырямъ: Воскресенью на Запсковьѣ, Старо-Вознесенскому монастырю, Кузьмѣ и Демьяну съ Гремячей горы, Ильѣ св. что въ Кривовицахъ, Петру и Павлу что въ середнемъ городѣ, Кузьмѣ и Демьяну съ Запсковья и Михаилу Архангелу изъ середняго города [3]).

---

[1]) Л. 169.
[2]) Л. 181.
[3]) Л. 185.

Въ верхолинской губѣ, бѣльской засады рыбная ловля въ устьѣ Толвы рѣки была раздроблена на нѣсколько вытей: двѣ выти сдавались на оброкъ (16 алт.) Мартынку Михайлову, жившему въ кривовицкой губѣ въ Никольской деревнѣ на Толвицѣ; семь вытей (безоброчныя) принадлежали Троицѣ въ Крему и Николѣ Чудотворцу съ Усохи; восьмая выть, безоброчная же, принадлежала Введенскому Толвицкому монастырю; наконецъ еще пять вытей состояли на оброкѣ, одна за Толвицкимъ же монастыремъ и четыре за Снѣтогорскимъ, при чемъ оброку съ этихъ пяти вытей уплачивалось 23 алт. 5 д. [1]).

Въ тонѣ подъ селомъ Овсищами седьмой жеребей (вопче по половинамъ) принадлежалъ Снѣтогорскому монастырю и Михаилу Архангелу въ Пескахъ, а шесть жеребьевъ за ними же состояли на оброкѣ; оброку давалось на годъ по полтинѣ опричь монастырскаго седьмаго жеребья. Подобнымъ же образомъ въ тонѣ подъ селомъ Писковичами седьмой жеребей принадлежалъ Снѣтогорскому монастырю, а шесть жеребьевъ царя и великаго князя, раньше бывшіе на оброкѣ за тремя рыбными ловцами, въ данный моментъ состояли на оброкѣ за Снѣтогорскимъ же монастыремъ [2]).

Въ исадѣ Березѣ, гдѣ ходилъ одинъ неводъ и 70 котцовъ, двѣ трети съ полутретью того невода и котцовъ—(слѣд. $^5/_6$), царя и великаго князя, состояли на оброкѣ за рыбными ловцами, а полтрети того невода и котцовъ—безоброчныя Толвицкаго монастыря.

Въ исадѣ Червицѣ, въ данный моментъ опустѣвшемъ, $^3/_4$ невода, котцовъ и сѣтей раньше были на оброкѣ за 4 ловцами, а четверть на оброкѣ за двумя монастырями—Толвицкимъ и Верхоостровскимъ, но такъ какъ и первые три жеребья на оброкъ не взялъ никто, то они остались за названными же монастырями, съ уплатою ими оброка по старинѣ [3]). Не подалеку была другая тоня, въ которой $^1/_2$ невода, сѣтей и котцовъ безоброчная принадлежала Троицѣ въ Крему, Дмитрію св. изъ Домантовы стѣны и Спасу, что на площади; изъ другой половины два жеребья состояли на оброкѣ за Троицкимъ протопопомъ съ братіей (30 алт. безъ гривны въ годъ), третій жеребей за Никольскими старостами съ Усохи, которые съ своей полутрети невода давали по 20 алт. [4]).

---

[1]) Л. 186.
[2]) Л. 187.
[3]) Л. 188—189.
[4]) Л. 190.

Въ Псковскомъ уѣздѣ и въ Великой рѣкѣ, отъ Пскова внизъ по Великой рѣкѣ, по правой сторонѣ, существовали безоброчныя тони: тоня Сереткина монастыря, четыре тони Свѣтогорскаго монастыря, тоня Рождества Христова изъ Домаитовой стѣны, а въ исадѣ Кривцѣ пять жеребьевъ принадлежало Елизарову монастырю, шестой Толвицкому.

Въ исадѣ Талавскѣ на островѣ Талавскѣ, во-первыхъ, на царя и великаго князя землѣ существовали дворы рыбныхъ ловцовъ, нашенные и непашенные (слѣдовательно черные дворы, состоявшіе въ казенномъ управленіи),—во-вторыхъ, на царя же и великаго князя землѣ дворы ловецкіе монастырскіе и церковные пашенные, обитатели которыхъ „тягль всякую тянули съ черными людьми“, однако, живя хотя и на царской землѣ, но въ монастырскихъ и церковныхъ дворахъ, должны были находиться, въ хозяйственномъ отношеніи, въ административной зависимости отъ церквей и монастырей (Елизарова мон. и Дмитрія св. изъ Доман. ст.) и, въ-третьихъ, на Талавскомъ же островѣ существовали дворы ловецкіе—монастырскіе и церковные пашенные на монастырскихъ и церковныхъ земляхъ Толвицкаго, Верхоостровскаго и Елизарова монастырей и Дмитрія св. изъ Домантовой стѣны. Но что касается пашни Елизарова монастыря (середней земли три осьмины, т. е. $1^1/_2$ чет.), то игуменъ Елизарова монастыря долженъ былъ „тягль всякую тянуть съ нея съ исадскими рыбными ловцы повытно, потому что та пашня изстари царя и великаго князя“. Кромѣ того, на островѣ Талавскѣ существовало „всѣхъ талавчанъ мѣсто дворовое братцкое“, а на середномъ островѣ Талавскѣ были двѣ нивки Дмитрія св. изъ Домантовой стѣны да Преображенія Спасова что во Псковѣ на площади (пашни середн. земли 5 ч. съ полуосминой),—эти нивки пахались наѣздомъ рыбными ловцами съ большаго острова Талавска, которые давали означеннымъ церквамъ изъ хлѣба четверть. Рыбные ловцы, жившіе на царя и великаго князя землѣ, пашенные и непашенные, уплачивали, въ общемъ, царю и вел. кому князю 42 руб. въ годъ, а монастырскіе и церковные рыбные ловцы давали изъ рыбной ловли доходъ и съ дворовъ поземъ въ монастыри и къ церквамъ [1]). Изъ сказаннаго видно, что исадъ Талавскій былъ исадомъ другого типа, не изъ тѣхъ, въ которыхъ рыбные ловцы проживали временно, пріѣзжая на весеннее время.

Въ Гдовскомъ уѣздѣ нѣкоторыя оброчныя царя и великаго князя

[1]) Л. 191—195.

ловли сдавались крестьянамъ цѣлой губы, или же всѣмъ гдовскимъ посадскимъ людямъ, такъ что оброкъ уплачивался всею губою, или всѣми посадскими людьми. Лѣтомъ рыбная ловля обыкновенно производилась сѣтями, мережами, удами, переметами, иногда котцами и острогами, зимой неводами, или же вмѣстѣ и другими изъ вышеозначенныхъ рыболовныхъ орудій [1]). Въ одномъ изъ исадовъ рудницкой губы $1^1/_2$ невода принадлежали царю и великому князю, $^1/_2$ невода состояло за Покровскимъ монастыремъ изъ Княжихъ озеръ (Кобыльскаго уѣзда) и Николаемъ Чудотворцемъ каменныя ограды съ Завеличья, при чемъ именно $^1/_3$ этого полуневода принадлежала Николаю Чудотворцу, а $^2/_3$ состояли на оброкѣ за Покровскимъ монастыремъ [2]), игумену котораго съ братіей сданы были и многія ловли въ черемоской губѣ [3]). Въ рудницкой же губѣ, подъ рудницкимъ погостомъ, была церковная ловля бережная (т. е. береговая) Ѳедора Тирона, что въ Домантовой стѣнѣ, производившаяся круглый годъ. Съ невода уплачивалась ловцами восьмая рыба, а съ мережи, уды и переметовъ пятая рыба; но случайно пріѣхавшій на берегъ съ голомянной (т. е. озерной) ловли ловецъ платилъ восьмую рыбу. Доходъ съ тенета и перевязнаго шелъ въ пользу поповъ, которые служили при Ѳедоровской церкви. При этомъ рѣдкій, а лучше сказать, повидимому, единственный случай указанія на древнее пожалованіе, съ точною ссылкой на документъ: „а дали тое рыбную ловлю псковскіе посадники Иванъ Агаѳоновичъ съ товарыщи лѣта 6455 (т. е. 1447), на печати у даные (т. е. у данной грамоты) Образъ Троицы Живоначальныя, а въ Григорьевыхъ книгахъ Нагова съ товарыщи та церковная рыбная ловля не написана“ [4]).

Подъ погостомъ Егорія св. на Мдѣ, въ Залахтѣ, у большаго Чудскаго озера, $^1/_2$ невода была оброчная; изъ другой половины четверть принадлежала Егорію во Мдѣ, полчетверти Озерскову монастырю и полчетверти Дмитрію св. изъ Гдова. Въ исадѣ царя и великаго князя на Вѣтахъ, у Чудскаго озера, вблизи модскаго погоста, рыбныя ловли были на оброкѣ у рыбнаго ловца Ларіонка Стуколова, но онъ сбѣжалъ въ нѣмецкую землю, и, въ виду того, что новаго оброчника не являлось, онѣ даны были, вмѣстѣ и съ пустыми дво-

---

[1]) Л. 196 и 205.
[2]) Л. 199.
[3]) Л. 202.
[4]) Л. 209.

рами, которые находились въ исадѣ, въ монастырь къ Николаю Чудотворцу что въ Гдовѣ, „потому что на старый оброкъ того исада и рыбныхъ ловель не взялъ никто, а у нихъ къ монастырю рыбныхъ ловель нѣтъ". Игуменъ Исаія долженъ былъ половину той ловли ловить на монастырь, а съ другой половины давать оброку во Псковъ въ государеву казну по 2 рубля, съ тѣмъ что первый оброчный платежъ долженъ быть внесенъ на Рождество Христово лѣта 7094.

Архіепископъ Новгородскій имѣлъ въ Гдовскомъ уѣздѣ три исада, въ которыхъ было пять ловецкихъ дворовъ да десять мѣстъ дворовыхъ, въ данный моментъ пустыхъ, не считая 11-го пустаго мѣста, принадлежавшаго Озерскому монастырю. Владыкѣ ловцы платили рыбою (извѣстное число счетомъ, напримѣръ, 1300 кравей, 26 щукъ) и часть деньгами (напримѣръ, 26 денегъ Псковскихъ) [2]).

Въ модской губѣ подъ Загорьемъ, въ Залахтѣ, два жеребья рыбной ловли принадлежали Егорію св. что во Мдѣ, третій Дмитрію св. изъ Гдова; ловля производилась весною (котцами и острогами) крестьяниномъ общей деревни этихъ двухъ церквей, который платилъ церквамъ изъ ловли пятую рыбу [3]).

Изъ двухъ рыбныхъ ловель подъ Роскопѣлью, принадлежавшихъ Егорію св. во Мдѣ и производившихся егорьевскими же крестьянами весною и въ осенинахъ, церкви давалась десятая рыба, а изъ общей ловли Егорія съ Николаемъ Чудотворцемъ изъ полянской губы Кобыльскаго уѣзда давалась десятая рыба. Послѣдняя ловля производилась „какъ озеро станетъ, съ перволедья, во всю зиму до весны, неводами и удами, а какъ озеро (в)скроется, и тое ловли во все лѣто не ловятъ, потому что берега нѣтъ". Тутъ же находилась ловля Троицкая изъ Крему; но ловцы уплачивали здѣсь восьмую рыбу. Напротивъ, нѣсколько тоней Тимоѳея св. изъ Домантовой стѣны въ данный моментъ пустовали.

Въ книгѣ 1068 довольно неожиданно встрѣчается свѣдѣніе о рыбныхъ ловцахъ у Николы на Козловѣ берегу, относящееся безъ сомнѣнія къ XVI в. такъ какъ въ моментъ составленія этой книги (около 30 г. XVII в.) вмѣсто погоста существовало только „мѣсто церковное, что былъ погостъ". Ловцы платили здѣсь въ прежнія времена (въ данный моментъ опять-таки было здѣсь 30 „мѣстъ" дво-

---

[1]) Л. 203—204.
[2]) Л. 209.
[3]) Л. 209—210.

ровыхъ ловецкихъ бобыльскихъ) оброку въ государеву казну по три московки и попамъ по алтыну съ двора, какъ ловецкаго, такъ и неловецкаго; съ ловецкихъ дворовъ, сверхъ того, уплачивалось попамъ полбочки ряпухи, „а бочка и соль попова". Кто впредь будетъ жить на этихъ мѣстахъ, долженъ платить тотъ же оброкъ [1]).

Въ Кобыльскомъ уѣздѣ, въ гвоздинской губѣ, „озерка лѣшіе" (т. е. лѣсныя) были на оброкѣ за старцемъ Елизарова монастыря Селиверстомъ, за казначеемъ этого же монастыря Іосифомъ, да за Елизарова же монастыря крестьяниномъ, да за Троицкимъ крестьяниномъ. Изъ этого сопоставленія и изъ умолчанія объ игуменѣ Елизарова монастыря нужно, повидимому, заключить, что старецъ и казначей брали рыбную ловлю на оброкъ сами для себя, а не для монастыря [2]). Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что языкъ писца не отличается точностію и опредѣлительностію. Ниже рѣчь [3]) идетъ объ исадѣ Палобнево Пристанище, въ которомъ пять жеребьевъ были на оброкѣ за старцемъ Елизарова монастыря Васьяномъ съ братіей и за монастырскимъ слугой Осдькой Стуколомъ (шестой жеребей былъ безоброчный Воскресенія Христова изъ Пскова). Ѳедька почему-то самостоятельно фигурировалъ при снятіи ловель на оброкъ, такъ что и поручная запись была по немъ особая, а между тѣмъ и онъ ловилъ на монастырь.

Въ рыбной ловлѣ подъ Кобыльскимъ Городищемъ полсема жеребья (т. е. $6^1/_2$ долей) были оброчныя, и жеребей принадлежалъ Михаилу Архангелу съ Городища. Голомянныя рыбныя ловли подъ селомъ Островцами были на оброкѣ за ловцами Островецкаго села, а рыбная ловля подъ селомъ Низовицами въ рѣкѣ Желчи была на оброкѣ же за старцами Покровскаго монастыря изъ Княжихъ озеръ [4]).

Исадъ Теребиша на р. Теребишѣ стоялъ на царя и великаго князя землѣ. Здѣсь были непашенные дворы и дворовыя мѣста рыбныхъ ловцовъ, которые давали „по своихъ душахъ" къ Егорью св. на Теребишу, да къ Николѣ Чудотворцу, что во Псковѣ на Усохѣ, да къ Варламу св. что у Варламскихъ воротъ. Въ данный моментъ эти дворы и дворовыя мѣста держали за собой попы и рыбную ловлю производили на себя, уплачивая оброкъ за ловлю и поземъ за дворы

[1]) Кн. 1068, л. 153—154.
[2]) Л. 212.
[3]) Л. 224.
[4]) Л. 214.

съ рыбными ловцами вмѣстѣ [1]). Въ другомъ исадѣ, также царя и великаго князя, $3^1/_4$ невода, котцовъ и всякихъ ловель состояли за означенными же тромя церквами, при чемъ оброкъ платился священниками и старостами по 30 алт. и 7 д.; всего уплачивалось (за поземъ и за рыбную ловлю) 4 руб. 6 алт. [2]). Въ мыслогостицкой губѣ существовалъ исадъ Снѣтогорскаго монастыря съ дворами и дворовыми мѣстами непашенными. Въ ремедской губѣ были ловли архіепископа Новгородскаго подъ Воздвиженскимъ селомъ Островцами, гдѣ рыбу ловили сельчане Островецкаго села, уплачивая архіепископу оброку 15 руб. въ годъ, а на озеркѣ Ремдѣ и въ близь лежащихъ рѣчкахъ рыбу ловили на самого архіепископа; ловцы пріѣзжали временно и жили въ находившемся на ремедскомъ погостѣ „дворѣ ловецкомъ архіепискуплемъ“ [3]). Подъ Воздвиженскимъ селомъ Островцами находилась ловля и самой Воздвиженской церкви (что во Псковѣ съ государева двора): ловили рыбу воздвиженскіе ловцы, „или кому воздвиженскіе попы дадутъ“, съ весны до Петрова дня и давали изъ своей ловли воздвиженскимъ попамъ седьмую рыбу [4]). Подъ селомъ Самоловскимъ была рыбная ловля Кожина монастыря: ловили крестьяне этого монастыря, жившіе въ селѣ Самоловскомъ, и изъ ловли давали монастырю четвертую рыбу.

Недалеко отъ ремедскаго погоста находилась вопчая деревня Николы съ Ремды, Троицы въ Крему и помѣщика Сумороцкаго: рыбная ловля подъ этой деревней принадлежала („по половинамъ“) Николѣ изъ Ремды и Михаилу Архангелу съ Кобылья Городища. Ловилъ крестьянинъ Сумороцкаго, уплачивая церквамъ пятую рыбу.

Подъ Желатскимъ островомъ находился обширный исадъ (болѣе 15 дворовъ) Печерскаго монастыря; ловцы ловили исключительно въ Чудскомъ озерѣ голомянную ловлю [5]).

Въ исадѣ Колъ было три двора и пять мѣстъ дворовыхъ на государевой землѣ и четыре мѣста на монастырской землѣ Покрова Озерскаго. Съ живущихъ дворовъ государевы крестьяне платили по три московки, съ монастырскихъ же дворовъ поземъ давался въ монастырь, а оброкъ за ловлю платился наровскимъ прикащикамъ или

[1]) Л. 218.
[2]) Л. 219—220.
[3]) Л. 225.
[4]) Л. 227.
[5]) Л. 228. Въ кн. 827 л. 447 сказано, что островъ Желацкій на Чудскомъ озерѣ въ Кобыльскомъ уѣздѣ принадлежалъ Печерскому монастырю „вопче съ немцы“.

откупщикамъ („у кого Нарова будетъ въ приказѣ или откупу"), въ размѣрѣ пятой рыбы „а коли продадутъ"—пятой деньги. Подолешскіе рыбные ловцы оброку въ Нарову платили изъ лѣтней ловли шестую рыбу, да дѣлового по 2 московки, а съ зимней голомянной ловли девятую рыбу. Напротивъ, Подборовскаго села крестьяне изъ вешней ловли уплачивали пятую рыбу, а изъ лѣтней и зимней шестую рыбу [1]).

На церковной землѣ Михаила Архангела съ Кобылья городища находился исадъ Городецъ, а на исадѣ стояли дворы ловецкіе съ пашенною землею. Ловцы давали къ церкви Михаила Архангела позему съ двора по 10 московокъ, да съ пашни доходу изъ хлѣба четвертый снопъ; но самая ловля принадлежала царю и великому князю, поэтому ловцы платили наровскимъ прикащикамъ или откупщикамъ оброкъ въ размѣрѣ пятой рыбы [2]).

На никольской землѣ Кожина монастыря стояли два исада: Тетерья горка и Носово поле. Въ томъ и другомъ поземъ платился съ двора по 10 денегъ московскихъ въ Никольскій монастырь; но обѣ рыбныя ловли опять-таки принадлежали царю и великому князю, и оброкъ платился наровскимъ прикащикамъ или откупщикамъ, въ размѣрѣ пятой рыбы, „да дѣлового по 2 деньги". Съ точки зрѣнія рыбной ловли и деревня могла разсматриваться какъ исадъ. Такъ подъ деревнею того же Кожина монастыря—Рудницею, рыбная ловля въ Чудскомъ озерѣ производилась не съ исада, постоянно или временно обитаемаго, а крестьянами этой деревни, которые платили въ монастырь по 10 московокъ съ двора, а оброкъ за рыбную ловлю, въ размѣрѣ пятой рыбы, платили тѣмъ же наровскимъ прикащикамъ или откупщикамъ [3]).

Много церковныхъ рыбныхъ ловель существовало въ разныхъ губахъ завелицкой засады. Въ колпинской губѣ существовалъ рядъ исадовъ царя и великаго князя. Въ исадѣ Яблонцѣ ½ невода принадлежала Лазаревскому монастырю и Кузьмѣ-Демьяну съ Запсковья. Въ другомъ исадѣ—Малой Ровицѣ—пятый жеребей ловли принадлежалъ нѣсколькимъ церквамъ: Саввинскому монастырю съ Многи рѣки, Сергкину монастырю, Борису и Глѣбу съ Прощеника, Святоотецкому монастырю съ Запсковья, Якиманскому монастырю съ Полонища,

[1]) Л. 234.
[2]) Л. 237—238.
[3]) Л. 238.

Петру и Павлу изъ середняго города и Покрову изъ Домаи. ст. [1]). Въ исадѣ Ровье ловля была отдана Крыпецкаго монастыря игумену Герасиму да строителю Перфирью съ братіей „противъ ихъ исадовъ, которыми у нихъ завладѣли литовскіе люди", при чемъ раньше существовавшій жеребей Саввинскаго монастыря долженъ оставаться по старинѣ. Въ исадѣ на Любницахъ ²/₃ ловли принадлежали Петру и Павлу съ Верхняго острова да Богоявленью изъ Бродовъ, и ¹/₃ оставалась за царемъ и великимъ княземъ. Въ исадѣ Щертовѣ, гдѣ ловля производилась Спасскими съ Колпина крестьянами, въ одномъ неводу половина шла въ пользу этихъ крестьянъ, въ другомъ неводу восьмой жеребей принадлежалъ Стефану св. съ Лугу [2]). Въ исадѣ Намильѣ ¹/₃ невода была за Николаемъ Чудотворцемъ что на Любятовѣ, а за Нерукотвореннымъ образомъ съ поля, Кузьмодемьянскимъ монастыремъ съ Гремячей горы и Стефаномъ св. съ Лугу цѣлый неводъ (т. е. по третямъ). Послѣ королевскаго приходу ловля здѣсь стояла пустая, и въ 93 г., по дачѣ дьяковъ Сульменя Булгакова и Ивана Андреева, была сдана на оброкъ Печорскому монастырю, при чемъ цифра оброка была назначена въ 3 руб.; но въ послѣднее время означенная ловля, вмѣстѣ съ исадомъ Лобневымъ, что въ Кобыльскомъ уѣздѣ въ мыслогостицкой губѣ, даны на оброкъ Елизарова монастыря старцу Васьяну да слугѣ Ѳедькѣ Стуколу, въ виду того, что они „наддали надъ Печерскимъ монастыремъ 1¹/₂ руб." [3]).

Изъ ловли въ исадѣ на Дубницахъ, восемь вытей были на оброкѣ за Крыпецкимъ монастыремъ, девятая за Печерскимъ монастыремъ, десятая за Спасомъ что въ Колпинѣ. Раньше Печерскій игуменъ давалъ со своей девятой выти оброку по 20 алт. на годъ, а Крыпецкій строитель съ братіей и Спасскій церковный староста съ Колпина съ девяти вытей (что раньше были за Некрасомъ Вышемѣрнымъ) оброку давали 7 руб. 4 грив. На будущее же время колпинскій староста съ своей выти долженъ давать 24 алт. 4 д., печерскій игуменъ съ своей выти долженъ платить по старинѣ, восемь же вытей Крыпецкаго монастыря имѣютъ быть безоброчными,—оброкъ съ нихъ сложенъ, „потому что ихъ ловлями завладѣли „литовскіе люди" [4]). Крыпецкій монастырь, кромѣ того, имѣлъ 1¹/₂ невода въ кулейской губѣ.—Раньше

---

[1]) Л. 246.
[2]) Л. 247—248.
[3]) Л. 249.
[4]) Л. 250.

существовалъ исадъ на Березовцѣ на острову, на помѣстной землѣ; въ данный моментъ на этомъ исадѣ были четыре дворовыя мѣста Крыпецкаго монастыря, а дворы снесены были еще до прежняго письма на исадъ Тіунецъ (Крыпецк. мон.); рыбу на томъ (берез.) исадѣ ловили съ Тіунца же, того же исада двумя неводами безоброчно [1]). Въ кулейской же губѣ $^3/_4$ невода ($^1/_2$ безоброч.) имѣлъ Василій св. съ площади, а за Середкинымъ монастыремъ и за Воскресеньемъ Хр. съ Стадища была шестая вытъ невода. Два исада состояли на оброкѣ за Кузьмодемьянскимъ монастыремъ съ Гремячей горы и нѣсколько исадовъ за Печерскимъ монастыремъ. Въ одномъ изъ исадовъ Печерская братія отказалась отъ ловли, мотивируя свой отказъ невозможностью платить оброкъ, и та ловля написана за Кузьмодемьянскимъ игуменомъ съ Гремячей горы, по челобитью его и братьи, съ оброкомъ по старинѣ [2]). У самаго погоста въ Кульѣ, надъ Кулицкою рѣкою, на берегу, былъ исадъ, въ которомъ за ловцомъ царя и великаго князя состояло 11 вытей невода и 3 выти за Печерскимъ монастыремъ [3]). Упоминаются рыбныя ловли, состоявшія на оброкѣ за Снѣтогорскимъ игуменомъ, и есть такая, въ которой этому монастырю принадлежала, восьмая вытъ [4]), а въ одной ловлѣ половина принадлежала Снѣтогорскому монастырю, другая за нимъ же была на оброкѣ [5]). Есть ловля, въ которой полшесты выти были царя и великаго князя, четверть выти принадлежала Варварѣ св. съ Усохи и Варварѣ св. съ новгородской дороги, остальныя доли принадлежали Егорію съ Камня и Введенскому монастырю съ новгородской дороги. Есть двѣ ловли, сданныя на оброкъ Златоустовскому игумену съ братіей, въ виду того, что онъ „наддалъ“ надъ другими съемщиками, есть исадъ, въ которомъ рыбу ловятъ Златоустовскаго монастыря старцы „наѣздомъ“, съ платежомъ оброка [6]).

Въ псцкой губѣ, на Семскомъ островѣ, былъ исадъ, въ которомъ изъ трехъ дворовыхъ мѣстъ одно было царя и великаго князя, другое Середкина монастыря, третье Лазаря Праведнаго, что въ Псковѣ на Запсковьѣ. Рыбу здѣсь ловили царя и великаго князя ловцы неводомъ и разными другими снастями, и въ этой ловлѣ два означенные

[1]) Л. 251.
[2]) Л. 253.
[3]) Л. 254.
[4]) Л. 256.
[5]) Л. 258.
[6]) Л. 257.

монастыря имѣли двѣ выти, а оброчные ловцы (двое княжь Ивановы крестьяне, т. е., безъ сомнѣнія намѣстника) имѣли третью выть. Въ этомъ же исадѣ было восемь пустыхъ мѣстъ голомянныхъ ловцовъ да пять мѣстъ бобыльскихъ [1]).

Въ исадѣ Моложвѣ, гдѣ было девять жилыхъ дворовъ, девять жеребьевъ ловли принадлежали царю и великому князю, десятый жеребей Стефану св. съ Лугу. Въ исадѣ на Борку стоялъ дворъ Романка Иванова Ушакова, да подъ нимъ же мѣсто голомянное отца его,—затѣмъ другой дворъ Кирилка Андреева да два мѣста пустыя. Здѣсь $^1/_3$ ловли принадлежали Ивану Милостивому [2]). Въ исадѣ на Мотовижи $^1/_3$ невода принадлежала Николаю Чудотворцу съ Устья да Петру св. изъ Пскова съ Застѣнья, а въ исадѣ Оноховѣ, въ которомъ на царя и великаго князя землѣ стояли три двора, $^1/_3$ ловли была за Варламомъ препод., $^1/_3$ за Печерскимъ монастыремъ и $^1/_3$ за богадѣльными старцами,—послѣдніе также платили съ своей доли оброкъ (рубль съ гривною). Оноховскіе рыбные ловцы ловили рыбу еще въ другомъ исадѣ (Толстиковъ берегъ), уплачивая оброкъ за пять жеребьевъ или вытей, тогда какъ шестая выть была безоброчная Егорья великомученика въ Печкахъ, который, кромѣ того, имѣлъ два жеребья въ рыбной ловлѣ на Борку (два другіе жеребья принадлежали Михаилу Архангелу изъ середняго города, пятый Ильѣ пророку, что въ Кульѣ, шестой былъ ловецкій [3]).

Въ Никольской на Устьяхъ губѣ исадъ Кузово былъ на оброкѣ за Снѣтогорскимъ игуменомъ Геннадіемъ съ братіей. Въ исадѣ Ваймицахъ *половина оброку* (20 алт. съ гривною) принадлежала двумъ церквамъ: Воскресенью Христ. изъ Домант. ст. и Николаю Чудотворцу изъ Устья; въ пользу послѣдняго шла также *половина оброку* (30 алт. на годъ) съ рыбной ловли въ исадѣ на Устьѣ въ Листовицѣ. Въ исадѣ на Кренпцахъ рыбу ловили сами никольскіе старосты Гаврилко Степановъ да Иванко Карповъ, но восьмой жеребей принадлежалъ здѣсь Снѣтогорскому монастырю [4]). Въ устьяхъ подъ Липою существовала рыбная ловля, бывшая раньше на оброкѣ за Смешкомъ Алексѣевымъ да за Тимошкою Ожеговымъ, но они померли, *а ловлю отказали* къ Николѣ Чудотворцу что въ Устьѣ; оброку они платили

[1]) Л. 259.
[2]) Л. 260.
[3]) Л. 261—262.
[4]) Л. 263.

4 гривны; нынѣ этотъ оброкъ долженъ платиться Никольскими старостами изъ Устья [1]).

На Великой рѣкѣ, на Стефановскомъ Лугу, рыбу ловили неводомъ Мироносицкаго монастыря старцы, а неводъ тянули къ Стефановскому Лугу. Остается не совсѣмъ яснымъ, какую выгоду извлекали для себя Мироносицкіе старцы: четвертый жеребій былъ Спаса Надолбина монастыря, три жеребья царя и великаго князя, оброку старцы платили 2 руб. 6 алт. и 4 ден. Нужно думать, что старцы брали на оброкъ всѣ четыре жеребья.—Рыбная ловля подъ Печурою въ Устьѣ на Великой рѣкѣ производилась ловцами Снѣтогорскаго монастыря, которые ловили „наѣздомъ"; но изъ ловли Снѣтогорскому монастырю шла только половина, ¼ принадлежала Стефану св. съ Лугу, послѣдняя ¼ царю и великому князю,—съ нея оброку полагалось 6 алт. [2]).

Съ нѣкоторыхъ оброчныхъ рыбныхъ ловель чистый доходъ (за покрытіемъ оброчнаго платежа) предназначался на церковное строеніе. Такъ въ исадѣ Раяхъ, принадлежавшемъ Николаю Чудотворцу съ Устьевъ, рыбу ловили на церковное строенье, уплачивая оброкъ въ 30 алт. [3]). Въ смолинской губѣ, въ озерѣ Смолинѣ рыбу ловили Никольскіе старосты изъ Смолина на церковное строенье, уплачивая оброкъ по четыре гривны. Въ нѣсколькихъ озеркахъ новоуситовской губы, бывшихъ раньше на оброкѣ за церковнымъ дьячкомъ для пуста [4]), ловля отдана на оброкъ новоуситовской губы старостѣ Рождества Пречистыя на церковное строенье.

Такъ какъ раньше должна была идти рѣчь объ оброчныхъ рыбныхъ ловляхъ завеличкой засады, то писецъ счелъ нужнымъ сказать и о безоброчныхъ ловляхъ въ разныхъ ея губахъ, какъ въ великомъ Псковскомъ озерѣ и на Великой рѣкѣ, такъ и по инымъ рѣкамъ и озеркамъ. Больше другихъ, имѣли такія ловли Печерскій и Снѣтогорскій монастыри; упоминается еще Верхоостровскій, Николы съ Валку, Спаса Надолбина и Стефановскій монастыри, а изъ церквей Николы изъ Устья, Воскресенье Хр. изъ Домант. ст., Настасья св. съ Полонища, Софья св. и Рождество Хр. изъ Домант. ст., Успенье съ Завеличья,—всего монастырскихъ и церковныхъ безоброчныхъ рыбныхъ ловель было 26 [5]). Нѣкоторыя изъ нихъ опять-таки раздроблены

[1]) Л. 264.
[2]) Л. 265.
[3]) Л. 266.
[4]) Л. 271—275,
[5]) Л. 272.

были по долямъ. Такъ въ исадѣ Верховскомъ двѣ выти ловли принадлежали Кожину монастырю, выть Середкину монастырю, четыре выти Ильѣ пророку въ Кульѣ [1]). Подъ селомъ Батковичами въ рыбной ловлѣ имѣли доли пять монастырей: Спасъ съ Промѣшицы, Фролъ и Лавръ, Никита св. съ поля, Василій св. съ Болота и Іоакимъ и Анна съ Полонища. Въ кулейской губѣ исадъ стоялъ на вопчей землѣ (на островѣ Будевижѣ) Печерскаго, Снѣтогорскаго и Саввинскаго монастырей: половина ловли принадлежала Печерскому, другая двумъ остальнымъ монастырямъ [2]). Наконецъ въ Рухѣ прудской засады существовала рыбная ловля Егорья Страстотерпца съ Болота вопче по половинамъ съ Пантелеймоновскимъ монастыремъ [3]).

Вышеизложенный матеріалъ, который почерпнутъ изъ общаго описанія предшествующаго описанію отдѣльныхъ засадъ и уѣздовъ, дополняется нѣкоторыми данными, содержащимися въ описаніи пригородовъ или уѣздныхъ городовъ.

Въ Гдовѣ нѣкоторые оброчные огороды состояли за церквами въ силу пожертвованія со стороны „гдовлянъ посадскихъ людей". Такъ за Пятницею Святою числятся три огорода, „а дали тѣ огороды гдовляне посадскіе люди" [4]). Изъ двухъ черныхъ огородовъ гдовляне образовали одинъ и дали его въ монастырь къ Николѣ, какъ оброчный (7 московокъ, или по кн. 827 семь денегъ) [5]). Были и безоброчные огороды. Таковъ огородъ Пятницы, образовавшійся изъ нѣсколькихъ черныхъ огородовъ; его пахали посадскіе люди, а къ церкви изъ всякаго обилья давали четверть. При производствѣ писцоваго дѣла, староста на тѣ огороды данныхъ не положилъ, а сказалъ, что онъ „вновѣ" (то есть недавно сдѣлался старостой), и что тѣ огороды дали гдовскіе посадскіе люди „по своихъ душахъ". И еще одинъ огородъ былъ данъ Пятницѣ св. „по душѣ" посадскимъ человѣкомъ Иваномъ Хорошиловымъ, а другой данъ былъ ей же посадскими людьми [6]). Шесть черныхъ огородовъ были спущены въ одно мѣсто, и изъ нихъ образовался одинъ огородъ Никольскаго Гдовскаго монастыря,—онъ опять-таки былъ данъ къ Николѣ гдовскими посадскими людьми. Подобнымъ же образомъ были спущены въ одинъ четыре

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Л. 275.
[3]) Л. 276.
[4]) Л. 466.
[5]) Л. 470.
[6]) Л. 473—474.

огорода и даны посадскими людьми Дмитрію св. во Гдовѣ. Афанасьевскому дѣвичу монастырю были даны два огорода: одинъ данъ по душѣ посадскимъ человѣкомъ Семеномъ Варивовымъ, другой „вданъ“ гдовскими посадскими людьми „въ повѣтрѣе“ [1]). Гдовлянами же посадскими людьми былъ данъ огородъ богадѣльнымъ старцамъ, а богадѣльницкія старицы имѣли клѣть, съ которой платили оброку алтынъ [2]). „Вкладчикъ Образа Спасова“ (то есть Образскаго монастыря во Псковѣ) Иванъ Кондратьевъ сдалъ при жизни свою ниву *по закладной записи* Өофанку Васьянову, который ее и пашетъ, „а послѣ живота своего та нива отдати въ монастырь Образа Спасова“ (вѣроятно, нива должна была поступить въ монастырь по смерти не закладчика, а держателя закладной) [3]). Безоброчныя нивы во Гдовѣ имѣли: 1) Никольскій монастырь (о нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано, что онѣ отданы въ монастырь по наказу князя Юрія Ивановича Токмакова да дьяка Парфенія Родіонова“ противъ монастырскіе пашни что у нихъ взято и отдано гдовскимъ охотникамъ) [4]), 2) Дмитрій св. что во Гдовѣ, 3) Аѳанасьевскій дѣвичь монастырь, 4) Пятница что во Гдовѣ, 5) Михайловскій монастырь изъ Пскова съ Песокъ, 6) Воскресенье съ Стадища, 7) Богоявленье изъ Бродовъ, 8) Ивановскій монастырь изъ Завеличья.

Въ описаніи Острова упоминается нѣсколько клѣтей духовныхъ лицъ [5]) и нѣсколько нивъ оброчныхъ и безоброчныхъ. Оброчныя нивы состояли за Пречистою Богородицею съ Болабанова, за богадѣльницкими избами, за Николаемъ Чудотворцемъ изъ Острова и за Покровскимъ монастыремъ. О двухъ нивахъ сказано: „половина тѣхъ нивъ Николы Чудотворца, четверть Покрова Пречистыя и четверть пушкаря Микулки Микулина“ [6]). Изъ безоброчныхъ нивъ нѣкоторыя состояли за Никольскою же церковью, другія за богадѣльницкими избами; богадѣльные старцы, кромѣ 16 нивокъ и двухъ нивъ, имѣли еще огородъ безоброчный [7]). Въ Островѣ на Великой рѣкѣ стояла мельница, повыше намѣстнича двора, съ нѣмецкимъ колесомъ,—это была оброчная мельница Алексѣевскихъ старцевъ изъ Пскова съ

[1]) Л. 475.
[2]) Л. 476 и 481.
[3]) Л. 484.
[4]) Л. 489.
[5]) Л. 614, 617, 2629.
[6]) Л. 616.
[7]) Л. 618.

Всполья; оброку съ нея давалось по старому письму четыре рубля, а въ 87 г. псковскіе дьяки „запуста" дали ее на оброкъ Алексѣевскаго монастыря игумену Макарью, при чемъ у мельницы поставленъ былъ дворъ для мельника; оброку съ мельницы и съ двора должно платиться 2 р.; прудъ этой мельницы приведенъ вмѣстѣ съ Никольскими мельницами [1]). Изъ трехъ, раньше существовавшихъ, мельницъ Николая Чудотворца въ живущихъ была только одна; оброку съ нея платилось 3 р. 11 алт. съ деньгою [2]).

Въ Изборскѣ Печерскій монастырь имѣлъ двѣ житницы оброчныя, нѣсколько оброчныхъ нивъ и поженъ, *садъ*, въ которомъ жилъ дворникъ Печерскаго монастыря, и съ котораго оброку платилось 10 алт., нѣсколько безоброчныхъ нивокъ и поженокъ и оброчную рыбную ловлю [3]). Изъ мѣстныхъ Изборскихъ церквей соборная церковь Николая Чудотворца имѣла клѣть, варницу пивную и винную, оброчныя и безоброчныя нивы,—церковь Рождества Пречистой съ посаду тоже самое (но безъ варницы). Находившійся въ Изборскомъ уѣздѣ Мальскій монастырь имѣлъ въ Изборскѣ клѣть, пожни, нивки, оброчныя мельницы [4]). Степановскій монастырь съ Заволичья владѣлъ безоброчно половиной мельницы, другая ½ была за мельникомъ Ваською Денисовымъ [5]). Изъ описанія Изборска видно, что тамъ существовала богадѣльня, такъ какъ указываются разныя мѣста подлѣ богадѣльни [6]); но не видно, чтобы богадѣльня имѣла какія-либо доходныя статьи. Можно даже думать, что самаго зданія богадѣльни въ данный моментъ уже не было, такъ какъ говорится о двухъ избахъ пустыхъ, въ которыхъ живутъ нищіе старцы, то есть надо полагать, идетъ рѣчь не о богадѣльныхъ зданіяхъ, а объ опустѣвшихъ обывательскихъ дворахъ [7]). Повидимому нищіе же старцы имѣются въ виду, когда писецъ сравниваетъ наличное количество черныхъ тяглыхъ дворовъ съ прежнимъ: „передъ старымъ убыло 53 двора да 6 дворовъ старцевыхъ" [8]).

Напротивъ въ Вороночѣ богадѣльные старцы имѣли два безоброчные огорода и двѣ оброчныя пожни, одну въ самомъ Вороночѣ, дру-

[1]) Л. 618.
[2]) Тамъ же.
[3]) Л. 647, 656, 662.
[4]) Л. 648.
[5]) Л. 663.
[6]) Л. 651—655.
[7]) Л. 647.
[8]) Л. 653.

гую въ уѣздѣ [1]). Изъ церквей и монастырей, за исключеніемъ церковнаго Ивана Милостиваго мѣста и огорода на церковной на Ивановской землѣ (который пахался пушкаремъ, платившимъ зато „поземъ" къ церкви), огороды, нивы и пожни находились въ пользованіи мѣстныхъ вороночскихъ церквей и монастырей: Успенья, Покрова, Спасскаго и Никольскаго монастырей, приходской церкви Ивана Предтечи, Кузьмы и Демьяна, Егорья и Михаила Архангела [2]).

Выборъ представляется настолько раззоренным, что, по описанію, въ немъ оказывается всего два двора тяглыхъ, а людей въ нихъ 3 человѣка. Посадскіе люди (т. е. эти трое) занимались тѣмъ, что пахали нивы двухъ монастырей—Воздвиженскаго и Варварскаго, давая монастырямъ пятый снопъ [3]).

Подобнаго же рода свѣдѣнія сообщаются въ кн. 355 относительно другихъ псковскихъ пригородовъ. Мы удовольствуемся данными относительно Краснаго, Велья и Опочки, насколько притомъ въ нихъ есть нѣкоторыя особенности.

Красный, во время производства писцоваго дѣла, принадлежалъ еще къ территоріи московскаго государства. Нѣкоторыя въ немъ черныя дворовыя мѣста обращены были въ оброчные огороды, которые въ данный моментъ состояли за стрѣлецкимъ сотникомъ, попами и дьяками церковными, пушкарями и красногородскими стрѣльцами, „и на тѣ огороды оброкъ положенъ до тѣхъ мѣстъ, какъ ихъ черные люди изъ тягла возьмутъ" [4]).

Церковныя нивы, въ количествѣ 38, и пожни, главнымъ образомъ Спасскія, обработывались посадскими людьми, которые оброкъ давали къ церквамъ изъ хлѣба четверть [5]). Въ данный моментъ пустовала мельница, съ которой раньше платилось съемщикомъ оброку полшеста рубля, да Спасу за притыку на темьянъ и ладанъ полтина [6]). Въ Красномъ существовала богадѣльная изба, да пять дворовъ старцевыхъ; богадѣльные старцы имѣли два безоброчныхъ огорода [7]).

Въ Вельѣ было много церковныхъ нивъ (въ томъ числѣ нива, что была ямская слобода), и большею частью онѣ сдавались въ об-

[1]) Л. 728, 738, 747.
[2]) Л. 727—748.
[3]) Л. 775.
[4]) Л. 561—562.
[5]) Л. 568.
[6]) Л. 570.
[7]) Л. 560 и 564.

рокъ, который платился на церковное строенье [1]). Между прочимъ, на Поповской большой улицѣ мѣсто, что былъ Спасскій монастырь, въ длину 40 саженъ а поперекъ 27 саженъ, пахалось волейскимъ старостой Юркомъ Филатовымъ, а оброкъ онъ давалъ на монастырское строенье [2]).

Въ Опочкѣ нѣкоторыя изъ оброчныхъ нивъ даны были къ Николѣ въ монастырь старцемъ Іоной [3]). Безоброчныя церковныя нивы обработывались посадскими людьми, которые давали съ нихъ къ церквамъ изъ всякаго хлѣба четвертый снопъ [4]). Церкви Луки Евангелиста, кромѣ того, даны были шесть мѣстъ дворовыхъ безоброчно на церковное строенье, а церкви Ѳомы Апостола, на церковное же строенье, былъ данъ огородъ безоброчно [5]). Никольскій монастырь имѣлъ еще слободку съ 17 бобыльскими дворами, въ которыхъ жили никольскіе бобыльки. Раньше была еще Кузьмодемьянская слободка на Кузьмодемьянской землѣ, но въ данный моментъ мѣста были пусты [6]). Какъ на особенность Опочки, нужно указать на то, что нѣкоторые члены духовенства, наравнѣ съ дѣтьми боярскими, пушкарями, воротниками и стрѣльцами, жили въ черныхъ дворахъ, а не въ бѣлыхъ. Съ нихъ было положено взимать оброкъ, „докуды тѣ дворы черные люди изъ тягла возьмутъ“ [7]). Опочецкіе богадѣльные старцы имѣли безоброчный огородъ и безоброчную ниву, отъ которой отличается еще скудельницкая нива [8]).

VI.

Изъ вышеизложеннаго описанія нивъ и рыбныхъ ловель можно было видѣть, что если оброкъ, уплачивавшійся рыбными ловцами, значительно разнообразился—четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая рыба [9]), то съ городскихъ и пригородскихъ нивъ, обработывавшихся горожанами, уплачивался обыкновенно чет-

---

[1]) Л. 803.
[2]) Л. 804.
[3]) Л. 867.
[4]) Л. 875.
[5]) Л. 860.
[6]) Л. 857.
[7]) Л. 856.
[8]) Л. 860, 877.
[9]) Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. архіепископу, уплачивались опредѣленное число штукъ, или опредѣленный денежный оброкъ.

вертый снопъ, или четверть хлѣба (за исключеніемъ Выбора, гдѣ уплачивался пятый снопъ). Напротивъ для крестьянъ, жившихъ въ монастырскихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ деревняхъ, существовало, повидимому, общее правило, по которому уплачивалась пятина. Объ этомъ нужно заключать изъ книгъ вотчинной конторы по Пскову, въ которомъ содержится масса крестьянскихъ и бобыльскихъ порядныхъ. Древнѣйшія порядныя относятся къ 7135 (т. е. 1628) г., и едва ли возможно предполагать, что въ XVI в. существовали другіе порядки. Книги 78/1620, 80/1622, 83/1625 и 84/1626 представляютъ намъ, съ рѣдкими отступленіями, которыя будутъ указаны ниже, одни и тѣ же условія, на которыхъ крестьяне и бобыли рядились къ другимъ землевладѣльцамъ.

Нѣтъ надобности пояснять, что крестьяне и бобыли, если они имѣли дѣло съ монастырями, заключали свои порядныя съ монастырскимъ начальствомъ, или на имя самого архіепископа, если послѣдній на свои земли рядилъ крестьянъ,—какъ скоро же они имѣли дѣло съ церквами, заключали порядныя съ церковными старостами, которые могли также предоставлять и льготы (на 1 — 4 года) отъ исполненія обычныхъ крестьянскихъ обязанностей; они же взыскивали и „заставу" (неустойку въ 3, 5, 10 р. и выше) въ случаѣ неисполненія условленныхъ обязанностей, а также привлекали къ отвѣтственности поручителей. Старосты дѣйствовали отъ имени всѣхъ прихожанъ, или даже прихожане, которые иногда также называются волощанами [1]), представляются дѣйствующими вмѣстѣ съ старостами. Въ особомъ положеніи находились церкви Входа въ Іерусалимъ и Воскресенія Христова въ Домантовой стѣнѣ. Порядившіеся въ крестьяне къ этимъ церквамъ давали на себя порядную запись „всегородной избы старостамъ", чѣмъ указывается на особое отношеніе города къ этимъ церквамъ [2]). Случалось, конечно, что порядная запись заявлялась воеводѣ и дьяку не непосредственно заинтересованнымъ лицомъ, а кѣмъ-либо постороннимъ, но запись самая всегда писалась на имя заинтерессованнаго лица. Такъ, напримѣръ, извѣстный изъ исторіи псковскій торговый человѣкъ Θедоръ Емельяновъ положилъ въ 149 г. предъ воеводой и дьякомъ

---

[1]) Кн. 83/1625, №№ 24 и 99. Объ отношеніи между губой, приходомъ и волостію ср. пред. статью: декабрь, 1905, стр. 254.

[2]) Тамъ же, №№ 52 и 334; хотя въ послѣднемъ говорится также и о Воскресенскихъ церковныхъ прикащикахъ, но порядная запись была дана всегороднымъ (или земскимъ) старостамъ.

крестьянскую порядную въ вотчину Михаила Архангела изъ середняго города, но самая запись была выдана на имя церковныхъ прикащиковъ [1]), такъ что слѣдовательно Ѳедоръ Емельяновъ не былъ для церкви Михаила Архангела тѣмъ, чѣмъ были всегородные старосты для двухъ, вышеупомянутыхъ, церквей. Заслуживаютъ вниманія два случая, когда тотъ же Ѳедоръ Емельяновъ вступалъ въ соглашеніе съ крестьянами и бралъ отъ нихъ порядныя лично, на свое имя и для себя, но съ особою оговоркою, что, по смерти его и его жены, крестьянинъ будетъ крѣпокъ за церковью. Дѣло въ томъ, что Ѳедоръ Емельяновъ бралъ въ оброчное содержаніе церковныя земли Варлама Преподобнаго съ Запсковья, поряжалъ на эти земли крестьянъ на обычныхъ условіяхъ крестьянскихъ, но выговаривая, что „послѣ ихъ Ѳедоровы и женѣ его Прасковьины смерти", крестьянинъ „впредь во крестьянствѣ за Варламомъ Преподобнымъ съ Запсковья будетъ крѣпокъ" [2]).

Обычныя крестьянскія обязательства, прописывавшіяся въ порядной, заключались въ слѣдующемъ: живучи въ такой-то деревнѣ, пашню пахать, поля разчищать, изгороди городить, крестьянскій дворъ поддерживать въ удовлетворительномъ состояніи, пятинный хлѣбъ или вообще пятинный сборъ представлять въ монастырскую или въ церковную казну безъ всякой хитрости, церковное всякое дѣло дѣлать съ другими крестьянами наравнѣ, подати платить по окладу, жить тихо и смирно, корчмы и разврата не заводить, пристани для воровъ не держать,—иногда еще присоединялось обязательство государю, царю и великому князю не измѣнить,—наконецъ, изъ данной вотчины ни къ кому другому не переходить,—все это обезпечивалось „заставой", т.-е. неустойкой и, кромѣ того, большею частью, поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ, а въ концѣ стояло обыкновенно заключительное обязательство: „а впредь (за такимъ-то землевладѣльцемъ) во крестьянствѣ крѣпокъ" [3]). Пятинный хлѣбъ нужно понимать въ обширномъ смыслѣ

---

[1]) Тамъ же, 84/1626. № 57.

[2]) Тамъ же, №№ 55 и 58.

[3]) См. кн. 78/1620 №№ 4, 15, 19; кн. 80/1622 №№ 3, 14, 15, 37, 56; кн. 83/1625 №№ 64, 114, 117, 124 и др. Изъ книги 83/1625 № 90 видно, что и государовы подати уплачивались крестьянами не непосредственно финансовымъ агентамъ государства, а въ церковную же казну, такъ что госуд. казна имѣла дѣло съ самимъ землевладѣльцемъ: „церковный пятинный всякій доходъ отвозить къ нимъ вотчинникомъ (старостамъ и прихожанамъ Кузьмы-Демьяна съ Запсковья) во Псковъ по зимнему пути... и всякія государевы подати въ церковную казну платить". А вся вообще процедура

пятой доли хлѣба — (ржаного и ярового, сѣна и „всякаго мелкаго обилья“, какъ напримѣръ льна) [1]). Операція выдѣла пятаго снопа, или вообще пятой доли сбора, должна была производиться подъ извѣстнымъ контролемъ. Такъ въ порядной записи, выданной двумя крестьянами—между собою родными братьями—строителю Спаса Надолбина монастыря, пунктъ о пятинѣ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „и по выдѣлу *монастырскихъ цѣловальниковъ* хлѣбъ, рожь и ярь, пожавъ и обмолотя, и всякое мелкое обилье, ленъ и сѣно, отвозить во Псковъ въ монастырь къ Преображенію Спасову строителю съ братіей пятина вся сполна“ [2]). Въ порядной на имя церковныхъ прикащиковъ Іоанна Милостиваго было прописано: „всякія государевы подати по раскладу съ сусѣдями вмѣстѣ платити и службы служити и *къ выделному хлѣбу по вся годы церковныхъ прикащиковъ позывати* и церковный пятинный хлѣбъ обрядивъ и омолотя *напредъ своего* сполна по вся годы привозить въ Псковъ въ церковную Иванскую казну, *а до выделу со поль хлѣба не свозити* и надъ пятиннымъ хлѣбомъ никоторыя хитрости не учинити“ [3]). Въ записи на имя Кузьмодемьянскаго церковнаго прикащика изъ Русокъ было выражено: „того храма церковныхъ прикащиковъ и прихожанъ *къ выдѣлу и умолоту* позывати и *безъ выделу и безъ умолоту* пятиннаго хлѣба не свозити“... [4]). Въ порядной на имя старостъ Архангела Михаила изъ середняго города: „*какъ Богъ пошлетъ хлѣбъ поспѣетъ*... по вся лѣта *къ выдѣлу церковныхъ прикащиковъ позывати* и по выдѣлу пятинный хлѣбъ рожь и ярь, омолотя и мелкое обилье обрядивъ, привозити по вся лѣта исполна въ цер-

---

предъявленія порядной передъ воеводой, воспроизводившаяся во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, была описана въ концѣ предыдущей статьи, по поводу бобыльской порядной въ богадѣльныя избы (см. майск. кн.).

[1]) Подобныя же обязательства содержались и въ порядныхъ записяхъ, выдававшихся крестьянами помѣщикамъ. См. кн. 78/1620 № 14; кн. 80/1622 №№ 20, 25, 34, 36, 43; кн. 83/1625 №№ 241 и 249; кн. 84/1626 №№ 43, 87, 92, 93 и др. Но, какъ кажется, правило о пятинномъ сборѣ, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, подвергалось большимъ исключеніямъ, чѣмъ у церковныхъ крестьянъ. Въ кн. 827 сохранилось любопытное свѣдѣніе относительно помѣщиковъ выборскаго уѣзда: „а доходу емлютъ помѣщики со своихъ крестьянъ изо всякаго хлѣба четвертый снопъ, а изъ льну и изъ хмелю изо пчелъ четвертый жеребей, а мелкаго доходу боранъ, гусь, куря, 50 яицъ, сыръ, ставецъ масла, да прикащику со всякаго двора дѣловаго по 3 московки да по десятку льну“ (л. 1294).

[2]) Кн. 83/1625, № 3.

[3]) Тамъ же, № 5.

[4]) Тамъ же, № 235.

ковную казну" [1]). Для крестьянъ женскихъ монастырей обязательство уплаты пятины, или, лучше сказать, контроль надъ исполненіемъ обязательства варіировался такимъ образомъ: „изъ всякаго сѣву и съ сѣнныхъ покосовъ давати въ монастырь по вся годы пятина исполна *и къ выдѣлу и къ умолоту позывати по вся годы поселница, а безъ поселницы не дѣлить и не молотить*, а по выделу и по умолоту тотъ пятинной хлѣбъ по вся годы отвозить въ монастырь весь исполна и никакого дурна и хитрости надъ пятиннымъ хлѣбомъ не чинить" [2]). Въ нѣкоторыхъ порядныхъ выговаривалось, что выдѣленный и обмолоченный хлѣбъ долженъ быть доставляемъ въ Псковъ по зимнему пути [3]). Съ другой стороны, случалось, что въ порядной выговаривалось не только обязательство крестьянина „позывать" прикащика и т. д., но и обязательство самихъ хозяевъ являться на призывъ. Напримѣръ, въ порядной на имя старосты и прихожанъ Спаса отъ Стараго Костра было выражено: „какъ хлѣбъ будетъ посѣвать, рожь и ярь крестьянину безъ вѣдома старосты и прихожанъ безъ выдѣлу съ поль не возити, и къ выделу и къ умолоту ему старостѣ съ прихожаны, являтца" [4]).

Въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ рядился въ общую деревню нѣсколькихъ церквей, доли пятиннаго хлѣба распредѣлялись соотственно долямъ землевладѣльцевъ въ общей землѣ. Такъ, напримѣръ, въ крестьянской порядной на имя церковныхъ прикащиковъ,—которые тутъ же называются и старостами церковными (одинъ изъ прикащиковъ—староста былъ крестьянинъ помѣщика Аѳанасья Вельяминова)— Успенія съ Завеличья и Ильи Пророка съ Выбута было выражено, что хлѣбъ долженъ быть представляемъ прикащикамъ „противъ ихъ выдѣлу", Успенію Пречистыя Богородицы четвертая доля, а Ильѣ Пророку съ Выбута три доли [5]).

Отступленія отъ общаго правила о пятинѣ рѣдки. Такъ, напримѣръ,

---

[1]) Тамъ же, № 237. Подобный же контроль въ помѣщичей деревнѣ см. кн. 83/1625, № 249.

[2]) Тамъ же, № 354.

[3]) Такова порядная на имя церковныхъ прикащиковъ Кузьмы-Демьяна съ Запсковья, тамъ же № 90.

[4]) Тамъ же, № 355. Хотя во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ явственно различаются два момента:—выдѣлъ на корню и умолотъ, но, вѣроятно, второй моментъ слѣдовалъ непосредственно за первымъ, т. е. за сжатіемъ и вывозкой хлѣба съ поля непосредственно слѣдовало его обмолачиваніе.

[5]) Кн. 84/1626, № 114.

въ одной порядной крестьянинъ, порядившійся къ попу Успенія Пречистыя Богородицы съ Завеличья (т. е. лично къ священнику, а не къ церкви или не къ старостѣ съ прихожанами), обязался уплачивать вмѣсто пятины четвертый снопъ [1]). Болѣе интересенъ другой документъ. У церковныхъ прикащиковъ и прихожанъ Рождества Христова изъ Домантовой стѣны порядился крестьянинъ на треть деревни. „Для хоромнаго поставленія" ему былъ данъ старостами и прихожанами льготный годъ съ Семена дни лѣтопроводца 142 г. и по Семенъ день лѣтопроводца 143 г. Въ этотъ льготный годъ съ своей трети деревни крестьянинъ не долженъ платить тягла, ни отсыпа, ни какого порубу, а что хлѣба Богъ дастъ выростетъ въ томъ льготномъ году, изъ этого хлѣба крестьянинъ будетъ давать въ церковную казну пятый снопъ; по прошествіи урочнаго года онъ долженъ будетъ платить ежегодно *четвертый снопъ*, „будетъ *успов*ъ не будетъ съ тоя трети деревни, а будетъ успы будутъ съ тое деревни, и (прикащикамъ) у него имать *пятый снопъ* на церковь выдѣлить и государевы успы (крестьянину) съ того своего жеребья съ трети деревни сыпати и подати всякія государевы платити съ того своего жеребья" [2]) и т. д. Такимъ образомъ уплата крестьяниномъ пятины или четвертаго снопа обусловлена была тѣмъ, придется ли крестьянину уплачивать государеву подать тѣмъ же хлѣбомъ (посопный хлѣбъ), или не придется,—въ послѣднемъ случаѣ размѣръ церковнаго оброка возвышался. Въ другомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ категорическимъ обязательствомъ крестьянина (Елизарова монастыря) „государевъ посопный хлѣбъ въ государевы житницы по вся годы по окладу сыпати и порубы платити со крестьяны вмѣстѣ, и монастырскій пятинный хлѣбъ и ленъ и сѣно и всякое мелкое обилье по вся годы въ монастырь по выдѣлу сполна отвозити" [3]). Значитъ ли это, что и во всѣхъ порядныхъ, въ которыхъ выговорена пятина, но ничего не сказано о посопномъ государевомъ хлѣбѣ, послѣдній самъ собою предполагался—неизвѣстно.

Если крестьянину нужно было употребить особыя усилія для того, чтобы разчистить мѣсто для пашни отъ лѣса, то на первый годъ, вмѣсто пятаго снопа, отъ него могли потребовать шестой снопъ, а какъ скоро оказывалось необходимымъ устроить и дворъ крестьянскій

---

[1]) Тамъ же, № 44.

[2]) Кн. 80/1622, № 44.

[3]) Тамъ же, № 33. Ср. еще кн. 80/1622, № 19: „и пятина въ церковную казну и государевы успы по вся годы отвозить".

вновь, то ему и вообще могла быть дана льгота отъ всякаго платежа на 1—4 года. Случай перваго рода мы имѣемъ въ порядной крестьянина, на имя церковнаго приказщика Егорья Св. что въ Рухѣ, гдѣ крестьянинъ обязуется давать Егорію Великомученику „съ готовые пашни" пятый снопъ, а „съ суковъ" (т.-е. съ разчищенныхъ и выжженныхъ мѣстъ) *съ перваго хлѣба* шестой снопъ [1]). Случай второго рода наблюдается въ порядной на имя соборной старицы Акилины съ сестрами Успенскаго дѣвичья монастыря съ Полоница. Крестьяне получили льготу на 4 года (отъ 146 г. августа съ пятаго числа по 150 года августа по тоже число). А льготу дали имъ старица Акилина съ сестрами „для хоромнаго поставленія и земляныя роспаши". Это были старинные крестьяне Успенскаго монастыря, которые и вновь порядились жить по старинѣ за тѣмъ же монастыремъ (очевидно на другихъ мѣстахъ). Втеченіе льготнаго срока, крестьяне должны были на пустоши „хоромы новые ставити и пашни пахати и поля городити и пожни розчищати и суки сѣчь, а государевыхъ всякихъ податей въ тѣ льготныя лѣта не платити, ни въ монастырь пятиннаго хлѣба не давати, а какъ льготные лѣта отойдутъ, и... съ тоѣ пустоши государевы всякія подати платити и въ монастырь изо всякаго хлѣба пятина давати и жити на той деревнѣ тихо и смирно, корчмы и бляди не держати и никакимъ воровствомъ не воровати и изъ за того Успенскаго дѣвичья монастыря въ крестьяне и въ бобыли ни въ государевы дворцовые села, ни за иные монастыри и за церкви, ни за помѣщиковъ, ни въ Троецкую вотчину за архіепископа, ни въ крестьяне, ни въ бобыли не поряжатца и съ тое пустоши не сойти ни збѣжати" и т. д. [2]). Въ другихъ случаяхъ такого же рода льгота могла быть дана—монастырскими властями, или старостами и прихожанами — на меньшій срокъ, всего чаще на два года, что зависѣло, вѣроятно, и отъ степени трудности обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать крестьянину, и отъ степени снисхожденія къ нему землевладѣльца [3]).

Совсѣмъ оригинально опредѣленъ размѣръ хлѣбнаго дохода въ пользу землевладѣльца въ упоминавшейся въ предыдущей статьѣ по другому поводу порядной на имя псковскихъ богадѣльныхъ избъ

[1]) Кн. 83/1625. № 24.

[2]) Кн. 84/1626 № 33, ср. льгота на тотъ же срокъ кн. 83/1625 № 344.

[3]) См. кн. 83/1625 № 340; кн. 84/1626 №№ 40, 45 и 88. Льгота на три года: кн. 83/1625 №№ 52 и 128.

старостъ и всей братіи и сестеръ. Порядившійся обязуется пахать нивы изъ пятаго изъ четвертаго и изъ третьяго снопа „и пятинный, четвертный и третьевосноповъ хлѣбъ", по выдѣлу, обмолотивъ весь сполна отвозить на богадѣльницкій дворъ, а съ двороваго мѣста давать на годъ по пяти алтынъ оброку, приэтомъ еще сдѣлье богадѣльницкое съ иными бобыли что велятъ дѣлать и подати съ бобыли поровну бобыльскія, что доведется, платить вмѣстѣ [1]). Подобное отступленіе отъ обычной нормы, доходящее даже до третьяго снопа, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что дѣло тутъ идетъ о бобылѣ, притомъ „старомъ прирожсномъ богадѣльныхъ избъ бобылѣ", который поселяется на мѣстѣ дѣда своего, не въ деревнѣ или въ пустоши, а на огородахъ и на нивахъ вблизи самаго Пскова, за Власьевскими воротами. Отъ чего зависѣло обложеніе пятымъ, четвертымъ или третьимъ снопомъ, неизвѣстно; но очевидно, что могло быть и то, и другое, и третье.

Что касается псковскаго монастырскаго и церковнаго бобыльства вообще, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ повидимому невозможно усмотрѣть какую-либо разницу между церковнымъ или монастырскимъ крестьяниномъ и церковнымъ или монастырскимъ бобылемъ, Такъ *старинный крестьянинъ* Стараго Вознесенія порядился *попрежнему* (!) въ вознесенскую вотчину въ *бобыли*; ему отъ роду 30 лѣтъ. Въ выданной имъ на себя бобыльской записи онъ пишетъ, что передъ этимъ онъ „гулялъ", жилъ по наймамъ, а теперь пришелъ на старую свою деревню, съ тѣмъ, чтобы жить въ ней въ *бобыляхъ*, и, *живучи въ бобыляхъ*, хоромы ставить, пашню пахать, пожни косить, поля городить, государевы и монастырскія подати платить, и монастырскій пятинный хлѣбъ—рожь и ярь и ленъ и всякое обилье—по выдѣлу въ монастырь отвозить... Порядная оканчивается обязательствомъ: „а впредь затѣмъ монастыремъ въ *бобыльствѣ и въ крестьянствѣ* крѣпокъ попрежнему" [3]). Въ такомъ же родѣ порядная запись на имя церковныхъ прикащиковъ и прихожанъ Николы съ Усохи. Порядная названа бобыльскою; порядившемуся 25 лѣтъ. Обязуется поставить на пустоши хоромишки бобыльскія, изгороди городить и пашню пахать. „Для хоромнаго поставленія" староста съ прихожанами пожаловали его, дали ему льготу отъ пятаго снопа; но, по истеченіи льготнаго

---

[1]) Кн. 80/1622, № 26.
[2]) Кн. 84/1626, № 96.
[3]) Кн. 80/1622. № 26.

года, церковный пятый снопъ, хлѣбъ и ленъ онъ долженъ отвозить ежегодно къ церковнымъ прикащикамъ во Псковъ... Порядная заканчивается обязательствомъ „а впредь *въ бобыляхъ* за Николаемъ Чудотворцемъ *во крестьянѣхъ* крѣпокъ“ [1]). Подобнаго отожествленія, или, лучше сказать, соединенія крестьянства съ бобыльствомъ нѣтъ въ заключеніи бобыльской порядной на имя церковнаго старосты—прикащика Николы съ Прудовъ [2]), но самыя обязанности, которыя принимаетъ на себя порядившійся бобыль,—обязанности чисто крестьянскія: пашню пахать, пожню косить, хоромы ставить, поля городить и хлѣбную пятину по выдѣлу, что достанется, отдавать въ никольскую казну ежегодъ. Впрочемъ, должно сказать, что въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, ни о какихъ податяхъ, въ томъ числѣ и о государевыхъ, не говорится. Между тѣмъ, въ порядной бобыльской записи на имя церковнаго старосты Покрова съ Погостищъ очень ясно говорится, что бобыль, кромѣ пятины (съ льготой на три года), обязуется государевы всякія подати платить и церковное всякое дѣло дѣлать „тогожь храму съ бобыли вмѣстѣ“, послѣднее только и указываетъ на его бобыльское положеніе [3]). Яснѣе выступаетъ различіе между бобыльствомъ и крестьянствомъ, когда рядятся альтернативно въ крестьянство, или въ бобыльство, при чемъ различаются бобыльскій оброкъ и крестьянское тягло. Вдова съ троими сыновьями (отъ 13 до 17 лѣтъ) порядилась въ Троицкую вотчину *въ бобыли или въ крестьяне*, гдѣ архіепископъ укажетъ жить, и, смотря по тому, куда ихъ опредѣлятъ, обязалась платить *бобыльскій оброкъ или крестьянское тягло* и государевы всякія подати по раскладу же платить и всякое здѣлье бобыльское съ бобыли вмѣстѣ дѣлать [4]). Точно также „мужикъ“ съ женой и съ сыномъ рядятся на архіепископскія же земли, альтернативно: *или* въ бобыли, *или* въ крестьяне, гдѣ укажутъ, и точно также различаются бобыльскій оброкъ съ бобыльскимъ здѣльемъ и крестьянское тягло [5]). Бобыльскій оброкъ, какъ существенный признакъ бобыльства, выступаетъ въ массѣ случаевъ, когда порядную запись выдавали на себя не альтернативно, а прямо въ бобыли, хотя бобыль опредѣлялся на пашенную землю съ обычнымъ

---

[1]) Тамъ же, № 29.
[2]) Кн. 84/1626, № 8.
[3]) Кн. 83/1625, № 128.
[4]) Кн. 83/1625 № 33.
[5]) Тамъ же, № 34.

обязательствомъ уплаты пятаго снопа. Къ Ильѣ пророку въ Верхолинѣ порядился бобыль, обязавшійся жить на отцовомъ жеребьѣ, на которомъ отецъ его жилъ, и, живучи на немъ, пашню пахать, поля городить, пожни розчищать, навозъ класть, старыя хоромы строить и новыя ставить, *съ ежегоднымъ платежомъ въ церковную казну церковнаго пятиннаго дохода и денежнаго оброка* [1]). Иногда порядная называется прямо крестьянскою, а между тѣмъ дѣло идетъ о бобыльствѣ, и существеннымъ признакомъ бобыльства представляется именно оброкъ, въ отличіе отъ тягла. Церковный прикащикъ Михаила Архангела изъ середняго города положилъ въ 148 г. передъ воеводой и дьякомъ *крестьянскую* порядную мужика, выходца изъ-за литовскаго рубежа, съ тремя сыновьями. Въ порядной записи значится, что „мужикъ" порядился *въ бобыли* и *бобыльскую* запись на себя далъ: великому государю и царю и вел. князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи не измѣнять, пашню пахать, поля розчищать, съ пахатной земли давать въ церковную казну, по выдѣлу и по умолоту, со всякаго хлѣба пятину, а сѣно—именно всѣ сѣнные покосы по деревнѣ,—косить *изъ денежнаго оброка*, и оброку давать въ Архангельскую казну на всякій годъ „по тридцати по пти алтынъ по четыре деньги". Принимая на себя обязательство пашенную землю въ деревнѣ „впустѣ не заложить" и „деревню оживить", бобыль выговариваетъ себѣ право перейдти въ другую деревню той же Архангельской вотчины: „а не что мнѣ, Мартину, на той деревни поживу не будеть, и мнѣ, Мартину, вольно въ Архангельской вотчинѣ на иную деревню перейдти. А будетъ язъ Мартинъ съ своими детми отъ Михаила Архангела съ вотчине из бобыльства нынѣ или впредь за кого нибуди во крестьяне и в бобыли выидемъ, и церковнымъ Архангельскимъ прикащикамъ за протори и за волокиду взяти на насъ заставы денегъ 30 рублей московскихъ, а впредь я, Мартинъ, съ своими детми с тремя с сыновьями по сей записи *в бобыльствѣ* Михаилу Архангелу в вотчине крѣпки [2]). „Еще яснѣе на оброкъ, какъ на существенный признакъ бобыльщины, указывается въ другой *крестьянской* порядной къ той же церкви Михаила Архангела. Порядная названа крестьянскою, а между тѣмъ „мужикъ" *порядился въ бобыли* и самую свою запись называетъ *бобыльскою*. На немъ лежатъ обычныя крестьянскія обязанности по пашнѣ съ обычною пятиною. Но прибавляется: „а *оброку* мнѣ, Ивану,

[1]) Тамъ же, № 98.
[2]) Кн. 81/1626. № 53.

за *бобыльщину* и *дворовое* и за *огородъ* и за секось (sic, т. е. за сѣнокосъ) платить въ церковную казну на годъ по 30 алтынъ на срокъ на Рождество Христово, *а окромя того оброку мнѣ, Ивану, никакихъ податей ни тягла со крестьяны не платить*" [1]). Въ такомъ же родѣ порядная трехъ „мужиковъ" порядившихся сообща къ Старому Вознесенію въ *бобыли*—жить на Вознесенской *пашнѣ*, гдѣ územ поволитъ игуменья съ сестрами, съ пашни давать въ монастырь *пятый снопъ*, „*а въ тягла мѣстъ платить въ монастырь оброкъ*, чемъ она, игуменья съ сестрами, обложитъ" [2]). Такимъ образомъ, можно думать, что если бобыль садился на пашню, то обязанности его по пашнѣ не были существенными для юридическаго положенія бобыля, а напротивъ носили до извѣстной степени случайный характеръ, и понятіе пашни для него имѣло или могло имѣть узкій смыслъ, не распространяясь на сѣнокосъ и на огородъ. Не только съ сѣнокоса и огорода, но даже и съ двора онъ долженъ былъ платить оброкъ, цифра котораго тѣмъ больше должна была повышаться, чѣмъ больше бобыль старался выгородить себя, отъ всякихъ другихъ обязанностей, въ томъ числѣ и отъ „здѣлья бобыльскаго", которое также нужно считать характернымъ для юридическаго положенія бобыля. Такъ вольный человѣкъ порядился въ городовые бобыли на денежный оброкъ, съ тѣмъ, чтобы именно платить ему по вся годы за монастырское здѣлье по 1/2 полтины [3]). Но, собственно говоря, съ такою точностію опредѣленная цифра оброка наблюдается рѣдко. Обыкновенно же въ порядныхъ записяхъ опредѣленіе ея предоставляется усмотрѣнію землевладѣльца. Если при этомъ говорится также, что порядившійся въ бобыли обязуется платить и монастырскія и государевы подати, то это, вѣроятно, нужно понимать такъ, что цифра оброка въ такихъ случаяхъ могла быть лишь весьма незначительною. „Дѣтина", порядившійся въ бобыли, по прежнему отца его бобыльству, въ Снѣтогорскій монастырь, обязуется жить, гдѣ ему архимандритъ поволитъ, монастырское всякое здѣлье дѣлать и бобыльскій оброкъ, которымъ его обложатъ, платить [4]). Того же Снѣтогорскаго монастыря „старый природный" бобыль обязуется въ своей записи жить, гдѣ пожалуетъ архимандритъ съ братьей, монастырскія подати всякія платити, что

[1]) Тамъ же, № 54.
[2]) Кн. 83/1625, № 93.
[3]) Кн. 83/1625, № 62.
[4]) Кн. 84/1626, № 41.

положить архимандритъ съ братіею бобыльскаго, на работу монастырскую съ своею братіею съ бобыли ходити, и *государевы подати платить что положатъ* [1]). „Дѣтина", старинный Архангельскій бобыль съ Кужвы, порядился въ ту же вотчину къ Михаилу Архангелу на Кужву въ бобыли *на погостъ* съ тѣмъ, что будетъ жить на отца своего мѣстѣ, съ *Михайловскихъ огородовъ и съ дворового мѣста въ Михайловскую церковную казну* оброкъ платить, чѣмъ обложатъ церковные старосты или прихожане [2]). По всей вѣроятности, подобный бобыль никакому обложенію государевыми податями не подлежалъ. Тѣмъ менѣе могъ подлежать таковому обложенію бобыль, у котораго не оказывалось даже и огорода. Къ Георгію Великомученику въ Зряковичахъ порядился „дѣтина", обязавшійся въ своей записи жить въ бобылькахъ на оброкѣ бобыльскомъ, которымъ его прихожане обложатъ, и уплачивать его церковнымъ прикащикамъ [3]). Этотъ послѣдній бобыль, какъ можно думать, платилъ оброкъ лишь за дворъ, въ которомъ онъ жилъ. На какія средства онъ могъ существовать? Вопросъ этотъ разрѣшался чисто фактическими обстоятельствами, на которыя нѣтъ и намека въ порядныхъ: бобыль могъ жить поденною работою, могъ знать какое-нибудь ремесло, могъ питаться отъ міра въ качествѣ помогавшаго церковному сторожу, а при случаѣ даже занять должность пономаря. На погостѣ каменской губы мелетовской засады въ книгѣ 830 значится „мѣсто звонцово" [4]). На погостахъ прудской губы и Рухи прудской засады, верхомостской и рожницкой губѣ рожницкой засады помѣчены мѣста или дворы *поличниковы* [5]), а въ выбуцкой губѣ завелицкой засады дворъ какого-то *ондринника* [6]). Полагаемъ, что все это были бобыли, услугами которыхъ могли пользоваться старосты и прихожане. Въ кн. 359 на погостѣ Егорія на Веретеѣ глинской губы Островскаго уѣзда помѣчены дворы попа, дьячка и пономаря [7]); о дворѣ послѣдняго сказано, что въ немъ живетъ пономарь съ двумя братьями-георгіевскими бобылями [8]),

---

[1]) Кн. 83/1625 № 58.
[2]) Тамъ же, № 12.
[3]) Тамъ же, № 50.
[4]) Кн. 830, с. 195.
[5]) Тамъ же, л. 792, 793, 1260, 1262. Въ прудской губѣ было даже 4 двора поличниковы.
[6]) Тамъ же, л. 1142.
[7]) Кн. 359, л. 204.
[8]) Тамъ же, № 16.

откуда слѣдуетъ, что одному изъ братьевъ-бобылей посчастливилось занять пономарскую должность и пріютить въ своемъ пономарскомъ дворѣ остальныхъ своихъ братьевъ. А кн. 809 заставляетъ подозрѣвать, что на этомъ погостѣ гнѣздилась, такъ сказать, цѣлая колонія родственныхъ между собою бобылей. О дворѣ пономаря говорится здѣсь слѣдующее: „во дворѣ пономарь Пантелѣйко *Тимофѣевъ* з братьями з Родкою Ганкою георгиевские бобыли“. Далѣе: „во дворѣ проскурня Офросиньица, у нѣе дѣти Логинко Ивашко Кондратовы, во дворѣ бобыль *Осташко Тимофѣевъ* съ сыномъ Родкою“ [1]). Не невозможно, что и этотъ Осташко Тимофѣевъ, жившій въ особомъ бобыльскомъ дворѣ, былъ роднымъ братомъ трехъ вышеупомянутыхъ егорьевскихъ бобылей. Само собой разумѣется, наконецъ, что нѣкоторые бобыли могли не имѣть ни пашни, ни огорода, ни двора, и тогда они подходили подъ категорію „бездворныхъ просящихъ бобылей“ [2]) т. е. нищихъ.

Въ книгахъ вотчинной конторы по Пскову очень много порядныхъ на Троицкія или архіепископскія земли. Порядившіеся на нихъ бобыли прямо называли себя оброчными; но опять, вѣроятно, неизвѣстными намъ фактическими обстоятельствами нужно объяснять то, что нѣкоторые изъ нихъ платили и монастырскія, и государевы подати, обязуясь и къ здѣлью. Подъ неопредѣленнымъ обязательствомъ, выраженнымъ въ порядныхъ: „жить гдѣ архіепископъ пожалуетъ велитъ жить“, могло быть подразумѣваемо и то, что архіепископъ могъ послать даннаго бобыля на пашню, хотя это не оговаривалось прямо въ порядныхъ, какъ въ нѣкоторыхъ, выше приведенныхъ, случаяхъ, гдѣ мы встрѣчались, напримѣръ, съ альтернативною порядною. Вѣроятно, этою подразумѣваемою возможностью объясняются и тѣ порядныя, съ которыхъ началось наше разсужденіе о церковномъ бобыльствѣ, и въ которыхъ содержится обязательство быть крѣпкими, въ одно и то же время, и въ крестьянствѣ и въ бобыльствѣ [3]). Оброчный бобыль—доселѣ вольный человѣкъ,—подавалъ челобитную архіепископу Левкѣю и въ записи, выданной архіепископскому казначею, обязался жить въ оброчныхъ бобыляхъ и оброкъ платить, какой великій святитель положитъ [4]). Бобыльскій оброкъ настолько неразрывно связывался съ

[1]) Кн. 809, л. 197.
[2]) Кн. 360, л. 6, 7 и 11.
[3]) См. выше.
[4]) Кн. 83/1625 № 29.

бобыльствомъ, что, по этой, вѣроятно, причинѣ, иногда объ оброкѣ даже и не упоминалось въ порядной записи, какъ и вообще не говорилось о какихъ бы то ни было спеціально бобыльскихъ обязанностяхъ. Такъ въ порядной двухъ бобылей, заявленной воеводѣ и дьяку архіепископскимъ стряпчимъ, содержатся такія обязанности, какъ заповѣднымъ товаромъ не торговать, не сбѣжать „ни за который человѣкъ", жить, гдѣ архіепископъ укажетъ, и болѣе ничего, а между тѣмъ порядная обезпечивается заставой въ три рубля [1]). Напротивъ, большинство порядныхъ на архіепископскія земли далеко не страдаетъ подобною лаконичностью. Такъ, напримѣръ, бобыль обязуется бобыльскій оброкъ платить, государевы всякія подати по раскладу же платить и всякое здѣлье бобыльское съ бобыли вмѣстѣ дѣлать [2]). И вообще въ длинномъ рядѣ записей, выдававшихся на себя архіепископскими бобылями, мы встрѣчаемся съ однѣми и тѣми же обязанностями: бобыли, поступающіе къ архіепископу на денежный оброкъ, обязуются жить на денежномъ оброкѣ, гдѣ архіепископъ пожалуетъ, бобыльскій оброкъ платить, а также платить всякія государевы подати по раскладу, наконецъ, всякое здѣлье бобыльское съ бобылями вмѣстѣ дѣлать [3]).

Обращаетъ на себя вниманіе одна порядная, изъ которой не только видно, что кромѣ оброка, характернымъ признакомъ бобыльства служило бобыльское здѣлье (предполагая, что и оно не вошло въ денежный оброкъ—ср. выше), но изъ которой можно заключить также, что государевы подати, платившіяся бобылями, могли какъ будто не совпадать съ крестьянскими податями. Именно бобыль обязуется платить въ Троицкую и архіепископскую казну бобыльскій оброкъ, государевы всякія *подати по раскладу со крестьяны и бобыли вмѣстѣ* платить и бобыльское всякое *здѣлье* дѣлать съ *бобыли* вмѣстѣ [4]).

VII.

Попробуемъ теперь извлечь изъ писцовыхъ книгъ итоги церковнаго землевладѣнія, сравнительно съ итогами помѣщичьяго землевладѣнія въ псковской области. Исходнымъ пунктомъ будетъ для насъ

[1]) Тамъ же, № 16.
[2]) Тамъ же, №№ 35 и 36.
[3]) Тамъ же, №№ 41, 44, 46, 47, 56, 57, 60, 61, 63, 69.
[4]) Тамъ же, № 43.

служить книга 355, другими словами status землевладѣнія конца XVI вѣка. Но одна она, даже и для конца XVI вѣка, недостаточна, потому что въ ней не обозначается количество дворовъ и людей, въ нихъ жившихъ, а количество земли опредѣляется въ доляхъ сохи, такъ что по этой книгѣ невозможно установить, сколько четей или четвертей входило въ псковскую соху. Поэтому книга 355 должна быть дополнена данными изъ книгъ 830 и 827. Несмотря на то, что эти данныя далеко не могутъ быть названы вполнѣ совпадающими съ данными книги 355, обѣ названныя книги, какъ уже раньше замѣчалось, содержатъ въ себѣ матеріалъ, современный книгѣ 355, въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, что онъ долженъ быть отнесенъ къ концу XVI же вѣка [1]). Несовпаденіе, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что оригиналы книгъ 830 и 827 писаны были нѣсколькими годами позднѣе книги 355, и занесенный въ нихъ status землевладѣнія подвергся уже нѣкоторымъ измѣненіямъ къ этому времени. Въ частности книга 830 должна имѣть дополнительное значеніе для псковскихъ засадъ, а книга 827 для пригородовъ съ ихъ уѣздами, но и то и другое лишь въ извѣстной мѣрѣ.

Обѣ книги суть копіи поздняго письма, и въ особенности первая изъ нихъ изобилуетъ ошибками, часто не исправленными и не оговоренными въ концѣ книги, и притомъ не имѣетъ полнаго описанія деманицкой засады, а также полнаго описанія и итога рожницкой засады, да и въ итогахъ по другимъ засадамъ, иногда въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, страдаетъ пробѣлами и неточностями. Поэтому считаю нужнымъ, собственно для характеристики пріемовъ его счисленія, воспроизвести сполна итогъ завелицкой засады; для остальныхъ же засадъ буду извлекать изъ книги 830 только данныя относительно дворовъ и людей, въ нихъ жившихъ, сошное письмо въ живущемъ для всѣхъ землевладѣльцевъ данной засады, общее количество четей и сошное письмо въ живущемъ и во льготѣ на земляхъ помѣщичьихъ и монастырскихъ и церковныхъ въ отдѣльности. Одного сопоставленія сошнаго письма въ живущемъ и во льготѣ по книгѣ 830 съ таковымъ же по книгѣ 355 достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что показанія обѣихъ книгъ мало различаются между собою, такъ что и относительно сошнаго письма впустѣ и относительно общаго итога сошнаго письма читатель можетъ a priori предполагать отсутствіе значительной разницы между книгами 355 и 830. Книга 827,

[1]) Ср. декабр. кн. 1905 г., стр. 242.

хотя также не безупречна насчетъ ошибокъ, можетъ служить дополнительнымъ пособіемъ только для описанныхъ въ ней уѣздовъ, а не для всѣхъ (для Гдовскаго, Кобыльскаго, Островскаго, Изборскаго, Вороночскаго, Выборскаго и Дубковскаго). Не излишнимъ считаю затѣмъ сравнить полученные такимъ образомъ итоги съ итогами книгъ первой половины XVII вѣка. Хотя смутное время столь же мало благопріятствовало подъему жизни въ псковской области, какъ и разореніе ея Баторіемъ, но все же къ 30-мъ годамъ XVII вѣка и площадь землевладѣнія, и населенность земель испытали нѣкоторыя перемѣны. Къ тому же въ книгахъ XVII вѣка рѣзко выступаетъ различіе между количествомъ сошнаго письма и размѣрами дѣйствительнаго обложенія. Съ точки зрѣнія увеличенія населенія, конечно, совершенно измѣнившуюся картину представляютъ намъ книги второй половины XVII вѣка. Но, что касается Пскова, въ нихъ дается описаніе только завелицкой засады и части прудской (книга 358), а изъ уѣздовъ описываются только Островскій, Выборскій, Дубковскій, Опочецкій, Велейскій, Вороночскій, Володимерскій и Вревскій (книга 359, 360 и производныя отъ нихъ). Главное же неудобство, представляемое для насъ этими книгами, состоитъ въ томъ, что въ нихъ какъ разъ отсутствуютъ общіе итоги по засадамъ и уѣздамъ. Впрочемъ нѣкоторыми данными изъ этихъ книгъ мы воспользуемся позднѣе.

Скажемъ сначала о пріемахъ счисленія, практиковавшихся старинными писцами. Пашня (какъ въ книгахъ конца XVI вѣка) или пашня пахапая (какъ въ книгахъ первой половины XVII вѣка), къ которой относима была также и прежняя пашня, въ данный моментъ бывшая перелогомъ или поросшая лѣсомъ, измѣрялась сохами и четями или четвертями. Части сохи: полсохи, треть сохи, четверть сохи, полтрети сохи ($^1/_6$), полполтрети сохи ($^1/_{12}$), полполполтрети сохи ($^1/_{24}$), полчетверти сохи ($^1/_8$), полполчетверти сохи ($^1/_{16}$), полполполчетверти ($^1/_{32}$) [1]. Четь или четверть, содержащая въ себѣ восемь четвериковъ, дѣлилась на осмины (4 четверика или $^1/_2$ чети), полуосмины (2 четверика или $^1/_4$ чети), третники ($^8/_3$ или $2^2/_3$ четверика), полутретники ($^8/_6$ или $1^1/_3$ четверика), полполтретники ($^8/_{12}$ или $^2/_3$ четверика), полполполтретники ($^8/_{24}$ или $^1/_3$ четверика), четверики, полу-

[1]) Только въ одномъ мѣстѣ кн. 355 на л. 413 встрѣтилось мнѣ полполполполчети сохи, т.-е. $^1/_{64}$. Для краткости вмѣсто полполтрети, полполполтрети, полполчетверти, полполполчетверти. и т. д. я буду писать $^1/_2$ $^1/_2$ трети, $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети, $^1/_2$ $^1/_2$ четверти, $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и т. д.

четверики, полполчетверики и полполполчетверики. Точнаго счисленія дробей, съ приведеніемъ ихъ къ одному знаменателю, старинные писцы не знали, и поэтому счисленіе ихъ могло быть нерѣдко лишь приблизительнымъ [1]); при чемъ, однако, невольно удивляешься тому искуству, съ которымъ они, безъ всякаго знакомства съ усовершенствованными и упрощенными пріемами, разрѣшали довольно головоломныя ариѳметическія задачи. При сошномъ счисленіи, тѣ чети или четверти, которыя не укладывались въ принятыя дроби, оставлялись въ остаткѣ, такъ что, если мы желаемъ узнать, сколько четей приходилось на соху, нужно прежде всего вычесть эти остаточныя чети изъ общаго количества четей и затѣмъ дѣлить общее количество четей на число сохъ. Напримѣръ, если за помѣщиками завелицкой засады числится по кн. 1064 3.214 четверти съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника (слѣдовательно 3.214$^1/_8 + ^1/_{12}$), а сошнаго письма показано 4 сохи и 14 четвертей съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, то эти 14 четвертей съ дробями (именно 14$^1/_8 + ^1/_{12}$) нужно вычесть изъ общаго количества четей и полученное въ остаткѣ раздѣлить на 4 сохи. Такимъ образомъ 3.214 $^1/_8+^1/_{12}$, за вычетомъ 14 $^1/_8+^1/_{12}$, т.-е. 3.200, будутъ равняться 4 сохамъ, а одна соха $= \frac{3.200}{4}$, т. е. ровно 800 четямъ. Или другой примѣръ: за помѣщиками Велейскаго уѣзда по кн. 1066 числится доброй земли, или положенной за добрую, 2.851 чети съ полуосминой, слѣдовательно 2,851$^1/_4$ четей, а сошнаго письма показано 3 сохи съ полусохою и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи (слѣд. 3$^1/_2 + ^1/_{16}$) и четь съ полуосминою пашни. Вычитая прежде всего эту четь съ полуосминою (1$^1/_4$ чети) изъ 2.851$^1/_4$, получаемъ 2.850 и дѣлимъ на 3 ($^1/_2+$ $+ ^1/_{16}$) $^9/_{16}$: соха будетъ опять равняться 800 четямъ. Если въ помѣщичьихъ земляхъ соха заключала въ себѣ ровно или приблизительно 800 четей, то монастырская и церковная соха содержала въ себѣ ровно или приблизительно 600 четей. Напримѣръ, по кн. 1066 въ Велейскомъ уѣздѣ монастырскихъ и церковныхъ считается 1.165 четей съ полуосминою, а сошнаго письма показано 2 сохи безъ $^1/_2$ трети сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи [2]) и 3 четверти безъ

---

[1]) Любопытный примѣръ такого приблизительнаго счисленія встрѣчается въ кн. 829 л. 210: 57 четей съ осминой *безъ малаго третника*, т.-е. и третника не выходило, и въ полутретники и проч. не укладывалась данная дробь.

[2]) Это значитъ, что сначала изъ двухъ сохъ нужно вычесть $^1/_6$, затѣмъ прибавить $^1/_{16}$ и $^1/_{24}$. Напротивъ, если бы писецъ выразился: 2 сохи безъ $^1/_2$ трети и *безъ* $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи, это значило бы, что изъ 2 сохъ нужно вычесть $^1/_6+^1/_{16}$ и къ остатку прибавить $^1/_{24}$.

полуосмины пашни. Вычитая прежде всего эти 3 чети безъ полуосмины (слѣд. $2^3/_4$) изъ $1.165^1/_4$, получаемъ $1.162^1/_2$, которыя, согласно съ сказаннымъ, составляютъ $1\ (^5/_8 + {}^1/_{16} + {}^6/_{24})\ {}^{15}/_{16}$ сохи. Слѣдовательно соха будетъ равняться $1.162^1/_2\ \left(\frac{2.325}{2}\right) : 1^{15}/_{16}\ (^{31}/_{16})$, или 600 четей. Или напримѣръ, въ общемъ итогѣ монастырскихъ и церковныхъ земель по Опочецкому уѣзду означено пашни 394 чети съ осминою, къ чему примѣрено еще 15 четей, всего слѣдовательно выходило бы $409^1/_2$ четей, а сошнаго письма показано $^1/_2$ сохи и $^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи (слѣд. $^1/_2 + {}^1/_{12} + {}^1/_{16} = {}^{31}/_{48}$) и 7 четей пашни. Писецъ, очевидно, примѣренныя имъ чети въ счетъ не положилъ, такъ какъ онѣ должны были служить къ восполненію недостатковъ наличной земли, и расчетъ оказался слѣдующій: вычитая изъ $394^1/_2$ семь четей видимъ, что $387^1/_2$ четей составляютъ $^{31}/_{48}$ сохи, слѣдовательно соха равняется $387^1/_2\ \left(\frac{775}{2}\right) : {}^{31}/_{48}$, т.-е. 600 четей.

Уже въ XVI в., какъ видно изъ книгъ 830 и 827, въ отношеніи къ помѣщичьимъ землямъ практиковались у насъ одабриваніе и наддача, т. е. не все количество четей, числившихся за извѣстнымъ помѣщикомъ, принималось за добрую землю [1]), или, „учинялось доброю землею“, а извѣстная (бо́льшая) часть этого количества, остальная считалась „наддачною“. Эта операція, въ Псковской области по крайней мѣрѣ, имѣла значеніе только для испомѣщенія служилыхъ людей, а не для обложенія ихъ земель [2]). Въ книгахъ конца XVI в. сошное письмо въ живущемъ отличается отъ сошнаго письма во льготѣ и впустѣ, но ни откуда не видно, чтобы обложенію подлежала только часть живущаго, или чтобы въ живущемъ была только добрая земля, а во льготѣ и впустѣ только средняя и худая. Въ книгахъ первой половины XVII в. опредѣляется общее количество пашни, перелогу и земли, что лѣсомъ поросла, доброй, середней и худой земли въ живущемъ и впустѣ, опредѣляется количество одобренной и наддачной

---

[1]) Различалась 1) пашня отъ 2) перелога и поросли (въ книгахъ XVII в., вмѣсто слова „поросли“, писалось: „лѣсомъ поросло“) и въ той и другой категоріи различались добрая, середняя и худая земля. Одабривалась какъ земля, бывшая подъ пашнею, такъ и перелогъ и поросль, такъ что общее количество одобренной земли представляло сумму „обоего“. Единственное замѣченное исключеніе изъ общаго правила объ одабриваніи см. въ итогѣ бѣльской засады.

[2]) Объ одабриваніи и наддачѣ вообще (кромѣ Пскова) см. *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 233 и слѣд.

земли, опредѣляется въ доляхъ сохи количество сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ, наконецъ опредѣляется, съ какого количества земли, по государеву указу, нужно платить „съ живущаго“. Это количество было обыкновенно лишь малою долею не только всей одобренной земли, но и той земли, которая была подъ дѣйствительною пашнею, т. е. въ живущемъ, такъ что едва ли возможно видѣть въ этой долѣ „живущую четверть“ или четвертую долю живущаго [1]). Прибавимъ къ этому, что самый терминъ, „живущая четверть“ въ псковскихъ книгахъ не употребляется [2]).

По отношенію къ монастырскимъ и церковнымъ землямъ, никакого одабриванія и никакой наддачи никогда не было, что, однако, не мѣшало писцамъ первой половины XVII в. различать, сколько сошнаго письма въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, и съ какого количества земли, по государеву указу, слѣдовало платить.

Прежде чѣмъ представить итоги церковнаго землевладѣнія, сравнительно съ помѣщичьимъ, по семи псковскимъ засадамъ и по уѣздамъ псковскихъ пригородовъ, мы должны еще сдѣлать нѣсколько замѣ-

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только внимательно всмотрѣться въ ближайшіе изъ нижепомѣщенныхъ итоговъ, относящихся къ помѣщичьимъ владѣніямъ по завелицкой засадѣ. Въ кн. 355 за помѣщиками показано сошнаго письма въ живущемъ четверть и полполтрети и полполполчетверти сохи и 5 четей безъ полутретника пашни, т. е. принимая нормальный размѣръ помѣщичьей сохи въ 800 ч., если даже откинуть 5 четей безъ полуосмины, получаемъ $1/4+1/12+1/32=\frac{35}{96}$ или около 290 четей. По кн. 830 въ живущемъ показано меньше: треть безъ полполполчетверти сохи и 3 чети съ третникомъ пашни, т. е. (откидывая опять три чети съ третникомъ) $\frac{1}{3}-\frac{1}{32}=\frac{29}{96}$, или около 240 четей. Въ кн. 1064 сошное письмо въ живущемъ не обособляется отъ сошнаго письма впустѣ, а напротивъ показывается сошное письмо вообще во всей одобренной землѣ (и въ живущемъ и впустѣ). Но изъ того, что по кн. 830 за помѣщиками числилось 2 села, 6 селецъ и 79 деревень съ 11 или 12 дворами помѣщичьими, съ 114 крестьянскими дворами и съ 23 бобыльскими дворами, а по кн. 1064 за помѣщиками состояло 7 селецъ и $100^1/_2$ деревень съ 14 дворами помѣщичьими, 4 дворами людскими и съ 139 крестьянскими дворами, нужно заключать, что къ 30-мъ годамъ XVII в. у помѣщиковъ въ живущемъ было больше, чѣмъ въ концѣ XVI в. Между тѣмъ, въ той же 1064 книгѣ читаемъ, что помѣщики должны были платить сошнаго письма съ живущаго съ 18 четей безъ третника и съ полчетверика и съ полполчетверика: это, конечно, далеко не „живущая четверть“.

[2]) Въ описаніи вревскаго уѣзда по кн. 1066 (см. ниже въ итогѣ по вревскому уѣзду) говорится о помѣщичьей „четвертной пашнѣ“, подъ которою писецъ понимаетъ, какъ надо полагать, пашню, сдававшуюся помѣщиками крестьянамъ „изъ четвертаго снопа“. (Ср. выше приведенное изъ кн. 827 мѣсто о помѣщикахъ выборскаго уѣзда).

чаній. Въ псковскихъ засадахъ церковное землевладѣніе рѣшительно преобладало надъ помѣщичьимъ; напротивъ, въ пригородахъ, если считать порозжія помѣстныя земли и имѣть въ виду, что помѣщичья соха заключала въ себѣ 800 ч., а не 600, какъ церковная, церковное землевладѣніе или приблизительно равнялось помѣщичьему, или уступало послѣднему. Помѣщичье землевладѣніе представляется почти столько же разбросаннымъ по разнымъ засадамъ, уѣздамъ и губамъ, какъ и церковное. Затѣмъ должно имѣть въ виду, что вотчинъ, въ отличіе отъ помѣстій въ XVI в., повидимому, совсѣмъ еще не существовало. Вотчинники появляются лишь въ книгахъ второй половины XVII в. [1]). Даже въ отношеніи къ церковнымъ землямъ, почему-то, въ видѣ рѣдкаго и едва ли не единственнаго исключенія, въ кн. 355 говорится о *вотчинной* пустоши Михаила Архангела изъ середняго города въ никольской губѣ Изборскаго уѣзда [2]), откуда какъ будто слѣдуетъ заключать, что всѣ остальныя земли, которыя не названы вотчинами, и de jure не были таковыми [3]). Нельзя также не обратить вниманія въ нижеизлагаемыхъ итогахъ на множество селищъ, т. е. бывыхъ селъ, и на отношеніе между помѣщичьими и людскими дворами въ сельцахъ. Наконецъ, читатель предупреждается, что означаемое въ итогахъ количество четей нужно понимать, по общему правилу, въ томъ смыслѣ, что оно разсчитано только на одно поле, и что въ дѣйствительности оно было больше („а въ дву потому жъ“ [4]).

1. Завелицкая засада.

За помѣщиками, монастырями и церквами (не считая порозжихъ помѣстныхъ земель, которыхъ 571 четь съ полуосминой), по *кн. 355* состоитъ сошнаго письма 15 сохъ безъ ½ ⅓ чети и ½ ½ ⅓ трети сохи и 7 четей безъ полуосмины и ½ ½ ½ третника пашни. Въ этомъ

¹) Въ книгахъ первой половины XVII в. вотчинникъ (какъ напр. Степанъ Татьянинъ въ кн. 1063 л. 567) есть рѣдкое явленіе. Напротивъ, въ книгахъ (358—360) завелицк. зас. и михайловск. и немоевск. губы Остров. у. существуетъ уже особая рубрика вотчинниковъ, большею частью получившихъ свои помѣстья въ вотчины за польскія и литовскія службы, частью купившихъ земли.

²) Кн. 355, л. 670.

³) Напротивъ, книги первой половины XVII в. безъ всякихъ уже колебаній говорятъ о церковныхъ вотчинахъ, понимая подъ ними всѣ церковныя земли.

⁴) Исключеніе см. въ итогѣ Изборскаго уѣзда.

итогѣ обнимается все, что находится и въ живущемъ, и въ льготѣ, и впустѣ. Именно: въ живущемъ 1½ сохи и 4 чети съ осминой пашни; во льготѣ 3 сохи безъ четверти и ½ ½ четверти сохи и 4 чети съ третникомъ перелогу; впустѣ 11 сохъ безъ четверти и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 6 четей съ четверикомъ и ½ ½ третника перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: въ живущемъ четверть и ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 5 четей безъ полутретника пашни,—во льготѣ ½ ½ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ четверти сохи и 4 чети и ½ ½ третника перелогу,—впустѣ 3 сохи съ полусохою безъ ½ ½ ½ чети сохи и 3 чети съ третникомъ перелогу, а всего 4 сохи безъ ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 4 чети безъ ½ ½ третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ въ живущемъ соха и 6 четей пашни,—во льготѣ 2 сохи съ полусохою и ½ чети сохи и 6 четей съ осминой перелогу,—впустѣ 7¼ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 3 чети безъ четверика перелогу, а всего 11 сохъ и 3 четверти безъ четверика пашни [1]).

Въ кн. 830. въ общій итогъ введены и порозжія помѣстныя земли. Всего въ завелицкой засадѣ за помѣщиками и монастырскихъ и церковныхъ и порозжихъ земель, и съ тѣми, что во льготѣ, 2 села, 6 селецъ [2]), 252 деревни да починокъ, да пустыхъ 24 деревни, 1064 пустоши, 6 селищъ,—да сельцо, 17 деревень и 10 пустошей въ пашню припущены. А въ нихъ 3 двора монастырскихъ, 12 дворовъ помѣщичьихъ, дворъ поповъ, 333 двора крестьянскихъ (людей въ нихъ 347 ч.), 54 двора бобыльскихъ и 15 дв. рыбныхъ ловцовъ (людей тожъ), да 7 дворовъ пусты. Пашни доброй земли 141 четь съ осминой, да середней 485 ч. съ полуосминой и ½ третника, да худой 353 ч. и ½ третника, да перелогу и поросли доброй земли 2.121 четь, середней 4.400 ч. и 1½ четверика и ½ ½ третника, да худой земли 3.014 ч. съ полуосминой и ½ ½ третника, а всего пашни и перелогу и поросли, доброй, середней и худой земли 11.751 ч. съ осминой и 1½ четверика (?). Лѣсу по пашнѣ по девяносту по шести четвертей въ полѣ [3]). Сѣна 27.702 копны, лѣсу пашеннаго 5.938¼ десятинъ, да

---

[1]) Кн. 355 л. 328 и сл. Надобно замѣтить, что всѣ вообще итоги кн. 355 писаны одною рукою, не тою, которою писана самая книга, или, лучше сказать, которою писаны отдѣльныя описанія, потому что книга писана разными руками.

[2]) Шесть селищъ стоитъ, очевидно, ошибочно.

[3]) Лѣсъ по пашнѣ, въ отличіе отъ лѣса пашеннаго—не есть фантазія копіиста.

пашеннаго и непашеннаго 33½ десятины, непашеннаго врозни по всей завелицкой засадѣ вдоль 195½ верстъ, поперекъ 108½ верстъ. А сошнаго письма въ живущемъ соха съ третью сохи и 5 чет. и ½ ½ третника пашни,—во льготѣ 3¼ сохи и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ трети сохи и 5 четвертей съ осминой и ½ ½ третника пашни (изо льготы выйдутъ въ разные сроки отъ 106 и до 114 года). Всего въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ 16 сохъ безъ трети и ½ ½ четверти сохи и 1 ч. безъ третника пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится 2 села, 6 солецъ, 79 деревень, 21 дерев. пусты, 338 пустошей, 2 селища, да въ пашню припущены сельцо, 15 деревень и 2 пустоши. Дворовъ: 11 дворовъ (?) помѣщичьихъ, дворъ поповъ [1]), 114 дворовъ крестьянскихъ (людей 117 ч.), 23 дв. боб. (людей тожъ), да два двора пусты. Пашни доброй земли 36 ч. безъ полуосмины, середней 165 ч. съ осминой, худой 138 ч. и ½ третника, да перелогу и поросли доброй земли 674 ч. съ осминой, середней 1.270 чет. съ осминой и ½ четверика, худой 1.595 ч. съ полуосминой и ½ ½ третника,—всего 3.885 чет. безъ получетверика (?). Изъ нихъ за добрую землю положено пашни 259 ч. съ третникомъ, а перелогу и поросли 2.763 ч. и полтретника,—всего учинено доброю землею 3.022 ч. съ осминой; наддано на середнюю и на худую землю той же земли 862 ч. съ полуосминой и ½ четверика. Сѣна 9.702 копны; лѣсу пашеннаго (....пробѣлъ) десятины безъ ¼ десятины, непашеннаго 1.803 десятины, да поверстнаго лѣсу, пашеннаго и непашеннаго, вдоль 72 версты, поперекъ 42¼ в.—Да во льготѣ одна деревня и 22 пустоши. Пашни здѣсь перелогомъ и порослью доброй земли 16 ч., середней 105 ч., худой 69 ч., съ полуосминой, всего 190 четей съ полуосминой; а положено за добрую землю 145 ч. съ осминой и ½ третника: наддано на середнюю и на худую землю тоежъ земли 45 ч. безъ третника. Сѣна 326 копенъ;

Повидимому, если лѣсъ по пашнѣ измѣрялся *четвертями*, то онъ подходилъ подъ понятіе поросшей лѣсомъ пашни, или поросли, о которой была рѣчь раньше. Лѣсъ же, въ собственномъ смыслѣ, какъ пашенный, такъ и непашенный, кромѣ поверстнаго. измѣрялся десятинами, тогда какъ лѣсъ поверстный (который могъ быть отчасти и пашеннымъ) измѣрялся верстами. Однако, лѣсъ по пашнѣ находимъ еще въ кн. 1067 въ описаніи Выборскаго уѣзда и въ книгѣ 1066 въ описаніи Опочецкаго уѣзда. См. ниже.

[1]) Изъ того, что во всей завелицкой засадѣ упоминается одинъ и единственный дворъ поповъ, да и то въ помѣщичьихъ земляхъ, слѣдуетъ заключать, что всѣ погосты, вмѣстѣ съ причтовыми дворами, стояли на государевой землѣ.

лѣсу пашеннаго 140 дес., непашеннаго 85 дес., поверстнаго непашеннаго вдоль на 5 верстъ, поперекъ на 3 в. безъ четверти.

Сошнаго письма въ живущемъ треть безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 чети съ третникомъ пашни—во льготѣ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 четей и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.—впустѣ 3 сохи съ полусохою безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 чети съ третникомъ перелогу. Всего за помѣщиками въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ 4 сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 3 чети съ осминой и $^1/_2$ третника пашни.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 124 пустоши и 3 селища. Пашни перелогомъ и порослью доброй земли 117 четей съ полуосминой, середней 319 четв., худой 212 ч. съ осминой, всего 648 чет. безъ полуосмины (?); изъ нихъ за добрую положено 512 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; наддано 136 ч. безъ $^1/_2$ третника (!). Лѣсу пашеннаго 62 четверти въ полѣ. Сѣна 1.854 копны, лѣсу пашеннаго 877$^1/_2$ дес., поверстнаго, пашеннаго и непашеннаго, вдоль на 42 версты, поперекъ на 22$^1/_2$ в. Сошнаго письма впустѣ соха безъ трети и безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 чет. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 148 деревень да починокъ и 3 деревни пустыхъ, 404 пустоши, да въ пашню припущены селище, деревня и 5 пуст. Дворовъ: 3 двора монастырскихъ, 189 дворовъ крестьянскихъ (людей въ нихъ 197 чел.), 31 дв. боб. и 15 дв. рыбныхъ ловцовъ (людей тожъ) да 5 дв. пустыхъ. Пашни доброй земли 320 ч. безъ полутретника, худой 215 ч., да перелогу и поросли доброй земли 926 ч. безъ полуосмины, середней 1.735 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худой 1.866 ч., всего 4.707 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ (!). Да лѣсу по пашнѣ 33 ч. съ осминой, лѣсу пашеннаго 34 ч. въ полѣ (sic). Сѣна 11.390 коп. Лѣсу пашеннаго 1.755$^1/_2$ дес., пашеннаго и непашеннаго 33$^1/_2$ дес., непашеннаго 1.646 дес., поверстнаго лѣсу, пашеннаго и непашеннаго, вдоль на 53$^1/_4$ версты, а поперекъ на 30 верстъ безъ четверти. Да во льготѣ 24 дер. и 180 пустошей, къ которымъ въ пашню припущены деревня и 3 пустоши, а въ нихъ 30 дв. кр. (людей 33 ч.). Пашни перелогу и поросли доброй земли 383 ч. съ осминой, середней 978 ч. безъ полуосмины, худой 567 ч. съ полуосминой, всего 1.928 ч. съ осминой. Сѣна 440 копенъ; лѣсу пашеннаго 889 дес., непашеннаго 643$^1/_2$ дес., поверстнаго, пашеннаго и непашеннаго *бору и болота*, вдоль 23$^1/_4$ версты, поперекъ 12 в. Сошнаго письма въ живущемъ соха безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 четверти безъ полуосмины пашни. Да во льготѣ 3 сохи

и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и осмина пашни (изо льготы выйдутъ въ разные сроки, начиная съ 105 года и оканчивая 114-мъ годомъ). А впустѣ 7 сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и безъ полуосмины и безъ четверика перелогу. Всего въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ (...пробѣлъ) сохъ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и 2 четверти пашни [1]).

По кн. 1064 [2]) *за помѣщиками* состоятъ 7 селецъ, 100 деревень съ полудеревнею, 402 пустоши, 4 селища, кромѣ того 1 сельцо, 14$^1/_2$ деревень, 3 пустоши и 1 селище въ пашню припущены, да вопче съ монастырями и церквами 5 деревень и пустошь. Въ сельцахъ и деревняхъ 14 дворовъ помѣщиковыхъ, 4 двора людскихъ, 139 дв. крест. (людей въ нихъ 229 чел. да въ тѣхъ же дворахъ 18 ч. бобылей), 65 дв. бобыльскихъ (75 ч.). Пашни паханой доброй земли 37 ч. безъ полуосмины, серед. зем. 183 ч. безъ $^1/_2$ третника, худой 131 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли 722 ч. съ полуосминой, серед. 1.480 ч. съ полуосминой и худой 4.543 ч. съ осминой; всего 4.097 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Изъ нихъ за добрую землю положено: паханой 271 ч., съ полуосминой, перелогу и поросли 2.943 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, а обоего учинено доброю землею 3.214 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника; наддано на середнюю и на худую землю „тоежъ земли" 883 ч. безъ четверика. Да монастырской и церковной (въ общихъ съ помѣщиками владѣніяхъ)— всего 12 ч. съ полуосминой. Сѣна въ помѣщичьихъ земляхъ 10.895$^1/_2$ к., лѣсу пашеннаго 3.000$^1/_4$ дес., непашеннаго 2.408$^1/_2$ дес., поверстнаго вдоль на 92$^1/_2$ версты, поперекъ на 54 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ [3]) 4 сохи и 14 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, а монастырской и церковной (въ вопч.) въ живущемъ и впустѣ 12 ч. съ полуосминой пашни. Помѣщики должны платить, по государеву указу, въ сошное письмо *съ живущаго съ 18 четей безъ третника и съ $^1/_2$ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика* пашни, а съ монастырской и церковной земли (вопч.) должно платиться *съ полуосмины и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Да за помѣщиками же, сверхъ приправочныхъ писцовыхъ книгъ, прибыло 2 дер., 1 починокъ и 18 пустошей; въ нихъ дворъ помѣщиковъ, 4 дв. кр. (7 чел.) и дв. боб. (1 ч.). Пашни всякаго рода

[1]) Итогъ завелицкой зас. находится на 1102—1108 листахъ.

[2]) Л. 546 и сл. и ср. кн. 826 л. 1092 и сл.

[3]) Раньше было уже замѣчено, что въ книгахъ XVII в. нѣтъ никакихъ льготныхъ земель.

здѣсь 99 ч. безъ третника, изъ коихъ за добрую землю положено 82 чети съ полуосминою, наддано 16 четей съ полуосминою и 1/2 третника; сѣна 58 коп., лѣсу пашеннаго 34 1/2 дес. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 1/2 1/2 трети сохи и 15 ч. съ осминой и 1/2 1/2 третника пашни, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго съ полуосмины и съ 1/2 1/2 четверика пашни*. Да изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ (дано) 2 дер. и 5 пуст.; въ нихъ 5 дв. кр. (10 чел.) и 3 дв. боб. (4 ч.). Пашни всякаго рода, причисляя сюда и примѣренныя 9 ч. безъ третника, 118 ч. Сошнаго письма здѣсь въ живущемъ и впустѣ 1/2 чети сохи и 18 ч. пашни, *и платить съ осмины и съ 1/2 1/2 третника и съ четверика безъ 1/2 1/2 1/2 четверика пашни*.

Да старыхъ помѣстныхъ порозжихъ земель 44 1/2 пустоши и вопче съ монастырями и церквами 2 пуст.,—все это составляетъ 262 чети безъ четверика, изъ коихъ положено за добрую землю 195 ч. съ полуосминою и 1/2 третника, наддано 66 ч. съ осминою безъ 1/2 1/2 1/2 третника (не считая монастыр. и церк. худ. земли 1 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ). Сѣна 941 коп., лѣсу пашеннаго 113 дес., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 30 1/2 вер., поперекъ на 17 1/2 в. Сошнаго письма впустѣ 1/2 чети и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 4 ч. безъ полуосмины перелогу (опять не считая монастырск. и церк. 1 чет. съ полуосминой и съ четверикомъ перелогу).

За монастырями и церквами—139 1/2 дер. и 438 пуст. безъ 1/2 трети пустоши, да деревня и 8 пуст. въ пашню припущены. Дворовъ: 6 двор. монаст. пріѣзжихъ, 204 дв. кр. (311 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 18 боб.), 61 дв. боб. (66 ч.) и 19 дв. рыбныхъ ловцовъ (21 ч.). Пашни паханой доброй зем. 142 ч. съ осминой, серед. 279 ч. съ осминой, худ. 130 ч. съ полуосминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли 1.129 ч. съ полуосминой, серед. 1.929 ч. съ полуосминой, худ. 1.301 ч. безъ 1/2 1/2 третника,— всего (всякой земли) 4.912 ч. безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третника. Сѣна 10.757 1/2 коп., лѣсу пашеннаго 1.513 дес. безъ четверти десятины, непашеннаго 1.409 1/4 дес., да поверстнаго лѣсу вдоль на 38 1/2 в., поперекъ на 17 1/2 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 8 сохъ и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти сохи и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 5 чет. съ осминой и 1/2 1/2 1/2 третникъ пашни. А по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 1/2 1/2 1/2 трети сохи и съ 7 четвертей съ осминою и съ 1/2 1/2 1/2 третника и съ 1/2 1/2 1/2 четверика пашни*.

Да монастырскихъ же прибылыхъ, сверхъ старыхъ приправочныхъ писцовыхъ книгъ, 5 дер. и пустошь, въ нихъ 6 двор. кр. (7 ч.); пашни пах. добр. зем. четь безъ полуосмины, серед. 6 чет. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли 14 ч. съ осминой, середн. 49 ч., худ. 14 ч. съ осминой, всего 85 ч. съ полуосминой. Сѣна 95 коп., лѣсу непашеннаго боровего вдоль на $^1/_2$ в., поперекъ на $^1/_4$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 чети съ полуосминою пашни, а по государеву указу платить имъ *съ живущаго съ четверти безъ полуосмины и съ $^1/_2$ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Да изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ за архіепископомъ село [1]) да 5 деревень безъ $^1/_3$ и 5 пустошей. Въ селѣ и деревняхъ 10 дв. кр. (19 ч.) и 3 дв. боб. (5 ч.). Пашни всякаго рода, вмѣстѣ съ примѣренными 32 ч. безъ $^1/_2$ третника, 329 ч. съ полуосминой, да церковной [2]) середн. зем. — 10 чет.; сѣна 401 коп.; лѣсу поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на $1^1/_2$ в. поперекъ на $^1/_2$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 четверти съ полуосминой пашни, а платить по государеву указу съ *живущаго съ четверти съ осминой и съ получетверика пашни.*

2. Бѣльская засада.

За помѣщиками, монастырями и церквами (не считая земель, состоящихъ за „Вожемъ“ и за ямщиками въ количествѣ 22 дер. и 12 пуст., что составляло въ живущемъ 173 ч. безъ полуосмины и впустѣ 197 ч. безъ полуосмины), *по кн. 355* состоитъ 9 сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 ч. пашни. Изъ нихъ въ живущемъ соха безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ 3 сохи безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ перелогу, — впустѣ 5 сохъ съ $^1/_4$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ полуосминой перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и четверикъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 ч. съ полуосминой пере-

[1]) Имѣется въ виду село Кусва, которое по государевой грамотѣ отъ 132 г., дано было Павлу, архіепископу псковскому и изборскому, въ вотчину, къ прежней троицкой домовой псковской и гдовской вотчинѣ въ прибавку.

[2]) Подъ церковною землею разумѣется раньше бывшая и оставшаяся за церковью Великомученика Мины въ Кусвѣ.

логу, — впустѣ $^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи безъ полуосмины пашни, а всего соха безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 чети съ четврикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ въ живущемъ соха безъ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. пашни,—во льготѣ 3 сохи безъ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и четверикъ перелогу, — впустѣ 4 сохи съ полусохою и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 5 четв. перелогу, а всего 8 сохъ и $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи безъ четврика пашни [1]).

По кн. 830 [2]) (считая вмѣстѣ съ землями, состоявшими за „Вожемъ" [3]) и за ямщиками), помѣщичьихъ, монастырскихъ и церковныхъ: село, 3 сельца, 148 деревень и починокъ, 4 деревни пустыя, 321 пустошь, да въ пашню припущены 4 деревни и 3 пустоши. А въ нихъ 3 двора помѣщиковы, 3 двора монастырскихъ, 1 дворъ людской, 222 двора крестьянскихъ (людей 235 ч.) и 15 дв. боб. (тожъ), да 15 дворовъ пустыхъ. Пашни всякой земли 6.041 ч. съ осминой. Сошнаго письма, опричь ямскихъ земель и Вожа, въ живущемъ соха безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и 3 ч. съ осминой пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 3 сельца, 14 деревень да деревня пустая, 51 пустошь, да въ пашню припущено 4 деревни и 2 пустоши. Дворовъ: 3 дв. помѣщиковы, 1 дв. людской, 25 дв. кр. (людей 28 ч.), 4 дв. боб. (людей тожъ). Пашни всякой земли 702 ч. безъ полуосмины, изъ коихъ за добрую землю положено 612 ч. съ осминой и съ четверикомъ, наддано 89 ч. съ четверикомъ. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и полосмины пашни, да изо льготы выйдутъ (во 111 г.) $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 4 четверти съ полуосминой пашни. Да во льготѣ до 111 г. деревня съ пустымъ дворомъ: пашни всякой здѣсь 44 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 29 ч. съ полуосминой, наддано 15 ч. безъ полуосмины; сошнаго письма здѣсь $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 4 четверти съ полуосминой пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ село и 103 деревни, да починокъ, да 2 деревни пустыя, 147 пустошей, да пустошь въ пашню припущена. Въ нихъ дворовъ: 3 дв. монастырскихъ, 148 дворовъ крестьянскихъ (людей 155 ч.), 10 дв. боб. (людей тожъ), да 12 дв. пустыхъ.

---

[1]) Итогъ бѣльской зас. на л. 349—350 кн. 355.

[2]) Итогъ бѣльской зас. на л. 358—364.

[3]) „За Вожемъ" на Тархани деревня, а въ ней 1 чел., пашни добр. з. 3 ч. съ осминой, да перелогомъ 20 ч. съ осминой, сѣна 30 коп., лѣсу пашеннаго $^1/_2$ дес.

Пашни всякой земли 3.233 ч. безъ полуосмины. Да во льготѣ 8 дер. 111 пустошей, въ нихъ 9 двор. крестьянскихъ и 2 боб., (а людей тожъ); пашни всякой земли 1.669 ч. съ осминой. Сошнаго письма въ живущемъ соха безъ полутрети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 3 четверти съ полуосминой пашни, — во льготѣ 3 сохи безъ 1/2 чети и безъ 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети и 1 четь съ полуосминой перелогу (изо льготы выйдуть въ разные сроки, отъ 105 до 116 г.),—впустѣ 4 сохи съ полусохою и полъосмины перелогу.

По кн. 1063 и 826 [1]) *за помѣщиками* старыхъ помѣстныхъ земель 2 сельца, 6 деревень, 43 1/2 пустоши, да въ пашню припущены 4 дер. и 2 пуст. и съ тѣми, что вопчо съ монастыри и церквою. Въ сельцахъ и въ деревняхъ 2 дв. помѣщиковы, 8 дв. кр. (13 ч.), 3 дв. боб. (тожъ). Пашни паханой доброй земли 5 ч. съ осминой, середн. 14 ч. безъ полуосмины, худой 6 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли 209 ч., середн. 291 ч. съ осминой, да худой 47 четей съ осминой, всего 573 ч. съ полуосминой, а положено за добрую землю пахапыя 20 четвертей съ осминой, перелогу и поросли 475 ч. безъ третника,—всего 495 ч. съ полутретникомъ, наддано 78 четей и 1/2 1/2 третника. Да монастырской и церковной земли (въ общихъ съ помѣщикомъ владѣніяхъ) добр. з. 15 ч. съ осминой. Сѣна 1.324 коп., лѣсу паш. 48 дес., непаш. 54 1/4 дес., да поверстнаго лѣсу вдоль полчетверты версты, а поперекъ 2 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 1/2 сохи и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 3 четверти съ осминою пашни. А по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ четверти и съ 1/2 1/2 1/2 четверика пашни.*

Кромѣ того, изъ госуд. дворц. селъ (даны помѣщикамъ) въ трехъ губахъ сельцо, 16 1/2 деревень, 48 пуст. съ четвертью и получетвертью пустоши, да 1/2 пустоши въ пашню припущено. Здѣсь 24 дв. кр. (37 ч. и въ тѣхъ же дворахъ 2 боб.) и дв. боб. (1 ч.). Пашни всякаго рода здѣсь 825 ч. съ осминой безъ 1/2 1/2 1/2 третника. Сѣна 1.575 коп., лѣсу паш. 87 дес. безъ 1/4, непаш. 46 1/2 дес., поверстнаго вдоль на полпяты версты, поперекъ на 4 1/4 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ соха и 1/2 1/2 1/2 ч. сохи съ осминою безъ 1/2 1/2 1/2 третника пашни. *А писаны за помѣщиками тѣ государевы дворцовыя, средняя и худая, земли, не одабривая,* противъ раздаточныхъ книгъ Ивана Рокотова, каковыя взяты во Псковѣ для приправки за

[1]) Кн. 1063 л. 662 на обор. и кн. 826 л. 530.

приписью дьяка Третьяка Копнина 135 году. А по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 3 четей безъ третника и съ 1/2 четверика и съ 1/2 1/2 1/3 четверика пашни.*

Да порозжихъ помѣстныхъ земель 19 пуст. безъ 1/3; пашни всякаго рода здѣсь 213 ч. съ осминой, за добр. з. положено 184 ч. безъ полутретника, наддано 30 ч. безъ третника. Здѣсь есть также монастырская и церк. земля—14 ч. Сѣна, и съ вопчимъ, 375 коп.; лѣсу паш. 68 дес., непаш. 31 1/2 дес., поверстнаго вдоль на полчетверты версты, поперекъ на 2 1/4 в. Сошнаго письма впустѣ 1/2 чети и 1/2 1/2 трети сохи и 17 чет. съ полутретникомъ, да монастыр. и церк. впустѣ 14 ч.

Въ концѣ итога бѣльской зас. упоминаются *ямскія* земли: 19 дер. и 15 пуст.; въ деревняхъ 26 дв. кр. (48 чел. да въ тѣхъ же дворахъ 4 *боб.*). Пашни всякаго рода здѣсь 369 ч.; сѣна 542 коп.; лѣсу паш. 2 дес. По раньше въ описаніи торошинской губы (кн. 1063 л. 484 и ср. кн. 826 л. 455) было сказано, что „тѣми деревнями и пустошами и ямскою слободою владѣютъ псковскіе всегородные старосты и посадскіе люди со 107 г., а ямскую гоньбу гоняютъ наймуя съ посаду и съ уѣзду погодно".

Монастырскихъ и церковныхъ въ 4 губахъ сельцо и 104 дер. безъ 1/4 и съ тою, что стала на погостѣ послѣ прежняго письма, 218 пуст. съ 1/2 третью пустоши, да 2 пуст. припущены, да пустошь пашутъ на церковное строеніе безъ тягла. Дворовъ: 4 дв. монастырскихъ пріѣзжихъ, 2 двора служнихъ, дворъ церковнаго дьячка (въ немъ еще бобыль) [1]) 141 дв. кр. (228 чел. и въ тѣхъ же дворахъ 10 ч. боб.) 50 дв. боб. (64 ч.), да дворъ пустой. Пашни пахан. добр. з. 223 ч., середн. 178 ч. съ осминой и 1/2 1/2 третника, худ. 16 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.528 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, середн. 1.881 ч. безъ 1/2 1/2 третника, худ. 376 ч., — всего 4.203 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ да на церковное строеніе пашутъ безъ тягла [2]) середн. з. 23 ч. съ по-

---

[1]) Во всѣхъ 4 погостахъ бѣльской зас. упоминается одинъ и единственный дворъ дьячка, да и то не на погостѣ, а, какъ видно изъ кн. 1063 л. 362, въ селѣ Овсищахъ, въ которомъ имѣли доли разные землевладѣльцы, въ томъ числѣ Снѣтогорскій монастырь — въ принадлежавшемъ этому монастырю дворѣ и жилъ этотъ дьячекъ, вмѣстѣ съ бобылемъ. Какой выводъ отсюда слѣдуетъ, см. выше въ примѣч. къ итогу завелиц. зас. по кн. 830.

[2]) Обращеніе извѣстной части земли на церковное строеніе, какъ видно, состоялось послѣ XVI в. и не по пожалованію, иначе она была бы записана въ кате-

луосминой. Сѣна 7.271 к.; лѣсу паш. 528 дес. безъ $^1/_4$, непаш. 256 дес., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 30 верстъ безъ $^1/_4$, поперекъ на $22^1/_2$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 7 сохъ безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 9 ч. съ осминой и съ четверикомъ пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и съ 3 четей безъ полуосмины и съ $^1/_2\,^1/_2$ четверика и съ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверика пашни.*

Кромѣ того, монастырскихъ и церковныхъ новоприбылыхъ деревня и 3 пустоши; въ деревнѣ 1 дв. кр. (1 чел.); пашни всякаго рода здѣсь 30 ч.; сѣна 40 коп.; лѣсу паш. $^1/_2$ дес., сошнаго письма $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети сохи и 5 четв. пашни, а платить съ *живущаго съ четверика и съ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверика пашни.*

3. Заклинская засада.

По кн. 355 за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель—317 ч. безъ полуосмины, а по кн. 830-й 49-ти пустошей, содержавшихъ въ себѣ всякой земли 400 ч., изъ коихъ за добрую положено было 327 ч.) сошнаго письма числится 5 сохъ безъ $^1/_3$ сохи и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети сохи и 9 чет. съ третникомъ и четверикъ пашни. Изъ нихъ въ живущемъ $^1/_4$ сохи и 9 ч. безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ соха съ $^1/_4$ безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети и $^1/_2\,^1/_2$ трети сохи и 8 ч. съ осминой перелогу,—впустѣ 3 сохи и $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ осминой и $^1/_2\,^1/_2$ третника перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 4 четверти безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ $^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 4 чети безъ полуосмины перелогу,—впустѣ соха и $^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети сохи и 5 четей съ осминой и $^1/_2\,^1/_2$ третника перелогу, а всего соха съ полусохою и 5 чет. съ третникомъ и четверикъ пашни.

На монастыри и церкви приходится: въ живущемъ $^1/_2\,^1/_2$ чети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети сохи и 5 чет. пашни,—во льготѣ соха и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 4 ч. съ полуосминою перелогу,—впустѣ 2 сохи безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети сохи и 1 ч. пере-

горію бѣлыхъ или нетяглыхъ земель, о которыхъ намъ придется говорить позднѣе по другому поводу.

логу,—всего 3 сохи съ полутретью и ½ ½ ½ чети сохи и 4 чети перелогу [1]).

По кн. 830 [2]) за помѣщиками, монастырями и церквами (считая вмѣстѣ съ порозжими землями) 7 селецъ, 41 дер. и 3 дер. пустыхъ, 330 пустошей, да въ пашню припущены деревня и 4 пустоши. Въ нихъ 4 двора монастырскихъ, 5 дворовъ помѣщиковыхъ, 4 двора людскихъ, 56 дв. кр. (людей 59 ч.) 2 дв. боб. (тожъ) и 6 дворовъ пустыхъ. Сошнаго письма въ живущемъ четверть сохи и 7 четей съ полуосминою и ½ ½ третника пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 6 селецъ, 23 деревни и 3 деревни пустыхъ, 92 пустоши, да въ пашню припущены деревня и 4 пустоши. Дворовъ: 5 дв. помѣщ. 4 дв. людскихъ, 31 дв. кр. (33 ч.) и 2 дв. боб. (тожъ), да 3 дв. пустыхъ. Пашни всякой земли 1.323 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 1.024 ч. съ четверикомъ и ½ ½ третникомъ, наддано 299 ч. безъ полуосмины и ½ ½ третника. Сошнаго письма въ живущемъ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 2 чети и ½ ½ третника пашни. Да во льготѣ 29 пуст., пашни всякой здѣсь 250 ч. съ полуосминой, изъ коихъ за добрую землю положено 195 ч. съ полуосминой, наддано 55 ч. съ осминой; сошнаго письма здѣсь четверть безъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 3 чети перелогу (изо льготы выйдутъ въ разные сроки отъ 110 до 114 г.).

Монастырскихъ и церковныхъ сельцо и 17 деревень, 96 пуст., а въ нихъ 4 дв. монастырскихъ, 25 дв. кр. (людей тожъ) и 3 дв. пустыхъ. Пашни всякой земли 1.250 ч. Да во льготѣ деревня и 64 пуст., да 5 пустошей въ пашню припущено, а въ нихъ дв. кр. (1 ч.); пашни всякой здѣсь 699 ч. съ осминой. Сошнаго письма въ живущемъ ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 5 ч. съ полуосминой; да во льготѣ соха и ½ чети сохи и 5 ч. безъ полуосмины перелогу (изо льготы выйдутъ въ разные сроки отъ 101 до 111 г.).

По кн. 1063 и 826 [3]) *за помѣщиками* 7 дер. безъ ¼, да ¼ деревни пустая, 140 пуст., да въ пашню припущены деревня и 7 пустошей. Дворовъ: 9 дв. кр. (въ нихъ 10 ч., да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. бобылей), да дворъ бобыльскій (1 ч.). Пашни пах. середн. з. 10 ч., худ. 19 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли

[1]) Итогъ кн. 355 на л. 360 и сл.
[2]) Итогъ кн. 830 на л. 594—601.
[3]) Кн. 1063 л. 520 и сл. Кн. 826 л. 620.

189 ч. съ полуосминой, серед. 883 (888?) ч. съ осминой, худ. 455 ч., всего 1.562 ч. безъ полуосмины, изъ коихъ за добрую землю положено 1.226 ч., наддано 336 ч. безъ полуосмины. Да монастырской и церковной земли всякаго рода (т. е. въ общихъ съ помѣщиками владѣніяхъ) 69 ч.; сѣна 4.284 к., лѣсу паш., 918 дес., непаш. 1.034 дес., поверстнаго вдоль на 53½ в., а поперекъ на 34 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 1½ сохи и ½ ½ ½ четверти сохи и 1 ч. пашни; а монастырской и церковной (вопче) въ живущемъ и впустѣ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и полъосмины пашни; платить же по государеву указу въ сошное письмо съ *живущаго съ четверти безъ ½ ½ третника*; а церковнымъ платить въ сошное письмо съ живущаго *съ получетверика и съ ½ ½ ½ четверика* пашни.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 52 пустоши (считая съ припущенною въ пашню); пашни лѣсомъ поросло доброй земли 71 ч. съ полуосминой, серед. 162 ч., худ. 135 ч. съ полуосминой, всего 368 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено 291 ч. съ третникомъ, наддано 77 ч. съ полутретникомъ. Сѣна здѣсь 771 к., лѣсу паш. 336½ дес., непаш. 374 дес., поверстнаго вдоль на 15½ в. поперекъ на 10½ в. Сошнаго письма впустѣ четь и ½ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи и 16 ч. съ третникомъ перелогу.

За *монастырями и церквами* (опричь Печерской вотчины, какъ обѣленной) [1]) состоять: сельцо, 16 дер. и 102¼ пустоши. Въ сельцѣ и въ деревняхъ дворъ монастырскій пріѣзжій, дворъ коровій, 18 дв. кр. (19 ч.) и 3 дв. боб. (тожъ). Пашни паханой доброй земли 11 ч. съ осминой, середн. 13 ч. съ полуосминой, худ. 17 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 184 ч. съ осминой, серед. 566 ч. съ полуосминой и худой 562 ч.; всего 1.355 ч. безъ полуосмины. Сѣна 2.669 коп.; лѣсу паш. 735½ дес., непаш. 698 дес., поверстнаго вдоль на 46½ в., поперекъ на 32½ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2 сохи съ четвертью и 5 четвертей съ полуосминой перелогу, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго съ 2 четвертей съ осминой и съ полутора четверика пашни.*

---

[1]) Одно изъ важнѣйшихъ измѣненій въ церковномъ землевладѣніи къ 30-мъ годамъ XVII в., какъ объяснено было ранѣе, состояло въ томъ, что обѣлены были всѣ земли Печерскаго монастыря, гдѣ бы онѣ ни находились, такъ что въ писцовыхъ книгахъ стали различаться старыя бѣлыя нетяглыя земли (описанныя въ кн. 355) отъ новыхъ бѣлыхъ нетяглыхъ земель (Печерскаго монастыря). Измѣненіе это имѣло тѣмъ болѣе широкое значеніе, что къ Печерскому приписаны были разные другіе монастыри съ ихъ вотчинами, которыя были также обѣлены.

4. Деманицкая засада.

По кн. 355 за помѣщиками, монастырями и церквами состоитъ 8 сохъ безъ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 4 чети пашни. Изъ нихъ въ живущемъ 1/2 сохи безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 2 чети съ осминой пашни,—во льготѣ 1/4 и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 7 четей перелогу,—впустѣ 7 сохъ безъ 1/4 и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 4 чети съ осминой перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 1/3 безъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 3 чети съ полуосминой перелогу,—во льготѣ 1/2 1/2 четверти сохи и 6 ч. съ полуосминой перелогу,—впустѣ 2 1/3 сохи безъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и полъосмины перелогу,—всего 3 сохи безъ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 4 чети съ полуосминой пашни.

На монастыри и церкви приходится: въ живущемъ 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти сохи и 2 чети пашни,—во льготѣ 1/4 и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 4 чети безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 4 1/2 сохи и 1/2 1/2 чети сохи и 4 чети съ полуосминой перелогу,—всего 5 сохъ и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 4 чети безъ полуосмины пашни [1]).

По кн. 830 [2]) за помѣщиками, монастырями и церквами 8 селецъ, 73 деревни, да сельцо и 4 дер. пусты, 614 пустошей и 34 селища, да въ пашню припущено 8 дер. и 11 пустошей. Дворовъ: 1 дв. монастырскій, 9 дв. помѣщ., 6 дв. людскихъ, 94 дв. кр. (104 ч.), 16 дв. боб. (17 ч.), да 4 двора пусты. Сошнаго письма въ живущемъ 1/2 сохи безъ 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 5 ч. съ осминой пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 8 селецъ, 57 деревень, да сельцо и 3 деревни пусты, 270 пустошей и 24 селища, да въ пашню припущены 8 деревень и 14 (?) пустошей. Въ нихъ 9 дв. помѣщиковыхъ, 6 дв. людскихъ, 83 дв. кр. (83 ч.) и 15 дв. боб. (людей 16 ч.). Пашни всякаго рода 2.730 ч. безъ полуосмины, изъ коихъ за добрую землю положено 2.130 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ. Да монастырской и церковной земли (въ общихъ владѣніяхъ) всего 46 ч. безъ полуосмины, да поповой пашни 5 ч. Сошнаго письма въ живущемъ 1/3 безъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2

[1]) Итогъ деманицкой зас. въ кн. 355 на л. 383 и сл.

[2]) Итогъ на л. 8-мъ и сл.

четверти сохи и 6 ч. съ полуосминой перелогу. Да во льготѣ 12 пустошей и селище; пашни всякаго рода здѣсь 73 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 55 четей безъ полуосмины (изъ льготы выйдуть въ 111—114 г.). Сошнаго письма здѣсь $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 четей съ полуосминой пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 16 деревень да деревня пустая, 5 пустошей и 9 селищъ, да пустошь въ пашню припущена, а въ нихъ дворъ монастырскій и 21 дв. кр. (людей тожъ) и 2 двора пусты. Пашни всякаго рода 2.789 ч. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 2 четверти пашни. Да во льготѣ 27 пустошей; пашни всякаго рода здѣсь 237 ч. съ осминой; сошнаго письма $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи.

По кн. 1063 и 826 [1]) *за помѣщиками* 5 селецъ, 20 деревень и деревня пустая, 259 пустошей, 12 селищъ, да въ пашню припущено 17 пустошей, и съ тѣми, что вопче съ церквами и съ монастырями и съ прибылыми. Въ сельцахъ и деревняхъ 5 дв. пом., 5 дв. людскихъ, 31 дв. кр. (34 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. бобылей), 7 дв. боб. (8 ч.) и дворъ пустой. Пашни паханой всякаго рода 2.441 ч. съ осминой безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, изъ коихъ за добрую землю положено 1.900 ч. безъ полуосмины; наддано 541 ч. съ осминой и съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; да монастырской и церковной пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло серед., з. 18 ч., да поповы пашни серед. з. перелогомъ 5 четв. Сѣна 15.366 коп.; лѣсу пашен. 115$^1/_2$ дес., пашен. и непаш. 251$^1/_2$ дес.; непаш. 664 дес., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 45 в., поперекъ на 31$^1/_4$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2$^1/_3$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 8 четей и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни; да монастырской и церковной земли сошнаго письма впустѣ 18 ч. пашни. А по государеву указу платить имъ *съ живущаго съ 3 четвертей съ осминой и съ четверикомъ безъ* $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ *четверика пашни.* Да помѣстныхъ порозжихъ земель 59 пустошей и 11 селищъ и съ тѣми, что вопче съ монастырями и съ церквами. Пашни всякаго рода здѣсь 294 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, изъ коихъ за добрую землю положено 218 ч. съ осминой и съ четверикомъ; наддано 75 четей съ полуосминой и $^1/_2$ третника. Да монаст. и церковной пашни перелогомъ середн. з. 20 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; сѣна 3.181 коп., лѣсу паш. и непаш. 54 дес. безъ $^1/_4$, непаш. 193$^1/_2$ дес., поверстнаго вдоль на полъосмы версты, поперекъ на 4$^1/_4$ в. Сошнаго

---

[1]) Общій итогъ деманицкой зас. въ кн. 1063 на л. 25, а въ кн. 826 на л. 180 и сл.

письма здѣсь впустѣ ½ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ трети сохи и 2 четверти съ четверикомъ и ½ ½ третника. А монаст. и церков. земли (въ общемъ владѣніи) сошнаго письма впустѣ ½ ½ ½ четверти сохи и 1 ч. съ полуосминой и ½ ½ ½ *третника* пашни.

За монастырями и церквами 20 деревень, 322 пустоши и 9 селищъ, да въ пашню припущены 2 пустоши. Дворовъ: 37 дв. кр. (46 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 13 ч. бобылей) и 10 дв. боб. (11 чел.). Пашни паханой середн. з. 105 ч., худой 28 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 2.139 ч. безъ полуосмины, худ. 674 ч. безъ полуосмины, всего—2.945 ч. съ осминой. Сѣна 24.003 к., лѣсу пашен. 225½ дес., паш. и непаш. 86 десят., непаш. 396½ дес., поверстнаго вдоль на полчетверти версты, поперекъ на 2 версты безъ ¼. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 5 сохъ безъ полутрети и ½ ½ четверти сохи и 8 четей пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 5 четвертей съ осминой безъ ½ ½ ½ третника и съ ½ ½ четверика и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

5. Прудская засада.

По кн. 355 за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ и ямскихъ земель—порозжихъ земель 303 ч., зарѣзницкаго яму 3 пустоши—бывыя сведенаго Кости Тростенскаго), сошнаго письма 9 сохъ съ ⅓ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ ½ чети сохи и 2 чети съ осминой и ½ третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ ¼ и ½ ½ четверти сохи и 7 ч. безъ ½ ½ третника пашни,—во льготѣ соха безъ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 4 чети съ полуосминой и съ четверикомъ перелогу,—впустѣ 8 сохъ съ ⅓ безъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 6 четвертей безъ четверика перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ ½ трети сохи и ½ ½ ½ трети сохи и 6 ч. безъ третника пашни,—впустѣ 2 сохи съ полусохою безъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 3 чети съ осминой перелогу,—всего 3 сохи безъ ⅓ и ½ ½ ½ трети сохи и 1 ч. безъ полутретника пашни.

На *монастыри и церкви* приходится сошнаго письма: въ живущемъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 1 ч. съ полуосминой пашни,—во льготѣ соха безъ ⅓ и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти и 4 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ,—впустѣ 6 сохъ безъ ½ трети сохи и 2 четверти съ полуосминой и съ четве-

рикомъ перелогу,—всего 7 сохъ безъ 1/4 и безъ 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 2 чети безъ полуосмины пашни [1]).

По кн. 830 [2]) за помѣщиками и монастырскихъ и церковныхъ и ямскихъ и порозжихъ помѣстныхъ земель и съ тѣми, что во льготѣ,— 6 селецъ, 54 деревни, да 3 деревни пустыя, 822 пустоши и 28 селищъ, да въ пашню припущены 6 дер. и 3 пустоши. Дворовъ: 4 дв. помѣщ., 4 дв. людскихъ, 67 дв. кр. (74 ч.), 5 дв. боб. (тожъ) и 2 дв. пустыхъ. Сошнаго письма въ живущемъ, опричь ямскихъ земель (3 пуст.=34 чети съ осминой), 1/4 и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 7 четвертей и 1/2 1/2 третника пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 6 селецъ, 34 деревни и деревня пустая, 278 пуст. и 7 селищъ, да въ пашню припущены 6 дер. и 2 пустоши. Въ нихъ 4 двора помѣщиковы, 4 двора людскихъ, 45 дв. кр. (51 ч.) и 4 дв. боб. (тожъ). Пашни всякаго рода 2.655 ч. съ осминой и съ четверикомъ, изъ коихъ за добрую землю положено 2.208 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 1/2 третника, наддано 447 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 третника. Сошнаго письма въ живущемъ 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 трети и 6 ч. безъ полутретника пашни. Да порозжихъ помѣстныхъ земель 43 пустоши и 10 селищъ; пашни всякаго рода здѣсь 371 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено 303 ч. съ полуосминой, наддано 68 ч. съ полуосминой; сошнаго письма здѣсь впустѣ 1/2 сохи безъ 1/2 1/2 четверти сохи и 3 ч. и 1/2 третника перелогу.

На *монастыри и церкви* приходится: 7 дерев. и 2 дер. пустыя, 436 пуст. и 11 селищъ. Дворовъ: 7 дв. кр. (8 ч.) и дв. боб. (1 ч.), да 2 двора пусты. Пашни всякаго рода (и съ тѣмъ что вопче съ помѣщики) 3.576 ч. Сошнаго письма въ живущемъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 1 четв. съ полуосминой пашни. Да во льготѣ 13 дер. и 62 пуст. да пустошь въ пашню припущена,—въ нихъ 15 дв. кр. (тожъ). Пашни всякаго рода здѣсь 565 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, сошнаго письма здѣсь соха безъ 1/2 1/2 1/2 трети и безъ 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 5 четвертей съ четверикомъ перелогу (изъ льготы выйдутъ въ разные сроки отъ 103 до 116 г.).

По кн. 1063 и 826 [3]) *за помѣщиками* состоитъ 7 селецъ, 24 дер. безъ трети и 1/2 1/2 1/2 трети деревни, да деревня съ 1/4 и 1/2 1/2 1/2

[1]) Итогъ прудской зас. въ кн. 355, на л. 412 и сл.

[2]) Итогъ на л. 785 и сл.

[3]) Кн. 1063, л. 1018 и сл.; кн. 826, л. 787 и сл.

трети деревни пустая, 292½ пустоши и 9 селищъ, да въ пашню припущены 3 дер. и 9 пустошей, и съ тѣмъ, что вопче съ монастыри и церквами. Дворовъ: 8 дв. помѣщиковыхъ, 37 дв. кр. (52 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 5 ч. боб.), 14 дв. боб. (16 ч.). Пашни паханой доброй земли 40 ч. съ осминой, середн. 45 ч. съ полуосминой, худой 29 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй земли 869 ч. съ осминой, середн. 1.099 ч. безъ полуосмины, худой 722 ч. безъ четверика,—всего 2.805 ч. съ осминой и ½ четверика, изъ коихъ за добрую землю положено 2.329 ч. съ третникомъ и 1½ четверика, наддано 476 ч. и ½ третника. Да монаст. и церковн. пашни (въ общемъ владѣніи) доброй земли 19 чет. съ осминой и ½ четверика, середн. 24 ч. съ осминой, худой 3 ч. съ осминой и съ четверикомъ; всего 47 ч. съ осминой и 1½ четверика.—Сѣна (съ вопчимъ) 11.226 коп., лѣсу паш. 1.098 дес., паш. и непаш. 1 дес., непашеннаго 1.026½ дес., да поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 14 в., поперекъ на 7¼ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 3 сохи безъ ½ трети и ½ ½ четверти сохи и 13 четвертей безъ третника и 1½ четверика пашни; да монастырской и церковной сошнаго письма впустѣ ½ ½ четверти сохи и 10 ч. и 1½ четверика пашни. А по государеву указу платить имъ (помѣщикамъ) въ сошное письмо *съ 4 четей съ осминой и съ получетверика и ½ ½ четверика пашни*. Да за житничнымъ ключникомъ ямскихъ земель деревня съ 1 дв. и 3 пуст.= 34 ч. съ осминой; сошнаго письма ½ ½ ½ треть сохи и четверть съ полутретникомъ пашни, *а платить съ ½ четверика пашни*.

Да изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ за новгородцемъ Васильемъ Бекетовымъ 4 пустоши=49 ч. безъ третника... сошнаго письма впустѣ ½ ½ ½ трети сохи и 15 ч. съ третникомъ пашни.

Да помѣстныхъ порозжихъ земель 24½ пустоши=177 четей, изъ коихъ за добрую землю положено 144 ч.; въ общихъ владѣніяхъ есть и церковная пашня—2 чети безъ полуосмины. Сѣна съ вопчимъ 1.128 коп., лѣсу паш. 142 дес. съ ½, непаш. 58½ дес., поверстнаго вдоль на 1 в., поперекъ ½ в. Сошнаго письма впустѣ ½ ½ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ четверти сохи и 2 чети съ третникомъ пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 45 деревень да деревня пустая, 431 пустошь, 10 селищъ, да пустошь въ пашню припущена. Дворовъ: 64 дв. кр. (81 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 10 ч. боб.), 6 дв. боб. (тожъ), да дворъ пустъ. Пашни паханой доброй земли 82 ч., середн. 46 ч., худой 20 ч. безъ полуосмины; да перелогомъ и лѣсомъ

поросло доброй земли 1.783 ч. безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третникъ, середн. земли 1.304 ч. съ осминой, худой 571 ч. безъ полуосмины, да проскурницыны пашни середн. земли четь, и всего 3.810 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 1/2 третника. Сѣна 16.938 1/2 коп., лѣсу пашеннаго 2.374 дес. безъ 1/4 десятины, непаш. 1.369 дес., поверстнаго въ длину на 12 1/2 в., поперекъ на 6 1/4 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 6 1/4 сохъ и 1/2 1/2 четверти и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 4 четверти и 1/2 1/2 1/2 третникъ пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 9 четвертей съ полуосминою безъ 1/2 1/2 1/2 четверика пашни.*

6. Рожницкая засада.

По кн. 355 за помѣщиками, архіепископомъ, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель=635 ч. безъ полуосмины) сошнаго письма 9 сохъ и 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти сохи и 9 четей безъ 1/2 1/2 1/2 третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ 1/4 и 1/2 1/2 чети сохи и 6 чет. безъ 1/2 1/2 1/2 третника пашни,—во льготѣ 1/2 безъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 5 ч. съ полуосминой перелогу,—впустѣ 8 сохъ съ полусохою безъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти сохи и 5 ч. съ полуосминой перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и осмина съ четверикомъ и 1/2 1/2 третника пашни,—во льготѣ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 1 ч. безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 3 сохи безъ 1/4 и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 2 чети пашни,—всего 3 сохи безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 3 чети съ третникомъ и четверикъ пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ и архіепискуплихъ сошнаго письма въ живущемъ 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 5 чет. съ полуосминою пашни,—во льготѣ 1/4 и 1/2 1/2 четверти сохи и 3 чети съ полуосминой перелогу,—впустѣ 6 сохъ безъ 1/2 и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 3 ч. съ полуосминой перелогу, — всего 6 сохъ съ 1/4 безъ 1/2 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 5 ч. съ осминой пашни [1]).

По кн. 830 итога рожницкой засады нѣтъ, какъ нѣтъ и полнаго описанія ся губъ.

По кн. 826 [2]) *за помѣщиками* состоитъ 2 сельца, 5 деревень да

[1]) Итогъ въ кн. 355, на л. 431.

[2]) Л. 1.305 и сл.

деревня пустая, 246½ пустошей, 24 селища, да въ пашню припущены деревня и 19 пустошей. Въ сельцахъ и деревняхъ 2 дв. помѣщ. и 8 дв. кр. (11 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. бобылей), дворъ бобыльскій (2 ч.) да дворъ пустой. Пашни паханой середн. з. 26 ч. съ полуосминой, худой 6 ч. да перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 1.342 ч. съ полуосминою, да худ. з. 653 ч. безъ ½ ½ третника, всего 2.027 ч. съ полуосминой и ½ третника, изъ коихъ за добрую землю положено паханой 25 ч., а перелогу и поросли 1.512 ч., всего 1.537 ч.; наддано 490 ч. съ полуосминою и ½ третника. Да церковной пашни (въ общемъ владѣніи) перелогомъ и лѣсомъ поросло сер. з. четверть съ осминой, да худой земли 5 ч. съ третникомъ, всего 7 четвертей безъ ½ третника. Сѣна 14.099 коп., лѣсу паш. 587½ д., паш. и непаш. 329½ дес., непаш. 969 дес., поверстнаго вдоль на 21½ в., поперекъ на полпяты версты безъ получетверти версты. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2 сохи безъ получетверти и ½ ½ ½ четверть сохи и 12 четей пашни. А по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ четверти безъ полутретника и съ получетверика пашни.*

Да помѣстныхъ порозжихъ земель 249 пустошей и 75 селищъ, да 5 пустошей въ пашню припущены. Пашни всякаго рода здѣсь 1.985 ч. съ полуосминою, изъ коихъ за добрую землю положено 1.456 ч. безъ третника, наддано 529 ч. съ осминою и ½ ½ третника. Сѣна 11.455 коп., лѣсу паш. 665 дес., паш. и непаш. 536¼ дес. непаш. 945½ дес., поверстнаго вдоль на 27 в., поперекъ на 5¼ в. Сошнаго письма здѣсь впустѣ 2 сохи безъ ¼ и ½ ½ четверти сохи и 6 ч. безъ третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ въ рожницкой зас. сельцо, 33 деревни, 410 пустошей и 23 селища, да въ пашню припущены 1½ пустоши и селище. Въ сельцѣ и въ деревняхъ дворъ архіепископлихъ боярскихъ дѣтей пріѣзжій, 55 дв. кр. (63 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 11 ч. боб.) и 44 дв. боб. (51 ч.). Пашни паханой середн. з. 137 ч., худой 45 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 2.852 ч. съ осминой и худой 829 ч. съ осминой; всего 3.864 ч. съ осминой. Сѣна 23.643 коп., лѣсу паш. 642¼ дес., паш. и непаш. 994¼ дес., непаш. 1.024 дес., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 27 в., поперекъ на 9 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ полсемы сохи безъ ½ ½ четверти сохи и 2 четверти пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 10 четвертей безъ полуосмины и съ ½ ½ ½ третника пашни.*

7. Мелетовская засада.

По кн. 355 за помѣщиками и монастырями и церквами (опричь порозжихъ помѣстныхъ земель и земель загорскихъ ямщиковъ,—первыхъ числится 114 ч. съ осминой, послѣднихъ 18 пустошей и деревня) состоитъ сошнаго письма 8 сохъ безъ чети сохи и 7 четей съ полуосминой и съ четверикомъ пашни. Изъ нихъ въ живущемъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четьи сохи и 3 чети съ полуосминой и съ четверикомъ пашни,—во льготѣ соха безъ полутрети сохи и 6 четей безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 6 сохъ съ полусохою и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 11 ч. безъ полуосмины перелогу.

Изъ общаго итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ трети сохи и полъосмины и четверикъ пашни,—впустѣ 2 сохи съ $^1/_2$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ полуосминой перелогу,—всего 2 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ осминой и съ четверикомъ пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 чети пашни,—во льготѣ соха безъ полутрети и 6 ч. безъ полуосмины перелогу, впустѣ $4^1/_4$ сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 чети съ осминой перелогу—всего $5^1/_4$ сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи, и четверть безъ полуосмины пашни [1]).

По кн. 830 [2]) за помѣщиками, монастырями и церквами, причисляя сюда также и порозжія помѣстныя земли и ямскія, состоитъ 7 селецъ, 33 дер., 3 деревни пустыя, 555 пуст., да 6 деревень въ пашню припущено. А въ нихъ дворъ монастырскій, 5 дворовъ помѣщиковыхъ, 4 дв. людскихъ, 61 дв. кр. (65 ч.), 7 дв. боб. (тожъ), да 3 дв. пустыхъ. Пашни добр. з. 101 ч. безъ полуосмины, середн. з. 161 ч., худ. 6 ч., да перелогу и поросли добр. з. 1.904 ч. съ полуосминой, сер. 2.966 четей съ осминой, худ. 882 чети, всего 6.020 четей съ осминой Сошнаго письма въ живущемъ четь и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 четверти съ полуосминою и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ тротника пашни. Во льготѣ соха безъ $^1/_2$ трети сохи и 6 ч. безъ полуосмины перелогу (изо льготы выйдутъ въ разное время отъ 108 до 114 г.).

Изъ этого общаго итога *на помѣщиковъ* приходится 7 селецъ, да 5 деревень въ пашню припущены, 18 пустыхъ деревень, 3 деревни и 234 пустоши, да въ пашню припущено 6 деревень. Дворовъ: 5 дво-

---

[1]) Итогъ мелетовской зас. въ кн. 355, на л. 451 и сл.

[2]) Итогъ на л. 185 и сл.

ровъ помѣщиковыхъ, 4 двора людскихъ, 38 дв. кр. (40 ч.), 5 дв. боб. (тожъ), да 2 двора пустыхъ. Пашни всякаго рода 2.440 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 2.043 ч. съ осминой, наддано 396 ч. съ осминой. Сошнаго письма въ живущемъ $^{1}/_{2}$ трети сохи и 1 ч. съ полуосминой и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ третника пашни. Порозжихъ помѣстныхъ земель 13 пустошей; пашни всякаго рода здѣсь 130 четей безъ полуосмины, изъ коихъ за добрую положено 110 ч., наддано 20 ч. безъ полуосмины. Ямскихъ деревня и 16 пустошей (въ деревнѣ 2 двора кр. съ 3 ч., пашни всякаго рода 193 ч.).

Монастырскихъ и церковныхъ 14 дер., 229 пустошей; въ нихъ дворъ монастырскій, 21 дв. кр. (22 ч.), 2 дв. боб. (тожъ), да дворъ пустъ. Пашни всякаго рода 2.750 ч. безъ полуосмины. Да во льготѣ 63 пустоши, пашни всякаго рода здѣсь 508 ч. въ полѣ. Сошнаго письма въ живущемъ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ трети и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверти сохи и 3 четверти пашни. Да во льготѣ соха безъ полутрети сохи и 5 четвертей безъ полуосмины перелогу.

По кн. 1063 и 826 [1]) за *помѣщиками* числится 6 сельцъ, 11 деревень, деревня пустая, 199 пустошей, да въ пашню припущены 6 дер. и 5 пуст. и еще по новому письму деревня и пустошь; да вопче съ монастырями и церквами 14 пустошей. Въ сельцахъ и деревняхъ 7 двор. помѣщик., 19 дв. кр. (25 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 5 ч. боб.) и 6 дв. боб. (7 ч.). Пашни пах. добр. з. 25 ч. съ осминой, середн. 31 ч., худой 15 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй з. 687 ч. съ осминой, середн. з. 1.022 ч., худой 443 ч. съ полуосминой, всего 2.224 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено паханой 60 ч. съ осминой, а перелогу и поросли 1.804 ч. безъ полуосмины, „обоего" учинено доброю землею 1.864 ч. съ полуосминой, наддано на середнюю и на худую землю той же земли 360 ч. Да монастырской и церковной пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло доброй з. 29 ч. съ полуосминой, середн. з. 44 ч. безъ полуосмины, худой 7 ч. съ осминой, всего 80 ч. съ осминой. Сѣна 8.840 коп.; лѣсу паш. 491 дес. съ получетвертью десятины и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ трети десятины, пашен. и непаш. 53 дес., непаш. 1.111 дес. безъ четверти, да поверстнаго лѣсу въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 51 в., безъ $^{1}/_{4}$ версты, поперекъ на 43 в. съ полуверстою и на $^{1}/_{2}$ четверти версты. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $2^{1}/_{4}$ сохи и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ треть и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверть сохи и 6 чет. безъ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ третника пашни.

---

[1]) Итогъ кн. 1063, на л. 335 и сл., кн. 826, на л. 349 и сл.

А монастырской и церковной сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ четверти сохи и 5 четвертей съ осминой пашни. Платить по государеву указу (кому? помѣщикамъ или церквамъ?) въ сошное письмо съ *живущаго съ 2 четвертей съ полуосминой и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.*

Да ямскихъ земель *за помѣщиками* же 5 пустошей=37 ч. Да порозжихъ помѣстныхъ земель 31 пуст., да вопче съ монастырями и съ церквами 6 пуст.—всего 291 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено 246 ч., наддано 45 ч. съ осминой; да монастырской и церковной пашни 30 ч. съ полуосминой. Сѣна 962 коп., лѣсу паш. 98 дес. безъ $^1/_4$, непаш. 165 дес., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на $10^1/_4$ в., поперекъ на $8^1/_2$ в. Сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверть сохи и 4 ч. съ третникомъ перелогу. А монáстырской и церковной сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ треть сохи и 5 ч. съ полуосминой перелогу. Да ямскихъ земель сельцо и 16 пустошей да деревня въ пашню припущена, а *въ деревнѣ 15 дв. кр.* (16 ч.); пашни всякаго рода здѣсь 193 ч., сѣна 911 коп., лѣсу паш. $52^1/_2$ дес., непаш. 54 десят., поверстнаго пашеннаго вдоль на $1^1/_2$ в., поперекъ на версту безъ $^1/_4$, а непаш. вдоль на 8 в. безъ $^1/_4$, поперекъ на 5 верстъ.

Монастырскихъ и церковныхъ 18 деревень и 282 пуст., да въ пашню припущены 3 пуст. Дворовъ: 26 дв. кр. (29 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. боб.) и 10 дв. боб. (11 ч.). Пашни паханой добр. з. 14 ч. съ полуосминой, середн. 41 ч. съ полуосминой, худ. 9 ч. съ осминой, да перелогу и лѣсомъ поросло добр. з. 1.093 ч. безъ четверика, середн. 1609 ч. безъ полуосмины, худ. 330 ч., всего 3.096 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ. Сѣна 11.114 коп., лѣсу паш. $425^1/_2$ дес., паш. и непаш. 13 дес., непаш. $1.638^1/_2$ дес., поверстнаго, *хоромнаго и дровянаго* вдоль на $47^1/_4$ в., поперекъ на 38 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 5 сохъ и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 9 четвертей съ четверикомъ пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 4 четвертей съ четверикомъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Н. Суворовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖГУЧІЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ [1]).

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Allgemeine Ethnographie“ (2-е изд. 1879 г.) Фридрихъ Мюллеръ различаетъ этнографію и антропологію, какъ науку о *народѣ*, отъ науки о *человѣкѣ*, какъ таковомъ. „Между тѣмъ какъ антропологія, говоритъ онъ, разсматриваетъ человѣка, какъ экземпляръ зоологическаго вида Homo, въ отношеніи его *физическихъ и психическихъ природныхъ задатковъ*, этнографія понимаетъ человѣка, какъ недѣлимое, принадлежащее къ опредѣленному *обществу*, покоящемуся на нравахъ и происхожденіи и связанному общимъ языкомъ“ (Einleitung § 1).

Этими словами ясно указываются какъ различіе, такъ и связь обѣихъ наукъ. Группы, установляемыя антропологіею, суть группы *зоологическія*, именуемыя *расами* или по-русски *породами*. Группы же этнографіи суть группы *общественныя—націи* или по-русски *народы*. Первыя указываютъ на физико-психическое *сходство* человѣческихъ существъ, вторыя—на ихъ общественный *союзъ*. Существа одинаковой породы могутъ жить въ составѣ разныхъ народовъ, а существа разныхъ породъ—въ одномъ и томъ же народномъ союзѣ. Такъ отличные одинъ отъ другого народы Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ содержатъ въ себѣ множество людей, тожественныхъ по породѣ, а съ другой стороны—негры, люди черной породы, входятъ въ обиліи въ составъ народа Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ съ отличнымъ отъ

---

[1]) *Heinrich Driesmans*. Eine Kulturgeschichte der Rasseninstinkte. I. Das Keltentum in der Europäischen Blutmischung. 1899. II. Die Wahlverwandtschaften der deutschen Blutmischung. 1901—*Его же*. Rasse und Milieu. 1902.—*Alfred Fouillée*. Esquisse psychologique des peuples européens. 1903.—*Jean Finot*. Le préjugé des races. 1905.

нихъ по породѣ населеніемъ. Но при явномъ различіи народныхъ и расовыхъ группъ обнаруживается вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ постоянное взаимоотношеніе. Прежде всего несомнѣнно, что хотя въ составъ народа могутъ въ теченіи его существованія входить существа разныхъ породъ, но первоэлементомъ, первою ячейкою народа служитъ единство происхожденія, слѣдовательно единство породы. Во-вторыхъ, захватывая въ себя путемъ завоеванія, иммиграціи и другими способами инородныя расовыя части, данный народъ, измѣняясь по своему тѣлесному и психическому составу, пріобрѣтаетъ новый матеріалъ для культурной переработки, что̀ конечно отражается и на развитіи его культуры. Наконецъ, послѣдствіемъ народнаго объединенія разныхъ породъ является образованіе новыхъ смѣшанныхъ породъ черезъ процессъ скрещиванія, и эти новыя породы, какъ сами по себѣ, такъ и вслѣдствіе взаимодѣйствія съ прежнимъ составомъ народа, вліяютъ на ходъ его культурнаго развитія. Такимъ образомъ, порода и народъ постоянно взаимодѣйствуютъ, порода съ одной стороны вліяетъ на развитіе народа, а съ другой—сама измѣняется съ его развитіемъ.

Выясненіе этого взаимоотношенія породы и народа есть, однако, плодъ лишь новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Въ прежнее время тѣсная связь этнографическихъ и антропологическихъ вопросовъ не сознавалась ясно, да и теперь сознаніе важности этой связи едва ли можетъ считаться достаточно яснымъ для большинства историковъ и соціологовъ. Причинами тому служило слишкомъ поверхностное знакомство съ человѣческими породами, а также—поверхностное же понятіе о народной жизни и ея движущихъ силахъ. Грубыя, бросающіяся въ глаза расовыя различія людей были, конечно, извѣстны издавна, — различія, напримѣръ, между негромъ, краснокожимъ и европейцемъ. Но эти бросающіяся въ глаза различія, какъ показали ближайшія научныя изслѣдованія, не исчерпываютъ вопроса о разнообразіи человѣческихъ породъ. Послѣднее проявляется въ средѣ самихъ этихъ обширныхъ группъ. Напримѣръ, выяснено, что населеніе, обнимаемое общимъ именемъ „европейцы", есть населеніе, весьма сложное по расовому составу, слагавшемуся при томъ не одновременно, а послѣдовательно, начиная съ того отдаленнаго времени, когда дилювіальный человѣкъ охотился за мамонтомъ и другими исчезнувшими теперь въ Европѣ звѣрями. Новѣйшая антропологія въ состояніи дать нынѣ довольно вѣроподобную схему исторіи европейскихъ расъ, но пока только ихъ, а исторія внѣевропейскихъ, особенно мало-культурныхъ, породъ до сихъ поръ остается въ полномъ туманѣ. Но если

низкій уровень антропологической науки препятствовалъ ей оказывать должную помощь ученію о народной жизни, то съ другой стороны и общественная наука представляла мало запросовъ на эту помощь. Понятіе „народа“ принималось обществовѣдѣніемъ въ его единообразной отвлеченности, какъ будто народъ есть по существу единообразный матеріалъ для культурной жизни. Правда, уже писатели эпохи просвѣщенія въ значительной мѣрѣ освободились отъ того предразсудка, будто теченіе народной жизни опредѣляется въ концѣ концовъ исключительно мѣрами правительства. Они обратили вниманіе на значеніе индивидуальной свободы, образованія, тѣхъ физическихъ условій, въ которыхъ живетъ человѣкъ. Но всѣ эти факторы касаются лишь внѣшней оболочки народной жизни, а не ея внутренняго двигателя, какимъ является *самъ человѣкъ*, въ основныхъ свойствахъ его физико-психической природы. Гуманно-освободительныя тенденціи эпохи просвѣщенія даже сами по себѣ препятствовали снятію съ понятія человѣка этой отвлеченности, такъ какъ ея интересъ состоялъ именно въ томъ, чтобы доказать способность всякаго человѣка къ свободѣ и просвѣщенію. Возникшая въ XIX вѣкѣ реакція противъ этого направленія въ смыслѣ большей историчности въ дѣлѣ пониманія культуры весьма много сдѣлала для выясненія различія собственно *историческихъ* задатковъ ея развитія въ разныхъ народахъ. Но не подкрѣпленная данными антропологіи она, какъ таковая, не могла проникнуть въ физико-психическія первоосновы этого различія, т. е. связать его съ различіемъ породъ. И даже тамъ, гдѣ наука дѣлала дальнѣйшіе шаги къ выясненію этого различія, она, безъ пособія антропологическаго анализа народовъ по ихъ расовому составу, останавливалась на полупути, отожествляя народныя различія въ ихъ цѣломъ съ различіями породъ. Такъ, блестящія изслѣдованія новой лингвистики привели къ установленію сродства и различій арійскихъ языковъ; но термины аріецъ, германецъ, иранецъ, индусъ и т. д. продолжали обнимать всю совокупность народонаселенія извѣстныхъ странъ, какъ будто эти названія народовъ и ихъ группъ указывали не только на народное единство и единство рѣчи, но и на единство породы. Даже въ антропологіи продолжалось такое смѣшеніе народа и породы. Напримѣръ, Ретціусъ, первый проложившій путь къ расовой классификаціи человѣчества путемъ измѣренія относительной длины и ширины черепа, примѣняетъ термины „длинноголовость“ и „короткоголовость“ къ *народностямъ*, какъ будто народъ есть нѣчто единое по породѣ. Это смѣшеніе продолжаетъ давать себя чувствовать и у послѣдую-

щихъ писателей. Напримѣръ, тотъ же Фридрихъ Мюллеръ, который столь ясно различаетъ задачи антропологіи и этнографіи, предлагаетъ классификацію человѣчества, въ которой болѣе крупныя группы установляются по признакамъ зоологическимъ, а конечныя, меньшія группы — по языкамъ, т. е. по признаку, завѣдомо не расовому.

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ основанія удивляться, что еще въ сравнительно недавнее время появлялись выдающіеся писатели по обществовѣдѣнію, которые считали возможнымъ игнорировать и даже отрицать значеніе породы въ дѣлѣ культурнаго развитія народовъ. Довольно указать на Джона Стюарта Милля и Бокля. Послѣдній въ своей „Исторіи цивилизаціи Англіи“ возможность возникновенія прогресса находитъ въ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, а движущую его силу—исключительно въ успѣхахъ знанія. Получается взглядъ на исторію, подобный взгляду такого домохозяина, который заботился бы лишь о хорошихъ свойствахъ своихъ погребовъ и амбаровъ и объ умѣніи приготовлять пищу изъ хранящихся тамъ запасовъ, а доброкачественность запасаемыхъ матеріаловъ считалъ бы дѣломъ, не стоющимъ вниманія.

Не вдаваясь теперь въ изложеніе сложной и достославной исторіи новѣйшей антропологіи, которой удалось, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ Европѣ проникнуть въ основы расоваго состава ея народовъ, я укажу только на главные моменты возбужденія этого вопроса со стороны дѣятелей общественной науки. Въ 1853 — 1855 годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе французскаго писателя графа Гобино „Essai sur l'inégalité des races humaines“, которое первоначально не обратило на себя большого вниманія, но, пріобрѣтая постепенно вліятельныхъ приверженцевъ, вызвало напослѣдокъ цѣлую литературу по вопросу о значеніи породы въ возникновеніи, прогрессѣ и упадкѣ культуры вообще и въ частности европейской. Основное положеніе Гобино состоитъ въ томъ, что культура есть произведеніе не тѣхъ или иныхъ условій народной жизни, но дѣйствующей въ нихъ породы, физическихъ и психическихъ качествъ человѣка. По этимъ культуропроизводящимъ качествамъ человѣческія породы не только не равны, но, какъ показываютъ факты, способность культурнаго прогресса принадлежитъ исключительно *бѣлой* (арійской) породѣ. Гобино утверждаетъ, что изъ семи культуръ, которыя знало человѣчество, шесть были основаны арійцами: индійская, египетская (основанная будто бы арійскими колонизаторами изъ Индіи), греческая, китайская (также

занесенная яко бы арійцами изъ Индіи), италійская, греческая и германская, а седьмая—ассирійская—была освѣжена и обновлена арійцами (иранцами). Но арійцы не составили и не составляютъ нигдѣ, даже въ Европѣ, всей массы населенія. Они суть завоеватели, насѣвшіе на низшія породы, которыя не были не только истреблены или поглощены высшею породою, а напротивъ постепенно поглощаютъ ее самое въ себѣ, такъ что культурное человѣчество постепенно утрачиваетъ высшія свои части, съ чѣмъ связана—для другихъ культуръ уже наступившая, а германской культурѣ грозящая—остановка культурнаго прогресса. Послѣ вѣка „боговъ", когда арійская кровь была совершенно чиста, вѣка „героевъ", когда примѣси къ ней были весьма ограничены, и вѣка „дворянства" наступаетъ окончательное смѣшеніе породъ и поглощеніе низшими высшей. Предѣломъ такого процесса будетъ *вѣкъ единства*, вѣкъ всеобщей посредственности: „Человѣческія, уже не націи, а стада, погруженныя въ угрюмую сонливость, будутъ затѣмъ продолжать жить, отяжелѣвъ въ своемъ ничтожествѣ, какъ буйволы, пережевывающіе жвачку въ стоячихъ лужахъ Понтинскихъ болотъ".

Можно, конечно, считать по меньшей мѣрѣ недоказаннымъ положеніе Гобино, что культурный прогрессъ повсюду на землѣ былъ произведеніемъ арійской породы. Но относительно Европы это положеніе фактически справедливо. Не менѣе справедливо другое его положеніе, что эта высшая порода не составила собою всего населенія культурныхъ европейскихъ странъ, но была въ нихъ лишь верхнимъ слоемъ, постепенно смѣшивавшимся и растворявшимся въ большинствѣ населенія, въ большей части этихъ странъ усвоившемъ себѣ арійскую рѣчь, но оставшемся при своей низшей породѣ. Поэтому можно согласиться съ Гобино и въ томъ, что постепенная демократизація европейскихъ народовъ понижаетъ уровень ихъ породъ и тѣмъ самымъ, при извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, можетъ привести къ остановкѣ культурнаго развитія. Заслуга Гобино, во всякомъ случаѣ, состояла въ томъ, что онъ указалъ корень культуры въ природныхъ свойствахъ самого человѣка и воззвалъ къ должной осмотрительности относительно того, какъ бы доброкачественность этого корня не была въ конецъ повреждена легкомысленнымъ стремленіемъ къ всеобщему равенству. И эта доля истины въ выводахъ французскаго писателя постепенно привела къ образованію довольно многочисленнаго круга его послѣдователей, изъ которыхъ можно назвать во Франціи Лапужа, въ Германіи Аммона, въ Англіи Чемберлена, не упоминая о многихъ

другихъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что и знаменитый нынѣ Ничше былъ поклонникомъ Гобино.

Къ категоріи этихъ писателей принадлежитъ отчасти и Генрихъ Дриманнъ, — говоримъ отчасти, такъ какъ у него есть нѣкоторыя черты отличія отъ чистыхъ гобинистовъ. Для того, чтобы дать должную оцѣнку его сочиненіямъ, я считаю нужнымъ прежде всего выяснить теперешнее положеніе вопроса о европейскихъ породахъ, принявъ также во вниманіе труды Вирхова, пролившаго на этотъ вопросъ много свѣта. Жители Европы представляютъ собою четыре основныхъ физическихъ типа, разнообразныя скрещиванія которыхъ привели къ образованію множества смѣшанныхъ типовъ: типъ *длинноголоваго блондина*, типъ *короткоголоваго блондина*, типъ *длинноголоваго брюнета* и типъ *короткоголоваго брюнета* [1]). Для западной Европы имѣютъ значеніе собственно лишь первый, третій и четвертый типы, и потому второй типъ мы пока оставимъ въ сторонѣ, возвратившись къ нему тогда, когда будемъ говорить о Россіи. Многіе антропологи обозначаютъ эти три типа названіями Homo europaeus, Homo mediterraneus и Homo alpinus. Двѣ послѣднія породы представляютъ собою доарійское населеніе западной Европы. Уже въ дилювіальныхъ черепахъ замѣчается различіе длинноголоваго и короткоголоваго типа, и нѣкоторые антропологи считаютъ возможнымъ высказывать предположенія, будто Homo europaeus произошелъ отъ длинноголовой дилювіальной породы, а короткоголовые первобытные обитатели Европы были родственны современной монгольской или туранской породѣ. Не вдаваясь въ обсужденіе этихъ догадокъ, мы можемъ признать за несомнѣнное, съ одной стороны, что арійцы нашли уже въ Европѣ средиземнаго и альпійскаго человѣка, а съ другой стороны, что позднѣйшая туранская примѣсь къ европейской крови (гунны, венгры, турки) лишь увеличила въ европейскомъ населеніи °/₀ короткоголовыхъ брюнетовъ, не внеся въ него существенно новаго типа.

Есть основаніе думать, что арійцы первоначально были вообще длинноголовы и бѣлокуры и измѣнили по мѣстамъ эти свойства своей породы лишь черезъ обильное разжиженіе инородною кровью. Высшія

---

[1]) Ретціусъ относилъ къ категоріи *длинноголовыхъ* черепа, ширина которыхъ составляетъ около 0,75 длины, а *короткоголовыхъ*, у которыхъ это отношеніе около 0,80. Нынѣ между длинноголовыми и короткоголовыми помѣщаютъ еще *среднеголовыхъ*. Если принять длину черепа за 100, то показатель, выражающій отношеніе ширины къ длинѣ, для длинноголоваго типа принимается менѣе 75, для среднеголоваго менѣе 80, для короткоголоваго выше 80.

касты Индіи отличаются отъ низшихъ болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ кожи, да и самое слово „каста“, по-индійски „варна“, означающее „цвѣтъ“, указываетъ, что въ основѣ кастоваго порядка лежало рѣзкое, бросающееся въ глаза развитіе окраски, которое въ крайнемъ своемъ предѣлѣ выражается въ различіи окраски волосъ и глазъ. Арійцы-завоеватели, образовавшіе собою властвующее гражданство въ древней Греціи, были, повидимому, людьми высокорослыми и свѣтловолосыми, которые, какъ показываютъ краніологическія изслѣдованія, отличались отъ современныхъ грековъ сверхъ того и большею длинноголовостью. „Извѣстно, говоритъ Фуллье (Esquisse psychologique des peuples européens, стр. 6), что „ахейцы“, завоеватели героическихъ временъ, по египетскимъ изображеніямъ и по поэмамъ Гомера, были людьми высокаго роста съ длинными свѣтлыми волосами. Если блондины казались грекамъ людьми высшаго качества, то это зависѣло отъ того, что аристократія была вообще бѣлокура... Не забудемъ, что физіономистъ Филемонъ изображаетъ грековъ древней и благородной породы, какъ блондиновъ съ голубыми глазами, бѣлой кожею и высокаго роста“... Что же касается краніологическихъ признаковъ, то, по измѣреніямъ Стефаноса, среди древнихъ грековъ приходилось на 31% чистодлинноголовыхъ 10% короткоголовыхъ, тогда какъ между современными греками на 25% чистодлинноголовыхъ приходится 54% короткоголовыхъ.

Древніе германцы и славяне описываются, какъ люди съ свѣтлыми волосами и глазами. Вѣроятно, и кельты первоначально были таковы же: по крайней мѣрѣ, бельги, подвергшіеся меньшему смѣшенію съ кореннымъ болѣе южнымъ и инороднымъ населеніемъ, были бѣлокуры. Длинноголовость же и теперь господствуетъ между германцами тамъ, гдѣ они менѣе смѣшивались съ чужаками. Кольманъ, измѣрявшій черепа въ мѣстахъ погребенія древнихъ германцевъ въ Баваріи, нашелъ между ними 44% чистодлинноголовыхъ и 11% чистокороткоголовыхъ, между тѣмъ какъ теперешнее баварское населеніе содержитъ 83% чистокороткоголовыхъ. Въ славянскихъ мѣстахъ погребенія въ Баваріи же Ранке нашелъ немного меньшій % длинноголовыхъ, и выводъ о длинноголовости древнихъ славянъ подтверждается также изслѣдованіями Вирхова въ сѣверной Германіи. Зографъ пришелъ къ тому заключенію, что нынѣшнее населеніе Россіи образовалось изъ смѣшенія длинноголовыхъ и большого роста славяно-литовцевъ съ круглоголовыми и малорослыми туземцами.

Бѣлокурый, великорослый аріецъ или Homo europaeus былъ именно

тою *бѣлокурою бестіею*, которою такъ восхищается Ничше, и которая дала Европѣ ея языки и культуру. Но арійская порода составила лишь малую примѣсь къ прежде жившимъ въ Европѣ Homo alpinus и Homo mediterraneus (а отчасти и позднѣйшимъ добровольнымъ и недобровольнымъ иноевропейскимъ пришельцамъ). Чѣмъ къ болѣе древнему времена относится появленіе арійскихъ завоевателей и колонизаторовъ въ средѣ европейскихъ туземцевъ, тѣмъ смѣшеніе первыхъ съ послѣдними свершилось тѣснѣе и безвозвратнѣе. Это смѣшеніе, особенно въ древности, могло даже мѣстами быть истребленіемъ высшей породы, на которую преимущественно падали потери отъ войнъ, и которая подвергалась жестокимъ гоненіямъ при демагогическихъ и деспотическихъ насиліяхъ. Такимъ образомъ, древне-греческіе и древне-италійскіе арійцы, оставивъ духовные свои слѣды въ рѣчи и культурѣ Греціи и Италіи, совершенно исчезли, какъ нѣчто отличимое отъ прочаго населенія этихъ странъ по расовымъ признакамъ. Второй по времени наносный арійскій слой образовали кельты, распространенные нѣкогда на громадныхъ пространствахъ—по Дунаю, Рейну, въ Богеміи, Швейцаріи, сѣверной Италіи, Франціи, Нидерландахъ, Великобританіи, проникшіе и на Пиренейскій полуостровъ и въ своихъ набѣгахъ доходившіе до Греціи и Малой Азіи (галаты). Изъ этой громадной вѣтви сохранили свои языки лишь небольшіе остатки—въ Бретани, Уэльсѣ, сѣверной Шотландіи и Ирландіи, остальныя же ея части были романизованы, германизованы или славянизованы (напр. въ Богеміи). Что касается признаковъ породы, то смѣшанное изъ кельтовъ и другихъ туземныхъ расъ населеніе повсемѣстно стало брюнетами, а черепъ этихъ смѣшанныхъ породъ сталъ длиннымъ или короткимъ, смотря потому, были ли кельты поглощены въ массѣ длинноголовыхъ или короткоголовыхъ туземцевъ: первое произошло въ Великобританіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ, второе въ значительной части Франціи и въ средней Европѣ. Поэтому говорить нынѣ о *кельтской породѣ* такъ же мало основанія, какъ говорить нынѣ о породѣ италійской или греческой, и мнѣніе тѣхъ писателей, которые приписываютъ измѣненіе германцевъ въ смыслѣ увеличенія короткоголовости и потемнѣнія цвѣта волосъ и глазъ вліянію кельтской примѣси, какъ таковой, врядъ ли основательно: это измѣненіе зависѣло отъ примѣси тѣхъ смѣшанныхъ породъ, которыя образовались отъ скрещиванія кельтовъ съ короткоголовыми брюнетами, поглотившими ихъ въ себѣ, и которыя затѣмъ вошли въ составъ германскихъ народовъ (нерѣдко предварительно ославянившись).

Что касается остальныхъ двухъ великихъ европейско-арійскихъ вѣтвей—*славянской* и *германской*,—то, какъ мы видѣли выше, есть всѣ основанія полагать, что первоначально онѣ обѣ принадлежали къ бѣлокурому и длинноголовому типу. Вирховъ въ подтвержденіе этого указываетъ, между прочимъ на то, что тамъ, гдѣ германскіе колонисты и завоеватели смѣшались съ болѣе чистыми по крови славянскими туземцами (напр. въ Помераніи), нѣтъ никакого перевѣса въ % короткоголовыхъ и брюнетовъ сравнительно со смежными нѣмецкими странами. Но несомнѣнно, что болѣе южныя и западныя части славянъ ранѣе и полнѣе германцевъ восприняли до-арійскую, нерѣдко уже до извѣстной степени окельтизированную кровь, превратившись и сами въ короткоголовыхъ брюнетовъ, и что тамъ, гдѣ эта смѣшанная порода поглащалась германскою народностью, послѣдовало соотвѣтственное измѣненіе физическаго типа послѣдней. Измѣренія Велькера даютъ для нѣмецкихъ череповъ показатель, опредѣляющій отношеніе ширины черепа къ его длинѣ въ 79,8 — 83, для славянъ — въ 81,6—85,1. Что же касается цвѣта волосъ и глазъ, то довольно указать, напримѣръ, на то, что въ Богеміи еще старинные путешественники различали совмѣстно живущихъ съ нѣмцами славянъ, какъ болѣе черноволосыхъ, что вполнѣ подтверждается данными, полученными изъ изслѣдованія надъ цвѣтомъ волосъ и глазъ болѣе 2.300 тыс. австрійскихъ учащихся. Если же сравнить Богемію съ равными широтами Баваріи, Бадена, Вюртемберга и Гессена, то разница окажется еще значительнѣе.

Среди германскихъ народностей, несомнѣнно, сохранился всего лучше типъ длинноголоваго блондина, хотя и ихъ постигло смѣшеніе съ другими породами и, притомъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ далѣе двигаться къ югу и юго-западу. Тѣ германскія племена, которыя вторглись въ романскія страны, отчасти слились съ раньше жившими тамъ породами, отчасти были истреблены войнами, мятежами низшихъ классовъ населенія и враждебною интересамъ аристократіи политикою правительствъ. Достойно замѣчанія, что въ Италіи, въ которой наиболѣе значительная примѣсь германской крови имѣла мѣсто въ сѣверной части страны, длинноголовость возрастаетъ отъ сѣвера къ югу: въ Венеціи на 90% чистокороткоголовыхъ чистодлинноголовыхъ только 0,4%, для Тосканы эти цифры суть 63 и 10, для Неаполя 32 и 20. Ясно, что здѣсь длинноголовость зависитъ не отъ примѣси арійской крови, а отъ большаго преобладанія въ южной Италіи типа средиземнаго длинноголоваго брюнета и отчасти отъ при-

мѣси семитовъ (арабовъ), которые принадлежать къ длинноголовой породѣ. Что же касается странъ, въ которыхъ нынѣ господствуетъ германская рѣчь, то слѣдующія цифры показываютъ, въ какой мѣрѣ населеніе этихъ странъ можетъ считаться арійскимъ: обширныя изслѣдованія Вирхова надъ цвѣтомъ волосъ и глазъ нѣмецкихъ учащихся показываютъ, что отъ сѣвера къ югу % чистыхъ блондиновъ измѣняется отъ 45,02 до 18,44, а % чистыхъ брюнетовъ отъ 6,90 до 25,21. Равнымъ образомъ возрастаніе числа брюнетовъ сравнительно съ блондинами замѣчается въ Германіи и отъ сѣверо-востока къ юго-западу, хотя въ этомъ послѣднемъ направленіи есть изъятія. Рейнская провинція вообще преобладаетъ надъ Вестфаліею по отношенію числа брюнетовъ къ числу блондиновъ (въ первой вышеприведенныя рубрики даютъ 29,64 и 14,73, а во второй—38,40 и 9,11), Эльзасъ-Лотарингія надъ равными широтами Вюртемберга и Бадена (для первой 18,44 и 25,21, для вторыхъ 24,46 и 19,25, — 24,34 и 21,18). Весьма характерную картину представляетъ Швейцарія: въ ней сравнительно болѣе бѣлокурое населеніе занимаетъ середину страны, а болѣе темноволосое—западную и восточную окраины, при чемъ границы этихъ населеній не вездѣ совпадаютъ съ границами языковъ: такъ говорящее по-нѣмецки населеніе Цюриха гораздо темноволосѣе, чѣмъ населеніе Валлиса. Что же касается черепа, то въ Даніи на 57% длинноголовыхъ и приближающихся къ длинноголовости приходится 43% короткоголовыхъ и приближающихся къ короткоголовости; для сѣверной Германіи эти цифры суть 51 и 49, для средней 25 и 75, для южной 5 и 95, для Тироля 3 и 97. Эти цифры показываютъ въ какомъ направленіи, при постепенномъ своемъ распространеніи, материковые германцы поглощали все болѣе и болѣе инородныхъ примѣсей, измѣняясь въ своей породѣ.

Какую связь имѣютъ отличительные признаки Homo europaeus—длинноголовость и бѣлокурость—съ высотою его породы, въ настоящее время рѣшить невозможно. Негры—длинноголовы, монголы же—короткоголовы, а между тѣмъ порода первыхъ считается ниже породы вторыхъ. Сѣверные финны бѣлокуры,—что нисколько не увеличиваетъ высоты ихъ породы. Такимъ образомъ эти два признака, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать важными не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ постоянныхъ отличій данной породы, по другимъ своимъ свойствамъ превосходящей прочія породы. Такого рода признаковъ мы находимъ очень много въ животномъ царствѣ: канарейка превосходитъ ворону способностью пѣнія и, между прочимъ, отличается отъ

нея цвѣтомъ; но не усматривается никакой связи между различіемъ ихъ по цвѣту и различіемъ по способности пѣнія. Весьма возможно, что такое же чисто-эмпирическое соотношеніе существуетъ и между высотою европейской породы съ одной стороны и свойствами ея черепа, волосъ и глазъ—съ другой: и постоянство этого соотношенія позволяетъ намъ открывать въ составѣ европейскихъ народностей бо́льшую или меньшую примѣсь высшей, арійской, крови. Въ этомъ отношеніи первенство въ новой Европѣ, несомнѣнно, принадлежитъ народамъ германскимъ, несмотря на послѣдовавшее въ теченіе времени измѣненіе ихъ породы, чѣмъ конечно и объясняется, съ одной стороны превосходство ихъ въ проявленіяхъ народной силы—въ устроеніи и сохраненіи государства, въ колонизаціи, въ выдержанности и конечномъ успѣхѣ военныхъ предпріятій, а съ другой стороны въ томъ, что̀ требуетъ наибольшей глубины мысли и чувства, — въ религіи, философіи, поэзіи, музыкѣ, историческомъ пониманіи дѣйствительности. Романскіе народы (именно испанцы и французы) могли превосходить германцевъ блескомъ военныхъ подвиговъ: Испанія однажды, а Франція дважды угрожали всей западной Европѣ своими завоеваніями; но этотъ блескъ скоро померкъ, а напослѣдокъ и совсѣмъ затмился передъ болѣе блѣднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе постояннымъ сіяніемъ германской военной выдержки. Въ духовномъ творчествѣ романецъ могъ состязаться съ германцемъ, а по временамъ и превосходить его, лишь въ тѣхъ дѣятельностяхъ, которыя направлены къ внѣшнему міру—въ точной наукѣ и пластическихъ искусствахъ. Въ религіи и общественной жизни романскіе народы противопоставляютъ протестантской задушевности и свободному индивидуализму германцевъ колебанія между подчиненіемъ авторитету (папизмъ, цезаризмъ) и его внѣшнимъ разсудочнымъ отрицаніемъ (безвѣріе, демагогія). Всѣ эти преимущества германской культуры надъ романской въ главной своей инстанціи опредѣляются, конечно, *преимуществомъ породы*.

Признаніе значенія породы для культурныхъ успѣховъ даннаго народа естественно приводитъ къ тому выводу, что ухудшеніе расоваго состава народа имѣетъ послѣдствіемъ замедленіе и даже остановку и упадокъ культурнаго прогресса. Отсюда дѣлается тотъ дальнѣйшій выводъ, что покуда высшее по породѣ и властвующее надъ народною массою меньшинство сохраняетъ и себя, и свое господствующее положеніе, до тѣхъ поръ является обезпеченнымъ и высокій уровень народной культуры. Но это обезпеченіе шаткое: независимо даже отъ прочихъ нарушающихъ его причинъ, одно скрещиваніе господ-

ствующаго меньшинства съ окружающимъ его большинствомъ постепенно растворяетъ высшую породу въ низшей; сверхъ того господствующіе классы болѣе усиленно гибнутъ отъ войнъ; далѣе демократическія движенія безвозвратно истребляютъ аристократію или лишаютъ ее ея руководящаго положенія. Такимъ образомъ, естественный процессъ объединенія и демократизаціи общества, привѣтствуемый обыкновенно, какъ процессъ прогрессивный, заключаетъ въ себѣ условія упадка народной культуры. Нѣкоторые историки высказывали мысль, что остановка и паденіе древне-классической культуры обусловливались именно этою расовою причиною: эта культура пала черезъ постепенное пониженіе породы людей, бывшихъ ея носителями (*Otto Seeck* „Geschichte des Unterganges der antiken Welt"). Мы видѣли выше, что Гобино предсказываетъ такую же участь новой культурѣ. Послѣдователи его также считаютъ такой результатъ неизбѣжнымъ, если потокъ демократическаго приравненія европейскихъ народонаселеній не встрѣтитъ себѣ препятствій. Я буду еще имѣть случай вернуться къ этому предмету. Теперь же ограничусь лишь указаніемъ на то, что если *первый* признакъ начинающагося упадка культуры видѣть *въ пониженіи даровитости*, то этотъ признакъ въ западной Европѣ *уже на лицо*, при чемъ онъ замѣчается съ особенною рѣзкостью *именно съ XIX вѣка*—времени наступившаго или наступающаго торжества демократическаго режима; и въ виду этого факта становится понятнымъ, почему особенную вражду къ демократіи проявляютъ тѣ писатели, которые видятъ главный плодъ культуры въ *геніальномъ человѣкѣ*,—во Франціи Ренанъ, въ Германіи Ничше. Этого плода культуры Европа даетъ все менѣе и менѣе. Единственная область духовной производительности, въ которой современный европеецъ обнаруживаетъ непрерывный и несравнимый съ прежнимъ прогрессъ, есть область точнаго знанія. По въ точной наукѣ многое значатъ ученость и средства научнаго изслѣдованія, которыми теперешніе люди, конечно, гораздо богаче, чѣмъ ихъ пращуры. Сказать же, чтобы и въ этой области былъ прогрессъ въ *геніальности*, конечно, нельзя, потому что нѣтъ никакихъ основаній утверждать, чтобы теперешніе великіе ученые были геніальнѣе, чѣмъ Галилей или Ньютонъ. При томъ, во всякомъ случаѣ, въ ученомъ спеціалистѣ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ, анализирующая и критическая сила духа преобладаетъ надъ силою собственно творческою, рѣшительный перевѣсъ которой, слѣдовательно, высшую ступень геніальности, можно найти лишь въ философіи и искусствѣ. А въ этихъ областяхъ новое время

сравнительно съ прежнимъ дастъ намъ явное зрѣлище упадка. Въ романскомъ мірѣ со временъ Декарта и Спинозы не было великаго, т. е. *дѣйствительно оригинальнаго* по мыслямъ, философа, а въ Англіи послѣднимъ такимъ философомъ былъ Юмъ. Въ Германіи философская геніальность погасла, по мнѣнію однихъ, съ Гегелемъ, по мнѣнію же другихъ, болѣе снисходительныхъ, съ Шопенгауэромъ. Такое же рѣзкое паденіе геніальности замѣчается и въ поэзіи не только по сравненію теперешнихъ писателей съ такими колоссами, какъ Данте, Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ, но и со слѣдовавшими за ними dii minores, какъ Байронъ, Гейне или Викторъ Гюго. Единственный западно-европейскій писатель, который, быть можетъ, выдержитъ до извѣстной степени сравненіе съ этими именами, есть Ибсенъ (хотя его подготовка къ литературной дѣятельности относится еще къ первой половинѣ прошлаго столѣтія). Весьма возможно, что появленіе такого писателя у норвежцевъ зависитъ именно отъ того, что этотъ народъ, лишь сравнительно недавно пріобщившійся къ общеевропейской культурѣ, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ наиболѣе чисто сохранилъ во всей своей массѣ кровь Homo europaeus и потому еще избѣгнулъ общаго упадка, несмотря на демократическій строй своей жизни. Въ пластическихъ искусствахъ Италія, Испанія и Нидерланды уже давно и по всѣмъ видимостямъ безнадежно пережили свою славу. Относительно же Франціи и Германіи можно сказать, что, какой бы высокой оцѣнки ни заслуживали ихъ выдающіеся художники XIX вѣка, они уже сошли или сходятъ со сцены, и на мѣсто ихъ новыя поколѣнія не выдвигаютъ дѣятелей, даже приблизительно имъ равноцѣнныхъ. Что касается музыки, то въ Германіи, по признанію лучшихъ знатоковъ, высочайшими ея пунктами были творенія Бетховена и Шуберта. Новѣйшій ея прогрессъ проявлялся не въ силѣ собственно музыкальнаго творчества, а въ болѣе эффектной постановкѣ опернаго дѣла; и главный изъ новыхъ реформаторовъ послѣдняго—Вагнеръ—на музыкальную сторону этого дѣла оказалъ опустошающее и вредное вліяніе (не говоря уже про то, что большинство критиковъ, если и хвалятъ Вагнера, то за энергію и трудолюбіе, а никакъ не за геніальность); и во Франціи и Италіи наиболѣе выдающіеся композиторы—люди не настоящаго, а прошедшаго. Гуно, которому отдается первенство между новыми французскими оперными композиторами, родился въ 1818 г. Кто въ Италіи въ новѣйшее время является на смѣну не только Россини, но даже Доницетти и

Верди? Такимъ образомъ, во всѣхъ тѣхъ сферахъ духовной производительности, которыя суть главныя мѣстопребыванія геніальности, мы видимъ явное ея паденіе, достигающее крайняго своего предѣла особенно со второй половины XIX столѣтія.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, какіе горизонты открываетъ изученіе расоваго состава народовъ не только для объясненія прошлаго, но и для предвидѣнія будущаго хода развитія ихъ культуры. Сознаніемъ капитальной важности этого изученія вполнѣ проникнуты поименованныя въ выноскѣ на первой страницѣ настоящей статьи сочиненія Дрисманса. Особенность взглядовъ Дрисманса на культурное значеніе породы сравнительно съ другими писателями родственнаго ему направленія проявляется главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что извѣстная мѣра скрещиванія, хотя бы даже съ низшею породою, необходима для возбужденія культурнаго прогресса въ самой высшей породѣ. Если бы культуроспособность опредѣлялась чистотою породы, то во главѣ европейской культуры стояли бы скандинавы, чего, однако, на дѣлѣ мы не видимъ. Исторія показываетъ, что всякая новая культура выростала на почвѣ прежней культуры: эллинская и италійская — на почвѣ культуры прежде бывшаго населенія Греціи и Италіи, новая германская культура—на почвѣ культуры романо-кельтическаго міра. Что культурная даровитость обусловливается нѣкоторою мѣрою расоваго скрещиванія, видно, по мнѣнію Дрисманса, изъ того, что даровитые люди на всѣхъ поприщахъ дѣятельности почти всегда бываютъ людьми смѣшанной крови. Во-вторыхъ, Дрисмансъ указываетъ на то, что, кромѣ скрещиванія породъ, важное значеніе имѣетъ *подборъ* продуктовъ скрещиванія, могущій, смотря по своему направленію, улучшать или ухудшать смѣшанную породу.

Эти двѣ поправки Дрисманса имѣютъ свою цѣнность, но только едва ли ту, которую онъ имъ приписываетъ. Возбуждающее дѣйствіе чужой культуры на развитіе культуры данной народности есть фактъ несомнѣнный, и весьма вѣроятно, что даровитое скандинавское племя имѣло менѣе значенія въ развитіи европейской культуры, чѣмъ нѣмцы и англичане, даже чѣмъ нидерландцы, именно вслѣдствіе большей отрѣшенности скандинавскаго міра отъ вліянія этой культуры [1]). Но

[1]) Этому факту можетъ быть еще и другая причина. Едва ли есть другое европейское племя, которое въ началѣ своей исторіи теряло черезъ выселеніе такую часть своихъ сочленовъ. Довольно указать на скандинавовъ въ Россіи, Франціи,

въ какой степени это вліяніе чужой культуры благопріятствуетъ улучшенію высшей породы путемъ скрещиванія съ низшею,—это вопросъ весьма сомнительный. Такъ какъ трудно предположить, чтобы порода могла улучшаться черезъ прибавку низшей крови, то не правдоподобнѣе ли допустить, что эта прибавка, пока она не превышаетъ извѣстнаго предѣла, не препятствуетъ высшей породѣ пользоваться плодами чужого культурнаго возбужденія, т.-е. что это возбужденіе продолжаетъ дѣйствовать, несмотря на нѣкоторое ухудшеніе высшей породы, парализуя на время послѣдствія этого ухудшенія. Возможно также, что скрещиваніе съ низшею породою, во всякомъ случаѣ понижая уровень высшей породы, способствуетъ ея здоровью и плодовитости, такъ какъ на оба эти свойства дѣйствуютъ неблагопріятно браки въ слишкомъ тѣсномъ, нерѣдко даже родственномъ кругу. Но это физіологическое воздѣйствіе не приводитъ къ улучшенію породы, такъ какъ здоровый и плодовитый негръ все же ниже по породѣ, чѣмъ больной и безплодный европеецъ. Мало убѣдителенъ и аргументъ, доставляемый генеалогіею даровитыхъ людей. Относительно многихъ изъ нихъ факты ничего не говорятъ: какое смѣшеніе крови дало Гёте или Шекспира, мы совершенно не знаемъ. Относительно другихъ мы съ достовѣрностью знаемъ о примѣси къ ихъ крови *чужой породы* (напримѣръ, относительно Пушкина и Александра Дюма). О большинствѣ же тѣхъ, смѣшанное происхожденіе которыхъ намъ извѣстно, мы знаемъ лишь, что предки ихъ были отчасти *иностранцы*: такъ предокъ Канта былъ шотландецъ, предокъ Фихте—шведъ, Лейбницъ и Лессингъ, повидимому, имѣли въ себѣ примѣсь славянской крови. Но въ какой мѣрѣ эта иностранная кровь была кровью другой породы, мы совершенно не знаемъ, такъ какъ союзъ народный заключаетъ въ себѣ существа разныхъ породъ. Кто можетъ поручиться намъ, что въ шотландскомъ предкѣ Канта и въ шведскомъ предкѣ Фихте германская кровь не была болѣе чиста, чѣмъ въ большинствѣ современныхъ имъ нѣмцевъ, или что славянскіе предки Лейбница и Лессинга не хранили въ себѣ арійскій типъ въ такой же, а можетъ быть, и большей чистотѣ, чѣмъ множество людей нѣмецкаго происхожденія? Отъ этого смѣшенія народа и породы Дрисмансъ, какъ мы увидимъ далѣе, весьма и весьма несвободенъ.

Англіи, Италіи, чтобы оцѣнить силу этой причины, которая при томъ лишала скандинавскій міръ его наиболѣе энергичныхъ и даровитыхъ представителей.

Что касается вліянія *подбора*, разумѣя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, какъ всѣ воздѣйствія, способствующія сохраненію и умноженію въ народѣ наиболѣе цѣнныхъ въ культурномъ смыслѣ представителей его, то мы дѣйствительно видимъ примѣры того, что порода, сама по себѣ невысокаго достоинства, можетъ чрезъ политическое и общественное воспитаніе весьма подняться въ культурномъ уровнѣ: довольно сравнить финновъ Финляндіи и эстовъ Прибалтійскаго края съ ихъ соплеменниками въ восточной Россіи или негровъ — гражданъ Соединенныхъ Штатовъ съ неграми Африки. Но если только эти низшія породы не скрещиваются съ высшими породами, то собственно расовый уровень первыхъ не повышается. Самостоятельной культуроспособности онѣ не обнаруживаютъ. Вся культура Финляндіи создана шведами, какъ культура Эстляндіи—нѣмцами, какъ культура сѣверо-американскихъ негровъ—ихъ бѣлыми господами (остающимися таковыми до сихъ поръ). И поэтому остается подъ большимъ сомнѣніемъ, не понизился ли бы, и весьма быстро, культурный уровень этихъ воспитанныхъ европейскимъ человѣкомъ породъ, если бы онѣ какимъ-либо чудомъ были внезапно лишены вліянія своего воспитателя.

Исходя изъ того положенія, что культурное развитіе народа требуетъ изначала возбужденія чужою культурою, Дрисмансъ находитъ, что такое возбужденіе германскіе народы получили отъ романо-кельтскаго міра, подъ культурнымъ давленіемъ котораго они и находились до тѣхъ поръ, пока не настало время германскаго народнаго самовозрожденія. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктахъ въ развитіи этой мысли автора, мы можемъ признать ее въ общемъ не только вѣрною, но и общеизвѣстною. Но затѣмъ Дрисмансъ дѣлаетъ ни чѣмъ не оправданный скачекъ, превращая это взаимодѣйствіе германскаго и романскаго культурнаго развитія въ процессъ скрещиванія германской и кельтской *породъ*. Въ тотъ историческій моментъ, съ котораго начинается новое культурное развитіе, никакой кельтской породы вообще уже не существовало: были кельтскія примѣси къ народонаселенію разныхъ странъ западной Европы, оставались нѣкоторыя мѣстности, гдѣ продолжала сохраняться кельтская рѣчь, но и въ тѣхъ и другихъ случаяхъ кельтское населеніе уже образовало смѣшанныя породы, различныя и по физическимъ, и по психическимъ свойствамъ.

Относительно перваго пункта довольно указать на то, что однѣ изъ этихъ породъ длинноголовы, другія короткоголовы. Что же ка-

сается второго пункта, то автору при всѣхъ натяжкахъ не удается обобщить психическія свойства такъ называемыхъ имъ „кельтовъ" въ Испаніи, Франціи, Великобританіи, Нидерландахъ и Швейцаріи. На эту погрѣшность Дрисманса обратилъ вниманіе уже Аммонъ, совершенно вѣрно указывающій на то, что въ составѣ „кельтовъ" нужно различать двѣ смѣшанныя породы—короткоголовую и длинноголовую. Привожу слова Аммона по выдержкѣ самого разбираемаго мною автора (Kulturgesch. d. Rasseninstinkte, II, IX): „Въ Германіи мы имѣемъ дѣло лишь съ первою изъ этихъ „кельтскихъ" породъ, съ темноволосою короткоголовою, въ Англіи съ другою, темноволосою длинноголовою, обѣими въ смѣшеніи съ бѣлокурою высокорослою длинноголовою породою, Homo europaeus, съ арійцами или въ данномъ случаѣ германцами. Въ южной Италіи мы сталкиваемся почти исключительно съ малорослою средиземною породою (Mediterraneus), равнымъ образомъ и въ Испаніи; во Франціи же мы находимъ обѣ породы вмѣстѣ съ Homo europaeus, слѣдовательно три породы, и все это обусловливаетъ весьма значительныя различія въ составѣ теперешнихъ народовъ, такъ какъ и ростъ, и форма головы, равно какъ расовые инстинкты обѣихъ темноволосыхъ породъ отличаются между собою; и потому французскихъ кельтовъ Бретани или внутреннихъ странъ, принадлежащихъ къ короткоголовымъ, нельзя сваливать вмѣстѣ съ длинноголовыми англійскими кельтами, даже если они говорятъ на сходныхъ языкахъ, ибо языки усваиваются и отбрасываются, но не такъ бываетъ съ тѣлесными и духовными задатками... Если славяне представляютъ собою также смѣшеніе Homo europaeus съ темноволосыми народами, то нѣтъ ничего удивительнаго, что южные славяне темноволосы, а сѣверные — бѣлокуры и голубоглазы, такъ какъ это различіе указываетъ лишь на большую или меньшую примѣсь крови бѣлокурой породы. Затѣмъ мы должны задать себѣ вопросъ, имѣютъ ли короткоголовыя составныя части славянства сродство съ такими же частями кельтства, и такъ какъ это сродство по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятно, то возникаетъ новый вопросъ,—какъ проявляется это сродство въ расовыхъ задаткахъ кельтовъ и славянъ. Такимъ образомъ мы приходимъ... не къ противоположности германославянъ и кельтороманцевъ, но къ тому выводу, что чистокровные германцы, кельты, славяне съ одной стороны родственны по породѣ и по духу, а съ другой противополагаемъ ихъ обѣимъ темноволосымъ породамъ, короткоголовой и длинноголовой. Задача состоитъ поэтому въ томъ, чтобы найти общія черты трехъ

первыхъ, равно какъ различія двухъ послѣднихъ, и показать, какъ эти вліяютъ на тѣ".

Это замѣчаніе авторитетнаго антрополога въ корнѣ подрываетъ самое основоначало Дрисманса. Прибавлю къ тому отъ себя, что отнесеніе имъ одного изъ вліятельнѣйшихъ носителей романской культуры — итальянцевъ — къ кельтскому міру не имѣетъ достаточнаго основанія. Галлы жили дѣйствительно на сѣверѣ Италіи; но что осталось отъ нихъ послѣ постигшихъ ее этническихъ превращеній, сказать весьма трудно. Во всякомъ случаѣ Италія не въ примѣръ менѣе кельтская страна, не только, чѣмъ Испанія, Франція или Великобританія, но и чѣмъ южная Германія. Отсюда видно, что мощное вліяніе итальянской культуры на германскій міръ всего менѣе можно отожествлять съ вліяніемъ примѣси кельтской крови.

Какъ автору не удается установить физическое единство „кельтской" породы, такъ не удается ему характеризировать и ея единый духовный типъ. Если мы соберемъ вмѣстѣ разрозненныя черты этой характеристики, то мы ясно убѣдимся, что она относится къ *разнымъ*, весьма различающимся между собою породамъ, въ образованіи которыхъ участвовало кельтство, и что поэтому совершенно невозможно говорить о какомъ-либо единообразномъ вліяніи „кельтской крови". На стр. 21 и сл. I тома своей Kulturgersch. d. Rasseninstinkte Дрисмансъ характеризуетъ кельтовъ словами Моммсена, какъ племя, пренебрегающее земледѣліемъ, слабое въ смыслѣ національнаго единства, подвижное въ смыслѣ странствованій. Спрашивается, что тутъ общаго съ современными французами, отличающимися какъ разъ противоположными свойствами? Очевидно, здѣсь идетъ дѣло о *разныхъ* породахъ, одной, которая принадлежала древнимъ кельтамъ, и другой, которая образовалась во Франціи при ихъ примѣси впослѣдствіи. Но и между древними кельтами самъ Дрисмансъ указываетъ большія духовныя различія. Въ южныхъ Нидерландахъ, говоритъ онъ (Kulturgesch. I, 215) „жилъ съ древнихъ временъ чисто-кельтскій народъ бельговъ, говорившій на отличномъ отъ языка галловъ нарѣчіи и отличавшійся отъ нихъ, по сужденію Цезаря, храбростью, не уступавшею германской, и духомъ свободы, не достававшимъ другимъ галламъ". Казалось бы, что уже изъ этого факта можно вывести, что свойства собственно кельтской породы, не измѣненныя скрещиваніемъ съ другими породами, ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ свойствъ чисто-германской породы.

Неточное и даже прямо ошибочное опредѣленіе тѣхъ расовыхъ

элементовъ, изъ которыхъ сложились и складываются европейскія народности, приводитъ Дрисманса къ произволу и натяжкамъ и въ томъ, что можно назвать синтетическою частью его труда,—въ попыткахъ указать тѣ типы, которые получаются въ результатѣ различныхъ видовъ расоваго скрещиванія. Для объясненія возникновенія этихъ типовъ авторъ развиваетъ особую теорію наслѣдственности, по которой отъ отца къ дѣтямъ переходитъ центральная нервная система, а отъ матери—симпатическая, первая—носительница сознательной, вторая—безсознательной, инстинктивной дѣятельности. Отсюда получаются слѣдующіе выводы: „Между тремя арійскими вѣтвями, населяющими Европу, германцами, славянами и кельтороманцами...... образовались въ теченіи столѣтій четыре разновидности, которыя не только должны быть принимаемы въ разсчетъ въ отношеніи новаго культурнаго развитія, но составили именно ферментъ послѣдняго. Эти разновидности, отличающіяся одна отъ другой по отческому или материнскому происхожденію, мы называемъ ..... *кельто-германскою, германо-кельтскою, славяно-германскою и германо-славянскою*. Согласно тому, что было сказано ранѣе, первая и третья изъ этихъ разновидностей пріобрѣла германскую центральную нервную систему, вторая и четвертая—германскую симпатическую. Первымъ двумъ присуще такимъ образомъ чужое сердце, вторымъ,—чужая голова; первыя обнаруживаютъ недостающую германскому существу импульсивность, *темпераментъ* кельтовъ и славянъ въ соединеніи съ болѣе объемистымъ и интенсивнымъ германскимъ строеніемъ мозга, вторыя—чувствительное нѣмецкое сердце въ соединеніи съ болѣе узкою, скуднѣе развитою чужою головою. Послѣднія, можно сказать, имѣютъ слишкомъ мало, первыя слишкомъ много головы для ихъ сердца. Изъ однихъ происходитъ *агитаторски-революціонный* элементъ новой культуры, изъ другихъ *художественно-творческій*“ (Kulturgesch. II, 171—171).

Въ примѣръ германской головы съ славянскимъ сердцемъ Дрисмансъ приводитъ Толстого, а въ примѣръ славянской головы съ германскимъ сердцемъ—Ничше. Кромѣ того онъ указываетъ еще на скрещиваніе *славяно (кельто) романцевъ* и *кельто (романо) славянъ*. Между прочимъ, онъ полагаетъ, что отъ скрещиванія романскихъ мужчинъ съ славянскими женщинами произошли русскіе нигилисты (ib. 188).

Едва ли есть основаніе останавливаться на этихъ фантазіяхъ, не имѣющихъ никакого научнаго значенія. Можно лишь пожалѣть о томъ, что писатель, несомнѣнно, способный и остроумный, взявшись за

обработку столь важной и современной темы, далъ въ результатѣ труды, способные скорѣе дискредитировать передъ серьезными умами теорію культурнаго значенія породы, чѣмъ выяснить заключающуюся въ ней истину. Можно сказать, что Дрисмансъ не столько пользуется наукою, сколько играетъ ею: довольно указать на то, что полемику Вирхова противъ дарвинизма онъ объясняетъ тѣмъ, что Вирховъ, какъ имѣющій славянскую голову на нѣмецкомъ туловищѣ, не способенъ къ общимъ идеямъ, а споръ Гёте противъ Ньютоновой теоріи цвѣтовъ сводитъ на различіе германской породы Гёте и кельтской породы Ньютона. Прибавимъ еще къ тому непростительное для нѣмца пренебреженіе къ философіи и въ частности къ Лейбницу и Гегелю.

Дрисмансъ считаетъ однимъ изъ типическихъ проявленій игриваго, но неглубокаго кельтскаго духа — фельетонъ. Но если подъ фельетономъ разумѣть превращеніе науки въ игру ума, и въ средство возбуждать зудъ временныхъ интересовъ, то самого Дрисманса слѣдуетъ признать фельетонистомъ. Интересно знать, продуктомъ какого расоваго скрещиванія онъ себя считаетъ [1]).

Второе изъ названныхъ въ выноскѣ сочиненій Дрисманса, „Rasse und Milieu", исходитъ отъ той вѣрной мысли, что культура создается не средою, а породою, для которой среда есть лишь средство, облегчающее или затрудняющее ея культурное развитіе. Къ сожалѣнію, научный аппаратъ этого сочиненія также не особенно силенъ, и остроумныя и мѣткія замѣчанія также перемѣшаны въ немъ съ гадательными и произвольными положеніями. При томъ авторъ дарвинистъ и

[1]) Для нѣкотораго развлеченія читателя и характеристики скороспѣлыхъ заключеній автора я позволю себѣ привести слѣдующую изъ него выписку: „Крѣпкіе, обладающіе дѣятельною силою народы имѣютъ всѣ безобразныхъ, мужески—грубо сформированныхъ, незначительныхъ женщинъ. Таковы швейцарцы, древніе спартанцы, жены которыхъ служили постоянною мишенью неистощимыхъ шутокъ остроумныхъ аѳинянъ, голландцы, англичане. Относительно женщинъ послѣднихъ замѣчается, впрочемъ, особенное обстоятельство. Въ нихъ отчетливѣе, чѣмъ въ мужчинахъ, можно различить первоначальныя породы, изъ смѣшенія которыхъ образовался теперешній англійскій народъ. Есть два совершенно различныхъ рода англичанокъ: одна неискаженная англосаксонка, другая—такая же кельтка. Первая высокоросла, худощава, угловата въ формахъ и движеніяхъ тѣла, рѣзка и жеманна въ своихъ воззрѣніяхъ, серьезна и лишена остроумія,—воплощенная скука и человѣческая невозможность; другая, совершенная противоположность, небольшого роста, изящна, граціозна, привѣтлива, блещущей веселости и жизнерадостности, очаровательна, остроумна, какъ бы создана для того, чтобы осчастливить мужчину. Первая происходитъ отъ мужественной жизненно-сильной, вторая отъ вымирающей, ослабленной породы. Политически неспособные народы имѣютъ всѣ очаровательныхъ женщинъ" (Kult. I, 108).

безъ всякой пользы для дѣла осложняетъ вопросъ о породахъ соображеніями о происхожденіи человѣка отъ обезьяноподобнаго предка и европейскаго человѣка отъ его дилювіальнаго прародителя,—вопросы, для рѣшенія которыхъ нѣтъ никакихъ научныхъ данныхъ.

Казалось бы, что такіе союзники, какъ Дрисмансъ, скорѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ защищаемому ими дѣлу, такъ какъ читающей публикѣ трудно разобраться въ той смѣси истины и заблужденій, которую онъ найдетъ въ его книгахъ. Трудно отнестись серьезно къ автору, доказывающему, что русскіе нигилисты суть порода, происшедшая отъ скрещиванія романцевъ со славянками; и такое несерьезное отношеніе легко распространяется по ассоціаціи и на самое ученіе о первенствующемъ культурномъ значеніи породы. Безпристрастный читатель легко отдастъ предпочтеніе передъ Дрисмансомъ французскому писателю Фино, въ книгѣ котораго „Le préjugé des races" значеніе породы, какъ основнаго двигателя культурнаго прогресса, вовсе отрицается, такъ какъ у Фино такой читатель не находитъ никакихъ шокирующихъ его эксцентричностей и произвольныхъ догадокъ, но встрѣчаетъ серьезное и обдуманное изложеніе темы. Прочтеніе книги Фино весьма полезно даже для того, кто ею не убѣдится, такъ какъ въ ней онъ найдетъ сводъ возраженій противъ интересующей его теоріи.

Разбирая послѣдовательно тѣ признаки, на основаніи которыхъ не только классифицируются человѣческія породы, но и устанавливается степень ихъ высоты, Фино находитъ ихъ не имѣющими большого значенія. Длинноголовость, признаваемая принадлежностью высшей породы, свойственна множеству низшихъ породъ, напримѣръ, неграмъ, австралійцамъ, эскимосамъ и т. под. Да и какое вообще значеніе этого признака въ сказанномъ отношеніи, если на основаніи его приходится соединять вмѣстѣ бельгійцевъ и чувашей, голландцевъ и племя бороро на Амазонкѣ, французовъ — вообще и мордву и т. д. (стр. 107 и сл.)? Болѣе значенія имѣетъ объемъ черепа, но это признакъ измѣнчивый, такъ какъ отъ дѣйствія образованія этотъ объемъ возрастаетъ (114 — 115). Порѣшивъ съ этими признаками, авторъ тѣмъ легче, конечно, можетъ доказать отсутствіе ясно-обнаруживаемой связи высоты породы со степенью прогнатизма, формою лица, носа и уха (128—149), ростомъ, цвѣтомъ кожи, волосъ и глазъ (150—182).

Намъ нѣтъ надобности слѣдить подробно за всѣми разсужденіями Фино. Въ нихъ въ сущности нѣтъ ничего новаго. Еще Дарвинъ призналъ, что признаки человѣческихъ породъ суть признаки чисто-

морфологическіе, о значеніи которыхъ ничего нельзя сказать [1]. Но заключать отсюда, что извѣстная совокупность ихъ не можетъ служить для внѣшняго отличія породы одного качества отъ породы другого качества, такъ же не основательно, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ доказывать, что, такъ какъ нѣтъ связи между формою листьевъ и цвѣтомъ ствола различныхъ деревьевъ, и качествомъ ихъ древесины, то на основаніи этихъ признаковъ нельзя отличать деревья болѣе годныя для топлива или постройки. Несомнѣнно, что березовыя дрова лучше липовыхъ, и что березу мы отличаемъ въ лѣсу отъ липы по листьямъ и наружному виду ствола, хотя не знаемъ, какая связь этихъ признаковъ съ доброкачественностью получаемаго отъ нихъ топлива. Точно также, сами по себѣ наружные признаки бѣлаго и чернаго человѣка a priori, быть можетъ, ничего не говорятъ о культуроспособности того и другого; но факты показываютъ намъ, что бѣлый человѣкъ культуроспособнѣе, чѣмъ черный, и стало быть, сказанные признаки, при ихъ возможномъ безразличіи для культуры, свидѣтельствуютъ въ одномъ случаѣ о присутствіи породы такихъ-то качествъ, въ другомъ—породы иныхъ качествъ.

Каково бы, при томъ, ни было значеніе признаковъ человѣческихъ породъ, эти признаки, сверхъ того, по утвержденію Фино, непостоянны.

Они измѣняются, во-первыхъ, чрезъ вліяніе среды (стр. 232 и сл.). Но то, что говоритъ авторъ по этому поводу, мало убѣдительно: онъ приводитъ или отрывочные факты, еще нуждающіеся въ провѣркѣ, или результаты личныхъ впечатлѣній наблюдателей-путешественниковъ отъ наружности мѣстныхъ жителей, и во всякомъ случаѣ не устанавливаетъ такихъ данныхъ, которыя доказывали бы возможность кореннаго измѣненія породъ и перевѣшивали бы прочно установившіяся доказательства ихъ постоянства въ разныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни. Еще менѣе убѣдительно то, что авторъ говоритъ о

---

[1]) Исключеніе составляетъ, быть можетъ, вмѣстимость черепа. Но едва ли можно такъ легко согласиться съ Фино въ измѣнчивости этого признака. Можно сказать, что въ каждомъ народѣ замѣчаются большія уклоненія отъ средней нормы, что объясняется сложностью расоваго состава народа. Но далеко нельзя утверждать, чтобы съ прогрессомъ образованія объемъ черепа вообще выросталъ, и чтобы даже вообще этотъ признакъ самъ по себѣ въ своей отдѣльности точно характеризовалъ степень умственныхъ способностей. Ср. таблицу на стр. 229 сочиненія I. Ranke „Der Mensch", т. II изд. 1887 г.

скрещиваніи (стр. 249 и сл.). Что черезъ скрещиваніе возникаютъ новыя смѣшанныя породы,—въ этомъ никто не сомнѣвается. Вопросъ лишь въ томъ, можетъ ли скрещиваніе низшей породы съ высшею остаться безъ вліянія на пониженіе уровня высшей породы. Сколько-нибудь вѣскихъ аргументовъ противъ неизбѣжности такого пониженія авторъ не приводитъ. Нельзя же считать такими аргументами красоту мулатокъ, или совершенно голословныя утвержденія въ родѣ того, что метисы индійцевъ и испанцевъ „стоютъ по меньшей мѣрѣ самихъ испанцевъ", и что въ Индо-Китаѣ смѣшеніе аннамитской и европейской крови имѣло результатомъ появленіе „превосходныхъ" метисовъ.

То, что авторъ говоритъ далѣе о натяжкахъ и заблужденіяхъ такъ называемой „психологіи народовъ" (стр. 291 и сл.), содержитъ въ себѣ много вѣрнаго, но едва ли относится къ дѣлу. Психологія народовъ, по сложности ихъ расоваго состава, не есть психологія породъ, и смѣшивать эти два понятія, какъ показываетъ примѣръ Дрисманса, значитъ впадать въ грубую ошибку. Построить же нынѣ психологію породъ, а при ея помощи—психологію народовъ, это предпріятіе, превышающее силу современной науки, да быть можетъ, и всякой будущей науки.

То же въ сущности можно сказать и о четвертой части книги Фино „Таинственное или недостовѣрное происхожденіе народовъ и породъ" (стр. 353 и сл.). Непонятно, кого именно опровергаетъ въ ней авторъ. Онъ доказываетъ, что европейцы не чистые арійцы, а помѣсь арійцевъ съ первоначальнымъ населеніемъ. Но кто же утверждаетъ иное? Онъ доказываетъ смѣшанность населенія Франціи и Германіи, разнородность происхожденія такъ называемыхъ латинскихъ народовъ. Противъ кого эти доказательства? Очевидно, не противъ приверженцевъ расовой теоріи? То, что говоритъ авторъ, читается не безъ интереса, но цѣль его въ этой части книги остается неясною.

Наконецъ, въ пятой части своего труда Фино пытается доказать, и именно на примѣрѣ сѣвероамериканскихъ негровъ, культуроспособность такъ называемыхъ низшихъ человѣческихъ породъ. Онъ приводитъ много интересныхъ фактовъ въ подтвержденіе культурныхъ успѣховъ среди чернокожаго населенія Соединенныхъ Штатовъ со времени его освобожденія. Но если бы авторъ потрудился задать себѣ вопросъ: что въ этой негритянской культурѣ *своего*, не заимствованнаго, не скопированнаго отъ бѣлыхъ? то онъ ближе подошелъ бы къ рѣшенію вопроса о *собственной культуроспособности*

негритянской породы, чѣмъ путемъ перечисленія того, какое число негровъ и негритянокъ получили университетскіе дипломы.

Итакъ, мы видимъ, что книга Фино при всѣхъ усиліяхъ автора не достигаетъ поставленной имъ себѣ цѣли—разрушить то, что онъ называетъ „предразсудкомъ породы". Самъ авторъ держится, конечно, другого мнѣнія. „На развалинахъ расовой лжи, восклицаетъ онъ въ концѣ книги (стр. 505), возникаютъ такимъ образомъ солидарность и истинное равенство, обѣ основанныя на разумномъ чувствѣ почтенія къ достоинству человѣка." Блаженъ, кто вѣруетъ!

Книга Альфреда Фулье „Esquisse psychologique des peuples européens" по своему руководящему взгляду занимаетъ середину между книгами Дрисманса и Фино. Авторъ, достаточно извѣстный и русской публикѣ другими своими трудами по философіи и психологіи, признаетъ значеніе породы, какъ двигателя культуры, наряду съ другими двигателями, но отказывается приписывать ей значеніе первенствующаго фактора. Нужно, впрочемъ, сказать, что выясненіе относительнаго значенія разныхъ культурныхъ факторовъ страдаетъ у автора нѣкоторою неопредѣленностью, придающею его взглядамъ характеръ колеблющагося эклектизма.

По его мнѣнію, „порода или смѣшеніе породъ *обусловливаетъ* соціальное развитіе народа, т. е. усвоиваетъ ему (развитію) извѣстное болѣе или менѣе широкое поле съ болѣе или менѣе узкими границами; но невѣрно, что порода *опредѣляетъ* это развитіе. По отношенію къ этническому строенію народа справедливо то же, что по отношенію къ физіологическому и мозговому строенію недѣлимаго. Всякій человѣкъ родится съ бо́льшими или меньшими природными способностями; если у него мало ума, то никакая работа не сдѣлаетъ его способнымъ перейти извѣстныя границы, установленныя для него его собственною природою. Равнымъ образомъ, если недѣлимое принадлежитъ къ человѣческой породѣ, несомнѣнно, низшей или выродившейся, то оно окажется еще способнымъ къ нѣкоторому воспитанію, но прирожденное устройство его мозга воспретитъ ему всякое развитіе, превосходящее извѣстныя границы" (стр. XV).

Какіе же это другіе факторы *опредѣляютъ* соціальное развитіе народа? Какъ педагогъ долженъ указать, *что* приноситъ воспитаніе къ прирожденнымъ задаткамъ человѣка, такъ и Фулье, опирающійся на примѣръ индивидуальнаго воспитанія, обязанъ указать факторы, которые, по его мнѣнію, первенствуютъ по значенію воспитанія народа надъ вліяніемъ породы. Къ сожалѣнію, яснаго указанія на эти

факторы мы у него не находимъ: „За отсутствіемъ несомнѣнно опредѣляющихъ условій, связанныхъ съ физіологическимъ строеніемъ, говоритъ онъ (стр. XVI), мы должны будемъ разсмотрѣть въ этой книгѣ главнымъ образомъ истинныя и дѣятельныя пружины развитія народовъ, состоящія въ причинахъ психологическихъ и соціологическихъ. Если климатъ не можетъ ничего сдѣлать безъ породы, если порода можетъ сдѣлать многое вопреки климату, коль скоро послѣдній не представляетъ непреодолимыхъ физическихъ препятствій, то въ особенности сами люди, соединенные въ общество, могутъ сдѣлать почти все одни надъ другими. Одни изобрѣтаютъ, другіе подражаютъ, одни слѣдуютъ преданію, другіе стараются поступать обратно своимъ предшественникамъ. Различные умы, съ ихъ различными дѣлами, дѣйствуютъ такимъ образомъ одни на другихъ и связываются черезъ родъ духовнаго сплетенія. Всѣ элементы породы, климата, физической среды и темперамента представляютъ собою слѣдовательно, какъ мы сказали, лишь статическую часть характера, ту, которая сохраняется при пріобрѣтеніяхъ соціальной и цивилизованной жизни; но у новыхъ народовъ—и именно во Франціи, гдѣ соціальная жизнь такъ развита — пріобрѣтенія и динамическіе элементы пріобрѣтаютъ все болѣе возрастающую важность“.

Едва ли это разсужденіе автора способно заставить замолчать приверженца расовой теоріи. Онъ можетъ отвѣтить такъ: Эта теорія признаетъ положительнымъ, т. е. по вашему, *опредѣляющимъ* факторомъ культурнаго развитія породу, иными словами, физико-психическія свойства составляющихъ народъ людей; всѣ прочіе факторы, какъ— климатъ, почву, историческую обстановку, вліяніе чужой культуры и т. п., она относитъ къ числу факторовъ, именуемыхъ вами *обусловливающими*, т. е. ускоряющими или задерживающими наступленіе и ходъ культурнаго процесса. Вы же относите породу къ числу факторовъ обусловливающихъ, а опредѣляющій факторъ находите въ „самихъ людяхъ, соединенныхъ въ общество“. Но „сами люди, соединенные въ общество“, и есть не что иное, какъ „порода, образовавшая народъ“. Чтобы „одни изобрѣтали“, „другіе подражали“, „одни слѣдовали преданію“, „другіе поступали обратно своимъ предшественникамъ“, требуются соотвѣтственныя свойства и способности людей. Одна сила изобрѣтенія принадлежитъ арійцу, другая негру; есть породы людей болѣе общительныхъ, т. е. скорѣе усваивающихъ чужія изобрѣтенія, есть другія, въ которыхъ эта способность слабѣе. Въ нѣкоторыхъ породахъ всякая новизна считается преступною, а о

древнихъ галлахъ, напротивъ, говорили, что они стремятся къ новизнѣ. Слѣдовательно, всѣ эти способы культурнаго вліянія коренятся въ породѣ или породахъ людей, составившихъ данный народъ, т. е. порода или породы послѣдняго суть положительный, опредѣляющій двигатель его развитія. Конечно, свойства породъ могутъ измѣняться черезъ скрещиваніе; но тогда, значитъ, измѣнились самыя породы: результаты ихъ дѣйствія получаются иные, но основное начало объясненія культурнаго процесса остается тѣмъ же самымъ. Такимъ образомъ, разбирая вашу аргументацію противъ опредѣляющаго значенія породы въ этомъ процессѣ, я нахожу, что она говоритъ не противъ, а въ пользу этого значенія.

Самъ неумышленно для себя выставивъ на первое мѣсто породу, какъ двигателя культуры, и умышленно замаскировавъ ее другими двигателями, Фулье внесъ въ свое сочиненіе повсюду обнаруживающееся въ немъ колебаніе мысли. Въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ, забывая собственное предостереженіе, онъ стоитъ на почвѣ расовой теоріи, выводы его, если нерѣдко и гипотетичны и спорны, то все же ясны и отчетливы. Онъ даетъ въ этихъ частяхъ — правильное или неправильное—*объясненіе* свойствъ народной души, съ которымъ наука можетъ считаться. Тамъ же, гдѣ онъ оставляетъ эту почву, мы находимъ лишь чисто эмпирическій сводъ фактовъ, значеніе котораго для психологіи народовъ является проблематичнымъ. Есть много явленій народной жизни временныхъ и переходящихъ, слѣдовательно для народной души, какъ таковой, не характерныхъ. Для нея характерно лишь то, что кроется въ самой ея природѣ, т. е. въ расовыхъ свойствахъ человѣка. Что въ новой Греціи развита страсть къ чиновничеству и къ разбоямъ, можетъ быть въ ней свойствомъ наноснымъ. Что сельское населеніе Италіи страдаетъ отъ бѣдности,—есть ли это фактъ народной психологіи? Нельзя обвинять автора за то, что многое въ его психологіи народовъ научно не обосновано и представляетъ собою случайный наборъ фактовъ: онъ самъ называетъ свой трудъ „эскизомъ". Но можно поставить ему въ вину то обстоятельство, что онъ своимъ эклектизмомъ самъ заградилъ себѣ путь къ правильнымъ обоснованію и оцѣнкѣ фактовъ. Мною уже высказано ранѣе мнѣніе, что научная постановка психологіи народовъ еще невозможна и, можетъ быть, останется невозможною навсегда, именно потому, что крайне сложенъ вопросъ расовой исторіи народной души. Но если такъ, то едва ли можно придавать и особенную цѣну чисто эмпирическимъ психологическимъ характеристикамъ, которыя теперь выходятъ въ

свѣтъ подъ наименованіемъ такой психологіи, и къ категоріи которыхъ относится и трудъ Фулье.

Насъ въ данномъ случаѣ этотъ трудъ интересуетъ собственно по отношенію автора къ расовой теоріи. Мы видѣли, что его попытка занять среднее положеніе между нею и теоріею ей противоположною не можетъ считаться удачною. Но въ его книгѣ есть еще одна частная погрѣшность, съ антропологической точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, весьма грубая. Мы видѣли выше, что попытка Дрисманса свести вліяніе кельто-романской культуры на германскую къ вліянію смѣшенія съ кельтскою *породою* не можетъ быть оправдана, такъ какъ кельтской породы, какъ чего-либо единаго, не существуетъ. Фулье идетъ еще далѣе въ смѣшеніи этнографическаго и антропологическаго понятій. У него на сцену является уже, какъ нѣчто единое, еще болѣе обширная группа „кельто-славянъ", противополагаемая имъ „германцамъ". Этихъ кельто-славянъ онъ отожествляетъ съ породою Homo alpinus! (стр. 409). Здѣсь антропологическій произволъ доходитъ до такихъ предѣловъ, что намъ остается лишь въ недоумѣніи умолкнуть.

Въ примѣненіи къ славянскимъ народамъ вообще и въ частности къ русскому какъ всецѣло примыкающій къ расовой теоріи Дрисмансъ, такъ и отчасти принимающій ее Фулье, приходятъ къ выводамъ, не особенно лестнымъ для нашего національнаго самолюбія. По мнѣнію Дрисманса сильная примѣсь монгольской крови и вліяніе степной жизни оказали неблагопріятное дѣйствіе на культуроспособность славянъ (Rasse und Milieu стр. 158 и сл.). „Самъ русскій народъ, говоритъ онъ (Kulturgesch. d. Rasseninstinkte I, стр. 236),... обнаружилъ себя, какъ косную, лишенную реагирующей силы массу... Счастливѣе, чѣмъ великій славянскій коренной народъ, были обѣ его выдвинутыя на западъ вѣтви, поляки и чехи, которымъ было даровано произвести мощныя воздѣйствія на европейское, или частнѣе, германское культурное развитіе, такимъ путемъ, что они, конечно, не „сдѣлали способнымъ", но фанатизировали и разнуздали, послѣдніе — верхне-саксонское племя къ религіозной, а первые нижне-саксонское племя къ политической реформѣ Германіи черезъ примѣсь ихъ болѣе импульсивной крови". „Лишь германецъ, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (ib., II, стр. 191), можетъ помочь славянину,—поскольку славянинъ сумѣетъ правильно использоваться германскимъ элементомъ". Фулье, съ своей стороны, утверждаетъ, что славянство въ Россіи было косною массою, не только первоначально приведенною въ культурное

движеніе, но и поддерживаемою въ этомъ движеніи германскимъ элементомъ. Россія была бы подобна Китаю, если бы не содержала въ себѣ „много германско-скандинавскихъ элементовъ, которые *до сихъ поръ* руководили ея участью, но которые, быть можетъ, не будутъ этого дѣлать, если Россія демократизуется" (стр. 400). И далѣе (стр. 416): „Трудно опредѣлить количество великихъ людей, произведенныхъ славянами; для этого нужно знать въ точности предковъ и антропологическій типъ каждаго изъ нихъ. Славяне хотѣли присвоить себѣ поляка Коперника, чеха Іоанна Гуса; германцы основательно требуютъ ихъ себѣ. Екатерина II была нѣмка; Петръ Великій по женской линіи происходилъ отъ скандинава Рюрика, а по мужской, какъ говорятъ, отъ рода нѣмецкаго происхожденія, Романовыхъ, водворившихся въ Москвѣ въ XIV вѣкѣ. Толстой имѣетъ германскихъ предковъ. Тѣ изъ знаменитыхъ людей, которые были длинноголовы, бѣлокуры и съ голубыми глазами, хотя бы они родились въ самомъ центрѣ славянства, не могутъ считаться принадлежащими къ коротко-головой кельто-славянской породѣ. Съ другой стороны, ясно, что никакой физіологическій законъ не воспрещаетъ славянамъ производить людей высшаго ума и даже высшей воли. Но слѣдуетъ принимать во вниманіе среднее число великихъ людей для сравненія съ среднимъ числомъ, доставляемымъ другими породами... Отсюда видно, что славяне, если и не заслуживаютъ пренебреженія, то и сами не имѣютъ повода къ пренебреженію, которое они охотно выказываютъ западнымъ народамъ. Если они считаютъ себя призванными къ великой будущности, то въ этомъ выражается расовое честолюбіе, весьма законное для будущаго, но не опирающееся ни на какое историческое данное".

Меньшая культурная производительность славянскаго, а въ частности русскаго племени сравнительно съ германскимъ есть историческій фактъ, не подлежащій спору. Вопросъ сводится лишь къ тому, какой причинѣ слѣдуетъ приписать этотъ фактъ—историческимъ ли условіямъ жизни славянъ, или самому ихъ расовому составу. Для рѣшенія этого вопроса надлежитъ только понятіе расоваго состава освободить отъ того искаженія, которое вноситъ въ него Фулье, говоря о какихъ-то кельто-славянахъ, уже по породѣ отличныхъ отъ германцевъ. Мы уже видѣли, что арійскіе элементы и кельтовъ, и славянъ, и германцевъ изначала были одинаковы, и различіе ихъ возникло лишь отъ иныхъ комбинацій съ инородными помѣсями. Эти комбинаціи въ славянскомъ вообще и въ частности русскомъ племени мы и должны теперь разсмотрѣть.

Арійцы-славяне, разселявшіеся по обширнымъ равнинамъ Россіи, встрѣтили въ нихъ породы, отличавшіяся и отъ альпійскаго, и отъ средиземнаго человѣка. На сѣверѣ жило финское племя, которое имѣетъ свой довольно чистый образчикъ въ теперешней Финляндіи въ образѣ *короткоголоваго блондина*. Черезъ смѣшеніе съ этою породою образовался великоруссъ, который также есть теперь, особенно въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, преимущественно короткоголовый блондинъ. По далѣе южнѣе и восточнѣе воспослѣдовала обильная примѣсь тюркскихъ инородцевъ, которые, какъ и Homo alpinus, суть короткоголовые брюнеты. Очень можетъ быть, что отъ этой примѣси измѣнились въ расовомъ отношеніи и многія финскія племена, именно тѣ, которыя имѣютъ теперь темные волосы. Измѣнилось и русское племя, переходящее по мѣрѣ приближенія къ югу изъ типа короткоголовыхъ блондиновъ въ типъ короткоголовыхъ брюнетовъ. Во всякомъ случаѣ, если сравнить вообще славянъ съ нѣмцами, живущихъ въ разныхъ широтахъ, то, какъ мы видѣли выше, несомнѣнно, что теперь славяне вообще *болѣе* круглоголовы и *менѣе* бѣлокуры, чѣмъ нѣмцы. Нужно замѣтить, впрочемъ, что извѣстная разница въ отношеніи цвѣта волосъ и глазъ обнаруживается и между живущими въ разныхъ широтахъ славянами. Такъ польское населеніе западной Галиціи гораздо болѣе бѣлокуро, чѣмъ его восточные сосѣди русины и западные чехи, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ большого смѣшенія первыхъ съ туранскимъ элементомъ, а вторыхъ съ окельтизированнымъ первоначальнымъ населеніемъ чешскихъ странъ.

Выводъ изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ такой: и германскія, и славянскія народности представляютъ собою смѣшеніе арійской крови съ инородною, но примѣсь инородной крови въ славянахъ *больше*, чѣмъ въ германцахъ; она не только больше сравнительно съ скандинавами, въ которыхъ, повидимому, всего лучше сохранилась порода длинноголовыхъ блондиновъ, но и съ нѣмцами, которые теперь въ значительной своей части короткоголовы и брюнеты. Слѣдуетъ далѣе признать, что сравненіе славянъ съ германцами по степени чистоты арійской крови не только неблагопріятно для первыхъ въ смыслѣ количественномъ, но сколько можно судить, и въ качественномъ. Тѣ инородныя примѣси, которыя вошли въ составъ германскихъ народностей, по большей части уже подверглись предварительному смѣшенію со славянскими и кельтскими племенами, жившими ранѣе въ мѣстахъ германской колонизаціи. Такимъ образомъ нѣмцы смѣшались съ населеніемъ, уже облагороженнымъ примѣсью арійской крови. Славянское же

населеніе почти повсюду, кромѣ развѣ Чехіи, восприняло въ себѣ непосредственно инородныя составныя части ихъ первобытной дикой чистоты, и вслѣдствіе того въ этомъ населеніи качественное измѣненіе арійской породы должно было совершиться сильнѣе и глубже. Въ результатѣ должна была получиться меньшая даровитость славянскаго племени во всей его совокупности сравнительно съ германскимъ и въ частности съ нѣмецкимъ, не только въ отношеніи внѣшняго государственнаго и общественнаго строительства, но и въ отношеніи духовной производительности въ философіи, опытной наукѣ, искусствѣ, литературѣ. Что касается, напримѣръ, русскаго человѣка, то онъ признается и иностранцами обладающимъ хорошими способностями; но эти способности проявляются въ быстрой выучкѣ, т. е. въ переимчивости и подражательности, а не въ силѣ оригинальнаго творчества, которая составляетъ сущность того, что называется „геніальностью". Правда, самая сила переимчивости достигаетъ иногда у русскаго человѣка такихъ предѣловъ, что она получаетъ своего рода оригинальность и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ названіе „геніальности". Такую геніальность переимчивости мы находимъ у величайшаго изъ русскихъ государственныхъ людей—Петра. Такова же въ значительной степени геніальность величайшаго изъ русскихъ поэтовъ — Пушкина, величіе котораго состоитъ главнымъ образомъ въ неподражаемой способности облекать въ художественную форму разнообразнѣйшіе мотивы нерѣдко совершенно чуждой ему жизни. Въ научной области такую геніальность переимчивости мы находимъ у основателя руской науки Ломоносова. Правда, слабую сравнительно съ германцами силу оригинальной духовной производительности собственно у великорусскаго племени нерѣдко объясняютъ долговременною отрѣшенностью его отъ западно-европейскаго образованія. Но это объясненіе едва ли правильно. Болѣе правдоподобно объяснять этотъ фактъ вообще меньшею даровитостью славянскаго племени, такъ какъ такое же явленіе мы находимъ у славянскихъ народовъ, издавна соучаствовавшихъ въ западно-европейскомъ образованіи, напримѣръ, у чеховъ и поляковъ.

Нужно замѣтить вообще, что тотъ, кто вѣритъ въ силу образованія въ дѣлѣ повышенія народной даровитости, стоитъ на точкѣ зрѣнія, совершенно не оправдываемой фактами исторіи. Конечно, существованіе извѣстныхъ образовательныхъ средствъ необходимо для возможности проявленія тѣхъ или иныхъ духовныхъ дарованій. Если бы Ломоносовъ родился столѣтіемъ ранѣе, когда никакого свѣтскаго обра-

зованія у насъ не было, то его дѣятельность была бы невозможна. Но положительной силы производить таланты образованіе не имѣетъ; если бы у него была такая сила, то теперь мы имѣли бы не одного Ломоносова, а сотни ихъ, чего, однако, на дѣлѣ нѣтъ. Это положеніе вполнѣ подтверждается исторіею духовной производительности европейскихъ странъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, несмотря на успѣхи образованія, геніальность падаетъ. Проявленіе народнаго генія въ геніи индивидуальномъ не опредѣляется слѣдовательно образованіемъ, какъ своею положительною, производящею причиною, и потому, если въ народѣ мало задатковъ для такого проявленія, то образованіе, какъ таковое, этихъ задатковъ не создастъ, такъ же какъ никакая дрессировка не превратитъ чухонской лошади въ арабскаго скакуна. Поэтому я считаю себя въ правѣ произнести приведенное выше сужденіе о меньшей даровитости славянъ, и въ частности русскихъ, сравнительно съ германцами, и въ частности нѣмцами.

Неблагопріятное для русскаго народа вліяніе скрещиванія съ низшими породами усилилось по отношенію къ великорусской его части съ пріобрѣтеніемъ независимости Московскимъ государствомъ, мало доступнымъ воспринятію западно-европейской иммиграціи, но энергически ширившимся на востокъ и вливавшимъ въ себя все новыя и новыя части азіатскихъ примѣсей. Начиная съ Петра Великаго, западные европейцы стали усиленно притекать въ Россію и снабдили высшіе классы ея населенія значительною примѣсью главнымъ образомъ нѣмецкой крови. Но также, если не болѣе, усиленно продолжалось поглощеніе великоруссами восточнаго инородческаго элемента къ явному ущербу для высоты русской породы. Это ухудшеніе породы, на которое обращено, напримѣръ, вниманіе путешественниками по Сибири, получило бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе быстрый ходъ, если бы осуществился тотъ процессъ погони Россіи на востокъ, который нынѣ такъ болѣзненно для нашего самолюбія остановленъ японскимъ оружіемъ. Чѣмъ далѣе двигались бы мы въ Азію, тѣмъ въ большей степени подготовляли бы мы превращеніе самого русскаго народа въ азіатовъ и затрудняли бы для него достиженіе высшей культуры. Этому помогало бы то самое свойство русскаго народа, которое такъ восхищаетъ нашихъ сентиментальничающихъ народниковъ: отсутствіе въ немъ аристократическаго презрѣнія къ низшимъ породамъ, предохраняющаго высшую породу отъ пониженія ея типа черезъ скрещиваніе съ ними. *Надобность* во внѣевропейскихъ колоніяхъ окажется для Россіи лишь тогда, когда ея промышленность и торговля потребуютъ

исканія новыхъ рынковъ для сбыта; а *безопасность* такого колоніальнаго расширенія наступитъ тогда, когда русское національное самосознаніе настолько окрѣпнетъ и повысится, что русскій человѣкъ станетъ являться въ эти колоніи, какъ является англичанинъ въ Индію или Африку, совершенно чуждый намѣренію сливаться съ тамошнимъ населеніемъ или сливать его съ собою.

Вопросъ объ укрѣпленіи и повышеніи русскаго народнаго самосознанія побуждаетъ насъ обратить вниманіе на другой важный антропологическій и этнографическій вопросъ, именно на степень сліянія различныхъ расовыхъ и культурныхъ элементовъ въ составѣ единой народности. Если оставить въ сторонѣ Австро-Венгрію и Турцію, которыя доселѣ остаются конгломератами различныхъ народностей, угрожающими распасться, то вообще нужно сказать, что въ большинствѣ европейскихъ странъ сказанный процессъ національнаго объединенія достигъ удовлетворительнаго результата. Расовыя и культурныя (по языку и обычаямъ) различія, если они и остаются, не оказываются настолько сильными, чтобы нѣмцы, или французы, или итальянцы, или англичане не сознавали себя едиными народностями. Иное находимъ мы въ Россіи: процессъ ея національнаго объединенія далеко еще не завершился, и нынѣ даже трудно рѣшительно предсказать его окончательный исходъ. Въ самомъ русскомъ племени постоянно продолжается непрерывающійся процессъ скрещиванія съ инородцами. Далѣе, цѣлая треть населенія Россіи еще сознаетъ себя не русскою, да и въ остальныхъ двухъ третяхъ нѣтъ еще настоящаго единства, такъ какъ бѣлоруссы и малороссы противостоятъ великоруссамъ, какъ нѣчто отличное и во многомъ чуждое. Во всякомъ случаѣ вопросъ о будущемъ не только внѣшнегосударственномъ, но истинно-національномъ объединеніи Россіи есть главнымъ образомъ вопросъ объ объединяющей способности того племени, которое и по численности, и по историческимъ условіямъ служитъ для Россіи скрѣпляющимъ цементомъ,—т. е. племени великорусскомъ. Но для исполненія такой задачи оно само должно пріобрѣсти единство, при томъ единство сознательное; и вотъ съ этой точки зрѣнія мы должны снова вернуться къ обсужденію его расовыхъ задатковъ.

То обстоятельство, что самъ великоруссъ не только есть результатъ далеко незаконченнаго еще скрещиванія разныхъ породъ и до сихъ поръ въ большей части живетъ совмѣстно съ ихъ остатками, образовало изъ него типъ, съ одной стороны, въ расовомъ отношеніи не довольно опредѣленный, а съ другой стороны, и въ связи съ тѣмъ,

духовно-неуравновѣшенный. Русскій человѣкъ представляетъ собою соединеніе самыхъ разнородныхъ свойствъ—высокаго героизма съ животною низостью, добродушія съ жестокостью, ежедневнаго воздержанія съ временнымъ разгуломъ, глубокой религіозности съ цинизмомъ. Работаетъ онъ нервно и порывами; быстро усвоиваетъ всякое дѣло и рѣдко доходитъ до совершенства въ одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ. Эта неуравновѣшенность русской души, соединенная со способностью болѣе къ воспріимчивости и подражательности, чѣмъ къ оригинальной изобрѣтательности, дѣлаетъ его, сравнительно съ германцемъ, менѣе свободнымъ и сильнымъ въ индивидуальной жизни: русскій легко подчиняется руководящей власти—господина, хозяина, офицера, вѣроучителя, толпы, кружка, господствующаго общественнаго настроенія, и въ этомъ подчиненіи, въ союзѣ съ другими, часто дѣлается неодолимъ. Эта же способность воспріимчивости и привязчивости обусловливаетъ его симпатичность, вслѣдствіе которой его, хотя бранятъ, но любятъ, любятъ даже иностранцы, которые, долго поживши въ Россіи, скучаютъ безъ отзывчивой, широкой русской души.

Образованный классъ великорусскаго народа уже не можетъ считаться только *его* представителемъ. Этотъ классъ сливается съ общерусскою интелигенціею, и только нѣкоторыя иноплеменныя ея части остаются въ извѣстной отчужденности отъ него. Поэтому мы въ правѣ говорить о немъ, какъ объ общерусскомъ образованномъ классѣ. Въ этомъ классѣ еще болѣе не только расоваго, но и культурнаго смѣшенія, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. Правда, принявъ въ себя довольно много западной, въ особенности нѣмецкой крови, русская интелигенція представляетъ собою въ смыслѣ породы вѣроятно болѣе высокій уровень по сравненію съ русскимъ простонародьемъ. Но такъ какъ и элементовъ, смѣшанныхъ въ ней и донынѣ не претворенныхъ въ одно органическое цѣлое, также гораздо болѣе, то и состояніе душевной неуравновѣшенности достигаетъ въ немъ гораздо большей степени. Эта неуравновѣшенность усиливается еще тѣмъ, что русскій образованный человѣкъ отрѣшается отъ тѣхъ охранительныхъ устоевъ, которые по привычкѣ еще держатся въ народной массѣ, и въ постоянномъ общеніи съ иноплеменниками и полуиноплеменниками проникается отвлеченнымъ космополитизмомъ, лишающимъ его, подъ вліяніемъ общечеловѣческихъ идеаловъ, живого сочувствія ближайшимъ національнымъ интересамъ. Поэтому, то, что было сказано о русскомъ народѣ, въ усиленной мѣрѣ должно быть сказано о его образованномъ классѣ. Русская интелигенція представляетъ собою

нѣчто безформенное и неустойчивое. Въ политическомъ отношеніи она колеблется между чиновничествомъ и отвлеченнымъ космополитическимъ радикализмомъ; въ соціальномъ отношеніи между привычками барства и крайнею степенью демократизма; въ экономическомъ—между тунеядствомъ и жаждою легкой наживы съ одной стороны и преданностью соціалистическимъ идеаламъ съ другой. Внутренно-отрѣшенная отъ церкви, она или по обычаю хранитъ ея обряды, или же сама придумываетъ себѣ толки и вѣрованія отъ полнаго атеизма до столь же полнаго мистическаго произвола. Несмотря на замѣчаемое въ ней въ послѣднее время оживленіе философскаго интереса, послѣдствія его до сихъ поръ ничтожны, такъ какъ ей не хватаетъ для того привычекъ строгаго мышленія и холоднаго анализа; для нея философія есть дѣло не столько мысли, сколько сердца и воображенія, а на такой почвѣ здоровая философія не можетъ пустить прочныхъ ростковъ. Опытная наука въ Россіи можетъ хвалиться нѣсколькими громкими именами, но тотъ фактъ, что молодые русскіе ученые до сихъ поръ должны ѣздить доучиваться за границу, доказываетъ, что въ Россіи, вообще говоря, нѣтъ еще настоящей научной школы. Русская живопись и музыка до сихъ поръ пользуется за границею тѣмъ, что называется succés d'éstime, что доказываетъ не особенно большой ихъ вѣсъ передъ международнымъ судомъ, свободнымъ отъ національнаго пристрастія. Единственное, что въ послѣднія десятилѣтія выдерживаетъ такой судъ, есть русская изящная литература, такъ какъ и иностранцы преклоняются передъ именами Тургенева, Достоевскаго и Толстого. Но нужно сказать, что нынѣ и въ западной Европѣ нѣтъ Шекспировъ или Гёте, такъ что сравненіе русскихъ писателей приходится дѣлать съ второстепенными дѣятелями литературы. Для насъ же, русскихъ, характерно то, что наша собственная оцѣнка нашихъ великихъ писателей есть главнымъ образомъ оцѣнка ихъ, какъ учителей, проповѣдниковъ, а не какъ художниковъ. Мы ищемъ въ нихъ не искусства, а философіи, такъ какъ наша непривычка къ строгому мышленію и стремленіе схватить истину сердцемъ и воображеніемъ открываетъ намъ болѣе легкій путь искать ее не въ философской системѣ, а въ беллетристикѣ; да и сами наши художники слова склоняются къ роли проповѣдниковъ.

Какая же культурная роль ожидаетъ *такой* народъ съ *такою* интеллигенціею, когда съ него спадетъ гнетъ давящаго его правительственнаго насилія, и ему окажется возможнымъ вступить на дорогу свободнаго развитія? Предсказать этотъ путь въ его положительныхъ

чертахъ едва ли возможно. Но можно сказать одно: для того, чтобы этотъ путь не привелъ насъ къ ряду болѣзненныхъ разочарованій и, быть можетъ, къ конечному крушенію, намъ слѣдуетъ рѣшительно отказаться отъ того національнаго самомнѣнія, которое, мѣняя свои виды, издавна владѣетъ русскимъ сознаніемъ. Въ Московскомъ государствѣ это самомнѣніе имѣло характеръ главнымъ образомъ вѣроисповѣдный, т. е. русскіе отличали себя, какъ народъ православный, обладающій истинною вѣрою и потому особо хранимый Богомъ, отъ чужихъ басурмановъ и еретиковъ. Иностранецъ, при всѣхъ его внѣшнихъ преимуществахъ, считался чѣмъ-то въ родѣ ученой, ловкой на разные штуки, обезьяны. Затѣмъ Москва убѣдилась, однако, что ей, для нея собственно, слѣдуетъ поучиться у этой обезьяны; и, по склонности русскаго характера къ крайностямъ, пошла къ ней напослѣдокъ въ рабски-покорное ученичество. Но такъ какъ русскій народъ образовалъ крупное и сильное государство и по своей переимчивости и способности къ дисциплинѣ успѣшно обучился военному дѣлу, то рядъ побѣдоносныхъ войнъ XVIII в. и затѣмъ побѣда надъ Наполеономъ воспитали въ немъ военное самомнѣніе, убѣжденіе въ превосходствѣ его силы надъ всѣми прочими народами. Событія послѣднихъ ста лѣтъ нанесли ударъ и этому самомнѣнію. Уже при Николаѣ I факты турецкой, польской и венгерской кампаній, хотя и кончившихся побѣдами, открыли знающимъ людямъ глаза на дефекты русскаго военнаго дѣла. Еще большій ударъ нанесла русскому военному самомнѣнію крымская война. Но и она не исцѣлила русскаго общества отъ этого самомнѣнія, такъ какъ ея неудачи приписывались общей отсталости до-реформенной Россіи. Однако и реформированная Россія обнаружила себя не особенно блистательно въ послѣднюю турецкую войну, а нынѣ при столкновеніи съ японцами покрылась такимъ позоромъ, который, конечно, надолго отучитъ насъ отъ воинственнаго самовосхваленія. Но ранѣе, чѣмъ пришелъ этотъ второй періодъ самомнѣнія, и отчасти въ связи съ нимъ, наступалъ по почину славянофиловъ его третій періодъ. Не отказываясь отъ убѣжденія въ военномъ могуществѣ Россіи, они провозгласили самыя основы государственнаго строя Россіи, этой будущей побѣдительницы Европы, проникнутыми такими идеальными чертами, передъ которыми блѣднѣетъ европейская культура. Тамъ на западѣ—рознь правительства и народа, паденіе религіозныхъ вѣрованій, классовая борьба, обостряемая страданіями рабочаго пролетаріата. У насъ же, подъ наноснымъ слоемъ бюрократическаго режима, таится и готовится къ

обнаруженію царство любви и мира, братства самодержавнаго монарха съ народомъ, торжество истинно-національной соборной церкви, господство общины, избавляющей народъ отъ постоянной матеріальной необезпеченности. Я не стану слѣдить за тѣмъ, какъ неумолимые факты исторіи постепенно разрушили и нынѣ сдѣлали даже смѣшнымъ этотъ видъ самомнѣнія. Но на смѣну его наступилъ четвертый видъ. Мы не открещиваемся уже отъ западныхъ европейцевъ, какъ отъ нехристей. Мы готовы признать, что западная Европа, какими бы недугами она ни страдала, все еще слишкомъ крѣпкій орѣхъ для нашего гнилого восннаго зуба. Мы отвращаемся отъ идеализаціи самодержавія и общины, а исторія нашей церкви внушаетъ намъ невольное сомнѣніе, есть ли въ ней задатки для того, чтобы стать дѣйствительно соборною и апостольскою. Но въ насъ еще таится и при случаѣ неудержимо прорывается убѣжденіе въ томъ, что мы призваны дать завершеніе европейской культуры, сказать то новое слово жизни, котораго ждетъ изжившее свои идеалы западное человѣчество; и это убѣжденіе поселяетъ въ насъ духъ гордости подъ нашимъ виднымъ для всѣхъ общественнымъ рубищемъ. Но какія же данныя для такого убѣжденія? Тѣ русскія слова, которыя въ послѣднія десятилѣтія наиболѣе громко прозвучали въ Европѣ, были или словомъ устарѣвшаго даже и для насъ славянофильства (Достоевскій), или словомъ, грубо и произвольно отрицающимъ всѣ плоды культуры (Толстой). Европа съ интересомъ выслушала эти слова. Но ея интересъ былъ интересъ чисто-психологическій, интересъ, вызванный желаніемъ узнать свойства русскаго міровоззрѣнія, какъ оно выражается въ нашихъ наиболѣе талантливыхъ представителяхъ. Лучшая часть европейской интелигенціи этими словами нисколько не убѣдилась. Для нея болѣе вѣски слова ея старыхъ учителей, великихъ мыслителей древняго и новаго времени, слова, надъ которыми нынѣшнее, ослабѣвшее въ оригинальной производительности поколѣніе производитъ постоянную работу комментированія, объясненія, критики, работу, вводящую идеи названныхъ мыслителей въ кругъ общаго образованія и освѣщающую эти идеи съ точекъ зрѣнія, открываемыхъ новою жизнью.

По всѣмъ вышеизложеннымъ даннымъ, казалось бы, нѣтъ основанія полагать, чтобы русская духовная производительность когдалибо достигла до высшаго уровня, до котораго достигала духовная производительность западно-европейскаго міра. Но прибавимъ „достигала", а вовсе не достигаетъ *теперь*. Съ *современною*, а тѣмъ болѣе *будущею* Европою мы, вѣроятно, сравняемся, дабы вмѣстѣ съ нею

переживать то, что можно назвать *прозаическимъ* періодомъ исторіи, періодъ, когда уже не будетъ силы геніальнаго творчества, а останется лишь сила усвоенія, критики и приложенія. Въ этомъ періодѣ мало-оригинальный, но воспріимчивый и понятливый русскій духъ, вѣроятно, будетъ играть видную роль. Но не будетъ ли этотъ періодъ, какъ угрожаютъ гобинисты, періодомъ такого постепеннаго паденія человѣчества, въ которомъ не стоитъ и участвовать. Я не думаю, чтобы такая степень паденія была неизбѣжна, — и вотъ почему. Новый міръ имѣетъ передъ древнимъ, примѣромъ паденія котораго насъ пугаютъ, два преимущества: скопленное и постоянное умножаемое сокровище приложимой къ жизни науки и ясно сознанную задачу всенароднаго образованія и воспитанія. Эти двѣ силы, при ихъ правильномъ примѣненіи, могутъ отчасти спасти современное человѣчество, несмотря на потерю имъ его геніальныхъ верхушекъ и относительное ухудшеніе его породы.

Истинный, плодотворный націонализмъ состоитъ въ томъ, что мы отдаемъ нашему народу первенство въ заботливости, а не въ восхваленіи. Желая быть участникомъ въ культурномъ воспитаніи своего народа, мы тѣмъ самымъ желаемъ вносить свою долю въ преуспѣяніе великой народной семьи. Для этого мы должны не восхищаться способностями ея членовъ, а отдать себѣ ясный отчетъ въ этихъ способностяхъ. Развѣ воспитатель менѣе дорожитъ своимъ питомцемъ оттого, что есть другіе питомцы, болѣе даровитые? Воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать питомца нравственно-порядочнымъ, знающимъ, способнымъ проложить себѣ дорогу въ жизни, а выйдетъ ли питомецъ талантливымъ и знаменитымъ, — это дѣло природныхъ дарованій. И въ жизни — развѣ мы отдаемъ дань уваженія непремѣнно людямъ, имѣющимъ преимущество талантливости? Великій Кантъ говоритъ слѣдующее: „Человѣкъ можетъ быть для меня предметомъ любви, страха или удивленія... и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть предметомъ уваженія. Его шутливое остроуміе, его мужество и сила, его могущество, зависящее отъ его положенія между другими, могутъ внушать мнѣ эти чувства, но при этомъ все-таки чего-то не хватаетъ для внутренняго къ нему уваженія. ...Я могу прибавить: передъ низко стоящимъ, граждански простымъ человѣкомъ, въ которомъ я нахожу праведность характера въ такой мѣрѣ, какой я не сознаю въ самомъ себѣ, *мой духъ преклоняется*, хочу я этого или не хочу, хотя бы я продолжалъ высоко носить мою голову, чтобы онъ не переставалъ замѣчать мое превосходство“. Этими словами Канта я могу кончить свою

статью. Размышленіе надъ извѣстными мнѣ фактами привело меня къ тому убѣжденію, что природная даровитость славянскихъ, и въ частности русскаго народа, ниже природной даровитости германскихъ, и въ частности нѣмецкаго народа. Я полагаю, что послѣдствіемъ того будетъ въ Россіи меньшая высота оригинальнаго культурнаго творчества, чѣмъ та, до которой *прежде* достигали ея западные сосѣди. Но пусть всѣ участники нашего народнаго воспитанія направятъ свои усилія на всемѣрное поднятіе нравственнаго уровня своего отечества и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и во всемъ общественномъ строѣ. Пусть русскій народъ станетъ народомъ *праведнымъ*—и тогда всѣ преклонятся предъ нимъ, хотятъ ли они этого или не хотятъ.

Н. Г. Дебольскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

П. Симсонъ. **Каменный вѣкъ подъ гор. Ржевомъ**, Тверь, 1903 г.

Многочисленныя стоянки каменнаго вѣка, расположенныя въ области верховьевъ Волги, давно уже обратили на себя вниманіе геологовъ и археологовъ: подѣлки изъ камня встрѣчаются, напримѣръ, на берегахъ озеръ Селигера, Сига, Сторжа, Овселука и другихъ; одинъ изъ знатоковъ мѣстныхъ древностей замѣтилъ, что „волжскія берега, можно сказать, усѣяны орудіями каменнаго вѣка"; тверскія городища „Дьякова типа" также давали подѣлки изъ камня, но вмѣстѣ съ металлическими издѣліями. Находки подобнаго рода были сдѣланы и въ Ржевскомъ уѣздѣ [1]); да и далѣе по берегамъ Волги, отъ Ржева до Калязина, было найдено „множество" каменныхъ орудій и черепковъ отъ древней глиняной посуды, которыя вслѣдъ за тѣмъ поступили на храненіе въ Тверской музей [2]).

Естественно, что при такихъ условіяхъ г. Симсонъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившійся въ гор. Ржевѣ, нашелъ здѣсь, подъ самымъ городомъ, настолько богатый матеріалъ для изученія каменнаго вѣка, что увлекся собираніемъ подѣлокъ изъ камня. Уже въ 1901 году, на одномъ изъ засѣданій Тверской ученой архивной комиссіи, г. Симсонъ сообщилъ о томъ, что лѣтомъ отчетнаго года ему удалось открыть подъ самымъ городомъ Ржевомъ, внизъ по Волгѣ, на лѣвомъ ея берегу, массу орудій каменнаго вѣка палеолитической и неолити-

---

[1]) Зап. отд. русск. и слав. археол. Русск. Арх. Общ. V (1903), стр. 133 и сл., 278 и сл. *А. Спицынъ*, Новыя свѣдѣнія о городищахъ Дьякова типа ibid., VII (1905), стр. 83, 91. Ср. Отч. Археол. Ком. за 1894 г., стр. 45 и ниже слѣд. прим.

[2]) Тверск. губ. вѣд. 1888 г., № 70 и др.

ческой эпохъ ¹). Мало по малу г. Симсонъ составилъ изъ нихъ цѣлую коллекцію; численность собранныхъ имъ предметовъ въ настоящее время превышаетъ 4.000 нумеровъ. Постепенно входя въ изученіе всего этого матеріала, г. Симсонъ приступилъ къ описанію важнѣйшихъ его типовъ; а затѣмъ перешелъ и къ формулировкѣ нѣкоторыхъ общихъ выводовъ касательно классификаціи ржевскихъ орудій, ихъ сохранности и шлифовки, причемъ далъ характеристику ихъ особенностей по періодамъ: палеолитическому и неолитическому. Такимъ образомъ возникъ трудъ г. Симсона, изданный Тверской архивной коммиссіей въ 1903 году.

Сочиненіе г. Симсона состоитъ изъ двухъ частей: одна посвящена характеристикѣ главнѣйшихъ „эпохъ" и типовъ ржевской культуры каменнаго вѣка (стр. 1—67); другая—подробному описанію рисунковъ, помѣщенныхъ на восьми таблицахъ, которыя приложены къ тексту (стр. 67—142).

Въ своемъ сочиненіи г. Симсонъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ онъ научился собирать каменныя орудія; авторъ также сообщаетъ, что онъ не производилъ „болѣе или менѣе глубокихъ раскопокъ" и что для изученія своихъ находокъ у него было слишкомъ мало источниковъ и пособій. Въ самомъ дѣлѣ г. Симсонъ не только не привлекъ къ сравненію матеріала, найденнаго во многихъ мѣстностяхъ Европы, но оставилъ безъ вниманія даже предметы древности изъ ближайшихъ русскихъ музеевъ, сходные съ его собственными; а между тѣмъ въ Московскомъ историческомъ музеѣ, напримѣръ, хранится не мало предметовъ каменнаго вѣка; многіе изъ нихъ добыты изъ извѣстной бологовской стоянки, сравнительно довольно близкой и къ ржевской. Число пособій, которыми г. Симсонъ пользовался при составленіи своего труда, также очень ограничено: даже научно-популярныхъ сочиненій въ родѣ, напримѣръ, извѣстныхъ книгъ Лёббока, Нильсона, Мортилье, Гёрнеса, Бека и др. у него не было подъ руками; самъ г. Симсонъ заявляетъ, что изъ спеціальныхъ трудовъ онъ пользовался почти исключительно „Археологіей Россіи" гр. А. С. Уварова. При такой скудости главныхъ пособій г. Симсону нельзя было съ должною разборчивостью относиться къ книгамъ, которыя были у него подъ руками: онъ „въ свое время читалъ о находкахъ г. Передольскаго около Новгорода" и прибѣгалъ къ соч. Н. фонъ-Винклера объ оружіи или къ энциклопедическому словарю Брокгауза. А между тѣмъ

¹) Отчетъ Тверской ученой архивной комиссіи за 1901 г. Тверь 1903, стр. 21.

послѣ капитальнаго труда гр. А. С. Уварова появилось нѣсколько новыхъ работъ, посвященныхъ каменному вѣку въ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо касаются Тверской губерніи: въ 1882 г., напримѣръ, вышли въ свѣтъ изслѣдованія И. С. Полякова, содержащія свѣдѣнія и о каменномъ вѣкѣ въ области верховьевъ Волги [1]); въ 1885 году. Г. Жизневскій напечаталъ статью о „слѣдахъ стоянки каменнаго вѣка у гор. Твери [2]); почти въ то же время появилась статья кн. П. А. Путятина о гончарномъ искусствѣ, основанная въ значительной мѣрѣ на изученіи керамическихъ издѣлій, входящихъ въ составъ его бологовской коллекціи, и т. д. [3]). Г. Симсонъ, однако, не воспользовался трудами своихъ предшественниковъ и ограничился описаніемъ и изученіемъ того матеріала, который ему удалось собрать для собственной коллекціи.

Лишь тѣ находки, которыя изслѣдованы въ геологическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ, получаютъ особенно важное научное значеніе и для характеристики древнѣйшаго періода каменнаго вѣка: таковы, напримѣръ, находки: Кіевская, Гонцовская (Лубенскаго уѣзда) и Карачаровская (Муромскаго уѣзда). Съ только что указанной точки зрѣнія ржевскую находку г. Симсона едва ли можно, однако, причислить къ важнѣйшимъ: авторъ не сообщаетъ почти никакихъ свѣдѣній о томъ слоѣ, въ которомъ или на поверхности котораго онъ находилъ свои экземпляры, и „совсѣмъ не касается костей разныхъ животныхъ“ (стр. 66).

Согласно съ такимъ отношеніемъ къ геологическимъ и палеонтологическимъ даннымъ г. Симсонъ считаетъ возможнымъ характеризовать палеолитическую и неолитическую „эпохи“ исключительно археологическими признаками (стр. 24), причемъ выдѣляетъ изъ древнѣйшаго періода „мадленскій типъ“, не причисляя его, однако, къ позднѣйшему. Помимо того, что приложеніе группировки, предложенной французскими учеными, къ ржевскимъ древностямъ нуждалось бы въ проч-

---

[1]) *И. Поляковъ*, Изслѣдованія по каменному вѣку и пр. въ Зап. русск. геогр. общ., этногр. отд., т. IX, стр. 125—136; сочиненіе г. Полякова вслѣдъ затѣмъ появилось и въ нѣмецкомъ переводѣ въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Zweite Folge, B. VIII (1875), ss. 229—450.

[2]) *А. Жизневскій*, Слѣды стоянки каменнаго вѣка и проч. въ 1885 г. въ „Древностяхъ“. Труды Моск. арх. общ. т. XI, в. 3, стр. 80—82.

[3]) *Кн. П. Путятинъ*, О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ въ Изв. геогр. общ., т. XX (1884), 280—309. Ср. еще *А. Жизневскій*, Описаніе Тверского музея, М., 1888 г., стр. 9—14. Изв. арх. ком., прибавл. къ в. IX, стр. 66 и 68.

номъ научномъ обоснованіи, котораго г. Симсонъ не дастъ, построеніе его вызываетъ и другія сомнѣнія. Вопреки классификаціи главнѣйшихъ представителей французской школы, обыкновенно причисляющихъ „мадленскую эпоху" къ палеолитическому періоду, г. Симсонъ ставитъ вопросъ о томъ, какое положеніе ржевскія орудія мадленскаго типа занимаютъ „по времени", и относитъ изготовленіе ихъ, повидимому, къ переходной порѣ отъ періода палеолитическаго къ неолитическому [1]). Въ такихъ разсужденіяхъ авторъ едва ли строго различаетъ понятіе „періодъ" отъ понятія „эпоха" и слишкомъ мало останавливается на выясненіи своей точки зрѣнія; онъ мотивируетъ свое построеніе исключительно апріорными археологическими соображеніями, уже извѣстными въ литературѣ: орудія мадленскаго типа, по мнѣнію г. Симсона, слишкомъ ломки для того, чтобы первобытному человѣку можно было обойтись ими; они частью современны палеолитической, частью же относятся къ началу неолитической „эпохи" (стр. 38). Тѣмъ не менѣе самъ авторъ не рѣшается упоминать о мезолитическомъ періодѣ.

Въ предлагаемой имъ группировкѣ г. Симсонъ, въ сущности, не могъ выдержать и чисто археологической точки зрѣнія. Въ археологическомъ отношеніи весьма важно было бы изучить совмѣстное нахожденіе ржевскихъ подѣлокъ въ одномъ и томъ же культурномъ слоѣ или могилѣ; но самъ авторъ отказался отъ изслѣдованій подобнаго рода и ограничился замѣчаніемъ, что „огромное количество (собранныхъ имъ) орудій либо было смыто водою во время весеннихъ разливовъ и очутилось у волжскихъ береговъ, либо попало въ воду; а между тѣмъ „весь волжскій берегъ съ орудіями съ незапамятныхъ временъ отведенъ подъ бечевникъ и сотни лѣтъ утаптывается и людьми, и лошадьми при тягѣ судовъ" (стр. 23). Благодаря такимъ условіямъ г. Симсону едва ли удалось выяснить существенныя археологическія особенности изученныхъ имъ ржевскихъ древностей по эпохамъ. При характеристикѣ мадленской эпохи, напримѣръ, онъ слишкомъ поверхностно касается одной изъ самыхъ существенныхъ особенностей ея: изобилія костяныхъ издѣлій. Судя по бологовской коллекціи и другимъ находкамъ, подѣлки изъ кости, пожалуй, могли встрѣчаться и въ

---

[1]) *G. de Mortillet*, Le préhistorique. 3 éd. (1900), pp. 21, 240—242. Cp. *E. Piette*, Classification et terminologie des temps préhistoriques въ Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, B. VI (1901), ss. 65—68 („étage éburnéen") и др.

другихъ стоянкахъ [1]). Правда г. Симсонъ мимоходомъ сообщаетъ, что ему, кромѣ двухъ костяныхъ орудій, „другихъ нигдѣ не попалось" (стр. 37); но авторъ, „совсѣмъ не касался костей разныхъ животныхъ, разбросанныхъ по берегамъ Волги": онъ могъ упустить изъ виду издѣлія, весьма характерныя для мадленской эпохи. Только если бы г. Симсону удалось тщательнымъ образомъ выяснить причины такого отсутствія, послѣднее можно было бы признать фактомъ заслуживающимъ вниманія, такъ какъ онъ былъ бы слишкомъ мало согласованъ съ обычнымъ нашимъ представленіемъ о культурѣ мадленской эпохи.— Нельзя не указать на аналогичный пробѣлъ и въ характеристикѣ, которую г. Симсонъ даетъ ржевской культурѣ неолитическаго періода: къ начальнымъ эпохамъ его обыкновенно относятъ появленіе гончарнаго искусства, или, по крайней мѣрѣ, его замѣтное развитіе; хотя и на верховьяхъ Волги можно, конечно, найти подѣлки изъ камня вмѣстѣ съ горшечными обломками [2]), но г. Симсонъ и въ данномъ случаѣ сообщаетъ, что онъ „не касался" „черепковъ горшечной посуды", также „разбросанныхъ по берегамъ Волги" (стр. 66) [3]). Наконецъ, отказавшись отъ производства раскопокъ и, повидимому, лишенный возможности изучать совмѣстное нахожденіе предметовъ древности въ одномъ и томъ же культурномъ слоѣ или одной и той же могилѣ, авторъ, въ сущности, долженъ былъ бы съ большею осторожностью разсуждать и о принадлежности всѣхъ подобранныхъ имъ каменныхъ орудій къ „каменному вѣку"...; вѣдь давно уже было высказано предположеніе, что „каменный вѣкъ на верховьяхъ Волги непосредственно смѣнился курганнымъ періодомъ, или что эти двѣ до-историческія эпохи во всякомъ случаѣ стояли здѣсь въ тѣсной связи", такъ какъ „повсемѣстно, гдѣ только встрѣчаются слѣды каменнаго вѣка, тамъ же попадаются и слѣды курганнаго періода" [4]); да и самъ авторъ мимоходомъ указываетъ на „слѣды производства

[1]) *И. Поляковъ*, op. cit. въ Зап. геогр. общ., этногр. отд., IX, 132. Сборникъ отд. рус. и слав. арх., т. V, стр. 134 и др., табл. IX и X. *Н. Макаренко*, Поѣздка по верхнему теченію рѣки Волги въ Извѣстіяхъ археол. ком., VI (1904 г.), стр. 84, 86. 97.

[2]) *И. Поляковъ*, op. cit. въ Зап. рус. геогр. общ., этногр. отд., IX. 134.

[3]) Результаты изысканій, произведенныхъ В. Н. Каменскимъ въ 1903—1904 гг. на мѣстѣ стоянки каменнаго вѣка близь г. Балахны, показываютъ, насколько число гончарныхъ издѣлій въ такихъ случаяхъ можетъ быть велико; описаніе ихъ см. въ статьѣ А. Спицына и В. Каменскаго объ этой стоянкѣ въ Зап. отд. русск. и слав. арх. т. VII, вып. 1 (1905 г.), стр. 6—16 и табл. I—XV.

[4]) *И. Поляковъ*, op. cit. въ Зап. геогр. общ., этногр. отд., IX, 130.

желѣзныхъ орудій“ въ тѣхъ же мѣстахъ и на сходство между типами каменныхъ и желѣзныхъ стрѣлъ (стр. 65—66).

Такимъ образомъ, съ методологической точки зрѣнія ни группировку матеріала, ни общую характеристику его, предлагаемыя г. Симсономъ, нельзя признать вполнѣ удачными.

Впрочемъ, г. Симсонъ попытался характеризовать эту культуру и особенностями техники. Слишкомъ мало выяснивъ, въ какой мѣрѣ свойство матеріала обусловливало характеръ техники (оббивку или шлифовку, ср. стр. 25), на что уже давно было указано даже въ русской литературѣ [1]), г. Симсонъ довольно внимательно отнесся къ первобытной техникѣ ржевскихъ орудій, представляющей, впрочемъ, мало новаго: онъ изучаетъ особенности экземпляровъ, свидѣтельствующихъ объ обработкѣ ихъ путемъ удара или нажима (стр. 36), всюду отмѣчаетъ ручки и упоры на орудіяхъ (стр. 27, 54—55 и др.), описываетъ пріемы прикрѣпленія (стр. 32 и др.), сверленія (стр. 53), пиленія (стр. 26, 27, 44) и т. п. „Изобрѣтеніе способа пилить камни“ авторъ признаетъ „великимъ шагомъ впередъ въ выдѣлкѣ каменныхъ орудій“ (стр. 27), но не останавливается на выясненіи того, какимъ образомъ люди могли пилить камень каменными пилами.

Вообще трудъ г. Симсона имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, поскольку авторъ даетъ въ немъ нѣкоторое общее представленіе объ орудіяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ имъ подъ гор. Ржевомъ: съ такой точки зрѣнія фактическія свѣдѣнія, сообщаемыя г. Симсономъ, описаніе 350 предметовъ и таблицы фототипій, приложенныя къ его труду, конечно, имѣютъ свою цѣну. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что не всегда легко выдѣлить изъ массы осколковъ, „утаптываемыхъ людьми и животными“, тѣ экземпляры, которые можно причислить къ искусственнымъ подѣлкамъ изъ камня и что г. Симсонъ ограничилъ свой каталогъ только частью собраннаго имъ матеріала; для того, чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ выборъ изъ него основныхъ типовъ сдѣланъ удачно, надобно было бы, конечно, имѣть и полное представленіе о коллекціи г. Симсона. Въ числѣ описанныхъ имъ предметовъ нѣкоторые заслуживаютъ вниманія; таковы, напримѣръ, наконечникъ стрѣлы съ зазубринами (стр. 50), „рогатина“ (стр.

---

[1]) *П. Головкинскій*, Древніе остатки человѣка въ Казанской губ. въ Тр. I съѣзда рус. естествоиспытателей въ С.-Пб. 1868 г.; отдѣлъ минералогіи и геологіи, стр. 34. По словамъ г. Симсона, ему удалось найти очень мало орудій мелкой оббивки, „всего только 3 экземпляра“ (стр. 4 и 13); авторъ различаетъ лишь „естественную“ подготовку отъ искусственной (стр. 26).

45—47), „багоръ“ (стр. 51) и др. Впрочемъ, та категоричность, съ которою авторъ опредѣляетъ назначеніе орудій едва ли всегда оправдывается фактами [1]); такъ, напримѣръ, описывая одинъ изъ скребковъ своего собранія, онъ заявляетъ, что этотъ экземпляръ, по его мнѣнію, не скребокъ, а „инструментъ для разглаживанія швовъ при шитьѣ одежды“ (стр. 56 и 57). Опредѣленія художественнаго значенія нѣкоторыхъ ржевскихъ издѣлій, предлагаемая г. Симсономъ, также едва ли могутъ всегда внушать довѣріе. За послѣднее время формы нѣкоторыхъ подѣлокъ изъ камня дѣйствительно обратили на себя вниманіе изслѣдователей: при внимательномъ изученіи такихъ формъ иногда можно предполагать, что уже первобытный человѣкъ пытался придать нѣкоторымъ кремнямъ видъ животныхъ, напримѣръ, оленя, птицы и т. п. [2]); въ такихъ случаяхъ, однако, легко потерять контроль надъ собственной фантазіей и въ „ludus naturae“ усмотрѣть произведеніе искусства, а затѣмъ и прійти къ заключеніямъ, слишкомъ мало подтверждаемымъ фактами. Возможно, конечно, что нѣкоторыя изъ наблюденій г. Симсона правильны: онъ указываетъ, напримѣръ, на одинъ „природный кремень, подходящій по своей формѣ и слегка приспособленный для приданія ему формы оленьей головы“, причемъ даже называетъ ее „типичной, вѣрной природѣ“ (стр. 63, 136; табл. VIII, № 1); въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, г. Симсонъ усматриваетъ въ „боевомъ топорѣ молотѣ“ на табл. II, № 3—„орлиную голову“, или въ „багрѣ“ на табл. VIII, № 3—„медвѣжью голову и переднюю лапу“, или въ кускѣ кремнистаго песчаника на табл. VIII,

---

[1]) Г. Макаренко, посѣтившій въ 1903 году тѣ мѣста, на которыхъ г. Симсонъ собиралъ свои орудія, вынесъ впечатлѣніе, что опредѣленія ихъ могутъ вызывать сомнѣнія; на протяженіи пути до гор. Твери г. Макаренко „насчиталъ десятки мѣстъ съ обильнымъ нахожденіемъ осколковъ, подобныхъ тѣмъ, которые обратили на себя вниманіе г. Симсона“, но нигдѣ не нашелъ „на этихъ мѣстахъ такихъ осколковъ, которые носили бы на себѣ явные слѣды искусственной обработки“ (*Н. Макаренко*, Поѣздка 1903 года по верхнему теченію р. Волги въ Изв. археол. ком., вып. 6, стр. 79 и 80.

[2]) *E. Harroy*, L'art préhistorique въ Rev. Scient. 1902 Juillet 12 и 1903 Févr. 28. Авторъ, пересмотрѣвшій, по его словамъ, до 100.000 кремней четвертичной системы (du quartenaire moyen et supérieur), указываетъ на четыре типа, по его мнѣнію, часто встрѣчающіеся на кремняхъ того времени: типъ человѣка, собаки, оленя (cervidae) и птицы; объ остальныхъ типахъ, рѣдко попадающихся см. Juillet, p. 39, 43; едва ли, однако, всѣ выводы автора, очень, а можетъ быть и слишкомъ увлекшагося своимъ открытіемъ, прочно обоснованы; между прочимъ онъ указываетъ и на пріемы изученія художественныхъ особенностей первобытныхъ кремней, легко ускользающихъ отъ вниманія изслѣдователя (Juillet, p. 39, Fevr., pp. 271—272).

№ 2—голову старца безъ глазъ, „съ раскрытымъ ртомъ и тихой грустной улыбкой на устахъ", заключенія автора требовали бы провѣрки.

Итакъ, описаніемъ г. Симсона нельзя пользоваться безъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Къ сожалѣнію, однако, выводы его далеко не всегда можно контролировать таблицами фототипій, приложенныхъ къ книгѣ: рисунки, напримѣръ, иллюстрирующіе только что приведенныя толкованія г. Симсона, даютъ слишкомъ мало для провѣрки его заключеній.

А. Лаппо-Данилевскій.

М. К. Лемке. Чаадаевъ и Надеждинъ (*Міръ Божій*, 1905, №№ 9—12).

Недавно появившійся трудъ г. Лемке привлекаетъ вниманіе изслѣдователя русской литературы. Въ немъ впервые помѣщены извлеченные изъ архива III отдѣленія любопытные документы, касающіеся знаменитой Чаадаевской исторіи. Здѣсь напечатана большая часть бумагъ изъ обширнаго дѣла „о запрещеніи журнала *Телескопъ*, объ издателѣ онаго Надеждинѣ, о литераторахъ Чаадаевѣ и Бѣлинскомъ и о цензорѣ Болдыревѣ". Въ дѣлѣ оказались многія отношенія и письма Бенкендорфа, Уварова, донесенія разныхъ представителей полицейской власти, письменные отвѣты Надеждина и Чаадаева на предложенные имъ въ III отдѣленіи вопросы и, наконецъ, всеподданнѣйшій докладъ особой составленной по этому поводу комиссіи, „повергнувшей" свои „предположенія" на „благоуваженіе" императора Николая Павловича.

Не менѣе, чѣмъ упомянутые документы, любопытны пространныя разсужденія самого г. Лемке, взявшаго на себя роль нелицепріятнаго судьи двухъ выдающихся писателей, имена которыхъ поставлены въ заглавіи его труда.

По его глубокому убѣжденію, „предшественники его по темѣ работы вносили въ нее" много „легендъ" и „басенъ". Чернышевскій „раздулъ значеніе Надеждина"; Пыпинъ высказывалъ о послѣднемъ такія мысли, что самъ принужденъ былъ „оговариваться", и „подивился бы", прочитавъ изслѣдованіе г. Лемке, которое, конечно, побудило бы его въ корнѣ измѣнить прежнія воззрѣнія; Кирпичниковъ „очень любилъ" „всевозможныя догадки" и не желалъ „оставаться на почвѣ фактовъ"; историкъ Щебальскій, обнаружившій лишь „способности къ оклеветанію", въ своихъ изслѣдованіяхъ занимался „передержками" и „свистопляской"; С. А. Венгеровъ иногда „ломился въ открытую дверь", иногда

дѣлалъ „массу ошибокъ"; С. С. Трубачевъ не написалъ ни одной „своей строки", а „чужое компилировалъ такъ, какъ только онъ умѣетъ это дѣлать"; В. В. Каллашъ неправильно назвалъ Надеждина „поборникомъ народности"...

Мнѣнія упомянутыхъ критиковъ, конечно, должны быть забракованы, а въ замѣнъ ихъ г. Лемке рѣшаетъ на обломкахъ стараго строить новое зданіе, вѣщать міру истину и въ яркихъ краскахъ изобразить интересный моментъ изъ исторіи русской общественной жизни, а попутно дать не менѣе яркія характеристики многихъ ученыхъ и литераторовъ. Бойкость авторскаго пера находитъ себѣ блестящее примѣненіе и „переноситъ" читателя „въ русскую атмосферу конца 1830-хъ годовъ"; каждому дѣятелю этой эпохи подысканъ эпитетъ, указывающій отличительныя свойства его ума и характера. Передъ нами „аптекарски уравновѣшенный" Гончаровъ; „въ Христѣ-Бозѣ нашемъ жандармствовавшій" Н. М. Языковъ; „прославившійся гнуснымъ доносомъ" Каченовскій; „лизоблюдствовавшій въ Петербургѣ", склонный къ „трогательному амикошонству" съ Надеждинымъ Погодинъ; „московскій скверноустъ" Шевыревъ; „гнусный пасквилянтъ" В. В. Григорьевъ; якшавшійся съ жандармами Краевскій и разные другіе „толстокожіе патріоты".

Но не этими „господами" особенно интересуется г. Лемке; его цѣль—„ознакомить русскую интеллигенцію" съ Чаадаевымъ и Надеждинымъ, „десницей и шуйцей русскаго общества временъ желѣзныхъ Николая". Вѣроятно, „во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія", какъ выражался покойный Карамзинъ, а, можетъ быть, и для поддержанія „рѣзкаго сопоставленія контрастовъ", г. Лемке возвышаетъ Чаадаева и принижаетъ Надеждина. Пріемъ, котораго авторъ придерживается, чтобы указать недостатки Надеждина,—замѣчательно простъ и заключается въ замалчиваніи о достоинствахъ и въ старательномъ подборѣ тѣхъ фактовъ, которые, при своеобразномъ освѣщеніи, могутъ показаться неприглядными. Г. Лемке „считаетъ не особенно важнымъ" говорить о „научно-литературномъ" значеніи *Телескопа* и „просто предпочитаетъ молчать" о „дѣятельности Надеждина" на „поприщѣ этнографо-географическомъ"; для критика гораздо „важнѣе" въ точности перечислить всѣ награды, полученныя Надеждинымъ во время его государственной службы (производство въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, награжденіе орденомъ св. Владиміра и т. д.), въ чемъ усматривается искательство передъ начальствомъ расчетливаго карьериста. Каждый поступокъ Надеждина поставленъ ему въ вину.

Напишетъ онъ рѣзкую критику на Полевого или Сенковскаго, — она оказывается подслуживаньемъ Каченовскому или прямо „доносомъ“ и „призывомъ въ участокъ“; „ссудитъ“ онъ Пушкина „деньгами“— въ этомъ обнаруживается злостное намѣреніе „обезоружить вѣчно нуждавшагося поэта“; его желаніе узнать мнѣніе Жуковскаго о *Телескопѣ* объясняется стремленіемъ сперва ознакомиться со взглядами человѣка, стоявшаго близко ко двору, и затѣмъ „ублажить“ его; доносы же Булгарина на Надеждина даютъ поводъ къ заключенію, что „принципіальной вражды между ними не было“ и что „по духу они были даже сродни“. *Телескопъ*, характеризованный двумя-тремя выдержками [1]) изъ политическихъ статей *Молвы*, испытывавшей на себѣ гнетъ тогдашней цензуры, оказался изданіемъ вполнѣ благонамѣреннымъ, и г. Лемке самъ немного недоумѣваетъ, почему *такъ „очерченный“ Телескопъ* власти находили „всегда дурнымъ“, а издателя — „расположеннымъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма“. Впрочемъ, нашъ почтенный критикъ ловко разрѣшаетъ это „странное противорѣчіе“ фразой: „съ Уваровымъ все понятно“. Въ позднѣйшей дѣятельности Надеждина отмѣчается не только крайній консерватизмъ, но и полное отсутствіе нравственныхъ принциповъ. „Взгляды его на расколъ хорошо иллюстрируются его ученикомъ и достойнымъ преемникомъ по этой части—П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ“, „рекомендовавшимъ наказывать „упорствующихъ“ (раскольницъ) отобраньемъ дѣтей“. Такъ пишетъ г. Лемке, тщательно изучившій примѣчанія С. А. Венгерова къ сочиненіямъ Бѣлинскаго (т. I, стр. 408) и не потрудившійся заглянуть въ труды Н. И. Субботина, убѣдительно доказавшаго несправедливость взводимыхъ на Надеждина обвиненій (*Русскій Вѣстникъ*, 1872, мартъ). Далѣе мы узнаемъ, что въ научномъ отношеніи заслуги Надеждина невелики: его надо „оцѣнивать *по истинной очень небольшой стоимости*“, хотя, впрочемъ, нельзя категорически утверждать, что у него „не было *ни одной положительно полезной мысли*.“

Не такой человѣкъ—Чаадаевъ, „одинъ изъ послѣднихъ русскихъ энциклопедистовъ.“ Въ области всеобщей исторіи и богословія онъ „гораздо выше очень многихъ спеціалистовъ“, а „во всѣхъ другихъ областяхъ имѣетъ весьма солидныя свѣдѣнія“. Нравственныя его качества *должны* находиться въ гармоничномъ согласіи съ умственными

[1]) Выдержки изъ *Молвы*, приведенныя г. Лемке со ссылкою на первоисточники, можно найти въ примѣчаніяхъ С. А. Венгерова къ полному собранію сочиненій В. Г. Бѣлинскаго (С.-Пб. 1901, т. I, стр. 427—428; 448).

способностями и образованностью. Правда, его „самолюбіе“, „причина честолюбія и тщеславія“, „огромно“,—но не онъ виноватъ въ этомъ, „виноваты окружающіе“; правда, онъ отправляетъ письма къ шефу жандармовъ, въ которыхъ заявляетъ, что, считая „высшимъ судьей всѣхъ способностей“ русскихъ людей императора Николая, онъ чрезвычайно дорожитъ и „драгоцѣннымъ мнѣніемъ“ Бенкендорфа, и выражаетъ полную готовность „смиренно повиноваться“ „всякому его рѣшенію“,— но зачѣмъ „строго судить Чаадаева за тонъ“ писемъ: послѣдній „былъ обусловленъ прямою, повидимому, необходимостью вступить на службу“ или „коэфиціентомъ того времени“, который „нельзя забывать“. Чаадаевъ можетъ льстиво восхвалять „широкій размахъ, дѣлаемый правительствомъ“; онъ можетъ проявлять „трусость и малодушіе“ во время допроса въ III отдѣленіи и называть „Философическія письма“ „сумасбродными, скверными“; онъ можетъ „не удержаться на пути правды“, „устранять себя отъ отвѣтственности за самое участіе въ широкомъ, печатномъ опубликованіи“ писемъ и взваливать вину на одного Надеждина; онъ можетъ, оберегая себя, въ офиціальномъ донесеніи московскому оберъ-полицеймейстеру утверждать, что его знакомая Е. Д. Панова [1]), которую „за взятку“ хотѣли „сгноить“ въ „желтомъ домѣ“, именно „въ сумасшествіи“ говорила о своихъ республиканскихъ чувствахъ и о своей молитвѣ за поляковъ, и выражать надежду, что „мудрое правительство не обратитъ вниманія на слова безумной женщины“, если она упомянетъ о немъ, Чаадаевѣ, какъ о своемъ единомышленникѣ; онъ можетъ, „боясь за свою шкуру“, въ письмѣ къ гр. А. Ѳ. Орлову заявлять, что Герценъ — „наглый бѣглецъ“, „искажающій истину“... Всѣ эти поступки извинительны, ибо при тогдашнихъ „порядкахъ личности было труднѣе выдержать себя до конца“. Эти „порядки“ случайно были забыты г. Лемке, когда онъ говорилъ о Надеждинѣ.

Совершая переоцѣнку литературныхъ цѣнностей и задаваясь цѣлью исправлять ошибки другихъ, г. Лемке самъ иногда впадаетъ въ заблужденія. Онъ утверждаетъ, что въ 1832 г. Надеждинъ ѣздилъ за границу, тогда какъ этой поѣздки совсѣмъ не было; онъ полагаетъ, что, чрезмѣрно превознося въ III отдѣленіи значеніе самодержавія, Надеждинъ „съ полною чистосердечностью“ „высказалъ свое политическое credo“, тогда какъ натянутость и искусственность его

[1]) По словамъ самого Чаадаева, „философическія письма, припечатанныя въ *Телескопѣ*, были писаны къ ней“.

объясненій, сдѣланныхъ съ цѣлью смягчить неизбѣжное наказаніе были очевидны даже для жандармскихъ генераловъ, усмотрѣвшихъ въ „отвѣтахъ“ „умышленно преувеличенный монархическій образъ мыслей“ и т. д.

Внѣшняя сторона труда г. Лемке—способъ изложенія не отличается особой связностью и послѣдовательностью: не кончивъ говорить объ одномъ, онъ перескакиваетъ къ другому, то забѣгаетъ впередъ, то возвращается назадъ (ср. разсказъ о знакомствѣ Пушкина съ Чаадаевымъ, о „цензурныхъ перипетіяхъ“ *Телескопа*). Стиль г. Лемке образный и выразительный: напримѣръ, Чаадаевъ то попадаетъ „въ *жилу умственной жизни* своего круга“, то „загоняется“ въ „*раковину*“ „собственныхъ *мыслей* и *чувствъ*“.

Мы должны признать, что трудъ г. Лемке вдвойнѣ интересенъ: онъ не только заключаетъ въ себѣ архивный матеріалъ, но еще даетъ отчетливое понятіе о чрезвычайно своеобразныхъ литературныхъ пріемахъ, которыми пользуются современные журнальные критики.

Н. Козминъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга двадцатая. С.-Пб 1906.

Содержаніе 20-й книги почтеннаго труда Н. П. Барсукова посвящено 1863 году. Въ противоположность другимъ книгамъ этой біографіи, содержаніе которыхъ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ и даже пестротой, настоящая книга по содержанію своему носитъ характеръ нѣкотораго единства, что̀, конечно, обусловливается характеромъ даннаго историческаго момента. Эту книгу съ полнымъ правомъ можно назвать исторіей польскаго возстанія 1863 года. Вѣрный своей привычкѣ широко пользоваться имѣющимся подъ рукой матеріаломъ для исторіи данной эпохи, не стѣсняясь тѣмъ, что матеріалъ этотъ имѣетъ весьма отдаленное отношеніе къ личности и біографіи Погодина, г. Барсуковъ чрезвычайно подробно разсказываетъ исторію возстанія, рисуетъ отношеніе къ нему русскихъ эмигрантовъ, французскаго правительства и другихъ западно-европейскихъ державъ, главнымъ образомъ Пруссіи, Австріи и Англіи. Мы находимъ здѣсь любопытныя подробности о роли въ возстаніи такъ называемаго Отеля Ламберъ или дома Чарторыжскихъ, этой дипломатизирующей части Польской эмиграціи (141 и сл. стр.). Отель Ламберъ старательно поддер-

живалъ въ польскомъ обществѣ вѣру въ помощь иностранныхъ державъ, но увѣренность эта, опиравшаяся на возбужденіе всей западной Европы противъ Россіи, естественно поколебалась, когда Бисмаркъ огласилъ заключенную между Россіей и Пруссіей конвенцію о совмѣстномъ подавленіи возстанія (стр. 81). Подробно разсказываетъ г. Барсуковъ и о неудачной попыткѣ Англіи и Франціи вмѣшаться въ польскія дѣла и столь же неудачной миссіи Меттерниха въ Вѣнѣ съ цѣлью заключенія союза между Франціей и Австріей для оказанія вооруженной помощи Царству Польскому, и приводитъ извѣстныя слова гр. Эстергази: „можно поднять войну, цѣль которой—пріобрѣтеніе края, но совершенно непонятна такая война, послѣдствіе которой—неминуемая потеря двухъ провинцій“ (стр. 100). На основаніи всеподданнѣйшаго отчета М. Н. Муравьева, а также записокъ его г. Барсуковъ даетъ живую картину того отчаяннаго положенія, въ которомъ находился весь Сѣв.-Западный край до назначенія Муравьева генералъ-губернаторомъ шести сѣв.-западныхъ губерній (стр. 43—47); когда передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Вильну, Муравьевъ представлялся Императрицѣ Маріи Александровнѣ, то она, благодаря его за рѣшимость и самоотверженіе, между прочимъ сказала: если бы мы могли удержать за собою хотя Литву!—а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи—вотъ въ какомъ расположеніи были тогда сами царственныя лица, прибавляетъ Муравьевъ (стр. 161). Наряду съ этимъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о польскомъ возстаніи въ юго-западныхъ губерніяхъ находимъ въ приводимыхъ г. Барсуковымъ выдержкахъ изъ напечатанной въ 1863 г. въ Кіевѣ профессорами университета св. Владиміра записки подъ заглавіемъ: „Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г.“. Записка эта имѣла цѣлью опровергнуть сообщенія большинства европейскихъ газетъ, представлявшихъ это возстаніе въ совершенно искаженномъ видѣ, и была подписана двадцатью семью профессорами (стр. 57—62).

Конечно, Погодинъ принималъ самое живое участіе во всемъ, что происходило вокругъ него: мы видимъ, что онъ то пишетъ статьи о польскомъ вопросѣ (стр. 128—131, 200—202), то обращается съ письмомъ къ Гарибальди по поводу неправильнаго, по мнѣнію Погодина, отношенія Гарибальди къ польскому мятежу (стр. 131—133), то принимаетъ участіе въ составленіи вѣрноподданническаго адреса Государю отъ московскаго дворянства (стр. 138—139), то выражаетъ горячее сочувствіе Каткову за его знаменитыя статьи по польскому вопросу (стр. 305—309), то осуждаетъ запрещеніе журнала братьевъ Достоев-

скихъ „Время", несмотря на свое несогласіе со статьей Страхова о польскомъ вопросѣ, носившей заглавіе „Роковой вопросъ" и вызвавшей запрещеніе журнала (стр. 322). Не остался Погодинъ чуждымъ и возгорѣвшейся между Катковымъ и Костомаровымъ полемикѣ по вопросу о пользѣ и необходимости изданія книгъ на малороссійскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ высказался по этому вопросу въ положительномъ смыслѣ; Костомаровъ, явился горячимъ поборникомъ мысли о пользѣ изданія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, Катковъ и Погодинъ были несогласны съ этимъ (стр. 325—348).

П. П.

В. С. Сопиковъ. **Опытъ россійской вивлиографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 8°. Часть I. 1904. LXXVI+102 стр. Съ 2 таблицами. Часть II. 1904. VIII+1 нен.+141 стр. Часть III. 1904. VI+1 нен.+267 стр. Часть IV. 1905. 5 нен.+343 стр. Часть V. 1906. 5 нен.+155 стр. Цѣна за 5 частей съ указателемъ 15 рублей.**

Одна изъ самыхъ интересныхъ эпохъ въ исторіи русской литературы—XVIII вѣкъ—имѣла весьма странную судьбу въ наукѣ: личность Петра I, въ значительной степени опредѣлившая послѣдующее направленіе нашей культуры, съ одной стороны вызывала восторженные панегирики, какъ офиціальные, такъ и искренніе, съ другой подвергалась крайнему уничиженію; только въ недавнее, сравнительно, время началось критическое изученіе эпохи перваго русскаго императора. Подобнымъ образомъ наша литература XVIII вѣка вызвала немало сужденій, какъ восторженныхъ, такъ и отрицательныхъ, между тѣмъ какъ основного пособія для критическихъ изысканій въ этой области мы и до сихъ поръ не имѣемъ—у насъ еще нѣтъ полнаго каталога напечатанныхъ въ XVIII столѣтіи русскихъ книгъ. Конечно, составленіе его сопряжено съ большими трудностями, но дружныя усилія нѣсколькихъ опытныхъ и усидчивыхъ библіографовъ могли бы преодолѣть ихъ. Пока этого не сдѣлано—а можно думать, что мы еще долго не будемъ имѣть подобнаго пособія—приходится для справокъ о книгахъ XVIII и начала XIX столѣтія пользоваться трудомъ Сопикова и „Росписью" Смирдина. Достоинства и недостатки „Опыта россійской библіографіи" слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы было нужно распространяться о нихъ; высокая цѣна, по которой

продается эта книга въ антикварныхъ книжныхъ магазинахъ, естественно возбуждала мысль о перепечаткѣ „Опыта". Переиздать трудъ Сопикова можно двояко—или дать точное воспроизведеніе его текста, или снабдить тѣ пункты, въ которыхъ почтенный библіографъ ошибся, поправками и дополнить „Опытъ" указаніями на пропущенныя въ немъ книги. Г. Рогожинъ избралъ именно послѣдній планъ, желая придать указаніямъ Сопикова *„болѣе точности, полноты и достовѣрности"* (Предисловіе, часть I, стр. IV); „Опытъ" перепечатанъ здѣсь *„почти безъ всякихъ измѣненій текста противъ перваго изданія.....; исключены только всѣ многочисленныя выписки, приведенныя Сопиковымъ изъ разныхъ книгъ...., и исправлены указанныя имъ опечатки; исключены также заглавія однѣхъ и тѣхъ же книгъ, повторявшіяся по два, а иногда и болѣе разъ подъ разными алфавитами"* (тамъ же). За удаленіе выписокъ можно только поблагодарить г. Рогожина, но исключеніе вторичныхъ упоминаній книгъ представляется намъ совершенно ненужнымъ; много ли мѣста сбережено благодаря такому уклоненію отъ оригинала? *„Не имѣя возможности"*, говоритъ г. Рогожинъ (тамъ же), *„провѣрить указанія Сопикова по печатнымъ подлинникамъ, для настоящаго изданія мы сличили его „Опытъ" со многими библіографическими пособіями и матеріалами"*; по указаніямъ, встрѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новаго изданія (см., напр., при №№ 2353, 2759, 3455, 3478), видно, что редактору его были доступны московскія библіотеки, а потому и сличенія показаній Сопикова съ самыми книгами, изрѣдка попадающіяся (см., напр., при №№ 2522, 2605, 3833) у г. Рогожина, могли бы быть произведены въ большемъ количествѣ случаевъ. Дополненія къ показаніямъ Сопикова по инымъ библіографическимъ пособіямъ были уже отчасти обнародованы г. Рогожинымъ въ его „Указателѣ къ „Опыту россійской библіографіи" В. С. Сопикова (Къ книгамъ гражданской печати)" („Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ", 1899, книга IV, и отдѣльно), а потому въ разбираемой книгѣ являются въ печати не впервые. Немало матеріала было доставлено извѣстными каталогами библіотекъ Смирдина и Плавильщикова; изъ нихъ г. Рогожинъ внесъ въ „Опытъ" заглавія книгъ XVIII вѣка, пропущенныхъ Сопиковымъ; они, какъ и всѣ прибавки и поправки редактора, набраны особымъ шрифтомъ и сверхъ того снабжены буквами С. или П.; нумерація Сопикова при этомъ не нарушена.

Первая часть „Опыта россійской библіографіи"—списокъ книгъ

церковной печати—давно потеряла свое значеніе, благодаря позднѣйшимъ трудамъ въ этой области; ее г. Рогожинъ перепечаталъ *„безъ всякихъ исправленій и дополненій“*, но, исключая приводившіяся Сопиковымъ выписки, оставилъ *„нѣкоторыя послѣсловія и предисловія старопечатныхъ книгъ“*, прибавилъ *„нѣкоторыя незначительныя примѣчанія“* и исправилъ *„указанныя самимъ Сопиковымъ опечатки въ текстѣ и обнаруженныя опечатки и ошибки въ придисловіи и указатель“* (Предисловіе, стр. VI). Сочувствуя, какъ выше было сказано, исключенію приводившихся Сопиковымъ выписокъ, мы не можемъ не пожалѣть, что, перепечатавъ послѣсловіе къ Львовскому Апостолу 1573 г., г. Рогожинъ не восполнилъ находящагося здѣсь пропуска: „Здѣсь въ экземплярѣ, съ коего это списано, къ сожалѣнію, не достаетъ цѣлаго листа; полнаго же я ни гдѣ найти не могъ“, говоритъ Сопиковъ (часть I, въ первомъ изданіи стр. LXIII*, во второмъ XXXIV*). Это послѣсловіе цѣликомъ перепечатано у *И. Каратаева* (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ первый, С.-Пб., 1883, стр. 182—186), указавшаго (ibid., 186—187) и всю литературу объ этомъ изданіи Апостола.

Внѣшность книги г. Рогожина можетъ назваться безупречной; прекрасные четкіе шрифты не оставляютъ желать ничего лучшаго, а по своей компактности новое изданіе „Опыта“, напечатанное въ два столбца, гораздо удобнѣе для пользованія, нежели первое. Заглавные листы и нѣкоторыя иныя страницы editionis principis воспроизведены въ перепечаткѣ.

Къ сожалѣнію, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ трудъ г. Рогожина отнюдь не можетъ быть причисленъ къ безукоризненнымъ.

Если редакторъ разбираемаго изданія имѣлъ въ виду дать не простую перепечатку „Опыта“, а снабженную оговорками въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщенія Сопикова оказываются неудовлетворительными, то необходимо было обратить вниманіе на незаконность внесенія многихъ книгъ въ „Опытъ *россійской* библіографіи“: Сопиковъ не съумѣлъ должнымъ образомъ отграничить *русскую* библіографію отъ *славянской*; внося въ свой трудъ книги, печатанныя церковнымъ шрифтомъ, который въ просторѣчіи называется *славянскимъ*, авторъ „Опыта“ примѣшиваетъ къ нимъ и книги *на славянскихъ языкахъ*. Особенно много зарегистрировано у него „славяносербскихъ“ изданій (ср., напр., въ I-й части №№ 187 и 189—191—славяносербскіе буквари, № 195—„Велисарій“, № 401—„Идея“ въ переводѣ Г. Терлаича, и др.); но съ этимъ еще можно было бы помириться, такъ какъ

„славяносербскій“ языкъ былъ сильно пропитанъ русскими элементами и сербская литература XVIII и начала XIX вѣковъ можетъ считаться какъ бы отраслью русской; за то внесеніе въ „Опытъ“ книгъ на иныхъ славянскихъ языкахъ не можетъ быть оправдано ни съ какой точки зрѣнія [1]); сверхъ того, Сопиковъ даетъ заглавія ихъ въ русскомъ переводѣ, чѣмъ вводитъ читателя въ заблужденіе; напр., подъ № 1424 въ I-ой части, т. е. среди печатанныхъ церковнымъ шрифтомъ, находимъ слѣдующую книгу, которая, судя по поставленному при ея заглавіи крестику, должна представлять собою „Сочиненіе Россійское“ (ср. томъ I[a], стр. XIX): „Сокровище Славенскаго языка, или Словарь языковъ: Славенскаго, Латинскаго и Дакійскаго; сочиненіе Iезуита Якова Микалія; Лоретта, 1649—въ 8°“.

На самомъ дѣлѣ эта книга къ русской библіографіи никакого отношенія не имѣетъ, напечатана латинкой и носитъ заглавіе:

Blago jezika slovinskoga illi slovnik ù Komu izgovarajuse rjeci slovinske Latinski, i Diacki. Thesaurus linguae illyricae sive dictionarium illyricum. In quo verba Illyrica Italicè, & Latinè redduntur. Labore P. Jacobi Micalia societ. Jesu collectum..... Laureti..... 1649 (на предпослѣдней, 863-й страницѣ: In Ancona, ... 1651).

Подъ № 1680 въ той же части „Опыта“ находимъ—опять съ крестикомъ!—такое заглавіе:

„Этимологія Славенскихъ словъ; сочиненіе Г. Бернолака; Тирнай, 1791—въ 8°“.

Если при печатаніи *этого* тома г. Рогожинъ не считалъ нужнымъ дѣлать исправленія, то онъ обязанъ былъ обратить вниманіе на указанную Сопиковымъ въ V части, подъ № 12752, книгу: „† Этимологія Славянскихъ реченій соч. г. *Бернолака*; *Тирнай*; 1791—въ 8°“.

„Эта книга, вѣроятно, напечатана Нѣмецкими буквами, но невидавъ оной, не утверждаю“.

Г. Рогожинъ долженъ былъ здѣсь помочь добросовѣстному библіографу и сообщить, что цитируемая имъ книга на самомъ дѣлѣ вышла на латинскомъ языкѣ въ Трнавѣ (Etymologia vocum slavicarum, sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem, ab Antonio Bernolák concinnata. Tyrnaviae, 1791) и касается этимо-

---

[1]) Самъ Сопиковъ объяснялъ причину внесенія подобныхъ книгъ въ „Опытъ“ довольно наивно: „Сіи изданія Библіи“, говоритъ онъ о *чешскихъ* переводахъ Священнаго Писанія въ сноскѣ къ № 134, „помѣтилъ я здѣсь потому, что Богемскій языкъ есть весьма близкая отрасль языка Славенскаго“.

логіи *словацкихъ*, а не *церковнославянскихъ* словъ. Подобныхъ указаній у Сопикова много; напр., какое отношеніе къ русской библіографіи имѣетъ книга: Franz Johann Tomsas, Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache. Mit einer Vorrede begleitet von..... Joseph Dobrowsky..... Prag,.... 1791? Между тѣмъ Сопиковъ помѣстилъ заглавіе ея въ „Опытѣ" въ такомъ видѣ (№ 10391, съ крестикомъ!):

„Словарь (полный) Богемо-Нѣмецко-Латинскій; соч. Франца Іоан. *Томзиса*, съ предисловіемъ Іосифа *Добровскаго*; Прага, 1791—въ 8°"— а г. Рогожинъ перепечаталъ это безъ оговорки, да еще внесъ небывалаго писателя *Томзиса* въ свой „Указатель" 1900 г. (стр. 174)! Слѣдовательно, русскій библіографъ начала XX вѣка въ пониманіи вопросовъ славянской библіографіи ушелъ не дальше книгопродавца конца XVIII—начала XIX столѣтія. Въ одномъ случаѣ г. Рогожинъ вздумалъ поправить Сопикова, не знавшаго, гдѣ находится „Тереговище" (часть I², стр. XXXIX*); „это", замѣчаетъ редакторъ новаго изданія, „одинъ изъ городовъ Валахіи, который нынѣ называется *Тирговиштье* (у Бюшинга Tirgowischt)"—очевидно, что у Кёппена („Библіографическіе Листы", 1826, № 3, стр. 36), у котораго заимствовано это свѣдѣніе, вкралась опечатка, а г. Рогожинъ не съумѣлъ исправить ее! Цитируемая здѣсь рецензія Кёппена на V-ю часть „Опыта" служила г. Рогожину и въ иныхъ случаяхъ единственнымъ пособіемъ для поправокъ къ свѣдѣніямъ Сопикова о славянскихъ книгахъ; см., напр., подъ №№ 1714, 12897 [1]), 12957, 13114....... Городъ „Млетцимъ", упоминаемый у Сопикова подъ № 12858, не вызвалъ никакихъ поправокъ со стороны г. Рогожина........

Если сличеніе заглавій книгъ, описанныхъ въ „Опытѣ", съ подлинными экземплярами оказалось невозможнымъ, то редакторъ разбираемаго изданія былъ обязанъ привлечь къ разсмотрѣнію показаній Сопикова *всѣ* существующія у насъ библіографическія пособія. Между тѣмъ, этого имъ не было сдѣлано; ссылаясь въ V части книги на статьи, появившіяся въ *1905* году (см. подъ № 12373), г. Рогожинъ не упоминаетъ о такихъ пособіяхъ, какъ:

„Описаніе старинныхъ книгъ Публичной Самарской Александровской Библіотеки (*1745—1825 г.*). Составлено П. Н. Столпянскимъ. Самара. 1901".

---

[1]) Въ этомъ случаѣ можно было бы заглянуть и въ цитированную книгу *Каратаева*, указывающаго (стр. 163) число листовъ „Евангелія учительнаго" точнѣе, нежели Сопиковъ.

„Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ. Составилъ Александръ Бурцевъ. Часть I—[V]". С.-Пб. 1897 (о другой книгѣ того же автора: «Русскія книжныя рѣдкости. Библіографическій списокъ рѣдкихъ книгъ». С.-Пб. 1895—можно, въ виду ея безграмотности во всѣхъ отношеніяхъ, и не упоминать).

„*В. В. Сиповскій*. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I: XVIII вѣкъ". С.-Пб. 1903.

„С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I. (XIII в.—1825 г.)". С.-Пб. 1904 [1]).

Трудъ г. Столпянскаго даетъ чрезвычайно обстоятельное описаніе книгъ, значащихся у Сопикова нерѣдко подъ сокращенными заглавіями или описанныхъ неточно; напримѣръ подъ № 4 г. Столпянскій даетъ подробное заглавіе книги („Указы... Императрицы Екатерины Алексѣевны... состоявшіеся въ 1765 году"), кратко упомянутой въ „Опытѣ" подъ № 12101 съ датой: С.-Пб. 1779 (въ каталогѣ Плавильщикова: „М. 1776 и 1778")—между тѣмъ изъ тщательнаго описанія г. Столпянскаго мы узнаемъ, что эта книга вышла съ указаніемъ только *мѣста* печати: „Москва, въ Сенатской типографіи", но безъ обозначенія года. Приведемъ еще примѣръ того, какъ обстоятельнымъ описаніемъ г. Столпянскаго можно исправлять показанія Сопикова: въ „Опытѣ" подъ № 2240 среди „*Географическихъ сочиненій Г. Бишинга*" находимъ:

„Описаніе Королевства Англинскаго, или Великобританскаго и Ирландіи; перевелъ съ Нѣмецкаго Григорій Брайко; Спб. 1772—въ 8°. 50 коп." Та же книга описана у г. Столпянскаго (№ 13) слѣдующимъ образомъ:

„Королевство |Аглинское| или |Великобританія| и |Ирландія| изъ |Бишинговой географіи| перевелъ |Григорій Брайко|. Цѣна 60 коп. |(Виньетка—арабески и вѣтка розъ)|. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1772 годъ".

Пятитомная книга г. Бурцева—каковы бы ни были ея недостатки—полезна тѣмъ, что даетъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми рѣдкими изданіями по крайней мѣрѣ по находящейся здѣсь перепечаткѣ

---

[1]) Этой книгой г. Рогожинъ конечно не могъ воспользоваться для II и III частей „Опыта", но соотвѣтственныя поправки могли бы быть внесены въ „Дополненія къ примѣчаніямъ" второго (стр. 133—141) и третьяго (стр. 261—267) томовъ, появившіяся при V части.

ихъ; объ этомъ г. Рогожинъ былъ обязанъ упомянуть въ своихъ примѣчаніяхъ къ показаніямъ Сопикова; въ „Описаніи" находимъ воспроизведеніе текста слѣдующихъ занесенныхъ въ „Опытъ" книгъ:

„Опытъ":	„Описаніе":
№ 1993	I, 33—46.
№ 11867	I, 111—175.
№ 3103	I, 295—314.
№ 5364	I, 371—488.
№ 4399	I, 491—496.
№ 11048	II, 25—52.
№ 3507	II, 57—100.
№ 4014	II, 119—152.
№ 4083	II, 161—233.
№ 8721	II, 293—333.
№ 6312	III, 63—79.
№ 7540	III, 321—334.
№ 7702	III, 387—425.
№ 7700	III, 429—455.
№ 13020	III, 457—463.
№ 13048	IV, 29—36.
№ 5818	IV, 85—106.
№ 9852	IV, 285—295.
№ 10286	IV, 417—467.
№ 11679	V, 132—138.
№ 9142	V, 179—198.

Насколько полезны были бы г. Рогожину справки съ названнымъ выше трудомъ г. Сиповскаго, можно судить уже по тому, что въ книгѣ „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти" приведены библіографическія данныя, основанныя на непосредственномъ знакомствѣ съ подлинными экземплярами перечисляемыхъ книгъ, находящимися въ такихъ богатыхъ библіотекахъ, какъ Императорская Публичная и Императорской Академіи Наукъ. Приведемъ два-три примѣра того, какъ разрѣшаются этимъ пособіемъ недоумѣнія г. Рогожина. Подъ № 1772 Сопиковъ сообщаетъ, что „Адолейда, Африканская повѣсть" (1761 г.) напечатана въ 8°, тогда какъ по „Росписи" Смирдина форматъ этой книги—12°; г. Сиповскій, приводя сигнатуру ея по каталогамъ обѣихъ вышеназванныхъ библіотекъ, подтверждаетъ показаніе Сопикова. Относительно переведеннаго Ѳ. Эминымъ „Любовнаго вер-

тограда“ Сопиковъ говоритъ (№№ 2435—2436), что первое изданіе вышло in 8°, второе in 12°, между тѣмъ какъ „Роспись“ Смирдина даетъ обратныя показанія; г. Сиповскій по подлиннымъ экземплярамъ рѣшаетъ (№№ 103 и 472) дѣло въ пользу „Опыта“ и указываетъ (№ 1579) третье изданіе (1794 г.), неизвѣстное ни Сопикову, ни г. Рогожину. Подобныя дополненія могли бы быть почерпнуты изъ книги г. Сиповскаго и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, „Подлинное описаніе жизни..... Картуша“, переведенное М. Неѣловымъ, по Сопикову (№ 7684) было напечатано въ 1777 году—между тѣмъ г. Сиповскій указываетъ, кромѣ этого (№ 337) изданія, и болѣе раннее—1771 г. (№ 262). Губерти въ своихъ „Матеріалахъ“ описалъ (I, 293—294) именно это изданіе, а г. Рогожинъ помѣщаетъ ссылку на соотвѣтственный № „Матеріаловъ“ при упоминаніи изданія 1777 г.! Иногда книга „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти“ исправляетъ и сообщенія Сопикова, и соображенія г. Рогожина; напр., „Повѣсть забавная о двухъ Туркахъ“ была напечатана по Сопикову (№№ 8382—8385) впервые въ 1764 г., вторично въ 1781, въ третій разъ въ 1791, а четвертое изданіе ея было въ 1799 г. Рогожинъ замѣчаетъ, что третье изданіе было не въ 1791, а въ 1794 году; между тѣмъ г. Сиповскій сообщаетъ болѣе полный и точный списокъ: 1-е изданіе въ 1764 г. (№ 143), 2-е въ 1781 (№ 543), 3-е въ 1791 № 1263), 4-е въ 1793 (№ 1476), 5-е въ 1794 (№ 1606) и 6-е въ 1799 г. (№ 1968; впрочемъ, №№ 1263 и 1968 извѣстны г. Сиповскому только по указаніямъ Сопикова).

Цитированный выше трудъ г. Булича содержитъ въ себѣ весьма обстоятельное описаніе многихъ русскихъ книгъ филологическаго содержанія и потому г. Рогожинъ былъ обязанъ воспользоваться данными, сообщаемыми здѣсь въ большинствѣ случаевъ по подлиннымъ экземплярамъ. Напримѣръ въ „Опытѣ“ подъ № 10448 помѣщено такое заглавіе:

„Словарь Французской Академіи, съ прибавленіемъ Россійскаго языка, буква А, перев. обществомъ ученыхъ людей; Спб. 1769—въ л.“

Въ „Очеркѣ исторіи языкознанія въ Россіи“ эта книга описана (стр. 351) слѣдующимъ образомъ:

„Словарь Французскою Академіею сочиненный и четвертымъ тисненіемъ изданный въ Парижѣ 1762 года, а въ Санктпетербургѣ напечатанный съ прибавленіемъ Россійскаго языка въ 1773 году. Цѣна 1 р. 25 к. Буква А. In folio, XII + 227 стр... Болѣе не выходило“.

Подъ № 2890 С. г. Рогожинъ приводитъ взятое изъ „Росписи" Смирдина заглавіе анонимной греческой грамматики 1788 г.—изъ труда г. Булича (стр. 353—354) редакторъ новаго изданія „Опыта" могъ бы узнать, что этотъ учебникъ составленъ Семеномъ Протасовымъ, и т. д.

Но, можетъ быть, г. Рогожинъ, не успѣвъ ознакомиться съ только что указанными пособіями, какъ появившимися весьма недавно, исчерпывающимъ образомъ использовалъ всѣ прежнія? Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Незамѣтно, чтобы редакторъ „Опыта" былъ близко знакомъ съ классическимъ трудомъ Бакмейстера, который могъ бы дать немало цѣнныхъ дополненій къ свѣдѣніямъ Сопикова; напримѣръ, о первомъ изданіи (1786 г.) книги С. Плещеева „Обозрѣніе Россійской Имперіи" („Опытъ", № 6953) въ „Russische Bibliothek" (X, 507) сообщается: Von dieser **ersten** Auflage des Buchs sollen nur ungefähr fünfzig Exemplare gedruckt seyn, die dann auch nicht zum Verkauf bestimmt waren; между тѣмъ г. Рогожинъ не упоминаетъ объ этомъ извѣстіи, хотя во многихъ другихъ случаяхъ проявляетъ большую щедрость на замѣчанія о рѣдкости той или другой книги; этимъ онъ оказываетъ услугу, конечно, не изслѣдователямъ, а антикварамъ. Насколько описаніе книгъ у Бакмейстера подробнѣе и точнѣе, нежели у Сопикова, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра: въ „Опытѣ" подъ № 7820 находимъ такое заглавіе:

„Опытъ естественной исторіи, заключающій 1-ю часть оной, то есть, ориктологію; соч. Князя *А. Урусова*; М. 1780—въ 8°."

Та же книга описана у Бакмейстера (VI, 484) слѣдующимъ образомъ:

„Op'ŷt' estestwennoj istorii, zakljutschajuschtschij *perwuju tschastj* onoj, to estj, Oriktologhiju, soderzchaschtschuju w'sebje opisanie wsjakich' zemelj, melow', ghlin', peskow', kamnej, solej, ser', smol', polumetallow', metallow' i protschagho; sotschineno K. *A. U.* W' Moskwje, w'-Uniwersitetskoj Tipoghrafii u N. Nowikowa, 1780 ghoda".

Der Verfasser dieses Buches ist der Herr Obriste Fürst **Aleksandr' Aleksandrowitschj Urusow'** сообщаетъ на той же страницѣ Бакмейстеръ.

Постоянно обращаясь за справками къ извѣстному каталогу библіотеки Смирдина, составленному В. Г. Анастасевичемъ, г. Рогожинъ, повидимому, не использовалъ приложенной къ этой книгѣ (стр. I—LXXVIII третьяго счета) „Азбучной росписи, именъ сочинителей и пе-

реводчиковъ"; такъ, относительно книги Фабера „Бичъ Франціи" въ переводѣ Г. Я. г. Рогожинъ замѣчаетъ („Опытъ", № 2234):

„У Сопикова и Смирдина (№ 2244) — перевелъ съ Франц. Г. Я.; въ Русск. Книгахъ (т. 2, № 6268) — „съ предисловіемъ Я..." Вѣроятно у Сопикова подъ буквой Г. надо подразумѣвать сокращеніе— Господинъ, что часто встрѣчается въ „Опытѣ" Сопикова. Заглавіе въ Русск. Книгахъ списано съ подлинника"—между тѣмъ въ „Азбучной росписи" Смирдина № 2244 помѣщенъ при фамиліи Яценкова (Григорія Максимовича).

Если такъ отнесся г. Рогожинъ къ общеизвѣстнымъ *спеціальнымъ* библіографическимъ пособіямъ, то естественно предположить, что множество указаній, имѣющихся въ какихъ-либо отдѣльныхъ статьяхъ по русской литературѣ XVIII—начала XIX вѣка осталось ему неизвѣстнымъ. Такъ оно и оказывается на самомъ дѣлѣ; вотъ примѣры: о книжкѣ Д. Зиновьева „Набатъ по случаю войны съ Французами", Казань, 1807 („Опытъ", № 6420) г. Рогожинъ (III, 258) сообщаетъ, что „это была первая книга, напечатанная въ Казани"; между тѣмъ подъ № 6518 находимъ книгу „Наставленіе молодому человѣку о свѣтской жизни" съ датой: „Казань, 1806", а подъ № 10063 также безъ оговорки перепечатано заглавіе:

„Рѣчь благодарственная Императрицѣ Екатеринѣ II, на случай объявленія Казанскому дворянству Ея благоволенія за набраніе имъ дворянскаго корпуса; Казань, 1774—въ 4°." Разъясненіе недоразумѣнія изъ-за этой даты можно найти въ брошюрѣ г. Н. Лихачева „Мнимый первенецъ казанской печати. (Библіографическая замѣтка)" С.-Пб., 1897 г. [1]).

Книга „Похожденіе нѣкотораго Россіянина" („Опытъ", № 8610) осталась у г. Рогожина анонимной, хотя изъ статьи „Забытые мемуары П. З. Хомякова" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1901, № 8) редакторъ „Опыта" могъ бы узнать и имя автора, и немало подробностей объ этой книгѣ.

Анонимная опера „Точильщикъ" (С.-Пб., 1788 г.), внесенная г. Рогожинымъ въ „Опытъ" (№ 7496. П.) изъ каталога Плавильщикова съ указаніемъ, что это—отдѣльный оттискъ изъ XXII тома „Россійскаго Өеатра", принадлежитъ Н. П. Николеву, что́ было указано еще въ 1898 г. („Биб-

[1]) Въ другомъ трудѣ того же автора („Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій", Спб., 1895) указана (стр. VII) книга, вышедшая изъ Типографіи Казанскаго Губернскаго Правленія въ ноябрѣ 1805 года.

ліографическія замѣтки о русскихъ журналахъ XVIII вѣка"—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., № 1, стр. 99).

О томъ, что кантата 1736 года „Споръ любви и ревности" (Сопиковъ, № 5039; Губорти, III, 102—104) была перепечатана въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ" (1862 г., книга I) г. Рогожину (какъ и Губерти) неизвѣстно.

Подобныхъ поправокъ и дополненій по однимъ библіографическимъ пособіямъ, а не по подлиннымъ экземплярамъ описываемыхъ въ „Опытѣ" книгъ, мы могли бы привести гораздо болѣе, но думаемъ, что и указанныхъ достаточно для общаго заключенія о работѣ г. Рогожина: она представляется намъ совершенно неудовлетворительной. Новое изданіе „Опыта" не можетъ быть названо ни точнымъ воспроизведеніемъ перваго, ни надежной справочной книгой по русской библіографіи; г. Рогожинъ весьма небрежно отнесся къ своей задачѣ и не избавилъ историковъ литературы отъ обязанности рыться по отдѣльнымъ статьямъ для разысканія *библіографическихъ* свѣдѣній, которыя было такъ удобно собрать въ *одномъ* пособіи—въ видѣ поправокъ и дополненій къ матеріаламъ Сопикова.

Судя по опредѣленію цѣны „за 5 частей съ указателемъ", мы вправѣ ожидать въ скоромъ времени выхода въ свѣтъ и новаго, исправленнаго и дополненнаго, изданія прежняго аналогичнаго труда г. Рогожина, но пока (въ апрѣлѣ 1906 г.) еще не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

Н. Петровскій.

Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ю половину XIX вѣка. Собралъ *И. С. Свѣнцицкій*. Львовъ, 1906. Изданіе Галицко-русской Матицы.

Составъ „Матеріаловъ", какъ можно заключать уже по заглавію, довольно разнообразенъ. Здѣсь и извлеченія изъ воспоминаній и записокъ русскихъ офицеровъ, побывавшихъ въ Галиціи, и статьи угроросса Орлая, переселившагося въ концѣ XVIII вѣка въ Россію и закончившаго свою дѣятельность въ званіи директора Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, и нѣсколько писемъ его же, и кое-что изъ неизданныхъ бумагъ другаго угро-русса, Венелина, и рядъ писемъ изъ переписки Кеппена, Погодина и Срезневскаго съ галицкими дѣятелями: каноникомъ Лавровскимъ, Ив. и Як. Головацкими, Вагилевичемъ, и

кое-какія статьи галицко- и угорско-русскихъ дѣятелей: Ив. и Як. Головацкихъ, Вагилевича, Шашкевича, Зубрицкаго, Духновича.

Сравнительно небольшая часть „Матеріаловъ"—перепечатки изъ рѣдкихъ книгъ и журналовъ; значительное большинство изданныхъ текстовъ взято изъ русскихъ и галицкихъ хранилищъ и въ изданіи И. С. Свѣнцицкаго видятъ свѣтъ впервые.

Интересъ и значеніе „Матеріаловъ" очень разнообразны. Издателю слѣдовало бы освѣтить ихъ данныя примѣчаніями. Отчасти онъ это и сдѣлалъ. Сказанное имъ объ Орлаѣ достаточно знакомитъ читателя съ этимъ лицомъ; но то, что имъ предлагается о другихъ дѣйствующихъ у него лицахъ,—слишкомъ скудно и неточно.

Мы не знаемъ, какими свѣдѣніями можно теперь располагать о Балугянскомъ (угро-руссѣ, переселившемся въ Россію) или о Зоріянѣ Ходаковскомъ (съ которымъ былъ хорошо знакомъ Орлай), но намъ извѣстно, что о Запѣ, Вагилевичѣ, Шашкевичѣ, Зубрицкомъ, братьяхъ Головацкихъ было бы легко сообщить читателю болѣе нужныхъ данныхъ, чѣмъ даетъ издатель, тѣмъ болѣе, что въ Галиціи, гдѣ работаетъ издатель, еще здравствуетъ кое-кто изъ ихъ современниковъ и сотрудниковъ. Само собой разумѣется, что примѣчаній къ даннымъ „Матеріаловъ" второстепеннаго значенія у издателя совѣмъ нѣтъ, хотя иногда они необходимы, напримѣръ, къ выпискамъ въ дневникѣ Кеппена о русскихъ въ Седмиградіи (стр. 135).

Точность изданія оставляетъ желать лучшаго. Кое-гдѣ издатель не справился съ трудноразборчивыми почерками, кое-гдѣ не досмотрѣлъ корректурныхъ изъяновъ. Такъ, въ письмѣ Орлая къ Ходаковскому, на одной страницѣ (29), мы читаемъ о Сарентѣ, Аржанскѣ (=Можайскъ!), Дубровкѣ, Пронойскѣ; а въ письмѣ Ходаковскаго къ Орлаю все окончаніе (стр. 27) наполнено сомнительными словами между прочимъ: „пану генералу его милости *Дій* Костонецкому"=добродію?). Письмо Вагилевича (стр. 149) говоритъ о „прекрасной *термѣткѣ*", на которой написана рукописная Кормчая. Неужели это слово дѣйствительно находится въ письмѣ?

А. С.

М. Бречкевичъ. Первые поморскіе монастыри. Очеркъ изъ исторіи Балтійскаго Поморья въ XII в. Юрьевъ. 1905, 47 стр. 8° (съ приложеніемъ карты.).

Тема книжки г. Бречкевича „Первые поморскіе монастыри. Очеркъ изъ исторіи Балтійскаго Поморья въ XII в." интересна съ нѣсколь-

кихъ точекъ зрѣнія. Интересъ она представляетъ для исторіи славянства, занимаясь судьбами поморскихъ славянъ, т. е. тѣхъ славянъ, исторія которыхъ еще до сихъ поръ мало изслѣдована и которые исчезли теперь, какъ національность, подъ вліяніемъ германизаціи. Тема интересна также съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній сосѣднихъ государствъ и ихъ вліянія на Поморье, т. е. Польши, маркграфства Бранденбургскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ, одинъ моментъ разсматриваемаго г. Бречкевичемъ вопроса переплетается съ событіями міровой исторіи, это именно 1147 годъ, годъ второго крестоваго похода, когда саксонскіе князья, вмѣсто того, чтобы пускаться въ далекое и невѣрное предпріятіе въ святой землѣ, съ благословенія Бернарда Клервосскаго и съ одобренія папы Евгенія III, предпочли болѣе близкій и легкій крестовый походъ въ страну поморскихъ славянъ для обращенія ихъ въ христіанскую вѣру.

Г. Бречкевичъ поставилъ своей задачей дать отчасти исторію, по преимущественно картину хозяйства нѣсколькихъ наиболѣе выдающихся монастырей Поморья въ XII вѣкѣ. Въ основаніе работы положены первоисточники, главнымъ образомъ сборники документовъ — монастырскихъ грамотъ „Pommersches Urkundenbuch" (heraus.g v. Königl. Staats-Archiv zu Stettin), Codex Pomeraniae Diplomaticus", herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem (1843) и „Pommerellisches Urkundenbuch", bearb. von M. Perlbach (Danzig, 1882); иногда авторъ прибѣгаетъ и къ хронистамъ.

Общее впечатлѣніе отъ прочтенія работы г. Бречкевича таково: это есть глава, вырванная изъ большого сочиненія, въ которомъ я, по всей вѣроятности, нашелъ бы отвѣты на многіе изъ поставленныхъ мною вопросовъ. Но въ настоящемъ случаѣ эта глава представлена въ видѣ отдѣльной книги, и я поэтому къ ней, какъ къ таковой, и долженъ относиться. Подходя съ этой точки зрѣнія къ труду г. Бречкевича, я выставлю сначала два общихъ замѣчанія, бросившихся мнѣ въ глаза во время чтенія.

Первымъ общимъ замѣчаніемъ будетъ съ моей стороны—это полное умолчаніе о русской литературѣ. Авторъ цитируетъ нѣмецкіе труды Wiesener'a („Die Gründung des Bistums von Pommern" въ Zeitschrift für Kirchengeschichte von Brieger, B. X, 1889, S. 1—53 и „Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit", Berlin, 1889), Winter'a („Die Prämonstratenser des XII Jahrh." Berlin, 1865, и „Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands", Gotha 1868; послѣднее сочиненіе цитировано лишь одинъ разъ на стр. 46), Klem-

pin'a („Die Exemption des Bistums Camin" въ Baltische Studien, XXIII, Stettin, 1869) и, наконецъ, Hauck'a („Kirchengeschichte Deutschlands", Leipzig, 1903). Русская литература какъ будто по этому вопросу не существуетъ.

Между тѣмъ, трудъ Фортинскаго „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года" (Кіевскія Унив. Изв. 1876 и Кіевъ 1877) во многихъ отношеніяхъ касается вопросовъ, разбираемыхъ авторомъ книжки; въ этомъ трудѣ есть разборъ миссіонерскихъ путешествій Оттона Бамбергскаго; въ немъ мы находимъ цѣлый рядъ свѣдѣній о колонизаціи прибалтійскаго края и т. д. Надо было критически отнестись къ изложенію Фортинскаго, у котораго, напримѣръ, очень неопредѣленно, а можетъ быть, и неправильно оцѣнена дѣятельность премонстрантовъ и цистерціанцевъ. Фортинскій, напримѣръ, вѣритъ въ подлинность грамоты Казиміра, князя поморскаго, Даргунскому монастырю (стр. 24); г. Бречкевичъ, слѣдуя нѣмецкимъ ученымъ, считаетъ подлинность этой грамоты сомнительной (стр. 33 и 34). Безусловно надо было бы и въ этомъ мѣстѣ сослаться на Фортинскаго и оцѣнить въ ту или другую сторону его мнѣніе.

Г. Бречкевичъ ни разу не упоминаетъ о книгѣ А. Котляревскаго „Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ" (Прага, 1874). Между тѣмъ она даетъ подробное описаніе и оцѣнку дѣятельности Оттона, епископа Бамбергскаго, и его миссіи къ поморянамъ, чему г. Бречкевичъ посвящаетъ начальныя страницы своей книги (стр. 5—9). Нѣтъ ни разу упоминанія имени Гильфердинга.

Мое второе общее замѣчаніе по поводу книжки г. Бречкевича касается его отношенія къ источникамъ. Авторъ, я сказалъ бы, держится слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ читателяхъ. Съ первой же страницы сочиненія мы находимъ ссылки на Vita Ottonis Эббона, на Герборда, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы ничего не знаемъ, ни о времени ихъ жизни, ни о степени ихъ достовѣрности и ни объ отношеніи къ нимъ самого автора. Между тѣмъ вопросъ вовсе не такъ простъ, и эти источники имѣютъ за собою цѣлую исторію. Лишь съ недавняго времени историческая литература имѣетъ въ своемъ распоряженіи эти тексты въ ихъ настоящемъ, чистомъ видѣ; лишь сравнительно недавно было доказано, что прежніе считавшіеся за подлинные тексты есть не что иное, какъ поздняя компиляціи. Безуспѣшные поиски оригинала Пертцомъ (Pertz), изслѣдованія компиляціи Клемпиномъ (Balt. Studien, IX, H. 1, 1842), установленіе текста для Mon. Germ. Hist.

Кёрке, нахожденіе оригинальнаго текста Герборда Вильгельмомъ Гизебрехтомъ и, наконецъ, изданіе Jaffé (V т. Bibl. rer. germ., 1869, и отдѣльно въ 1863 и 1869 гг.),—все это имѣетъ значеніе для источниковъ и для отношенія автора къ нимъ. Не говоря уже объ исторіи текста Эббона и Герборда, изложенной Кёрке въ Mon. G. Hist. (XII, p. 721—746), мы ее имѣемъ и въ русской литературѣ, напримѣръ, въ вышеназванномъ трудѣ А. Котляревскаго (стр. 7—15), въ его другомъ сочиненіи „Древности права балтійскихъ славянъ" (ч. 1, Прага, 1874, стр. 8—9), даже въ старинной диссертаціи Грановскаго „Волинъ, Іомсбургъ и Винета", (ч. I, стр. 189, пр. 2, Москва, 1866; конечно, до его времени и кратко). Я считаю очень существеннымъ недостаткомъ книжки г. Бречкевича отсутствіе въ ней критическаго отношенія къ источникамъ.

Засимъ, читатель очень былъ бы благодаренъ г. Бречкевичу, если бы онъ далъ сжатую, но болѣе или менѣе полную характеристику устройства орденовъ премонстрантовъ и цистерціанцевъ; по моему мнѣнію, свѣдѣній, которыя находятся въ VI главѣ книги г. Бречкевича недостаточно.

Самая работа г. Бречкевича состоитъ изъ шести главъ, изъ которыхъ первая, рисуя миссіонерскую дѣятельность еписк. Оттона Бамбергскаго, служитъ какъ бы вступленіемъ, а послѣдняя, шестая глава, резюмируя дѣятельность поморскихъ монастырей въ XII в., является заключеніемъ; главы же, II, III, IV и V посвящены исторіи основанія, хозяйству и изложенію дѣятельности главнѣйшихъ поморскихъ монастырей въ XII в., бенедиктинскаго Столпскаго монастыря (стр. 13—16), премонстрантскихъ—Гробскаго (стр. 17—25), Бродскаго (стр. 26—29), на рѣкѣ Регѣ, позднѣе Бельбукскаго (стр. 29—31), Грамзовскаго (стр. 31—32) и цистерціанскихъ—Даргунскаго и Кольбацкаго (стр. 33—40).

Въ этомъ отношеніи авторъ имѣлъ прекраснаго руководителя въ лицѣ Wiesener'a автора сочиненія „Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wenderzeit" (Berlin, 1889). Весь матеріалъ, которымъ пользовался въ своей книгѣ г. Бречкевичъ, сведенъ былъ уже въ упомянутой книгѣ Wiesener'a; документы, которыми пользовался г. Бречкевичъ, тѣ же, что у Wiesener'a. Можно даже сказать, что содержаніе четырехъ среднихъ главъ книги г. Бречкевича находится въ упомянутомъ соч. Wiesener'a (II гл. Бречкевича см. Wiesener, S. 213—216 и прим. S. 336—337; III гл. Бречкевича см. Wiesener, S. 221—231 и S. 337—339; IV гл. Бречкевича см. Wiesener, S. 225—231; V гл. Бречкевича см. Wiesener, S. 247—256).

Говоря это, я не хочу утверждать, чтобы работа г. Бречкевича была не самостоятельна. Всѣ тексты, указанные у Wiesener'а, изучены авторомъ диссертаціи внимательно, детально, болѣе детально, чѣмъ у Wiesener'а, съ приведеніемъ въ примѣчаніяхъ большихъ отрывковъ подлинниковъ, чего нѣтъ у Wiesener'а. Но я долженъ сказать, что для читателя, знакомаго съ книгой Wiesener'а, книга г. Бречкевича даетъ очень мало новаго. Вступительная глава о дѣятельности еписк. Оттона Бамбергскаго самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ заключительной главѣ авторъ опирается преимущественно на сочиненія Winter'а „Die Prömonstratenser des zwölften Jahrhunderts und ihre Bedeutung für das nordöstliche Deutschland (Berlin, 1865), и „Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands" (Gotha, 1868).

Къ тексту документовъ г. Бречкевичъ отнесся очень внимательно и, по большей части, по моему мнѣнію, толковалъ ихъ вѣрно. Можетъ быть, на стр. 14 лат. нарѣчіе jugiter лучше было перевести черезъ „непрестанно, постоянно", а не черезъ „достойно"; тамъ же не переведено въ текстѣ слово universas; тамъ же остались не переведенными слова документа gratas habentes et ratas auctoritatis nostre privilegio (текстъ на стр. 15); на стр. 15 не переведены слова perpetuo jure. На стр. 19, прим. 2 для поясненія imperf. conj. „conarentur" надо было бы привести и первыя опущенныя авторомъ слова этого текста preterea cum. На стр. 28 не переведены слова текста ab ullo pestilente и sive clam seu palam illato (прим. I, стр. 29). На стр. 38 не переведены слова quinimo sanctis illis in Colbas et fratribus in pace deserviant (примѣч. 1). Для меня не совсѣмъ ясно, можно ли на стр. 38 въ прим. 2 форму posuissent переводить прошедшимъ временемъ, а не будущимъ. Для точности на стр. 35, прим. 1, можно было бы прибавить имя издателя R. Prümers для Pommersches Urkundenbuch I, B. 2. Ahth. Stettin, 1877.

Ограничиваясь этими бѣглыми замѣчаніями, я отъ души желаю начинающему ученому силы и энергіи для дальнѣйшихъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не высказать и пожеланія, чтобы въ послѣдующихъ трудахъ онъ критически относился къ источникамъ и былъ болѣе самостоятельнымъ работникомъ, чѣмъ въ своемъ настоящемъ начальномъ трудѣ.

А. Васильевъ.

Симеона Метафраста и Логоѳета списаніе міра отъ бытія и лѣтовникъ собранъ отъ различныхъ лѣтописецъ. С.-Пб. 1905. Изданіе Импер. Акад. Наукъ.

Хроника Симеона Логоѳета извѣстна въ единственномъ спискѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ F. IV, № 307. Изданіе хроники задумано было А. А. Куникомъ, по порученію котораго была приготовлена съ рукописи копія. Веденіе изданія было поручено В. И. Срезневскому подъ наблюденіемъ В. Г. Васильевскаго и послѣ его смерти П. В. Никитина. Весной 1905 г. изданіе было закончено и всѣ занимающіеся славянской исторіей и литературой съ благодарностію будутъ привѣтствовать его выходъ въ свѣтъ. Въ предисловіи В. И. Срезневскій сообщаетъ свѣдѣнія о рукописи и представляетъ затѣмъ главнѣйшіе выводы работы В. Г. Васильевскаго: „Хроника Логоѳета на славянскомъ и греческомъ", помѣщенной въ Византійскомъ Временникѣ, присоединяя небольшія дополненія объ отношеніяхъ сохранившейся рукописи къ Хроникѣ Іоанна Зонары. Далѣе отмѣчены отступленія славянской рукописи отъ текста, извѣстнаго подъ именемъ хроникъ Льва Грамматика и Ѳеодосія Мелитинскаго стр. XI—XII. Въ сходныхъ мѣстахъ славянскаго текста съ хрониками Льва Грамматика и Ѳеодосія при отклоненіяхъ Льва отъ Ѳеодосія по наблюденію издателя онъ слѣдуетъ первому. Неисправности славянскаго перевода въ наиболѣе важныхъ случаяхъ указаны при помощи сличенія съ греческимъ текстомъ. Что касается изданія текста, то онъ передается по словамъ издателя съ буквальною точностію: всѣ титла, паерки и надстрочныя буквы оставлены неприкосновенными, не сохранены только ударенія, придыханія и знакъ ̎. Придыханія, конечно, не имѣютъ никакого значенія и опущеніе ихъ не важно, что же касается удареній, то можно пожалѣть, что они опущены, такъ какъ вообще ударенія представляютъ интересъ для сужденія о происхожденіи рукописи. Хотя они довольно часто бываютъ однообразны, но для занимающихся вопросами ударенія имѣетъ значеніе каждый лишній рукописный текстъ. Но, разумѣется, если имѣть въ виду, что изданіе предназначается главнымъ образомъ для историковъ, то это отступленіе до извѣстной степени понятно.

За разстановку знаковъ препинанія по смыслу и прописныя буквы можно только поблагодарить издателя: это облегчаетъ чтеніе текста. Изданіе исполнено тщательно, немногія опечатки отмѣчены въ концѣ книги. Приложены два указателя собственныхъ именъ и мѣстъ, славянскій и греческій.

П. Лавровъ.

Книжныя новости.

Памятная книжка Олонецкой губернiи на 1906 годъ. Изданiе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ *И. И. Благовѣщенскiй.* Петрозаводскъ, 1906.

Помимо обширнаго офицiальнаго отдѣла, имѣющаго справочный характеръ, названная „Памятная книжка" заключаетъ въ себѣ три довольно цѣнныхъ статьи историческаго содержанiя. Въ первой изъ нихъ—„Старая Пудога съ XIV по XVIII вѣкъ" г. Н. Шайжинъ собралъ многочисленныя данныя о поселенiяхъ Пудожскаго и Шальскаго погостовъ, т. е. мѣстностей, „расположенныхъ въ бассейнѣ р. Водлы и по частямъ составлявшихъ вотчинныя владѣнiя Юрьева-Новгородскаго, Муромскаго и Палеостровскаго монастырей", великаго московскаго князя (въ концѣ XV вѣка), Мареы посадницы и многихъ новгородскихъ бояръ и боярынь. Наибольшимъ интересомъ отличаются тѣ главы статьи, гдѣ авторъ говоритъ о состоянiи православiя въ Пудожскомъ и Шальскомъ погостахъ, о „Пудожскомъ расколѣ", о занятiяхъ и промыслахъ крестьянъ и проч.

Довольно любопытною является и вторая статья—„Осударева дорога", принадлежащая перу г. В. Мегорскаго, особенно въ той ея части, гдѣ говорится на основанiи рукописнаго „Дѣла" 1821 г. о возстановленiи этого замѣчательнаго петровскаго созданiя, открывшаго путь отъ Архангельска къ Шлиссельбургу.

Наконецъ, послѣдняя статья г. Я. Елпидинскаго — „Преподобный Александръ, игуменъ Троицкаго Свирскаго монастыря"—представляетъ собою попытку наиболѣе полнаго собранiя печатныхъ извѣстiй о преподобномъ игуменѣ и, благодаря довольно живому изложенiю, читается съ интересомъ.

Н. В. Малицкiй. **Исторiя Суздальской духовной семинарiи.** (1723 –1788 гг.). Владимiръ губернскiй, 1906.

В. В. Малицкiй, авторъ обширной „Исторiи Владимiрской духовной семинарiи", только что издалъ въ свѣтъ новый свой трудъ—„Исторiя Суздальской духовной семинарiи", основанный исключительно на изученiи архивнаго матерiала бывшей Суздальской консисторiи. Свыше 500 дѣлъ этого архива дали ему возможность нарисовать довольно полную картину состоянiя Суздальской семинарiи, главнымъ образомъ, съ 1762 по 1788 гг. Къ сожалѣнiю, эта картина представляется въ мрачныхъ краскахъ. Открытая на сборы съ монастырей и причта семинарiя въ годы неурожаевъ должна была закрываться. Назначенныя потомъ на содержанiе ея штатныя суммы были весьма недостаточны; четыремъ учителямъ въ 1767 г., напримѣръ, платили въ годъ всего 375 рублей, а ученикъ долженъ былъ кормиться и одѣваться на выдаваемыя ему 3 коп. въ сутки, въ виду чего „студенты философiи" нерѣдко отправляли обязанности сторожей семинарiи, оплачиваемыя шестирублевымъ годовымъ жалованьемъ. Префекты семинарiи въ большинствѣ случаевъ „отъ нетрезвости" творили „всякiя безобразiя и дебоши", били „лозами и плетьми"

учениковъ безъ всякаго повода... Учителя семинаріи, среди которыхъ было немало и питомцевъ Суздальской семинаріи, въ рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствовали своему назначенію и сравнительно скоро покидали свои обязанности, принимая священническія мѣста. Какъ видно изъ дѣлъ, и среди учащихся „наиболѣе распространеннымъ порокомъ было безмѣрное пьянство", противъ котораго были совершенно безсильны всевозможные указы и застращиванія суздальскихъ архіереевъ. Много было среди семинаристовъ и такъ называемыхъ „бѣгуновъ", которыхъ по поимкѣ жестоко наказывали; иногда распространялось наказаніе и на ихъ отцовъ. Въ архивныхъ дѣлахъ сохранились подробныя свѣдѣнія и о библіотекѣ семинаріи, которая въ 1785 г. получила весьма „богатый даръ отъ Н. И. Новикова. „Даръ этотъ", читаемъ на стр. 111, „былъ настолько цѣнный и неожиданный, что епископъ Тихонъ вначалѣ не повѣрилъ его безкорыстію и просилъ не присылать книгъ въ томъ случаѣ, если придется за нихъ платить деньги". Новиковъ успокоилъ владыку и заявилъ, что „единственная плата, которой общество (Дружеское) ожидаетъ, есть только та, чтобы даръ сей принесъ плоды, сходные съ желаніемъ нашимъ". Въ концѣ книжки г. Малицкій приложилъ списки учениковъ семинаріи за 1744 г. и за 1755—1788 годы.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ.

— *Фаминскій, Викторъ.* Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству. Кіевъ 1906. 3+479 стр. Цѣна 2 руб.

— Bericht über das Museum des Königreiches Böhmen für das Jahr 1905. Prag 1906. 98 стр.

— *Эдельштейнъ, Я. С.* Экскурсія по Синцзинтинскому, Фынсуанченскому и Ляоянскому округамъ Шенцзинской провинціи въ Южной Маньчжуріи. (Съ 1 рисункомъ въ текстѣ, 3 таблицами фототипій и 1 геологич. картою). С.-Пб. 1906. 163 стр. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Томъ XXXVIII, № 2).

— *Житковъ, Б. М.* и *Бутурлинъ, С. А.* Матеріалы для орнитофауны Симбирской губерніи. С.-Пб. 1906. 275 стр. (То же. Томъ XLI, № 2).

— *Фаусекъ, Викторъ.* Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области. Съ 4 хромолитогр. таблицами и 64 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1906. 192 стр. (То же. Томъ XXVII, № 2)

— *Тюшовъ, В. Н.* По западному берегу Камчатки. (Съ картой). С.-Пб. 1906. XII+521 стр. (То же. Томъ XXXVII, № 2).

— *Книповичъ, Н. М.* Основы гидрологіи Европейскаго Ледовитаго океана. (Съ 10-ю таблицами картъ и профилей). С.-Пб. 1906. XII+1510 стр. (То же. Томъ XLII).

— *Патканова, С.* Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ

Сибири на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ. Часть I. Тунгусы собственно. С.-Пб. 1906. Выпускъ 1-й. XII + 26 + 175 стр.—Выпускъ 2-й. 283 стр. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XXXI, часть I).

— *Яхонтовъ, Г.* Бури озера Байкалъ. Съ приложеніемъ 1 фототипіи, 2-хъ географическихъ картъ, 1 листа графиковъ и 20 синоптическихъ картъ. С.-Пб. 1906. 15 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIX, № 3).

— *Кунцевичъ, Г. З.* Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій Лѣтописецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. С.-Пб. 1905. XI + 681 стр.+X табл.

— *Ардашевъ, Павелъ, проф.* Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальные интенданты. Томъ II. Кіевъ 1906. XXII+733 стр. Цѣна 2 руб. 75 коп.

— *Суворовъ, Н.* Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1906. III+193 стр.

— *Стрижевъ, И. Н.* Разрѣзъ словъ средней части Грозненскаго нефтяного мѣсторожденія. (Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XXV, выпускъ VI). Тифлисъ 1906. 19 стр. Цѣна 15 коп.

— *Дубянскій, В. В.* Къ геологіи центральнаго Кавказа. (Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XXV, выпускъ V). Тифлисъ 1906. 22 стр. Цѣна 30 коп.

— *Ясинскій, М. Н.*, проф. Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права (юридическая природа закупничества). Кіевъ 1904. 38 стр.

— *Ясинскій, М. Н.*, проф. „Сило" и „вервь" Русской Правды. Кіевъ 1906. 23 стр.

— *Шопенгауэръ, Артуръ.* Собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Изданіе книжнаго магазина Д. П. Ефимова. Москва. Выпускъ XI—266 стр.; выпускъ XII—172 стр.; выпускъ XIII—233 стр.

— *Бѣлозерскій, Н.* (Ив. Порошинъ). Мирабо. (Опытъ характеристики—по Верморелю). Изданіе „Сѣвернаго книгоиздательства". С.-Пб. 1906. 59 стр. Цѣна 25 коп.

— *Горнфельдъ, А. Г.* Муки слова. Изданіе библіотеки „Свѣточа", № 15. С.-Пб. 1906. 47 стр. Цѣна 20 коп.

— *Бобчевъ, С. С.* Обычай и законъ. (Страница изъ исторіи древне-болгарскаго права). Отдѣльный оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1906. 15 стр.

— *Бобчевъ, С. С.* Придѣ (Агырлыкъ)—болгарская кладка. Отдѣльный оттискъ изъ сборника статей по славяновѣдѣнію. С.-Пб. 1906. 21 стр.

— *Бобчевъ, С. С.* Къмь българската правна история и обичайното право. (Отпечатъкъ отъ IV кн. на „Юрид. Прѣгледъ", 1906 г.). Софія 1906. 19 стр.

— Отчетъ Казанскаго отдѣла Россійскаго Общества покровительства животнымъ за 1905 г. Составилъ завѣдующій дѣлами И. П. Поповъ. Изданіе Казанскаго ветеринарнаго института. Казань 1906. 20 стр.

— Отчетъ о состояніи народныхъ училищъ Олонецкой губерніи за 1905 г. Петрозаводскъ 1905. 92 стр.

— Журналы засѣданій таврическаго губернскаго земскаго собранія 40-й очередной сессіи съ 12-го по 13-е декабря 1905 г. Съ приложеніемъ отчета губерской управы и докладовъ. Симферополь 1906.

— Медицинскій отчетъ по губернской больницѣ и отчетъ по сиротскому отдѣленію за 1905 г. Симферополь 1906. 70 стр.

— *Гинцбургъ, Николай.* Систематическія конспективныя таблицы по русской исторіи (1462—1881 гг.). Пособіе при изученіи и повтореніи курса среднеучебныхъ заведеній. С.-Пб. 1906. Цѣна 25 коп.

— Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1906 г. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва 1906. 32 стр. и LXIII листовъ снимковъ. Цѣна 3 руб.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ГЕРМАНІИ [1]).

VII.

Дополнительная школа въ Карлсруэ.

Прослѣдимъ исторію развитія дополнительной школы въ столицѣ Бадена, Карлсруэ. Въ 1834 г. въ этомъ городѣ учреждено было промышленное училище (Gewerbeschule) съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Учащіеся приходили въ это училище два раза въ недѣлю въ послѣобѣденные часы; слѣдовательно, это была дневная школа. Средства ея въ то время были весьма ограничены. Городская община выдавала на содержаніе по 500 гульденовъ въ годъ, сборъ платы за ученіе не превышалъ 60 гульд., вслѣдствіе этого учителямъ приходилось платить за часовой урокъ отъ 50 крейцеровъ до 1-го гульдена. Учениковъ въ школѣ было немного, такъ какъ мастера протестовали противъ дневныхъ занятій. Въ свою очередь духовенство разрѣшало занятія въ воскресные дни только до 9 час. утра, до начала главной обѣдни. Въ 1843 г. въ школѣ преподавалъ инженеръ Rob. Gerwig, одинъ изъ строителей С.-Готардскаго туннеля. Въ 1847 г. инспекторомъ школы состоялъ Rud. Redtenbacher, знаменитость мѣстнаго политехникума. Въ 1868 г., когда духовное вѣдомство разрѣшило занятія въ воскресные дни между 9 и 12-ю часами дня, дневныя занятія въ будни были отмѣнены, и школа обратилась въ вечерне-воскресную. Это измѣненіе прежняго порядка явилось результатомъ происковъ хозяевъ мастерскихъ. Въ такомъ видѣ школа

---

[1]) *Окончаніе.* См. іюньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.*, за 1906 годъ.

просуществовала до 1886 г. Но въ теченіе всего этого времени дѣятели по народному образованію продолжали энергично отстаивать дневныя занятія. Въ защиту этого дѣла они приводили слѣдующіе доводы: „Нельзя, говорили они, по произволу назначать преподаваніе любого предмета на вечерніе часы или на воскресные дни. Такъ, нельзя писать красками при вечернемъ освѣщеніи; вредно для зрѣнія назначать вечерніе уроки для граверовъ, чеканщиковъ, литографовъ, глаза которыхъ и безъ того утомлены мелкою работою въ мастерскихъ; по той же причинѣ не желательны и вечернія занятія черченіемъ. Въ такихъ случаяхъ предпочтительно пользоваться утренними часами воскресныхъ дней. Кромѣ того, для преподаванія спеціальныхъ предметовъ приходится приглашать инженеровъ, архитекторовъ и мастеровъ, но эти лица свободны только въ праздники. Если же вслѣдствіе перечисленныхъ условій уроки рисованія, черченія и прикладныхъ предметовъ будутъ назначаться на воскресные дни, то остальные предметы: нѣмецкій языкъ, ариѳметику и пр. придется отнести на вечерніе часы, отъ $7^1/_2$ до $9^1/_2$ час. Но можно ли ожидать удовлетворительныхъ успѣховъ отъ занятій въ такіе часы, когда учащійся приходитъ въ школу утомленный дневной работой на промыслѣ? Всякій, кто наблюдалъ одного и того же ученика на урокахъ въ воскресенье утромъ и вечеромъ въ будни, скажетъ, что видѣлъ двухъ различныхъ людей. То, что утромъ легко и скоро усваивается, вечеромъ дается съ трудомъ. Поэтому сами учащіеся не охотно посѣщаютъ вечернія занятія, а далеко живущіе отъ школы и вовсе не являются на уроки".

Вопросъ объ отмѣнѣ вечернихъ и воскресныхъ занятій изъ сферъ педагогическихъ перешелъ въ повременную печать, возбудилъ къ себѣ сочувствіе общества и, наконецъ, въ 1886 г. былъ внесенъ въ мѣстный школьный комитетъ на обсужденіе въ присутствіи представителей крупной и мелкой промышленности. Послѣдніе не рѣшились идти противъ общественнаго мнѣнія и подали свои голоса за отмѣну вечернихъ и воскресныхъ занятій въ городской промышленной школѣ. Въ этомъ же году школа была переведена въ собственное зданіе, надлежаще приспособленное для цѣлой школы и оборудованное учебными пособіями. Преобразованія эти не замедлили отразиться на числѣ учащихся: въ 1887 г. оно возрасло до 600 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году при школѣ были учреждены особые курсы для женщинъ изъ класса прикащицъ, конторщицъ, лавочницъ, портнихъ и швей.

Вотъ въ общихъ чертахъ организація школы въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь.

Полный курсъ ученія разсчитанъ на три года.

Программа перваго года. Ариѳметика (мѣры длины и вѣса, десятичныя дроби, пропорціи, проценты, учетъ векселей, вычисленія поверхностей и объемовъ). Геометрія (масштабы, транспортиръ, треугольники, четыреугольники, многоугольники, окружность, эллипсъ, задачи на построенія). Нѣмецкій языкъ. Дѣловыя формы (формы открытыхъ и закрытыхъ, денежныхъ и простыхъ писемъ, формы извѣщеній, заказовъ, договоровъ о наймѣ, условій ученичества въ мастерскихъ). Рисованіе (рисованіе орнаментовъ со стѣнныхъ таблицъ и гипсовъ). Черченіе (вычерчиваніе геометрическихъ фигуръ въ карандашѣ, тушью и цвѣтными чернилами, проекціи предметовъ, избираемыхъ примѣнительно къ ремеслу учащихся).

Программа второго года. Ариѳметика (извлеченіе квадратнаго корня, калькуляціи примѣнительно къ ремеслу ученика). Дѣловыя формы (формы прошеній и заявленій, договоры со ссылками на статьи промышленнаго и торговаго устава). Гражданскіе законы (Bürgerkunde). Технологія матеріаловъ (сырые матеріалы, ихъ добываніе, обработка, свойства). Проекціонное и техническое черченіе.

Программа третьяго года. Механика и физика (общія свойства тѣлъ, механика твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. Теплота. Преподаваніе иллюстрируется опытами. Рѣшеніе задачъ по физикѣ). Спеціальное черченіе (примѣнительно къ занятіямъ учащихся). Счетоводство. Гражданскіе законы.

Въ полномъ объемѣ программа эта обязательна для всѣхъ юношей, которые занимаются строительными ремеслами (слесаря, столяры, каменьщики и др.). Для желающихъ получить знанія въ высшемъ объемѣ устанавливаются особые курсы. Подмастерья и вообще лица, старше 18 лѣтъ, могутъ изучать даже одинъ предметъ, о чемъ они должны заявить письменно до начала учебнаго полугодія.

Въ 1903 г. въ школѣ было 658 учениковъ, которые распредѣлялись по классамъ и группамъ слѣдующимъ образомъ:

Классы.	I.	II.	III.
Число группъ	8	9	6
Число учениковъ	302	246	110

Составъ группъ.

1-я. Изъ рабочихъ по дереву (столяры, модельщики, токари, рѣзчики).

2-я и 3-я. Изъ рабочихъ по строительному дѣлу (плотники, столяры, каменьщики, каменотесы, чертежники).

4-я. Изъ слесарей мелкихъ мастерскихъ и жестянниковъ.

5-я и 6-я. Изъ слесарей машиностроительныхъ заводовъ, модельщиковъ и токарей по металлу.

7-я. Изъ граверовъ, литографовъ, маляровъ, декораторовъ, обойщиковъ, штукатуровъ и скульпторовъ.

8-я. Изъ рабочихъ по электрическимъ установкамъ, слесарей мастерскихъ физическихъ приборовъ и другихъ точныхъ работъ, часовщиковъ.

9-я. Изъ сапожниковъ, башмачниковъ, булочниковъ, переплетчиковъ и др.

Каждая группа имѣла свои часы для занятій.

Такъ, напримѣръ, въ первомъ классѣ занятія во второй, третьей, пятой, шестой и восьмой группахъ распредѣлялись такимъ образомъ (конечно, въ разныхъ классахъ).

Среда	7 — 8½	часовъ	утра	математика.
	8½—10	„	„	геометрія.
	10 —12	„	„	черченіе.
Суббота	7 — 8½	„	„	дѣловыя формы и ариѳметика.
	8½—10½	„	„	черченіе.
Понедѣльникъ .	6½— 8½	„	вечера	рисованіе съ натуры.

Такимъ образомъ каждая группа приходитъ въ школу три раза въ недѣлю и посвящаетъ ученію 10½ часовъ.

Оригинальною особенностью дополнительной школы въ Карлсруэ являются учебныя мастерскія. При осмотрѣ послѣднихъ мы составили о ихъ назначеніи слѣдующее заключеніе. Цѣль ихъ отвѣчать на тѣ запросы ученика, на которые на мѣстѣ своей службы онъ не можетъ получить указаній, вслѣдствіе чего не можетъ достигнуть и желаемаго совершенства въ ремеслѣ. Пояснимъ это примѣромъ. Ремесленный ученикъ или подмастерье служитъ въ малярной мастерской и, конечно, исполняетъ только тѣ заказы, которые приняты хозяиномъ. Можетъ

случиться, что эти работы, во все время его ученичества, будутъ имѣть однообразный характеръ, и въ такомъ случаѣ ученику, чтобы полнѣе изучить ремесло, оставалось бы перемѣнить мастерскую. По статутомъ ученичества перемѣна мастерской до истеченія срока договора воспрещается, и только по полученіи свидѣтельства на степень подмастерья рабочій можетъ перейти въ другую мастерскую.

Промысловой практикой, еще въ эпоху процвѣтанія цехового строя, установленъ обычай путешествій подмастерьевъ изъ города въ городъ съ цѣлью познакомиться съ новостями и усовершенствованіями въ области ремесла. Какъ видно, обычай этотъ сохранился и до сего времени, что подтверждается многочисленными путеводителями, спеціально приспособленными для путешествій ремесленниковъ. У насъ имѣется экземпляръ такого спутника: Fröhlichs Reise-Taschenbuch für Handwerker, Techniker und für alle anderen gewerblichen Berufsklassen. Въ 1891 г. вышло 18-е изданіе этой полезной книжки. Въ качествѣ эпиграфа помѣщено слѣдующее стихотвореніе:

Wem Gott will rechte Gunst erweisen,
Den schikt er in die weite Welt,
Dem will er seine Wunder weisen
In Berg und Thal, in Strom und Feld.

Вотъ содержаніе этой книжки. Перечень городовъ, замѣчательныхъ особеннымъ развитіемъ той или иной ремесленной или заводской промышленности. Маршруты путешествій пѣшкомъ, по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ. Извлеченіе изъ промышленнаго устава о наймѣ, объ обезпеченіи рабочихъ въ случаѣ увѣчья, болѣзни и пр.,—совѣты какъ беречь здоровье въ пути и пр. и пр.

Съ своей стороны общественная благотворительность старается облегчить ремесленнику трудности путешествія. Съ этой цѣлью учреждаются въ городахъ и путевыхъ этапахъ гостинницы (Herberge), въ которыхъ ремесленникъ находитъ недорогой ночлегъ и столъ, а если онъ поиздержался въ дорогѣ, то и указанія, гдѣ найти работу.

Наконецъ, существующіе въ Германіи промышленные союзы также оказываютъ помощь своимъ членамъ, отправляющимся въ путешествіе. Дорожныя деньги выдаются во всѣхъ отдѣленіяхъ союзовъ въ разныхъ городахъ въ такомъ размѣрѣ: странствующимъ пѣшкомъ по 2 пфеннига на километръ, ѣдущимъ по желѣзной дорогѣ по одной маркѣ въ день.

Если въ настоящее время все болѣе и болѣе утрачивается не-

обходимость далекихъ путешествій для изученія ремесла, такъ какъ каждый хозяинъ мастерской, побуждаемый конкуренціей, старается улучшить качества своихъ издѣлій, то все же узкая спеціализація каждой отдѣльной мастерской не дастъ возможности всесторонне изучить ремесло. Вотъ тутъ-то учебныя мастерскія описываемой нами школы и являются полезнымъ учрежденіемъ. Въ этихъ мастерскихъ взятый нами для примѣра ученикъ малярнаго цеха найдетъ опытнаго мастера декоратора или альфрейщика, или мастера по окраскѣ подъ породы дерева, подъ мраморъ и проч., подъ руководствомъ которыхъ онъ (ученикъ) изучитъ и эти отрасли малярнаго дѣла. Далѣе, ученикъ слесарно-кузнечнаго цеха найдетъ здѣсь и стильные рисунки, и указанія для изготовки вошедшихъ теперь въ моду издѣлій изъ кованнаго желѣза; слесарь инструментальщикъ—изучитъ формы рѣзцовъ для машинной обработки металла и способы закалки инструментовъ; слесарь физическихъ приборовъ—получитъ свѣдѣнія по гальванопластикѣ и проч. и проч.

Описываемыя мастерскія даютъ, главнымъ образомъ, указанія, рецепты, но не навыки. Сообразно этому и вся обстановка ихъ имѣетъ лабораторный, а не промышленный характеръ. Тѣмъ не менѣе, онѣ представляютъ собою оригинальное и весьма полезное нововведеніе въ дополнительную школу. Особенно хорошо поставлены въ школѣ въ Карлсруэ мастерскія модельнаго и малярнаго дѣла.

Дополнимъ наши свѣдѣнія объ этой школѣ данными изъ годового отчета за 1903 годъ.

Распредѣленіе учащихся по ремесламъ.

Каменьщиковъ и каменотесовъ	97	Чеканщиковъ	3
Лѣпщиковъ и скульпторовъ	5	Литейщиковъ и формовщик.	6
Чертежниковъ строительн. дѣла	4	Чертежниковъ механич. заводовъ	10
Слесарей и кузнецовъ	141	Жестянниковъ и мѣдниковъ	10
Рабочихъ механ. заводовъ	138	Токарей по металлу	38
Установщиковъ электричества	75	Каретнаго цеха	5
Часовыхъ дѣлъ мастеровъ	7	Бочаровъ	1
Мастеровъ хирургическ. инстр.	6	Рѣзчиковъ по дереву	8
Столяровъ и стекольщиковъ	53	Шорниковъ	8
Плотниковъ и бѣлодеревцевъ	53	Маляровъ	34
Токарей по дереву	6	Литографовъ и наборщиковъ	14
Садовниковъ	2	Граверовъ	2
Портныхъ и башмачниковъ	31	Фотографовъ	4
Кондитеровъ	3	Переплетчиковъ	4

Всего 773 ученика, изъ коихъ на первомъ курсѣ было 301, на второмъ—271, на третьемъ—136 и, кромѣ того, школу посѣщали 65 подмастерьевъ, изучавшихъ одинъ или два предмета.

По окончаніи учебнаго года всѣмъ учащимся были выданы свидѣтельства, а посѣщавшимъ аккуратно всѣ уроки и оказавшимъ хорошіе успѣхи, сверхъ того, награды и похвальные листы. Въ послѣдніе заносились также имена мастеровъ или названія фирмъ, у которыхъ учащійся состоялъ на службѣ. Послѣдней мѣрой дирекція школы стремилась поощрить работодателей къ содѣйствію курсамъ. Въ отчетномъ году такихъ свидѣтельствъ было выдано: окончившимъ первый курсъ—34, второй—33, третій—57.

Ученики, имѣющіе свидѣтельства объ аккуратномъ посѣщеніи всѣхъ трехъ курсовъ, освобождаются отъ экзамена по теоріи мастерства при полученіи диплома на званіе мастера.

Плата за ученіе—6 марокъ въ годъ, при чемъ учащіеся въ году пріобрѣтаютъ за свой счетъ всѣ учебныя пособія и принадлежности.

Въ предыдущихъ главахъ были описаны дополнительныя школы, учрежденныя въ столичныхъ городахъ. Можетъ возникнуть вопросъ, какимъ же образомъ и въ какой степени осуществляется задача дополнительнаго образованія въ провинціи?

На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Промышленныя училища и дополнительныя школы въ герцогствѣ Баденскомъ.

Великое герцогство Баденское занимаетъ площадь около 15.000 кв. верстъ съ населеніемъ всего около двухъ милліоновъ жителей. Между тѣмъ въ этой сравнительно небольшой странѣ имѣется немало промышленныхъ училищъ. Мы перечислимъ сперва спеціальныя училища, въ которыхъ ведутся дневныя занятія въ теченіе всѣхъ шести дней недѣли и которыя, слѣдовательно, предназначены для лицъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ средствами.

1. Художественно-промышленное училище въ Карлсруэ (Kunstgewerbeschule), учрежденное въ 1878 г., состоитъ изъ пяти слѣдующихъ отдѣленій.

А. Архитектурное для подготовки рисовальщиковъ (Musterzeichner), по мебельному дѣлу, токарному, обойному, художественно-слесарному и кузнечному, ювелирному и др.

Б. Скульпторное для скульпторовъ, гипсовщиковъ, рѣзчиковъ по дереву, каменотесовъ, штукатуровъ и проч.

В. Отдѣленіе для чеканщиковъ, граверовъ, медальеровъ и др.

Г. Декоративное для альфрейщиковъ, рисовальщиковъ по фарфору, стеклу, литографовъ, иллюстраторовъ, рисовальщиковъ ситцевыхъ, набивныхъ и ковровыхъ фабрикъ.

Д. Керамическое для рисовальщиковъ гончарныхъ, изразцовыхъ, фарфоровыхъ и др. заводовъ.

Е. Отдѣленіе для подготовки учителей рисованія.

Въ первыхъ пяти отдѣленіяхъ курсъ трехлѣтній; въ шестомъ отдѣленіи—четырехлѣтній. Число часовъ занятій въ недѣлю—44.

При этомъ же училищѣ имѣется особое отдѣленіе для лицъ женскаго пола.

Въ 1902 г. [1]) во всѣхъ отдѣленіяхъ состояло 20 преподавателей, 193 ученика и 32 ученицы. На содержаніе этого училища правительство отпускало 117 тысячъ марокъ въ годъ.

Въ училище принимаютъ лицъ, которымъ исполнилось 16 лѣтъ и которыя могутъ представить свидѣтельства объ окончаніи курса народной школы и о послѣдующемъ посѣщеніи въ теченіе двухъ лѣтъ дополнительной школы. Отъ лицъ, поступающихъ въ VI-е отдѣленіе (для подготовки учителей рисованія), требуется знаніе курса шести классовъ средняго учебнаго заведенія.

За ученіе вносится 50 марокъ въ годъ, иностранцы уплачиваютъ 70 марокъ. Вновь поступающіе сверхъ того вносятъ 10 марокъ вступительныхъ. Учащіеся пріобрѣтаютъ за свой счетъ: готовальни, рейсшины, угольники, кисти, посуду для воды и красокъ, тетради, карандаши, уголь, резину, клей, кнопки и стеки. Все остальное выдаетъ училище.

2. Такое же училище въ Пфорцгеймѣ учреждено въ 1887 г.

Плата за ученіе на 1 курсѣ 18 марокъ, на второмъ—21 м., на третьемъ 24 м. Матеріалы для моделированія, чертежная и рисовальная бумага выдаются училищемъ. За краски взимается половина ихъ стоимости.

Учащихся въ училищѣ 302; пособіе отъ казны—51 тыс. марокъ въ годъ.

3. Строительное училище въ Карлсруэ (учреждено въ 1878 г.) состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣленій.

---

[1]) Всѣ дальнѣйшія статистическія свѣдѣнія относятся къ 1 январи 1902 г.

А. Архитектурное отдѣленіе имѣетъ цѣлью подготовку среднихъ техниковъ по постройкѣ жилыхъ домовъ и службъ, городскихъ зданій и пр.

Б. Строительное отдѣленіе для подготовки среднихъ техниковъ для желѣзнодорожныхъ и портовыхъ сооруженій, техниковъ по замощенію улицъ, шоссе и др.

В. Отдѣленіе для подготовки среднихъ техниковъ для машиностроительныхъ заводовъ, техническихъ бюро и мастерскихъ.

Г. Отдѣленіе для подготовки учителей для дополнительныхъ школъ.

Продолжительность ученія въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ—3 года, въ третьемъ—3½ года. Число часовъ занятій въ недѣлю около 45. Условія пріема на первое и второе отдѣленія: возрастъ не менѣе 16 лѣтъ; свидѣтельство объ окончаніи пяти классовъ средней школы или объ окончаніи дополнительной школы (Gewerbeschule) и повѣрочное испытаніе по ариѳметикѣ, нѣмецкому яз. и проекціонному черченію; далѣе свидѣтельство о двухлѣтней практикѣ на постройкахъ или заводахъ. Отъ поступающихъ на третье отдѣленіе требуется свидѣтельство объ окончаніи курса учительской семинаріи или шести классовъ средняго учебнаго заведенія. Плата за ученіе 30 марокъ въ годъ. Ученики, окончившіе полный курсъ перваго и второго отдѣленій, допускаются къ государственному экзамену на званіе „мастера" (средняго техника); послѣднее званіе даетъ право на мѣсто правительственнаго техника.

4. Школа часовыхъ дѣлъ мастеровъ въ Фуртвангенѣ (Furtwangen) учреждена въ 1877 году.

Школа имѣетъ цѣлью подготовлять свѣдущихъ подмастерьевъ и мастеровъ для всѣхъ отраслей фабрикаціи часовъ, физическихъ приборовъ и пр. При этой же школѣ имѣется отдѣленіе для подготовки электротехниковъ. При школѣ имѣются мастерскія, обставленныя новѣйшими машинами, приводимыми въ движеніе шестисильнымъ электромоторомъ. Полный курсъ расчитанъ на три года. На первомъ курсѣ 20 час. въ недѣлю положены на теоретическія занятія и около 40 час. на работы въ мастерскихъ; на второмъ и третьемъ курсахъ на классные предметы отведено около 10 час., а мастерскимъ около 50 часовъ. Такимъ образомъ учащіеся занимаются въ день болѣе 10 часовъ. Въ 1901 году въ школѣ было 60 учениковъ. Пособіе отъ казны—31.000 марокъ. Въ школу принимаютъ съ аттестатомъ народной школы. Плата за ученіе 25 марокъ. Неимущіе ученики освобо-

ждаются отъ этой платы и кромѣ того прилежные и успѣвающіе въ ученіи могутъ получать столъ и дневное продовольствіе въ зданіи школы за 90 пфенниговъ въ день.

5. Школа рѣзного искусства въ Фуртвангенѣ учреждена въ 1877 году. Эта и предыдущая школы учреждены правительствомъ для нуждъ промысловъ Шварцвальда, славящагося своими художественными издѣліями изъ дерева и производствомъ часовъ. Въ этой школѣ обучаютъ рисованію, проекціонному и спеціальному черченію, моделированію, лѣпкѣ изъ глины и воска, рѣзьбѣ по дереву. Курсъ продолжается три года. Учебный день продолжается около 11 часовъ. Въ школу принимаютъ окончившихъ курсъ народной школы. Плата за ученіе 20 марокъ; кромѣ того ученики должны пріобрѣтать за свой счетъ готовальню и инструменты для рѣзьбы. Неимущіе освобождаются отъ этой платы и даже могутъ получать стипендіи. Персоналъ школы состоитъ изъ учителя, его помощника и двухъ мастеровъ. Въ 1901 году учащихся было 33. Пособіе отъ казны 17.000 марокъ.

6, 7 и 8. Школы монтеровъ (Monteurschule) въ Фрейбургѣ и Мангеймѣ и школа десятниковъ въ Фрейбургѣ.

Въ то время, какъ строительныя училища имѣютъ цѣлью подготовлять среднихъ техниковъ для техническихъ бюро для построекъ и сооруженій, а также правительственныхъ техниковъ по строительному дѣлу, а дополнительныя школы имѣютъ въ виду дать соотвѣтствующее образованіе ремесленнымъ ученикамъ (Lehrlinge), школы монтеровъ и школы десятниковъ по строительному дѣлу (Balierschule) предназначены для пополненія образованія лицъ, уже имѣющихъ за собою многолѣтнюю практику на постройкахъ и въ мастерскихъ.

Въ школы монтеровъ и десятниковъ принимаютъ лицъ не моложе 20 лѣтъ, работавшихъ на постройкахъ или въ мастерскихъ не менѣе шести лѣтъ (въ это число засчитываются и годы ученичества) и успѣшно посѣщавшихъ дополнительныя школы. Курсъ въ школѣ монтеровъ продолжается одинъ годъ, при 40 часахъ занятій въ недѣлю. Плата за ученіе 4 марки въ годъ. Учебные предметы: ариѳметика, рѣшеніе алгебраическихъ формулъ, геометрія, технологія металловъ, проекціонное и техническое черченіе, промышленные законы и (для желающихъ) свѣдѣнія по электротехникѣ. Учителей въ школѣ четыре (въ числѣ ихъ одинъ инженеръ). Въ школѣ десятниковъ курсъ продолжается всего одну зиму. Предметы: ариѳметика, составленіе смѣтъ, дѣловыя формы и счетоводство, строительные матеріалы,

орудія-машины, разбивка плана, огражденіе построекъ отъ несчастныхъ случаевъ, черченіе и рисованіе.

Теперь возвратимся къ основной нашей темѣ и познакомимся съ цифровыми данными, относящимися къ дополнительнымъ школамъ. Данныя эти могутъ быть представлены въ видѣ слѣдующей таблицы:

Годы.	Школъ.	Учащихся.	Учителей.	Средства школъ.				
				Отъ государственной казны.	Отъ городскихъ общинъ и ферейновъ.	Пожертвованія и стипендіи.	Плата за ученіе и другіе источники.	Всего.
1892	43	7.162	110	89.147	137.774	10.024	46.980	283.925
1897	44	7.531	119	117.229	210.464	7.881	46.173	381.774
1901	45	9.750	154	141.352	279.779	10.873	57.689	489.684

Сверхъ 489.684 марокъ, израсходованныхъ въ 1901 году на содержаніе 45 школъ, государственнымъ казначействомъ было отпущено еще около 20.000 марокъ на подготовку учителей для этихъ школъ, на экскурсіи учащихся, командировки учителей, на учебныя пособія и проч.

На основаніи § 120 общеимперскаго промышленнаго устава и дополнительныхъ постановленій Баденскаго правительства и мѣстныхъ общественныхъ управленій посѣщеніе почти всѣхъ этихъ школъ является обязательнымъ для тѣхъ ремесленныхъ учениковъ и подмастерьевъ, а также служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, которымъ еще не исполнилось 18-ти лѣтъ. Посѣщеніе остальныхъ немногихъ школъ обусловлено нѣкоторыми особыми постановленіями, въ которыхъ перечислены всѣ тѣ ремесла, ученики коихъ должны посѣщать названныя школы, а въ нѣкоторыхъ, наоборотъ, перечислены ремесла, для учениковъ коихъ посѣщеніе школъ не обязательно. Только въ немногихъ школахъ продолжительность обученія опредѣлена двумя годами, въ большинствѣ же курсъ трехлѣтній. Учебный планъ только въ общихъ чертахъ опредѣляется центральнымъ училищнымъ упра-

вленіемъ, но въ подробностяхъ разрабатывается мѣстными училищными совѣтами въ зависимости отъ характера мѣстныхъ промысловъ. Какъ и въ описанной выше школѣ въ Карлсруэ, на курсахъ проходятъ ариѳметику, геометрію, калькуляцію, счетоводство, дѣловыя формы, геометрическое, проекціонное и спеціальное черченіе, рисованіе, физику, механику, технологію металловъ. Точно также, какъ и въ названной школѣ, при нѣкоторыхъ курсахъ учреждены мастерскія для практическихъ занятій, имѣющія цѣлью дать учащимся возможность всесторонне изучить избранное ими ремесло. Правительство поощряетъ учрежденіе такихъ учебныхъ мастерскихъ и отпускаетъ спеціально на это дѣло ежегодно по 10.000 марокъ въ пособіе къ затратамъ изъ мѣстныхъ источниковъ.

Учебный планъ каждаго годового курса дополнительной школы разсчитанъ на 8-мь часовъ въ недѣлю, изъ коихъ отъ 3-хъ до 4-хъ назначаются на классные предметы и отъ 4-хъ до 5-ти часовъ на графическія занятія. Въ нѣкоторыхъ же школахъ на основаніи мѣстныхъ статутовъ, число недѣльныхъ часовъ ученія доходитъ до 12-ти.

Только въ 15-ти школахъ, изъ 43-хъ, сохранилось еще воскресное ученіе, когда учащіеся занимаются черченіемъ или рисованіемъ. Въ 21-ой школѣ занятія происходятъ исключительно днемъ въ будни, но и въ остальныхъ школахъ на вечернія занятія затрачивается не болѣе 20% общаго числа часовъ занятій въ школѣ, т. е. изъ 8 недѣльныхъ часовъ только 1½ часа приходится на вечернее время. Отсюда видно, какъ далеко подвинулся въ герцогствѣ Баденскомъ вопросъ объ отмѣнѣ вечернихъ занятій.

Что касается платы за ученіе, то, на основаніи правительственнаго распоряженія 1889 г., таковая не должна превышать 60 пфенниговъ въ мѣсяцъ. Нѣкоторыя же школы, а именно 11 изъ 43, не берутъ никакой платы за ученіе. Здѣсь умѣстна еще слѣдующая справка о времени учрежденія этихъ школъ. Въ періодъ 1833—1840 г. учреждены 20 школъ; въ 1840—1850 г.—4 школы; въ 1850—1870 г.—9 школъ; въ 1870—1890 г.—7 школъ; въ 1890—1902 г.—3 школы.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что при большинствѣ изъ перечисленныхъ школъ имѣются особые классы (Handelsabteilung) для лицъ, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ.

На ряду со школами описаннаго типа въ Германіи распространены еще особыя дополнительныя школы (Fortbildungsschulen), имѣющія

ту же цѣль послѣшкольнаго образованія, но съ менѣе спеціальнымъ характеромъ обученія. Тѣми же законами и особыми мѣстными постановленіями, о которыхъ говорилось выше, опредѣляется обязательность посѣщенія и этого типа школъ.

Въ герцогствѣ Баденскомъ въ 1901 году функціонировало въ разныхъ мѣстностяхъ страны 90 такихъ дополнительныхъ школъ. О степени ихъ развитія въ теченіе ряда лѣтъ, о числѣ учителей, учащихся и затратахъ государства на ихъ содержаніе можно судить по даннымъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Школъ.	Учителей.	Учащихся.	Пособіе отъ государственной казны.
1892 . .	35	50	976	13.520
1897 . .	62	83	1.398	24.730
1901 . .	90	120	1.992	33.600

Всѣ эти школы помѣщаются въ зданіяхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и потому не имѣютъ возможности въ полной мѣрѣ пользоваться дневнымъ ученіемъ въ будни и вынуждены переносить его на вечера и воскресные дни.

Наконецъ, для полноты очерка объ образовательныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ въ герцогствѣ Баденскомъ, необходимо еще упомянуть объ особыхъ дополнительныхъ школахъ, предназначенныхъ для подростковъ, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ.

Обязательность посѣщенія этихъ школъ опредѣляется тѣмъ же § 120 имперскаго промышленнаго устава, а равно и особыми мѣстными постановленіями. Программа школъ разсчитана на три учебныхъ года и въ нее включены слѣдующіе предметы: коммерческая ариөметика, правописаніе, чистописаніе (или стенографія), торговая географія, торговая корреспонденція, товаровѣдѣніе, бухгалтерія, торговое и вексельное право. Кромѣ того въ четырехъ школахъ введено обязательное изученіе французскаго языка, въ одной школѣ, кромѣ француз-

скаго, обязателенъ англійскій языкъ, въ 10 школахъ обязательна стенографія и въ 17 школахъ иностранные языки преподаются только желающимъ. Въ большинствѣ школъ введено совмѣстное обученіе лицъ мужского и женскаго пола, но четыре школы спеціально учреждены для женщинъ.

Во всѣхъ школахъ занятія происходятъ въ будни, при чемъ въ 15-ти школахъ введены исключительно дневныя занятія, въ 10-ти школахъ изъ общаго числа часовъ занятій 76% отнесены на дневное время, и только въ двухъ школахъ учатся исключительно по вечерамъ. Число часовъ занятій не одинаково во всѣхъ школахъ и колеблется въ широкихъ предѣлахъ отъ 5 до 24 часовъ въ недѣлю. Плата за ученіе въ годъ, сравнительно съ курсами для ремесленниковъ, довольно высокая, 24 марки въ годъ.

О степени развитія торговыхъ дополнительныхъ школъ и о размѣрѣ государственнаго пособія можно судить по даннымъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Число школъ.			Размѣръ пособія отъ государственной казны.
	Получающихъ пособіе отъ казны.	Не получающихъ пособія отъ казны.	Всего.	Марокъ.
1892 . .	6	8	14	3.850
1897 . .	14	2	16	9.700
1901 . .	21	6	27	15.130

Къ 1 января 1902 г. въ названныхъ школахъ числилось 115 учителей, 2.313 учениковъ и 205 ученицъ.

Подведемъ теперь итоги.

Типы школъ.	Къ 1-му января 1902 года.								
	Школъ.	Учащихъ.	Учащихся.	Источники содержанія въ маркахъ.				На одну школу.	На одного ученика.
				Государственнаго казначейства.	Городскія, сельскія и другія общины.	Сборъ платы за ученіе.	Всего.		
Gewerbeschulen	45	154	9.750	141.352	279.770	68.562	489.684	10.800	50
Fortbildungsschulen	90	120	1.992	33.600	96.400	10.000	140.000	1.500	70
Kaufmanische Fortbildungsschulen	27	115	2.518	15.130	123.000	50.000	188.130	6.970	75

Всѣ эти курсы находятся въ 126 городахъ и мѣстечкахъ Бадена.

IX.

Распространеніе дополнит. школъ въ Пруссіи.

Дополнимъ наши свѣдѣнія о распространеніи дополнительныхъ школъ въ Германіи еще слѣдующими статистическими данными.

Въ Пруссіи въ 1905 г. функціонировало около 2.000 дополнительныхъ школъ, учрежденныхъ городскими общинами и разными промышленными союзами и ферейнами. Въ слѣдующей таблицѣ помѣщены свѣдѣнія о числѣ школъ и о числѣ учащихъ и учащихся.

	Школъ.	Учениковъ.	Учителей.
1. Городскія дополнительныя школы.			
а) Для ремесленниковъ	1.200	201.716	9.720
б) Для лицъ, занимающихся торговлей	280	31.670	
2. Цеховыя школы	428	28.043	1.785

По сравненію съ данными за 1902 г. число школъ возрасло на 12%, а число учащихся на 20%.

Въ числѣ прусскихъ провинцій по развитію дополнительнаго образованія заслуживаетъ быть отмѣченнымъ Ганноверъ. Въ 1877 г. въ этой провинціи при 2.120 тыс. жителей было всего 35 дополнительныхъ школъ. Двадцать лѣтъ спустя число школъ возрасло до 90, и, наконецъ, въ 1904 г. при населеніи въ 2.500 тыс. ихъ уже было 150. На содержаніе этихъ школъ въ 1904 г. городскими и сельскими общинами израсходовано около 444 тыс. марокъ.

Въ числѣ отдѣльныхъ городовъ, какъ и слѣдовало ожидать, Берлинъ занимаетъ первое мѣсто по расходамъ, какъ на начальныя, такъ и на дополнительныя школы. Берлинское городское управленіе на эти статьи ежегодно ассигнуетъ свыше 20-ти милліоновъ марокъ. Въ 1904—1905 гг. учебномъ году въ 24 дополнительныхъ школахъ Берлина было 34.287 учениковъ, въ томъ числѣ 24.058 ремесленныхъ учениковъ.

Изъ этихъ школъ обращаетъ на себя вниманіе ремесленное училище на Andreasstrasse (Zweiter Berliner Handwerkerschule). Учатся въ этой школѣ въ будни въ послѣобѣденное время и по вечерамъ, а въ воскресные дни—до обѣда.

Выборъ учебныхъ предметовъ предоставляется каждому учаще-

муся при непремѣнномъ условіи достаточной образовательной практической подготовки, необходимой для изученія избраннаго предмета. Въ 1904—1905 г. въ школѣ было 2.896 учениковъ, въ томъ числѣ ремесленныхъ учениковъ 1.468. Плата за ученіе въ теченіе одного полугодія:

за 8 час. или менѣе въ недѣлю 6 марокъ.
„ 9—12 „ „ „ 9 „
„ 13 и болѣе . . . . 12 „

Свѣдѣнія о числѣ курсовъ по разнымъ предметамъ и о числѣ учащихся:

Зимній семестръ 1904—1905 г.

Учебные предметы.	Число курсовъ.	Число часовъ въ недѣлю.	Число изучавшихъ предметъ.
Черченіе	15	4	501
Проекціонное черченіе	6	4	194
Рисованіе съ гипсовъ и тѣлъ	27	4	247
Техническое черченіе:			
Для машиностроителей	7	4	212
„ механиковъ и установщиковъ электричества	5	4	119
„ слесарей механич. заводовъ	4	4	132
„ слесарей и кузнецовъ художественныхъ издѣлій	3	4	98
„ жестянниковъ и металлодавильщиковъ .	2	4	88
„ каменьщиковъ и каменотесовъ	9	4	351
„ столяровъ и токарей	6	4	198
„ маляровъ, альфрейщиковъ и декораторовъ	11	4	495
Курсъ алгебры	13	4	433
„ геометріи.	13	2	433
Моделированіе	8	4	250
Бухгалтерія и калькуляція	6	2	210
Физика	2	4	52
Практическія упражненія въ травленіи и чеканкѣ	3	4	122
Въ ковкѣ художественныхъ издѣлій . . .	3	4	117

Мы не помѣщаемъ здѣсь всѣхъ курсовъ, а ихъ въ школѣ было 45; такъ, кромѣ перечисленныхъ, были курсы по слѣдующимъ предметамъ: по стереометріи, по химіи, по механикѣ, деталямъ машинъ, по фотографіи, по техническому черченію и рисованію для водопроводчиковъ и установщиковъ отопленія, для граверовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, для скульпторовъ, гипсовщиковъ, для дантистовъ и проч. и проч.

X.

Объ учителяхъ. Учительскіе съѣзды. Плата учителямъ.

При организаціи дополнительныхъ школъ важнымъ является вопросъ объ учителяхъ, разрѣшаемый въ общеобразовательной школѣ иначе, чѣмъ здѣсь. Ученикъ дополнительной школы располагаетъ для занятій немногими часами, и къ нему не примѣнима та система обученія, которая принята въ школахъ съ многолѣтнимъ курсомъ. Въ этихъ послѣднихъ часто имѣются въ виду отдаленныя цѣли, позволяющія выбирать и располагать учебный матеріалъ и упражненія, не задаваясь ближайшимъ ихъ практическимъ приложеніемъ. Между тѣмъ учащійся въ дополнительной школѣ каждый урокъ оцѣниваетъ вынесонными изъ него практическими свѣдѣніями. Отъ этой дѣловой оцѣнки школы, какъ показалъ опытъ, въ значительной степени зависитъ аккуратность посѣщенія уроковъ. Поэтому преподаватель долженъ быть хорошо знакомъ съ тѣми побужденіями, которыя привели ученика на курсы; онъ долженъ быть также хорошо знакомъ съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ къ рабочему практика его промысла. При организаціи дополнительныхъ школъ не слѣдуетъ пользоваться штатными учителями другихъ учебныхъ заведеній, ибо у названной школы много своего дѣла и ей нужны свѣжія силы. Та индивидуализація учащихся, къ которой такъ тщетно стремится общая школа, является еще болѣе обязательной на курсахъ для рабочихъ. Здѣсь имѣютъ дѣло съ учащимися, часто не умѣющими разобраться въ своихъ образовательныхъ стремленіяхъ. Постоянный учитель въ такихъ случаяхъ можетъ принести дѣлу огромную пользу.

Дополнительная школа долго не могла привлечь къ себѣ учителей. Прежде всего для вечернихъ и воскресныхъ занятій оказывалось мало охотниковъ; съ другой стороны правительства и общины не позаботились удовлетворительно обставить служебное положеніе учителей: вознагражденіе имъ было положено невысокое, права и преимущества

правительственной службы на нихъ не распространялись. Вслѣдствіе этого въ дополнительную школу шелъ по вольному найму преподаватель общеобразовательной школы и при томъ совершенно не подготовленный къ занятіямъ со взрослыми и къ преподаванію спеціальныхъ предметовъ.

Спеціальныя задачи школы требуютъ и спеціальной подготовки учителя. Въ Германіи это давно сознали, и съ этой цѣлью устраиваютъ особые курсы для подготовки учителей и особые ежегодные съѣзды, на которыхъ дѣятели по техническому образованію обмѣниваются своими наблюденіями и вносятъ свои предложенія о тѣхъ или иныхъ преобразованіяхъ въ организаціи дополнительной школы.

Такіе курсы устраиваются въ лѣтнее время при политехникумахъ или при среднихъ техническихъ и художественныхъ училищахъ. Каждый учитель, заявившій желаніе посѣщать курсы, получаетъ пособіе отъ 100 до 170 марокъ въ зависимости отъ продолжительности курсовъ, которые бываютъ четырехъ-и шестинедѣльные. Такъ въ 1905 году въ Лейпцигѣ и въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ курсы для учителей дополнительныхъ школъ продолжались по шести недѣль.

Въ томъ же 1905 г., въ Штетинѣ состоялся восьмидневный съѣздъ учителей, на которомъ въ числѣ прочихъ докладовъ обсуждались вопросы: „О необходимости раздѣленія учащихся на группы по роду ремеслъ“ и „О пенсіонной кассѣ учителей“.

Въ настоящее время учителя дополнительныхъ школъ получаютъ болѣе высокую плату по сравненію съ учителями общеобразовательныхъ школъ. Такъ, въ городѣ Гагенѣ съ 1905 г. директору дополнительной школы назначено въ годъ 4.200 марокъ и засимъ двухлѣтнія прибавки по 200 марокъ. По достиженіи 5.400 марокъ прибавки прекращаются. Кромѣ того, выдаются квартирныя деньги въ размѣрѣ 660 марокъ въ годъ. Первоначальное содержаніе штатнаго учителя спеціальныхъ предметовъ—3.400 марокъ, включая 600 марокъ квартирныхъ, засимъ періодическія прибавки до 4.800 марокъ. Содержаніе учителя общеобразовательныхъ предметовъ — 1.800 марокъ, трехлѣтнія прибавки по 200 марокъ до 3.000 марокъ, кромѣ того 300 марокъ квартирныхъ. Приблизительно содержаніе въ такомъ же размѣрѣ получаютъ учителя дополнительныхъ школъ и въ другихъ городахъ.

Заключеніе.

Подведемъ итоги.

Каждая страна должна позаботиться объ общемъ и профессіональномъ образованіи своего населенія. Общее образованіе достигается посредствомъ народной школы. Но для сообщенія прикладныхъ знаній и навыковъ, вслѣдствіе колоссальныхъ затратъ, которыя потребовались бы для этой цѣли, способъ школьнаго обученія является неосуществимымъ даже въ государствахъ, не останавливающихся передъ крупными затратами на народное образованіе. И потому существующій издавна способъ практическаго изученія промысловъ, способъ такъ называемаго промысловаго ученичества, является для огромной массы населенія единственно доступнымъ. Извѣстно, однако, что этотъ способъ при условіяхъ современной промышленной организаціи имѣетъ крупные недостатки. Система крайняго раздѣленія труда и желаніе работодателей извлечь возможно большія выгоды изъ дѣла, не позволяютъ каждому въ отдѣльности рабочему научить всесторонне избранную имъ отрасль промысла. Чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить несовершенства промысловаго ученичества, въ Германіи учреждаются *особыя дополнительныя школы (Fortbildungsschule, Gewerbeschule, Handwerkerschule). Только подростки, исправно посѣщавшіе обязательную семи или восьмилѣтнюю начальную* школу, принимаются въ дополнительную школу, и потому послѣднюю чаще всего называютъ школой дальнѣйшаго образованія.

Согласно общему для всей Германіи закону о промышленности работодатели обязаны предоставлять работающимъ у нихъ подросткамъ время для посѣщенія дополнительной школы.

Въ настоящее время почти повсемѣстно въ Германіи введено обязательное посѣщеніе дополнительной школы.

Главное управленіе школами находится въ вѣдѣніи одного изъ министерствъ. Ближайшее же завѣдываніе школами, равно какъ и учрежденіе и содержаніе ихъ, находится въ рукахъ школьныхъ комитетовъ, избираемыхъ мѣстными общинами.

Обязательность посѣщенія дополнительной школы выражается въ формахъ, неодинаковыхъ не только въ разныхъ государствахъ Германіи, но даже въ разныхъ общинахъ одного и того же государства. Законодательными нормами опредѣляется только минимумъ учебнаго времени этой школы—четыре часа въ недѣлю при 3-хъ лѣтней про-

должительности ученія. Что же касается учебнаго плана, назначенія времени для ученія и проч., то это входитъ въ кругъ обязанностей общиннаго школьнаго комитета.

Дополнительная школа имѣетъ дѣло съ учащимися, занятыми дневной работой на промыслахъ, вслѣдствіе чего ученіе въ школахъ въ прежнее время назначалось на вечера въ будни и на дообѣденные часы въ воскресные дни. Но вечернія занятія оказались малоуспѣшными, ибо учащіеся приходили въ школу уже утомленные дневнымъ трудомъ. Противъ вечернихъ занятій протестовали учителя, ученики и общество, эти часы отстаивали только работодатели. Не пользовались сочувствіемъ и воскресныя занятія. Это день для семьи, для духовнаго развитія.

Въ настоящее время вечернія занятія въ дополнительныхъ школахъ въ Германіи мало-по-малу отмѣняются и переносятся на дневныя часы: отъ 7½ до 11½ час. утра или отъ 4 до 7 час. вечера. Въ Баденѣ, Вюртембергѣ воскресныя занятія отмѣнены и только въ немногихъ школахъ продолжается еще ученіе по вечерамъ.

Дополнительныя школы прежде учреждались при начальныхъ школахъ, затѣмъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и пользовались какъ учебными пособіями, такъ и персоналомъ названныхъ училищъ. Но такое совмѣщеніе неудобно: классная мебель не приходится по возрасту учащимся, учебныя пособія не отвѣчаютъ спеціальнымъ требованіямъ дополнительной школы, учителя не компетентны преподавать спеціальные предметы. Поэтому теперь повсемѣстно въ Германіи строятъ особыя зданія для дополнительныхъ школъ, приспособленныя и оборудованныя надлежащимъ образомъ. Наконецъ, при этихъ же школахъ начинаютъ устраивать и учебныя мастерскія по слесарно-кузнечному и малярному дѣлу, по электротехникѣ, моделированію, ткачеству и пр.

Для подготовки учителей учреждаются особые курсы, созываются съѣзды дѣятелей по профессіональному образованію. Для привлеченія персонала преподавателямъ присваиваютъ права государственной службы, обезпечиваютъ ихъ пенсіей и проч.

Значеніе дополнительной школы, какъ учрежденія для обученія и воспитанія дѣятелей, занятыхъ на различныхъ промыслахъ, въ Германіи установлено незыблемо. Когда говорятъ о высокой степени техническаго образованія въ этой странѣ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что армія нѣмецкихъ промысловыхъ агентовъ, формируясь изъ подростковъ на фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ, въ

торговыхъ заведеніяхъ и проч., получаетъ въ дополнительныхъ школахъ образованіе и навыки, соотвѣтствующіе потребностямъ каждаго промысла. Успѣхъ такой системы поразительный. Германія догнала и даже опередила такія промышленныя страны, какъ Англія. Издѣлія съ клеймомъ „Made in Germany" почти повсюду побиваютъ англійскія и проникаютъ даже въ самую Англію, захватывая ея внутренніе рынки.

Д. Поддерегинъ.

ГЕРБАРТЪ, ШТРЮМПЕЛЬ И ИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СИСТЕМЫ.

Die eigentliche Vollenderin der Erziehung ist die Philosophie, aber die Gefahren der Philosophie abzuwenden ist das Amt der Mathematik. *Herbart* [1]).

Die Philosophie gleich jenen gewaltigen Schlinggewächsen in den tropischen Gegenden, von denen uns die Reisenden erzählen. Sie ranken sich um alle Stämme und Aeste des Urwaldes, klettern von Baum zu Baum.... Ebenso ranken sich die philosophischen Gedanken durch alle Teile unserer Kultur: durch alle Wissenschaften, durch alle Künste, durch alle Einrichtungen des Staates und des öffentlichen Lebens, durch die stillen Gemächer des Hauses. *Strümpell* [2]).

....при помощи математическихъ наукъ, съ одной стороны, складывается самымъ лучшимъ образомъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ общества, съ другой—вносится гармонія и порядокъ въ міросозерцаніе. *Бугаевъ* (Мат. Сборн. т. XXI).

Едва ли возможно указать среди всѣхъ дѣятелей въ различныхъ сферахъ теперь объединенной Германской имперіи на протяженіи всего XIX столѣтія такое лицо, вліяніе котораго на складъ семейной, общественной и государственной жизни нѣмецкой націи могло бы рав-

---

[1]) *„Дѣйствительной завершительницей воспитанія служитъ философія, но предотвратить опасности философіи есть обязанность математики* (Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung. IV, nº 15).

[2]) Философія подобна гигантскимъ вьющимся растеніямъ тропическихъ странъ, о которыхъ намъ разсказываютъ путешественники. Они вьются своими отпрысками вокругъ стволовъ и вѣтвей дѣвственнаго лѣса, ползутъ съ дерева на дерево.... Точно также и философскія мысли своими отпрысками пронизываютъ всѣ части нашей культуры: всѣ науки, всѣ искусства, всѣ государственныя и общественныя учрежденія, также и тихія жилища у домашняго очага (Abhandlungen aus dem Gebiete der Ethik, der Staatswissenschaft, der Aesthetik und der Theologie. Leipzig. 1895. Heft 5. I).

няться съ вліяніемъ *Гербарта* на весь строй и все современное культурное развитіе Германской имперіи. Это вліяніе *Гербарта* проявилось не вдругъ, не въ видѣ кратковременной блестящей вспышки въ культурномъ развитіи народа; нѣтъ, оно дѣйствовало медленно, постепенно, но проникло во всѣ самыя потаенные уголки соціальной жизни нѣмецкаго народа и способствовало быстрому матеріальному и духовному обогащенію послѣдняго, совершившемуся почти на нашихъ глазахъ [1]).

Научная система воспитательнаго обученія есть названіе великаго творенія *Гербарта*, столь много способствовавшаго преобразованію при посредствѣ школы всего соціальнаго строя жизни германскаго народа.

И по сіе время въ школахъ Германіи процвѣтаетъ система *Гербарта*, если не по формѣ, то по духу [2]). Хотя въ настоящее время имѣются уже попытки измѣнить эту систему, но онѣ дали пока возможность преобразовать лишь нѣкоторыя ея детали и не получили еще законченной формы [3]). Изъ этихъ попытокъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ не измѣненіе, а скорѣе развитіе системы

---

[1]) См. мое сочиненіе: „Плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта. (Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ). Юрьевъ. 1906.

[2]) Послѣдователи Гербарта нѣсколько утрировали форму его системы, что создало много враговъ гербартовскаго направленія. Такъ, напримѣръ, школьные инспекторы, приходя на урокъ, требовали, чтобы матеріалъ урока былъ по минутамъ распредѣленъ по *формальнымъ ступенямъ Гербарта*. Это чрезмѣрное усердіе и формалистика *„ортодоксальныхъ гербартіанцевъ“* теперь отжили свое время, и для школьнаго дѣла въ настоящее время имѣетъ значеніе болѣе глубокое пониманіе идей *Гербарта*.

[3]) Нѣкоторые изъ современныхъ педагоговъ особенно увлекаются новыми данными экспериментальной психологіи лейпцигскаго профессора *Вундта* и его *теоріей волюнтаризма*. Они разсчитываютъ преобразовать систему *Гербарта* на этихъ новыхъ началахъ. Самъ *Вундтъ* не раздѣляетъ пока увлеченій своихъ пылкихъ приверженцевъ и говорилъ мнѣ лично, что „педагогическая система *Гербарта* остается до настоящаго времени самою совершенною и законченною“. Профессоръ *Бартъ*, извѣстный издатель журнала „Vierteljahrsschrift für wissensch. Philos. und Sociologie“, только-что выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „Die Elemente der Erziehungs-und Unterrichtslehre auf Grund der Psychologie der Gegenwart“, которое представляетъ полную систему педагогики, построенную на началахъ психологіи и философіи *Вундта*, но сохранившую еще много существенныхъ принциповъ педагогики *Гербарта*. Проф. *Мейманъ*, издающій журналъ „Archiv für gesammte Psychologie“ и занявшій въ настоящее время каѳедру психологіи и педагогики въ Кёнигсбергѣ, особенно усердно занимается экспериментальной педагогикой; онъ издалъ сочиненіе „Die experimentelle Pädagogik. Heft I. Wiesbaden“.

Гербарта въ трудахъ одного изъ наиболѣе выдающихся его послѣдователей—его ученика *Л. Штрюмпеля*, создавшаго новую область педагогическихъ изслѣдованій — *Педагогическую Патологію*, которая выдвинула, съ одной стороны, вопросы о ненормальностяхъ дѣтей въ педагогическомъ отношеніи, а съ другой—пролила много свѣта и на примѣненіе системы *Гербарта* въ дѣлѣ обученія-воспитанія дѣтей нормальныхъ.

На изслѣдованіяхъ *Штрюмпеля* возникло или, лучше сказать, вполнѣ оформилось, новое теченіе въ педагогикѣ, имѣющее названіе „Kinderforschung", журналъ котораго „Kinderfehler. Zeitschrift für Kinderforschung mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Pathologie" былъ основанъ при непосредственномъ содѣйствіи самого *Штрюмпеля* и приверженцы котораго составляютъ въ Германіи „Verein für Kinderforschung", устраивающій отъ времени до времени общія собранія своихъ сочленовъ въ различныхъ городахъ. Послѣднее собраніе (по счету шестое) имѣло мѣсто въ Лейпцигѣ съ 14 по 16 октября 1904 года, а въ этомъ году въ началѣ октября устраивается въ Берлинѣ „Kongress für Kinderforschung und Jugendfürsorge", который обѣщаетъ быть весьма разностороннимъ, если судить по лицамъ, подписавшимъ воззваніе (Aufruf) къ этому конгрессу.

Позволю себѣ привести здѣсь начало рѣчи предсѣдателя лейпцигскаго собранія, директора *Трюпера* [1]), прекрасно характеризующее направленіе означеннаго общества: „Hochgeehrte Damen und Herren! Unsere Bestrebungen gehen etwas gegen den Strom der Zeit, wo der Sozialismus und die soziale Forschung unser gesamte öffentliche Leben zu beherrschen und zu beeinflussen streben. Durch den Sozialismus wurde die Gleichheit aller die Parole für die Masse, die Gleichmacherei soll für alle Freiheit und Brüderlichkeit, das grösste Glück der grössten Menge bringen. Seine Kehrseite und sein Irrtum liegen darin, dass er das Individuum mit seiner Eigenart nicht zu seinem vollen Rechte kommen lässt".

„Den entgegengesetzten Weg verfolgen wir. Die Inangriffnahme des Studiums des Kindes entsprang dem Gefühl, dass man der Eigenart der Kinder in Erziehung und Unterricht nicht gebührend Rechnung trage und infolgedessen tausende zu Grunde gehen oder doch Schaden an Leib und Seele nehmen. Denn wie der Sozialismus im wirtschaftlichen und

[1]) Директоръ образцово устроеннаго воспитательнаго заведенія въ Іенѣ: „Erziehungsheim und Kindersanatorium auf der Sophienhöhe bei Iena".

politischen Leben nur mit Durchschnittsleistungen ziffermässig rechnet, so rechnen Schule und Unterricht nicht selten nur mit einer Durchschnittsseele, einer Normalseele, bei der das Hervorragende wie das Minderwertige zu kurz kommen u. s. w." [1]).

Въ Лейпцигѣ ученики и послѣдователи *Штрюмпеля* группируются около научнаго общества „Vereinigung zur Pflege exakter Pädagogik in Leipziger Lehrerverein". При этомъ обществѣ въ настоящее время уже рѣшено основать „Институтъ для экспериментальной психологіи и педагогики" [2]), который несомнѣнно будетъ способствовать развитію нашихъ свѣдѣній о разнообразіи какъ нормальныхъ способностей, такъ и недостатковъ дѣтей. Этимъ вопросомъ *Штрюмпель* сталъ заниматься почти съ самаго начала своей научно-педагогической дѣятельности и уже въ 1844 году обнародовалъ статью „Die Verschiedenheit der Kindernaturen", послѣднее изданіе которой появилось въ 1894 году. Первыя идеи его работъ по этому вопросу,—по словамъ его ученика д-ра *А. Шпитцнера* [3]),—находятся даже въ неопубликованномъ

---

[1]) Мм. г-ни и г-ри! Наши стремленія идутъ отчасти противъ теченія настоящаго времени, когда соціализмъ и соціальныя изслѣдованія стремятся завладѣть и подчинить своему вліянію всю нашу общественную жизнь. Благодаря соціализму, равенство всѣхъ сдѣлалось паролемъ для массы, устройство этого равенства должно дать свободу, братство и величайшее счастье множеству. Его обратная сторона и его заблужденіе заключается въ томъ, что онъ не допускаетъ каждаго индивидуума съ его особенностями добиться своихъ полныхъ правъ.

Мы слѣдуемъ по пути, совсѣмъ противоположному. Запросъ на изученіе ребенка произошелъ изъ того убѣжденія, что особенности дѣтей не достаточно учитываются при ихъ воспитаніи и обученіи, и вслѣдствіе этого тысячи дѣтей погибаютъ или, по крайней мѣрѣ, получаютъ тѣлесныя и душевныя поврежденія. Подобно тому какъ соціализмъ въ экономической и политической жизни производитъ числовой разсчетъ средней работоспособности, такъ школа и обученіе нерѣдко продѣлываетъ то же самое съ среднею душою, съ нормальною душою, у которой все выдающееся и все ограниченное отсутствуютъ почти сполна и т. д. (Bericht über VI. Versammlung des Vereins für Kinderforschung. Langesalza. 1905).

[2]) Занятія въ этомъ институтѣ предполагали открыть съ апрѣля сего года подъ руководствомъ приватъ-доцента *Браана*.

[3]) Д-ръ *Шпитцнеръ* занимается въ настоящее время изслѣдованіями, совмѣстно съ профессоромъ *Лампрехтомъ*, по весьма важному вопросу „психологіи народовъ" (Völkerpsychologie)—*о параллелизмѣ въ развитіи народовъ и въ развитіи отдѣльныхъ индивидуумовъ*, который дастъ много фактическаго матеріала при осуществленіи идеи Гербарта о *культурныхъ ступеняхъ обученія*, подробно развитой Циллеромъ (см. дальше въ концѣ гл. II). Между прочимъ, при означенныхъ изслѣдованіяхъ сравниваются развитія способности воспроизводить предметы на рисункахъ (См. *Levinstein*. Kinderzeichnungen bis 14. Jahren. Leipzig).

сочиненіи „Ueber den Begriff des Individuums", относящемуся къ 1837 году.

Классическое сочиненіе по изученію недостатковъ дѣтей въ педагогическомъ отношеніи—„Pädagogische Pathologie" написано *Штрюмпелемъ* на восьмидесятомъ году его жизни и въ настоящее время готовится д-ромъ *А. Шпитцнеромъ* его четвертое изданіе. Громадное значеніе этого труда Штрюмпеля было неоднократно выясняемо на педагогическихъ съѣздахъ. Такъ, напримѣръ, на съѣздѣ въ Бреславлѣ (Pfingsten 1898) д-ромъ *Каалемъ* было установлено: „heute ist die hohe philanthropische, pädagogische und sozialökonomische Bedeutung der pädagogischen Pathologie wohl allgemein anerkannt" [1]). Точно также на вышеупомянутомъ лейпцигскомъ съѣздѣ предсѣдательствующимъ *Трюперомъ* въ его рѣчи было сказано: „Hier (in Leipzig) wirkte Prof. *L. Strümpell*, der in seinem *wissenschaftlich-pädagogischen Praktikum* seine zahlreichen Schüler dem pädagogischen Studium der Kinderseele zuführte, der in seiner „psychologischen" Pädagogik dieser Arbeit neue Gesichtspunkte erschloss und noch als Greis von 80 Jahren für das *Studium der Fehler der Kinder* ein klassisches Werk schrieb. Seine „Pädagogische Pathologie", neu herausgegeben von unserem hiesigen Vereinsmitgliede Dr. *Spitzner*, ist in dieser Richtung bahnbrechend geworden" [2]).

Однако, признаваемое въ настоящее время многими педагогами важное значеніе идей *Штрюмпеля* сначала не было понято даже великимъ учителемъ послѣдняго — *Гербартомъ*. Когда 22-хъ-лѣтній *Штрюмпель* послѣ двухгодичныхъ занятій въ Кёнигсбергѣ у Гербарта слушалъ лекціи профессора математики въ Лейпцигскомъ университетѣ *Дробиша—по математической психологіи* и продолжалъ вести оживленную переписку съ *Гербартомъ*, у него зародились впервые его идеи по усовершенствованію гербартовской психологіи. *Штрюмпель*

---

[1]) „Высокое филантропическое, педагогическое и соціалэкономическое значеніе педагогической патологіи признано теперь всѣми".

[2]) „Здѣсь проявлялъ свою дѣятельность профессоръ *Л. Штрюмпель*, который въ своихъ *практическихъ занятіяхъ по научной педагогикѣ* съ многочисленными учениками вводилъ послѣднихъ въ изученіе дѣтской души, который въ своей „психологической" педагогикѣ указалъ означенному дѣлу новыя точки зрѣнія и который, имѣя уже почтенный 80-ти лѣтній возрастъ, написалъ классическое сочиненіе *для изученія недостатковъ дѣтей*. Его „Педагогическая Патологія", вновь изданная нашимъ сочленомъ д-ромъ *Шпитцнеромъ*, сдѣлалась прокладывательницею новыхъ путей въ этомъ направленіи".

былъ убѣжденъ, что эти его идеи не идутъ въ разрѣзъ съ основными принципами психологіи *Гербарта*, а лишь служатъ необходимыми дополненіями къ послѣднимъ. По другого мнѣнія былъ его учитель. Когда появилась въ печати въ 1834 г. первая часть обширно задуманнаго сочиненія *Штрюмпеля*: „Erläuterungen zu Herbarts Philosophie, mit Rücksicht auf die Berichte, Einwürfe und Missverständnisse ihrer Gegner“, *Гербартъ* осыпалъ упреками своего до того времени любимаго ученика въ томъ, что послѣдній „забылъ“ его психологію, что послѣдній „пошелъ изъ его психологическаго сада по ложному пути“ (aus seinem psychologischen Garten verirrt) и, наконецъ, послѣ нѣкотораго обмѣна письмами прервалъ окончательно сношеніе со *Штрюмпелемъ*.

Такъ какъ въ то время вліяніе *Гербарта* во всей Германіи было чрезвычайно большое и вездѣ въ педагогическомъ мірѣ царило *„ортодоксальное гербартіанство“*, не отступавшее ни на іоту отъ формъ созданныхъ *Гербартомъ*, то *Штрюмпелю* пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ на научно-педагогическую карьеру въ предѣлахъ Германіи, и онъ принужденъ былъ переселиться, уже въ слѣдующемъ 1835 г., въ *Курляндію*, сначала въ качествѣ домашняго учителя у графа *Медема*. Лишь черезъ десять лѣтъ — въ 1845 г. *Штрюмпель* получилъ профессуру въ *Дерптскомъ* университетѣ, которую занималъ въ теченіе 25 лѣтъ, и затѣмъ возвратился въ Лейпцигъ, гдѣ жилъ до конца своихъ дней, занимая должность профессора педагогики.

Разрывъ съ *Гербартомъ* былъ особенно тяжелъ для *Штрюмпеля*, потому что послѣдній все время до конца своей жизни оставался преданнѣйшимъ почитателемъ генія своего учителя. И по возвращеніи *Штрюмпеля* въ Лейпцигъ, послѣ его двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности въ качествѣ профессора Дерптскаго университета, когда имъ было опубликовано много сочиненій объ изслѣдованіяхъ *Гербарта*, его разрывъ съ *Гербартомъ* не былъ забытъ многими гербартіанцами. Тѣмъ не менѣе, въ 1876 г., при открытіи памятника *Гербарту* въ г. Ольденбургѣ, *Штрюмпелю* было поручено составленіе и произнесеніе торжественной рѣчи, хотя противъ этого порученія сильно возражалъ ближайшій коллега *Штрюмпеля*, тоже профессоръ педагогики Лейпцигскаго университета—*Циллеръ*, припоминая враждебныя отношенія *Гербарта* къ *Штрюмпелю*. Въ этой рѣчи Штрюмпель далъ полный просторъ изліяніямъ своего глубокаго уваженія и благодарности къ памяти геніальнаго учителя.

До настоящаго времени вопросъ объ отношеніи педагогической

системы *Штрюмпеля* къ изслѣдованіямъ *Гербарта* продолжаетъ волновать умы нѣмецкихъ педагоговъ. Такъ, напримѣръ, въ 1904 г. появилась статья *О. Флюгеля* „*Herbart* und *Strümpell*“ [1]) и въ этомъ же году появилось возраженіе на нее д-ра *А. Шпитцнера* подъ тѣмъ же заглавіемъ [2]). Особенно рѣзкое сужденіе объ отношеніи изслѣдованій *Штрюмпеля* къ гербартовскимъ было высказано профессоромъ *Цигеномъ*: „*Strümpell* hat die *Herbart*'sche Lehre durch Einführung seiner «frei wirkender Kausalitäten»—NB. ein hölzernes Eisen—zur Unkenntlichkeit entstellt.“ [3]).

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду вполнѣ опредѣленно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи философско-математическихъ изслѣдованій московской математической школы. Я покажу, что разсѣянныя повсюду въ трудахъ *Гербарта* идеи о *прерывныхъ аритмологическихъ закономѣрностяхъ*, иногда въ весьма неясныхъ формахъ, составляютъ главное основаніе всѣхъ философскихъ и педагогическихъ изслѣдованій знаменитаго нѣмецкаго философа-педагога. Эти идеи *Гербарта* удерживали его отъ крайностей *матеріализма-детерминизма*, съ одной стороны, и *трансцендентальнаго идеализма* съ другой. Онѣ наложили особый отпечатокъ на научно-философское міровоззрѣніе *Гербарта*, которому наиболѣе подходящимъ названіемъ можетъ служить *реалъ-идеализмъ*, пріобрѣтшій довольно законченную форму, въ видѣ *аритмологическаго идеализма* [4]), въ философскихъ и педагогическихъ трудахъ московской математической школы и въ особенности въ трудахъ главы этой школы *Н. В. Бугаева*.

---

[1]) Pädagogisches Magasin. Heft 235. Langesalza. 1904.

[2]) Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. № 34, 1904.

[3]) *Th. Ziehen.* Das Verhältniss der Herbartschen Psychologie zur physiologisch-experimentellen. S. 71. 1900. „*Штрюмпель*“, говоритъ *Цигенъ*, „введеніемъ его: «свободно дѣйствующихъ причинностей»—NB. деревянное желѣзо—сдѣлалъ ученіе Гербарта совсѣмъ неузнаваемымъ“.

[4]) Мною изданы на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ статьи довольно популярнаго характера объ этихъ изслѣдованіяхъ московской математической школы:

Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. Юрьевъ. 1903 и 1904. (Также на нѣмецкомъ языкѣ—Jurjew. 1903).

Ueber die Entwickelung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur-und Geisteswissenschaften. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904.

Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы. Юрьевъ. 1905. (Также на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ: Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie und Sociologie. 1905).

Именно эту сторону гербартовскихъ изслѣдованій, какъ я выясню это дальше, съ замѣчательнымъ талантомъ сумѣлъ использовать *Штрюмпель*, можетъ быть, потому, что онъ былъ основательно знакомъ съ высшею математикою, которою занимался еще въ Кёнигсбергѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ у профессора *Дробиша;* впрочемъ, надо замѣтить, что въ *явной* формѣ математическія основанія въ изслѣдованіяхъ *Штрюмпеля* отсутствуютъ почти сполна.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что философско-математическія изслѣдованія московской математической школы вообще проливаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя неясныя и необоснованныя идеи въ изслѣдованіяхъ *Гербарта* и являются до нѣкоторой степени ключемъ къ разгадкѣ неясностей въ трудахъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, хотя практика нашего школьнаго дѣла сильно отстала отъ нѣмецкой, хотя у насъ пока нечего и помышлять о высшихъ задачахъ практической педагогики, чтобы ненормальныхъ дѣтей, или малоспособныхъ, путемъ воспитательнаго обученія дѣлать болѣе или менѣе пригодными къ жизни въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, осуществленіемъ чего теперь особенно заняты нѣмецкіе педагоги, но для нашего національнаго самосознанія остается, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что въ трудахъ московской математической школы имѣется цѣлая сокровищница новыхъ идей, которыя, можетъ быть, дадутъ возможность не только уяснить и вполнѣ обосновать существующія педагогическія системы, но и усовершенствовать ихъ и пробудить интересъ къ нимъ нашихъ педагоговъ-практиковъ. Эту надежду мы можемъ питать тѣмъ болѣе, что и первое слово по воспитательному обученію, и при томъ имѣвшее весьма многія практическія приложенія, было сказано нашимъ собратомъ славяниномъ—*Амосомъ Коменскимъ*, почти за двѣсти лѣтъ до *Гербарта*.

Наши педагоги-практики должны въ настоящее время оставить рутину нашего школьнаго дѣла, которая идетъ въ разрѣзъ съ теоріей и практикой, выработанной въ теченіе вѣковъ нѣмецкой школой; они должны, наконецъ, обратиться къ научнымъ даннымъ современной педагогики.

Тотъ фактъ, который мы имѣемъ налицо въ нашихъ школахъ, что ученики отказываются учиться, прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ, что духовная пища предлагается имъ, такъ сказать, въ неудобоваримомъ видѣ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, распространено мнѣніе (идетъ оно, кажется, отъ Песталоцци), что „душа ребенка также нуждается въ знаніи, какъ его желудокъ въ пищѣ, и если нормальный

ученикъ не имѣетъ желанія учиться, то это значитъ, что ему сообщаютъ знанія въ такой формѣ, которая не соотвѣтствуетъ природѣ человѣческой души".

Не въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и не исподволь, а сразу и кореннымъ образомъ должна быть преобразована наша современная школа, начиная съ учительскихъ семинарій и институтовъ, подготовляющихъ учителей народныхъ и городскихъ училищъ. У насъ этотъ вопросъ теперь также назрѣлъ, какъ въ Германіи—въ концѣ XVIII в. Тамъ также въ означенную эпоху образовалась рутина школьнаго дѣла, которая подобно нашей настоящей не соотвѣтствовала природѣ человѣческой души и дѣйствительной жизни. Это заставило знаменитаго философа *Канта* выступить съ воззваніемъ *„An das gemeine Wesen"*, въ которомъ онъ призываетъ къ быстрой и коренной реорганизаціи школы для блага всего народа: „Es ist aber vergeblich", говоритъ онъ въ этомъ воззваніи, „dieses Heil des menschliches Geschlechtes von einer allmähligen Schulverbesserung zu erwarten... Nicht eine langsame Reform, sondern eine schnelle Revolution kann dieses bewirken. Und dazu gehört nichts weiter als nur *eine* Schule, die nach der echten Methode vom Grunde aus neu angeordnet,... würde" [1]).

Воззваніе *Канта*, однако, не было услышано, и нѣмецкому народу пришлось подвергнуться многимъ ударамъ судьбы, прежде чѣмъ въ немъ зародилось сознаніе о важности правильной постановки народнаго обученія. Реформѣ нѣмецкой школы много помогло появленіе новаго послѣ *Коменскаго* великаго мастера школьнаго дѣла *Песталоцци*, который создалъ искусство *нагляднаго обученія* и который изрекъ осужденіе школьной рутины, заявивъ, что *„знанія безъ умѣнія составляютъ, можетъ быть, страшнѣйшій даръ, который принесенъ нашему вѣку злѣйшимъ геніемъ"* [2]). Слава *Песталоцци* достигла своего

---

[1]) *„Однако, не надежно ожидать духовнаго оздоровленія человѣческаго рода отъ медленной реформы школы... Не медленная реформа, а быстрая революція можетъ это выполнить. Для этого ничего другого не надо имѣть, какъ только одну школу, которая была бы съ самаго основанія вновь организована на правильныхъ методахъ"*...

[2]) Эти слова имѣются въ одномъ изъ самыхъ выдающихся сочиненій *Песталоцци*: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей". Въ этомъ же сочиненіи *Песталоцци* разражается филиппикою противъ грѣховъ своего вѣка и противъ лишеннаго реальнаго основанія образованія съ его адептами въ привилегированныхъ сословіяхъ. Послѣднихъ онъ называетъ „жалкими людьми слова, а не дѣла". „Вслѣдствіе своего противоестественнаго образа воспитанія",—говоритъ *Песталоцци*,—„они сдѣлались

апогея именно въ то время, когда нѣмецкій народъ, истощенный вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, впалъ въ ужасную матеріальную и духовную нищету.

Большую услугу реформѣ народнаго просвѣщенія Германіи оказалъ также философъ *Фихте*, профессоръ Берлинскаго университета: въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи" передъ большими собраніями ученыхъ и государственныхъ людей въ Берлинѣ, въ то время, когда наполеоновскія войска были размѣщены по всей Германіи, онъ мужественно и настойчиво доказывалъ, что единственная возможность спасти отечество отъ враговъ заключается въ обученіи народа по способу *Песталоцци*. Благодаря этимъ рѣчамъ, прусское правительство, съ королемъ *Фридрихомъ III* и его министрами *Альтенштэйномъ и Штэйномъ* во главѣ, рѣшило реформировать школьное дѣло [1]). Къ *Песталоцци* были посланы молодые люди для изученія его *натуральнаго способа нагляднаго обученія*, а по ихъ возвращеніи были устроены новыя учительскія семинаріи съ препода-

---

неспособными чувствовать, что стоятъ на ходуляхъ и что должны сойти со своихъ жалкихъ деревянныхъ подставокъ, если только хотятъ стоять на землѣ столь же твердо, какъ стоитъ народъ".

„Европа, какъ аллегорическій образъ пророка, граничитъ златою главою отдѣльныхъ искусствъ до облаковъ; народное же просвѣщеніе, долженствующее служить фундаментомъ этой златой главы, напротивъ, какъ ноги гигантскаго образа пророка, повсюду представляетъ самый жалкій, хрупкій и недостойнѣйшій мусоръ".

[1]) Не всѣ правители германскихъ государствъ въ это печальное время сознавали необходимость реорганизаціи народнаго образованія, о чемъ прекрасно свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо одного изъ почитателей *Песталоцци ф. Тюрка* отъ 29-го сентября 1807 года, адресованное самому *Песталоцци* (*H. Mort.* Einige Blätter aus Pestalozzi's Lebens-und Leidensgeschichte. Langesalza. 1887. S. 24): „Когда я," пишетъ ф. Тюркъ, „прошлымъ лѣтомъ стоялъ передъ наслѣднымъ принцемъ *Веймарскимъ* въ его великолѣпномъ замкѣ (стоющемъ 2 милліона талеровъ), ревность къ твоему доброму дѣлу и отраженіе небесныхъ добродѣтелей въ послѣднемъ воспламенили меня говорить съ жаромъ передъ многочисленнымъ дворомъ для тебя и для твоего дѣла. Я просилъ послать одного молодого человѣка, по моему выбору, къ тебѣ на одинъ или два года.—Настоящее положеніе (тогда былъ миръ) не позволяетъ этого—былъ отвѣтъ; теперь надо, по возможности, избѣгать всякихъ расходовъ и пр., и пр. Я спускаюсь, нѣсколько посрамленный, по лѣстницѣ внизъ—она стоила тысячи!—и думаю—для внѣшняго вида возводятся постройки, которыя стоятъ милліоны—для внутренняго!!—Гофмаршалъ провожалъ меня; мопсъ залаялъ на насъ. Всмотритесь пристальнѣе въ это маленькое животное. Не милѣйшая-ли собачка? Собственный курьеръ переносилъ ее. Она стоила великой княгинѣ 300 дукатовъ (3.500 франковъ). Fiat applicatio! То великолѣпное зданіе стоило 2 милліона и война стоила намъ столько же, а для человѣческихъ цѣлей......".

ваніемъ въ духѣ *Песталоцци*. Наконецъ, въ 1817 году, когда такимъ образомъ было подготовлено достаточное количество новыхъ учителей, въ Пруссіи было введено обязательное народное обученіе съ восьмилѣтнимъ курсомъ (съ 6-ти лѣтняго до 14-ти лѣтняго возраста) по способу *Песталоцци*. Съ того времени въ Германіи стали появляться все новые и новые выдающіеся педагоги-практики, значительно усовершенствовавшіе способъ *Песталоцци* и распространившіе его въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ двумъ: *Дистервегу и Гарнишу*, изъ которыхъ первый развилъ дѣло Песталоцци, главнымъ образомъ въ школахъ Саксоніи, въ направленіи либеральномъ, а второй—въ школахъ Пруссіи, въ духѣ консервативномъ. Наконецъ, послѣдователь *Песталоцци—Гербартъ* выработалъ научныя основанія дѣла обученія на началахъ созданной имъ математической психологіи и его собственной практической философіи, при чемъ имъ было выдвинуто и научно обосновано *воспитательное* значеніе обученія. Это составило крупнѣйшую эпоху въ развитіи школьнаго дѣла Германіи. Послѣ *Гербарта* его направленіе поддерживалось главнымъ образомъ въ *Іенѣ*, гдѣ профессоръ *Стой* основалъ въ 1843 году педагогическое общество для разработки идей *Гербарта*, изъ котораго впослѣдствіи возникла учительская семинарія съ образцовою народною школою. Послѣ *Стоя* его дѣло, послѣ нѣкотораго перерыва, было возстановлено профессоромъ *Рейномъ*, бывшимъ раньше довольно продолжительное время директоромъ учительской семинаріи въ Вэйссенфельдѣ. Профессоръ *Рейнъ* ведетъ по настоящее время теоретическіе курсы по педагогикѣ *Гербарта*, а также и практическія занятія въ образцовой народной школѣ, организованной имъ при педагогической семинаріи Іенскаго университета. Много способствуютъ распространенію идей *Гербарта* педагогическіе курсы профессора *Рейна* во время лѣтнихъ вакацій, на которые обыкновенно пріѣзжаютъ до 200 народныхъ учителей и другихъ педагоговъ со всѣхъ концовъ свѣта. При одномъ изъ англійскихъ университетовъ—въ *Манчестерѣ*, профессоромъ *Файндлэемъ* (*Findlay*) организовано особое педагогическое отдѣленіе, по образцу педагогической семинаріи профессора *Рейна*, называемое (неофиціально) „Іенскимъ отдѣленіемъ“ [1]). Въ *Оксфордѣ* имѣется также образцовая школа при женской

[1]) Передаю это со словъ проф. *Рейна*. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отдѣленіи я еще не имѣю, но надѣюсь вскорѣ ближе познакомиться съ практикою системы *Гербарта* на англійской почвѣ. Для практикантовъ профессора *Файндлэя* при

учительской семинаріи—для практики системы Гербарта, этою школою завѣдуетъ миссъ *Доддъ*. Особенно характерную черту теоретическихъ курсовъ и практики профессора *Рейна* составляетъ *демократическое направленіе* его обработки системы *Гербарта*, а образцовая народная школа при его педагогической семинаріи, вслѣдствіе исключенія изъ преподаванія Закона Божія его догматической части, приближается къ типу школы, безразличной къ вѣроисповѣданіямъ (Konfessionslose), и были случаи, что католики также опредѣляли въ нее своихъ дѣтей. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ, служащимъ для концентраціи по системѣ *Гербарта* знаній, сообщаемыхъ ученику различными предметами преподаванія, является *родиновѣдѣніе* (Heimatskunde) [1], тогда какъ обы-

---

его педагогической семинаріи имѣется *дѣтскій садъ и девятиклассное народное училище*. Проф. Файндлей сообщилъ мнѣ, что онъ пользуется педагогикой Гербарта въ связи съ идеями американскаго педагога, профессора *Джона Девай* (John Dewey), *ставящаго въ центръ обученія-воспитанія ручной трудъ*, около котораго концентрируется преподаваніе другихъ предметовъ: все культурное развитіе народа ставится въ связь съ развитіемъ его ручного труда и вообще промышленности. Ручной трудъ высоко цѣнится также послѣдователями Гербарта: у проф. Рейна въ его образцовой школѣ имѣются особыя помѣщенія для ручного труда воспитанниковъ, и отводится достаточно учебнаго времени на эти занятія; въ Лейпцигѣ ученикъ *Стойя* — директоръ *Пабстъ* завѣдуетъ двумя школами ручного труда (Handfertigkeitsschulen), предназначенными главнымъ образомъ для подготовленія учителей народныхъ школъ къ преподаванію ручного труда; основалъ эти школы ученикъ *Циллера* — директоръ *Гёрцъ*. Въ директорской комнатѣ одной изъ этихъ школъ, на стѣнѣ, начертаны слова *Гербарта*: „Die Hand hat ihren Ehrenplatz neben der Sprache, um den Menchen über die Tierheit zu erheben“ (Рука имѣетъ свое почетное мѣсто на ряду съ языкомъ для того, чтобы превознести человѣка надъ животнымъ состояніемъ). Надъ выходными дверями—другое изрѣченіе:

Bilde die Auge, übe die Hand,
Fest wird der Wille, scharf der Verstand.

(Развивай глазъ, упражняй руку, твердой станетъ воля и острымъ будетъ умъ).

[1]) Въ Германіи во всѣхъ школахъ передъ Пасхою происходятъ выпускные и переходные экзамены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ позволяю себѣ сдѣлать здѣсь описаніе экзамена по *родиновѣдѣнію* въ VII-мъ классѣ десятиклассной народной школы (предназначенной для дѣтей болѣе состоятельныхъ) въ деревнѣ *Лёйтчъ*, предмѣстьѣ Лейпцига. Счетъ классовъ идетъ въ обратномъ порядкѣ — съ X-го по I-й, такъ что въ VII-мъ классѣ находятся дѣти съ 9-ти до 10-ти лѣтняго возраста. Учениковъ въ этомъ классѣ 23—вмѣстѣ дѣвочки и мальчики. Экзаменъ происходитъ въ актовой залѣ въ присутствіи ректора училища и всего учительскаго персонала (въ Лёйтчѣ всего 36 учителей); кромѣ того, допускается публика — главнымъ образомъ родственники учениковъ. Ученики размѣщаются на скамейкахъ въ такомъ же положеніи, какъ въ ихъ классной комнатѣ. Учитель стоитъ на довольно высокой каѳедрѣ передъ классомъ. Экзаменъ начинается пѣніемъ хоромъ—всѣмъ классомъ одной изъ

кновенно по Гербарту для этой цѣли служать предметы Закона Божія, что особенно ясно видно изъ новыхъ плановъ берлинскихъ школъ [1]). Въ этомъ отношеніи профессоръ *Рейнъ* отдастъ, конечно, дань духу времени, тѣмъ болѣе, что Іена послѣднее время стала значительнымъ центромъ демократическихъ движеній, имѣющихъ здѣсь большую поддержку въ различныхъ учрежденіяхъ покойнаго профессора *Аббе*, бывшаго владѣльца знаменитой фабрики *Цейсса* для оптическихъ приборовъ, пожертвовавшаго все свое громадное состояніе на разныя народныя учрежденія въ городѣ Іенѣ, изъ которыхъ главное — громадное, роскошно отдѣланное зданіе „Народнаго Дома".

утреннихъ молитвъ (Morgenlied). Затѣмъ, учитель переходитъ къ экзамену, состоящему въ его бесѣдѣ со всѣмъ классомъ на тему: *почему Саксонію можно назвать Богомъ благословенной страной?* Бѣглыми вопросами учитель спрашиваетъ всѣхъ учениковъ по нѣсколько разъ. Отвѣты на эту тему были таковы: потому можно назвать Саксонію Богомъ благословенной страной, что въ ней, во-первыхъ, много плодоносныхъ равнинъ (кромѣ Лейпцигской равнины, еще равнина по рѣкѣ Эльбѣ, называемая въ одной изъ своихъ частей, отъ Дрездена до Мэйссена, Саксонскимъ раемъ), на которыхъ произрастаютъ хлѣбные злаки—пшеница, рожь, ячмень, овесъ, а также овощи — картофель, морковь, сельдерей, брюква и т. д.; во-вторыхъ, въ Саксоніи много лѣсныхъ мѣстностей (мѣстность Рудныхъ горъ, Фогтланда, Саксонской Швейцаріи и др.); въ-третьихъ, въ Саксоніи имѣются залежи различныхъ каменныхъ породъ — песчаника, графита и др.; въ-четвертыхъ, залежи угольныхъ породъ — бураго угля, каменнаго угля; въ-пятыхъ, залежи различныхъ рудъ — желѣзной, мѣдной, цинковой и др. (Рудныя горы и особенно окрестности городовъ Цвикау, Гриммгау, Вердау и др.); наконецъ, минеральныя воды и мѣстности съ естественными красотами (Naturschönheiten), служащія курортами (Вармбадъ у Волькенштэйна, курортъ Эльстеръ, Саксонская Швейцарія и др.). Каждый изъ продуктовъ добыванія въ этой „Богомъ благословенной странѣ" подлежалъ также детальному обсужденію въ экзаменной бесѣдѣ учителя съ классомъ. Обыкновенныя классныя занятія имѣютъ совершенно такой же характеръ, только учитель среди бѣглыхъ вопросовъ о предметахъ, извѣстныхъ ученикамъ, исподволь сообщаетъ имъ новыя свѣдѣнія, которыя сейчасъ же новыми вопросами онъ перерабатываетъ съ классомъ въ связи со старыми знаніями учениковъ, при чемъ всѣ новые предметы показываются или въ натурѣ, или на рисункахъ, а резюме наиболѣе главныхъ разсужденій повторяются членораздѣльно хоромъ—всѣмъ классомъ для лучшаго закрѣпленія въ памяти учениковъ. Въ заключеніе экзамена ученики продекламировали по очереди отдѣльныя строфы стихотворенія „Сосѣдъ Гельмъ и его липа", патріотическаго содержанія, и стихотворенія „Нѣмецкій совѣтъ", въ которомъ „нѣмецкому дитяти" преподается совѣтъ быть всегда „мужественнымъ, вѣрнымъ и правдивымъ" (Du deutsches kind sei tapfer, treu und wahr!), затѣмъ ученики пропѣли хоромъ: „Es blüht ein schönes Blümchen auf unserer grünen Aue", и, наконецъ, экзаменъ закончился благодарственною молитвою, тоже пропѣтою всѣмъ классомъ.

[1]) Grundlehrplan der Berliner Gemeindeschulen. Dritte Auflage. (См. въ § 3— „Das Lehrverfahren"). Breslau. 1903.

Затѣмъ, другимъ центромъ распространенія идей Гербарта служилъ *Лейпцигъ*, гдѣ тоже была основана педагогическая семинарія съ образцовой школой послѣдователемъ Гербарта — профессоромъ *Циллеромъ*, а нѣсколько позже здѣсь же была основана другая педагогическая семинарія, но безъ образцовой школы, вернувшимся изъ Дерпта—профессоромъ *Штрюмпелемъ*.

Наконецъ, множество педагоговъ-практиковъ распространили педагогическія идеи *Гербарта* не только по всей Германіи, но и въ Австріи, Венгріи, Чехіи и Богеміи. Изъ этихъ педагоговъ-практиковъ особенно выдающимся былъ *Дёрпфельдъ*.

Не только своею практическою дѣятельностью въ школахъ, но также при помощи многочисленныхъ научно-педагогическихъ ферэйновъ, носящихъ обыновенно имя *Гербарта*, приверженцы *Гербарта* распространяютъ его идеи. Наконецъ, для этой же цѣли не малую услугу оказываетъ и спеціально-гербартовскій журналъ „Zeitschrift für Philosophie und Pädogogik", издающійся въ городѣ Лангезальцѣ подъ редакціей *Флюгеля, Юста и Рейна*.

Прежде чѣмъ перейти къ главной темѣ моей настоящей статьи, я позволю себѣ здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ выдающемся нѣмецкомъ дѣятелѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, на которомъ осуществились слова знаменитаго нѣмецкаго пѣвца свободы — *Шиллера*: „Es wäre nötig, dass ein grosser Geist gleichsam zum Kinde würde, um die Kinderspiele zu reformiren" [1]). Это былъ Фридрихъ *Фрёбель*, которому принадлежитъ идея „Дѣтскаго Сада", служащаго для дѣтей до-школьнаго возраста—съ 3-хъ до 6-ти лѣтъ.

Фрёбель положилъ въ основу дѣтскихъ игръ и занятій, во-первыхъ, идеи нагляднаго обученія въ духѣ *Песталоцци* для отчетливаго усвоенія *слова, формы, числа и краски*, соотвѣтствующихъ данному предмету; во-вторыхъ, къ *знанію* словъ, формъ, чиселъ и красокъ, соотвѣтствующихъ даннымъ предметамъ, *Фрёбель*, опять слѣдуя *Песталоцци* присоединилъ *умѣніе прилагать* эти знанія съ цѣлью получать *новыя комбинаціи* предметовъ, имѣющія въ общемъ какое-нибудь *практическое значеніе* въ обыденной жизни или представляющія *гармоническое* сочетаніе формъ и красокъ; въ-третьихъ, что можетъ-быть самое оригинальное у *Фрёбеля*, онъ, съ цѣлью использовать замѣчательную особенность дѣтей въ младшихъ возрастахъ—потребность ихъ

---

[1]) „Было бы необходимо великому уму въ то же время стать ребенкомъ, чтобы реформировать дѣтскія игры".

въ движеніи, ввелъ *подвижныя игры, ритмъ* которыхъ соотвѣтствуетъ тѣмъ или другимъ формамъ *дѣйствительной жизни* и которыя, такимъ образомъ, исподволь подготовляютъ ребенка къ *обычаямъ, отношеніямъ, такту* того общества и того народа, куда онъ современемъ вступитъ, какъ самостоятельный дѣятель.

Первый дѣтскій садъ былъ основанъ *Фрёбелемъ* въ 1840 г. въ *городѣ Бланкенбургѣ* (въ Тюрингіи), недалеко отъ деревни *Обервейсбахъ*, гдѣ родился *Фрёбель*. Въ 1851 г. послѣдовало со стороны прусскаго правительства запрещеніе Фрёбелевскихъ дѣтскихъ садовъ въ провинціяхъ Пруссіи, мотивированное тѣмъ, что они способствуютъ развитію атеизма. Впрочемъ, слѣдующій 1852 г. принесъ *Фрёбелю* вполнѣ заслуженный тріумфъ на общемъ съѣздѣ нѣмецкихъ учителей въ городѣ Готѣ, привѣтствовавшемъ *Фрёбеля*, какъ своего гостя, съ большимъ энтузіазмомъ. Въ этомъ же 1852 году, 17-го іюля, борецъ за улучшеніе человѣчества путемъ воспитанія молодого поколѣнія испустилъ свой духъ со словами: „Я христіанинъ". На его могилѣ въ деревнѣ *Швайни* былъ водруженъ каменный памятникъ, который представляетъ *кубъ, цилиндръ* и *шаръ*—геометрическія формы, составляющія содержанія главныхъ игръ *Фрёбеля* (Fröbelsche Spielgaben).

И послѣ смерти *Фрёбеля* его дѣло не находитъ должной поддержки со стороны правительствъ нѣмецкихъ государствъ и составляетъ въ нихъ пока принадлежность предпріятія частнаго коммерческаго характера. Но зато это дѣло нашло сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ Англіи и Америки, гдѣ Фрёбелевскіе дѣтскіе сады устраиваются при народныхъ школахъ въ видѣ приготовительныхъ классовъ [1]).

---

[1]) Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Фрёбелевскомъ направленіи въ Германіи является предсѣдательница Лейпцигскаго Фрёбелевскаго ферэйна г-жа д-ръ *Гольдшмидтъ*, организовавшая въ Лейпцигѣ не только учительскую семинарію для подготовленія учительницъ для дѣтскихъ садовъ, но также и высшую Фрёбелевскую школу „*Damenlyceum*". По ея словамъ въ Германіи такъ мало женщинъ, серьезно занимающихся дѣломъ *Фрёбеля*, что она принуждена, несмотря на свой 80-тилѣтній возрастъ, лично продолжать вести курсы своихъ лекцій, потому что нѣтъ преемницы, которая достаточно понимала бы духъ фрёбелевскихъ методовъ. Г-жа *Гольдшмидтъ* состоитъ также свыше 25 лѣтъ предсѣдательницей мѣстнаго „общества равноправности женщинъ", и въ этомъ направленіи она постоянно—въ частныхъ бесѣдахъ, на засѣданіяхъ обществъ, на своихъ публичныхъ лекціяхъ, доказываетъ, что только *Фрёбелевское рѣшеніе женскаго вопроса*, предоставляющее женщинѣ воспитаніе дѣтей до школьнаго возраста съ серьезнымъ изученіемъ всѣхъ относящихся сюда предметовъ, является безспорно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Дополненіемъ къ этому

Послѣ этихъ краткихъ указаній на характеръ безсмертныхъ идей *Фрёбеля*, въ основаніи которыхъ лежитъ глубокое пониманіе реформаторомъ дѣтскихъ игръ понятій и принциповъ математики, я перейду къ главной темѣ моей настоящей статьи и покажу, что понятія и принципы математическихъ знаній лежатъ также въ основѣ педагогическихъ системъ *Гербарта* и *Штрюмпеля*, имѣющихъ столь громадное значеніе для практики воспитательнаго обученія дѣтей школьнаго возраста.

ГЛАВА I.

Гербартъ и его научно-педагогическая дѣятельность.

> Der Odyssee verdanke ich eine der angenehmsten Erfahrungen meines Lebens; und gröstenteils meine Liebe zur Erziehung.
>
> *Herbart* [1]).

Іоаннъ Фридрихъ *Гербартъ* родился 4-го мая 1776 г. въ городѣ *Ольденбургѣ*, гдѣ его дѣдъ былъ въ теченіи 34 л. ректоромъ гимназіи, а отецъ юстицъ-совѣтникомъ герцога Ольденбургскаго. Мать Гербарта, имѣвшая громадное вліяніе на воспитаніе послѣдняго, была женщиной весьма умной, но нѣсколько эксцентричной: съ пылкой фантазіей она соединяла въ себѣ быстрый умъ, рѣшительность и довольно сильную волю.

Своего единственнаго сына, имѣвшаго слабое здоровье, она пріучила съ малыхъ лѣтъ къ легкой одеждѣ, твердой постели и холоднымъ ваннамъ, дабы предохранить его отъ изнѣженности.

рѣшенію служитъ еще *высшая педагогическая дѣятельность* женщины по приготовленію учительницъ для Фрёбелевскаго дѣла, которая требуетъ весьма солидныхъ знаній по избранной спеціальности изъ цикла предметовъ: математика, естествознаніе, антропологія, гигіена, психологія и педагогика, исторія культуры и искусства; наконецъ, рисованіе, моделированіе, пѣніе и гимнастика. Болѣе подробныя свѣдѣнія о взглядахъ почтенной труженицы на поприщѣ начальнаго воспитанія дѣтей можно найти въ ея шести рѣчахъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Ideen über weibliche Erziehung im Zusammenhange mit dem System Friedrich *Fröbel's*". Leipzig (C. Reissner). 1882.

Въ Лейпцигѣ имѣется еще школа для подготовленія учительницъ дѣтскихъ садовъ „Städtische Schule für Frauenberufe", завѣдуемая ректоромъ *Яномъ*, послѣдователемъ педагогики *Штрюмпеля*.

[1]) Одиссеѣ обязанъ я однимъ изъ пріятнѣйшихъ переживаній въ моей жизни, а также наибольшею частью моей любви къ воспитанію.

Вслѣдствіе слабаго здоровья Гербарта ему было дано сначала домашнее обученіе подъ руководствомъ *Уэльцена*. Послѣдній былъ приверженцемъ философіи *Вольфа* и имѣлъ большую склонность къ философскимъ бесѣдамъ, что, конечно, повліяло на характеръ обученія Гербарта.

За всѣми занятіями Гербарта неустанно слѣдила его мать; она продолжала живо интересоваться занятіями сына и впослѣдствіи, когда Гербартъ учился въ гимназіи и даже въ университетѣ.

Въ 1788 г. Гербартъ поступилъ въ такъ-называемую латинскую школу, т. е. гимназію въ городѣ *Ольденбургѣ*, гдѣ съ особенною любовью занялся физикой и философіей. Имѣя 14 лѣтъ отъ роду, онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ высказалъ основную мысль всѣхъ своихъ послѣдующихъ философскихъ и педагогическихъ изысканій: „Свободою называется неограниченность воли. Ученіе о человѣческой свободѣ опредѣляетъ степень, въ какой человѣческая свобода ограничена или неограничена. Нѣкоторые философы считаютъ ее вполнѣ ограниченной и зависимой во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я знаю доводы за и противъ человѣческой свободы“. Кромѣ того, Гербартъ проявлялъ замѣчательныя музыкальныя способности; онъ еще до поступленія въ гимназію научился игрѣ на скрипкѣ, віолончели, арфѣ и роялѣ, въ гимназіи же занимался даже композиціей небольшихъ музыкальныхъ пьесъ.

Въ 1794 г. Гербартъ окончилъ гимназію и, слѣдуя желанію отца, поступилъ въ Іенскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ, къ которымъ онъ лично чувствовалъ непреодолимое отвращеніе.

Въ университетѣ Гербартъ вскорѣ же бросилъ занятія юридическими науками и увлекся философіей. Послѣдняя была представлена въ Іенѣ очень хорошими профессорами: сначала—горячимъ поклонникомъ Канта—*Рейнгольдомъ*, лекціи котораго возбуждали всеобщій энтузіазмъ, даже въ неуниверситетскихъ кругахъ, а послѣ Рейнгольда—знаменитымъ философомъ *Фихте*.

Еще до прибытія Фихте въ Іену, 12 студентовъ, преимущественно уроженцевъ Сѣверной Германіи и нашихъ прибалтійскихъ губерній, образовали „Литературное Общество“, или, какъ его обыкновенно называли въ городѣ—„Общество свободныхъ мужей“, потому что въ его члены не допускались корпоранты, какъ лица, своею принадлежностью къ корпораціи ограниченные въ свободѣ. Это общество наняло небольшой садъ и въ немъ устраивало по средамъ свои засѣданія для докладовъ и совмѣстныхъ бесѣдъ членовъ. Гербартъ былъ принятъ въ это общество и здѣсь имѣлъ возможность ближе

сойтись съ Фихте, который по пріѣздѣ въ Іену сталъ часто посѣщать засѣданія общества. Но первое увлеченіе философіей Фихте скоро прошло у Гербарта, и онъ выступилъ съ критикой трансцендентальнаго идеализма въ своихъ двухъ статьяхъ о сочиненіи Шеллинга: „Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt" и „Ueber Schellings Schrift: Vom Ich oder dem unbedingten im menschlichen Wissen". Гербартъ энергично доказывалъ, что трансцендентальный идеализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явленій внутренняго и внѣшняго міра человѣка. Большого напряженія мысли потребовала эта критика философскаго направленія, созданнаго такими умами какъ Кантъ, Шеллингъ и Фихте, охватившаго всю тогдашнюю интелигенцію Германіи. Это направленіе проникло и въ Россію, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкимъ профессорамъ, призваннымъ на каѳедры въ русскіе университеты. Какъ ни трудился Гербартъ надъ рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ, затронутыхъ философами-идеалистами, но еще цѣлая пропасть отдѣляла его отъ рѣшенія основныхъ проблемъ дѣйствительной жизни: какъ примирить антиноміи свободы и закономѣрности, цѣлесообразности и причинности, индивидуальности и универсальности. Подъ бременемъ непосильнаго труда разрѣшить эти великіе вопросы Гербартъ пришелъ въ такое отчаяніе, что едва не кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ одно чудное лѣтнее утро (1796 г.), Гербартъ взошелъ уже на высокій скалистый берегъ рѣки *Заале* (поднимающійся къ Венигенъ-Іена и дальше къ Софіенъ-Гöге), чтобы сразу покончить съ мучившими его сомнѣніями. „Zwei Schritte", думалъ онъ [1]), „nur zwei Schritte bis hinunter. Der Fluss ist trübe wie mein Sinn, der heitre Sonnenstrahl ist nicht mein Element. Wozu in meiner Brust der reinen Menschheit Bild? In nächtliches Dunkel gehüllt steht es da, unbewundert, kaum geahndet, kann nicht der inneren Wahrheit Sonne die Nacht durchbrechen und mit hellem Strahle beleuchten, so zerschelle es an diesem Felsen, so wirble der Fluss die Trümmer mit sich fort, so führe er die grübelnden Fragen, die beklemmenden Zweifel mit ins weite Meer der Vergessenheit und des ewigen Schlafs". Въ послѣдній мигъ, однако, природа, которую онъ всегда любилъ, представилась ему столь прекрасной, что удержала его, и онъ рѣшилъ посвятить свою

[1]) Эти слова найдены набросанными на листѣ бумаги среди другихъ бумагъ, найденныхъ послѣ смерти Гербарта.

жизнь, какихъ бы это мученій ему не стоило, все тѣмъ же философскимъ вопросамъ, все тому же исканію истины.

Весною 1797 г. Гербартъ внезапно бросаетъ свои университетскія занятія и посвящаетъ себя практической педагогической дѣятельности. Такой рѣзкій переломъ въ жизни Гербарта, по моему мнѣнію, естественнѣе всего объяснить тѣмъ, что онъ, понявъ невозможность правильно разрѣшить означенныя выше проблемы дѣйствительной жизни путемъ отвлеченнаго мышленія, рѣшилъ прислушаться къ *ритму* дѣйствительной жизни на практикѣ—въ дѣлѣ обученія-воспитанія. Этотъ его шагъ оказался дѣйствительно вполнѣ вѣрнымъ: отъ частныхъ педагогическихъ вопросовъ онъ вскорѣ перешелъ къ правильной постановкѣ вопросовъ психологіи и практической философіи, а затѣмъ и къ построенію своей метафизики и научно-философской *системы реаловъ*.

Свою педагогическую дѣятельность Гербартъ началъ въ Швейцаріи въ семьѣ г. Штейгера, ландфогта Интерлакена, гдѣ ему было поручено обученіе и воспитаніе трехъ сыновей ландфогта: 8-ми, 10-ти и 14-ти лѣтъ.

Гербартъ съ самаго начала опредѣлилъ планъ своихъ занятій, который въ общихъ чертахъ уже представлялъ его будущую знаменитую систему педагогики. *Добродѣтель* и *нравственность* по этому плану должны служить цѣлью обученія-воспитанія. *Равномѣрное* и *всестороннее развитіе естественныхъ задатковъ* и *силъ воспитанника* должны лежать въ основѣ системы обученія-воспитанія при достиженіи означенной его цѣли. Вслѣдствіе всего этого, обученіе надо начинать, познакомившись сначала съ индивидуальными способностями воспитанника; затѣмъ, новыя свѣдѣнія должны сообщаться сообразно индивидуальности воспитанника и примыкать къ его прежнимъ занятіямъ; для поддержанія связи новаго матеріала съ прежде усвоеннымъ необходимо усердное повтореніе, а для того, чтобы повтореніе не утомило воспитанника и не лишило его интереса, необходимо каждый разъ повторять старое съ новой точки зрѣнія или вносить какой-нибудь новый элементъ.

Учебный планъ Гербарта обнималъ языки греческій и латинскій, математику, химію, географію, музыку, позднѣе французскій языкъ и рисованіе.

Обученіе должно начинаться, по мнѣнію Гербарта, съ греческаго языка и именно съ Одиссеи, которую онъ далъ прежде всего своимъ двумъ младшимъ ученикамъ. Со старшимъ сыномъ Штейгера Гер-

барту пришлось нѣсколько измѣнить свою общую систему, такъ какъ этотъ сынъ ландфогта готовился уже къ практической дѣятельности, и общеобразовательные предметы ему возможно было преподать лишь въ сокращенномъ видѣ.

Греческій языкъ Гербартъ считалъ самымъ существеннымъ предметомъ для обученія каждаго человѣка, кто только имѣетъ время и возможность получить полное образованіе. Обученіе греческому языку должно начинаться, какъ уже выше было сказано, съ Одиссеи, уже съ 8-ми лѣтняго возраста. Сначала ученикъ долженъ *самостоятельно* подмѣчать грамматическую закономѣрность формъ, и лишь позже слѣдуетъ сообщить ему грамматическія правила. Именно Одиссея даетъ воспитаннику интересные разсказы изъ эпохи младенчества греческой культуры—разсказы, богатые происшествіями, отношеніями живыхъ лицъ и характерами. Здѣсь, въ герояхъ древней Греціи мальчикъ находитъ удовлетвореніе своихъ фантазій о мужскомъ величіи, онъ находитъ идеалы мужества и храбрости, что его такъ занимаетъ и чего онъ не можетъ найти въ средѣ окружающей. Въ этой естественной сказкѣ воспитанникъ въ занимательной формѣ прислушивается къ ритму элементарной дѣйствительной жизни, научается самостоятельно отличать добро отъ зла, питать симпатіи къ хорошимъ поступкамъ и отвращеніе къ дурнымъ. Такимъ образомъ дитя получаетъ возможность непрерывно упражнять и закрѣплять въ себѣ начатки житейской мудрости

Послѣ Гомера, Гербартъ совѣтуетъ изучать Геродота, Ксенофонта, Платона, Плутарха, Новый Завѣтъ и только тогда перейти къ „политиканствующимъ и искусственно краснорѣчивымъ римлянамъ“: Ливію, Цицерону и Тациту. Такой ходъ обученія, съ надлежащими поясненіями, имѣлъ цѣлью ввести дѣтей въ общеніе съ дѣйствующими личностями и развить у нихъ сочувствіе къ послѣднимъ (Umgang und Teilnahme, Mitgefühl), дабы современныя, гораздо болѣе сложныя общественныя отношенія могли бы произвести на нихъ впослѣдствіи болѣе разнообразное дѣйствіе и глубже затронуть ихъ чувства.

Такимъ образомъ древніе языки въ рукахъ Гербарта являлись могучимъ орудіемъ воспитанія.

Старшій сынъ ландфогта былъ лишенъ обученія древнимъ языкамъ, а приступилъ къ изученію французскаго языка для закругленія своего образованія. Гербартъ уже потому считалъ неподходящимъ для него изученіе Гомера, что послѣдняго, по мнѣнію Гербарта, мо-

гутъ читать „дѣти и мужи, но не изнѣженные подростки", каковымъ былъ старшій сынъ ландфогта.

Преподаваніе исторіи примыкало къ древнимъ языкамъ и вносило еще больше разнообразія въ общеніе дѣтей съ различными историческими личностями. Все это должно было давать воспитанникамъ матеріалъ для самодѣятельнаго вывода нравственныхъ правилъ, для укрѣпленія характера и подготовить ихъ къ систематическимъ бесѣдамъ о морали и религіи, которыя должны только пояснять и закрѣплять выводы собственнаго наблюденія. „И дѣйствительно",—говоритъ Гербартъ,—„дабы найти путь образованія характера, что лучшее можемъ мы сдѣлать, какъ не прослѣдить самостоятельно за нравственнымъ развитіемъ всего человѣческаго рода? Войти съ греческою исторіей въ рукахъ въ школу Сократа, помедлить здѣсь нѣкоторое время среди лицъ, которыхъ мы уже знаемъ и любимъ, нравы и характеры которыхъ сложились на нашихъ глазахъ при чтеніи исторіи, а затѣмъ со смиреннымъ сердцемъ и благоговѣйнымъ духомъ вступить въ среду учениковъ Христа, и послѣ того, какъ нашими глазами и сердцемъ мы прослѣдимъ за Нимъ до неба, обозрѣть возвышеннымъ духомъ дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи, узнать слѣды Промысла въ медленномъ, твердомъ, часто мнимо кажущемся регрессомъ, стремленіи всего къ лучшему, и при современныхъ событіяхъ бросить взглядъ на прошлое, сохранить присутствіе духа и предохранить наше сердце отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній нашего времени".

Математика и естественныя науки, также какъ и языки, служили у Гербарта для цѣлей воспитанія. Преподаваніе математики должно было стоять въ тѣсной связи съ опытнымъ изученіемъ наукъ естественныхъ и сообщать послѣднему основы систематизаціи и высшій интересъ. Точностью своихъ понятій и строгостью выводовъ математика обусловливала опредѣленность сужденій воспитанниковъ, пріучала ихъ ко вниманію, сосредоточенности и сообщала имъ твердость характера.

Географія преподавалась въ небольшомъ объемѣ: сообщались, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о ближайшихъ окрестностяхъ, о родинѣ, и лишь весьма немногое сообщалось по предмету сравнительной географіи.

Работы по нѣмецкому языку состояли въ изложеніи такого матеріала, который былъ вполнѣ извѣстенъ ученикамъ изъ предметнаго обученія.

Наконецъ, завершеніемъ всего обученія служили бесѣды по систе-

матическому ученію о нравственности, дополняемой религіей. Гербартъ являлся въ отношеніи религіознаго обученія, съ одной стороны,—въ явной оппозиціи съ ортодоксальностью, съ другой—онъ не принадлежалъ къ противникамъ религіознаго обученія. Онъ стремился къ ясности и понятливости, дабы возбудить интересъ у воспитанниковъ, и избѣгалъ принудительнаго заучиванія отдѣльныхъ предложеній, изреченій, такъ какъ они дѣлаютъ воспитанниковъ „слѣпыми, можетъ быть неизлѣчимо слѣпыми". Онъ не хотѣлъ учить словамъ безъ понятій и чувствъ, онъ не хотѣлъ низвести религію и мораль на должность „показной стражи". Обученіе должно прежде всего образовать у воспитанника его собственныя нравственныя правила, которыя предупредили бы возможное образованіе и развитіе дурныхъ наклонностей, „такъ какъ естественныя наклонности человѣка сами по себѣ не суть нравственны; не напрасно, не безъ глубокаго значенія говоритъ наша религія о первородномъ грѣхѣ, и именно нравственность своимъ могущественнымъ импульсомъ перемѣщаетъ человѣка изъ его начальной природы въ міръ духовъ".

Въ концѣ 1799 г. Гербарту пришлось разстаться со своими учениками. Покидая Швейцарію, Гербартъ заѣхалъ въ Бургдорфъ къ великому мастеру школьнаго дѣла Песталоцци, дабы лично ознакомиться съ практикою обученія знаменитаго швейцарца. Песталоцци произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

Дюжина дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтняго возраста были собраны въ необычное для занятій вечернее время. Гербартъ боялся, что они будутъ не въ духѣ, и экспериментъ, для наблюденія котораго онъ пришелъ въ школу, окажется неудачнымъ. Но дѣти явились безъ малѣйшаго признака нежеланія; живая дѣятельность продолжалась равномѣрно до конца. Гербартъ слышалъ „шумъ совмѣстныхъ голосовъ всей школы; нѣтъ, не шумъ, это было созвучіе словъ, также въ высшей степени пріятное, какъ мѣрное пѣніе хора, и также могущественное, какъ хоръ, столь охватывающее и столь приковывающее къ разучиваемому матеріалу", что Гербарту стоило большихъ усилій, чтобы изъ наблюдателя не превратиться самому въ ученика. Онъ ходилъ позади учениковъ и прислушивался, не молчитъ ли кто-нибудь или не говоритъ ли кто-нибудь небрежно; онъ не нашелъ ни одного. Выговоръ дѣтей былъ весьма пріятенъ его уху, хотя ихъ учитель имѣлъ „непонятнѣйшій во всемъ мірѣ органъ рѣчи". Такъ какъ швейцарцы тоже не могли научить своихъ дѣтей хорошему произношенію, то Гербартъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ наблюденный имъ

фактъ: „Совмѣстное произнесеніе словъ въ тактъ само собою приноситъ чистое произношеніе; ни одинъ слогъ не можетъ быть проглоченъ, каждая буква имѣетъ свое время; и такимъ образомъ дитя, произнося слова постоянно громко—естественною силою голоса, само формируетъ свой выговоръ". О разсѣянности дѣтей при такомъ обученіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ всѣ дѣти охвачены общимъ теченіемъ совмѣстной работы. Гербартъ впослѣдствіи, при черченіи геометрическихъ фигуръ на доскѣ, вспоминалъ еще то, какъ умѣло вычерчивали ученики Песталоцци фигуры: „я всякій разъ ругаю свою руку, что она не можетъ такъ твердо проводить прямыя линіи, правильныя перпендикуляры, вполнѣ круглыя окружности, какъ это дѣлали шестилѣтнія дѣти".

При этихъ наблюденіяхъ школьной практики великаго мастера Гербартъ выяснилъ себѣ многіе вопросы, чрезвычайно важные въ смыслѣ правильной психологической постановки дѣла обученія, и укрѣпился въ своихъ собственныхъ воззрѣніяхъ. „Чувство яснаго пониманія", говоритъ онъ, „я считалъ уже давно за единственный и естественный корень обученія. И полная, все предусматривающая *планомѣрность рядовой послѣдовательности* (*Regelmässigkeit der Reihenfolge*) была для меня величайшимъ идеаломъ, въ чемъ я видѣлъ могущественное орудіе, гарантирующее обученію его правильное дѣйствіе. Какъ разъ правильно отгадать эту рядовую послѣдовательность, этотъ порядокъ и сочетаніе того, что должно быть выучено *одновременно и что—одно послѣ другого*—все это, по моему мнѣнію, было главнымъ стремленіемъ Песталоцци".

Всѣ эти вопросы, практически рѣшенные геніемъ Песталоцци, Гербартъ сталъ стремиться рѣшить теоретически.

Онъ привелъ ихъ впослѣдствіи въ причинную зависимость съ принципами психологіи и такимъ образомъ возвелъ *искусство нагляднаго обученія* въ духѣ Песталоцци на степень *научной педагогики*.

Кромѣ дѣловой стороны въ школѣ Песталоцци, на Гербарта произвела, можетъ быть, еще большее впечатлѣніе ея идейная сторона, о которой Гербартъ позже неоднократно вспоминалъ съ восторгомъ, именно—стремленіе Песталоцци дать правильное обученіе дѣтямъ людей бѣдныхъ и особенно сиротамъ. „*Благо народа*", говоритъ Гербартъ [1]), „*есть цѣль всей жизни Песталоцци. Благо простого, темнаго люда*".

---

[1]) Эти слова, равно какъ и тексты въ предыдущемъ описаніи посѣщенія Гер-

Изъ Швейцаріи Гербартъ переѣхалъ въ Бременъ, посѣтивъ предварительно Іену и свой родной городъ Ольденбургъ. Въ Бременѣ онъ поселился у своего друга сенатора Шмидта и занялся приготовленіемъ себя къ академической дѣятельности, хотя нѣкоторое время удѣлялъ на подготовку одного молодого человѣка къ университету. Здѣсь онъ сталъ развивать въ частныхъ кружкахъ свои идеи о воспитательномъ обученіи, встрѣчавшія общее сочувствіе, и напечаталъ статью: „Die Ideen zu einem pädagogischen Lehrplan für höhere Studien" (1801). Здѣсь же онъ написалъ двѣ статьи по поводу сочиненій Песталоцци: „Ueber Pestalozzis neueste Schrift: Wie Gertrud ihre Kinder lehrte" и „Pestalozzis Idee ABC der Anschauung".

Послѣднее сочиненіе содержитъ развитіе и дополненіе идей Песталоцци объ основаніяхъ нагляднаго обученія, не только для цѣлей начальной народной школы, но и для высшаго образованія. Гербартъ доказываетъ въ немъ, что способность созерцанія или нагляднаго представленія возможно развивать, онъ опредѣляетъ, далѣе, педагогическое значеніе этой способности и доказываетъ, что ея развитіе есть задача математики. Затѣмъ, онъ весьма пространно развиваетъ свои идеи о громадномъ воспитательномъ значеніи математики не только въ народныхъ школахъ, но и въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ.

„Здѣсь (въ матиматикѣ)", говоритъ Гербартъ, „нѣтъ ничего такого, что не поддается выраженію словами или о чемъ пришлось бы говорить вокругъ да около..... Здѣсь, такимъ образомъ, слѣдуетъ искать того, чего нельзя нигдѣ найти—именно *нити для первоначальнаго обученія дѣтей, которое должно быть въ состояніи, какъ для себя такъ и для всякаго другого обученія, создать авторитетъ, по мановенію котораго разсѣянность изчезала бы, а вниманіе появлялось бы и оставалось постоянно*".

Въ этомъ же сочиненіи онъ говоритъ: „*Настоящая завершительница воспитанія есть философія, а предотвращать опасности* [1]) *философіи есть обязанность математики*".

бартомъ школы Песталоцци, взяты изъ статьи Гербарта: „Ueber Pestalozzis Schrift Wie Gertrud ihre Kinder lehrte". *Bartolomäi's* Ausgabe. Bd. II.

[1]) Опасности отвлеченнаго философствованія Гербартъ видѣлъ въ дѣйствіи ученія Шеллинга въ „періодъ неспокойныхъ умовъ", о чемъ болѣе подробно говорится въ статьѣ Гербарта „Über die Unangreifbarkeit der Schellingschen Lehre (1813)". Онъ часто повторялъ, что благодаря математикѣ ему удалось достигнуть спокойствія духа, которое нарушалось философскимъ мышленіемъ.

(Это примѣчаніе въ изданіи Бартоломея принадлежитъ Ф. Залльвюрку).

Наконецъ, что особенно оригинально въ разсматриваемомъ нами сочиненіи Гербарта, это подробное выясненіе громаднаго значенія *ученія о соединеніи* предметовъ въ группы (Kombinationslehre), а также значенія другихъ числовыхъ функцій, какъ треугольныхъ, квадратныхъ, пирамидальныхъ и др. чиселъ. Эти числовыя функціи и ихъ связь съ вопросами обученія-воспитанія уже давно приковали вниманіе Гербарта, что видно изъ его письма отъ 28-го октября 1798 г. Мурбеку: „Теперь ищу кругомъ всякія оружія, чтобы поднять тяжелыя камни,—анализъ безконечнаго, теорію соединеній, философскую литературу, наблюденіе надъ людьми взрослыми и дѣтьми, и кто знаетъ, что еще многое".

Въ теоріи означенныхъ числовыхъ функцій Гербартъ усматривалъ значительную силу, развивающую дѣтскую фантазію, дающую залогъ элементамъ творчества. Въ этомъ отношеніи теорія числовыхъ функцій прямо противопоставлялась Гербартомъ математическому анализу, который обладаетъ слишкомъ монотоннымъ механизмомъ, правда дающимъ вѣрные результаты, но отнимающимъ всякую возможность охватить умомъ весь процессъ въ его цѣломъ. „Духъ, который желалъ бы самъ углубиться и погрузиться въ сущность (изслѣдованій анализа), отбрасывается въ сторону и гонится по множеству узкихъ и кривыхъ путей; такимъ образомъ теряется чистое, жизнерадостное (heitere) спекулятивное пониманіе, а когда придешь къ цѣли, что выиграешь?" [1]).

Далѣе, въ противовѣсъ анализу Гербартъ выдвигаетъ новыя изслѣдованія по теоріи соединеній: „Прекраснѣйшимъ примѣромъ улучшенія (математическихъ изслѣдованій), который вполнѣ соотвѣтствуетъ строгимъ систематическимъ требованіямъ, служитъ комбинаторное обоснованіе предложенія о биномныхъ и полиномныхъ выраженіяхъ, которымъ мы обязаны г-ну Гинденбургу" [2]). Изложенію способовъ этихъ *первыхъ элементовъ аритмологіи*, впослѣдствіи столь значительно развитой трудами Н. В. Бугаева, Гербартъ посвящаетъ многія страницы какъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Громадное значеніе, приписываемое Гербартомъ геометрическимъ и комбинаторнымъ упражненіямъ для развитія фантазіи—залога творческихъ способностей воспитанника, особенно ясно изъ словъ Гер-

[1]) Bartolomäi'sche Ausgabe S. 109. Bd. II.

[2]) Профессоръ математики Лейпцигскаго университета, скончавшійся въ 1808 г. Въ примѣчаніи Бартоломеевскаго изданія Гинденбургъ названъ основателемъ комбинаторнаго метода.

барта въ его „Очеркѣ педагогическихъ лекцій“ [1]): „Что способности къ математикѣ наблюдаются не такъ часто, какъ къ другимъ наукамъ, это просто недоразумѣніе, происходящее отъ запоздалаго и небрежнаго обученія началамъ математики. Сверхъ вычисленія пренебрегаютъ обыкновенно комбинаторными и геометрическими началами и пробуютъ демонстрировать тамъ, гдѣ математическая фантазія еще не разбужена“.

Разсматриваемая нами статья Гербарта имѣетъ приложеніе: „Ueber die ästhetische Darstellung der Welt, als das Hauptgeschäft der Erziehung“, не имѣющая повидимому причинной связи съ сущностью самой статьи. Но эта связь, однако, существуетъ и имѣетъ громадное научное значеніе: именно гармонія геометрическихъ формъ и комбинаторныхъ операцій служатъ ея основаніемъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще никто изъ многочисленныхъ приверженцевъ Гербарта не обратилъ вниманія на эту важную сторону Гербартовскихъ изслѣдованій, проливающую много свѣта на различные, довольно неожиданные и загадочные выводы геніальнаго философа-педагога. Можетъ быть и самъ Гербартъ не вполнѣ сознавалъ означенную связь и больше чувствовалъ ее наитіемъ своего генія. Изъ послѣдователей Гербарта только Штрюмпель сумѣлъ получить, и то въ неясной формѣ—безъ всякаго видимаго математическаго обоснованія, изъ этихъ важныхъ воззрѣній правильные и значительные выводы, при помощи которыхъ Штрюмпелю удалось установить его знаменитую классификацію педагогическихъ недостатковъ дѣтей.

Мы не будемъ здѣсь подробно развивать *аритмологическія* основанія весьма смѣлой мысли Гербарта „объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“, нашедшей себѣ блестящее подтвержденіе лишь послѣднее время—въ трудахъ Московской математической школы: объ этомъ вопросѣ мы будемъ говорить впослѣдствіи при изученіи математическихъ изслѣдованій Штрюмпеля.

Въ маѣ 1802 г. Гербартъ переѣхалъ въ Гёттингенъ съ цѣлію посвятить себя академической дѣятельности. Въ октябрѣ этого же года онъ получилъ степень доктора философіи—именно 22 октября, а 23 октября защитилъ диссертацію „pro venia legendi“ на званіе приватъ-доцента, въ которой 11-й тезисъ характеризуетъ все педагогическое направленіе Гербарта:

---

[1]) Bartolomäi'sche Ausgabe. S. 391. Bd. I.

[2]) Bartolomäis'che Ausgabe. S. 392. Bd. I.

In liberorum educatione poëseos et matheseos maxima vis est [1]).

Въ зимнемъ семестрѣ 1802—1803 гг. Гербартъ началъ читать свои первыя педагогическія лекціи, начало которыхъ напечатано въ видѣ статьи: „Erste Vorlesungen über Pädagogik“ [2]). Лекціи Гербарта были такъ увлекательны, что аудиторія едва могла вмѣщать всѣхъ его слушателей.

Въ 1805 г. Гербартъ отказался отъ приглашенія на каѳедру въ Гейдельбергскій университетъ и былъ удостоенъ Гёттингенскимъ университетомъ званія экстраординарнаго профессора. Однако вскорѣ послѣ Іенской катастрофы (1807 г.), политическая атмосфера въ центральной части Германіи стала такъ тяжела, что Гербартъ весною 1809 года съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе занять каѳедру Канта въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

Кромѣ лекцій по педагогикѣ, Гербартъ началъ еще въ Гёттингенѣ чтеніе лекцій по нѣкоторымъ отдѣламъ систематической философіи. Здѣсь же—въ Гёттингенѣ онъ началъ впервые излагать свои изслѣдованія по психологіи—въ зимніе семестры 1807—1808 и 1808—1809 гг., хотя въ этихъ изложеніяхъ онъ ограничивался лишь самымъ необходимымъ для пониманія его педагогической системы и притомъ онъ могъ излагать свои психологическія изслѣдованія лишь безъ математическихъ вычисленій, такъ какъ его слушатели по педагогикѣ не были достаточно подготовлены по отдѣламъ математики.

Наконецъ, въ Гёттингенѣ, въ 1806 г., было напечатано Гербартомъ его первое систематическое сочиненіе по педагогикѣ: „Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet“ [3]), въ которомъ его *система воспитательнаго обученія* изложена уже въ довольно опредѣленной и законченной формѣ.

Въ Кёнигсбергѣ главною обязанностью Гербарта были лекціи философіи. Однако онъ и здѣсь не только не прекратилъ чтенія своихъ лекцій по педагогикѣ, но даже вскорѣ дополнилъ ихъ практическими

---

[1]) *Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей.* Въ своей первой лекціи по педагогикѣ Гербартъ поясняетъ это положеніе тѣмъ, что *воспитаніе должно заключаться въ предѣлахъ развитія фантазіи (творчества) ребенка, съ одной стороны, и образованія твердаго характера,—съ другой.*

[2]) Bartolomäi'sche Ausgabe. Bd. II.

[3]) Bartholomäi'sche Ausgabe. Bd. I.

упражненіями въ основанной имъ педагогической семинаріи съ образцовой школой при ней.

Организаціи педагогической семинаріи при Кёнигсбергскомъ университетѣ много помогло знакомство Гербарта съ управлявшимъ въ то время школьнымъ дѣломъ Пруссіи—Вильгельмомъ ф. Гумбольдтомъ. Послѣдній не только способствовалъ тому, чтобы учебнымъ отдѣломъ министерства были отпущены средства на университетскую педагогическую семинарію, но далъ возможность Гербарту ближе стать вообще къ учебному дѣлу, выхлопотавъ для него назначеніе „членомъ научной депутаціи при учебномъ отдѣлѣ“ и „членомъ испытательной комиссіи въ Кёнигсбергѣ“.

Въ своемъ планѣ педагогической семинаріи Гербартъ излагаетъ свои воззрѣнія на организацію таковой: „Прежде всего необходимо имѣть достаточное число уже подготовленныхъ воспитателей, которые занимались бы съ мальчиками и юношами различныхъ возрастовъ, различныхъ способностей и темпераментовъ, частью замѣчательной безукоризненности (Reinheit), частью съ различными недостатками, частью правильно воспитанныхъ съ самаго ранняго возраста, частью перешедшихъ въ лучшія руки лишь послѣ небрежнаго воспитанія въ раннемъ возрастѣ...“.

Въ педагогической семинаріи, организованной Гербартомъ, было два штатныхъ учителя и, кромѣ того, нѣсколько студентовъ, получавшихъ за ихъ занятія съ учениками образцовой школы довольно хорошее вознагражденіе.

Образцовая школа (Uebungsschule) была предназначена для комплекта не свыше 20 учениковъ. Съ 8—10 лѣтними учениками начинали разучивать Одиссею, а затѣмъ Геродота и Ксенофонта. Грамматическія правила ученики подмѣчали сами при чтеніи текста. Послѣ Ксенофонта слѣдовали латинскіе авторы, начиная съ Вергилія и т. д. Самъ Гербартъ преподавалъ естествовѣдѣніе и математику. Преподаваніе математики примыкало къ упражненіямъ нагляднаго представленія (Anschauungsübungen) и послѣдовательно касалось планиметріи, стереометріи, тригонометріи, алгебры до логариѳмовъ, которые излагались при помощи дифференціальнаго исчисленія, затѣмъ—коническихъ сѣченій и нѣкоторыхъ задачъ по механикѣ и астрономіи.

Ученики образцовой школы поступали обыкновенно въ выпускной классъ гимназій, а лучшіе—даже прямо въ университетъ.

---

[1]) Bartholomäi'sche Ausgabe. S. 70, Bd. I.

Въ Кёнигсбергѣ, въ 1824—1825 гг., Гербартъ издалъ свое знаменитое сочиненіе: „Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. 2 Teile", положившее начало точнымъ изслѣдованіемъ психологическихъ явленій. Здѣсь же, въ Кёнигсбергѣ, были опубликованы Гербартомъ многія работы по метафизикѣ и практической философіи.

Осенью 1834 г. Гербартъ былъ приглашенъ снова въ Гёттингенскій университетъ и съ удовольствіемъ послѣдовалъ этому приглашенію.

Въ Гёттингенѣ Гербартъ занимался, главнымъ образомъ, своими психологическими изслѣдованіями и опубликовалъ цѣлый рядъ работъ по психологіи, дополнявшихъ его вышеупомянутое главное сочиненіе по этому предмету. Кромѣ того, Гербартъ издалъ здѣсь, въ 1837 г., новое сочиненіе по педагогикѣ: „Umriss pädagogicher Vorlesungen", въ которомъ онъ изложилъ свою систему воспитательнаго обученія въ еще болѣе законченной формѣ, чѣмъ въ сочиненіи: „Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet". Въ 1841 г. появилось второе изданіе этого выдающагося труда по педагогикѣ.

14-го августа 1841 г. Гербартъ скоропостижно скончался на 66-мъ году своей жизни. Въ 1876 г., ко дню столѣтняго юбилея рожденія Гербарта, ему былъ воздвигнутъ памятникъ въ его родномъ городѣ Олденбургѣ.

ГЛАВА II.

Педагогическая система Гербарта.

> In liberorum educatione poëseos et matheseos maxima vis est. *Herbart* [1]).
>
> Und ich gestehe gleich hier, keinen Begriff zu haben von Erziehung *ohne Unterricht*, sowie ich rückwärts, in dieser Schrift wenigstens, keinen Unterricht anerkenne, der nicht erzieht. *Herbart* [2]).

Добродѣтель (Tugend), говоритъ Гербартъ, *есть названіе всей педагогической цѣли сполна*. Она состоитъ въ соглашеніи нашей воли

[1]) Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей. (Тезисъ диссертаціи Гербарта).

[2]) И я утверждаю здѣсь, что совершенно не понимаю воспитанія *безъ обученія*, также какъ и наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ сочиненіи, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ (Allgemeine Pädagogik, Einleitung).

съ голосомъ совѣсти. Вслѣдствіе этого педагогика основывается на практической философіи или ученіи о нравственности.

Первичныхъ идей нравственности или основныхъ сужденій совѣсти, по Гербарту,—пять: *идея внутренней свободы* (die Idee der inneren Freiheit), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе и даже удовольствіе при согласіи нашей воли съ нашимъ сужденіемъ о ней; *идея совершенства* (die Idee der Vollkommenheit), доставляющая намъ духовное удовольствіе при видѣ духовнаго или тѣлеснаго совершенства; *идея благоволенія* или доброжелательства (die Idee des Wohlwollens), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе при соотвѣтствіи нашей воли съ чужою волею; *идея права* (die Idee des Rechts), побуждающая насъ искать духовное удовлетвореніе въ прекращеніи споровъ и ссоръ; *идея возмездія или справедливости* (die Idee der Billigkeit), дающая намъ духовное удовлетвореніе, заставляющая насъ мириться съ тѣмъ, что мы получаемъ за наши дѣла, какъ должную плату или какъ должное воздаяніе.

Эти пять первичныхъ нравственныхъ идей находятъ свое конкретное выраженіе въ идеяхъ общественной и государственной жизни, которыя въ обратномъ порядкѣ суть слѣдующія: *система возмездія*, *правовое общество*, *система управленія*, *культурная система* и, наконецъ, *государственная система*, согласующая свою власть (внутреннесвободную волю) съ продуктами своего сужденія о предыдущихъ системахъ.

При школьномъ воспитаніи необходимо осуществлять эти же элементы общественной и государственной жизни, поэтому воспитательное обученіе должно состоять изъ *управленія*, *обученія* и *воспитанія въ собственномъ смыслѣ* (или *образованія самостоятельнаго характера*).

Управленіе дѣтьми имѣютъ, конечно, большое значеніе для того, чтобы всѣ воспитанники, безъ различія состояній, были подчинены одинаковому порядку и представляли одно живое, но и достаточно дисциплинированное цѣлое.

Сначала управленіе носитъ формальный характеръ и сводится прежде всего къ занятію воспитанниковъ чѣмъ-нибудь, могущимъ ихъ интересовать, а также къ надзору за воспитанниками съ извѣстной системой приказаній, запрещеній, угрозъ наказанія и даже самихъ наказаній. Мѣра наказанія должна быть строго опредѣлена, и самъ виновный долженъ признать ее правильной.

Затѣмъ, управленіе постепенно переходитъ въ начала воспитанія,

когда воспитанникъ начинаетъ обсуждать дѣйствія своей воли. При этомъ развивается сначала *эстетическое* сужденіе, т. е. сужденіе о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ на примѣрахъ другихъ лицъ—въ сказкахъ, разсказахъ и т. д. Таковое эстетическое сужденіе необходимо развивать, дабы оно перешло постепенно въ *этическое* сужденіе о собственной волѣ, а не сдѣлалось сужденіемъ разсудочнымъ, такъ какъ послѣднее и есть *главный источникъ зла*. Вѣдь дѣлать добро имѣетъ нравственную цѣну только въ томъ случаѣ, если это дѣлается лишь для добра, а не для какихъ-нибудь утилитарныхъ цѣлей (Притча о мытарѣ и фарисеѣ).

Въ статьѣ „Объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія" Гербартъ говоритъ (n° 15—19), что *первичная* необходимость слѣдовать нравственнымъ идеямъ не есть ни логическая, ни нравственная, а эстетическая, такъ какъ *нравственныя идеи суть сужденія отношеній* (Verhältnissurteile), и имѣть сужденія о нравственныхъ поступкахъ другихъ легче, чѣмъ о своихъ собственныхъ.

Идея совершенства имѣетъ особенное значеніе при воспитаніи, но не вслѣдствіе ея превосходства передъ другими идеями, а вслѣдствіе того, что она находитъ постоянное и непрерывное примѣненіе при укрѣпленіи, направленіи и сдерживаніи молодыхъ силъ еще незрѣлаго человѣка со стороны его воспитателя.

Идеи доброжелательства и права находятъ свое развитіе въ школѣ не только въ учебномъ матеріалѣ, но и практически, если воспитанникъ поставленъ въ правильныя отношенія къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

Однако нравственное развитіе въ собственномъ смыслѣ можетъ принять извращенный характеръ: воспитанникъ, выполняя свой долгъ, выполняя съ избыткомъ всѣ требованія обученія, упражненія и внѣшняго поведенія, можетъ вообразить, что онъ дѣлаетъ все, что надо. Вслѣдствіе этого необходимо соединить собственно-нравственное воспитаніе, способствующее правильному самоопредѣленію въ повседневной жизни, съ религіознымъ воспитаніемъ, которое предохраняетъ отъ самомнѣнія, самодовольства. Но и религіозное воспитаніе должно основываться на нравственномъ, иначе оно приводитъ къ ханжеству съ чрезмѣрнымъ самоуничиженіемъ, самопорицаніемъ и съ притворствомъ.

Нравственное развитіе должно начинаться только тогда, когда появилось уже эстетическое сужденіе и нѣкоторыя правильныя привычки. Точно также и съ религіознымъ развитіемъ не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить, но и не надо его безъ нужды откладывать.

Свои научно-религіозныя воззрѣнія Гербартъ особенно ясно выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Моя психологія не допускаетъ вѣрить въ собственное познаніе Бога чистымъ разумомъ. Теоретическій элементъ вѣры долженъ быть данъ извнѣ, если она только переходитъ за предѣлы простой идеи о Богѣ. Я могу согласиться, что онъ (элементъ вѣры) данъ въ христіанскомъ Откровеніи, однако въ этомъ я не имѣю голоса; но что онъ дается цѣлесообразностью природы, это я утверждаю, какъ вы знаете, самымъ положительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно раціоналистическое утвержденіе, что разумъ будто есть источникъ познанія религіи, мнѣ совершенно чуждо“ [1]).

Такимъ образомъ, религіозное развитіе воспитанника должно основываться на познаніи (Erfahrung) цѣлесообразности природы; отсюда долженъ послѣдній почерпнуть вѣру въ личное могущество и премудрость Творца, отсюда же онъ долженъ почерпнуть мужество и силу для жизненной борьбы, утѣшеніе въ страданіяхъ и неизбѣжной смерти. Исторія Новаго Завѣта должна нормировать эти элементы религіозныхъ воззрѣній воспитанника путемъ духовнаго общенія (Umgang) послѣдняго съ личностями, окружавшими Спасителя.

Для практическаго осуществленія всѣхъ означенныхъ данныхъ практической философіи въ дѣлѣ воспитательнаго обученія необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, общія качества души человѣка, а, во-вторыхъ,—индивидуальныя особенности воспитанниковъ. Слѣдовательно, психологія служитъ вторымъ основаніемъ педагогики; она уясняетъ средства и затрудненія при достиженіи педагогическихъ цѣлей.

Въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ Гербартъ весьма оригиналенъ и является основателемъ *математической* психологіи. Хотя гипотезы, лежащія въ основѣ его математико-психологическихъ изслѣдованій, подвергались многимъ возраженіямъ, тѣмъ не менѣе категорическихъ опроверженій ихъ не имѣется, а выводы, построенные на нихъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, эти изслѣдованія внесли ясность и простоту въ изученіе чрезвычайно разнообразныхъ психическихъ явленій и ввели психологію въ число точныхъ наукъ. Одинъ изъ

[1]) Штрюмпель развилъ и дополнилъ эти воззрѣнія своего учителя въ статьѣ: „Die intellectuellen Verhältnisse der Welt. Ein Versuch der wissenschaftlichen Begründung des Glaubens an das Dasein Gottes“. Leipzig. 1896.

главныхъ представителей экспериментальной психологіи, пріобрѣтающей послѣднее время столь большое значеніе, профессоръ Вундтъ самъ заявляетъ, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ неоднократно руководился идеями Гербарта. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется ближе разсмотрѣть гипотезы психологіи Гербарта, когда мы будемъ говорить объ отношеніи изслѣдованій Штрюмпеля къ основамъ Гербартовской психологіи [1]).

Гербартъ впервые возсталъ противъ стариннаго взгляда на человѣческую душу, какъ на агрегатъ различныхъ способностей или силъ души. Онъ считаетъ душу существомъ простымъ — *реаломъ* и признаетъ только одну способность души — *способность къ самосохраненію;* эта способность души проявляется въ видѣ *представленій* всякій разъ, когда на душу дѣйствуютъ какіе-нибудь другіе реалы.

Основныя свойства представленій таковы: *однородныя представленія сливаются* (verschmelzen), обусловливая бо̀льшую интенсивность новаго сложнаго представленія сравнительно съ интенсивностью каждаго изъ прежнихъ; *диспаратныя представленія*, получаемыя отъ одного предмета, но при помощи различныхъ органовъ чувствъ, *образуютъ союзы* (Compexionen), укрѣпляющіе ихъ въ борьбѣ съ другими представленіями (примѣрами такихъ союзовъ могутъ служить союзы представленій предметовъ и ихъ названій, союзы мотивовъ пѣсенъ и ихъ содержаній и т. д.); *противоположныя представленія задерживаютъ* (hemmen) *другъ друга* въ мѣрѣ, сообразной степени ихъ противоположности, и слѣдовательно ихъ интенсивности взаимно уменьшаются. Если a и b суть интенсивности двухъ *сполна противоположныхъ* представленій, и $a > b$, то сумма погашенія интенсивностей равна b, причемъ погашенія x и y интенсивностей обратно пропорціональны a и b, т. е. $x : y = b : a$; а такъ какъ $x + y = b$, то

$$x = \frac{b \cdot b}{a + b}, \quad y = \frac{b \cdot a}{a + b}.$$

Если интенсивность какого-нибудь представленія вслѣдствіе задержки другими спускается до нуля, то говорятъ, что представленіе стремится упасть *ниже порога сознанія*.

Если имѣется нѣсколько представленій съ опредѣленными интен-

[1]) Правильные, хотя весьма кратко изложенные, взгляды на психологію Гербарта и связь ея съ экспериментальной психологіей и съ изслѣдованіями аритмологическими Н. В. Бугаева читатель найдетъ въ статьѣ *Н. Шишкина* „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 8. 1891 г.

сивностями, то возможно вычислить степени задержки каждаго изъ нихъ другими, а также и окончательныя величины ихъ интенсивностей, когда они придутъ въ равновѣсія. На этомъ построена Гербартова *статика* представленій. Но, кромѣ того, Гербартъ разсматриваетъ и состоянія борющихся представленій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи, что приводитъ его къ *механикѣ представленій*. Особенно хорошо обработаны эти изслѣдованія Гербарта въ сочиненіи: „Erste Grundlegung der mathematischen Psychologie (Leipzig. 1850)“ одного изъ послѣдователей Гербарта — профессора математики *Дробиша*.

Въ этомъ сочиненіи доказываются, между прочимъ, такія важныя предложенія: 1) если имѣется два представленія, то какъ бы одно изъ нихъ не превосходило другое по силѣ интенсивности, оно не можетъ вытѣснить послѣднее изъ сферы сознанія (стр. 64). 2) При трехъ представленіяхъ съ интенсивностями a, b, c, слабѣйшее спускается ниже порога сознанія въ томъ случаѣ, если ея интенсивность

$$c < b\sqrt{\frac{a}{a+b}}.$$

При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что два сильнѣйшихъ представленія погашаютъ другъ друга вообще менѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда изчезнувшее представленіе совсѣмъ не имѣло бы мѣста (стр. 73). 3) Въ союзахъ подобныхъ диспаратныхъ представленіяхъ (a и α, b и β, если $a:\alpha = b:\beta$) сильнѣйшія *по контрасту* части теряютъ вообще меньше въ своей интенсивности, чѣмъ отдѣльныя представленія безъ союза, а слабѣйшія *по контрасту* части теряютъ больше (стр. 101 и слѣд.).

Вычисленія, дающія эти и многія другія теоремы психологіи Гербарта, отличаются довольно элементарнымъ характеромъ и весьма изящны по формѣ. Хотя числовыя характеристики въ этихъ изслѣдованіяхъ и не имѣютъ матеріальнаго значенія, но результаты получаются согласными съ дѣйствительностью. Здѣсь мы имѣемъ случай формальной связи психическихъ явленій и числовыхъ зависимостей, дающій возможность изслѣдовать нѣкоторыя стороны, конечно далеко не всѣ, психическихъ явленій. Подобная формальная зависимость разсматривается между алгебраическою формою и ея символическимъ представленіемъ и составляетъ предметъ символической теоріи инваріантовъ, принесшей въ короткое время громадную пользу изслѣдованіямъ новой алгебры. Собственно говоря и аксіомы геометріи имѣютъ также формальный характеръ, о чемъ подробно изложено въ

статьѣ бывшаго профессора Московскаго университета *В. Я. Цингера*: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“ [1]).

Въ механикѣ представленій Дробишъ доказываетъ (стр. 190 и слѣд.) весьма интересныя свойства такъ называемыхъ *свободно-поднимающихся* представленій, идея которыхъ принадлежитъ Гербарту сполна. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ представленій можетъ случиться уничтоженіе задержекъ какихъ-нибудь старыхъ представленій, опустившихся ниже порога сознанія. Тогда эти представленія свободно поднимаются въ область сознанія, при чемъ имѣетъ мѣсто предложеніе: если два или три представленія *свободно* поднимаются, то они, достигая равновѣсія, имѣютъ высшую степень интенсивности, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они получаются извнѣ, при помощи органовъ чувствъ, и приходятъ во взаимное равновѣсіе, погашая другъ друга. Такимъ образомъ представленія, появляющіяся изнутри нашего душевнаго міра, относятся другъ къ другу болѣе миролюбиво, чѣмъ представленія, получаемыя изъ внѣшняго міра. „Въ мірѣ мыслей“, говоритъ Гербартъ, „элементы сталкиваются не такъ злобно (arg), какъ въ дѣйствительности. Міръ мыслей всегда содержитъ кое-что фантастичное, сказочное, похожее на сонъ сравнительно съ жесткостью, строгостью, шероховатостью внѣшняго опыта“.

Всѣ эти соображенія являются результатомъ истолкованія дифференціальныхъ уравненій интенсивностей s', s'', s''' свободно поднимающихся представленій:

$$\frac{ds'}{dt} = a - s' - \frac{mbc\,(s'' + s''')}{ab + ac + bc},$$
$$\frac{ds''}{dt} = b - s'' - \frac{mac\,(s''' + s')}{ab + ac + bc},$$
$$\frac{ds'''}{dt} = c - s''' - \frac{mab\,(s' + s'')}{ab + ac + bc}.$$

Итакъ, основнымъ душевнымъ актомъ по Гербарту является представленіе. Всѣ остальные акты суть комбинаціи и соотношенія представленій: подавленное представленіе обусловливаетъ *стремленіе, желаніе*; желаніе, сопровождаемое представленіемъ достижимости предмета желанія, есть *воля*; господство сильнѣйшихъ группъ представленій надъ отдѣльными состояніями побужденій есть *свобода воли*;

---

[1]) См. „Вопросы философіи и психологіи“. Кн. 22. Москва. 1894. Также въ моемъ сочиненіи: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы“, стр. 55—57. Юрьевъ. 1905.

сочетаніе представленій въ группы и ряды съ ихъ взаимными воздѣйствіями образуетъ такъ называемыя познавательныя способности *память, разсудокъ* и *разумъ*. Но кромѣ разсудочной оцѣнки представленій и слагающихся изъ нихъ понятій, существуетъ еще *оцѣнка эстетическая*, переходящая въ *этическую* (нравственная красота). При эстетической оцѣнкѣ играетъ роль не содержаніе предмета, а его *форма* или его *отношеніе* къ другимъ предметамъ или *ритмъ* взаимныхъ отношеній нѣсколькихъ предметовъ и явленій, какъ, напримѣръ, въ музыкѣ. Наконецъ, существуетъ еще *оцѣнка религіозная*, или *вѣра въ Бога*, образующаяся при созерцаніи природы и при видѣ несомнѣнной цѣлесообразности жизни организмовъ [1],—цѣлесообразности, которую нельзя считать ни случайностью, ни самообманомъ и которую можно объяснить только присутствіемъ высшаго, божественнаго Разума.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ практической философіей и психологіей Гербарта, мы перейдемъ теперь къ его педагогикѣ.

Какъ мы уже раньше замѣтили, цѣлью всѣхъ педагогическихъ стремленій, по Гербарту, служитъ *добродѣтель* и образованіе твердаго религіозно-нравственнаго характера; поэтому обученіе должно быть существеннымъ орудіемъ воспитанія. „Я совершенно не понимаю", говоритъ Гербартъ (Allgemeine Pädagogik. Einleitung), „воспитанія безъ обученія какъ и, наоборотъ, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ. Какимъ искусствамъ и умѣніямъ обучается молодой человѣкъ ради простой выгоды у учителя также безразлично воспитателю какъ и цвѣта, выбранные для его платья. Но то, какъ формируется его *кругозоръ* (Gedankenkreis = кругъ мыслей), составляетъ все для воспитателя, потому что изъ мыслей являются чувствованія и отсюда житейскія правила, способы дѣйствованія". Далѣе, Гербартъ говоритъ: „Только тогда будешь имѣть воспитаніе въ своей власти, когда сумѣешь ввести въ юную душу одинъ большой и внутренно связанный во всѣхъ своихъ частяхъ кругозоръ, который можетъ превозмочь въ окружающемъ все неблагопріятное и усвоить все благопріятное".

Итакъ, по Гербарту, слѣдуетъ заботиться объ образованіи у воспитанника путемъ обученія *единаго, связаннаго во всѣхъ своихъ частяхъ и по возможности обширнаго кругозора*, изъ котораго происте-

[1]) См. въ моей статьѣ „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы", стр. 32 и 36. Юрьевъ. 1905.

кали бы *нравственныя стремленія.* Если кругозоръ разорванъ или образуетъ нѣсколько замкнутыхъ въ себѣ группъ мыслей, то получается колеблющійся, неустойчивый характеръ и слабая воля, какъ у Фауста:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen.
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu der Gefilden hoher Ahnen.

Единство сознанія есть примитивнѣйшее условіе характера. Все это вытекаетъ изъ Гербартовскаго воззрѣнія на волевыя стремленія, какъ на результатъ взаимоотношеній представленій. Хотя единство и неизмѣнность существа души много способствуетъ объединенію міра представленій, тѣмъ не менѣе обученіе должно тоже помогать этому объединенію.

Для достиженія означенной педагогической цѣли путемъ обученія необходимо, чтобы *сообщаемыя знанія не ложились въ душу неподвижнымъ бременемъ, но согрѣвали бы чувства воспитанника и побуждали его къ самостоятельнымъ заключеніямъ и къ примѣненію знаній,* т. е. сообщаемыя знанія должны вызывать у воспитанника *интересъ,* и при томъ *интересъ многосторонній,* а не узкій, односторонній.

Въ чемъ же заключается многосторонность интереса, вызываемаго обученіемъ?

Во-первыхъ, изученіе внѣшнихъ предметовъ даетъ *опытный интересъ*; во-вторыхъ, изученіе причинныхъ взаимоотношеній предметовъ и явленій даетъ *спекулятивный интересъ*; въ-третьихъ, оцѣнка отношеній предметовъ со стороны понятія красоты даетъ *эстетическій интересъ.* Изъ отношеній внутренняго міра человѣка къ другимъ живымъ существамъ и къ непонятному въ природѣ являются интересы: *симпатическій, общественный* и *религіозный.*

Благодаря такому значенію интереса, выдвинутаго Гербартомъ на первый планъ въ практикѣ обученія, *совершенно исчезаетъ изъ школы рутина образовательной дрессировки,* и исканіе новыхъ знаній признается органическою потребностью воспитанниковъ.

Дальше, является вопросъ, какъ организовать преподаваніе, чтобы оно дѣйствительно возбуждало у воспитанника всѣ эти части многосторонняго интереса.

Новыя представленія, доставляемыя обученіемъ, только тогда возбудятъ интересъ, если они находятъ въ душѣ ребенка кое-что похожее, родственное, если они соотвѣтствуютъ степени развитія усваивающей способности ребенка. Поэтому *обученіе должно примыкать къ повседневному опыту и наблюденію ребенкомъ окружающей его природы* (Erfahrung), *съ одной стороны, и къ его участію въ общественной жизни* (Umgang)—*съ другой*; это второе особенно важно, и обученіе правильнымъ отношеніямъ воспитанника къ его родному обществу должно стоять на первомъ планѣ.

Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли воспитательнаго обученія [1])—*заставить ребенка принять горячее участіе въ исторической созидательной работѣ генія своего народа, начиная со сказочной эпохи, съ эпохи дѣтства народа,* которая, конечно, наиболѣе близка и родственна душѣ ребенка. Затѣмъ, послѣдовательно переходить къ болѣе новымъ эпохамъ, съ болѣе сложными взаимными отношеніями историческихъ дѣятелей. Параллельно съ преподаваніемъ отечественной исторіи должно идти преподаваніе священной исторіи и даже стоять во главѣ всего воспитательнаго обученія, потому что изъ знакомства воспитанника съ дѣятельностью библейскихъ личностей послѣдній долженъ самостоятельно выводить правила житейской мудрости, а отечественная исторія вводетъ его въ видоизмѣненіе этихъ универсальныхъ правилъ у родного народа, примѣнительно къ духу послѣдняго.

Циллеръ распредѣлилъ преподаваніе священной и отечественной исторіи по *восьми культурнымъ ступенямъ* (соотвѣтственно восьми классамъ народной школы), слѣдующимъ образомъ:

1. *Сказки.* (Подготовительная ступень—съ преобладаніемъ дѣятельности фантазіи).

2. *Приключенія Робинзона*. (Подготовительная ступень—переходъ отъ дѣятельности фантазіи къ элементарной практической жизни).

3. *Время патріарховъ. Тюрингенскія сказанія.* (Начало общественной жизни съ авторитетомъ внутри ея).

4. *Время судей. Сказанія о нибелунгахъ.* (Свободныя стремленія внутри авторитета).

5. *Время царей. Германскіе императоры.* (Признаніе нравственнаго порядка и подчиненіе его авторитету).

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду общее народное обученіе, для цѣлей котораго система Гербарта была особенно детально разработана *Циллеромъ*, *Дёрпфельдомъ* и другими послѣдователями Гербарта.

6. *Жизнь ІисусаХриста. Время реформаціи.* (Знакомство съ высшимъ авторитетомъ и пріобрѣтеніе любви къ нему).

7. *Исторія Апостоловъ. Освободительная война.* (Работа для себя самого подъ покровительствомъ высшаго авторитета).

8. *Догматы религіи. Возстановленіе имперіи.* (Работа для общества подъ покровительствомъ высшаго авторитета).

Ко всему этому должно примыкать изученіе классическихъ литературныхъ произведеній, завершающее циклъ предметовъ *образованія чувствованій наклонностей, убѣжденій* (Gesinnungsunterricht). Затѣмъ, пѣніе, рисованіе и моделированіе составляютъ циклъ предметовъ для *обученія искусствамъ* (Kunst-Unterricht). Наконецъ, родной языкъ и иностранные языки составляютъ циклъ предметовъ для изученія *формальной* стороны историческаго матеріала, который становится особенно близкимъ воспитаннику черезъ это изученіе формъ выраженій мыслей и идеи. Всѣ эти предметы составляютъ первую и самую важную группу предметовъ для образованія у воспитанника широкаго религіозно-нравственнаго кругозора; они называются *историко-гуманитарными* предметами.

Вторую группу образуютъ науки *естественныя*: географія, естествознаніе и математика.

Насколько первая группа научаетъ человѣка ограничивать свои дѣйствія въ цѣляхъ, настолько вторая—указываетъ рамки для избранія реальныхъ, существующихъ въ природѣ средствъ при достиженіи этихъ цѣлей.

Наконецъ, намъ остается указать, *какимъ образомъ учебный матеріалъ долженъ быть переработанъ, дабы онъ сообщалъ воспитаннику не мертвыя знанія, а дѣятельно стремящіяся къ немедленному примѣненію и вліяющія на волю воспитанника.* Этотъ вопросъ рѣшается при помощи *концентраціонной идеи* и *формальныхъ ступеней* Гербарта, разработанныхъ впослѣдствіи Циллеромъ и Стоемъ.

Концентраціонная идея заключается въ томъ, чтобы *знанія, сообщаемыя различными предметами, находились между собою во взаимной связи* и расширялись бы по концентрическимъ кругамъ. Такимъ образомъ у воспитанника въ каждый данный моментъ будетъ *цѣльный замкнутый кругозоръ*. Для этой цѣли, вслѣдствіе совѣтовъ Гербарта, въ тѣхъ училищахъ Пруссіи, гдѣ нѣтъ возможности сосредоточить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ классѣ у одного учителя, существуютъ и до сего времени *классные ординаріусы*, заботящіеся о связи между различными предметами, преподаваемыми въ классѣ. Отзвукомъ

этого было учрежденіе у насъ института классныхъ наставниковъ, дѣятельность которыхъ, впрочемъ, по существу не имѣетъ ничего общаго съ концентраціонной идеей Гербарта.

Формальныя ступени обученія вытекаютъ изъ психологическаго ученія о познавательныхъ способностяхъ человѣка, которое показываетъ, что всякое познаніе имѣетъ своимъ основаніемъ наглядное воспріятіе (Anschauung), или вообще воспріятіе при помощи внѣшнихъ чувствъ [1]). Только отъ такого чувственнаго воспріятія познаніе восходитъ къ понятіямъ—какъ было сказано Кантомъ: *„понятіе безъ созерцанія пусто"* [2]), но имъ же было прибавлено: *„созерцаніе безъ понятія слѣпо"*, ибо при простомъ созерцаніи отдѣльныхъ вещей и явленій—безъ всякой абстракціи, безъ всякой систематизаціи, мы не имѣемъ никакой руководящей нити, никакого плана. Ко всему этому надо прибавить, что *понятіе безъ многократныхъ примѣненій мертво и неплодотворно*. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тремъ формальнымъ ступенямъ обученія: 1) *ступень наглядности и ясности*, 2) *ступень образованія понятій*, 3) *ступень метода или примѣненія*.

Дальнѣйшія психологическія соображенія могутъ дать намъ основаніе раздѣлить 1-ую ступень еще на двѣ. Дѣло въ томъ, что новыя представленія усваиваются только тогда, когда среди старыхъ имѣются родственныя имъ представленія. Поэтому 1-ую ступень можно разложить на *анализъ*, который пробуждаетъ въ сознаніи воспитанника представленія, родственныя новымъ, уясняетъ и распредѣляетъ ихъ, и *синтезъ*, который дополняетъ, расширяетъ и углубляетъ прежнія знанія воспитанника новыми данными.

Точно также психологическія соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что не всякое знаніе, а только *знаніе, систематизированное и имѣющее внутреннюю связь своихъ частей, можетъ пра-*

---

[1]) Нѣмецкій терминъ „Anschauung" буквально означаетъ *созерцаніе*, но въ нѣмецкой педагогической литературѣ онъ получилъ болѣе широкое значеніе—вообще *воспріятія при помощи внѣшнихъ чувствъ*, или какой бы то ни было *наглядности, ясности*. T. Wiget въ сочиненіи „Die formalen Stufen des Unterrichts (Chur. 1905, стр. 11) подъ словомъ Anschauung подразумѣваетъ, слѣдуя Песталоцци, *„всякое представленіе о фактѣ внѣшняго и внутренняго міра"*.

[2]) Много и подробно излагалъ *Н. В. Бугаевъ* о значеніи при школьномъ обученіи правильнаго развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ воспитанниковъ, дабы у послѣднихъ представленія, а слѣдовательно и понятія и сужденія имѣли „реальное содержаніе и конкретныя формы". (См. Труды Высочайше утвержд. коммиссіи по преобразованію среднихъ учебн. заведеній или мое сочиненіе: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы", стр. 41—44. Юрьевъ, 1905.

вильно функціонировать, т. е. побороть вредныя представленія, усвоить полезныя, возбудить стремленіе къ добру, истинѣ и прекрасному, обусловить сильную волю и твердый религіозно-нравственный характеръ. Вслѣдствіе этого 2-ую ступень надо разложить на двѣ: на *ассоціацію*, которой мы обязаны образованіемъ понятій, и на *систематизацію*, приводящую понятія въ надлежащій порядокъ и послѣдовательность.

Такимъ образомъ, при сообщеніи воспитаннику учебнаго матеріала, слѣдуетъ пользоваться пятью формальными ступенями Гербарта-Циллера, приводимыми на слѣдующей таблицѣ:

	A. Усвоеніе.		
I. Созерцать.	1. Ясность.	1a. Анализъ. 1b. Синтезъ.	1. Подготовка. 2. Сообщеніе.
	B. Отвлеченіе.		
II. Думать.	2. Ассоціація. 3. Систематизація.		3. Сравненіе. 4. Установленіе связи понятій.
III. Примѣнять.	4. Методъ. (Функція).		5. Приложеніе.
Песталоцци.	Гербартъ и Циллеръ.		Рейнъ.

Послѣдователи Гербарта пользуются еще мнемоническимъ средствомъ для представленія его педагогической системы въ главныхъ чертахъ при помощи слѣдующей схемы:

1) одна цѣль (добродѣтель),

2) двѣ вспомогательныхъ науки (практическая философія и психологія),

3) три вида воспитательной дѣятельности (управленіе, обученіе, воспитаніе въ собственномъ смыслѣ),

4) четыре формальныхъ ступени (ясность, ассоціація, систематизація и методъ),

5) пять нравственныхъ идей (внутренней свободы, совершенства, благоволенія, права и воздаянія),

6) шесть видовъ интереса (опытный, спекулятивный, эстетическій, симпатическій, общественный и религіозный).

Если сравнить научно-педагогическую дѣятельность Гербарта съ дѣятельностью его знаменитыхъ предшественниковъ — Коменскаго и Песталоцци, то прежде всего надо признать, что Гербартъ создалъ

замѣчательно точную научную форму педагогики. Не только психологія Гербарта зиждется на точныхъ математическихъ основахъ, но и вся его педагогическая система носитъ характеръ математической науки: такъ образцово намѣчены въ ней основные принципы, изъ которыхъ, подобно тому какъ въ математикѣ изъ аксіомъ, дедуктивно выводится вся стройная система его педагогики. Далѣе мы увидимъ, что и вторая вспомогательная наука Гербартовской педагогики—его практическая философія и вообще всѣ педагогическія воззрѣнія Гербарта имѣютъ также математическія основы и суть ни болѣе, ни менѣе, какъ строго послѣдовательные выводы изъ математической идеи о *прерывной* закономѣрности въ примѣненіи къ явленіямъ нравственнаго порядка.

Во-вторыхъ, весьма важно и то, что Гербартъ обратилъ особое вниманіе на образованіе воли и характера воспитанника и указалъ педагогическія средства для этого, тогда какъ его предшественники сосредоточивали ихъ вниманіе главнымъ образомъ на развитіи чувствъ и разума воспитанника.

Въ-третьихъ, Гербартъ замѣчательно подробно развилъ ученіе о представленіяхъ, что привело его къ выясненію психологическихъ процессовъ усвоенія, къ идеѣ о многостороннемъ интересѣ, къ формальнымъ ступенямъ обученія и къ концентраціонной идеѣ, благодаря чему явилась возможность сообщать воспитаннику такія знанія, которыя не лежали бы въ душѣ тяжкимъ бременемъ, а побуждали бы воспитанника къ самостоятельному и къ самодѣятельному примѣненіи этихъ знаній и сообщали бы характеру воспитанника нравственную устойчивость.

Наконецъ, Гербартъ, вопреки господствовавшему въ то время раціонализму, сумѣлъ выдвинуть на первый планъ своей научной педагогики религіозный элементъ, поставивъ его во главѣ предметовъ для образованія чувствованій, наклонностей, убѣжденій и осуществивъ при его помощи свою концентраціонную идею на практикѣ.

Проф. В. Алексѣевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ШКОЛЬНАЯ ГИГІЕНА ПО НОВѢЙШИМЪ РУКОВОДСТВАМЪ.

Въ 1901 г. редакціею журнала „Русская Школа" издана была въ сокращенномъ переводѣ доктора М. Брейтмана „Школьная Гигіена", Л. Котельмана. Въ настоящее время, въ Москвѣ, въ приложеніяхъ къ циркулярамъ по учебному округу, появился полный переводъ 2-го изданія того же сочиненія.

Имя д-ра Котельмана, какъ бывшаго врача въ Гамбургскомъ Johanneum и редактора перваго школьно-гигіеническаго журнала, должно было служить ручательствомъ за строго-научную и добросовѣстную разработку предмета, поэтому трудъ его встрѣченъ былъ врачами и педагогами съ надеждой найти въ немъ не только всѣ основныя положенія школьной гигіены, но и критическую оцѣнку того, что оставалось въ ней недостаточно выясненнымъ и нерѣшеннымъ.

Школьная гигіена составляетъ одинъ изъ отдѣловъ такъ-называемой профессіональной гигіены, отдѣлъ, касающійся попеченія о здоровьѣ учащагося, представителя умственнаго труда. Она должна, заботиться, главнымъ образомъ, объ обстановкѣ этого послѣдняго, о томъ, чтобы трудъ не только не посягалъ на здоровье и душевное настроеніе ребенка, но способствовалъ тѣлесному и духовному благосостоянію послѣдняго. Имѣя въ виду, что человѣкъ прежде всего долженъ быть „good animal" (по Спенсеру), школьная гигіена должна, конечно, заботиться и о тѣлесномъ развитіи учащагося, о сохраненіи тѣла его цѣлымъ и невредимымъ; однако, строго памятуя, что для учащагося на первомъ планѣ стоитъ здоровье мозга и нервовъ, она должна предпочтительно пещись о нервной его системѣ, объ умственномъ и нравственномъ его благосостояніи, а о тѣлесномъ состояніи заботиться настолько, насколько необходимо это въ видахъ духовнаго преуспѣянія.

Такого толкованія значенія школьной гигіены ни педагоги, ни врачи собственно не держались. Въ учащемся видѣли они обыкновеннаго ребенка и заботу о немъ сосредоточивали на внѣшней обстановкѣ его занятій въ четырехъ стѣнахъ класса. Для окружающихъ учащійся являлся субъектомъ, назначеніемъ котораго было сидѣть, читать, писать и отвѣчать урокъ, слѣдовательно существомъ, относительно котораго надо было заботиться лишь о томъ, насколько и какъ именно вредятъ ему сидѣніе, чтеніе и письмо.

При подобныхъ условіяхъ къ услугамъ учащагося, очевидно, могъ и долженъ былъ оказаться наиболѣе подходящимъ окулистъ, спеціалистъ по уходу за зрѣніемъ, по лѣченію глазъ. И дѣйствительно, мало по малу установилось мнѣніе, что школьный врачъ долженъ быть, если не спеціалистомъ по глазнымъ болѣзнямъ, то, по крайней мѣрѣ, врачемъ, хорошо знакомымъ съ уходомъ за зрѣніемъ.

Извѣстный спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ, бреславскій проф. Конъ, на первомъ школьно-гигіеническомъ съѣздѣ въ Нюрнбергѣ, поставилъ на общемъ собраніи вопросъ: „Что сдѣлали глазные врачи и что остается имъ сдѣлать еще для школьной гигіены?“ и, отвѣчая на вопросъ, закончилъ докладъ словами: Keine Schule ohne Augenarzt.

Вотъ до чего дошли и договорились глазные врачи! Но до этого не слѣдовало бы имъ договариваться. Въ послѣднее время, наряду съ глазными врачами въ школѣ, появились на сценѣ спеціалисты по гигіенѣ и тѣлесному воспитанію, спеціалисты по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, имѣющіе не менѣе, а по справедливости гораздо болѣе права на уходъ за учащимися, нежели врачи глазные. Чтобы ученье шло успѣшно, и не вредило здоровью дѣтей, необходимо укрѣпить и закалить ихъ тѣло, устранить нравственный гнетъ школы и установить умственное воспитаніе соотвѣтственно силамъ и способностямъ, возрасту учащихся.

А всего этого глазные врачи сдѣлать не могутъ, да и не умѣютъ. Вообще, чтобы отвѣтить требованіямъ природы учащихся, необходимо наблюдать ихъ, изучать, жить съ ними; врачи же знали учащихся въ условіяхъ амбулаторной практики, да благодаря случайнымъ посѣщеніямъ классовъ и рекреаціонныхъ помѣщеній, слѣдовательно ограничивались большею частью теоретическими соображеніями касательно жизни и дѣятельности дѣтей. Результатомъ такого ненормальнаго положенія вещей и оказалось, что всѣ болѣзненныя и порочныя проявленія на дѣтяхъ въ учебные годы были приписываемы школѣ и

ученью, и потому разобраться въ томъ, чему виною служитъ школа, чему родительскій домъ, не представлялось никакой возможности.

Родители и педагоги ждутъ отъ школьныхъ врачей отвѣта безпристрастнаго по вопросамъ, выясняющимъ отношенія къ тѣлесному и душевному здоровью дѣтей школы и ученья, врачи же ограничиваются теоретическими соображеніями и апріорными взглядами, и крайне мало вносятъ научнаго и критическаго отношенія въ оцѣнку школьной жизни дѣтей.

Въ разсматриваемой книгѣ Котельмана мы, равнымъ образомъ, не встрѣчаемъ почти ничего новаго и оригинальнаго по части гигіены учащагося и, прочитавъ ее, остаемся въ прежнемъ невѣдѣніи касательно самыхъ существенныхъ, коренныхъ подробностей этой новой науки.

Котельманъ видимо знакомился со школьной гигіеной по книгамъ, въ стѣнахъ своего кабинета, въ учебномъ же заведеніи Johanneum занимался главнымъ образомъ лѣченіемъ больныхъ учениковъ, да спѣшнымъ медико-санитарнымъ осмотромъ послѣднихъ. Авторъ, подобно коллегамъ своимъ, воображалъ, что объ учащихся можно судить и рядить, не входя въ подробности ихъ учебной жизни, но состоя въ учебномъ заведеніи на случай тѣхъ или другихъ заболѣваній. Вотъ почему и сочиненіе его является болѣе или менѣе копіей съ имѣющихся въ нѣмецкой литературѣ руководствъ по школьной гигіенѣ. Авторъ, какъ бы изъ снисхожденія къ иностраннымъ коллегамъ, ссылается иногда на французскихъ и англійскихъ, даже на русскихъ врачей, но и то, будучи повидимому знакомымъ только съ роднымъ, нѣмецкимъ, языкомъ, ссылается только на тѣхъ, о которыхъ упоминается у нѣмцевъ, въ нѣмецкихъ журналахъ и монографіяхъ.

Начинаетъ авторъ съ краткаго изложенія исторіи школьной гигіены въ Германіи, смѣшивая, кстати, исторію школьной гигіены съ исторіею тѣлеснаго воспитанія. Заблужденіе это онъ, впрочемъ, раздѣляетъ съ большинствомъ школьныхъ врачей, которые до сихъ поръ не могутъ еще разобраться въ этихъ двухъ наукахъ и постоянно принимаютъ одну за другую.

Авторъ довольно долго останавливается на заслугахъ въ дѣлѣ тѣлеснаго воспитанія германскихъ гуманистовъ, забывая сказать, что на пользу этого воспитанія гуманисты-итальянцы поработали не меньше, если не больше гуманистовъ—нѣмцевъ. Котельманъ вѣроятно не зналъ, что соотечественникъ его, Россовъ, въ сочиненіи своемъ „Italienische und deutsche Humanisten und ihre Stellung zu den Leibesübungen",

обстоятельно выяснилъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ распространенія тѣлесныхъ упражненій итальянскихъ и второстепенное, подчиненное, гуманистовъ германскихъ. Къ тому же, затронувъ вопросъ о тѣлесномъ воспитаніи, Котельману не мѣшало бы сказать, что въ отношеніи къ этому воспитанію первое мѣсто принадлежитъ ученымъ французскимъ, итальянскимъ, даже англійскимъ, но отнюдь не нѣмцамъ, которые для тѣлеснаго развитія юношей ничего не придумали, кромѣ своей турнерской гимнастики и которые, не ранѣе какъ лѣтъ 10—12 тому назадъ, допустили въ свои школы подвижныя игры и кое-какія тѣлесныя упражненія.

Кто изъ современныхъ школьныхъ врачей не знаетъ въ вопросахъ тѣлеснаго воспитанія великихъ заслугъ Марэя, Лагранжа, Демени, Лаваля, Тисье или Моссо, и кто рѣшится, не ссылаясь на нихъ, говорить объ этомъ воспитаніи!

Что касается до сообщаемыхъ авторомъ во введеніи свѣдѣній гигіеническаго характера, то они столь скудны и спутанны, что не даютъ почти понятія о какой бы ни было, даже о нѣмецкой школьной гигіенѣ.

Свѣдѣнія эти ограничиваются замѣтками о школьныхъ столахъ, объ изслѣдованіи зрѣнія и слуха, объ искривленіяхъ позвоночника, о лѣченіи заиканія и о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ руководствахъ школьной гигіены,—и только. Словомъ, отдѣлъ по исторіи школьной гигіены въ Германіи слѣдуетъ признать наиболѣе неудачнымъ въ разсматриваемомъ сочиненіи и остается удивляться, какимъ образомъ Котельманъ не сумѣлъ воспользоваться тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, какой имѣется по этому предмету въ изобиліи въ школьно-гигіенической литературѣ европейскихъ странъ.

Вся книга дѣлится на два отдѣла: гигіена школы и гигіена учащихся.

Первый отдѣлъ начинается съ гигіены школьныхъ помѣщеній. Тутъ авторъ измѣняетъ общепринятому обычаю нѣмецкихъ спеціалистовъ по школьной гигіенѣ, обычаю описывать мѣстность и постройку школьныхъ зданій, предлагая читателю поучаться насчетъ этого въ другихъ руководствахъ. Онъ прямо опускаетъ всякую бесѣду даже о площади и объемѣ классныхъ и иныхъ помѣщеній школы, этихъ существенныхъ деталей школьнаго зданія. Кстати, авторъ не говоритъ ни слова объ интернатахъ, да и, касаясь только экстернатовъ, игнорируетъ подробности, составляющія гордость и славу современныхъ школъ и рѣзко отличающія современную школу отъ школъ

старинныхъ. Въ книгѣ не находимъ почти упоминанія ни о школьныхъ душахъ, ни о рекреаціонныхъ помѣщеніяхъ, ни о столовыхъ (cantines scolaires), ни о школьныхъ дворахъ и аренахъ для игръ, ни о гимнастическихъ залахъ, если не считать отрывочныхъ о нихъ замѣчаній, разбросанныхъ по разнымъ отдѣламъ книги. И даже, въ главѣ о чистотѣ въ школахъ, авторъ не столько говоритъ о мѣрахъ къ соблюденію чистоты, сколько о разныхъ источникахъ вони, распространяемой каріозными (гнилыми) зубами учениковъ, клозетами, поломъ, одеждою и проч. Кстати, о содержаніи въ опрятности и чистотѣ кожи авторъ не находитъ нужнымъ упоминать.

Упуская изъ виду отношенія площади и объема классныхъ помѣщеній, авторъ останавливается безъ нужды на подробностяхъ ихъ освѣщенія и вводитъ цѣлыя главы изъ физики и химіи по части изслѣдованія силы естественнаго и искусственнаго освѣщенія. Подобно тому, какъ авторъ предлагалъ читателю обращаться по вопросамъ постройки школы къ разнымъ руководствамъ, онъ скорѣе могъ бы предложить ему искать по части воздуха и свѣта указаній въ руководствахъ физики и химіи, но не въ своей книгѣ. Авторъ, какъ спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ, слишкомъ уже увлекается подробностями по обезпеченію зрѣнія учащихся и отводитъ крайне мало мѣста другимъ деталямъ школьной гигіены. Такъ, по отопленію и провѣтриванію школьныхъ зданій встрѣчается въ книгѣ мало поучительнаго, если не считать подробностей, заимствованныхъ изъ руководствъ строительнаго искусства и мало отличающихся практическимъ характеромъ. Авторъ, напримѣръ, смѣло рекомендуетъ пользоваться для провѣтриванія классовъ сквознякомъ, не опасаясь вреднаго его вліянія даже на остающихся во время провѣтриванія въ классѣ учениковъ (97). Можетъ быть, подобная мѣра оказывается примѣнимой въ Гамбургѣ на дѣтяхъ, переносящихъ легко температуру воздуха въ + 8—6° R., но въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, гдѣ ученики зябнутъ при + 12° R., ее едва-ли можно признать цѣлесообразной. Вообще, авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду школы умѣреннаго или теплаго климата, иначе онъ не сталъ бы такъ смѣло относиться къ холоду и сквозняку школьныхъ помѣщеній. Упоминаемыя авторомъ стеклянныя жалюзи, приспособленіе Кастанига, подвижныя окна Фогеля годятся, конечно, только на югѣ.

Въ книгѣ имѣются свѣдѣнія относительно порчи воздуха и изслѣдованія его на углекислоту въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и даже московскихъ школахъ, но, къ сожалѣнію, не приводятся данныя по тому же предмету въ школахъ базельскихъ (лучшая по этой части моно-

графія д-ра Брейтинга вовсе и не упоминается) и нашихъ русскихъ въ гор. Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Херсонѣ и другихъ. Кстати, замѣтимъ, что редакторомъ перевода книги какъ бы намѣренно игнорируются труды всѣхъ почти русскихъ авторовъ, кромѣ московскихъ, и потому получается впечатлѣніе, будто бы русскіе врачи не внесли ничего существеннаго въ сокровищницу школьной гигіены.

Объ отопленіи можно было бы сказать гораздо болѣе, чѣмъ сдѣлалъ это авторъ. Что же касается насъ, русскихъ, то намъ онъ почти ничего не предлагаетъ особенно подходящаго, кромѣ центральныхъ системъ, годныхъ для меньшинства учебныхъ заведеній.

Въ главѣ объ обстановкѣ классныхъ комнатъ главное вниманіе автора сосредоточивается на устройствѣ школьныхъ столовъ и скамей. Казалось бы, что, выработавъ опредѣленныя правила постройки этой мебели, не трудно было бы остановиться, наконецъ, на томъ или другомъ ея образцѣ, тѣмъ болѣе, что относительно ея въ основныхъ положеніяхъ всѣ врачи давно уже пришли къ болѣе или менѣе полному соглашенію, однако Котельманъ снова излагаетъ азы, вставляетъ наивныя замѣчанія по поводу ничтожныхъ деталей устройства и не рѣшается встать на сторону опредѣленной какой-нибудь системы. Онъ не говоритъ даже о томъ, что требованіямъ гигіены наиболѣе отвѣчаютъ парты неподвижныя во всѣхъ ихъ частяхъ и что для пользованія дѣтьми неудобны вообще какіе бы ни было шалнеры, петли, задвижки, словомъ, приспособленія подвижныя. Касательно размѣровъ частей столовъ и скамей авторъ не объясняетъ, на чемъ основывается именно ихъ дѣленіе. Онъ приводитъ разнообразныя цифры авторовъ, не останавливаясь ни на чемъ опредѣленномъ, и забываетъ сказать о распредѣленіи размѣровъ столовъ по Шпису, который толковѣе всѣхъ отнесся къ вопросу и предложилъ цифры, наиболѣе заслуживающія довѣрія и подражанія. Наконецъ, всѣ описанные Котельманомъ столы суть нѣмецкаго изобрѣтенія и даже столы американскаго типа оказались нѣмецкими.

Второй отдѣлъ книги касается гигіены учащихся и начинается съ нервной системы послѣднихъ. Тутъ авторъ сразу впадаетъ въ ошибку, повторяемую въ настоящее время его коллегами повсюду. Онъ приводитъ новѣйшія работы психологовъ по утомленію учащихся, называя ихъ „физіологическими изслѣдованіями", хотя работы эти всѣ почти психологическія или, точнѣе, психофизіологическія, а не чистофизіологическія.

Допуская психофизіологическій параллелизмъ (Гефдингъ), мы ясно

опредѣляемъ, что̀ въ немъ относится къ области вѣдѣнія психолога, что̀ физіолога. Школьные врачи, не мудрствуя лукаво, заимствуютъ цѣликомъ данныя по утомленію отъ психологовъ и педагоговъ, и не желаютъ даже разобраться въ томъ, насколько имѣютъ на это право. Оказывается, что сами педагоги и психологи далеко не всѣ придаютъ значеніе означеннымъ психофизіологическимъ изслѣдованіямъ. Возьмемъ хотя бы такихъ ученыхъ, какъ Джемсъ, Мюнстербергъ, Герм. Шиллеръ, Бенно Эрдманъ, которые, если и не отрицательно, то весьма осторожно относятся къ изслѣдованіямъ Стэнли Голла, Скринчура, Кемзиса и подобнымъ. И даже болѣе доступныя гигіенистамъ изслѣдованія, какъ изслѣдованія эргографическія Моссо, плетисмографическія Моссо и Бинэ, эстезіометрическія Грисбаха встрѣчаютъ со всѣхъ сторонъ возраженія и недовѣріе, и вообще съ трудомъ завоевываютъ мѣсто въ наукѣ. Котельманъ, видимо безъ всякой критики, списывалъ всѣ свѣдѣнія объ изслѣдованіи умственнаго утомленія изъ руководствъ Бургерштейна, Эйленберга или иныхъ и, распространяясь насчетъ данныхъ, добытыхъ отъ психологовъ, упустилъ изъ виду данныя, собранныя физіологами. У него ничего мы не находимъ касательно вліянія умственнаго труда на чисто-физіологическія отправленія, напримѣръ, на дыханіе, кровообращеніе и проч., на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ. Вообще, описываемый отдѣлъ оказался у автора очень неудачнымъ: далеко неполнымъ, незаконченнымъ, а, главное, мало ему знакомымъ. Авторъ доходитъ даже до того, что не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ понятіяхъ „утомленіе“ и „переутомленіе“, и совсѣмъ не мотивируетъ сроковъ распредѣленія занятій, отдыха и сна, т. е. самыхъ существенныхъ моментовъ въ жизни учащагося.

О переутомленіи находимъ мы въ книгѣ свѣдѣнія разбросанныя и далеко не полныя. Такъ, о вліяніи на переутомленіе гнетущаго душевнаго настроенія учащихся не говорится ни слова; равнымъ образомъ, не упоминается о вліяніи неподходящихъ методовъ обученія, не соотвѣтствующихъ возрасту учащихся, характера и распредѣленія учебныхъ предметовъ, частыхъ разстройствъ питанія и т. д.

Въ прямую связь съ переутомленіемъ авторъ ставитъ головную боль и носовое кровотеченіе дѣтей, т. е. повторяетъ заблужденіе тѣхъ врачей, которые всѣ болѣзненныя явленія на учащихся приписывали исключительно школѣ и ученью. О нервности авторъ не говоритъ ничего новаго и поучительнаго, и, къ сожалѣнію, умалчиваетъ о работахъ въ этой области такихъ почтенныхъ спеціалистовъ, какъ: Крайтнъ-Броунъ, Комбъ, Оппенгейнеръ, особенно содѣйствовавшихъ

выясненію вопроса о дѣтской нервности. О вліяніи на развитіе нервности тѣлосложенія, темперамента, характера нѣтъ у автора и помину, а между тѣмъ кто же изъ педагоговъ и врачей не знаетъ, какъ рѣзко отражаются всѣ эти особенности организаціи на здоровьѣ и болѣзненности (resp. нервности) дѣтей. Противъ нейрастеніи авторъ совѣтуетъ физическій трудъ, въ видѣ спорта, слёйда или работъ въ саду. Въ описываемомъ состояніи лучшимъ средствомъ слѣдовало бы считать полный отдыхъ, а не усиленное мышечное упражненіе. Профессоръ Моссо совершенно правъ, доказывая, что утомленіе бываетъ только одно: нервное, и что предлагать „замѣнять умственный или мозговой трудъ мышечнымъ значитъ къ мозговому напряженію присоединять еще другое напряженіе, съ нимъ одинаковое и одинаково вредное для нервной системы".

Вопроса о связи переутомленія съ душевными разстройствами авторъ коснулся весьма неудачно: онъ не только не выяснилъ вопроса, но, можно сказать, посодѣйствовалъ его затемнѣнію.

Авторъ приводитъ не мало свѣдѣній о мѣрахъ разныхъ германскихъ правительствъ къ улучшенію умственной гигіены учащихся, но не касается подобныхъ же, а къ тому и лучшихъ, мѣръ, какія принимаются администраціею новѣйшихъ школъ, какъ, напримѣръ, школъ Ридда, Демолэна, Лица и другихъ. У этихъ педагоговъ Котельманъ могъ бы поучиться и тому, какъ распредѣлять время занятій и отдыха дѣтей, а, главное, какъ заполнять часы ихъ досуга, чего совсѣмъ почти не знаютъ оффиціальные педагоги, которыхъ имѣетъ онъ въ виду. Вообще, вопросъ о распредѣленіи времени для учащихся мало знакомъ автору. Кстати, въ литературѣ книги мы не находимъ указанія на подходящее сочиненіе Г. Шиллера (Stundenplan), гдѣ означенный вопросъ разработывается особенно обстоятельно.

Къ описанію нервныхъ болѣзней учащихся авторъ пріурочиваетъ описаніе двухъ обычныхъ школьныхъ пороковъ: употребленія учащимися спиртныхъ напитковъ и куренья табака. Къ сожалѣнію, авторъ не выясняетъ причинъ увлеченія этими пороками, да и не указываетъ собственно никакихъ раціональныхъ мѣръ борьбы съ ними, между тѣмъ какъ борьба эта составляетъ одну изъ насущныхъ задачъ для современныхъ педагоговъ и школьныхъ врачей во всѣхъ странахъ міра.

Отдѣлъ гигіены органовъ (внѣшнихъ) чувствъ у учениковъ авторъ начинаетъ излюбленнымъ окулистами вопросомъ: о разстройствахъ органа зрѣнія учащихся.

Описаніе этихъ разстройствъ въ книгѣ представляетъ—можно ска-

зать—цѣлый рядъ несообразностей, натяжекъ съ точки зрѣнія врача, знакомаго съ условіями здоровья дѣтей въ дошкольную и школьную пору.

Профессоръ Штиллингъ говоритъ, что борьба окулистовъ съ школьной близорукостью напоминаетъ бой римскихъ воиновъ, не видѣвшихъ изъ-за забрала шлема, съ кѣмъ сражались. Окулисты все зло разстройствъ зрѣнія у учащихся, не обинуясь, приписываютъ школѣ и ученью, и не желаютъ знать, что въ значительномъ, если не въ преобладающемъ числѣ близорукія и дальнозоркія дѣти являются такими изъ семьи, въ школѣ же встрѣчаютъ лишь условія, благопріятныя къ развитію пороковъ ихъ зрѣнія. По наблюденіямъ профессора Гиппеля въ Гиссенѣ и доктора Б. Медема въ Полтавѣ, школа не только не ухудшаетъ состоянія зрѣнія дѣтей, но, напротивъ, даже содѣйствуетъ его улучшенію. Къ этому всѣ антигигіеническія условія школы (плохое освѣщеніе, дурной шрифтъ руководствъ, нераціональное письмо, неправильно-построенные столы), если и посягаютъ на зрѣніе, то развѣ тѣмъ, что заставляютъ глазъ приспособляться къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, не угрожая однако ему органическимъ разстройствомъ. Всѣ крупныя цифры близорукости учащихся, приводимыя профессоромъ Кономъ и его приверженцами, оказываются совсѣмъ не столь ужасными, какими кажутся на первый взглядъ, если принять въ соображеніе, что значительная часть дѣтей поступаетъ уже въ школу съ наслѣдственнымъ разстройствомъ зрѣнія или съ врожденнымъ предрасположеніемъ къ послѣднимъ, и что, подобно поражающему числу близорукихъ въ самыхъ отчаянныхъ въ санитарномъ отношеніи школахъ, встрѣчается обиліе такихъ же по зрѣнію учащихся и въ великолѣпнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того, окулисты не обращаютъ вниманія на то, что близорукость часто находится въ связи съ общимъ разстройствомъ здоровья дѣтей, какъ убѣдительно доказали это новѣйшія наблюденія д-ра Гельнке на учащихся въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ города Карльсруэ и какъ доказываютъ наблюденія внимательныхъ къ дѣтямъ школьныхъ врачей другихъ странъ. Наконецъ, глазные врачи совсѣмъ не говорятъ объ отношеніи къ разстройствамъ зрѣнія истеріи, нейрастеніи, онанизма, куренія табаку, алкоголизма, тогда какъ серьезные намеки на это мы находимъ у многихъ компетентныхъ врачей (Шмидтъ-Римплеръ). Вообще, вопросъ объ отношеніи разстройствъ зрѣнія къ условіямъ школы и ученія слѣдуетъ считать далеко еще незаконченнымъ, и онъ требуетъ гораздо болѣе обстоятельныхъ и научныхъ изслѣ-

дованій, чѣмъ тѣ, какія до сихъ поръ спѣшно и небрежно были дѣлаемы въ школахъ окулистами, незнакомыми хорошо ни съ школьной гигіеной, ни съ тѣлеснымъ развитіемъ и воспитаніемъ учащихся.

Достаточно подробно разсматриваетъ авторъ вопросъ о шрифтѣ руководствъ, ссылаясь на многихъ ученыхъ, но забывая одного изъ лучшихъ спеціалистовъ по этой части, а именно, профессора Цэендера, наиболѣе содѣйствовавшаго рѣшенію вопроса и представившаго наиболѣе цѣнныя замѣчанія къ уясненію послѣдняго.

Авторъ очень осторожно касается вопроса о нѣмецкомъ (готическомъ) шрифтѣ. Указывая на его недостатки, онъ все-таки не рѣшается признать его антигигіеничнымъ, т. е. стать на сторону большинства отвергающихъ его германскихъ ученыхъ. Вслѣдъ за симъ (319) авторъ доказываетъ, что прямой почеркъ письма превосходитъ косой потому, что заставляетъ глазъ слишкомъ приближаться къ тетради, хотя самъ же говоритъ, что къ этому склонны обыкновенно малолѣтки, да, къ тому же, не договариваетъ, что виноваты въ томъ и плохо слѣдятъ за дѣтьми преподаватели. (О почеркѣ письма мы, впрочемъ, поговоримъ ниже).

Приводимыя авторомъ мѣры къ удержанію головы на нормальномъ разстояніи отъ тетради, напр., пользованіе прямодержателемъ (Geradhalter) Зённекена или штативомъ Кальмана, можно назвать прямо потѣшными. Кстати, давно отвергнутый всѣми стигмографическій методъ рисованія (по точкамъ) Штульмана снова и безъ нужды выводится на сцену авторомъ.

Наряду съ функціональными разстройствами глазъ авторъ описываетъ и заразное ихъ воспаленіе (трахому), забывая привести указанія на одну изъ лучшихъ монографій по этой болѣзни—д-ра Гольдціэра.

Авторъ старался тщательно описать отношенія нормальнаго слуха и разные пороки и болѣзни уха учащихся. Онъ доходитъ даже до такой щепетильности въ описаніи, что вызываетъ въ читателѣ улыбку, а то и недоумѣніе. Такъ, напр., при ныряньѣ или прыганьѣ въ водѣ во время купанья, онъ совѣтуетъ или затыкать уши ватой, смоченной масломъ или указательными пальцами. Авторъ очевидно не пробовалъ никогда ни нырять, ни даже прыгать въ водѣ въ годы юности.... Подобную же оплошность авторъ допускаетъ и относительно пѣнія, говоря, что отъ него нужно освобождать тѣхъ учениковъ, у которыхъ мѣняется голосъ. Лучшій спеціалистъ по физіологіи и патологіи голосовыхъ органовъ, проф. Мекензи настаиваетъ, напротивъ, на про-

долженіи упражненія въ пѣніи, но совѣтуетъ только строже надзирать въ эту пору за поющимъ и не допускать съ его стороны излишняго напряженія.

Подобно тому, какъ при описаніи причинъ близорукости, авторъ отличается недостаточно обоснованной оцѣнкой и причинъ развитія искривленій позвоночника.

Авторъ беретъ цифры искривленія отъ разныхъ сочиненій. Цифры эти сходятся въ томъ, что наибольшія падаютъ на годы отрочества, дѣтства и юношества. Такое же отношеніе цифръ находимъ мы и у лучшаго изслѣдователя по вопросу, д-ра Долега, о которомъ впрочемъ авторъ не упоминаетъ. Авторъ говоритъ совершенно справедливо: „тотъ фактъ, что искривленія позвоночника чаще встрѣчаются во время пребыванія въ школѣ, не доказываетъ еще, что между ними и школой существуетъ причинная связь. Съ большимъ правомъ это можно понимать такимъ образомъ, что во время посѣщенія школы число случаевъ сколіоза увеличивается". Не смотря однако на такое выгораживаніе школы, авторъ далѣе ставитъ порокъ этотъ все-таки въ вину школѣ, указывая на отношеніе боковыхъ искривленій къ пользованію учениками неправильнымъ почеркомъ письма (почерка косого). Къ сожалѣнію, онъ только не договариваетъ, что въ юношескіе годы число этихъ искривленій рѣзко падаетъ и уступаетъ мѣсто искривленіямъ кзади—(кифозамъ), горбамъ. Если бы боковыя искривленія зависѣли отъ косого почерка письма или отъ неподходящихъ столовъ, то число ихъ, конечно, увеличивалось бы въ годы юности, какъ въ годы наибольшаго упражненія въ письмѣ, но вѣдь этого-то увеличенія и не бываетъ, слѣдовательно, причины означенныхъ искривленій иныя, чѣмъ указываемыя авторомъ. Отроки пишутъ меньше юношей, но тѣло ихъ слабѣе, юноши же пишутъ больше, но мышцы и кости ихъ крѣпче и развитѣе. Слабый отроческій позвоночникъ легко склоняется въ сторону, крѣпкій же юношескій удерживается болѣе вертикально, но сгибается болѣе кпереди вслѣдствіе большаго вниманія къ работѣ, вслѣдствіе усиленнаго письма и чтенія. Вообще, наиболѣе очевидною оказывается связь искривленій позвоночника въ младшемъ возрастѣ со слабостью тѣлосложенія и здоровья, такъ что почеркъ письма, школьная мебель, шрифтъ руководствъ и пр. оказываются лишь случайными причинами образованія означеннаго порока. Д-ръ Гельнке, изслѣдовавшій отношеніе близорукости и искривленій позвоночника къ санитарной обстановкѣ учащихся, нашелъ, что она отнюдь не оказываетъ на нихъ того вреднаго вліянія, какое

ей приписываютъ врачи и педагоги. Словомъ, вопросъ объ искривленіяхъ позвоночника и объ отношеніи ихъ къ школѣ и ученію далеко нельзя считать рѣшеннымъ и онъ требуетъ дальнѣйшихъ провѣрки и наблюденій.

Говоря о причинахъ искривленій позвоночника, авторъ одною изъ нихъ считаетъ положеніе тѣла при письмѣ—письмѣ косымъ почеркомъ.

Надо замѣтить, что при письмѣ главную роль играетъ положеніе верхней конечности—точнѣе, руки, ея кисти, а при чтеніи—положеніе глазъ. Для удобства письма верхняя конечность должна имѣть опору въ локтѣ и двигаться по радіусу, описывая дугу (resp. хорду дуги). Буквы начертываются перпендикулярно основной линіи глазъ и образуютъ рядъ параллельныхъ другъ другу чертъ на строкѣ подъ угломъ въ 30—40°, что и представляетъ намъ косое письмо. Учитель долженъ наблюдать за правильной посадкой и за строгимъ выполненіемъ учениками правилъ положенія руки и тетради. При такихъ условіяхъ писали во всѣхъ странахъ, но, несмотря, однако, на тожественность условій въ однѣхъ странахъ пишущіе ученики оказывались прямыми, стройными, съ нормальнымъ зрѣніемъ, въ другихъ же горбатыми, кривыми, близорукими. Такъ, германскій директоръ школы Райдтъ, посѣщая англійскія учебныя заведенія, удивлялся, что тамъ не было совсѣмъ почти близорукихъ, между тѣмъ какъ въ Германіи кривобокихъ и близорукихъ поражающее количество. Райдтъ объяснялъ это— и совершенно справедливо—хорошимъ здоровьемъ и отличнымъ тѣлеснымъ воспитаніемъ англійскихъ учащихся, и плохимъ здоровьемъ и неудовлетворительнымъ тѣлеснымъ воспитаніемъ нѣмецкихъ. Нѣмцы собственно не признаютъ этого. Они забываютъ, что ихъ дѣти плохо питаются, не знаютъ почти воздуха, мало двигаются, обременены зубреньемъ, въ противоположность англійскимъ, и сваливаютъ вину близорукости и искривленій на второстепенныя условія: на почеркъ письма, на столы, на шрифты. Прямой почеркъ письма нисколько не помогъ учащимся; при замѣнѣ имъ почерка косого цифры близорукихъ и кривобокихъ остались тѣ же. Отъ прямого почерка отказываются теперь повсюду, и даже въ томъ городѣ, гдѣ „загорѣлся сыръ-боръ“ противъ почерка косого, въ Нюрнбергѣ, и тамъ возвращаются къ послѣднему во всѣхъ почти школахъ.

Надо содержать дѣтей удовлетворительно и хорошо воспитывать тѣлесно, укрѣплять, закалять ихъ, чего въ большинствѣ школъ не дѣлается. Все это подтверждается самою жизнью; учащихся близорукихъ и кривобокихъ встрѣчается весьма мало въ богатыхъ учебныхъ

заведеніяхъ, въ плохихъ же оказывается такихъ большинство; въ плохихъ не помогаютъ ни улучшеніе классныхъ столовъ, ни мѣна посадки, ни шрифты и т. д. Всего этого Котельманъ въ книгѣ своей не выясняетъ, но повторяетъ старыя, избитыя положенія окулистовъ, упорствующихъ въ своемъ одностороннемъ попеченіи объ ученическихъ глазахъ, но забывающихъ о главномъ,—объ общемъ состояніи здоровья дѣтей.

Только-что описанную ошибку авторъ повторяетъ и по отношенію къ заболѣванію учащихся заразными болѣзнями. Онъ всѣ мѣры противъ послѣднихъ ограничиваетъ заботами о гигіенической обстановкѣ больныхъ, о мѣрахъ же тѣлеснаго воспитанія молчитъ, какъ бы о несуществующихъ. Чтобы не опасаться врага, надо подготовиться къ его встрѣчѣ, надо вооружиться силами и отвагой для борьбы, надо укрѣпить, закалить человѣка; Котельманъ же, говоря объ опасности заразныхъ болѣзней для учащихся, оставляетъ этихъ послѣднихъ въ покоѣ и тщится только удалить, отстранить ихъ отъ заразы. Вмѣсто агрессивныхъ онъ прибѣгаетъ къ оборонительнымъ мѣрамъ противъ заразныхъ болѣзней и какъ бы забываетъ, что отъ болѣзней этихъ можно уберечься только при посредствѣ самыхъ энергическихъ мѣръ тѣлеснаго воспитанія и закаливанія, но отнюдь не невинными мѣропріятіями исключительно гигіеническаго характера. Словомъ, мѣры гигіеническія хороши тогда, когда учащійся крѣпокъ, здоровъ, жизнерадостенъ, тѣлесно развитъ, то есть когда способенъ противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ окружающей среды, слѣдовательно и заразнымъ болѣзнямъ.

Къ заразнымъ болѣзнямъ авторъ счелъ нужнымъ пріурочить онанизмъ, вмѣсто того чтобы говорить о немъ въ связи съ обычными пороками учащихся: алкоголизмомъ и куреньемъ табаку.

Французскій ученый Губѐръ справедливо называетъ пороки эти agents perturbateurs du développement de la jeunesse. Они губятъ не только тѣлесно, но и духовно молодыхъ людей въ лучшую пору ихъ жизни. Котельманъ не приводитъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса о причинахъ и мѣрахъ относительно онанизма, тогда какъ наблюденіе надъ условіями жизни учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ давно уже даютъ ключъ къ такому рѣшенію. Во-первыхъ, въ заведеніяхъ, въ которыхъ дѣти довольны и счастливы, гдѣ они не испытываютъ нравственнаго гнета, онанизмъ почти не встрѣчается, а, во-вторыхъ, его не знаютъ и тамъ, гдѣ администраціею заведенія принимаются надлежащія мѣры къ здоровымъ и трезвымъ развлеченіямъ

дѣтей, т. е. къ разумному заполненію часовъ ихъ досуга. Праздность—недаромъ говорятъ—есть мать всѣхъ пороковъ. Примѣромъ подобныхъ заведеній могутъ служить интернаты англійскихъ и новѣйшихъ общеобразовательныхъ заведеній: школъ абботсгольмской, демоляновской, цубербюлерской и под. Что относительно распространенности онанизма среди учащихся будто бы ничего не извѣстно, Котельманъ ошибается: при осмотрѣ болѣе 2.000 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ одного округа въ Россіи оказалось, что явные признаки нарушенія нормальнаго состоянія половыхъ органовъ (увеличеніе размѣровъ половыхъ органовъ, обвисаніе мошонки, открытая крайняя плоть) были замѣчены у 20,8% изслѣдованныхъ, т. е. у одного изъ 5 учениковъ; что нарушеніе это ведетъ начало съ самыхъ юныхъ лѣтъ и характеризуетъ во всѣ годы ученья половую распущенность подростающаго поколѣнія. Вообще, ежегодный однократный или, лучше, двукратный осмотръ учащихся въ нагомъ видѣ слѣдовало бы признать безусловно необходимымъ не только въ видахъ ознакомленія съ тѣлеснымъ развитіемъ ихъ тѣла, но и съ нравственною распущенностью.

Котельманъ сообщаетъ свѣдѣнія объ особомъ видѣ половаго извращенія, а именно, о любовныхъ отношеніяхъ между нѣкоторыми старшими и младшими учениками школы (amantes et amati). Такіе случаи, сколько извѣстно, наблюдаются въ заведеніяхъ, гдѣ не имѣется порядочнаго надзора за дѣтьми или гдѣ надзоръ этотъ находится въ вѣдѣніи лицъ глупыхъ и невѣжественныхъ. Вообще же, явленія эти рѣдки и исключительны.

Попутно авторъ настаиваетъ на необходимости введенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ института спеціальныхъ школьныхъ врачей, какъ наблюдателей за здоровьемъ учащихся, такъ и руководителей въ дѣлѣ тѣлеснаго и нравственнаго воспитанія.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнное нами сочиненіе д-ра Котельмана представляетъ далеко не полный и далеко не разработанный трудъ по части гигіены учащихся, а, главное, не относится строго критически къ обширному матеріалу, собранному на наблюденіяхъ надъ учащимися врачами и педагогами всѣхъ странъ.

Школьная гигіена никогда не пользовалась особеннымъ вниманіемъ со стороны врачей; судить и рядить о ней считалъ себя въ правѣ всякій, наблюдать же учащихся во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни, входить въ ихъ положеніе оказывалось охотниковъ немного. Вотъ чѣмъ именно и объясняется необоснованность большинства самыхъ

существенныхъ вопросовъ школьной гигіены и неудовлетворительность санитарныхъ мѣропріятій въ учебныхъ заведеніяхъ.

Сверхъ того, спеціалисты по школьной гигіенѣ обыкновенно сосредоточиваютъ все вниманіе на мѣрахъ одной гигіены (тѣлесной и отчасти только умственной), но совершенно игнорируютъ мѣры раціональнаго тѣлеснаго воспитанія, которыя собственно неразрывно связаны съ гигіеной. Этою односторонностью мѣръ, а, кстати, недостаточнымъ знакомствомъ школьныхъ врачей съ природою дѣтей, и объясняется то печальное положеніе, въ какомъ находится состояніе здоровья учащихся и въ какомъ будетъ пребывать оно, вѣроятно, многіе годы.

Обо всемъ этомъ Котельманъ не говоритъ и не думаетъ, и потому-то сочиненіе его вноситъ весьма мало полезнаго въ жизнь школы и учащихся. Вообще, книга автора слишкомъ теоретична и какъ будто написана врачемъ, не знающимъ дѣтей, не интересующимся ими.

Переводъ книги тяжеловатъ. При чтеніи ея беретъ часто сомнѣніе, переводилъ ли книгу педагогъ или одинъ изъ подчиненныхъ ему учениковъ старшихъ классовъ, мало знакомый съ нѣмецкимъ и русскимъ языкомъ. Многія слова и выраженія доказываютъ это неоспоримо. Такъ, вмѣсто слова „продольный“ читаемъ „длинный“ (7), вм. „испытанный“—„опытный“ (218), вм. „загадочный“—„подозрительный“ (270), вмѣсто „концевой“—„конечный“ (342), вмѣсто „мѣшкотный“—„длинный“ (346), вм. „дезинфицирующій“—„дезинфекцирующій“ (101).

Встрѣчаются мѣста прямо недопустимыя: напримѣръ „Это (признаки угнетенія) ни въ какомъ случаѣ не является результатомъ, напр., чисто психической усталости, но благодаря воздуху, насыщенному собственными ядами, физическое настроеніе и расположеніе настолько понижаются, что психическая способность работы ослабѣваетъ“ (70). Или: „Ученики (во время рекреацій“) идутъ на дворъ или при дурной погодѣ въ корридоръ, совершаютъ тамъ движеніе и на своихъ одеждахъ приносятъ вмѣстѣ съ собой въ классы свѣжій воздухъ“ (95). Или: „Описанный способъ сохраненія одежды (въ корридорахъ) самый простой, но онъ требуетъ тщательнаго надзора за домомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отдѣльныя части одежды могли бы пропадать“ (102). Мы уже не говоримъ о томъ, что книга, намѣченная не для однихъ только врачей, но и для педагоговъ, не должна была бы изобиловать такимъ множествомъ медицинскихъ терминовъ и спеціальныхъ выраженій, каковыя встрѣчаются въ ней на каждомъ почти шагу.

Въ заключеніе скажемъ: какъ жаль, что русская школа лишена до сихъ поръ руководства школьной гигіены и тѣлеснаго воспитанія учащихся, и что русскимъ врачамъ, педагогамъ и родителямъ приходится пробавляться нѣмецкими руководствами по этимъ наукамъ, отличающимися крайней теоретичностью, незнакомствомъ съ природою и жизненными требованіями учащихся, а потому мало приложимыми, негодными на практикѣ!

Школьная гигіена и наука тѣлеснаго воспитанія требуютъ для изученія такихъ же условій, какъ и любая отрасль индуктивныхъ знаній. Онѣ должны основываться на строго-научныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ надъ учащимися и надъ ихъ тѣлесной, нравственной и умственной обстановкой, но отнюдь не на теоретическихъ соображеніяхъ людей, чуждыхъ интересамъ школы и учащихся, людей, знакомящихся съ послѣдними при случайныхъ встрѣчахъ въ амбулаторіяхъ или на улицѣ, и судящихъ о нуждахъ дѣтей апріорно, эмпирически.

Московскому, какъ и всякому вообще, учебному округу, вмѣсто того, чтобы тратить деньги на изданія безполезныхъ нѣмецкихъ или иныхъ иностранныхъ руководствъ, слѣдовало бы лучше озаботиться о подготовленіи, при помощи подходящихъ школьныхъ врачей, оригинальнаго русскаго руководства по школьной гигіенѣ и тѣлесному воспитанію, руководства, основаннаго на изученіи наличной русской школы и русскихъ учащихся. Конечно, при обычномъ бюрократическомъ отношеніи къ дѣлу ученья и воспитанія въ нашемъ отечествѣ, подобное подготовленіе надлежащаго руководства могло бы встрѣтить непреодолимыя препятствія, тѣмъ не менѣе и попытка прибѣгать къ помощи ненужныхъ иностранныхъ руководствъ не можетъ приводить ни къ чему, если даже прямо не вредитъ дѣлу.

Д-ръ мед. А. Вирсміусъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

М. Бубликовъ и Н. Гольденбергъ.* **Природовѣдѣнiе. Краткiй курсъ естественныхъ наукъ. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй и городскихъ училищъ. Цѣна 1 руб. С.-Пб. 1906. VIII + 248 стр. съ многочисленными рисунками. Изданiе Н. П. Карбасникова.

Описанiю „Неорганическаго мiра" въ разсматриваемой книгѣ посвящены лишь 31 страница (3—33). На этихъ страницахъ разсматриваются: 1) Почва, 2) Кристаллическiя горныя породы, 3) Воздухъ, 4) Вода, 5) Минералы и произведенiя изъ кристаллическихъ породъ, 6) Известняки, 7) Слоистыя горныя породы, 8) Поваренная соль, 9) Углеродистыя породы, 10) Сѣра и фосфоръ, 11) Металлы, 12) Простыя и сложныя тѣла. Очевидно, при такихъ условiяхъ, изложенiе должно носить сжатый характеръ, что не можетъ не отзываться на точности описанiй, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго. Въ фактическомъ отношенiи большiе недочеты не наблюдаются, но (стр. 8) объясненiе распространенiя валуновъ по поверхности Россiи устарѣло, также устарѣло представленiе о томъ, что „подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы". Вообще, читая эту главу, я долженъ придти къ заключенiю, что она написана подъ впечатлѣнiемъ статьи, которая была въ первый разъ напечатана болѣе сорока лѣтъ тому назадъ въ извѣстной книгѣ Ушинскаго „Дѣтскiй мiръ" и съ тѣхъ поръ, безъ измѣненiя, перепечатывалась во всѣхъ

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенiя какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованiя, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

послѣдующихъ изданіяхъ этой книги. Такъ, у Ушинскаго мы читаемъ:

„Пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень. Много такихъ капель падало на нашу скалу и, мало по-малу, показались въ ней сначала едва замѣтныя трещины; въ эти трещины проникали новыя капли, прокравшіяся въ гранитъ, замерзали, но тѣмъ самымъ раздвигали все дальше и дальше его частицы" и т. д. Въ разсматриваемой книгѣ напечатано: „Пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень.

Много такихъ капель падало на нашу скалу; капли проникали въ трещины, размывали и расширяли ихъ до того, что онѣ обращались въ широкія расщелины. Зимою вода въ трещинахъ замерзала и еще больше ихъ расширяла, все дальше и дальше раздвигая части скалы" и т. д. Или, у Ушинскаго:

„Море въ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь: только высокія, гористыя страны выглядывали изъ подъ него, а наша низменная, ровная матушка Россія вся еще пряталась подъ водою, по которой очень удобно странствовать ледянымъ глыбамъ. Вотъ глыба, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, все подвигалась къ югу, а на югѣ, какъ вы знаете, солнце грѣетъ больше, и припекало ледяную глыбу, которая пустилась въ путь. Глыба все движется дальше" и т. д.

Въ разсматриваемой книгѣ:

„Море въ тѣ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь; только гористыя страны выглядывали изъ него, а наша низменная, ровная матушка—Россія вся находилась подъ водою. Гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, ледяная глыба неслась по необъятному морскому простору къ югу, подъ дѣйствіемъ солнечнаго тепла становилась все тоньше" и пр.

Странно, что редакторы этого отдѣла, докторъ естественныхъ наукъ, Л. М. Василевскій, и Р. М. Марковичъ, не выбрали чего-либо болѣе современнаго. Вѣдь и приведенное выше выраженіе: „подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы"—на стр. 7 разсматриваемой книги—находится въ непосредственной связи со слѣдующими строками въ статьѣ Ушинскаго: „страшный огонь и теперь царитъ внутри земного шара"... „въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе и, прорываясь наружу, выдвигалъ на верхъ"... „сплавленные имъ камни".

Не вѣрно, что минералами называются „болѣе или менѣе одно-

родныя неорганическія тѣла" (стр. 15) — минералы суть тѣла однородныя.

Не вѣрно, также, что „песокъ и глина суть минералы" (стр. 16)— это горныя породы.

Заглавіе—5) Минералы и произведенія изъ кристаллическихъ породъ—не вѣрно, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о стеклѣ и о глиняной посудѣ: но, вѣдь песокъ, изъ котораго дѣлается стекло, по номенклатурѣ и опредѣленію книги, и глина суть минералы, которые образовались отъ разрушенія кристаллическихъ породъ, а не кристаллическія породы. Не вѣрно, что „известняки состоятъ изъ раковинокъ крошечныхъ животныхъ" (стр. 17). Какъ понять, что „гипсъ и алебастръ состоятъ изъ кристалловъ? Вѣдь, если ученику показать кусокъ волокнистаго гипса или плотнаго алебастра, онъ не увидитъ здѣсь кристалловъ (стр. 19).

Въ описаніи разницы между алмазомъ, углемъ и графитомъ наблюдается большая путаница (стр. 23); „Уголь состоитъ, главнымъ образомъ изъ углерода, но содержитъ въ себѣ и нѣкоторыя другія примѣси; алмазъ же есть чистый углеродъ. Почти чистымъ углеродомъ является и графитъ". Но изъ дальнѣйшаго видно, что алмазъ и графитъ представляютъ собою „чистые углероды". Итакъ, что же такое графитъ?... „Кромѣ алмаза и графита, представляющихъ собою чистые углероды, въ земной корѣ встрѣчаются горныя породы, которыя состоятъ, главнымъ образомъ, также изъ углерода, но съ примѣсью нѣкоторыхъ другихъ веществъ. Отличительной чертой этихъ породъ является горючесть". Можно подумать, что алмазъ и графитъ не горючи.

„Янтарь отъ тренія о сукно электризуется т. е. пріобрѣтаетъ свойство притягивать къ себѣ легкіе предметы" (26 стр.). Удобно ли это выраженіе? Платина, добываемая „въ Сибири", правильнѣе и точнѣе сказать: на Уралѣ.

Странно, что въ книгѣ известняки разсматриваются отдѣльно отъ другихъ „слоистыхъ" горныхъ породъ, хотя между этими „слоистыми породами" названы и известняки. Въ общей характеристикѣ известняковъ (стр. 17) обращено существенное вниманіе на способность ихъ растворяться въ уксусѣ съ выдѣленіемъ углекислаго газа, какъ бы съ кипѣніемъ, между тѣмъ, далѣе, между „известняками", мы встрѣчаемъ гипсъ, который, какъ извѣстно, такимъ свойствомъ не обладаетъ.

С. Глинка.

**С. А. Богатыревъ.* Матеріалы по воспитанію и обученію. Выпускъ I. Экскурсіи учениковъ Астраханской гимназіи въ 1902, 1903 и 1904 гг. Чистый доходъ отъ продажи изданія поступаетъ въ фондъ на постройку новаго зданія Астраханской гимназіи. Астрахань. 1905 г. Стр. 220. Цѣна 1 рубль.

Названная книга начинается вопросомъ объ организаціи экскурсій, какъ въ отдаленныя части Россіи и за границу, такъ и въ ближайшія, какъ Астрахань и ея окрестности, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ этой главы авторъ высказываетъ общія соображенія, руководившія педагогическимъ совѣтомъ Астраханской гимназіи относительно выбора мѣстностей для экскурсій и мѣръ для осуществленія ихъ.

Во второмъ отдѣлѣ все относящееся до организаціи экскурсій формулируется въ особыхъ правилахъ съ подведеніемъ ихъ подъ §§; затѣмъ книга посвящается уже описанію отдѣльныхъ экскурсій въ отдаленныя части Россіи и въ мѣстности гор. Астрахани и окрестностей. Первая экскурсія учениковъ въ Москву и въ поволжскіе города лѣтомъ 1902 г. была описана г. Богатыревымъ и издана въ особой книжкѣ, которая своевременно находилась на разсмотрѣніи въ ученомъ комитетѣ.

Затѣмъ описывается экскурсія въ Крымъ лѣтомъ 1903 г., поѣздка на сѣверъ и въ Соловецкій монастырь лѣтомъ 1904 г., наконецъ 18 экскурсій учениковъ въ г. Астрахани и 25 экскурсій въ окрестности Астрахани.

Судя по первымъ строкамъ книги, а равно по § А 18 и Б 9, каждая экскурсія описывается руководителемъ ея, и такимъ образомъ источниками для этой книги служили отчеты руководителей; но для нѣкоторыхъ экскурсій главный матеріалъ извлеченъ изъ описаній, сдѣланныхъ учениками, таковы: экскурсія въ Крымъ изъ дневника одного ученика VII класса, описаніе Ихтіологическаго музея Рыбнаго управленія въ гор. Астрахани ученика VI-го класса, тѣмъ же ученикомъ составлено описаніе ризницы Успенскаго Астраханскаго собора и т. д.

Наибольшій интересъ изъ всего поименованнаго матеріала представляетъ подробное и дѣльное описаніе поѣздки въ Соловецкій монастырь, въ которомъ историческій обзоръ составленъ на основаніи извѣстныхъ печатныхъ сочиненій.

Но особенную цѣнность въ настоящей книгѣ имѣютъ правила организаціи ученическихъ экскурсій. Правила эти, обнимая всю техническую, матеріальную и педагогическую сторону экскурсій, составлены обстоятельно и печатаются въ видѣ приложенія къ этому отзыву

съ цѣлью вызвать мнѣніе о нихъ, а можетъ быть и пополненіе со стороны наиболѣе компетентныхъ лицъ.

Съ своей стороны, я позволю себѣ высказать относительно отдѣла объ организаціи экскурсій нижеслѣдующее.

На первой страницѣ авторъ утверждаетъ, что вопросъ о пользѣ ученическихъ экскурсій рѣшенъ учеными, педагогами и писателями въ положительномъ смыслѣ. Но въ дѣйствительности это не такъ. О пользѣ ученическихъ экскурсій съ чисто учебною цѣлью въ ближайшія мѣстности, между педагогами не существуетъ разнорѣчій. Что же касается до прогулокъ въ отдаленныя мѣстности, то на счетъ пользы ихъ и характера не можетъ быть одного мнѣнія, и вопросъ объ этомъ, на сколько мнѣ извѣстно, не подвергался у насъ обсужденію ни въ педагогической печати, ни въ большихъ компетентныхъ педагогическихъ собраніяхъ. Иностранная педагогическая литература не можетъ дать отвѣта на такой вопросъ, ибо таковыхъ прогулокъ за границею не существуетъ. Если имѣть въ виду, положимъ, Германію, то мы можемъ сказать, что педагоги такія прогулки едва-ли бы поощряли, во-первыхъ, потому, что онѣ содержатъ въ себѣ нѣкоторыя вторженія въ семейные порядки, а во-вторыхъ, потому, что тамъ въ каникулярное время ученики поощряются къ такимъ занятіямъ, которыя бы развивали физическую силу, энергію и самостоятельность, напримѣръ, разнаго рода спорты, путешествіе въ горы (Тюрингія, Гарцъ, Альпы), или же занятія спеціально направленныя на развитіе эстетическаго вкуса, какъ, напримѣръ, участіе въ пѣвческихъ обществахъ; такія же прогулки учениковъ, въ которыхъ часто трудно бываетъ провести границу между развлеченіемъ, забавою и серьезнымъ занятіемъ, и во время которыхъ толпа учениковъ разныхъ возрастовъ, въ короткое время обязывается осмотрѣть разнообразныя достопримѣчательности многочисленныхъ городовъ, нѣмцы, по своей педагогической теоріи, едва-ли бы допустили. Въ Швейцаріи распространены экскурсіи, но небольшими группами почти изъ однолѣтковъ и для осмотра заразъ относительно небольшого района.

Далѣе, § А 3 предполагаетъ путешествія учащихся за границу. Хотя такія путешествія уже и совершались, но, едва-ли можно считать это, съ педагогической точки зрѣнія, правильнымъ. Одна Европейская Россія представляетъ столько разнообразныхъ мѣстностей, что у учениковъ въ теченіе гимназическаго курса не найдется времени посѣтить даже главнѣйшихъ изъ нихъ; какъ-то: Кавказа, Крыма, Кіева, Москвы и Петербурга съ ихъ окрестностями. Педагогика же

требуетъ знакомить учениковъ прежде всего съ своимъ, а потомъ уже съ чужимъ. Кромѣ того, не слѣдовало бы устраивать такихъ поѣздокъ и по тому соображенію, что мотивомъ къ нимъ въ иныхъ случаяхъ можетъ быть желаніе или преподавателя, или самого начальника заведенія лично посѣтить ту или другую чужую страну.

На стр. 6-ой въ общихъ соображеніяхъ педагогическаго совѣта высказывается, что въ экскурсіяхъ Астраханской гимназіи принимали участіе только ученики четырехъ старшихъ классахъ и, съ особаго разрѣшенія попечителя на каждый случай, ученики IV-го класса. Въ правилахъ же нѣтъ пункта, которымъ бы указывалось, изъ какихъ классовъ ученики могутъ принимать участіе въ экскурсіяхъ, а между тѣмъ, введеніе этого правила желательно и вотъ почему: Изъ описанія поѣздки по Россіи учениковъ Астраханскаго реальнаго училища въ 1904 г. видно, что въ экскурсіи принимали участіе вмѣстѣ съ учениками старшихъ классовъ даже ученики 2-го класса.

Въ отдѣлѣ Б слѣдовало бы перечислить такія занятія, къ которымъ склонны бываютъ ученики младшихъ классовъ, но которыхъ поощрять нельзя. Къ такимъ занятіямъ относится разореніе птичьихъ гнѣздъ. Подобнаго рода замѣчаніе вызывается сообщеніемъ одного изъ отчетовъ, въ которомъ говорится, что ученикамъ трехъ низшихъ классовъ предоставлена была свобода заниматься, чѣмъ они интересовались; при этомъ нѣкоторые ученики, говорится въ отчетѣ, „интересовались только собираніемъ птичьихъ яицъ и гнѣздъ, для чего они влѣзали на деревья и находили тамъ не мало гнѣздъ, главнымъ образомъ, гнѣзда ремеза (стр. 219)“.

ПРАВИЛА ОРГАНИЗАЦІИ УЧЕНИЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЙ.

Можетъ быть будетъ не безполезно, на основаніи опыта и пользуясь указаніями и мнѣніями нѣкоторыхъ педагоговъ, высказать слѣдующія положенія относительно организаціи экскурсій:

А. 1. Школьныя экскурсіи являются однимъ изъ важныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ средствъ и должны войти въ общую систему школьнаго обученія (!?).

2. Какъ отдаленныя поѣздки по Россіи, такъ и экскурсіи въ данномъ городѣ и его окрестностяхъ должны совершаться по опредѣленному плану, а не носить случайнаго характера.

3. Отдаленныя поѣздки по Россіи и за границу должны быть широко поставлены и въ то же время должны имѣть строго опре-

дѣленный характеръ, дабы участники въ экскурсіи могли вынести цѣльное впечатлѣніе, и поѣздки имѣли бы такимъ образомъ истинное воспитательное значеніе, ибо и здѣсь примѣнимо извѣстное изреченіе: „non multa, sed multum".

4. Вопросъ объ устройствѣ отдаленной поѣздки по Россіи или за границу разсматривается въ педагогическомъ совѣтѣ учебнаго заведенія въ началѣ второго полугодія.

5. Составляется заблаговременно программа поѣздки, въ которой подробно сообщается: a) маршрутъ экскурсіи; b) въ пунктахъ маршрута отмѣчаются важнѣйшія достопримѣчательности, заслуживающія особаго вниманія экскурсантовъ; c) пути сообщенія, которыми придется пользоваться; d) цѣль и продолжительность экскурсіи; e) время отправленія въ экскурсію; f) приблизительная стоимость путешествія на каждаго экскурсанта; g) дѣлаются практическія указанія относительно бѣлья, одежды, дорожныхъ принадлежностей [1]), необходимыхъ для цѣлей экскурсіи инструментовъ: подзорной трубы, бинокля, микроскопа, лупы, фотографическаго аппарата, рулетки, готовальни и пр.; h) указываются книги, карты и другія пособія, въ которыхъ описываются и съ помощью которыхъ можно предварительно ознакомиться съ городами, мѣстностями и достопримѣчательностями, которые намѣчены въ маршрутѣ [2]).

Программы эти переписываются въ нѣсколькихъ экземплярахъ, а еще лучше печатаются для раздачи ученикамъ и ихъ родителямъ и вывѣшиваются на видныхъ мѣстахъ въ учебномъ заведеніи.

6. Средства, необходимыя для экскурсіи, составляются: a) изъ взносовъ денегъ, причитающихся на каждаго экскурсанта; b) денежныхъ пожертвованій на участіе въ экскурсіи недостаточныхъ учениковъ; c) ассигнованія извѣстной суммы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія.

Поступившая плата за участіе въ экскурсіи или сдѣланное пожертвованіе вносятся въ особую квитанціонную книжку. Во взносѣ денегъ выдается квитанція.

Внесенныя деньги хранятся по книжкѣ въ сберегательной кассѣ

---

[1]) Рекомендуется брать минимальное количество одежды и бѣлья, брать небольшіе корзины или чемоданы, такъ какъ въ дорогѣ иногда приходится путешественникамъ, самимъ забравъ вещи, быстро совершить пересадку и т. п.

[2]) Руководитель экскурсіи предварительно сообщаетъ участникамъ экскурсіи теоретическія свѣдѣнія о мѣстностяхъ, городахъ и достопримѣчательностяхъ, черезъ которые будетъ лежать путь.

при мѣстномъ казначействѣ и передъ отъѣздомъ экскурсантовъ, по требованію начальства учебнаго заведенія, выписываются по книжкѣ и сдаются подъ расписку руководителю экскурсіи.

7. Число участниковъ въ экскурсіи, при одномъ руководителѣ, не должно быть болѣе 20 и не менѣе 10. Максимальное число участниковъ въ экскурсіи нужно признать 30, при двухъ и болѣе руководителяхъ. Экскурсантовъ обязательно сопровождаетъ для услугъ надежный служитель.

8. По выясненіи числа участниковъ въ экскурсіи возбуждается ходатайство передъ попечителемъ учебнаго округа о разрѣшеніи организовать поѣздку.

По полученіи просимаго разрѣшенія начальство учебнаго заведенія заблаговременно: a) входитъ въ сношенія съ управленіями желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ о выдачѣ билетовъ по льготному тарифу, при чемъ сообщаются свѣдѣнія о числѣ экскурсантовъ, времени прибытія и станціи отправленія; b) извѣщаетъ о предполагаемой экскурсіи начальниковъ губерній или градоначальниковъ тѣхъ городовъ, гдѣ предполагаются остановки, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ и учрежденій, которыя экскурсантами будутъ посѣщены; c) обращается къ попечителю учебнаго округа съ просьбой ходатайствовать передъ попечителями учебныхъ округовъ о предоставленіи экскурсантамъ безплатныхъ помѣщеній въ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ предполагается остановка на болѣе или менѣе продолжительное время, или объ этомъ входитъ непосредственно въ сношенія съ начальниками учебныхъ заведеній; d) сообщаетъ начальникамъ желѣзнодорожныхъ станцій и агентамъ пароходныхъ обществъ о времени пріѣзда экскурсантовъ; e) смотря по обстоятельствамъ, если потребуется, возбуждаетъ ходатайства о разрѣшеніи посѣтить и осмотрѣть тѣ или другія учрежденія или мѣста, которыя входятъ въ программу экскурсій.

9. Во время путешествія экскурсанты безусловно подчиняются установленнымъ путевымъ правиламъ, выработаннымъ руководителемъ, согласно указаніямъ опыта и педагогическимъ требованіямъ и примѣнительно возрасту экскурсантовъ и условіямъ путешествія. Правила эти разсматриваетъ и утверждаетъ педагогическій совѣтъ.

10. Въ дорогу берутся необходимые въ экскурсіи инструменты и приборы: подзорныя трубы, бинокли, микроскопъ, лупа, фотографическіе аппараты, рулетка, готовальня, рисовальныя принадлежности и пр., а также дорожная аптечка, которая должна быть портативна.

Если предполагаются длительныя поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ, берутъ большіе металлическіе чайники для горячей воды, чайникъ для заварки чая, стаканы или кружки, блюдечки, тарелки, ложки, ножи, вилки, салфетки, полотенца и пр. и корзина для провизіи. Корзина съ посудой и провизіей поручается служителю.

11. Руководитель a) провѣряетъ, все ли необходимое въ дорогѣ взято участниками экскурсіи съ собою; b) размѣщаетъ экскурсантовъ при слѣдованіи на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ и по прибытіи на мѣсто и передъ отъѣздомъ всегда провѣряетъ число ихъ; c) завѣдуетъ хозяйственной частью и производитъ всѣ расходы; d) во время пути и стоянокъ ограждаетъ ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ отъ всякаго рода нежелательныхъ случайностей; e) передъ отправленіемъ въ путь въ каждомъ городѣ заблаговременно извѣщаетъ начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій или агентовъ пароходныхъ обществъ о числѣ экскурсантовъ и времени отъѣзда для прицѣпки къ поѣзду отдѣльнаго вагона для экскурсантовъ или обезпеченія извѣстнаго числа мѣстъ на пароходѣ; f) въ пунктахъ маршрута, гдѣ предполагается посѣщеніе разныхъ учрежденій, а также осмотръ музеевъ, библіотекъ, художественныхъ галлерей, фабрикъ, заводовъ и пр., заблаговременно входитъ въ соглашеніе съ завѣдующими этихъ учрежденій; g) обращается къ содѣйствію мѣстныхъ учрежденій [1]) и лицъ, которыя могутъ быть полезны экскурсантамъ въ дѣлѣ обстоятельнаго и полнаго знакомства съ мѣстными достопримѣчательностями; h) заботится о возможно полномъ осуществленіи образовательной цѣли экскурсіи, даетъ обстоятельныя объясненія при осмотрѣ разныхъ предметовъ, обращается къ спеціалистамъ-руководителямъ съ просьбой дать надлежащія объясненія или сдѣлать соотвѣтствующія указанія и пр.; i) извѣщаетъ время отъ времени начальство учебнаго заведенія о ходѣ экскурсіи и наблюдаетъ, чтобы экскурсанты возможно чаще увѣдомляли родителей о состояніи своего здоровья, о своемъ путешествіи и путевыхъ впечатлѣніяхъ (?).

12. Руководитель назначаетъ изъ среды экскурсантовъ двухъ или трехъ помощниковъ, которые помогаютъ ему во время пути при полученіи на проѣздъ билетовъ, при сдачѣ и полученіи багажа, при закупкѣ необходимыхъ въ пути вещей и провіанта, для завѣдыванія корреспонденціей, дорожной аптечкой, инструментами и пр.

---

[1]) Напр. Крымскій горный клубъ, Московское педагогическое общество, состоящее при университетѣ, и др.

13. Передъ самымъ отправленіемъ въ экскурсію всѣ участники ея осматриваются врачемъ. По окончаніи медицинскаго освидѣтельствованія о. законоучителемъ служится напутственный молебенъ и участники экскурсіи къ назначенному руководителемъ сроку собираются на указанную пароходную пристань или станцію желѣзной дороги.

14. Всѣмъ участникамъ экскурсіи рекомендуется вести дневники, въ которые они вносятъ свои личныя впечатлѣнія и наблюденія.

15. Методъ веденія общеобразовательныхъ экскурсій долженъ отличаться свободой и непринужденностью, ибо только при такихъ условіяхъ экскурсіи могутъ принести весьма существенную пользу въ смыслѣ развитія въ учащихся индивидуальныхъ склонностей.

16. При осмотрѣ того или другого предмета, замѣчательнаго въ историческомъ, бытовомъ или научномъ отношеніи, руководитель долженъ какъ можно обстоятельнѣе ознакомить экскурсантовъ съ этимъ предметомъ.

17. При осмотрѣ христіанскихъ храмовъ и другихъ священныхъ предметовъ слѣдуютъ развивать и укрѣплять въ учащихся религіозное чувство. При осмотрѣ историческихъ памятниковъ—возстановлять въ памяти учащихся событія и факты, имѣющіе къ нему то или другое отношеніе; при осмотрѣ памятниковъ отечественной исторіи — развивать въ учащихся чувство патріотизма. При знакомствѣ съ бытомъ и условіями жизни того или другого народа слѣдуетъ развивать и укрѣплять въ учащихся сознаніе, что правильныя соціальныя отношенія должны основываться на почвѣ закона и установленнаго правительствомъ порядка. При осмотрѣ произведеній искусствъ необходимо обращать вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя могутъ поразить ихъ своей идеальной красотой и способствовать развитію чувства прекраснаго. Вообще при осмотрѣ того или другого предмета во время экскурсіи, помимо сообщенія спеціальныхъ свѣдѣній, необходимо имѣть въ виду попутно и цѣли воспитательныя [1]).

18. По возвращеніи съ экскурсіи составляется отчетъ объ экскурсіи и представляется начальству учебнаго заведенія.

Б. I. При организаціи экскурсій въ данномъ городѣ и его окрестностяхъ должны быть положены въ основу тѣ же принципы веденія дѣла и соблюдены указанія, которыя изложены выше въ положеніяхъ объ организаціи отдаленныхъ поѣздокъ по Россіи.

---

[1]) А. М. Гусевъ. Объ организаціи ученическихъ экскурсій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и въ Астраханской гимназіи въ частности. 1901.

2. Въ каждомъ городѣ губернскомъ и даже уѣздномъ и въ его окрестностяхъ, въ каждой мѣстности всегда найдутся священные предметы, историческія достопримѣчательности, фабрики, заводы, тѣ или другія промышленныя учрежденія, мѣстечки, интересныя въ геологическомъ, ботаническомъ, географическомъ отношеніяхъ, или замѣчательныя по характеру и живописной природѣ, а потому педагогической корпораціи учебныхъ заведеній каждаго города слѣдуетъ составить подробный списокъ достопримѣчательностей города и его окрестностей и списокъ мѣстъ и учрежденій, которыя могутъ быть интересны или важны въ смыслѣ изученія и удобны для посѣщенія. Сюда войдутъ:

1. Укрѣпленія, крѣпости, городскія башни, старинныя зданія, древнія стѣны.

2. Храмы и имѣющіяся при нихъ ризницы, библіотеки, находящіяся въ храмахъ древнія иконы, надписи, разные древніе предметы.

3. Музеи и картинныя галлереи.

4. Типографіи, литографіи, фотографіи и другія художественно-промышленныя заведенія.

5. Фабрики, заводы, мельницы, лѣсныя пристани.

6. Рудники, шахты, копи.

7. Сады виноградные и фруктовые, рощи, огороды и пр.

8. Находящіяся въ окрестностяхъ сельско-хозяйственныя имѣнія, промышленныя учрежденія, рыбные промыслы.

9. Села и деревни русскія и инородческія съ этнографическими особенностями быта и жизни.

10. Горы, урочища, озера, замѣчательныя и интересныя мѣста на берегахъ рѣкъ и моря и т. п.

11. Курганы, могильники, развалины древнихъ зданій, мѣста археологическихъ раскопокъ и т. п.

3. Такого рода списки должны заключать въ себѣ подробный перечень разныхъ учрежденій и мѣстъ, съ указаніемъ тѣхъ достопримѣчательностей и особенностей, которыя представляютъ интересъ: археологическій, историческій, этнографическій, бытовой, торгово-промышленный и т. п. Напримѣръ, подробно перечисливъ храмы, слѣдуетъ указать, какія замѣчательныя въ этомъ храмѣ имѣются иконы и отмѣтить вкратцѣ ихъ исторію, или древніе предметы; при перечисленіи фабрикъ и заводовъ слѣдуетъ указать характеръ производства, выдѣлить тѣ фабрики и заводы, которые наилучше поставлены и даютъ

наиболѣе полную картину извѣстной отрасли промышленности; при указаніи замѣчательныхъ окрестностей отмѣтить, что именно подлежитъ особенному вниманію экскурсантовъ, и т. п.

4. Составленные подобнаго рода списки надлежитъ отпечатать для раздачи членамъ педагогическаго совѣта, какъ необходимый матеріалъ при обсужденіи вопроса объ организаціи экскурсій. Scire, ubi quaeras, maior pars scientiae est [1]).

5. Педагогическіе совѣты обсуждаютъ въ началѣ каждаго учебнаго полугодія объ организаціи экскурсій, разсматриваютъ выше названный списокъ достопримѣчательностей, мѣстъ и учрежденій и примѣнительно къ учебному курсу, составу классовъ, мѣстнымъ условіямъ, климату и пр., намѣчаютъ экскурсіи и время, когда онѣ должны быть организованы, руководителей и ихъ помощниковъ.

6. Желательно совмѣстное обсужденіе и привлеченіе къ участію въ дѣлѣ организаціи экскурсій родителей учащихся и лицъ, интересующихся школою и школьною жизнью.

7. Экскурсіи устраиваются въ учебное время въ праздничные дни и только въ особыхъ случаяхъ (напр., нѣкоторыя естественно-историческія экскурсіи или экскурсіи, имѣющія цѣлію пополненіе путемъ нагляднаго изученія пройденнаго теоретическаго курса того или другого предмета) въ учебные дни.

8. Желательно, чтобы устройство экскурсій не вызывало никакихъ расходовъ со стороны учащихся и только въ исключительныхъ случаяхъ средства, необходимыя для экскурсій, могутъ доставляться родителями дѣтей; вообще же экскурсіи должны устраиваться на спеціальныя средства учебнаго заведенія или на сдѣланныя на этотъ предметъ пожертвованія.

9. Руководители экскурсій особыми рапортами сообщаютъ начальнику учебнаго заведенія о совершенныхъ ими экскурсіяхъ и представляютъ подробное (?!) ихъ описаніе.

И. Беллярминовъ.

Г. Гельдъ. **Алтарь Зевса въ Пергамѣ**. Ревель 1905 г. 25 стр. Цѣна не обозначена.

Эта скромная сѣренькая брошюрка производитъ весьма отрадное впечатлѣніе.

---

[1]) Знать, гдѣ искать, есть большая часть знанія.

Ея авторъ принадлежитъ очевидно къ немногочисленной пока той группѣ преподавателей-классиковъ, которые сумѣли эманципироваться отъ гнетущихъ рамокъ исключительно грамматическаго и текстуальнаго формализма, сумѣли понять, что и изученіе и преподаваніе въ этой области трудно осуществимо безъ знакомства съ реальной культурой древняго міра, однимъ изъ могучихъ выразителей которой является *искусство*.

Въ эллинскомъ искусствѣ—скульптурѣ въ особенности—болѣе или менѣе ярко намѣчены 3 эпохи (съ промежуточными ступенями—ихъ больше): *архаика*, когда подъ замѣтнымъ вліяніемъ Востока греческій рѣзецъ можно сказать работалъ ощупью, постепенно восходя отъ простѣйшихъ формъ антропоморфизма къ болѣе сложнымъ и гармоническимъ сочетаніямъ. Но архаика была творчествомъ не совсѣмъ свободнымъ: она какъ бы медлила порвать съ Востокомъ съ одной стороны и съ постепенно выработавшейся условностью и стилизаціей—съ другой: зрителя въ концѣ концовъ утомляетъ эта вѣчная улыбка на лицахъ (условная физіономизація лица), ровныя круглыя прядки волосъ, аккуратныя складки одеждъ и т. п.—это конечно не жизнь для искусства.

Политическій разрывъ съ Востокомъ послѣ эпохи великихъ восточныхъ войнъ далъ сразу другое направленіе скульптурѣ: эпоха *расцвѣта* (V и IV вѣка) есть конечно эволюція *архаики*, но импульсы и обстановка были уже иными: рѣзецъ скульптора постепенно освободился отъ условностей архаики, и пошелъ быстро по пути исканія свободной красоты, красоты въ идеалѣ: линія искусства быстро поднялась вверхъ.

Но если только дозволительно говорить о недостаткахъ такихъ знаменательныхъ эпохъ — и здѣсь оказался свой маленькій недостатокъ. Расцвѣтъ, уйдя отъ архаики, ушелъ вмѣстѣ съ тѣмъ далеко и отъ дѣйствительнаго, земного; произведенія этой эпохи требовали уже зрителя культурнаго, просвѣщеннаго, который сумѣлъ бы „воспарить“ къ тому идеалу, который въ мраморѣ былъ воплощаемъ художниками этого времени. И еще одно: уйдя отъ дѣйствительности, художники эти порой удалялись въ абстракцію, въ академизмъ: они пытались даже установлять закономѣрныя формы, „каноны“ для скульптуры человѣка, и хотя канонъ Праксителя и свободнѣе Поликлетовскаго, но все же эта академическая абстракція налагала на художника извѣстныя обязательства. Огромная заслуга этой эпохи въ томъ безспорно, что она внесла *движеніе* въ свои фигуры, дала

примѣры ихъ комбинацій въ *группы* и вмѣстѣ съ совершенствомъ техники дѣла завѣщала это слѣдующей, *эллинистической* эпохѣ.

Говорится и пишется иногда, что это есть эпоха *серебряная*, эпоха нѣкотораго какъ бы *упадка* чистаго искусства; но именно послѣ открытія скульптуръ Пергамскаго алтаря о наступленіи упадка слѣдуетъ говорить довольно осторожно, что подчеркиваетъ и авторъ.

Правда, отъ скульптуръ эллинистическаго цикла вѣетъ инымъ духомъ,—духомъ *импрессіонизма*, стремленіемъ воздѣйствовать уже на обыкновеннаго зрителя, не-академиста, дать ему въ мощныхъ штрихахъ болѣе или менѣе сразу *почувствовать* замыселъ художника, но чистота линій, общее благородство формы и совершенство техники—все это заявляетъ о себѣ порою не менѣе сильно, чѣмъ и въ эпоху расцвѣта, и такія вещи, какъ „Лаокоонъ", „Фарнезскій быкъ" и въ особенности пергамскія скульптуры—едва ли кто назоветъ „упадочными"...

Брошюра автора есть текстъ доклада объ этихъ скульптурахъ, сдѣланный имъ весной 1905 г. въ Ревельскомъ литературномъ кружкѣ. Послѣ краткаго историческаго очерка Пергама и періода Атталидовъ, онъ разсказываетъ объ открытіи обломковъ алтаря, о его перенесеніи и реставраціи въ Пергамскомъ музеѣ въ Берлинѣ, и затѣмъ—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ личнаго посѣщенія этого музея—передаетъ сюжетъ и трактовку скульптуръ, т. е. „Гигантомахіи", борьбы „стараго" и „новаго", „тьмы" и „свѣта", „стихійнаго" и „разумнаго" началъ...

Изложеніе ведется очень живо и увлекательно, и никакихъ особыхъ замѣчаній—кромѣ развѣ мелочныхъ придирокъ—не вызываетъ: напримѣръ, не совсѣмъ точно истолкованъ авторомъ жестъ рукъ богини *Геи*: она не „воздѣваетъ съ мольбою руки", а вытягиваетъ только одну правую по направленію къ погибающему сыну—Алкіонею [1]), трактовка тѣла котораго, замѣтимъ вскользь, близко напоминаетъ трактовку „отца" и „младшаго сына" въ группѣ Лаокоона, и жестъ правой руки блестяще опровергаетъ нелѣпую реставрацію Монторсоли.

Жаль, что авторъ не приложилъ къ тексту 1—2 цинкографій: такіе тексты безъ иллюстрацій мало понятны лицамъ, не видавшимъ памятника.

И. Холодникъ.

[1]) Рогъ изобилія—рядомъ съ богиней, а не „за ней", какъ говоритъ авторъ.

*1) О брошюрахъ *П. П. Мироносицкаго* подъ заглавіемъ: а) Ноты-буквы. Изложеніе буквеннаго метода пѣвческой нотаціи. С.-Пб. 1905. б) Ноты-буквы, пѣвческая грамота. По англійской буквенной методѣ. Книжка 1. Для учениковъ. С.-Пб. 1905. в) То же. Книжка 2. Для учителей и самообученія. 2) Объ объяснительной запискѣ *П. П. Мироносицкаго* отъ 12-го октября 1905 г.

П. П. Мироносицкій въ названныхъ брошюрахъ излагаетъ методъ пѣвческой нотаціи, въ которой ноты линейной системы замѣнены буквами. Этотъ методъ „ноты-буквы" представляетъ собою обработку для цѣлей русской школы и примѣнительно къ русскому языку распространеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ Англіи буквеннаго метода, носящаго наименованіе „Tonik sol-fa method". Изобрѣтатель метода Джонъ Кервенъ (J. Curwen 1816—1880) выдержалъ сильную борьбу съ приверженцами обыкновенной нотаціи, хотя въ его планы вовсе не входило замѣнять нотами-буквами существующій способъ нотнаго письма: Кервенъ лишь утверждалъ, что съ точки зрѣнія педагогической его система несравненно удобнѣе, проще и разумнѣе стараго метода.

Для пѣвца, читаемъ мы на стр. 5 брошюры П. П. Мироносицкаго, озаглавленной „Ноты-буквы" (изложеніе метода), „всѣ строи равны. Пѣть на высотѣ строя *До* для него ничуть не привычнѣе, чѣмъ на высотѣ *Фа* или *Ре* и, съ точки зрѣнія удобства, гамма *До* для него ничуть не натуральнѣе, чѣмъ гамма *Си*. Поэтому умственный процессъ, который происходитъ въ сознаніи пѣвцовъ... далеко разнится отъ умственной работы, совершаемой аккомпанирующимъ регентомъ... Немногіе развѣ изъ хора догадаются, что регентъ понизилъ пьесу на полтона... пѣть въ *Ми* по *Фа*—мажорнымъ нотнымъ строкамъ для пѣвца не представляетъ никакой трудности.

„Этотъ самый фактъ, именно, что для пѣвца равны всѣ гаммы или строи, и лежитъ въ основѣ буквенной системы нотописанія, имѣющей примѣненіе исключительно *въ пѣвческой* практикѣ и непримѣнимой къ музыкѣ инструментальной".

„Въ буквенной пѣвческой системѣ нотописанія", поясняется тамъ же, „звуковыя ступени записываются начальными буквами слоговыхъ названій: до, ре, ми, фа и т. д., при чемъ *до* всегда обозначаетъ *тонику* или *первую ступень* гаммы, какова бы ни была ся высота. Такъ какъ начальная буква ступеней *соль* и *си* одна и таже—*с*, то *си* переименовывается въ *ці*. Въ англійской буквенной системѣ *si* переименовано въ *te*. У насъ *ти* не столь звучно и не близко къ *си*

по звуку. Вотъ почему вмѣсто *си* мы предлагаемъ *ці*. Этотъ слогъ близокъ къ *си* по звуку и очень ясенъ въ произношеніи. Кромѣ того, въ церковной (квадратной) азбукѣ съ нѣкотораго времени, уже утвердилось названіе *ца* или *си*ᵇ.

Центральной октавой звуковъ въ системѣ считается *первая* или средняя октава... по буквенной системѣ она должна быть записана простыми буквами, т. е. д, р, м, ф, с, л, ци. Звуки слѣдующей верхней (или 2-й) октавы записываются буквами съ прибавленіемъ цифры 1 вверху буквы: $д^1$, $р^1$ и т. д., звуки сосѣдней, нижней октавы—буквой съ цифрой 1 внизу: $ц_1$, $л_1$, $с_1$, и т. д.

Теноръ и басъ въ четырехголосномъ сложеніи записываются *октавою выше*, чѣмъ они звучатъ... Этотъ пріемъ избавляетъ отъ слишкомъ большаго числа октавныхъ помѣтъ (т. е. верхнихъ и нижнихъ цифръ) и въ то же время не доставляетъ пѣвцамъ никакого практическаго неудобства, ибо буквы безъ всякихъ отмѣтокъ соотвѣтствуютъ среднимъ, т. е. наиболѣе употребляемымъ въ каждомъ голосѣ звукамъ.

Музыкальныя сочиненія (стр. 8) состоятъ изъ тактовъ, отдѣляемыхъ одинъ отъ другого вертикальными тактовыми *чертами*. Въ буквенной нотаціи тактовая черта обозначаетъ собою *начало* такта и не ставится для заключенія такта (напримѣръ, въ концѣ строки), какъ это дѣлается въ нотнолинейной системѣ. *Двойная черта* обозначаетъ заключеніе тактовъ или періодовъ...

Въ буквенной системѣ сильныя доли (такта) выдѣляются тѣмъ, что ставятся сразу послѣ тактовой черты, какъ и въ линейномъ нотописаніи. *Передъ* слабыми же *долями* ставится *двоеточіе*...

Если звукъ захватываетъ собою сосѣднюю долю или доли такта, то для обозначенія его протяженія послѣ тактовой черты и двоеточія ставится горизонтальная *черта вмѣсто буквы*. Если же какая-нибудь доля (сильная или слабая) совсѣмъ не занята звукомъ (пауза), то послѣ тактовой черты или двоеточія оставляется *пустое мѣсто*...

(Въ сложныхъ тактахъ) передъ долями, носящими на себѣ... побочные акценты, ставится не двоеточіе, а *короткая* тактовая *черта*. Благодаря этимъ чертамъ, составъ сложнаго такта для глаза совершенно ясенъ; одна маленькая черта въ серединѣ такта обозначаетъ тактъ двухсложный, двѣ—трехсложный, три—четырехсложный.

Раздробленіе *долей* такта бываетъ двухъ степеней; а) доля дѣлится пополамъ; б) полудоля дѣлится пополамъ... Для обозначенія первой степени дробленія употребляется *точка*, которая ставится *передъ* второй, слабой половиной доли; для обозначенія второй степени дробленія

сверхъ точки употребляется еще и *запятая* передъ слабой половиной полудоли.

Для продолженія звука съ одной доли на первую часть другой доли употребляется знакъ протяженія звука, т. е. горизонтальная черточка. Въ предѣлахъ же одной и той же доли черточка не ставится, но *точка ставится рядомъ съ запятой.*

При дробленіи такта не на двѣ, а на *три* части получается тройка или *тріоль*. Чтобы отличить тріоль отъ пары, запятая предъ буквами ставится „вверхъ ногами"...

Для хроматическаго измѣненія ступеней звукоряда въ нотобуквенной системѣ (стр. 16) не употребляются знаки діезъ и бемоль. Вмѣсто того употребляется слѣдующій пріемъ: для обозначенія повышенія на полутонъ, т. е. вмѣсто діеза, къ согласной буквѣ прибавляется буква *i*; для обозначенія бемоля—буква *а*...

Измѣненныя названія пишутся въ музыкѣ *полностью*, чтобы отличить хроматическія ступени отъ натуральныхъ (діатоническихъ)... Но въ современной музыкѣ мы постоянно встрѣчаемся съ уклоненіями гармоніи изъ даннаго строя въ другіе строи или съ такъ называемою модуляціей. Иногда эти уклоненія непродолжительны и, такъ сказать, мимолетны; чуть коснувшись другого строя, гармонія переходитъ въ новый строй или снова возвращается въ прежній главный строй...

Въ случаяхъ, гдѣ отклоненія изъ главнаго строя... скоропроходящи, неустойчивы, хроматическія (измѣненныя) ступени въ буквенной системѣ пишутся такъ же, какъ въ линейной системѣ, т. е. сотвѣтственныя ступени... пишутся съ измѣненными названіями. Такой пріемъ записыванія ступеней (стр. 18) въ сущности является противорѣчіемъ принципу нотобуквенной системы и допускается лишь въ видѣ исключенія, ради удобства поющихъ. Противорѣчіе заключается въ томъ, что буквы въ такихъ случаяхъ отклоненія являются не обозначеніемъ ступеней звучащаго въ данную минуту строя, а обозначеніемъ ступеней главнаго строя. Но... для удобства пѣнія и во избѣжаніе пестроты нотописанія съ указаннымъ противорѣчіемъ приходится мириться.

Для записыванія пространныхъ модуляцій, т. е. переходовъ гармоніи въ посторонній строй на болѣе или менѣе продолжительное время, употребляется въ нотобуквенной системѣ особый остроумный пріемъ, который можно назвать подмѣной ступеней... Самая запись производится такъ:

1) Ступени, составляющія равенство, пишутся рядомъ, но ступень предыдущаго строя пишется вверху строки и маленькой буквой, а

равная ей ступень новаго аккорда пишется обыкновенною буквою въ строкѣ.

2) Надъ тѣмъ мѣстомъ партитуры, гдѣ совершается эта подмѣна ступеней, пишется прописною буквою названіе строя, въ который переходитъ музыка.

3) Около этой буквы строя пишется малая буква, обозначающая тотъ звукъ или тѣ звуки, которые введены въ музыку новымъ строемъ...

Ноты, (обозначаемыя) малою буквою,... являются поворотнымъ пунктомъ музыки, переводящимъ мелодію или гармонію въ другой строй, подобно тому какъ стрѣлка на желѣзнодорожномъ пути переводитъ поѣздъ съ одного пути на другой и иногда съ другого на третій, пока онъ опять не попадетъ на первый, главный путь. Эту ноту-стрѣлку можно называть *поворотною* или *переводною нотою*. При исполненіи она требуетъ большого вниманія. Называть ее не слѣдуетъ, но *на ея звукъ* слѣдуетъ называть ноту новаго строя, написанную рядомъ обыкновенною буквою.

Важное значеніе имѣетъ и другая маленькая нота-буква, помѣчаемая около названія строя справа или слѣва (справа, т. е. послѣ названія строя, ставится буква въ томъ случаѣ, если она обозначаетъ повышеніе; слѣва, передъ буквой—пониженіе). Она заранѣе подсказываетъ слуху пѣвца ту ступень, которая будетъ звучать по новому въ сравненіи съ предыдущимъ строемъ. Эту маленькую букву можно назвать *примѣтою* или признакомъ строя...

(Въ минорѣ) случайная VII ступень соль-діезъ въ гармоническомъ и мелодическомъ видѣ обозначается по правилу хроматическихъ обозначеній, т. е. чрезъ *si*. Что же касается мелодической VI ступени, фа-діезъ, то для обозначенія ея не пользуются слѣдующимъ здѣсь по правиламъ слогомъ *fi*, а употребляютъ особый, спеціально для этой ступени придуманный слогъ *ба*—ради чего? Чтобы подчеркнуть особое значеніе этой ступени мелодическаго минора и отличить ее отъ хроматическаго повышенія IV ступени мажора, которая встрѣчается нерѣдко. При одномъ взглядѣ на слогъ *ба* мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ миноромъ".

Такою въ главныхъ чертахъ представляется буквенная система въ изложеніи П. П. Мироносицкаго. Что же касается метода обученія пѣнію по названной системѣ, то по этому предмету въ упомянутой брошюрѣ (стр. 25 и слѣд.) говорится слѣдующее:

„Задача обученія нотному или „зрительному" пѣнію заключается въ томъ, чтобы довести учащихся до способности „слышать глазами",

т. е. при взглядѣ на знаки звуковъ вызывать въ сознаніи умственные образы или представленія звуковъ и затѣмъ воспроизводить ихъ голосомъ. Въ этомъ и заключается настоящее „чтеніе нотъ"... Для зрительнаго пѣнія или пѣнія по нотамъ необходимо образовать въ сознаніи живыя представленія *звуковъ какъ ступеней гаммы*. Это вполнѣ возможно благодаря тому, что ступени звукоряда, оцѣниваемыя въ качествѣ мелодическаго матеріала въ отношеніи къ тоникѣ и другимъ ступенямъ, представляются слуху каждая со своимъ опредѣленнымъ характеромъ или, такъ сказать, обликомъ, который и запечатлѣвается въ нашемъ сознаніи послѣ цѣлесообразно-проведенныхъ упражненій слуха. А разъ это достигнуто, тогда образы ступеней легко и вызываются въ сознаніи подъ вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній отъ письменныхъ знаковъ ступеней или нотъ.

Пользоваться при чтеніи нотъ инструментомъ (скрипка, фисгармонія) считается неполезнымъ для учащагося, ибо это мѣшаетъ его самостоятельности... Необходимо добиваться, чтобы учащійся въ самомъ себѣ носилъ мѣрило правильности звуковъ.

Весьма полезнымъ учебнымъ пособіемъ на первыхъ ступеняхъ обученія пѣнію является особая діаграмма ступеней или стѣнная *звукорядная таблица*. Она служитъ нагляднымъ пособіемъ для образованія звуковыхъ представленій, такъ какъ звуковыя названія расположены въ ней въ видѣ лѣстницы. Ученики поютъ по таблицѣ, указываемыя учителемъ ступени, при чемъ глазъ ихъ свыкается съ тѣми буквенными начертаніями, которыя они потомъ встрѣтятъ въ горизонтальныхъ строкахъ нотной книги; а учитель избавляется отъ труда писать множество упражненій на доскѣ. Далѣе при помощи таблицы легко даются учащимся переходы изъ одного строя въ другой: стоитъ учителю перевести указку изъ одного вертикальнаго столбца въ другой направо или налѣво, и мы уже совершаемъ модуляцію въ строй доминанты или субдоминанты.

Вопросъ о томъ, *въ какомъ порядкѣ* изучать ступени звукоряда, рѣшается съ новой точки зрѣнія, именно: признается, что всего легче, естественнѣе и полезнѣе для выработки точной и ясной интонаціи изучать прежде всего звуки, составляющіе другъ съ другомъ консонирующія сочетанія. Поэтому въ основу элементарныхъ упражненій положенъ не тетрахордъ, въ которомъ звуки являются диссонирующими другъ съ другомъ, а мажорное тоническое трезвучіе на той высотѣ, какую учитель признаетъ доступной для даннаго состава учащихся... Постепенными упражненіями захватывается весь діапазонъ

звуковъ дѣтскихъ голосовъ; изучаются переходы въ строй доминанты и субдоминанты—минорный ладъ, хроматизмъ. Ученіе идетъ со строгою постепенностью, каждое упражненіе слѣдуетъ въ свое время. Рука объ руку съ изощреніемъ способности дѣтей въ чтеніи (т. е. пѣніи) данныхъ нотъ идутъ упражненія въ угадываніи (называніи) спѣтыхъ звуковъ. Эти слуховыя упражненія, соотвѣтствующія диктанту при изученіи языка, являются упражненіями болѣе трудными и всегда слѣдуютъ за упражненіями въ чтеніи нотъ. Но они необходимы и крайне плодотворны для развитія слуха.

Изученіе *размѣра* и *ритма* идетъ параллельно тональнымъ занятіямъ и составляетъ какъ бы особую школу или курсъ пѣвческихъ упражненій. Всякая мелодія прежде всего разбирается и изучается со стороны ритмической, при чемъ въ помощь слуху призываются такъ называемыя ритмическія названія. Значеніе ритмическихъ названій заключается въ томъ, что они даютъ возможность установить для слуха ритмическую форму музыкальной фразы прежде самого пѣнія и такимъ образомъ вмѣсто двойной трудности — осиливать заразъ и тональныя отношенія и ритмическія, ученики имѣютъ возможность побѣдить сначала одну трудность.

Характеризуя описанный методъ обученія, приходится отмѣтить, что онъ отдѣляетъ музыку отъ знаковъ, обозначающихъ музыкальные звуки. Музыка состоитъ изъ звуковъ, а не изъ четвертей и осьмушекъ, не изъ буквъ и двоеточій. Учитель долженъ представлять голосъ и слухъ учениковъ какъ матеріалъ, подлежащій обработкѣ. Онъ начинаетъ безъ всякихъ знаковъ и вводитъ знаки постепенно и понемногу, когда въ нихъ будетъ чувствоваться нужда и когда у учениковъ уже есть, что обозначать ими".

Въ составленной Н. П. Мироносицкимъ объяснительной запискѣ къ изданному имъ руководству, между прочимъ, указывается на непосильную дѣтскому уму трудность нотнолинейной системы, дѣлающую ее недоступною первымъ ступенямъ обученія.

При всей трудности усвоенія нотнолинейной системы нельзя не обратить вниманія на то характерное обстоятельство, что ученикъ, постигшій эту систему и имѣющій, слѣдовательно, представленіе о томъ, гдѣ находится именно та или другая нота, можетъ одинъ, безъ посторонней помощи, провѣрить правильность интонаціи, если бы онъ въ этомъ усомнился. Между тѣмъ при буквенной системѣ, при которой значеніе нотныхъ знаковъ находится въ зависимости отъ того, какую высоту учитель признаетъ доступной для даннаго состава учащихся

(Ноты-буквы, стр. 30), ученикъ лишенъ въ этомъ отношеніи всякой самостоятельности и, забывъ выбранный учителемъ строй, внѣ урочнаго времени не имѣетъ средствъ себя поправить и будетъ бродить словно въ темнотѣ, коль скоро захочетъ по слуху возстановить забытое въ памяти. Положимъ, Н. Н. Мироносицкій утверждаетъ въ своей объяснительной запискѣ, что „въ тѣхъ счастливыхъ случаяхъ, когда ученики поютъ „по нотамъ", большею частью происходитъ любопытный самообманъ учащихъ и учащихся: ученики смотрятъ въ ноты, которыя „очень наглядно" расположены то повыше, то пониже: учитель десятки разъ своимъ голосомъ или при помощи инструмента „проводитъ" ихъ по мелодіи, пока она не запечатлѣется въ памяти настолько, что потомъ легко припоминается при видѣ нотъ, стоящихъ на нотномъ станѣ „повыше и пониже". О пѣніи „съ листа" у насъ говорятъ только въ спеціально-музыкальныхъ школахъ". Но развѣ съ такимъ порядкомъ слѣдуетъ мириться и не вытекаетъ ли изъ такого прискорбнаго явленія, идущаго въ разрѣзъ съ основными задачами музыкальнаго образованія, необходимость приложенія преподавателями всяческихъ стараній, чтобы ученики относились сознательно къ тому, что они поютъ, чтобы отъ подобнаго описанному выше неряшливаго исполненія не страдала художественная сторона исполняемаго, чтобы, наконецъ, незавидная, въ силу ошибочнаго воззрѣнія на предметъ, постановка музыкальнаго образованія въ школѣ все же давала хотя бы скромный, но за то прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ усовершенствованій въ означенной области, въ случаѣ наличности благопріятныхъ условій, которыя врядъ ли обнаружились бы при отсутствіи самодѣятельности у ученика, читающаго ноты по буквенной системѣ, въ зависимости отъ произвола учителя? Можно ли говорить о педагогическомъ выигрышѣ, если сегодня *до* будетъ звучать какъ *до*, а завтра—какъ *ре* или *ми*, и учащіеся, слѣпо повинуясь учителю, составятъ себѣ убѣжденіе о возможности безконечнаго видоизмѣненія музыкальнаго звука и потери имъ всякой окраски, ему одному только присущей?

Посмотримъ теперь, какія облегченія въ отношеніи запоминанія музыкальныхъ терминовъ получаетъ учащійся отъ буквенной нотаціи.

По нотно-линейной, общепринятой системѣ ученикъ долженъ запомнить семь названій нотъ: *до*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля* и *си*, сверхъ того термины: *діезъ* и *бемоль*, *дубль діезъ* и *дубль бемоль* (или двойной діезъ и двойной бемоль). По буквенной системѣ—также семь названій: *д*, *р*, *м*, *ф*, *с*, *л*, *ці*, кромѣ того тѣ же названія съ прибавленіемъ 1) буквы *і* для обозначенія повышенія на $^1/_2$ тона и 2) буквы *а* для

обозначенія пониженія на $^1/_2$ тона, да еще особый терминъ *ба* (повышенная VI ступень минора).

Какъ видно, выгода отъ новой терминологіи ничтожна, не говоря уже о томъ, что она не даетъ опредѣленнаго знака для *си* ♯ и для обозначенія *двойныхъ діезовъ и бемолей*.

Если въ этомъ послѣднемъ случаѣ, на которомъ П. П. Мироносицкій не счелъ нужнымъ останавливаться, придется прибѣгать къ энгармонизму, то для меня не вполнѣ яснымъ представляются основанія, въ силу которыхъ П. П. Мироносицкій сдѣлалъ отступленіе отъ этого порядка по отношенію къ VI ступени минора, давъ ей названіе *ба*. По этому поводу на стр. 23 брошюры „Ноты-буквы" мы читаемъ: „Что касается мелодической VI ступени (минора), фа-діезъ, то для обозначенія ея не пользуются здѣсь слѣдующимъ по правилу слогомъ *фі*, а употребляютъ особый, спеціально для этой ступени придуманной слогъ *ба*—ради чего?—Чтобы подчеркнуть особое значеніе этой ступени мелодическаго минора и отличить ее отъ хроматическаго повышенія IV ступени мажора, которое встрѣчается нерѣдко. При одномъ взглядѣ на слогъ *ба* мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ миноромъ. Фа-діезъ, какъ повышенная VI ст. минора (т. е. *ба*) ведетъ въ *соль* ♯ (VII ст.), а фа ♯ (т. е. *фі*), какъ повышенная IV ст. мажора, ведетъ обязательно въ *соль*. Въ этомъ существенная разница между *ба* и *фі*, тожественными по звуку, но не тожественными по производимому эффекту, на что обращается въ буквенной системѣ особенное вниманіе".

Въ приведенной выдержкѣ вызываютъ нѣкоторое недоумѣніе слова: „при одномъ взглядѣ на слогъ *ба* мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ миноромъ". Кто такое *мы*? Если подъ *мы* слѣдуетъ разумѣть учителя, то онъ, какъ преподаватель музыки, обязанъ умѣть отличать миноръ отъ мажора безъ помощи подобныхъ знаковъ, а по качествамъ, существенно отличающимъ оба наклоненія. Если же *ба* должно указать ученику на *миноръ*, то по какой причинѣ потребовалось бы такое указаніе для ученика, которому раньше ничего не говорилось о характерныхъ признакахъ *мажора*? Если вообще буквенная система стремится уберечь учащагося отъ запоминанія излишняго балласта терминологіи, то, казалось бы, въ интересахъ послѣдовательности надлежало бы вовсе умолчать о минорѣ. Помимо перечисленныхъ терминовъ буквенная система требуетъ отъ ученика запоминанія особаго значенія *двоеточія* (тамъ же, страница 9), *точки* слѣва отъ буквы, *запятой* хвостомъ внизъ, *запятой* хвостомъ вверхъ (тамъ же, стр. 12),

при чемъ, напримѣръ, П. П. Мироносицкій не даетъ никакихъ знаковъ для обозначенія *тридцать вторыхъ*, *дуолей*, *квинтолей*, *форшлаговъ*, *группетто* и т. п. Наконецъ, ученикъ долженъ еще запомнить, что обозначаетъ короткая тактовая черта (тамъ же, страница 10), что разумѣется подъ *переводною* или *поворотною нотою*, что подъ *нотою-примѣтою*, что подъ *подмѣнною ступенеи* (тамъ же, стр. 18), что значитъ цифра, поставленная вверху буквы, и цифра, помѣщенная у ея основанія (тамъ же, стр. 6), памятуя, что и этотъ послѣдній способъ нотаціи оказывается неустойчивымъ, ибо не примѣняется къ тенору и басу (тамъ же, стр. 7). Тутъ возникаетъ еще новое неудобство: ученику наряду съ правиломъ приходится заучивать и исключеніе изъ этого правила. Наряду съ только что приведеннымъ существуетъ еще и другое исключеніе, а именно отступленіе отъ правила обозначенія діезовъ и бемолей (тамъ же, стр. 17). Словомъ, при буквенной системѣ ученику предстоитъ усвоить ничуть не меньшій запасъ знаковъ, чѣмъ при нотно-линейной. Къ недостаткамъ буквенной системы нельзя не отнести и то обстоятельство, что, въ виду отсутствія достаточнаго числа знаковъ, доступною для нея является транскрипція лишь опредѣленныхъ пьесъ, которыя соотвѣтствуютъ ея ограниченнымъ средствамъ нотнаго письма. Отсюда прямой ущербъ художественнымъ задачамъ, которыми долженъ руководствоваться свѣдущій и понимающій свое дѣло преподаватель при выборѣ пьесъ для исполненія.

Нашъ разборъ буквенной системы по существу былъ бы неполнымъ, если бы мы умолчали о томъ обстоятельствѣ, что ноты-буквы, по заявленію П. П. Мироносицкаго (предисловіе къ книжкѣ для учителей и самообученія), „назначаются *только для пѣнія* и вполнѣ могутъ замѣнить обыкновенныя ноты въ предѣлахъ пѣвческой практики, и что переходъ съ нотъ-буквъ на обыкновенную нотно-линейную систему („переучиванье")—дѣло какого-нибудь *десятка* чисто практическихъ *уроковъ*".

Стоитъ ли, спрашивается, тратить трудъ и время на усвоеніе буквенной системы, если переучиванье потребуетъ какого-нибудь десятка практическихъ уроковъ? Мнѣ кажется, что П. П. Мироносицкій напрасно придаетъ такъ мало цѣны этимъ *десяти* урокамъ, если имѣть въ виду, какъ незначительно вообще все число уроковъ въ совокупности, которое удѣляется пѣнію въ большинствѣ нашихъ школъ. Затѣмъ десять уроковъ, какъ свидѣтельствуетъ практика, настолько большая цифра, что ея было бы достаточно для уразумѣнія нѣсколь-

кихъ системъ, а не только нотно-линейной: ученикъ среднихъ способностей, руководимый толковымъ и знающимъ преподавателемъ, вполнѣ уяснятъ себѣ общепринятую систему въ пять-шесть уроковъ. Но можетъ еще имѣть мѣсто и такой случай, что среди учащихся въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи найдутся любознательные и способные къ музыкѣ дѣти, и что въ ихъ же личныхъ интересахъ съ первыхъ же шаговъ указать имъ большую дорогу къ музыкѣ или, выражаясь словами Н. П. Мироносицкаго, заимствованнымъ изъ его объяснительной записки, дорогу, „ведущую въ самое небо музыки". Въ правѣ ли былъ бы учитель музыки, въ угоду малоспособному и нерадивому большинству, вести упомянутыхъ дѣтей вмѣсто дороги въ канаву, хотя и лежащую у самой дороги, но все же отсрочивающую ихъ выходъ на дорогу на неопредѣленное время, въ зависимости отъ того, когда учителю вздумается протянуть имъ руку помощи и открыть глаза. Буквенная система, какъ я указывалъ выше, лишаетъ учениковъ всякой самостоятельности и возможности себя контролировать, и, стало быть, если учитель за все время пребыванія учениковъ въ школѣ признаетъ большинство поющихъ недостаточно подготовленными къ уразумѣнію нотно-линейной системы, его питомцамъ не увидѣть большой дороги. А можетъ ли школа мириться съ такими результатами, и не лучше ли тогда совершенно отказаться отъ уроковъ пѣнія въ школѣ, тѣмъ болѣе, что—какъ это ни прискорбно—уровень музыкальныхъ познаній этой категоріи преподавателей такъ низокъ? Не слѣдуетъ забывать, что уроки пѣнія въ общеобразовательной школѣ, помимо спеціально педагогическихъ задачъ, преслѣдуютъ еще одну цѣль: провести учащихся по первымъ ступенямъ, въ худшемъ же случаѣ лишь указать имъ первыя ступени лѣстницы, ведущей въ міръ звуковъ, который создалъ человѣчеству несмѣтные перлы эстетическаго наслажденія.

Что же касается частностей изложенія буквенной системы, то прежде всего нельзя не отмѣтить, что Н. П. Мироносицкій нерѣдко или случайно не пользуется общепринятыми терминами, или же пытается своими словами опредѣлять то, что имѣетъ спеціальное, вполнѣ установившееся въ теоріи музыки наименованіе, и свободное толкованіе чего можетъ внести только сбивчивость въ область музыкальныхъ представленій лица, которое пожелало бы ознакомиться съ его руководствами.

Такъ, напримѣръ, на стр. 17 брошюры „Ноты-буквы" напечатано: „... въ современной музыкѣ мы постоянно встрѣчаемся съ

уклоненіями гармоніи изъ даннаго строя въ другіе строи или съ такъ называемою модуляціею. Иногда эти уклоненія непродолжительны и такъ сказать мимолетны: чуть коснувшись другого строя, гармонія переходитъ въ новый строй, или снова возвращается въ прежній главный строй".

Здѣсь мы видимъ нѣкоторую путаницу въ музыкальной терминологіи. Прежде всего теорія музыки *уклоненій* не знаетъ, ей извѣстны 1) *наклоненія*, а именно: мажорное и минорное и 2) *отклоненіе*, какъ одинъ изъ видовъ модуляціи, при которомъ въ новомъ ладу не остаются и не укрѣпляются.

На стр. 18 и 19, трактующихъ о подмѣнѣ ступеней—терминъ доселѣ неизвѣстный—дается такое поясненіе: „1) ступени, составляющія *равенство*, пишутся рядомъ, но ступень предыдущаго строя пишется вверху строки и маленькой буквой, а равная ей ступень новаго *аккорда* пишется обыкновенною буквой въ строкѣ; 2) надъ тѣмъ мѣстомъ *партитуры*, гдѣ совершается эта подмѣна ступеней, пишется прописною буквой названіе *строя*, въ который переходитъ *музыка*", и т. д.

Въ приведенной выдержкѣ опять неточность выраженія и смѣшеніе понятій: неспеціалисту трудно будетъ угадать, что „равенство" П. П. Мироносицкимъ употреблено въ смыслѣ энгармонизма, „новый аккордъ" въ значеніи новаго строя, т. е. часть вмѣсто цѣлаго, а „партитура" въ смыслѣ отдѣльнаго голоса, т. е. цѣлое вмѣсто части, и что подъ „музыкой" надлежитъ разумѣть мелодію.

Терминъ *доля* равнымъ образомъ употребляется въ необычномъ значеніи. На стр. 9 брошюры „Ноты-буквы", напримѣръ, читаемъ: „Въ буквенной системѣ *сильныя доли* выдѣляются тѣмъ, что ставятся сразу послѣ тактовой черты, какъ и въ линейномъ нотописаніи. Передъ *слабыми* же *долями* ставится двоеточіе". Здѣсь сильными и слабыми *долями* именуется то, что принято называть *сильными и слабыми временами такта*.

Въ введеніи къ второй книжкѣ нотъ-буквъ для учителей и самообученія, между прочимъ, говорится: „Во всякой музыкѣ мы замѣчаемъ два главныхъ факта, которые прекрасно выражаются русскими словами: складъ и ладъ. *Складъ* (ритмъ)—это отношенія звуковъ другъ къ другу во времени: мы слухомъ замѣчаемъ, что звуки бываютъ длинные и короткіе, что они соразмѣрны другъ съ другомъ и что они группируются (складываются) въ правильныя сочетанія, доступныя слуху благодаря удареніямъ (акцентамъ), выступающимъ надъ звуками чрезъ равные промежутки".

Подъ *складомъ* въ теоріи музыки разумѣется извѣстная музыкальная форма, каковы: двухколѣнный складъ, трехколѣнный складъ, а потому его отнюдь не должно смѣшивать съ ритмомъ.

На стр. 27 брошюры „Ноты-буквы" заявляется слѣдующее: „Характеристическіе эффекты, свойственные ступенямъ звукоряда, усвояются путемъ слуховыхъ упражненій: чѣмъ больше ученики прислушиваются, тѣмъ для нихъ яснѣе будутъ выступать характеристическія черты каждой ступени; у нихъ будетъ образовываться особое чутье для оцѣнки звуковъ. Но полезно будетъ и со стороны учителя всякій разъ въ этихъ упражненіяхъ подчеркивать особенность той или другой ступени и давать ихъ описанія на основаніи изучаемаго мелодическаго матеріала". При этомъ на стр. 28 разъясняется, что „примѣты или свойства звуковыхъ ступеней сказываются ясно, когда мы поемъ или играемъ мелодіи медленно, имѣя достаточно времени, чтобы вслушиваться и вникать въ производимыя звуками впечатлѣнія. При другихъ обстоятельствахъ, конечно, вышеприведенныя характеристики звуковъ могутъ показаться неточными. Условія гармоніи, темпа, высота тона болѣе или менѣе измѣняютъ основные эффекты ступеней звукоряда. Такъ, контрастомъ между медленнымъ и быстрымъ движеніемъ можно сразу измѣнить характеръ музыкальной фразы. Но если изученіе характеристическихъ особенностей ступеней положено въ основу распознаванія звуковъ и если курсъ проведенъ со строгою постепенностью, то учащіеся овладѣваютъ способностью опознавать тоны не только въ чистой мелодіи, но и въ гармоническомъ одѣяніи. Учащійся входитъ какъ бы въ личное знакомство съ «персоналомъ» звуковой скалы; встрѣчаясь со ступенями или ихъ обозначеніями, онъ всегда встрѣчаетъ старыхъ знакомыхъ".

Если мы затѣмъ обратимся къ даваемымъ П. П. Мироносицкимъ характеристикамъ ступеней, то увидимъ, что онѣ въ полномъ смыслѣ слова произвольны. Какъ бы медленно мы ни играли ту или другую изъ ступеней и ни старались вслушиваться въ нихъ, вопросъ о стремленіи ихъ вверхъ или внизъ, о мужественномъ, добромъ или печальномъ ихъ характерѣ будетъ рѣшаться въ зависимости отъ того, въ какомъ отношеніи онѣ представятся въ нашемъ воображеніи къ прочимъ ступенямъ звукоряда.

Про доминанту (стр. 27), напримѣръ, говорится, что она «отличается своею яркостью, бодростью, но не даетъ такого впечатлѣнія законченности и покоя, какъ (тоника). Мелодіи бодраго яснаго и мужественнаго характера всегда опираются (?) на тонику и доминанту

какъ на два устоя. Вспомнимъ, напримѣръ, „Въ бурю во грозу", „Послѣ битвы молодецкой" изъ „Жизни за Царя", а также гимны, марши и разные танцы».

Приведенная характеристика недостаточно обоснована. Не говоря уже о томъ, что можно назвать не мало маршей и танцевъ, „опирающихся" на иныя ступени кромѣ тоники и доминанты, бодрость и ясность пьесы зависитъ отъ тональности и ея наклоненія.

«Медіанта (ми) является дополненіемъ къ *до* и *соль*: это тоже „ступень покоя". Этотъ звукъ выдвигаютъ на первый планъ (т. е. на сильныя времена (?) мелодіи, въ ея начало или въ заключеніе), когда желаютъ дать впечатлѣніе покоя, безстрастности, умиротворенія».

Характеристика врядъ ли удачная, такъ какъ впечатлѣніе покоя скорѣе дается совершенными консонансами, въ составъ которыхъ терція не входитъ.

„Вторая ступень гаммы (ре), какъ и VII отличаются стремленіемъ къ 1-ой ступени, вслѣдствіе этого въ нихъ заключенъ элементъ движенія, безпокойства, возбужденія".

Съ этимъ также трудно согласиться, ибо вторая ступень не менѣе стремится къ доминантѣ, чѣмъ къ тоникѣ.

„Характеръ шестой (ля) и четвертой (фа) ступеней звукоряда", читаемъ мы далѣе, „выражается наиболѣе ясно, Шестая ступень *ля* отличается печальнымъ, заунывнымъ характеромъ: недаромъ этотъ звукъ лежитъ въ основѣ минорной гаммы. *Фа* характеризуется своимъ стремленіемъ внизъ къ *ми*. Это какъ бы тяжелый звукъ".

На это можно возразить слѣдующее: *ля* само по себѣ никакаго заунывнаго характера не имѣетъ: все зависитъ отъ того, явится ли эта нота основаніемъ минорной или мажорной терціи. Ля—мажорная тональность, напримѣръ, въ виду особыхъ удобствъ аппликатуры для группы струнныхъ инструментовъ, даетъ въ оркестрѣ ясную звучность, чуждую грусти и полную радостнаго колорита. Что же касается „тяжести" *фа* и стремленія его внизъ къ нотѣ *ми*, на что указываетъ П. П. Мироносицкій, то такое заявленіе пріемлемо лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что *фа* дѣйствительно стремится внизъ,—я оставляю въ сторонѣ ложныя послѣдованія—если оно—септима аккорда. Если же на *фа* смотрѣть какъ на четвертую ступень, то оно утрачиваетъ указанную тяжесть и свободно идетъ въ доминанту, какъ это и бываетъ въ каденціяхъ, гдѣ подобное чередованіе ступеней оказывается вполнѣ естественнымъ.

Есть и болѣе мелкіе недосмотры.

На стр. 16 брошюры „Ноты-буквы" правописаніе восходящей мажорной хроматической гаммы ошибочно повышаетъ шестую ступень взамѣнъ пониженія седьмой; на стр. 27 нота *ми* именуется *медіантой*, тогда какъ точнѣе было бы назвать ее *верхней медіантой*, ибо имѣется еще *нижняя медіанта*, нота *ля*, которая на той же страницѣ фигурируетъ подъ названіемъ шестой ступени и которую, въ интересахъ послѣдовательности, надлежало бы не лишать присущаго ей наименованія; на стр. 30 говорится про „*діапазонъ звуковъ* дѣтскихъ голосовъ"—плеоназмъ, который не долженъ былъ бы имѣть мѣста въ руководствѣ, трактующемъ о *пѣніи*; во введеніи ко 2-ой книжкѣ „Нотъ-буквъ" для учителей и самообученія встрѣчаются слѣдующія неловкости выраженій: (на стр. X) „голоса развиваются скорѣе въ *высь*, чѣмъ въ *глубину*"; (тамъ же) „классъ долженъ быть доведенъ до умѣнья пѣть безъ затрудненій... всѣ остальныя ступени звукоряда въ *поступенномъ* порядкѣ"; (на стр. XII) „хорошее пѣніе учителя или товарищей... помогутъ (sic) дѣтямъ усвоить вѣрную, *ясную* и *красивую* интонацію *голоса*"; тамъ же находитъ себѣ мѣсто такое contradictio in adiecto, какъ „*исполненіе* паузъ", и т. п.

Содержаніе двухъ книжекъ пѣвческой грамоты (книжка 1-я—для учениковъ, книжка 2-я—для учителей и самообученія) представляетъ собою въ большей своей части пересказъ того, что изложено въ разсмотрѣнной уже брошюрѣ. Новое даетъ, главнымъ образомъ, книжка для учениковъ, которая по расположенію и систематизаціи матеріала производитъ наиболѣе благопріятное впечатлѣніе и свидѣтельствуетъ о несомнѣнной любви и старательности, съ которою П. П. Мироносицкій отнесся къ намѣченной задачѣ. Сверхъ того, въ названныхъ книжкахъ сообщается не мало цѣнныхъ методическихъ указаній, на которые нелишне было бы обратить вниманіе всякому преподавателю пѣнія въ школѣ, интересующемуся успѣхами своихъ учениковъ. Поэтому было бы несправедливо совершенно преграждать руководствамъ П. П. Мироносицкаго доступъ въ школу: необходимо лишь сохранить за нотно-линейной системой завоеванное ею положеніе, ибо пѣснопѣнія православной церкви, исполненіе которыхъ не можетъ не входить въ програму ученическаго хора русской школы, напечатаны по общепринятой системѣ и, сверхъ того, испытанная, несмотря на нелегкое усвоеніе, система все же имѣетъ преимущество предъ системой, еще неиспытанной и притомъ врядъ ли настолько свободно воспринимаемой дѣтьми, насколько въ этомъ убѣжденъ П. П. Мироносицкій. Англія, думается

мнѣ, въ данномъ случаѣ не указъ: 1) страна эта маломузыкальна вообще и 2) практическая жилка англичанъ, избравшихъ своимъ девизомъ „time is money“, весьма вѣроятно, и склоняетъ ихъ отдавать предпочтеніе буквенной системѣ, при изученіи которой ученики пріобрѣтаютъ возможность принимать участіе въ хоровомъ исполненіи по истеченіи меньшаго срока, чѣмъ при пользованіи нотно-линейной системой. Если бы, наконецъ, буквенная система, имѣющая за собою свыше полустолѣтія, была въ дѣйствительности хороша, то Германія, въ жизни которой хоровое пѣніе занимаетъ видное мѣсто, навѣрное не отстала бы отъ Англіи: различіе характеровъ, порождающее различіе педагогическихъ воззрѣній, какой бы области они ни касались, надо полагать, сказалось и въ этомъ отношеніи.

А. Маннъ.

Бесѣда о Государственномъ Совѣтѣ (Верхняя Палата) и Совѣтѣ Министровъ. Цѣна 8 коп. Изданіе Постоянной комиссіи народныхъ чтеній при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Появленіе этой брошюры вполнѣ своевременно, такъ какъ устройство и назначеніе Государственнаго Совѣта незнакомо большинству читателей дешевой народной литературы. Газетныя статьи очень мало разъясняютъ дѣло, въ виду того, что авторы ихъ больше критикуютъ вообще систему двухъ палатъ, чѣмъ останавливаются на описаніи этого учрежденія, которое теперь призвано играть важную роль въ законодательной дѣятельности представителей русскаго народа.

Необходимо выяснить человѣку малообразованному, что представляютъ собой за границею верхнія палаты и какими полномочіями облечена наша верхняя палата — Государственный Совѣтъ. Полезнымъ является также объясненіе, почему въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ почти повсемѣстно предпочли двухпалатную систему однопалатной.

Всѣмъ этимъ требованіямъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ указанная брошюра, написанная простымъ доступнымъ языкомъ.

Книжка заканчивается описаніемъ состава Совѣта Министровъ и значенія его. Попутно выясняется, что называется на западѣ „кабинетомъ министровъ“ и какія отношенія установились въ разныхъ государствахъ между исполнительной властью и представительнымъ собраніемъ.

Существующій у насъ порядокъ назначенія министровъ и ихъ отвѣтственности сравнивается въ брошюрѣ съ германскимъ. Было бы,

можетъ быть, полезно подробнѣе разъяснить сущность германской конституціи, чтобы выяснить сходство съ русскимъ порядкомъ, установленнымъ 20-го февраля 1906 года.

Кромѣ того, желательно было бы картиннѣе представить значеніе и пользу верхнихъ палатъ въ странахъ подобныхъ Англіи, Австро-Венгріи и другихъ.

Форма изложенія — бесѣда учителя съ крестьянами—очень удачна и доступна пониманію самаго неподготовленнаго читателя.

Бесѣда о Государственной Думѣ, изданная четвертымъ изданіемъ въ маѣ текущаго года Постоянной комиссіей народныхъ чтеній при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Цѣна 10 коп. Здѣсь авторъ воспользовался совершенно тѣмъ же пріемомъ. Въ этой брошюрѣ довольно много страницъ посвящено историческому очерку развитія идеи народнаго представительства въ Россіи. Не забытъ ни одинъ проектъ, ни одно учрежденіе, въ которомъ можно усмотрѣть зародышъ Государственной Думы.

Обязанности и права этой послѣдней сопоставляются съ таковыми въ западныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, и довольно искусно выдѣлены основныя, общія всѣмъ конституціямъ положенія, касающіяся народнаго представительства.

Удачно описаны прямые выборы во Франціи, при чемъ приведена безпристрастная оцѣнка разныхъ системъ выборовъ. Въ послѣдней главѣ нѣсколько подробнѣе представлена система, дѣйствующая у насъ.

Бесѣды о Государственной Думѣ и о Государственномъ Совѣтѣ представляютъ собой тотъ родъ вполнѣ безпристрастной и достаточно серьезной народной литературы на политическія темы, широкое распространеніе которой надо живо привѣтствовать.

*_Л. К. Якобсонъ._ Школьныя изданія нѣмецкихъ авторовъ. Вып. 5. „Geschichte des Siebenjährigen Krieges von _I. W._ von _Archenholtz_. Auswahl. Mit einem Wörterverzeichnis, Erläuterungen und einem Kärtchen. Исторія семилѣтней войны _Архенгольца_. С.-Пб. 1906. Стр. 152+60—постатейный словарь. Цѣна 55 коп.

Вышепоименованное учебное пособіе по нѣмецкому языку заключаетъ въ себѣ 36 небольшихъ статей изъ исторіи семилѣтней войны, довольно извѣстнаго сочиненія И. В. Архенгольца, нѣмецкаго писателя, жившаго отъ 1743—1812 года.

Языкъ сочиненія—простой, хотя мѣстами и страдаетъ устарѣлыми

оборотами рѣчи; содержаніе вполнѣ доступно ученикамъ старшихъ классовъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и представляетъ несомнѣнно не малый интересъ.

Всѣ 36 статей раздѣлены на двѣ группы: I. Schlachtenbilder, II. Kriegsführung und Kriegsgreuel. Къ первой группѣ отнесено описаніе извѣстныхъ въ военной исторіи сраженій, происходившихъ во время названной войны при Pirna, Prag, Kollin, Rossbach, Leuthen, Hochkirch, Kunnersdorf, Liegnitz и Torgau. Кромѣ того, сюда относятся статьи подъ заглавіемъ: Das Lager bei Bunzelwitz.—Austritt Russlands aus der Koalition. Belagerung von Schweidnitz. Friedensverhandlungen und Friedensschlüsse.

Вторая группа состоитъ изъ 20 статей, изъ которыхъ первыя 8 носятъ общее заглавіе: „Die Preussen und ihre Verbündeten", а послѣдніе 12—„Die Oesterreicher und ihre Verbündeten".

За ними еще слѣдуютъ двѣ статьи—XXXV—„Der Krieg und die Zeitgenossen" и XXXVI—„Ergebnisse des Krieges".

Въ заключеніе, въ видѣ приложенія, даются еще два стихотворенія: „Fridericus Rex" и „Sanssouci". Приложенный при книгѣ постатейный словарь—довольно полный и хорошо составленъ.

Книжку, изданную г. Якобсономъ, можно привѣтствовать какъ прекрасное пособіе по нѣмецкому языку.

Я. Моръ.

*Aus der deutschen Literatur. Prof *H. Saure.* Erzählungen nach Dramen deutscher Klassiker. Erster Teil. Erklärt und mit Wörterbüchern versehen von N. Oerdel. С.-Пб. 1905. Стр IX+127. Цѣна въ перепл. 60 коп.

Выше поименованная книжка, составленная извѣстнымъ въ нѣмецкой школьной литературѣ профессоромъ Н. Saure, и приспособленная для учениковъ нашихъ русскихъ учебныхъ заведеній преподавателемъ Н. Эрдель, заключаетъ въ себѣ краткое содержаніе 3-хъ извѣстныхъ сочиненій классической нѣмецкой литературы: 1) „Minna von Barnhelm"—Лессинга, 2) „Wilhelm Tell" и „Maria Stuart"—Шиллера. Этимъ статьямъ предшествуютъ, въ самой краткой формѣ, біографіи авторовъ названныхъ сочиненій—Лессинга и Шиллера, составленныя, надо думать, г. Эрделемъ.

Передача названныхъ трехъ драмъ можетъ быть названа вполнѣ удачной: самое существенное ихъ содержаніе дано, языкъ простой и вполнѣ литературный.

Приспособленіе ихъ, данное г. Эрделемъ, для русскихъ учени-

ковъ—постатейный и краткій алфавитный словари, составлены довольно удовлетворительно; внѣшняя сторона книжки безукоризненна.

Я. Моръ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе мая и іюня мѣсяца 1906 года.

— *Богольновъ, М.* Война и финансы. Издательство О. Н. Поповой. (Темы жизни № 5. Выпускъ III). 26 стр. Цѣна 5 коп.

— *Веселовскій, Б.* Крестьянскіе бунты. Издательство О. Н. Поповой. (Темы жизни № 5. Выпускъ II). 28 стр. Цѣна 6 коп.

— *Масловъ, П.* Русская революція и народное хозяйство. Издательство О. Н. Поповой. (Темы жизни № 5. Выпускъ I). 22 стр. Цѣна 5 коп.

— *Зомбартъ, Вернеръ.* Судьбы американскаго пролетаріата. Переводъ съ нѣмецкаго А. Кулишера. Издательство О. Н. Поповой. С.-Пб. 1906. 149 стр. Цѣна 25 коп.

— *Золя, Э.* Истина. Романъ. Переводъ О. Н. Поповой. Издательство О. Н. Поповой. С.-Пб. 493 стр. Цѣна 1 руб.

— *Либровичъ, С. Ф.* Фидлеровскій музей русскихъ литераторовъ. 23 стр. Цѣна 15 коп.

— Урожай 1905 года. II. Яровые хлѣба и картофель. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Годъ двадцать третій. С.-Пб. 1906. XXXVII+205+215+13 картограммъ. (Статистика Россійской Имперіи. LX).

— *Ермоловъ, А. С.* Нашъ земельный вопросъ. I. Земля и трудъ. II. Крестьяне и земля. III. Дѣйствительность и земельныя утопіи. С.-Пб. 1906. VI+291 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Шабельниковъ, П. О.* Методическія указанія къ букварю „Малютка". Москва 1905. 15 стр. Цѣна 5 коп.

— *Межеричеръ, П. И.* Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія. Для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Съ 255 фиг. въ текстѣ. С.-Пб. 1906. Изданіе А. Ф. Девріена. IV+303 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства. Годъ девятый, 1904—1905 учебный годъ. Курскъ 1905. 113+114 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАМѢТКИ НА ПРОГРАММУ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ [1]).

XI.

Послѣдній отдѣлъ разсматриваемой „программы" составляетъ *Новѣйшая русская литература.* Рядъ писателей, вносимыхъ сюда „программой", однако далеко не полонъ. „*Обзоръ новѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX вѣка*", проектирусмый нашей „программой" для заключительнаго отдѣла гимназическаго преподаванія русской литературы — по „программѣ" не долженъ заключать въ себѣ даже такихъ писателей, какъ *Григоровичъ, Сергѣй Аксаковъ, Писемскій, Никитинъ, Мельниковъ,* — не говоримъ о томъ, что изъ „обзора" исключены всѣ критики... Врядъ ли такую постановку въ средней школѣ *новѣйшей русской литературы* можно признать нормальной. Ея преподаваніе, по нашему мнѣнію, должно быть поставлено, напротивъ, на самыхъ широкихъ началахъ, — не только въ виду важности самаго предмета („ничто такъ не сближаетъ отдѣльную личность съ ея родиной, какъ родная словесность"...), но также и потому, что преподаваніе въ средней школѣ новѣйшей отечественной литературы должно считаться съ однимъ изъ самыхъ могучихъ общеобразовательныхъ факторовъ школьнаго времени вообще — *внѣклассным чтеніемъ учениковъ.* Послѣднее особенно развивается въ этомъ возрастѣ, въ

[1]) *Окончаніе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

VII — VIII классѣ... По этому поводу нельзя здѣсь отчасти не повторить нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ 25 лѣтъ тому назадъ проф. *Незеленовымъ* въ одной изъ своихъ статей. Гимназическое преподаваніе новѣйшей литературы должно не только ознакомить учениковъ съ важнѣйшими отечественными писателями позднѣйшаго времени, — но и быть въ то же время, насколько возможно, своего рода *введеніемъ* въ обширную область поглощаемаго учениками матеріала, — служить здѣсь ученикамъ если не руководящей, путеводной нитью (за чтеніемъ учениковъ трудно поспѣть!..), то, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторымъ освѣщеніемъ того необъятнаго библіотечнаго лабиринта, въ которомъ обыкновенно вращаются въ это время ученики нашей средней школы,—стремиться хотя отчасти служить ученику пособіемъ въ этомъ чтеніи, помогать ему не теряться въ немъ, умѣть хоть нѣсколько отличать великаго писателя отъ малаго, не читать все безъ разбора, безъ всякаго пониманія, не различая болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго... Въ этихъ видахъ, по своему содержанію и характеру, проектируемый „программой" *обзоръ главнѣйшихъ направленій нашей литературы второй половины XIX вѣка* долженъ стоять, выразимся такъ—*впереди ученика* или, по крайней мѣрѣ, не очень *отставать* отъ него, болѣе или менѣе отвѣчать умственнымъ и духовнымъ интересамъ ученика, захватывать его собой. Если гдѣ, то именно здѣсь, при ознакомленіи учениковъ съ важнѣйшими писателями новѣйшей родной литературы, наша школа должна стать на живую почву, *стать рядомъ съ ученикомъ*, помогать ему, *учить его*, въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніе этого слова, а не быть для него чѣмъ-то внѣшнимъ, формальнымъ, какимъ-то неизбѣжнымъ зломъ... Въ приложенной къ „программѣ" „запискѣ" г. *Сиповскаго* ярко обрисовывается могучее вліяніе на наше учащееся юношество этой новѣйшей литературы, необычайный интересъ къ ней; напрасно только г. *Сиповскій* интересъ этотъ связываетъ исключительно съ *класснымъ преподаваніемъ* этой новѣйшей литературы. Вліяніе послѣдней, интересъ къ ней идетъ не черезъ школу, а изъ самой жизни, путемъ внѣкласснаго чтенія учениковъ. Наша „новѣйшая литература" до сей минуты даже и не затрагивалась въ нашихъ гимназіяхъ; но никто, конечно, не будетъ утверждать, что наше учащееся юношество и *не читало ее*, не интересовалось ею, что она не вліяла самымъ рѣшительнымъ образомъ на формулировку міровоззрѣнія учениковъ, не „проясняла" и не „заостряла ихъ міросозерцанія", по выраженію

г. *Ситовскаго*... И школа должна самымъ тщательнымъ образомъ культивировать это могущественное вліяніе читаемой учениками новѣйшей литературы, ихъ интересъ къ ней. Чтеніе учениками „классиковъ", вообще писателей, пользующихся въ обществѣ почетной извѣстностью, должно быть всячески поощряемо школой- и прежде всего здѣсь нежелательны, прямо вредны всякія *запрещенія* и *преслѣдованія*! Независимо отъ того, что „запрещенія и преслѣдованія" прежде всего *не осуществимы*, ведутъ на дѣлѣ какъ разъ къ обратному — ученики именно и читаютъ больше всего то, что запрещается школьной цензурой; но всякія подобныя ограниченія часто могутъ быть *вредны и по существу*. Книга, чтеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—въ извѣстномъ возрастѣ сильнѣе всего вліяетъ на воспитаніе, на весь складъ учащагося, сильнѣе, чѣмъ какіе-бы то ни было школьные уроки. Чтеніе—для развивающагося молодого поколѣнія тотъ же воздухъ, та же матеріальная пища, столь же необходимая, какъ и всякая другая, для развитія и питанія организма. Не развивая себя духовно, не питаясь мыслями, чувствами великихъ писателей, подрастающее существо такъ же хилѣетъ, чахнетъ, дѣлается крайне ограниченнымъ, какъ и его физическій организмъ отъ недостатка воздуха, обычнаго питанія... Такимъ образомъ, ограничивая чтеніе, отнимая изъ рукъ ученика книгу выдающагося писателя, поэта—мы тѣмъ самымъ дѣйствительно какъ бы „сбрасываемъ душу читавшаго съ той нравственной высоты, на которую подняло бы ее поэтическое вдохновеніе, сбрасываемъ въ матеріальную обстановку будничной дѣйствительности"... Подрастающее поколѣніе имѣетъ свои умственныя и нравственныя потребности, съ которыми должна считаться школа,—и они прежде всего и больше всего удовлетворяются *внѣклассныъ чтеніемъ*. Такимъ образомъ широкое внѣклассное чтеніе—фактъ, не только существующій, не только не устранимый, но самъ по себѣ крайне желательный. И намъ кажется, именно его-то главнымъ образомъ и должно имѣть въ виду проектируемое преподаваніе въ нашей средней школѣ новѣйшей русской литературы.

Отмѣченный фактъ самъ собой опредѣляетъ—какъ рядъ писателей, которые должны быть внесены въ гимназическій курсъ, тѣ или другія произведенія, такъ и вообще характеръ, общую постановку этого курса въ средней школѣ. Отмѣченнымъ фактомъ само собой устраняется эта, напр., крайняя регламентація, какую мы видимъ въ разсматриваемой „программѣ",—гдѣ самымъ тщательнымъ образомъ выписываются всѣ, часто самыя мелкія стихотворенія, ко-

торыя должны быть читаемы учениками „цѣликомъ или въ отрывкахъ", даже такихъ писателей, какъ *Лермонтовъ* (см. также въ разсматриваемой „программѣ" подобныя перечисленія относительно *Некрасова*, *Фета*, *Полонскаго*, *Майкова*). Такіе писатели, какъ Лермонтовъ, Некрасовъ, Майковъ—ученикамъ, оканчивающимъ среднюю школу, должны быть извѣстны сполна, болѣе или менѣе во всемъ объемѣ; тутъ совершенно излишни, и даже прямо нежелательны, какія-либо точныя перечисленія. Это можетъ быть сдѣлано въ отношеніи развѣ лишь къ болѣе обширнымъ, болѣе крупнымъ произведеніямъ того или другого писателя, но никакъ не къ каждому стихотворенію въ 10—20 строкъ... Необходимость выбора писателей, ихъ извѣстной сортировки, тѣмъ не менѣе все же возникаетъ само собой. Гимназическое преподаваніе новѣйшей русской литературы, само собой разумѣется, должно ограничиваться лишь важнѣйшими писателями; проектируемый „программой" обзоръ главнѣйшихъ направленій нашей литературы позднѣйшаго времени долженъ, конечно, останавливаться лишь на важнѣйшихъ, болѣе выдающихся писателяхъ, оставляя совершенно въ сторонѣ, или лишь мимоходомъ упоминая, о менѣе важныхъ... Но что должно служить мѣриломъ при этой сортировкѣ, при этомъ выборѣ „важнѣйшихъ" писателей?.. Не что другое,—какъ именно эта бо́льшая или меньшая *важность писателя*, общее его литературное значеніе, удѣльная, такъ сказать, цѣнность его въ области нашей новѣйшей литературы!.. Школьное преподаваніе *новѣйшей русской литературы*, какъ и всякаго другого предмета, должно быть прежде всего серьезно,— и „важнѣйшими" писателями для ученика VIII класса гимназіи должны быть тѣ же писатели, которые и въ дѣйствительности, въ наукѣ, въ окружающемъ обществѣ, самимъ учителемъ, признаются „важнѣйшими". Школа, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, должна быть искренна,—и отклонять ученика лишь отъ того, что дѣйствительно вредно и дурно, что признается таковымъ не только „въ классѣ", но и въ жизни, тѣмъ же самымъ преподавателемъ, родителями ученика, наукой, печатью... При обсужденіи вопроса о широтѣ постановки преподаванія въ школѣ новѣйшей русской литературы— прежде всего, не нужно забывать, что очень многіе писатели, знакомство съ которыми, можетъ быть, школа признала бы не совсѣмъ желательнымъ для учениковъ или ученицъ VII—VIII класса, часто *уже прочтены* этими самыми учениками и ученицами!.. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому: должна ли школа прямо и открыто считаться

съ этимъ фактомъ и, признавши его наличность, поставить себѣ цѣлью помочь этому ученику или ученицѣ болѣе или менѣе правильно понять прочитанное имъ произведеніе, или того или другого писателя, или, отвернувшись отъ факта, лицемѣрно не признавая его, тѣмъ самымъ лишить себя всякой возможности *нравственно вліять на своихъ питомцевъ*, стать въ сторонѣ отъ ихъ умственныхъ интересовъ и запросовъ, предоставить ихъ въ этомъ отношеніи первой попавшейся въ ихъ руки журнальной статьѣ?.. Само собой разумѣется, мы вовсе не хотимъ поставить преподаваніе нашей новѣйшей литературы на почву какой-либо публицистики; но мы хотѣли бы видѣть въ проектируемой гимназической „новѣйшей русской литературѣ" дѣйствительно нашу *новѣйшую русскую литературу*,—а не случайные отрывки, не какую-либо „хрестоматію для младшихъ классовъ", по которой совсѣмъ нельзя судить, чтó представляетъ сама по себѣ эта литература наиболѣе существеннаго, важнаго, болѣе цѣннаго. Такъ, иллюстрируя свою мысль и обращаясь къ разсматриваемой „программѣ", мы убѣждены, что въ гимназическомъ преподаваніи нашей новѣйшей литературы не должно быть мѣста для такихъ писателей, какъ *Баратынскій*, *Тютчевъ*, *Фетъ*, *Полонскій*,—разъ оно не можетъ (это зависитъ, конечно, отъ количества часовъ въ гимназическомъ росписаніи, и съ этимъ, разумѣется, прежде всего придется считаться!..) дать у себя мѣсто *Григоровичу*, *Сергѣю Аксакову*, *Мельникову*, *Писемскому*, *Щедрину*, *Герцену*, *Бѣлинскому*, *Добролюбову* и т. д. и т. д. Всякій читающій, развитой ученикъ хорошо знаетъ, что первые по своему значенію менѣе важны въ нашей новѣйшей литературѣ, чѣмъ послѣдніе,—и слѣдовательно „программа", дающая предпочтеніе первымъ передъ вторыми, не удовлетворила бы такого ученика, т. е. справедливо была бы признана слабой, плохой... И помогъ ли бы ученику въ его чтеніи „обзоръ" важнѣйшихъ направленій нашей новѣйшей литературы, составленный по такой „программѣ"?—а равно имѣлъ ли бы въ глазахъ серьезнаго, читающаго ученика подобный „обзоръ" и вообще какое-либо серьезное значеніе?.. Могъ ли бы этотъ „обзоръ" помочь ученику сколько-нибудь разобраться среди читаемыхъ имъ писателей,—если бы ученикъ ограничился въ своемъ чтеніи даже лучшими, дѣйствительно „классиками"?.. Вотъ почему мы всецѣло присоединяемся къ приводимымъ въ разсматриваемой „программѣ" мнѣніямъ тѣхъ педагогическихъ совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ, которые высказываютъ желаніе возможно широкой постановки проектируемаго преподаванія,—присоединяемся

всецѣло къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя указываютъ на необходимость внести въ проектируемый курсъ не только такихъ писателей, какъ *Григоровичъ, Сергѣй Аксаковъ, Писемскій, Мельниковъ*, но и критиковъ: *Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго*... Повторяемъ, все это писатели, съ которыми или *уже* познакомился ученикъ, или которыхъ онъ будетъ читать въ самое ближайшее время,—о которыхъ, наконецъ, онъ постоянно слышитъ въ образованномъ обществѣ, имена которыхъ встрѣчаетъ въ книгѣ. Равнымъ образомъ мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Московскаго учебнаго округа, выражающаго желаніе, чтобы въ этой „новѣйшей русской литературѣ" не были совсѣмъ забыты и самые поздніе важнѣйшіе наши писатели, какъ *Короленко, Чеховъ*—и рѣшительно не понимаемъ, почему заявленіе это такъ безапелляціонно признано г.г. составителями „программы" „недоразумѣніемъ" (см. стр. 16—17). Напротивъ, именно желательно (вопросъ можетъ быть, повторяемъ, лишь въ количествѣ часовъ по „росписанію", т. е. въ томъ, насколько широко, серьезно будетъ поставлено преподаваніе отечественной литературы въ самомъ гимназическомъ курсѣ), чтобы проектируемый „обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX вѣка" доводился, по возможности, *до самаго позднѣйшаго времени*,—чтобы и здѣсь, въ отношеніи къ самымъ позднѣйшимъ нашимъ писателямъ, насколько возможно помогалъ ученику, не оставлялъ его совершенно безпомощнымъ среди современныхъ теченій литературы, давалъ бы ему хоть самую общую, но строго обоснованную и вполнѣ серьезную аріаднину нить среди живой, окружающей литературы... Если въ области русской политической исторіи гимназическая программа считаетъ необходимымъ и возможнымъ, не превышающимъ уровня понятій ученика, знакомить учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ средней школѣ, съ позднѣйшими общественными преобразованіями и реформами,—тѣмъ доступнѣе и необходимѣе, намъ кажется, знакомство для взрослаго ученика съ позднѣйшей отечественной литературой.

Что касается внѣшняго распредѣленія относящихся сюда литературныхъ фактовъ, то соотвѣтствующій восьмой отдѣлъ разсматриваемой „программы", врядъ ли можетъ быть признанъ въ этомъ отношеніи сколько-нибудь удовлетворительнымъ, не только потому, что рядъ внесенныхъ сюда писателей „новѣйшей литературы", какъ уже было замѣчено, далеко не полонъ, но и вообще по своему характеру. Передъ нами—голая схема, голая номенклатура. Восьмой отдѣлъ „программы" не соотвѣтствуетъ даже тому заголовку, который состави-

телями „программы“ дается этой части: „Обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX столѣтія“ (ср. стр. 38). Мы не видимъ здѣсь не только „главнѣйшихъ направленій“, но и вообще какихъ-либо „направленій“... Посвященныя *Новѣйшей русской литературѣ* страницы „программы“ (стр. 65—66) вообще уже съ перваго взгляда производятъ какое-то странное впечатлѣніе. На предыдущихъ страницахъ „программы“ съ особой тщательностью отмѣчались и подчеркивались различныя „направленія“: „судьбы классицизма“, „реалистическое направленіе“, „сентиментально-реалистическое“, „народническое направленіе“, — все это отмѣчалось „программой“ не только для „Александровскаго періода русской литературы“, но и для XVIII-го вѣка; „реалистическое направленіе“ имѣется даже и въ XVII-мъ вѣкѣ. Теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, послѣ Пушкина и Гоголя, всѣ эти „направленія“ сразу словно уходятъ въ землю!... Вмѣсто всякихъ „направленій“ видимъ лишь: 1) „писателей Пушкинской школы“, 2) „писателей Гоголевскаго направленія“ и 3) „писателей-моралистовъ“... Правда, стараніе „программы“ „ясно и точно разобраться въ литературномъ матеріалѣ“ даетъ себя чувствовать и здѣсь: писатели „Пушкинской школы“ дѣлятся на: а) „лириковъ“, б) „драматурговъ“ и в) „романистовъ“; „лирики“ въ свою очередь — на α) „поэтовъ міровой скорби“, β) „поэтовъ чистаго искусства“ и γ) „поэтовъ-народниковъ“. Писатели „Гоголевскаго направленія“ выдѣляютъ изъ себя только а) „драматурговъ“ и б) „романистовъ“. „Писатели-моралисты“ — уже никого и ничего не выдѣляютъ, просто фигурируютъ въ лицѣ двухъ писателей: Достоевскаго и Льва Толстого... Вотъ и вся „программа“, вся схема „обзора главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX столѣтія“!... Совершенно непонятно, почему въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ „программа“ является вдругъ столь лаконичной,—и кромѣ этихъ голыхъ подраздѣленій, голой номенклатуры ничего не даетъ. Передъ нами какіе-то ящики, перегородки, по которымъ къ тому же совсѣмъ и не размѣщаются „важнѣйшіе“ писатели: чуть не каждый изъ этихъ писателей, чуть не въ каждую изъ этихъ перегородокъ, входитъ и выходитъ свободно... Такъ *Лермонтовъ* (онъ почему-то поставленъ во главѣ нашей „новѣйшей литературы“)— „лирикъ“, „поэтъ мировой скорби“, въ то же время „поэтъ-народникъ“ и „романистъ“, — „драматургомъ“ не является лишь потому, что составители „программы“ не сочли нужнымъ въ своей „программѣ“ упомянуть и о его драматическихъ сочиненіяхъ... Графъ

Алексѣй Толстой—„драматургъ", но онъ же и „поэтъ-народникъ"; *Тургеневъ*—не „драматургъ" и не „поэтъ-народникъ", а просто „романистъ"... *Достоевскій* и *Левъ Толстой* — „писатели-моралисты". Судя по „программѣ", въ *лирикѣ* нашей новѣйшей литературы три „направленія": а) направленіе „міровой скорби"; б) „чистаго искусства" и в) „народническое". Въ области *драмы*—никакихъ нѣтъ „направленій": просто все „драматурги"... Тоже и въ области *романа*... И потомъ эти два „писателя-моралиста",—развѣ они уже не „романисты"?.. И т. д. Можетъ ли говорить ученикамъ что-либо подобная номенклатура?—да и правильна ли она сама по себѣ?.. Къ тому же и у этихъ „писателей-моралистовъ" не одна „мораль", а вмѣстѣ и глубокая психологія,—и именно эту сторону, напримѣръ, особенно цѣнятъ въ нашихъ „писателяхъ-моралистахъ" западные критики... Вообще терминъ, по нашему мнѣнію, не вполнѣ удачный; къ тому же онъ и не выдерживается въ разсматриваемой „программѣ" даже въ отношеніи къ этимъ двумъ писателямъ: изъ двухъ „писателей-моралистовъ", составившихъ собою третью группу, особую, сравнительно съ первыми двумя [1) „писатели Пушкинскаго направленія", 2) „писатели Гоголевскаго направленія"],—одинъ (Достоевскій) въ то же время входитъ и во вторую, принадлежитъ по „программѣ" и къ „писателямъ Гоголевскаго направленія"... *Островскій* одновременно находится и въ „Пушкинской школѣ" и въ „Гоголевскомъ направленіи"; *Достоевскій*, какъ авторъ *Униженныхъ и Оскорбленныхъ*,—„писатель Гоголевскаго направленія", но, какъ авторъ *Преступленія и Наказанія*—уже „писатель-моралистъ"... Вѣроятно, то же случилось бы и съ очень многими другими писателями и „Пушкинскаго" и „Гоголевскаго" направленій, а равно и „писателями-моралистами"—если бы составители „программы" внесли въ нее больше писателей и произведеній позднѣйшей русской литературы... Чтó выигрываютъ и могутъ ли что-либо выиграть ученики отъ всей этой „схематичности"?.. Да и на что она нужна?.. Не говоримъ и о томъ, насколько можно такихъ писателей, какъ *Тургеневъ, Некрасовъ, Островскій* заносить въ рубрику: „писатели Пушкинской школы"...

Не совсѣмъ понятно то объясненіе, которое приводится въ „запискѣ" касательно того, почему послѣдній отдѣлъ программы „теряетъ тотъ характеръ, который выдержанъ въ примѣненіи ко всей предшествовавшей литературѣ". „Произошло это потому—отвѣчаютъ составители „программы"—что въ XIX вѣкѣ рамки литературныхъ направленій слишкомъ *разростаются* въ размѣрѣ и при томъ слишкомъ

индивидуализируются, чтобы было возможно примѣнить къ ней схему, выработанную для эпохъ предшествовавшихъ" (стр. 38)... Казалось бы, разъ „литературныя направленія" разростаются, тѣмъ они замѣтнѣе, рѣзче, и слѣд. тѣмъ легче ихъ отмѣтить въ „программѣ". Но вообще не можемъ не пожалѣть, что составители „программы" не остановились на первоначальной мысли г. Сиповскаго—разбить и „новѣйшую литературу" хронологически по отдѣламъ: 1) *Николаевская Россія*; 2) *Шестидесятые годы*... Терминъ: *Николаевская Россія* кажется намъ однако весьма неудачнымъ; для литературы, ближайшимъ образомъ примыкающей къ Пушкину и Гоголю, есть другой, болѣе общепринятый и едва ли уже не установившійся: *Литература 40—50 г.* Столь же общепринятымъ и весьма удачнымъ является терминъ: *Шестидесятые годы*—для дальнѣйшаго періода нашей литературы 60-хъ—начала 70 гг. Съ 80-хъ гг. начинаются уже позднѣйшія, современныя теченія нашей литературы... Не знаемъ, что̀ хотѣли сказать составители программы, замѣчая по поводу предполагавшагося отдѣла „шестидесятые годы": „Можно бы... ввести отдѣлъ—*шестидесятые годы*; отмѣтить въ нихъ прогрессивное и реакціонное направленіе, при чемъ къ первому отнести всю обличительную литературу, ко второму ту, которая стала возвращаться (?) къ идеаламъ древней Руси (аскетизмъ, нравственное самосовершенствованіе, народничество и пр.). Но такое распредѣленіе матеріала было бы неудовлетворительнымъ, такъ какъ въ первую часть (обличительная литература) вошло бы слишкомъ мало произведеній, доступныхъ изученію въ школѣ. Въ результатѣ осталась бы схема безъ содержанія"... (стр. 38). Намъ кажется, суть дѣла не въ „прогрессивномъ" и „реакціонномъ" направленіяхъ, а въ тѣхъ реальныхъ, фактическихъ пріобрѣтеніяхъ, которыя дѣлаетъ въ 60—70 гг. русская литература. „Шестидесятые годы" нашей литературы были эпохой, когда впервые достигъ полнаго художественнаго своего развитія *русскій романъ*,—уже вскорѣ открывшій свое „побѣдоносное шествіе" по Европѣ. Эти годы были эпохой, когда геніальные таланты *Тургенева, Достоевскаго*, гр. *Льва Толстого* достигли высшей точки своего могущества,—когда вмѣстѣ съ этими геніями міровой литературы во всемъ блескѣ выступилъ рядъ и другихъ нашихъ первоклассныхъ писателей, такихъ, какъ *Гончаровъ, Григоровичъ, Писемскій, Островскій, Салтыковъ-Щедринъ*... Передъ нами длинный рядъ величайшихъ представителей мысли и художественнаго творчества, ближайшихъ преемниковъ *Пушкина* и *Гоголя*,—произведенія которыхъ создаютъ не-

бывалый еще подъемъ нашей художественной литературы, тотъ „русскій романъ“, который такъ скоро вводитъ русскую литературу въ семью западно-европейскихъ литературъ, даетъ русской литературѣ среди этихъ литературъ равноправное мѣсто, даже болѣе, по отзыву самихъ западныхъ критиковъ, *вноситъ новую, оживляющую струю* въ эту европейскую литературу... Въ „шестидесятые годы“ наша литература и вообще получаетъ необычайное возбужденіе: „эпоха великихъ реформъ“ вызываетъ необычайное развитіе журналистики, критики, публицистики. Публицистическій характеръ въ значительной долѣ принимаетъ теперь и самая беллетристика,—та ея часть, которая, вслѣдствіе общаго возбужденія, своимъ „боевымъ“ характеромъ теперь особенно выдвигается въ литературѣ, въ печати, занимаетъ какъ-бы весь передовой флангъ движенія... Къ началу 70-хъ гг. эта беллетристика незамѣтно сливается съ быстро развивающимся около того же времени направленіемъ *народническимъ* и т. д. и т. д.

Если набросанная схема программы „новѣйшей русской литературы“ кажется намъ совершенно неудовлетворительной, то приложенная къ ней „объяснительная записка“ одного изъ членовъ комиссіи, г. *Сиповскаго,* вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Прежде всего, невольно бросается въ глаза въ ней эта болѣе чѣмъ претенціозная замѣтка: указавши на „воспитательное значеніе новѣйшей русской литературы“, что̀ дѣлаетъ, замѣчается здѣсь, „обращеніе съ нею въ классѣ страшно труднымъ, даже опаснымъ“,—г. *Сиповскій* продолжаетъ: „Вотъ почему я полагалъ бы, что прежде, чѣмъ вписывать въ §§ «программы» имена русскихъ писателей, необходимо ученому комитету и министерству *ясно опредѣлить* (?..), въ какомъ направленіи должно итти это воспитательное воздѣйствіе русской литературы, и соотвѣтственно этому (?..), *выбирать* произведенія. Этой сознательности «направленія» *нѣтъ* (!!.) въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя представлены изъ 14 (!..) округовъ въ ученый комитетъ“... Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни малѣйшихъ данныхъ для рѣшенія того, въ какой степени вопросъ этотъ „ясно опредѣленъ“ въ „ученомъ комитетѣ“ и въ „министерствѣ“, и есть ли поводы сомнѣваться въ этой „ясности“,—мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что относительно „14-ти округовъ“, намъ кажется, сомнѣній никакихъ быть не можетъ. На нашъ взглядъ, сознательность „направленія“, напротивъ, сказывается здѣсь ясно и опредѣленно—даже въ тѣхъ (какъ мы уже замѣчали) слишкомъ краткихъ извлеченіяхъ изъ представленныхъ въ комитетъ мнѣній округовъ, которыя сдѣланы въ напечатанныхъ мате-

ріалахъ. Такъ, въ „запискѣ" С.-Петербургскаго округа вполнѣ „опредѣленно и ясно" заявляется, что для достиженія образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей проектируемаго курса „Новѣйшей русской литературы" нужно,—„чтобы ученики, *насколько позволяетъ современное состояніе науки*, понимали *связь* литературныхъ явленій и ихъ отношеніе къ личности автора и къ современной имъ дѣйствительности, и, такимъ образомъ, уяснили бы себѣ и значеніе дѣятельности того или другого *писателя* и развитіе *національнаго самосознанія*"...,—что для этой цѣли „всѣ произведенія русской литературы должны изучаться *исторически*",—и что вообще курсъ новѣйшей русской литературы долженъ быть „поставленъ *самостоятельно*, какъ естественное продолженіе VII класса"... „Программа" прибавляетъ, что „въ томъ же самомъ смыслѣ" высказались педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ гимназій Казанскаго учебнаго округа. Попечительскій совѣтъ Рижскаго округа въ проектируемомъ курсѣ новѣйшей литературы желаетъ видѣть „*систематическое* знакомство съ *главнѣйшими представителями* русской литературы въ ея *историческомъ* развитіи"... Въ Московскомъ округѣ заявляется даже прямо, что „только подъ условіемъ *историческаго* освѣщенія уяснится ученикамъ и художественное достоинство произведеній"... Въ Одесскомъ округѣ заявляется, что „достоинства писателей-классиковъ второй половины XIX вѣка (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій) требуютъ того, чтобы въ курсѣ средней школы они занимали мѣсто *вполнѣ самостоятельное* и *не менѣе важное*, чѣмъ то, которое уже отведено писателямъ начала XIX вѣка" (стр. 13—14). И т. д. Въ то же время (какъ видимъ изъ напечатанныхъ матеріаловъ) многими заявляется „требованіе знакомить учениковъ съ русской критикой (*Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ*)"; въ ряду писателей, имена которыхъ вносятся педагогическими совѣтами „14-ти округовъ", мы встрѣчаемъ не только *Достоевскаго, Льва Толстого*,—но и *Герцена, Чернышевскаго*; рядъ этихъ писателей доводится иногда до самаго позднѣйшаго времени: въ ихъ число вносится, напримѣръ, *Короленко*. И т. д. и т. д. (См. стр. 45, 8—12). Этими заявленіями и требованіями, намъ кажется, вполнѣ ясно опредѣляются взгляды „14-ти округовъ" или, по крайней мѣрѣ, большинства изъ нихъ—на вопросъ, въ „какомъ направленіи" должно итти „воспитательное воздѣйствіе" новѣйшей русской литературы, „соотвѣтственно которому" должны быть *выбраны* и самые писатели. Объемъ требованій, ихъ серьезность фактически указываютъ, что, по мнѣнію „14-ти округовъ", это „направленіе" должно быть *вполнѣ*

серьезнымъ, строго *научнымъ*—и только таковымъ! Преподаваніе новѣйшей литературы, по этимъ требованіямъ, должно быть поставлено болѣе или менѣе широко: въ курсъ должны быть внесены всѣ важнѣйшіе писатели, самое преподаваніе должно быть строго научнымъ, —„связь литературныхъ явленій", „значеніе дѣятельности того или другого писателя", „развитіе національнаго самосознанія", все это должно быть объясняемо ученикамъ, „насколько позволяетъ *современное состояніе науки*"... Можетъ ли быть еще бо́льшая *сознательность* „направленія"?..

Что касается до выражаемыхъ далѣе въ той же „запискѣ" взглядовъ самого г. *Сиповскаго* на желаемое имъ „направленіе" въ преподаваніи новѣйшей литературы, на *выборъ* соотвѣтственно этому писателей [„Что касается, читаемъ въ „запискѣ", того, какого *направленія* лучше всего придерживаться *при выборѣ произведеній*, я бы предложилъ внести въ программу тѣ, въ которыхъ проповѣдуется *христіанская мораль* по скольку она нашла себѣ отраженіе въ міросозерцаніи лучшихъ людей древней Руси, въ лучшихъ людяхъ изъ народа...,— я внесъ бы въ программу тѣ произведенія, въ которыхъ это „христіанство" русскаго человѣка сказывается въ гуманномъ отношеніи „нищимъ духомъ", къ маленькимъ людямъ, „бѣднымъ", „униженнымъ и оскорбленнымъ". Изъ произведеній „обличительной" литературы я предложилъ бы взять лишь тѣ, которыя имѣютъ историческое значеніе, *не затрагиваютъ еще не закрывшихся ранъ нашей жизни*. Къ такимъ произведеніямъ надо отнести романъ Гончарова *Обломовъ*, сочиненія *Островскаго* и нѣкоторыя произведенія *Некрасова*. Я бы *воздержался* отъ включенія въ программу тѣхъ произведеній, въ которыхъ недостаточно ясна точка зрѣнія самого писателя на своихъ героевъ (*Отцы и дѣти*, *Новь*, *Дымъ*, *Обрывъ*) или выражено слишкомъ много страсти (*Бѣсы*)... Требованіе знакомить учениковъ съ русской критикой (*Бѣлинскій*, *Добролюбовъ*, *Писаревъ*) я рѣшительно *отказался* бы вносить въ программу" и т. д.],—все это, помимо того, что вообще не соотвѣтствуетъ желательной широтѣ, общей серьезности и научности постановки въ преподаваніи нашей новѣйшей русской литературы, но, намъ думается, и вообще врядъ ли можетъ быть признано правильной точкой зрѣнія на разсматриваемый вопросъ, въ чисто педагогическомъ отношеніи. Все это говорило бы о какомъ то искусственномъ *подборѣ* писателей и произведеній,—излагало бы не „новѣйшую русскую литературу", а лишь нѣкоторыхъ ея писателей, нарочито подобранныхъ съ какой-то особой нравоучительной цѣлью... Зачѣмъ

все это?.. Лично мы, разумѣется, вполнѣ сочувствуемъ и „христіанской морали“ и этому „міросозерцанію лучшихъ людей древней Руси“; но думаемъ, что эти цѣли не требуютъ никакого искусственнаго подбора, и что выраженныя здѣсь опасенія касательно названныхъ произведеній нашей новѣйшей литературы совершенно излишни. Безъ всякаго нарочито намѣреннаго подбора, наша новѣйшая литература будетъ говорить сама за себя,—при чемъ ея „христіанская мораль“ скажется еще ярче, рельефнѣе. Позволяемъ себѣ напомнить здѣсь тотъ общій, конечный выводъ, общее впечатлѣніе, которое вынесено изъ нашей новѣйшей литературы извѣстнымъ западнымъ критикомъ, *Де-Вогюэ*. „Высшее достоинство русскаго реализма, равно какъ и англійскаго, замѣчаетъ критикъ въ своей книгѣ о русскомъ романѣ—вниманіе къ внутренней, нравственной сторонѣ человѣческой души, *религіозное качество сердца*... Волнующаяся душа русскихъ прорывается сквозь всѣ философіи и всѣ заблужденія. Она дѣлаетъ свои остановки въ нигилизмѣ и пессимизмѣ; поверхностный читатель могъ бы иногда смѣшать Толстого съ Флоберомъ; но этотъ нигилизмъ никогда не принимается безъ внутренняго сопротивленія. Эта душа никогда не остается нераскаянной; она тоскуетъ и ищетъ; въ концѣ концовъ она возстаетъ снова и выкупаетъ себя милосердіемъ,—болѣе или менѣе дѣятельнымъ у *Тургенева* и *Толстого*, необузданнымъ у *Достоевскаго* до того, что дѣлается болѣзненной страстью... Они носятся со всѣми ученіями, которыя приходятъ къ нимъ извнѣ: скептицизмомъ, фатализмомъ, позитивизмомъ; но безъ вѣдома ихъ самихъ, въ самыхъ затаенныхъ фибрахъ своего сердца, *они всегда остаются христіанами*... Пробѣгая ихъ самыя странныя книги, угадываешь въ сосѣдствѣ основную руководящую книгу (un livre régulateur), къ которой тяготѣютъ всѣ другія, это—достопочтенная рукопись, которая стоитъ на почетномъ мѣстѣ въ Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ,—новгородское *Остромирово Евангеліе 1056—1057 г.* Среди столь недавнихъ произведеній національной литературы эта книга символизируетъ ихъ источникъ и ихъ духъ“...

Въ отношеніи къ вопросу о „направленіи“ и выборѣ писателей изъ новѣйшей русской литературы, крайне страннымъ кажется намъ высказываемый здѣсь же въ „запискѣ“ г. *Сиповскаго* отзывъ о Бѣлинскомъ. „*Бѣлинскій* не можетъ быть предметомъ изученія вслѣдствіе *неустойчивости* его взглядовъ,—нѣсколько разъ кореннымъ образомъ мѣнялись его взгляды хотя бы на Пушкина, вслѣдствіе *ошибочности* нѣкоторыхъ его мнѣній, достаточно уже оцѣненныхъ научной кри-

тикой (?!), наконецъ, даже вслѣдствіе *недостаточности его знаній* (народная поэзія, русская литература XVIII вѣка и западно-европейская). Какое значеніе для средней школы можетъ имѣть изученіе писателя, котораго *на каждомъ шагу должно изобличать*?".. И т. д. Разумѣется, чѣмъ „на каждомъ шагу изобличать", лучше совсѣмъ выбросить изъ „программы"... Но дѣйствительно ли ужъ такъ уничтожающи для Бѣлинскаго всѣ эти „изобличенія"?.. Не останется ли и послѣ нихъ для нашего знаменитаго критика очень большой плюсъ, который дастъ ему очень почетное мѣсто въ ряду самыхъ крупнѣйшихъ представителей новѣйшей русской литературы?.. Да и при чемъ тутъ эти „изобличенія",—когда чуть не каждый ученикъ, уже съ VI—VII класса, самъ, непосредственно, знакомится съ Бѣлинскимъ, уже съ VI класса начинаетъ прибѣгать къ нему, въ виду того или другого „заданнаго" сочиненія?..—когда къ Бѣлинскому отсылаетъ за тѣмъ же иногда и самъ преподаватель?.. Какъ уже замѣчено нами отчасти и выше,—какъ-то странно было бы не остановиться въ проектируемой гимназической „программѣ" по русской литературѣ на писателѣ, который уже давно и болѣе, чѣмъ какой другой, фактически извѣстенъ ученикамъ... Рѣшительно не можемъ согласиться и съ этими, рекомендуемыми г. *Сиповскимъ*, какими-то частичными вырѣзками изъ того или другого критика (стр. 45 — 46); да и можетъ ли это хоть сколько-нибудь быть осуществлено практически?...

Не можемъ не подчеркнуть и этихъ, выражаемыхъ въ „запискѣ" г. *Сиповскаго*, мнѣній касательно современнаго состоянія научной разработки новѣйшей русской литературы, которое попутно распространяется имъ чуть не на всю область „исторіи" нашей литературы. „Почти всѣ педагогическія конференціи—читаемъ въ „запискѣ" г. *Сиповскаго*—высказываютъ пожеланія, чтобы въ новой „программѣ" министерство устранило *эпизодическое* знакомство съ отдѣльными произведеніями и ввело бы *историческое изученіе русской литературы*. Это пожеланіе основано на *недоразумѣніи*: исторіи новѣйшей русской литературы *нѣтъ совершенно* (?),—наша наука кончается Пушкинымъ и Гоголемъ. Что послѣ нихъ, то не изучено, не выяснено, то еще не въ рукахъ ученыхъ (?), а критиковъ-публицистовъ (?) и до сихъ поръ не вызвало ни одного ученаго изслѣдованія (?!.), которое бы давало какіе-нибудь общепринятые и общеобязательные выводы (?..)... Произведенія этой литературы не оцѣнены еще научной критикой... Пока новѣйшая русская литература еще не сдѣлалась предметомъ

научнымъ, — *всѣ мнѣнія о ней одинаково справедливы* (?), во всякомъ случаѣ, *неоспоримы*, такъ какъ коренятся *на личныхъ убѣжденіяхъ* (?)“... (Стр. 46, 48—49). И далѣе, относительно уже всей „исторіи русской литературы“, и древней и новой: „Мое личное мнѣніе—*исторія литературы*, какъ наука, можетъ имѣть мѣсто только въ университетѣ. Только тамъ можетъ быть серьезно поставленъ вопросъ о развитіи литературныхъ видовъ, о взаимодѣйствіи культуры и литературы, о чуждыхъ вліяніяхъ. Если на *исторію поэзіи* (?) смотрѣть, какъ на исторію развитія ея видовъ, то, ради непрорываемости этого развитія, придется въ звенья этой цѣпи вплетать произведенія, малозначительныя сами по себѣ (?). Чтобы, напримѣръ, показать у насъ исторію развитія ложноклассической драмы (зарожденіе, расцвѣтъ и вырожденіе), надо взять эту драму *цѣликомъ* (?),—тогда мы получимъ исторію псевдоклассической драмы. Пока такой постановки вопроса нѣтъ даже въ университетахъ,—и тамъ нѣтъ еще научнаго преподаванія исторіи (?), и тамъ еще есть только эпизодическое знакомство (?) съ произведеніями Сумарокова, Княжнина, Озерова. Вотъ почему, если *въ университетахъ исторія литературы русской еще дѣло будущаго* (?), то говорить о такомъ курсѣ въ средней школѣ есть или самообманъ, или *печальное заблужденіе* (!). Итакъ, *исторія русской литературы не можетъ имѣть мѣсто въ средней школѣ*... Изученіе русской словесности, на мой взглядъ, должно остаться по-прежнему *эпизодическимъ*, но въ это изученіе необходимо внести *широкое историческое освѣщеніе*“... (стр. 47). И т. д. Не можемъ не выразить самаго крайняго удивленія по поводу столь радикальныхъ отрицаній уважаемаго изслѣдователя, [которому и самому въ области этой „исторіи“ принадлежитъ рядъ прекрасныхъ изслѣдованій],—и, разумѣется, не станемъ входить здѣсь ни въ какую полемику по столь „широко поставленнымъ“ и столь принципіальнымъ вопросамъ. Разумѣется, всяческія знанія человѣческія ограниченны; но что же изъ этого слѣдуетъ?.. И зачѣмъ, для чего все это попало въ „записку“ къ гимназической программѣ?.. Что касается „историческаго освѣщенія“, которое рекомендуется здѣсь авторомъ „записки“,—то мы ужъ совсѣмъ не знаемъ, въ чемъ, именно, должно состоять такое „историческое освѣщеніе“, и какое собственно „освѣщеніе“ должны получить и получать „великіе писатели земли русской“—„при сопоставленіи ихъ съ идеалами древней Руси, съ аскетическимъ міросозерцаніемъ ея, съ образами святыхъ изъ русскихъ и переводныхъ житій“... (стр. 45). И насколько такое „исто-

рическое" освѣщеніе будетъ для этихъ писателей *вѣрно*,—и зачѣмъ все это нужно?..

Мы соглашаемся съ справедливостью замѣчаній, высказываемыхъ въ „запискѣ" г. *Синовскаго* касательно значительной трудности сложности проектируемаго преподаванія нашей новѣйшей литературы въ гимназіяхъ [стр. 49—50; впрочемъ, не думаемъ, чтобы эти трудности были столь велики, что для преподавателя новѣйшей литературы и „самый окладъ жалованья долженъ быть, по крайней мѣрѣ, *удвоенъ*, согласно съ окладомъ его товарищей", какъ полагаетъ г. Синовскій],—но никакъ не можемъ согласиться, что „единственный выходъ изъ этихъ трудностей заключается въ *методѣ преподаванія* новѣйшей литературы" (стр. 50). Напротивъ, намъ кажется, „единственнымъ выходомъ" изъ затрудненій—именно и можетъ быть та широта, полная серьезность, научность общей постановки преподаванія, какія, какъ мы видѣли, рекомендуются, напримѣръ, С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — а равно (но это уже само самой разумѣется) хорошее знаніе самимъ преподавателемъ того, что онъ взялся преподавать, основательное знакомство его самого съ этой новѣйшей литературой, и прямое, честное отношеніе преподавателя и къ ученикамъ и къ своимъ собственнымъ словамъ. Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали бы, чтобы когда-либо, при какихъ-либо „затрудненіяхъ", преподавателю нужно было „вывертываться" на глазахъ своихъ учениковъ (стр. 50)... Преподаваніе, какъ вездѣ, и здѣсь должно быть только вполнѣ серьезнымъ и научнымъ—и всѣ отмѣчаемыя въ „запискѣ" случайности и „затрудненія" сами собой отпадутъ, потеряютъ столь острый свой характеръ. Преподаватель всегда и прямо долженъ говорить лишь то, что онъ самъ хорошо знаетъ, въ чемъ самъ убѣжденъ,—или прямо, открыто сознаться въ своемъ незнаніи. Мы поэтому не совсѣмъ понимаемъ такія обстоятельства, гдѣ ученики стали бы доказывать учителю, что „все, кажущееся ему бѣлымъ, есть черное" (стр. 50)... Цѣль всякаго „преподаванія" и заключается въ томъ, чтобы все, что кажется учителю „чернымъ"—и ученикамъ казалось „чернымъ", и, наоборотъ. Другими словами, всякое преподаваніе возможно лишь подъ условіемъ, если *преподаватель вообще выше своихъ учениковъ*, выше и своими непосредственными знаніями преподаваемаго и своимъ общимъ умственнымъ развитіемъ. Заявленія преподавателю со стороны учениковъ какихъ-либо мнѣній, и „зрѣлыхъ" и „незрѣлыхъ", разумѣется, всегда возможны, даже желательны; но само собой также разумѣется, что хо-

рошему, знающему свое дѣло, преподавателю таковыя заявленія, даже самыя „зрѣлыя", ничуть не страшны,—они поведутъ лишь къ лучшему, болѣе всестороннему и глубокому разъясненію предмета! Въ этомъ отношеніи вполнѣ понятно заявленіе самого г. *Синовскаго* о его личной преподавательской дѣятельности: „я всего больше боялся *молчанія въ классѣ*" (стр. 50)... Разъ преподаватель хорошо знаетъ свой предметъ,—вопросы о „бѣломъ" и „черномъ" устранятся путемъ прямыхъ, фактическихъ разъясненій, и всякіе „острые вопросы" (стр. 51) будутъ получать, такъ сказать, „на мѣстѣ" свое разрѣшеніе. Само собой устранятся и эти „непріятныя столкновенія убѣжденій", вообще всякіе „споры въ классѣ", „рознь между каѳедрой и скамьей" (стр. 49). Серьезному преподавателю не страшенъ никакой „бойкій говорунъ въ классѣ",—если только его объясненія вообще не вызываютъ „иронической усмѣшки или протеста". А этого никогда не будетъ, если эти объясненія серьезны и научны... Само собой разумѣется, и всякіе „острые вопросы" *должны имѣть для себя границу*,— и не потому, что такіе вопросы могли бы быть *опасны* достоинству преподавателя или самому предмету, а просто, выразимся такъ, по хозяйственнымъ, экономическимъ соображеніямъ: въ школѣ вообще надо *дорожить временемъ*,—оно всегда должно употребляться экономно и расчетливо, не тратиться на разсужденія, прямо не относящіяся къ дѣлу...

Но вообще, повторяемъ, не можемъ не признать, что проектируемый для нашей средней школы курсъ новѣйшей русской литературы далеко не всегда найдетъ для себя вполнѣ подготовленныхъ къ нему преподавателей, и дѣло это вообще далеко не легкое. Сразу поставить его въ нашихъ теперешнихъ гимназіяхъ съ достаточной и необходимой широтой врядъ ли возможно. Преподаватель безусловно долженъ быть самъ хорошо къ дѣлу подготовленъ—или совсѣмъ за него не браться... Намъ думается, вопросъ о постановкѣ этого предмета, его бо́льшей или меньшей широтѣ, въ значительной долѣ долженъ быть предоставленъ на первыхъ порахъ вѣдѣнію самихъ педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній,—личному, такъ сказать, усмотрѣнію самихъ преподавателей русскаго языка и литературы, ихъ собственному внутреннему сознанію личной къ нему подготовленности.

Еще одно замѣчаніе. Въ „запискѣ" г. *Синовскаго*, между прочимъ, читаемъ: „Наши ученики не пріучены въ достаточной степени къ *чтенію медленному, вдумчивому*, съ карандашомъ въ рукахъ, когда

мысль читающаго цѣпляется (?) иногда за одно, повидимому, незначительное слово автора, за намекъ на мимолетное сравненіе (?)... На основаніи личнаго опыта, говоритъ г. *Сиповскій*, я знаю, какъ трудно (!!) въ старшихъ классахъ пріучить къ такому чтенію" (стр. 48)... Съ этими стремленіями къ столь „вдумчивому" чтенію, съ ихъ необходимостью и полезностью, мы никакъ не можемъ согласиться. Неужели въ самомъ дѣлѣ, читая Тургенева, Толстого, Достоевскаго,—такъ-таки и нужно читающему непремѣнно „цѣпляться" за каждое „повидимому, незначительное" слово, за каждый „намекъ на мимолетное сравненіе"?.. И можно ли, при такихъ „цѣпляньяхъ" за каждое слово, увлечься читаемымъ произведеніемъ? Можетъ ли оно захватить читающаго всего, цѣликомъ?... Между тѣмъ, врядъ ли можно не желать, чтобы великія произведенія родной литературы производили на своихъ юныхъ читателей именно такое, захватывающее, впечатлѣніе. Да и могутъ ли они даже не производить его, именно на этихъ юныхъ читателей?... Но въ такомъ случаѣ читающіе совсѣмъ будутъ забывать и о „карандашѣ" и о томъ, что имъ предписывается „цѣпляться"! Но *нужно ли* и даже *возможно ли* такое чтеніе?... Не будетъ ли такое чтеніе смахивать на ту, еще столь недавнюю методу преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ латинскихъ и греческихъ классиковъ,—когда „читали" не автора, не самое произведеніе, а именно на каждой строчкѣ „цѣплялись" за „ut съ сослагательнымъ"? и вообще читаемому автору, произведенію, предпочитали *грамматику*?.. Чѣмъ выше поэтическое произведеніе, тѣмъ неотразимѣе, сильнѣе его непосредственное впечатлѣніе на читающаго—*во всемъ цѣломъ этого произведенія*, выводимыхъ имъ образовъ, живыхъ типовъ,—и именно этой силой непосредственнаго впечатлѣнія на читателя прежде всего и оцѣнивается художественное достоинство произведенія, высота общаго его литературнаго значенія... Будетъ ли мѣсто здѣсь „карандашу" и „цѣпляньямъ",—да еще со стороны юныхъ читателей?... А главное: вообще нужно ли давать имъ въ руки этотъ „карандашъ"?... Читаемое произведеніе именно и должно овладѣвать своимъ читателемъ, дѣйствовать на него своимъ общимъ художественнымъ содержаніемъ, поднимать на высоту тѣхъ великихъ мыслей и чувствъ, какими оно проникнуто. Какъ справедливо и давно замѣчено,—въ читаемомъ произведеніи „насъ интересуетъ изображаемая тамъ жизнь и отношеніе къ ней поэта, а не *техника сочиненія*". Весь смыслъ, все могущество поэзіи въ томъ и состоитъ, что она *увлекаетъ* насъ, что мы (даже взрослые читатели,—не говоримъ о

юныхъ читателяхъ!) *безсознательно поддаемся ея обаянію*,—и только много позже этого перваго впечатлѣнія можемъ отнестись къ прочитанному произведенію *критически*. Не говоримъ о томъ, что въ чтеніи мы часто ищемъ и „отзвука, выраженія того, что́ въ данную минуту живетъ въ нашей душѣ"—и послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе въ отношеніи къ читателямъ юнымъ, молодымъ. Гдѣ же тутъ „цѣпляться" за каждое слово, отчеркивать карандашомъ каждый „намекъ"?... Всѣ эти совѣты разсматриваемой „записки" напомнили намъ разсужденія одной довольно старой нѣмецкой книжки *Эккардта* (она была переведена у насъ: „Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. *Людвига Эккардта*. С.-Пб., 1875). Здѣсь, между прочимъ, даются такія наставленія молодымъ читателямъ: „Прежде всего, прочитайте все произведеніе по возможности за одинъ разъ, совѣтуетъ *Эккардтъ*,—для того, чтобы при второмъ, болѣе внимательномъ чтеніи васъ не безпокоило любопытство узнать развязку. Тогда (при второмъ чтеніи) будетъ возможность, безмолвно сочувствуя поэту, радоваться, *видя, какъ прекрасно онъ подготовляетъ все послѣдующее* (!)... Короче (продолжаетъ *Эккардтъ*),—вы будете въ силахъ оцѣнить достоинство поэта въ художественномъ *сочетаніи, сплетеніи и развитіи нитей*" (!!)... Прочитывайте уже и въ первый разъ не все бѣгло (учитъ Эккардтъ),—но *слегка отмѣчайте карандашомъ* тѣ мѣста, которыя неясно понимаете. При вторичномъ чтеніи, вамъ будетъ пріятно *вытирать эти значки* (!),— когда трудомъ пріобрѣтете пониманіе всего цѣлаго"... Главной цѣлью при чтеніи нѣмецкій авторъ ставитъ выясненіе „*то ли впечатлѣніе* мы должны бы были вынести изъ чтенія"?.. Читать безъ критическаго отношенія къ читаемому, значитъ, по его мнѣнію, —позволить поэту „подкупить себя", что́, по мнѣнію *Эккардта*, „ведетъ къ тому (?...), что *и въ жизни* (!!...) такой читатель, не имѣя внутренняго основанія, будетъ поддаваться каждому внѣшнему впечатлѣнію" (!!)... Какъ справедливо было замѣчено въ свое время въ нашей педагогической литературѣ компетентнымъ критикомъ,— „читать такъ, какъ учитъ Эккардтъ, трудъ тяжелый и безплодный, трудъ праздный и потому мучительный"... Послѣднее, очевидно, сознаетъ отчасти и самъ Эккардтъ,—совѣтуя „*умѣренно наслаждаться* поэтическими произведеніями" (!!...), и допуская возможность „оторваться отъ чтенія поэтическаго творенія, для того, *чтобы весело* (!!...) взяться *за чулокъ* или итти *въ закоптѣлую кухню* (!!...)"... Дѣйствительно при такомъ чтеніи—прочесть небольшую повѣсть Пушкина или

Гоголя трудъ уже немалый!.. Какъ справедливо замѣчалъ проф. *Незеленовъ*, подобные пріемы чтенія обращаютъ чтеніе *въ работу*, и очень тяжелую работу; о какомъ-либо наслажденіи художественнымъ произведеніемъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Вся прелесть поэтическаго созданія исчезаетъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и охота къ чтенію"... (*Незеленовъ*, О преподаваніи русской литературы, стр. 24, 28—29).

XII.

Переходимъ къ программѣ по *теоріи словесности*.

Относительно постановки въ гимназіи курса словесности въ „Объяснительной запискѣ" замѣчается: „По самому существу своему, оно распадается на двѣ части: 1) вступительную, въ которой излагается собственно *теорія сочиненія*, механизмъ поэтическаго творчества, и 2) характеристику литературныхъ *жанровъ*, производимую на разборѣ образцовъ... Чтобы раціональнѣе и плодотворнѣе поставить преподаваніе теоріи словесности, необходимо раздѣлить этотъ курсъ: первую часть, такъ сказать, пропедевтическую (теорію сочиненія) отнести на IV классъ, гдѣ она будетъ совершенно у мѣста..., а вторую часть (характеристику жанровъ) 1) пополнить исключительно изученіемъ *главнѣйшихъ явленій всемірной литературы*. Исключеніе изъ этого курса произведеній русской литературы дастъ возможность ввести сюда въ достаточномъ количествѣ произведенія міровыхъ геніевъ,— 2) сдѣлать изъ этого курса, дѣйствительно, нѣчто такое, что представляло бы собою завершеніе всего курса словесности. Для этого надо создать курсъ, такъ сказать, *философіи исторіи и теоріи литературы*. Сюда вошли бы, напримѣръ, изученіе *вопросовъ психологіи творчества, законовъ развитія литературы*, научное изученіе *особенностей и исторіи поэтическаго стиля*, характеристика *литературныхъ направленій*, взаимодѣйствіе *личности писателя и общества*, и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, которые даже не затрагиваются въ теперешнихъ учебникахъ теоріи, повторяющихъ старые схоластическіе взгляды XVII столѣтія. Для такого *философскаго курса* теоріи словесности матеріала найдется немало: онъ будетъ опираться на *курсъ философской пропедевтики*, на трехлѣтній курсъ исторіи русской словесности, на знакомство учениковъ съ величайшими произведеніями всемірной литературы. Этотъ курсъ, дѣйствительно, будетъ завершеніемъ всему восьмилѣтнему изученію русскаго языка и сло-

весности"... (стр. 33—34). Далѣе, въ самой „программѣ", „теорія поэзіи" распредѣляется на четыре отдѣла:

1) *Поэзія, какъ искусство*;

2) *Поэзія, какъ творчество;*

3) *Поэзія, какъ предметъ изученія*, и

4) *Поэзія съ точки зрѣнія ея историко-генетическаго развитія*. *Въ первомъ* читаемъ, между прочимъ, такіе вопросы: „Свойства поэтическаго творенія, опредѣляемыя его матеріаломъ—словомъ: его символичность, типичность, интеллектуальность. Эмоціональный и дидактическій элементъ поэзіи. Основныя эстетическія понятія въ ихъ отношеніяхъ къ поэзіи: а) понятіе о прекрасномъ въ его объективномъ и субъективномъ моментѣ"... *Во второмъ*: „Психологическіе, расовые, природно-бытовые и соціальные факторы поэтическаго творчества... Механизмъ творчества... Критика и новизна; литературный вкусъ"... *Въ третьемъ*: „Философское трактованіе и научное изслѣдованіе поэзіи"... *Въ четвертомъ*: „Общее понятіе о поэтическихъ жанрахъ: ихъ первичная смѣшанность, выдѣленіе, развитіе, объединеніе, замираніе и возрожденіе... Генезисъ поэтическихъ явленій. Первая стадія: Гимны *Ведъ*... Главныя черты эпическаго міросозерцанія и стиля у индусовъ, грековъ, германцевъ, славянъ и финновъ. Эпическіе пѣвцы и діаскевасты". Въ „третьей стадіи", между прочимъ, приняты такія дѣленія: „а) Эпическая поэзія... б) Личная лирика [между прочимъ: „Стихотворенія въ прозѣ. Лирика, какъ элементъ сложныхъ литературныхъ произведеній"]... в) Поэмы Байрона, какъ особая литературная форма... г) Драматическая поэзія [здѣсь, въ ряду всевозможныхъ „драмъ" отмѣчается „современная драма характеровъ, историческая и бытовая" — примѣры: *Царь Өедоръ Іоанновичъ, Гроза...*); „драма настроеній"—пьесы *Меттерлинка и Чехова*]"... (стр. 66—69) И т. д. и т. д.

Передъ нами какой-то подавляющій наборъ вопросовъ изъ эстетики, психологіи, исторіи всемірной литературы,—необозримый рядъ именъ поэтовъ и писателей всѣхъ странъ и народовъ, и все это свалено въ такую кучу, или, вѣрнѣе въ цѣлыя четыре кучи, что разобраться среди всего этого подавляюще-огромнаго и разнохарактернаго матеріала, найти въ распредѣленіи этого матеріала какую-нибудь ясную, опредѣленную нить, общую связующую мысль—нѣтъ никакой возможности!.. По крайней мѣрѣ, мы отказались бы ее указать. Первые два отдѣла (*Поэзія, какъ искусство*, и *Поэзія, какъ творчество*)—какая-то чуть не сплошная „схоластика"!.. Эти, напримѣръ, вопросы:

„Понятіе о прекрасномъ въ его объективномъ и субъективномъ моментѣ“ (!) или: „Механизмъ творчества“ (!?.). Третій и четвертый отдѣлы представляютъ собой собственно обширные отрывки изъ исторіи всемірной литературы,—хотя „схоластики“ немало и здѣсь: эти, наприм., „лирическія формы, существующія и въ современной поэзіи“: „Lied (?), сонетъ и лирическій монологъ (?)... Стихотворенія въ прозѣ (?). Лирика, какъ элементъ сложныхъ литературныхъ произведеній“?... (стр. 68). Съ другой стороны,—подробность нерѣдко необычайная! Передъ нами необозримый рядъ именъ и литературныхъ памятниковъ, всѣ страны и народы, древніе, новые, европейскіе и азіатскіе,—такіе вопросы, передъ которыми станутъ втупикъ, пожалуй, и не гимназисты VIII класса... Извольте-ка, напримѣръ, указать эти „*главныя черты эпическаго міросозерцанія и стиля* (!..) *у индусовъ* (?!!), *германцевъ*, (!) *славянъ* (?!) *и финновъ* (!!.)“,—или этихъ „*эпическихъ діаскевастовъ* (?..)“... Или, напримѣръ, указать взаимныя отношенія и вообще какую-нибудь связь — между *Словомъ о Полку Игоревѣ* и *Энеидой*, *Пѣснью о Роландѣ* и *Божественной Комедіей*!... Внесенные въ „теорію словесности“ огромные отдѣлы изъ области иностранныхъ литературъ, восточныхъ и западно-европейскихъ, древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, — сами по себѣ, конечно, очень цѣнны, знакомство со всѣми этими памятниками (хотя ужъ не до такихъ подробностей, чтобы поднимать вопросы о „главныхъ чертахъ стиля“ у индусовъ!..) весьма желательно для оканчивающаго курсъ въ нашей средней школѣ; но всѣ эти перечисляемые здѣсь писатели и памятники совершенно не держатся на тѣхъ тоненькихъ подвѣскахъ, на которыхъ они развѣшены въ этой „программѣ“ *теоріи* словесности... Я совершенно отказываюсь понять ту внутреннюю связь, которая яко бы связываетъ собой эти длинные ряды писателей и памятниковъ,—не вижу „ясной идеи“ (ср. стр. 33), въ жертву которой нужно бы такъ безжалостно искромсать иностранную литературу, лишить ее всякой внутренней послѣдовательности, всякой исторической почвы. Въ разсматриваемой „программѣ“ какъ бы все сдѣлано,—чтобы самыя простыя вещи затемнить и изъ всего сдѣлать что-то необычайное... Четвертый отдѣлъ „теоріи поэзіи“—въ сущности, довольно обширный очеркъ исторіи всемірной литературы: восточной, древне-классической, средневѣковой и новѣйшей, по главнѣйшимъ литературнымъ формамъ: эпосъ, лирика, драма, романъ. Передъ нами цѣлый рядъ важнѣйшихъ памятниковъ всѣхъ странъ и народовъ: „*Веды... Энеида*,

Пѣснь о Роландѣ, Божественная Комедія, Потерянный Рай, Германъ и Доротея, Рейнеке-Лисъ..... Трагедіи *Эсхила, Софокла, Еврипида,* комедіи *Аристофана... Менандръ...* Трагедіи Сенеки, комедіи Теренція, Плавта, — средневѣковая сцена... Трагедіи Корнеля, Расина, Вольтера, комедіи Мольера, — драмы Шекспира, — Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Викторъ Гюго"... Въ области новеллы и романа: „Романъ византійскій", — „главнѣйшія стадіи развитія западно-европейскаго романа,—новеллы и романы Боккачіо, Рабле, Сервантеса, Дефоэ, Ричардсона, Фильдинга,—*Эмиль* Руссо, *Вертеръ* Гёте,—Вальтеръ Скотъ, Диккенсъ, Теккерей, Бальзакъ, Флоберъ"... Почти вся всемірная литература!—дай Богъ и студенту университета хорошо быть знакомымъ со всѣми этими памятниками и писателями! Еще лучше, разумѣется, если въ такихъ обширныхъ рамкахъ иностранная литература будетъ извѣстна и ученикамъ средней школы! Къ этому можно лишь присоединиться... Но при чемъ тутъ „теорія поэзіи"? Неужели весь этотъ длинный рядъ писателей и поэтическихъ произведеній важны не сами по себѣ,—а лишь для того, чтобы иллюстрировать собою тѣ или другіе литературные „жанры"?.., Да и по существу дѣла, — возможно ли на характеристикѣ всѣхъ этихъ поэтовъ и писателей, всѣхъ этихъ занесенныхъ сюда произведеній создать тотъ „*курсъ философіи исторіи и теоріи литературы, философскій курсъ теоріи словесности*", каковою цѣлью задается „программа"?... „Сюда вошли бы, напримѣръ, — мечтаютъ составители „программы" — изученіе вопросовъ психологіи творчества, законовъ развитія литературы, научное изученіе особенностей и исторіи поэтическаго стиля, характеристика литературныхъ направленій, взаимодѣйствіе личности писателя и общества и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, которые даже не затрагиваются въ теперешнихъ учебникахъ теоріи"... Все это, конечно, было бы очень хорошо. Но имѣютъ ли за собой всѣ эти мечтанія какую-либо научную серьезность *въ программѣ гимназическаго курса*?..— сейчасъ, при теперешней научной разработкѣ перечисленныхъ „подобныхъ" вопросовъ?.. Получили ли въ современной наукѣ твердую постановку или хоть сколько-нибудь ясное, опредѣленное освѣщеніе—эти „вопросы психологическаго творчества", „законы развитія литературы", „исторія поэтическаго стиля" и т. п.?.. Всѣ эти, набросанные столь щедро „программой", вопросы лишь только поднимаются въ наукѣ, передъ нами лишь очень немного цѣнныхъ въ этомъ отношеніи научныхъ трудовъ, и притомъ большей частью только попытокъ,—возможно ли научно уже сейчасъ воздви-

гать этотъ „курсъ философіи исторіи и теоріи словесности"? И еще болѣе—возможно ли этотъ „курсъ" дѣлать уже теперь предметомъ гимназическаго преподаванія?.. А затѣмъ, далѣе: и здѣсь, въ этой „философіи исторіи и теоріи литературы"—можетъ ли быть хоть на минуту оставлена *почва историческая*?.. Именно на историческую почву и становится въ этой только-что возникающей научной области одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ здѣсь изслѣдователей, акад. *А. Н. Веселовскій*,—который „теорію поэзіи" какъ бы сливаетъ съ ея „исторіей", почему своимъ экскурсамъ этимъ и далъ терминъ: „Историческая поэтика"... Но вообще, по нашему мнѣнію,—эта „философія исторіи и теоріи литературы" для гимназическаго курса должна быть совсѣмъ оставлена! Если здѣсь и могутъ быть теперь, при современной, еще крайне недостаточной, научной разработкѣ относящихся сюда вопросовъ, какіе-либо „курсы",—имъ мѣсто только въ университетѣ. Изъ гимназическаго преподаванія первые два отдѣла разсматриваемой программы („Поэзія какъ искусство" и „Поэзія, какъ творчество", стр. 66—67) должны быть, по нашему мнѣнію, совершенно и безслѣдно исключены.

Что касается ближайшаго, фактическаго вопроса о желательной постановкѣ въ нашихъ гимназіяхъ курса „теоріи словесности" — намъ кажется, эта „теорія словесности" должна всецѣло ограничиться лишь тою *первой частью* („теоріей сочиненія"), которая выдѣляется изъ всея и самой разсматриваемой „программой", съ отнесеніемъ къ IV классу гимназическаго курса (см. стр. 33), — должна ограничиться свѣдѣніями, которыя ближайшимъ образомъ относятся къ „теоріи сочиненія", болѣе или менѣе элементарными свѣдѣніями о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній, важнѣйшихъ видахъ поэзіи и прозы и т. п., приблизительно въ томъ объемѣ, какъ это намѣчено самой разсматриваемой „программой" для курса IV класса (см. стр. 53—54), съ нѣкоторыми развѣ дальнѣйшими попутными дополненіями, при прохожденіи исторіи литературы (напримѣръ, при прохожденіи памятниковъ нашей ложноклассической литературы XVIII вѣка). Самостоятельное прохожденіе курса „теоріи словесности" въ VIII-мъ классѣ должно быть совершенно отмѣнено. Какъ совершенно справедливо замѣчается въ приводимомъ мнѣніи С.-Петербургскаго учебнаго округа,—самостоятельный курсъ теоріи словесности (въ VIII кл.) долженъ быть отмѣненъ „не только въ виду необходимости выиграть время для изученія произведеній новѣйшей литературы, но въ виду *теоретической и практической несостоя-*

тельности этого курса. Съ одной стороны, вся европейская литература уже со временъ романтизма выросла изъ формъ теоріи: нѣтъ теперь ни одъ, ни поэмъ, ни трагедій... Съ другой стороны,—въ практическомъ отношеніи курсъ теоріи словесности важенъ главнымъ образомъ какъ „теорія сочиненія", которая естественно имѣетъ значеніе передъ выполненіемъ ея на практикѣ, а не наоборотъ".... (стр. 23). Нельзя не повторить здѣсь и словъ проф. *Истрина*, приводимыхъ на стр. 24 напечатанныхъ матеріаловъ: „Такъ какъ преподаваніе литературы должно и можетъ быть только *историческимъ*, то „теорія словесности", на которую отводится въ настоящее время VIII-й классъ, падаетъ сама собой. *Теоріи литературы нѣтъ вообще*, а есть только ея *исторія. Теоріи словесности нельзя построить ни на одной литературѣ*,—тѣмъ менѣе ее можно строить на литературѣ русской. Никто теперь не пишетъ ни мадригаловъ, ни сонетовъ, ни балладъ, а если когда и писали баллады, то они для нѣмца имѣли совершенно не то значеніе, что для русскаго автора. Какъ же можно говорить о „теоріи" литературы? Какъ новый предметъ, *она должна быть совершенно исключена*, а большинство свѣдѣній, включенныхъ теперь въ курсъ „теоріи", сообщится ученикамъ при прохожденіи исторіи, такъ какъ во время подражательнаго періода русской литературы всѣ формы ея, возникшія исторически (а не теоретически), существовали и у насъ"...

Съ вопросомъ о постановкѣ въ гимназическомъ курсѣ „теоріи словесности" въ разсматриваемой „программѣ" тѣсно связывается вопросъ о постановкѣ въ нашихъ гимназіяхъ преподаванія *западно-европейской литературы*. Относительно гимназической постановки этого предмета не можемъ не присоединиться всецѣло къ мнѣнію Кіевскаго учебнаго округа,—который желалъ бы выдѣлить иностранную литературу въ качествѣ *отдѣльнаго предмета* преподаванія въ VII—VIII классахъ, при двухнедѣльныхъ урокахъ,—а равно къ „выраженному, по указанію „записки", *настойчивому желанію* многихъ лицъ и коллегій, дававшихъ отзывы" „видѣть учениковъ, кончающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія, ознакомленными съ главнѣйшими произведеніями европейской литературы".... (стр. 30). Нельзя, казалось бы намъ, не согласиться со всей раціональностью этихъ „настойчивыхъ желаній". Тѣмъ не менѣе составители разсматриваемой „программы" не согласились съ этимъ. Комиссія полагаетъ, что „на иностранныхъ художественныхъ произведеніяхъ слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе учащихся главнымъ образомъ въ заключительномъ

курсѣ *теоріи поэзіи*"... Комиссія пришла къ такому выводу въ виду слѣдующихъ „соображеній":

1) „*Нельзя ставить* вопросы о произведеніяхъ иностранной литературы въ средней школѣ *исключительно въ связь съ тѣмъ вліяніемъ*, которое они имѣли на русскую литературу"...

2) „Нельзя *ставить рядомъ* по учебно-воспитательному значенію для русской школы художественныя произведенія, написанныя на русскомъ языкѣ, съ переводными, какъ бы ни казались хороши для даннаго времени переводы. Переводъ художественнаго произведенія неизбѣжно привноситъ элементъ чуждый переводимому автору, и притомъ чужое произведеніе въ переводѣ не дастъ ученику любви къ родному слову, къ родной землѣ и къ родному пейзажу,—между тѣмъ какъ нѣтъ истинно-художественнаго произведенія русскаго, въ которомъ такъ или иначе не проявлялась бы если не любовь поэта къ родинѣ, то хотя сознаніе силы и обаятельности родного слова; въ этомъ отношеніи очень характерно отношеніе западника Тургенева къ русскому языку и языку творчества"...

3) „Слѣдуетъ принять во вниманіе, что отнынѣ новые языки становятся въ нашей средней школѣ нормальными предметами курса, и поэтому нѣкоторыя изъ произведеній Расина, Мольера, Шиллера и Гёте будутъ прочитываться и объясняться въ классахъ преподавателями новыхъ языковъ... Преподаватель русской словесности может пользоваться этимъ для иллюстраціи положеній своего курса"...

4) „Вводить чтеніе и разборъ иностранныхъ произведеній въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ и числѣ служило бы къ несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова, въ виду необходимости удѣлять много времени на работу надъ произведеніями въ переводѣ, лишь на половину художественными"...

5) „Вопросъ о созданіи новаго средне-учебнаго предмета—„иностранной литературы"—является *несвоевременнымъ*, въ виду того, что *таблица уроковъ* въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже выработана. *Потому* комиссія не сочла нужнымъ разсматривать мнѣніе Кіевскаго округа *по существу*"... (стр. 30—31).

Мы не могли не выписать этихъ „соображеній" комиссіи,—они вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ и совершенно обратныхъ вопросовъ... Да *зачѣмъ* же и „ставить вопросы о произведеніяхъ иностранной литературы въ средней школѣ *исключительно въ связь* съ тѣмъ вліяніемъ, которое они имѣли на русскую литературу"?.. И кто настаиваетъ на такой постановкѣ дѣла? Вопросъ идетъ о томъ,

нужно ли перечисляемыхъ въ „программѣ“ писателей иностранной литературы непремѣнно „ставить въ связь“ съ „теоріей поэзіи“, съ этой призрачной „философіей исторіи и теоріи литературы“, съ какимъ-то „философскимъ курсомъ теоріи словесности“, съ этими не открытыми еще пока „законами развитія литературы“,—или, не гоняясь за подобными фантазіями, познакомить учениковъ съ выдающимися писателями и памятниками всемірной литературы на чисто *исторической* почвѣ, въ обычной *исторической послѣдовательности?*.. Далѣе, по второму пункту „соображеній“ кто же „ставитъ рядомъ“? Разумѣется, художественныя произведенія родной литературы совсѣмъ не то, что „иностранныя“, „переводныя“; но вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, что съ этими „переводными“ произведеніями и *не надо* быть знакомымъ?.. Нельзя всѣ иностранныя произведенія читать *въ подлинникахъ*, а имѣть нѣкоторыя понятія о нихъ для всякаго образованнаго человѣка желательно... Впрочемъ, и по существу,—этотъ пунктъ „соображеній“ опровергается отчасти далѣе слѣдуемымъ пунктомъ 3-мъ, въ коемъ сами составители „программы“ заявляютъ, что въ виду предстоящей лучшей постановки преподаванія въ нашей средней школѣ новыхъ языковъ,—„нѣкоторыя изъ произведеній Расина, Мольера, Шиллера, Гёте будутъ прочитываться и объясняться *въ классѣ*“, то-есть, слѣдовательно, будутъ доступны ученикамъ *и въ подлинникахъ*... Дальнѣйшія „соображенія“ второго пункта касательно, напримѣръ, того, что „чужое произведеніе въ переводѣ не дастъ ученику любви къ родному слову (?..), къ родной землѣ (?!.) и къ родному пейзажу (??.), между тѣмъ“ и т. д.—мы прямо не понимаемъ! Знакомясь съ Мольеромъ, Шиллеромъ, Данте, Шекспиромъ, пріобрѣтая отъ учителя и изъ учебника хоть самыя общія понятія и свѣдѣнія о всѣхъ этихъ, по выраженію самихъ составителей „программы“, „перлахъ западно-европейской поэзіи“, испытывая даже по переводамъ на себѣ ихъ художественное вліяніе, „впитывая въ себя (какъ прекрасно выразился г. *Пактовскій*,—см. въ „программѣ“, стр. 16) великія мысли родныхъ и чужихъ по происхожденію писателей“,—при чемъ тутъ „родное слово“, „родная земля“, „родной пейзажъ“?!.. А равно—„отношеніе западника (?..) Тургенева къ русскому языку и языку творчества“?.. Совершенно не понимаемъ также,—почему „чтеніе и разборъ иностранныхъ произведеній“ должно непремѣнно служить „къ несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова“?.. [пунктъ 4-й]. Какая тутъ связь?.. Почему, хотя бы самое элементарное знакомство ученика гимназіи съ *Божественной Коме-*

діей Данта, съ драмами Шекспира, съ произведеніями Рабле, Байрона должно какимъ-то образомъ вести къ „несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова"?.. Всѣ эти „соображенія", повторяемъ, вызываютъ только недоумѣнія. Къ тому же вѣдь тѣ же самыя „соображенія" вполнѣ приложимы и въ отношеніи къ той „теоріи словесности", которая проектируется разсматриваемой „программой",—къ этой „философіи исторіи и теоріи литературы"! Послѣдняя должна имѣть дѣло *съ тѣми же* „переводными" произведеніями,—не могущими дать ученику любви къ „родному слову" и „родному пейзажу", „чтеніе и разборъ" которыхъ должны вести къ „несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова" и т. д... Что касается послѣдняго, 5-го пункта „соображеній",—онъ своей убѣдительностью превосходитъ всѣ предшествовавшіе... Неужели при рѣшеніи столь важныхъ и существенныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли молодому человѣку, оканчивающему среднюю школу образованія, быть хотя бы нѣсколько знакомымъ съ перлами западно-европейской литературы", или не слѣдуетъ, и въ какой системѣ съ ними знакомиться—должно ли это ознакомленіе представлять въ гимназическомъ курсѣ преподаванія что-либо самостоятельное или, напротивъ, быть придаткомъ къ чему-либо другому и т. д.,—неужели при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ столь важно, что „*таблица* уроковъ уже выработана"?!.. Неужели эту „таблицу" такъ трудно „выработать" еще разъ?.. Да и зачѣмъ она „выработана",—разъ не обсуждены „по существу" *всѣ* вопросы гимназическаго преподаванія?..

Подводя итогъ изложенному, — намъ казалось бы относительно *теоріи словесности* въ гимназіяхъ наиболѣе цѣлесообразнымъ:

1) Курсъ этотъ свести по возможности на *теорію сочиненія*, приблизительно въ томъ видѣ, какъ это отчасти рекомендуется и разсматриваемой „программой" (ср. стр. 33).

2) Литературные памятники и писатели, перечисляемые въ проектируемой „теоріи поэзіи" (стр. 66—69), должны получить совершенно самостоятельную постановку, создать изъ себя особый, самостоятельный предметъ гимназическаго преподаванія—*исторію западно-европейской литературы*, или *всеобщую исторію литературы* (съ особо выработанной программой).

3) Отдѣлы *первый* и *второй* представленной „теоріи поэзіи" (стр. 66—67) совершенно исключить...

А. Архангельскій.

По поводу рецензіи проф. А. С. Архангельскаго.

Профессоръ А. С. Архангельскій помѣстилъ обстоятельный разборъ выработанной въ комиссіи ученаго комитета программы по исторіи русской литературы и теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Я вполнѣ согласенъ съ нѣкоторыми замѣчаніями почтеннаго рецензента, другія кажутся мнѣ неосновательными, но пока вступать въ разсужденія не нахожу удобнымъ, и настоящая замѣтка вызвана совсѣмъ другимъ обстоятельствомъ. На стр. 96 рецензентъ говоритъ по поводу слова Даніила Заточника, исключеннаго изъ новой программы: *„повидимому другого взгляда раньше держался и проф. Шляпкинъ* и пр.“. Программа, выработанная въ ученомъ комитетѣ, представляетъ не механическую сумму мнѣній членовъ комиссіи, а результатъ работы и членовъ комиссіи, и членовъ ученаго комитета, и поэтому отдѣльныя лица не являются ея авторами. Личные мои взгляды въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно противоположны коллективному мнѣнію въ программѣ. Къ этому заявленію присоединяются и мои коллеги по комитету И. Ѳ. Анненскій и В. В. Сиповскій.

Профессоръ И. Шляпкинъ.

XIII АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ.

Россія богата памятниками древностей разнообразныхъ эпохъ и народностей, обитавшихъ въ ней, и матеріала для научныхъ изслѣдованій, для открытій въ области археологіи, можно сказать, неисчерпаемыя сокровища. Къ сожалѣнію—при общей бѣдности въ научныхъ работникахъ—ихъ мало, мало и лицъ, посвящающихъ свои силы спеціально археологіи: научные труды въ этой области появляются сравнительно рѣдко; и количество, и качество ихъ далеко не соотвѣтствуетъ той потребности въ нихъ, какая вызывается обиліемъ матеріала, множествомъ поднятыхъ, но не разрѣшенныхъ вопросовъ, множествомъ памятниковъ, остающихся совершенно не обслѣдованными, не изученными.

Большую пользу дѣлу открытія, изученія древностей Россіи, отечественной археологіи оказываютъ археологическіе всероссійскіе съѣзды, устраиваемые черезъ каждые три года на особыя средства Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Они служатъ пока единственными проводниками археологическихъ знаній и ознакомленія публики съ тѣмъ, что дѣлается въ ученомъ мірѣ для изслѣдованія родной старины, съ тѣмъ, къ чему надо стремиться для разработки русскихъ древностей и сохраненія древнихъ памятниковъ. Они—пока главный и почти единственный двигатель систематическаго изученія древностей нашей родины, особенно въ отношеніи къ тѣмъ, которыя добываются путемъ раскопокъ, открываются путемъ спеціальныхъ экскурсій.

Преслѣдуя цѣли разработки, изученія вообще всѣхъ древностей Россіи и развитія археологическихъ знаній, археологическіе съѣзды имѣютъ въ виду и спеціальныя задачи—открытіе, обслѣдованіе и раз-

работку древностей извѣстной области, района [1]). Для изученія этихъ древностей и совершаются подготовительныя разнообразныя работы: совершаются раскопки, экскурсіи, собираются для выставокъ памятники, печатаются спеціальныя изданія—труды многочисленныхъ комитетовъ, комиссій, работавшихъ для съѣзда, по отношенію ихъ задачъ къ тому району, краю, который составляетъ спеціальный предметъ изученія съѣзда.

Какъ плодотворна работа археологическихъ съѣздовъ — видно, напримѣръ, по результатамъ XII археологическаго съѣзда, бывшаго въ 1902 г. въ гор. Харьковѣ. Благодаря ему впервые была изучена въ археологическомъ отношеніи въ широкихъ размѣрахъ Харьковская губернія и нѣкоторыя сосѣднія, было произведено множество раскопокъ кургановъ, давшихъ цѣнный матеріалъ для разрѣшенія и новой постановки многихъ научныхъ археологическихъ вопросовъ, было произведено много спеціальныхъ экскурсій для изученія архивовъ, церковныхъ древностей, этнографическихъ. Результаты съѣзда — въ его „Трудахъ", вышедшихъ недавно въ трехъ томахъ со множествомъ фототипій, рисунковъ, въ трудахъ различныхъ комитетовъ, въ спеціальныхъ, пріуроченныхъ къ съѣзду изданіяхъ, и въ томъ наслѣдіи, которое онъ оставилъ Харьковскому университету въ видѣ многочисленныхъ коллекцій, главнымъ образомъ добытыхъ изъ раскопокъ кургановъ Харьковской губерніи, и затѣмъ изъ этнографическихъ коллекцій, пріобрѣтенныхъ на средства земства той же и нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній.

Не меньшую пользу принесъ и послѣдній XIII археологическій съѣздъ, состоявшійся въ гор. Екатеринославѣ съ 15-го по 22-е августа 1905 года. Для подготовки его работали девять комитетовъ: въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Симферополѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Новочеркасскѣ, Воронежѣ,—при организаторской дѣятельности Московскаго предварительнаго комитета, который отпускалъ денежныя средства для нѣкоторыхъ раскопокъ. Такъ, напримѣръ, имъ были командированы въ восточную часть Екатеринославской губ. В. А. Городцовъ, Е. П. Трифильевъ, В. А. Харламовъ; въ сѣверную по Ворсклѣ, Орели и Самарѣ — В. В. Ляскоронскій, Е. Н. Мельникъ въ Херсонскую губ.; въ Харьковской губ. велись система-

[1]) См. подробно въ нашей статьѣ „Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Къ XII археологическому съѣзду въ гор. Харьковѣ". Харьковъ, 1901.

тическія раскопки, какъ продолженіе таковыхъ же, совершавшихся къ XII археологическому съѣзду: Д. И. Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ и г. Воронцомъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, В. А. Бабенко въ Верхнемъ Салтовѣ и др.

Предметы, добытые изъ раскопокъ въ Екатеринославской губ. подъ руководствомъ В. А. Городцова, Е. П. Трифильева, Д. И. Эварницкаго и др.—почти всѣ поступили въ образованный къ съѣзду въ гор. Екатеринославѣ музей. Этотъ музей, можно сказать,—созданіе съѣзда, такъ какъ онъ устроенъ въ виду именно его въ какихъ-нибудь два года. Созданіе его составляетъ честь и славу Екатеринославскаго губернскаго земства, которое въ сознаніи пользы, которую можетъ принести и, несомнѣнно, принесетъ музей всему краю, не пожалѣло крупныхъ затратъ на осуществленіе его.

Музей имѣетъ собственное спеціальное зданіе и уже весьма цѣнныя коллекціи по различнымъ отдѣламъ мѣстныхъ древностей, съ которыми придется считаться будущимъ изслѣдователямъ культурной исторіи края и вообще русскихъ древностей. Пользуюсь случаемъ, чтобы отмѣтить здѣсь же, что нельзя не воздать должнаго устроителямъ музея, собирателямъ коллекцій (главнымъ образомъ весьма энергичному въ этомъ дѣлѣ Д. И. Эварницкому) и особенно тѣмъ, кто потрудился надъ систематизаціей собраннаго матеріала. Мы знаемъ, что эта кропотливая, требующая особеннаго вниманія, любви къ дѣлу, работа была совершена въ виду археологическаго съѣзда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда еще заканчивалось оборудованіе самого Музея. А потому нельзя не выразить почтенія и изумленія тому громадному труду, что̀ былъ понесенъ можно сказать почти единственнымъ работникомъ, вынесшимъ его на своихъ плечахъ—консерватору этого музея г-жѣ А. А. Скрыленко; ей также принадлежитъ въ значительной части каталогъ музея, вышедшій къ съѣзду: ею описаны предметы отдѣловъ первобытныхъ и историческихъ древностей, нумизматики, библіотеки.

Образованіе этнографическаго отдѣла музея, классификація его, описаніе и самое добываніе ихъ въ спеціальныхъ экскурсіяхъ составляетъ заслугу народнаго учителя с. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи *В. А. Бабенко*.

Весьма интересно отмѣтить, что благодаря съѣзду въ Музеѣ образовался и спеціальный отдѣлъ церковныхъ древностей: многое изъ того, что̀ было открыто при спеціальныхъ экскурсіяхъ изъ древнихъ памятниковъ, было предоставлено епархіей въ собственность музею и

даже отпущены денежныя средства на устройство витринъ для этихъ памятниковъ, примѣръ, достойный подражанія, свидѣтельствующій о пониманіи Екатеринославской епархіей важности того дѣла, которому служитъ археологія и музеи.

Помимо раскопокъ къ Екатеринославскому съѣзду совершались и иныя спеціальныя экскурсіи: для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ по церковнымъ древностямъ—въ Кіевской и Волынской губ.—проф. Г. Г. Павлуцкимъ и г. Щербаковскимъ, въ Полтавской губ.—г. Филенскимъ, для изученія архивовъ края—гг. Пичетой, Бугомиломъ, Терновскимъ, Паншинымъ, Фридровскимъ.

Результаты раскопокъ и другихъ экскурсій служили предметомъ спеціальныхъ докладовъ на съѣздѣ, о которыхъ скажемъ ниже.

Съѣзду было посвящено нѣсколько изданій: 1) Екатеринославскимъ научнымъ обществомъ—Сборникъ статей по изученію края; 2) Труды Харьковской комиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина, 3) *В. А. Бабенко*, Этнографическіе очерки народнаго быта Екатеринославскаго края, и нѣкоторыя другія.

Время открытія съѣзда въ Екатеринославѣ не было какъ извѣстно, благополучно во многихъ отношеніяхъ, и даже самое открытіе его подвергалось большому сомнѣнію. Все это не могло не сказаться на количествѣ членовъ его: ихъ съѣхалось гораздо меньше, чѣмъ могло быть и чѣмъ было на послѣднемъ Харьковскомъ съѣздѣ—всего 245 человѣкъ. Несмотря на это, съѣздъ представилъ большой интересъ и съигралъ свою роль, какъ уже сказано, для развитія отечественной археологіи. Время, затрачиваемое обычно на засѣданія было уменьшено на недѣлю, такъ какъ другая недѣля была предназначена для археологическихъ экскурсій.

Занятія съѣзда были распредѣлены между слѣдующими секціями: 1) древностей первобытныхъ (предсѣдатель проф. Э. Р. фонъ-Штернъ), 2) историко-географическихъ и этнографическихъ (предс. проф. Д. И. Багалѣй), 3) памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики (предс. проф. Е. К. Рѣдинъ), 4) быта хозяйственнаго и домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго (предс. проф. В. З. Завитневичъ), 5) древностей церковныхъ (предс. проф. Н. В. Покровскій), 6) древностей классическихъ, византійскихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ (предс. проф. В. П. Бузескулъ), 7) археографіи и архивовѣдѣнія (предс. А. С. Синявскій), 8) старины Запорожской (предс. Д. И. Эварницкій).

Изъ всѣхъ секцій наибольшій интересъ представляла секція памятниковъ первобытныхъ: ей было посвящено наибольшее количество засѣданій, рефератовъ, и изъ послѣднихъ многіе имѣли выдающійся интересъ и значеніе [1]). Среди указанныхъ рефератовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ, что были доложены проф. *Э. Р. фонъ-Штерномъ.* Одинъ изъ нихъ посвященъ былъ *доисторической греческой культурѣ на почвѣ Россіи.* Референтъ открылъ слѣды этой культуры въ древностяхъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ въ имѣніи г. Бузни „Петренѣ" Бѣльцскаго уѣзда, Бессарабской губ. Продолжая далѣе свои изысканія, онъ нашелъ, что эта своеобразная культура обнимаетъ большое пространство; начиная съ Черниговской губ., она простирается, какъ доказали раскопки г. Хвойко, черезъ всю Кіевскую и часть Подоль ской губ., встрѣчается въ Бессарабіи, а затѣмъ въ Галиціи, Буковинѣ, Венгріи, Румыніи, Восточной Румеліи и доходитъ на западъ въ своихъ послѣднихъ развѣтвленіяхъ до Моравіи и Южной Австріи. Референтъ останавливается на особенностяхъ открытыхъ имъ неолитическихъ стоянокъ и подчеркиваетъ аналогичныя черты, которыя встрѣчаются въ мотивахъ росписи найденныхъ въ нихъ памятникахъ керамики. Счастливыя находки въ Ѳессаліи позволяютъ эту культуру довольно точно датировать третьимъ тысячелѣтіемъ до Р. Хр. Въ противоположность широко распространенному взгляду о вліяніи микенской культуры и специально микенской керамики на описанную имъ неолитическую культуру референтъ доказывалъ, что эта культура, которая, несомнѣнно, древнѣе микенской, является, напротивъ, въ лицѣ ся вазовой живописи прототипомъ древне-греческой керамики и содержитъ всѣ элементы, изъ которыхъ эта послѣдняя развивается въ своихъ различныхъ оттѣнкахъ.

Исходя изъ этого наблюденія, авторъ строитъ гипотезу о движеніи культуры съ сѣвера на югъ: путь этого движенія прослѣживается отъ Черниговской, Кіевской и Бессарабской губ. по Балканскому полуострову до Ѳессаліи, по островамъ чрезъ Трою до Крита; племена, жившія первоначально въ этотъ неолитическій періодъ на югѣ Россіи, двигаются дальше на югъ и заселяютъ такъ называемый греческій міръ. Здѣсь подъ вліяніемъ сношеній съ Востокомъ вырабатывалась быстро своеобразная высокая греческая культура, но на ея керамику вліяніе Востока не простирается; племена эти пришли уже съ вполнѣ

[1]) При дальнѣйшемъ изложеніи содержанія рефератовъ мы пользуемся данными *Извѣстій* съѣзда.

выработанной высоко стоящей системой декораціи своихъ сосудовъ. Что такое передвиженіе на югъ съ сѣвера имѣло мѣсто, для референта представляется весьма убѣдительнымъ въ виду того факта, что здѣсь, на югѣ Россіи, эта культура исчезла и прекращается съ начала бронзоваго вѣка; пришло сюда новое населеніе, новые народы; расписная керамика и бронза не встрѣчаются вмѣстѣ. Изучая культуру неолитическую и расписную посуду на почвѣ Россіи, мы, по мнѣнію референта, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемъ первобытную культуру тѣхъ племенъ, которыя въ своихъ сагахъ и преданіяхъ сохранили воспоминаніе о своемъ пребываніи на югѣ Россіи и на сѣверной части Балканскаго полуострова и которыя въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи и развитіи обособились въ тотъ народъ, духовной культурѣ котораго современное человѣчество больше всего обязано [1]). Рефератъ проф. Штерна — резюме капитальнаго труда, подготовляемаго имъ къ печати, основаннаго на изученіи памятниковъ до-микенской культуры, становящихся извѣстными у насъ въ Россіи и заграницей; этотъ трудъ, несомнѣнно, явится цѣннымъ, проливающимъ новый свѣтъ въ область древней культуры Греціи, помогающимъ опредѣлить исходную точку этой культуры, какъ уже было отмѣчено на самомъ съѣздѣ, послѣ заслушанія реферата, проф. В. П. Бузескуломъ и Н. И. Веселовскимъ.

Культура [2]), изслѣдованію которой былъ предложенъ рефератъ проф. Штерна, затронута была также въ рефератѣ *П. Ѳ. Бѣляшевскаго* „О раскопкахъ въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губ.“.

Референтомъ были доложены результаты его раскопокъ возлѣ с. Борисовки, гдѣ находится кольцеобразное городище, въ которомъ, подъ слоемъ славянской культуры, открыты остатки такъ называемой трипольской культуры; здѣсь также найдены площадки со слѣдами поселеній при нихъ; среди различныхъ предметовъ попадается посуда съ характернымъ вдавленнымъ орнаментомъ, съ началами росписного орнамента. Референтъ полагалъ, что въ настоящее время еще рано выступать съ какими-либо обобщеніями по поводу указанной культуры, что надо прежде всего собирать факты. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, давшій въ своемъ блестящемъ рефератѣ обобщеніе по поводу указанной культуры, основанное на изученіи множества

---

[1]) *Извѣстія*, 55—56.

[2]) Она въ нашей литературѣ извѣстна подъ именемъ трипольской, по мѣсту нахожденія ея впервые раскопками г. Хвойко.

ставшихъ извѣстными фактовъ, совершенно правильно возражалъ докладчику, выразивъ свое несогласіе съ нимъ и утверждая, что матеріала уже накопилось болѣе чѣмъ достаточно, и отказываться отъ выводовъ и заключеній не въ интересахъ науки, которая требуетъ умѣлой, осторожной и осмотрительной группировки матеріала; въ противномъ случаѣ, ученые должны были бы ждать цѣлые сотни лѣтъ въ ожиданіи накопленія матеріала [1]).

Близко по затрагиваемымъ вопросамъ соприкасается къ вышеуказаннымъ докладамъ—рефератъ *В. В. Хвойко* „Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ южной Россіи", прочитанный И. М. Каманинымъ.

Референтъ оспариваетъ мнѣніе, по которому жители южной Россіи въ древнюю пору своего существованія земледѣлія не знали, а оно было принесено извнѣ какимъ-то другимъ народомъ вмѣстѣ съ бронзой. Референтъ указываетъ, что остатки хлѣбныхъ зеренъ и даже каменныя зернотерки были находимы въ такъ называемыхъ площадкахъ Триполья, гдѣ не было открыто бронзовыхъ вещей. Изъ этого онъ приходитъ къ заключенію, что начало земледѣлія въ южной Россіи можно возводить уже къ неолитическому періоду, задолго до III тысячелѣтія до Р. Хр. Что же касается бронзоваго вѣка, то докладчикъ признаетъ его существованіе на югѣ Россіи, но полагаетъ, что онъ былъ непродолжителенъ (во 2-ой половинѣ II тысячелѣтія до Р. Хр.).

Въ замѣчаніяхъ, высказанныхъ по поводу реферата проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ указывалось, что г. Хвойко напрасно упрекаетъ науку, которая будто бы связываетъ появленіе земледѣлія съ приходомъ народа, знавшаго металлы, что цѣлый рядъ ученыхъ уже до Хвойко относитъ начало земледѣлія къ неолитическому періоду и, наконецъ, что чисто бронзовый вѣкъ на югѣ Россіи пока установить нельзя; послѣднее обстоятельство въ своихъ замѣчаніяхъ отмѣтили проф. В. Б. Антоновичъ и проф. Н. И. Веселовскій.

Большая часть рефератовъ, доложенныхъ въ секціи, была посвящена знакомству съ тѣми результатами, которые были добыты, благодаря раскопкамъ, произведеннымъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, входившихъ въ область, подлежавшую спеціальному изученію съѣзда.

О раскопкахъ, произведенныхъ въ *Екатеринославской губ.* были сообщены рефераты: Д. И. Эварницкимъ, Е. Н. Трифильевымъ, В. А. Харламовымъ, А. С. Синявскимъ, А. А. Скрыленко. Изъ реферата

---

[1]) *Извѣстія*, 122.

г. *Эварницкаго* видно [1]), что онъ въ своихъ обслѣдованіяхъ мѣстностей объѣхалъ болѣе 500 вер., видѣлъ множество кургановъ, городищъ, валовъ, установилъ три типа кургановъ (1. длинныхъ или хвостатыхъ могилъ, 2. круглыхъ небольшихъ, 3. „толстыхъ"), раскопалъ 103 кургана первыхъ двухъ типовъ и огромное городище въ 10 верстъ кругомъ; исходя изъ характера предметовъ въ курганахъ перваго типа, онъ относитъ послѣдніе „къ той эпохѣ, которая стояла на грани между неолитомъ и началомъ металла", а курганы второго типа—къ погребеніямъ кочевниковъ.

Курганы, раскопанные *Е. П. Трифильевымъ* въ предѣлахъ Маріупольскаго уѣзда, также относятся изслѣдователемъ къ типу кочевническихъ погребеній; среди послѣднихъ дѣйствительно является особенно интереснымъ содержаніе кургана близь с. Чермалыкъ на р. Калміусѣ и спеціально одинъ предметъ, встрѣченный въ немъ внутри, какъ могильная плита, „каменная баба въ грубомъ видѣ съ слабо выраженными, но ясно видными чертами, характеризующими эти памятники".

Находка референта представляетъ выдающійся интересъ для рѣшенія вопроса о каменныхъ бабахъ и очень жаль, что онъ не доставилъ ея для музея, и даже не сфотографировалъ ея.

Рефератъ *В. А. Харламова* посвященъ былъ его „раскопкамъ на берегахъ р. Калміуса и въ области Войска Донского"; референтъ подробно описалъ найденные предметы и охарактеризовалъ устанавливаемые имъ типы погребеній.

А. А. Скрыленко посвятила свой рефератъ керамикѣ Екатеринославской губ. по даннымъ областного музея. Она демонстрировала нѣсколько сосудовъ указаннаго музея и указала на способъ выдѣлки нѣкоторыхъ изъ нихъ посредствомъ плетенки, давшіи, по ея мнѣнію, начало правильнымъ формамъ въ дальнѣйшихъ издѣліяхъ этого рода; затѣмъ указала на мѣстное производство древней керамики и на мастерскую глиняныхъ кувшиновъ, попадающихся при погребеніи кочевниковъ XIV в., открытую въ с. Петровскомъ—Свистуновѣ Александровскаго уѣзда.

А. С. Синявскій въ своемъ рефератѣ трактовалъ о находкахъ въ Потемкинскомъ саду [2]) и о раскопкахъ въ Мандрыковкѣ. Подводя

---

[1]) *Извѣстія*, 33—34.

[2]) Въ самомъ г. Екатеринославѣ, у дворца, въ которомъ происходили засѣданія съѣзда.

итогъ своему сообщенію, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ Потемкинскомъ саду находится обширная стоянка каменнаго вѣка; 2) отсюда до Мандрыковки были поселенія древняго человѣка; 3) культуры лѣваго и праваго берега Днѣпра были одинаковы въ эпоху неолита. По поводу доклада между референтомъ и проф. Э. Р. фонъ-Штернъ завязалась бесѣда, въ результатѣ которой выяснилось, что раскопки велись случайно, благодаря чему не установлены ни слои культуры, въ которыхъ были найдены тѣ или другіе предметы, ни разрѣзы той почвы, гдѣ залегали находки. Весьма справедливо было выражено пожеланіе, чтобы раскопки велись научно, правильно.

Обширный рефератъ съ весьма цѣнными данными, добытыми изъ раскопокъ въ Таврической губ., сообщилъ *прив.-доц. В. Е. Данилевичъ*. Его раскопки были произведены около д. Кекенеизъ, Ялтинскаго уѣзда. Онъ изслѣдовалъ три типа могильныхъ сооруженій, курганъ и одно городище. Особенно цѣнно по результатамъ изслѣдованіе имъ дольменовъ. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу реферата барономъ де Бай и гр. П. С. Уваровой выяснилось, что крымскіе дольмены не имѣютъ аналогіи съ кавказскими. Весьма цѣнны были замѣчанія проф. Э. Р. фонъ-Штерна, который относитъ дольмены къ концу VI—V вѣка и считаетъ ихъ памятниками туземнаго происхожденія; содержаніе раскопанныхъ рядомъ кургановъ въ культурномъ отношеніи близко къ содержанію дольменовъ.

Раскопкамъ, произведеннымъ въ Харьковской губ., были посвящены рефераты прив.-доц. В. Е. Данилевича и проф. Д. И. Багалѣя.

Прив.-доц. *В. Е. Данилевичъ* производилъ раскопки близь хутора Покровскаго Валковскаго уѣзда; имъ устанавливаются четыре типа погребеній: неолитическія, скорченныя, скиѳскія и неопредѣленныя (въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, иногда съ легкимъ наклоненіемъ на тотъ или другой бокъ).

Проф. Д. И. Багалѣй производилъ раскопки въ Волчанскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ. Сдѣлавъ въ своемъ рефератѣ описаніе мѣстности, способа раскопки и найденныхъ предметовъ, давшихъ богатый инвентарь, референтъ остановился на уясненіи вопроса о принадлежности ихъ къ той или иной эпохѣ. Онъ нашелъ въ предметахъ полную аналогію съ тѣми, что извѣстны изъ находокъ въ скиѳскихъ курганахъ средняго Приднѣпровья; основываясь на этомъ, а также на греческой амфорѣ, имѣющей клеймо, онъ отнесъ эти предметы скиѳской культуры къ IV—III в. до Р. Хр.

Рефератъ проф. Д. И. Багалѣя представилъ богатый интересъ, благодаря цѣнности самыхъ открытій, сдѣланныхъ имъ при раскопкахъ, новыхъ данныхъ къ вопросу о распространеніи скиоской культуры въ Россіи.

Близкихъ по времени памятниковъ древностей и искусства касался проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* въ своемъ докладѣ „Раскопки на Березани", сообщенномъ въ секціи „Древностей классическихъ".

Раскопки проф. Штерна привели къ богатымъ открытіямъ, весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи. Добытыми при раскопкахъ данными выясняется, что здѣсь, на островѣ, было греческое поселеніе VI и начала V вѣка со всѣми признаками іонической колоніи. Керамика острова—древне-милетская, рѣдкая и на почвѣ самой Греціи; устройство некрополя позволяетъ сдѣлать любопытные выводы относительно трупосожженія и трупоположенія у грековъ: іоняне сожигаютъ своихъ мертвецовъ; съ проникновеніемъ аттической культуры замѣчается переходъ къ трупоположенію; найденныя ольвійскія рыбки и ассы освѣщаютъ важный вопросъ изъ области нашей нумизматики.

Таковы многочисленные и въ большей части весьма обстоятельные и важные по добытымъ даннымъ рефераты, посвященные древностямъ, открытымъ благодаря раскопкамъ, производившимся въ различныхъ мѣстахъ края, подлежавшаго изученію съѣзда.

Рядъ рефератовъ секціи былъ посвященъ еще обычно затрагивающимся почти на каждомъ съѣздѣ вопросамъ: 1) о курганахъ, 2) о городищахъ и валахъ, 3) о каменныхъ бабахъ.

А. А. Иванчинъ-Писаревъ трактовалъ о курганахъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ, относя ихъ къ погребальнымъ и сторожевымъ. Въ обсужденіи не столько самого реферата, сколько вопроса о существованіи сторожевыхъ кургановъ, приняли участіе Д. Я. Самоквасовъ, Н. И. Веселовскій, Д. И. Багалѣй, В. Б. Антоновичъ и др. На существованіи сторожевыхъ кургановъ особенно настаивалъ В. Б. Антоновичъ и къ нему присоединился проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, указавшій, что мѣста сторожъ можно установить по документамъ, начиная съ XV ст. [1]).

Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ въ своемъ рефератѣ дала поясненіе къ составленной имъ картѣ кургановъ-майдановъ, находящихся въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской, Волынской и другихъ, входящихъ въ составъ южной Россіи.

---

[1]) *Извѣстія*, 57—60.

Рефератъ вызвалъ замѣчанія къ вопросу о значеніи майдановъ, при чемъ проф. Н. И. Веселовскій объяснялъ названіе отъ персидскаго слова (площадь) и полагалъ, что майданъ могъ обозначать собою „площадь съ военнымъ характеромъ". Кургановъ-майдановъ, вопроса о ихъ назначеніи касался и *Л. В. Падалка* въ своемъ обширномъ рефератѣ, доложенномъ въ секціи историко-географической и этнографической „О единствѣ основныхъ чертъ степныхъ майдановъ, круглыхъ городковъ, робленицъ и раскопанныхъ могихъ" и вызвавшемъ горячія пренія, къ сожалѣнію, не изложенныя въ *Извѣстіяхъ*, отчасти, однако, повторенныя при докладѣ Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ.

Городищамъ и валамъ были посвящены два реферата *прив.-доц. В. Г. Ляскоронскаго*: одинъ—о находящихся въ области р.р. Псела и Ворсклы, другой—зміевымъ валамъ въ предѣлахъ южной Россіи и ихъ связи съ курганами-майданами.

Оба реферата, несмотря на описательный ихъ характеръ, даютъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи матеріалъ, систематически обслѣдованный и изученный.

Обширный трудъ по изученію каменныхъ бабъ, извѣстныхъ въ Россіи, предприняла гр. *П. С. Уварова*; ею сообщаются всѣ матеріалы, относящіеся къ уясненію вопроса о классификаціи ихъ, о происхожденіи и т. п. Трудъ этотъ, несомнѣнно, долженъ будетъ пролить новый свѣтъ въ дѣло изученія каменныхъ бабъ, и нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ доведенъ до конца почтенной изслѣдовательницей, вносящей и въ него, какъ и во всякое другое, которое выпадаетъ на ея долю, дѣло, любовь, вниманіе, неутомимую энергію.

Съ предварительными изысканіями и ихъ результатами гр. П. С. Уварова и познакомила въ своемъ рефератѣ „О каменныхъ бабахъ", встрѣченномъ съ большимъ вниманіемъ и отмѣченномъ въ замѣчаніяхъ профессора Н. И. Веселовскаго, какъ „чрезвычайно важная попытка къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, имѣющая, несомнѣнно, научныя достоинства" [1]).

Докладъ *В. А. Харламова* касался каменныхъ бабъ спеціально лишь Донской области и ограничивался только описаніемъ ихъ и извѣстной классификаціей.

Послѣ секціи древностей первобытныхъ по богатству рефератовъ и ихъ значенію въ дальнѣйшей разработкѣ памятниковъ, подлежав-

---

[1]) *Извѣстія*, 95—96.

шихъ изученію на предыдущемъ съѣздѣ, надо поставить секцію церковныхъ древностей и памятниковъ искусствъ [1]).

Харьковскій съѣздъ обратилъ большое вниманіе на изученія церковныхъ древностей Харьковской губ.; благодаря ему стало возможнымъ ознакомленіе съ деревянной архитектурой церквей этой губерніи, съ памятниками иконописи, скульптуры и другими отраслями искусства, съ разнообразными памятниками церковнаго обихода. Эти памятники были введены въ кругъ древностей родственныхъ, извѣстныхъ въ другихъ губерніяхъ юга Россіи, Украйны. Дѣлу изученія памятниковъ религіознаго искусства Харьковской губ. было положено прочное основаніе въ связи съ памятниками другихъ губерній, изъ которыхъ наиболѣе полно—въ многочисленныхъ снимкахъ, рисункахъ—была представлена Донская область и незначительно Полтавская, Черниговская, Кіевская, Подольская и др. губ.

Настоящій съѣздъ продолжилъ дѣло изученія памятниковъ церковнаго искусства Украйны и далъ богатѣйшій матеріалъ по предмету спеціальнаго изученія архитектуры деревянныхъ церквей: Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерній, и по предмету изученія другихъ разнообразныхъ памятниковъ искусства.

Изъ трудовъ, доложенныхъ секціи и посвященныхъ памятникамъ религіознаго искусства Украйны, укажемъ прежде всего на доклады профессора *Г. Г. Павлуцкаго,* такъ много поработавшаго къ настоящему съѣзду и издавшаго цѣлый трудъ объ архитектурѣ деревянныхъ церквей [2]): 1) объ архитектурѣ деревянныхъ церквей Украйны — съ изложеніемъ результатовъ своихъ научныхъ изслѣдованій и сообщеніемъ матеріала, добытаго г. Филяинскимъ, 2) о вліяніи архитектуры деревянныхъ церквей на каменную, напримѣръ, нѣкоторыхъ церквей г. Кіева, 3) о своеобразной архитектурѣ деревянныхъ синагогъ въ Подольской губ.; далѣе на докладъ *В. М. Щербаковскаго,* который вноситъ цѣнный и разнообразный матеріалъ для изученія памятниковъ религіознаго искусства Украйны: онъ посѣтилъ 99 церквей, описалъ и фотографировалъ около 400 памятниковъ. Трудъ громадный, и изданіе всего матеріала внесетъ въ нашу научную литературу высокополезный вкладъ.

---

[1]) *Извѣстія,* 105—107 (обзоръ дѣятельности обѣихъ секцій).

[2]) Древности Украйны, изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Вып. I. Деревянные и каменные храмы. Кіевъ. 1905.

Изъ другихъ докладовъ укажемъ на два высокоинтересныхъ реферата — цѣнныя изслѣдованія тѣхъ же памятниковъ Украйны — *Я. И. Смирнова*. Референтъ открылъ въ папкахъ Академіи Художествъ копіи конца XVIII вѣка рисунковъ кіевскаго альбома 1651 года князя Януша Радзивилла. Я. И. Смировъ использовалъ весьма широко свое открытіе въ научныхъ цѣляхъ; оно вызвало у него обслѣдованіе рисунковъ, ихъ содержанія, попытку разрѣшенія вопросовъ о времени происхожденія оригинала, копій, о современномъ нахожденіи оригинала и т. п. Онъ посвятилъ также цѣнное изслѣдованіе нашедшейся въ рисункахъ копіи фресокъ въ среднемъ нефѣ Кіево-Софійскаго собора, погибшихъ въ значительной части при реставраціи собора въ 1846 г. и сохранившихся въ указанныхъ рисункахъ, изображающихъ семью князя Ярослава.

Далѣе отмѣтимъ: сообщенія г. *Прусевича* объ одной синагогѣ XVIII вѣкѣ въ с. Ярышевѣ Подольской губ., члена Полтавской ученой архивной комиссіи г. *Зарѣцкаго* съ цѣнной коллекціей фотографій съ характерныхъ выдающихся памятниковъ церковной старины Полтавской губ., на сообщенія г. *Машукова*—о церковныхъ древностяхъ Екатеринослава въ представленныхъ имъ описяхъ.

Въ тѣхъ же секціяхъ были затронуты и памятники древне-русскаго искусства въ широкомъ смыслѣ — въ рефератѣ проф. *Д. В. Айналова* и проф. *Е. К. Рѣдина* [1]).

Графъ А. С. Уваровъ, обладалъ обширными познаніями въ различныхъ отдѣлахъ исторіи искусства, благодаря чему и возможна была столь плодотворная научная работа его при изслѣдованіи памятниковъ родной старины и искусства. Онъ былъ отлично знакомъ съ исторіей христіанскаго искусства—древне-христіанскаго, византійскаго и послѣдующихъ эпохъ, а равно и древне-русскаго. Имъ подготовленъ былъ трудъ по исторіи византійскаго искусства, изданный послѣ его смерти подъ именемъ „Византійскаго Альбома". Имъ былъ подготовленъ также и другой трудъ, повидимому, еще болѣе обширный, касающійся символики христіанскаго искусства, или вѣрнѣе, какъ намъ кажется, различныхъ отдѣловъ этого искусства въ различныхъ отношеніяхъ его къ литературѣ, къ народнымъ поэтическимъ произведеніямъ и вѣрованіямъ. Этотъ трудъ оставался до послѣдняго времени неизданнымъ. Собираясь нынѣ издавать его, гр. П. С. Уварова пригласила для редакціи его проф. Д. В. Айналова; послѣдній ознако-

[1]) Рефератъ послѣдняго былъ доложенъ въ секціи древностей византійскихъ.

мился съ нимъ въ рукописи, пополнилъ нѣкоторые пропуски и приготовилъ введеніе. Это введеніе къ труду гр. А. С. Уварова а равно одинъ небольшой этюдъ изъ сочиненія послѣдняго „объ олицетвореніяхъ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной"—послужили темой реферата проф. Д. В. Айналова. Рефератъ проф. Е. К. Рѣдина касался выдающагося памятника византійскаго и древне-русскаго искусства—миніатюръ сочиненія Козьмы Индикоплова.

Памятниковъ древне-русскаго искусства касался докладъ *И. Е. Евсеева* „О церковныхъ древностяхъ Орловской губ.". Весьма цѣнными сообщеніями были—по нумизматикѣ проф. *В. И. Саввы* и прив.-доц. *В. Е. Данилевича*. В. И. Савва темою своего реферата поставилъ вопросъ: „Откуда двуглавый орелъ на тверскихъ монетахъ"? Референтъ, не отвѣчая самъ на вопросъ, знакомитъ съ извѣстными отвѣтами на него, предлагаемыми, напр., въ трудахъ А. В. Орѣшникова, подвергаетъ ихъ критикѣ и ставитъ рядъ другихъ вопросовъ: не заимствовалъ ли послѣдній тверской великій князь изображеніе двуглаваго орла на деньгахъ изъ другого мѣста, но не изъ Москвы? не оказалъ ли вліянія двуглавый орелъ на тверскихъ деньгахъ на появленіе двуглаваго орла на печати Ивана III? Референтъ выражаетъ пожеланіе, чтобы эти вопросы имѣли въ виду занимающіеся нумизматикой и сфрагистикой, а также историки искусства, потому что монеты и печати—одинъ изъ видовъ памятниковъ искусства.

Рефератъ прив.-доц. В. Е. Данилевича касался одной рукописи XVIII ст. въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (№ $^{301}/_{1467}$), содержащей описаніе медалей, выбитыхъ на дѣянія императора Петра I, имп. Екатерины I и имп. Петра II. Референтъ отмѣтилъ важное значеніе рукописи для исторіи русской нумизматики и выразилъ пожеланіе изданія ея въ виду научнаго значенія.

Прибавимъ, что въ секціи искусства возбуждено было дѣло могущее принести большую пользу изученію древностей въ Россіи: собираніе негативовъ фотографій съ памятниковъ древностей и искусства для сообщенія (за небольшую цѣну) научнымъ работникамъ фотографій, демонстрируемыхъ въ громадномъ количествѣ на съѣздахъ, но въ значительной части остающихся неизданными и пропадающими такимъ образомъ безслѣдно для науки. На веденіе этого дѣла Московскимъ Археологическимъ обществомъ изъявила согласіе и предсѣдательница его графиня П. С. Уварова. Секціей (по поводу реферата Я. И. Смирнова) возбуждено было другое дѣло, принятое совѣтомъ съѣзда:

о желательности организовать въ Кіевѣ особую комиссію для тщательнаго изслѣдованія южной стѣны средняго нефа Софійскаго собора съ цѣлью провѣрить мнѣніе малокомпетентныхъ реставраторовъ его объ отсутствіи тамъ древнихъ фресокъ и для отысканія хотя бы ничтожныхъ остатковъ драгоцѣннаго для русской исторіи и археологіи изображенія Ярослава Мудраго, которое находилось тамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ рисунковъ Радзивилловскаго альбома 1651 г.

Къ отдѣлу искусства относятся—рефераты проф. Н. И. Веселовскаго и А. С. Раевскаго, доложенные въ секціи классическихъ, византійскихъ и восточныхъ древностей.

Проф. *Н. И. Веселовскій* познакомилъ съ исторіей весьма важнаго научнаго предпріятія, исполняемаго подъ его руководствомъ—приготовленія чертежей и рисунковъ съ мечетей Самарканда и съ 1-мъ выпускомъ альбома этихъ рисунковъ, изданнаго Императорской Археологической Комиссіей.

И предпріятіе, и изданіе должны съиграть крупную роль въ изученіи этихъ выдающихся памятниковъ восточнаго искусства, и они напоминаютъ, очень ясно и убѣдительно, какъ надо намъ спѣшить съ изданіемъ и изученіемъ отечественныхъ древностей: суровое время и жестокіе невѣжественные люди губятъ ихъ... такъ, напримѣръ, изъ реферата проф. Веселовскаго видно, что мозаики, украшающія мечети, исчезаютъ частью отъ времени, а всего болѣе благодаря людямъ: мѣстные жители—сарты выламываютъ изразцы и продаютъ ихъ; землетрясеніе разрушило нѣкоторые памятники—и не будь сняты съ нихъ рисунки — они совершенно погибли бы для науки, какъ погибаетъ множество другихъ русскихъ памятниковъ.

А. С. Раевскій познакомилъ по прекраснымъ фотографіямъ изъ коллекцій Императорской Археологической Комиссіи съ тѣми находками памятниковъ древностей южной Россіи, которые были въ распоряженіи Комиссіи.

Какъ справедливо замѣтила гр. П. С. Уварова такое ознакомленіе членовъ съѣзда съ новинками въ области археологическихъ открытій на почвѣ Россіи—весьма поучительно, особенно принимая во вниманіе, что у насъ свѣдѣнія о нихъ совершенно почти отсутствуютъ въ доступной для всѣхъ общей литературѣ, и нельзя не присоединиться къ пожеланію и просьбѣ ея, чтобы такое ознакомленіе съ новыми находками древностей представителями Комиссіи дѣлалось и на послѣдующихъ съѣздахъ.

Большая часть рефератовъ другихъ секцій посвящены были также древностямъ (въ широкомъ смыслѣ) мѣстнаго края.

Екатеринославская губ.—центръ Запорожья и можно было ожидать, что ему будетъ посвящено наибольшее количество рефератовъ, тѣмъ болѣе, что для его древностей выдѣлена даже была спеціальная секція. Спеціально Запорожью были посвящены рефераты: Д. И. Эварницкаго и Л. В. Падалки.

Д. И. Эварницкій въ своемъ докладѣ „Запорожская Старина" познакомилъ со своими экскурсіями въ поискахъ этой старины и демонстрировалъ нѣкоторые памятники, отчасти уже извѣстные и ранѣе, и бывшіе на выставкѣ съѣзда, или поступившіе въ собственность музея. Въ другомъ рефератѣ „Карты Украйны и Запорожья и планы р. Днѣпра" Д. И. Эварницкій познакомилъ съ главнѣйшими извѣстными ему картами XVIII в., „необходимыми топографическими вѣхами, обязательными для каждаго, кто беретъ на себя задачу изучить край бывшаго Запорожья" [1]). Нужно прибавить, что референтомъ изданъ къ съѣзду „Планъ части рѣки Днѣпра 1779 и 1780 гг." (Екатеринославъ, 1905 г.): одинъ изъ этихъ плановъ въ свое время принадлежалъ извѣстному въ концѣ XVIII в. устроителю каналовъ въ порогахъ Днѣпра, полковнику Михаилу Фалѣеву, а другой—сочиненъ премьеръ-маіоромъ Егоромъ Араповымъ.

Л. В. Падалка доложилъ результаты своего труда по исторіи Запорожья въ рефератѣ «Эволюція казацкихъ „Сѣчей" на Поднѣпровьѣ въ связи съ общимъ ходомъ развитія Днѣпровскаго казачества». Это,—какъ видно и изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу реферата, серьезная работа по пересмотру всѣхъ данныхъ о мѣстахъ казацкихъ сѣчей.

Въ секціи археографіи и архивовѣдѣнія мѣстнымъ архивамъ были посвящены рефераты: В. А. Бѣднова, В. И. Пичеты, А. И. Маркевича.

В. А. Бѣдновъ представилъ очень подробный докладъ о дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи, и имѣющихъ большое значеніе для исторіи всего юга Россіи, какъ въ церковномъ, такъ и въ историко-бытовомъ отношеніяхъ. Онъ же познакомилъ въ другомъ докладѣ съ архивомъ Самарскаго монастыря. Монастырь этотъ—древнѣйшій въ здѣшнемъ краѣ и въ своемъ прошломъ имѣлъ тѣсную связь съ Запорожской Сѣчью. Но архивъ мона-

[1]) *Извѣстія*, 86.

стыря имѣетъ лишь немного документовъ XVIII в., и большое количество XIX в.

А. И. Маркевичъ познакомилъ съ исторіей крымскихъ архивовъ, собственно съ печальнымъ положеніемъ ихъ во время Севастопольской войны.

В. И. Пичета прочелъ докладъ „Нѣсколько данныхъ по исторіи крестьянства и хозяйства въ Екатеринославскомъ уѣздѣ въ началѣ XIX в." Это—глава къ исторіи крѣпостного права. Докладъ вызвалъ справедливое пожеланіе, чтобы мѣстные архивы наиболѣе разрабатывались въ цѣляхъ всесторонняго и документальнаго изученія исторіи крѣпостного права.

Методологическаго характера былъ докладъ *И. М. Каманина* „Метрическій методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южно-русскаго устава и полуустава XVI—XVIII вв.", но онъ, къ сожалѣнію, не вызвалъ обмѣна мнѣній о самомъ этомъ методѣ, о возможномъ значеніи его для различныхъ опредѣленій рукописей.

Въ секціи древностей юридическихъ и быта—вновь рядъ рефератовъ, относящихся къ мѣстному краю. Прив.-доц. *В. Е. Данилевичъ* представилъ отрывокъ изъ подготовляемаго имъ большого научнаго труда въ рефератѣ „Изъ исторіи управленія и быта Слободской Украйны въ XVII и XVIII ст." Референтъ воспользовался новыми архивными документами, проливающими свѣтъ на одинъ изъ запутанныхъ и темныхъ вопросовъ—о названіи великороссійскаго приказа и объ отношеніи его къ малороссійскому.

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ въ своемъ рефератѣ съ содержаніемъ четырехъ неизданныхъ до сихъ поръ сочиненій Сковороды: „Израильскій змій" (1776), „Асхань", „Потопъ зміинъ" (1791), „Книжечка о чтеніи св. Писанія, нареченная жена Лотова". Эти сочиненія скоро появятся въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ".

Обширный и интересный докладъ былъ сообщенъ *П. М. Добровольскимъ* „О письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ цехового устройства въ Черниговской губ.". Цѣль докладчика была—возбудить вниманіе съѣзда и привлечь новыя силы къ разработкѣ исторіи цеховъ, этого интереснаго явленія въ южной Россіи, на основаніи имѣющагося матеріала.

Выдающійся интересъ представлялъ докладъ *проф. Н. Ѳ. Сумцова* „О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ ученыхъ XVII в". „Литера-

турные нравы" можно было бы вполнѣ замѣнить идеалами, такъ какъ о нихъ именно и шла рѣчь въ рефератѣ. Референтъ ярко охарактеризовалъ эти идеалы, извлекъ, изъ отлично знакомаго ему литературнаго матеріала, южно-русскихъ ученыхъ XVII в. и ясно подтвердилъ справедливость мнѣнія другихъ русскихъ ученыхъ, въ противоположность польскимъ, (какъ это отмѣчено было въ замѣчаніи по поводу реферата проф. В. З. Завитневича), о самостоятельности южно-русской культуры XVI—XVII в.: усваивая техническую, матеріальную сторону культуры отъ Польши, южно-русскіе дѣятели были самостоятельны въ духовной, идеальной, ея области; такими чертами являются: національное самосознаніе, демократическія стремленія, попытки борьбы съ схоластическимъ направленіемъ въ наукѣ, заботливость о просвѣщеніи народа, объ улучшеніи его соціальнаго и экономическаго положенія [1]).

Отмѣтимъ далѣе рефераты: *А. Я. Ефименко*, Къ исторіи землевладѣнія въ Галицкой Руси въ XVI в., прив.-доц. *В. Г. Ляскоронскаго*, О походѣ кн. Витовта и его битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1398 г., *Л. М. Савелова*, Происхожденіе и составъ дворянства на Дону въ XVIII в., его-же, Изъ исторіи сношеній Москвы съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, *С. Д. Щербака*, О доставкѣ фруктовъ ко двору царя Алексѣя Михайловича — дополненіе къ труду Бѣлявскаго „О гарбузныхъ огородахъ и виноградникахъ въ Чугуевѣ", помѣщенному въ трудахъ Харьковской комиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда (XVI т. Сборн. Харьк. Истор. Фил. Общ.), *А. Богумила*, Ордера кн. Потемкина, проф. *Д. Я. Самоквасова*, Новооткрытые матеріалы по исторіи права Московскаго государства (рефератъ составляетъ собою предисловіе къ I тому изданія Архива министерства юстиціи „Архивный матеріалъ" [2]), *З. Г. Богуславскаго*, Къ вопросу о Бѣломорскихъ казакахъ въ XVI в.

Нельзя не отмѣтить также рядъ рефератовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ ближайшее отношеніе къ мѣстному краю; эти рефераты были изложены въ секціи древностей историко-географическихъ и этнографическихъ. Таковъ рефератъ проф. *Н. Θ. Сумцова* „Заговоры инкантаціи", являющійся, какъ и отмѣчено въ замѣчаніяхъ по по-

---

[1]) *Извѣстія*, 24.

[2]) Въ отд. оттискахъ подъ заглавіемъ „Новооткрытые помѣстно-вотчинные документы XV—XVII столѣтій".

воду его, образцовымъ по своему научному методу. Для объясненія заговоровъ инкантацій (часть матеріала бралась изъ области малорусскихъ народныхъ произведеній) и связаннаго съ ними ритуала, референтъ выставилъ гипотезу о связи ихъ съ древнѣйшими погребальными обрядами, подъ вліяніемъ которыхъ группа заговоровъ выдѣлилась въ особый разрядъ инкантацій.

Рефератъ *Н. С. Державина* касался также отчасти малорусской этнографіи, но являлся кромѣ того весьма интереснымъ—по выясненію культурныхъ вліяній болгарской народности, поселившейся на югѣ Россіи на малороссовъ; референтъ трактовалъ о болгарскихъ колоніяхъ Таврической и Херсонской губерній въ культурно-этнографическомъ отношеніи.

Докладъ проф. *П. В. Голубовскаго*, Объяснительный словарь къ исторической картѣ Черниговской губ.—является весьма важнымъ, въ немъ цѣлый рядъ изслѣдованій, исключено все гипотетическое; авторъ выступаетъ (какъ отмѣтилъ проф. Д. И. Багалѣй) во всеоружіи строгой научности; карта составлялась по даннымъ съ древнѣйшихъ временъ до 1300 г.

Въ видѣ дополненія къ труду проф. Голубовскаго проф. *Д. И. Багалѣй* сдѣлалъ сообщеніе о планахъ городовъ отчасти Полтавской, отчасти Черниговской губ., доставленныхъ гр. П. С. Уваровой изъ собранія гр. А. С. Уварова; здѣсь имѣются планы городовъ: Новгорода—Сѣверска, Нѣжина, Кролевца, Глухова, Стародуба, Гадяча, Полтавы, Миргорода, Лубенъ, Прилукъ.

Рефератъ *П. И. Тиховскаго* затронулъ широкій вопросъ, касающійся всей вообще малорусской этнографіи: онъ трактовалъ о ея нуждахъ. Изъ такихъ нуждъ, представивъ ихъ мотивировку, референтъ отмѣтилъ: 1) изданіе сводовъ по отдѣльнымъ родамъ фольклора, 2) собраніе народныхъ мелодій, 3) изданіе памятниковъ народнаго творчества для народа и для широкихъ круговъ общества, 4) изданіе сборниковъ районнаго характера, 5) справочныя изданія текущей этнографической литературы.

При обсужденіи реферата были высказаны и еще нѣкоторыя пожеланія.

Дѣйствительно—нуждъ у насъ много не только въ области этнографіи, а и во всѣхъ областяхъ археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Съѣзды затрагиваютъ эти нужды, обсуждаютъ попытки удовлетворенія ихъ въ тѣхъ трудахъ, что привносятся какъ лепта для науки, не только спеціалистами-учеными, но и любителями. Съѣзды

пробуждаютъ интересъ къ научной работѣ, поддерживаютъ его въ тѣхъ работникахъ, что во имя культуры, во имя любви къ родинѣ, изученія ея культурнаго прошлаго и настоящаго работаютъ для нея. Чѣмъ больше у насъ будетъ культуры, чѣмъ шире будутъ распространяться знанія науки, тѣмъ выше въ научномъ отношеніи будутъ работы и любителей, тѣмъ больше явится у насъ истинно-научныхъ работниковъ во всѣхъ областяхъ изученія прошлаго нашей родины, ея многочисленныхъ памятниковъ старины и искусства, такъ еще мало извѣстныхъ намъ, мало изученныхъ.

Изъ того краткаго обзора трудовъ XIII археологическаго съѣзда, что былъ сдѣланъ выше нами, нельзя не видѣть и не признать, что они являются цѣнными, многозначительными и, несомнѣнно, внесутъ вкладъ въ науку отечественной археологіи, который съ благодарностью будетъ отмѣченъ, использованъ будущими изслѣдователями.

Нельзя не пожелать, чтобы дѣятельность археологическихъ съѣздовъ въ будущемъ еще болѣе расширялась, чтобы къ разработкѣ нашихъ „древностей" въ связи съ разработкой вопросовъ, выдвигаемыхъ общей наукой исторіи и археологіи искусствъ, у насъ выступило побольше работниковъ, подготовка которыхъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ нашихъ университетовъ, съ ростомъ нашей научной литературы, съ процвѣтаніемъ научныхъ обществъ и областныхъ музеевъ.

Два послѣднихъ археологическихъ съѣзда сослужили большую пользу дѣлу изученія древностей той области, которая составляла спеціальную задачу изслѣдованія ихъ; они оставили и крупное наслѣдіе для мѣстныхъ музеевъ, что, конечно, будетъ служить стимуломъ для дальнѣйшаго обогащенія ихъ въ связи съ дальнѣйшимъ изысканіемъ, изученіемъ древностей мѣстнаго края.

Выразимъ искреннее пожеланіе еще большей плодотворной дѣятельности будущему XIV археологическому съѣзду, который состоится въ г. Черниговѣ.

Е. Рѣдинъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Какъ въ природѣ, такъ и въ умѣ человѣческомъ есть истины неоспоримыя, которыя остаются однѣми и тѣми же и никогда не теряютъ своей силы, хотя кругомъ нихъ все подвергается постояннымъ перемѣнамъ, хотя различныя явленія принимаютъ все новыя формы, хотя являются новыя теоріи и гипотезы. Въ каждой наукѣ существуютъ свои аксіомы. Онѣ есть безспорно и въ педагогикѣ, являясь одинаково обязательными для всѣхъ культурныхъ народовъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ времени, мѣстныхъ условій и всевозможныхъ обстоятельствъ создаются разныя педагогическія требованія и обязательства, объединяемыя въ такъ называемыя школьныя правила, програмы и учебные планы, въ которыхъ во всякомъ случаѣ находятъ то или другое отраженіе и общіе принципы. Получается школьный уставъ. Послѣдній создается лишь на извѣстное время: историческія событія, уровень развитія народныхъ массъ, подъемъ или упадокъ этическаго или интеллектуальнаго уровня общества, все это можетъ вызывать перемѣны въ формѣ и сущности этого устава. Обстоятельства яснѣе проявляютъ и выводятъ наружу абсолютную правду, или, наоборотъ, прикрываютъ и затомняютъ ее.

Мы теперь на рубежѣ новой эры и въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Старая система признана негодною, создается другая. Подготовительныя работы близятся къ концу; но далеко еще не всѣ вопросы рѣшены. Да хотя бы и были уже выработаны новыя правила, всетаки останется не мало простора для мысли и слова: какъ жизнь не останавливается въ своемъ движеніи, точно также не найдетъ покоя и умъ человѣка. Въ погонѣ за истиною мы не перестанемъ дѣлать болѣе или менѣе удачные опыты, такъ или иначе добиваться счастья. При избраніи пути, ведущаго къ достиженію цѣли, намъ слѣ-

дуетъ избѣгать субъективизма, необходимо отрѣшиться отъ пристрастія. Невозможно поэтому ограничиться одною интроспекціей. Какъ бы то ни было, внѣшнее наблюденіе значительно расширитъ кругозоръ нашихъ понятій и послужитъ немаловажнымъ подспорьемъ для лучшаго уясненія вопроса. Вырабатывая новый школьный уставъ на основаніи личнаго опыта и наблюденій, мы не можемъ игнорировать школу Запада, не можемъ оставить безъ вниманія ея принципы, задачи, ея теоріи и, наконецъ, самый организмъ школы. При оцѣнкѣ всего этого, мы будемъ болѣе объективны, а такое безпристрастіе дастъ возможность вѣрнѣе и отчетливѣе раскрыть самую правду. Познакомившись съ тѣмъ, что совершенно у другихъ, не трудно уже позаимствовать хорошее и перенести его на нашу почву, на сколько это возможно.

Чтобы получить нѣкоторое представленіе о школьномъ дѣлѣ въ Западной Европѣ и, на основаніи сравнительнаго метода, выяснить практическое осуществленіе важнѣйшихъ принциповъ педагогики и нѣкоторыхъ сторонъ школьной жизни вообще, я составилъ 25 вопросовъ самаго разнообразнаго содержанія и со своими опросами (enquêtes) обратился къ педагогамъ всѣхъ почти странъ Европы. Я старался затронуть наиболѣе жгучіе вопросы, которые особенно волнуютъ наше общество. Вотъ ихъ содержаніе:

I. Допускаются ли у васъ родители къ участію въ дѣлахъ школы? Бываютъ ли родительскія собранія, на которыхъ лица, не принадлежащія къ составу даннаго учебнаго заведенія, имѣютъ право заявлять свои desiderata въ вопросахъ, касающихся школьной дисциплины, программы предметовъ, методовъ преподаванія, начала занятій, или конца учебнаго года, продолжительности каникулъ и т. п.? Принимаютъ ли родители участіе въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ? Замѣчается ли съ ихъ стороны стремленіе къ такому участію? Затрагиваются ли подобные вопросы въ печати? Независимо отъ фактовъ, было бы очень интересно знать ваше личное мнѣніе по данному вопросу.

II. Какъ у васъ смотрятъ на учениковъ старшихъ классовъ, какъ на взрослыхъ или точно такъ же, какъ на ихъ младшихъ товарищей, которые должны повиноваться, слушаться и заниматься?

III. Имѣютъ ли ваши ученики право заявлять начальству свои желанія и требованія,—жаловаться, если они чѣмъ нибудь недовольны?

IV. Всегда ли вѣжливы и привѣтливы ваши ученики со своими преподавателями? Какъ отнесся бы классъ къ сотоварищу, замѣтивъ

его некорректное поведеніе по отношенію къ учителю? Какъ обращаются преподаватели съ учениками вообще, строги ли они или снисходительны? Прибѣгаютъ ли они къ наказаніямъ, и какія мѣры взысканій примѣняются въ каждомъ, отдѣльномъ случаѣ?

V. Смотритъ ли школа за поведеніемъ воспитанниковъ внѣ учебнаго заведенія? Интересуетесь ли вы тѣмъ, что читаютъ ваши ученики, какъ они проводятъ время, гдѣ бываютъ, кто ихъ навѣщаетъ и т. п.?

VI. Контролируетъ ли школа, какъ ученики относятся къ исполненію религіозныхъ обязанностей: посѣщаютъ ли они церковь, говѣютъ и т. п.? Имѣетъ ли законоучитель большое вліяніе на воспитанниковъ?

VII. Дозволяется ли вашимъ ученикамъ издавать собственный журналъ?

VIII. Бываютъ ли въ вашихъ школахъ занятія разъ или два раза въ день? Какіе предметы бываютъ до 12-ти часовъ, и какіе послѣ полудня? Сколько времени продолжается каждый урокъ?

IX. Усердно ли посѣщаютъ ученики школу? Контролируетъ ли начальство посѣщеніе уроковъ воспитанниками? Какія мѣры принимаются въ данномъ случаѣ?

X. Когда начинается и заканчивается учебный годъ? Сколько приблизительно учебныхъ дней въ году? Какова продолжительность лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ?

XI. Сколько часовъ въ недѣлю посвящается на каждый предметъ въ отдѣльныхъ классахъ? Росписаніе уроковъ? Предметы преподаванія?

XII. Преподается ли у васъ философская пропедевтика: психологія, логика, этика, исторія философіи? Въ какихъ классахъ?

XIII. Какая цѣль преслѣдуется при изученіи новыхъ языковъ? Кѣмъ они преподаются, иностранцами или своими?

XIV. Обращено ли у васъ вниманіе на эстетическіе элементы воспитанія? Преподается ли исторія искусствъ, музыка, пѣніе? Есть ли школьный оркестръ? Устраиваются ли въ школѣ театры, концерты? Организуете ли вы экскурсіи, путешествія въ вашей странѣ или заграницу? Цѣль и задача послѣднихъ?

XV. Какъ учитель ведетъ урокъ? Спрашиваетъ ли онъ каждаго ученика отдѣльно и притомъ обстоятельно, или же въ отвѣтѣ принимаетъ участіе весь классъ? Объясняетъ ли учитель каждый урокъ? Какими путями привлекаетъ онъ вниманіе учениковъ и т. п.?

XVI. Оцѣниваются ли познанія учениковъ отмѣтками? Выдаются ли награды за хорошіе успѣхи?

XVII. Есть ли у васъ испытанія? Въ чемъ состоятъ послѣднія? Каково ваше личное мнѣніе относительно экзаменовъ?

XVIII. Интересуются ли ученики политикою? Читаютъ ли они газеты и журналы въ школѣ?

XIX. Сколько учениковъ въ вашемъ учебномъ заведеніи? Многолюдны ли классы? Сколько преподавателей?

XX. Какое жалованье получаетъ директоръ? Сколько получаютъ преподаватели?

XXI. Какую главную цѣль преслѣдуетъ ваша школа: сообщить молодымъ людямъ извѣстный запасъ свѣдѣній, или развить ихъ умъ и подготовить къ слушанію высшихъ университетскихъ курсовъ? Девизъ вашей школы?

XXII. Есть ли у васъ автономныя школы? Кѣмъ назначаются директоръ и преподаватели?

XXIII. Считается ли выше власть директора, или полномочія педагогическаго совѣта?

XXIV. Имѣютъ ли ваши ученики свою организацію, есть ли у нихъ выборные отъ каждаго класса?

XXV. Имѣютъ ли преподаватели свою организацію? Есть ли учительскіе союзы?

Мои опросы были предложены устно или письменно слѣдующимъ лицамъ:

1) *G. Hartwell Jones*, M. A., rector of Nutfield, Surrey a representative of the crown on the cour of the Welsh university, formerly professor of latin at the university college of South Wales and Monmouthshire, авторъ трудовъ: „The dawn of European civilisation, London“, 1903, „The Opportunities of Welsh Educationists“, Cardiff, 1872, и многихъ другихъ.

2) *Dr. Axel Jacobssohn*, лекторъ латинскаго и греческаго языковъ въ Стокгольмѣ, получившій высшее образованіе у себя на родинѣ и завершившій его въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ, сотрудникъ шведскихъ педагогическихъ журналовъ.

3) *Dr. Hans Thøger Adolff Winther*, преподаватель высшей школы въ Драммепѣ, одинъ изъ выдающихся педагоговъ въ Норвегіи.

4) *Dr. A. B. Drachmann*, Docent, преподаватель гимназіи въ Копенгагенѣ, извѣстный ученый и педагогъ.

5) *Dr. Georg Brunn*, преподаватель гимназіи въ Кольдингѣ (Данія), сотрудникъ датскаго педагогическаго журнала: „Vor Ungdom".

6) *Dr. E. B.*, профессоръ одной изъ гимназій въ Мюнхенѣ, выдающійся нѣмецкій ученый [1]).

7) *Dr. Martin Fickelscherer*, профессоръ королевской гимназіи въ Хемницѣ (Саксонія), издавшій нѣсколько учебниковъ, авторъ многихъ педагогическихъ статей.

8) *Dr. E. Samter*, преподаватель „Sophiengymnasium" въ Берлинѣ, сотрудникъ многихъ педагогическихъ журналовъ.

9) *M. Bazin de Bezons*, директоръ (proviseur) лицея Lakanal въ Sceaux около Парижа.

10) *M. Ch. Georgin*, профессоръ лицея Henri IV въ Парижѣ, извѣстный своими педагогическими трудами, авторъ учебниковъ.

11) *Августъ Петровичъ Гютине*, (M. A. Hutinet), преподаватель С.-Пб. 3-й гимназіи и Императорскаго училища правовѣдѣнія (въ С.-Петербургѣ), бывшій преподаватель Collège Chaptal въ Парижѣ.

12) *D. Francisco A. Commelerán*, ректоръ института кардинала Цисиеросъ (Instituto del Cardinal Cisneros) въ Мадридѣ, считающійся авторитетомъ въ педагогическомъ мірѣ Испаніи.

13) *F. Adolfo Coelho*, директоръ Curso Superior a Lettras въ Лиссабонѣ, извѣстный въ Португаліи ученый и педагогъ.

14) *M. A. Drumaux*, директоръ королевскаго лицея (аоинея) въ Ліежѣ (préfet des études de l'Athénée royal, Liège), одинъ изъ лучшихъ педагоговъ въ Бельгіи.

15) *Dr. Albert Poutsma*, преподаватель гимназіи въ Амстердамѣ, авторъ многихъ учебниковъ.

16) *Dr. Y. H. Rogge*, профессоръ гимназіи въ Амстердамѣ, авторъ учебниковъ и многихъ педагогическихъ статей.

17) *Dr. G. Finsler*, директоръ (Rektor) городской гимназіи въ Бернѣ (Rektor der Literaturabteilung des Städtischen Gymnasium in Bern), издавшій въ минувшемъ году „Die Lehrpläne der Schweizerischen Gymnasien".

18) *Dr. H. Preiswerk*, директоръ свободной гимназіи (Rector des freien Gymnasium) въ Бернѣ.

19) *Dr. Hugo Mušik*, преподаватель „Elisabethgymnasium" въ Вѣнѣ, авторъ труда „Lehr und Anschauungsbehelfe zu den lateinischen Schulklassikern" и многихъ другихъ. Wien. 1904.

---

[1]) Почтенный ученый пожелалъ, чтобы его имя не оглашалось.

20) *Dr. Franz X. Lehner*, профессоръ гимназіи въ Линцѣ (Австрія) (K. k. Professor am Staatsgymnasium, Linz. z. D.), издавшій нѣсколько трудовъ по вопросамъ, касающимся программъ средней школы.

21) *Dr. Friedrich Loebl*, профессоръ 2-й городской гимназіи въ Черновицѣ (Австрія-Буковина), опытный педагогъ.

22) *Dr. Aurelio Guiseppe Amatucci*, профессоръ лицея Гарибальди въ Неаполѣ (R. Liceo G. Garibaldi, Napoli), редакторъ журнала „La bibliotеса delle scuole italiane", авторъ многихъ научныхъ трудовъ.

23) *Г. Спиридонъ Далла(съ)* директоръ гимназіи въ Левкадѣ (С—та Мавра), Σπορίδων Δάλλας, γυμνασ. ἐν Λευκάδι (Іон. острова), извѣстный въ Греціи педагогъ.

24) Г. Киріакъ Іанники(съ), Κυρίακος Γιαννίκης, преподаватель греческой евангелической школы въ Смирнѣ, публицистъ, отличный математикъ.

25) Др. Миланъ Шевичъ, преподаватель гимназіи въ Бѣлградѣ, извѣстный очень многими педагогическими трудами (О гимназиjској методици, Београд, 1892 г., — Преподаваньа из психологиje, Београд, 1893 г.—Пример рационального наставног плана за гимназиje, Београд, 1896,—О концентрацији наставе, Београд, 1899,—Die goldene Regel der Pädagogik, 1903 и мног. друг.).

26) G. Bordan-Dnica, преподаватель гимназіи въ Букарестѣ, журналистъ.

Кромѣ того, я пользовался многими литературными трудами, въ числѣ которыхъ упомяну: Dr. A. Baumeister, Die Einrichtung und Verwaltung des höheren Schulwesens in den Kulturländern von Europa und in Nordamerika, München 1897. — Deutsche Zeitschrift für ausländisches Unterrichtswesen. Herausgegeben von Dr. I. Wychgram. Leipzig cуществ. съ 1895 до 1901 года).—Revue internationale de l'enseignement, publiée par la société de l'Enseignement supérieur. Redacteur en chef: François Picavet. Paris. — Das höhere Schulwesen der Staaten Europas. Vou Prof. Dr. Ewald Horn. Berlin. 1906.—Englische Studien. Herausgebeben vou Iohannes Hoops (gegründet von Eug. Kölbing). Leipzig. Наконецъ, мнѣ приходилось имѣть подъ рукою всѣ спеціальныя изданія въ родѣ школьныхъ уставовъ въ отдѣльныхъ государствахъ, школьныхъ программъ, отчетовъ, рѣчей и т. под., которые подробно указаны въ каждомъ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

I.

Отношеніе родителей къ школѣ.

1) [1]) Родители приглашаются въ школу только къ выдачѣ наградъ, на школьныя празднества (напримѣръ, въ годовщину основанія заведенія), къ открытію новыхъ зданій и т. под. Въ общемъ родители не имѣютъ голоса въ вопросахъ, касающихся школьной дисциплины, программы, или времени занятій, отпуска учениковъ и такъ далѣе.

Родители вполнѣ ввѣряютъ: во-первыхъ, попечительному совѣту все то, что касается общаго наблюденія за училищемъ, который на практикѣ является защитникомъ интересовъ родителей и представителемъ общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ,—директорамъ все, что касается школьной дисциплины и программъ. Директора дѣйствуютъ вообще по личному усмотрѣнію, но нерѣдко совѣщаются съ подчиненными имъ учителями. Въ случаѣ серьезнаго нарушенія дисциплины или какого-нибудь крупнаго проступка въ дѣло вмѣшивается попечительный совѣтъ; подобные случаи, однако, въ высшей степени рѣдки.

Указанная система, обезпечивая свободу дѣйствій педагогическому персоналу и допуская совѣты, даваемые дѣловыми людьми, къ числу которыхъ относятся члены попечительнаго совѣта, и въ то же время устраняя неудобное вмѣшательство постороннихъ лицъ, оказывается, повидимому, вполнѣ цѣлесообразною.

Школьный режимъ, принятый въ общественныхъ школахъ Англіи, существуетъ болѣе ста лѣтъ. Новая система, которая еще не вполнѣ разработана, вызоветъ сама собою нѣкоторыя отступленія отъ стараго порядка. Печать, подобно родителямъ, принимаетъ лишь весьма ограниченное участіе во внутренней жизни школы. Впрочемъ, и въ газетахъ затрагиваются иногда школьные вопросы, когда, напримѣръ, проектируется какая нибудь реформа, или когда возбуждается вопросъ, касающійся чрезмѣрнаго развитія атлетическаго спорта. За послѣднее время особенно много пишутъ по этому вопросу. Хотя въ общемъ и очень полезно обращать вниманіе на атлетику и игры, такъ какъ послѣднія способствуютъ развитію характера и укрѣпляютъ здоровье, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ англійскихъ школахъ удѣляютъ уже слишкомъ много вниманія этимъ играмъ. Преобладающій

[1]) Цифры при отвѣтахъ соотвѣтствуютъ номерамъ, поставленнымъ при перечисленіи ихъ авторовъ. *, ** обозначаютъ литературный матеріалъ.

принципъ англійскаго воспитанія, въ противоположность принципамъ французской и нѣмецкой школы, это развитіе инниціативы: французская и нѣмецкая системы воспитанія преслѣдуютъ однообразіе, тогда какъ англійская поощряетъ индивидуальность.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*).

2) Такъ называемые „родительскіе дни“ у насъ довольно обычное явленіе, особенно въ Стокгольмѣ; но закономъ они не установлены. Собираются родители два раза въ годъ. Если же у матери или отца есть какое нибудь особенное дѣло, то они могутъ во всякое время обращаться не только къ классному наставнику, но и ко всякому учителю, у которыхъ каждую недѣлю назначенъ свой пріемный часъ. Что касается чисто педагогическихъ конференцій, то въ нихъ участвуютъ одни только преподаватели.

Ежедневныя газеты почти не занимаются спеціальными педагогическими вопросами.

(Стокгольмъ, *Якобссонъ*).

3) Родители не допускаются къ участію въ школьныхъ дѣлахъ. Собраній родителей, на которыхъ послѣдніе могли бы выражать свои пожеланія, въ школѣ не бываетъ; но частныя педагогическія совѣщанія—явленіе довольно обычное. Въ педагогическихъ совѣтахъ родители не принимаютъ участія. Однако, въ Христіаніи, гдѣ много частныхъ школъ, со стороны родителей высказывалось уже желаніе участвовать въ школьныхъ конференціяхъ. Что касается печати, то она нерѣдко затрагиваетъ педагогическіе вопросы. По отношенію къ народнымъ школамъ дѣло обстоитъ совершенно иначе; тамъ родители имѣютъ свой общественный институтъ, такъ называемый „Filsyn“, состоящій изъ выборныхъ, троихъ мужчинъ и трехъ женщинъ для каждой школы, избираемыхъ родителями изъ ихъ же среды. Это учрежденіе приноситъ однако весьма сомнительную пользу.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) У насъ нѣтъ никакого установленнаго общенія между родителями и школой. Родители каждаго ученика могутъ сами по себѣ заявлять директору жалобы и освѣдомляться у него, о чемъ нужно, а въ крайнихъ случаяхъ—жаловаться даже министерству просвѣщенія; другого общенія между родителями и школой не существуетъ. Печать очень рѣдко вмѣшивается въ школьныя дѣла. Происходитъ это потому, что отношенія между школой и семьей вполнѣ хорошія: наша

средняя школа пользуется общимъ и заслуженнымъ довѣріемъ. Несмотря на это, всетаки была бы желательна болѣе тѣсная связь: даже при довѣріи родителей чувствуется недостатокъ въ правильномъ пониманіи послѣдними сущности и задачъ школы. Я долженъ еще прибавить, что многіе родители присутствуютъ на устныхъ годичныхъ экзаменахъ, особенно въ младшихъ классахъ, что доставляетъ дѣтямъ большое удовольствіе. Нѣкоторые ученики не разъ обращаются къ родителямъ съ просьбою ходить при случаѣ даже на ежедневные уроки.

(Копенгагенъ, *Драгманъ*).

5) Въ нѣкоторыхъ низшихъ школахъ устраиваются родительскія собранія; но они еще не имѣютъ той организаціи, какую, напримѣръ, получили въ Англіи. Замѣчается со стороны родителей возрастающій интересъ къ школьному дѣлу, притомъ большій у сельскихъ обывателей, чѣмъ у горожанъ.

(Кольдингъ, *Брунъ*).

6) Родители учениковъ, какъ таковые, сами по себѣ не участвуютъ въ постановкѣ учебнаго дѣла. Вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Баваріи, на сколько я знаю, не существуетъ такъ называемыхъ „родительскихъ вечеровъ" или другихъ подобнаго рода совѣщаній между учителями и родителями, которые свободны въ выборѣ школы. Родителямъ всегда предоставляется возможность вступить въ сношеніе съ начальникомъ учебнаго заведенія во время пріемныхъ часовъ послѣдняго. У нихъ есть также право сообщать начальству заявленія и жалобы, чѣмъ они и пользуются. Родители могутъ жаловаться на учителя или ректора высшему начальству; они могутъ печатать въ журналахъ статьи; но сообща (корпоративно) они никогда не выступаютъ. Недружелюбное отношеніе къ школѣ многихъ родителей представляетъ изъ себя и безъ того печальное явленіе въ большихъ городахъ. Родительскіе вечера, общія собранія родителей вмѣстѣ съ учителями, на которыхъ читаются доклады и происходятъ пренія педагогическаго характера, вводятся у насъ въ видѣ опыта только въ народныхъ школахъ. Возможно, что такимъ образомъ удастся выяснить нѣкоторые вопросы и возбудить большее сознаніе общихъ интерессовъ. Но нельзя отрицать, что большинство родителей мало понимаетъ педагогическіе интерессы, и что многіе родители весьма плохіе воспитатели своихъ дѣтей. Отъ нихъ нельзя и ожидать ничего, кромѣ слѣпого пристрастія къ сыновьямъ. Родители же, хорошо настроенные къ школѣ и довольные ею, обыкновенно хранятъ молчаніе. Печать часто

затрогиваетъ педагогическіе вопросы, въ большинствѣ случаевъ — по побужденію недовольныхъ родителей. При этомъ со стороны учителей появляются въ свою очередь статьи, въ которыхъ они защищаютъ истину. Вопросъ относительно преимуществъ отдѣльныхъ видовъ школъ до сихъ поръ не исчерпанъ, и гуманистической гимназіи приходится выдерживать много, иногда очень враждебныхъ нападокъ.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Родители не имѣютъ права принимать участіе въ дѣлахъ и организаціи школы. При опредѣленіи мальчика въ гимназію, ихъ знакомятъ съ обязанностями учениковъ и со школьнымъ уставомъ вообще, которому они должны подчиняться. Спрашивать намъ у родителей ихъ пожеланія и мнѣнія относительно веденія преподаванія не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ это дало бы только безполезную и на практикѣ непримѣнимую смѣсь всевозможныхъ требованій и претензій. Въ мѣстной печати нападенія на школу встрѣчаются рѣдко.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Родители не допускаются у насъ къ участію въ рѣшеніи школьныхъ проблемъ; но въ печати уже обсуждался вопросъ относительно того, не обратиться ли къ устройству родительскихъ вечеровъ (Elternabende), какъ лучшему средству для осуществленія болѣе тѣсной связи между семьей и школой. На предпослѣднемъ собраніи филологовъ въ Галле, на сколько мнѣ извѣстно, одинъ профессоръ изъ Вѣны (Іерузалемъ) читалъ рефератъ по этому вопросу.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Родители нашихъ учениковъ не принимаютъ участія въ жизни учебнаго заведенія; таковы наши традиціи, отъ которыхъ намъ нельзя отказаться. Наши преподаватели были бы непріятно удивлены, увидя семьи своихъ учениковъ допущенными къ присутствованію на ихъ урокахъ. Программы даны намъ правительствомъ, и мы должны ихъ строго придерживаться. Однако родители допускаются на развлеченія, которыя мы устраиваемъ для учениковъ.

Я лично думаю, что было бы, быть можетъ, полезно знакомить семью ближе съ жизнью школы.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) У насъ родители не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ жизни среднихъ учебныхъ заведеній; но если хотятъ, то могутъ по-

рознь являться лично къ директору, инспектору (le proviseur ou le censeur) или профессорамъ и бесѣдовать съ ними. Что касается школьныхъ программъ, то послѣднія исходятъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и приводятся въ исполненіе по усмотрѣнію „conseil supérieur". Кромѣ того, существуетъ спеціальная пресса, посвященная среднему образованію, въ которой заявляются и обсуждаются пожеланія. Но однако лишь министерство можетъ дѣлать распоряженія; точно также лишь отъ него зависятъ преподаватели. Преимущество такого управленія заключается въ томъ, что оно обезпечиваетъ независимость педагоговъ по отношенію къ родителямъ. Преподаваніе находится у насъ въ рукахъ правительства.

(Парижъ, *Жоржень*).

11) Родители учениковъ не имѣютъ никакого отношенія къ учебному заведенію: методы преподаванія указаны, и программы выработаны министерствомъ народнаго просвѣщенія. Точно также родители не имѣютъ права присутствовать на педагогическихъ совѣтахъ въ учебномъ заведеніи. Тѣмъ не менѣе если въ учебныхъ планахъ усматриваются недостатки, то требовать пересмотра даннаго устава является дѣломъ общественнаго мнѣнія, которое обращается къ посредничеству печати; однако, одно только министерство народнаго просвѣщенія считается въ данномъ случаѣ компетентнымъ.

(С.-Петербургъ, *Гютине*).

12) Родители нашихъ учениковъ не принимаютъ участія въ жизни учебнаго заведенія; равнымъ образомъ послѣдніе не могутъ заявлять своихъ desiderata по отношенію къ школьнымъ программамъ; во всякомъ случаѣ они этого до сихъ поръ не домогались. Впрочемъ вопросы, касающіеся допущенія родителей на педагогическія конференціи, затрагивались въ профессіональной печати, посвященной начальному образованію. Польза такого участія, по моему личному мнѣнію, слишкомъ спорная.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Родители въ общемъ очень мало интересуются программами и методами преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. Ихъ заботы о воспитаніи сыновей сводятся лишь къ тому, чтобы послѣдніе добились аттестата. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пытался устроить публичныя лекціи на педагогическія темы, но эти чтенія не вызвали интереса къ учебно-воспитательнымъ вопросамъ ни у преподавателей, ни у родителей. Программы и учебные планы вырабатываются министер-

ствомъ промышленности при содѣйствіи особаго совѣщательнаго ученаго комитета. Печать рѣдко затрогиваетъ вопросы, касающіеся организаціи начальной школы. Только изрѣдка въ газетахъ можно встрѣтить отзвукъ жалобы того или другого ученика, недовольнаго полученнымъ имъ балломъ. Все сказанное касается низшей школы. Иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ лицеямъ. Новая организація послѣднихъ вызвала за послѣднее время настоящую бурю въ прессѣ, въ обществѣ и въ палатахъ. Въ преніяхъ и спорахъ по поводу новаго устава 1895 года принимали участіе комитеты учениковъ, родителей и преподавателей. Причиной неудовольствія и несогласій было, съ одной стороны, установленіе неизмѣннаго учебнаго плана, обнимающаго 7 лѣтъ ученія, при непосильномъ, какъ казалось, числѣ учебныхъ часовъ въ недѣлю, съ другой же стороны—провалъ многихъ учениковъ на испытаніяхъ. Этотъ строгій режимъ явился на смѣну прежнему, который, предоставляя полную свободу, позволялъ дѣтямъ кончать среднее образованіе уже въ 13 или 14 лѣтъ и затѣмъ записываться въ число слушателей университета. Результаты борьбы, объявленной реформѣ 1895 года, оказались весьма плачевными. Въ газетахъ стали появляться публикаціи частныхъ учебныхъ заведеній, берущихся подготовить къ экзамену за полный курсъ лицея въ теченіе трехъ лѣтъ вмѣсто семи. Это удовлетворило родителей, печать, словомъ—все общество. Подобное печальное отношеніе послѣдняго къ вопросамъ преподаванія сдѣлается яснѣе, если привести слѣдующія слова, напечатанныя въ одной изъ наиболѣе вліятельныхъ португальскихъ газетъ: „Знаніе цѣнно, но цѣннѣе всего—дипломъ, а потому слѣдуетъ, по возможности, облегчить полученіе послѣдняго".

(Лиссабонъ, *Коелiо*).

14) Программа установлена правительствомъ. Родители могутъ выражать свои пожеланія въ печати или какимъ нибудь другимъ образомъ; но вводить въ программу какія бы то ни было измѣненія является дѣломъ одного лишь правительства.

Педагогическіе совѣты не для родителей. Въ нихъ принимаютъ участіе только начальникъ учебнаго заведенія и преподаватели. На сколько я знаю, вопросъ объ участіи родителей никогда не возбуждался у насъ въ печати. Допущеніе родителей на педагогическіе совѣты явилось бы, по моему, большимъ неудобствомъ, такъ какъ большая часть изъ родителей некомпетентна въ вопросахъ преподаванія и педагогики.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Родители не принимаютъ у насъ никакого участія въ дѣлахъ учебнаго заведенія. Они не устраиваютъ въ школѣ собраній и не имѣютъ права заявлять свои пожеланія. Но нельзя отрицать, что среди родителей все болѣе и болѣе проявляется стремленіе къ вмѣшательству въ преподаваніе. Дѣло касается главнымъ образомъ слѣдующихъ двухъ пунктовъ: 1) согласованія программы низшей школы со средней и высшей; 2) домашнихъ работъ, т. е. вопроса о времени для приготовленія уроковъ. Въ особенности послѣдній пунктъ поставленъ теперь на очередь и часто обсуждается въ періодической печати. Составился даже союзъ, который имѣетъ цѣлью борьбу съ обремененіемъ дѣтей работою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введенъ уже извѣстный контроль надъ домашними работами учениковъ. Въ гимназіяхъ въ Амстердамѣ три ученика въ каждомъ классѣ отмѣчаютъ въ теченіе всей недѣли, сколько времени уходитъ у нихъ на приготовленіе каждаго предмета.

Такъ какъ вамъ интересно и мое личное мнѣніе, то я могу спокойно сказать, что, по моему, избранъ у насъ ложный путь. Вліяніе родителей на преподаваніе должно быть сведено до минимума, потому что послѣдніе, считая себя въ правѣ высказываться по вопросамъ педагогики, оказываются въ то же время на практикѣ весьма плохими педагогами. Мы и сами, безъ сомнѣнія, думаемъ о томъ, чтобы не обременять излишнимъ трудомъ ребенка и не вести преподаванія слишкомъ торопливо. Относительно перваго пункта могу вамъ сообщить, что онъ интересуетъ также и наше правительство. Уже два года существуетъ особая комиссія, которая должна выработать болѣе тѣсную связь между курсомъ гимназіи и университета. Тутъ, напримѣръ, затронутъ вопросъ о греческомъ языкѣ: замѣчается стремленіе къ освобожденію отъ этого предмета, совершенно или отчасти, тѣхъ молодыхъ людей, которые намѣрены посвятить себя въ будущемъ медицинѣ, математикѣ или естественнымъ наукамъ. Упомянутая комиссія до сихъ поръ еще не представила рапорта, но послѣдній, очевидно, не замедлитъ появиться. Въ заключеніе вотъ что еще. Лишь при начальной школѣ существуетъ комиссія изъ родителей, передъ которой отвѣчаютъ лица, не посылающія безъ уважительной причины дѣтей учиться. Если удостовѣрена умышленная неявка ребенка, то дѣло рѣшается судебнымъ порядкомъ, и на родителей налагается денежный штрафъ.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Мы собираемся въ половинѣ іюля на годичный актъ. Доступъ разрѣшенъ всякому. Родительскихъ собраній въ школѣ не бываетъ. Въ педагогическихъ совѣтахъ родители участія не принимаютъ. Печать иногда затрагиваетъ вопросъ о собраніяхъ родителей совмѣстно съ преподавателями, въ родѣ тѣхъ, которыя у нѣмцевъ называются „Elternabende“.

Мнѣ лично подобныя собранія не кажутся цѣлесообразными.

(Амстердамъ, * Porte*).

17) Участіе родителей въ школьной жизни не такъ велико, какъ это вообще было бы желательно. Мнѣ уже приходилось созывать конференціи отцовъ для обсужденія съ нами многихъ вопросовъ, касающихся общенія семьи со школою. Такія собранія имѣли цѣлью выработку нѣкоторыхъ петицій къ высшимъ инстанціямъ. Такъ, напримѣръ, въ промежутокъ послѣднихъ 12-ти лѣтъ было у насъ три конференціи по поводу окончательныхъ испытаній. Въ общемъ, я долженъ замѣтить, что участіе родителей въ дѣлахъ школы еще не организовано у насъ, какъ слѣдуетъ. Около восьми лѣтъ тому назадъ „женскій союзъ друзей школы (Frauenverein der Schulfreundlichen)“ требовалъ, чтобы было разрѣшено депутату отъ его членовъ присутствовать на засѣданіяхъ школьной комиссіи. Желаніе это не было однако исполнено: удовлетвореніе его могло бы вызвать большія осложненія. Посѣщеніе же родителями уроковъ, наоборотъ, всегда разрѣшается и на дѣлѣ часто практикуется.

По моему мнѣнію, было бы желательно большее сближеніе съ родителями. Но это сближеніе должно возникнуть само по себѣ; всякое приказаніе или вообще искусственныя мѣры были бы въ данномъ случаѣ безсильны. Правду сказать, часто является у родителей опасеніе, какъ бы отъ ихъ вмѣшательства не пострадали дѣти. Такая боязнь въ большинствѣ случаевъ, конечно, неосновательна, хотя нельзя отрицать, что нѣкоторые учителя бываютъ слишкомъ обидчивы и легко принимаютъ общія замѣчанія на свой счетъ. Нужна большая осторожность вообще.

Печать часто затрагиваетъ школьные вопросы; въ важныхъ же дѣлахъ я самъ охотно прибѣгаю къ гласности.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Родителямъ учениковъ разрѣшенъ во всякое время доступъ какъ на уроки по всѣмъ предметамъ, такъ и къ директору, которому

они могутъ сообщать свои пожеланія. Родительскія собранія созываются рѣдко и то въ экстренныхъ случаяхъ. Гимназическое начальство, желая узнать мнѣніе родителей по какому либо вопросу, обращается къ послѣднимъ письменно. Въ общемъ мы стараемся всегда дѣйствовать единодушно съ родителями учениковъ и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять ихъ желанія.

Болѣе существенные вопросы обсуждаются также и въ печати.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Родители не допускаются къ участію въ школьной жизни. Собранія родителей или такъ называемые родительскіе вечера, въ школѣ, дѣйствительно, устраиваются; но родители допускаются лишь по особымъ приглашеніямъ и съ тою цѣлью, чтобы могли выяснить себѣ общепедагогическіе или методическіе вопросы. На такомъ собраніи одинъ изъ преподавателей читаетъ рефератъ по какому либо вопросу, напримѣръ, объ отношеніи между школою и родительскимъ домомъ, о томъ, какъ семья можетъ поддерживать школу и т. п. Пренія же по поводу доклада не допускаются. Въ журналахъ часто появляются мнѣнія родителей по разнымъ вопросамъ школьной жизни. Тутъ обсуждаются часто общіе или спеціальные вопросы изъ области педагогики и методики съ точки зрѣнія той или другой партіи. Нѣкоторыя газеты въ извѣстные промежутки времени выпускаютъ въ видѣ приложеній такъ называемыя „Unterrichtszeitungen", посвященныя учебнымъ вопросамъ. Такъ какъ у насъ въ Австріи имѣются самыя разнообразныя школы, а именно гимназіи съ латинскимъ и греческимъ языками, реальныя училища съ французскимъ и англійскимъ языками, ремесленныя училища высшаго и низшаго разряда, агрономическія, промышленныя, коммерческія и т. д., то родители могутъ выбрать свободно заведеніе, наиболѣе соотвѣтствующее какъ ихъ собственнымъ вкусамъ, такъ и способностямъ ихъ дѣтей. Въ виду того, что было бы очень трудно исполнять всѣ, часто совершенно противорѣчивыя желанія родителей, принадлежащихъ къ разнообразнымъ общественнымъ классамъ,—я нахожу вполнѣ умѣстнымъ то обстоятельство, что родители у насъ не имѣютъ опредѣленнаго вліянія на то или другое учебное заведеніе. Школьные вопросы должны рѣшаться совершенно объективно въ спеціальныхъ журналахъ, но въ политическихъ газетахъ съ опредѣленною субъективною окраскою ихъ обсужденіе не должно имѣть мѣста. На организацію отдѣльныхъ школъ оказываетъ свое вліяніе парламентъ; онъ то и служитъ соединитель-

нымъ звеномъ между школою и родителями, которые такимъ образомъ имѣютъ возможность выражать свои пожеланія чрезъ парламентъ.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Родители, каждый въ отдѣльности, не имѣютъ вліянія на школы. Послѣднія подчинены провинціальнымъ или общимъ государственнымъ законамъ. Однако, если родители объединяются на собраніяхъ, то совѣты ихъ охотно принимаются въ разсчетъ и разсматриваются надлежащимъ образомъ учебнымъ персоналомъ школы. Въ Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ такія „родительскія совѣщанія" (Elternkonferenzen) и „родительскіе вечера" (Elternabende) сдѣлались почти регулярнымъ явленіемъ. Въ прошломъ году въ нашей гимназіи состоялся подобный родительскій вечеръ, устроенный по иниціативѣ родителей и привлекшій многихъ изъ нихъ. На немъ было высказано пожеланіе, чтобы уроки заканчивались, на сколько возможно, до двѣнадцати часовъ дня, что и было до нѣкоторой степени приведено въ исполненіе. Точно также и ежедневная печать затрагиваетъ часто вопросы преподаванія и обсуждаетъ ихъ въ болѣе или менѣе дѣльныхъ статьяхъ. Нѣкоторыя газеты имѣютъ даже періодическія приложенія, посвященныя вопросамъ преподаванія.

Такъ какъ вы спрашиваете мое мнѣніе по этому вопросу, то заявляю, что я лично всегда готовъ разсматривать съ родителями моихъ учениковъ педагогически-дидактическіе вопросы.

Въ нашей гимназіи мы ввели также такъ называемые „Sprechstunden" (пріемные часы), которые обязываютъ учителя присутствовать въ назначенное время въ школѣ и принимать какъ родителей, такъ и тѣхъ, которые замѣняютъ ученикамъ мѣсто послѣднихъ. Польза, приносимая такой живой связью между семьей и школой, безспорно, велика. Конечно, есть и такіе родители, которые только тогда безпокоятся о судьбѣ своихъ дѣтей, когда послѣдніе получатъ неудовлетворительныя отмѣтки. Мы, дѣйствительно, протягиваемъ родителямъ руку, но не навязываемся. „Объяснительная записка наставникамъ австрійскихъ гимназій" ясно предписываетъ сообщать родителямъ въ простой и вѣжливой формѣ результаты наблюденій надъ ихъ дѣтьми, подавать имъ совѣтъ и утѣшать ихъ, если это окажется нужнымъ. Если мы въ этомъ случаѣ наталкиваемся на равнодушіе или даже на рѣзкія возраженія, то, естественно, отступаемъ, не отказываясь

однако отъ попытокъ къ введенію возможныхъ улучшеній въ области школьной жизни.

(Линцъ, *Ленсръ*).

22) Родители нашихъ учениковъ не могутъ принимать участія въ жизни учебнаго заведенія. Что касается права заявлять свои требованія относительно методовъ преподаванія, то имъ это въ общемъ не возбраняется, но на практикѣ примѣняется рѣдко, такъ какъ родители не педагоги.

Педагогическихъ конференцій съ участіемъ родителей мы не знаемъ.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Родители учениковъ, посѣщающихъ наши среднія учебныя заведенія, вообще не имѣютъ права вмѣшиваться въ жизнь школы, да они ею и не интересуются совершенно. Ихъ вниманіе и интересы направлены на другіе предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ учебному заведенію. Педагогическихъ конференцій, на которыхъ могли бы присутствовать и въ которыхъ могли бы принимать участіе родители, мы не устраиваемъ. Пять лѣтъ тому назадъ, во время каникулъ, были созваны министерствомъ просвѣщенія въ Аѳины всѣ преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь былъ имъ прочитанъ рядъ лекцій профессорами, получившими образованіе въ западной Европѣ; темою служило изложеніе различныхъ методовъ преподаванія. Это было единственное педагогическое собраніе, въ собственномъ смыслѣ, за 65 лѣтъ. Печать, всецѣло занятая политикой, не имѣетъ времени интересоваться школьными вопросами. Да она была бы даже неспособна къ этому, такъ какъ находится въ рукахъ молодыхъ невѣжественныхъ людей. Если предположить даже, что родители и интересовались бы развитіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, то они всетаки, думаю, не были бы въ состояніи выразить свои пожеланія относительно программъ и разныхъ школьныхъ вопросовъ. Масса вѣдь не можетъ услѣдить за наукою, которая составляетъ достояніе немногихъ людей. Поэтому родители не въ состояніи знать, что полезно, и что вредно для ихъ дѣтей въ школѣ. Вотъ примѣръ. Очень многіе у насъ ставятъ школѣ въ упрекъ преподаваніе латинскаго языка, указывая на то, что данный языкъ мертвъ, а потому де безполезенъ. Это и доказываетъ полное непониманіе какъ отличительныхъ свойствъ даннаго предмета, способствующаго гармоническому развитію ума, такъ и той воспитательной силы, которая въ немъ кроется. Если эти люди заблуждаются относительно столь простого вопроса, то развѣ

они могутъ уяснить себѣ надлежащимъ образомъ болѣе сложные педагогическіе вопросы?

(Левкада, *Далла*).

24) Родители и вообще общество относятся совершенно безразлично къ программамъ и методамъ преподаванія. Нерѣдко, впрочемъ, приходится слышать со стороны общества робкія замѣчанія, что та или другая часть программы составлена плохо или слишкомъ обширна, что слѣдуетъ устранить изъ гимназій латынь и т. п.; этимъ собственно общественное мнѣніе и ограничивается. Въ печати я не встрѣтилъ ни разу болѣе или менѣе серьезнаго обсужденія учебныхъ программъ. Что касается методовъ преподаванія, то у насъ, къ сожалѣнію, придерживаются еще устарѣвшей рутины. Примѣняемая здѣсь система обученія отнимаетъ у молодыхъ людей гораздо больше времени и труда, чѣмъ нужно было бы на самомъ дѣлѣ. Но еще хуже то, что излишнее разнообразіе и количество уроковъ, а также нѣкоторая неопредѣленность программы отзываются пагубно на развитіи памяти, воли и сужденія. Наши мальчики, начиная учиться съ 7-ми лѣтъ, въ 18—19 становятся баккалаврами, при чемъ имъ приходится работать ежедневно по 6 — 7 часовъ въ школѣ, не считая домашнихъ занятій. И послѣ такого усиленнаго и продолжительнаго труда многіе изъ оканчивающихъ спрашиваютъ у насъ: „За что мнѣ взяться, чтобы добыть себѣ пропитаніе?". Я увѣренъ, что было бы иначе, если бы начинали учиться лишь въ 10 лѣтъ; при такихъ условіяхъ, мальчикъ самыхъ среднихъ способностей былъ бы въ состояніи въ теченіе 5 лѣтъ пріобрѣсти достаточное образованіе для того, чтобы проложить себѣ въ жизни дорогу или приступить къ дальнѣйшему образованію, и память его была бы несравненно лучше, способности не были бы истощены одуряющимъ трудомъ, который приковывалъ юношу къ скамьѣ въ теченіе всей его лучшей жизни; онъ былъ бы одаренъ безспорно болѣе высокими нравственными качествами. Преждевременный и слишкомъ обременительный трудъ убиваетъ въ дѣтяхъ всякую жизнеспособность и превращаетъ ихъ въ маленькихъ ученыхъ, неспособныхъ къ борьбѣ съ жизнью и къ прогрессу. Я могъ бы подтвердить свои положенія многочисленными примѣрами, взятыми изъ жизни и являющимися результатами моихъ наблюденій за время моей педагогической дѣятельности, но не стану приводить доказательствъ, такъ какъ это завлекло бы меня слишкомъ далеко.

(Смирна, *Іанники*).

25) Родители въ общемъ не принимаютъ участія въ школьной жизни, если не считать тѣхъ случаевъ, когда они оказываютъ на насъ то или другое вліяніе посредствомъ своего личнаго воздѣйствія на руководителей учебнаго заведенія. Совмѣстныя собранія родителей съ учителями въ нашей школѣ не введены; одинъ изъ директоровъ, впрочемъ, сдѣлалъ было по собственной иниціативѣ подобный опытъ, но на этомъ дѣло и остановилось.

Родители выказываютъ себя обыкновенно равнодушными къ школѣ; изъ этого равнодушія выводитъ ихъ лишь какая-нибудь опасность, угрожающая дѣтямъ или же постигшая послѣднихъ. Печать мало интересуется педагогическими вопросами; даже крупныя реорганизаціи въ школьной жизни проходятъ совершенно незамѣченными со стороны печати. У насъ еще не оцѣнили должнымъ образомъ того, хотя и медленнаго, но зато вѣрнаго вліянія, которое оказываетъ на общество воспитательная роль школы; большинство держится того убѣжденія, что достигнуть всего можно непосредственно лишь путемъ политическаго воздѣйствія. Мы, подобно всѣмъ мало прогрессивнымъ народамъ, не понимаемъ смысла плодовъ будущаго, точно также не дорожимъ прошлымъ; но признаемъ и цѣнимъ лишь то, что имѣетъ значеніе для даннаго момента.

Что касается участія родителей въ дѣлахъ школы, то, въ противоположность Леману и Циглеру, я держусь того мнѣнія, что родительскія конференціи неизбѣжны для успѣшнаго хода школьнаго дѣла. Мы знаемъ нашихъ учениковъ лишь съ одной стороны, между тѣмъ необходимо всестороннее ознакомленіе съ ними, чего достигнуть возможно лишь при помощи соприкосновенія съ семьей. Родителямъ, какъ таковымъ, должна быть отведена въ школьныхъ дѣлахъ совѣщательная роль, дабы они могли помогать намъ справляться съ нашими задачами, отвѣтственность за которыя возлагалась, совершенно несправедливо, лишь на насъ однихъ. Съ другой стороны, ни въ коемъ случаѣ родителямъ не можетъ быть предоставленъ рѣшающій голосъ въ управленіи школой; ихъ взгляды оказываются слишкомъ односторонними и индивидуальными, такъ какъ родители придаютъ весьма много значенія тому, что касается ихъ лично, оставляя безъ вниманія болѣе глубокіе и широкіе вопросы воспитанія.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Родители нашихъ учениковъ подвинулись недалеко впередъ; во всякомъ случаѣ можно бы желать бо́льшаго. Они болѣе заботятся

о доходныхъ и выгодныхъ должностяхъ, чѣмъ о научной подготовкѣ къ послѣднимъ. Школа не находитъ достаточной поддержки въ семьяхъ своихъ воспитанниковъ. Когда составляются или обсуждаются программы, то родители узнаютъ о результатахъ работъ изъ газетъ или парламентскихъ отчетовъ. Они, понятно, имѣютъ право предъявлять свои пожеланія, какъ министерству, такъ и парламенту, но я лично не знаю такихъ гражданъ, которые пользовались бы этимъ правомъ по отношенію къ школѣ. Директора учебныхъ заведеній сами по себѣ не имѣютъ права дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ программахъ; имъ, впрочемъ, не возбраняется разрѣшать родителямъ присутствовать на урокахъ (однако лишь весьма немногіе пользуются подобною льготою).

Печать затрагиваетъ отъ поры до времени школьные вопросы; но, при своей поверхности, она не можетъ доказать родителямъ всей важности этого вопроса, и послѣдній все еще лишенъ сильныхъ, убѣжденныхъ поборниковъ.

Я самъ большой приверженецъ родительскихъ собраній, которыя, при настоящемъ положеніи дѣла, считаю сообразными съ требованіями времени. Родители и содержатели пансіоновъ должны непремѣнно привлекаться къ совѣщаніямъ. Дальнѣйшей и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдней ступенью явился бы такъ называемый родительскій школьный совѣтъ.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

II.

Отношеніе преподавателей къ старшимъ ученикамъ.

1) Корпоративный духъ развитъ въ англійскихъ школахъ. Мы прививаемъ ученикамъ чувство солидарности, духъ товарищества и сознаніе своей чести и достоинства. Поэтому со старшими мальчиками обращаются у насъ, какъ со взрослыми юношами: имъ предоставляется гораздо бо́льшая свобода, чѣмъ ихъ младшимъ товарищамъ.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*).

2) Съ учениками старшихъ классовъ обращаются у насъ, какъ съ мальчиками, однако съ предусмотрительностью. Тѣлесныя наказанія примѣняются лишь въ младшихъ классахъ и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда ученикъ не исправился послѣ другихъ мѣръ взысканій. Повторяющіеся проступки наказываются палкою; но случается

это не болѣе, чѣмъ два раза въ 10 лѣтъ. Я сужу по отношеніямъ, которыя существуютъ въ нашей школѣ.

(Стокгольмъ, *Якобсонъ*).

3) Требованія, предъявляемыя по отношенію къ ученикамъ старшихъ классовъ, такія же, какія существуютъ по отношенію къ ихъ младшимъ товарищамъ. И тѣ и другіе обязаны работать и слушаться. Тѣлесныя наказанія однако не должны примѣняться къ старшимъ.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Ученики старшихъ классовъ продолжаютъ всецѣло подчиняться школьной дисциплинѣ, хотя, понятно, тѣлесныя наказанія примѣняются по отношенію къ нимъ рѣдко. Старшимъ воспитанникамъ предоставлена немного большая свобода, чѣмъ ихъ младшимъ товарищамъ: они могутъ оставаться во время перемѣны въ классѣ (хотя не во всѣхъ школахъ), но обязаны маршировать въ рядахъ, отправляясь играть въ садъ, или возвращаясь оттуда и т. п. Учителя къ нимъ обращаются большею частью на „вы", хотя бываетъ различно; такъ обыкновенно въ провинціи, да и въ Копенгагенѣ, директоръ и старшіе учителя говорятъ ученикамъ „ты" до самаго выпускного экзамена, иногда и послѣ окончанія заведенія.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Со старшими учениками (16—18 лѣтъ) по большей части обращаются иначе, чѣмъ съ мальчиками. Имъ предоставлена въ нѣкоторомъ отношеніи извѣстная свобода.

(Кольдингъ, *Бруннъ*).

6) Къ ученикамъ пяти младшихъ классовъ преподаватели обращаются на „ты"; въ 4-хъ старшихъ классахъ говорятъ ученикамъ „вы". Другого различія между старшими и младшими учениками школьная дисциплина не знаетъ. Всѣ воспитанники до самаго выхода изъ школы считаются учениками и подчиняются однимъ и тѣмъ же правиламъ.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Въ старшихъ классахъ тактичный учитель обыкновенно сообразуетъ свое отношеніе къ молодымъ людямъ съ возрастомъ послѣднихъ. Если приходится высказать ученику порицаніе, то мы стараемся дѣйствовать на его честолюбіе, и только въ трудныхъ случаяхъ примѣняютъ у насъ въ видѣ наказанія лишеніе свободы. Наши старшіе

ученики должны, впрочемъ, усердно работать и трудиться, такъ какъ переводы въ высшіе классы даются очень строго. Много у насъ серьезнаго дѣла, и пустяками заниматься некогда.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Ученики старшихъ классовъ обязаны, подобно всѣмъ остальнымъ товарищамъ, аккуратно исполнять свои работы. Въ общемъ, однако, къ нимъ примѣняется другое обращеніе, чѣмъ къ младшимъ воспитанникамъ, и ихъ болѣе зрѣлый возрастъ принимается, по мѣрѣ возможности, въ разсчетъ.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) По отношенію къ нашимъ старшимъ ученикамъ примѣняется мягкое обращеніе. Сами мы не увеличиваемъ требованій и предписаній закона, но придаемъ тѣмъ большее значеніе послушанію и уваженію—качествамъ наиболѣе цѣннымъ въ жизни.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Обращеніе повсюду мягкое и снисходительное, особенно по отношенію къ взрослымъ ученикамъ: мы пытаемся вліять скорѣе на ихъ разумъ, чѣмъ дѣйствовать страхомъ и угрозами. Наказывать стараемся возможно меньше. Взысканія бываютъ, впрочемъ, не жестокія; такъ, въ видѣ наказанія, задаются дополнительныя работы, или воспитанники лишаются отпуска въ четвергъ или въ воскресенье. Что касается меня лично, то мнѣ иногда не приходилось наказывать въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Французскій воспитанникъ, склонный къ независимости по самой своей природѣ, не могъ бы приноровиться къ слишкомъ военной дисциплинѣ, которая и не достигаетъ цѣли въ воспитаніи. Мы далеки отъ Наполеоновскаго университета.

(Парижъ, *Жоржэнъ*).

11) Съ учениками старшихъ классовъ обращаются во Франціи, какъ съ молодыми людьми; но послѣдніе тѣмъ не менѣе должны учиться, слушаться и повиноваться, подобно своимъ младшимъ товарищамъ.

(С-Пб., *А. Гютине*).

12) Съ учениками старшихъ классовъ мы обращаемся точно такъ же, какъ съ ихъ младшими товарищами. Дѣйствительно, и тѣ, и другіе обязаны повиноваться, слушаться, учиться и отвѣчать, когда ихъ вызываютъ.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Всѣ ученики подчинены одному и тому же школьному режиму.
(Лиссабонъ, *Коеліо*).

14) Для всѣхъ учениковъ существуетъ одинъ и тотъ же уставъ. Но преподаватель долженъ умѣть пользоваться имъ, принимая въ соображеніе возрастъ, характеръ и способности ввѣренныхъ ему воспитанниковъ.
(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Мы смотримъ на учениковъ старшихъ классовъ, какъ на ихъ младшихъ товарищей, которые должны работать и повиноваться. Они подчинены той же дисциплинѣ, какъ и остальные воспитанники, несмотря на то, что мы обращаемся съ ними дружелюбнѣе, чѣмъ съ маленькими.
(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) На старшихъ учениковъ смотрятъ у насъ такъ же, какъ на ихъ младшихъ товарищей.
(Амстердамъ, *Роге*).

17) Между учителями и учениками существуютъ вполнѣ хорошія отношенія, хотя трудно дать вѣрную картину послѣднихъ. Много въ данномъ случаѣ зависитъ отъ индивидуальности отдѣльныхъ преподавателей, очень многое отъ различія въ возрастѣ, отдѣляющаго учителя отъ ученика: когда учителю пятьдесятъ лѣтъ, то, естественно, явится у него другое отношеніе къ ученикамъ, чѣмъ въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ.
(Бернъ, *Финслеръ*).

18) На учениковъ старше шестнадцатилѣтняго возраста мы смотримъ уже не какъ на мальчиковъ, а какъ на молодыхъ людей и обращаемся къ нимъ на „вы", но къ фамиліи не прибавляемъ „господинъ", такъ напр.: „Мейоръ, переводите!" („Meyer, übersetzen Sie!"). Наказаній по отношенію къ старшимъ мы избѣгаемъ и стараемся дѣйствовать на ихъ чувство чести и сознаніе долга. Старшіе ученики имѣютъ также право курить за предѣлами школы, посѣщать рестораны, разумѣется, не черезчуръ часто; вообще имъ предоставлена свобода на столько, на сколько позволяютъ школьные уставы. Но работать они должны обязательно много. Въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей ученикъ обязанъ оставить школу. Но и въ такихъ случаяхъ стараемся, на сколько возможно, пробудить въ воспитанникѣ трудолюбіе путемъ честолюбія.
(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Ученики старшихъ классовъ должны подчиняться школьной дисциплинѣ, которая въ каждомъ училищѣ облечена въ форму школьнаго устава. Они должны равнымъ образомъ работать и слушаться (самыми старшими учениками гимназіи бываютъ молодые люди отъ 18 до 20 лѣтъ).

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) На учениковъ старшихъ классовъ мы смотримъ въ общемъ не какъ на взрослыхъ людей, но какъ на подростковъ, которые еще нуждаются въ совѣтахъ и руководствѣ старшихъ, и воспитанники охотно принимаютъ какъ одно, такъ и другое. Тѣмъ не менѣе, въ сравненіи съ другими учениками, воспитанники двухъ послѣднихъ классовъ (7-го и 8-го) пользуются извѣстною свободою. Такъ, напримѣръ, они могутъ одни посѣщать до установленнаго часа (9-ти часовъ вечера) приличные рестораны, имѣютъ право бывать одни въ театрахъ и концертахъ, если только ведутъ себя прилично и согласно съ принятыми въ обществѣ формами. Съ разрѣшенія учительскаго персонала они могутъ посѣщать также и танцовальные вечера, но отнюдь не устраивать послѣдніе и не распоряжаться на нихъ. Въ общемъ ученики старшихъ классовъ ведутъ себя довольно хорошо, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ приходится лишать нѣкоторыхъ изъ нихъ предоставленной имъ свободы. Въ двухъ послѣднихъ классахъ встрѣчаемъ молодыхъ людей въ возрастѣ 17—21 года.

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Наши ученики старшихъ классовъ должны слушаться, повиноваться и учиться точно такъ же, какъ ихъ младшіе товарищи.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Слушаться, повиноваться и учиться—это общая обязанность воспитанниковъ всѣхъ классовъ. Съ учениками двухъ послѣднихъ классовъ мы обращаемся болѣе запросто; но эта деликатность съ нашей стороны не даетъ имъ права уклоняться отъ уваженія къ преподавателямъ. Къ ученикамъ младшихъ классовъ мы относимся, такъ сказать, съ мягкою строгостью. Впрочемъ, все это находится въ зависимости отъ педагогическихъ пріемовъ преподавателя, а равно и отъ домашняго воспитанія ученика.

(Левкада, *Далла*).

24) Дисциплина совершенно одинакова для всѣхъ классовъ гимназіи, и старшіе классы не пользуются никакими преимуществами.

(Смирна, *Іанники*).

25) Трудно сказать что нибудь вполнѣ опредѣленнаго объ обращеніи учителей съ учениками. Всѣмъ ученикамъ безъ исключенія мы говоримъ „ты“ и отъ всѣхъ въ одинаковой степени требуемъ послушанія и усердія. Что мы не всегда достигаемъ цѣли, особенно по отношенію къ ученикамъ старшихъ классовъ,—это уже другое дѣло. Все главнымъ образомъ зависитъ отъ индивидуальности и такта преподавателя, какъ это бываетъ повсюду.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Покуда молодой человѣкъ остается ученикомъ, онъ долженъ повиноваться и учиться. Тѣмъ не менѣе мы весьма осторожны въ обращеніи со старшими воспитанниками. Недавно одинъ изъ нашихъ коллегъ лишился своего полумѣсячнаго жалованія за то, что далъ пощечину ученику. Непослушные воспитанники исключаются, если самыя строгія мѣры не достигаютъ цѣли.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

III.

Отношеніе учениковъ къ школьному режиму.

1) Ученикамъ рѣдко приходится на что-либо жаловаться; но разъ это случается, тогда самый старшій мальчикъ въ школѣ, или, какъ его называютъ, капитанъ, беретъ на себя роль делегата. Бываетъ и такъ, что т. н. старосты—the Prefects (нѣсколько учениковъ, пользующихся нѣкотораго рода авторитетомъ) испрашиваютъ всѣ вмѣстѣ аудіенцію у директора школы.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*).

2) Если ученику что либо нужно, то онъ долженъ заявить поднятіемъ руки, что хочетъ о чемъ нибудь просить. Тогда учитель разрѣшаетъ ему говорить. Выслушавъ, онъ соглашается или же отклоняетъ просьбу воспитанника.

(Стокгольмъ, *Якобссонъ*).

3) Если ученики чѣмъ нибудь недовольны, то они могутъ докладывать о своихъ пожеланіяхъ лишь директору. Но на практикѣ этого почти не бываетъ или случается очень рѣдко.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Жалобы и пожеланія какъ отъ отдѣльныхъ учениковъ, такъ и со стороны класса предъявляются учителямъ или директору. Съ

высшими школьными инстанціями, какъ, напримѣръ, съ министерствомъ просвѣщенія, ученики, какъ таковые, дѣла имѣть не могутъ.

(Копенгагенъ, *Дрюзманъ*).

5) Ученики не могутъ обращаться непосредственно къ властямъ.

(Кольдингъ, *Брунъ*).

6) Если воспитаннику кажется, что учитель поступилъ съ нимъ неправдиво, то онъ имѣетъ право жаловаться на него передъ своимъ начальствомъ. Но обыкновенно за ученика вступаются сами родители. Впрочемъ, случается иногда, что весь классъ посредствомъ своего депутата заявляетъ общую жалобу. Надо, впрочемъ, замѣтить, что прибѣгать къ апелляціи противъ разъ уже назначеннаго наказанія не разрѣшается.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Заявлять начальству просьбы и требованія могутъ только родители учениковъ, но не ихъ дѣти.

(Хемницъ, *Финкельшереръ*).

8) Ученики не имѣютъ права жаловаться.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Въ принципѣ мы допускаемъ протесты, лишь бы послѣдніе были составлены съ соблюденіемъ приличія. Но мы употребляемъ всѣ наши усилія, чтобы заявленій неудовольствія не было, и, дѣйствительно, въ общемъ получаемъ ихъ очень мало.

(Сео, *Базэнъ*).

10) Ученики лишены права подавать какія бы то ни было жалобы.

(Парижъ, *Жоржэнъ*).

11) Ученики имѣютъ право обращаться къ своему начальству съ заявленіемъ неудовольствія по отношенію къ одному или нѣсколькимъ преподавателямъ, но съ условіемъ, чтобы эти заявленія были справедливы и хорошо обоснованы; въ противномъ случаѣ, жалующіеся наказываются или исключаются изъ заведенія. Подобные случаи встрѣчаются крайне рѣдко, такъ какъ обыкновенно ученикъ бываетъ очень уступчивъ по отношенію къ своему учителю.

(С.-Пб., *Гютине*).

12) Наши ученики лишены права составлять и предъявлять администраціи жалобы какъ противъ школьнаго режима, такъ и касаю-

щіяся преподавателей. Быть можетъ, потому они и волнуются всякій разъ, когда встрѣчаютъ нѣкоторый предлогъ къ неудовольствію. Университетъ однако долженъ быть автономнымъ, какъ это было въ XV, XVI и XVII вѣкахъ.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Какъ родителямъ, такъ и ученикамъ разрѣшено подавать жалобы, касающіяся школьнаго режима или преподавателей. Смотря по обстоятельствамъ, жалобы эти направляются къ директору, или въ центральную администрацію, и, сообразно съ этимъ, разсматриваются директоромъ, школьнымъ совѣтомъ, или министромъ. Замѣчу, что подобнаго рода жалобы чрезвычайно рѣдки.

(Лиссабонъ, *Коельо*).

14) Ни одна статья устава не запрещаетъ ученикамъ обращаться съ жалобами или съ протестами къ административнымъ властямъ, но они пользуются чрезвычайно рѣдко этимъ правомъ. Имъ гораздо легче прибѣгнуть къ посредничеству начальника учебнаго заведенія, который и вмѣшивается непосредственно въ дѣло всякій разъ, когда явится въ этомъ потребность.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Конечно, если ученики чувствуютъ себя обиженными, т. е. несправедливо наказанными, а равно и въ тѣхъ случаяхъ, когда они считаютъ поставленную имъ отмѣтку слишкомъ низкой, или заданный имъ урокъ слишкомъ большимъ, они имѣютъ право обращаться къ преподавателю и къ директору. Но эти заявленія должны быть вполнѣ обоснованы и выражены въ вѣжливой формѣ. Подобные случаи, надо сказать, весьма рѣдки. Обращеніе большинства учителей съ учениками таково, что всякія недоразумѣнія разрѣшаются тутъ же въ классѣ.

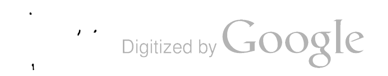
(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Я никогда не слыхалъ, чтобы ученики ходили жаловаться высшему начальству. Думаю однако, что ничто имъ не препятствуетъ, по мѣрѣ надобности, обращаться къ своему начальству за совѣтомъ или указаніями, что иногда и случается.

(Амстердамъ, *Роне*).

17) Ученики имѣютъ право во всякое время заявлять директору свои пожеланія и даже жаловаться ему. Но подобные случаи представляютъ въ высшой степени рѣдкое явленіе.

(Бернъ, *Финслеръ*).



18) Каждый классъ имѣетъ своего наставника, къ которому и должны обращаться ученики всякій разъ, когда у нихъ есть какое либо дѣло. Въ извѣстныхъ случаяхъ они могутъ излагать свое дѣло и прямо директору заведенія.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Свои просьбы и жалобы ученики должны сообщать либо классному наставнику, либо директору, которые или самостоятельно рѣшаютъ дѣло, или же прибѣгаютъ за рѣшеніемъ къ высшему начальству. Родители учениковъ, а иногда и ученики сами обращаются часто непосредственно въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ и производится въ такомъ случаѣ разбирательство дѣла. Мы, преподаватели, стремимся однако къ тому, чтобы пріобрѣсти довѣріе учениковъ и чтобы недоразумѣній въ школѣ не было.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Если воспитаннику кажется, что его обидѣли или поступили съ нимъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то онъ имѣетъ право подобающимъ образомъ лично изложить свое дѣло какъ классному наставнику (Ordinarius), такъ и директору. Если представляется необходимость въ дальнѣйшей жалобѣ, то за дѣло, естественно, должны взяться уже родители или опекуны. Иногда, правда очень рѣдко, бываютъ случаи, когда за рѣшеніемъ вопроса обращаются даже къ высшей мѣстной школьной инстанціи (Landesschulbehörde), или даже къ министерству просвѣщенія. Но такіе случаи, повторяю, крайне рѣдки, не потому, чтобы родители сами отказывались отъ даннаго имъ права изъ боязни неблагопріятныхъ для своихъ дѣтей послѣдствій, а потому, что учителя чрезвычайно рѣдко подаютъ поводъ къ подобнымъ жалобамъ.

(Линцъ, *Лёнеръ*).

22) Ученики, особенно ихъ родители, имѣютъ право жаловаться на неправильное примѣненіе школьнаго устава передъ такъ называемымъ R. provveditore, министромъ народнаго просвѣщенія, государственнымъ совѣтомъ и королемъ.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Ученики ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права заявлять передъ начальствомъ школы свое неудовольствіе по поводу режима учебнаго заведенія. На подобный поступокъ посмотрѣли бы у насъ, какъ на неповиновеніе воспитанника, и наказали бы его сурово. Точно

также ученикамъ не позволяется жаловаться на преподавателей. Иногда, впрочемъ, бываютъ случаи, что ученики являются съ заявленіемъ своего неудовольствія. На такія выходки смотрятъ, какъ на признакъ дурного воспитанія, и жалующіеся подвергаются наказанію.

Право наказыванія принадлежитъ исключительно директору; впрочемъ, каждый преподаватель можетъ удалить виновнаго изъ класса или послать его домой.

(Левкада, *Далла*).

24) Ученики имѣютъ въ общемъ право заявлять директору жалобы, но на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ постоянныхъ правилъ, ни предписаній.

(Смирна, *Іанники*).

25) Ученикамъ разрѣшается обращаться къ классному наставнику и къ директору какъ съ жалобой, такъ и съ заявленіемъ своихъ пожеланій. Собственно говоря, это просто не воспрещается, а потому на самомъ дѣлѣ и случается довольно часто.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Жалобы учениковъ разбираются директоромъ или министромъ. Обыкновенно подаются они не учениками, а ихъ родителями: такова политика учениковъ!

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

IV.

Дисциплина.

1) Обыкновенно ученики бываютъ вѣжливы и почтительны; а если случаются уклоненія, то они являются слѣдствіемъ какой нибудь погрѣшности въ тонѣ или дисциплинѣ со стороны самой школы. При нормальныхъ условіяхъ общее мнѣніе воспитанниковъ будетъ всегда противъ провинившагося въ грубости или другомъ некорректномъ поступкѣ. Но общественное мнѣніе весьма снисходительно, когда являются мелкія провинности, какъ, напримѣръ, куреніе табаку, или самовольное удаленіе изъ раіона, предназначеннаго для учениковъ интерната.

Характеръ учителей такъ же, какъ и ихъ методы преподаванія, бываютъ различны: нѣкоторые бываютъ педантичны и строги, другіе, обладая природнымъ даромъ, поддерживаютъ порядокъ и дисциплину, умѣютъ достигать тѣхъ же хорошихъ результатовъ посредствомъ кроткаго и тактичнаго обращенія съ учениками.

Наказанія бываютъ различнаго рода: за лѣность примѣняется оставленіе въ школѣ на одинъ или на два часа послѣ окончанія классовъ (при чемъ задается списать извѣстное число страницъ стихотвореній), и лишеніе воскреснаго отпуска изъ интерната. За непослушаніе обыкновенно назначаются тѣ же наказанія, что и за лѣность. За брань или нескромность примѣняется сѣченіе розгами или плетью. Когда ученикъ оказывается неисправимымъ лѣнтяемъ, подаетъ дурной примѣръ или совершаетъ какой либо важный проступокъ, его исключаютъ изъ школы.

(Лондонъ, *Гартвелъ Джонсъ*) [1]).

2) Вѣжливость, наша національная черта, является всеобщимъ требованіемъ. Очень рѣдко случается, чтобы учитель вынужденъ былъ наказать ученика за неучтивость. Сами сотоварищи не стерпѣли бы въ своей средѣ невѣжливаго воспитанника. Обыкновенный способъ, посредствомъ котораго наказываются ученики за тотъ или другой проступокъ, это—внесеніе въ штрафной журналъ порицанія. Каждую

---

[1]) *Наказанія въ англійскихъ школахъ весьма разнообразны и оригинальны. Такъ случается нерѣдко, что учитель приказываетъ воспитаннику явиться къ себѣ на квартиру и тутъ даетъ выучить наизусть нѣсколько стиховъ латинскихъ или греческихъ, предлагаетъ списать извѣстный отрывокъ или сдѣлать какой нибудь рисунокъ, хотя бы у мальчика и не было способностей къ рисованію. Говорятъ, что одинъ изъ лучшихъ иллюстраторовъ сатирическаго журнала „Punch" развитіемъ своего таланта обязанъ часто повторявшимся наказаніямъ подобнаго рода въ домѣ учителя. Одному изъ воспитанниковъ, на котораго не дѣйствовали другія наказанія, было предложено пройти три километра къ указательному столбу и сообщить затѣмъ три первыя буквы надписи на этомъ столбѣ Tow (To Willesden). Если ученикъ позволитъ себѣ ѣсть конфекты во время урока, учитель приглашаетъ его къ себѣ, вручаетъ торжественно одну конфетку и заставляетъ скушать въ своемъ присутствіи. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то розги и кнутъ упразднены уже въ начальныхъ школахъ и въ младшихъ классахъ колледжовъ, но примѣняются по отношенію къ старшимъ воспитанникамъ, особенно въ аристократическихъ учебныхъ заведеніяхъ. Молодой лордъ L., готовившійся въ колледжѣ къ военной службѣ, долженъ былъ подвергнуться тѣлесному наказанію передъ самымъ полученіемъ свидѣтельства; но онъ заявилъ, что считаетъ себя уже не воспитанникомъ, а офицеромъ гвардіи и отъ наказанія уклонился. Свидѣтельство не было выдано. Такъ какъ безъ послѣдняго въ армію не принимали, а директоръ уже успѣлъ уѣхать на каникулы, то молодому человѣку пришлось запастись розгою и ѣздить по его слѣдамъ изъ города въ городъ, пока, наконецъ, онъ не нашелъ своего бывшаго начальника. Лордъ L. принесъ повинную, получилъ наказаніе и свидѣтельство, съ которымъ поѣхалъ прямо въ казармы въ Houndslow. (Взято изъ статьи B. Minssen'a „Collège de Harrow" въ Revue intern. de l'enseignement, tome L, 1905, стр. 330 и слѣд.).

недѣлю этотъ журналъ предъявляется отцу или опекуну, который собственноручною подписью свидѣтельствуетъ, что читалъ написанное. Ученикъ, получившій много такихъ замѣчаній, увольняется начальствомъ на время или навсегда изъ учебнаго заведенія. Родители предупреждаются обязательнымъ просмотромъ штрафного журнала, слѣдовательно, не имѣютъ права протестовать.

(Стокгольмъ, *Якобссонъ*).

3) Наши ученики въ общемъ вѣжливы и предупредительны по отношенію къ своимъ учителямъ. Чувство справедливости развивается въ мальчикахъ рано и сильно, такъ что дѣйствительно грубый и невоспитанный воспитанникъ не можетъ разсчитывать на одобреніе и симпатію своихъ товарищей. Отъ учениковъ требуется строгій порядокъ во всемъ, прилежаніе и корректное поведеніе. Тѣлесныя наказанія примѣняются теперь рѣдко; они могутъ быть налагаемы только директоромъ и приводятся въ исполненіе въ присутствіи послѣдняго, а также одного изъ учителей. Обычныя же взысканія у насъ слѣдующія: предостереженіе, экстренныя работы, оставленіе послѣ класса въ субботу подъ надзоромъ учителя съ назначеніемъ особой работы, дурныя отмѣтки. Неисправимый ученикъ рѣшеніемъ школьнаго совѣта можетъ быть удаленъ изъ школы на нѣкоторое время, или же исключенъ изъ нея совершенно. Воспитанникъ, подвергшійся послѣднему наказанію, принимается вновь въ какую либо изъ школъ лишь по истеченіи года. Лѣнь наказывается оставленіемъ послѣ класса, экстренными работами и, естественно, также дурными баллами. Дурное поведеніе наказывается, смотря по своимъ размѣрамъ, либо оставленіемъ послѣ уроковъ, либо предостереженіемъ, либо тѣлеснымъ наказаніемъ, а въ то же время всякій разъ и дурными отмѣтками, вносимыми въ дневникъ ученика или въ его экзаменаціонное свидѣтельство; въ крайнихъ же случаяхъ, какъ уже сказано,—исключеніемъ изъ школы.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Старшіе ученики обыкновенно послушны и приличны въ своемъ обращеніи съ учителями (вѣжливости, въ узкомъ значеніи этого слова, т. е. манерамъ, придается у насъ мало значенія; конечно, ученики кланяются учителю на улицѣ и т. п.). Такія нарушенія дисциплины, какъ безпокойство, болтовня, возраженія въ неподходящемъ тонѣ, возбуждаютъ у насъ только удивленіе и изумленіе.

Впрочемъ, классная дисциплина зависитъ существеннымъ образомъ

отъ личности преподавателя; нѣкоторымъ учителямъ бываетъ очень трудно поддержать въ классѣ спокойствіе и порядокъ. Многое зависитъ также отъ директора и отъ общаго духа школы. Въ старшихъ классахъ учитель рѣдко прибѣгаетъ къ наказаніямъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Предположимъ, напримѣръ, что воспитанникъ старшаго класса невѣжливо отвѣтилъ учителю; послѣдній сдѣлаетъ ему выговоръ (въ среднихъ классахъ учитель рѣшилъ бы дѣло просто пощечиной). Если выговоръ не дѣйствуетъ, то преподавателю не остается ничего другого, какъ довести о всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія директора. Послѣдній повторитъ выговоръ въ болѣе строгой формѣ, или же переговоритъ съ родителями воспитанника. Въ самомъ крайнемъ случаѣ ученикъ исключается изъ школы. Но нужно замѣтить, что подобные случаи очень рѣдки; намъ почти не приходится встрѣчаться съ открытой непокорностью. Въ общемъ, оба старшіе класса доставляютъ, въ дисциплинарномъ отношеніи, гораздо меньше хлопотъ и затрудненій, чѣмъ средніе (гдѣ встрѣчается обыкновенно возрастъ отъ 12 до 15 лѣтъ). Отношенія между учителями и учениками становятся, особенно въ послѣдніе годы, все болѣе и болѣе товарищескими. Это надо понимать такъ, что урокъ идетъ своимъ чередомъ (часто онъ ведется, такъ сказать, по семейному); послѣ урока ученики—каждый отдѣльно или группами—бесѣдуютъ запросто съ учителями, и отъ этого дисциплина не страдаетъ.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Ученики всегда вѣжливы по отношенію къ своимъ учителямъ и учительницамъ. Тѣлесныя наказанія, которыя вообще выходятъ уже изъ употребленія, совершенно воспрещены въ нашей школѣ (въ Кольдингѣ). Въ большинствѣ высшихъ школъ, за исключеніемъ Копенгагена (почти во всѣхъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ) обучаются вмѣстѣ мальчики и дѣвочки; это обстоятельство и вліяетъ, быть можетъ, на устраненіе тѣлесныхъ наказаній.

(Кольдингъ, *Бруннъ*).

6) Уваженіе и приличіе по отношенію къ учителю соблюдаются внѣшнимъ образомъ въ общемъ довольно корректно. Конечно, не всѣ преподаватели пользуются одинаковымъ авторитетомъ. Кромѣ того, многое зависитъ отъ того, поддерживаетъ ли директоръ энергично авторитетъ учителя, или же предоставляетъ послѣднему справляться самому. Въ каждомъ классѣ найдутся невоспитанные и шаловливые ученики, а иногда бываютъ цѣлые классы, съ которыми трудно бы-

ваетъ справляться. Въ той гимназіи, въ которой я преподаю, открытое непослушаніе и непокорность считаются большою рѣдкостью. Но въ ней не найдется ни одного на столько благомыслящаго класса, въ которомъ воспитанники не были бы связаны сильною солидарностью, въ глазахъ которыхъ даже дурной ученикъ не нашелъ бы себѣ, не скажу—одобренія, но, во всякомъ случаѣ, защиты.

Вы спрашиваете, строги ли учителя. Строгость—относительное понятіе. Проявляться она можетъ въ различной степени, смотря по индивидуальности учителя. Иногда вся гимназія отличается строгимъ духомъ, иногда же, наоборотъ, наблюдается въ учебномъ заведеніи общая тенденція къ мягкости. Мы не располагаемъ очень многими средствами взысканій. Но ихъ все-таки хватитъ, если не злоупотреблять ими. Учитель можетъ налагать слѣдующія взысканія: a) выговоръ, b) отведеніе ученику особаго мѣста во время урока (сюда относится также стояніе ученика, которое обыкновенно примѣняется въ случаѣ безпокойства или невниманія во время урока), c) школьный арестъ, который можетъ продолжаться до часу, и на время котораго воспитаннику предписывается соотвѣтствующее занятіе, такъ какъ онъ не долженъ оставаться празднымъ. Если эти наказанія остались безплодными или въ случаѣ болѣе крупныхъ проступковъ, ученикъ наказывается ректоромъ, опять-таки посредствомъ ареста или выговора. Ректорскія наказанія отмѣчаются въ ученическихъ свидѣтельствахъ. У насъ, въ гимназіи императора Вильгельма, каждый выговоръ и арестъ доводится до свѣдѣнія родителей ученика, когда намъ это кажется нужнымъ; мы дѣлаемъ родителямъ и простыя сообщенія, не отмѣчая въ нихъ наложеннаго взысканія. Я, напримѣръ, дѣлаю это на первыхъ же порахъ, какъ только замѣчу провинность ученика. Мое заявленіе служитъ какъ бы предупрежденіемъ наказанія, къ которому я обращаюсь лишь послѣ того, какъ мнѣ пришлось уже не разъ порицать ученика за безпокойство, невниманіе, забывчивость или лѣнь. Такимъ наказаніемъ, прежде всего, является выговоръ, къ которому я прибѣгаю и вторично, если тотъ же проступокъ повторится не слишкомъ быстро послѣ перваго раза. Однако, за невоспитанность, ложь и насиліе по отношенію къ товарищу ученикъ подвергается аресту сразу же послѣ проступка. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые учителя болѣе берегутъ самыя наказанія, т. е. примѣняютъ ихъ рѣже, чѣмъ я; но я думаю, что впослѣдствіи имъ приходится довольствоваться меньшею степенью усердія и дисциплины. Нѣкоторые достигаютъ многаго „строгостью“ въ другомъ смыслѣ слова: они сердиты

и суровы въ обращеніи съ учениками. Но я стою скорѣе за строгость въ требованіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за привѣтливость въ обращеніи. Провести совершенно правильную градацію наказаній считаю невозможнымъ, въ виду того, что всегда нужно сообразоваться съ индивидуальностью ученика. Въ старшихъ классахъ наказанія становятся болѣе рѣдкими, такъ какъ они производятъ здѣсь уже не то воздѣйствіе, какъ въ младшихъ.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Здѣсь въ Хемницѣ мы не можемъ жаловаться на отсутствіе вѣжливости. Уже въ младшихъ классахъ ученики пріучаются къ тѣмъ формамъ деликатности, съ которою они должны относиться къ учителю на улицѣ и въ школѣ.

Касательно вліянія на ученика его товарищей я ничего не замѣтилъ дурного. Строгость преподавателей въ зависимости отъ ихъ темперамента бываетъ различна. Болѣе крупные проступки наказываются карцеромъ; таковы: списываніе письменной работы у товарища, употребленіе запрещенныхъ пособій (какъ, напримѣръ, подстрочниковъ), ложь, отлучка изъ дому послѣ 10 часовъ вечера и т. под. Я долженъ замѣтить, что болѣе крупныхъ провинностей или открытаго сопротивленія со стороны учениковъ мнѣ еще не пришлось встрѣчать. Неудовлетворительный отвѣтъ, какъ, напримѣръ, дурной переводъ автора, долженъ быть вознагражденъ добавочнымъ письменнымъ переводомъ этого отрывка. За небрежныя письменныя работы я назначаю заучивать наизусть исправленное.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Наши ученики вообще вѣжливы и услужливы; отъ поры до времени, впрочемъ, встрѣчаются случаи, составляющіе исключеніе изъ общаго правила и влекущіе, само собою, выговоръ или другое наказаніе.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Нѣтъ никакой вражды между учениками и учителями. Но я долженъ заявить, что, кромѣ исключительныхъ случаевъ, рѣдко когда возникаетъ негодованіе учениковъ противъ провинившагося товарища. Дурное поведеніе отмѣчается записью преподавателя, а эта послѣдняя влечетъ за собою выговоръ директора или лишеніе отпуска.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Почти всѣ ученики вѣжливы и любезны, особенно въ Парижѣ.

Грубый воспитанникъ на плохомъ счету у своихъ товарищей. Кромѣ того, за грубость или наглость ученикъ призывается въ совѣтъ профессоровъ (подъ предсѣдательствомъ директора), который и можетъ приговорить виновнаго къ исключенію изъ учебнаго заведенія.

(Парижъ, *Жоржень*).

11) Ученикъ всегда вѣжливъ. Ученики же, обнаружившіе неблаговоспитанность или проявившіе грубость, немедленно удаляются изъ школы.

(С.-Пб., *Гютинс*).

12) Испанскіе воспитанники обыкновенно вѣжливы и послушны по отношенію къ своимъ преподавателямъ. Что касается послѣднихъ, то одни изъ нихъ строги, другіе—снисходительны.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Вѣжливость и послушаніе учениковъ заставляютъ желать многаго. Нужно однако имѣть въ виду, что всѣ нарушенія дисциплины въ данномъ отношеніи замѣчаются за дѣтьми рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ и торговцевъ. Неудовлетворительная приспособленность школьныхъ помѣщеній, огромное число учениковъ какъ во всей школѣ (бываетъ до 600 учен.), такъ и въ каждомъ классѣ (норма==50 учен.), отсутствіе внѣкласснаго надзора со стороны преподавателей—все это сильно препятствуетъ введенію лучшей дисциплины. Преподаватели, въ общемъ, не строги по отношенію къ ученикамъ. Впрочемъ, уставъ разрѣшаетъ лишь два вида наказаній—а именно, выговоръ въ кабинетѣ директора, въ присутствіи класса, въ присутствіи школьнаго совѣта. Кромѣ того, примѣняется исключеніе изъ школы, какъ временное, такъ и полное.

(Лиссабонъ, *Коеліо*).

14) Ученики бываютъ обыкновенно вѣжливы и послушны по отношенію къ своимъ учителямъ. Исключенія довольно рѣдки. Строгость преподавателей рѣдко переходитъ въ крайность. Мѣры взысканій у насъ бываютъ слѣдующія:

1. Оставленіе въ учебномъ заведеніи на внѣ-урочное время.

2. Выговоръ директора передъ классомъ въ присутствіи преподавателя или выговоръ передъ всѣмъ учебнымъ заведеніемъ.

3. Запрещеніе посѣщать на нѣкоторое время уроки одного преподавателя.

4. Исключеніе изъ учебнаго заведенія на время.
5. Полное исключеніе изъ учебнаго заведенія.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Почти всѣ безъ исключенія ученики вѣжливы и привѣтливы. Мнѣ никогда еще не приходилось жаловаться по этому поводу. Разумѣется, нельзя принимать въ разсчетъ ученика, происходящаго изъ семьи, въ которой его не могли научить вѣжливому обращенію. Но въ Голландіи такія явленія вообще рѣдки. Мнѣ кажется, что всякій учитель можетъ пріобрѣсти расположеніе и любовь своего ученика, если будетъ обращаться съ нимъ по-дружески и входить въ его нужды. Но такъ какъ не всякій преподаватель обладаетъ подобнымъ даромъ, то являются неизбѣжнымъ проступки учениковъ. Наказанія примѣняются у насъ слѣдующія: a) лишеніе отдыха, b) назначеніе экстренныхъ работъ, c) удаленіе ученика съ урока. За болѣе крупные проступки наказываетъ директоръ посредствомъ исключенія изъ школы на нѣсколько дней, а въ крайнихъ случаяхъ высшая инстанція (Curatorium)—исключеніемъ на нѣсколько недѣль. На сколько я помню, при мнѣ послѣднее наказаніе въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ не примѣнялось.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Ученики обыкновенно вѣжливы, по крайней мѣрѣ, въ нашей гимназіи. Преподаватели въ общемъ не строги. Впрочемъ, все зависитъ отъ личнаго характера. Карцера больше у насъ не существуетъ. Нѣтъ теперь ни розогъ, ни пощечинъ; но въ качествѣ наказаній задаются работы на домъ. Провинившійся задерживается въ школѣ на часъ или больше. При болѣе важныхъ проступкахъ ученики удаляются изъ заведенія на нѣсколько дней.

(Амстердамъ, *Роге*).

17) Я доволенъ поведеніемъ и отношеніемъ къ начальству учениковъ. Мы, швейцарцы, вообще не формалисты, но всегда стараемся не нарушать такта.

Изъ наказаній у насъ практикуется собственно только одинъ арестъ. Тѣлесныя наказанія болѣе или менѣе запрещены, но случается, что учитель въ гнѣвѣ и забудется. Я нахожу, что на молодыхъ людей отъ 14 до 19 лѣтъ лучше всего дѣйствуетъ словесное увѣщеваніе. За крупныя нарушенія дисциплины и за погрѣшности противъ нравственности школьная комиссія удаляетъ ученика изъ учеб-

наго заведенія. Иногда мы только грозимъ ученику удаленіемъ его изъ школы. Если же онъ исправляется, то угроза въ дѣйствіе не приводится.

У нашихъ учениковъ сильно развито чувство солидарности; впрочемъ, если ихъ сотоварищъ на самомъ дѣлѣ окажется виновнымъ, то они не принимаютъ его стороны. Чрезвычайно важно уважать это чувство, особенно опасно заставлять учениковъ давать показанія противъ товарищей.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Начну съ примѣра. Во второмъ старшемъ классѣ передъ каѳедрою былъ поставленъ сломанный стулъ, такъ что преподаватель, садясь, чуть было не упалъ. Поведеніе класса ясно доказывало, что сдѣлано это было нарочно. Учитель тотчасъ же сообщилъ о случившемся ректору. Послѣдній вошелъ въ классъ и предложилъ виновному назвать себя и сознаться, такъ какъ это дѣло чести. Виновный немедленно нашелся и долженъ былъ идти къ вышеупомянутому преподавателю просить у него позволенія остаться въ школѣ. Въ виду того, что виновный ученикъ сознался тотчасъ же, онъ не былъ исключенъ, подвергся лишь 3-ехъ часовому заключенію въ карцерѣ и получилъ въ четвертномъ свидѣтельствѣ предостереженіе, что при повтореніи подобнаго проступка будетъ удаленъ изъ школы. Это — единственный случай въ старшемъ классѣ за много лѣтъ. За меньшія провинности въ младшихъ классахъ назначается обыкновенно арестъ или задается экстренная работа, а также вносится запись въ свидѣтельство.

За безнравственность и за грубый обманъ ученики исключаются, но это случается очень рѣдко. Если наказаніе наложено несправедливо, что можетъ произойти по недоразумѣнію, то ученикъ можетъ изложить дѣло классному наставнику, послѣ чего оно разбирается заново.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Ученики въ общемъ вѣжливы и съ учителями и съ сотоварищами. Впрочемъ многое зависитъ отъ воспитанія, получаемаго ученикомъ въ семьѣ. Къ проявленію грубости учителя относятся сообразно съ своимъ темпераментомъ. Особенно рѣзкіе случаи невѣжливости подлежатъ компетенціи педагогическаго совѣта (послѣдній собирается 4 раза въ теченіе каждаго семестра). Категоріи наказаній перечислены въ школьномъ уставѣ: предостереженіе, выговоръ клас-

снаго наставника или директора, запись въ классномъ журналѣ, простое оставленіе въ школѣ, арестъ въ карцерѣ, предостереженіе—consilium abeundi, и исключеніе. Учителя въ общемъ человѣколюбивы и стараются ограничиваться увѣщеваніями и упреками, не прибѣгая къ наказаніямъ.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) На 4-й вопросъ я могу отвѣтить, лишь принимая во вниманіе, одни нѣмецкія учебныя заведенія, такъ какъ не знаю учениковъ чешскихъ, итальянскихъ, кроатскихъ, польскихъ и другихъ имѣющихся въ Австріи школъ.

Наши воспитанники обыкновенно ведутъ себя по отношенію къ преподавателямъ корректно, хотя и не всѣ обладаютъ внѣшнимъ лоскомъ и вполнѣ утонченными манерами. Во всякомъ случаѣ, однако, нашъ воспитанникъ всегда почтителенъ и вѣжливъ по отношенію къ учителямъ.

Что касается нарушенія школьной дисциплины въ узкомъ смыслѣ этого слова, такъ называемыхъ „ученическихъ проказъ (Studentenstreiche)", то къ подобнымъ провинностямъ ученика его сотоварищи относятся снисходительно; но разъ дѣло касается болѣе серьезныхъ проступковъ противъ нравственности, то воспитанники всегда чуждаются провинившагося въ такомъ смыслѣ товарища и прерываютъ съ нимъ общеніе. Если ученикъ наказывается оставленіемъ послѣ уроковъ, то несетъ это наказаніе въ классѣ, а не въ какомъ либо спеціальномъ помѣщеніи (карцера нѣтъ).

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Ученики послушны и вѣжливы по отношенію къ учителямъ; но нѣтъ правилъ безъ изъятій. Невѣжливые и непослушные, равно какъ и лѣнивые ученики наказываются преподавателемъ или директоромъ учебнаго заведенія.

Наказанія бываютъ слѣдующія:

a) Запись въ классномъ журналѣ.

b) Удаленіе изъ учебнаго заведенія на 1, 2, 3 дня, а иногда и на 30, 40 дней.

c) Полное исключеніе изъ даннаго учебнаго заведенія съ правомъ поступленія въ другія или безъ права поступленія. Удаленіе болѣе, чѣмъ на 5 дней, опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ учебнаго заведенія. Послѣднее же изъ названныхъ наказаній должно быть санкціонировано министерствомъ.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ я преподавалъ въ Левкадѣ, въ Кефалоніи, въ Корфу, въ нормальной школѣ и др., ученики были въ общемъ вѣжливы и послушны. Исключенія встрѣчались очень рѣдко. Учителя обыкновенно строги по отношенію къ дурнымъ ученикамъ, ласковы и дружественны съ хорошими. Различные виды наказаній у насъ слѣдующіе: a) выговоръ наединѣ; b) выговоръ въ присутствіи учительскаго персонала, c) выговоръ въ присутствіи всѣхъ учениковъ, d) удаленіе изъ учебнаго заведенія отъ 3-хъ дней до 1-го года, e) въ случаѣ крупнаго проступка окончательное исключеніе изъ даннаго учебнаго заведенія, безъ права поступленія въ другія.

(Левкада, *Далла*).

24) Обыкновенно вѣжливость и послушаніе учениковъ, при переходѣ въ старшіе классы, все болѣе и болѣе совершенствуются; многое зависитъ также отъ обращенія преподавателей съ воспитанниками. Есть учителя, которые наказываютъ очень рѣдко, такъ какъ ученики не подаютъ имъ повода, между тѣмъ какъ другіе преподаватели вынуждены наказывать, даже тѣлесно, тѣхъ же самыхъ учениковъ. Къ счастью, воспитанники наши лишь очень рѣдко заслуживаютъ наказанія и, въ сравненіи съ учениками другихъ городовъ, являются очень послушными и сговорчивыми.

Строгость наказаній зависитъ отъ самого проступка. Въ видѣ наказанія приказываютъ ученику простоять часъ или полчаса, переписать текстъ или рѣшить задачу; оставляютъ его безъ обѣда, задерживая въ школѣ на часъ послѣ занятій, или же на цѣлый день, т. е. отъ восьми ч. утра до 4 или 5 ч. вечера. Иногда прибѣгаютъ къ удаленію ученика изъ класса на 1 часъ, на 1 день, 3 дня, недѣлю и, наконецъ, въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ, къ безвозвратному исключенію изъ школы.

(Смирна, *Іанники*).

25) Ученики младшихъ классовъ, въ особенности же крестьянскія дѣти, отличаются на первыхъ порахъ обыкновенно робостью, которая впослѣдствіи смѣняется равнодушіемъ. Особенно вѣжливыми и предупредительными воспитанники вообще никогда не бываютъ; на такое поведеніе товарищи смотрѣли бы, какъ на подлизываніе. Другъ съ другомъ ученики живутъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ, но тѣсную дружбу они заключаютъ между собою рѣдко. Свою сплоченность, къ сожалѣнію, школьники объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „Мы должны держаться заодно, чтобы противодѣйствовать нашему врагу, который

сильнѣе насъ“ (имѣется въ виду учитель). — Доносы если и случаются, то лишь въ младшихъ классахъ. Учителя обычно не строги и не требуютъ отъ учениковъ слишкомъ усильной работы. Если послѣдніе тѣмъ не менѣе работаютъ много, то это происходитъ потому, что ихъ домашними занятіями никто не руководитъ: нашимъ школамъ неизвѣстны какіе либо методы.—Наказанія въ послѣднее время сдѣлались рѣдки, такъ какъ налагать ихъ могутъ не всѣ учителя, а лишь классные наставники; въ то же время и сами взысканія стали мягче.

Самыми крупными наказаніями считаются — 6 часовъ ареста и строгій выговоръ передъ педагогическимъ совѣтомъ, послѣ чего однако ученики имѣютъ еще право остаться въ учебномъ заведеніи. Раньше назначался въ видѣ наказанія десятидневный арестъ (на ночь ученика отпускали). Въ моемъ классѣ (VII-мъ) я съ начала учебнаго года наказалъ лишь всего одного ученика (всѣхъ учениковъ въ классѣ 27), такъ какъ одинъ изъ учителей видѣлъ его въ café, при чемъ этотъ воспитанникъ пропустилъ еще безъ уважительной причины три урока. Я сдѣлалъ ему строгій выговоръ. (Наказаніе это было внесено въ классный журналъ и въ дневникъ ученика).

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Въ этомъ отношеніи наша школьная молодежь меня не удовлетворяетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ признать, что не встрѣчалъ еще класса, въ которомъ лучшіе элементы не протестовали бы сейчасъ же противъ нарушителей порядка. Въ провинціи, по мнѣнію всѣхъ, дисциплина строже, чѣмъ въ столицѣ.

У насъ налагаются слѣдующія наказанія: 1) выговоръ наединѣ, 2) публичный выговоръ (въ классѣ), 3) выговоръ директора, тоже въ классѣ, 4) арестъ (въ классѣ или въ карцерѣ), 5) исключеніе на нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ, полгода и даже годъ.

Арестъ не долженъ превышать часа ежедневно.

Исключенный ученикъ обязанъ подвергаться триместральнымъ испытаніямъ, при чемъ баллы за нихъ считаются, несмотря на то, что воспитанникъ не слушалъ уроковъ въ классѣ.

Наказанія сами по себѣ довольно строги, но снисходительность учителя ихъ обыкновенно смягчаетъ. Такъ, напримѣръ, триместральное испытаніе (въ 10—15 минутъ) обыкновенно не бываетъ серьезно и основательно, если, конечно, дальнѣйшее пребываніе ученика въ школѣ хоть сколько нибудь возможно.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

V.

Внѣ-школьный надзоръ.

1) Обыкновенно ученики не подлежатъ никакому надзору въ часы, свободные отъ занятій. Тѣмъ не менѣе учителя интересуются ихъ играми и присутствуютъ иногда во время самихъ игръ или принимаютъ участіе въ послѣднихъ. Но мальчики сами выбираютъ руководителей игръ (капитана и его помощниковъ—офицеровъ). Въ школахъ съ интернатами учителя наблюдаютъ за приготовленіемъ уроковъ, продолжающимся одинъ или два часа, смотря по обстоятельствамъ, но присутствуетъ при этомъ одинъ или, самое большее, два учителя.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*) [1]).

2) Насколько возможно, мы слѣдимъ за учениками и внѣ школы. Имъ запрещено посѣщать трактиры, открыто курить и играть въ карты на деньги. Читать дурныя книги нѣкоторымъ изъ нихъ удается, но домашняя среда въ большинствѣ случаевъ препятствуетъ этому.

(Стокгольмъ, *Якобссонъ*).

3) Школьный уставъ содержитъ въ себѣ также и правила относительно поведенія учениковъ внѣ школы. Воспитанники обязаны быть вѣжливыми по отношенію ко всѣмъ своимъ учителямъ и внѣ стѣнъ учебнаго заведенія. Имъ запрещено курить на улицѣ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ; они не имѣютъ права посѣщать рестораны и кофейныя безъ сопровожденія взрослыхъ. Ученикамъ запрещается, безъ особаго на то разрѣшенія директора, быть членами какого бы то ни было союза (политическаго, гимнастическаго, музыкальнаго и т. п.). Безъ такого же разрѣшенія директора воспитанники не могутъ принимать участія въ театральныхъ публичныхъ представленіяхъ.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Весь контроль за учениками внѣ стѣнъ школы сводится къ наблюденію за тѣмъ, чтобы воспитанники не курили табакъ по пути

[1]) *Наблюденію директора, посредственному или непосредственному, подчинены всѣ воспитанники во всякое время и вездѣ, гдѣ бы они ни находились (St. Paul's School, West Kensington, General regulations, стр. 8 и слѣд., 1906).

въ гимназію и изъ гимназіи домой. (Въ пансіонахъ надзоръ, естественно, строже).

(Копенгагенъ, *Драгманъ*).

5) Школа даетъ лишь совѣты относительно того, что̀ ученики должны читать и какъ должны проводить время внѣ учебнаго заведенія; но приказывать она не можетъ.

(Кольдингъ, *Брунъ*).

6) Дисциплинарныя положенія (Disciplinarsätzungen) для учебныхъ заведеній обнимаютъ 11 параграфовъ, относящихся къ поведенію ученика внѣ школы. Эти правила запрещаютъ ученику праздно шататься по улицамъ, отлучаться вечеромъ послѣ указаннаго часа изъ дому, посѣщать судебные процессы и засѣданія закрытыхъ обществъ (развѣ только, съ разрѣшенія ректора). Запрещается ему также прибѣгать, безъ позволенія своего начальства, къ гласности въ печати, пользоваться публичными библіотеками для чтенія, посѣщать безъ сопровожденія взрослыхъ родственниковъ рестораны и мѣста публичныхъ развлеченій. Ученикамъ не дозволены: куреніе на улицѣ, собранія и сходки, противорѣчащія цѣлямъ школы, а также образованіе студенческихъ союзовъ. Въ большихъ городахъ внѣ-классный контроль весьма слабъ; но нарушенія, доходящія до свѣдѣнія школы, само собою, наказываются.

Относительно домашняго чтенія хотя и даются совѣты, но оно не контролируется. Ученики могутъ пользоваться школьными библіотеками, которыя существуютъ отдѣльно для каждаго класса.

Наша гимназія даетъ ученикамъ возможность проводить значительную часть свободнаго времени сообща подъ надзоромъ учителей: воспитанники могутъ собираться въ извѣстные часы послѣ классовъ на школьномъ дворѣ и заниматься здѣсь гимнастическими упражненіями.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Конечно, чтеніе трудно контролировать (см. § 20 школьнаго устава). Однако учитель, пользуясь общеніемъ съ воспитанникомъ въ школѣ, старается заглянуть глубже въ душу мальчика; на помощь преподавателю приходятъ въ данномъ случаѣ и родители воспитанника.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Если до свѣдѣнія школы доходитъ какой либо проступокъ, совершенный ученикомъ внѣ ея стѣнъ, то провинившійся подвергается

наказанію; но въ общемъ, въ большомъ городѣ контроль за посторонними занятіями ученика внѣ школы весьма труденъ.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Мы не допускаемъ, чтобы ученикъ дурно велъ себя внѣ лицея; но мы рѣдко вмѣшиваемся въ семейную жизнь, гдѣ авторитетъ родителей кажется достаточнымъ.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Ученики подраздѣляются на двѣ главныя категоріи: приходящихъ и пансіонеровъ. Въ кругъ обязанностей учебнаго заведенія не входитъ внѣ-школьный надзоръ за приходящими. Дома они зависятъ всецѣло отъ родителей. Что касается пансіонеровъ, то послѣдніе въ выходные дни могутъ покидать учебное заведеніе лишь въ сопровожденіи родственниковъ, или близкихъ лицъ.

(Парижъ, *Жоржснъ*).

11) Школа слѣдитъ за ученикомъ и внѣ учебнаго заведенія, стараясь узнать условія домашней жизни воспитанника, если онъ, конечно, приходящій. (Во Франціи въ каждомъ городкѣ есть свой lycée или свой collège, причемъ большую часть учениковъ составляютъ пансіонеры).

(С.-Пб., *Гютинс*).

12) Учебное заведеніе не слѣдитъ за поведеніемъ учениковъ внѣ школы. Это принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, родителямъ учащихся.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Школа не простираетъ надзора за учениками за предѣлы учебнаго заведенія. Это и не въ обычаяхъ страны, да и родители воспротивились бы самымъ рѣшительнымъ образомъ.

(Лиссабонъ, *Коеліо*).

14) За учениками смотрятъ, какъ внутри, такъ и внѣ стѣнъ учебнаго заведенія. Они вездѣ подчинены педагогическому персоналу.

(Льежъ, *Дрюмо*).

51) Нѣтъ внѣ-школьнаго надзора. Правда, ради интересовъ мальчика учитель старается освѣдомиться о всемъ, что его касается, но это ему не вмѣняется въ обязанность. Къ тому же въ такихъ большихъ городахъ, какъ Амстердамъ, смотрѣть за ученикомъ внѣ школы было бы даже невозможно.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Въ общемъ школа не контролируетъ того, чтò воспитанникъ дѣлаетъ внѣ ея стѣнъ.

(Амстердамъ, *Ронге*).

17) Надзоръ за учениками внѣ школы является вездѣ, за исключеніемъ маленькихъ мѣстечекъ, чрезвычайно труднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ. Мнѣ кажется, что роль и обязанности школы вполнѣ выполнены, если она поддерживаетъ въ своихъ стѣнахъ хорошій порядокъ. Конечно, вступленіе ученика въ какіе-либо союзы зависитъ отъ согласія директора. Контролировать, что читаетъ ученикъ—прямо невозможно. Примѣненіе подобнаго контроля явилось бы введеніемъ въ школу шпіонства, которое принесло бы гораздо болѣе вреда, чѣмъ неподходящая книга. Лучше всего самому рекомендовать ученикамъ подходящія для ихъ возраста книги. Если учитель пользуется довѣріемъ ученика, то подобной мѣры вполнѣ достаточно. Нецѣлесообразными являются также предостереженія. Въ подобномъ случаѣ воспитатель можетъ объяснить ученикамъ, что такихъ извѣстныхъ писателей, какъ Шопенгауэръ, Нитцше, Толстой, они могутъ прочесть съ гораздо большею пользою тогда, когда пріобрѣтутъ уже нѣкоторый жизненный опытъ и достигнутъ большаго развитія.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Учебное заведеніе лишь тогда обращаетъ вниманіе на поведеніе учениковъ внѣ стѣнъ школы, когда проступокъ совершенъ на пути въ школу, или когда поступаетъ заявленіе отъ полиціи. Въ остальныхъ случаяхъ отвѣтственными являются родители, которымъ, школа предоставляетъ возможно бóльшую свободу.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Поведеніе учениковъ внѣ школы, поскольку оно дѣлается извѣстнымъ послѣдней, во всякомъ случаѣ принимается во вниманіе; но особаго надзора не бываетъ. На чтеніе учениковъ школа вліяетъ лишь въ томъ смыслѣ что предоставляетъ въ ихъ пользованіе ученическую библіотеку. Въ общемъ времяпрепровожденіе учениковъ внѣ школы должна контролировать семья, въ права которой намъ не слѣдуетъ вмѣшиваться. Роль наша должна ограничиться въ этой сферѣ лишь совѣтами.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Учебное заведеніе вообще интересуется поведеніемъ учениковъ внѣ школьныхъ стѣнъ. Однако всякія полицейскія мѣры или шпіон-

скія обязанности чужды совершенно нашему школьному режиму. (См. §§ 13—24 школьнаго устава).

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Учебное заведеніе не знаетъ внѣ-школьнаго надзора надъ учениками.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предписано министерствомъ, чтобы преподаватели по очереди слѣдили за учениками внѣ школы. Однако эта мѣра была, къ сожалѣнію, оставлена, вслѣдствіе своей непримѣнимости: школы Греціи не устроены по военному, какъ русскія. Тѣмъ не менѣе ученикамъ запрещено посѣщать кофейныя, кондитерскія, носить тросточки и курить и т. под.

(Левкада, *Далла*).

24) Совершенно немыслимымъ является надзоръ за учениками внѣ школы: въ данномъ случаѣ слѣдовало бы прибѣгать къ помощи турецкой полиціи.

(Смирна, *Іанники*).

25) Ученикамъ воспрещено открыто курить и посѣщать кофейныя, а такъ какъ внѣ-школьный надзоръ весьма слабъ, то это требованіе нарушается постоянно. Обѣдать въ ресторанахъ не запрещается, но съ условіемъ, чтобы молодые люди тамъ не засиживались. За посѣщеніемъ учениками театра, за ихъ домашнимъ чтеніемъ и т. п. мы не слѣдимъ.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Нѣтъ особо организованнаго контроля. Ученики могутъ посѣщать театры и концерты; въ гостинницахъ и танцовальныхъ залахъ имъ разрѣшено бывать лишь въ сопровожденіи старшихъ. О посѣщеніи воспитанникомъ этихъ мѣстъ безъ родителей школа узнаетъ обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ велъ себя худо, и когда получилось донесеніе отъ кого нибудь изъ свидѣтелей или отъ полиціи.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

VI.

Религіозныя обязанности.

1) Обученіе Закону Божію находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ старшаго учителя или ректора (какъ называютъ нѣмцы

начальника учебнаго заведенія), и многіе изъ числа учителей привлекаются къ преподаванію Закона Божія. Въ большинствѣ школъ день начинается богослуженіемъ въ домовой капеллѣ или чтеніемъ молитвъ. Нѣкоторое наблюденіе за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей практикуется повсюду. Тамъ, гдѣ ученики ходятъ по воскреснымъ днямъ въ церковь всѣ вмѣстѣ, ихъ сопровождаютъ учителя, за исключеніемъ большихъ школъ, гдѣ обыкновенно имѣются свои капеллы при школѣ. Богослуженіе почти во всѣхъ общественныхъ школахъ совершается по ритуалу національной англиканской церкви; но ученики другихъ вѣроисповѣданій могутъ быть освобождаемы отъ участія въ этомъ богослуженіи. Законоучителей, въ томъ смыслѣ слова, какой ему придаютъ на континентѣ, у насъ нѣтъ, но часто бываютъ капелланы, принимающіе наибольшее участіе въ богослуженіи и приготовляющіе дѣтей къ конфирмаціи. Вліяніе на мальчиковъ учителей, преподающихъ Законъ Божій, можетъ быть очень велико и благотворно; впрочемъ, многое зависитъ отъ характера ученика и учителя.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*) [1]).

3) Вліяніе законоучителя на воспитанниковъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ не велико.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Школа совершенно не интересуется религіозными обязанностями учениковъ. Законоучитель обыкновенно не имѣетъ на воспитанниковъ большого вліянія.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Школа исполненія религіозныхъ обязанностей не контролируетъ. Законоучитель не имѣетъ большаго вліянія, чѣмъ остальные преподаватели.

(Кольдингъ, *Брунъ*).

---

[1]) *Въ большинствѣ учебныхъ заведеній въ Англіи воскресный день посвящается исключительно исполненію религіозныхъ обязанностей. Ученики три раза въ день ходятъ въ церковь, съ 3 до 4 часовъ бываетъ урокъ Закона Божія или чтеніе священнаго Писанія, затѣмъ духовный концертъ; вечеръ посвящается приготовленію уроковъ Закона Божія къ понедѣльнику (первый часъ—всегда въ понедѣльникъ). Такимъ образомъ, воскресенье не есть день отдыха. Отдыху же посвящается обыкновенно суббота, иногда, сверхъ того, послѣ-полуденное время въ понедѣльникъ и среду, или четвергъ (см. уставы (prospectus): King College, London,—Repton School, Burton-on-Trent,—Trinity College, Glenalmond,—Blockbrock College, Dublin, St. Paul's Girl's School, Brook Green W. и другіе).

6) Школа контролируетъ исполненіе религіозныхъ обязанностей учениками, принадлежащими къ религіозному большинству. Въ Мюнхенѣ для учениковъ католиковъ совершается по воскресеньямъ и праздникамъ въ церкви специальная служба (обѣдня), во время которой за ними смотрятъ преподаватели поочереди. Три раза въ годъ воспитанники ходятъ къ исповѣди, опять-таки подъ наблюденіемъ учителя. Такимъ образомъ, церковь въ значительной степени вмѣшивается въ школьную среду. Надо замѣтить, что католическій законоучитель подчиненъ только своему епископу. Вообще законоучитель пользуется большимъ авторитетомъ, если только онъ сумѣетъ воспользоваться своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что на всякомъ совѣщаніи относительно ученика его вѣроисповѣданія онъ можетъ присвоить себѣ право главнаго нравственнаго судьи. Воспитанники, составляющіе религіозное меньшинство, въ отношеніи религіозныхъ обязанностей предоставлены распоряженіямъ и контролю своего законоучителя.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Каждая недѣля начинается общею молитвою (Andacht). Бывать на воскресномъ богослуженіи особенно рекомендуется ученикамъ 4-хъ послѣднихъ классовъ, каждому классу въ одно изъ воскресеній мѣсяца—поочередно.

Вліяніе законоучителя находится въ прямой зависимости отъ его личности. Обыкновенно учителя, не скрывающіе отъ своихъ учениковъ результатовъ новѣйшаго богословія, возбуждаютъ гораздо большій интересъ къ своему предмету, чѣмъ правовѣрные, стоящіе на почвѣ отжившихъ уже догматовъ.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Школа не контролируетъ исполненія религіозныхъ обязанностей ея питомцами.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Курсъ Закона Божія преподается причисленнымъ къ лицею священникомъ. Ученикамъ предоставлена полная свобода относительно исполненія ими религіозныхъ обязанностей; послѣднія подвергаются лишь контролю со стороны родителей.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Лицею, особенно теперь, нѣтъ никакого дѣла до религіознаго воспитанія. Отъ усмотрѣнія родителей зависитъ, будутъ ли ихъ дѣти проходить курсъ Закона Божія или же нѣтъ. Священники и пасторы,

причисленные къ каждому лицею, не имѣютъ ровно никакого вліянія на учениковъ внѣ своей пастырской сферы.

(Парижъ, *Жоржсэнъ*).

11) Учебное заведеніе совершенно не занимается религіознымъ вопросомъ. Это дѣло родителей; къ тому же данный вопросъ слишкомъ щепетиленъ. Ученики могутъ имѣть какія угодно религіозныя убѣжденія.

(С.-Пб., *Гютине*).

12) Надзоръ за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей принадлежитъ всецѣло и исключительно компетенціи родителей. Священникъ—такой же преподаватель, какъ и всѣ остальные; его роль въ школѣ сводится къ преподаванію Закона Божія и къ исполненію церковныхъ требъ.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Школа совсѣмъ не контролируетъ учениковъ въ исполненіи ими религіозныхъ обязанностей. Ей остается неизвѣстнымъ, посѣщаютъ ли воспитанники церковь, ходятъ ли къ исповѣди и т. п. Въ начальныхъ школахъ дѣтямъ преподается катехизисъ, но ни въ лицеяхъ, ни въ какихъ-либо другихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ уроковъ Закона Божія. (Предметъ этотъ преподается лишь на богословскомъ факультетѣ въ университетѣ и въ духовныхъ семинаріяхъ). Священники имѣютъ въ общемъ мало вліянія на дѣтей въ семьяхъ пролетаріевъ, но пользуются бо̀льшимъ авторитетомъ въ зажиточныхъ и аристократическихъ семействахъ. Надо, однако, замѣтить, что въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, исполненіе религіозныхъ обязанностей учениками не свободно отъ контроля.

(Лиссабонъ, *Коелю*).

14) Что касается религіозныхъ обязанностей учениковъ, то онѣ не относятся къ школѣ. Забота слѣдить за исполненіемъ дѣтьми ихъ религіозныхъ обязанностей принадлежитъ всецѣло родителямъ послѣднихъ.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Законоучитель не входитъ въ составъ корпораціи преподавателей правительственныхъ гимназій. Родители, придающіе значеніе религіозному воспитанію, посылаютъ своихъ дѣтей въ частныя учеб-

ныя заведенія, которыя обыкновенно получаютъ отъ правительства денежныя пособія и находятся подъ его контролемъ.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Религіозныхъ обязанностей учениковъ школы не касаются.

(Амстердамъ, *Роне*).

17) Посѣщеніе уроковъ Закона Божія не обязательно. Школа не печется о религіозныхъ обязанностяхъ учениковъ; эта область цѣликомъ предоставлена родителямъ. Вліяніе законоучителя на воспитанниковъ всецѣло зависитъ отъ его личныхъ качествъ.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Правительственныя школы не вмѣшиваются вообще въ подобные вопросы, свободныя же наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы каждый ученикъ посѣщалъ уроки Закона Божія, по своему вѣроисповѣданію.

Законоучитель не имѣетъ особаго вліянія на учениковъ.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Хожденіе въ церковь обязательно у насъ для всѣхъ. Часто въ самомъ школьномъ зданіи устраивается капелла. При отсутствіи послѣдней ученики собираются сначала въ учебномъ заведеніи, имъ дѣлается перекличка; затѣмъ ихъ ведутъ въ церковь по-парно. Законоучитель по большей части оказываетъ порядочное вліяніе не только на учениковъ, но и на своихъ коллегъ.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Религіозныя обязанности нашихъ учениковъ состоятъ въ обязательномъ посѣщеніи воскресной и праздничной церковныхъ службъ (собственно—обѣдни, которая, за исключеніемъ каникулъ, почти всегда бываетъ въ гимназической часовнѣ), въ исповѣди и пріобщеніи Св. Таинъ (3 раза въ годъ) и въ говѣніи передъ Пасхой (österliche Exercitien), которое, впрочемъ, необязательно (см. § 47 устава). Законоучитель не исполняетъ никакихъ обязанностей въ приходскихъ церквахъ. По службѣ онъ пользуется всѣми правами преподавателей другихъ предметовъ.

Что касается вліянія священника на учениковъ, то оно является исключительно результатомъ его личныхъ качествъ.

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Школа не интересуется тѣмъ, какъ ученики исполняютъ свои религіозныя обязанности. Священникъ оказываетъ на воспитанника

вліяніе постольку, поскольку онъ пользуется имъ вообще въ его семьѣ. Часто однако случается, что въ исполненіи религіозныхъ обязанностей сыновья не повинуются даже родителямъ.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Каждое воскресеніе учитель гимнастики ведетъ учениковъ въ церковь. Сами по себѣ они посѣщаютъ церковныя службы лѣниво. Школа не можетъ принуждать учениковъ къ исполненію нѣкоторыхъ религіозныхъ обязанностей, а именно къ исповѣди и Св. Причастію. Законоучитель не имѣетъ на учениковъ ровно никакого вліянія, такъ какъ большая часть нашихъ священниковъ невѣжественны.

(Левкада, *Далла*).

24) Такого контроля нѣтъ, такъ какъ онъ былъ бы весьма затруднителенъ въ виду того, что ученики живутъ не только въ разныхъ концахъ города, за городомъ и въ окрестностяхъ, но даже въ совершенно другихъ городахъ. Въ большинствѣ случаевъ воспитанники набожны, особенно въ дѣтствѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ даже довольно интересный случай въ 4-мъ (предпослѣднемъ) классѣ гимназіи. Преподаватель исторіи, говоря объ иконоборцахъ, выразился нѣсколько восторженно объ ихъ идеяхъ. Между тѣмъ ученики придерживались въ данномъ случаѣ совершенно иныхъ взглядовъ, а поэтому отправились прямо къ митрополиту съ жалобою на преподавателя. Митрополитъ вызвалъ къ себѣ послѣдняго и сдѣлалъ ему строгій выговоръ за его вольномысліе.

(Смирна, *Іанники*).

25) Законоучитель обыкновенно не имѣетъ почти ровно никакого вліянія на учениковъ. Законъ Божій совершенно не преподается въ двухъ старшихъ классахъ. Передъ Рождествомъ и Пасхою ученики пріобщаются Св. Таинъ; но послѣднее не обязательно и исполняется лишь желающими. Въ воскресенье воспитанники ходятъ въ церковь по классамъ, при чемъ идетъ лишь одинъ классъ, такъ что въ большихъ заведеніяхъ очередь каждаго класса приходится одинъ разъ въ два или даже три мѣсяца.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Религіозныя обязанности?! Ихъ никто не контролируетъ! Въ церковь идетъ тотъ воспитанникъ, котораго туда посылаютъ, или берутъ съ собой родители, или же тотъ, кто поетъ въ хорѣ и т. п.

Хотя священники и преподаютъ Законъ Божій отъ I до VI класса, но я до сихъ поръ не могъ усмотрѣть въ этомъ никакой пользы. Преподаваніе Закона Божія совершенно бездарно и нелѣпо; его не мѣшало бы сдѣлать болѣе философскимъ.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

С. Цыбульскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧЪ ДЮВЕРНУА.

(Некрологъ).

18-го апрѣля скончался Николай Львовичъ Дювернуа. Въ его лицѣ Петербургскій университетъ понесъ тяжкую утрату; окончилъ земное поприще тонкій и глубокій знатокъ гражданскаго права, ученый, отдавшій всѣ силы на служеніе науки и обладавшій рѣдкимъ даромъ блестяще и интересно излагать свой предметъ.

Молодость Николая Львовича протекла въ Москвѣ; тамъ онъ родился (29-го октября 1836 г.), тамъ окончилъ гимназію и по окончаніи ея поступилъ въ университетъ, по юридическому факультету (1853 г.).

По программѣ того времени на юридическомъ факультетѣ, помимо спеціальныхъ дисциплинъ, было отведено широкое мѣсто наукамъ чисто историческимъ и исторіи литературы, и эти предметы были блестяще представлены.

Молодому юристу привелось слышать лекціи Грановскаго, Шевырева, Соловьева, и они произвели на него сильное впечатлѣніе. Но не весь интересъ его былъ поглощенъ исторіей; въ числѣ профессоровъ-юристовъ были тогда И. Д. Бѣляевъ, Н. И. Крыловъ, чтенія которыхъ особенно увлекало Николая Львовича. По окончаніи университета (въ 1857 г.) Николай Львовичъ не сразу посвятилъ себя академической карьерѣ. Первое время онъ былъ помощникомъ инспектора въ Московскомъ университетѣ (съ 1859 г. по 1862 г.), а потомъ учителемъ законовѣдѣнія въ 1-й московской гимназіи и тогда-то, въ часы досуга, сталъ заниматься римскимъ правомъ. Въ 1865 году онъ уѣхалъ за границу и провелъ два года въ Гейдельбергѣ, изучая почти исключительно римское право у славнаго пандектиста Адольфа фонъ-Ванге-

рова. Вскорѣ послѣ этого появился и первый научный трудъ Николая Львовича—„Источники права и судъ въ древней Россіи, опыты по исторіи русскаго гражданскаго права", Москва, 1869 г. (413 стр.), его магистерская диссертація, которая сразу привлекла вниманіе къ начинающему ученому. Но еще до защиты диссертаціи авторъ получилъ одновременно приглашенія отъ университетовъ Варшавскаго и Харьковскаго и отъ Ярославскаго лицея на кафедру гражданскаго права. Это предложеніе лицея и принялъ Николай Львовичъ. Но предварительно онъ былъ командированъ за границу. Въ Германію онъ пріѣхалъ какъ разъ къ началу франко-прусской войны, которая нарушила правильное теченіе жизни; оставаться въ Германіи Николай Львовичъ не пожелалъ; „чужому человѣку тамъ нечего было дѣлать", да и его симпатіи къ французамъ дѣлали жизнь среди нѣмцевъ тягостною. Поэтому онъ переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ то время главными украшеніями университета были цивилисты Арндсъ, Унгеръ и Іерингъ. Занятія наукой и жизнь въ Вѣнѣ произвели на Николая Львовича сильное впечатлѣніе, и онъ любилъ о нихъ вспоминать. Тамъ же онъ лично познакомился съ Іерингомъ, труды котораго по римскому праву были ему уже хорошо извѣстны; хотя онъ и расходился во многомъ со своимъ учителемъ, особенно по общимъ вопросамъ права, но во многомъ, даже незамѣтно для себя, подчинялся его вліянію.

Вернувшись въ Ярославль въ 1871 г., Николай Львовичъ получилъ предложеніе читать не русское гражданское, а римское право, и преподавалъ его до 1875 г. Въ бытность въ Ярославлѣ написана имъ докторская диссертація: „Основная форма корреальнаго обязательства. Историко-юридическое и критическое изслѣдованіе по римскому праву. Ярославль, 1874 г. (266 стр.)". Эту диссертацію онъ защитилъ въ Новороссійскомъ университетѣ, куда и былъ вскорѣ послѣ защиты приглашенъ ординарнымъ профессоромъ (съ 1-го января 1875 г.). Въ Одессѣ Николай Львовичъ провелъ семь лѣтъ, до 1882 г., когда его пригласилъ совѣтъ С.-Петербургскаго университета. Въ Одессѣ въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 1875 по 1877 г.) Николай Львовичъ былъ деканомъ юридическаго факультета, а въ Петербургскомъ университетѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ конца 1882 до начала 1886 г.) былъ секретаремъ юридическаго факультета. Въ 1885 году онъ былъ приглашенъ совѣтомъ Императорскаго Александровскаго лицея для преподаванія римскаго права. Во время пребыванія въ Петербургѣ Николай Львовичъ всецѣло посвятилъ себя преподавательской дѣятельности и почти исключительно былъ занятъ обработкой своего курса граждан-

скаго права. Это сочиненіе было задумано очень широко и выпущенные отдѣлы разработаны съ большой подробностью, но, къ сожалѣнію, не было доведено до конца. Научныя занятія поглощали всѣ силы и все вниманіе Николая Львовича; его не привлекала административная дѣятельность въ университетѣ, которую, какъ онъ часто говорилъ, онъ не любилъ; не интересовала его и какая-либо другая дѣятельность—внѣ университета. Но жизнь не проходила мимо него незамѣченною: за всѣмъ онъ слѣдилъ, обо всемъ происходящемъ имѣлъ свое самостоятельное сужденіе, которое онъ умѣлъ разсказать, какъ всегда, съ присущимъ добродушнымъ остроуміемъ и юношеской живостью. Эта живость не покидала его и въ послѣдніе годы; въ тѣ моменты, когда онъ чувствовалъ себя бодро, онъ съ неутомимымъ жаромъ и яркостью велъ бесѣды о томъ, что его интересовало. Но, естественно, его взоръ былъ обращенъ къ прошлому, и любилъ онъ разсказывать о томъ, что видѣлъ въ юности своей и надъ чѣмъ тогда трудился.

Въ то время, когда Николай Львовичъ приступилъ къ первымъ самостоятельнымъ работамъ, въ наукѣ гражданскаго права уже сказались богатые результаты работъ исторической школы. Вниманіе изслѣдователей римскаго и германскаго права было поглощено разработкой древностей права, и въ этомъ направленіи было достигнуто очень многое. Богатство добытыхъ внѣшнихъ данныхъ позволяло надѣяться на то, что, благодаря имъ, возможно проникнуть и дальше, раскрыть внутренніе принципы стариннаго права, возсоздать жизнь и психику древняго общества и государства. Первый крупный и, въ общемъ, успѣшный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Іерингъ; не исторія отдѣльныхъ нормъ или институтовъ римскаго права была темой его работъ, а „духъ" римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія, т. е. разысканія тѣхъ принциповъ и движущихъ началъ, которые лежали въ основѣ конкретныхъ правилъ, и ихъ опредѣляли.

Подъ вліяніемъ ученій исторической школы началась разработка и древностей русскаго права, при чемъ, разумѣется, преобладала исторія чисто внѣшняя, простое описаніе смѣны различной организаціи институтовъ частнаго права. Вполнѣ естественно, что и начинающій юристъ увлекся исторіей права; но Николай Львовичъ подошелъ къ разработкѣ исторіи русскаго гражданскаго права не съ этой чисто внѣшней стороны. Подъ сильнымъ вліяніемъ совершенно новаго тогда и оригинальнаго ученія Іеринга написана и первая его книга—„Источники права и судъ въ древней Россіи". Въ обманчивой полнотѣ и недоска-

занности древнихъ памятниковъ русскаго права онъ пытался найти тѣ руководящія силы, которыя господствовали въ древнѣйшемъ русскомъ обществѣ. Ему пришлось возойти къ отдаленнымъ временамъ, отъ которыхъ почти не осталось прямыхъ свидѣтельствъ,—къ эпохѣ, предшествующей Русской Правдѣ. О ней можно получить представленіе только путемъ косвенныхъ выводовъ. Въ описаніи Николая Львовича, это было время господства личности и торжества самоуправства, творившаго для себя самостоятельное право; правонарушеніе сознается въ это время, какъ обида, и месть является реакціей противъ нея. Судъ князя развивается изъ этого же начала, и этотъ судъ руководствуется нормами, выработанными въ столкновеніяхъ личностей, приведшихъ къ образованію обычаевъ.

Наряду съ княземъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе юрисдикція церкви, которая, опираясь на внѣшней завѣтъ Владиміра Св., старалась, съ одной стороны, парализовать господство личности и ея произвола, и, съ другой, пыталась оказывать на нее положительное вліяніе. Эти начала сказываются и въ Русской Правдѣ, въ древнѣйшихъ частяхъ которой Николай Львовичъ видитъ правила, выработанныя автономической новгородской общиной. Но въ этомъ памятникѣ появляются уже и новыя вѣянія; по нему можно прослѣдить, какъ прокладываетъ себѣ путь принципъ общежитія, сказывается вліяніе общества на личный произволъ („послуха") и какъ создается новый факторъ стариннаго правообразованія—сдѣлка. Въ древнемъ русскомъ правѣ (подобно германскому) въ сдѣлкѣ стороны создаютъ объективное право, по которому онѣ будутъ судиться. Въ этомъ отличіе этихъ правовыхъ системъ отъ римской, въ которой сдѣлка приноровливалась къ иску, объективно данному, а не обратно. Поэтому-то техническій элементъ и не получилъ такого развитія въ русскомъ правѣ какъ въ римскомъ. Гарантіей сдѣлки является первоначально община. Въ древнѣйшемъ правѣ развиваются преимущественно вещное право, объекты котораго осязательны и матеріальны, а институты обязательственнаго стоятъ на заднемъ планѣ. Вслѣдствіе этого, и понятіе наслѣдства, какъ совокупности правоотношеній, въ немъ не разработано,—наслѣдство есть просто сумма вещей, оставшихся послѣ умершаго. Такой же простотой отличался и „судъ"—терминъ, который въ тѣ времена опредѣлялъ не только форму судопроизводства, но и матеріальныя нормы, подлежащія примѣненію; судитъ князь, и только князь, въ присутствіи мужей, представителей общины. Движеніе процесса находится всецѣло въ рукахъ сторонъ, „истцовъ", и обусловлено

участіемъ свидѣтелей. Этимъ опредѣляется и характеръ доказательствъ и характеръ дѣйствій по исполненіи рѣшенія, которыя также всецѣло зависятъ отъ выигравшей стороны. Отъ этихъ исходныхъ моментовъ продолжалось и дальнѣйшее развитіе права. Прогрессъ выразился въ дифференціаціи и разработкѣ внутренней стороны сдѣлокъ; появляются болѣе сложныя формы вещныхъ правъ, пріобрѣтаютъ большее значеніе обязательственныя отношенія и постепенно слагается понятіе наслѣдства, какъ нѣкоторой юридической единицы, а не суммы матеріальныхъ благъ. Обособляются, наконецъ, законъ (объективное право, „пошлина") и судъ, примѣняющій его, хотя, конечно, это раздѣленіе и не проведено въ томъ видѣ, который привыченъ намъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окрѣпла княжеская власть, появляется новый источникъ права—княжескія грамоты, путемъ которыхъ князья стараются индивидуализировать свои отношенія къ различнымъ элементамъ населенія. Грамоты охраняютъ спеціальныя права отдѣльныхъ лицъ. Старинный характеръ права охраняется въ большей чистотѣ въ свободныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ князья не достигли такого вліянія. Паралельно съ этимъ, пріобрѣтаютъ значеніе и проникаютъ въ жизнь принципы каноническаго права въ тѣхъ частяхъ, гдѣ они проводятъ начала нравственности, родственныя древне-русскимъ. Въ свободныхъ городахъ сохраняется въ силѣ и прежній гражданскій процессъ въ видѣ третейскаго суда, процессъ договорнаго характера; въ другихъ областяхъ старинное взаимодѣйствіе общины и органовъ власти отпадаетъ и обособляются самостоятельные органы суда.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, основная схема книги Николая Львовича. Несомнѣнно, что она написана подъ сильнымъ впечатлѣніемъ идей Іеринга; несомнѣнно, послѣдующія открытія въ области исторіи русскаго права представляютъ многія частности въ другомъ видѣ, чѣмъ онѣ обрисованы Николаемъ Львовичемъ; многіе выводы его покоятся на шаткихъ основаніяхъ,—но главное остается въ прежней силѣ. Остается первая и смѣлая попытка проникнуть въ глубину древняго права, охватить то, что составляетъ его сущность; это стремленіе вызвало рядъ вопросовъ, которые безъ такой постановки изслѣдованія никогда не родились бы (напр., о характерѣ наслѣдства), и лучшее доказательство тому, насколько удачны характеристики, обоснованныя Николаемъ Львовичемъ,—это то, что и теперь многія изъ нихъ повторяются, какъ нѣчто само собой разумѣющееся и безспорное. И далѣе,—не сухая исторія какихъ-то безжизненныхъ гражданскихъ

законовъ была написана имъ, а была возсоздана *картина* древняго права, какъ чего-то цѣльнаго, картина древняго юридическаго *быта*.

Въ предѣлахъ исторіи русскаго права эта задача имъ была поставлена впервые, и всѣмъ позднѣйшимъ историкамъ пришлось считаться съ новой постановкой. Можно только пожалѣть, что Николай Львовичъ не продолжалъ далѣе своихъ изысканій по исторіи русскаго права, которыя онъ такъ блестяще началъ. Но его привлекало чистое римское право, къ которому у него всегда лежало сердце, и это стремленіе, естественно, только усилилось подъ вліяніемъ пребыванія за границей. Упорная работа у вѣнскихъ пандектистовъ приводила его къ разработкѣ римскаго права. Онъ остановился надъ вопросомъ о корреальныхъ обязательствахъ (1874 г.), который долгое время привлекалъ интересъ романистовъ. По этому ученію накопилось множество хитроумныхъ и сложныхъ теорій, старающихся объяснить природу этого явленія, и эти-то тонкія конструкціи и побудили Николая Львовича заняться пересмотромъ вопроса.

Но и это частное явленіе римскаго обязательственнаго права Николай Львовичъ изучалъ не путемъ микроскопическаго изслѣдованія его догматической структуры, въ которое ударились нѣмецкіе изслѣдователи. Не толкованіе фрагментовъ должно было дать отвѣтъ на вопросъ о сущности корреалитета и его назначенія; напротивъ, всѣ особенности этого института, отличіи отъ ближайшихъ къ нему и родственныхъ, Николай Львовичъ старается объяснить историческими условіями, всѣмъ характеромъ римскаго права той эпохи, какъ продукта духа ея. Поэтому онъ прежде всего обращается къ изслѣдованію формальныхъ контрактовъ и въ частности, къ стипуляціи, которая является центральной формой всего обязательственнаго оборота въ Римѣ, pandectae omnium contractuum, какъ ее опредѣлялъ Куяцій. Корреальная форма стипуляціи, по мнѣнію Николая Львовича—первоначальная—„есть сопоставленіе двухъ стипуляцій, способное служить для всевозможныхъ цѣлей оборота съ требованіями“. Придя къ такому выводу, Николай Львовичъ, очевидно, тѣмъ самымъ отвергалъ всѣ теоріи, исходящія изъ единства корреальнаго обязательства (теорію Риббентроппа и его послѣдователей и другія, родственныя ей). Главную слабость теоріи единства онъ усматривалъ въ томъ, что источники допускаютъ возможность индивидуализаціи отдѣльныхъ обязательствъ, образующихъ одно сложное. Создавшееся въ теоріи стипуляціи новое явленіе—корреальность, было перенесено впослѣдствіи и на другія обязательства. Но позднѣйшая эпоха принесла съ собой видоизмѣне-

ніе всей системы обязательственнаго права; смягчился прежній формализмъ, отличавшій древнее строеніе права и этотъ общій переворотъ не могъ не отразиться и на частностяхъ. Новыя гибкія формы дѣлали излишнимъ примѣненіе корреальныхъ обязательствъ для цѣлей гражданскаго оборота. Поэтому и связь между сложными обязательствами ослабилась; самостоятельность каждаго изъ соединенныхъ вмѣстѣ обязательствъ привела къ тому, что и тѣ обязательства, которыя первоначально имѣли разрушающее дѣйствіе для всѣхъ корреально-связанныхъ обязательствъ (напр. litis contestatio) впослѣдствіи утратили эту силу.

Однако, этотъ широкій взглядъ, съ которымъ Николай Львовичъ приступилъ къ разрѣшенію проблемы, для даннаго вопроса оказался непригоднымъ. Историческое объясненіе, предлагаемое имъ слишкомъ обще; прямую связь между общей исторической эволюціей и разбираемымъ частнымъ явленіемъ установить ему не удалось. И даже больше того—не всѣ выводы его можно согласовать съ нѣкоторыми прямыми данными источниковъ. Его объясненіе, въ виду этого, не получило общаго признанія.

Послѣдней крупной работой Николая Львовича, надъ которой онъ трудился, пока были силы у него, является его курсъ гражданскаго права [1]). Его онъ часто переиздавалъ и постоянно отдѣлывалъ; къ сожалѣнію, нѣкоторыхъ частей (о семейственныхъ и наслѣдственныхъ правахъ и многихъ отдѣловъ обязательственнаго) онъ такъ и не успѣлъ докончить. Это произведеніе нельзя разсматривать какъ „курсъ" въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учебникъ для слушателей, да и самъ авторъ на него такъ не смотрѣлъ. На неподготовленнаго читателя курсъ не былъ разсчитанъ и не можетъ служить первоначальнымъ руководствомъ для начинающаго юриста.

Эти „Чтенія по гражданскому праву" составляютъ попытку охватить всю систему частно-правовыхъ отношеній; разбирая въ порядкѣ всѣ отдѣлы этой системы, авторъ не считалъ себя связаннымъ соображеніями о внѣшнемъ соотвѣтствіи объема ихъ. Тѣ ученія, которыя интересовали его больше другихъ, изложены болѣе подробно, а другія затронуты какъ бы мимоходомъ. Такъ, напримѣръ, на общихъ вопросахъ гражданскаго права, на понятіи субъективнаго права и

[1]) Различныя изданія его выходили подъ разными заглавіями: „Изъ курса лекцій по гражд. праву"; „Пособіе къ лекціямъ по гражд. праву"; позднѣйшія озаглавлены „Чтенія по гражд. праву".

субъекта права вообще, Николай Львовичъ остановился съ величайшей подробностью. Въ этомъ пунктѣ, въ общемъ ученіи о правѣ, между прочимъ, Николай Львовичъ совершенно разошелся съ Іерингомъ, труды котораго въ области чисто римскаго права онъ такъ высоко цѣнилъ. Реалистическій взглядъ на право, подчеркиваніе въ немъ момента интереса, звучащія сурово и жестоко теоріи Іеринга были не по душѣ Николаю Львовичу. Онъ съ жаромъ, почти съ ненавистью нападалъ на нихъ, усматривая въ нихъ прославленіе грубой силы, появившееся у нѣмцевъ подъ впечатлѣніемъ побѣдъ, одержанныхъ надъ французами.

Въ экскурсахъ, посвященныхъ общимъ ученіямъ, собранъ и обработанъ громадный матеріалъ, сравнительно изложены различныя правовыя системы, тщательно разработано историческое развитіе современныхъ понятій. Можно сказать даже, что историческія изысканія, разслѣдованіе постепеннаго развитія руководящихъ идей и здѣсь преобладаютъ надъ чисто догматическими разсужденіями. Напримѣръ, весь очень обширный отдѣлъ о юридическихъ лицахъ содержитъ преимущественно описаніе развитія различныхъ доктринъ, начиная съ древнѣйшихъ; и въ ученіи о физическихъ лицахъ наибольшее вниманіе удѣлено эволюціи понятія субъекта правъ, постепенному образованію современнаго абстрактнаго понятія, освобожденію „личности" отъ остатковъ средне-вѣковаго быта и права, когда не существовало лица какъ таковаго, а юридически признавались только члены какого-либо союза. А все то, что принято называть „догматическимъ" изложеніемъ, что составляетъ обычное содержаніе учебниковъ дѣйствующаго права, все это въ „Чтеніяхъ" стоитъ на заднемъ планѣ.

Поэтому у читателя остается неровное впечатлѣніе. Тѣ ученія, которыя можно разсматривать съ широкихъ точекъ зрѣнія, гдѣ можно уловить постепенную эволюцію общихъ идей, при умѣломъ чтеніи даютъ много любопытнаго, много эффектныхъ мыслей, и очень блѣдны тѣ, гдѣ авторъ вынужденъ разбирать положительное право, во всей его ограниченности и сухости. Эта неровность стоитъ въ прямой связи со всѣмъ характеромъ дарованія Николая Львовича. На всѣхъ его трудахъ лежитъ своеобразный отпечатокъ; въ нихъ всегда выступаетъ личность автора со всѣми его симпатіями и антипатіями. Въ этомъ отличіе ихъ отъ обычныхъ юридическихъ изслѣдованій, которыя являются обыкновенно суммой фактовъ и разсужденій, болѣе или менѣе удачныхъ и логически вѣрныхъ, но всегда какъ-то безличныхъ и однообразныхъ.

Въ Николаѣ Львовичѣ юриста часто побѣждалъ художникъ; можно сказать, что всю науку права вообще и гражданскаго права,—въ частности, Николай Львовичъ разсматривалъ именно съ эстетической точки зрѣнія. Пошлыя и бездарныя теоріи, измышляемыя во множествѣ нѣмецкими цивилистами его искренно возмущали и это возмущеніе брало верхъ надъ холодной критикой. Онъ просто смѣялся надъ ними, старался подчеркнуть тривіальность и безвкусіе ихъ, но рѣдко входилъ въ детальную провѣрку ихъ, или разъясненіе ихъ внутреннихъ противорѣчій. И обратно, стройныя и тонкія построенія римскихъ юристовъ вызывали его восхищеніе. Его искреннее поклоненіе передъ римскими ученіями, трепетъ передъ „священными листами Дигестъ“ должно объяснить именно такимъ эстетическимъ восторгомъ. Не практичность римскаго права или правильная оцѣнка жизненныхъ отношеній, до которой оно интуитивно дошло, не прочія его качества, которыя можно раскрыть разсудкомъ, не эти моменты плѣняли его, по крайней мѣрѣ не они стояли на первомъ мѣстѣ. Онъ пламенно восхищался той elegantia juris, которая ярко выступаетъ во всѣхъ твореніяхъ римскихъ юристовъ, и любилъ ее, какъ прекрасное произведеніе человѣческаго генія. Такое чисто субъективное отношеніе Николая Львовича къ римскому праву, сквозящее во всѣхъ его произведеніяхъ, особенно живо выражалось въ его лекціяхъ и въ личныхъ разсказахъ, въ характеристикахъ тѣхъ корифеевъ этой науки, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, или труды которыхъ онъ изучалъ.

Какъ художникъ, онъ стремился создать по возможности не разсужденіе, а картину, не дедукцію, а образъ. И въ этомъ заключается и сила его дарованія и слабость его. Во многихъ матеріяхъ права художнику дѣлать нечего, необходима банальная, но правильная и сухая логика и въ этихъ случаяхъ талантъ Николая Львовича ничего не могъ подѣлать. Догматическія разсужденія, критическая провѣрка теорій по внутренней логической ея связи—это все онъ обходилъ: такая мелкая, детальная работа его не привлекала. Но тамъ, гдѣ надо было возсоздать картину, въ широкихъ штрихахъ обрисовать сочетаніе общихъ началъ или охарактеризовать нѣсколькими замѣчаніями какой-нибудь періодъ развитія права,—тамъ онъ умѣлъ захватывать читателя и заставлять его задуматься.

Своеобразный отпечатокъ творчества Николая Львовича обезпечилъ за его трудами почетное и особое мѣсто въ нашей юридической литературѣ; многія мысли его составятъ прочный фундаментъ для грядущихъ изслѣдователей.

Но у насъ, у его учениковъ останется отъ него больше, чѣмъ у читателей его трудовъ; намъ не надо возсоздавать себѣ его духовный обликъ, онъ и такъ стоитъ передъ глазами.

У насъ останется память о немъ, какъ объ истинномъ ученомъ, который очень высоко ставилъ свое призваніе, служилъ величавой идеѣ и не допускалъ ремесленнаго къ ней отношенія. Мы будемъ помнить его, какъ художественнаго разсказчика своихъ мыслей, который заботился не только о томъ, чтобы изложить ихъ просто и понятно, но стремился и умѣлъ разсказать ихъ въ красивой отдѣланной формѣ, старался дать слушателямъ не только одни разсужденія, но и образы и картины.

И у насъ останется незабвенною почтенная и въ высшей степени изящная фигура нашего учителя, его увлекательный юморъ, блескъ его остроумія.

Баронъ Александръ Нольде.

ЭТЮДЫ ПО ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ [1]).

III. Изъ мастерской Брига.

Среди сосудовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь обращаемся, съ наибольшимъ правомъ можетъ считаться расписанными рукою признаннаго наилучшимъ живописцемъ въ мастерской Брига чаша въ Мюнхенѣ, которая прежде была почти неизвѣстна, а теперь опубликована достойнымъ образомъ въ Griech. Vasenmalerei Фуртвенглера и Рейхгольда, табл. 49 [2]).

Рейхгольдъ, описывающій техническую сторону издаваемыхъ въ Vasenmalerei сосудовъ, выражается о нашемъ киликѣ такъ (стр. 250): „ножка чаши съ маленькимъ желобкомъ по краю совершенно соотвѣтствуетъ ножкѣ вюрцбургской чаши. То же самое нужно сказать о всѣхъ прочихъ формахъ того и другого сосуда, исключая высоты— мюнхенская немного пониже.

Предварительный рисунокъ и окончательная роспись нашего сосуда вполнѣ покрываются [т. е. окончательная роспись всюду слѣдуетъ предварительному рисунку, а не измѣняетъ его, какъ это часто бываетъ]. Колѣна болѣе не обозначаются отдѣльнымъ контуромъ. Изображеніе глазъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ производится посредствомъ трехъ черточекъ, какъ на вазѣ въ Вюрцбургѣ, и система складокъ аналогична, но, съ другой стороны, рельефныя линіи нашей чаши нанесены на поверхность съ гораздо бо́льшею технической ловкостью и бо́льшимъ изяществомъ (grösserem Schwung). Стиль того и

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1906, іюнь, отд. класс. филол.

[2]) Въ свое время ваза была издана у *Thiersch*'а, Ueber die hellen. bemalten Vasen, табл. IV. Затѣмъ одинъ внутренній рисунокъ у *Wieseler*'а, Denkmäler der alten Kunst, II, табл. XLV, 273 и у *Baumeister*'а, Denkmäler des klass. Altertums, рис. 928.

другого рисунка, какъ изъ всего видно, остается однимъ и тѣмъ же, и лишь рука мастера совершенствуется".

Для насъ изъ описанія Рейхгольда вполнѣ убѣдительно то, что *техническія* особенности даннаго сосуда указываютъ на его происхожденіе *изъ той же мастерской*, изъ которой вышла и вюрцбургская чаша По всей вѣроятности, обѣ чаши представляютъ работу даже одного и того же *гончара*, но мы не рѣшаемся утверждать, что онѣ были *расписаны* однимъ и тѣмъ же мастеромъ; напротивъ, нѣкоторыя частности заставляютъ отнестись къ этому скептически.

Отсылая читателя къ подробному описанію Фуртвенглера, ограничусь здѣсь нѣкоторыми выдержками. „Чаша, правда, пишетъ онъ (249), не сигнирована, однако, отмѣчена всѣми особенностями произведеній изъ мастерской Брига и представляетъ особенно прекрасный образецъ издѣлій (ein ganz vortreffliches Stück) этого мастера. Во-первыхъ, она въ техническомъ отношеніи отличается тѣмъ, что художникъ изобразилъ внутренній рисунокъ на *бѣломъ* фонѣ. На нашей таблицѣ картина передана на основаніи фотографіи, однако воспроизведеніе не въ силахъ дать представленіе о прелести тона оригинала... Мэнада держитъ пантеру за заднюю ногу, въ другой рукѣ у нея ѳирсъ, на плечи накинута шкура пантеры, въ волосахъ вмѣсто повязки живая змѣя, съ шипѣніемъ вздымающая голову... Снаружи мы видимъ Діониса съ канѳаромъ и виноградною вѣтвью въ рукахъ, сидящимъ на стулѣ, покрытомъ львиною шкурою. Виноградныя листья показаны красною краскою, на стѣнѣ виситъ бурдюкъ, на которомъ написано нѣсколько безсмысленныхъ буквъ... Діонисъ представленъ здѣсь оборачивающимся верхнею частью корпуса къ танцующей налѣво мэнадѣ. Противъ нея направо танцуетъ другая съ кроталами въ рукахъ. Силенъ (въ ѳракійскихъ сапогахъ) играетъ имъ на флейтѣ; онъ инфибулированъ (infibuliert).

На другой сторонѣ также инфибулированный и кромѣ того съ животомъ, покрытымъ волосами, силенъ преслѣдуетъ нимфу, которая угрожаетъ ему змѣей и ѳирсомъ. Группа окружена двумя въ дикомъ восторгѣ танцующими мэнадами. Руки на всемъ протяженіи всунуты въ широкіе рукава іонійскаго хитона, на всѣхъ накинуты шкуры, только у мэнады налѣво мѣхъ дикой козы, у другихъ пантеровые мѣха [1]).

[1]) На этотъ разъ Фуртвенглеръ, который такъ строго караетъ другихъ за неточность наблюденій, самъ не доглядѣлъ, говоря „bei der Mänade links allein ein

Все пышетъ жизнью и энергіею. Особенно смѣлы движенія мэнады съ прикрытыми руками, которая поворачивается верхнею частью туловища; къ сожалѣнію, какъ разъ эта фигура нѣсколько пострадала; буквы на фонѣ безсмысленны".

Нельзя отрицать, что лица фигуръ очень похожи на лица фигуръ первыхъ трехъ чашъ, исполненныхъ тѣмъ мастеромъ, о которомъ рѣчь была въ предыдущемъ этюдѣ. Мастерская передача движеній тоже, конечно, говоритъ въ пользу предположенія Фуртвенглера, но вотъ что плохо вяжется съ его утвержденіемъ: во-первыхъ на трехъ чашахъ, принятыхъ нами въ качествѣ критерія, мы въ одномъ случаѣ совсѣмъ не имѣемъ надписей, въ двухъ другихъ надписи совершенно непонятныя, но ни разу нѣтъ *безсмысленныхъ*, какъ въ данномъ случаѣ. Клейнъ, какъ мы выше указали, представляетъ себѣ дѣло такъ, что его Бригъ сначала не писалъ, а потомъ мало-по-малу сталъ писать. Но какъ это примирить съ тѣмъ, что наша чаша, если ее считать произведеніемъ того же мастера, должна, по справедливому замѣчанію издателей, принадлежать къ числу *болѣе позднихъ его издѣлій* [1]). Далѣе если бы данная чаша была расписана той же рукой, какъ вышеупомянутыя три, то мы ожидали бы, что канеаръ въ рукѣ Діониса и инохоя въ рукѣ мэнады рядомъ съ нимъ были бы *сплошь покрыты чернымъ лакомъ*, такъ какъ ихъ очертанія приходятся на красномъ фонѣ одежды. То обстоятельство, что чаша внутри расписана по *бѣлому* фону, конечно, не можетъ служить поводомъ къ отрицанію предположенія Фуртвенглера, а только свидѣтельствуетъ о томъ, что эта чаша представляетъ собою нѣсколько *болѣе позднее* произведеніе, нежели первыя три.

Къ описанію мюнхенской чаши Фуртвенглеръ прибавляетъ: „Въ Парижѣ въ Cabinet de médailles находится еще прекрасная вакхическая чаша, которая, навѣрное, принадлежитъ также Бригу, хотя и она не сигнирована (Hartwig, Meisterschalen Taf 32, 33, I; Catalog von de Ridder № 576). Она имѣетъ много общаго съ нашей чашей

Rehfell, bei den andern sind es Pantherfelle". На самомъ дѣлѣ и на правой мэнадѣ шкура дикой козы и только на средней пантеровая. Спора тутъ никакого быть не можетъ, такъ какъ ясно сохранились копытца и коротенькій хвостъ, имѣющій видъ кисточки, какъ у шкуры другой мэнады.

[1]) Замѣчаніе *Hartwig*'а, Meisterschalen, 315: „Buchstabenconglomerate ohne bestimmten Sinn wiederholen sich auch auf anderen Schalen, welche der Hand unseres Meisters angehören" не имѣетъ, конечно, никакой доказательной силы, такъ какъ опирается на такіе рисунки, которые приписываются нашему мастеру безъ достаточнаго основанія.

не равняясь ей; она, повидимому, болѣе раннее произведеніе этого мастера".

Въ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ Фуртвенглеръ замѣчаетъ: „Если, правда, положить воспроизведеніе въ изданіи Гартвига рядомъ съ нашей таблицей, то та чаша кажется ужасно грубой, пустой и плохой, однако это, думается, зависитъ только отъ совершенно неудовлетворительной передачи у Гартвига, ибо оригиналъ въ Парижѣ, помнится мнѣ, особенно прекрасная и тонкая работа".

Оригинала я не представляю себѣ, но не думаю, что таблица Гартвига уже слишкомъ бы искажала оригиналъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи воспроизведенія на той же таблицѣ (XXXIII, 2) фрагмента съ вакхической сценой изъ собранія маркиза Nordhampton въ Castle Ashby, я скорѣе былъ бы готовъ признать его за произведеніе нашего безыменнаго мастера [1]), не отрицая при этомъ близкаго родства между мюнхенской чашей и парижской.

Если по отношенію къ только что описаннымъ рисункамъ можно еще защищать близость ихъ къ рисункамъ нашего художника, то это, по моему мнѣнію, *совершенно не допустимо* по отношенію къ другой чашѣ Британскаго музея, которую Фуртвенглеръ издаетъ на той же таблицѣ (47), на которой помѣщены и внѣшніе рисунки лондонской чаши съ нападеніемъ сатировъ на богинь.

Упомянувъ, что эта чаша не сигнирована, онъ продолжаетъ (238) такъ: „однако она связана такими характерными чертами съ произведеніями, сигнированными Вригомъ, что мы приписываемъ ее тому же мастеру, хотя она носитъ явные признаки нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ сигнированныя. Но соотвѣтствія настолько велики и, какъ мнѣ кажется, слишкомъ индивидуальнаго характера для того, чтобы можно было допустить разныхъ мастеровъ. Однако, конечно, полная увѣренность относительно этого недостижима".

На одной сторонѣ представлены пирующіе, лежа, Діонисъ и Ираклъ. Направо маленькій сатиръ en face съ кувшиномъ въ рукѣ, налѣво подкрадывающійся сатиръ болѣе крупныхъ размѣровъ.

На другой сторонѣ опять полулежащій Діонисъ и два маленькихъ сатира.

Внутри чаши весьма деревянно написанный лысый старикъ въ

---

[1]) Объ этомъ фрагментѣ и другомъ, относимомъ раньше къ той же чашѣ, см. *Hartwig*, Meisterschalen, 340.

плащѣ и съ посохомъ въ правой рукѣ; позади старика виднѣется половина стула.

Если Рейхгольдъ по поводу мюнхенской чаши, о которой шла рѣчь въ началѣ, говоритъ, что стиль рисунковъ тотъ же, что на вюрцбургской, только „die Hand des Meisters nimmt im Können zu", то о рисункахъ второй лондонской чаши онъ, не возражая Фуртвенглеру, судитъ совершенно иначе (251): „При всей тонкости изображеній все же въ нихъ сказывается значительное паденіе сравнительно съ нашими другими рисунками".

То обстоятельство, что въ одномъ рисункѣ сказывается *успѣхъ*, въ другомъ *паденіе*, конечно, заставляетъ думать, что и Рейхгольдъ *не можетъ признать ихъ произведеніями одного и того же художника*.

Не стану останавливаться на мелкихъ частностяхъ, упомяну только о *бѣдности замысла* (на той и другой сторонѣ Діонисъ съ сатирами внутри просто одна деревянная фигура, плохо заполняющая круглое поле), о совершенно *иномъ типѣ* Діониса съ крутымъ профилемъ [1]) и *карликахъ-сатирахъ*. Малорослость сатировъ, очевидно, обусловливается не желаніемъ изобразить ихъ меньше Діониса и Иракла (подкрадывающійся сатиръ гораздо больше), а *неудачностью композиціи*.

Невольно приходитъ въ голову ассосскій фризъ съ пирующими мужчинами и виночерпіемъ. Про сатировъ Фуртвенглеръ пишетъ: „Тѣла нарисованы мастерски, однако смѣлѣе и свободнѣе и съ меньшей кропотливостью деталей, нежели на другой, несомнѣнно, нѣсколько старшей чаши. У вороватаго (diebisch) сатира голень должна была бы быть нарисована въ сокращенномъ видѣ, но этого мастеръ еще не умѣлъ [сдѣлать]; онъ представляетъ ее какъ разъ сзади [т. е. такъ, что видна одна подошва ноги]".

Этотъ сатиръ производитъ впечатлѣніе, какъ будто художникъ имѣлъ передъ собою подкрадывающагося сатира первой чаши, котораго онъ во что бы то ни стало хотѣлъ *превзойти*; но это по моему ему не удалось—вся фигура *искажена*: помимо совершенно непра-

---

[1]) Это обстоятельство, впрочемъ, отмѣчается и Фуртвенглеромъ. Говоря о Діонисѣ на мюнхенской чашѣ онъ пишетъ (249): „Голову слѣдуетъ сравнить съ головою Діониса на табл. 47 (нападеніе сатировъ на Иру и Ириду); не сигнированная (т. е. данная чаша) на той же табл. 47 въ трактовкѣ головы Діониса очень родственна съ подлежащей чашей, но и при этомъ сравненіи она оказывается, очевидно, болѣе поздней, какъ по иному, болѣе прямому, профилю и болѣе тонкому носу, такъ и по прическѣ".

вильной ноги рисовальщикъ *напуталъ въ мускулатурѣ* спины, показалъ конецъ лѣваго уха, которое при такомъ положеніи не могло быть видно и т. д. Все указываетъ на то, что художникъ принадлежалъ къ эпохѣ, когда живопись вообще развилась уже дальше. Но какъ индивидуальный художникъ, живописецъ второй лондонской чаши стоитъ *гораздо ниже*, нежели живописецъ первой.

Число приписываемыхъ мнимому живописцу Бригу вазъ такъ разрослось въ виду того, что вокругъ трехъ чашъ съ ихъ разными сюжетами была сгруппирована масса другихъ съ похожимъ содержаніемъ, а потомъ уже на основаніи этихъ приписывали „Бригу" еще и другіе сосуды. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, напр., Дюммлеръ наряду съ другими вазами приписываетъ нашему мастеру чашу въ Корнето [1]). Средній рисунокъ представляетъ собою положительно сколокъ съ соотвѣтствующаго рисунка чаши съ Iliupersis. Прибавленіемъ является только не совсѣмъ удачно нарисованная колонна. Но стоитъ всмотрѣться ближе, и мы убѣдимся, что *парижская чаша стоитъ значительно выше.*

На одной изъ внѣшнихъ сторонъ А представленъ поединокъ двухъ воиновъ, между которыми лежитъ en face припавшій на колѣно третій (щитъ въ раккурсѣ); справа и слѣва спѣшатъ къ нимъ женщины, позади второй колонна. Женщины даютъ намъ право видѣть въ этой сценѣ поединокъ Ахилла и Мемнона въ присутствіи ихъ матерей [2]).

На воинахъ панцыри *безъ поясного орнамента*; но этимъ и *исчерпывается* болѣе тѣсное сходство съ изображеніемъ вооруженія у нашего мастера. Женщины, по своимъ движеніямъ, совершенно *тожественны*, съ той, конечно, разницей, что лѣвая конечность одной соотвѣтствуетъ правой другой и наоборотъ. Складки одежды совсѣмъ не слѣдуютъ быстрому стремленію впередъ озабоченныхъ матерей. Пропорціи фигуръ, въ особенности женщинъ, совершенно иныя: онѣ значительно *выше*, головы ихъ меньше.

Эти новыя пропорціи еще болѣе бросаются въ глаза въ фигурахъ стороны В. Въ серединѣ представленъ обнимаемый женщиной юноша, который, держа въ лѣвой рукѣ копье, протягиваетъ правую мужчинѣ, стоящему, опираясь на посохъ, за женщиной. Позади влѣво

---

[1]) Bonner Studien, 73. *Monumenti dell' Inst.* XI, табл. XXXIII. W. V. сер. D, табл. VIII, 2 и въ уменьшенномъ размѣрѣ тамъ же 1890/91, табл. VIII, 2.

[2]) См. мою статью въ *Запискахъ Класс. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.* I (1904), 26 сл.

двѣ женскія фигуры. У первой расположеніе рукъ точь въ точь такое же, какъ у соотвѣтствующей на сторонѣ А. Вторая, изображенная съ туловищемъ и лицомъ en face и ногами въ профиль, разводитъ руками. Позади юноши стоитъ дѣвушка въ чепцѣ, съ лукомъ въ лѣвой рукѣ, наконецъ, слѣдуетъ старецъ, сидящій подъ антаблементомъ, подпираемымъ колонною, и держащій въ лѣвой рукѣ посохъ, въ вытянутой правой плоскую чашу.

Убѣдительнаго толкованія пока не представлено [1]). Испещреніе платья примѣнено здѣсь *весьма скромно;* о пропорціяхъ было уже упомянуто; пальметки подъ ручками данной чаши нарисованы такъ, что ихъ лепестки какъ разъ *заполняютъ спираль завитка*, между тѣмъ какъ на парижской (Iliupersis) и вюрцбургской (κῶμος) чашахъ средніе лепестки *перескакиваютъ завитокъ*, что производитъ гораздо болѣе *смѣлое и эффектное впечатлѣніе*. Однимъ словомъ мы видимъ, что мастеръ, расписавшій чашу, хранящуюся нынѣ въ Корнето, ни въ рисункѣ фигуръ, ни въ рисункѣ орнамента *не могъ достигнуть нашего живописца* [2]).

Обратимся теперь къ другой чашѣ, также въ Корнето [3]). О ней

---

[1]) Считаю не безинтереснымъ толкованіе Дюммлера въ виду нѣкоторой куріозности его. Упомянувъ о томъ, что Körte считаетъ юношу Мелеагромъ, а Engelmann Неоптолемомъ, онъ продолжаетъ дальше: „Толкованіе и въ данномъ случаѣ мнѣ кажется еще не установленнымъ и не исключена возможность, что мы имѣемъ передъ собою вторую попытку изобразить чертоги боговъ“ [первую Дюммлеръ усматриваетъ въ сценѣ на парижской чашѣ, описаніе которой мы выше привели по Клейну]. Аполлонъ и Латона въ такомъ случаѣ поставлены были бы въ серединѣ, копье въ рукѣ Аполлона нашло бы себѣ объясненіе въ томъ, что лукъ былъ неизбѣженъ для обозначенія Артемиды, которую, конечно, и на только что описанной чашѣ слѣдовало бы дополнить лукомъ. Стоящаго мужчину, привѣтствующаго юношу, можно было бы назвать Посидономъ. Странно, правда, было бы то, что Зевсъ, который какъ въ гимнѣ предлагаетъ чару, изображенъ старцемъ. Еще нагляднѣе (drastischer), нежели на другой чашѣ, были бы выражены чувства Иры, которая посредствомъ своего подергиванія плечами, повидимому, выражаетъ живое неодобреніе образу жизни своего супруга. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ понять въ юмористическомъ смыслѣ и бѣлые волосы предполагаемаго Зевса“... По толкованію Дюммлера выходитъ, что мнимый Вригъ задался мыслью иллюстрировать пословицу „*сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*“.

[2]) Орнаментъ, окружающій средній рисунокъ представляетъ, мэандръ, прерываемый крестиками, какъ и на двухъ чашахъ нашего мастера, съ той разницей, что на чашахъ въ Корнето крестики поставлены чаще.

[3]) Въ краскахъ чаша издана въ *Monumenti dell' Inst.* XI, табл. XX, а затѣмъ въ контурномъ рисункѣ издана въ W. V. сер. Д, табл. VIII, 1.

Дюммлеръ пишетъ (76): „Если (annali 1880, p. 75) рисунки прежде всего напомнили Кекуле Дурія, то онъ исходилъ отъ наружнаго, который представляетъ бѣгство Өисея отъ Аріадны. Здѣсь дѣйствительно имѣется большое сходство съ чашей Дурія съ подвигами Өисея, однако это могло бы быть объяснимо общею зависимостью [обоихъ рисунковъ] отъ монументальныхъ образцовъ. Уже въ этомъ изображеніи, однако, одежда Аріадны ясно говоритъ въ пользу авторства Брига. Оно оказывается внѣ сомнѣнія, если сравнить другую внѣшнюю сторону съ Iliupersis Брига. Шлемъ, поножи, щитъ Менелая, все повторяется и на чашѣ съ гибелью Иліона, между тѣмъ какъ Елена имѣетъ самое большое сходство съ убѣгающей троянкой; дорійская архитектура также достаточно извѣстна по другимъ чашамъ Брига".

Перечисленіе особенностей этой чаши и характерныхъ чертъ мнимаго живописца на самомъ дѣлѣ вовсе не убѣдительно. У Аріадны, какъ и на женской фигурѣ внутренняго рисунка, мы видимъ большіе напуски съ видиѣющимися петлей и двумя концами, но складки на нихъ показаны совсѣмъ *не такъ, какъ въ композиціи разрушенія Иліона. Не показаны,* если можно вѣрить рисунку въ Monumenti, *складки* на внутренней сторонѣ хитона, которыя виднѣются изъ-за переднихъ складокъ; *не намѣчена* и мускулатура.

Если Дюммлеръ находитъ тѣсное сходство между этой Еленой и безыменной троянкой на другой чашѣ, то я съ этимъ не могу согласиться: черты лица у нея *другія,* волосы написаны совершенно *иначе,* въ платьѣ движеніе выражается недостаточно, если не считать концовъ плаща и конца головного платка направо отъ лица ея, который въ этомъ отношеніи представляетъ рѣзкій контрастъ съ другимъ концомъ, *горизонтально свѣшивающимся вдоль лица.* Еще менѣе удачна женская фигура, сидящая позади колонны подъ антаблементомъ.

Нельзя отрицать, что Менелай, по своему движенію, похожъ на Неоптолема. Что на щитѣ его представлена змѣя не какъ у Менелая (у него левъ), а какъ у Акаманта, конечно, не имѣетъ значенія: змѣю мы видимъ на щитѣ у Энея на такъ называемой вазѣ Вивенціо, но это никому еще не послужило поводомъ считать ея роспись работою Брига [1]). Дорійской архитектуры *нѣтъ на трехъ*

---

[1]) *Hartwig, Archaol.—epigr. Mittheil. aus Oesterreich-Ungarn,* XVI (1893), 114, прим. 2, приписываетъ вазу Вивенціо живописцу Онисиму. По этому поводу *Фуртвенглеръ* (Vasenmalerei, 186, прим. 2) замѣчаетъ: „Ich halte dies nicht für rich-

чашахъ, которыя мы сочли возможнымъ приписать *лучшему художнику мастерской Врига*. Прибавлю еще, что панцырь Менелая *снабженъ поясньмъ орнаментомъ*, что плащи, за исключеніемъ одного случая (мужчина на внутреннемъ рисункѣ), окаймлены *простой*, сравнительно узкой, полосой. На костюмахъ *не встрѣчается* точекъ и крапинокъ кромѣ какъ на плащѣ женской фигуры того же рисунка (С). Вертикальныя складки нижней части хитона Аріадны и горизонтальныя верхнія, положеніе концовъ головной повязки и длиннаго локона — все, несмотря на встрѣчающіеся раккурсы (лѣвыя ноги Аріадны и Эрота), наряду съ неудачностью рисунка рукъ (ср. въ особенности лѣвую руку Елены и женской фигуры рисунка С, правую Аріадны и другой женщины на сторонѣ В), говоритъ *не въ пользу* талантливости и наблюдательности рисовальщика. Мы опять, вѣроятно, имѣемъ передъ собою *чашу изъ мастерской Врига, но не расписанную рукой его лучшаго мастера*.

Однимъ изъ краеугольныхъ камней для характеристики живописца, называемаго Вригомъ, для Гартвига служитъ чаша въ Лондонѣ, изданная въ „Meisterschalen" на таблицахъ XXXIV и XXXV, 1.

„Вернике (Lieblingsnamen, no. 15), говоритъ онъ (стр. 319), ошибочно приписалъ чашу Іерону. Дюммлеръ, напротивъ даже по неудовлетворительной репродукціи узналъ ея принадлежность къ произведеніямъ „Врига" (Berl. phil. Wochenschr. 1880, 20 и Bonner Studien, 74)".

„Лондонская чаша, пишетъ Гартвигъ далѣе, даетъ намъ теперь также случай точнѣе опредѣлить и типъ головъ Врига". Слѣдуетъ затѣмъ подробное описаніе головъ, на которомъ мы, однако, не станемъ останавливаться, такъ какъ считаемъ принадлежность росписи этой чаши нашему художнику *совершенно исключенной*. Въ общихъ чертахъ Гартвигъ (стр. 319) описываетъ изображенныя сцены такъ: „На внутреннемъ рисункѣ представленъ юноша, лежащій на клинѣ, передъ которымъ танцуетъ молодая дѣвушка; снаружи на той и другой сторонѣ по двое мужчинъ, лежащихъ на клинахъ, по двѣ дѣвушки, сидящихъ или стоящихъ рядомъ съ ними, и по одному мальчику, всего двѣнадцать фигуръ...".

Семь лицъ снажено собственными именами, кромѣ того рядомъ съ

---

tig, da sie in vielen und wesentlichen Puncten von der Art des Onesimos abweicht". Вопросъ у насъ будетъ затронутъ ниже.

отрокомъ виночерпіемъ мы находимъ надпись ο παις καλος и слово καλε на чашѣ въ рукахъ одной изъ гетеръ.

Выдающійся интересъ, пишетъ Гартвигъ далѣе (стр. 320), представляетъ начертаніе именъ, отличающееся отъ аттической орѳографіи[1]... На сигнированныхъ Бригомъ произведеніяхъ такія діалектическія орѳографическія особенности не встрѣчаются..." [2]).

Эти надписи, вмѣсто того чтобы заставить ученыхъ *удержаться* отъ отожествленія мастера данной чаши съ мастеромъ сигнированныхъ чашъ, носящихъ надписи (и почеркъ такъ сказать совершенно иной), напротивъ *подали поводъ ближе характеризовать его* и даже высказать предположеніе, что онъ былъ македонянинъ [3]).

Странная, по истинѣ, личность былъ этотъ мнимый художникъ Бригъ! То онъ *совсѣмъ не писалъ*, *то ставилъ несвязныя буквы*, то ограничивался обычнымъ ο παις καλος (чаша въ Корнето, W. V. сер. D, табл. VIII, 1—берлинская № 2293), то писалъ *по-аттически*, то, наконецъ, на какомъ-то *неизвѣстномъ сѣверномъ діалектѣ*.

Послѣ этого считаю лишнимъ входить въ разборъ стилистическихъ особенностей на лондонской чашѣ съ συμπόσιον'омъ, укажу только,

---

[1]) Выписываю здѣсь продолженіе описанія Гартвига: „Dieselbe (т. е. die von der attischen Orthographie abweichende Schreibung der Namen) konnte natürlich schon O. Jahn nicht entgehen; er hebt die Seltenheit „der gewissermaassen systematischen Consequenz der hier auftretenden Incorrectheiten" (O. Jahn, Dichter auf Vasenbildern, 748) ganz besonders hervor. Dümmler hat in der Berl. Phil. Wochenschift 1888, 20, die in dem Mangeln der Aspiration liegenden Eigenthümlichkeiten unserer Inschriften, welche der härteren Aussprache nordgriechischer Dialecte eigen sind, mit der Schreibung des Namens Brygos selbst combinirt, welcher nicht nach attischer Aussprache aspirirt ist und deshalb bereits von de Witte, ann. 1856 p. 86 für einen nordgriechischen (makedonischen?) Namen erklärt wurde. Freilich schrieben und sprachen die Makedonier Βλιππος, wofür der Meister dann den Mittelweg einer Schreibung des Namens mit π gewählt haben müsste. Auch ist nicht zu übersehen, dass die Namen an sich ausser Πλιππος, sämmtlich gute attische Namen sind".

[2]) „...jedoch", продолжаетъ Гартвигъ, „glaube ich wenigstens noch einmal auf einem unsignirten Werke des Brygos eine solche nachweisen zu können. Es ist dieses eine fragmentirte Schale mit blossem Innenbilde (?) im Museo Etrusco zu Florenz (Schrank XIII), welche auf Tafel XXV, 2 in Originalgrösse abgebildet ist. Ihre Zugehörigkeit zu dem Werke des Brygos steht ausser Frage. Eine ganze Reihe von kleinen Eigenthümlichkeiten unseres Meisters: das punctirte Gewand, der aufgehängte Speisenkorb, die Musterung der Kissen, aber auch das Motiv des zurückgeworfenen Kopfes und die ganze Anlage der Figur, die den auf Klinen liegenden Figuren unserer Londoner Schale aufs engste verwandt ist, verräth die Hand des Brygos".

[3]) Ср. выше прим. 1.

что рисунки *грубѣе* и фигуры, въ особенности отроки, сравнительно *выше*. Всѣ остальные расписные сосуды, отнесенные Гартвигомъ на счетъ нашего художника, насколько мы это могли провѣрить, *еще менѣе имѣютъ на это право*, *хотя*, *конечно*, *большинство ихъ можетъ считаться произведеніями одной мастерской*.

Въ числѣ сорока девяти сосудовъ, роспись которыхъ Гартвигъ приписывалъ Бригу [1]), и двѣнадцати близкихъ ему, не претендуя, правда, на полноту перечисленія [2]), нѣтъ амфоры съ восхищеніемъ Данаи и ея наказаніемъ, имѣющей для насъ особенный интересъ, въ виду того, что сосудъ изъ коллекціи Кампана перешелъ въ Императорскій Эрмитажъ [3]).

Этотъ сосудъ я тоже не могу приписать нашему мастеру, но онъ, несомнѣнно, расписанъ былъ въ мастерской Брига.

Конецъ нашего этюда посвящаемъ разсмотрѣнію росписи двухъ чашъ, также приписанныхъ Бригу.

Мы отдѣляемъ описаніе этихъ двухъ сосудовъ въ виду того, что они самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ двумя другими, изъ которыхъ одинъ находится въ Берлинѣ и съ большимъ сравнительно правомъ, какъ мы полагаемъ, считается произведеніемъ нашего мастера [4]), а другой хранится въ Вѣнѣ и расписанъ рукою извѣстнаго мастера Дурія [5]).

„Наряду съ чашею въ Берлинѣ съ гигантомахіею, пишетъ Гартвигъ (Meisterschalen, 356), мы имѣемъ еще одну, какъ я думаю, также, несомнѣнно, принадлежащую Бригу, съ повтореніемъ той же темы. Это чаша графа де-Люиня, находящаяся въ Cabinet des médailles въ Парижѣ“ [6]).

---

[1]) См. *Hartwig*, Meisterschalen, 687.

[2]) См. тамъ же, 372, прим. 1.

[3]) Рисунки вазы были изданы въ краскахъ въ 1854 г. *Gerhard*'омъ въ Берлинской 14 Programm zum Winckelmannsfest, а затѣмъ повторены въ контурномъ рисункѣ у *Overbeck*'а, Kunstmythologie.

[4]) См. этюдъ I.

[5]) Рисунки этой чаши издавались нѣсколько разъ; въ величину оригинала *Monumenti dell' Inst.* VIII, табл. XLI = W. V. сер. VI, табл. I. Теперь см. *Furtwängler* u. *Reichhold*, Griech. Vasenmalerei, табл. 54.

[6]) Въ краскахъ рисунки изданы у *Gerhard*'а, Trinkschalen, табл. A и B, въ контурномъ рисункѣ у *Overbeck*'а, Kunstmythologie, атласъ, табл. V, 1 a, b, c (изданіями

Упомянувъ о томъ, что внутренній рисунокъ окруженъ такимъ же мэандромъ, какъ и соотвѣтствующій рисунокъ на лондонской чашѣ съ нападеніемъ сатировъ, Гартвигъ продолжаетъ: „Внутренній рисунокъ съ Посидономъ, бросающимъ островъ Нисиръ на павшаго гиганта, повидимому, нѣсколько чуждъ внутреннимъ рисункамъ Брига. Мы встрѣчаемъ эту схему группировки затѣмъ чрезвычайно часто у другого мастера нашего круга, у Онисима; но стоитъ взглянуть на наружную сторону чаши въ Берлинѣ 2293 и нашей чаши Люиня, и мы тотчасъ увидимъ, откуда мастеръ взялъ мотивъ, а именно изъ композиціи внѣшней стороны своей же собственной чаши. Правда, ему и не особенно хорошо удалась непривычная композиція: рисунокъ въ трехъ мѣстахъ вторгается въ мэандръ. У бога на затылкѣ знакомые намъ пучки волосъ, какъ и на внѣшней сторонѣ чаши.

На наружней сторонѣ также [какъ на берлинской чашѣ] шесть боговъ: Аполлонъ (?), Діонисъ, Арей, Ифэстъ, Посидонъ, Ермій и шесть вооруженныхъ гигантовъ. Не только общее распредѣленіе фигуръ, но и опредѣленныя группировки, какъ-то: Арея, Ифэста, Посидона и ихъ противниковъ, повторяются здѣсь совершенно въ томъ же видѣ, какъ на берлинской чашѣ. Особенно бросается въ глаза повтореніе раскаленныхъ кусковъ желѣза, которые Ифэстъ держитъ въ своихъ клещахъ, и кто имѣлъ случай изслѣдовать оригиналъ въ Cabinet des médailles, тотъ, навѣрное, замѣтилъ то же стремленіе къ пестротѣ, которою характеризована чаша и которая вообще служитъ однимъ изъ признаковъ манеры Брига.

Надо признать, что берлинская чаша представляетъ далеко превосходящее изображеніе, но за то чаша у Люиня имѣетъ опять-таки нѣкоторыя оригинальныя черты, какъ-то: оплетеніе одного изъ гигантовъ лозами Діониса, показанными красными листьями, хотя бы это было представлено мало натуралистически".

Какъ можно думать, что обѣ гигантомахіи нарисованы *одной и той же рукой, мнѣ рѣшительно непонятно*. Допуская, что оригиналъ производитъ болѣе удовлетворительное впечатлѣніе, нежели воспроизведенія въ изданіяхъ, въ которыхъ не обозначены реставраціи (такіе шлемы, какіе мы видимъ на противникахъ Ермія, совершенно *невозможны*; непонятный кусокъ подъ правою рукою гиганта, поражаемаго Ифэстомъ, надо думать, представляетъ остатокъ такой же

Luynes, pl. XIX, XX и *Milliet-Giraudon*, pl. 70 — 73, приведенными Гартвигомъ, я не располагаю).

нелѣпой подвѣски, какими снабжены щиты еще двухъ гигантовъ [1]), рисунокъ имѣетъ совершенно *иной характеръ*, не говоря о томъ, что въ немъ *нѣтъ того художественнаго распредѣленія черныхъ украшеній*, которое отмѣчено нами, какъ особенная черта мастера берлинской чаши. Мы не видимъ здѣсь ни отмѣченныхъ всѣми изслѣдователями отороченныхъ плащей, украшенныхъ точками, ни переплетеныхъ ноженъ, *ни чего-либо другого, чѣмъ характеризованы рисунки, приписываемые Бригу* [2]).

Изъ четырехъ случаевъ, въ которыхъ видна наружняя сторона щита, *три* раза представленъ канөаръ, въ четвертомъ скорпіонъ— удивительная *бѣдность фантазіи*. Всѣ панцыри снабжены *поясными орнаментами*, что̀, по выше отмѣченному наблюденію, противорѣчитъ нашему художнику; оплетеніе одного изъ гигантовъ плющемъ, особенно отмѣчаемое Гартвигомъ, совершенно непонятно. Стоитъ сравнить изображеніе того же мотива на фрагментахъ красно-фигурнаго сосуда строгаго стиля, найденныхъ въ Аөинахъ [3]), чтобы убѣдиться, насколько лучше данный мотивъ изображался другими живописцами, но хуже всего то, *что правая нога Посидона и лѣвая Поливота на внутреннемъ рисункѣ захватываютъ орнаментъ и что у пяти фигуръ недостаетъ или обѣихъ ногъ* (у такъ называемаго Аполлона) *или, по крайней мѣрѣ, одной* (у такъ называемаго Ермія и противниковъ Аполлона и Посидона). Считаю лишнимъ продолжать свой анализъ, такъ какъ перечисленіе всѣхъ небрежностей и недоразумѣній завело бы насъ слишкомъ далеко; пусть онѣ даже оправдываются отчасти неудачнымъ изданіемъ, но не могу не выразить вторично недоумѣнія, какъ авторъ труда Die griechischen Meisterschalen *могъ приписать этотъ рисунокъ художнику, котораго онъ послѣ излюбленнаго*

---

[1]) См. мою статью „Щиты съ коврикамии" въ *Ученыхъ Запискахъ Импер. Казанскаго университета*, 1890.

[2]) Упреки Гартвига по адресу Майера, по моему, преувеличены. *Hartwig*, Meisterschalen, 357, прим. 1 пишетъ: „Die Kritik, welche M. Mayer der Luynes'schen Schale zu Theil werden lässt (Giganten u. Titanen S. 338), kann nur auf Unkenntniss des Originals beruhen. M. sagt: „es ist eben unmöglich, allen Missgriffen der Barbarenhand auf den Grund zu gehen. Gesichts-und Körperformen verrathen durchweg ungriechische (!), die Art der Gewandbehandlung direct etruskische (!!) Nachahmung". Und dabei hatte Mayer doch wohl wenigstens eine verhältnissmässig recht gute Abbilduug, wie die der Vasos Luynes sind, vor Augen. Nur dass die einzelnen Götter hier etwas weniger klar individualisirt sind, kann Mayer zugegeben werden". По моему мнѣнію, въ замѣчаніяхъ Майера есть большая доля правды.

[3]) См. Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική, 1886, табл. 7, рис. 3 и 3ᵃ.

имъ Евфронія считаетъ болѣе талантливымъ изъ всѣхъ мастеровъ даннаго періода.

Несмотря на всѣ недостатки описанной гигантомахіи, она не лишена большого интереса. Несомнѣнно то, что нѣкоторыя фигуры той и другой чаши имѣютъ общій источникъ, будь это образецъ, находившійся въ мастерской, или болѣе крупное художественное произведеніе, изъ котораго наши оба мастера заимствовали фигуры и создали свои композиціи.

На той и другой вазѣ мы видимъ весьма своеобразное изображеніе Ифэста, метающаго двумя клещами раскаленные куски металла въ своего противника. Далѣе, Посидонъ на обѣихъ чашахъ изображенъ весьма похоже (главная разница въ животныхъ, представленныхъ на островѣ Нисирѣ). Слѣдующій за Посидономъ богъ на той же сторонѣ по своему положенію похожъ на Ермія первой гигантомахіи, а Арей на Аѳину, только противники ихъ расположены *иначе*, и притомъ *менѣе удачно*. Діониса на берлинской чашѣ нѣтъ, но зато есть гигантъ (противникъ Посидона), щитъ котораго украшенъ плющемъ. Это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ новымъ доказательствомъ, что Діонисъ съ своимъ характернымъ мотивомъ также былъ представленъ *въ композиціи, лежащей въ основѣ нашихъ обѣихъ расписныхъ чашъ.*

Изъ того, что на обѣихъ чашахъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя общія фигуры, конечно, еще не слѣдуетъ, что одному изъ нихъ былъ извѣстенъ рисунокъ другого, но при ближайшемъ разсмотрѣніи невольно приходится это предположить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу воздержаться отъ гипотезы, что рисовальщику второй чаши была извѣстна первая; конечно, можетъ быть, не тотъ экземпляръ, который дошелъ до насъ, такъ какъ, навѣрное, мастера неоднократно повторяли свой рисунокъ. Вѣдь мы же имѣемъ прямое доказательство на двухъ кратирахъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ Мюнхенѣ, другой въ С.-Петербургѣ [1]). Если обратиться къ первой гигантомахіи, то замѣтимъ, что на одной сторонѣ представлены *всѣ главные истребители* непокорныхъ исполиновъ — *Зевсъ, Ираклъ и Аѳина*, на другой своеобразная фигура *Ифэста*, традиціонный, но нѣсколько иначе характеризованный *Посидонъ* съ островомъ Нисиромъ на лѣвой рукѣ

---

[1]) См. *Furtwängler* u. *Reichhold*, Griechische Vasenmalerei, табл. 35 и *Отч. Имп. Арх. Комм.* 1873, табл. V, рис. 3 и 4. Фуртвенглеръ въ текстѣ стр. 190 приводитъ еще подобный же примѣръ на двухъ вазахъ въ Karlsruhe.

и вѣстникъ боговъ *Ермій*. Во второмъ рисункѣ *нѣтъ трехъ первыхъ фигуръ*. Что, спрашивается, могло заставить второго живописца, *опустить наиболѣе важныя фигуры, какъ не желаніе представить варіантъ* (середину сосуда онъ, правда, не совсѣмъ удачно заполнилъ повтореніемъ группы Посидона и Поливота). Чтобы объяснить такую странность, мнѣ кажется наиболѣе естественнымъ предположеніе, что *оба художника работали, такъ сказать, рядомъ въ одной и той же мастерской*.

Обратимся къ двумъ другимъ чашамъ, которыя, по принятому толкованію, имѣютъ своею темою споръ между Одиссеемъ и Эантомъ изъ-за оружія павшаго Ахилла и присужденіе оружія первому посредствомъ подачи голосовъ камешками[1]). Одна изъ нихъ сигнирована надписью Δοῦρις ἔγραφεν[2]). На другой никакихъ надписей нѣтъ.

Имѣя въ виду упомянутую нами раньше чашу съ изображеніемъ на внѣшней сторонѣ оставленія Одиссеемъ Аріадны и преслѣдованіе Елены Менелаемъ, Дюммлеръ пишетъ (стр. 76): „Отъ этой чаши неотдѣлимо ὅπλων κρίσις Archaeologia 32, 8, 9, 11 уже вслѣдствіе почти тожественнаго внутренняго рисунка. Но она, кромѣ того, отмѣчена

[1]) *Klein* въ Verhandlungen der 29 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Innsbruck 1874, говоритъ о „Würfelorakel", на что *Robert* въ Bild u. Lied, (219), совершенно убѣдительно возражаетъ: „По Клейну мы въ двухъ фигурахъ около базы должны признать Эанта и Одиссея, оба героя, говоритъ онъ, заняты предъ Аѳиною бросаніемъ жребія, того рода оракула, о которомъ мы знаемъ только два, но здѣсь очень подходящихъ, пункта: что это было спеціальнымъ оракуломъ богини (?) и что оно не всегда соотвѣтствовало истинѣ (?); художникъ выразилъ уже результатъ посредствомъ различнаго числа костей (Würfel) на той и другой сторонѣ, но еще болѣе посредствомъ позы Аѳины; напряженное состояніе въ концахъ [композиціи) уступаетъ мѣсто на сторонѣ Эанта горю, на сторонѣ Одиссея радости. Мнѣ не удалось познать, какъ Клейнъ представляетъ себѣ манипуляцію при оракулѣ посредствомъ жребія, въ особенности, въ какой связи съ исходомъ должно находиться различное число костей, но пусть будетъ какъ угодно; мнѣ кажется ясно, что мужчины не бросаютъ жребій (nicht würfeln), а кладутъ Würfel; такъ какъ еще и третій держитъ въ рукѣ кость, то толкованіе Клейна рушится. Представлена не жеребьевка (Würfelorakel), а голосованіе (Abstimmung); налѣво лежатъ голоса (Stimmsteine), поданные за Одиссея, направо—поданные за Эанта; одинъ за другимъ къ базѣ подходятъ ахейцы, чтобы подъ надзоромъ Аѳины подать свой голосъ. У Одиссея уже абсолютное большинство, Эантъ—ибо такъ мы теперь, не задумываясь, можемъ назвать правую угловую фигуру—печально оборачивается назадъ и покрываетъ свое лицо; Одиссей—это мужчина на лѣвомъ концѣ рисунка—радостно поднимаетъ руки. Къ нему спѣшитъ Агамемнонъ, только что подавшій за него голосъ".

[2]) Кромѣ надписи, называющей живописца, мы на внѣшнихъ сторонахъ имѣемъ надписи ὁ παῖς καλός, Χαιρέστρατος καλός, а на ножкѣ Πύθων.

почти всѣми характерными для Врига особенностями одежды и вооруженія.

Если теперь сравнить ὅπλων κρίσις Дурія, то сравненіе, несомнѣнно, говорило бы въ пользу этого мастера. Гораздо болѣе на мѣстѣ по серединѣ спорящихъ Агамемнонъ, нежели женщина на лондонской чашѣ. Гораздо лучше представлены у Дурія радостное удивленіе Одиссея и обращеніе Аѳины къ побѣдоносной партіи. Предполагая преимущественно (wesentlich) развитіе вазовой живописи въ своей средѣ, мы не могли бы не признать Дурія капризнымъ (launenhaft) художникомъ, который, правда, могъ такъ же хорошо рисовать, какъ Евфроній и Вригъ, но часто рисовалъ гораздо хуже (стоитъ сравнить лишь Gerhard, Trinkschalen u. Gef. 13=W. Vorlegebl. Ser. 6, III, 2 и Ser. 6, 8a, Klein № 10). Странно, однако, было бы при такомъ взглядѣ, что достоинство и недостатки опредѣляются темою, что рисовальщикъ Дурій, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ, правда, всегда узнаваемъ, но что помимо ихъ существуетъ большое разнообразіе, что мы причину этого необходимо должны видѣть въ различіи вліянія и образцовъ".

Не входя въ подробности описанія чаши Дурія теперь изданной и въ Vasenmalerei Фуртвенглера и Рейхгольда (табл. 54=W. V. сер. VI, табл. I), коснемся только вкратцѣ изображенныхъ фигуръ. На одной изъ нихъ по серединѣ стоитъ Агамемнонъ (называю главныя фигуры прямо по именамъ, такъ какъ, несмотря на отсутствіе надписей, толкованіе не подлежитъ сомнѣнію), у ногъ его лежатъ шлемъ, щитъ и панцырь, слѣва (отъ зрителя) устремляется къ серединѣ обнажившій свой мечъ Эантъ, котораго удерживаютъ двое мужчинъ, съ другой стороны представленъ въ болѣе спокойномъ видѣ Одиссей, готовый выхватить свой мечъ и удерживаемый товарищемъ, которому спѣшитъ на помощь другой. На другой сторонѣ по серединѣ представлено возвышеніе въ родѣ низкаго алтаря, позади котораго стоитъ Аѳина, обратившаяся въ правую сторону и простирающая правую руку; лѣвой она опирается на копье. Справа и слѣва двое мужчинъ кладутъ на углы возвышенія свои камешки, справа (отъ зрителя) подходитъ еще мужчина со своимъ камешкомъ, налѣво ему соотвѣтствуетъ мужчина, отличающійся отъ прочихъ тѣмъ, что подъ плащемъ у него хитонъ и копье въ правой рукѣ (Агамемнонъ). За нимъ слѣдуетъ мужчина съ жестомъ радости, смотрящій на результатъ баллотировки—онъ получилъ гораздо больше голосовъ. Ему соотвѣтствуетъ на другой сторонѣ Эантъ, отвернувшійся отъ середины и въ грусти закрывшій свою голову плащемъ, опираясь на лѣвую руку, подпертую

посохомъ. На внутреннемъ рисункѣ мужчина передаетъ оружіе юношѣ; въ нихъ усматриваютъ Одиссея, вручающаго Неоптолему доспѣхи его отца Ахилла.

На одной сторонѣ безымянной чаши (W. V. сер. VI, табл. II), тоже представлены двое мужчинъ, обнажившихъ мечи и готовыхъ ринуться другъ на друга. Удерживающіе ихъ товарищи группированы иначе: между тѣмъ какъ на первой чашѣ эти фигуры помѣщаются за спорящими, на второй двое юношей бросаются спереди на разъяренныхъ противниковъ, а двое мужчинъ (у одного не достаетъ головы) удерживаютъ ихъ сзади приблизительно такъ же, какъ мужчины, слѣдующіе непосредственно за Эантомъ и Одиссеемъ на первой чашѣ.

На вѣнской чашѣ по серединѣ мы видимъ Агамемнона, старающагося словомъ, сопровождаемымъ живыми жестами рукъ, успокоить противниковъ, обращаясь прежде всего къ ярому Эанту.

На соотвѣтствующемъ мѣстѣ лондонской чаши изображена фигура въ страхѣ съ распростертыми руками, убѣгающая влѣво. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что художникъ представилъ *женщину*. Если голова и не сохранилась, то болѣе тонкія и нѣжныя конечности и костюмъ говорятъ въ пользу этого, хотя не имѣютъ рѣшающаго значенія; но вмѣстѣ съ этимъ и *самый мотивъ гораздо болѣе подходящъ для женщины, нежели для мужчины*, и совсѣмъ не вяжется съ достоинствомъ царя царей Агамемнона. *Оружія по серединѣ сцены*, какъ на первомъ рисункѣ, здѣсь *нѣтъ*, но зато, правда, мы видимъ пару поножей подъ одной ручкой и шлемъ на щитѣ подъ рукой.

На сторонѣ В Аѳина позади возвышенія занимаетъ не центральное мѣсто, а отодвинута влѣво; она поднимаетъ лѣвую руку, какъ бы убѣждая въ чемъ-то обращеннаго къ ней мужчину, готоваго, повидимому, подать свой голосъ. За мужчиной слѣдуетъ юноша, котораго нужно представлять себѣ держащимъ камешекъ въ рукахъ, какъ мужчина вправо отъ него и юноша влѣво отъ Аѳины. Баллотировка производится, повидимому, здѣсь не посредствомъ круглыхъ камешковъ, а кубиковъ [1]). И здѣсь налѣво отъ зрителя положено больше голосовъ нежели направо, т. е. *побѣда останется за тѣмъ лицомъ, которое находится по правую руку Аѳины* [2]). Настроеніе этого лица

[1]) Кубики передъ Аѳиною на первый взглядъ легко принять за орнаментъ ея платья, но что это не такъ, можно убѣдиться, взглянувъ на кубики передъ юношей, имѣющіе тутъ видъ городковъ.

[2]) Ср. соображенія, высказанныя нами по этому поводу въ нашемъ изслѣдованіи

далеко не выражено такъ ясно, какъ у Одиссея на чашѣ Дурія. Мы имѣемъ передъ собою просто мужчину въ плащѣ, опирающагося на посохъ; только то обстоятельство, что онъ ничего не имѣетъ въ рукахъ, даетъ намъ понять, что онъ не участвуетъ въ баллотировкѣ, т. е. *баллотировка касается лично его.*

Соотвѣтствующій мужчина на другой сторонѣ, также закрывшись плащемъ, въ грусти опустилъ голову на руку, подпертую посохомъ. Главная разница между этими двумя фигурами заключается въ томъ, что Эантъ на чашѣ Дурія отвернулся отъ центра, Эантъ же безыменной чаши повернутъ лицомъ къ серединѣ.

Клейнъ въ свое время сопоставилъ рисунки наружнихъ сторонъ описанныхъ вазъ не столько, чтобы показать сходство композицій, сколько для того, чтобы съ помощью рисунковъ Дурія истолковать сцены на безыменной чашѣ въ Лондонѣ [1]). Шире на вопросъ взглянули Дюммлеръ и Фуртвенглеръ.

Дюммлеръ (стр. 85) пишетъ: „Среди изображеній спора изъ-за оружія и ὅπλων κρίσις, несомнѣнно, самое удачное то, которое сигнировано Дуріемъ. Мы только что видѣли (стр. 76), что Бригъ точно такъ же, какъ при изображеніи гибели Иліона, вслѣдствіе большей беззаботливости и самостоятельности въ ущербъ своему изображенію дальше удалился отъ прекраснаго образца. На основаніи предыдущаго мы не задумываемся приписать достоинства изображенія Дурія тому, что онъ добросовѣстно придерживался отличнаго монументальнаго образца, такъ какъ мы убѣдились, что его личнаго таланта хватало на то, чтобы изъ обычныхъ типовъ скомпоновать живыя (liebenswürdige) сцены изъ повседневной жизни, но не хватало на самостоятельныя героическія композиціи безъ грѣха (ohne Anstoss zu schaffen)".

Иначе судитъ Фуртвенглеръ (стр. 273): „Наше уваженіе передъ художественной трактовкой сюжета на этой чашѣ возрастаетъ, если сравнить ее съ предшествовавшимъ ей. Есть рядъ болѣе древнихъ вазовыхъ рисунковъ, черно-фигурныхъ и древнѣйшихъ красно-фигурныхъ, на которыхъ изображено, какъ разнимаютъ двухъ героевъ, которые бросаются другъ на друга. Они иногда во всеоружіи. Причина спора обыкновенно не указана—большею частью не достаетъ оружія

„Древне-греческія фронтонныя композиціи", 114 и 156—*Зап. класс. отд. Имп. Русск. Арх. Общ.*, I, 168 и 210.

[1]) Verhandlungen der 29. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Innsbruck 1874, 152 сл. См. тамъ же замѣчаніе *Brunn*'а по поводу доклада Klein'а, 156 сл.

на землѣ [1])—и нѣтъ никакой индивидуализаціи. Можетъ считаться сомнительнымъ, слѣдуютъ ли эти рисунки вообще относить на счетъ Эанта и Одиссея. Во всякомъ случаѣ достоинство ясно индивидуализованнаго изображенія относится лишь къ эпохѣ Дурія. Къ тому же времени, какъ и наша чаша, относится еще другая чаша, принадлежащая, по всей вѣроятности, Бригу [2]), которая индивидуализуетъ споръ приблизительно такъ же (ähnlich), какъ Дурій. Удержаніе героевъ здѣсь выражено еще яснѣе, ибо къ тому и другому товарищи подходятъ съ обѣихъ сторонъ.

На другой сторонѣ этой же чаши изображено также голосованіе, и при этомъ, очевидно, указывается на то, какъ Аѳина настраиваетъ ахейскихъ героевъ въ пользу своего любимца Одиссея [3]). Композиція согласно манерѣ Брига построена не такъ симметрично, какъ у Дурія, но не менѣе живо...." [4]).

---

[1]) Къ этому мѣсту Фуртвенглеръ въ прим. пишетъ: „Nur auf einer spätschwarzfigurigen Lekythos in Berlin № 2000 (Robert, Bild und Lied, S. 217) sieht man die Waffen in der Mitte auf dem Boden liegen; sie ist aber nicht älter als unsere Duris-Schale".

[2]) Прим. Фуртвенглера: „British Museum, catal. III, № E 69. Wiener Vorlegebl. VI, 2. Vgl. Hartwig, Meisterschalen, S. 359".

[3]) Здѣсь Фуртвенглеръ ссылается на замѣчаніе *Robert*'а въ словарѣ *Pauly—Wissowa*, III, 923, 53.

[4]) Фуртвенглеръ въ текстѣ продолжаетъ: „Es findet sich diese Abstimmungsszene sonst nur noch auf einer etwas jüngeren Schale (Roulez, Choix de vases, pl. 2; vgl. Robert, Bild u. Lied, S. 220)", Французскими учеными Roulez и Pottier рисунки объяснены неудовлетворительно (см. *S. Reinach*, Repértoire des vases peints, II, 266, 2). Вѣрныя объясненія мы находимъ у *Klein*'а (Verhndl. d. 29. Versamml. deutscher Philol. u. Schulmänner in Innsbruck, 156) и у *Robert*'а (Bild. und Lied, 220). Считаю, однако, нелишнимъ, остановиться вкратцѣ на изображеніяхъ, украшающихъ эту чашу. На сторонѣ съ подачею голосовъ, которая въ данномъ случаѣ является исходной для толкованія, мы видимъ Аѳину позади возвышенія, на которомъ лежатъ двѣ кучки шариковъ, налѣво (т. е. по правую руку Аѳины) ихъ больше. Съ этой стороны подходятъ двое юношей, а съ правой мужчина и юноша. Фигура Эанта, для которой здѣсь не было мѣста, перенесена за ручку на другую сторону. Передъ нимъ стоитъ мужчина, повидимому, утѣшающій его. Какъ разъ по серединѣ стоитъ, опираясь на копье, мужчина въ шлемѣ, панцырѣ и за щитомъ. Позади его виситъ мечъ. Къ нему справа подходитъ юноша, подающій ему маленькій плащъ. Позади юноши представлена колонна, служащая здѣсь, очевидно, для уравновѣшиванія числа фигуръ. Если теперь задать себѣ вопросъ, кого художникъ разумѣлъ подъ воиномъ во всеоружіи, то врядъ ли можно усомниться, что онъ имѣлъ въ виду Одиссея, вышедшаго побѣдителемъ и тотчасъ нарядившагося въ присужденные ему доспѣхи.

Эта композиція мнѣ кажется важной во 1) потому, что она, по моему мнѣнію,

Далѣе Фуртвенглеръ замѣчаетъ: „Основные элементы композиціи, низкая ваза посрединѣ, на которой лежатъ камешки, фигура Аѳины позади, герои по обѣимъ сторонамъ, слишкомъ, однако, соотвѣтствуетъ другому типу, который можно прослѣдить отъ болѣе древнихъ черно-фигурныхъ вазъ вплоть до свободнаго красно-фигурнаго стиля, чтобы не предположить связи. Конечно, этотъ типъ представляетъ нѣчто совершенно иное, нежели голосованіе. Это въ греческомъ лагерѣ играющіе въ кости [Фуртвенглеръ называетъ ихъ „brettspielende“] герои, которые неоднократно названы Эантомъ и Ахилломъ. Аѳина обыкновенно стоитъ по срединѣ въ качествѣ покровительницы и этого времяпрепровожденія въ станѣ. Художникъ, создавшій сцену голосованія такъ, какъ мы его видимъ на чашѣ Дурія, очевидно, положилъ этотъ типъ въ основу, къ нему сводятся и сходные элементы. Художественная фантазія постоянно творила въ зависимости отъ наличнаго. Если бы

говоритъ противъ предположенія монументальнаго оригинала, послужившаго источникомъ для нашихъ гончаровъ-живописцевъ, а во 2) какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ не въ пользу пониманія сценъ на чашѣ Дурія въ смыслѣ Brunn'a, который по поводу доклада Klein'a замѣчаетъ: (157) „Nicht so klar bin ich mir bis jetzt über das zweite Aussenbild: die Würfelscene. Nach der äusseren Darstellung, wie nach meiner Auffassung der trilogischen Beziehungen liegt keine bestimmte Nöthigung vor, sie mythologisch zu fassen und ganz direct auf den Streit der Aias und Odysseus zu beziehen . . . . . In keinem Falle aber wird sie in der Reihenfolge nach der Streitscene angesetzt werden dürfen. Denn erst der nach Aias Meinung ungerechte Urtheilspruch konnte ihn sich so weit vergessen lassen, dass er in blinder Wuth das Schwert gegen seinen bisherigen Waffengenossen zog. Sie bildet vielmehr die Einleitung, und wir werden uns vorläufig begnügen müssen, in ihr eine Hinweisung auf den allgemeinen Gedanken zu finden, wie oft in den schwersten Conflicten und bei etwa gleichwiegenden Ansprüchen die Entscheidung nicht ein Resultat der Nothwendigkeit, sondern gewissermassen eines zufälligen Spieles des Schicksals ist“.

Нашъ рисунокъ, какъ полагаю, доказываетъ, что греческій живописецъ представлялъ себѣ дѣло такъ, что баллотировкой кончалось обсужденіе того, кто изъ конкуррентовъ имѣетъ большее право на присужденіе оружія.

Примиряющая нота, которую Бруннъ хочетъ внести въ эти изображенія, мнѣ кажется совершенно неумѣстной. Зато раздѣляю мнѣніе *Роберта*, который, возражая Клейну пишетъ (Bild u. Lied, 218): „Schon der Satz, mit dem Klein seine Deutung einleitet, dass, die Lösung durch das einzige nach griechischem Sinne noch übrige Mittel, durch göttliche Entscheidung erfolge ist höchst befremdlich. Denn kein Dichter weiss von einer solchen, bei Allen erfolgt die Entscheidung durch Abstimmung, und das ist ein absolut notwendiger, unveräusserlicher Zug der Sage, weil durch ihn allein der Hass des Aias gegen die Atriden und sein späterer Wahnwitz motiviert wird“.

сцена голосованія была создана безъ этой связи, независимо, то она, навѣрное, имѣла бы иной видъ и едва ли бы мы имѣли эту низкую базу съ Афиною посрединѣ.

Итакъ мы видимъ, что наша чаша не только по отношенію къ стилю, но и по отношенію къ трактовкѣ сюжета даетъ нѣчто новое. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ она переноситъ насъ въ средину могучаго движенія впередъ великой по истинѣ эпохи".

Дюммлеръ, какъ мы видѣли, считаетъ рисунки Дурія зависимыми отъ *монументальнаго произведенія*; Фуртвенглеръ, если я его вѣрно понимаю, склоненъ думать, что этотъ типъ возникъ *въ кругу вазовыхъ живописцевъ*, не считая, повидимому, творцомъ этой композиціи самого Дурія, какъ это дѣлаетъ Робертъ [1]).

Я раздѣляю мнѣніе Фуртвенглера въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю; мнѣ кажется, что композиція той и другой стороны чаши Дурія слишкомъ тѣсно связана съ предшествующими типами для того, чтобы нужно было предположить монументальное произведеніе; напротивъ все, повидимому, указываетъ на то, что *образецъ обязанъ своимъ происхожденіемъ какой-либо гончарной мастерской*. Вмѣстѣ съ тѣмъ для меня не подлежитъ сомнѣнію, что въ *этомъ образцѣ* предметъ спора—оружіе помѣщалось *между* спорящими, такъ какъ для изобразительнаго искусства это было самое естественное и понятное: *если двое спорящихъ готовы схватиться и между ними находятся какіе-либо предметы, то эти предметы и служатъ причиною ссоры*. Поэтому я совершенно не могу согласиться со взглядомъ Роберта, который представляетъ себѣ дѣло такъ: упомянувъ, что на болѣе древнихъ росписныхъ сосудахъ оружія не встрѣчается, онъ продолжаетъ (стр. 214): „Съ нимъ [т. е. оружіемъ] мы впервые встрѣчаемся въ красно-фигурной вазовой живописи на чашѣ Британскаго музея № 829 [имѣется въ виду вышеописанная чаша изъ мастерской Врига]..., на которой оно остроумно (sinnreicher Weise) использовано для заполненія пустого пространства подъ ручками..... Дурій, наконецъ.... кладетъ спорное оружіе въ середину между Эантомъ и Одиссеемъ und das ist weitaus das natürlichste und schönste".

Если даже допустить, что лондонская чаша хронологически *предшествуетъ* вѣнской, на что мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, то все же нельзя думать, что композиція Дурія находится въ зависимости отъ композиціи въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена

[1]) Bild u. Lied, 214.

на чашѣ безыменнаго художника; напротивъ, слѣдуетъ предположить, что *роспись того и другого сосуда сводится къ одному источнику*.

Пока не будемъ высказывать догадокъ, почему неизвѣстный живописецъ нарисовалъ оружіе въ другомъ мѣстѣ; упомянемъ только, что причина, на которую указываетъ Клейнъ, намъ кажется *недостаточной*. Клейнъ пишетъ: „Лондонская чаша въ своихъ весьма похожихъ внѣшнихъ рисункахъ представляетъ то *одно* новое, что оружіе распредѣлено по обѣ стороны подъ ручкою, „also auch äusserlich als das beiden Darstellungen gemeinsame Moment bezeichnet sind [die Waffen]".

Сравнимъ сцены голосованія на нашихъ чашахъ. На лондонской чашѣ Аѳина помѣщена *не въ серединѣ*. Это нарушеніе симметріи повлекло за собою то, что на сторонѣ Эанта оказалось три человѣка, на сторонѣ Одиссея только одинъ. Если, стало быть, не было показано, что Одиссей получилъ больше голосовъ, то зритель могъ бы вынести впечатлѣніе, что большинство присутствующихъ голосуетъ въ пользу Эанта. Фигуру Эанта мастеръ повернулъ *лицомъ къ центру*. Характерную фигуру радующагося Одиссея онъ замѣнилъ совершенно *избитымъ типомъ* мужчины въ плащѣ, опирающагося на посохъ. Мѣсто Агамемнона, рядомъ съ Одиссеемъ на чашѣ Дурія, на чашѣ безыменнаго занято *юношею*.

Я здѣсь могу усмотрѣть лишь *намѣренныя отступленія отъ оригинала*—конечно, эти отступленія послужили *въ ущербъ композиціи*.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ композиціи другой стороны нашъ художникъ *строже* держался оригинала. При ближайшемъ же разсмотрѣніи, однако, оказывается, что въ данномъ случаѣ *отступленія гораздо крупнѣе*. Изъ того обстоятельства, что у Дурія ахейцы, удерживающіе Эанта и Одиссея, помѣщаются позади героевъ, а на рисункѣ нашего художника сзади и спереди или съ правой и съ лѣвой стороны, конечно, можно предположить, что въ оригиналѣ было больше фигуръ и что одинъ рисовальщикъ рѣшился въ пользу одной пары, другой въ пользу другой; но прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что мы *не видимъ оружія между спорящими*. Намъ, разумѣется, на это могутъ возразить, что живописецъ оружія не забылъ, а только далъ ему другое мѣсто. Но въ такомъ случаѣ оно съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ другой сторонѣ. Но художникъ въ своихъ измѣненіяхъ пошелъ еще дальше—онъ *замѣнилъ Агамемнона женщиной и придалъ ей совсѣмъ иную роль: Агамемнонъ убѣждаетъ противниковъ успокоиться, женщина же, въ испугѣ*

озираясь назадъ, бросается влѣво, боясь, очевидно, мужчины на правой сторонѣ.

Мнѣ кажется, что эта женщина, занимая *середину* композиціи и не будучи разъемщицей, логически должна быть признана *причиною спора*. Слѣдовательно на этой сторонѣ художникъ сознательно внесъ такія отступленія отъ оригинала, что въ результатѣ получилось *измѣненіе и самого сюжета.*

Спрашивается теперь, что же хотѣлъ изобразить нашъ художникъ? Я убѣжденъ, что на это давно уже данъ правильный отвѣтъ Яномъ, впослѣдствіи затемненный другими толкователями.

Мы видимъ здѣсь *схватку Тидея съ Ликургомъ*, который въ ярости хотѣлъ убить Инсипилу за то, что она не доглядѣла за сыномъ его Офелтомъ, павшемъ жертвою змѣинаго жала. Такое объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что, по свидѣтельству Павсанія, эта сцена была представлена уже на Амиклейскомъ тронѣ (III, 18, 123): Ἄδραστος δὲ καὶ Τυδεὺς [читай Ἀμφιάραος] Ἀμφιάραον [читай Τυδέα] καὶ Λυκοῦργον τὸν Πρώνακτος μάχης καταπαύουσιν [1]).

[1]) Разсужденіе *Jahn*'a по поводу нашего рисунка, который уже *Birch*'емъ сопоставленъ былъ съ двумя другими (*Archaeologia*, XXXII, 150 сл.), настолько заслуживаетъ вниманія, что я позволяю себѣ привести его цѣликомъ въ переводѣ (*Berichte über die Verhandl. d. k. sächs. Gesellsch. der Wissensch. zu Leipzig*, 1853, 27): „Birch пытался точнѣе обосновать толкованіе, упомянутое уже въ Musée Etrusque князя Canino (p. 59) [примѣчаніе къ тому мѣсту: Ebendaselbst p. 36 ist für C die kaum begreifliche Erklärung versucht: ce tableau représente peut être le combat d'Etéocle et de Polynice suspendu par les efforts de Iocaste, d'Antigone et de Créon], а затѣмъ Gerhard'омъ (ann. III, 154 и 409) [примѣчаніе къ этому мѣсту: Birch beruht sich auf zwei bekannte Sarkophagreliefs, auf welchen Briseis beim Streite zwischen Agamemnon und Achilleus gegenwärtig sei. Ich glaube erwiesen zu haben, dass der Gegenstand dieses Reliefs Achilleus auf Skyros sei (arch. Beitr. p. 365 ff. vgl. Overbeck her. Gall. p. 290 f.)] и Welcker'омъ (ann. XVII, 142), согласно которому здѣсь представленъ споръ между Агамемнономъ и Ахилломъ въ первой книгѣ Иліады, и въ каталогѣ вазъ Британскаго музея, I, 56 еще точнѣе указалъ, что Агамемнонъ удерживается Антилохомъ, а Ахиллъ Патрокломъ и Финикомъ, между тѣмъ какъ Несторъ вступаетъ въ середину. Однако я не считаю возможнымъ допустить, что изобразительное искусство, если оно задавалось цѣлью представить гомеровскія сцены, могло такъ далеко, какъ въ данномъ случаѣ, удалиться отъ поэта и подобнымъ образомъ преувеличить данные имъ мотивы, чтобы представить, какъ Агамемнонъ и Ахиллъ бросаются другъ на друга съ обнаженными мечами и насильно удерживаются [товарищами]. Это было бы не развитіе, а искаженіе гомеровскаго мотива, что Ахиллъ невольно хватается за мечъ, но, слѣдуя внушенію Аѳины, не пользуется имъ. И женская фигура при этомъ предположеніи едва ли объяснима. Объ Аѳинѣ или Ѳетидѣ никто не подумаетъ, а присутствіе Брисеиды

Чаша безыменнаго художника въ Лондонѣ всѣми новѣйшими учеными, касавшимися ея, приписывается предполагаемому живописцу Бригу. Гартвигъ о ней замѣчаетъ (359): „На самомъ дѣлѣ ориги-

было бы непримиримо съ гомеровскимъ разсказомъ, а также необъяснимо художественной необходимостью [см. привед. выше въ скобкахъ второе прим. Gerhard'a]. Настолько же мало можно считать шлемъ, служащій единственнымъ отличіемъ разнимающаго мужчины, за удачный признакъ Нестора. Наконецъ, бородатый Ахиллъ едва ли можетъ быть признаваемъ на вазахъ позднѣйшаго стиля безъ письменнаго свидѣтельства. Birch, которому это толкованіе и не казалось несомнѣннымъ, высказалъ поэтому и другія предположенія: можетъ быть, эти вазовые рисунки представляютъ споръ Эанта и Одиссея изъ-за оружія Ахилла или какъ узнаютъ Александра напавшіе на него братья или споръ между Агамемнономъ и Менелаемъ. Такъ какъ онъ самъ мало вѣритъ въ эти гипотезы, то я не стану перечислять сомнѣній, которыя могутъ быть приведены противъ нихъ, а постараюсь замѣнить ихъ удовлетворительнымъ толкованіемъ.

Полагаю, что здѣсь представленъ рѣдко упоминаемый моментъ изъ сказанія похода семи противъ Ѳивъ. Стацій разсказываетъ, какъ, по смерти Архемора, отецъ его Ликургъ въ неистовомъ горѣ хотѣлъ умертвить Ипсипилу, какъ виновницу его (Theb. V, 660):

ibat letumque inferre parabat
ense furens rapto. venienti Oeneius heros
impiger obiecta proturbat pectora parma,
ac simul infredens „siste hunc, vesane, furorem,
quisquis es!" et pariter Capaneus acerque reducto
adfuit Hippomedon rectoque Erymanthius ense,
ac iuvenem multo perstringunt lumine: at inde
agrestum pro rege manus. quos inter Adrastus
mitior et sociae veritus commercia vittae
Amphiaraus ait „ne quaeso, absistite ferro!"

Только съ трудомъ удается успокоить неиствующаго Тидея и возстановить миръ. Если Стацій разукрасилъ по своему этотъ споръ, то все же въ сущности онъ слѣдовалъ древнему сказанію, какъ это и видно изъ для моей цѣли особенно важнаго обстоятельства, что споръ былъ представленъ уже на Амиклейскомъ тронѣ. Среди его рельефовъ Павсаній (III, 18, 123) приводитъ: Ἄδραστός δε καὶ Τυδεὺς Ἀμφιάραον καὶ Λυκοῦργον τὸν Πρώνακτος μάχης καταπαύουσιν. Давно уже замѣчено, что эта μάχη и есть описанная Стаціемъ и что Павсаній, какъ теперь, навѣрное, всѣми принято, смѣшалъ Тидея съ Амфіараемъ [прим. Overbeck, her. Gall. p. 114. Stephani parerga arch. VI, p. 159 f.], ибо что Тидей и Ликургъ были сражающіеся, Амфіарай и Адрастъ разнимающіе, доказываетъ не только Стацій, но еще болѣе ясно обрисованный характеръ героевъ. Важно, однако, что согласно этому изображенію, которое, навѣрное, слѣдуетъ древнему сказанію, Тидей и Ликургъ удерживаются отъ поединка, такъ что участіе прочихъ героевъ въ этой борьбѣ является позднѣйшей прибавкой".

Думаю, что это толкованіе можетъ быть примѣнимо съ увѣренностью только къ нашему рисунку безыменнаго художника и что Янъ заходитъ слишкомъ далеко,

налъ носитъ всѣ признаки манеры нашего мастера, между тѣмъ какъ они во многихъ случаяхъ затемнены на вполнѣ неудовлетворительномъ изображеніи [Archaeologia XXXII, табл. 11 = W. V. сер. VI, табл. II]. Въ особенности нужно жалѣть о томъ, что предметы вооруженія подъ ручками разрѣзаны [это нужно было сдѣлать для того, чтобы можно было вставить внутренній рисунокъ въ величину оригинала въ середину внѣшнихъ изданной таблицы]. На оригиналѣ эта группа, со вкусомъ оттѣненная разжижженнымъ лакомъ, достигаетъ самостоятельнаго значенія eines Stillebens (см. рис. 19)".

Я не могу вполнѣ присоединиться къ этому, хотя соглашаюсь, что широкое примѣненіе разжижженнаго лака, испещреніе отороченныхъ плащей, характерныя прически и другія мелкія черты не позволяютъ сомнѣваться, что наша чаша вышла изъ мастерской Врига. Но плохо нарисованныя руки, въ особенности у мужчины и женщины внутренняго рисунка и у мужчины передъ Аоиною, у котораго сверхъ того плечо кажется вывихнутымъ, врядъ ли допускаетъ мысль, что фигура нарисована лицомъ, нарисовавшимъ сатировъ на лондонской чашѣ, у которыхъ руки положительно говорятъ; но нельзя отрицать, что правая рука мужчины, лѣвая Одиссея и правая стоящаго передъ нимъ юноши напоминаютъ руку Поликсены на чашѣ съ изображеніемъ гибели Иліона. Однако нѣжный, не лишенный жеманности, поворотъ руки, встрѣчающійся на этой чашѣ всего только одинъ разъ и при томъ у дѣвушки, принимаетъ на нашей чашѣ до извѣстной степени стереотипность—рисовальщикъ усвоилъ себѣ подобнаго рода изображеніе руки, но примѣняетъ его не совсѣмъ удачно.

Если врядъ ли можно сомнѣваться, что нашъ безыменный художникъ работалъ въ мастерской Врига, то относительно вѣнской чаши намъ извѣстно, что она расписана Дуріемъ въ мастерской Пиѳона. Пиѳонъ, имя котораго находится на ножкѣ, правда, сигнируетъ безъ ἐποίησεν; все же по аналогіи нужно думать, что онъ имѣлъ собственную мастерскую, а не былъ простымъ горшечникомъ, доставлявшимъ сосуды живописцамъ.

если распространяетъ свое толкованіе и на тѣ вазовые рисунки, на которыхъ изображается схватка двухъ мужчинъ, разнимаемыхъ третьимъ (на черно-фигурномъ рисункѣ, прибавленномъ къ статьѣ Яна, двѣ изъ этихъ фигуръ юноши), безъ женщины. Его толкованіе въ этихъ случаяхъ также лишено почвы, какъ толкованіе тѣхъ же рисунковъ въ смыслѣ спора изъ-за оружія Ахилла. При отсутствіи объекта спора только надписи могли бы указать намъ, кого рисовальщикъ имѣлъ въ виду, какъ поступилъ художникъ, изображавшій споръ на тронѣ въ Амиклахъ.

Спрашивается, какъ объяснить, что двѣ вазы, расписанныя въ различныхъ мастерскихъ, сводятся къ одному оригиналу? Если допустить существованіе монументальнаго произведенія, то вопросъ рѣшается очень легко—это монументальное произведеніе было доступно всѣмъ. Но мы видѣли, что врядъ ли имѣемъ достаточное основаніе для такого предположенія, что, напротивъ, все указываетъ скорѣе на то, что оригиналъ нашихъ рисунковъ созданъ былъ въ какой-либо мастерской.

Если это такъ, то слѣдуетъ предположить, что такіе *образцы ходили по разнымъ рукамъ*.

Вл. Мальмбергъ.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ [1]).

XIX.

Новыя схемы списка аѳинскихъ архонтовъ первыхъ десятилѣтій III вѣка до Р. Хр.

(Памяти А. Н. Щукарева).

Послѣ выхода въ свѣтъ книги А. Н. Щукарева „Изслѣдованія въ области каталога архонтовъ аѳинскихъ III вѣка до Р. Хр." (1889) стало извѣстнымъ довольно много новыхъ именъ аѳинскихъ архонтовъ III вѣка до Р. Хр.; открыты нѣкоторыя, правда немногія, точныя указанія. Съ необыкновенною точностью опредѣленъ годъ архонта Ѳрасифонта, 221/220, пиѳійскими и олимпійскими играми. Это открытіе и нѣкоторыя другія помогли значительно дополнить списокъ архонтовъ послѣдней четверти III вѣка, сохранившійся въ надписи CIA. II 859. Надъ этой надписью также много работалъ А. Н. Щукаревъ. Съ какою любовью изучалъ онъ аѳинскія надписи, видно изъ примѣра: по разнымъ малозамѣтнымъ признакамъ онъ отгадалъ, что въ концѣ III вѣка въ Аѳинахъ было 13 филъ, прежде открытія документовъ, гдѣ этотъ фактъ совершенно ясенъ.

Для періода, взятаго диссертаціею А. Н. Щукарева, установлено въ настоящее время довольно твердо, что за Діогнитомъ Мрамора Паросскаго слѣдовали Антипатръ и Арреннидъ, и открыто, что Хремонидовская война кончилась при Антипатрѣ архонтѣ, 263—2. На заглавномъ листѣ диссертаціи А. Н. Щукарева помѣчено 300—265,

[1]) *Продолженіе*. См. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1906, отд. классической филол., апрѣль.

но въ приложенной таблицѣ помѣчены и предполагаемые архонты Хремонидовской войны. Новооткрытые архонты III вѣка—Полистратъ, Лисаній, Екфантъ, Филостратъ, Фаностратъ, Хариклъ не относятся, кажется, къ періоду до 265. Было высказано много догадокъ и соображеній и объ архонтахъ до 271 или 265; но, конечно, сотни такихъ запутанныхъ изслѣдованій, догадокъ, соображеній обращаются въ нуль, когда засіяетъ такой свѣтъ, какъ надпись Магнисіи мэандрской о Ѳрасифонтѣ или строчки геркуланскаго папируса объ Антипатрѣ и Арронидѣ.

При установкѣ года какого-либо архонта ученые долгое время примѣняли 19 лѣтъ метоновскаго цикла, опредѣляя по надписямъ, былъ ли при такомъ-то архонтѣ простой годъ или годъ со вставнымъ мѣсяцемъ. Между схемами ученыхъ были большія противорѣчія. Надобно еще доказать, что метоновскій кругъ дѣйствительно былъ введенъ въ официальный календарь, и когда введенъ. Постоянныя противорѣчія и колебанія въ выкладкахъ ученыхъ заставляютъ думать, что порядокъ смѣны простыхъ и большихъ годовъ въ метоновскомъ циклѣ неизвѣстенъ, что, можетъ быть, въ аѳинскихъ актахъ оставалась древняя эннаетирида.

Съ недавняго времени стали пользоваться домысломъ Фергюсона (The athenian archons of the third and second centuries before Christ, 1899), что секретарь совѣта (γραμματεὺς κατὰ πρυτανείαν) ставился на годъ съ соблюденіемъ очереди филъ въ обычномъ порядкѣ ихъ перечня. Мысль, надобно сказать, заманчивая; особенно должна быть она соблазнительна для такихъ любителей правильныхъ схемъ, какъ почтенные нѣмецкіе ученые. Отзывы о книгѣ Фергюсона, разборы его построеній у Кирхнера (*Gött. Gel. Anz.* 1900; *Hermes*, 1902), Белоха (*Beiträge zur alten Geschichte* томы I и III и въ Griechische Geschichte III, 2), Кольбе (*Athen. Mitth.* XXX). Фергюсону дороже всего его преемство секретарей, и все равно, что сдѣлается съ исторіею. Любопытный примѣръ приводитъ Кольбе. Фергюсонъ, слѣдуя Унгеру, поставилъ Діокла на 290/89 годъ. По его разсчету, секретарь 290 года долженъ быть изъ четвертой по очереди филы. При Діоклѣ архонтѣ секретарь Ἁλαιεύς изъ Эгіиды, четвертой филы. Это придаетъ Фергюсону полную увѣренность; остается только объяснить, какъ Зинонъ, начальникъ ἀφράκτων во флотѣ Птолемэя, при Діоклѣ архонтѣ дѣятельно помогаетъ аѳинянамъ, очевидно, находится въ гавани [1]) аѳинской,

[1]) Зинонъ могъ пріѣхать въ Фалиръ; Пирэй былъ еще подъ властью Димитрія.

пріѣзжалъ въ Аѳины (надпись о Зинонѣ такъ блестяще сложена А. Н. Щукаревымъ изъ двухъ кусковъ—стр. 113 его диссертаціи; тотъ же Зинонъ встрѣтился въ надписи острова Іоса *Bull. de corr. hell.* XXVII, 397: онъ καταλειφθεὶς ὑπὸ Βάχχωνος τοῦ νησιάρχου—командиръ именно τῶν πλοίων τῶν ἀφράκτων). Многими доводами доказывается, что Діоклъ архонтъ съ лѣта 287 года, и что Димитрій Поліоркитъ немного раньше архонтства Діокла изгнанъ изъ Македоніи и (въ послѣдній разъ) потерялъ власть надъ Аѳинами. Унгеръ также болѣе дорожилъ своими циклами, чѣмъ историческими фактами. Изъ ἀφράκτων выходитъ у Фергюсона the unprotected transport ships, которые могли войти въ гавань Аѳинъ только съ согласія Димитрія. Но ἄφρακτα πλοῖα также военные корабли, только безъ щитовъ, закрывавшихъ гребцовъ ἐν τοῖς καταφράκτοις. Затѣмъ Ἁλαιεὺς можетъ быть изъ Алъ Эксонидскихъ, Кекропиды; Эгіида вторая, а не четвертая по очереди фила: четвертою она выходитъ только тогда, если Антигониду и Димитріаду поставить впереди десяти старыхъ филъ. Такъ считаетъ и Белохъ, слѣдуя Фергюсону; такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Фергюсону приходится, конечно, и архонтовъ Діотима, Исэя, Евѳія ставить на 289, 288, 287 годы. Кольбе говоритъ: Man darf wohl unbestritten die Behauptung aussprechen, dass die historischen Anspielungen die drei genannten Eponymen in die Zeit *nach Demetrios' Sturz* verweisen. Dieser Ansatz wäre aus sachlichen Gründen niemals angefochten worden, aber Ferguson musste an ihm Anstoss nehmen, weil sein Schreibercyklus dadurch gestört wurde—so versuchte er den Nachweis, dass die für diese Archonten überlieferten Nachrichten auf die Zeit der makedonischen Herrschaft zu beziehen seien. Freilich ist seine Interpretation so gekünstelt, dass Beloch sie keiner ausdrücklichen Widerlegung würdigt (84 сл.). И все-таки ни Белохъ, ни Кольбе не отказываются отъ домысла Фергюсона. Бѣда въ томъ, съ какого года приставить 12-ти годовой циклъ Фергюсона! У того же Кольбе читаемъ: Wenn wir jetzt das Fergusonsche Princip zur Feststellung der Archonten heranziehen, müssen wir von unten nach oben fortschreiten und das Jahr Polyeuktos, 275/4, dessen Schreiber aus der VII Phyle Akamantis war, als Basis nehmen (95).

Если гдѣ не идетъ гладко по циклу Фергюсона, Белохъ и Кольбе принимаютъ, что причина въ политическихъ смутахъ или переворотахъ.

Теперь возьмемъ примѣръ изъ второго столѣтія. Дюрбакъ и Жардé издали (*Bull. de corr. hell.* XXIX, 1905, 169 сл.) весьма интересное

аѳинское постановленіе въ честь царя Фарнака и царицы Нисы, состоявшееся при архонтѣ (   ) и при секретарѣ пританеи (Сосиге)нѣ, сынѣ Менекрата, мараѳонцѣ. Полное имя секретаря съ полнымъ именемъ архонта Тихандра сохранилось CIA. II 436. По Фергюсону Тихандръ 172/1. Издатели находятъ, что этотъ годъ очень подходитъ по содержанію надписи (за исключеніемъ, впрочемъ, одного существеннаго факта). Издатели входятъ въ подробный разборъ нашихъ отрывочныхъ свѣдѣній о царяхъ Понта, предшественникахъ Миѳрадата Великаго (Евпатора). Изслѣдователи (Эд. Мейеръ, Т. Рейнакъ) опредѣляли царствованіе Фарнака приблизительно 185—169. О надписи съ именемъ архонта Тихандра Кёлеръ замѣчаетъ: paullo post mortem Eumenis regis (159) haec acta esse ex vs. 10 colligimus. Надпись въ честь какого-то пергамца, который οἰκ)εῖος ὢν τοῦ βασιλέως Εὐμένου(ς ἐν τῷ ἔμπροσθεν χρόνῳ εὔνο)υς ὑπῆρ(ξε)ν κτλ. Въ остаткахъ 10-ой строки Кёлеръ видитъ упоминаніе о концѣ власти Евмена: (καὶ) νῦ(ν Ε)ὐ(με)νο(υς τ)ὴν ἀρχ(ὴν καταλιπόντος vel παραδόντος vel simile aliquid. Дюрбакъ и Жардé считаютъ вѣроятнымъ мнѣніе Фергюсона, что дѣло идетъ о правленіи Аттала во время поѣздки Евмена въ Италію въ 172 году. Но отъ 10-ой строчки надписи очень маленькіе остатки и трудно себѣ представить, чтобы кратковременное регентство Аттала отразилось на сношеніяхъ съ Аѳинами и было упомянуто въ аѳинскомъ постановленіи. Могло быть въ надписи нѣчто совершенно другое (напримѣръ, о порученіи тому пергамцу власти въ Эгинѣ). Но главное, существенное препятствіе относить Тихандра къ 172 году въ томъ, что аѳиняне постановляютъ στῆσαι δὲ τοῦ βασιλέως Φαρνάκου καὶ τῆς βασιλίσσης Νύσης ἑκατέρου εἰκόνα χαλκῆν καὶ ἀναθεῖναι ἐν Δήλῳ, причемъ не спрашиваютъ позволенія у дилосцевъ. Итакъ, Дилосъ подъ властью Аѳинъ, значитъ, надпись не раньше 167—166. Т. Рейнакъ въ *Bull. de corr. hell.* XXX (1906), 46 сл. находитъ удивительнымъ, единственнымъ случаемъ, чтобы аѳиняне могли такъ распорядиться на Дилосѣ, независимомъ отъ нихъ. Однимъ словомъ, такое распоряженіе аѳинянъ невозможно. Фарнакъ, вѣроятно, царствовалъ долѣе 169 года. Т. Рейнакъ при помощи монетъ различалъ двухъ понтійскихъ царей между Фарнакомъ и Миѳрадатомъ Евпаторомъ: Миѳрадата Филопатора Филадельфа и Миѳрадата Евергета. Теперь его изслѣдованія окончательно подтверждены открытіемъ Р. Х. Лёпера, издавшаго въ *Извѣстіяхъ Константинопольскаго Института* VIII, 153 надпись Авонотиха (Инеболи): Βασιλεύοντος Μιθραδάτου Εὐεργέτου ἔτους αξρ (161 года = 137 до Р. Хр.). Рейнакъ ставилъ смерть

Фарнака ранѣе 168 года на основаніи капитолійскаго посвященія Миѳрадата Филопатора Филадельфа—Inscr. Sic. et It. 986, 987, и addenda a. b. c. d. p. 696. На базѣ этого большого памятника вырѣзаны были надписи городовъ Тавъ, Лаодикеи отъ Лика, Ефеса; къ этому же памятнику, кажется, относилось потерянное въ настоящее время благодарственное посвященіе ликійцевъ. Т. Рейнакъ, вѣроятно, правъ, когда онъ относитъ памятникъ ко времени послѣ пораженія Персея. Но посольство Миѳрадата Филопатора Филадельфа могло быть послѣ 166 года. Обстоятельства, при которыхъ города получили позволеніе вырѣзать свои надписи на базѣ памятника, поставленнаго понтійскими послами, могли быть различны. Во всякомъ случаѣ аѳинскій декретъ, поставленный на Дилосѣ, заставляетъ думать, что Фарнакъ былъ еще живъ въ 166 году.

Но вернемся къ первымъ десятилѣтіямъ III вѣка. Въ римской надписи о времени рожденія и смерти комика Менандра (Inscr. Gr. Sic. et Ital. 1184) цѣлый рядъ хронологическихъ данныхъ, и каждое колеблется въ изслѣдованіяхъ новыхъ ученыхъ. „Менандръ родился при архонтѣ Сосигенѣ, скончался 52 лѣтъ при архонтѣ Филиппѣ, въ 32-й годъ царства Птолемэя Сотира". О Менандрѣ есть указанія и у нѣсколькихъ древнихъ авторовъ, повидимому, согласныя. И все-таки архонтъ Сосигенъ, 342—1, какъ будто не подходитъ. А. Н. Щукаревъ на многихъ страницахъ говоритъ объ этой надписи (давно потерянной). Со времени изданія гермъ Гюльзеномъ (*Röm. Mitth.* XVI надпись о Менандрѣ, стр. 166) всѣ ученые считаютъ надпись подлинной. Царствованіе Птолемэя Сотира Marmor Parium считаетъ съ архонта Игисія, со смерти Александра. Порфирій считаетъ первый годъ Птолемэя перваго съ начала второго года Филиппа Аридея (по египетскому счету), съ 1 ѳоѳа 323 года (Fr. H. Gr. III, 719. См. мою VI ст. „Въ области древней исторіи"). Кольбе приводитъ весьма важное мѣсто Геллія XVII, 21: consulibus Claudio Centhone et M. Sempronio Tuditano (240)—post mortem Menandri annis circiter quinquaginta duobus. Выходитъ годъ архонта Филиппа, какъ и по списку Діонисія (о Динархѣ), 293—2, какъ опредѣлялъ А. Н. Щукаревъ. Кольбе принимаетъ также, что у Діонисія не пропущено имени архонта (кромѣ Игисія) и ставитъ Филиппа на тотъ же годъ.

Белохъ думаетъ иначе. Не будемъ повторять, не будемъ опровергать мелочныхъ, кажущихся доводовъ, лучше сказать прицѣпокъ: изъ соображеній Белоха, Кольбе и др. будемъ приводить главное. Белохъ выходитъ изъ обѣщанія Діонисія назвать 70 архонтовъ времени жизни

Динарха. Въ спискѣ Діонисія только 68 именъ; одно имя Игисія; затѣмъ списокъ полонъ до Никокла (302—301); значитъ одинъ архонтъ пропущенъ между Никокломъ и Филиппомъ. По римской надписи и по хроникѣ Аполлодора Менандру 52 года при Филиппѣ, слѣдовательно Филиппъ 291—0. Это и будетъ 32-й годъ Птолемэя, потому что Птолемэй изгналъ Клеомена изъ Египта осенью 322 и укрѣпилъ свое положеніе побѣдою надъ Пердиккомъ весною 321 (но до консуловъ Клавдія Центона и Семпронія Тудитана не выйдетъ 52 лѣтъ).

Такимъ образомъ оказывается уже, что пропущены два архонта до Филиппа, и Белохъ ставитъ Лисія и Кимона раньше Филиппа (они упоминаются въ постановленіи въ честь Аристофана левконоейца CIA. IV, 2, 614, Dittenberger, Syll². 192). Въ постановленіи въ честь Фэдра сказано, что Фэдръ, будучи στρατηγὸς ἐπὶ τὰ ὅπλα при Кимонѣ τὴν πόλιν ἐλευθέραν καὶ δημοκρατουμένην αὐτόνομον παρέδωκε καὶ τοὺς νόμους κυρίους τοῖς μεθ' ἑαυτόν. Значитъ, олигархи, изгнанные въ 307 году, καταλύσαντες τὸν δῆμον, при Кимонѣ не были еще возвращены; значитъ, Филиппъ послѣ Кимона.

Но именно Филохоръ у Діонисія говоритъ, что при архонтѣ Филиппѣ было возвращеніе изгнанниковъ *безъ перемѣны правленія*! Демократія, установленная въ 307 году, нисколько не поколебалась отъ возвращенія Динарха.

Кольбе переноситъ постановленіе въ честь Аристофана съ царствованія Димитрія Поліоркита на царствованіе Димитрія, сына Антигона Гоната. Въ одномъ мѣстѣ надписи стерто имя царя Димитрія (въ другомъ сохранилось) и имя царицы, состоявшее изъ пяти буквъ. Обыкновенно читаютъ Φίλας, и такъ читалъ А. Н. Щукаревъ; Кольбе читаетъ Φθίας, имя одной изъ женъ Димитрія II, весьма рѣдко упоминаемой. Это заставляетъ Кольбе принимать двухъ архонтовъ Кимоновъ въ III вѣкѣ: одного въ декретѣ въ честь Аристофана, другого въ декретѣ въ честь Фэдра. Одного этого достаточно, чтобы отвергнуть догадку Кольбе. Белохъ замѣчаетъ (Gr. Gesch. III, 2, 37), что имя Кимонъ довольно рѣдко; что въ обоихъ актахъ изображается одинаковое положеніе: Аттикѣ угрожаетъ непріятель и жатва можетъ быть убрана только подъ военною охраною. Прибавимъ, что въ надписяхъ ничѣмъ не отмѣчается отличіе двухъ Кимоновъ, какъ иногда дѣлается при соименныхъ архонтахъ (μετά τινα или отмѣтою димотика). Кольбе, наоборотъ, перемѣщаетъ къ началу вѣка (290 и 288) архонтовъ Каллимида и Ѳерсилоха: А. Н. Щукаревъ доказалъ, что ихъ надобно ставить позже, при Антигонѣ Гонатѣ.

Ошибки Белоха, Кольбе и другихъ ученыхъ относительно архонтовъ Филиппа, Лисія, Кимона и др. происходятъ оттого, что имъ осталось неизвѣстнымъ изслѣдованіе А. Н. Щукарева, а именно, что надобно различать двѣ осады и два взятія Аѳинъ Димитріемъ Поліоркитомъ, въ началѣ 294 года (или во вторую половину 295)—или годомъ раньше—и въ 290. Въ этотъ короткій промежутокъ времени Димитрій два раза осаждалъ и бралъ Аѳины, также какъ два раза бралъ возмущавшіяся Ѳивы. О двукратномъ возмущеніи и усмиреніи Ѳивъ ученые не сомнѣваются, потому что у Плутарха сказано объ этомъ ясно; но двѣ осады и два взятія Аѳинъ Плутархъ (въ біографіи Димитрія) сливаетъ въ одинъ, приправленный анекдотами, разсказъ. Основаніемъ построеній А. Н. Щукарева служатъ слова Павсанія I, 25: Δημήτριος δὲ ὁ 'Αντιγόνου τυράννων ἐλευθερώσας 'Αθηναίους τό τε παραυτίκα μετὰ τὴν Λαχάρους φυγὴν οὐκ ἀπέδωκε σφίσι τὸν Πειραιᾶ, καὶ ὕστερον πολέμῳ κρατήσας ἐσήγαγεν φρουρὰν ἐς τὸ ἄστυ, τὸ Μουσεῖον καλούμενον τειχίσας. При архонтѣ Лисіи (292—1) началась опять война противъ Димитрія—ἐν ᾧ ἐνιαυτῷ ὁ πόλεμος ἐνέστη—или возмущеніе Аѳинъ. Изъ акта въ честь Аристофана не видно, продолжалась ли война при Кимонѣ. Во всякомъ случаѣ въ слѣдующій годъ она кончилась. Въ августѣ 290 года Димитрій праздновалъ Пиѳіи въ Аѳинахъ, Аѳины подъ его властью.

Слѣдующій за Кимономъ архонтъ точно не опредѣленъ. За три первыя десятилѣтія III вѣка мы знаемъ имена 28 архонтовъ; словомъ, почти всѣ имена. И все-таки остаемся въ большихъ затрудненіяхъ относительно ихъ порядка.

Растягивать войну противъ Димитрія на четырехъ архонтовъ, видѣть въ ней „четырехлѣтнюю войну" декрета въ честь Димохара—отъ этого предположенія А. Н. Щукарева намъ приходится отказаться. Эффектная исторія у Плутарха: аѳиняне окружены войсками въ театрѣ, Димитрій со сцены упрекаетъ ихъ, уличаетъ въ неблагодарности и въ заключеніе объявляетъ прощеніе—происходила не въ 294 (или 295) году, а въ 290. Предложеніе Дромоклида состоялось тогда же. Оно совершенно понятно, и новые ученые (въ томъ числѣ и А. Н. Щукаревъ) несправедливы къ Дромоклиду. Въ предложеніи были декретированы почести Димитрію и сказано, въ видѣ выраженія особаго довѣрія и преданности Димитрію, что народъ даетъ царю Димитрію Пирэй и Мунихію; а Димитрій прибавилъ Мусэй (и выстроилъ на холмѣ Мусэя крѣпость). Пирэй и Мунихія были уже во

власти Димитрія, но Дромоклидъ пытался отдѣлаться тѣмъ, что было уже потеряно раньше.

Намъ нужно больше извѣстій, нужны древніе историки и ясные акты, чтобы выйти изъ лабиринта отрывочныхъ строчекъ древнихъ авторовъ и пространныхъ догадокъ новыхъ ученыхъ. Вотъ одинъ актъ, въ которомъ встрѣчаются патетичныя выраженія, почти восклицанія, и который все-таки остается загадкой: постановленіе въ честь Иродора (CIA. II 300). Имя архонта было въ 11 или 12 буквъ, осталось окончаніе родительнаго падежа ου; пританея, вѣроятно, девятая: осталось της; мѣсяцъ Елафиволіонъ. Ἐπειδὴ Ἡρόδωρ(ος πρότερόν τε) διατρίβων παρ' Ἀντιγό(νωι τῶι βασιλε)ῖ εὔνους ἦν τῶι δήμωι τ(ῶι Ἀθηναίων κα)ὶ νῦν ἐμ πίστει ὢν τῶι βα(σιλεῖ Δημητρί)ωι ἀγαθὸν ὅ τι δύναται (παρέχει κοινε)ῖ τε ὑπὲρ τῆς πόλεως κα(ὶ ἰδίαι ὑπὲρ ἑκ)άστου Ἀθηναίων ἀεὶ το (Кёлеръ предполагаетъ пропускъ, ἀπο)φαίνουσιν δ' αὐτὸν καὶ (οἱ πρέσβεις οἱ) πεμφθέντες ὑπὲρ τῆς ε(ἰρήνης πρὸς τὸ)ν βασιλέα Δημήτριον σ(υναγωνίσασθα)ι τῶι δήμωι εἰς τὸ συντ(ελεσθῆναι τὴν?) φιλίαν τὴν πρὸς τὸν (βασιλέα Δημήτρ)ιον καὶ ὅπως ὁ δῆμο(ς ἀπαλλαγείη το)ῦ πολέμου τὴν ταχίστ(ην καὶ κομισάμε)νος τὸν ἄστυ δημοκρατ(οῖτο ἐλεύθερος) ὧν ἀγαθεῖ τύχει.

Рангависъ дополнилъ начало ἐπὶ Νικοστράτου (295—4), и всѣ ученые приняли его дополненіе. А. Н. Щукаревъ былъ несогласенъ признавать Никострата архонта въ этомъ актѣ и готовъ былъ скорѣе приписать неизвѣстному архонту преемнику Кимона. Но тогда сдача (вторая) Аѳинъ Димитрію придется въ 289 году (въ надписи Иродора Елафиволіонъ мѣсяцъ), а въ августѣ 290 Димитрій уже владѣлъ Аѳинами. Если принять архонта Никострата, то Елафиволіонъ указываетъ на апрѣль 294. Обстоятельства первой осады, бѣгства тиранна Лахара и первой сдачи неизвѣстны. Надпись Иродора должна относиться къ первой сдачѣ. Иродоръ вмѣстѣ съ послами аѳинскими, посланными о мирѣ къ Димитрію, хлопоталъ, чтобы заключена была дружба аѳинянъ съ царемъ Димитріемъ, чтобы народъ аѳинскій какъ можно скорѣе избавился отъ войны и, возвративъ себѣ городъ, былъ бы въ демократіи и свободѣ. Фергюсонъ относилъ эти выраженія къ сверженію Лахара. Кольбе, который правильно понимаетъ слова κομίζεσθαι τὸ ἄστυ какъ освобожденіе отъ гарнизона въ Мусеѣ, замѣчаетъ, что если мы въ надписи Иродора поймемъ эти слова о сверженіи Лахара, то во всякомъ актѣ, гдѣ то же выраженіе встрѣчается, должны будемъ ставить вопросъ, не разумѣется ли какое другое событіе. Konnte denn nach Lachares' Flucht gesagt werden, dass „das Volk die Stadt wieder in seine Gewalt bekommen habe“? War das möglich im

demselben Augenblick, wo zum ersten Male in der Geschichte Athens eine Zwingburg auf dem Museion errichtet wurde, wo eine makedonische Garnison durch die Tore der Stadt einzog?

Въ томъ-то и дѣло, что македонскій гарнизонъ не вошелъ послѣ первой сдачи въ Аѳины: см. выше слова Павсанія. „Димитрій не отдалъ аѳинянамъ Пирэя"—а городъ остался за аѳинянами, и они избавились отъ тиранна, имѣли демократическое правленіе и могли считать себя свободными. Въ данное время не было еще македонскаго гарнизона въ Аѳинахъ, крѣпость на Мусэѣ была выстроена позже, послѣ сдачи 290 года.

А можетъ быть въ первой строкѣ надписи въ честь Иродора стояло ('Επὶ Νικίου ὑστέρ)ου ἄρχοντος: первая строчка могла выдаваться налѣво на двѣ буквы надъ прочими (надпись στοιχηδόν). Елафиволіонъ Никія архонта какъ нельзя лучше подходить ко времени первой сдачи Аѳинъ—апрѣль 295. Никій, что послѣ Антифата, былъ именно такой ἄρχων ὕστερον или ὕστερος, поставленный послѣ свержения архонта, бывшаго при Лахарѣ, съ начала ol. 121, 1: см. CIA. II 299. Suppl. 299 c.

Повидимому, при перемѣнѣ архонта снова подѣлили остатокъ года между пританеями. Во второй строчкѣ надписи Иродора, кромѣ ἐνάτης, можно дополнить πρώτης, τρίτης, τετάρτης, πέμπτης, ἕκτης, выбрать, какая подходитъ. Въ № 299, седьмой день четвертой пританеи—16 Мунихіона; въ надписи Иродора могло быть τρί)της, могло быть и πρώ)της, такъ какъ съ 10 Мунихіона до конца года должны были еще пройти 9 пританей.

Архонта Харина, упоминаемаго пять разъ у Филодима и шестой у Сенеки (при Харинѣ писалъ Епикуръ письма), ученые теперь не отожествляютъ болѣе съ Кэримомъ (о немъ Діонисій и Marmor Parium 308—7; у Діодора Харинъ), а помѣщаютъ въ III вѣкѣ. Белохъ и Кольбе ставятъ Харина на 289, Аристонима Белохъ на 290, Кольбе на 281.

XX.

Этолійское народное собраніе.

Олло (Holleaux) въ *Bull. de corr. hell.* XXIX (1905), 362 сл. излагаетъ о народномъ собраніи этолійскомъ мнѣнія несогласныя съ моими. Онъ начинаетъ съ того, что высказываетъ удивленіе, почему всѣ ученые принимаютъ только одно этолійское ординарное народное

собраніе въ годъ: ни у одного автора прямо такъ не говорится. Отвѣтимъ: выборы правительствующихъ лицъ этолійцы производили тотчасъ послѣ осенняго равноденствія—Polyb. IV, 37; выборъ стратига и восприятіе имъ власти, по обычаю этолійцевъ, были въ одинъ и тотъ же день—Polyb. II, 2. Вѣроятно, эта бережливость времени и побудила новыхъ ученыхъ считать, что было одно народное собраніе у этолійцевъ. Въ описаніи Θерма V, 8 Поливій говоритъ: „каждый годъ происходятъ въ немъ собранія и панигиры знаменитыя и постановка выборовъ властей“. Изъ многочисленныхъ надписей видно, какъ этолійцы добиваются подавляющаго большинства голосовъ въ амфиктіоновскихъ Пилэяхъ. Извѣстные изъ Поливія и надписей грабежи этолійцевъ были предпринимаемы, вѣроятно, подъ какими-нибудь предлогами, и именно преимущественно по *амфиктіоновскимъ обвиненіямъ*. Услыхавъ о новомъ набѣгѣ этолійцевъ, греки нисколько не удивились, даже недолго сердились: διόπερ οὐδ᾽ ὠργίσθησαν ἐπὶ πλεῖον, ἀλλ᾽ ἐψηφίσαντο (епироты и Филиппъ) τὴν εἰρήνην ἄγειν πρὸς αὐτούς Polyb. IV, 16. Такимъ образомъ этолійцы ведутъ, по крайней мѣрѣ часто, священныя войны—ἱεροὺς πολέμους. Въ постановленіи этолійцевъ кеосцамъ Collitz, Dialektinschr. II 1410: μηθένα ἄγειν Αἰτωλῶν μηδὲ τῶν ἐν Αἰτωλίᾳ πολιτευόντων τοὺς Κείους μηθαμόθεν ὁρμώμενον μήτε κατὰ γᾶν μήτε κατὰ θάλατταν μήτε ποτ᾽ Ἀμφικτυονικὸν μήτε ποτ᾽ ἄλλο ἔγκλημα μηθὲν ὡς Αἰτωλῶν ὄντων τῶν Κείων. Митиленцамъ: тѣ же самыя слова—μήτε ποτ᾽ Ἀμφικτυονικὸν ἔγκλημα и пр. Inscr. insul. Aeg. m. fasc. 2, 15. На панэтолійскомъ собраніи (200 или 199 года) были выслушаны послы Филиппа, аѳинянъ, римлянъ; вопросъ шелъ, объявить ли войну Филиппу. Дамокритъ стратигъ предложилъ отсрочить рѣшеніе; такъ какъ въ законахъ предписано—cum legibus cautum esset, ne de pace belloque nisi in Panaetolico aut Pylaico concilio ageretur,—въ настоящемъ собраніи поручить стратигу, когда онъ сочтетъ за благо рѣшить вопросъ о мирѣ и войнѣ, собрать народное собраніе (concilium; а, можетъ быть, было рѣшено собрать засѣданіе совѣта этолійскаго или особое совѣщаніе); и что на томъ собраніи будетъ рѣшено, то будетъ имѣть силу, ut perinde ius ratumque sit, ac si in Panaetolico aut Pylaico concilio actum esset. Вотъ на этихъ основаніяхъ я и считалъ достаточнымъ, если у этолійцевъ было одно собраніе панэтолійское и двѣ Пилэи. Можетъ быть, были два этолійскихъ народныхъ собранія въ одно время съ Пилэями, въ Дельфахъ или Θермопилахъ: такъ какъ кромѣ совѣта амфиктіоновъ было и народное собраніе амфиктіоновъ.

Олло доказываетъ, что весною было панэтолійское собраніе (Παναιτωλικά), осенью ѳермейское (Θερμικά), что Pylaicum concilium — ошибка Ливія. Первый увидѣлъ въ Pylaicum concilium ошибку Ливія, смѣшеніе съ ѳермейскимъ собраніемъ Nissen, Kritische Untersuch. über Livius, 127. Въ одномъ случаѣ Ливій дѣйствительно смѣшиваетъ Ѳермъ этолійскій (Θέρμον или Θέρμος) съ Ѳермопилами: въ описаніи событій 196 года. Гн. Корнелій, одинъ изъ десяти сенатскихъ легатовъ, прибылъ на ѳермейское собраніе—ἐπὶ τὴν τῶν Θερμικῶν σύνοδον и велъ переговоры съ этолійцами—Polyb. XVIII, 48. У Ливія XXXIII, 35: Cornelius Thermopylas, ubi frequens Graeciae statis diebus esse solet conventus—*Pylaicum appellant*—venit. Ливій разсказъ о пріемѣ римскаго посла этолійцами перевелъ также изъ Поливія; напримѣръ: καὶ τῶν μὲν πρᾴως καὶ πολιτικῶς μεμψιμοιρούντων κτλ.-alii leniter questi sunt etc. Но откуда прибавлено: Pylaicum appellant? О панэтолійскомъ собраніи 200 года (см. выше) Ливій XXXI, 29: Concilium Aetolorum stata die, *quod Panaetolium vocant,* futurum erat. У Поливія стояло Παναιτωλικά. Далѣе Поливій говорилъ, очевидно, и о предложеніи Дамокрита, сославшагося на законы. Ниссенъ и Олло полагаютъ, что въ законахъ этолійскихъ было сказано Παναιτωλικοῖς ἢ Θερμικοῖς; я думаю, что какъ Ливій въ текстѣ Поливія прочиталъ Panaetolium или Panaetolicum (напримѣръ, XXXV, 32), такъ и Pylaicum (vocant—appellant), а только, разсказывая о прибытіи Гн. Корнелія къ этолійцамъ, некстати вспомнилъ о встрѣченномъ имъ раньше Pylaicum concilium. Итакъ, у Поливія было (подъ 200 годомъ) Παναιτωλικοῖς ἢ ἐν Πυλαίαις, или ἐν ταῖς Παναιτωλικαῖς ἢ ταῖς Πυλαϊκαῖς συνόδοις. Поливій знаетъ о власти этолійцевъ въ Дельфахъ и Амфиктіоніи: союзники, начиная противъ этолійцевъ τὸν συμμαχικὸν πόλεμον, рѣшаютъ, между прочимъ, συνανακομιεῖσθαι δὲ καὶ τοῖς Ἀμφικτύοσιν τοὺς νόμους καὶ τὴν περὶ τὸ ἱερὸν ἐξουσίαν, ἣν Αἰτωλοὶ παρῄρηνται νῦν, βουλόμενοι τῶν κατὰ τὸ ἱερὸν ἐπικρατεῖν αὐτοί IV, 25. Ѳермейское собраніе было тоже панэтолійское, безъ всякаго сомнѣнія. Въ надписяхъ этолійскія народныя собранія называются Παναιτωλικά—Collitz, Dialektinschr. II 1411, Dittenberger, Syll.[2] 280: στραταγέοντος Ἀλεξάνδρου Καλυδωνίου—въ концѣ III вѣка. Встрѣчаются Θερμικοῖς: στρατ)αγέοντος Θόα Τριχωνίου τὸ δεύτερον, Θερμικ(οῖς—около 194. Kern, Inschr. v. Magnesia 91 c, Dittenberger, Syll[2]. 927 III. Надпись найденная въ Mokista близь Ѳерма: Στραταγέοντος τῶν Αἰτωλῶν Φ(ί)λλιο(ς) τοῦ Πανταλέωνος (Πλευρ)ωνίου, (Π)αναιτωλι(κ)ο(ῖς I. G. Sept. III 411.

Олло, утверждаетъ, что Παναιτωλικά былъ особый праздникъ,

étaient une fête différente, dont la célébration coincidait avec une autre assemblée. Polybe l'appelait certainement ἡ τῶν Παναιτωλικῶν σύνοδος. Παναιτωλικά, по мнѣнію Оллò, происходили весною. Возможно, что Оллò правъ, хотя о праздникѣ нѣтъ до сихъ поръ упоминаній.

Concilium Aetolorum *stata die, quod* Panaetolium vocant—Liv. XXXI, 29 при консулѣ П. Сульпиціи Гальбѣ, послѣ переправы консула въ Иллирію и до похода въ верхнюю Македонію, было осенью 200 года и есть ѳермейское собраніе. Собраніе было въ Навпактѣ, говоритъ Оллò: scilicet sicut vos Naupacti legibus vestris per magistratus a vobis creatos concilium habetis, socium hostemque libere quem velitis lecturi, pacem ac bellum arbitrio habituri vestro, sic Siculorum civitatibus Syracusas aut Messanam aut Lilybaeum indicitur concilium. Мнѣ казалось, что Навпактъ названъ для примѣра. Если собраніе было въ Навпактѣ, то Оллò правъ, что у этолійцевъ было два ординарныхъ народныхъ собранія въ годъ, такъ какъ у Ливія сказано stata die. С. А. Жебелевъ называетъ собраніе навпактскимъ, считаетъ экстраординарнымъ, не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, что Сульпицій поздно, уже осенью, переправился въ Иллирію, думаетъ, что слова Ливія: consul alter cum autumno ferme exacto in provinciam venisset, circa Apolloniam hibernabat (XXXI, 22) попали не на свое мѣсто („Изъ исторіи Аѳинъ", 123 и слѣд.). Если Оллò правъ, то собраніе было весною 199 года. Я всегда понималъ, что собраніе было обычное, въ Ѳермѣ, въ осеннее равноденствіе 200. Слова Ливія, что консулъ переправился осенью, согласны съ тѣмъ, что онъ говоритъ о Фламининѣ XXXII, 9: T. Quinctius consul maturius quam priores soliti erant consules, a Brundisio cum tramisisset. И П. Сульпицій и П. Виллій пріѣхали поздно. Только слова autumno ferme exacto преувеличены. Скорѣе ожидалось бы aestate ferme exacta.

Еще разъ упоминается у Ливія Panaetolicum concilium XXXV, 32, 192 года. По моему, здѣсь совершенно ясно говорится о собраніи въ началѣ осени. Антіохъ прибылъ въ Грецію въ концѣ 192 года. Iam fere in exitu annus erat—XXXV, 41. Антіохъ обѣщаетъ этолійцамъ: nam simul primum anni tempus navigabile praebuisset mare, omnem se Graeciam armis viris equis, omnem oram maritimam classibus completurum (44). Antiochos—zu Anfang des Winters sein Hauptquartier nach Chalkis verlegte—Niese, Gesch. d. griech. u. Mak. Staaten, II, 695. Того же Низе призываетъ себѣ на помощь Оллò: „Παναιτωλικά Ливія XXXV, 32 были раннею весною 192 года, до прибытія командира флота А. Атилія. См. Niese 682: Im Frühling 192". Здѣсь Оллò ци-

туетъ въ высшей степени небрежно. У Низе Im Frühjahr 192 hatte sich Aulus Atilius mit seiner Flotte gegen Nabis in Bewegung gesetzt, т. е. изъ Италіи отправленъ; и у Ливія ничего про весну не сказано. Филопименъ неудачно сражался съ Навидомъ на морѣ (на большомъ старомъ кораблѣ), потомъ совершилъ походъ въ Лаконію, побѣждалъ Навида, dies prope triginta vastandis agris Laconum absumpsit (Liv. XXXV, 30), а римскаго флота все еще нѣтъ. Какая тутъ ранняя весна! Римскій флотъ пріѣхалъ въ Гиѳій послѣ панэтолійскаго собранія, послѣ смерти Навида и послѣ вступленія Спарты въ ахейское союзное государство (37).

Олло находитъ возможнымъ, что было даже три ординарныхъ народныхъ собранія этолійскихъ, но, впрочемъ, не настаиваетъ на этомъ. Поливій, излагая событія лѣта 220 года, говоритъ (IV, 15): οἱ δ'Αἰτωλοί, παραγενομένης αὐτοῖς τῆς καθηκούσης ἐκκλησίας, συνελθόντες ἐβουλεύσαντο—собравшись, на совѣтѣ рѣшили [1]). Мнѣ кажется, дѣло идетъ о собраніи *совѣта* этолійскаго. По моему совѣтъ и апоклиты одно и то же (sic vocant sanctius concilium—въ отличіе отъ панэтолійскаго—ex delectis constat viris), и совѣтъ могъ состоять изъ 600 человѣкъ (или 500); могли быть назначены опредѣленные дни собраній совѣта. Выраженіе ἐκκλησία не должно насъ останавливать: чтобы назвать народное собраніе этолійскаго союзнаго государства, мало было сказать ἐκκλησία.

Олло признаетъ существованіе экстраординарныхъ народныхъ собраній; о *совѣтѣ* этолійскомъ онъ не говоритъ. А между тѣмъ если сказано въ надписи (офиціальномъ актѣ) ἔδοξε τοῖς Αἰτωλοῖς, это можетъ означать постановленіе совѣта. Такъ въ грамотѣ кеосцамъ; объ этомъ самомъ постановленіи кеосцы говорятъ: ἐπειδὴ ἀναγγέλλουσιν οἱ πρέσβεις οἱ ἀποσταλέντες εἰς Ναύπακτον καὶ πρὸς τοὺς συνέδρους τοὺς Αἰτωλῶν πᾶσαν εὔνοιαν καὶ φιλοτιμίαν ἐνδεδεῖχθαι Ναυπακτίους καὶ τοὺς συνέδρους τοὺς Αἰτωλῶν πρὸς τὰς πόλεις τὰς Κείων (Dittenberger, Syll.[2] 247). Въ только что приведенномъ мѣстѣ Поливія этолійцы по совѣщанію рѣшаютъ о мирѣ и войнѣ; но это предварительное и условное рѣшеніе. Мы знаемъ, что окончательное рѣшеніе о мирѣ и войнѣ могло быть только въ панэтолійскомъ или пилэйскомъ собраніи. Неоптолемъ этолієцъ посовѣтовалъ посламъ ериерейцевъ іонійскихъ, чтобы ериорейцы отправили пословъ πρὸς τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν. Ditt. Syll[2]. 250. Разумѣются стратигъ, власти и совѣтъ. Такъ что и въ актѣ Магнисіи меандрской, гдѣ упо-

---

[1]) Олло говоритъ, что это мѣсто Поливія не имѣетъ un sens précis.

минается Θερμικοῖς, можетъ быть, не было рѣшенія *народнаго собранія*, но только *совѣта*. Παρὰ τοῦ κοινοῦ τῶν Αἰτωλῶν; στραταγέοντος и пр., Θερμικοῖς. Это означаетъ, можетъ быть, что актъ этолійскаго правительства и совѣта данъ во время θермійскаго праздника, какъ Πυθίοις въ амфиктіоновскихъ актахъ. Повторяю, что мы ничего не слышимъ объ особомъ праздникѣ Παναιτωλικά. Если мы встрѣчаемъ въ надписяхъ и у авторовъ Παναιτωλικοῖς, Panaetolicum concilium, то мы понимаемъ, что дѣло идетъ о народномъ собраніи, было ли оно въ Θермѣ, или въ Навпактѣ, или въ третьемъ мѣстѣ.

Олло выражаетъ досаду, что даже въ новыхъ книгахъ повторяется старая ошибка, Pylaicum concilium означаетъ дельфійскую Пилэю или этолійское собраніе, которое совпадало съ Пилэею—il est fâcheux, que cette vieille erreur s'étale encore dans les livres récents. Онъ называетъ древности Бузольта, Шёманнъ—Липсіуса; прибавляетъ, что Низе повторилъ ошибку, потомъ исправилъ ее. Бузольтъ—Gr. Staats- und Rechtsalterthümer, 371: Unter der pylaeischen Versammlung wird man eine zu Delphi abgehaltene zu verstehen haben. Denn Delphi war zur Blütezeit des Bundes thatsächlich der sacrale Mittelpunkt des Bundes.—Der Name Pylaicum concilium ist einfach dadurch zu erklären, dass die Versammlung mit der delphischen Pylaea der Amphiktyonie, die ja von den Aetolern beherrscht wurde, verbunden war. Бузольтъ даже не признаетъ собранія, гдѣ выступаетъ со своимъ предложеніемъ Дамокритъ, панэтолійскимъ. Freilich nennt Livius fälschlich (!) Panaetolium, da sie in Naupaktos stattfand.

Ошибочное по мнѣнію Олло, примѣчаніе Низе II, 216, прим. 1. Dies kann, wenn nicht etwa dem Livius ein Missverständniss begegnet ist, nur eine in Delphi gehaltene Versammlung sein, wobei zu beachten ist, dass zu einer gewissen Zeit des Bundes die Aetoler mit den Amphiktionen ungefähr zusammenfielen. Вотъ эту тѣсную связь этолійцевъ съ Амфиктіоніею Олло упускаетъ изъ виду. Пилэйское собраніе, скажемъ мимоходомъ, могло быть не только въ Дельфахъ, но и въ Θермопилахъ. На стр. 599, пр. 2 Низе беретъ свое примѣчаніе назадъ и примыкаетъ къ мнѣніюНиссена.

Статья Олло побудила меня еще разъ внимательно пересмотрѣть всѣ относящіеся къ предмету источники, провѣрить принятыя мною и привычныя мнѣнія. Въ результатѣ становится вѣроятнымъ, что было два ординарныхъ панэтолійскихъ собранія, одно въ Θермѣ, другое въ Навпактѣ, или въ другомъ городѣ, весною; что собраніе, скажемъ для краткости, Дамокрита было въ Навпактѣ, весною 199 года. Въ

остальномъ, и особенно относительно Pylaicum concilium, мои прежнія мнѣнія еще укрѣпились.

XXI.

Хариксенъ.

Раскопки Сотиріадиса въ Θермѣ увѣнчаны весьма интересными находками. Раньше всѣхъ найденныхъ при этомъ надписей публиковано постановленіе при стратигѣ Агелаѣ Навпактскомъ во второй разъ о пожалованіи магнитамъ мэандрскимъ амфиктіоновскаго голоса: единственный въ своемъ родѣ документъ № 8, θермейскихъ надписей Ἐφ. ἀρχ. 1905. Въ Θермѣ найдены архаическіе рисунки съ надписями. Оказывается, что Θермъ имѣлъ давно значеніе центра этолійской земли. Ефоръ (у Страбона X, 3) уже упоминалъ, что выборы властей происходятъ съ давняго времени въ Θермѣ—ἐν Θέρμοις (этолійцы всегда пишутъ ἐν Θέρμῳ) τῆς Αἰτωλίας ὅπου ἀρχαιρεσίας ποιεῖσθαι πάτριον αὐτοῖς ἐστί. Низе правильно говоритъ о Θермѣ: Kein Stadt, sondern ein offener Ort für Fest-und Volksversammlungen im Herzen Aetoliens—также какъ Олимпія. Поливій много разъ говоритъ о Θермѣ, описываетъ его и трудную дорогу къ нему, по поводу набѣга Филиппа. Этолійцы не думали, чтобы кто-нибудь осмѣлился напасть на Θермъ. Тамъ были всякаго рода запасы. Македоняне въ 218 году сожгли оружія на 15.000 человѣкъ, сожгли и разрушили портики, опрокинули 2.000 статуй.

По этимъ числамъ мы могли ожидать бо́льшаго количества надписей. Впрочемъ Сотиріадисъ обѣщаетъ продолженіе.

Во-первыхъ Сотиріадисъ издаетъ въ Ἐφημερὶς Ἀρχ. 1905 *мѣдную стилу* (пустую внутри). На одной широкой сторонѣ ея *договоръ этолійцевъ съ акарнанами*—συνθήκα καὶ συμμαχία Αἰτωλοῖς καὶ Ἀκαρνάνοις. Для написанія этого договора и была выбрана мѣдная стила, а позже вырѣзана была надпись на оборотной широкой сторонѣ.

Весь договоръ этолійцевъ съ акарнанами заслуживаетъ вниманія, но мы выпишемъ самое главное, такъ какъ Хариксенъ, предметъ нашей статьи, является на оборотной сторонѣ стилы.

„Договоръ между этолійцами и акарнанами по взаимному соглашенію. Будетъ миръ и дружба между ними на все время. Границею будетъ рѣка Ахелой до моря. Что на востокъ отъ Ахелоя, пусть принадлежитъ этолійцамъ, а на западъ акарнанамъ, кромѣ Праанта, и Демфиды: на нее акарнаны не претендуютъ. Границы Праанта, если

стратійцы и агрэи согласятся между собою, это будетъ имѣть силу; если нѣтъ, то этолійцы и акарнаны выберутъ по десяти человѣкъ, кромѣ стратійцевъ и агрэевъ, и что выбранные ограничатъ, то будетъ имѣть силу. Быть спигамія другъ съ другомъ и праву пріобрѣтенія земли этолійцу въ Акарнаніи и акарнану въ Этоліи и быть гражданиномъ этолійцу въ Акарнаніи и акарнану въ Этоліи на равныхъ правахъ. Пусть напишутъ это на мѣдныхъ стилахъ въ Актіи власти акарнановъ, въ Θермѣ власти этолійцевъ, въ Олимпіи, въ Дельфахъ и въ Додонѣ сообща тѣ и другіе. При властяхъ въ Этоліи стратагѣ Поликритѣ каллісійцѣ во второй разъ, иппархѣ такомъ-то, секретарѣ такомъ-то, при командующихъ отборными воинами (ἐπιλεκταρχεόντων) такихъ-то семи, при казначеяхъ такихъ-то семи; въ Акарнаніи при стратагахъ Οἰνιάδα, Δηριέος, Στρατίου, Φοιτιᾶνος, Θυρρείου, Ἀνακτοριέος, Δευκαδίου (собственныя имена мною пропущены), иппархѣ такомъ-то, секретарѣ такомъ-то, казначеѣ такомъ-то". Далѣе слѣдуетъ еще 18 строкъ: послѣднія три почти пропали.

Узнаемъ много новаго. Акарнанія еще цѣла, со Стратомъ и Иніадами, Ахелой составляетъ ея границу до самого моря. Значитъ, было время, когда акарнаны и этолійцы могли надѣяться на вѣчную дружбу—время короткое, потому что мы потомъ видимъ между ними вѣчную вражду. Слѣдуетъ согласиться съ Сотиріадисомъ, что договоръ около 275—272 годовъ, еще при жизни Пирра. Съ Александромъ, преемникомъ Пирра, этолійцы заключили договоръ о раздѣлѣ Акарнаніи—οἱ πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Ἠπειρώτην ὅρκους ποιησάμενοι καὶ συνθήκας ἐπὶ μερισμῷ τῆς Ἀκαρνανίας Polyb. IX, 34. И этотъ раздѣлъ Акарнаніи произошелъ скоро послѣ смерти Пирра и послѣ начертанія нашего договора съ акарнанами: въ надписи на оборотной сторонѣ мѣдной стилы, при стратигѣ Хариксенѣ въ четвертый разъ, половина Акарнаніи уже принадлежитъ этолійцамъ. Договоръ съ акарнанами и немного раньше 272: одинъ изъ казначеевъ изъ Сосоениды, эніанскаго города, а эніаны вступили въ составъ этолійскаго государства, по изслѣдованіямъ Белоха. (Gr. Gesch. III, 2, 331, 350), именно около 272 и немного раньше. Правда, разсчеты Белоха не вполнѣ твердо основаны. Также нѣтъ необходимости признавать, что договоръ при жизни Пирра. Плутархъ Pyrrh. 6, сообщаетъ, что Александръ сынъ Кассандра уступилъ Пирру много областей, и въ числѣ ихъ названа Акарнанія, что было предметомъ сомнѣній ученыхъ (Beloch, 319). Акарнаны названы Діонисіемъ въ числѣ наемныхъ воиновъ Пирра въ Италіи. Белохъ поэтому пишетъ, что Акарнанія освободилась послѣ

смерти Пирра, такъ что Александръ, сынъ Пирра, заключилъ съ этолійцами союзъ для покоренія Акарнаніи.

Но что значатъ эти ничтожныя упоминанія Плутарха и Діонисія рядомъ съ нашей надписью! И у Плутарха, и у Діонисія Акарнанія и акарнаны могутъ быть названы по ошибкѣ. Напримѣръ, у Діонисія описаніе состава войска Пирра и самого сраженія при Аскулѣ весьма подозрительно. Какія отношенія Акарнаніи были къ Пирру въ 272 или къ Александру въ 271, совершенно неизвѣстно. Въ договорѣ Акарнанія является независимой и цѣлой.

Совершенно ново для насъ, что въ Акарнаніи семь стратиговъ, изъ разныхъ городовъ, какъ бы представители городовъ. Не достаетъ Конопы, Астака, Ализіи, Матрополя и другихъ. Кромѣ того, въ Акарнаніи является иппархъ, секретарь, казначей.

Въ Этоліи одинъ стратигъ, какъ всегда. Имя Поликрита встрѣчается у Поливія IX, 34, гдѣ перечисляются грабительскіе подвиги этолійскихъ вождей. Поликритъ ограбилъ храмъ Посидона въ Мантинеѣ. Ἐπιλεκταρχέοντες этолійскіе встрѣчаются въ первый разъ; семь казначеевъ, конечно, также въ первый разъ. Можетъ быть, въ этолійскомъ ополченіи было тогда семь отрядовъ отборныхъ воиновъ, и для каждаго отряда свой казначей.

На оборотной сторонѣ мѣдной стилы: Στραταγέοντος Χαριξένου τὸ τέταρτον κρῖμα γαϊκὸν Στρατικοῦ τέλεος. Τάδε ἔκριναν Θυρρείων οἱ γαοδίκαι· ὅρια τᾶς χώρας Οἰνιάδαις ποτὶ Ματροπολίταις τὸ διατίχισμα καὶ ἀπὸ τοῦ διατειχίσματος εὐθυωρίαι διὰ τοῦ ἕλεος εἰς θάλασσαν. Ἀναγραψάτω δὲ τὸ κρῖμα πόλις τῶν Οἰνιαδᾶν πόλις τῶν Ματροπολιτᾶν ἐν Θέρμωι ἐν τῶι ἱερῶι τοῦ Ἀπόλωνος.

Имя стратига Хариксена хорошо памятно по аѳинскому и хіосскому постановленіямъ о принятіи агона Сотирій. Побѣда надъ галлами была при Анаксикратѣ архонтѣ 279—8; слѣдующій годъ занятъ архонтомъ Димокломъ. Архонта Поліевкта, при которомъ было посольство отъ Хариксена, естественно хочется поставить поближе къ побѣдѣ надъ галатами. А. Н. Щукаревъ предполагалъ возможнымъ 277 годъ. Диттенбергеръ, Syll[2]. 205, выводя изъ декрета хіосцевъ, что Сотиріи были учреждены пентетиридою, принимаетъ для аѳинскаго постановленія весну 274 (29 Елафиволіона), такъ что осенью того же года были отпразднованы первыя Сотиріи. Белохъ ставитъ Поліевкта на 274—3, Кольбе на 275—4.

Хариксенъ встрѣчался намъ, кромѣ того, у Поливія IV, 34 (втор-

женіе въ Лаконію) и въ надписи CIA. II 309 (при Діоклѣ архонтѣ, 287—6).

Сначала скажемъ о новонайденной ѳермсійской надписи. Итакъ: „Земельное рѣшеніе Стратскаго отдѣла. Такъ рѣшили земельные судьи ѳирройцевъ: границы земли иніадцевъ съ матрополитами: оборонительная стѣна и отъ стѣны по прямому направленію черезъ болото до моря. Пусть напишетъ это рѣшеніе городъ Иніады, городъ Матрополь въ Ѳермѣ, въ святынѣ Аполлона".

Со времени договора положеніе сильно измѣнилось. Большой кусокъ Акарнаніи покоренъ этолійцами, весь югъ. Города введены въ составъ этолійской симполитіи и составляютъ *Стратскій отдѣлъ*, буквально: „конецъ", какъ въ Новгородѣ. Нашъ А. В. Никитскій навѣрно прочиталъ эту надпись съ большимъ удовольствіемъ: она подтверждаетъ его объясненіе выраженія βουλαρχέοντος τοῦ Λοκρικοῦ τέλεος: теперь явился другой τέλος. А. В. Никитскій всегда говорилъ, что βουλαρχέων τοῦ Λοκρικοῦ τέλεος не локрійскій (независимый) магистратъ, а этолійской симполитіи. Vollgraff (*Bull. de corr. hell.* XXV, 225 сл.) также объясняетъ правильно. Въ № 3 Сотиріадиса являются четыре βουλαρχοῦντες этолійскаго совѣта. Приведемъ и эту важную надпись (мѣдная дощечка):

Ἀγαθῆι τύχηι. Τὸ κοινὸν Αἰτωλῶν ἔδωκεν Δαάλκωι Ἀγία Φενικῶι, αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις, προξενίαν, πολιτείαν, ἀσφάλειαν καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης καὶ αὐτοῖς καὶ χρήμασι. Βουλαρχούντων Χαριξένου, Ἀμυνάνδρου, Δίωνος, Λεπτίνα. Ἔγγυος Χαρίξενος Πλευρώνιος.

Τὸ κοινὸν Αἰτωλῶν здѣсь, какъ и во многихъ надписяхъ,—правительство и совѣтъ. Извѣстно, что въ совѣтѣ этолійскомъ, какъ въ парламентѣ, были представители всѣхъ городовъ, входившихъ въ составъ этолійскаго союзнаго государства. Представители присоединенныхъ южно-акарнанскихъ городовъ стали тоже членами этолійскаго совѣта и у нихъ былъ въ совѣтѣ свой президентъ *стратскаго отдѣла*, βουλαρχέων, какъ у локрійскихъ депутатовъ—свой президентъ локрійскаго отдѣла или конца. Четыре βουλαρχοῦντες надписи 3-ей были, вѣроятно, не всѣ существовавшіе тогда президенты отдѣловъ. Впрочемъ, судить трудно.

При архонтѣ Діоклѣ происходило въ Дельфахъ что-то интересное, въ чемъ участвовали Эсхронъ, сынъ Проксена, аѳинянинъ, пилагоръ, и Хариксенъ. Повидимому, Хариксенъ содѣйствовалъ Эсхрону; приходилось спасать какихъ-то людей, одолѣвать злоумышленниковъ:

— ἐβιάσατο τοὺς παραν(ομοῦντας)
λη)φθέντας σωθῆναι —
ἀποκατέστησεν αὐτο(ὺς) μετ᾽ ἀσφα)λείας. ὅπως οὖν и пр.

Мы только теперь узнаемъ, что была даже четвертая стратигія Хариксена. Которая была при Поліевктѣ, архонтѣ аоинскомъ, неизвѣстно. Сотиріадисъ говоритъ, что одному и тому же лицу даваема была стратигія обыкновенно не чаще, какъ разъ въ 8 лѣтъ. Это не вполнѣ точно: Архедамъ былъ въ первый разъ стратигомъ въ 191 году, во второй разъ въ 188, въ третій разъ въ 182, въ четвертый разъ въ 175.

Я увѣренъ, что Хариксенъ, стратигъ при Поліевктѣ-архонтѣ, былъ стратигомъ и во время вторженія въ Лаконію (или, по крайней мѣрѣ, вождемъ вторгшагося ополченія этолійцевъ, вмѣстѣ съ Тимэемъ). Этого мнѣнія я держался и раньше, не соглашаясь съ Дройзеномъ, который отнесъ вторженіе ко времени около 240 года, послѣ смерти Агиса и до Клеомена. Дройзену такъ хотѣлось отодвинуть вторженіе подальше отъ Хариксена, современника Поліевкта, что онъ пишетъ „Тимэй и Хариксенъ", тогда какъ у Поливія τὰς διὰ Χαριξένου καὶ Τιμαίου βλάβας. Теперь, когда мы знаемъ, что было, по крайней мѣрѣ, четыре стратигіи Хариксена, становится еще вѣроятнѣе, что на Лаконію напалъ тотъ же Хариксенъ. Этолійцы пошли въ походъ всѣмъ ополченіемъ—πανδημεί, опустошили страну, взяли города періиковъ и обратили населеніе въ рабство—ἐξηνδραποδίσαντο δὲ τὰς περιοίκους и сдѣлали коварное покушеніе на Спарту, обманомъ и силою наводя изгнанниковъ — ἐπεβούλευσαν δὲ τῇ Σπάρτῃ μετὰ δόλου καὶ βίας τοὺς φυγάδας ἐπαγαγόντες. Этолійцы, по Плутарху, вывели изъ Лаконіи 50,000 плѣнныхъ, періиковъ и илотовъ Cleom. 18. Низе (II, 262) полагаетъ, что вторженіе было въ 240 или 239. Оно не было при Агисѣ, не было при Клеоменѣ, потому что было бы навѣрно упомянуто въ числѣ событій царствованія того или другого. Что походъ этолійцевъ былъ около этого времени, ist unzweifelhaft. Но если бы походъ произошелъ въ это время, то непремѣнно Плутархъ сказалъ бы въ біографіи Клеомена, что было передъ самымъ началомъ его царствованія такое вторженіе. Нашествіе этолійцевъ было такъ опустошительно, сопровождалось такою огромною потерею населенія Лаконіи, что оно было важнѣйшимъ событіемъ своего времени. *Оно не могло произойти въ такое время, отъ котораго до насъ сохранилась какая-нибудь связная исторія.* Оно могло быть только въ совершенно неизвѣстное

время, всего скорѣе послѣ смерти Арея и до начала дѣятельности Арата, отъ 265 до 251 года. Не могъ бы Клеоменъ произвести свою революцію, создать корпусъ новыхъ гражданъ-воиновъ въ 4.000 человѣкъ, явиться съ такою силою въ Пелопоннисѣ, одерживать такія блестящія побѣды такъ скоро послѣ полнаго раззоренія Лаконіи и увода пятидесяти тысячъ человѣкъ. Если мы поставимъ вторженіе около 260 года, то это будетъ за тридцать лѣтъ до начала дѣйствій Клеомена: въ тридцать лѣтъ Лаконія могла поправиться. Белохъ, Сотиріадисъ и всѣ ученые согласны съ Дройзеномъ и Низе.

Одинъ и тотъ же Хариксенъ могъ дѣйствовать въ 287 и въ 260 г.: тутъ нѣтъ никакого затрудненія.

Найдены остатки портика; на его эпистиліи была надпись большими, тщательно вырѣзанными буквами, вполнѣ подходящими къ первой половинѣ III вѣка.

№ 15: — τὰν παστάδα — —
— (Χ)αριξένου Τριχονέ(ος) —
— σσεος Βρύτωνος Φ—

Сотиріадисъ увѣренъ, что этотъ значительный памятникъ сооруженъ былъ послѣ побѣдоносныхъ походовъ Хариксена. Итакъ, вѣроятно стратигъ Хариксенъ былъ трихонеецъ; мы видѣли свидѣтелемъ проксеніи другого Хариксена, плевронца (№ 3).

№ 16: Ἐπὶ Χαριξέν(ου στρατάγου)
—)κράτεος γραμματιστᾶ Αἰτ(ωλοι.

Краткая проксенія.

№ 17: Ἐπὶ Χαριξένου στραταγ —
— γραμματιστᾶ Αἰτωλοι —

Краткая проксенія.

Обѣ надписи того же древняго письма. Сотиріадисъ не сомнѣвается, что онѣ относятся къ тому же Хариксену, стратигу, трихонейцу.

Ѳ. Соколовъ.

Отдѣлъ по народному образованію.

Отзывы о книгахъ:

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

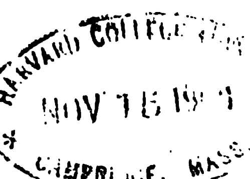
заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1905 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“, но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

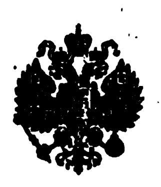


НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

АВГУСТЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

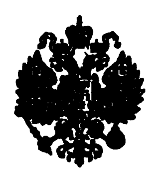
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

АВГУСТЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (9-го іюля 1906 года). „Начальнику отдѣленія канцеляріи совѣта министровъ, Двора Нашего въ должности гофмейстера, дѣйствительному статскому совѣтнику князю *Чегодаеву* князю Татарскому—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его въ должности гофмейстера".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (21-го января 1906 года). *О присвоеніи Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича нѣкоторымъ училищамъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день января 1906 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича училищамъ: двухклассному министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Сараи, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и начальному въ гор. Евпаторіи, Таврической губерніи.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 13 іюня 1906 г., № 146, ст. 875).

8. (10-го апрѣля 1906 года). *Объ учрежденіи въ составѣ Варшавскаго университета должности профессора польскаго языка и исторіи польской литературы и лектора польскаго языка.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ составѣ Варшавскаго университета должности профессора польскаго языка и исторіи польской литературы и лектора польскаго языка, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ составѣ Варшавскаго университета должностей профессора польскаго языка и исторіи польской литературы и лектора польскаго языка, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить въ составѣ Императорскаго Варшавскаго университета одну должность лектора польскаго языка и одну должность ординарнаго профессора польскаго языка и исторіи польской литературы при каѳедрѣ славянской филологіи, съ предоставленіемъ вновь учреждаемымъ должностямъ служебныхъ правъ и преимуществъ, а также окладовъ содержанія, присвоенныхъ другимъ подобнымъ же должностямъ на основаніи Высочайше утвержденнаго, 8-го іюня 1869 г., штата названнаго университета (п. с. з., № 47205).

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

„Лекціи польскаго языка, польской словесности и исторіи польской литературы излагаются означенными въ отдѣлѣ I лицами на польскомъ языкѣ. Указаннымъ лицамъ предоставляется производить на томъ же языкѣ испытанія по своимъ курсамъ“.

III. На покрытіе вызываемыхъ указанною въ отдѣлѣ I мѣрою расходовъ отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1906 г., по три тысячи восемьсотъ рублей въ годъ, съ отнесеніемъ означеннаго расхода въ текущемъ году на кредитъ, вне-

сенный въ равной суммѣ въ дѣйствующую смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 4-го іюля 1906 г., № 162, ст. 988).

9. (19-го апрѣля 1906 года). *О кредитѣ на изданіе трудовъ русской полярной экспедиціи 1900—1903 г.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на изданіе трудовъ русской полярной экспедиціи 1900—1903 гг., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на изданіе трудовъ русской полярной экспедиціи 1900—1903 гг., *мнѣніемъ положилъ*:

I. Отпустить изъ государственнаго казначейства тридцать тысячъ руб. на изданіе трудовъ русской полярной экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Толля, а также на нѣкоторые другіе предстоящіе Императорской академіи наукъ расходы по обработкѣ и систематизаціи матеріаловъ и коллекцій, добытыхъ означенной экспедиціей.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на общіе остатки отъ назначеній по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

(Тамъ же, ст. 991).

10. (19-го апрѣля 1906 года). *О предоставленіи званія техника лицамъ, окончившимъ курсъ Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ при дѣйствіи утвержденнаго въ 1878 году устава этого учебнаго заведенія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи званія техника лицамъ, окончившимъ курсъ Комисаровскаго техническаго учи-

лица въ Москвѣ при дѣйствіи утвержденнаго въ 1878 году устава этого учебнаго заведенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи званія техника лицамъ, окончившимъ курсъ Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ при дѣйствіи утвержденнаго въ 1878 году устава этого учебнаго заведенія, *мнѣніемъ положилъ:*

„Лицамъ, окончившимъ курсъ Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ при дѣйствіи утвержденнаго въ 1878 году устава сего учебнаго заведенія, предоставить званіе техника по механическому дѣлу, если означенныя лица представятъ надлежащія удостовѣренія въ томъ, что они не менѣе десяти лѣтъ занимались практическою техническою дѣятельностью".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 992).

11. (19-го апрѣля 1906 года). *О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края преподаванія на мѣстныхъ языкахъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края преподаванія на мѣстныхъ языкахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о введеніи въ част-

ныхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края преподаванія на мѣстныхъ языкахъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ допускается преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ допускается въ тѣхъ только изъ означенныхъ заведеній, кои содержатся на мѣстныя средства, безъ всякаго пособія изъ казны, а также изъ земскихъ или городскихъ средствъ.

2) Русскій языкъ, русская литература, а также исторія и географія Россіи должны преподаваться на русскомъ языкѣ.

3) Для полученія правъ по образованію воспитанники частныхъ учебныхъ заведеній подвергаются установленнымъ испытаніямъ въ соотвѣтственныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Испытанія эти по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ Закона Божія инославныхъ исповѣданій и природнаго языка испытуемаго, производятся на русскомъ языкѣ.

4) Устройство частныхъ учебныхъ заведеній опредѣляется ихъ уставами, утверждаемыми для училищъ: перваго разряда — министромъ народнаго просвѣщенія, а втораго и третьяго—попечителемъ Рижскаго учебнаго округа.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 10-го мая 1906 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 9-го іюня 1906 г., № 138, ст. 838).

12. (22-го апрѣля 1906 года). *О предоставленіи Императорскому Русскому географическому обществу льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи Императорскому Русскому географическому обществу льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи, законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи Императорскому Русскому географическому обществу льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Императорскому Русскому географическому обществу и его провинціальнымъ отдѣламъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ по почтовымъ отправленіямъ, право пересылки безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со всякаго рода вложеніемъ вѣсомъ до одного пуда.

2) Такія же посылки (ст. 1), а также и закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя Императорскаго Русскаго географическаго общества и его провинціальныхъ отдѣловъ, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 841).

13. (22-го апрѣля 1906 года). *О предоставленіи Императорской академіи наукъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи Императорской академіи наукъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи, законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмо-

трѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи Императорской академіи наукъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Императорской академіи наукъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, право пересылки, безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со всякаго рода вложеніемъ, вѣсомъ до одного пуда.

2) Такія же (ст. 1) посылки, а также закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя академіи наукъ, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ.

3) Изложенныя въ ст.ст. 1 и 2 льготы распространяются также на слѣдующія подвѣдомственныя академіи наукъ учрежденія: а) канцелярію конференціи, б) канцелярію правленія академіи, в) архивъ конференціи, г) библіотеку, д) музеи имени императора Петра Великаго: геологическій и антропологіи и этнографіи, е) музеи: зоологическій, ботаническій, азіатскій, ж) кабинеты: русскій нумизматическій и физическій, з) лабораторіи: химическую, по анатоміи и физіологіи растеній, особую зоологическую и физіологическую и и) Николаевскую главную физическую обсерваторію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 812).

14. (22-го апрѣля 1906 года). *О причисленіи ремесленныхъ училищъ, школъ ремесленныхъ учениковъ и одиннадцати ремесленныхъ учебныхъ заведеній, существующихъ по особымъ уставамъ, ко второму разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи отбыванія воинской повинности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о причисленіи ремесленныхъ училищъ, школъ ремесленныхъ учениковъ и одиннадцати ремесленныхъ учебныхъ заведеній, существующихъ по особымъ уставамъ, ко второму разряду учебныхъ заведеній, въ отношеніи отбыванія воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о причисленіи ремесленныхъ училищъ, школъ ремесленныхъ учениковъ и одиннадцати ремесленныхъ учебныхъ заведеній, существующихъ по особымъ уставамъ, ко второму разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи отбыванія воинской повинности, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 61 устава о воинской повинности (Свод. зак. т. IV, изд. 1897 г.) постановить:

„Ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности причисляются: ремесленныя училища, образованныя на основаніи статей 1814—1854 уставовъ учебныхъ заведеній (Свод. зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.), школы ремесленныхъ учениковъ, учрежденныя согласно дополненію 5 къ пункту 1 статьи 3339 тѣхъ же уставовъ (по прод. 1902 г.), а также существующія на основаніи особыхъ уставовъ слѣдующія ремесленныя учебныя заведенія: С.-Петербургская техническая школа при Балтійскомъ заводѣ морского министерства, Черниговское Александровское городское ремесленное училище, Саратовское городское ремесленное училище, Елисаветпольское Михайловское ремесленное училище, Двинское ремесленное училище, Варшавское ремесленное училище Кина, Харьковское городское ремесленное училище, Тамбовское городское ремесленное училище, Одесское ремесленное училище общества «Трудъ», Кишиневское Александровское ремесленное училище и Иркутское ремесленно-воспитательное заведеніе Трапезникова".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 4-го іюля 1906 г., № 162, ст. 1003).

15. (22-го апрѣля 1906 года). *О предоставленіи ученикамъ учрежденнаго статскимъ совѣтникомъ Мансфельдомъ въ Москвѣ училища иностранныхъ торговыхъ корреспондентовъ, по отбыванію воинской повинности, правъ, присвоенныхъ лицамъ, прошедшимъ курсъ учебныхъ заведеній второго разряда.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи ученикамъ

учрежденнаго статскимъ совѣтникомъ Мансфельдомъ въ Москвѣ училища иностранныхъ торговыхъ корреспондентовъ, по отбыванію воинской повинности, правъ, присвоенныхъ лицамъ, прошедшимъ курсъ учебныхъ заведеній второго разряда, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о предоставленіи ученикамъ учрежденнаго статскимъ совѣтникомъ Мансфельдомъ въ Москвѣ училища иностранныхъ торговыхъ корреспондентовъ, по отбыванію воинской повинности, правъ, присвоенныхъ лицамъ, прошедшимъ курсъ учебныхъ заведеній второго разряда, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Ученикамъ, окончившимъ курсъ основаннаго въ Москвѣ статскимъ совѣтникомъ Мансфельдомъ училища иностранныхъ торговыхъ корреспондентовъ, предоставляются, по отбыванію воинской повинности, права, присвоенныя лицамъ, окончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 1004).

16. (22-го апрѣля 1906 года). *О предоставленіи ученикамъ низшихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи ученикамъ низшихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта гр. *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго

просвѣщенія о предоставленіи ученикамъ низшихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: „Поступленіе на службу въ войска по вынутому жребію отсрочивается ученикамъ низшихъ техническихъ училищъ для окончанія образованія, въ случаѣ заявленнаго ими желанія, до достиженія двадцати двухъ лѣтъ отъ роду".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же. ст. 1005).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(2-го іюня 1906 года, № 43). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ гражданскаго права, статскій совѣтникъ *Шершеневичъ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ торговаго права и торговаго судопроизводства.

Назначаются: окружные инспекторы Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Владиміровъ* и *Охрѣменко* и директоръ Варшавской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Браиловскій*, Владиміровъ—инспекторомъ училищъ города Варшавы, а Охрѣменко и Браиловскій—начальниками учебныхъ дирекцій: первый—Холмской, а второй—Плоцкой; директоръ Варшавской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ *Косминскій*—окружнымъ инспекторомъ Варшавскаго учебнаго округа; директоръ Казанской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Спасскій* и директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милославскій*—одинъ на мѣсто другого; преподаватели, исполняющіе обязанности инспектора: Бѣльской гимназіи, статскій совѣтникъ *Эльмановичъ* и средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, инженеръ-технологъ, коллежскій ассессоръ *Коробовъ*—директорами: первый—Коломенской гимназіи, а второй—Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, изъ нихъ Коробовъ—съ 1-го февраля.

Перемѣщаются: директоры гимназій: Варшавской пятой, статскій

совѣтникъ *Бржезинскій* и Радомской, статскій совѣтникъ *Цвѣтковъ*—директорами Варшавскихъ гимназій: Бржезинскій—первой, а Цвѣтковъ—четвертой; директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, статскій совѣтникъ *Покровскій*—директоромъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цапенко*, за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Тульской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Радецкій*, съ 12-го мая.

По Виленскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Брестской гимназіи *Шантыръ*—съ 21-го ноября 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Виленской губерніи *Ярушевичъ*—съ 10-го ноября 1905 г.; преподаватели гимназій: Виленской 1-й, *Мазиковъ*—съ 5-го ноября 1905 г., Минской, *Воиновъ*—съ 1-го декабря 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Минской губерніи *Русецкій*—съ 1-го ноября 1904 г.; преподаватели гимназій: Ковенской, *Климонтовичъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Минской, *Медвѣдевъ* — съ 16-го августа 1904 г., Шавельской, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1904 г., Бѣлостокскаго реальнаго училища: *Мазлумовъ*—съ 28-го ноября 1902 г. и *Бунимовичъ*—съ 16-го ноября 1902 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Матвѣевъ*—съ 1-го августа 1905 г.; преподаватель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Голосановъ*—съ 15-го августа 1905 г.; учитель-инспекторъ Копыскаго городского училища *Лихнякевичъ*—съ 11-го декабря 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: преподаватель Ковенской гимназіи *Ивановъ*—съ 14-го декабря 1904 г.; учитель городского при Виленскомъ учительскомъ институтѣ училища *Жабинскій*—съ 3-го ноября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Бѣлостокскаго реальнаго училища *Недѣльскій*—съ 9-го октября 1905 г.; учитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Вагинъ*—съ 15-го февраля 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: преподаватель Брестской гимназіи *Яцинскій*— съ 26-го апрѣля 1901 г.; учитель Виленскаго 2-го городского училища *Березко*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель начальнаго при Виленскомъ еврей-

скомъ учительскомъ институтѣ училища *Егоровъ*—съ 16-го августа 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: преподаватель Брестской гимназіи *Гейнце*—съ 1-го января 1902 г.; и штатный учитель Новогрудскаго городского училища *Демидовичъ*—съ 1-го августа 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: старшій учитель Лидскаго приходского училища *Голубовичъ*—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: преподаватели: мужскихъ гимназій: Брестской, *Гиргасъ*—съ 1-го января 1902 г., Шавельской, *Лукашевичъ*—съ 11-го октября 1901 г. и Бѣлостокской женской, *Рудаковъ*—съ 26-го августа 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Шавельской гимназіи *Козловъ*—съ 16-го іюня 1901 г.; сверхштатные учителя Новогрудскаго городского училища: *Дубковъ*—съ 1-го ноября 1900 г. и *Мацуевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Виленской 2-й гимназіи, нынѣ письмоводитель той же гимназіи *Другаченокъ*—съ 1-го августа 1900 г.

(10-го іюня 1906 года, № 45). *Назначаются*: экстраординарные профессоры Императорскаго Юрьевскаго университета: докторъ политической экономіи, статскій совѣтникъ *Миклашевскій* и докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, статскій совѣтникъ *Мазингъ*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—политической экономіи и статистики, а второй—сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій; адъюнктъ-профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: магистръ минералогіи и геогнозіи, титулярный совѣтникъ *Самойловъ* и инженеръ-технологъ, титулярный совѣтникъ *Аловъ*—профессорами того же института: первый—по минералогіи и геологіи, а второй—по сельско-хозяйственнымъ машинамъ и орудіямъ; директоръ Плоцкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Михальскій* и инспекторъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи, статскій совѣтникъ *Теодоровичъ*—начальниками учебныхъ дирекцій: первый Калишской, а второй—Радомской; инспекторъ народныхъ училищъ Сорокскаго и Хотинскаго уѣздовъ, Бессарабской губерніи, статскій совѣтникъ *Левицкій*—директоромъ Байрамчской учительской семинаріи.

Утверждается профессоръ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Блуменау*—членомъ попечительнаго комитета того же института, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

Перемѣщается начальникъ Калишской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Костылевъ*—начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекціи.

По Императорской Публичной Библіотекѣ. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, старшій помощникъ библіотекаря *Кайдаловъ*—съ 23-го марта 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, младшій помощникъ библіотекаря *Губеръ*—съ 1-го декабря 1905 г.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Тамбовской губерніи, *Соколинскій*—съ 23-го марта 1905 г., Пензенской губерніи, *Лебедянскій*—съ 13-го іюня 1905 г.; учителя: гимназій: Корочанской Александровской, *Поляевъ*—съ 31-го августа 1905 г., Пензенской 1-й, *Новохацкій*—съ 17-го августа 1905 г. и Харьковскаго реальнаго училища, *Дробязко*—съ 15-го октября 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, *Мирошниченко*—съ 7-го ноября 1901 г.; преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Миловичъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; учителя гимназій: Харьковской 1-й, *Пономаревъ*—съ 23-го августа 1905 г., Пензенской, 1-й: *Макаровъ*—съ 27-го іюня 1905 г. и *Ризниковъ* — съ 9-го сентября 1905 г., Таганрогской, фонъ-*Фолькманъ*—съ 21-го апрѣля 1903 г., женскихъ: Харьковской Е. Н. Драшковской, *Уваровъ*—съ 15-го ноября 1905 г., Таганрогской Маріинской, *Глѣбовъ*—съ 24-го марта 1902 г., Нахичеванской на Дону „Екатерининской“, *Антоновъ*—съ 19-го декабря 1904 г. и *Гусиковъ*—съ 25-го іюня 1905 г.; завѣдывающій механическими мастерскими и руководитель занятій учениковъ въ мастерскихъ Таганрогскаго средняго восьмиклассяаго техническаго училища *Науюльныхъ*—съ 1-го декабря 1905 г.; врачи: Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища, *Поповъ* (бывшій)—съ 28-го іюля 1905 года и Спасскаго городского училища, Тамбовской губерніи, *Поздняковъ*—съ 28-го февраля 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя гимназій: Тамбовской, *Щигровскій*—съ 5-го августа 1904 г., Курской 2-й женской, *Новиковъ*—съ 21-го января 1904 г.; завѣдывающій мастерскими Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища *Хоткевичъ*—съ 1-го ноября 1903 г.; учитель-инспекторъ Лунинскаго городского училища, Пензенской губерніи, *Земсковъ*—съ 10-го августа 1905 г.; учитель Харьковскаго реальнаго училища *Пыпьевъ*—съ 26-го октября 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Борисоглѣбской Александровской гимназіи, *Веселовскій*—съ 3-го декабря 1905 г., Харьковскаго реальнаго училища, *Хараковъ*—съ 11-го мая

1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Шацкаго, Тамбовской губерніи, *Черменскій* (исправляющій должность)—съ 21-го октября 1905 г. и Воронежскаго, *Трофимовъ* (исправляющій должность сверхштатнаго)—съ 1-го февраля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: экономъ Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища *Зимовновъ*—съ 28-го сентября 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ Ростовскаго-на-Дону „Петровскаго“ реальнаго училища: *Васильевъ*—съ 11-го сентября 1905 г. и *Тимошевскій*—съ 1-го января 1905 г. и учитель приготовительнаго класса Бобровской мужской прогимназіи *Морозовъ*—съ 1-го ноября 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель-инспекторъ Александровско-Грушевскаго городского училища, Донской области, *Жирковскій*—съ 28-го сентября 1899 г.; помощникъ инспектора студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Остаповъ*—съ 22-го сентября 1905 г.; экономъ пансіона при Пензенской 1-й гимназіи, *Евпловъ*—съ 9-го іюля 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Борисоглѣбской Александровской, *Бѣльскій*—съ 11-го декабря 1901 г., Пензенской 1-й, *Кутузовъ*—съ 28-го января 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Тамбовской губерніи: Спасскаго, *Бондаревъ*—съ 23-го августа 1901 г. и *Кушниръ-Якименко*—съ 1-го февраля 1899 г., Лебедянскаго, *Литвиненко*—съ 10-го іюля 1902 г., Нижне-Ломовскаго, Пензенской губерніи, *Бѣликовъ*—съ 24-го октября 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Петровскій*—съ 12-го ноября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ростовскаго-на-Дону „Петровскаго“ реальнаго училища *Данилевскій*—съ 30-го января 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ классныхъ наставниковъ Каменскаго реальнаго училища *Сазоновъ* съ 25-го августа 1905 г.; учителя приходскихъ училищъ: 2-го Козловскаго, Тамбовской губерніи, *Спиридоновъ*—съ 15-го октября 1905 г.; Донской области: Слободского, *Бѣлоусовъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Пиховскаго, *Гуковъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Кутейниковскаго, *Ефимовъ*—съ 1-го октября 1905 г., Нижне-Чирскаго, *Зеленскій*—съ 21-го августа 1905 г., Атаманскаго, *Ирошенко* и Пятиизбянскаго, *Серпокрыловъ*, оба—съ 1-го сентября 1905 г., Гурѣевскаго, *Секретевъ*—съ 1-го марта 1905 г. и Павловскаго, *Якушевъ*—съ 4-го ноября 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводитель Ахтырской гимназіи *Акимовъ*—съ 6-го августа 1905 г.; учителя приходскихъ училищъ: Тамбовской губерніи: Елатомскаго, *Герасимовъ*—съ 7-го

января 1904 г., Борисоглѣбскаго, *Романовскій*—съ 15-го апрѣля 1902 г., Пензенскаго 2-го, *Никифоровъ*—съ 18-го октября 1905 г., Донской области: Платневскаго, *Архиповъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Иловлинскаго, *Бѣликовъ*—съ 28-го ноября 1903 г., Кумылженскаго: *Житиневъ*, *Крымцевъ* и Шумилинскаго, *Коломыйцевъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1905 г., Жуковскаго, *Поповъ*—съ 20-го августа 1894 г. и Керченскаго, *Сивоволовъ*—съ 1-го сентября 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя гимназій: Тамбовской, *Андреевъ*—съ 12-го марта 1901 г., Пензенской 1-й: *Троицкій*—съ 28-го іюня 1901 г. и *Цили*—съ 23-го октября 1901 г.; женскихъ: Курской 2-й, *Барановъ*—съ 5-го октября 1901 г., Козловской, *Широковъ*—съ 11-го сентября 1899 г., Пензенской 1-й, *Спрыгинъ*—съ 4-го сентября 1901 г., Бобровской прогимназіи, *Моревъ*—съ 10-го августа 1901 г.; преподаватели: Таганрогскаго средняго восьмиклассная техническаго училища, *Лагутинскій*—съ 9-го ноября 1901 г. и Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища, *Поповъ*—съ 16-го сентярбя 1900 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ Таганрогской гимназіи *Самохинъ*—съ 16-го ноября 1898 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: Новочеркасской гимназіи, *Бондаревъ*—съ 22-го августа 1901 г., Тамбовскаго реальнаго училища, *Афанасьевъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Воронежскаго, *Дмитріевъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюня 1901 г., Козловскаго, Тамбовской губерніи, *Павловъ*—съ 14-го августа 1901 г. и Ростовскаго-на-Дону, Донской области, *Калмыковъ*—съ 1-го августа 1901 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель Славянскаго городского училища, Харьковской губерніи, *Марченко*—съ 5-го мая 1901 г.

(17-го іюня 1906 года, № 46). *Утверждается*, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Родзянко*—вновь почетнымъ попечителемъ Екатеринославскаго перваго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Умершій, исключается изъ списковъ, ординарный академикъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, совѣщательный членъ медицинскаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Овсянниковъ*, съ 29-го мая.

По Императорскому клиническому институту великой княгини Елены Павловны. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: сверхштатный асси-

стентъ, докторъ медицины *Орбантъ*—съ 11-го октября 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатные ассистенты, лѣкаря: *Шимановскій*, *Выводскій*, *Ваништейнъ* и *Каневскій*, всѣ четверо—съ 11-го октября 1904 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели: Гельсингфорсской Александровской гимназіи, *Терентьевъ*—съ 1-го декабря 1905 г., Новгородскаго реальнаго училища, *Лебедевъ*—съ 23-го октября 1905 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи *Лосевъ*—съ 17-го августа 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 5-й: *Ястребовъ*—съ 1-го сентября 1904 г. и *Метевскій*—съ 1-го октября 1905 г., Введенской, *Глушковъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: 1-го, *Стадницкій*—съ 3-го декабря 1905 г., Гуревича (сверхштатный) *Страховскій*—съ 1-го ноября 1904 г., Охтенскаго механико-техническаго училища, *Грушинъ*—съ 11-го іюля 1905 г., С.-Петербургскаго учительскаго института, *Березовскій*—съ 3-го марта 1905 г.; смотритель зданій и экзекуторъ технологическаго института Императора Николая I *Андреяновъ* — съ 26-го сентября 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощникъ инспектора студентовъ технологическаго института Императора Николая I *Высокоостровскій*—съ 24-го ноября 1905 г. и преподаватель сего института *Горленскій* — съ 25-го іюня 1905 г.; преподаватели: гимназій: С.-Петербургскихъ: 1-й, *Уразовъ*—съ 28-го сентября 1905 г., 5-й: *Ушаковъ* — со 2-го декабря 1902 г. и *Эльстеръ*—съ 1-го октября 1904 г., Псковской *Порфиридовъ* — съ 19-го января 1905 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: 2-го, *Гиммельманъ*—съ 1-го ноября 1905 г., доктора Видемана, *Лобовъ*—съ 15-го сентября 1903 г., С.-Петербургскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, *Радазевскій*—съ 1-го августа 1904 г., С.-Петербургскаго училища при реформатскихъ церквахъ, *Жидэ*—съ 4-го февраля 1905 г.; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи *Красиковъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Выборгскаго, *Кашинъ* — съ 11-го октября 1905 г., Гатчинскаго, *Гавриловъ*—съ 1-го іюня 1905 г., Вытегорскаго, *Смолепцевъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; воспитатель С.-Петербургской 1-й гимназіи *Сонкинъ*—съ 1-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: исправляющій должность воспитателя при пансіонѣ С.-Петербургской гимназіи Гуревича

Ламбинъ—съ 7-го апрѣля 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургской Введенской гимназіи, *Сидоровъ*—съ 4-го сентября 1905 г., Новгородскаго реальнаго училища, *Любимовъ* — съ 22-го сентября 1905 г.; учителя городскихъ училищъ С.-Петербургскихъ: Андреевскаго, *Комаровъ*—съ 30-го сентября 1904 г., Свято-Троицкаго, *Галанинъ*—съ 1-го августа 1903 г., Нарвскаго, *Викторовъ*—съ 1-го ноября 1903 г.; учитель Гельсингфорсскаго русскаго народнаго училища *Рыбаковъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской Ларинской, *Олиференко*—съ 15-го февраля 1904 г., Псковской, *Никитинъ*—съ 15-го ноября 1904 г.; сверхштатный учитель С.-Петербургскаго Коломенскаго городского училища *Жеребцовъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Псковской гимназіи *Михайловъ*—съ 1-го января 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: экзекуторъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Кононовичъ* — съ 1-го іюня 1904 г.; письмоводитель С.-Петербургскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны *Левенъ*—съ 1-го февраля 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, письмоводитель Великоустюгской гимназіи *Лаурсонъ*—съ 1-го января 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, преподаватель технологическаго института Императора Николая I *Порай-Кошицъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; *коллежскаго ассессора*: преподаватели: С.-Петербургскихъ гимназій: 1-й, *Крогіусъ*—съ 18-го сентября 1901 г., 3-й, *Вистъ*—съ 20-го августа 1901 г., Введенской, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1901 г., Новгородской, *Петровъ*—съ 28-го іюня 1901 г., С.-Петербургскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра: *Эрлеманъ* — съ 1-го іюля 1901 г. и *Карлбломъ*—съ 18-го сентября 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Вилямовскій*—съ 6-го марта 1901 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Благовѣщенскаго, *Мякотинъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Царскосельскаго, *Шушеринъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Торопецкаго, *Тихомировъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; *коллежскаго регистратора:* домашніе учителя: *Семеко*—съ 1-го сентября 1905 г., *Ткаченко*—съ 7-го марта 1904 г., *Башкирцевъ*—съ 14-го іюля 1904 г., *Гороховъ* — съ 14-го декабря 1904 г. и *Сѣмашкинъ* — съ 1-го іюня 1903 г.

(24-го іюня 1906 года, № 48). По Московскому учебному округу.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи *Цуриковъ*—съ 24-го января 1906 г.; преподаватель по построенію паровозовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Марковъ*—съ 16-го декабря 1905 г.; учителя: реальныхъ училищъ при реформатской церкви, въ Москвѣ, *Сакулинъ*—съ 13-го августа 1905 г., Нижегородскаго Владимірскаго, *Линдеманъ*—съ 12-го ноября 1905 г., Орловскаго Александровскаго, *Зейтцъ*—съ 4-го ноября 1905 г., Тульскаго, *Эльмановичъ*—1-го января 1906 г. и Петропавловскаго мужского училища въ Москвѣ: *Зейцъ*—съ 23-го ноября 1905 г. и *Миллеръ*—съ 16-го ноября 1905 г.; воспитатель Калужскаго дворянскаго Императора Александра II пансіонъ-пріюта *Знаменскій*—съ 13-го октября 1905 г.; старшій надзиратель Комиссаровскаго техническаго училища *Наумовъ*—съ 12-го ноября 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Костромской губерніи, *Карисвъ*—съ 1-го августа 1905 г.; Смоленской губерніи, *Воробьевъ*—съ 1-го августа 1905 г.; лаборантъ при каѳедрѣ химической технологіи минеральныхъ веществъ Императорскаго техническаго училища *Бочваръ*—съ 30-го октября 1905 г.; учителя гимназій: Коломенской, *Павловъ*—съ 1-го августа 1905 г., Московской 2-й, *Мейеръ*—съ 13-го апрѣля 1904 г., Нижегородской, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1905 г.; воспитатель пансіона Московской 2-й гимназіи *Покровскій*—съ 13-го ноября 1904 г.; учитель, исполняющій обязанности инспектора Скопинскаго реальнаго училища *Воскресенскій*—съ 25-го августа 1905 г.; учителя реальныхъ училищъ: частнаго Воскресенскаго, въ Москвѣ, *Сливицкій*—съ 31-го декабря 1905 г. и Скопинскаго, *Россовъ*—съ 1 августа 1905 г.; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Корепановъ*—съ 1-го ноября 1905 г.; учитель-инспекторъ Мышкинскаго городского трехкласснаго училища *Левченковъ*—съ 13-го октября 1902 г.; учителя частныхъ женскихъ гимназій, въ Москвѣ: Гельбигъ, *Ушаковъ*—съ 6-го ноября 1904 г. и Шписсъ, *Косминковъ*—съ 26-го февраля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: лаборантъ при химической лабораторіи Императорскаго Московскаго техническаго училища *Киригъ*—съ 9-го ноября 1905 г.; учителя гимназій: Владимірской, *Рябинкинъ*—съ 1-го января 1904 г., Елецкой, *Покровскій*—съ 1-го сентября 1904 г., Московской 4-й, *Андреевъ*—съ 10-го декабря 1903 г. и *Теодоровичъ*—съ 14-го декабря 1905 г., Московской 10-й, *Стрѣльцовъ*—съ 27-го апрѣля 1904 г., Тверской, *Суходольскій*—съ 31-го октября 1904 г. и Орловскаго Александровскаго реальнаго

училища, *Вознесенскій*—съ 10-го октября 1904 г.; преподаватель Касимовскаго средняго семиклассснаго техническаго училища *Гвоздевъ*—съ 1-го декабря 1904 г., завѣдывающій учебными мастерскими того же училища *Ивановъ*—съ 8-го октября 1904 г.; учитель частной женской гимназіи Протопоповой, въ Москвѣ, *Никольскій*—съ 1-го февраля 1905 г.; завѣдывающій Мологскою низшею ремесленною школою *Алексѣевъ*—съ 29-го сентября 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Калужской Николаевской гимназіи *Покровскій*—съ 7-го декабря 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Костромского, *Дроздовъ* — съ 15-го сентября 1905 г.; Орловскаго (сверхштатный) *Ѳивейскій* — съ 1-го января 1906 г., Бѣльскаго: *Александровъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и *Васильевъ*—съ 20-го марта 1903 г., Крапивенскаго (сверхштатный) *Бѣлоруссовъ*—съ 9-го декабря 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель частной женской гимназіи Л. Н. Валицкой, въ Москвѣ, *Вороновъ* — съ 1-го августа 1905 г.; почетный смотритель Калужскаго 2-го городского училища *Архангельскій* —съ 16-го декабря 1905 г.; младшій надзиратель Комиссаровскаго техническаго училища *Сурминъ*—съ 1-го августа 1903 г.; завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Козельской, *Толстоузовъ* — съ 1-го іюля 1902 г., Романово-Борисоглѣбской, *Комаровъ* — съ 22-го іюня 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 7-й гимназіи *Соколовъ*—съ 18-го ноября 1904 г., учителя городскихъ училищъ: Карачевскаго, *Макаровъ*—съ 25-го октября 1904 г.; Крапивенскаго, *Чеплевскій*—съ 12-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Ивановъ*—съ 8-го октября 1905 г.; почетный смотритель Мещовскаго городского училища *Кашкинъ*—съ 19-го декабря 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Орловской 1-й, *Орловъ*—съ 16-го октября 1903 г., Рыбинской, *Красносельскій*—съ 1-го апрѣля 1903 г., частныхъ реальныхъ училищъ, въ Москвѣ: при реформатской церкви, *Снѣговъ*—съ 18-го августа 1903 г., Воскресенскаго, *Морозовъ* — съ 12-го августа 1903 г.; письмоводитель Вяземской Императора Александра III гимназіи, смоленскаго земства, *Поповъ*—съ 10-го декабря 1905 г.; дѣлопроизводитель при директорѣ народныхъ училищъ Тульской губерніи *Мерцаловъ*—съ 6-го декабря 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Костромского, *Горячкинъ*—съ 20-го августа 1903 г., Галичскаго, *Корольковъ*—съ 27-го мая 1905 г., Нерехтскаго, *Градусовъ*—съ 1-го августа 1902 г., Кинешемскаго: *Филиновъ*—съ 1-го сентября 1903 г. и *Маклашинъ* — съ 1-го января 1904 г., Солигалич-

скаго, *Рощинъ*—съ 19-го сентября 1899 г., Чухломскаго, *Калинниковъ* — съ 18-го августа 1903 г., Юрьевецкаго, Городо-Миндовскаго (сверхштатный) *Мухинъ* — съ 26-го октября 1895 г., Карачевскаго (сверхштатный) *Зубцовъ*—съ 1-го іюня 1903 г., Юхновскаго, *Халиловскій*—съ 18-го августа 1903 г., Любимскаго, *Макіеевъ* — съ 1-го января 1903 г.; преподаватель приготовительнаго класса частнаго реальнаго училища при реформатской церкви, въ Москвѣ, *Исаковъ*—съ 6-го декабря 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводитель и бухгалтеръ Московской 2-й гимназіи *Звѣревъ*—съ 26-го августа 1905 года; учитель (бывшій помощникъ учителя) Брянскаго 1-го городского училища *Кодинъ*—съ 20-го августа 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища *Никольскій*—съ 1-го августа 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель-завѣдывающій Мирохановскимъ одноклассныть сельскимъ приходскимъ училищемъ *Успенскій*—съ 15-го сентября 1905 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Орловскаго, *Ивановъ*—съ 4-го ноября 1901 г., Дмитровскаго, *Королевъ*—съ 1-го октября 1903 г.; домашній учитель Московской дирекціи народныхъ училищъ *Нестеровъ*—съ 1-го января 1905 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Костромского 1-го Александровскаго (завѣдывающій) *Крыловъ*—съ 28-го января 1906 г. и *Кутузовъ*—съ 14-го декабря 1905 г., Кинешемскаго, *Цвѣтковъ*—съ 1-го іюля 1903 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета *Недзвецкій*—съ 22-го января 1898 г., по степени доктора медицины: лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Виноградовъ*—съ 20-го октября 1905 г.; учителя: гимназій: Калужской, Николаевской, *Семеновскій*—съ 21-го декабря 1901 г., Коломенской, *Беръ*—съ 11-го октября 1901 г., Московской 2-й (сверхштатный) *Глики*—съ 29-го ноября 1901 г., Московской 7-й, *Готвальтъ*—съ 1-го августа 1901 г., Орловской 1-й, *Петровъ*—съ 28-го іюня 1901 г., Сергіево-Посадской, *Колоколовъ*—съ 19-го ноября 1901 г., Рославльской прогимназіи, *Сергѣевъ* — съ 27-го іюля 1899 г., реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Блюмъ* — съ 1-го августа 1901 г., Иваново-Вознесенскаго, *Корякинъ*—съ 18-го декабря 1901 г., Тверского, *Юферовъ*—съ 1-го августа 1901 г.; бывшій преподаватель Асхабадской гимназіи, нынѣ штатный воспитатель Костромского дворянскаго пансіонъ-пріюта *Невзоровъ*—съ 18-го іюля 1900 г.; учитель

Бѣжецкой женской гимназіи *Максаковъ*—съ 27-го декабря 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачи: Верейскаго городского училища, *Гамбурцевъ*—съ 13-го августа 1901 г. и казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы, *Креніонъ*—съ 15-го января 1901 г., оба по степени лѣкаря; завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Коломенской, имени бр. Шаниныхъ, *Гроховскій*—съ 24-го августа 1899 г., Выѣздно-Слободской, *Винокуровъ*—съ 21-го августа 1901 г. и Радуговщинскою, *Макѣевъ*—съ 1-го октября 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета *Лебеденко*—съ 28-го декабря 1904 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; помощники классныхъ наставниковъ: Нижегородской гимназіи, *Красотскій*—съ 4-го декабря 1901 г. и Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Лавровъ*—съ 26-го октября 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Мещовскаго, *Филипповъ*—съ 1-го января 1901 г., 2-го Московскаго, *Аксеновъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Серпуховскаго, *Смирдинъ*—съ 16-го сентября 1901 г., Горбатовскаго, *Костыковъ*—съ 21-го августа 1901 г., Тульскаго 1-го, *Пучковъ*—съ 1-го октября 1900 г., сверхштатные: Елецкаго, *Дементьевъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и Серпуховскаго, *Ѳедоровъ*—съ 14-го іюля 1901 г.; *коллежскаго регистратора*: преподаватель чистописанія частной женской гимназіи Перепелкиной, въ Москвѣ, *Пашковъ*—съ 18-го октября 1901 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Чухломскаго, *Соколовъ*—съ 1-го декабря 1901 г. и Ярославскаго, *Троицкій*—съ 5-го сентября 1897 г.

Опредѣляются на службу, изъ отставныхъ: статскіе совѣтники: докторъ гражданскаго права *Муромцевъ* и докторъ государственнаго права *Ковалевскій*—сверхштатными ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Московскаго, по каѳедрѣ гражданскаго права, а второй—С.-Петербургскаго, по каѳедрѣ государственнаго права.

Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ римскаго права, статскій совѣтникъ *Петражицкій* — сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ энциклопедіи права и исторіи философіи права, съ 27-го апрѣля; преподаватель Минской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зубакинъ* — директоромъ частной гимназіи Зубакина и Фальковича, въ городѣ Минскѣ.

Утверждается ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи, статскій совѣтникъ *Мензбиръ*—

помощникомъ ректора того же университета, согласно избранію, съ 19-го мая.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, директоръ частнаго коммерческаго училища Г. Ѳ. Файга, въ городѣ Одессѣ, статскій совѣтникъ *Миттельштейнеръ*, съ утвержденіемъ его директоромъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла, въ городѣ Одессѣ, согласно избранію.

Перемѣщаются: директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, статскій совѣтникъ *Флеровъ* — директоромъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи; директоръ Вятской гимназіи, статскій совѣтникъ *Павловъ* — директоромъ Самарской гимназіи; директоры реальныхъ училищъ: Елабужскаго, статскій совѣтникъ *Розовъ* и Слободского, статскій совѣтникъ *Ложкинъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Слободского, а второй—Сызранскаго.

Оставляется за штатомъ директоръ Варшавской частной мужской гимназіи генералъ-лейтенанта П. П. Хржановскаго, статскій совѣтникъ *Волковскій*, съ 1-го сентября 1905 г., по случаю закрытія названной гимназіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ государственнаго права, коллежскій совѣтникъ *Новгородцевъ*, съ 27-го апрѣля.

Умершій исключается изъ списковъ, членъ совѣта министра тайный совѣтникъ *Вессель*, съ 3-го іюня.

(1-го іюля 1906 года, № 51). *Назначаются*: состоящій за штатомъ директоръ бывшей Варшавской частной мужской гимназіи генералъ-лейтенанта П. П. Хржановскаго, статскій совѣтникъ *Волковскій* и преподаватель Московской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ *Шамонинъ* — директорами гимназій: первый — Радомской, второй — Костромской; приватъ-доцентъ и лаборантъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи, коллежскій совѣтникъ *Львовъ*— экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ зоологіи.

Утверждаются, согласно избранію: кандидатъ юридическихъ наукъ *Савельевъ*, потомственный почетный гражданинъ *Павловъ*, коллежскій секретарь *Меморскій* и купецъ 2-й гильдіи *Тютинъ*—почетными попечителями: первый—Нижегородской гимназіи, второй—вновь Шуйской гимназіи, третій — вновь Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища и послѣдній — Канавинской прогимназіи, всѣ на три года.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ хирургической патологіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Спижарный* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ факультетской хирургической клиники; дѣйствительные статскіе совѣтники, директоры: Костромской гимназіи, *Стовичекъ* и Поневѣжскаго реальнаго училища, *Лебедевъ* — директорами: первый Шуйской гимназіи, а второй — Могилевскаго Александровскаго реальнаго училища, изъ нихъ Лебедевъ съ 1-го іюля.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока, директоръ Полтавскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дюблевскій-Дзюбенко*, съ 1-го іюля, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ: директоры: Шуйской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Невзоровъ*, С.-Петербургскихъ частныхъ гимназій и реальнаго училища К. Мая, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кракау*, Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милашевичъ* и Симферопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Андреевъ*, изъ нихъ: Милашевичъ съ 1-го іюля, за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ, а Андреевъ съ 1-го іюня; согласно прошеніямъ, по болѣзни: директоры: Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Словцовъ*, съ 1-го іюля, и народныхъ училищъ Иркутской губерніи, статскій совѣтникъ *Заостровскій*, съ 7-го іюня, оба съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными, изъ нихъ послѣдній и за выслугою срока.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи *Орловъ*—съ 1-го октября 1904 г.; преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Варшавской 2-й мужской гимназіи, *Покровскій*—съ 23-го октября 1905 г., Калишской мужской гимназіи, *Яновскій* — съ 7-го января 1906 г. и Варшавскаго реальнаго училища *Ходзицкій*—съ 1-го января 1906 г.; инспекторъ-руководитель Ленчицкой учительской семинаріи *Дурденевскій*—съ 1-го августа 1905 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Лошевскій*—съ 1-го августа 1905 г., Варшавской 6-й, *Тимашевъ*—съ 9-го октября 1905 г., Петроковской: *Жмайтисъ*—съ 1-го октября 1905 г. и *Корзинъ*—съ 10-го іюля 1905 г., Люблинской, *Лефебръ* — съ 4-го марта 1904 г., Ломжинской, *Рейнвальдъ*—съ 15-го

ноября 1905 г., реальныхъ училищъ: Калишскаго, *Титовъ*—съ 1-го ноября 1904 г., Варшавскаго реальнаго училища: *Габшевичъ*—съ 26-го сентября 1905 г., *Домбровскій* и *Ростовцевъ*, оба—съ 1-го сентября 1905 г., учительскихъ семинарій: Андреевской, *Смирновъ* — съ 1-го августа 1905 г. и Ленчицкой, *Павловскій*—съ 1-го января 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ Варшавской четырехклассной мужской прогимназіи *Францевъ* — съ 1-го августа 1905 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Варшавской 3-й мужской гимназіи *Замотинъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учителя: мужскихъ гимназій Варшавской частной генералъ-лейтенанта Хржановскаго. *Ижакъ*—съ 31-го мая 1905 г., Пражской, *Глинскій*—съ 20-го марта 1905 г., Варшавской 2-й, *Тредіаковскій*—съ 1-го октября 1902 г., Варшавской 6-й, *Явдыкъ*—съ 22-го сентября 1903 г., Пултуской, *Арашкевичъ*—съ 1-го августа 1905 г., Сѣдлецкой, *Соловьевъ*—съ 23-го сентября 1905 г., Маріампольской, *Миленскій*—съ 16-го августа 1905 г., Ломжинской, *Долинскій* — съ 1-го сентября 1905 г. и Варшавской шестиклассной прогимназіи, *Бецъ*—съ 6-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Татариновъ*—съ 18-го іюля 1904 г., Варшавской 5-й: *Барсовъ* — съ 1-го августа 1902 г. и *Никольскій*—съ 1-го сентября 1903 г., Пултуской, *Гринагель* — съ 8-го апрѣля 1903 г., Ченстоховской, *Неаполитанскій* — съ 1-го августа 1903 г., Радомской, *Богдановскій*—съ 7-го сентября 1904 г., женскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Архангельскій*—съ 1-го января 1905 г. и *Баранъ*—съ 15-го августа 1902 г., Сувалкской, *Промысловъ*—съ 13-го октября 1905 г., реальныхъ училищъ: Варшавскаго частнаго Гурскаго, *Вышеславцевъ*—съ 1-го октября 1904 г. и *Розмысловскій* — съ 18-го іюня 1905 г., Ловичскаго, *Ковалевскій* — съ 6-го ноября 1903 г., Калишскаго, *Рейманъ*—съ 1-го августа 1903 г., Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища: *Каришневъ* — съ 7-го декабря 1904 г. и *Кувшиновъ*—съ 1-го августа 1905 г., мужскихъ прогимназій: Варшавской шестиклассной, *Прокоповичъ* — съ 28-го іюня 1905 г. и Сандомирской, *Ивановъ* — съ 15-го октября 1903 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Варшавскаго шестикласснаго, *Романенко* — съ 1-го августа 1903 г. и Томашевскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Андреевъ*—съ 17-го сентября 1901 г., Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Евцехевичъ*—съ 13-го декабря 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Сувалкской мужской гимназіи *Кречетовичъ*—съ 7-го марта 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ

коллежскіе ассессоры: ассистентъ при каѳедрѣ частнаго земледѣлія института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Солоненко*—съ 19-го октября 1902 г., врачъ того же института лѣкарь *Городыскій* — съ 18-го февраля 1902 г., учителя: Варшавской 6-й мужской гимназіи, *Ястребовъ* — съ 25-го сентября 1903 г., Варшавскаго реальнаго училища, *Михайловъ* — съ 1-го августа 1905 г.; Варшавской 3-й женской гимназіи, *Ермаковъ*—съ 24-го августа 1904 г., городскихъ училищъ: Плоцкаго трехклассваго, *Худяковъ*—съ 1-го марта 1905 г. и Луковскаго четырехклассваго, *Горбатенко-Яловый*—съ 25-го ноября 1904 г., приготовительныхъ классовъ: Варшавской 6-й мужской гимназіи, *Семеновъ* — съ 1-го октября 1905 г. и Варшавскаго реальнаго училища, *Махаевъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Варшавской 6-й мужской гимназіи, *Семеновъ*—съ 1-го октября 1905 г. и образцоваго училища при Седлецкой учительской семинаріи, *Тимоѳеевъ* — съ 1-го февраля 1906 г.; архитекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Яблонскій*—съ 31-го декабря 1889 г.; помощники классныхъ наставниковъ, мужскихъ гимназій: Петроковской, *Донецъ*—съ 1-го октября 1905 г., Варшавской частной генералъ-лейтенанта Хржановскаго, *Байдинскій*—съ 1-го іюля 1905 г. и Сѣдлецкой, *Левченковъ*—съ 16-го февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ управляющаго имѣніемъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи *Ясеницкій* — съ 22-го января 1906 г.; помощникъ завѣдывающаго опытною фермой того же института *Сивченко*—съ 21-го февраля 1906 г.; ассистенты того же института при каѳедрахъ: ботаники, *Ганешинъ* — съ 24-го сентября 1905 г. и почвовѣдѣнія, *Смирновъ*—съ 5-го іюня 1905 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета *Карстенъ* — съ 29-го марта 1902 г., сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ неорганической химіи того же университета *Болхонскій* — съ 20-го августа 1904 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Романовъ* — съ 11-го сентября 1905 г. и Калишской *Петровъ*—съ 10-го октября 1904 г., Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Островскій*—съ 22-го января 1905 г., городскихъ училищъ: Варшавскаго шестиклассваго *Криворучкинъ*—съ 1-го августа 1903 г. и *Тибиловъ* — съ 9-го іюня 1901 г., Варшавскаго четырехклассваго, *Апродовъ*—съ 1-го сентября 1903 г., Ленчицкаго двухклассваго, *Гурскій*—съ 10-го сентября 1902 г., приготовительнаго класса Сѣдлецкой мужской гимназіи, *Войцѣховичъ* —съ 16-го апрѣля 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Петроковской, *Хрѣновскій*—

съ 1-го ноября 1903 г. и Ломжинской, *Дулевичъ* — съ 1-го января 1904 г.; письмоводитель Сосновицкаго реальнаго училища *Калисскій*— съ 1-го мая 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: бухгалтеръ Императорскаго Варшавскаго университета *Домбровскій* — съ 21-го апрѣля 1905 г.; учителя: приготовительнаго класса мужскихъ гимназій: Ломжинской, *Дулюкъ*—съ 1-го декабря 1902 г. и Пултуской, *Никифоровъ* — съ 1-го ноября 1903 г., образцовыхъ училищъ: при учительскихъ семинаріяхъ: Вейверской, *Кеслеръ* — съ 1-го сентября 1901 г., Ленчицкой, *Сигневичъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; бывшій учитель образцоваго училища при Вейверской учительской семинаріи, нынѣ учитель 36-го Варшавскаго одноклассного мужского городского начальнаго училища *Войцѣховскій*—съ 1-го августа 1897 г.; письмоводитель Замостской мужской прогимназіи *Ивановъ* — съ 1-го ноября 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: бывшій письмоводитель Варшавской частной мужской гимназіи генералъ-лейтенанта Хржановскаго, нынѣ за штатомъ, *Пашкевичъ* — съ 19-го марта 1906 г.; помощникъ учителя Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Апухтинъ*—съ 1-го февраля 1906 г.; канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя *Штокъ* — съ 1-го мая 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: исправляющій должность помощника библіотекаря Императорскаго Варшавскаго университета *Василевскій*—съ 8-го іюня 1900 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи попечителя *Озеровъ*—съ 1-го мая 1905 г. и бухгалтеръ той же канцеляріи *Дацкевичъ* — съ 1-го сентября 1905 г.; дѣлопроизводители канцелярій учебныхъ дирекцій: Холмской, *Шутовскій*—съ 1-го марта 1903 г. и Ломжинской, *Валинскій* — съ 1-го ноября 1904 г.; бухгалтеръ канцеляріи Калишской учебной дирекціи *Корытовскій*— съ 1-го декабря 1897 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 5-й, *Іосифовъ*—съ 1-го января 1902 г., Прагской, *Фляксбергеръ*—съ 1-го іюня 1900 г., Лодзинской, *Витановскій*—съ 20-го ноября 1901 г., Калишской, коллежскій регистраторъ *Власовъ*—съ 10-го сентября 1901 г., Кѣлецкой, *Друнинъ*— съ 10-го октября 1901 г. и *Купріевичъ* — съ 28-го марта 1902 г., женскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Бѣлорусовъ* — съ 1-го августа 1900 г., Лодзинской, *Недаль*—съ 5-го сентября 1901 г., Сувалкской, *Прозоровскій*—съ 1-го сентября 1901 г., Радомской, *Шабліовскій*—съ 20-го сентября 1900 г., Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Холостенко*—съ 1-го августа 1901 г., Замостской мужской

прогимназіи, *Василенко*—съ 20-го ноября 1904 г.; *титулярнаго совѣтника:* сверхштатные ординаторы Императорскаго Варшавскаго университета при клиникахъ: факультетской терапевтической, *Гродзенскій*—съ 13-го апрѣля 1901 г. и госпитальной терапевтической, *Дудревичъ*—съ 1-го января 1901 г. и бывшіе сверхштатные ординаторы того же университета при клиникахъ: накожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Айрапетянцъ*—съ 20-го марта 1900 г. и гинекологической, *Рейсъ* — съ 1-го января 1894 г., врачи: Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Висневскій* — съ 13-го января 1898 г. и Калишской мужской гимназіи, *Пестржинскій*—съ 1-го января 1902 г., всѣ шестеро по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* ассистенты института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, при каѳедрахъ: зоологіи, *Жукъ*—съ 1-го августа 1905 г., по диплому первой степени Императорскаго университета, частной зоотехніи, *Нестрѣляевъ*—съ 1-го февраля 1905 г., по званію агронома перваго разряда и лѣсоупотребленія съ энциклопедическимъ курсомъ лѣсныхъ наукъ, *Яхонтовъ*—съ 16-го ноября 1904 г., по званію лѣсовода перваго разряда; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 5-й мужской гимназіи *Галайша* — съ 1-го ноября 1901 г.; *губернскаго секретаря*: ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи при каѳедрѣ физіологіи животныхъ *Кронштадтъ*—съ 16-го ноября 1904 г., по званію агронома второго разряда; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета *Сазоновъ*—съ 5-го іюня 1903 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; учителя приготовительныхъ классовъ прогимназій: Грубешовской, *Новоуспенскій* — съ 1-го мая 1901 г. и Замостской, *Коломацкій*—съ 17-го октября 1905 г.; учитель образцоваго училища при Бѣльской учительской семинаріи *Полетыло*—съ 16-го августа 1900 года.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3. (18-го мая 1906 года, № 9919). *По вопросу о правѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній давать частные, за плату, уроки ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они состоятъ преподавателями.*

Въ циркулярномъ предложеніи министерства народнаго просвѣщенія отъ 31-го января 1902 г., за № 3653, было постановлено, что

преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могутъ давать частные, за плату, уроки ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они состоятъ преподавателями, не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по представленію директора учебнаго заведенія, и только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда въ городѣ не окажется преподавателей другихъ учебныхъ заведеній или иныхъ лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ давать частные уроки нуждающимся въ нихъ ученикамъ.

Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, подвергнувъ нынѣ обсужденію означенное распоряженіе, нашелъ, что содержащееся въ немъ ограниченіе не вызывается требованіями дѣйствительности и не находитъ для себя основанія въ законѣ. Посему совѣтъ призналъ желательнымъ, чтобы въ отмѣну указаннаго циркуляра было издано распоряженіе, подтверждающее за преподавателями право давать частные, за плату, уроки ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ сами они состоятъ преподавателями, равно какъ и принимать къ себѣ учениковъ тѣхъ же заведеній въ качествѣ пансіонеровъ, но съ возложеніемъ на преподавателя, принимающаго ученика для занятій или въ пансіонеры, обязанности заявлять о томъ педагогическому совѣту, которому предоставляется въ такомъ случаѣ принимать соотвѣтственныя мѣры къ обезпеченію безпристрастнаго отношенія преподавателя къ своему дѣлу.

Раздѣляя изложенное заключеніе совѣта и питая твердую увѣренность въ томъ, что житейскій и педагогическій тактъ подскажутъ гг. педагогамъ наилучшій способъ къ предупрежденію и устраненію тѣхъ нареканій, опасеніемъ которыхъ былъ вызванъ циркуляръ 31-го января 1902 г., за № 3653, прошу ваше превосходительство въ отмѣну сего циркуляра, сдѣлать по ввѣренному вамъ учебному округу распоряженіе объ установленіи вышеизложеннаго порядка, предложеннаго совѣтомъ министра.

4. (22-го мая 1906 года, № 10064). *Объ отмѣнѣ съ будущаго 1906—1907 учебнаго года испытаній при гимназіяхъ въ знаніи полнаго ихъ курса за исключеніемъ древнихъ языковъ.*

Согласно дѣйствующему уставу гимназій, Высочайше утвержденному въ 30-й день іюля 1871 г., въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ одновременно съ выпускными испытаніями могутъ быть производимы также испытанія стороннимъ лицамъ изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса за исключеніемъ древнихъ языковъ.

Какъ видно изъ объяснительной записки къ уставу гимназій, означенныя испытанія были допущены (въ 1871 году) въ виду того, что для поступленія въ высшія спеціальныя учебныя заведенія въ то время признавалось достаточнымъ выдержаніе испытанія изъ курса гимназій безъ древнихъ языковъ. Но уже въ 1879 г. министерство народнаго просвѣщенія, исходя изъ того соображенія, что къ тому времени существовало уже 66 реальныхъ училищъ, дающихъ достаточно полное общее образованіе, приспособленное къ пріобрѣтенію техническихъ познаній, между тѣмъ какъ объемъ познаній, ограничивающійся предметами гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ, не можетъ быть признанъ достаточною основою для пріобрѣтенія высшаго спеціальнаго образованія, находило нужнымъ отмѣнить испытанія въ знаніи гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ, о чемъ и вошло съ представленіемъ въ государственный совѣтъ. Но такъ какъ и въ 1879 году было еще не мало мѣстностей, отдаленныхъ отъ городовъ, имѣющихъ реальныя училища, вслѣдствіе чего молодымъ людямъ недостаточнаго состоянія было бы затруднительно ѣздить въ эти послѣдніе города съ единственною цѣлью подвергнуться въ нихъ испытанію изъ курса реальныхъ училищъ, то полная отмѣна вышеозначенныхъ испытаній была признана тогда государственнымъ совѣтомъ преждевременною и производство ихъ было сохранено, однако, лишь въ видѣ временной мѣры и при томъ исключительно въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ реальныхъ училищъ (Св. Зак., т. XI ч. I, уст. учебн. зав., изд. 1893 г., ст. 1502 и примѣчаніе къ ней).

Нынѣ, принимая во вниманіе, что хотя греческій языкъ и установленъ въ большинствѣ гимназій предметомъ необязательнымъ, однако приведенное выше соображеніе о неполнотѣ курса гимназій безъ другого древняго языка (латинскаго) сохраняетъ и въ настоящее время свое значеніе и что теперь, съ повсемѣстнымъ почти распространеніемъ реальныхъ училищъ, нѣтъ достаточныхъ основаній къ продленію дѣйствія изъясненной временной мѣры, тѣмъ болѣе, что выдержаніе экзамена въ объемѣ гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ не даетъ уже права на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ отмѣнить означенныя испытанія, начиная съ будущаго 1906—7 учебнаго года, на осуществленіе каковой мѣры воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 13-й день сего мая.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій.

5. (26-го іюня 1906 г., № 12159). *О порядкѣ выпускныхъ испытаній въ женскихъ спеціальныхъ классахъ новыхъ языковъ Бобрищевой-Пушкиной и о предпочтительномъ пріемѣ на должности преподавательницъ новыхъ языковъ, предъ иными кандидатками, лицъ, окончившихъ курсъ названнаго учебнаго заведенія.*

Учредительница женскихъ спеціальныхъ классовъ новыхъ языковъ Бобрищева-Пушкина обратилась съ ходатайствомъ: 1) о предоставленіи этимъ курсамъ права производить выпускные экзамены по программамъ испытанія на званіе учителя гимназіи по новымъ языкамъ, въ присутствіи представителей отъ учебно-окружного начальства и 2) о выдачѣ тѣмъ изъ выдержавшихъ испытанія, которыя имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ гимназіи или институтѣ, свидѣтельства отъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на право преподаванія нѣмецкаго или французскаго, или англійскаго языковъ во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и младшихъ классахъ мужскихъ гимназій.

Ученый комитетъ министерства, разсмотрѣвъ изложенное ходатайство, пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1) разрѣшить г-жѣ Бобрищевой-Пушкиной производить выпускныя испытанія слушательницамъ ея учебнаго заведенія по программамъ испытанія на званіе учителя гимназіи по новымъ языкамъ, въ присутствіи компетентныхъ представителей отъ округа; 2) лицъ, имѣющихъ званіе домашнихъ учительницы или наставницы и получившихъ отъ учебнаго заведенія г-жи Бобрищевой-Пушкиной, по окончаніи курса сего учебнаго заведенія и выдержаніи испытаній въ указанномъ выше порядкѣ, аттестатъ, засвидѣтельствованный въ управленіи С.-Петербургскаго учебнаго округа, допускать къ преподаванію новыхъ языковъ, какъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, такъ равно и въ младшихъ 4 классахъ мужскихъ гимназій и прогимназій, предпочтительно предъ иными кандидатками, имѣющими лишь званіе домашнихъ учительницы или наставницы.

Соглашаясь съ таковымъ мнѣніемъ комитета, увѣдомляю о семъ ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

V. ПРАВИЛА, УТВЕРЖДЕННЫЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (12-го іюня 1906 года). *Правила о зачетѣ полугодій для полученія выпускного свидѣтельства на факультетахъ: историко-филологическомъ, физико-математическомъ, юридическомъ и восточныхъ языковъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Для полученія выпускного свидѣтельства требуется зачетъ восьми полугодій.

2. Студентъ, желающій получить выпускное университетское свидѣтельство, обязанъ выполнить требованія одного изъ утвержденныхъ для факультета учебныхъ плановъ и подвергнуться испытаніямъ (полукурсовымъ) по тѣмъ предметамъ, которые будутъ установлены для сего соотвѣтствующимъ факультетомъ.

3. Студентъ можетъ приступить къ экзамену лишь по тому предмету, который онъ прослушалъ, своевременно на него записавшись, и по которому онъ выполнилъ обязательныя для него практическія занятія.

4. Полукурсовыя испытанія производятся въ комиссіяхъ, организуемыхъ факультетами и засѣдающихъ въ сроки, опредѣляемые факультетами для каждой комиссіи. Подробныя правила, а также составъ и программы этихъ испытаній устанавливаются факультетами.

5. Оцѣнка испытаній выражается отмѣтками: весьма удовлетворительно и неудовлетворительно.

6. По выполненіи обязательныхъ работъ и выдержаніи экзаменовъ студентъ получаетъ выпускное университетское свидѣтельство, въ которомъ означаются предметы, входящіе въ составъ избраннаго студентомъ учебнаго плана изъ числа утвержденныхъ для соотвѣтственнаго факультета, и удостовѣряются за подписью декана и секретаря факультета, что студентомъ выдержаны экзамены по тѣмъ предметамъ этого плана, которые входятъ въ составъ полукурсовыхъ испытаній, и выполнены всѣ прочія работы, назначенныя для даннаго учебнаго плана согласно постановленіямъ факультета.

2. (12-го іюня 1906 года). *Правила о производствѣ испытаній въ испытательныхъ комиссіяхъ* [1]).

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Для производства испытанія молодымъ людямъ, коимъ зачтено

[1]) Настоящія правила не распространяются на медицинскіе факультеты.

требуемое закономъ число полугодій, при каждомъ изъ россійскихъ университетовъ, управляемыхъ на основаніи устава 1884 г., и при юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета назначаются соотвѣтственныя испытательныя комиссіи.

2. Испытательныя комиссіи состоятъ изъ предсѣдателя и членовъ, число которыхъ опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

3. Предсѣдатель и члены комиссіи назначаются министромъ народнаго просвѣщенія.

4. Предсѣдателю комиссіи предоставляется приглашать соотвѣтственныхъ экзаменаторовъ изъ числа университетскихъ преподавателей, настоящихъ или бывшихъ, какъ штатныхъ, такъ и приватъ-доцентовъ и вообще изъ лицъ, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями по предмету испытаній, въ послѣднемъ случаѣ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

5. Испытательная комиссія можетъ быть раздѣлена, соотвѣтственно составу испытанія, на отдѣлы или комитеты подъ предсѣдательствомъ членовъ комиссіи.

6. Предсѣдатель испытательной комиссіи, кромѣ общаго наблюденія и руководства, имѣетъ право участвовать въ трудахъ каждаго экзаменнаго отдѣла и, если пожелаетъ, предсѣдательствовать въ этихъ отдѣлахъ (комитетахъ).

7. Испытанія производятся въ сроки, назначаемые министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ совѣтами университетовъ, въ помѣщеніяхъ, предоставляемыхъ попечителемъ учебнаго округа и приспособленныхъ къ цѣлямъ испытанія, по соглашенію, въ подлежащихъ случаяхъ, предсѣдателя комиссіи съ ректоромъ университета. О началѣ испытаній и назначенныхъ для нихъ помѣщеніяхъ дѣлаются отъ имени предсѣдателя комиссіи своевременно публикаціи съ указаніемъ адреса предсѣдателя.

8. Желающіе подвергнуться испытанію обязаны подать предсѣдателю комиссіи собственноручно написанное прошеніе о допущеніи къ экзамену, съ указаніемъ того изъ установленныхъ въ данномъ университетѣ учебныхъ плановъ, въ предѣлахъ котораго они желаютъ экзаменоваться, и слѣдующія приложенія:

а) Свидѣтельство о выдержаніи полукурсовыхъ испытаній съ полученными на оныхъ отмѣтками и выпускное университетское свидѣтельство о зачетѣ 8-ми полугодій.

б) Сочиненіе на одобренную факультетомъ тему по одному изъ предметовъ, входящихъ въ составъ факультетскаго преподаванія.

Примѣчаніе. Такое сочиненіе обязательно лишь для присужденія диплома первой степени. Удостоенные за диссертаціи на темы, заданныя факультетомъ, медалей, или почетнаго отзыва, или преміи освобождаются отъ представленія въ комиссію новаго сочиненія. Испытуемому предоставляется также представлять въ комиссію и другіе свои труды, исполненные во время прохожденія курса подъ руководствомъ преподавателей, которые, по усмотрѣнію комиссіи, могутъ быть приняты въ качествѣ обязательнаго сочиненія.

в) Квитанцію казначейства во взносѣ 20 руб. Этотъ взносъ ни въ коемъ случаѣ не возвращается.

9. Въ комиссіяхъ производятся испытанія по тѣмъ предметамъ, по которымъ не установлено полукурсовыхъ испытаній, согласно планамъ, выработаннымъ факультетами и утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

10. Порядокъ испытаній опредѣляется самими комиссіями по принадлежности.

11. Оцѣнка испытаній производится всѣми членами экзаменнаго комитета и выражается отмѣтками: весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно. При раздѣленіи мнѣній членовъ комитета относительно оцѣнки отвѣта, вопросъ разрѣшается по большинству голосовъ.

12. По окончаніи испытаній, комиссія разсматриваетъ полученныя отмѣтки и, на основаніи совокупности экзаменныхъ данныхъ, опредѣляетъ ихъ окончательно. Затѣмъ постановляетъ рѣшеніе о присужденіи диплома первой или второй степени, или же о признаніи экзамена невыдержаннымъ.

Для удостоенія диплома первой степени требуется, чтобы испытуемый ни по одному предмету не получилъ отмѣтки „неудовлетворительно", и чтобы болѣе половины отмѣтокъ, полученныхъ имъ какъ на полукурсовомъ испытаніи, такъ и на испытаніи въ комиссіи, было „весьма удовлетворительно". Для полученія диплома второй степени всѣ отмѣтки должны быть, по крайней мѣрѣ, удовлетворительными.

13. Въ дипломѣ обозначаются: а) имя, отчество, фамилія и званіе получающаго дипломъ; б) перечень предметовъ испытаній полукурсовыхъ и въ комиссіи и результаты оцѣнки испытаній по каждому изъ нихъ; в) перечень правъ, предоставляемыхъ дипломомъ.

Дипломы изготовляются въ канцеляріи попечителя учебнаго округа

и выдаются, по принадлежности, за подписью попечителя учебнаго округа, предсѣдателя испытательной комиссіи и за скрѣпою правителя канцеляріи попечителя. Копіи дипломовъ, вмѣстѣ съ документами, приложенными къ прошеніямъ, хранятся въ канцеляріи попечителя, куда передаются всѣ документы по испытаніямъ послѣ ихъ окончанія.

14. Невыдержавшему испытанія выпускное свидѣтельство возвращается обратно, при чемъ невыдержавшій можетъ подвергнуться испытанію въ новой комиссіи.

15. Получившіе дипломъ второй степени имѣютъ право повторить экзаменъ на дипломъ первой степени на общемъ основаніи.

16. Протоколъ испытанія по каждому изъ комитетовъ ведется по назначенію комиссіи однимъ изъ членовъ комиссіи, участвующихъ въ комитетѣ. Общій протоколъ испытанія составляется подъ наблюденіемъ предсѣдателя комиссіи, по порученію комиссіи, однимъ изъ членовъ оной.

17. Предсѣдатель испытательной комиссіи, по окончаніи испытаній, представляетъ попечителю учебнаго округа отчетъ о дѣятельности комиссіи и о результатахъ произведенныхъ испытаній. Этотъ отчетъ попечитель представляетъ министру народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

I. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Кордс, А.* Теоретическая грамматика французскаго языка. Ч. I. Этимологія. 4-е изданіе. М. 1906. Стр. 86. Цѣна 40 коп.“

— „*Koch, Artur.* Deutsche Schulgrammatik. St.-Pbg. 1906. Teil I. Propädeutische Satzlehre. Wortlehre. VI+108 S. Preis geb. 60 Kop.— Teil. II. Satzlehre. IV+85 Seiten. Preis gebunden 55 Kop.“ (для тѣхъ

среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

— „*Острогорскій, Викторъ*. Краткій учебникъ теоріи поэзіи. М. 1904. Стр. VII+78. Цѣна 50 коп.“

— „*Шалландъ, А*. Полный курсъ французскаго языка. С.-Пб. 1906. 1-й годъ. Изданіе 10-е. Стр. 79. Цѣна 35 коп. — 2-й годъ. Изданіе 8-е. Стр. 100. Цѣна 50 коп.—4-й годъ. Изданіе 4-е. Стр. 110. Цѣна 50 коп.“

— „*Шиле, Хр. А*. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Этимологія, синтаксисъ, ороографія. Русское изданіе. Изданіе кн. маг. I. Дейбнеръ. Рига. 1906. Стр. VIII+83. Цѣна 45 коп.“

— „*Schiele, C*. Kurzgefasste Grammatik der deutschen Sprache für Russen. Etymologie, Syntax, Orthographie. Deutsche Ausgabe. Verlag der I. Deubner' schen Buchhandlung. Riga. 1906. Стр. V+85. Цѣна 45 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Завьяловъ, Н. Н*. Педагогическая хрестоматія. Изданіе Р. I. Нератова. М. 1906. Стр. 498. Цѣна 1 р.“ (для VIII кл. женскихъ гимназій).

— „Märchen und Erzählungen moderner deutscher Schriftsteller. Russische Schulausgabe von *P. Ney*. (Deutsche Autoren. Bd. 8). 3. Auflage. Kiew. 1905. 239 S. Preis geb. 80 Kop.“

— „*Пузицкій, В*. Отечественная исторія въ разсказахъ. Изданіе 6-е, испр., В. В. Думнова. М. 1906. Стр. XII+252. Цѣна 75 коп.“ (для I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ).

— „*Сиповскій, В. В*. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I-й. Древняя литература и новая до Карамзина. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1905. Стр. VIII+530+XVII. Цѣна 2 р.“

2. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Думеръ, Поль*. Книга моихъ сыновей. Въ переводѣ и съ предислов. *С. И. Иловайскаго*. Одесса. 1906. Стр. XIII+295. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Смирновъ, И. А.* Жизнь и ученіе преосвященнаго Ѳеофана, Вышенскаго затворника. Шацкъ. 1905. Стр. V+349. Цѣна 1 руб. 20 коп."

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Гоніи-изобрѣтатели и люди труда. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 159. Цѣна въ папкѣ 75 коп."

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

I. Допустить слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его жизнь и стихотворенія. Подъ ред. *Н. А. Майкова.* Изд. Постоянной коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1905. Стр. 46. Цѣна 8 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* № 1. Патріотическія стихотворенія. Стр. 87. Цѣна 10 коп.—№ 2. Сказки.—Четыре стихотворенія для дѣтей. Стр. 139. Цѣна 15 коп.—№ 3. Баллады. (Кн. I-я). Стр. 130. Цѣна 15 коп.—№ 4. Баллады. (Кн. II-я). Стр. 116. Цѣна 15 коп.—№ 5. Спящая царевна.—Котъ въ сапогахъ. Стр. 25. Цѣна 3 коп.—№ 6. Сказка о царѣ Берендеѣ.—Война мышей и лягушекъ. Стр. 51. Цѣна 5 коп.—№ 7. Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Стр. 51. Цѣна 5 коп.—№ 8. Овсяный кисель.—Лѣтній вечеръ. (Идиллія). Стр. 16. Цѣна 2 коп.—№ 9. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. (Старинная повѣсть въ двухъ балладахъ). Стр. 75. Цѣна 10 коп.—№ 10. Капитанъ Бопъ.—Выборъ креста. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—№ 11. Странствующій жидъ. Стр. 68. Цѣна 10 коп.—№ 12. Орлеанская дѣва. Драматическая поэма *Шиллера.* Стр. 218. Цѣна 30 коп.—№ 13. Ундина. Старинная повѣсть, изъ *Ламотъ-Фуке.* Стр. 171. Цѣна 30 коп.—№ 14. Наль и Дамаянти. (Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккерту). Стр. 163. Цѣна

25 коп.—№ 15. Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть. Стр. 182. Цѣна 25 коп.—№ 16. Одиссея. Пѣсни I—VI. Стр. 222. Цѣна 30 коп. (Библіотека В. А. Жуковскаго. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905)".

— „*Канаевъ, А. Н.* Чужое добро въ прокъ не идетъ. По драмѣ А. А. Потѣхина. Изд. Постоянной коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1906. Стр. 44. Цѣна 10 коп."

— „*Колокольникова, В.* 1) Царевна-лягушка. Стр. 19.—2) Полканъ, Тоби и Мальчикъ. (Истинная исторія трехъ собакъ). Стр. 56.— 3) Кузнечикъ-музыкантъ и Попрыгунья-стрекоза. Стр. 23.—4) Среди пернатыхъ. Стр. 56. (Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905). Цѣна каждой книжки 10 коп."

— „*Корольковъ, А.* Повѣсти лѣтъ древнихъ. Изд. книжн. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1905. Стр. 94. Цѣна 50 коп."

— „*Кругловъ, А. В.* Крылатые воришки и ихъ друзья. Повѣсть. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905. Стр. 54. Цѣна 25 коп."

— „*Кругловъ, А. В.* Хитрый звѣрь. Разсказы. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905. Стр. 41. Цѣна 20 коп."

— „*Кругловъ, А. В.* Четвероногіе разбойники. Разсказы. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905. Стр. 62. Цѣна 25 коп."

— „*Лукашевичъ, Кл.* 1) Штурмъ Малахова кургана 27-го августа 1855 года. Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—2) Четвертый бастіонъ. (Очерки изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—3) Первое бомбардированіе Севастополя и смерть адмирала Корнилова. М. 1905. Стр. 36. Цѣна 3 коп.— 4) Вылазки. Матросъ Кошка. (Изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—5) На бастіонахъ Севастопольскихъ. (Изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.— 6) Искра Божія. Повѣсть. Изд. 2-е. М. 1905. Стр. 53. Цѣна 4 коп.— 7) Гроза надвигается. (Очерки изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—8) Севастопольскіе герои. (Очерки изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—9) Два памятныхъ дня. (Очерки изъ обороны Севастополя). Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп. (Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина)".

— „*Петровъ, Г.* Божьи работники. Сборникъ статей. Изд. 5-е. М. 1904. Стр. 102. Цѣна 15 коп."

— „Разсказы изъ жизни животныхъ. Переводъ *М. Р. Лемберкъ*. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905. Стр. 166. Цѣна 60 коп."

— „*Реморовъ, Н.* 1) Сиротка Даша. (Изъ записокъ школьнаго

учителя). Стр. 25.—2) Манечка. (Изъ записокъ школьнаго учителя). Стр. 31. (Изд. книжн. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1906). Цѣна каждой книжки 15 коп." (для нач. нар. учил.).

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Возрожденіе. Въ рудникѣ. У паровоза. Разсказы. Изд. Постоянной коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1906. Стр. 44. Цѣна 10 коп."

— „*Уоллесъ, Льюисъ.* Во время оно. (Бэнъ-Хуръ). Повѣствованіе изъ временъ земной жизни Іисуса Назорея. Полный переводъ съ англ. 2-е изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 413. Цѣна 1 р. 50 коп." (для городск. и 2-хкл. сельск. учил.).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Арiловецъ, М.* Приготовительный курсъ грамматики и нѣмые диктанты. Троицкъ. 1905. Стр. 174. Цѣна 50 коп." (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Бубликовъ, М.* и *Н. Гольденбергъ.* Краткій учебникъ теоріи словесности, съ приложеніемъ біографій русскихъ образцовыхъ писателей. Вильна. 1906. Стр. 44. Цѣна 35 коп." (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ [1]).

— „*Бѣляевъ, А.* Иллюстрированная исторія русской церкви. Ч. 1-я. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1902. Стр. 173.—Ч. 2-я. М. 1900. Стр. 209. Цѣна каждой части 50 коп."

---

[1]) Въ силу Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1905 г. безплатныя народныя читальни, въ отношеніи своего книжнаго состава, подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библіотекахъ. Желая, однако, содѣйствовать завѣдывающимъ означенными

— „*Гольцевъ, В. А.* Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изд. журн. «Русская Мысль». М. 1901. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Дерновъ, М. А.* Омшанники. Подробное описаніе устройства помѣщеній для зимовки пчелъ, съ указаніемъ ухода въ нихъ за пчелами. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1905. Стр. 55. Цѣна 60 коп.“

— „*Думеръ, Поль.* Книга моихъ сыновей. Въ переводѣ и съ предисл. *С. И. Иловайскаго.* Одесса. 1906. Стр. XIII+295. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Жуковскій, В. А.* № 1. Патріотическія стихотворенія. Стр. 87. Цѣна 10 коп.—№ 2. Сказки. Четыре стихотворенія для дѣтей. Стр. 139. Цѣна 15 коп.—№ 3. Баллады. (Кн. I-я). Стр. 130. Цѣна 15 коп.—№ 4. Баллады. (Кн. II-я). Стр. 116. Цѣна 15 коп.—№ 5. Спящая царевна.—Котъ въ сапогахъ. Стр. 25. Цѣна 3 коп.—№ 6. Сказка о царѣ Берендеѣ.—Война мышей и лягушекъ. Стр. 51. Цѣна 5 коп.—№ 7. Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Стр. 51. Цѣна 5 коп.—№ 8. Овсяный кисель.—Лѣтній вечеръ. (Идиллія). Стр. 16. Цѣна 2 коп.—№ 9. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. (Старинная повѣсть въ двухъ балладахъ). Стр. 75. Цѣна 10 коп.—№ 10. Капитанъ Боппъ.—Выборъ креста. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—№ 11. Странствующій жидъ. Стр. 68. Цѣна 10 коп.—№ 12. Орлеанская дѣва. Драматическая поэма *Шиллера.* Стр. 218. Цѣна 30 коп.—№ 13. Ундина. Старинная повѣсть, изъ *Лямотъ-Фуке.* Стр. 171. Цѣна 30 коп.—№ 14. Наль и Дамаянти. (Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккерту). Стр. 163. Цѣна 25 коп.—№ 15. Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть. Стр. 182. Цѣна 25 коп.—№ 16. Одиссея. Пѣсни I—VI. Стр. 222. Цѣна 30 коп. (Библіотека В. А. Жуковскаго. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1905)“.

— „*Неймайръ, М.* Вулканы и землетрясенія. Переводъ съ нѣм. *С. Н. Чернова.* Изд. В. Н. Рамма. С.-Пб. 1902. Стр. 277. Цѣна 90 коп.“

— „*Оржешко, Элиза.* Колдунья. Разсказъ. Переводъ *Ф. В. Дом-*

учрежденіями лицамъ въ выборѣ подходящихъ книгъ, министерство предложило ученому комитету продолжать дѣятельность по разсмотрѣнію произведеній печати и публиковать списки тѣхъ книгъ, которыя по своему содержанію могутъ быть доступны и полезны, а потому наиболѣе желательны въ народной библіотекѣ.

Съ такою же цѣлью ученымъ комитетомъ будетъ изданъ въ непродолжительномъ времени каталогъ вышедшихъ въ прежнее время, начиная съ 1891 г., книгъ въ различныхъ изданіяхъ, признанныхъ наиболѣе подходящими по своей дешевизнѣ и качествамъ.

бровскаго. 2-е изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1906. Стр. 52. Цѣна 15 коп."

— „*Петровъ*, *Г*. Божьи работники. Сборникъ статей. Изд. 5-е. М. 1904. Стр. 102. Цѣна 15 коп."

— „*Поплавскій*, *А*. Альбомъ куръ. Главнѣйшія породы куръ, съ описаніемъ ихъ типичныхъ чертъ и особенностей. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1905. Стр. 46+VI табл. Цѣна 1 р."

— „Святая земля. Альбомъ Іерусалима. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 88."

— „*Смирновъ*, *П*. *А*. Жизнь и ученіе преосвященнаго Ѳеофана, Вышенскаго затворника. Шацкъ. 1905. Стр. V+349. Цѣна 1 р. 20 коп."

— „Старина и новизна. Историч. сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Кн. 5-я. С.-Пб. 1902. Стр. 326.—Кн. 6-я. С.-Пб. 1903. Стр. 367.—Кн. 7-я. С.-Пб. 1904. Стр. 302.—Кн. 8-я. М. 1904. Стр. 408.—Кн. 10-я. М. 1905. Стр. 590. Цѣна каждой книги 2 р."

— „*Сѣткова* (*Катенкампъ*), *А*. Архангельскіе китоловы. Повѣсть. Изд. 8-е, Пост. коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1905. Стр. 76. Цѣна 15 коп."

— „*Сѣткова (Катенкампъ)*. Братья, или Деревенское семейное дѣло. Разсказъ. Изд. 4-е, Пост. коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 коп."

— „*Сѣткова* (*Катенкампъ*), *А*. Старикъ Никита и его три дочери. Изд. 6-е, Пост. коммисіи нар. чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 46. Цѣна 8 коп."

— „*Трентовъ*, *Е*. Добыча и обработка полезныхъ ископаемыхъ. Полный переводъ съ IX нѣм. изд. *Г*. *А*. *Чарускаго*. Изд. В. И. Рамма. С.-Пб. 1902. Стр. 267. Цѣна 1 р."

— „*Уоллесъ*, *Льюисъ*. Во время оно. (Бэнъ-Хуръ). Повѣствованіе изъ временъ земной жизни Іисуса Назорея. Полный переводъ съ англ. 2-е изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 413. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Шимкевичъ*, *В*. *М*. Паразиты человѣка и животныхъ. Изд. ред. журн. «Народное образованіе». (Школьная библ., кн. 36). С.-Пб. 1906. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

ПСКОВСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ XVI И XVII ВВ.[1]).

8. Гдовскій уѣздъ.

По кн. 355 за помѣщиками, монастырями и церквами (не считая состоявшихъ за ямщиками гдовскаго яму 2 пустошей, въ которыхъ пашни 26 ч. съ осминой и перелогомъ 19 ч. безъ полуосмины) сошнаго письма 17 сохъ съ четвертью и 1/2 1/2 четверти сохи и 5 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ соха и 1/2 трети сохи и 3 чети безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третника пашни,—во льготѣ соха безъ 1/2 трети и 1/2 1/2 четверти сохи и 18 ч. съ осминой перелогу,—впустѣ 15 сохъ и 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 13 чет. съ четверикомъ и 1/2 1/2 третника перелогу.

Изъ этого итога *на помѣщиковъ* приходится: въ живущемъ соха безъ четверти и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 7 чет. безъ четверика пашни,—во льготѣ 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 4 ч. и 1/2 третника и четверикъ перелогу,—впустѣ 7 сохъ безъ чети и 1/2 1/2 чети сохи и 7 ч. съ осминой и съ четверикомъ перелогу,—всего 8 сохъ безъ 1/4 и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 2 чети съ четверикомъ пашни.

За монастырями и церквами сошнаго письма: въ живущемъ 1/2 трети и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 4 чети съ полуосминой пашни,—во льготѣ соха безъ 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 6 ч. безъ четверика перелогу,—впустѣ 8 1/3 сохъ и 1/2 1/2 чети сохи и 5 ч. съ осминой и 1/2 1/2 третника перелогу,—всего 9 1/2 сохъ безъ 1/2 1/2 1/2 четверти и 1/2 1/2 трети сохи и 1/2 1/2 третника пашни [2]).

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905 г. декабрь и 1906 г. іюль.

[2]) Итогъ въ кн. 355 на л. 554 и сл.

По кн. 827 [1]) помѣщичьихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель 2 погоста, 5 селъ, 9 селецъ, 191 дер., 3 починка, да пустыхъ 2 сельца, 22 дер. и починокъ, 671 пустошь да 5 пуст. въ пашню припущены. А въ нихъ дворъ монастырскій, 18 дв. помѣщиковыхъ, 7 дв. поповскихъ, 7 дворовъ церковныхъ дьячковъ, 7 дв. пономарскихъ, 7 двор. проскурницкихъ, 19 дв. людскихъ, 320 дв. крест. (378 ч.), 124 двора боб. (132 ч.), 92 дв. рыбныхъ ловцовъ (людей тожъ), да 136 дворовъ пустыхъ. Пашни добр. з. 201 ч. съ осминой, серед. з. 560 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, худой 307 ч. безъ $^1/_2$ третника, да перелогу и поросли добр. з. 2.986 ч. безъ полуосмины, середн. 6.441 ч. безъ $^1/_2$ третника, худ. 3.089 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, всего 13.585 ч. безъ полуосмины, да поповы пашни 119 чет. въ полѣ, а въ дву потомужъ. Сѣна 36.638 коп., лѣсу паш. 2.055$^1/_4$ дес., паш. и непаш. 430$^1/_2$ дес., непаш. 1.878 д. безъ четверти десятины, да поверстнаго лѣсу, пашеннаго и непаш., врозни по всему Гдовскому уѣзду вдоль на 234$^1/_2$ версты съ получетвертью версты, поперекъ на 111 в. безъ получетверти версты. Сошнаго письма въ живущемъ соха и $^1/_2$ трети сохи и 7 ч. безъ $^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ соха и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 6 ч. съ $^1/_2$ третникомъ пашни (сроки льготы до 107—115 г.),—впустѣ 15 сохъ съ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу. Всего сошнаго письма 17 сохъ и 4 чети и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 5 селъ, 9 селецъ, 154 дер. и 3 починка, да пустыхъ 2 сельца, 12 деревень и починокъ, 347 пуст., да 4 пуст. въ пашню припущены. Дворовъ: 18 двор. помѣщ., 19 дворовъ людскихъ, 5 дв. поповскихъ, 5 двор. церковныхъ дьячковъ, 4 двора пономарскихъ, 5 дворовъ проскурницкихъ [2]), 269 дворовъ кр. (318 ч.), 109 дворовъ бобыл. (115 ч.) и 60 дв. рыбныхъ ловцовъ (людей тожъ), да 70 дв. пустыхъ. Пашни добр. з. 139 ч. безъ полуосмины, середн. 488 ч. безъ четверика, худ. 270 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, да перелогу и поросли доброй земли 1.465 ч. съ четверикомъ, сер. 3.369 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худой 2.004 ч. съ осминой, всего 7.735 ч. безъ $^1/_2$ третника,

---

[1]) л. 334 и сл.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду помѣщичья села или сельца въ каменской, кушельской и кунейской губахъ (Воскресенское, другое Воскресенское, Никольское, Михайловское, Троицкое).

изъ коихъ за добрую землю положено 6.218 ч. и 1/2 1/2 третника, наддано 1.518 ч. безъ 1/2 третника.—Да монастырской и церковной земли всякаго рода въ вопчихъ деревняхъ и пустошахъ 318 ч., да поповской пашни 119 ч.—Сѣна 18.570 коп., лѣсу паш. 1.267 дес., паш. и непаш. 336 дес., непаш. 1.188 1/2 дес., да поверстнаго лѣсу, паш. и и непаш., врозни вдоль на 176 1/2 в. съ получетвертью версты, поперекъ на 83 в. съ полуверстою и съ получетвертью версты. Да во льготѣ 4 пустоши,—въ нихъ 54 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 37 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, наддано 16 ч. съ осминой и съ четверикомъ. Сошнаго письма въ живущемъ соха безъ 1/2 1/2 трети и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 6 ч. съ третникомъ и съ четверикомъ пашни, а всего въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ 8 сохъ безъ 1/2 1/2 трети и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 3 чети безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 2 погоста [1]), 57 дер., 6 дер. пустыхъ, 274 пуст. да пустошь въ пашню припущена. А въ нихъ дворъ монастырскій, 2 дв. поповы, 2 дв. церковн. дьячковъ, 2 дв. пономарскихъ, 2 дв. проскурниныхъ, 51 дв. кр. (60 ч.), 15 дв. боб. (17 ч.), 34 дв. рыбныхъ ловцовъ (тожъ), да 61 дв. пуст. Пашни добр. земли 63 ч. безъ полуосмины, середн. з. 72 ч. съ осминой, худ. з. 37 ч. безъ четверика, да перелогу и поросли добр. з. 1.303 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, середн. 2.708 ч. съ четверикомъ, худой 994 ч. съ осминой и съ четверикомъ и 1/2 1/2 третника,—всего 5.178 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 третника. Сѣна 7.517 1/2 коп., лѣсу паш. 651 1/4 дес., паш. и непаш. 94 1/2 дес., непаш. 605 1/4 дес., поверстнаго вдоль на 51 в., поперекъ на 23 в. Да во льготѣ 4 дер. и 46 пуст., а въ нихъ 5 дв. пустыхъ; земли здѣсь всякаго рода (и съ тою что въ вопчихъ деревняхъ съ помѣщики) 616 ч. Сѣна 1.497 коп., лѣсу паш. 105 дес. безъ 1/4 дес., непаш. 84 десят., поверстнаго вдоль на 5 1/2 в., поперекъ на 3 1/4 в. Сошнаго письма въ живущемъ 1/4 и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и осмина пашни,—во льготѣ соха и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 2 чети безъ четверика перелогу, а впустѣ 8 сохъ съ 1/3 и 5 четей и 1/2 третника перелогу,—всего въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ 10 сохъ безъ 1/3 сохи и 1 ч. съ полуосминой и 1/2 1/2 1/2 третника пашни.

---

[1]) „Опричь тѣхъ погостовъ, которые стоятъ не на монастырскихъ земляхъ“, а на монастырскихъ земляхъ стояли именно 2 погоста (въ вѣтеницк. и кушельск. губ.); слѣд. остальные погосты стояли на государевой землѣ.

По кн. 1068 [1]) за *помѣщиками* состоитъ 16 селецъ безъ полутрети да 136 деревень съ полудеревнею и съ ½ ½ третью деревни, да сельцо съ полутретью и 4 деревни безъ трети пусты,—351 пустошь безъ ½ ½ ½ трети пустоши, да въ пашню припущено 8 дер. и 7 пуст. Въ сельцахъ и деревняхъ 2 двора поповы [2]), 2 дв. помѣщ., да *прикащиковыхъ* и людскихъ 21 дворъ, 214 дв. кр. (410 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 15 ч. боб.), 68 дв. боб. (110 ч.) да непашенныхъ 25 дворовъ рыбныхъ ловцевъ (41 ч.) и дворъ пустъ. Да монастырскихъ и церковныхъ (въ общихъ владѣніяхъ) 10 дв. кр. (20 ч.) и 5 дв. боб. (6 ч.). Пашни паханой доброй земли 113 ч. и ½ ½ третника, середней з. 260 ч. и ½ ½ третника, худой 161 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.388 ч. съ третникомъ, середн. 3438 ч. съ полутретникомъ, худ. 1.948 ч. съ осминой и съ ½ ½ ½ третникомъ, да примѣрено доброй з. перелогу 9 ч. съ осминой и ½ ½ третника и середн. з. 11 ч. безъ полуосмины. Всего пашни паханой и перелогу и лѣсной поросли, доброй и середн. и худ. з., вмѣстѣ и съ примѣрною, 7.329 ч. съ полуосминою и ½ ½ ½ третникъ, изъ коихъ за добрую землю положено паханой 429 ч. съ осминой и ½ третника, а перелогу и лѣсомъ поросло 5.467 ч. безъ полуосмины, такимъ образомъ „обоего“ учинено доброю землею 5.896 ч. съ третникомъ, наддано 1.433 ч. безъ ½ ½ ½ третника. Да монастырской и церковной пашни въ вопчихъ деревняхъ и пустошахъ добр. з. 5 ч., середн. 13 ч. съ четверикомъ, худой 6 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 83 ч., середн. 141 ч. безъ полутретника, худ. 98 ч. съ четверикомъ и ½ ½ третника, всего 346 ч. безъ ½ ½ третника, да поповы пашни добр. з. 12 ч. и середн. 45 ч., всего 57 ч. Сѣна 16.863 коп., да попова сѣна 25 коп.; лѣсу паш. 1.151 дес., паш. и непаш. 183½ дес., непаш. 1.250¼ дес., поверстнаго лѣсу въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 172¼ в., поперекъ на 82 в. съ полуверстою и съ получетвертью версты. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 7⅓ сохи и ½ ½ ½ четверти сохи и 5 ч. безъ третника пашни, а монастырской и церковной сошнаго письма (т. е. въ вопч. дер.) въ живущемъ и впустѣ ½ сохи и ½ ½ четверти сохи и 8 ч. съ полуосминой и ½ третника пашни. Платитъ по государеву

[1]) Л. 762—775.

[2]) Слѣдовательно изъ пяти помѣщичьихъ селъ съ церквами уцѣлѣло только два, и число причтовыхъ дворовъ въ каждомъ изъ нихъ уменьшилось сравнительно съ кн. 827.

указу въ сошное письмо *съ живущаго съ ½ ½ ½ четверти сохи и съ 2 четей съ осминой безъ ½ ½ ½ третника и съ ½ ½ четверика пашни*, а монастырскимъ и церковнымъ (вопч.) платить съ живущаго *съ четверти съ осминой и съ четвериком и съ ½ ¼ ½ четверика пашни*.

За помѣщиками еще изъ ямскихъ земель 2 пустоши (пашни 10 ч.); за ними же прибылая деревня (2 дв. кр. и 1 дв. боб.), и прибылые починокъ и пустошь (земли всякаго рода 11 ч., изъ коихъ за добрую положено 9 ч., а въ сошное письмо платить съ четверика пашни).

Да помѣстныхъ порозжихъ земель 22 пустоши [1]) и съ тѣми, что вопче съ монастыри и съ церквами. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 28 ч., середн. 45 ч. съ полуосминой и ½ третника, худой 168 ч. съ ½ третникомъ, всего 241 ч. съ осминой и ½ ½ третника, изъ коихъ за добрую землю положено 177 ч. безъ ½ ½ третника, наддано 64 ч. съ осминой и ½ ½ третника. Да монастырской и церковной (вопч.) пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. земли 25 ч. безъ полуосмины, середн. 2 ч. съ осминой, всего 27 ч. съ полуосминой. Сѣна 329½ коп., лѣсу паш. 59 дес., паш. и непаш. полпяты десятины, непаш. 52 дес., да поверстнаго лѣсу въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 9 верстъ, поперекъ на 5 в. безъ ¼. Сошнаго письма впустѣ ½ чети и ½ ½ трети сохи и 10 ч. съ полуосминой перелогу, а монастырской и церковной сошнаго письма впустѣ ½ ½ ½ трети сохи и 2 ч. съ полуосминой перелогу. Да ямскихъ порозжихъ земель 4 пустоши и 4 нивы, пашни добр. и середн. з. 94 ч. съ осминой безъ ½ четверика и ½ ½ ½ третника.

Монастырскихъ и церковныхъ въ 9 губахъ *6 погостовъ* (а не два!), 91 деревня, 272 пустоши безъ полутрети, да пустошь въ пашню припущена. На погостахъ и въ деревняхъ два двора монастырскихъ пріѣзжихъ, 6 дв. поповыхъ, 6 дв. дьячковыхъ, 2 дв. пономарскихъ и 6 двор. проскурнинныхъ, да на погостахъ 2 двора церковныхъ бобыльскихъ,— 131 дв. кр. (259 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 16 ч. боб.), 59 дв. боб. (76 ч.), да *непашенныхъ* 69 дворовъ *рыбныхъ ловцовъ* (96 ч. *да въ тѣхъ же дворахъ 2 ч. боб.*), да мѣсто дворовое помѣщиково, мѣсто крестьянское, 3 мѣста бобыльскихъ и 102 мѣста непашенныхъ рыбныхъ ловцовъ. Пашни паханой добр. з. 81 ч. безъ полутретника, середн. 130 ч., худ. 41 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.392 ч., середн. 2.876 ч. безъ четверика, худ. 924 ч.

[1]) По ошибкѣ писца здѣсь стоитъ: 22 человѣка! (на обор. л. 769 кн. 1068).

съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника,—всего 5.444 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Да помѣщиковы пашни (т. е. оказавшейся теперь во владѣніи церковномъ) перелогомъ доброй земли четь безъ полуосмины, да худой земли 4 ч. съ осминой, всего 5 ч. съ полуосминой. Сѣна, и съ ловецкимъ, 9.021$^1/_2$ коп.; лѣсу паш. 744 $^1/_4$ дес.; паш. и непаш. 83 д.; непаш. 747 дес.; поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 60 верстъ, поперекъ на 30$^1/_2$ верстъ. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 9 сохъ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и $^1/_2$ осмины и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, да помѣщиковы впустѣ 3 чети пашни. А по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и съ полуосмины пашни.*

Да модской губы съ погоста рыбныхъ ловцовъ въ живущемъ осмина пашни.

Да сверхъ стараго письма прибыла слободка, а въ ней 4 двора служнихъ, да дворъ бобыльскій, а людей 1 ч.; платить по государеву указу съ живущаго съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.

9. Кобыльскій уѣздъ.

По кн. 355[1]) за помѣщиками, монастырями и церквами сошнаго письма 7 сохъ и $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 1 ч. съ осминою и полтора четверика и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ $^1/_2$ сохи и $^1/_2$ четверти сохи и 6 ч. безъ третника пашни,—во льготѣ соха и $^1/_2$ трети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 8 ч. съ полуосминою и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни,—впустѣ 5 сохъ съ полусохою безъ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 8 ч. съ осминою и $^1/_2$ четверика и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу.

Изъ этого общаго итога *на помѣщиковъ* приходится: въ живущемъ $^1/_2$ трети, и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. безъ третника пашни,—во льготѣ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 3 ч. безъ третника перелогу,—впустѣ 2 сохи безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. съ полуосминою перелогу,—всего 2 сохи съ $^1/_2$ и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и полъосмины пашни.

На монастыри и церкви приходится: въ живущемъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 5 ч. пашни,—во льготѣ соха безъ полутрети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 чет. съ осминой и съ четверикомъ перелогу,—впустѣ 3 сохи съ полусохою и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети

[1]) Л. 606 и сл.

сохи и 3 чети съ полуосминой и $^1/_2$ четверика и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу,—всего 5 сохъ безъ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ осминою безъ получетверика и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.

По кн. 827 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами, и съ тѣми, что во льготѣ, 2 села, 9 селецъ, 79 деревень да 6 дер. пустыхъ, 405 пуст. съ полупустошью, а половина той пустоши во дворцѣ, 2 селища, да 7 дер. и 2 пустоши въ пашню припущены. Дворовъ: 5 дв. мон., 6 дв. помѣщик., 4 дв. людск., 129 дв. кр. (148 ч.), 36 дв. боб. и 33 дв. рыбн. ловцовъ (людей тожъ), да 12 дв. пустыхъ. Пашни добр. з. 93 ч. съ осминой, серед. 271 ч. безъ полуосмины, и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худ. 115 ч. безъ полуосмины, да перелогу и поросли добр. з. 644 ч. съ осминой, середн. 3.245 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худ. 904 ч. съ осминой и съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника,—всего 5.974 ч. безъ полуосмины и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 18.042$^1/_2$ копны; лѣсу паш. 2.488 дес., паш. и не паш. 51 дес., непаш. 2.538 дес., да новерстнаго, пашеннаго и непашеннаго, въ розни по всему уѣзду вдоль на 139 в. безъ $^1/_2$ четверти версты, поперекъ на 112 в. съ полуверстою безъ получетверти версты.—Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ сохи и $^1/_2$ трети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ соха и $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ третникомъ и четверикъ пашни (сроки льготы разные—отъ 105 до 112 г.),—впустѣ 5$^1/_2$ сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. безъ полуосмины перелогу. Всего въ живущемъ и во льготѣ и впустѣ 7$^1/_4$ сохъ и 3 чети съ четверикомъ пашни.

Изъ этого общаго итога *на помѣщиковъ* приходится: 6 селецъ, 43$^1/_2$ дер., 3 дер. пустыя, 179 пустошей и селище, да въ пашню припущены 7 дер. и 2 пуст. Дворовъ: 6 дв. помѣщ., 4 дв. людскихъ, 63 дв. кр. (75 ч.), 17 дв. боб. и 2 дв. рыбныхъ ловцовъ (людей тожъ), да 6 дв. пустыхъ. Пашни добр. з. 85 ч., середн. 136 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худ. 37 ч. съ четверикомъ, да перелогу и поросли добр. з. 297 ч., середн. 1.177 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худ. 344 ч. съ четверикомъ и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третникомъ, всего 2.076 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, изъ коихъ за добрую землю положено пашни 219 ч. съ третникомъ, перелогу и поросли 1.470 ч. съ третникомъ, всего 1.690 ч. безъ третника, наддано 386 ч. съ осминой и съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 9.039$^1/_2$ коп.; лѣсу паш. 1.123$^1/_2$ д.,

[1]) Л. 532 на обор. и сл.

паш. и непаш. 51 дес., непаш. 1.196 дес., да поверстнаго врозни вдоль на 117 в. безъ 1/4. Да во льготѣ 1/2 деревни и 25 1/2 пуст.: пашни перелогомъ и поросли добр. з. 42 ч. безъ полуосмины, середн. 208 ч. безъ четверика, худ. 26 ч. съ осминой, всего 276 ч. съ четверикомъ,—за добрую землю положено 226 ч. съ полуосминой, наддано 50 ч. безъ четверика. Сѣна 1.004 коп.; лѣсу паш. 200 дес., непаш. тожъ, поверстнаго паш. и непаш. вдоль на 8 в., поперекъ на 7 1/2 в. Сошнаго письма въ живущемъ 1/2 чети и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 чети сохи и 2 чети съ полуосминой и 1/2 третника пашни; во льготѣ четь и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 1 четь съ третникомъ пашни; впустѣ 2 сохи безъ полутрети и 8 ч. безъ полуосмины перелогу,—всего 2 1/2 сохи и 1/2 1/2 чети сохи и 3 чети и 1/2 третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 3 сельца, 35 дер., 2 дер. пустыя, 153 пустоши и селище. Дворовъ: 5 дв. монаст., 66 дв. кр. (71 ч.), 10 дв. боб. и 29 дв. рыбн. ловцовъ (тожъ) и 6 дв. пустыхъ. Пашни добр. з. 8 ч. съ осминой, середн. 135 ч. безъ полуосмины, худ. 77 ч. съ осминой и съ четверикомъ, да перелогу и поросли добр. з. 217 ч. съ осминой, середн. 1.439 ч. съ осминой, худ. 515 ч. и 1/2 1/2 1/2 третника,—всего 2.393 ч. безъ четверика и 1/2 1/2 1/2 третника. Сѣна 7.322 коп.; лѣсу паш. 790 дес. безъ 1/4, непаш. 888 дес., поверстнаго, паш. и непаш., вдоль на 86 1/2 в. и 1/2 четверти версты, поперекъ 43 1/2 в. и 1/2 четверти версты. Да во льготѣ деревня и 48 пуст. (въ дер. дворъ кр. съ 2 ч.), пашни перелогомъ и порослью добр. з. 88 ч. съ полуосминой, середн. 421 ч. съ четверикомъ, худ. 19 ч., всего 528 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ. Сѣна 1.676 коп.; лѣсу паш. 375 дес. безъ 1/4, непаш. 254 дес., поверст., паш. и непаш., вдоль на 27 1/2 в., поперекъ на 11 1/2 в. Сошнаго письма въ живущемъ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 11 ч. съ осминой и съ четверикомъ пашни,—во льготѣ соха безъ 1/2 чети сохи и 5 ч. съ четверикомъ пашни,—впустѣ 3 сохи съ 1/2 сохою и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 1 ч. съ осминой и 1/2 1/2 1/2 третника перелогу, а всего 5 сохъ безъ 1/4 и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 2 чети и 1/2 1/2 1/2 третника пашни.

По кн. 1068 [1]) *за помѣщиками* состоитъ: 3 сельца, 28 деревень съ 1/2 третью деревни, да треть деревни пуста, 27 пустошей и селище, да въ пашню припущены 3 дер. и 5 пуст. да вопче съ монастырями и церквами 17 дер. и 46 пуст. Въ сельцахъ и деревняхъ 3 дв. по-

[1]) Л. 1101 и сл.

мѣщик., 3 дв. людск., (а людей тожъ), 54 дв. кр. (69 ч.), 23 дв. боб. (24 ч.). Пашни паханой добр. з. 51 ч., середн. 69 ч. безъ полуосмины и ½ ½ четверика, худой 20 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 340 ч. безъ полуосмины, середн. 1.236 ч. съ четверикомъ и ½ ½ третника, худ. 347 ч. съ четверикомъ и ½ ½ третника, всего 2.063 ч. съ полуосминою и ½ третника и ½ ½ четверика, изъ коихъ за добрую землю положено паханой 120 ч. и ½ третника и ½ четверика, а перелогу и лѣсомъ поросло 1.562 ч. безъ полуосмины и ½ ½ ½ третникъ, „обоего" 1.682 ч. безъ ½ ½ ½ третника и ½ четверика, наддано 381 ч. съ осминой безъ ½ ½ ½ третника. Да монастырской и церковной пашни паханой серед. з. 17 ч. съ полуосминой и ½ четверика и ½ ½ ½ третника; да перелогу и лѣсомъ поросло добр. з. 12 ч., середн. 195 ч. безъ ½ ½ ½ третника и ½ четверика, худ. 46 ч. безъ четверика,—всего 270 ч. съ полуосминой. Сѣна, и съ вопчимъ, 9.296 коп.; лѣсу паш. 1.040 дес., паш. и непаш. 63 дес., непаш. 1.490 дес., поверстнаго въ различныхъ мѣстахъ вдоль на 89 в. безъ ¼, поперекъ на 43 версты. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2 сохи и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ четверти сохи и 7 ч. безъ ½ ½ ½ третника и ½ четверика пашни, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго помѣщиковымъ съ 5 ч. съ осминой безъ ½ ½ ½ третника, а монастырскимъ и церковнымъ съ чети съ осминой безъ ½ четверика и съ ½ ½ ½ третника и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

Да сверхъ приправочныхъ книгъ прибыла деревня *вопче помѣщику съ монастыремъ по половинамъ*, а въ ней 2 дв. кр. (4 ч.). Пашни паханой серед. з. помѣщиковы четь съ полуосминой, да перелогомъ 5 чет. безъ полуосмины, изъ коихъ доброю землею учинено паханой четь, перелогу 4 чети, наддана 1 четь; въ монастырской землѣ паханой 1 четь и перелогу 5 ч., всего 6 ч. Сѣна (вопче) 10 коп.; лѣсу паш. и непаш. 5 дес. А по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго помѣщикову съ ½ четверика и съ ½ ½ ½ третника пашни, а монастырскому съ четверика и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

Помѣстныхъ порозжихъ земель числится 34 пуст., да вопче съ монастырями и церквами дер. и 5 пуст., а въ деревнѣ на монастырской землѣ 2 дв. кр. (3 ч.). Пашни перелогу и лѣсомъ поросло добр. з. 34 ч. безъ полуосмины, серед. 220 ч. безъ четверика, худ. 45 ч. безъ четверика,—всего 298 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую по-

ложено 240 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; наддано 50 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника. А монастырской и церковной паханой серед. з. 4 ч. безъ полуосмины, да перелогу и лѣсомъ поросло 19 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, худ. 5 ч. съ осминой и съ четверикомъ,—всего 29 ч. безъ полуосмины. Сѣна, съ вопчимъ, 599 коп., лѣсу паш. 146 дес., непаш. 94 дес., поверстнаго, въ разныхъ мѣстахъ, вдоль на 27 в., поперекъ на 10$^1/_2$ в. Сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 23 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ перелогу; монастырской же и церковной сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 чети безъ полуосмины пашни; а платить по государевому указу *съ живущаго съ полуосмины и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Монастырскихъ и церковныхъ въ Кобыльскомъ уѣздѣ 2 села, 4 сельца, 29$^1/_2$ дер., 2 дер. пусты, 202$^1/_2$ пуст. и селище. Дворовъ: 3 дв. монастырскихъ пріѣзжихъ, дворъ коровій, 61 дв. кр. (77 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 7 ч. боб.), 32 дв. боб. (41 ч.), 12 дв. рыбныхъ ловцовъ (17 ч.) да 10 дв. пустыхъ. Пашни паханой добр. з. 9 ч. съ осминой, серед. 73 ч. съ осминой, худ. 53 ч. съ полуосминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 290 ч., середн. 1.642 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, худ. 495 ч. съ $^1/_2$ третникомъ, всего 2.564 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третникъ. Сѣна 7.882$^1/_2$ коп.; лѣсу паш. 1.202 дес., пашн. и непаш. 68$^1/_2$ дес., непаш. 1.021 дес., поверстнаго, въ разныхъ мѣстахъ, вдоль 119 в. съ $^1/_4$, а поперекъ 59 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 4 сохи съ $^1/_4$ и 13 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третникъ пашни; платить по государеву указу *съ живущаго съ 11 четей безъ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Да монастырскихъ и церковныхъ, сверхъ приправочныхъ книгъ, прибыло 4 дер., въ нихъ 4 кр. дв. (людей тожъ), и 4 боб. дв. (5 ч.). Пашни всякаго рода здѣсь 23 ч., сѣна 180 коп.; лѣсу паш. 7 дес., непаш. 20 дес., поверстнаго на $^1/_2$ в., поперекъ на $^1/_4$ в. [1]).

10. Островскій уѣздъ.

По кн. 355 [2]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель=583 ч. съ полуосминою перелогу) состоитъ 9 сохъ съ $^1/_4$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_4$ чети сохи и 3 ч. и $^1/_2$ третника пашни. Изъ

[1]) Конецъ по копіи (кн. 825 л. 653).

[2]) Итогъ кн. 355 на л. 641—642.

нихъ въ живущемъ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети и 16 ч. съ третникомъ пашни,— во льготѣ соха безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 ч. съ осминой перелогу,—впустѣ 8 сохъ и $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. и $^1/_2$ третника перелогу.

Изъ этого итога *на помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 ч. съ третникомъ пашни,—впустѣ 3 сохи съ $^1/_3$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 ч. безъ третника перелогу,—всего $3^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 7 ч. пашни.

На монастыри и церкви приходится: въ живущемъ 12 ч. пашни,—во льготѣ соха безъ $^1/_4$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 ч. съ осминой перелогу,—впустѣ 5 сохъ безъ $^1/_4$ и безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 чети съ осминою перелогу,—всего $5^1/_2$ сохъ и $^1/_2$ чети сохи и 4 ч. съ осминой пашни.

По кн. 827 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами, считая и порозжія земли, состоитъ 9 селищъ (чит. селецъ), 44 дер., 761 пуст., 147 селищъ, да въ пашню припущены 12 дер., 23 пуст. и селище. Дворовъ: дв. монаст., 10 дв. помѣщ., 4 дв. людск., 47 дв. кр. (48 ч.), 10 дв. боб. (тожъ). Пашни добр. з. 92 ч., серед. 68 ч. безъ полуосмины, худ. 38 ч. съ осминой, да перелогу и поросли добр. з. 4.365 ч., серед. 2.220 ч., худ. 608 ч. съ полуосминой,—всего 7.391 ч. съ осминой. Сѣна 41.785 коп., лѣсу паш. 577 $^1/_4$ дес., паш. и непаш. $2.172^1/_2$ дес., непаш. $522^1/_4$ дес., поверстнаго, паш., и непаш., въ розни по всему Островскому уѣзду вдоль на 71 в., поперекъ $35^1/_2$ в. Сошнаго письма въ живущемъ четь безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 7 ч. пашни, да во льготѣ соха безъ $^1/_3$ сохи и 4 ч. безъ полуосмины пашни, а впустѣ 9 сохъ и $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети, и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу,—всего 10 сохъ и $^1/_2$ чети сохи и 8 ч. съ осминой пашни.

Изъ этого общаго итога *на помѣщиковъ* приходится: 9 селищъ (селецъ), 38 дер., 336 пуст. и 89 селищъ, да въ пашню припущены 12 дер., 20 пуст. и селище. Дворовъ: 3 дв. (?) помѣщ., 4 дв. людск., 41 дв. кр. (42 ч.), 10 дв. боб. (тожъ). Пашни добр. з. 89 ч., съ осминой, середн. 63 ч. безъ полуосмины, худ. 34 ч., да перелогу и поросли добр. з. 1.605 ч. съ полуосминой, середн. 1.221 ч. съ полуосминой, худ. 316 ч. безъ полуосмины, всего 3.328 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено пашни 162 ч. съ осминой и

[1]) Итогъ на л. 942 и сл.

$^1/_2$ $^1/_2$ третника, а перелогу и поросли 2.795 ч. и $^1/_2$ третника; наддано 371 ч. безъ полуосмины. Сѣна 19.000 коп.; лѣсу паш. 363$^1/_4$ дес., паш. и непаш. 1.334 дес., непаш. 364 дес., поверстнаго, паш. и непаш., въ розни вдоль 52 в., поперекъ 26 в. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 4 ч. съ третникомъ пашни, а впустѣ 3 сохи съ полусохою безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четв. сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу,—всего 4 сохи безъ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и 6 ч. безъ полуосмины пашни.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 81 пуст. и 23 селища, да въ пашню припущено 2 пуст. Пашни всякаго рода 647 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую землю положено 585 ч. безъ полуосмины, наддано 63 ч. безъ полуосмины. Сѣна 3.825 коп.; лѣсу паш. 339$^1/_2$ дес., непаш. 75$^1/_2$ дес., поверстнаго, паш. и непаш. вдоль полъосмы версты, поперекъ 4 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма впустѣ соха безъ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. и $^1/_2$ третника перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 6 дер., 305 пуст., 32 селища, да пустошь припущена. Дворовъ: дв. монаст., 6 дв. кр. (тожъ). Пашни добр. з. 2 ч. съ осминой, середн. 5 ч., худой 4 ч. съ осминой, да перелогу и поросли добр. з. 2.124 ч. съ полуосминой, серед. 697 ч. съ осминой (худой?),—всего 3.025 ч. съ полуосминой. Сѣна 17.210 коп.; лѣсу паш. 142$^1/_2$ дес., паш. и непаш. 70$^1/_4$ дес., поверстнаго, паш. и непаш., вдоль 11$^1/_2$ в., поперекъ 6 в. безъ $^1/_4$. Да во льготѣ 39 пуст. и 3 селища: пашни перелогомъ и поросли добр. з. 261 ч. безъ полуосмины, середн. 96 ч. съ осминой, худ. 33 ч., всего 390 ч. съ полуосминой. Сѣна 1.750 коп.; лѣсу паш. 19$^1/_2$ дес., паш. и непаш. 16 дес., непаш. 7$^1/_2$ дес. Сошнаго письма въ живущемъ 12 ч. пашни, да во льготѣ соха безъ $^1/_3$ и 4 ч. безъ полуосмины пашни (сроки льготы отъ 107 до 114 г.), а впустѣ 5 сохъ и 3 чети съ осминой перелогу,—всего 6 сохъ безъ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и осмина пашни.

По кн. 1065 [1]) *за помѣщиками* состоитъ 9 селецъ, 38 деревень безъ $^1/_2$ трети деревни, да $^1/_2$ трети дер. пуста, 286$^1/_2$ пустошей и 36 селищъ, да припущено въ пашню 9 дер., 21 пуст. и 2 селища. Въ сельцѣ и въ деревняхъ 10 дв. помѣщ., 4 дв. людск., 48 дв. кр. (61 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 4 ч. боб.), 19 дв. боб. (21 ч.). Пашни паханой добр. з. 82 ч. съ осминою, середн. 32 ч. съ осминой, худ. 8 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.319 ч., середн.

[1]) Л. 848 на обор. и сл.

984 ч. безъ полуосмины, худ. 289 ч. безъ полуосмины,—всего 2.714 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую положено паханой 114 ч. безъ ½ третника, а перелогу и лѣсомъ поросло 2.202 ч. съ осминой, обоего 2.416 ч. съ третникомъ, наддано 298 ч. съ полуосминой и ½ третника, да примѣрено худой земли 4 чети, а положено за добрую землю 3 ч. безъ третника, наддана 1 ч. съ третникомъ. Сѣна 14.745 коп.; лѣсу паш. 267 ½ дес., паш. и непаш. 972 ½ дес., непаш. 259 д., поверстнаго на 34 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 3 сохи безъ ½ ½ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ /½ четверти сохи и 8 ч. пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго со пяти чепей и съ ½ ½ третника и съ ½ ½ четверика и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

За помѣщиками же изъ церковныхъ земель пустошь и 2 селища = = 21 ч. съ осминой. Пашни лѣсомъ поросло добр. з. 17 ч. съ осминой и худ. 4 ч., всего 21 ч. съ осминой; за добрую положено 20 ч. съ третникомъ. Сѣна 23 к., лѣсу паш. 3 дес.; впустѣ 20 ч. съ ½ третникомъ пашни. *Да за помѣщиками же на денежномъ оброкѣ* пуст.=12 ч. доброй з. по алтыну за четь (12 алт. да пошлинъ полчетверты деньги, съ рубля по 10 денегъ) [1]).

Помѣстныхъ порозжихъ земель „и съ тѣми что остались за дачею влишке", 151 ½ пуст. и 59 селищъ, да 10 пуст. въ пашню припущено. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 592 ч. съ осминой, середн. 437 ч. съ осминой, худ. 132 ч. съ полуосминой, всего 1.162 ч. съ полуосминой, изъ коихъ за добрую положено 1.031 ч. безъ третника, наддано 131 ч. съ осминою и ½ ½ третника. Сѣна 6.010 коп.; лѣсу паш. 160 д., паш. и непаш. 624 ¼ дес., непаш. 209 ½ д., поверстнаго на 29 ½ в. Сошнаго письма впустѣ соха съ ¼ и ½ ½ четверти сохи и 6 ч. безъ третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 18 дер., 332 пуст., 34 селища, да 4 пустоши въ пашню припущены, а въ деревняхъ 20 дв. кр. (35 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 4 ч. боб.) и 14 дв. боб. (18 ч.). Пашни паханой добр. з. 27 ч. съ осминой, середн. 7 ч. съ осминой, худ. 4 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 2.373 ч. безъ полуосмины, середн. 775 ч. съ осминой, худ. 232 ч., всего 3.420 ч. съ полуосминой. Сѣна 19.290 коп., лѣсу паш. 216 ¼ д., паш. и непаш. 451 ¼ д., непаш. 84 д., поверстнаго на 121 ½ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ полшесты сохи съ ½ четвертью и ½ ½

[1]) Д. 852.

чети сохи и 8 ч. безъ полуосмины пашни; а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 4 ч. съ третникомъ и съ получетверика и съ* ½ ½ ½ *четверика пашни* [1]).

12. Изборскій уѣздъ.

По кн. 355 (опричь порозжихъ земель = 281 ч. съ осминой) за помѣщиками, монастырями и церквами сошнаго письма состоитъ 10 сохъ съ ½ сохою и ½ ½ трети и ½ ½ четверти сохи и 6 ч. безъ полутретника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ соха и ½ трети безъ ½ ½ ½ чети сохи и 6 ч. безъ третника пашни, — во льготѣ соха безъ ¼ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети и 3 ч. безъ ½ третника перелогу,—впустѣ 8½ сохъ и ½ ½ трети и ½ ½ четверти сохи и 6 ч. безъ третника пашни.

Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ ¼ и ½ ½ четверти сохи и 6 ч. безъ ½ ½ третника пашни, — во льготѣ ½ и ½ ½ чети сохи и 3 ч. и ½ ½ третника перелогу, — впустѣ 3½ сохи и 3 ч. съ полуосминой и ½ третника перелогу,—всего 4¼ сохи безъ ½ ½ ½ чети сохи и 4 ч. и ½ ½ третника пашни.

На монастыри и церкви приходится сошнаго письма: въ живущемъ соха безъ ¼ и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи безъ полуосмины пашни,—во льготѣ ½ сохи безъ ½ ½ ½ трети сохи и безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 5 сохъ и ½ ½ трети и ½ ½ четверти сохи и 2 ч. съ полуосминою перелогу, — всего 6⅓ сохъ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи и 2 чети безъ полуосмины пашни [2]).

По кн. 827 [3]) за помѣщиками, монастырями и церквами въ живущемъ и во льготѣ 3 сельца да сельцо пусто, 193½ деревни, 7 починковъ да починокъ пустъ, 499 пустошей и 6 селищъ, да въ пашню припущены 5 дер. и 11½ пустошей. А въ нихъ 9 дв. помѣщ., 2 дв.

[1]) Далѣе (начиная съ заголовка „Невль") идетъ перечисленіе помѣщиковъ невельскихъ и псковскихъ, которымъ даны помѣстья изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ во 129 г., а также изъ того, что было за отбылыми помѣщиками, — и все это повидимому въ михайловской губѣ Островскаго уѣзда. Относительно послѣдней категоріи псковскихъ помѣщиковъ, получившихъ изъ дворцовыхъ земель что было за отбылыми помѣщиками, пояснено: „даваны нынѣ псковскимъ помѣщикамъ тѣ помѣстья въ ихъ окладъ въ додачу ко псковскимъ ихъ помѣстьямъ, а не противъ отбылыхъ помѣстій" (л. 1043).

[2]) Итогъ въ кн. 355 на л. 686—687.

[3]) Итогъ на л. 739—744.

монаст., 246 дв. кр. (250 ч.) и 6 дв. боб. (тожъ). Пашни добр. з. 34 ч. съ полуосминой, середн. 352 ч. съ полуосминою, худой 127 ч., да перелогу и поросли добр. з. 2.830 ч. безъ полуосмины, середн. 2.824 ч. съ четверикомъ, худой 1.586 ч. съ полуосминой, — всего 8.023 ч. (?) съ осминой и съ четверикомъ. Сѣна 8.174 коп.; лѣсу паш. 2.942 $^1/_2$ д., непаш. 1.826 д., поверстнаго, паш. и непаш., по всему Изборскому уѣзду, опричь государевыхъ дворцовыхъ и порозжихъ земель, вдоль 116 $^1/_2$ в., поперекъ 73 в. Сошнаго письма въ живущемъ соха и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 2 чети пашни; да во льготѣ (сроки льготы отъ 107 до 114 г.) соха безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи, а впустѣ 9 сохъ безъ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи съ полуосминой перелогу, — всего 11 сохъ безъ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 четверти съ полуосминою пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 6 селецъ да сельцо пусто, 71 $^1/_2$ деревень, 281 пустошь и 6 селищъ, да въ пашню припущены 5 дер. и 11 $^1/_2$ пустошей. А въ нихъ 9 дв. помѣщ., 86 дв. кр. и 2 дв. боб. (людей тожъ). Пашни добр. з. 155 ч., середн. з. 80 ч. безъ полуосмины, худой 54 ч. безъ полуосмины, да перелогу и поросли добр. з. 1.029 ч. съ осминой, середн. 1.306 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, худ. 1.101 ч. безъ полуосмины, всего 3.725 ч. съ четверикомъ, изъ коихъ за добрую землю положено пашни 258 ч. съ осминой и съ четверикомъ, перелогу и поросли 2.808 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, всего учинено доброю землею 3.066 ч. съ осминой и съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано на середнюю и на худую землю тоежъ земли 657 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника *да 3 осмины безъ наддачи*. Сѣна 5.787 коп., лѣсу паш. *во всѣхъ трехъ поляхъ* 2.099 д., непаш. 1,490 д., поверстнаго, паш. и непаш., врозни вдоль 109 в., поперекъ 68 в. Сошнаго письма въ живущемъ четверть и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи, а впустѣ 3 сохи съ полусохою и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 7 четв. съ осминою перелогу. Да во льготѣ 31 пустошь: пашни перелогу и поросли добр. з. 103 ч. съ осминой, середн. 259 ч., худ. 26 ч., изъ коихъ за добрую положено 325 ч. безъ полуосмины, наддано 59 ч. безъ полуосмины. Сѣна 311 коп., лѣсу паш. 176 $^1/_2$ д., непаш. 15 д., поверстнаго, паш. и непаш., вдоль 4 $^1/_2$ в., поперекъ 3 в. Сошнаго письма $^1/_2$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи безъ полуосмины пашни.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 51 пустошь: пашни добр. з. 29 ч. съ осминой, середн. 127 ч. съ полуосминой, худ. 198 ч. съ полу-

осминой, всего 355 ч., изъ коихъ за добрую землю положено 276 ч. съ осминою, наддано 78 ч. съ осминою. Сѣна 560 коп., лѣсу паш. 283 д., непаш. 100 д., поверстнаго вдоль 20 $^{1}/_{2}$ в., поперекъ 11 в. Сошнаго письма впустѣ $^{1}/_{4}$ и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверти и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверти сохи и 1 ч. съ осминою перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 122 дер., 7 починковъ да починокъ пустой, 158 пустошей. Дворовъ: 2 дв. монаст., 160 дв. кр. (164 ч.), 4 дв. боб. (тожъ). Пашни добр. з. 149 ч. съ полуосминой, середн. 272 ч. съ осминой, худ. 73 ч. съ полуосминой, да перелогу и поросли добр. з. 1.500 ч. безъ полуосмины, средн. 1.225 ч. съ полуосминой, худ. 429 ч. съ полуосминой, всего 3.649 ч. съ полуосминой. Сѣна 5.840 коп.; лѣсу паш. 1.211 $^{1}/_{2}$ д., непаш. 987 $^{1}/_{2}$ д., поверстнаго, паш. и непаш., въ ровни вдоль 19 в., поперекъ 12 в. безъ $^{1}/_{4}$. Сошнаго письма въ живущемъ соха безъ $^{1}/_{4}$ и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ трети сохи и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверти сохи и 2 ч. пашни, а впустѣ 5 $^{1}/_{4}$ сохъ безъ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ чети сохи и 3 чети безъ полуосмины перелогу. Да во льготѣ 27 пуст., пашни перелогомъ и поросли добр. з. 197 ч., середн. 38 ч. съ полуосминой, всего 166 ч. (?) безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потомужъ. Сѣна 455 коп., лѣсу паш. 29 д., непаш. 50 д., поверстнаго, паш. и непаш., вдоль и поперекъ по верстѣ. А сошнаго письма $^{1}/_{2}$ сохи безъ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ трети и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ трети сохи и 1 ч. съ полуосминой перелогу.

По кн. 1065 [1]) *за помѣщиками* полшеста сельца, 107 дер. съ $^{1}/_{2}$ третью дер., да полсельца и 3 деревни безъ $^{1}/_{3}$ пусты, 261 $^{1}/_{2}$ пуст., 4 селища, да къ пашню припущены 9 дер. и 9 пуст. Дворовъ: 14 дв. помѣщик., 12 дв. людск., 146 дв. кр. (216 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 16 ч. боб.), 61 дв. боб. (79 ч.), да дворъ мельниковъ (I ч.), да дворъ помѣщиковъ и 5 дв. кр. пусты. Пашни паханой добр. з. 114 ч., середн. 176 ч. съ осминой, худ. 66 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.134 ч., середн. 1.494 ч. съ четверикомъ, худ. 1.067 ч. безъ полуосмины, всего 4.051 ч. съ четверикомъ, изъ коихъ за добрую землю положено 3.345 ч. безъ четверика, наддано 706 ч. съ полутретникомъ, да примѣрено разнаго качества земли 100 ч. безъ полуосмины, изъ которыхъ за добрую землю положено 79 ч. и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ третника. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 4 сохи съ $^{1}/_{2}$ третью и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ четверти и $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ $^{1}/_{2}$ чети сохи и 13 ч. съ осминой пашни, а по государеву указу пла-

[1]) Кн. 1065 л. 396 и сл. и ср. кн. 825 л. 833 и сл.

тить въ сошное письмо *съ живущаго съ 18 четвертей безъ четверика и съ* $^1/_2\,^1/_3$ *четверика и съ* $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ *четверика пашни.*

Порозжихъ помѣстныхъ земель 52 $^1/_2$ пустоши да два селища. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 129 ч. безъ полуосмины и худ. 111 ч. безъ полуосмины, всего 239 ч. съ осминою, изъ коихъ за добрую землю положено 178 ч. безъ $^1/_2$ третника, наддано 62 ч. безъ третника. Сѣна 590 коп., лѣсу *по пашнѣ* 15 ч. да *лѣсу пашеннаго* 458 д., непаш. 140 д., поверстнаго вдоль 39 в., поперекъ 12 $^1/_2$ в. Сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ четверти и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 19 ч. съ осминой перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 72 дер. и 136 $^1/_2$ пуст. Дворовъ: дв. мон. пріѣзжій, 121 дв. кр. (168 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 8 ч. боб.), 50 дв. боб. (60 ч.), да дворъ пустъ. Пашни паханой добр. з. 162 ч. съ полуосминой, серед. 32 ч. съ осминою, худой 3 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.419 ч. безъ полуосмины, середн. 683 ч. безъ полуосмины, худ. 271 ч., да примѣрено добр. з. 26 ч. безъ полуосмины, всего (и съ примѣрною) 2.596 ч. съ осминою. Сѣна 5.050 коп., лѣсу паш. 448 $^1/_2$ д., непаш. 803 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ въ длину на 13 $^1/_2$ в., поперекъ на 8$^1/_4$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 4$^1/_4$ сохи и $^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 5 чет. пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ* $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ *четверти сохи и съ 1 четверти безъ третника и съ* $^1/_2\,^1/_2$ *четверика и съ* $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ *четверика пашни.*

13. Вышегородскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель) состоитъ сошнаго письма 9 сохъ и $^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети сохи и 4 чети съ осминою безъ $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ соха безъ $^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2$ чети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ чети сохи и 5 чет. съ четверикомъ и $^1/_2\,^1/_2$ третника пашни, — во льготѣ $^1/_4$ и $^1/_2$ четверти и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 2 ч. безъ полутретника перелогу, — впустѣ 8 сохъ безъ $^1/_3$ и $^1/_2\,^1/_2$ чети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ осминой и $^1/_2\,^1/_2$ третника перелогу.

Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится: въ живущемъ соха безъ $^1/_3$ и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ трети и $^1/_2\,^1/_2\,^1/_2$ четверти сохи и 3 ч. съ осми-

[1]) Итогъ кн. 355 на л. 712 и сл.

ною и съ четверикомъ пашни, — во льготѣ ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 8 ч. и ½ третника перелогу,—впустѣ 6 сохъ безъ ½ и ½ ½ чети сохи и 7 ч. перелогу — всего 6½ сохъ и ½ ½ трети сохи и 10 ч. съ третникомъ пашни и четверикъ.

На монастыри и церкви приходится сошнаго письма: въ живущемъ ½ чети и ½ ½ чети сохи и 1 ч. съ осминой и ½ ½ третника пашни,—во льготѣ ½ безъ ½ ½ ½ трети сохи и 3 ч. съ полуосминой перелогу,—впустѣ 2 сохи и ½ ½ чети сохи и 3 чети безъ ½ ½ третника перелогу,—всего 2 ½ сохи и ½ ½ чети сохи и 1 ч. съ осминой пашни.

Въ кн. 827 вышегородскаго уѣзда нѣтъ.

По кн. 1067 [1]) за *помѣщиками* состоитъ 5 селищъ (чит. селецъ), 132 дер. *живущихъ* и 11 дер. пустыхъ, 715 ½ пуст. и 31 селище, да въ пашню припущены 13 дер. и 31 пуст., да вопче съ церквами 2 дер. и 2 пуст. А въ сельцахъ и деревняхъ 4 дв. помѣщ., 2 дв. людск., 151 дв. кр. (178 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 24 боб.), 21 дв. боб. (25 ч.) Пашни паханой добр. з. 122 ч. безъ ½ третника, середн. 137 ч. безъ третника, худ. 123 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 1.404 ч. съ третникомъ, серед. 1.712 ч. съ осминой и съ четверикомъ, худой 2.269 ч. безъ третника,—всего 5.667 ч. съ осминой безъ ½ ½ третника, изъ коихъ за добрую землю положено 4.610 ч. съ ½ третникомъ, наддано 1.157 ч. съ полуосминою и съ ½ ½ третникомъ, да примѣрено перелогу добр. з. 11 ч. съ осминой, середн. 5 ч. съ осминой и худ. 23 ч. съ ½ третникомъ, всего 40 ч. съ ½ третникомъ, причемъ за добрую землю положено 31 ч. съ осминою, наддано 9 ч. безъ третника. Сѣна 20.656 коп.; лѣсу паш. 4.898 д., непаш. 8.986 д., поверстнаго вдоль 121 ½ в., поперекъ 65 ¼ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 6 сохъ безъ ½ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ четверти сохи и 2 ч. безъ ½ третника пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо съ живущаго *со штинадцати четвертей съ осминой безъ ½ четверика пашни, а церковнымъ платить въ сошное письмо съ живущаго съ четверика и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

Да за помѣщиками же по государевымъ грамотамъ и по ихъ ввознымъ грамотамъ и по выписямъ, сверхъ приправочныхъ книгъ, сельцо, 13 деревень *живущихъ*, деревня пустая и 17 пуст., да въ пашню

[1]) Почти весь итогъ извлекается изъ кн. 824 л. 625 и сл., такъ какъ въ кн. 1067 на л. 938 и сл. находится лишь обрывокъ итога.

припущены селище и 4 дер. Дворовъ: 2 дв. помѣщ., 16 дв. кр. (18 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 5 ч. боб.) и 7 дв. боб. (13 ч.). Пашни всякаго рода 267 ч. безъ третника, за добрую положено 257 ч. съ осьминою и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано 10 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 130 коп.; лѣсу паш. $55^1/_2$ д., непаш. 12 д. Сошнаго письма $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, а платить *съ 2 четвертей, безъ* $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ *третника пашни.*

Да порозжихъ земель $203^1/_2$ пуст. и 25 селищъ, да $^1/_2$ пустоши въ пашню припущено. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 163 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, середн. 249 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, худ. 526 ч. съ осминой, всего 938 ч. съ осминою и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, за добр. з. положено 715 ч. съ четверикомъ и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано 223 ч. съ полуосминою и съ четверикомъ. Сѣна 3.144 коп., лѣсу паш. $1.119^1/_4$ д., непаш. $1.533^1/_2$ д., поверстнаго вдоль на $23^1/_2$ в., поперекъ на 16 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма впустѣ соха безъ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 7 ч. съ осминою перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 22 дер. и дер. пустая, 178 пуст., 2 селища, а въ деревняхъ 26 дв. кр. (33 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 6 ч. боб.), да дв. кр. пустъ. Пашни паханой добр. з. 8 ч., середн. 17 ч. съ осминой, худ. 21 ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 616 ч. съ полуосминою и съ четверикомъ, середн. 277 ч. безъ полуосмины и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третникъ, худ. 586 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, всего 1.526 ч. съ осминою и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 4.675 коп., лѣсу паш. $1.285^1/_2$ д., непаш. 2.350 д., поверстнаго вдоль на 15 в., поперекъ на $7^1/_4$ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $2^1/_2$ сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 12 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни (а сколько платить, не сказано).

14. Вороночскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]. за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ помѣстныхъ земель=1254 ч. съ осминой впустѣ) сошнаго письма числится $6^1/_4$ сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чет. сохи и 3 ч. съ полуосминой пашни. Изъ нихъ на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, — во льготѣ 8 ч. съ осминой перелогу, — впустѣ 3 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 7 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу,—всего 3 сохи и

[1]) Итогъ въ кн. 355 на л. 765—766.

$^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 ч. съ осминой пашни. На *монастыри и церкви* сошнаго письма *впустѣ* 3 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи безъ полуосмины перелогу.

По кн. 827 [1]) помѣщичьихъ, ямскихъ, порозжихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель: 7 сełецъ, 31 дер., 495 пуст. и 3 селища, да въ пашню припущены 2 дер., починокъ и 10 пуст. Дворовъ: 7 дв. помѣщ., 6 дв. людск., 30 дв. кр. да два дв. боб. (людей тожъ), да дворъ пустъ. Пашни добр. з. 15 ч. середн. 62 ч. съ четверикомъ, худ. 62 ч., да перелогомъ и поросли добр. з. 1.118 ч., сер. 4.427 ч. съ осминой, худ. 913 ч. съ осминой, всего 6.598 ч. съ четверикомъ. Сѣна 23.476 коп., лѣсу паш. 1.213$^1/_4$ д.: паш. и непаш. 221$^1/_4$ д., непаш. 2.821 д., поверстнаго—паш. и непаш.—въ розни вдоль 19$^1/_2$ в. поперекъ 12$^1/_2$ в. и $^1/_2$ четверти версты. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. пашни, — во льготѣ 8 ч. съ осминой, впустѣ 8 сохъ безъ $^1/_3$ и 6 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни,— всего 8 сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третника пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 7 сельцъ, 31 дер., 341 пуст. да въ пашню припущены 2 дер., починокъ и 10 пуст. Дворовъ: 7 дв. помѣщ., 6 дв. людскихъ, 30 дв. кр. и дворъ боб. (людей тожъ). Пашни добр. з. 15 ч., сер. 62 ч. съ четверикомъ, худ. 62 ч., да перелогомъ и поросли добр. з. 422 ч. съ осминой, серед. 2.103 ч., худ. 466 ч. безъ полуосмины, всего 3.127 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, изъ коихъ за добр. з. положено пашни 106 ч., а перелогу и поросли 2.413 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; наддано 608 ч. и $^1/_2$ третника. Сѣна 23.019 коп., лѣсу паш. 571$^1/_4$ д. паш. и непаш 32$^1/_2$ д., непаш., 1.407$^1/_2$ д., поверстнаго — паш. и непаш.—въ розни вдоль 3 в. безъ $^1/_4$, поперекъ 6 в. (sic) безъ четверти. Во льготѣ 3 пуст. (число чотой невозможно разобрать, изъ послѣдующаго видно, что льготныхъ 8 ч. съ осминой). Ямскихъ 3 селища = 22 чети. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. пашни,—во льготѣ (до 112 г.) 8 ч. съ осминой пашни,—впустѣ 3 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 6 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу,— всего 3 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 4 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу.

Порозжихъ земель 248 пуст., что въ общемъ составляетъ 1.573 ч. изъ коихъ за добр. з. положено 1.293 ч. съ осминою и $^1/_2$ $^1/_2$ трет-

[1]) Итогъ на л. 1134.

ника, наддано 279 ч. и 1/2 третника. Сѣна 6.281 коп., лѣсу паш. 400 д., паш. и непаш. 146 1/4 д., непаш. 988 1/2 д., поверстнаго вдоль на 3 1/4 в., поперекъ на полтретьи версты безъ получетверти версты. Сошнаго письма впустѣ соха съ 1/2 сохою и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 1 ч. съ полуосминой перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 203 пуст. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 374 ч. съ осминой, середн. 1.061 ч. худ. 230 ч., всего 1.665 ч. съ осминой. Сѣна 4.455 коп., лѣсу паш. 238 1/2 д., паш. и непаш. 92 1/4 д., непаш. 409 д. поверстнаго—паш. и непаш.— вдоль 6 1/2 в., поперекъ 4 1/2 в. Сошнаго письма впустѣ 3 сохи и 1/2 чети сохи безъ 3 полуосминъ перелогу.

По кн. 1066 [1]) *за помѣщиками* числится 5 селецъ, 21 дер. съ третью деревни, да деревня безъ 1/2 трети пуста, 236 пуст. да въ пашню припущены дер. и 14 пуст. Дворовъ: 5 дв. помѣщ., 5 дв. людск., 34 дв. кр. (50 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. боб.) 11 дв. боб. (15 ч.). Пашни, вмѣстѣ съ перелогомъ и лѣсомъ поросшею, добр. и середн. и худ. земли 2.259 ч. безъ полуосмины, за добрую землю положено паханой 60 ч. безъ полуосмины, а перелогу и лѣсомъ поросло 1.792 ч. и 1/2 1/2 1/2 третника, всего 1.852 ч. безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третника, наддано 407 ч. безъ 1/2 1/2 1/2 третника. Сѣна 9.620 коп.; лѣсу паш. 450 1/4 д., паш. и непаш. 88 д., непаш. 830 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль 9 в., поперекъ 5 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2 1/4 сохи и 1/2 1/2 чети сохи и 2 чети безъ полуосмины и 1/2 1/2 1/2 третника пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ 4 ч. съ осминой безъ 1/2 1/2 1/2 третника и съ 1/2 1/2 четверика пашни.*

Порозж. пом. земель 329 пуст., да припущены въ пашню 5 пуст. и селище. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 285 ч. безъ полуосмины, середн. 1.681 ч. безъ полуосмины, худ. 344 ч., всего 2.309 ч. съ осминой; за добрую положено 1.861 ч., наддано 448 ч. съ осминою. Сѣна 8.346 коп., лѣсу паш. 582 д., паш. и непаш. 71 1/2 д., непаш. 1.368 1/2 д., поверстнаго вдоль 3 в. безъ 1/4, поперекъ полтретьи версты безъ 1/2 четверти. Сошнаго письма впустѣ 2 1/4 сохи и 1/2 1/2 чети и 11 ч. перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 4 дер., 174 пуст., да припущены въ пашню 3 пуст. Дворовъ: 6 дв. кр. (7 ч.). Пашни паханой, вмѣстѣ съ перелогомъ и лѣсомъ поросшею, добр., серед. и худ. земли всего

[1]) Л. 946 и сл.

1.734 ч. съ полуосминой; сѣна 3.962 коп., лѣсу паш. 227 д., паш. и непаш. 38¼ д., непаш. 355½ д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль полсемы версты, попорекъ полпяты версты. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 3 сохи безъ ¼ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и 3 ч. пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо съ живущаго *съ чети безъ полуосмины и съ ½ ½ четверика и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

15. Дубковскій уѣздъ.

По кн. 353 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ пом. земель = 460 ч. съ осминой перелогу) состоитъ сошнаго письма 5 сохъ съ полусохою и ½ ½ чети сохи и 1 ч. и ½ третника пашни. Изъ нихъ въ живущемъ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 5 ч. съ полуосминой и ½ третника пашни, — во льготѣ ½ чети и ½ ½ чети сохи и 3 ч. безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 5¼ сохъ безъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 5 четей съ осминой перелогу.

Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма въ живущемъ ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 5 ч. безъ полуосмины пашни,—во льготѣ ½ ½ ½ чети сохи, — впустѣ 2 сохи безъ ¼ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 2 чети безъ полуосмины перелогу,— всего 2 сохи безъ ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 6 ч. съ осминою пашни.

На монастыри и церкви приходится сошнаго письма: въ живущемъ 9 четей пашни,—во льготѣ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи и 3 ч. безъ полуосмины перелогу, — впустѣ 3 сохи съ ¼ и ½ трети безъ ½ ½ ½ чети сохи и 4 ч. безъ полуосмины перелогу, — всего 3½ сохи и ½ ½ чети сохи и 3 чети пашни.

По кн. 827 [2]) помѣщичьихъ, порозжихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель 6 селецъ, 40 дер., 479 пуст., 36 селищъ, да въ пашню припущены 8 дер. и 2 пуст. Дворовъ: 8 дв. помѣщ., 3 дв. людск., 54 дв. кр. (55 ч.), 7 дв. боб. (тожъ), да 5 дв. пусты. Пашни середн. з. 25 ч. съ осминой, худ. 113 четей, да перелогу и поросли середн. з. 2.409 ч., худ. 2.761 ч. съ полуосминой, всего 5.309 четей безъ

---

[1]) Итогъ на л. 774—775.

[2]) Л. 1389 и сл.

полуосмины. Сѣна 17.464 копенъ, лѣсу паш. и непаш. 1.416½ д., поверстнаго — паш. и непаш. — вдоль и поперекъ по верстѣ безъ ¼. Сошнаго письма въ живущемъ ½ ½ трети и ½ ½ ½ ч. сохи и 6 ч. съ осминой пашни. Во льготѣ (до 111 г.) ½ ½ ½ трети сохи и 11 ч. съ полуосминой пашни, и еще во льготѣ (до 114 г.) ½ ½ трети и ½ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи. Впустѣ 6 сохъ безъ ½ ½ ½ чети и ½ ½ трети сохи и 8 ч. пашни, — всего 6 сохъ съ полусохою безъ ½ ½ трети сохи и 1 ч. безъ полуосмины пашни.

Изъ этого общаго итога *на помѣщиковъ* приходится: 6 селецъ, 37 дер., 225 пуст. 18 селищъ. да въ пашню припущены 8 дер. Дворовъ: 8 дв. помѣщ., 3 дв. людск., 51 дв. кр., 6 дв. боб. (людей тожъ), да 5 дв. пусты. Пашни серед. з. 20 ч. съ осминой, худ.109 ч. да перелогу и поросли серед. з. 992 ч. съ осминой и худ. 1.308 ч. безъ полуосмины, — всего 2.430 ч. безъ полуосмины, изъ коихъ за добрую положено 1.755 ч. съ осминой, наддано 674 ч. съ полуосминою. Во льготѣ 5 пуст.=62 ч., изъ коихъ за добрую положено 44 ч. съ осминой, наддано 17 ч. съ осминой. Сѣна 8.785 коп., лѣсу паш. и непаш. 825 д. Сошнаго письма въ живущемъ ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 6 ч. безъ полуосмины пашни, — во льготѣ ½ ½ ½ трети сохи и 11 ч. съ полуосминой пашни, — впустѣ 2 сохи и ½ ½ трети сохи и 2 ч. безъ полуосмины перелогу, — всего 2¼ сохи и 2 ч. и ½ ½ третника пашни.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 56 пуст. и 6 селищъ, да 2 пуст. въ пашню припущены. Пашни всякаго рода здѣсь 651 ч. съ осминой, изъ коихъ учинено доброю землею 470 ч., наддано 180 ч. съ осминой. Сѣна 1.670 коп., лѣсу паш. и непаш. 161½ д. Сошнаго письма впустѣ ½ сохи и ½ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи и 3 ч. перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ и архіепископскихъ 3 дер., 183 пуст., и 12 селищъ. Дворовъ: 3 дв. кр. (4 ч.) и дв. боб. (1 ч.). Пашни серед. з. 5 ч., худ. 4 ч., да перелогу и поросли серед. 1.022 ч. съ осминой, худ. земли 1.027 четей, всего 2.058 четей съ осминой. Сѣна 6.624 коп.; лѣсу паш. и непаш. 404 д. поверстнаго — паш. и непаш. — вдоль и поперекъ по верстѣ безъ ¼. Во льготѣ 10 пуст., перелогомъ и поросли серед. земли 96 четей съ осминой и худ. 11 ч., всего 107 четей съ осминой. Сѣна 385 коп., лѣсу паш. и непаш. 26 д. Сошнаго письма въ живущемъ 9 ч., да во льготѣ ½ ½ трети и ½ ½ четверти и ½ ½ ½ четверти сохи, а впустѣ 3 сохи съ ½ и ½ ½ ½

треть сохи и 3 ч. съ осминой перелогу,—всего $3^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи.

По кн. 1607 [1]) *за помѣщиками* сельцо безъ четверти, 10 деревень *живущихъ*, да $^1/_4$ сельца и 2 дер. пусты, 136 пуст. безъ $^1/_2$, 13 селищъ, да въ пашню припущены поддеревни и полсемы пустоши. Дворовъ: 3 дв. помѣщ., 11 дв. кр. (15 ч. да въ тѣхъ же дворахъ бобыль), 6 дв. боб. (9 ч.). да дворъ помѣщ. и дворъ кр. пусты. Пашни пах. серед. з. 5 ч, съ полуосминою, худ. 14 ч. съ полуосминою, да перелогомъ и лѣсомъ поросло сер. з. 449 ч. съ полуосминой, худ. 925 ч. съ полуосминой, всего 1.395 ч. изъ коихъ за добр. землю положено паханой 14 ч. безъ полуосмины, а перелогу и лѣсомъ поросло 981 ч. съ $^1/_2$ третникомъ, всего 995 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано 400 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 4.910 коп., лѣсу паш. 179 д. безъ $^1/_4$, паш. и непаш. 226 д., непаш. 94 д., поверстнаго на $^1/_2$ версты, *да лѣсу по пашнѣ 5 ч.* Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ соха и $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ чети съ третникомъ и съ $^1/_2$ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Помѣстныхъ порозжихъ земель 185 пуст. съ $^1/_2$ и 12 селищъ, да 8 пуст. въ пашню припущены. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 863 ч. съ осминою, худ. 904 ч. съ осминой, всего 1.768 ч., изъ коихъ за добрую положено 1.295 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано 473 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 6.400 коп.; лѣсу паш. 192 д. безъ четверти, паш. и непаш. 59 д., непаш. 70 д. Сошнаго письма впустѣ $1^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 11 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ деревня и 194 пуст., 12 селищъ, да въ пашню припущены 3 пустоши. Въ деревняхъ 3 дв. кр. (4 ч. да въ тѣхъ же дворахъ бобыль), 4 дв. боб. (людей тожъ). Пашни пах. худ. з. 2 чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 1.133 ч., худ. 1.028 ч., всего 2.163 ч. Сѣна 7.050 коп., лѣсу паш. $190^1/_4$ д., паш. и непаш. 177 д. безъ $^1/_4$, непаш. $47^1/_4$ д., да кустарю 4 дес. да поверстнаго лѣсу 2 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $3^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 11 ч. пашни, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго съ чети безъ трети чети пашни.*

---

[1]) Л. 395 и сл.

16. Выборскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ 393 ч. съ полуосминой перелогу, 2 пустошей, состоявшихъ за выборскимъ ямомъ, и 17 пустошей еще за тремя лицами), сошнаго письма состоитъ $6^1/_4$ сохъ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 6 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третникъ пашни. Изъ нихъ въ живущемъ $^1/_4$ и $^1/_2$ трети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 ч. безъ третника пашни,—во льготѣ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и полъосмины перелогу,—впустѣ $5^1/_2$ сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ осминою перелогу.

Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 2 ч. и $^1/_2$ третника пашни,—впустѣ 2 сохи и $^1/_2$ трети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 1 ч. перелогу, — всего 2 сохи съ четью и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 ч. и $^1/_2$ третникъ пашни.

На монастыри и церкви приходится сошнаго письма: въ живущемъ четверть безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 2 ч. съ осминой пашни,—во льготѣ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и полъосмины перелогу,—впустѣ $3^1/_4$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и осмина перелогу,—всего 4 сохи.

По кн. 827 [2]) помѣщичьихъ, порозжихъ, ямскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель числится 4 сельца, 98 деревень, сельцо и 5 дер. пустыхъ, 500 пуст., 123 селища, да въ пашню припущены 12 дер., 5 пуст. и селище. Дворовъ: 3 дв. мон., 6 дв. помѣщ., 8 дв. людск., 61 дв. кр. (63 ч.), 3 дв. боб. (тожъ), да 15 дв. пустыхъ. Пашни середн. з. 181 ч. и $^1/_2$ третника, худ. 122 ч., да перелогу и поросли серед. 3.042 ч. и худ. 2.215 ч., всего 5.560 ч. и $^1/_2$ третника. Сѣна 19.999 коп., лѣсу паш. 684 д. безъ $^1/_4$, паш. и непаш. 1.792 д., (не) паш. $639^1/_2$ д., поверстнаго — паш. и непаш. — въ розни по всему уѣзду вдоль $20^1/_4$ в., поперекъ $14^1/_2$ в. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_4$ и $^1/_2$ трети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $/^1/_2$ чети сохи и полъосмины пашни,—во льготѣ (до 110 г.) четь и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и полъосмины пашни и еще (до 114 г.) $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи, а впустѣ 6 сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ третникомъ

[1]) Итогъ на л. 784—785.

[2]) Итогъ на л. 1290 и сл.

перелогу,—всего 7 сохъ безъ $^1/_4$ и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 3 ч. съ полуосминою пашни.

Изъ этого общаго итога на *помѣщиковъ* приходится: 4 сельца, 28 дер., сельцо и 2 дер. пусты, 236 пуст., 95$^1/_2$ селищъ, да въ пашню припущены 12 дер., 5 пуст. и селище. Дворовъ: 6 дв. помѣщ. [1]), 8 дв. людск., 30 дв. кр. (32 ч.), и дв. боб. (1 ч.), да 10 дв. пустыхъ. Пашни середн. з. 100 ч. и $^1/_2$ третника, худ. 57 ч. съ полуосминой, да перелогомъ и поросли сер. 3, 1.123 ч., худ. 1.221 ч., всего 2.501 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третника, изъ коихъ за добрую положено пашни 119 ч., а перелогу и поросли 1.712 ч.,—„обоего" 1.831 ч. безъ $^1/_2$ третника, наддано 670 ч. съ осминой. Сѣна 10.239 коп.; лѣсу паш. 263$^1/_4$ д., паш. и непаш. 957$^1/_2$ д., непаш. 228$^1/_2$ д., поверстнаго—паш. и непаш.—вдоль 11$^1/_2$ в., поперекъ 10$^1/_2$ в. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 2 ч. съ осминой пашни,—впустѣ 2 сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти безъ полуосмины и безъ $^1/_2$ третника перелогу,—всего 2$^1/_4$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 2 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни. Да ямскихъ земель 2 пуст. = 28 ч.

Порозжихъ помѣстныхъ земель 63$^1/_2$ пустоши, середн. и худой земли 537 ч. съ полуосминой, изъ коихъ за добрую положено 395 ч. безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника; наддано 142 ч. съ полуосминою и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 1.775 коп.; лѣсу паш. 220 д., паш. и непаш. 153. д., (не)паш. 126$^1/_2$ д., поверстнаго вдоль верста съ $^1/_4$, поперекъ верста безъ $^1/_4$. Сошнаго письма впустѣ $^1/_2$ сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 ч. безъ полутретника перелогу.

Монастырскихъ и церковныхъ 30 дер., 3 дер. пусты, 173 пуст. и 10$^1/_2$ селищъ. Дворовъ: 3 дв. монаст., 31 дв. кр. и 2 дв. боб. (людей тожъ), да 5 дв. пусты. Пашни середн. з. 81 ч., худ. 65 ч. безъ полуосмины, да перелогу и поросли серед. з. 1.427 ч., худой 664 ч. съ полуосминой, всего 2.237 ч. Сѣна 7.805 коп., лѣсу паш. 177 д., паш. и непаш. 639$^1/_2$ д., непаш. 269$^1/_2$ д., поверстнаго—паш. и непаш.—вдоль 7$^1/_2$ в., поперекъ 3$^1/_4$ в. Да во льготѣ 26 пуст. = серед. и худ. земли 256 ч. съ осминой, сѣна 520 коп., лѣсу паш. 15 д., паш. и непаш. 42 д., непаш. 15 д. Сошнаго письма въ живущемъ $^1/_4$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 2 ч. съ осми-

[1]) Послѣ исчисленія деревень и пустошей какая-то путаница: а въ нихъ 6 дворовъ пустыхъ, пашни середней земли помѣщиковы да 8 дв. людскихъ да 30 дв. крест. и т. д.

ной пашни,—да во льготѣ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и полъосмины пашни,—впустѣ $3^1/_4$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ осминой перелогу,—всего 4 сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и 4 ч. съ полуосминою пашни.

По кн. 1.067 [1]) за *помѣщиками* состоитъ 3 сельца, 10 дер. безъ $^1/_2$ трети деревни, да $^1/_2$ треть деревни пуста, $145^1/_2$ пустошей, $58^1/_2$ селищъ, да въ пашню припущены 3 дер., 15 пуст. и селище. Дворовъ: 3 дв. пом., 3 дв. людск., 13 дв. кр. (15 ч. да въ тѣхъ же дворахъ бобыль), 5 дв. боб. (тожъ). Пашни паханой середн. з. 10 ч. съ полуосминой, худ. 28 ч. съ полуосминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 756 ч. съ полуосминой, худ. 732 ч. съ полуосминой, всего 1.527 ч., изъ коихъ за добрую положено паханой 27 ч. съ третникомъ, а перелогу и лѣсомъ поросло 1.094 ч. съ полуосминою,— „обоего" 1.121 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника, наддано 405 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третника. Сѣна 7.870 коп.; лѣсу паш. $107^1/_2$ д., паш. и непаш. 853 д., непаш. $122^1/_2$ д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 10 в., поперекъ на 9 в.; *да лѣсу по пашнѣ 51 ч. съ полуосминой.* Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ $1^1/_4$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 13 ч. съ полутретникомъ пашни, а платить въ сошное письмо *съ живущаго съ чети съ осминой и съ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника и съ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверика пашни.*

Да порозжихъ помѣстныхъ земель 177 пустошей и $64^1/_2$ селища, да въ пашню припущены 4 пустоши. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середн. з. 730 ч. съ осминой, худ. 808 ч., всего 1.538 ч. съ осминой, изъ коихъ за добрую положено 1.124 ч. съ осминой и $^1/_2$ $^1/_2$ третника. Сѣна 5.548 коп., лѣсу паш. $280^1/_2$ д., паш. и непаш. 394 д., непаш. $244^1/_2$ д., *да лѣсу по пашнѣ* 63 ч., да поверстнаго лѣсу въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 2 версты, а поперекъ тожъ. Сошнаго письма впустѣ соха съ третью и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 9 ч. безъ третника пашни.

Да ямскихъ земель 2 пустоши: пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло серед. з. 28 ч., сѣна 100 коп., лѣсу паш. полъосмы десятины.

Монастырскихъ и церковныхъ 12 дер., 220 пуст. и $17^1/_2$ селищъ, а въ деревняхъ 13 дв. кр. (14 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 14 ч. боб.) и 4 дв. боб. (тожъ). Пашни паханой середн. з. 4 ч. съ осминой, худ. 5 ч. съ осминой да перелогомъ и лѣсомъ поросло сер. з. 1.700 ч.

[1]) Л. 201 и сл.

безъ полуосмины, худ. 772 ч., всего 2.482 ч. безъ полуосмины. Сѣна 7.705 коп.; лѣсу паш. 208 д., паш. и непаш. 506 д., непаш. 356½ д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 6½ в., поперекъ на 3¼ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 4 сохи и ½ ½ трети и ½ ½ ½ четверти сохи и четь съ полуосминой пашни, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго съ дву четей безъ ½ ½ четверика и съ ½ ½ ½ третника пашни.*

17. Вревскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) (опричь порозжихъ земель = 1.092 ч.) за помѣщиками, монастырями и церквами сошнаго письма *впустѣ* 2 сохи безъ ⅓ и ½ ½ чети сохи и 1 четверть съ осминой и ½ ½ третника перелогу. Изъ нихъ на *помѣщиковъ* приходится ½ сохи и ½ ½ трети и ½ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи и 7 чет. съ полуосминой и ½ третника перелогу, а на монастыри и церкви соха и ½ ½ ½ трети сохи и 2 ч. съ осминой перелогу.

Въ кн. 827 нѣтъ описанія Вревскаго уѣзда. Въ книгахъ первой половины XVII в., именно въ кн. 1066 находимъ помѣтку, изъ которой явствуетъ, что владѣльческія земли заросли большимъ лѣсомъ, такъ что, за пустотою ихъ, нельзя было писцамъ собрать точныя свѣдѣнія о томъ, сколько кому принадлежитъ, что поэтому пустоши за помѣщиками (и въ нихъ четвертная пашня) писаны по ввознымъ грамотамъ, а оставшіяся въ лишкѣ, за ихъ дачами, писаны въ порозжихъ земляхъ, согласно приправочнымъ книгамъ Морозова и Дровнина и проч. [2]).

За этою помѣткою слѣдовало описаніе Вревскаго уѣзда, но оно въ настоящемъ своемъ видѣ разбито и разрознено. Описаны ильинская губа и часть богородицкой, далѣе, начиная съ никольской губы, идетъ описаніе Володимерскаго уѣзда [3]), но ниже есть обрывокъ изъ описанія воронцовской четверти, вмѣстѣ съ концомъ описанія богородицкой губы, затѣмъ описаніе никольской и порѣцкой губъ [4]), послѣ чего слѣдуетъ общій итогъ Вревскаго уѣзда [5]).

[1]) Итогъ на л. 794—795.

[2]) Эта помѣтка въ подлинномъ текстѣ была приведена въ декабр. кн. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1905 г. стр. 232.

[3]) Съ 1.063 л.

[4]) Начиная съ 1145 л.

[5]) Съ л. 1157 (на обор.). Тутъ впрочемъ нѣсколько нумерацій: 1201 л. (зачеркнуто) и еще 1142 л.

За *помѣщиками* во Врѳвскомъ уѣздѣ 16 пуст. Пашни лѣсомъ поросло сер. з. 9 ч., худ. 111 ч. съ полуосминой, всего 121 ч. съ осминой, за добрую положено 82 ч. съ $^1/_2$ третникомъ, наддано 39 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ третника.

Да помѣстныхъ порозжихъ земель, что осталось у помѣщиковъ за ихъ дачами, 84 пуст. и 16 селищъ, да 3 пуст. въ пашню припущены. Пашни лѣсомъ поросло большимъ 467 ч. безъ полутретника. Да старыхъ помѣстныхъ порозжихъ земель 1.092 ч. съ полуосминой.

Монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ 2 дер. и 79 пуст. да 10 селищъ. Въ деревняхъ 2 дв. кр. да дв. боб. (а людей тожъ) да въ крестьянскихъ дворахъ бобыль. Пашни паханой *въ тѣхъ, которые крѣпости положили*, середн. з. четь съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 53 ч., всего 54 ч. съ осминою. Сѣна 165 коп., лѣсу паш. 3 дес., съ полудесятиною, паш. и непаш. 12 д., поверстнаго вдоль $^1/_2$ версты и поперекъ тожъ. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ, *„и съ тѣми, которые старыхъ выписей не положили, и четвертныя пашни въ нихъ написати не почему“* $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 4 чети съ осминой пашни.

Затѣмъ на дальнѣйшихъ листахъ, изъ которыхъ многіе сильно выпиняли, идетъ перечисленіе помѣщиковъ, получившихъ нѣкоторыя земли во Врѳвскомъ уѣздѣ, напр. въ воронцовской четверти, изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ во 128 году („а къ государевымъ дворцовымъ селамъ приписаны были въ 84 г. Михайловское помѣстье Иванова сына да Григорьевское помѣстье Ѳеанасьева сына Бердовыхъ“).

17. Велейскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель = 476 ч. безъ полуосмины) состоитъ сошнаго письма 6 сохъ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третника пашни. Изъ нихъ на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 7 ч. и $^1/_2$ третника пашни,—во льготѣ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 5 ч. съ полуосминой перелогу,—впустѣ 4 сохи безъ $^1/_3$ и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 6 ч. безъ третника перелогу,—всего 4 сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 1 ч. съ полуосминой и $^1/_2$ третника пашни. На *монастыри и церкви* приходится: во льготѣ 17 ч. безъ полуосмины перелогу, а

[1]) Л. 832.

впустѣ 2 сохи безъ ½ трети и ½ ½ чети сохи и 1 ч. безъ полуосмины перелогу,—всего 2 сохи безъ ½ ½ трети сохи и 5 ч. перелогу.

Въ кн. 827 описанія Велейскаго уѣзда нѣтъ.

По кн. 1.066 [1]) за помѣщиками 10 селецъ, 39 дер., 451 пуст., 40 селищъ, да въ пашню припущены дер. и 20 пуст. Дворовъ: 10 дв. помѣщ., 16 дв. людск. 51 дв. кр. (63 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 12 ч. боб.), и 13 дв. боб. (17 ч.). Пашни паханой доброй з. 60 ч. съ ½ третникомъ, серед. з. 42 ч. съ осминой, худой 13 ч. съ осминой, да перелогу и лѣсомъ поросло добр. з. 1.102 ч. безъ ½ ½ третника, серед. 1.163 ч. безъ третника, худ. 1.070 ч. съ четверикомъ, всего 3.451 ч. безъ четверика, изъ коихъ за добрую положено паханой 103 ч. съ полутретникомъ, а перелогу и лѣсомъ поросло 2.748 ч. и ½ ½ третника,—„обоего" 2.851 ч., съ полуосминой, наддано 599 ч. съ осминой и съ четверикомъ. Сѣна 13.291 коп., лѣсу паш. 1.614 д., паш. и непаш. 56 д., непаш. 2.381½ д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль на 84¼ в., поперекъ на 46 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 3½ сохи и ½ ½ чети сохи и четь съ полуосминой пашни, а по государеву указу платить въ сошное письмо *съ живущаго со чети четей и ½ ½ четверика пашни.*

Да за *помѣщиками же изъ церковныхъ земель 2 пустоши что были погосты.* Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 11 ч. съ осминой, сѣна 45 к.; лѣсу паш. 3 дес., да поверстнаго лѣсу вдоль ½ версты, поперекъ ¼ в.,—впустѣ 11 ч. съ осминой перелогу.

Да помѣстныхъ порозжихъ земель 153 пуст. и 20 селищъ. Пашни лѣсомъ поросло добр. з. 356 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, серед. 429 ч. съ осминой и съ четверикомъ, худ. 320 ч. безъ полуосмины, всего 1.106 ч. безъ полуосмины, за добрую положено 914 ч. съ полутретникомъ, наддано 191 ч. съ осминой и ½ ½ третника. Сѣна 2.477 коп.; лѣсу паш. 425 д., паш. и непаш. 86 д., непаш. 523 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль 20½ верстъ, поперекъ 11 в. безъ ¼. Сошнаго письма впустѣ соха съ ½ четвертью сохи и 14 ч. съ полутретникомъ пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 5 дер. 153 пуст. и 5 селищъ и нивка, а въ деревняхъ 7 дв. кр., (8 ч.). Пашни паханой серед. з. 3 ч. съ осминой, худ. 1 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 126 ч. съ полуосминой, серед. 723 ч. безъ ½ ½ третника, худ. 311 ч. съ осминой и ½ ½ третника,—всего 1.165 ч. съ полуосминой.

[1]) Л. 646 и сл.

Сѣна 2.691 коп.; лѣсу пап. 586 дес., непаш. 421 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль $8^1/_2$ в., поперекъ 4 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 2 сохи безъ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ четверти и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и 3 ч. безъ полуосмины пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо *съ живущаго съ чети безъ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни.*

18. Володимерскій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами сошнаго письма состоитъ $4^1/_2$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ трети (написано чети) и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. съ осминой и съ четверикомъ пашни. Изъ нихъ на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ $^1/_4$ сохи и 1 ч. и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ третника пашни, — впустѣ 2 сохи безъ $^1/_2$ $^1/_2$ чети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети сохи и осмина и $^1/_2$ $^1/_2$ третника перелогу, — всего 2 сохи и $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. съ осминой и съ четверикомъ. На *монастыри и церкви* приходится: въ живущемъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и 1 ч. съ полуосминой пашни, а впустѣ 2 сохи съ $^1/_3$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ трети и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ четверти сохи и 5 ч. перелогу, — всего $2^1/_3$ сохи и $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи.

Въ кн. 827 Володимерскаго уѣзда нѣтъ.

По кн. 1066 [2]) за *помѣщиками* состоитъ 2 сельца, 5 дер., 177 пуст. и 18 селищъ, да въ пашню припущены 6 дер. и 8 пуст. Дворовъ: 1 дв. помѣщ. *да дворъ прикащиковъ,* 3 дв. людск., 12 дв. кр. (22 ч. да въ тѣхъ же дворахъ 3 ч. боб.) и 4 дв. боб. (6 ч.). Пашни паханой добр. з. четь, серед. 27 ч. съ осминой, худ. 3 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 290 ч. безъ четверика, середн. 434 ч. съ полуосминой, худ. 469 ч. съ осминою,—всего 1.225 ч. съ четверикомъ, изъ коихъ за добрую положено паханой 25 ч., а перелогу и поросли 950 ч. съ осминой и съ четверикомъ, „обоего“ учинено доброю землею 975 ч. съ осминой и съ четверикомъ, наддано на серед. и на худую землю тоежъ земли 249 ч. съ осминой. Сѣна 5.344 коп., лѣсу паш. 390 д., паш. и непаш. $423^1/_2$ д., непаш. 390 д., поверстнаго вдоль 40 в. безъ $^1/_4$, поперекъ 22 в. безъ $^1/_4$. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ соха съ $^1/_4$ безъ $^1/_2$ $^1/_2$ $^1/_2$ чети сохи и осмина съ четверикомъ пашни. (Сколько платить не сказано).

Да въ Володимерскомъ же уѣздѣ помѣстныхъ порозжихъ земель

[1]) Л. 841.

[2]) Л. 1055 и сл.

176 пуст. и 18 селищъ, да пустошь въ пашню припущена. Пашни лѣсомъ поросло всякаго рода и качества 1.016 ч. безъ третника, за добрую землю положено 815 ч. съ 1/2 третникомъ, наддано 200 ч. съ осминой. Сѣна 3.744 коп., лѣсу паш. 456 д., паш. и непаш. 114 д., непаш. 411 д., поверстнаго вдоль 14 1/4 в. поперекъ полъосмы версты. Сошнаго письма впустѣ соха безъ 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 чети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 7 ч. безъ 1/2 третника пашни.

Монастырскихъ и церковныхъ 172 пуст. и 5 селищъ. Пашни лѣсомъ поросло добр. з. 132 ч. съ осминою, серед. 821 ч. съ осминою, и 1/2 1/2 третника, худ. 440 ч. безъ третника, всего 1.394 ч. безъ полуосмины. Сѣна 6.943 коп. лѣсу паш. 217 1/2 д., паш. и непаш. 419 1/2 д., непаш. 168 дес., поверстнаго вдоль 22 в., поперекъ 13 в. Сошнаго письма впустѣ 2 сохи съ 1/4 и 1/2 1/2 чети сохи и 6. ч. съ полуосминою пашни.

19. Опочецкій уѣздъ.

По кн. 355 [1]) за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь порозжихъ земель = 1.644 ч. съ осминою, и ямскихъ земель—1 дер. и 7 пустошей) [2]) сошнаго письма состоитъ 3 сохи съ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 четверти сохи и 4 ч. съ осминой и съ четверикомъ пашни. Изъ нихъ на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 1/4 и 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 чети сохи и 5 ч. безъ 1/2 третника пашни,—во льготѣ 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 6 ч. перелогу,—впустѣ 2 сохи съ 1/3 безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 5 ч. съ осминой безъ 1/2 1/2 1/2 третника перелогу,—всего 3 сохи безъ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 8 четв. безъ 1/2 1/2 1/2 третника пашни.

На *монастыри и церкви* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 2 чети пашни и впустѣ соха безъ 1/3 и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 3 ч. перелогу.

Въ кн. 827 описанія Опочецкаго уѣзда нѣтъ.

По кн. 1066 [3]) *за помѣщиками* состоитъ: село, 5 селецъ, 100 1/2 дер. да 3 1/2 дер. пусты, 521 пуст., да въ пашню припущены 5 дер. и 17 пуст. А въ селѣ и въ сельцахъ и въ деревняхъ 13 дв. помѣщ., 4 дв. людск., 131 дв. кр. (людей 157 ч. да въ тѣхъ же дворахъ

---

[1]) Итогъ на л. 897.

[2]) См. л. 891.

[3]) Л. 333 на обор. и сл.

10 ч. боб.), 21 дв. боб. (29 ч.). Пашни паханой добр. з. 41 ч., серед. 182 ч., съ осминой, худ. 115 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 170 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ, серед. 1.877 ч. съ полуосминою и съ четверикомъ, худ. 1.178 ч. съ осминою, всего 3.581 ч. безъ полуосмины, а положено за добрую землю паханой 265 ч. съ осминою и 1/2 1/2 1/2 третникъ, а перелогомъ и лѣсомъ поросло 2.466 ч. съ четверикомъ, „обоего" 2.732 ч. безъ третника, наддано 849 ч. и 1/2 1/2 третника, да примѣрено пашни паханой серед. з. 4. ч. безъ полуосмины, и худ. 2 ч., да перелогу и поросли добр. з. 12 ч. съ 1/2 третникомъ, серед. 106 ч. съ 1/2 третникомъ, худ. 58 ч. съ третникомъ, — всего 182 ч. съ осминой безъ 1/2 1/2 третника, изъ коихъ за добрую землю положено паханой 4 ч. и перелогу и поросли 134 ч. съ третникомъ, „обоего" 139 ч. безъ третника, наддано 44 ч. безъ полуосмины. Сѣна 7.729 коп.; лѣсу паш. 2.457 1/4 дес., да *лѣсу по пашнѣ* 9 ч.; лѣсу непаш. 830 1/2 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль 33 1/4 в., поперекъ 17 1/4 в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ 3 1/4 сохи и 1/2 1/2 и трети 1/2·1/2 чети сохи и 15 ч. безъ 1/2 1/2 третника пашни.

Да ямскихъ земель за помѣщиками же 3 пуст.=серед. и худ. з. 16 ч. Да сверхъ приправочныхъ книгъ за помѣщиками же 5 пуст., пашни лѣсомъ поросло худ. з. 15 чет., за добрую положено 10 ч.

Да изъ дворцовыхъ земель за помѣщиками же 3 дер. и деревня пустая да 9 пуст. Въ деревняхъ 4 дв. кр. (7 ч.), да дв. пустъ. Пашни всякаго рода 80 чет., безъ полуосмины, да примѣрено худ. з. 20 ч. съ полуосминой. Сѣна 460 коп.; лѣсу паш. 69 д., да поверстнаго вдоль на версту, а поперекъ на 1/2 версты. А сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ (пробѣлъ).

Да помѣстныхъ порозжихъ земель 302 пуст., и пустошь въ пашню припущена. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло добр. з. 2. ч. съ осминою, серед. 518 ч. съ полуосминой, худ. 739 ч. съ осминою,—всего 1.260 ч. съ полуосминой, а положено за добрую землю 911 ч. безъ третника, наддано 349 ч. съ осминою и 1/2 1/2 третника. Сѣна 1.087 коп., лѣсу паш. 809 д., *да по пашнѣ на 41 четь*,—непаш. 168 1/2 д., поверстнаго въ разныхъ мѣстахъ вдоль 4 в., поперекъ 2 1/4 в. Сошнаго письма впустѣ соха и 1/2 чети сохи и 11 ч. безъ третника перелогу. Да ямскихъ земель осталось за раздачею 2 пустоши: пашни лѣсомъ поросло добр. з. четь съ осминою и серед. з. 5 ч.

Монастырскихъ и церковныхъ 8 дер. и 63 пуст. да пустошь въ пашню припущена. Въ деревняхъ 11 дв. кр. (15 ч.) и 2 дв. боб.

(тожъ). Пашни паханой серед. з. 10 ч. безъ ½ третника, худ. 6. ч. съ осминой, да перелогомъ и лѣсомъ поросло сер. 216 ч. съ ½ третникомъ и худ. 169 ч.,—всего 394 ч. съ осминою, да примѣрено середн. з. 15 ч. Сѣна 567 коп., лѣсу паш. 197½ д., паш. и непаш. 6 д., непаш. 94 д., поверстнаго вдоль на ½ в., поперекъ на ¼ в. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ ½ сохи и ½ ½ трети и ½ ½ чети сохи и 7 ч. пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо съ *живущаго съ чети съ осминою и съ ½ четверика и съ ½ ½ четверика и съ ½ ½ ½ третника и съ ½ ½ ½ четверика пашни.*

Да монастырскихъ же вотчинъ по сыску, сверхъ старыхъ писцовыхъ книгъ, 4 дер. и 2 пуст., а въ деревняхъ 4 дв. кр. (7 ч. да въ тѣхъ же дворахъ бобыль). Пашни паханой середн. з. 6 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло 32 ч. съ осминой, всего 38 ч. съ осминою. Сѣна 105 коп.; лѣсу непаш. 15 д. Сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ ½ ½ чети сохи и 1 четь пашни, а по государеву указу платить имъ въ сошное письмо съ *живущаго съ осмины съ получетверикомъ пашни.*

Для полноты обозрѣнія матеріала, содержащагося въ кн. 355, представимъ еще итоги по Красногородскому и Себежскому уѣздамъ, хотя на этотъ разъ по причинамъ, раньше объясненнымъ, никакого сопоставленія этихъ итоговъ съ позднѣйшими не можетъ быть.

По *Красногородскому уѣзду*, опричь порозжихъ помѣстныхъ земель (1.021 ч.) за помѣщиками, монастырями и церквами числилось сошнаго письма 3 сохи и ½ чети и ½ ½ чети сохи и 1 четверть съ четверикомъ и ½ ½ третника пашни. Изъ нихъ сошнаго письма: въ живущемъ ½ ½ трети сохи и 2 чети безъ ½ третника и ½ ½ ½ третника пашни,—во льготѣ ¼ и ½ ½ чети и ½ ½ ½ трети сохи и 2 чети безъ полуосмины перелогу,—впустѣ 3 сохи безъ ⅓ и ½ ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 4 чети съ третникомъ перелогу. Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится: въ живущемъ ½ ½ трети сохи безъ полутретника и ½ ½ ½ третника пашни, — во льготѣ ½ чети и ½ ½ ½ чети сохи,—впустѣ 2 сохи и ½ чети сохи и третникъ перелогу,—всего 2⅓ сохи и ½ ½ ½ чети сохи и четверикъ и ½½ третника пашни. На *монастыри и церкви* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 2 чети пашни, — во льготѣ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 2 чети безъ полуосмины перелогу,—впустѣ ½ сохи и ½ ½ трети и ½ ½ ½ чети сохи и 4 ч. перелогу, — всего соха безъ ¼

и 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 1 четверть съ осминою пашни [1]).

По *Себежскому уѣзду* за помѣщиками, монастырями и церквами (опричь казачьихъ помѣстій) [2]) сошнаго письма числится 2 сохи безъ 1/2 1/2 1/2 трети сохи и 3 чети съ полуосминой пашни. Изъ нихъ въ живущемъ 1/2 1/2 чети и 7 четей и 1/2 1/2 третника пашни, — впустѣ соха и 1/2 1/2 трети сохи и 2 чети съ осминой перелогу. Изъ этого итога на *помѣщиковъ* приходится сошнаго письма: въ живущемъ 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 4 чети и 1/2 1/2 третника пашни,— впустѣ соха безъ 1/4 и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 1/2 1/2 трети (сохи) и 2 чети съ осминою и 1/2 1/2 1/2 третника перелогу, —всего соха безъ 1/2 1/2 трети сохи и 6 ч. съ полуосминою и съ четверикомъ пашни.

На *монастыри и церкви* приходилось сошнаго письма: въ живущемъ 1/2 1/2 1/2 трети и 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 3 чети съ полуосминою пашни,— впустѣ соха безъ чети и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 7 чет. перелогу,— всего соха безъ четверти и безъ 1/2 1/2 1/2 чети сохи и 1/2 1/2 трети сохи и 2 чети пашни [3]).

Н. Суворовъ.

---

[1]) Кн. 355, л. 583.

[2]) Относительно помѣстій (числомъ 29), состоявшихъ въ Никольской губѣ и въ Дѣдиной волосткѣ за Себежскими конными казаками, замѣчено, что они въ сошное письмо положены „для городоваго дѣла“, при чемъ другою рукою приписано: „а иныхъ податей не платятъ.“ За казаками состояла всего соха безъ 1/2 1/2 трети сохи и 6 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ пашни.

[3]) Л. 946—954.

ПРИКАЗЫ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО И КНЯЖЕСТВА СМОЛЕНСКАГО ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Система московскихъ приказовъ напоминаетъ собою зданіе, въ которомъ къ основнымъ вѣковымъ частямъ, современнымъ началу самаго московскаго государства и вмѣстѣ съ нимъ увеличивавшимся и расширявшимся, постоянно по мѣрѣ надобности присоединялись новыя и новыя пристройки безъ соблюденія какой-нибудь симметріи, безъ всякой опредѣленной послѣдовательности, все болѣе осложнявшія древній остовъ зданія. Разобраться въ этомъ причудливомъ, исторически нараставшемъ строеніи и составить себѣ точное представленіе о его планѣ и фасадѣ тѣмъ труднѣе, что отдѣльныя его небольшія части, которыя нарастали на первоначальную вѣковую основу, бывали не только временными, но нерѣдко совсѣмъ мимолетными. Онѣ возникали, вызванныя появившеюся необходимостью и затѣмъ быстро исчезали съ ея минованіемъ. Для полнаго и отчетливаго знанія всей системы московскихъ приказовъ въ ея совокупности необходимо знакомство также и съ этими послѣдующими пристройками, даже и съ тѣми, существованіе которыхъ не было продолжительнымъ. Цѣль настоящей работы и заключается въ описаніи двухъ такихъ небольшихъ частей въ системѣ московскихъ приказовъ, правда, не имѣвшихъ сколько-нибудь выдающагося значенія, но описаніе которыхъ, быть можетъ, пригодится впослѣдствіи для того, кто сталъ бы изображать систему приказовъ въ цѣломъ. Таковы были два приказа, учреждавшіеся во второй половинѣ XVII вѣка съ спеціальнымъ назначеніемъ управлять областями, присоединенными къ московскому государству въ войнѣ за Малороссію, начавшейся въ 1654 г.: приказъ Великаго Княжества Литовскаго и затѣмъ приказъ княжества Смоленскаго. Въ

московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи сохранились бумаги этихъ приказовъ, позволяющія разглядѣть ихъ съ довольно большою подробностью [1]). Эти бумаги и послужили основаніемъ для предлагаемой статьи, небезполезной, быть можетъ, еще и потому, что единственныя относящіяся къ вопросу данныя въ литературѣ, приводимыя въ извѣстной работѣ Неволина „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго" и почерпнутыя изъ статьи о приказахъ въ XX т. „Древней Россійской Вифліофики"—очень неясны и неточны и давно нуждались въ дополненіяхъ и поправкахъ.

I.

Война, предпринятая въ 1654 г. царемъ Алексѣемъ противъ Польши, началась необыкновенно успѣшно. Въ два похода 1654 и 1655 годовъ были завоеваны: Смоленская область, Бѣлоруссія съ Витебскомъ, Минскомъ, Могилевомъ и Литовскій край съ городами Вильной, Ковно и Гродно, т. е. значительная часть территоріи, входившей въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Присоединяя область за областью, московское правительство должно было организовать такъ или иначе управленіе покоренною страной. Въ первое время не создавалось никакихъ спеціальныхъ учрежденій. Въ городахъ, сдавшихся русскимъ войскамъ, сажались русскіе воеводы, которые начинали править этими городами и ихъ уѣздами такъ же, какъ это дѣлалось и въ исконныхъ областяхъ московскаго государства, съ тою только разницею, что въ рукахъ этихъ воеводъ въ новозавоеванномъ краѣ находились болѣе значительные отряды войска. Но русскіе областные правители XVII вѣка были обыкновенно мало самостоятельны и не могли обойтись безъ постояннаго и до мелочности подробнаго руководства изъ центра. Такое руководство воеводы отнятой у Польши территоріи получали на первыхъ порахъ изъ главной квартиры государя, лично выступавшаго въ походъ, а затѣмъ, по возвращеніи царя домой, изъ Москвы изъ соотвѣтствующихъ приказовъ. Съ царемъ въ

---

[1]) Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—дѣла приказа княжества Смоленскаго, столбцы и книги. Имъ имѣются отдѣльная опись. Въ архивѣ министерства юстиціи—столбцы по Смоленску. Въ цитатахъ указывается только второй архивъ; гдѣ нѣтъ ссылки на архивъ—подразумѣвается первый; гдѣ нѣтъ обозначенія рода дѣлъ въ этомъ архивѣ—подразумѣваются дѣла приказа княжества Смоленскаго. Они обозначаются годомъ и № тетради.

походъ выѣзжала и его личная канцелярія, тайный приказъ, и воеводы получали указы прямо отъ государя, помѣченные мѣстопребываніемъ послѣдняго, напримѣръ: „писанъ на нашемъ стану въ Могилевѣ", „на нашемъ стану въ селѣ Крупкахъ" и т. д. Въ главную квартиру обращалось также и населеніе завоеваннаго края съ ходатайствами о сохраненіи прежнихъ правъ, о предоставленіи новыхъ льготъ, о пожалованіи дворовъ и маетностей и по другимъ подобнымъ же дѣламъ. Многія изъ такихъ дѣлъ здѣсь же и рѣшались, и областные воеводы получали непосредственно отсюда указы объ исполненіи той или другой просьбы шляхетскихъ обществъ, городовъ или частныхъ лицъ, на которую послѣдовало согласіе государя. Но параллельно съ этимъ непосредственнымъ управленіемъ изъ государевой главной квартиры завоеванныя области управлялись также изъ московскихъ приказовъ, отчасти также передвигавшихся въ пріобрѣтенный край. Царя сопровождали въ походѣ начальники нѣкоторыхъ приказовъ съ частью ихъ канцелярскаго персонала. Составляя подвижныя присутствія приказовъ, они продолжали свою работу на походѣ и вели переписку съ мѣстными властями покореннаго края [1]). За выѣздомъ этихъ временныхъ походныхъ отдѣленій приказовъ въ Москвѣ, разумѣется, оставались постоянныя присутствія. Это движеніе приказовъ очень напоминаетъ путешествія изъ Петербурга въ Москву петровскихъ коллегій, на мѣстѣ которыхъ оставались отдѣленія, такъ называемыя „конторы".

Сношенія по разнымъ дѣламъ завоеваннаго края шли съ различными приказами. Такъ, напримѣръ, витебскіе воеводы получили въ 1656 г. предписаніе произвести смотръ находившимся въ Витебскѣ стрѣльцамъ и солдатамъ полковъ иноземнаго строя. О результатахъ этого смотра они обязаны были сообщить въ три приказа: въ стрѣлецкій, въ иноземскій и затѣмъ еще въ новгородскую четверть; въ стрѣлецкій—о стрѣльцахъ, въ иноземскій—о солдатахъ и драгунахъ,

[1]) Вотъ, напримѣръ, движеніе приказа Большого дворца, которымъ начальствовалъ въ 1656—7 гг. окольничій Ѳ. М. Ртищевъ и въ которомъ сидѣли дьяки: Давыдъ Дерябинъ, Василій Михайловъ, Игнатій Матвѣевъ и Андрей Силинъ. Ртищевъ съ дьякомъ Игнатіемъ Матвѣевымъ сопутствовали государю и разсылали грамоты приказа Большого дворца изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливались. Такъ, грамоты отъ 22-го и 23-го ноября 1656 г. помѣчены Смоленскомъ, а грамота отъ 11-го декабря написана изъ Вязьмы (1657 г. № 4, л. 2—3, 11, 12, 17, 85—86, 149, 150). Грамоты изъ разряда, скрѣпляемыя дьякомъ этого приказа В. Бреховымъ, въ сентябрѣ 1651 г. помѣчены подъ Ригою, а 17-го декабря того же года въ Вязьмѣ (ibid. лл. 202—203; 132—134). Грамота иноземскаго приказа отъ 2-го ноября 1656 г. помѣчена Полонкомъ (ibid. л. 154—199).

въ новгородскую четверть о солдатахъ одного изъ полковъ, контингентъ котораго набирался изъ жителей заонежскихъ погостовъ, находившихся въ вѣдомствѣ этой четверти. Въ декабрѣ 1655 г. тѣмъ же воеводамъ было предписано произвести закупку пеньки, необходимой для флотиліи, плававшей по Западной Двинѣ. Распоряженіе о расходѣ денегъ на эту статью воеводы получили изъ приказа Большой Казны [1]). Грамоту, содержавшую постановленія общаго характера объ испомѣщеніи шляхты витебскаго и мстиславскаго повѣтовъ воеводы получили изъ помѣстнаго приказа, куда должны были представить и отчетъ о произведенныхъ земельныхъ раздачахъ [2]). Такимъ образомъ воеводы городовъ завоеванной мѣстности получали указы изъ различныхъ московскихъ приказовъ по предмету вѣдомства каждаго. Но можно замѣтить по документамъ, что одному изъ нихъ—Разряду принадлежитъ преимущественное значеніе въ этомъ управленіи сравнительно съ другими приказами, что и понятно, такъ какъ управленіе мѣстностью, служившею театромъ военныхъ дѣйствій, и должно было естественно сосредоточиться въ военномъ министерствѣ. Разряду принадлежитъ главное дѣло въ управленіи краемъ, именно—назначеніе областныхъ правителей для него—городовыхъ воеводъ. Далѣе, въ разрядѣ сосредоточиваются дѣла по управленію высшимъ служилымъ классомъ присоединенныхъ областей, шляхтой. Разрядъ завѣдуетъ службой этой шляхты, принимавшейся въ московское подданство съ обязанностями служилаго класса, и дѣлаетъ распоряженія воеводамъ о производствѣ смотровъ шляхтѣ и приведеніи ея въ боевую готовность [3]). Но разрядъ также, и притомъ въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ помѣстный приказъ, завѣдуетъ и поземельными дѣлами перешедшей въ подданство государю шляхты и въ немъ производятся дѣла о пожалованіи этой шляхты маетностями. Такимъ образомъ относительно пріобрѣтеній московскаго государства на западной границѣ разрядъ получаетъ такое же значеніе, какое онъ имѣлъ относительно южной окраины, областей, расположенныхъ „за чертой", въ управленіи которыми, какъ находящимися въ виду непріятеля на военномъ положеніи, ему, какъ военному министерству, принадлежитъ главная роль.

Но такое значеніе разряда на западной окраинѣ продолжалось лишь во время войны. Къ 1656 г. военныя дѣйствія противъ поля-

[1]) 1655—6 № 1, л. 13, 20; л. 2.
[2]) 1655—6 № 1, л. 8.
[3]) 1655—6 № 1, л. 21.

ковъ пріостановились вслѣдствіе новой войны съ шведами въ Лифляндіи. Результаты польской войны обозначились. Была пріобрѣтена большая часть областей Великаго Княжества Литовскаго, и московское правительство выразило ясное намѣреніе удержать эти пріобрѣтенія за собою. Еще въ сентябрѣ 1655 г. состоялся указъ о включеніи въ титулъ государя словъ „и Бѣлыя Россіи", а затѣмъ московскія притязанія пошли дальше и, не ограничиваясь Бѣлою Русью, простерлись на все Великое Княжество Литовское. Въ концѣ 1655 г. были начаты первые переговоры о мирѣ съ Польшей, для чего прибылъ въ станъ государя посланецъ Сапѣги шляхтичъ Глядовицкій. Назначенный вести съ нимъ переговоры князь Семенъ Романовичъ Пожарскій предупредилъ посланника, чтобы онъ на пріемѣ у государя отнюдь не смѣлъ называть Сапѣгу „гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго", какимъ тотъ въ дѣйствительности былъ, грозя въ противномъ случаѣ посланнику немедленной отсылкой съ великимъ безчестіемъ. Глядовицкій согласился и предложилъ называть Сапѣгу „гетманомъ великихъ войскъ литовскихъ", но получилъ такой отвѣтъ: „говори: гетманъ великихъ войскъ, а *литовскихъ* говорить тебѣ непристойно". На предложенія Сапѣги и сенаторовъ, съ которыми пріѣхалъ Глядовицкій, московское правительство отвѣчало: „государь нашъ учинился на всей Бѣлой Россіи и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и на Волыни и на Подоліи великимъ государемъ" [1]).

Итакъ Великое Княжество Литовское считалось теперь присоединеннымъ къ Москвѣ. Соотвѣтственно этому взгляду и управленіе завоеванной области получило болѣе опредѣленную организацію. Создавая это управленіе, московское правительство дѣйствовало привычнымъ образомъ, какъ дѣйствовало оно въ такихъ же случаяхъ и ранѣе еще во времена присоединенія къ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ. Присоединяемое княжество обыкновенно не сразу сливалось съ составомъ московскаго государства: переставая быть самостоятельной политической единицей, оно еще значительное время продолжало существовать какъ отдѣльное административное цѣлое. Въ Москвѣ только заводился для управленія имъ особый приказъ. Такіе же приказы учреждались и для управленія присоединенными царствами: Казанскимъ и Сибирскимъ. Точно то же произошло и въ разсматриваемомъ случаѣ. Присоединяя смоленскую и литовскія области, московское правительство не дробило ихъ административной цѣлости, напротивъ поддерживало

[1]) *Соловьевъ* X, 344—345, изд. 1877 г.

представленіе о взаимной связи покоренныхъ областей между собою. Вся совокупность этихъ областей продолжала сохранять названіе Великаго Княжества Литовскаго, и для управленія имъ былъ заведенъ особый приказъ, который и получилъ названіе приказа Великаго Княжества Литовскаго.

Въ архивныхъ документахъ, уцѣлѣвшихъ отъ этого учрежденія, оно впервые упоминается *въ концѣ 1656 г.* [1]). Приказъ, вѣроятно, былъ учрежденъ во время похода государя при его главной квартирѣ. Однѣ изъ первыхъ его грамотъ въ декабрѣ 1656 и январѣ 1657 г. помѣчены Вязьмой. Начальникомъ приказа былъ назначенъ дядя государя по матери бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, который и управлялъ приказомъ во все время существованія этого послѣдняго. Дьяками приказа, имена которыхъ упоминаются въ актахъ рядомъ съ именемъ его начальника, были: сначала Дементій Башмаковъ, затѣмъ съ 1657 г. Иванъ Амиревъ. Въ 1664 г. съ бояриномъ Стрѣшневымъ сидятъ въ этомъ приказѣ дьяки Богданъ Силинъ и Александръ Анисимовъ [2]). Въ 1666 г. Богданъ Силинъ, Афанасій Башмаковъ и Александръ Анисимовъ [3]). Ранѣе бояринъ С. Л. Стрѣшневъ управлялъ приказомъ Устюжской четверти и, получивъ въ руки новый приказъ, продолжалъ оставаться во главѣ четверти, будучи такимъ образомъ начальникомъ обоихъ приказовъ вмѣстѣ. Извѣстно, что московское правительство во второй половинѣ XVII вѣка систематизировало приказы, соединяя завѣдываніе нѣсколькими изъ нихъ въ однѣхъ рукахъ. Какъ видимъ изъ настоящаго случая, такое соединеніе имѣло нѣкоторое основаніе. Дѣло въ томъ, что еще съ самаго начала войны Устюжская четверть стала играть роль того отдѣленія государственнаго казначейства, откуда черпались рессурсы на различные расходы, вызванные завоеваніемъ. Такъ, напримѣръ, изъ нея выдавалось государево жалованье, полагавшееся выѣзжимъ изъ Польши шляхтичамъ, добровольно переходившимъ въ русское подданство [4]). Производя выдачи на расходы въ

---

[1]) 1657, № 4. л. 97—98: „Отписать въ приказъ Великаго Княжества Литовскаго боярину Семену Лукьяновичу Стрѣшневу да дьяку Дементью Башмакову. 4-го декабря 165 г. Грамоты за приписью этого дьяка встрѣчаются еще съ сентября того же 165 г. Ibid. лл. 130, 147, 160 съ помѣтами: „въ стану подъ городомъ Ригою“, „на государовомъ стану въ деревнѣ Зарубонкахъ“, „въ селѣ Хлоновичахъ“, но въ этихъ грамотахъ еще не встрѣчаемъ названія приказа Великаго Княжества Литовскаго.

[2]) 1664, № 6, л. 104.

[3]) 1666, № 3, л. 1—7; л. 132—133.

[4]) 1656, № 3 passim.

присоединенныхъ областяхъ, начальникъ Устюжской четверти входилъ въ соприкосновеніе съ дѣлами этихъ областей; отсюда и понятно, почему ему было поручено руководство ихъ управленіемъ.

II.

Намъ слѣдуетъ теперь познакомиться съ компетенціей приказа Великаго Княжества Литовскаго и для этого прежде всего обозначить предѣлы территоріи, на которую распространялась его власть, а затѣмъ выяснить кругъ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію. Совершенно невѣрнымъ представляется утвержденіе Неволина, что приказъ Великаго Княжества Литовскаго былъ учрежденъ для завѣдыванія дѣлами только литовскихъ городовъ: Вильны, Полоцка, Могилева и другихъ, тогда какъ города Смоленской области: Смоленскъ, Бѣлая, Велижъ, Дорогобужъ, Красный, Рославль и Себежъ состояли будто бы подъ вѣдѣніемъ особаго приказа княжества Смоленскаго, учрежденнаго, по показаніямъ Неволина, въ 1657 г. Въ дѣйствительности, какъ увидимъ впослѣдствіи, приказъ княжества Смоленскаго былъ учрежденъ гораздо позже, уже только въ началѣ 70-хъ годовъ XVII в. и никогда не существовалъ одновременно съ приказомъ Великаго Княжества Литовскаго, не пережившимъ, какъ увидимъ, 60-хъ годовъ этого вѣка. Въ приказѣ Великаго Княжества Литовскаго, пока онъ существовалъ, вѣдались какъ литовскіе, такъ и смоленскіе города. Документы приказа показываютъ съ достаточной ясностію, что приказъ Великаго Княжества Литовскаго управлялъ Смоленскомъ и всѣми городами Смоленской области. Приведемъ примѣръ. Въ 1662 г. изъ приказа Великаго Княжества Литовскаго было указано послать въ подвѣдомственные ему города послушныя грамоты объ исполненіи имѣющихъ послѣдовать финансовыхъ распоряженій приказа Большого Прихода: „а изъ приказа Княжества Литовскаго указалъ великій государь послать свои великаго государя грамоты въ городы на спѣхъ, чтобъ въ тѣхъ городѣхъ, которые вѣдомы въ приказѣ Княжества Литовскаго, указныхъ грамотъ изъ приказу Большого Прихода во всемъ слушали безъ всякаго мотчанья, не описываясь о томъ въ приказъ Княжества Литовскаго“. Далѣе идетъ списокъ этихъ городовъ, и здѣсь мы находимъ Смоленскъ и другіе города Смоленской области: Бѣлую, Дорогобужъ, Рославль и т. д. [1]). Ниже читатель встрѣтитъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, показывающихъ, что Смоленская

[1]) 1661. № 4 л. 167—172.

область въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ XVII вѣка управлялась приказомъ Великаго Княжества Литовскаго.

Посмотримъ теперь, какія дѣла вѣдались приказомъ. Прежде всего замѣтимъ, что назначеніе главныхъ мѣстныхъ агентовъ—городовыхъ воеводъ—шло помимо литовскаго приказа; оно производилось, какъ это было и до его учрежденія, изъ разряда. Вотъ почему бывали иногда моменты, когда въ приказѣ не знали, кто назначенъ воеводою въ тотъ или другой городъ его области, и въ разрядъ отправлялась записка на небольшомъ лоскуткѣ бумаги съ такимъ текстомъ: „170 г. февр. въ 27 д. отписать въ приказъ Великаго Княжества Литовскаго, къ кому пишутъ въ Витебскъ", т. е. съ просьбой указать, кѣмъ заремѣнены прежніе воеводы [1]). Однако встрѣчаемъ случай, гдѣ разслѣдованіе о злоупотребленіяхъ и взяткахъ дорогобужскаго воеводы производится черезъ литовскій приказъ, а не чрезъ разрядъ [2]). Такимъ образомъ воеводы были подчинены приказу Великаго Княжества Литовскаго, хотя и не имъ назначались.

Населеніе покоренной области было подвѣдомствено приказу Великаго Княжества Литовскаго въ тѣхъ двухъ отношеніяхъ, которыя и составляли обыкновенно главное содержаніе правительственной дѣятельности московскаго государства XVII в. Это были тѣ же старинные *дань* и *судъ*, т. е. организація и взиманіе повинностей, лежавшихъ на различныхъ общественныхъ классахъ, и отправленіе правосудія. Приказъ Великаго Княжества Литовскаго завѣдывалъ повинностями какъ шляхетства, такъ и городского населенія въ новозавоеванномъ краю. Бѣлорусское и литовское шляхетство обязано было съ переходомъ въ московское подданство отбывать военную службу московскому государю. Ея устройствомъ и надзоромъ за нею и занятъ приказъ. Онъ посылаетъ грамоты воеводамъ о высылкѣ шляхты на службу, объ отпускѣ со службы уѣздныхъ полковъ, по которымъ группировалась шляхта, о принятіи отдѣльныхъ шляхтичей въ службу и объ ихъ отставкѣ [3]). На его же обязанности лежало также и матеріальное обезпеченіе шляхты, организація служилаго землевладѣнія въ краѣ и урегулированіе отношеній землевладѣльцевъ къ крѣпостному населенію ихъ имѣній. Приказъ предписываетъ произвести

---

[1]) 1661, № 4, л. 194.

[2]) 1664, № 2.

[3]) 1658, № 14; 1661, № 4, л. 122: „отпустить Полоцкую шляхту со службы по долгамъ"; л. 125—128 отпускъ Невельской шляхты; 1661, № 4, л. 158, 161; 1664, № 6, л. 118—119.

перепись шляхетскихъ маетностей, порозжихъ земель и провѣрку шляхетскихъ правъ [1]). Въ 1661 г. въ приказѣ разсматривалось обширное челобитье полоцкой шляхты о подтвержденіи ей прежнихъ поземельныхъ правъ и преимуществъ и объ огражденіи шляхетскихъ земель и крестьянъ отъ насилій московскихъ ратныхъ людей [2]). Въ наказѣ кн. Б. А. Репнину, назначенному въ Смоленскъ воеводой въ 1663 г., предписывалось по челобитьямъ смоленской шляхты о прежнихъ маетностяхъ и о новыхъ „указъ дѣлать по его, государеву, указу, каковъ его государевъ указъ о томъ къ нимъ присланъ будетъ *изъ приказу Великаго Княжества Литовскаго*" [3]). Пожалованіе новыхъ помѣстій идетъ черезъ приказъ, который поручаетъ отводъ земли на мѣстѣ воеводамъ и требуетъ отъ нихъ присылки „отказныхъ" книгъ. Точно такимъ же порядкомъ производится пожалованіе шляхтичей дворовыми мѣстами въ городахъ [4]).

Повинности мѣщанъ въ новозавоеванныхъ городахъ подлежатъ вѣдѣнію изучаемаго приказа, который ведетъ переписку съ мѣстными воеводами о поставкѣ этими городами подводъ и рѣчныхъ струговъ, о наборѣ работниковъ и лошадей для городового дѣла. Здѣсь также разсматриваются ходатайства мѣщанъ по обозначеннымъ предметамъ [5]). Въ связи съ повинностями городовыхъ мѣщанъ стоитъ администрація косвенныхъ сборовъ въ краѣ, которая также находится въ завѣдываніи приказа. Мельницы, таможни и кружечные дворы, отдача ихъ на откупъ или содержаніе ихъ на вѣрѣ, вызовъ желающихъ взять ихъ на откупъ съ торговъ или выборы къ нимъ „вѣрныхъ" должностныхъ лицъ—все это одинъ изъ предметовъ переписки приказа Великаго Княжества Литовскаго съ воеводами смоленскими, витебскими, невельскими, дорогобужскими и др. [6]). Деньги

---

[1]) 1657. № 1, л. 7: „Переписать шляхетскія маетности и порозжія земли Оршанскаго повѣта"; 1657, № 4, л. 43—44: „Переписать помѣстья шляхты витебскаго воеводства"; 1661, № 4, л. 45—46.

[2]) 1661, № 21, л. 21—28, 45—46.

[3]) 1663, № 5. Наказъ Б. А. Репнину, ст. 16.

[4]) 1657, № 4, лл. 51—53, 64—65, 101—103, 104—105, 107—108, 139—141; 1657 № 4, лл. 59—60; 1661 № 4, л. 83—84.

[5]) 1661, № 1 л. 123—125; № 4, л. 10—24. 25—31: о непринужденіи посадскихъ людей городовъ Усвята и Велижа помогать витебскимъ мѣщанамъ въ городовомъ дѣлѣ.

[6]) „Въ прошломъ въ 171 г. іюня въ 17 д. послана изъ *приказа Великаго Княжества Литовскаго* великаго Государя грамота въ Невль къ воеводѣ къ Ерофею Лутковскому, а велѣно ему въ Невлѣ, призвавъ въ съѣзжую избу невельскихъ мѣщанъ

собираемыя съ мельницъ, таможенъ и кабаковъ, въ приказъ не пересылались, а тратились на мѣстахъ главнымъ образомъ на содержаніе расквартированныхъ по завоеваннымъ городамъ московскихъ стрѣльцовъ. Изъ нихъ же предписывалось выдавать ругу духовенству находившихся въ этихъ городахъ православныхъ церквей, о поддержкѣ котораго московское правительство очевидно прилагало особое стараніе. Приказъ распоряжался также отдачею въ содержаніе оброчныхъ статей въ уѣздѣ. Такъ, въ 1661 году онъ посылаетъ грамоту въ Усвятъ объ отдачѣ озеръ въ усвятскомъ уѣздѣ на оброкъ витебскому шляхтичу, а въ 1666 году требуетъ представить по такому же поводу опись всѣхъ озеръ въ велижскомъ уѣздѣ [1]).

Другою правительственною дѣятельностью приказа было, какъ мы уже видѣли, отправленіе правосудія. Его юрисдикціи подлежали какъ шляхетство и другіе служилые люди, такъ и мѣщанство пріобрѣтенныхъ земель. Населеніе края указываетъ на эту юрисдикцію какъ на свое преимущество. Въ 1666 году смоленскій служилый человѣкъ Илья Дуровъ обратился въ приказъ съ челобитной, въ которой писалъ, что нѣкто Иванъ Офросимовъ привлекъ его по долговому обязательству къ отвѣту въ московскій судный приказъ. Челобитчикъ ссылался на то, что онъ судимъ въ приказѣ Великаго Княжества Литовскаго, и на этомъ основаніи просилъ выдать ему память въ московскій судный приказъ, чтобы его тамъ судомъ не вѣдать [2]). Эта его просьба была исполнена. Шляхтичи завоеванной области, переселенные въ центральные уѣзды московскаго государства, нѣкоторое время продолжали сохранять за собою преимущества подсудности приказу Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1661 году въ коломенскомъ уѣздѣ оказались испомѣщенными нѣсколько быховскихъ (изъ города Быхова) шляхтичей, которымъ розданы были въ помѣстье дворцовыя земли. Новые владѣльцы захватили покосы сосѣда, нѣкоего Гр. Верещагина, который съ жалобой на этотъ захватъ обратился въ приказъ Великаго Княжества Литовскаго [3]). Въ приказѣ разбирались поземельные споры о маетностяхъ и городскихъ дворахъ и дѣла о личной свободѣ. Такъ, въ 1657 году приказъ занятъ былъ

и иныхъ великаго государя городовъ торговыхъ людей, которые прилучатся въ Невлѣ и сказать имъ великаго государя указъ, чтобъ они невельской кабакъ откупили на серебряныя деньги и дать имъ въ томъ торгъ"... 1666 № 4 passim.

[1]) 1666, № 3, л. 14 и сл.; 1661, № 1, л. 100.

[2]) 1666, № 3, л. 3.

[3]) 1661, № 1, л. 141.

челобитьемъ десяти витебскихъ казаковъ, просившихъ оградить ихъ отъ притязаній витебскихъ шляхтичей, что эти казаки ихъ старинные крестьяне и сидятъ на ихъ шляхетской землѣ. Приказъ поручилъ мѣстнымъ властямъ производство сыска по этому спору [1]). Московская юрисдикція въ покоренномъ краю слагалась изъ двухъ инстанцій: мѣстной—воеводской и центральной—приказной, между которыми не было однако твердо опредѣленнаго іерархическаго отношенія. Въ иныхъ случаяхъ дѣла проходили обѣ инстанціи, восходя отъ воеводы къ приказу; въ другихъ совершенно подобныхъ же начинались въ высшей, въ приказѣ. Обыкновенно въ приказъ обращались истцы съ просьбой о выдачѣ на имя мѣстнаго воеводы такъ называемой „судимой" грамоты, которою воеводѣ предписывалось разобрать дѣло и постановить, если возможно, рѣшеніе. Къ просьбѣ о такой грамотѣ прибѣгали иногда до обращенія къ мѣстному судьѣ, очевидно считая ее средствомъ для возбужденія въ немъ бо́льшей энергіи и вниманія, а иногда уже послѣ неудачной попытки добиться разсмотрѣнія дѣла въ мѣстной инстанціи. Князь Юрій Ромодановскій, собираясь добывать судебнымъ порядкомъ своихъ крестьянъ, находившихся въ бѣгахъ въ бѣльскомъ уѣздѣ за шляхтичемъ Рачинскимъ, обращается предварительно въ приказъ Великаго Княжества Литовскаго за выдачей судимой грамоты на имя бѣльскаго воеводы [2]). Усвятскій шляхтичъ Д. Нетецкій, начавшій тяжбу съ сосѣдомъ попомъ, заѣхавшимъ у него землю, обращается за такою же грамотой въ приказъ послѣ того, какъ ему не дали суда въ съѣзжей избѣ, куда онъ сначала обратился. Въ 1661—1662 годахъ населеніе земель бывшаго Великаго Княжества Литовскаго было пожаловано въ судебныхъ дѣлахъ особою льготою: съ грамотъ по частнымъ дѣламъ, выдаваемыхъ изъ приказа Великаго Княжества Литовскаго не взималось печатныхъ пошлинъ [3]).

III.

Во все время существованія приказа Великаго Княжества Литовскаго въ управленіе его областью вмѣшиваются также и другіе московскіе

---

[1]) 1657, №4, л. 124—125.

[2]) 1666, № 3, л. 31.

[3]) 1661. № 1, л. 151—152; л. 148—150; 1666, № 3, л. 27; 1661, № 4, л. 134—137; 1661, № 4, л. 9: „съ своихъ великаго государя грамотъ по ихъ челобитьямъ во всякихъ дѣлахъ, которыя имъ даны будутъ изъ приказа Великаго Княжества Литовскаго печатныхъ пошлинъ въ нынѣшнемъ въ 170 г. имать не велѣлъ".

приказы, ведущіе каждый по своимъ дѣламъ непосредственную переписку съ воеводами. Нѣкоторыя распоряженія продолжаютъ отдаваться изъ приказа Тайныхъ дѣлъ. 25-го іюня 1657 г. онъ предписываетъ полоцкимъ воеводамъ набрать по тысячѣ человѣкъ солдатъ въ полки иноземнаго строя полковниковъ Гисона и Дромонта. Сюда же одновременно съ разрядомъ смоленскіе воеводы въ 1664 г. сообщали о недостаткѣ денегъ для раздачи на жалованье служилымъ людямъ [1]). Въ 1662 г. смоленскіе воеводы о поврежденіи башни въ смоленской крѣпости писали одновременно въ три приказа: тайныхъ дѣлъ, разрядъ и пушкарскій приказъ. Иноземскій приказъ завѣдывалъ полками иноземнаго строя, дѣйствовавшими и стоявшими на захваченной территоріи. Такъ, напримѣръ, онъ посылаетъ грамоты витебскимъ воеводамъ о раздачѣ жалованья солдатскому полку Ириха Андерсона Лукса, о составленіи солдатскихъ списковъ этого полка, о присылкѣ описи оружія, объ отпускѣ изъ Витебска и отправкѣ въ Москву полковника В. Бюста, объ отправкѣ туда же больныхъ офицеровъ драгунскаго и рейтарскаго полковъ [2]); шлетъ распоряженіе дорогобужскому воеводѣ о высылкѣ въ Смоленскъ пяти тысячъ рублей, очевидно, на нужды полковъ иноземнаго строя. Стрѣлецкій приказъ посылаетъ распоряженія о стрѣльцахъ [3]). Приказъ Большого дворца во время царскаго похода сносится съ мѣстной администраціей завоеваннаго края по дѣламъ о разныхъ поставкахъ на царскую главную квартиру: о заготовленіи и подвозѣ для нея различныхъ запасовъ, о составленіи и присылкѣ этимъ запасамъ описей, о сборѣ струговъ для перевозки запасовъ по рѣкамъ и т. д. [4]). Этотъ же приказъ завѣдывалъ дворцовыми волостями и селами въ смоленской области, и въ него поступали таможенные и питейные сборы съ этихъ селъ, а также сборы съ мельницъ и конскихъ площадокъ; онъ же посылалъ приказчиковъ для управленія этими волостями и селами, среди которыхъ упоминаются: Духовщина, Красное, Порѣчье, Звѣровичи и другія. Впрочемъ, съ 1-го сентября 1665 г. велѣно было управленіе ими и сборъ съ нихъ доходовъ передать въ разрядъ. Какъ извѣстно, въ приказѣ Большого дворца вѣдалось также духовенство. Вотъ почему въ этотъ приказъ обращается по своимъ хозяйственнымъ и юридическимъ дѣламъ православное духовенство

[1]) 1657, № 1, л. 13, 15.; 1664, № 6, л. 77—82.
[2]) 1662, № 3; 1657, № 4 лл. 1, 3, 30; 1664, № 6, л. 109—110.
[3]) 1657, № 4, лл. 1, 3, 30; 1664, № 6, л. 109—110, л. 5 и сл.
[4]) 1657, № 1, л. 8—9; 1657; № 4, л. 2—3, 17.

покоренной области [1]). Другой придворный приказъ, конюшенный, разсылаетъ распоряженія о заготовкѣ фуража для царскаго поѣзда, а въ іюлѣ 1657 г. предписываетъ витебскимъ воеводамъ оказать содѣйствіе солдату, посланному изъ приказа для розыска воровъ, ограбившихъ подъ Полоцкомъ двѣ телѣги съ имуществомъ конюшеннаго вѣдомства [2]). Различные случайные эпизоды вызываютъ переписку другихъ московскихъ приказовъ съ мѣстными властями края. Такъ, напримѣръ, земскій приказъ требуетъ отъ витебскихъ воеводъ разыскать переведенца изъ Витебска, приписаннаго къ московской покровской сотнѣ, тяглеца Стенку Грозина, съ котораго въ Москвѣ взыскивалъ 326 руб. бояринъ И. Д. Милославскій. Патріаршій разрядъ предписывалъ имъ же принять посланнаго въ Витебскъ отъ патріарха Никона старца Филофея и т. д. [3]).

Наиболѣе важною и широкою компетенціей въ управленіи литовскимъ, бѣлорусскимъ и смоленскимъ краемъ продолжалъ пользоваться разрядъ, несмотря на существованіе спеціальнаго приказа Великаго Княжества Литовскаго. Наиболѣе важной функціей разряда среди перечисленныхъ было конечно назначеніе воеводъ. По наказамъ, которые составлялись для воеводъ также въ разрядѣ, видно, какъ было организовано воеводское управленіе въ западномъ краѣ и, между прочимъ, какъ разрядъ разграничивалъ сферы дѣятельности городовыхъ и полковыхъ воеводъ. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ, данномъ въ 1659 г. князю Б. А. Репнину, назначенному тогда воеводой въ Смоленскъ, ему предписывалось „вѣдать ратнымъ строемъ и службою городы Полоцкъ, Витебскъ съ пригороды, да къ Смоленску жъ вѣдать Борисовъ и отъ приходу воинскихъ людей тѣ всѣ городы оберегать. А судомъ вѣдать велѣть тѣхъ городовъ всякихъ жилецкихъ людей воеводамъ“. Такимъ образомъ въ Смоленскѣ былъ образованъ военный центръ, и въ военномъ отношеніи воеводы другихъ городовъ края были подчинены смоленскому воеводѣ, сохраняя самостоятельность въ гражданскомъ управленіи и судѣ. Но военная власть смоленскаго городового воеводы должна была прекращаться съ появленіемъ на подвѣдомственной ему территоріи главнокомандующаго дѣйствующей арміей или командировъ ея отдѣльныхъ отрядовъ. „А будетъ въ которыхъ городѣхъ“, продолжаетъ наказъ, „изъ тѣхъ, ко-

[1]) 1657, № 4, л. 85—86; 1665, № 3, л. 1—7.
[2]) 1657, № 4, л. 166, л. 181.
[3]) 1657, № 4, л. 95, 97—98.

торые городы написаны въ сей росписи, нынѣ стоить или впредь учнетъ стоять окольничій и воевода князь И. И. Лобановъ-Ростовскій съ ратными людьми или въ которыхъ городѣхъ по его посылкѣ учнутъ стоять товарищи его съ ратными людьми, и боярину и воеводѣ князю Б. А. Репнину тѣхъ городовъ службою не вѣдать, а вѣдать ему тѣ городы и въ нихъ воеводъ всякими дѣлы кромѣ полкового дѣла, покамѣстъ окольничій и воевода князь И. И. Лобановъ-Ростовскій съ ратными людьми въ тѣхъ городахъ будетъ". Главнокомандующему арміей смоленскій воевода обязанъ оказывать всякое содѣйствіе: „а о полковыхъ дѣлѣхъ ему, боярину и воеводѣ князю Б. А. Репнину съ окольничимъ и воеводою съ княземъ И. И. Лобановымъ-Ростовскимъ межъ себя ссылаться и государевымъ дѣломъ, прося у Бога милости надъ поляки и надъ измѣнники надъ черкасы, смотря по тамошнему дѣлу промышлять" [1]).

Смоленскіе воеводы ведутъ частую переписку съ разрядомъ, постоянно присылаютъ военныя „вѣсти", сносятся о числѣ ратныхъ людей, о хлѣбныхъ запасахъ и денежной казнѣ для нихъ, о постройкѣ дорогъ для ихъ прохода и т. д. Тѣ же военно-административные вопросы служатъ предметомъ переписки съ разрядомъ и витебскихъ воеводъ, которые вели ее непосредственно, хотя и были поставлены въ зависимость отъ смоленскихъ. Какъ извѣстно, вторая война съ Польшей была неудачна; московскимъ войскамъ приходилось отступать изъ городовъ, такъ быстро пріобрѣтенныхъ въ первую войну. Въ 1664 г. переписка смоленскихъ воеводъ съ разрядомъ по военнымъ дѣламъ становится особенно оживленной; замѣтно, что непріятель близко и грозитъ постоянно опасность его появленія въ окрестностяхъ Смоленска. Одна за другой приходятъ отписки отъ воеводъ съ военными извѣстіями; ими, повидимому, живо интересуется государь, постоянно на отпискахъ встрѣчается отмѣтка: „Великому государю чтена"—знакъ, что управляющій разрядомъ, военный министръ, носилъ ее „на верхъ" къ государю, отъ котораго онъ получаетъ распоряженіе для передачи воеводамъ. 22-го сентября государь указалъ смоленской шляхтѣ и рейтарамъ свозить изъ своихъ земель въ Смоленскъ хлѣбъ и сѣно „для того, чтобъ польскимъ и литовскимъ людямъ въ тѣхъ мѣстахъ пристанищъ нигдѣ не было". Грамота объ этомъ въ Смоленскъ была отправлена изъ разряда. Одновременно съ этимъ была отправлена туда же грамота изъ приказа

[1]) 1663, № 5.

Великаго Княжества Литовскаго о высылкѣ смоленскихъ шляхтичей на службу. Въ самомъ началѣ декабря 1664 г. смоленскій воевода прислалъ въ разрядъ отписку, въ которой увѣдомлялъ, что въ Смоленскѣ ратныхъ людей мало и въ случаѣ прихода польскихъ войскъ послать противъ нихъ будетъ некого. Отписка разсматривалась 12-го декабря въ засѣданіи думы, куда разрядъ представилъ обширную справку о числѣ и составѣ находящихся въ Смоленскѣ войскъ. Государь указалъ и бояре приговорили: велѣть смоленскому воеводѣ князю Ѳ. Ѳ. Куракину съ товарищи смоленскій уѣздъ отъ прихода польскихъ и литовскихъ людей оберегать. Для обереганья стоять въ Досуговѣ кавалеріи: смоленской шляхтѣ, смольнянамъ рейтарамъ съ начальными людьми и донскимъ казакамъ, перемѣняясь по половинамъ. Пѣхотѣ: солдатамъ и смоленскимъ стрѣльцамъ также перемѣняться поочередно и велѣть имъ смоленскій уѣздъ отъ непріятельскихъ приходовъ оберегать [1]).

Можно замѣтить по документамъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ Москвою мѣстная администрація западнаго края, назначаемая разрядомъ, склонна игнорировать спеціально учрежденный для края приказъ Великаго Княжества Литовскаго и обращается въ разрядъ даже въ такихъ случаяхъ, когда бы слѣдовало обратиться въ первый. Въ 1664 г. смоленскіе воеводы прислали въ Москву литовскихъ выѣзжихъ шляхтичей, просившихъ принять ихъ на государеву службу, и направили ихъ въ разрядъ. Дѣло было доложено государю, и уже государь указалъ послать этихъ шляхтичей въ приказъ Великаго Княжества Литовскаго и тамъ написать ихъ въ службу, въ какую годятся. Разрядъ, также игнорируя спеціальный приказъ, сносится непосредственно съ воеводами по такимъ дѣламъ, которые входили въ компетенцію спеціальнаго приказа [2]). Такая подавляющая конкуренція разряда объясняется несомнѣнно военнымъ положеніемъ, на которомъ за все время существованія приказа Великаго Княжества Литовскаго находился подвѣдомственный ему край. Благодаря войнѣ, дѣятельность литовскаго приказа не могла получить характера нормальной администраціи. По области постоянно двигались полки. Городовые воеводы должны были всегда быть на-сторожѣ и принимать оборонительныя военныя мѣры. Они посылались на службу военнымъ министерствомъ, сношенія съ которымъ и поглощали главную долю

---

[1]) 1664, № 1, л. 49—53.
[2]) 1664. № 6 л. 104, 118, 119.

ихъ вниманія. Неважный и невидный приказъ Великаго Княжества Литовскаго, территорія котораго быстро уменьшалась, съ своею второстепенною гражданскою судебною и финансовой администраціей стушевывался передъ заслонявшимъ его могущественнымъ разрядомъ.

IV.

Въ январѣ 1667 г. заключеніемъ Андрусовскаго перемирія закончились переговоры съ Польшей, которыми руководилъ знаменитый московскій дипломатъ А. Л. Ординъ-Пащокинъ. Отъ всѣхъ обширныхъ завоеваній, сдѣланныхъ во время первой польской войны на западѣ, Москва сохранила за собою по этому перемирію сравнительно только очень немногое: Смоленскую область, т. е. городъ Смоленскъ съ уѣздомъ и пригородами. Вмѣстѣ съ потерею Бѣлоруссіи и литовскаго края исчезаетъ и приказъ Великаго Княжества Литовскаго. Послѣднее упоминаніе о немъ намъ встрѣтилось 28-го марта 1666 г. [1]). Прямого извѣстія о закрытіи его нѣтъ, но въ 1666 г. умеръ управлявшій приказомъ бояринъ С. Л. Стрѣшневъ и по всей вѣроятности вмѣстѣ съ нимъ и приказъ прекратилъ свое существованіе. Нѣкоторое время послѣ исчезновенія приказа Великаго Княжества Литовскаго управленіе его областью всецѣло сосредоточилось въ разрядѣ до 1667 г. На эту мысль наводятъ слова о разрядѣ въ указѣ 17-го іюня 1667 г., опредѣлившемъ дальнѣйшую судьбу администраціи западной окраины. По этому указу было предписано: городы, *которые* по великаго государя указу вѣдалъ бояринъ С. Л. Стрѣшневъ въ Устюжской чети 164 (1656) г. марта съ 1 числа, *а въ нынѣшнемъ во 175 (1666) г. декабря съ 10 числа по его же великаго государя указу тѣ городы вѣдомы были въ разрядъ*—вѣдать въ Посольскомъ приказѣ боярину А. Л. Ордину-Пащокину да думнымъ дьякамъ Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову съ товарищи" [2]). Дѣйствительно, документы 1667—70 гг., относящіеся къ администраціи смоленскаго края, показываютъ, что край управляется за эти годы посольскимъ приказомъ, во главѣ котораго стоялъ знаменитый канцлеръ. Въ рукахъ Ордина вмѣстѣ съ посольскимъ было сосредоточено еще нѣсколько приказовъ: Владимірская и Галицкая четверти, Новгородскій приказъ, Малороссійскій приказъ [3]) и, наконецъ, управленіе смолен-

---

[1]) 1666, № 4, л. 40.

[2]) 1667, № 1. Д. А. И., V, № 45.

[3]) Приказн. дѣла 1667, № 119: „175 г. іюня въ 17 д. Великій Государь ука-

скимъ краемъ. Такимъ образомъ, земли, пріобрѣтенныя войною, оказались въ вѣдомствѣ посольскаго приказа. Малороссія при первыхъ гетманахъ разсматривалась еще до нѣкоторой степени какъ особое государство, съ которымъ Москва и сносилась черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Труднѣе объяснить, почему управленіе Смоленскомъ было поручено посольскому приказу. Быть можетъ здѣсь приняли во вниманіе знакомство съ краемъ Ордина-Нащокина, пріобрѣтенное имъ во время переговоровъ въ Андрусовѣ.

Для малороссійской администраціи былъ образованъ въ Москвѣ особый Малороссійскій приказъ, присоединенный къ посольскому; для управленія смоленской областью оказалось достаточнымъ учредить въ посольскомъ приказѣ только особый смоленскій столъ, куда, очевидно, и были переданы дѣла бывшаго приказа Великаго Княжества Литовскаго. За этимъ столомъ въ 1668 г. сидѣло семеро подьячихъ съ Ларіономъ Васильевымъ во главѣ [1]). Столъ въ зданіи посольскаго приказа занималъ отдѣльную комнату, какъ это видно изъ расходной книги стола, гласящей, что „31-го августа 1667 г. было выдано 26 алт. 4 д. отъ трехъ окопницъ, что сдѣланы въ смоленскій столъ изъ казенной слюды, что взята изъ новгородской чети за станки и за желѣзо и отъ дѣла за работу“ и что 24-го ноября того же года было заплачено 30 алтынъ „отъ печи отъ дѣла, что дѣлана въ смоленскомъ столѣ, за работу и за прибавочные изразцы, и за кирпичъ, и за глину“ [2]).

Компетенція посольскаго приказа по управленію смоленскою областью была шире компетенціи прежняго приказа Великаго Княжества Литовскаго. Ордину-Нащокину не приходилось конкурировать съ другими министрами, и вмѣшательство другихъ приказовъ въ эту область пресѣкалось. Такъ, напр., черезъ два дня послѣ отдачи смоленскихъ дѣлъ въ посольскій приказъ 19-го іюня 1667 г. государь указалъ смоленскихъ стрѣлецкихъ головъ вѣдать въ посольскомъ

залъ Малороссійскаго приказу городы и всякія дѣла и Володимірскую и Галицкую чети вѣдать въ Посольскомъ приказѣ боярину А. Л. Ордину-Нащокину да думнымъ дьякамъ“... Приказн. д. 1668, № 287: города Новгородскаго приказа: Псковъ, Великія Луки, Торопецъ—также подвѣдомствены Ордину. Ср. Д. А. И., VI, № 3, 1670 г. февр. „Въ приказъ Новгородскую четь къ боярину нашему къ Афанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину“ и т. д.

[1]) Приказн. д. 1658, № 287.

[2]) Расходная книга Посольскаго приказу Смоленскаго стола № 9.

приказѣ, а въ стрѣлецкомъ приказѣ ни въ чемъ не вѣдать [1]). Посольскій приказъ назначалъ воеводъ въ Смоленскъ и пригороды и велъ съ ними переписку по всѣмъ дѣламъ: военнымъ, финансовымъ и судебнымъ [2]). Какъ извѣстно, Ординъ-Нащокинъ тяготился этими побочными вѣдомствами и находилъ ненормальнымъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ дипломатіи съ питейнымъ управленіемъ. Смоленскія дѣла едва ли отнимали у него много вниманія: это былъ микроскопическій департаментъ въ его обширномъ и сложномъ министерствѣ; но духъ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка и его административное искусство успѣли оставить слѣды и въ управленіи смоленскимъ краемъ. О цѣломъ рядѣ крупныхъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ управленіи при Нащокинѣ, говорятъ намъ документы. Начата была обширная ревизія финансовой администраціи смоленской области, счетъ приходовъ за все предыдущее время, начиная съ ея присоединенія; дѣло это было поручено счетному приказу [3]). Проведена была въ краѣ питейная реформа. Московское правительство, завоевавъ область, поспѣшило ввести въ ней казенную питейную монополію со всѣми московскими особенностями, съ вѣрными выборами и съ откупами. Эта система оказалась разорительной для края. Въ декабрѣ 1667 г. смоленскіе воеводы кн. И. Б. Репнинъ съ товарищи писали въ Москву, что мѣстное населеніе очень тяготится монополіей, вѣрный голова заявляетъ, что кабацкая казна въ сборѣ небольшая, потому что въ казенномъ кабакѣ бываетъ „питуховъ мало“ и въ Смоленскѣ сильно развито корчемство. Мѣщане, опрошенные воеводами по этому дѣлу, говорили, что унять отъ корчемства молодшихъ и безпромышленныхъ мѣщанъ невозможно, потому что многіе мѣщане обѣднѣли и кромѣ этого промысла прокормиться имъ нечѣмъ. Мѣщане просили разрѣшить свободную торговлю спиртными напитками съ обложеніемъ ея пошлинами, какъ это было при польскихъ короляхъ. Дворянство, къ которому воеводы также обратились за совѣтомъ, поддержало ходатайство мѣщанъ, указывая, что отмѣна монополіи вызоветъ увеличеніе населенія края, такъ какъ устранитъ препятствіе для перехода крестьянъ въ смоленскую область изъ Польши. 20-го января 1668 г. по докладу Ордина, государь разрѣшилъ ввести въ Смоленскѣ и въ

---

[1]) 1669, № 7, л. 37.

[2]) 1669, № 7. Назначеніе воеводами въ Смоленскъ боярина кн. И. А. Хованскаго, стольниковъ кн. М. С. и Ф. И. Шаховскихъ. Ср. Д. А. И., V, № 60.

[3]) 1669, № 5.

смоленскомъ уѣздѣ свободную торговлю виномъ съ уплатою пошлины, а казенный кружечный сборъ въ Смоленскѣ закрыть. Мѣщанамъ было дозволено открывать шинки, а для организаціи сбора пошлинъ велѣно было расписать ихъ въ сотни и въ десятки. Есть свидѣтельство, что еще 1-го октября того же года Ординъ въ обширномъ докладѣ о смоленскихъ дѣлахъ, представленномъ боярской думѣ, спрашивалъ: „въ Смоленску учинены кабаки, а прежъ сего держали шинки мѣщане. И шинкамъ ли быть или кабакамъ?“ Боярскій приговоръ предоставилъ рѣшеніе этого дѣла вполнѣ на усмотрѣніе канцлера: „указъ учинить о томъ боярину“ [1]). Можно такимъ образомъ думать, что вопросъ былъ возбужденъ самимъ Нащокинымъ еще до отписки смоленскихъ воеводъ. Но если онъ былъ поднятъ даже и по ихъ инициативѣ, то Нащокинъ съ дальновидностью истиннаго государственнаго дѣятеля, владѣющаго искусствомъ возбуждать энергію въ подчиненныхъ, умѣлъ хорошо вознаградить и поощрить такую инициативу. „И за это ваше радѣнье“, писалъ онъ смоленскимъ воеводамъ въ грамотѣ отъ имени государя, „что передъ прежними бояры нашими и воеводы, которыя прибыли не взысканы были, а вы хотите взыскать и обновить, мы, великій государь, васъ боярина нашего и воеводъ кн. Ивана Борисовича съ товарищи милостиво похваляемъ и надѣемся, что и больше того въ иныхъ дѣлѣхъ, которыя покинуты были напрасно, прибыль вѣчную учините и казну денежную и хлѣбную, и посады и уѣзды жилецкими людьми наполните и служивыхъ людей безъ оскорбленія въ сытости держать учнете“ [2]). Въ проведеніи этой реформы сказалась широта взгляда, съ которою дѣйствовалъ Нащокинъ, умѣвшій присмотрѣться къ особенностямъ недавно присоединенныхъ окраинъ, щадить ихъ мѣстные интересы и не гнуть ихъ ради внѣшняго единообразія и формальнаго единства подъ общегосударственные шаблоны. Онъ, видимо, хорошо понималъ, что въ иныхъ случаяхъ именно сохраненіе мѣстныхъ особенностей способно содѣйствовать „вѣчнымъ прибылямъ“ государства, о которыхъ онъ говорилъ въ грамотѣ.

Та же широта взгляда и въ другихъ мѣрахъ. Вскорѣ же по принятіи Нащокинымъ въ управленіе Смоленска предпринятъ былъ общій разборъ смоленскаго шляхетства и верстаніе его помѣстными и

---

[1]) 1667, № 2. Докладная выписка о смоленскихъ дѣлахъ съ резолюціями боярской думы.

[2]) 1665, № 3, л. 8 и сл.

денежными окладами [1]). При установленіи ямской подати, которою облагались Смоленскъ и пригороды, Нащокинъ рекомендовалъ воеводамъ дѣйствовать осторожно, „по совѣту съ городовыми и уѣздными людьми“, прислушиваясь къ мнѣнію мѣстнаго общества [2]). Есть также извѣстіе, что была задумана судебная реформа въ краѣ, имѣвшая цѣлью приблизить судъ къ населенію, привлечь къ отправленію правосудія общественные элементы и ввести выборныя судебныя учрежденія, подобныя тѣмъ, которыя существовали въ черныхъ волостяхъ на сѣверѣ Россіи. „Велѣно“, читаемъ въ краткомъ изложеніи грамоты, отправленной въ Смоленскъ, „въ смоленскомъ уѣздѣ по селамъ и по волостямъ выбрать изъ добрыхъ людей *судекъ* и имъ во всякихъ расправныхъ дѣлахъ крестьяномъ всякую расправу чинить вправду“ [3]). Къ сожалѣнію, не удалось встрѣтить указаній на практическое осуществленіе этой реформы.

V.

Управленіе смоленской областью находилось въ посольскомъ приказѣ недолго, менѣе трехъ лѣтъ (іюнь 1667—май 1670 г.). Послѣдній разъ помѣта посольскаго дьяка Дохтурова встрѣчается въ расходной книгѣ смоленскаго стола подъ 1 мая 1670 г. [4]). Съ этого времени смоленскій столъ начинаетъ довольно продолжительное странствованіе по разнымъ приказамъ. Въ упомянутой расходной книгѣ подъ 25 мая ассигновка произведена уже по распоряженію стольника Ивана Севастьяновича Большаго-Хитрово да дьяка Ефима Юрьева—это значитъ, что смоленскій столъ перешелъ въ составъ новгородскаго приказа, которымъ управлялъ въ то время И. С. Хитрово. Дѣйствительно, слѣдующая часть той же расходной книги смоленскаго стола озаглавлена такъ: „Книга Расходная Новгородскаго приказу смоленскаго стола денежнымъ расходамъ при стольникѣ И. С. Большомъ-Хитрово да при дьякѣхъ при Ефимѣ Юрьевѣ да при Аврамѣ

---

[1]) Книга № 8. Книга записная грамотамъ и изъ городовъ отпискамъ въ посольскомъ приказѣ въ смоленскомъ столѣ при бояринѣ А. Л. Ординѣ-Нащокинѣ съ 176 г. сент. 1 по 177 г. сент. 1. Грамота въ Смоленскъ 1 окт. 1667 г.

[2]) 1668, № 2.

[3]) Книга № 8, 15 декабря.

[4]) Кн. № 9. Большую часть 1669 г. и первые мѣсяцы 1670 г. Ординъ-Нащокинъ былъ въ отлучкѣ изъ Москвы на съѣздѣ съ польскими комиссарами, съ которыми велъ переговоры о подтвержденіи Андрусовскаго перемирія. Онъ получилъ отставку отъ управленія посольскимъ приказомъ въ началѣ 1671 г.

Кощеевѣ съ 1 сентября 179 г.". Во главѣ самаго стола стоитъ тотъ же подьячій Ларка Васильевъ, который занималъ эту должность и во время нахожденія стола въ посольскомъ приказѣ [1]). Въ октябрѣ того же 1670 г. Хитрово былъ произведенъ въ думные дворяне. Изъ новгородскаго приказа смоленскій столъ былъ вскорѣ переданъ въ Устюжскую четверть, въ которой находимъ того же дьяка Аврама Кощеева. Расходная книга стола, открытая съ 1-го сентября 180 (1671 г.) носитъ уже заглавіе расходной книги „Устюжскія чети смоленскаго стола при думномъ дворянинѣ при И. С. Большомъ-Хитрово да при дьякѣ при Аврамѣ Кощеевѣ". Воеводскія назначенія въ смоленскую область, которыя въ 1670 г. дѣлались изъ новгородскаго приказа, производятся въ 1671 г. изъ Устюжской четверти [2]). Въ ноябрѣ 1672 г. на мѣстѣ дьяка Аврама Кощеева при думномъ дворянинѣ Хитрово упоминается въ качествѣ помощника при управленіи Устюжской четвертью дьякъ Семенъ Домашнево [3]). Въ концѣ того же 1672 г. противъ думнаго дворянина Хитрово было возбуждено слѣдствіе по обвиненію его во взяткахъ, окончившееся для него ссылкой въ январѣ 1673 г. въ Лебедянь къ струговому дѣлу [4]). Вѣроятно, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ новое перемѣщеніе смоленскаго стола. Съ октября 1672 г. онъ переходитъ въ стрѣлецкій приказъ подъ начальство думнаго дьяка Ларіона Иванова [5]), которому вмѣстѣ съ стрѣлецкимъ приказомъ поручена была также и Устюжская четверть. Почему этотъ думный дьякъ счелъ нужнымъ перевести смоленскій столъ изъ одного подвѣдомственнаго себѣ приказа въ другой, неизвѣстно.

Въ стрѣлецкомъ приказѣ, какъ его отдѣленіе, смоленскій столъ просуществовалъ всего три-четыре мѣсяца. Съ января 1673 года онъ былъ преобразованъ въ особый приказъ Княжества Смоленскаго, начальство надъ которымъ было, впрочемъ, оставлено за тѣми же дья-

---

[1]) 1670, № 8, л. 59.

[2]) 1670 № 8 до л. 56 назначенія изъ новгородскаго приказа: въ Красный, Себежъ и два на Бѣлую (л. 48 бѣльскій воевода долженъ поступать по наказу „каковъ ему данъ изъ новгородскаго приказу"); съ 57 л. назначенія изъ Устюжской четверти: 57—69 въ Рославль; 70—80 Невль; 80—93 Красный (л. 81 „тотъ Красной вѣдомъ въ приказѣ Устюжской четверти въ смоленскомъ столѣ"); 94—109 Себежъ; 110—128 Бѣлая; 129—164 Смоленскъ; 172—181 Дорогобужъ; 182—199 Велижъ.

[3]) 1670, № 8 л. 185—186.

[4]) 1672, № 7. Приказн. д. 1673, янв. 9—апр. 8, № 17.

[5]) Грамота къ смоленскому воеводѣ: „а отписку и книги—подать въ стрѣлецкомъ приказѣ думному нашему дьяку Ларіону Иванову".

ками: думнымъ Ларіономъ Ивановымъ да Семеномъ Домашневымъ. Такимъ образомъ этотъ новый приказъ былъ соединенъ въ однѣхъ рукахъ съ стрѣлецкимъ приказомъ. Первое упоминаніе о приказѣ Княжества Смоленскаго мы встрѣчаемъ въ черновой грамотѣ къ смоленскимъ воеводамъ, помѣченной 20-го января 1673 года: „а отписку велѣли бы подать въ приказъ“ — затѣмъ было сначала написано по старой привычкѣ „Устюжской четверти“, но потомъ это названіе зачеркнуто и исправлено „княжества Смоленскаго дьякомъ нашимъ думному Ларіону Иванову да Семену Домашнево“ [1]). Еще и въ слѣдующемъ 1674 году названіемъ этого новаго приказа ошибались въ московскихъ канцеляріяхъ и, напримѣръ, въ одномъ отношеніи изъ новгородскаго приказа назвали его приказомъ Княжества Литовскаго [2]). Но затѣмъ названіе приказа Княжества Смоленскаго устанавливается за нимъ прочно.

Въ соединеніи съ стрѣлецкимъ приказомъ приказъ Княжества Смоленскаго находился до 1680 года. Въ этомъ году онъ соединяется съ посольскимъ приказомъ и имъ управляютъ начальники послѣдняго. Такъ, онъ просуществовалъ до первой губернской реформы Петра до 1710 года, когда его смѣнила смоленская губернская канцелярія, куда и должны были быть переданы всѣ его дѣла. Въ соединеніи съ стрѣлецкимъ (1673—1680) и затѣмъ съ посольскимъ (1680—1710) приказами приказъ Княжества Смоленскаго вѣдалъ смоленскую область. Изъ него назначались воеводы въ городъ Смоленскъ и его пригороды. Отсюда давались имъ наказы и сюда же они представляли росписные списки и финансовую отчетность: годовые смѣтные списки и мѣсячныя отчетныя вѣдомости [3]). Приказъ Княжества Смоленскаго вѣдалъ служилое населеніе области: смоленскую шляхту, смоленскихъ рейтаръ и стрѣльцовъ, и посадскихъ людей въ городахъ. Служба [4]) и тягло.

---

[1]) 1673, № 1, л. 6.

[2]) 1670, № 8, л. 208—219.

[3]) Архивъ минист. юстиціи. По Смоленску ст. № 39.073 до № 1.

[4]) Судя по архивнымъ документамъ приказа, онъ продолжаетъ вѣдать служилое населеніе, несмотря на указъ 12-го ноября 1680 г., которымъ предписывалось „Смоленска и Бѣльска и иныхъ тамошнихъ городовъ шляхетскихъ чиновныхъ людей и рядовую шляхту и рейтаръ и грунтовыхъ казаковъ и иныхъ чиновъ людей полковыя службы службою и полковыми всякими дѣлами вѣдать въ Разрядѣ и для того тѣхъ городовъ вынеписанныхъ чиновъ людей разборныя книги 188 и подлинные списки нынѣшняго 189 г. съ помѣстными и денежными оклады и съ крестьянскими дворы изъ приказу Княжества Смоленскаго взять въ разрядъ; да тѣхъ же городовъ воеводъ и приказныхъ людей полковыми дѣлами вѣдать въ разрядѣ жъ и о всякихъ полко-

поземельное устройство, отношенія крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, разборъ тяжбъ—таковы были предметы этого вѣдомства. Съ закрытіемъ приказа они перешли къ смоленской губернской канцеляріи [1]).

Резюмируемъ результаты изслѣдованія:

1. Территорія, завоеванная въ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича, Смоленская область, Бѣлоруссія и Литва — управляется первоначально изъ различныхъ приказовъ московскаго государства.

2. Въ концѣ 1656 года для управленія этой территоріей учрежденъ особый приказъ Великаго Княжества Литовскаго подъ начальствомъ боярина С. Л. Стрѣшнева.

5. Этотъ приказъ вѣдалъ служилое и тяглое населеніе края въ служебномъ, финансовомъ, поземельномъ и судебномъ отношеніяхъ.

4. Воеводы края во время существованія приказа Великаго Княжества Литовскаго назначаются изъ разряда. Разряду же принадлежитъ военное управленіе краемъ.

5. Съ іюня 1667 года управленіе смоленской областью по всѣмъ дѣламъ, по закрытіи приказа Великаго Княжества Литовскаго, сосредоточивается въ смоленскомъ столѣ посольскаго приказа до 1670 г.

6. Съ 1670 года по 1673 годъ этотъ смоленскій столъ передается послѣдовательно въ приказы: Новгородскій (1670 — 71), Устюжскую четверть (1671—72), стрѣлецкій (1672).

7. Въ началѣ 1673 года (январь) столъ преобразуется въ особый приказъ Княжества Смоленскаго, который сначала находился въ соединеніи съ стрѣлецкимъ приказомъ (1673—1680), а затѣмъ съ 1680 до своего закрытія въ 1710 году въ соединеніи съ посольскимъ приказомъ.

М. Богословскій.

выхъ дѣлѣхъ писать имъ воеводамъ и приказнымъ людемъ въ разрядѣ жъ... Въ разрядѣ жъ учинить Казанскій и Смоленскій столы и вѣдать казанскаго и смоленскаго разрядовъ полковыя службы ратныхъ людей въ тѣхъ столѣхъ". Д. А. И., VIII, № 82, п.п. 4, 12.

[1]) О смоленскомъ шляхетствѣ см. мою статью „Смоленское шляхетство въ XVIII-мъ вѣкѣ" въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 г. № 3. Поземельныя дѣла приказа находятся въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи: по Смоленску столбцы №№ 15.181, 15.184, 39.058—39.059, 39.073 и слѣд. Въ этихъ столбцахъ встрѣчается также собранная по годамъ переписка приказа съ смоленскими воеводами о разныхъ предметахъ управленія.

ЗАБЫТАЯ ПОПЫТКА КОДИФИКАЦІИ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАГО ПРАВА ПРИ ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ.

По мысли Сперанскаго, наряду съ громаднымъ Сводомъ Законовъ, вмѣщающимъ въ себѣ все объективное право Россійской имперіи, должны были быть изготовлены два особенныхъ свода, одинъ для губерній Западныхъ, другой для Остзейскихъ [1]), и въ нихъ должны были быть помѣщены мѣстные законы, дѣйствующіе только въ этихъ областяхъ. Этому замыслу Сперанскаго не суждено было осуществиться въ полномъ объемѣ. Сводъ Остзейскихъ Законовъ, правда, былъ изготовленъ и распубликованъ, хотя уже много лѣтъ послѣ смерти великаго кодификатора, а Сводъ для Западныхъ губерній, который долженъ былъ быть законченъ, по словамъ Сперанскаго, въ теченіе 1833 года и въ томъ же году „поступить на ревизію“ [2]), никогда не получилъ силы закона. И если пытливый читатель „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ“ поинтересуется получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой работѣ, то въ литературѣ онъ не найдетъ почти никакихъ данныхъ. Даже больше того: невольно у него возникнетъ нѣкоторое недовѣріе къ тѣмъ словамъ „Обозрѣнія“, гдѣ говорится объ успѣшности работъ по этому кодексу, если онъ посмотритъ во второе изданіе (1837 г.) этого предисловія къ Своду Законовъ: онъ можетъ прочесть въ немъ буквально то же самое, что и въ первомъ, именно что Западный Сводъ „будетъ оконченъ въ настоящемъ (слѣдовательно, 1837 г.) и поступитъ на ревизію“ [3]). Иначе говоря, можетъ остаться впечатлѣніе, что за четыре года это дѣло, „находящееся въ полномъ движеніи“, не сдвинулось съ мѣста.

---

[1]) См. Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, изд. 1833 г., стр. 112.
[2]) Тамъ же, стр. 185.
[3]) Обозрѣніе, изд. 1837 г., стр. 185.

Въ литературѣ и распубликованныхъ матеріалахъ встрѣчаются указанія на то, что въ работахъ по кодификаціи литовско-польскаго права принималъ видное участіе профессоръ Харьковскаго университета Даниловичъ, и въ біографіяхъ этого ученаго можно найти отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по Западному Своду. Можно, далѣе, по другимъ матеріаламъ установить, что сводъ былъ въ самомъ дѣлѣ оконченъ, но „обнародованіе его не осуществилось за начавшимися тогда же соображеніями о распространеніи на возвращенныя отъ Польши губерніи общихъ русскихъ законовъ, что, какъ извѣстно, и послѣдовало въ 1840 г.“ [1]).

Въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ [2]) опубликована записка неизвѣстнаго автора, представленная императору Николаю I и содержащая критику Западнаго Свода. Но даже если собрать всѣ данныя, разбросанныя въ біографіяхъ Даниловича, изслѣдованіяхъ по исторіи западнаго края и другихъ сочиненіяхъ, данныя,—слѣдуетъ отмѣтить здѣсь же—далеко не всегда точныя, то все же не только не получится никакой общей картины, но даже и никакого представленія о ходѣ работъ, произведенныхъ во II Отдѣленіи, подъ руководствомъ Сперанскаго.

Это отсутствіе свѣдѣній о Западномъ Сводѣ не удивительно. Проектъ свода не получилъ силы закона, а потому и самъ проектъ и всѣ прочіе труды составителей свода остались „при дѣлахъ“, какъ чисто теоретическіе матеріалы. Проектъ „Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“, отпечатанный въ 1837 году, былъ изготовленъ всего въ количествѣ 50 экземпляровъ [3]); въ такомъ же количествѣ было издано и „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“, вышедшее въ 1837 г., и теперь эти изданія представляютъ великую библіографическую рѣдкость.

Мнѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ свода, принадлежащій библіотекѣ С.-Петербургскаго университета, а печатнаго экземпляра „Обозрѣнія“ я не могъ найти ни въ одной библіотекѣ [4]). По счастью,

[1]) Краткій очеркъ дѣятельности II Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи за 50 лѣтъ, Спб., 1876 г., стр. 31.

[2]) За 1866 г., кн. 1, смѣсь, стр. 102 и слѣд.

[3]) См. отчетъ Государственной типографіи въ дѣлѣ II Отд. С. Е. И. В. К. № 50 1839 г. (1396) (хранится въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

[4]) Это „Обозрѣніе“ также имѣлось одно время въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета (см. каталогъ русскихъ книгъ, т. I, 1897 г., стр. 560), но теперь его

въ архивѣ Государственнаго Совѣта сохранился рукописный оригиналъ[1]) этого цѣннаго труда кодификаторовъ, которымъ я и могъ воспользоваться для моей работы.

Вслѣдствіе такой рѣдкости изданій, касающихся работъ по кодификаціи литовско-польскаго права, вполнѣ понятно, что на эту работу такъ мало обращено вниманія въ наукѣ. Объ этомъ можно только пожалѣть. Составленію параграфовъ проекта предшествовала долгая, упорная и трудная работа по уясненію права, дѣйствовавшаго въ началѣ XIX столѣтія на западной окраинѣ, и по разработкѣ исторіи его. Печально, что результаты этихъ усилій пропали совершенно безъ пользы для послѣдующихъ изслѣдователей, печально, что пришлось снова добывать то, что однажды уже было завоевано. Теперь, при современномъ состояніи изученія западной старины и въ частности литовско-польскаго права, за послѣднее время сдѣлавшаго такіе огромные успѣхи, работы кодификаторовъ уже не даютъ ничего новаго. Благодаря дружнымъ усиліямъ мѣстныхъ историковъ и юристовъ, съ такимъ достойнымъ уваженія патріотизмомъ и рвеніемъ принявшихся за изученіе архивныхъ и другихъ матеріаловъ, приложившихъ къ разработкѣ родной старины всѣ методы современной критики, теперь, когда матеріалъ для сравнительнаго изслѣдованія стариннаго права возрастаетъ съ неимовѣрной быстротой, теперь результаты кодификаціонныхъ работъ, сдѣланныхъ въ тридцатыхъ годахъ, представляются блѣдными и мало обоснованными. Но въ свое время они составляли значительный шагъ впередъ и могли съ полнымъ основаніемъ претендовать на очень видное мѣсто, даже на первое мѣсто въ ряду тогдашнихъ ученыхъ работъ. Но если онѣ утратили непосредственное значеніе, то во всякомъ случаѣ и въ на-

тамъ болѣе нѣтъ. Проекта, и Обозрѣнія не оказалось ни въ одной петербургской библіотекѣ (кромѣ, какъ указано, библіотеки университета); нѣтъ этихъ изданій и въ провинціальныхъ книгохранилищахъ. Въ біографіи Даниловича, помѣщенной въ Tygodnik Illustrowany, 1871 года, авторъ жизнеописанія, *Маврикій Круповичъ*, говоря о рѣдкости „Проекта“, упоминаетъ, что видѣлъ одинъ экземпляръ у Малиновскаго, доставшійся ему отъ Кукевича (одного изъ участниковъ составленія свода), см. стр. 286.

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла б. II Отдѣленія, № 587. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылка прямо на архивъ Государственнаго Совѣта, въ которой указанъ только номеръ дѣла, означаетъ ссылку на дѣло бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, архивъ котораго хранится теперь при архивѣ Государственнаго Совѣта. Цифра, помѣщенная въ скобкахъ, указываетъ валовой номеръ по описи.

стоящее время онѣ заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи литературы литовско-польскаго права.

Поэтому, встрѣтившись съ архивнымъ матеріаломъ, прямо относящимся къ исторіи составленія Свода Западныхъ законовъ, я счелъ себя обязаннымъ собрать воедино всѣ добытыя мною данныя и сопоставить этотъ сырой архивный матеріалъ съ другими свѣдѣніями, которыя уже извѣстны въ литературѣ.

Исторія усилій по приведенію въ порядокъ права, дѣйствовавшаго на западной окраинѣ, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія по различнымъ причинамъ.

Для историка литовскаго права кодификація при Сперанскомъ можетъ представлять интересъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, онъ будетъ искать въ ней итогъ внутренняго развитія литовско-польскаго права къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка, описаніе внутренняго строенія институтовъ, изъ которыхъ оно слагалось, — въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись свѣдущимъ людямъ этого времени. И далѣе, во-вторыхъ, эта кодификація можетъ интересовать его, какъ послѣдній эпизодъ самостоятельной жизни этой правовой системы. Всѣ дѣйствующіе остатки древнихъ источниковъ были собраны въ одинъ кодексъ, который долженъ былъ дать имъ крѣпкое обоснованіе, обезпечить за ними внѣшній авторитетъ и, въ связи съ этимъ, придать имъ новую силу. Но этотъ послѣдній расцвѣтъ оказался гибельнымъ; собраніе мѣстнаго права въ единомъ кодексѣ, законченное немного лѣтъ послѣ бурнаго 1830 года, привлекло недоброжелательное вниманіе и мѣстныхъ властей и центральнаго правительства. Попытка упорядочить и закрѣпить на будущія времена мѣстные законы только споспѣшествовала окончательной отмѣнѣ всѣхъ мѣстныхъ юридическихъ особенностей, выразившейся въ указѣ 25-го іюня 1840 г.

Однако не вся работа кодификаторовъ погибла окончательно; нѣкоторые остатки Западнаго Свода живы и понынѣ въ правѣ малороссійскихъ губерній. Только въ связи съ исторіей Западнаго Свода можно объяснить появленіе во II изданіи Свода Законовъ тѣхъ остатковъ литовскаго права, которые сохранили силу въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Въ этомъ смыслѣ историческія изысканія могутъ оказаться полезными для изученія дѣйствующаго гражданскаго права.

Но не эта точка зрѣнія, не изученіе Западнаго Свода, какъ памятника *литовскаго* права, руководила мною въ настоящей моей ра-

ботѣ. Составленіе свода для Западныхъ губерній заинтересовало меня какъ одна изъ частныхъ кодификаціонныхъ работъ, предпринятая Сперанскимъ, какъ одна изъ его попытокъ упорядочить дѣйствующее право. На ней слѣдуетъ остановиться уже потому, что исторія всѣхъ его кодификаціонныхъ работъ, въ общемъ очень почтенныхъ по количеству затраченныхъ усилій и даже по качеству добытыхъ результатовъ, въ сущности еще не написана. Кодификаціонная дѣятельность Сперанскаго и его сотрудниковъ по II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи съ того момента, какъ было окончательно рѣшено составить „сводъ“, а не уложеніе, была заключена въ такія рамки, что ее слѣдуетъ разсматривать какъ кабинетную и, по существу своему, обширную коллективную *ученую* работу. Имъ была поставлена опредѣленная задача: изложить въ полной точности дѣйствующее право, т. е. была указана та же самая цѣль, которую ставитъ себѣ всякій юристъ, намѣревающійся догматически изучить положительную правовую систему и собирающій необходимый для научной обработки матеріалъ. Въ этомъ отношеніи. какъ кодификаторъ, такъ и ученый должны прежде всего стремиться къ тому, чтобы добиться *объективной истины*, и въ этомъ ихъ главнѣйшее сходство.

Но только одна *цѣль* была предписана Сперанскому; самая же *организація* работы, необходимой для ея достиженія, была предоставлена всецѣло его усмотрѣнію. Вотъ для характеристики избраннаго имъ метода и вообще всей дѣятельности его въ этомъ направленіи, особенно поучительны работы по составленію мѣстныхъ сводовъ. Въ этой области поневолѣ пришлось Сперанскому проявить самостоятельное творчество, такъ какъ всѣ прежнія попытки, ему хорошо извѣстныя, убѣждали въ непригодности обыкновенныхъ канцелярскихъ пріемовъ. Отъ предшественниковъ не осталось никакого матеріала, который можно было бы обратить въ дѣло. Приходилось организовать все заново. То, что Сперанскій придумалъ и выполнилъ, въ общемъ — если разумѣется разсматривать его дѣятельность въ исторической перспективѣ, — оказалось цѣлесообразнымъ; работа была доведена до конца и результатъ ея былъ такого качества, какого по тѣмъ временамъ можно было требовать. Этимъ, конечно, вовсе не сказано, что результатъ кодификаціонныхъ работъ былъ объективно превосходный; другая оцѣнка можетъ получиться, если предъявить къ нему современныя требованія и въ особенности, если подвергнуть критикѣ основныя идеи кодификаціи 30-хъ годовъ.

Исторія составленія Свода для Западныхъ губерній можетъ поэтому служить удачной иллюстраціей работъ II Отдѣленія по кодификаціи мѣстныхъ правъ, такъ какъ этотъ сводъ былъ окончень при жизни Сперанскаго и работа прошла гладко.

Но помимо всѣхъ этихъ соображеній, изученіе усилій, предпринятыхъ для приведенія въ извѣстность литовскаго права, необходимо просто во имя исторической справедливости. Въ этихъ трудахъ главнымъ дѣятелемъ былъ профессоръ Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, одинъ изъ немногихъ замѣчательныхъ историковъ права начала минувшаго вѣка, ученый, который сдѣлалъ очень много и не сдѣлалъ еще большаго только потому, что несчастливо сложились обстоятельства его личной жизни. Многимъ обязана ему наука литовскаго права, въ частности — исторія источниковъ этой правовой системы, а между тѣмъ о напряженныхъ трудахъ его по кодификаціи, поглотившихъ такъ много его времени и стоившихъ ему огромныхъ усилій, никому ничего не извѣстно. Напомнить объ нихъ, хотя бы вкратцѣ указать на ихъ значеніе, показать, что этотъ ученый былъ все время на высотѣ задачи, зналъ многое, что умерло съ нимъ и впослѣдствіи должно было быть снова открыто — все это священная обязанность всякаго юриста, интересующагося исторіей науки права въ Россіи. При такой постановкѣ темы моей работы вопросы древнѣйшей исторіи литовскаго и польскаго права отходятъ на задній планъ. Историческіе экскурсы по частнымъ вопросамъ являются необходимыми только настолько, насколько они уясняютъ и освѣщаютъ ходъ работъ по извлеченію мѣстныхъ законовъ изъ ихъ темноты и неизвѣстности, или даютъ матеріалъ для оцѣнки трудовъ составителей свода съ ихъ внутренней стороны, матеріалъ для сравненія того, что было извѣстно уже тогда и что раскрыто теперь. Для этихъ цѣлей достаточно иногда краткаго указанія на результаты, добытые современной наукой, или просто ссылки на новѣйшія изслѣдованія. И я считаю мою задачу достигнутой, если мнѣ удастся составить общее представленіе о той обстановкѣ, въ которой приходилось работать Даниловичу и его сотрудникамъ, и освободить ихъ ученые труды отъ архивной пыли, которая такъ густо закрываетъ ихъ.

I.

Работы по составленію Западнаго Свода прошли слѣдующія стадіи. Первоначальный проектъ былъ составленъ профессоромъ Харьковскаго университета Игнатіемъ Николаевичемъ Даниловичемъ, вызваннымъ

для этой цѣли въ Петербургъ въ 1830 году. Проектъ былъ оконченъ и переведенъ на русскій языкъ (съ польскаго) въ 1834 году, и въ 1835 году поступилъ на разсмотрѣніе особаго ревизіоннаго комитета, состоящаго изъ четырехъ мѣстныхъ юристовъ, для этой цѣли спеціально приглашенныхъ изъ губерній сѣверо и юго-западнаго края. Работы комитета окончились въ 1837 г., вслѣдъ за этимъ былъ напечатанъ проектъ и были внесены въ Государственный Совѣтъ записки по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, которые II Отдѣленіе не брало на себя разрѣшить въ кодификаціонномъ порядкѣ. Въ срединѣ 1838 года эти представленія были заслушаны Государственнымъ Совѣтомъ и утверждены Государемъ, и сводъ признавался окончательно готовымъ, но къ этому времени уже вполнѣ обозначилась тенденція отмѣнить совершенно „мѣстныя изъятія“ для западнаго края, и необходимость рѣшить вопросъ, что дѣлать съ новымъ сводомъ, только ускорила это рѣшеніе. Въ концѣ 1839 и началѣ 1840 г. вопросъ объ отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута и польскихъ законовъ постоянно привлекалъ вниманіе правительства и дебатировался въ „особомъ комитетѣ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній по губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ“, въ такъ называемомъ „Западномъ комитетѣ“; въ началѣ 1840 г. восторжествовало это мнѣніе, и 25-го іюня 1840 г. былъ изданъ соотвѣтствующій указъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ стадій трудовъ по приведенію въ порядокъ законовъ западной окраины, необходимо остановиться на описаніи той задачи, которая предстояла составителямъ свода, и въ частности — Даниловичу, на долю котораго выпала первая и самая трудная часть работы. Для этого надо напомнить нѣкоторыя общеизвѣстныя событія изъ исторіи западной Россіи.

Расширеніе границъ Россіи за счетъ сосѣдней Польши происходило постепенно. Первымъ по времени было пріобрѣтеніе лѣвобережной Малороссіи и Кіева, въ силу Андрусовскаго перемирія, 13-го января 1667 г. Это временное соглашеніе между московскимъ и польскимъ государствами оказалось, однако, „вѣчнымъ“, и полученныя тогда Москвой области остались окончательно за Россіей [1]). Затѣмъ, послѣ долгаго перерыва въ 1772 году Имперія пріобрѣла новую область — Бѣлоруссію. Изъ новоприсоединенныхъ мѣстностей и изъ части пограничныхъ великороссійскихъ губерній были образованы двѣ

[1]) См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи (изданіе Обществ. Пользы). книга III, стр. 178 и 188.

губерніи — Псковская, съ главнымъ городомъ Опочкой, къ которой присоединены были провинціи Двинская, Полоцкая и Витебская, и Могилевская (центръ — Могилевъ), которая была раздѣлена на 3 провинціи — Могилевскую, Оршанскую и Рогачевскую [1]). Далѣе, по второму раздѣлу Польши, въ 1793 г., пріобрѣтено Россіей громадное пространство, на картѣ опредѣляемое почти прямой линіей отъ Двинска [2]) (Динабурга) на югъ до Каменца, отграниченное съ юга Днѣстромъ. Эта территорія была раздѣлена на три губерніи — Минскую, Изяславскую и Брацлавскую, причемъ одновременно съ новымъ административнымъ дѣленіемъ нѣкоторыя пограничныя мѣстности были присоединены къ русскимъ губерніямъ: 1) къ Полоцкой (остатокъ воеводства Полоцкаго, не отошедшій къ Россіи по первому раздѣлу), 2) къ Могилевской (отъ Полоцкой губ. до рѣки Березины), 3) къ Черниговской (Мозырскій округъ), 4) къ Кіевской (часть Кіевскаго воеводства) и 5) къ Екатеринославской (часть Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ).

Наконецъ, по третьему раздѣлу, 1795 г., границы Имперіи были отодвинуты еще дальше на западъ. Отъ Полангена до Нѣмана пограничная черта проходила по тѣмъ же мѣстностямъ какъ и современная, отъ Ковно она опускалась на югъ по теченію Нѣмана приблизительно до Гродно, далѣе, почти по прямой линіи она достигала рѣки (западнаго) Буга, пересѣкая его между линіей Сѣдлецъ — Брестъ-Литовскъ, и, опускаясь еще южнѣе, сворачивала затѣмъ на востокъ, гдѣ снова встрѣчаясь съ Бугомъ, слѣдовала его теченію. Дальнѣйшее направленіе границы 1795 г. (съ Австріей) почти совпадало съ прежней границей 1793 г. [3]).

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи (указан. выше изданіе), книга VI, стр. 1004.

[2]) Точное перечисленіе пунктовъ, черезъ которые проходила граница, приведено въ манифестѣ 27-го марта 1793 года. Полн. Собр. Зак. № 17, 108 (т. 23, стр. 410); новое административное дѣленіе установлено указомъ, даннымъ Сенату 23-го апрѣля 1793 г., П. С. З. № 17, 112 (т. 23, стр. 417). Но современная раздѣлу русская офиціальная карта представляетъ великую библіографическую рѣдкость, см. объ этомъ *С. Рункевичъ*, Исторія Минской Архіепископіи, 1893 г. стр. 155, прим. 901.

[3]) См. объ этомъ манифестъ 14-го дек. 1795 года, П. С. З. т. 27, стр. 697. Современныя раздѣлу карты — „Чертежъ новопріобрѣтенныхъ къ Россійской Имперіи земель въ 1793 и 1795 годахъ. Сочинилъ *Вильбрехтъ*, вырѣзалъ *Ушаковъ*". Съ этой картой почти вполнѣ идентична нѣмецкая „Karte von Polen, nach dem Petersburger Theilungsvertrag und dem russischen Kaiserlichen Manifeste von 25 December 1795, herausgegeben von Franz Iohann *von Reilly*" (въ Вѣнѣ). Нѣмецкая карта иллюминована. Имѣются обѣ карты въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

При всякомъ присоединеніи новыхъ областей, съ русской стороны торжественно подтверждались за новыми подданными ихъ прежнія права, причемъ имѣлось въ виду не только сохраненіе за ними всѣхъ уже пріобрѣтенныхъ каждымъ въ отдѣльности субъективныхъ гражданскихъ правъ, но и оставленіе въ силѣ дѣйствовавшихъ въ моментъ присоединенія нормъ объективнаго права, за исключеніемъ несовмѣстимыхъ съ происшедшею политическою перемѣной.

Особенно тщательно заботились о такомъ подтвержденіи жители Малороссіи, старательно устранявшіе вмѣшательство какихъ-либо московскихъ должностныхъ лицъ въ отправленіе правосудія. Это оговорено было уже въ 1659 г. (окт. 17, П. С. З., № 262, т. I, стр. 493) въ актѣ избранія въ запорожскіе гетманы Юрія Хмельницкаго, гдѣ въ первомъ же пунктѣ выговорено: „чтобы Царское Величество пожаловалъ изволилъ подтвердить права и вольности войсковыя, какъ издавна бывало въ войскѣ Запорожскомъ; чтобы своими правами судились и вольности свои имѣли въ доброхъ и въ судахъ, чтобъ въ тѣ ихъ суда войсковые ни Бояринъ, ни Воевода или Стольникъ не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобы товарищества сужены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судить". Этотъ пунктъ условій присоединенія войска Запорожскаго былъ подтвержденъ снова въ грамотѣ малороссійскимъ старшинамъ (ноябрь 1663 г., П. С. З., № 330, т. I, стр. 575). Повторено соотвѣтствующее постановленіе и въ статьяхъ (Московскихъ) 1665 года (П. С. З., 1665 г. 22-го октября, № 376, т. I, стр. 617), далѣе, въ такъ называемыхъ Глуховскихъ статьяхъ при избраніи гетмана Даміана Многогрѣшнаго (П. С. З., 6 марта 1669 г., № 447, т. I, стр. 808), въ статьяхъ Конотопскихъ, при избраніи Ивана Самойловича (П. С. З., 17 іюня 1672 г., № 519, т. I, стр. 893). Не лишилась Малороссія этого первоначально выговореннаго ею положенія и послѣ временнаго упраздненія гетманскаго управленія. Прежнее юридическое положеніе, въ смыслѣ сохраненія самостоятельнаго права, такое, какое существовало при Хмельницкомъ, подтверждено и въ рѣшеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта на прошеніе гетмана Апостола (П. С. З., 22 августа 1728 г., № 5324, т. 8, стр. 75). Съ этихъ же поръ начинаются заботы центральнаго правительства о приведеніи въ извѣстность тѣхъ „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ".

Когда состоялось присоединеніе Бѣлоруссіи, за жителями были также сохранены ихъ прежнія права. Къ именному указу, данному генералъ-маіорамъ Каховскому и Кречетникову, былъ приложенъ на-

казъ, „по коему они должны поступать при исправленіи должности губернаторовъ въ присоединяемыхъ отъ Польши губерніяхъ" (П. С. З. 22-го мая 1772 г., № 13808, т. 19, стр. 508), и въ немъ выражено (§ 12): „Судъ и расправа внутренняя тѣхъ провинцій въ личныхъ дѣлахъ имѣютъ производиться по ихъ законамъ и обыкновеніямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои не дотрогиваются до власти нашей". Для мѣстностей, присоединенныхъ по второму раздѣлу, такое же положеніе было обезпечено манифестомъ 27-го марта 1793 г. (П. С. З., № 17108, т. 23, стр. 410): „Судъ и расправа", говорилось въ немъ, „да будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именемъ и властію Ея Императорскаго Величества съ наблюденіемъ строжайшаго порядка и правосудія" [1]).

Наконецъ, именнымъ указомъ генералъ-поручику Тутолмину, правящему должность генералъ-губернатора Минскаго, Изяславскаго и Брацлавскаго, отъ 1-го мая 1795 г. (П. С. З., № 17320, т. 23, стр. 691) при присоединеніи новыхъ мѣстностей было поручено объявить, что за жителями сохранены будутъ права, и что они „сопричитаются ко всѣмъ тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, кои изданнымъ по волѣ Нашей въ 1793 г. въ день 27-го марта отъ графа Кречетникова манифестомъ новоприсоединеннымъ тогда областямъ отъ Насъ пожалованы были" [2]).

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что въ актахъ 1793 г. подтвержденіе прежнихъ правъ выражено глухо. Такъ, въ цитированной выдержкѣ манифеста о сохраненіи *права*, въ сущности, ничего не сказано; говорится о сохраненіи судебныхъ учрежденій, но не о законахъ, которыми они имѣютъ руководствоваться. И въ именномъ указѣ Сенату 23 апрѣля 1793 г. (П. С. З., № 17112, т. 23, стр. 417) дѣйствіе прежнихъ законовъ представляется временнымъ состояніемъ. Въ немъ говорится объ устройствѣ трехъ губерній (Минской, Изяславской и Брацлавской), объ образованіи ихъ по правиламъ общаго учрежденія о губерніяхъ, объ устройствѣ въ нихъ присутственныхъ мѣстъ и о торжественномъ открытіи ихъ. „*До того же времени*", сказано въ указѣ, „и *до надлежащаго по всѣмъ частямъ распоряженія* судъ и расправу въ тѣхъ земляхъ оставить на правахъ Польскихъ, отправляя оныя именемъ и властію Нашей". Впрочемъ, неясность этихъ актовъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять только неточностью торжественной ихъ редакціи; на серьозное намѣреніе отмѣнить прежнее объективное право нѣтъ другихъ опредѣленныхъ указаній. Къ тому же въ позднѣйшихъ, но очень близкихъ по времени актахъ, сохраненіе польскихъ законовъ выражено вполнѣ опредѣлительно. См., напримѣръ, указъ 30-го октября 1794 г., № 17264 (т. 23, стр. 575), п. VI. „Даруя всѣмъ обитателямъ Литовскимъ полную свободу производить судъ и расправу свою именемъ и властію Нашею на древнихъ ихъ правахъ и судьями, изъ ихъ же собраній избранными"...

[2]) Въ текстѣ манифеста, объявленнаго Тутолминымъ, „коимъ приводятся къ

Такимъ образомъ, во всей западной окраинѣ Россіи были оставлены въ дѣйствіи прежніе законы. Центральное правительство не отступало отъ своего обѣщанія, и во всѣхъ случаяхъ, когда возникали соотвѣтствующіе вопросы, считалось съ мѣстнымъ правомъ. Такъ, чтобы не утомлять приведеніемъ детальныхъ примѣровъ—можно указать хотя бы на „положеніе объ управленіи Бѣлостокской области" (П. С. З., 18-го іюля 1808 г., № 23166). Бѣлостокская область была образована изъ частей Подляхіи и изъ части Литовскаго княжества, изъ которыхъ первая управлялась во время существованія Польши законами польскими, а другая—узаконеніями литовскими (§ 18), и согласно съ этимъ все положеніе объ управленіи области проникнуто стараніемъ сохранить это состояніе (см., напримѣръ, § 47, § 76 и др.). Никакихъ попытокъ ограничить дѣйствіе прежнихъ источниковъ права ни при Екатеринѣ, ни при ея преемникахъ не было. Законодательная власть часто имѣла случай касаться различныхъ областей права западныхъ окраинъ и измѣняла его, но все это были реформы права, измѣненія его такія же, какія производились и въ общемъ правѣ имперіи, именно—*реформы*, а не замѣна партикулярнаго права общимъ.

Административное дѣленіе этой окраины, введенное при присоединеніи этихъ мѣстностей, впослѣдствіи было неоднократно измѣняемо. Громадныя пространства, входящія въ составъ первоначальныхъ губерній, были постепенно раздѣляемы на большее количество губерній; такъ, напримѣръ, изъ бѣлорусскихъ областей, причисленныхъ сперва къ Псковской губерніи, была образована Полоцкая губернія; губерніи Изяславская и Брацлавская подѣлены на Волынскую, Подольскую и Кіевскую, и т. д. Къ началу двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія всѣ области, отошедшія къ Россіи при Екатеринѣ II, были раздѣлены уже на 8 [1]) губерній, а именно на губерніи Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую и Кіев-

---

присягѣ жители этихъ губерній", о „правахъ" мало сказано (см. П. С. З., № 17332, т. 23, стр. 697). Столь же мало говорится о нихъ и въ указѣ Сенату, и манифестѣ 14-го декабря 1795 г. (П. С. З., № 17418, т. 23, стр. 845). Оставленіе прежнихъ „правъ" въ силѣ представлялось истиной очевидной, о которой излишне было повторять при каждомъ случаѣ. Если у Екатерины II и была мысль уничтожить мѣстныя юридическія особенности (см. секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому, напечатанное въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи за 1858 г., книга I, смѣсь, стр. 101, а тоже въ Сбор. Имп. Русскаго Истор. Общ., т. VII, стр. 348)), то это представлялось ей планомъ туманнаго будущаго, и къ осуществленію его она не приступала.

[1]) Ковенская губернія образована въ 1842 году.

скую, и на одну область—Бѣлостокскую [1]). Весь этотъ обширный край въ языкѣ законодательства и канцелярскаго дѣлопроизводства начала прошлаго вѣка получилъ названіе „Западныхъ губерній", или, точнѣе, „губерній отъ Польши присоединенныхъ" [2]). Малороссійскія губерніи, вошедшія въ составъ Имперіи уже давно, имѣвшія свою собственную историческую судьбу и въ очень многихъ отношеніяхъ отличающіяся отъ перечисленныхъ выше областей, подъ это названіе не подводились.

---

[1]) Вопросы исторической географіи и, въ частности, исторія дѣленія западной окраины на губерніи, настолько далеки отъ темы настоящаго изслѣдованія, что я счелъ себя въ правѣ ограничиться только тѣмъ, что сказано выше въ текстѣ. Исторію границъ отдѣльныхъ губерній можно легко прослѣдить по (первому) полному собранію законовъ; въ алфавитномъ указателѣ подъ словомъ „губернія" (часть I, стр. 564 и слѣд.) приведены всѣ относящіеся къ этому законодательные акты.— Этотъ вопросъ о распредѣленіи различныхъ мѣстностей по губерніямъ, и губерній по генералъ-губернаторствамъ, впрочемъ, не лишенъ интереса и для историка литовскаго права, потому что такое распредѣленіе подчасъ являлось источникомъ различныхъ юридическихъ недоразумѣній. Именно, на основаніи манифестовъ за всѣми мѣстностями, принадлежавшими къ Польшѣ, сохранялось прежнее право; слѣдовательно, всякая мѣстность, лежавшая до 1772, 1793 и 1795 г.г. за границей Имперіи, могла претендовать на признаніе за ней прежняго юридическаго status. Но, какъ выше уже замѣчено, нѣкоторыя пространства, относительно, по сравненію со всей присоединяемой площадью не очень большія, но безотносительно—громадныя, были причислены къ губерніямъ великорусскимъ (Псковской, Екатеринославской и др.), т. е. вошли въ составъ административныхъ единицъ, на большей части территоріи которыхъ дѣйствовали общіе законы. При такомъ положеніи несомнѣнно бывали постоянно случаи, когда власти примѣняли безъ всякаго посторонняго умысла, просто по привычкѣ, общіе законы Имперіи къ такимъ отношеніямъ, которыя въ сущности подлежали бы дѣйствію законовъ мѣстныхъ. Это было неизбѣжно при томъ хаотическомъ состояніи источниковъ мѣстнаго права, которое существовало въ концѣ XVIII вѣка и позже. Далѣе, даже цѣлыя губерніи, входя въ составъ генералъ-губернаторствъ, составленныхъ изъ мѣстностей на „различныхъ правахъ состоящихъ", по этимъ же причинамъ подпадали подъ дѣйствіе не подлежащихъ законовъ; примѣръ этого встрѣтится въ дальнѣйшемъ изложеніи. Иначе и быть не могло—мало извѣстное, не собранное въ законченномъ кодексѣ литовско-польское право представляло слишкомъ незначительную силу сопротивленія и не могло бороться съ новыми нормами, за которыя высказывался авторитетъ мѣстной власти, авторитетъ чисто внѣшній, но весьма реальный.

[2]) Лучшее доказательство этому—терминологія Западнаго Свода. Но это названіе встрѣчалось и раньше; см., напримѣръ, „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи", выпускъ II, стр. 371: „Всеподданнѣйшій рапортъ сенатора тайнаго совѣтника Алексѣева отъ 24-го января 1808 г. по предмету благоустройства *губерній присоединенныхъ отъ Польши*".

Но эти мѣстности, объединенныя однимъ названіемъ, на самомъ дѣлѣ представлялись далеко не единымъ и однороднымъ цѣлымъ, какъ по своему историческому прошлому, такъ и по тѣмъ правовымъ нормамъ, которыя имѣли силу на различныхъ территоріяхъ. Сѣверныя губерніи (Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и часть области Бѣлостокской) представляли собой прежнее Великое Княжество Литовское, въ его древнихъ и постоянныхъ границахъ. Напротивъ, южныя губерніи — Подольская, Волынская и Кіевская—были образованы изъ территоріи, въ древности постоянно переходившей отъ Литвы къ Польшѣ, и обратно. Да и судьба Литовскаго княжества мѣнялась въ исторіи. Непрерывныя столкновенія съ Польшей вызывали необходимость установить компромиссъ, избавляющій отъ попытокъ кроваваго разрѣшенія ихъ. Бракъ Ядвиги и Ягелло (1386 г.) и обусловленный этимъ союзъ обоихъ государствъ не внесъ окончательнаго мира въ распри Польши и Литвы; напротивъ, онъ послужилъ только основаніемъ новыхъ [1]). Не внесли полнаго успокоенія въ междуусобицы и различные трактаты, заключавшіеся въ разное время между этими государствами и имѣвшіе цѣлью создать между ними прочную и постоянную связь [2]). Только Люблинская унія 1569 г. установила до нѣкоторой степени опредѣленный политическій modus vivendi. Но на сеймѣ 1569 года, кромѣ акта Уніи, было принято еще очень важное рѣшеніе. На немъ было постановлено, что южныя Литовскія области—Волынь, Подляcье, Кіевъ—передавались въ неограниченное владѣніе Польши, но за ними было сохранено ихъ прежнее право, т. е. дѣйствовавшій въ нихъ Литовскій Статутъ, редакціи 1566 года. Эти мѣстности были включены въ составъ „коронныхъ провинцій“ польскихъ, т. е., юридически онѣ были поставлены въ тѣ же условія, въ какихъ находились всѣ коронныя области Польши. Помимо другихъ послѣдствій, присоединеніе этихъ областей къ „Коронѣ“ выражалось прежде всего въ томъ, что на нихъ распространялось — съ 1569 года — дѣйствіе всѣхъ об-

[1]) См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи (изд. „Обществ. Пользы“), книга I, стр. 998.

[2]) Краткій и въ общемъ поверхностный обзоръ событій Литовской исторіи (до Люблинской уніи) даетъ книга *Lelevel*, Histoire de la Lithuanie, которая теперь очень устарѣла. Полную картину исторіи Литвы отъ начала XIV вѣка и до конца XVI, т. е. за самое интересное для историка права время, даютъ капитальные и очень обстоятельные труды *М. К. Любавскаго*, Литовско-русскій сеймъ. 1901 г. и *И. И. Лаппо*, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія, 1901.

щихъ актовъ, исходящихъ отъ польской законодательной власти. Сеймовыя конституціи имѣли въ нихъ неограниченное дѣйствіе, если въ нихъ не было спеціальнаго ограниченія. Территорія, распредѣленная при русскомъ владычествѣ на губерніи Подольскую, Волынскую, Кіевскую и входящая отчасти въ область Бѣлостокскую, является, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени территоріей *польскаго* права.

Остальная же часть Литвы по отношенію къ Польшѣ послѣ Уніи 1569 г. оказалась въ иномъ положеніи, чѣмъ перечисленныя выше южныя области; она являлась государствомъ, федеративно соединеннымъ съ Польшей, но не поглощеннымъ ею. Однако, юридическое значеніе этого акта, столь важнаго въ исторіи обоихъ государствъ, до сихъ поръ еще спорно въ наукѣ. Одни изслѣдователи склонны видѣть въ немъ актъ полной и реальной уніи [1]), сліяніе двухъ политическихъ единицъ въ одну; единство это, по ихъ мнѣнію, сказывалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что общимъ законодательнымъ учрежденіемъ для обѣихъ половинъ Рѣчи Посполитой являлся вальный Сеймъ, издававшій постановленія, обязательныя для всей территоріи Рѣчи Посполитой, и что обѣ онѣ находились подъ властью одного короля. Напротивъ, другіе ученые приходятъ къ выводу прямо противоположному. Изъ дѣйствій Люблинскаго сейма и акта Уніи они выводятъ „отдѣльность Княжества отъ Короны“; Литва и Польша оставались отдѣльными единицами, съ особыми территоріями и особыми правами и послѣ Уніи 1569 г., хотя у нихъ былъ и общій сеймъ и общій глава верховной власти [2]).

Это послѣднее мнѣніе можно считать преобладающимъ въ русской литературѣ, и въ пользу его говорятъ дѣйствительно вѣскія соображенія. Сепаратистическія тенденціи литовцевъ оставались не только внутренними настроеніями, ни въ чемъ не выражавшимися, напротивъ, организація отдѣльныхъ отраслей управленія свидѣтельствуетъ о томъ, что Великое Княжество, какъ таковое, обладало самостоятельными учрежденіями, совершенно обособленными отъ польскихъ. Въ федеративномъ государствѣ объединялись, при господствующемъ, правда, вліяніи Польши, тѣ стороны государственнаго строя, едии-

[1]) См. напр. *Ольшамовскій*, Обязательность для В. К. Литовскаго конституцій вальныхъ Сеймовъ, 1897, стр. 7 и слѣд.

[2]) *И. И. Лаппо*, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія, стр. 79, 85, см. также стр. 224. Г. *Любавскій* (Литовско-русскій сеймъ, стр. 9) характеризуетъ соединеніе Литвы и Польши какъ „парламентарную унію“.

ство которыхъ необходимо для образованія одного *политическаго* цѣлаго, одной „державы"; внутреннія же отношенія Литвы были въ гораздо болѣе независимомъ положеніи [1]).

Если поставить общій вопросъ—были ли на Литвѣ обязательны всѣ постановленія общихъ сеймовъ Рѣчи Посполитой, только потому что это были акты, исходящіе отъ общаго законодательнаго учрежденія федераціи, то, какъ кажется, на него можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ [2]). Въ текстѣ отдѣльныхъ сеймовыхъ конституцій иногда не указано пространство дѣйствія ихъ, но это отсутствіе указаній, какъ справедливо говоритъ проф. Леонтовичъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что такой законъ не имѣлъ силы на территоріи автономной области [3]). Принципъ признанія за всѣми актами сеймовъ такого общаго значенія былъ древности чуждъ.

Таково общее рѣшеніе вопроса, къ которому приходитъ въ настоящее время большинство изслѣдователей. Но въ этой связи слѣдуетъ обратить вниманіе на одинъ пунктъ, который, какъ мнѣ кажется, оставленъ безъ надлежащаго вниманія въ спорѣ объ обязательности сеймовыхъ постановленій. Въ самомъ дѣлѣ, если за ними и нельзя признать вообще силы закона въ Литвѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *нѣкоторыя* нормы, первоначально разсчитанныя на Польшу, не получили признанія въ Литвѣ путемъ *рецепціи* ихъ судебной практикой. Обязательная сила ихъ основывалась въ этомъ случаѣ не на утвержденіи сеймомъ, а на обычаѣ, который проникъ въ практику сперва per abusum, но впослѣдствіи получилъ примѣненіе постоянное.

Такое положеніе ничего невозможнаго не представляетъ, вся рецепція римскаго права въ Западной Европѣ произошла именно такъ. Въ Германіи Дигесты и Кодексъ Юстиніана примѣнялись въ теченіе тысячи лѣтъ съ такой точностью, съ какой они на родинѣ никогда не примѣнялись, но дѣйствовали они тамъ не какъ законъ, изданный римскимъ императоромъ, а какъ обычное право.

То же самое можно сказать и про польскіе законы въ Литвѣ. Въ

---

[1]) Кромѣ *И. И. Лаппо*, также и проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права, стр. 25.

[2]) Литература по этому вопросу приведена у проф. *Леонтовича*, Къ вопросу о вымороченныхъ имуществахъ по литовскому праву, *Журн. Мин. Юст.* 1897 г., № 6. См. также, съ другой стороны, *Ольшамовскій*. Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Вальныхъ Сеймовъ, стр. 6.

[3]) Проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 30.

судахъ, даже самыхъ высшихъ, мало стѣснялись „въ разборѣ и примѣненіи къ дѣламъ законодательнаго матеріала,.. пуская въ ходъ первую подходящую конституцію, попавшую подъ руку, безъ разбора, будетъ ли то законъ литовскій или коронный" [1]). Въ сомнительныхъ случаяхъ, исчерпавъ всѣ средства юридическаго толкованія, литовскій судья могъ даже по прямому разрѣшенію закона обращаться и къ другимъ „правамъ христіанскимъ" (Статутъ 1588 г., разд. IV, арт. 54), и если такое заимствованіе одной и той же чужой нормы происходило часто и постоянно, то и opinio necessitatis не оставляла себя ожидать. Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго [2]) приведено довольно много данныхъ изъ древней практики литовскихъ судовъ, доказывающихъ, что суды примѣняли къ литовскимъ дѣламъ „общую", не специальную литовскую конституцію, и эти данныя позволяютъ думать, что во многихъ областяхъ права дѣло обстояло такъ же.

Такой польскій законъ, примѣненіе котораго въ первое время было новшествомъ, но встрѣчающійся часто въ практикѣ, могъ постепенно сдѣлаться „звычаемъ стародавнымъ" и обязательной нормой. Для отдаленныхъ эпохъ, когда писанное право только начинаетъ складываться въ твердыя формы, нельзя утверждать какъ общее правило, что „законъ не можетъ быть отмѣненъ обычаемъ", а въ Литвѣ, въ частности, какъ выше уже указано, за обычаемъ долгое время сохранялось значеніе субсидіарнаго права. А „записаннымъ" текстомъ обычая являлась общая конституція; „поруха" стараго закона являлась реально дѣйствующей нормой и могла претендовать на обязательную силу. Разумѣется, только изученіе архивовъ можетъ дать безспорный отвѣтъ о развитіи такого обычнаго права, объ объемѣ рецепціи польскихъ законовъ и о переработкѣ ихъ въ литовской практикѣ.

Тѣ данныя, которыя приведены въ работахъ С. Л. Пташицкаго, даютъ *возможность* и, какъ кажется, безспорную, утверждать, что *вообще* такая рецепція была. А если это такъ, то польскіе законы косвенно являлись источникомъ литовскаго права и оказывали вліяніе на литовское праворазвитіе. Въ указанной выше ученой контроверзѣ этому пункту удѣлено мало вниманія [3]).

---

[1]) Проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 58.

[2]) *С. Л. Пташицкій*, Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 10. см. особенно стр. 498.

[3]) Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что въ центрѣ спора стоялъ вопросъ именно о пространствѣ дѣйствія сеймовыхъ конституцій, *какъ таковыхъ*.

Но какъ бы то ни было, общія сеймовыя конституціи, какъ таковыя, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не имѣли того юридическаго значенія, какъ въ провинціяхъ коронныхъ, и слѣдовательно, съ 1569 г. въ Волыни и прочихъ, отошедшихъ отъ Литвы областяхъ.

Такимъ образомъ, все пространство „присоединенныхъ отъ Польши губерній" распадалось на *двѣ* различныя территоріи, въ которыхъ дѣйствовали различные источники права—польскіе и литовскіе.

Но и кромѣ того: польскія области присоединены были къ Россіи не сразу; между первымъ и вторымъ раздѣлами прошло двадцать лѣтъ. На бѣлорусскія мѣстности сила актовъ русской законодательной власти была распространена въ 1772 году и въ этомъ же году прекратилось тамъ значеніе власти польской; для прочихъ же мѣстностей такое положеніе возникло только въ 1793 и 1795 годахъ. Хотя, конечно, за 20 лѣтъ и не могли произойти очень крупныя измѣненія, но для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ это различіе во времени присоединенія все-таки сказалось. Такъ, напр., указъ 1785 года (25-го декабря), которымъ опредѣлено, что возрастъ совершеннолѣтія наступаетъ съ окончаніемъ 21 года и въ которомъ установлено дѣленіе на періоды малолѣтства и несовершеннолѣтія — этотъ указъ по распубликованіи получилъ силу и въ Бѣлорусскомъ краѣ, присоединенномъ въ 1772 г., но, разумѣется, не касался прочихъ западныхъ губерній, въ то время Россіи еще не принадлежавшихъ [1]). Въ этихъ послѣднихъ областяхъ осталось въ силѣ прежнее положеніе.

Обратный примѣръ: по конституціи 1776 г., спеціально Литовской, было отмѣнено Магдебургское право во всѣхъ городахъ [2]), кромѣ спеціально изъятыхъ. Эта конституція, очевидно, не могла ни въ чемъ измѣнить положенія бѣлорусскихъ городовъ, въ то время уже принадлежавшихъ Россіи. Послѣ 1793 г., когда вся территорія Литвы оказалась подъ русскимъ владычествомъ, это различіе юридическаго положенія городовъ сказалось съ полной очевидностью.

Для нѣкоторыхъ пунктовъ этотъ двадцатилѣтній періодъ, такимъ образомъ, оказался не безъ вліянія.

Подтверждая присоединеннымъ областямъ ихъ прежнія права, Екатерина II не останавливалась на ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія этихъ правъ. Да на вопросъ—какіе законы дѣйствовали въ этихъ

---

[1]) См. Мн. Гос. Сов. 30-го окт. 1834 г. (П. С. З., № 7509).

[2]) Объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи магдебургскаго права см. экскурсъ въ примѣч. къ § 106 проекта свода западныхъ законовъ и подробнѣе Архивъ Государ. Совѣта дѣло II отдѣленія, 1834 г. № 24 (№ 1152).

краяхъ, въ тѣ времена мало кто могъ бы дать обстоятельный отвѣтъ, и, вѣроятно, вообще никто изъ юристовъ, и практиковъ и теоретиковъ, не могъ бы дать на него вполнѣ точнаго и исчерпывающаго отвѣта, ибо исторія источниковъ права находилась въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ и сами источники. Этотъ предметъ былъ впервые приведенъ въ ясность при составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній и, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ и познаніямъ Даниловича.

Къ концу XVIII вѣка уже миновала для Литвы эпоха преимущественнаго господства обычнаго права, которому принадлежала преобладающая роль въ древности [1]). Обычаи и отдѣльныя грамоты, издаваемыя въ прежнія времена по отдѣльнымъ случаямъ, были уже въ значительной степени кодифицированы въ сборники, и первое—по значенію—мѣсто среди памятниковъ писаннаго права принадлежитъ *Литовскому Статуту*.

По старинному обычаю, со времени Витовта, великіе князья Литовскіе при вступленіи на престолъ подтверждали права населенія и привилегіи отдѣльныхъ земель [2]). Но въ началѣ XVII вѣка появляется все болѣе и болѣе настойчивое желаніе, какъ со стороны князей, такъ и со стороны населенія—собрать въ одинъ общій кодексъ литовскіе законы. Къ составленію такого свода было приступлено въ 1522 г. при Сигизмундѣ I, однако работы кончились только въ 1529 г., и этотъ первый, такъ называемый „старый“ статутъ вступилъ въ дѣйствіе съ 1 января 1530 г. [3]). Недостатки этого памятника, противорѣчія отдѣльныхъ статей его и, главное, полное отсутствіе судопроизводственныхъ правилъ побудили заняться исправленіемъ его. Проектъ исправленной редакціи былъ разсмотрѣнъ на сеймахъ въ Бѣльскѣ 1564 г. и въ Вильнѣ—1566 г. и утвержденъ въ этомъ году. Этотъ второй Статутъ, обыкновенно называемый „Волынскимъ“, потому что онъ сохранилъ силу въ воеводствѣ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ, отошедшихъ къ Польшѣ въ 1569 году, такъ же какъ

---

[1]) Проф. *Леонтовичъ*, Источники Литовско-русскаго права. Варш. Унив. Извѣстія 1894 г., № 1.

[2]) Объясняется появленіе этихъ отдѣльныхъ грамотъ тѣмъ, что отдѣльныя области, изъ которыхъ слагалась Литва, представляли собой; каждая сама по себѣ, нѣкоторое самостоятельное цѣлое. Объ этомъ см. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 26 и слѣд.

[3]) Напечатанъ въ 1854 г. въ Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. кн. XIX. стр. 1—382, и въ изданіи „Zbior praw litewskich“, 1841 г.

и „старый“ Статутъ не былъ напечатанъ при обнародованіи [1]). Но и это второе изданіе Статута не удовлетворило литовцевъ. Уже на городенскомъ сеймѣ 1568 года раздавались просьбы назначить комиссіи для „поправы“ Статута, и вскорѣ, въ 1569 году, новая редакція сдѣлалась необходимой еще и по другой причинѣ. Недружелюбное отношеніе литовцевъ къ полякамъ вполнѣ ясно выразилось и въ Статутѣ 1566 года, въ которомъ встрѣчаются статьи даже прямо обидныя для поляковъ; послѣдніе, напр., не имѣли права получать имѣнія въ Литвѣ и занимать тамъ должностей. Естественно, что когда возникъ вопросъ о болѣе полномъ объединеніи обоихъ государствъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 г., приведшемъ къ заключенію Уніи, то представители Польши были возмущены этими статьями литовскаго законодательства и требовали ихъ измѣненія [2]). Для этихъ „поправъ“, согласно новому политическому устройству, а также и запросамъ жизни, была выбрана особая комиссія, которая работала надъ ними долгое время. Исправленіе Статута 1566 г. привлекло вниманіе всѣхъ сеймовъ, собиравшихся послѣ Люблинскаго. Въ 1584 году онъ былъ представленъ на обсужденіе общаго сейма въ Варшавѣ, но имъ дѣло не было рѣшено окончательно и только въ 1588 г., 28-го января, проектъ былъ утвержденъ королемъ Сигизмундомъ [3]) и вскорѣ послѣ этого напечатанъ на русскомъ языкѣ, а въ 1614 г.—на польскомъ.

Вскорѣ послѣ изданія третьяго Статута, въ 1589 году снова возникъ, уже съ литовской стороны, вопросъ о дальнѣйшемъ его испра-

---

[1]) Напечатанъ въ „Временникѣ“ Москов. Общества Исторіи, за 1855 г., книга XXIII, стр. 1—242.—Исторія составленія первыхъ статутовъ описана у *Даниловича*, Historischer Blick auf das Litthauische Statut (Dorpater Jahrbücher. 1834 г.), и подробнѣе въ русскомъ переводѣ этого изслѣдованія въ Юридич. Запискахъ Рѣдкина 1841, т. I, стр. 1 и слѣд. См. также проф. *Бершадскій*, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, стр. 1 и слѣд.

[2]) Исторія составленія III Статута (1588 г.) очень подробно и обстоятельно разработана въ приведенномъ выше капитальномъ трудѣ *И. И. Лаппо*, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. См. особенно стр. 194 и слѣд. Это изслѣдованіе даетъ полную картину всѣхъ политическихъ отношеній между Литвой и Польшей, за это столь важное въ ихъ исторіи время.

[3]) Въ исторіи окончательнаго утвержденія Статута 1588 г. еще много спорнаго. Такъ, существуетъ контроверза о томъ, какой текстъ памятника признавать офиціальнымъ, только русскій (какъ говоритъ *проф. Бершадскій*, Литовскій Статутъ и польскія конституціи, и другіе изслѣдователи), или оба—русскій и польскій (какъ утверждаетъ *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ Л. С.). Неясно, почему Статутъ утвержденъ только королемъ и др.

вленіи. Была назначена комиссія, но ничего не сдѣлала. Литовскій сеймикъ въ Вильнѣ (1594 г.) опять заговорилъ объ этомъ, но дѣло не двигалось. Въ 1633 г. сеймъ энергично требовалъ исправленія, но комиссія, назначенная для этого дѣла, не успѣла его выполнить къ 1647 г. Тогда рѣшено было перепечатать старый (польскій) текстъ, что и было исполнено въ 1648 г. Въ этомъ изданіи подъ статьями Статута подведены обязательныя для Литвы постановленія сеймовъ; ихъ собралъ Піотровичъ, а работу его провѣрила особая комиссія, назначенная сеймомъ. Такое дополненіе Статута не удовлетворяло литовцевъ, и пожеланіе новой кодификаціи не прекращалось, какъ объ этомъ свидѣтельствують инструкціи, данныя въ различныхъ воеводствахъ депутатамъ, отправляющимся на сеймъ (брестскій наказъ 1670 г., виленскій 1735 г., стародубскій 1752 г., гродненскій 1765 г.) [1]. Наконецъ, въ 1776 г. состоялось прямое постановленіе сейма, въ силу котораго бывшему канцлеру Замойскому поручалось составить общее для всего государства собраніе законовъ. Замойскій это порученіе выполнилъ въ 1780 г., но его проектъ, составленный въ духѣ равенства сословій, проникнутый либеральными тенденціями въ области крестьянскихъ отношеній, былъ отвергнутъ на сеймѣ съ негодованіемъ. Было даже запрещено когда либо впредь вносить этотъ проектъ снова на обсужденіе.

Такимъ образомъ, всѣ попытки кореннаго пересмотра Статута во время существованія Рѣчи Посполитой кончились ничѣмъ; измѣнялись только отдѣльныя его постановленія, „накладывались на него заплаты" [2]. Статутъ перепечатывался въ первоначальномъ его видѣ, и такъ какъ польскій языкъ постепенно получилъ преобладаніе, то перепечатывался польскій текстъ. Такія изданія появились въ 1614, 1619, 1648, 1694, 1744, 1786 г.г. [3]), въ примѣчаніяхъ къ отдѣль-

---

[1]) Объ этихъ попыткахъ новой кодификаціи см. *С. Л. Пташицкій*, Литовское право послѣ третьяго Статута въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, № 10, стр. 490 и слѣд. Въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній", въ приложеніи Б перечислено 5 коммссій, имѣвшихъ цѣлью пересмотръ Статута, именно комиссіи 1609, 1611, 1633, 1635, 1754 гг.

[2]) Слова Льва Сапѣги, см. *С. Л. Пташицкій*, указ. соч. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, № 10, стр. 493.

[3]) См. объ этомъ *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ, стр. 1, и нѣкоторыя дополненія, которыя дѣлаетъ проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 21.—Самое неудовлетворительное изданіе—1786 г., ибо въ каждомъ послѣдующемъ повторялись опечатки и ошибки предыдущихъ и, кромѣ того, добавлялись еще новыя; это отмѣтилъ уже *Даниловичъ*, Historischer Blick etc.

нымъ артикуламъ приводились позднѣйшія сеймовыя постановленія. Статутъ 1588 г. въ польскомъ переводѣ былъ главнѣйшимъ источникомъ права на практикѣ.

Вторую категорію источниковъ права представляютъ памятники польскаго праворазвитія, т. е. акты польской законодательной власти и кодификаціи польскихъ обычаевъ.

Древнѣйшимъ изъ такихъ сборниковъ является такъ называемый Вислицкій статутъ 1374 г., объемлющій почти всѣ области права; послѣ него появились статуты Вартскіе, Владислава Ягеллы (1423), Піотрковскіе и Корчинскіе, при Казимирѣ IV (1447 и 1465 г.г.), Нешавскіе и Опокскіе (1454 г.), дополненные при Іоаннѣ Альбертѣ (1496 г.); статуты Сигизмунда (1507—1543) [1]. Въ этихъ сборникахъ соединялись нормы права общаго и мѣстнаго отдѣльныхъ областей.

Текущая законодательная дѣятельность выражалась въ такъ называемыхъ „сеймовыхъ конституціяхъ", ибо уже съ конца XV вѣка сеймы пріобрѣли право участія въ изданіи законовъ. Каждый сеймъ издавалъ рядъ отдѣльныхъ постановленій, которыя безъ всякой системы собирались въ одинъ сводъ подъ заглавіемъ „конституціи такого-то сейма" и утверждались королемъ [2]). Постепенно накопилось огромное количество такихъ сеймовыхъ постановленій; въ „Обозрѣніи" приводится цифра 140; получилось громадное количество статей, совершенно разрозненныхъ и не приведенныхъ въ систему. Поэтому и въ Польшѣ неоднократно возникали попытки кодифицировать дѣйствующіе законы, собравъ ихъ въ одинъ сводъ. Уже въ 1506 г. былъ изготовленъ такой кодексъ по порученію короля Александра и Радомскаго сейма коронныиъ канцлеромъ, Яномъ Ласскимъ. Этотъ статутъ удостоился утвержденія короля и былъ распубликованъ какъ офи-

---

[1]) Краткая исторія источниковъ польскаго права приведена въ „Обозрѣніи истор. свѣд."—Значительно полнѣе она разработана въ сочиненіи *Burzynsky*, Prawo polskie prywatne, т. I, 1867, стр. 20 и слѣд. Древнѣйшіе памятники напечатаны у *Bandtkie*, Ius polonicum 1831, которому слѣдуетъ „Обозрѣніе"; впослѣдствіи появилось изданіе *A. Z. Helcel*, Starodawne Prawa Polskiego Pomniki etc. На русскомъ языкѣ имѣются обзоры источниковъ польскаго права, напр. у *Заборовскаго*, Гражданское право Царства Польскаго, 1847, стр. 19 и слѣд., и очень кратко—у *Спасовича*, Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву 1857. На основаніи этихъ сочиненій и скомпилировано изложеніе у *Пахмана*, Исторія кодификаціи, т. I, стр. 186 и слѣд. Для краткаго обзора гораздо полезнѣе, чѣмъ изложеніе Пахмана, экскурсы у *Hüppe*, Verfassung der Republik Polen, *passim*.

[2]) *Иташицкій*, Литовское право послѣ третьяго Статута, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 10, стр. 195.

ціальное собраніе [1]). Но главное оживленіе законодательной дѣятельности сеймовъ наступило уже позже, а въ связи съ этимъ участились и комиссіи для приведенія въ порядокъ этого обширнаго матеріала.

Въ 1589 году была образована комиссія изъ 10 членовъ, которая проработала 6 лѣтъ, но не пошла дальше подготовительныхъ работъ. Потомъ былъ созванъ „conventus generalis justitiae ad reformanda jura", въ который было опредѣлено 6 членовъ по назначенію короля и по одному депутату отъ воеводства; затѣмъ, въ 1632 г. комиссія изъ 6 членовъ составила „Statuta et consuetudines regni Poloniae, Sigismundi I Regis universorumque Ordinum jussu collecta", но этотъ сводъ не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ. Однако, всѣ эти начинанія не приводили къ цѣли. Не ослабли кодификаціонныя работы и впослѣдствіи. Въ приложеніи „А" къ „Обозрѣнію истор. свѣдѣній" помѣщенъ краткій очеркъ мѣръ, принятыхъ къ упорядоченію дѣйствовавшаго права. Комиссій, созванныхъ для этой цѣли, насчитано тамъ 10, именно: комиссіи 1534, 1562, 1587, 1589, 1632, 1726, 1764, 1768, 1776 и 1791 г.г. Не смотря на то, что въ трудахъ ихъ принимали участіе наиболѣе выдающіеся знатоки права (напр. Гербуртъ, Щербичъ и др.), изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Приходилось практикѣ довольствоваться частными работами, сборниками права, которые издавались отдѣльными лицами. Эти, далеко не совершенныя собранія, являясь первыми опытами научной обработки права, были единственными трудами, облегчавшими доступъ къ первоисточникамъ, и въ этомъ смыслѣ замѣняли ихъ. Такіе сборники—„Обозрѣніе" различаетъ систематическіе, алфавитные и хронологическіе,—были составлены Гербуртомъ (1563 г.), Сарницкимъ (1594 г.), Щербичемъ (1604 г.), Завадскимъ (1614 г.) и др. Гербуртъ составилъ свой сборникъ, убѣдившись, что комиссія 1563 г., членомъ которой онъ состоялъ, никогда своихъ трудовъ не окончитъ; его сборникъ, расположенный по алфавиту, пользовался въ судахъ авторитетомъ и былъ очень распространенъ. Щербичъ, а также Сарницкій и Завадскій составили систематическіе своды. Но наибольшій успѣхъ выпалъ на долю собраній хронологическихъ, въ которыхъ перепечатаны просто тексты законовъ. Эту работу предпринялъ Піотровскій (1637 г.), но самое

[1]) *Burzynsky*, указ. соч., стр. 31. *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ, стр. 7. Обязательное значеніе статута Ласскаго какъ источника права отрицается проф. *Бершадскимъ*; въ томъ же смыслѣ высказывается и *Тарановскій*, Обзоръ источниковъ магдебургскаго права, стр. 22, въ виду того, что этотъ сводъ не удостоился сеймоваго утвержденія.

солидное изданіе было изготовлено орденомъ (Варшавскихъ) Піаритовъ; они повели дѣло энергично и въ теченіе 50 лѣтъ, съ 1732 по 1782 г., выпустили въ свѣтъ 8 томовъ собранія актовъ польскаго законодательства, отъ древнѣйшихъ временъ по 1780 г. Это собраніе, извѣстное подъ названіемъ „Volumina legum“ [1]), получило наибольшее распространеніе и даже значеніе офиціальнаго сборника.

Наряду съ этими законодательными актами признавалось нѣкоторое значеніе обязательныхъ нормъ за рѣшеніями Непремѣннаго Совѣта, Rezolucyje Rady Nieustającei, которыя были собраны и напечатаны дважды, въ 1780—1784 г. (двухтомное изданіе) и въ 1785—1788 г. (трехтомное). Хотя это учрежденіе и не обладало законодательными функціями, а только, по словамъ „Обозрѣнія“, разрабатывало проекты и разрѣшало недоумѣнія практики, его резолюціи имѣли авторитетное значеніе [2]). Эти резолюціи впослѣдствіи признавались до нѣкоторой степени обязательными нормами и русскими высшими судебными установленіями; „на нихъ“, какъ сказано въ отчетѣ о трудахъ II Отдѣленія съ 15 января 1830 по 1 января 1831 г. [3]), „Правительствующій Сенатъ иногда основываетъ свои приговоры“.

Выше перечислены общіе источники права, нормы польскаго происхожденія, дѣйствовавшія на всемъ пространствѣ королевства. Но кромѣ нихъ существовали еще особые мѣстные законы, имѣвшіе значеніе только въ отдѣльныхъ областяхъ, иногда впрочемъ получавшіе болѣе широкое примѣненіе. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести: 1) такъ называемыя „Мазовецкія изъятія“, Excepta ducatus Masoviae, сборникъ 1576 г., содержащій особыя права земли мазовецкой. Этотъ сборникъ имѣлъ косвенно нѣкоторое значеніе и въ другихъ областяхъ. 2) Такъ называемую „Прусскую корректуру“, Ius terrestre nobilitatis Prussiae correctum. Въ западной Пруссіи, послѣ Торнскаго договора (съ Тевтонскимъ орденомъ) 1466 г. отошедшей къ Польшѣ (воеводства Хелминское, Мальборское, Поморское и княжество Варминское), дѣйствовало право Хелминское (кульмское). Однако, прусская шляхта настояла на томъ, чтобы общее для всѣхъ хелминское право было пересмотрѣно, желая при этомъ случаѣ добиться расширенія своихъ сословныхъ правъ, подобно польской шляхтѣ. Согласно этому желанію прусскаго дворянства, была учреждена комиссія для составленія свода,

---

[1]) *Burzynsky,* Prawo Polskie, стр. 33.

[2]) О резолюціяхъ Непремѣннаго Совѣта, см. *Burzynsky* указ. соч. стр. 40 и слѣд.

[3]) Изъ бумагъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

и по изготовленіи онъ былъ утвержденъ на сеймѣ 1598 года. Такъ какъ въ этотъ кодексъ вошло много чисто польскихъ нормъ, то къ нему обращались и за предѣлами Пруссіи, такъ что этотъ мѣстный законъ получилъ до нѣкоторой степени общее значеніе. На этой корректурѣ впослѣдствіи и „Правительствующій Сенатъ основывалъ свои рѣшенія“ [1]).

Таковы главнѣйшіе источники польскаго права; они дѣйствовали въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ къ „Коронѣ“, слѣдовательно, законодательные акты этой категоріи, изданные послѣ 1569 года, безусловно имѣли силу въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской и части области Бѣлостокской, а косвенно получили туда доступъ и акты предшествующихъ эпохъ. О дѣйствіи ихъ въ чисто литовскихъ областяхъ уже сказано выше.

Третью категорію источниковъ, притомъ источниковъ, имѣвшихъ силу на всемъ пространствѣ присоединенныхъ отъ Польши губерній, являются городскія права нѣмецкаго происхожденія — право магдебургское [2]). Это „нѣмецкое“ право („jus theutonicum“) впервые было собрано въ Саксонскомъ Зерцалѣ саксонскимъ шеффеномъ Эйке фонъ Репговъ въ XII столѣтіи. Первоначально Зерцало содержало только земское право, но впослѣдствіи оно было дополнено неизвѣстнымъ авторомъ, присоединившимъ къ земскому праву собраніе нормъ права городского, Sächsisches Weichbildrecht. Эти сборники получили громадное распространеніе въ городахъ Германіи, а оттуда перешли въ сосѣднія страны. Переходу въ Польшу способствовали и внѣшнія причины — близкое сосѣдство и частыя сношенія, и внутреннія — занесеніе его колонистами. Изъ Польши, гдѣ оно особенно распространилось при Казимірѣ Великомъ, оно проникло и дальше на востокъ, въ области Литовскія. Уже въ 1387 году оно было пожаловано городу Вильно, а потомъ получили его и другіе [3]). Заимствовано было преимущественно магдебургское право; кромѣ магдебургскихъ сборниковъ получило нѣкоторое распространеніе, но сравни-

[1]) См. приведенный выше отчетъ о трудахъ II Отдѣленія.

[2]) О внѣшней исторіи магдебургскаго права на западѣ Россіи имѣется теперь солидная работа *О. В. Тарановскаго*, „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи“. Варшава, 1897. Въ этомъ изслѣдованіи собрана также и вся литература вопроса. Для исторіи внутренняго развитія магдебургскаго права сохраняетъ и понынѣ все свое значеніе трудъ *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, 1868 г.

[3]) Перечень нѣкоторыхъ городовъ, которымъ было пожаловано магдебургское право, и хронологическія данныя имѣются у *Тарановскаго*, Обзоръ, стр. 18.

тельно небольшое, такъ называемое хелмское или хелминское право, представлявшее только разновидность магдебургскаго. Оно называлось такъ по имени города Хелмно, или, по нѣмецки, Кульмъ. Первоначально жаловалось городамъ просто „магдебургское право", какъ какая-то объективно извѣстная система права, и свѣдѣнія о ней почерпались изъ преданій и обычаевъ. Письменные сборники появляются значительно позже; есть указанія, что въ XIV вѣкѣ при Казимірѣ Великомъ были утверждены какія-то собранія; въ статутѣ Ласскаго (1506 г.) помѣщены тексты Ландрехта и Вейхбильда, затѣмъ появляется руководство Iohannes Cervi Tucholiensis подъ названіемъ Farrago actionum civilium juris Magdeburgensis, etc. въ 1531 году (впослѣдствіи оно неоднократно переиздавалось). Главный памятникъ магдебургскаго права появился въ Польшѣ въ 1535 году, въ видѣ изданія латинскаго перевода нѣмецкихъ сборниковъ, составленнаго Николаемъ Яскеромъ. Въ этомъ трудѣ собрано: Juris provincialis quod speculum Saxonum vulgo nuncupatur libri tres, Juris municipalis Maideburgensis liber vulgo Weichbild nuncupatus и Promptuarium juris Provincialis, quod speculum Saxonum vocatur. Первыя два произведенія представляли собой переводъ текста Саксонскаго Зерцала, а послѣднее— указатель содержанія первыхъ двухъ. Эта книга впослѣдствіи была переиздаваема. Благодаря Яскеру сдѣлался доступнымъ текстъ магдебургскихъ законовъ, и это вызвало оживленіе литературы. Появились сочиненія Кирштейна Церазина [1]), Гроицкаго, который написалъ много работъ по магдебургскому праву [2]), и Щербича.

[1]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 27, указываетъ, что время появленія перваго изданія сочиненія *Kirsteyn Cerasinus*, Enchiridion aliquot locorum communium Juris Maideburgensis etc. въ точности не установлено и что можно утверждать, что оно появилось послѣ 1535 г. и до 1567 г. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣются изданія 1556, 1557, 1586, 1607 и 1611 гг. Enchiridion'a, какъ самостоятельной книги. На заглавныхъ листахъ первыхъ двухъ указано, что они вышли „Cracoviae apud Viduam Hieron. Schar.", на изданіи 1586 г. издатель обозначенъ нѣсколько иначе: „Apud Viduam Stanislai Scharfenbergii". Первыя два изданія *совершенно* тожественны, отличаются они *только* годомъ, и повидимому къ цифрѣ года MDLVI просто приставлена еще одна палочка (MDLVII). Въ изданіи 1586 г. только заглавный листъ другой, шрифтъ, пагинація и все остальное совершенно совпадаютъ съ предъидущими. *Даниловичъ* указываетъ слѣдующія изданія Enchiridion'a: 1556, 1576, 1586, 1607, 1611, 1619, 1629 и 1630 (см. Ар. Г. С. дѣло № 24. 1834 г. (1152)). Изданіе 1556 и 1557 гг. указаны и у *Estreicher'a* Bibliogr. (книги отъ 1455—1799 гг., т. 8, стр. 43 и 44). Слѣдуетъ думать, что изданіе 1556 г. было первымъ.

[2]) Послѣднее изслѣдованіе о трудахъ Гроицкаго, *Alexander Kraushar*, Pierwsza Książka prawnicza Polska z wieku XVI, Wars. 1905, ничего новаго не дастъ.

Хелминское право было переведено съ латинскаго на польскій языкъ Кушевичемъ. Эти сочиненія, особенно книга Гроицкаго и Щербича, и являлись письменными сборниками магдебургскаго права; несмотря на то, что они были произведеніями частныхъ лицъ, во всѣхъ судахъ и другихъ учрежденіяхъ за ними признавался непререкаемый авторитетъ. Параллельно съ этими сборниками дѣйствовало и развивалось мѣстное обычное право, восполнявшее и исправлявшее чужеземное право [1]).

Пространство дѣйствія магдебургскаго права было весьма обширно; нѣмецкое право примѣнялось почти во всѣхъ городахъ Польши и Литвы, и дѣйствію его подпадало большое количество разнообразныхъ отношеній. Городъ, которому было пожаловано магдебургское право, являлся самоуправляющейся единицей, независимой отъ суда старостъ, воеводъ и каштеляновъ, автономно издающей постановленія; далѣе, частно-правовыя отношенія жителей его обсуждались по особымъ законамъ, и эта часть была въ сборникахъ разработана подробно. Наконецъ, нѣмецкое право устанавливало спеціальный порядокъ судопроизводства [2]). Однимъ словомъ, въ польскихъ городахъ, особенно тѣхъ мѣстностей, которыя впослѣдствіи отошли къ Россіи, дѣйствовала единообразная, въ общемъ [3]), система городского права, регулирующая какъ самое городское устройство, такъ и отношенія постоянныхъ жителей города между собой. Въ 1776 году сеймовымъ постановленіемъ дѣйствіе магдебургскаго права почти во всѣхъ литовскихъ городахъ было отмѣнено; оно было сохранено только за городами Вильно, Лида, Троки, Ковно, Новгородокъ, Волковыскъ, Пинскъ, Минскъ, Мозырь, Брестъ-Литовскій и Гродно (всего 11) [4]). Но такая отмѣна, по скольку вообще сеймовыя постановленія исполнялись въ самомъ дѣлѣ, могла касаться только публично-правовыхъ отношеній, городского устройства и прочихъ отношеній города, какъ автономной

---

[1]) См. *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 20, стр. 33.

[2]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 56, гдѣ приведенъ разборъ отдѣльныхъ сочиненій Гроицкаго и Щербича.

[3]) Это ограниченіе слѣдуетъ внести, такъ какъ частности организація городского управленія опредѣлялись обыкновенно не магдебургскими нормами, а спеціальными привилегіями, жалуемыми королемъ. Устройство г. Кракова должно было служить образцомъ, но отклоненія встрѣчались постоянно. Эта мысль проводится *Даниловичемъ* въ его запискѣ по поводу магдебургскаго права. Ар. Г. С. № 24, 1834 г. (№ 1152).

[4]) См. объ этомъ въ запискѣ *Даниловича*, Ар. Г. С. дѣло № 24, 1834 года (1152) и „Обозрѣніе историч. свѣдѣній".

единицы. Нормы же частно-правовыя не могли быть отмѣнены окончательно однимъ почеркомъ пера; магдебургское право дѣйствовало много лѣтъ и вошло въ обычай, а на мѣсто отмѣняемой системы не ставилась другая, законченная и строго опредѣленная въ себѣ.

Далѣе, конституція 1776 года не имѣла силы въ малороссійскихъ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ тогда Россіи, а слѣдовательно, не могла ограничивать магдебургскаго права, дѣйствовавшаго въ малороссійскихъ городахъ [1]). И наконецъ, конституція 1776 года, какъ спеціально литовская, не имѣла силы въ коронныхъ провинціяхъ, слѣдовательно, не касалась городовъ, лежащихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи были образованы губерніи Волынская, Подольская, Кіевская и часть области Бѣлостокской.

Наряду съ этими тремя группами источниковъ права, которыя можно назвать *общими*, въ виду того, что онѣ охватывали разнообразныя и разнородныя отношенія, имѣли силу и нѣкоторые *спеціальные* источники, касающіеся частныхъ областей права. Такъ, напримѣръ, для вексельныхъ отношеній было принято на сеймѣ 1775 года, какъ дѣйствующій законъ, сочиненіе *Гейнекція*, Elementa juris cambialis, и это вексельное право дѣйствовало въ присоединенныхъ губерніяхъ до изданія общаго вексельнаго устава 1832 года.

Для массы католическаго населенія имѣло, далѣе, существенное значеніе дѣйствіе каноническаго права, которымъ руководствовалось римско-католическое духовенство по вопросамъ брачнаго права [2]). Духовенству принадлежала юрисдикція по этимъ дѣламъ, и естественно, что оно ссылалось на corpus juris canonici и постановленія соборовъ—тридентскаго, въ частности.

Такое нагроможденіе разнородныхъ источниковъ и связанную съ этимъ неопредѣленность объективнаго права пришлось, въ различной, конечно, мѣрѣ, пережить всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ въ эпоху, предшествующую крупнымъ кодификаціямъ. Но тамъ невыгодныя стороны этого состоянія значительно смягчались благодаря научной разработкѣ права. Съ первоисточниками и ихъ взаимнымъ соотношеніемъ приходилось вѣдаться ученымъ юристамъ, а для жизни учебныя и научныя изслѣдованія указывали весь необходимый для примѣненія права багажъ. Благодаря этому, и весь правопорядокъ

---

[1]) По этому вопросу см. цитированную записку *Даниловича* въ дѣлѣ № 1152 (Ар. Г. С.).

[2]) Объ этомъ см. *Burzynsky*, Pravo Polskie, стр. 290, 291 и 360; также и въ „Обозрѣніи историч. свѣдѣній“.

въ цѣломъ, и отдѣльныя его области могли быть охвачены сравнительно легко всякимъ заинтересованнымъ лицомъ, обладающимъ хотя бы среднимъ юридическимъ образованіемъ. Къ тому же, спеціальныя школы поставляли достаточное количество свѣдущихъ юристовъ. Но если обратить взоры на литовскій край, то картина получается совершенно другая. Образованныхъ юристовъ было очень мало; юридическихъ школъ почти вовсе не было, поэтому нельзя было предъявлять никакихъ требованій къ научному цензу судейскаго персонала. Какъ будетъ показано ниже, даже отъ адвокатовъ не требовалось окончанія курса юридическихъ наукъ. Не было и достаточной юридической литературы, а особенный недостатокъ чувствовался въ такихъ сочиненіяхъ, которыя обнимали бы обширныя области дѣйствующаго права. Въ концѣ XVIII-го вѣка, напримѣръ, единственнымъ распространеннымъ учебникомъ гражданскаго права было сочиненіе *Островскаго* „Prawo civilne Narodu Polskiego“, 1784, произведеніе очень слабое, но за неимѣніемъ другого поневолѣ обращались къ нему.

Яснаго представленія о ходѣ исторіи литовскаго права не было въ эту эпоху ни у кого; исторія изученія Литовскаго Статута, съ которой придется встрѣтиться ниже, является убѣдительнымъ доказательствомъ этого. Старопечатные, подчасъ очень рѣдкіе и дорого стоющіе, фоліанты хранились въ библіотекахъ, невѣдомые никому, кромѣ любителей и немногихъ знатоковъ; да и трудно было разыскать ихъ. А когда ко всему прочему присоединилось еще и русское законодательство, также не приведенное въ порядокъ и научно не разработанное [1]), тогда хаосъ достигъ высшаго развитія.

II.

Такимъ образомъ, уже на долю русской власти выпало привести въ порядокъ мѣстное право. Задача эта затруднялась, помимо всего прочаго, еще и тѣмъ, что и законодательство Имперіи находилось въ очень запутанномъ состояніи. Кодификаціонныя попытки до-Екатерининской эпохи не привели ни къ какому результату, а въ моментъ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, уже выяснилось, что и законодательная комиссія 1767 года не въ состояніи что-либо сдѣлать.

[1]) О плачевномъ состояніи юридическаго образованія и въ Россіи въ XVIII вѣкѣ см. капитальный трудъ *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Собраніе и Сводъ законовъ“ и т. д. *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1897, I, стр. 1—54.

Но тѣмъ не менѣе, генералъ-губернаторъ вновь присоединенныхъ губерній, Чернышевъ, вскорѣ послѣ вступленія въ должность, 16-го января 1773 года представилъ Государынѣ докладъ, въ которомъ просилъ, отъ своего имени, предоставленія бѣлорусскимъ областямъ права выбрать депутатовъ въ комиссію[1]). Повидимому, это разрѣшеніе было дано и депутаты явились въ комиссію [2]), но вскорѣ комиссія была закрыта, такъ что имъ не пришлось ничего сдѣлать. По закрытіи комиссіи въ царствованіе Екатерины II вопросъ о составленіи общаго уложенія или свода всѣхъ законовъ уже больше не поднимался; послѣдній остатокъ комиссіи, канцелярія, составлявшая сводъ дѣйствовавшихъ правилъ по внутреннему управленію Имперіи, продолжала въ тиши свою кропотливую работу, но мѣстныхъ законовъ, повидимому, не касалась.

Не много вниманія удѣлило имъ и слѣдующее по времени учрежденіе, призванное водворить порядокъ въ законодательствѣ, „комиссія для составленія законовъ", образованная при Сенатѣ въ 1796 году (указъ 16-го декабря, П. С. З., № 17652). Въ этомъ указѣ дѣятельности комиссіи поставлены довольно таки неопредѣленныя границы: въ видахъ сокращенія канцелярскаго порядка и для отдѣленія „чистыхъ" законовъ отъ неясныхъ, предписывалось собрать ихъ въ три книги, уголовную, гражданскую и казенныхъ дѣлъ, „показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердительно основываться долженъ". Комиссія [3]) эта существовала долго, 8 лѣтъ, но дѣятельность ея была далеко не плодотворна. Генералъ-прокуроры, смѣнявшіеся въ это время, были достаточно заняты и помимо нея, такъ что не могли удѣлять ей особеннаго вниманія; сенаторы, которымъ было поручено это дѣло, также занимались имъ неохотно, и не проявляли никакой инициативы. Тоскливое впечатлѣніе оставляютъ „журналы" этой комиссіи и „журналы общихъ съѣздовъ гг. сенато-

---

[1]) Этотъ докладъ напечатанъ въ П. С. З., № 13938.

[2]) Такъ сказано въ „Обозрѣніи историч. свѣдѣній", безъ дальнѣйшихъ указаній. Однако, мнѣ не удалось найти въ архивѣ ни фамилій депутатовъ, присланныхъ изъ Бѣлоруссіи, ни вообще какихъ либо слѣдовъ ихъ пребыванія въ комиссіи (наказовъ и т. п.). Въ спискѣ депутатовъ, напечатанномъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г., № 12 (статья *Лонгинова*), они также не упоминаются.

[3]) Болѣе подробное изложеніе внѣшней исторіи этой комиссіи см. въ изслѣдованіи *П. М. Майкова*, Комиссія составленія законовъ при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, *Журн. Мин. Юстиціи* 1905, сентябрь, стр. 263 (и дальше, въ ноябрьской и декабрьской книгахъ).

ровъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора" [1]) (эти съѣзды должны были разсматривать проекты передъ обсужденіемъ ихъ въ общемъ собраніи Сената, указъ 31-го мая 1794). Очевидно, что приставленныя къ дѣлу лица совершенно не знали, какъ его сдѣлать, и вся энергія ихъ, какая была, уходила на нагроможденіе матеріаловъ; сочинялись книги и главы, но не было яснаго представленія о томъ, какъ довести работу до конца и какимъ требованіямъ она должна удовлетворять.

Все дѣло въ сущности велъ одинъ только чиновникъ изъ сенатской канцеляріи, состоящій при комиссіи, Ананьевскій. Онъ составилъ планы начертанія книгъ законовъ, онъ же старался и наблюдать за выполненіемъ ихъ, а высшіе руководители только утверждали его предположенія. Къ апрѣлю 1799 г. имъ былъ изготовленъ планъ книги законовъ гражданскихъ, въ которомъ онъ помянулъ и мѣстные законы. Книгу эту онъ полагалъ раздѣлить на 2 части: въ первую входило право общее, во вторую особенное „относительно лицъ, вещей и обязательствъ государственныхъ жителей въ губерніяхъ и мѣстахъ, единственно по великороссійскимъ законамъ и обрядамъ управляемыхъ. О законахъ и обрядахъ, о личныхъ и общественныхъ правахъ и преимуществахъ жителей въ присоединенныхъ къ Россійской Имперіи губерніяхъ и нѣкоторыхъ городахъ обитающихъ — составить особую книгу по различному тѣхъ жителей, яко разныхъ между собою, состоянію" [2]). Этотъ планъ былъ одобренъ и его начали приводить въ исполненіе; была составлена часть законовъ о судопроизводствѣ, тринадцать главъ законовъ уголовныхъ и девять — вотчинныхъ; до мѣстныхъ законовъ, однако, не дошли.

Но нельзя сказать, чтобы комиссія совершенно игнорировала ихъ.

---

[1]) Эти документы хранятся въ А. Г. С., дѣла ком. сост. законовъ, связка 229 и 230. Особенно безсодержательны журналы комиссіи. Они оставляютъ очень безотрадное представленіе о дѣятельности ея; если судить по нимъ, то вся дѣятельность комиссіи состояла исключительно въ рѣшеніи дѣлъ чисто хозяйственныхъ, регистраціи присылаемыхъ изъ Сената указовъ и дѣлъ по отобранію знаковъ депутатовъ комиссіи 1767 г. у наслѣдниковъ и родственниковъ умершихъ депутатовъ. Этой перепискѣ отведено наибольшее мѣсто. Изъ этихъ матеріаловъ можно извлечь свѣдѣнія только о чисто внѣшнихъ событіяхъ изъ жизни комиссіи, о перемѣнахъ въ личномъ составѣ, пріобрѣтеніи вещей и т. п., а другихъ матеріаловъ комиссія почти совсѣмъ не оставила.

[2]) См. журналъ засѣданія 12-го марта 1799 г. (связка дѣлъ № 229). Планъ Ананьевскаго напечатанъ въ приведенномъ выше изслѣдованіи *П. М. Майкова*, *Журн. Мин. Юстиціи*, 1905, стр. 267.

Она прежде всего сдѣлала попытку собрать ихъ и установить ихъ содержаніе.

Уже 13-го іюля 1797 года были доставлены въ комиссію 15 книгъ польскихъ законовъ, присланныя бѣлорусскимъ вице-губернаторомъ Захаровымъ [1]), но такъ какъ законы эти были написаны на польскомъ и литовскомъ языкѣ, то возникла необходимость перевести ихъ. Однако, найти подходящихъ переводчиковъ оказалось не легко, свѣдущихъ лицъ въ комиссіи не было, и поэтому рѣшено было искать ихъ, обратившись къ мѣстнымъ властямъ и къ Академіи Наукъ (19-го августа). Но литовскій генералъ-губернаторъ, князь Репнинъ, сообщилъ, что онъ никого рекомендовать не можетъ, такъ какъ самъ при образованіи присутственныхъ мѣстъ ввѣреннаго ему края долженъ былъ выписывать изъ Бѣлоруссіи знающихъ языки чиновниковъ (11-го ноября). Вскорѣ послѣ этого явился первый кандидатъ, присланный генералъ-прокуроромъ, городовой секретарь Козеллъ. Но комиссія совершенно основательно установила, что мало одного умѣнья переводить, а необходимо еще умѣть разбирать, что̀ надо переводить; познаніями въ области мѣстныхъ законовъ Козеллъ не обладалъ. Кромѣ того и его умѣнье переводить оказалось сомнительнымъ; его проэкзаменовали изъ латинскаго языка, предложивъ перевести мѣсто изъ Тацита, и на этомъ экзаменѣ онъ провалился.

Только въ началѣ 1798 года удалось найти настоящаго переводчика, отставного капитана Добржанскаго, служившаго въ почтамтѣ; затѣмъ въ это званіе былъ опредѣленъ также и Броховичъ, служившій въ различныхъ учрежденіяхъ на мѣстахъ, а потомъ нашлись еще— Іосифъ Корниловичъ и Иванъ Карпиловичъ, оба знакомые по прежней службѣ съ мѣстными законами [2]). Всѣ эти чиновники добросовѣстно потрудились надъ переводомъ польскихъ книгъ и плодомъ ихъ дѣятельности является: 1) переводъ первыхъ трехъ раздѣловъ Литовскаго статута, сдѣланный съ польскаго изданія 1786 года Корниловичемъ въ 1798 году [3]) и 2) переводъ нѣсколькихъ литовскихъ конституцій,

---

[1]) См. журналы за 1797 г. (А. Г. С., связка 229).

[2]) Кромѣ этихъ лицъ упоминается еще и нѣкто Синльгевичъ. (Журналъ комиссіи 1-го февраля 1804 г.).

[3]) Хранится въ А. Г. С., дѣла комиссіи составленія законовъ, № 740. На заглавномъ листѣ невѣрно показано, что это „полный" переводъ Литовскаго статута; въ рукописи 576 стр. переводъ упоминается въ статьѣ *проф. А. Х. Гольмстена*, „Три вопроса изъ литовскаго гражд. права". Журн. С.-Пб. Юридическаго общества 1896 г., февраль, стр. 38.

а именно: постановленій сеймовъ 1635, 1726, 1764, 1776 годовъ. Кромѣ того сохранились еще и тетрадки, въ которыхъ переведены выдержки изъ другихъ конституцій, — напримѣръ, изъ конституціи 1788 года „актъ союза генеральной конфедераціи нынѣшняго сейма", далѣе, переведены нѣкоторыя правила относительно межеванія, 1791 года, также и польскія постановленія о судопроизводствѣ (между прочимъ переводъ съ реестровъ судовъ и трибуналовъ) [1]). Фамиліи переводчиковъ обозначены не на всѣхъ рукописяхъ, но, повидимому, это работа Броховича и Добржанскаго. Если бы эти работы велись энергичнѣе, то съ теченіемъ времени комиссія могла бы составить довольно полный сводъ различныхъ источниковъ польскаго права и получила бы прочный фундаментъ для своей дальнѣйшей дѣятельности; но дѣло до конца не было доведено.

О томъ, что комиссія, въ общемъ, трезво смотрѣла на дѣло и старалась собрать возможно обширный положительный матеріалъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя другія ея работы. Въ 1801 году былъ предпринятъ переводъ прусскихъ законовъ, изданныхъ въ 1791 году для новыхъ ея провинцій. Пруссіи, пріобрѣвшей обширныя польскія области, пришлось встрѣтиться съ тѣмъ же безпорядочнымъ состояніемъ унаслѣдованнаго отъ Польши законодательства, какъ и Россіи, и иностранный образецъ могъ въ самомъ дѣлѣ дать комиссіи нѣкоторыя полезныя указанія. Долгое время искали повсюду текстъ этихъ законовъ и нашли его только въ частной библіотекѣ оберъ-прокурора Аверина. Взялся переводить ихъ нѣкій переводчикъ Поручкинъ за 8 рублей за листъ, кончилъ работу скоро, черезъ мѣсяцъ, но сдѣлалъ ее очень плохо. Возникалъ въ комиссіи даже вопросъ — слѣдуетъ ли ему платить за этотъ трудъ, но потомъ рѣшили, что слѣдуетъ, такъ какъ объ этомъ съ нимъ былъ заключенъ договоръ [2]). О томъ, пришлось ли комиссіи воспользоваться этими матеріалами, свѣдѣній архивъ не даетъ, и можно думать, что нѣтъ.

---

[1]) А. Г. С., дѣла комиссіи составленія законовъ, № 418, 419 (326). Въ этихъ связкахъ имѣются также и нѣкоторые польскіе оригиналы, которыхъ не успѣли перевести.

[2]) См. журналы комиссіи за 1801 г., 2-го сентября и 2-го октября, также и за 1802 г., 5-го февраля.—Въ А. Г. С., въ дѣлахъ комиссіи састав. законовъ, имѣется рукопись подъ заглавіемъ „Экстракты изъ статута великаго литовскаго княженія и бѣлорусскихъ законовъ", содержащая выписки изъ мѣстныхъ законовъ (№ 228), но трудно ее хронологически пріурочить къ опредѣленному моменту. Повидимому, она относится къ эпохѣ, предшествующей комиссіи 1804 года.

Если, какъ только что разобрано, комиссія иногда и имѣла правильныя мысли, то все же дѣло кодификаціи и общаго и мѣстнаго права она не подвинула ни на шагъ впередъ. Да и трудно было сдѣлать что-нибудь; въ послѣднее время ея существованія, уже въ царствованіе Александра I, постоянно мѣнялось высшее начальство ея (Беклешовъ, графъ Завадовскій, Державинъ, кн. Лопухинъ) [1]); мѣнялись и тѣ инструкціи, которыя она получала отъ Государя. При такомъ положеніи дѣла нельзя было продолжать послѣдовательно никакой работы. Журналы комиссіи за это время теряютъ уже абсолютно всякое содержаніе; на каждой страницѣ, если она не совсѣмъ пустая, фигурируетъ все одна и та же стереотипная фраза (впрочемъ не рѣдкая и въ журналахъ за предъидущіе года), что такого-то числа „въ присутствіе комиссіи прибыли статскій совѣтникъ Прянишниковъ, коллежскій совѣтникъ Ильинскій по полуночи въ 9 часу, упражнялись въ исправленіи порученнаго имъ отъ комиссіи дѣла и вышли въ часъ пополудни“. Такъ упражнялись они еще и 2-го марта 1804 года, но это упражненіе было уже послѣднимъ; 28-го февраля былъ утвержденъ новый штатъ комиссіи, на совершенно новыхъ началахъ, комиссія въ прежнемъ составѣ перестала существовать, и всѣ ея работы были преданы забвенію.

Здѣсь не мѣсто разсматривать во всемъ объемѣ исторію „комиссіи для составленія законовъ“ 1804 года, которая уже съ давнихъ поръ привлекаетъ вниманіе историковъ. Въ этомъ учрежденіи съ необыкновенною ясностью сказалось то фантастическое и идиллическое направленіе, которое характеризуетъ начало царствованія Александра I. На эту комиссію возлагалось много надеждъ; ей были поставлены самыя широкія и туманныя задачи, при разрѣшеніи которыхъ была бы достигнута и „общая польза“, и „всеобщее счастье“, и „блаженство всѣхъ“.

Но, какъ и многія другія начинанія этой эпохи, и ее постигла полная неудача. Ожидаемаго результата она и не могла достигнуть, какъ вслѣдствіе невыполнимости плана, ею самою себѣ предначертаннаго, такъ и по недостаточности средствъ, которыми она располагала *на самомъ дѣлѣ*, не in abstracto, по штату.

Однако, для правильной характеристики программы дѣятельности комиссіи и ея основныхъ ошибокъ очень важно прослѣдить именно

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе въ цитированномъ изслѣдованіи *П. М. Майкова*, *Журн. Мин. Юстиціи*, 1905, сентябрь, стр. 272 и слѣд.

работы ея, касающіяся мѣстнаго права. Здѣсь ей пришлось встрѣтиться съ очень конкретной и опредѣленной *задачей*, которую нельзя было разрѣшить посредствомъ простыхъ умствованій и списыванія иностранныхъ кодексовъ. Необходимо было освоиться и *овладѣть* очень запутаннымъ положительнымъ матеріаломъ, для чего комиссіи были предоставлены по штату рѣшительно всѣ средства. И далѣе, возникала необходимость согласовать эту частную работу съ общей, построенной на широкихъ основаніяхъ. Разсматривая тѣ дѣловыя средства, которыя комиссія признавала пригодными для достиженія этихъ результатовъ, и подведя итогъ ея работъ въ этомъ направленіи, можно получить довольно правильное представленіе, какъ вообще о значеніи ея трудовъ и матеріалъ для оцѣнки ихъ, такъ и о пустотѣ ея плана. Восторжествовали не тѣ умствованія, которыми переполнена ея программа, а сила вещей. Результатомъ обзора ея работъ по собранію мѣстнаго права остается убѣдительное сопоставленіе между этими широковѣщательными программами ея и тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано [1]).

28-го февраля 1804 года Александръ I утвердилъ „докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи законовъ“; этотъ обшир-

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о внѣшней исторіи комиссіи 1804 г. даетъ приведенное выше сочиненіе *П. М. Майкова* „Комиссія составленія законовъ“ и пр. въ Журналѣ Мин. Юстиціи, 1905, за сентябрь (стр. 280), ноябрь и декабрь. Въ этомъ изслѣдованіи сопоставленъ обширный архивный матеріалъ, но авторъ имѣлъ въ виду преимущественно чисто внѣшнія событія изъ жизни комиссіи, преобразованія ея штатовъ, перемѣны въ личномъ составѣ и прочее. Внутренняя дѣятельность ея, критика программы ея и сравненіе ея съ дѣйствительнымъ результатомъ ея дѣятельности въ этомъ изслѣдованіи не разработаны. Вопросовъ кодификаціи мѣстныхъ правъ П. М. Майковъ касается только мимоходомъ, не останавливаясь на постепенномъ развитіи этихъ трудовъ и на той своеобразной постановкѣ, которая была придана дѣлу этому по программѣ комиссіи. Результаты дѣятельности ея по составленію общаго гражданскаго уложенія разобраны нѣсколько подробнѣе у г. *Пахмана*— Исторія кодификаціи т. I, стр. 380—472, подробнѣе въ томъ смыслѣ, что авторъ пространно разсказываетъ своими словами многія мѣста изъ распубликованныхъ „трудовъ“ комиссіи и сопоставляетъ ея проекты съ иностранными кодексами. Но эта работа грѣшитъ тѣмъ, что авторъ совершенно не воспользовался подлинными дѣлами комиссіи, а рапорты ея напечатаны не полностью, изъ нихъ выкинуты всѣ части, касающіяся не „плановъ“, а дѣйствительныхъ работъ ея, и поэтому даютъ далеко не полное представленіе о ея „усиліяхъ“. Сочиненіе П. М. Майкова стоитъ неизмѣримо выше „Исторіи кодификаціи“ Пахмана; въ немъ впервые напечатаны нѣкоторые интересные документы и собрана вся не малая литература вопроса. Единственное достоинство книги Пахмана то, что въ ней перепечатаны, или изложены безъ всякихъ измѣненій, выдержки изъ мало распространенныхъ официальныхъ изданій.

ный докладъ, подписанный министромъ юстиціи Лопухинымъ и его товарищемъ Новосильцевымъ, содержалъ не только штатъ новаго учрежденія, но и общее начертаніе плана его дальнѣйшей дѣятельности. Составленъ онъ былъ, очевидно, главнымъ дѣятелемъ комиссіи, ея секретаремъ, или какъ онъ именовался по штату, „референдаріемъ" первой экспедиціи, Густавомъ Андреевичемъ Розенкампфомъ.

Въ новомъ планѣ работъ вопросъ о составленіи уложенія мѣстныхъ законовъ получилъ своеобразную постановку [1]).

Послѣ краткаго обозрѣнія безплодной дѣятельности прежнихъ комиссій, въ докладѣ указывается существо задачи новой. Ограничивать ея задачу однимъ собраніемъ уже дѣйствующихъ законовъ въ одинъ сводъ, въ одну массу, говорится тамъ, нельзя, такъ какъ такое сведеніе ихъ воедино еще не устраняетъ ихъ недостатковъ. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ: предоставить комиссіи сочинить проекты новыхъ законовъ. Но этого, какъ говорится въ докладѣ, нельзя допустить, ибо „въ такомъ случаѣ комиссія приносила бы болѣе вреда, чѣмъ пользы Государству" (sic!) [2]).

Но на болѣе обстоятельномъ доказываніи этого утвержденія, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ пессимизмѣ и недовѣріи, какъ къ собственнымъ силамъ, такъ и къ силамъ комиссіи, министръ не останавливается, а указываетъ только, что и заимствованіе иностранныхъ законовъ и нежелательно и не соотвѣтствуетъ традиціямъ Имперіи.

Такимъ образомъ оказывается, что обязанность комиссіи не состоитъ ни въ сочиненіи одного „свода законовъ, ни въ введеніи въ отечество законовъ новыхъ".

Такъ что же, спрашивается, при такихъ обстоятельствахъ остается дѣлать? На это въ докладѣ данъ слѣдующій отвѣтъ: прежде всего

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ П. С. З. № 21187, а также отдѣльнымъ изданіемъ, съ переводомъ на французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки, подъ заглавіемъ „Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи ком. сост. законовъ Высочайше утвержденный Е. И. Величествомъ и выписки изъ поднесенныхъ Е. И. В. присутствіемъ комиссіи репортовъ объ успѣхахъ трудовъ ея." Въ С.-Петербургѣ въ типографіи Шнора, 1804 г. (всего 87 стр. и 2 таблицы, въ 4-ю долю листа). Предполагалось напечатать и польскій переводъ, который былъ изготовленъ Повстанскимъ (см. журналъ входящихъ бумагъ II экспедиціи, дѣла ком. сост. закон., № 354), но повидимому это не было выполнено. Другое изданіе „Доклада"—см. указ. выше изслѣдованіе *П. М. Майкова* (*Журн. Мин. Юст.* 1905. Сентябрь, стр. 280, 283 примѣч.) Въ дальнѣйшемъ цитируется отдѣльное изданіе, въ 4-ю долю.

[2]) Стр. 16.

необходимо собрать и изложить „основанія права“, подъ которыми разумѣются „первыя простыя чистѣйшія истины, утвержденныя на здравыхъ заключеніяхъ человѣческаго разума, на долговременныхъ опытахъ и наблюденіяхъ строго изслѣдованныхъ; основанныя на существенныхъ и возможныхъ пользахъ Государства; ясныя, неоспоримыя и очевидностью вліянія своего на благо общее и частное пріобрѣтающія силу и непоколебимость“ (стр. 18). Правота ихъ будетъ залогомъ правосудія, ихъ общеполезность удостовѣритъ всякаго, что въ повиновеніи закону заключается его собственная выгода; при помощи ихъ, и только ихъ, можно охватить все многообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Эти основныя начала законовъ комиссія разсчитывала найти въ „Наказѣ“ Екатерины и въ различныхъ законахъ, утвержденныхъ самодержавною властью Государей и освященныхъ временемъ. По установленіи этихъ общихъ основаній права, комиссія должна составить общіе государственные законы, т. е. нормы, охватывающія область отношеній гражданъ къ государству и между собой, и нормы уголовнаго права, поставивъ на первую очередь начертаніе всего судебнаго обряда (стр. 21). Эти начала надлежало изложить въ строго систематическомъ порядкѣ.

Такова первая и главная задача, поставленная комиссіи. Чѣмъ внимательнѣе къ ней присматриваться, тѣмъ болѣе туманной и неуловимой представляется она. *Не* сводъ и *не* уложеніе должно быть выработано, а собраніе „основаній“. Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ, что же такое эти „основанія“? Можно подумать, что они представляютъ собой содержаніе старыхъ законовъ, но обобщенное и конденсированное въ болѣе широкіе тезисы, чѣмъ тѣ казуистическія нормы, изъ которыхъ они взяты. Иными словами, можно было бы предположить, что подъ этими „основаніями“, „principia juris“, должно разумѣть то, что обыкновенно въ учебникахъ гражданскаго права, или другихъ юридическихъ дисциплинъ, подъ этимъ подразумѣваютъ, когда говорятъ объ аналогичномъ примѣненіи нормъ, или комплекса нормъ, т. е. тѣ менѣе конкретныя нормы, которыя лежатъ въ основѣ данныхъ положительныхъ нормъ.

Тогда путь къ раскрытію такихъ принциповъ былъ бы методъ аналогіи. Такой „принципъ“ является результатомъ анализа болѣе конкретныхъ нормъ и соотвѣтствующаго обобщенія ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, въ докладѣ имѣлось въ виду что-то въ этомъ родѣ въ тѣхъ его мѣстахъ, гдѣ говорилось объ извлеченіи „основаній“ изъ „Наказа“, дѣйствующихъ указовъ и учрежденій.

Но въ другихъ мѣстахъ доклада говорится уже другое: „основанія“ опредѣляются какъ „первыя чистѣйшія и очевидныя истины“, источникомъ которыхъ являются и заключенія человѣческаго разума и данныя опыта. Здѣсь, слѣдовательно, говорится уже не объ „имманентныхъ“ дѣйствующему праву общихъ принципахъ, а о нѣкоторыхъ посторонихъ тезисахъ, которые слѣдуетъ въ него ввести извнѣ. Такое „основаніе“ должно быть добыто уже инымъ путемъ, не посредствомъ метода аналогіи, и матеріалъ, изъ котораго онъ добывается, не исчерпывается дѣйствующимъ правомъ: въ „докладѣ“ къ такимъ матеріаламъ отнесены и данныя опыта, и наблюденія надъ реальными жизненными отношеніями, и остатки теоріи XVIII вѣка о естественныхъ правахъ, и политика права. Эти противурѣчивыя опредѣленія „основаній права“ повторяются на одной и той же страницѣ доклада, и эта неясность въ немъ не разрѣшена. Точное значеніе „основанія“ такъ и осталось тайной, которую постичь не могъ никто изъ изучавшихъ этотъ первый трудъ комиссіи, какъ въ эпоху его сочиненія, такъ и впослѣдствіи.

Отъ злополучной мысли разыскивать principia juris комиссія не отказалась, хотя на неопредѣленность этого понятія ей указывали уже современные авторитетные юристы. Именно, какъ извѣстно, комиссія, вскорѣ послѣ открытія дѣйствій, сочла необходимымъ установить особую должность „корреспондентовъ“ [1]), и въ качествѣ таковыхъ, приглашала различныхъ ученыхъ. Эти корреспонденты принялись за изученіе программы комиссіи, но тѣ изъ нихъ, которые задумывались надъ ея понятіемъ „principia juris“, не могли сообразить, въ чемъ тутъ дѣло.

Замѣчанія двухъ ученыхъ юристовъ, баварскаго профессора уголовнаго права Фейербаха и дерптскаго профессора Мютеля, прямо затрогиваютъ вопросъ о значеніи понятія „основанія“ права и стараются вложить въ „докладъ“ тотъ смыслъ, который имъ представляется единственно допустимымъ. Оба они приходятъ къ вполнѣ однороднымъ выводамъ, въ сущности,—очень отрицательнымъ. Фейербахъ прислалъ въ комиссію довольно объемистую тетрадь, содержащую разсужденіе „о формальной сторонѣ законодательства и его отношеніяхъ къ доктринѣ“ [2]). Оно все построено на той мысли, что задачи науки

---

[1]) О корреспондентахъ см. ниже. См. докладъ, стр. 81 и изслѣдованіе *И. М. Майкова* (*Журн. Мин. Юст.* 1905, ноябрь, стр. 268).

[2]) Рукопись *Фейербаха* хранится въ А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. связка № 451,

и законодательства различны и что смѣшивать то и другое вмѣстѣ въ одномъ кодексѣ не слѣдуетъ. Поэтому не могъ онъ согласиться съ предположеніемъ комиссіи о созданіи особой части книги законовъ, вмѣщающей только „основанія" права. Она казалась ему излишней и вредной, такъ какъ подъ такими принципами онъ подразумѣвалъ исключительно абстракціи нормъ, обобщенія ихъ, однимъ словомъ, то самое, къ чему должна стремиться доктрина права. Эта часть книги законовъ, являющаяся тоже чѣмъ-то положительнымъ, по его мнѣнію, должна относиться къ остальнымъ частямъ кодекса, какъ конституціи Юстиніана къ Пандектамъ и Кодексу, или какъ современная германская юридическая энциклопедія къ составнымъ частямъ права въ тѣсномъ смыслѣ (eigentliche Rechtstheile). Она, такимъ образомъ, должна быть „положительнымъ введеніемъ и суммарнымъ обзоромъ всего цѣлаго, отдѣльныя подраздѣленія котораго посвящены разработкѣ деталей; изученіе ихъ должно быть облегчено установленіемъ этихъ болѣе общихъ точекъ зрѣнія, собранныхъ въ элементарной части" [1]). Но Фейербахъ предостерегаетъ отъ изданія собранія такихъ тезисовъ въ законодательномъ порядкѣ; такое внесеніе постороннихъ частей отразится на простотѣ всего внутренняго организма кодекса, отъ этого онъ сдѣлается только болѣе разнообразнымъ и сложнымъ [2]). Изъ самаго же начала разсужденія ясно видно, что Фейербахъ въ „основаніяхъ" права не можетъ усмотрѣть ничего другого, кромѣ научныхъ обобщеній. „Gründe der Gesetzgebung", упоминаемые въ докладѣ, онъ противупоставляетъ мотивамъ закона и другимъ общимъ тезисамъ, которые иногда помѣщаются во вступительныхъ главахъ (titres préliminaires) другихъ кодексовъ (прусскаго права и др.) И свои замѣчанія онъ заканчиваетъ пространными разсужденіями на ту тему, что доктринальнымъ обобщеніямъ не мѣсто въ кодексѣ. Если же комиссія пожелаетъ поднять уровень науки права въ Россіи, то должна избрать другіе способы; помѣщеніе же такихъ общихъ мѣстъ въ книгѣ законовъ, по его мнѣнію, только вредно. Право науки должно развиваться свободно; юриспруденцію нельзя создать законодательнымъ путемъ. Изложеніе научныхъ выводовъ въ сводѣ приведетъ только къ повтореніямъ и къ тому, что будетъ нарушена естественная связь между частями.

въ которой собрана вообще вся та переписка съ корреспондентами, которая велась не на русскомъ языкѣ. Рукопись помѣчена 23 марта 1809 г.

[1]) Стр. 12.

[2]) Стр. 53.

И другой ученый, профессоръ дерптскаго университета Мютель [1]), не могъ понять значенія „основаній" права и подобно Фейербаху пытался видѣть въ нихъ тоже логическія абстракціи дѣйствующаго права. Мютелю была поставлена задача изложить мѣстные балтійскіе законы, согласно общему плану книги законовъ, и при этой работѣ онъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія. Такъ, прежде всего, онъ убѣдился, что классификація книги законовъ для этого не пригодна, потому что многія ея рубрики (напримѣръ, все государственное право) не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ правамъ; не брался онъ различить уголовное и полицейское право въ томъ видѣ, какъ ихъ различала комиссія, считалъ излишнимъ излагать въ сводѣ мѣстныхъ законовъ нормы государственнаго права. Но больше всего его смутили „Rechtsprincipien". Онъ не зналъ, что съ ними дѣлать; какъ онъ ихъ понималъ, они составляли право „доктрины", т. е. опять-таки научныя обобщенія и опредѣленія общихъ понятій.

Онъ не брался изложить „принципы" мѣстнаго права, которое является исключительно „легальнымъ правомъ"; далѣе, не зналъ, куда ихъ помѣстить, такъ какъ такіе принципы, по его мнѣнію, должны были представлять только повторенія того, что сказано въ другомъ мѣстѣ свода.

Не видя возможности извлечь Rechtsprincipien изъ мѣстнаго права, онъ сомнѣвался и въ томъ, чтобы русское право могло дать достаточный матеріалъ. И въ его представленіи „основанія" могли быть только научными предпосылками (doctrinelle Prämissen). Въ отвѣтъ на свои сомнѣнія онъ получилъ отъ Розенкампфа [2]) довольно длинное объясне-

[1]) Рукопись разсужденій *Мютеля* также хранится въ цитир. выше связкѣ № 451. Она озаглавлена „Extract aus dem Schreiben d. H. Professors Müthel".

Въ другой бумагѣ комиссіи (см. дѣло № 841, о ходатайствѣ проф. Тибо насчетъ жалованья) содержаніе рукописи описано такъ: „разсужденіе о затрудненіяхъ слѣдовать общему плану книги законовъ при изложеніи провинціальныхъ законовъ." Она помѣчена 1806 г.

[2]) Повидимому, отъ Розенкампфа, хотя его подписи на бумагѣ нѣтъ; въ дѣлѣ (см. указ. выше связку № 451) имѣется только черновой набросокъ и притомъ не вполнѣ оконченный. Былъ ли этотъ отвѣтъ посланъ Мютелю—я не могъ установить; однако можно считать, что да.—Слѣдуетъ думать, что оба ученые, и знаменитый криминалистъ Фейербахъ и менѣе славный Мютель, изъ вѣжливости подсказывали комиссіи то, что считали наиболѣе правильнымъ; а авторъ „доклада" самъ не имѣлъ вообще никакого опредѣленнаго представленія объ „основаніяхъ" права.—Нѣсколько позже столь же отрицательно, но рѣзче по формѣ высказался противъ „основаній" и *Куницынъ*; см. „Сынъ Отечества" за 1819 г. № 33 и 34. Онъ указываетъ и на

ніе, который въ конечномъ выводѣ объяснялъ ему его задачу,—отъ него комиссія разсчитывала получить только сводъ дѣйствующаго права. Но въ этомъ отвѣтѣ Розенкампфъ пытался дать и нѣсколько болѣе подробное объясненіе туманныхъ мѣстъ доклада. „Основанія", какъ онъ полагалъ, должны являться общими директивами для судьи; но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, они отнюдь не совпадали съ тѣмъ, что можно назвать научными предпосылками, извлеченными изъ дѣйствующаго права. Напротивъ, „praktische Rechtsprincipien" русскаго права по мнѣнію Розенкампфа слагаются изъ 1) hypothetisches Naturrecht, 2) Philosophie des Rechts и 3) Gesetzgebungspolitik. Признаніе „основаній" права чѣмъ-то, качественно отличающимся отъ закона, явствуетъ также и изъ того, что въ книгѣ законовъ имъ отводилась особая, вторая, часть, а самые законы полагалось излагать уже въ третьей и слѣдующихъ. При такомъ взглядѣ на нихъ сущность ихъ становится совершенно неуловимой [1]), а на этомъ понятіи была построена вся программа дальнѣйшей дѣятельности комиссіи 1804 г.

Но какъ бы то ни было, комиссіи предстояло руководствоваться описанной выше программой, и соотвѣтственно ей вопросъ о собраніи мѣстныхъ правъ получилъ совершенно своеобразную постановку. Въ самомъ дѣлѣ, если разсчитывали составить кодексъ изъ всеобщихъ и очевидныхъ истинъ, обязательныхъ для всѣхъ, разсматриваемыхъ какъ бы sub specie aeternitatis, то съ ними плохо могли ужиться мѣстные законы, продукты исторіи, невѣдомой для знатоковъ этихъ раціональныхъ тезисовъ. Да въ мѣстныхъ нормахъ и нужды не усматривалось,—„основанія" должны были быть такими хорошими, что

внутренняя противорѣчія „доклада" и на безполезность такихъ „основаній" для практики. Но Куницынъ ополчился и на книгу, изданную комиссіей въ 1818 году (о ней см. слѣд. примѣчаніе), но какъ мнѣ кажется—напрасно.

[1]) Впослѣдствіи, примѣрно около 1818 г. взгляды на „основанія" права измѣнились въ комиссіи и подъ ними стали разумѣть именно обобщенія дѣйствующихъ нормъ. Въ такомъ значеніи этотъ терминъ употребляется въ „систематическомъ сводѣ существующихъ законовъ", изданномъ комиссіей, такой же смыслъ придается ему въ книгѣ, выпущенной комиссіей подъ заглавіемъ „Основанія Россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи" С.-Пб. I изд. 1818 г., II изданіе 1821—1822 гг. Тутъ комиссія пошла по вѣрному пути и можно пожалѣть, что ея работа не была доведена до конца; не будучи идеальной, она была все же гораздо болѣе полезна и болѣе плодотворна, чѣмъ то чисто механическое собраніе законовъ, которое представляетъ собой дѣйствующій Сводъ Законовъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, понимать и слова *Ө. М. Дмитріева*, *Русск. Арх.* 1868 г. IV т. стр. 1033, о томъ, что комиссія 1804 стала на вѣрную точку зрѣнія.

наряду съ ними мѣстныя нормы представляли собой одно лишь недоразумѣніе. Разсужденія „доклада“ по этому предмету настолько характерны, что ихъ слѣдуетъ привести цѣликомъ.

„Изъ выше сказаннаго явствуетъ“, говорится въ немъ, „что начала права суть общія для Имперіи: по сему и законы, утвержденные на сихъ основаніяхъ права, должны быть общими всѣмъ частямъ оной, дабы народы всѣхъ провинцій и городовъ, образующіе массу единаго государства и подданные единаго государя, подъ благотворнымъ вліяніемъ оныхъ въ равной мѣрѣ наслаждались тою гражданскою свободою и безопасностью, которую они даютъ, хранятъ и распространяютъ. Однакожъ сіе слѣдствіе, въ существѣ своемъ столь справедливое и полезное, какъ вообще для государства, такъ и въ особенности для самихъ подданныхъ, нельзя принять за общее и никакому измѣненію неподтвержденное правило при составленіи законовъ для пространной Имперіи Россійской: ибо различныя степени гражданственности нѣкоторыхъ губерній и другія мѣстныя обстоятельства необходимо требуютъ, для благосостоянія ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исключительныхъ (изъ общаго законоположенія) или частныхъ законовъ и формъ судебныхъ. Сіе было побудительною и важнѣйшею причиною, для которой правительство предоставило нѣкоторымъ губерніямъ особые права и законы, которые впрочемъ (какъ неоднократные опыты доказываютъ и внимательное послѣдованіе оныхъ удостовѣряетъ) наполнены великими неудобствами, затрудненіями и даже несообразностями съ мѣстнымъ ихъ положеніемъ.

Таковыя уваженія непосредственнымъ образомъ открываютъ слѣдующій способъ къ составленію частныхъ законоположеній для извѣстныхъ городовъ, провинцій и губерній. Онъ состоитъ въ томъ: 1) чтобъ извлечь изъ существующихъ частныхъ законовъ начала, на которыхъ они основаны, и по изслѣдованіи и соображеніи оныхъ привести въ совершенное единообразіе съ основаніями общаго государственнаго законоположенія; 2) чтобы собрать и исчислить главнѣйшія мѣстныя обстоятельства сихъ губерній и, принявъ въ уваженіе климатъ, религію ихъ жителей, обычаи и политическія перемѣны, съ ними бывшія, найти разности, какія произошли отъ того въ законахъ и формахъ судебныхъ; также изслѣдовать, въ чемъ сіи мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ препятствія въ единообразіи формъ и законовъ; и препятствія сіи существенныя ли и непреодолимыя, или мнимыя и удобоотвратимыя, касаются ли они правъ собственности, или же одного обряда? Слѣдствіемъ сихъ изысканій будетъ, что губерніи или

города, физическими и моральными отношеніями различные, получаютъ основанныя на общихъ началахъ права и соотвѣтственные мѣстному положенію законы; прочіе-жъ частные законы и исключенія, несообразные съ оными, и слѣдственно безполезные, сами собою отмѣнятся, а дѣйствіе общаго законоположенія распространится. Порядокъ, законъ, правосудіе, безопасность лицъ и собственности суть священныя права, разрушающія и уничтожающія всѣ исключенія, съ ними несовмѣстныя".

Мѣстнымъ законамъ отводилась шестая часть книги законовъ; къ ней же были отнесены и тѣ законы, которыхъ комиссія не рѣшалась подводить подъ „основанія",—уставъ о коммерціи, о межеваніи и др. Поэтому-то и VI часть и была озаглавлена о *частныхъ* (не *мѣстныхъ*) законахъ и обнимала вообще всѣ „отступленія" отъ общихъ.

Такимъ образомъ, значеніе и объемъ мѣстныхъ законовъ должны были быть по возможности ограничены; должны были быть сохранены лишь тѣ особенности, которыя вызываются „реальными" причинами. Отсюда вытекаетъ прямой выводъ, что для начертанія частныхъ сводовъ комиссіи слѣдовало бы изучать исторію, религію, этнографію, метереологію провинцій и, сообразно съ ними, по мѣрѣ надобности, варьировать общія начала, предполагая, конечно, что эти послѣднія ей уже извѣстны. Мѣстное же историческое право должно было отойти совершенно на задній планъ. Неудивительно, что знатоки мѣстнаго права не могли понять такой идеи; Мютель [1]) совершенно основательно задастъ вопросъ, что же разумѣть подъ частными законами—опредѣляется ли это понятіе географическимъ пространствомъ ихъ дѣйствія, или же матеріально, по существу отношеній? Не могъ онъ отрѣшиться и отъ той, опять-таки совершенно правильной мысли, что кодексъ мѣстныхъ законовъ долженъ быть собраніемъ положительныхъ нормъ, сложившихся исторически, рубрики котораго не совпадаютъ съ подраздѣленіями общаго свода [2]). Исходя изъ этихъ мыслей, онъ просилъ комиссію дать ему возможность собрать архивные матеріалы и памятники дѣйствующаго права, но такая работа, очевидно, не вполнѣ отвѣчала видамъ комиссіи, хотя, какъ выше уже указано, Розенкампфъ и согласился съ предположеніями Мютеля. Та элемен-

[1]) См. А. Г. С., цитированное дѣло № 151.

[2]) „Blos ein hypothetisches historisches Ganzes kann dagegen der Kodex unserer positiven Provinzialgesetze seyn"—въ противоположность общему кодексу, который по смыслу доклада комиссіи является „thetisch" (тамъ же).

тарная мысль, что мѣстное право складывалось подъ вліяніемъ своеобразныхъ, разнородныхъ и вполнѣ реальныхъ причинъ, тѣхъ самыхъ, которыя комиссія желала принять въ соображеніе при написаніи частныхъ кодексовъ, что въ немъ жизнь уже дала многое такое, что комиссія желала раціоналистическимъ путемъ внести въ него, эта простая мысль никому въ комиссіи въ голову не приходила. Было признано необходимымъ создать какое-то своеобразное естественное право, не то историческое, не то раціональное, и отъ этого не отступали.

Неосвѣдомленность главнаго дѣятеля, Розенкампфа, приводила къ тому, что первое время раціоналистическое направленіе получило преобладаніе. Началась работа, которую по словамъ участника въ ней, чиновника комиссіи Ильинскаго, никто въ Россіи понять не могъ [1]). Дѣятельность комиссіи пошла въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны разрабатывались планы будущаго свода, съ другой—дѣлались попытки составить своды дѣйствующихъ законовъ, то, что, по терминологіи комиссіи, называлось „status quo".

По мѣрѣ развитія основныхъ мыслей доклада, въ комиссіи только возростало стремленіе объединить все законодательство и совершенно устранить мѣстныя особенности. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала работъ, какъ видно изъ рапорта отъ 2-го іюля 1804 г. [2]), присутствіе комиссіи признало, что для пользы общей необходимо „дабы образъ примѣненія законовъ для всѣхъ губерній" былъ единообразенъ. Отъ этого, по ея мнѣнію, всѣмъ будетъ лучше: правительство не будетъ затрудняться въ разбирательствѣ поступающихъ изъ губерній на рѣшеніе дѣлъ, да и тяжущимся будетъ легче вѣдаться съ одной формой судопроизводства, чѣмъ со многими. Но одно препятствіе къ этому признавала и комиссія—разнообразіе въ языкѣ. Однако, это обстоятельство ее не смущало; чтобы устранить его, она считала достаточнымъ только предписать ввести единый государственный языкъ, и все пойдетъ гладко. При оцѣнкѣ этихъ in abstracto совершенно вѣрныхъ мыслей, не слѣдуетъ забывать того, что писалъ ихъ Розенкампфъ, не говорившій по русски [3]), а также и того, что комиссія не имѣла никакого представленія о судопроизводствѣ по

[1]) *Русскій Архивъ*, за 1879 г. книга III, стр. 423 и слѣд.

[2]) См. цитир. „Докладъ и выписки изъ рапортовъ", стр. 71.

[3]) Объ этомъ см., напр., въ запискахъ *Ильинскаго*, *Русскій Архивъ*, 1879 г., книга III, стр. 423.

мѣстнымъ законамъ,— вопросные пункты объ обрядѣ судопроизводства, предназначенные для разсылки по различнымъ губерніямъ еще только заготовлялись [1]). Общія же разсужденія этого рода въ устахъ составителей проекта *законы*, который долженъ получить обязательную силу, звучать неубѣдительно.

Затѣмъ, нѣкоторое время общія разсужденія о необходимости ограничить мѣстные законы отсутствуютъ въ рапортахъ комиссіи. Только въ рапортѣ отъ 31-го іюля 1804 года [2]) указывается на то, что редакторъ II экспедиціи прекратилъ работы по отдѣленію книги законовъ „о дѣяніяхъ", ибо это отдѣленіе должно содержать въ себѣ „одну теорію дѣяній, общую для всего государства, безъ всякаго примѣненія къ мѣстнымъ особенностямъ". Обойденъ вопросъ о мѣстныхъ законахъ и въ годовыхъ отчетахъ, представленныхъ Государю 1-го января 1805 и 1806 г.г., но зато съ тѣмъ большей подробностью затронутъ онъ въ рапортѣ отъ 1-го января 1807 г., гдѣ ему отведено много мѣста. Повидимому, съ одной стороны, трудность разобраться въ дѣйствующемъ правѣ, а съ другой, усиливающееся вліяніе идей „общихъ принциповъ" права къ этому моменту достигли апогея. Комиссія старается убѣдить и себя и другихъ, что мѣстные законы—одно сплошное недоразумѣніе, какая-то фикція, что въ нихъ только повторено то, что уже имѣется въ ненаписанныхъ еще ею основаніяхъ права. Вотъ что сказано въ этомъ рапортѣ подъ рубрикой С [3]):

„Изложеніе status quo законовъ провинціальныхъ продолжается. При окончаніи редакторами труда сего, присутствіе комиссіи почитаетъ нужнымъ привести въ дѣйствіе мѣру, въ отчетѣ за прошедшій годъ предположенную, которая много способствовать можетъ къ скорѣйшему окончанію провинціальныхъ кодексовъ, т. е. послать проекты законовъ общихъ, когда они разсмотрѣны будутъ присутствіемъ, въ губерніи, состоящія на особыхъ правахъ, дабы тамошнія судебныя мѣста и общества сообщили свое мнѣніе въ разсужденіи практическаго примѣненія оныхъ въ сихъ провинціяхъ и представили причины (есть-ли оныя есть), которыя по уваженіи мѣстныхъ обстоятельствъ могли бы воспрепятствовать къ достиженію и сохраненію безопасности лицъ и собственности посредствомъ законовъ общихъ, вновь предполагаемыхъ,

---

[1]) См. докладъ, стр. 71.

[2]) А. Г. С. дѣла ком. сост. закон. связка № 262.

[3]) А. Г. С. дѣла комиссіи составленія законовъ, связка № 262, рапортъ отъ 1 января 1807 г.

каковою они наслаждаются, управляясь частными ихъ статутами. Присутствіе надѣется изъ соображеній таковыхъ причинъ извлечь истины, тщетно оспариваемыя ложными умствованіями, т. е., что большая часть старыхъ законовъ, которые провинціи почитають своими привилегіями, содѣлаются сами собой безполезны, ибо каждый безпристрастный человѣкъ *и въ новомъ законоположеніи найдетъ тѣже правила* и слѣдственно, *то же самое*, и можетъ быть надежнѣйшее обезпеченіе собственности. Новое законоположеніе соединяетъ *въ себѣ все то, что только есть полезнаго для Имперіи*, какъ въ законахъ Россійскихъ, такъ и въ уставахъ провинціальныхъ, а посему не остается ничего другого желать жителямъ провинціи. При всемъ томъ, можетъ быть, признается нужнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ общихъ законовъ, по одному только уваженію, что права собственности и старинныя сдѣлки въ разсужденіи владѣнія оною, тамъ утверждаются издревле на мнѣніяхъ и обычаяхъ временемъ освященныхъ. Въ сихъ случаяхъ трудно и даже вредно нарушать оныя, ибо въ таковыхъ нарушеніяхъ собственность, хотя и признается отъ правительства законною, учинится не надежною и непрочною. Впрочемъ, присутствіе комиссіи утвердительно можетъ сказать, что опытъ другихъ народовъ и собственные опыты, какіе въ Россіи правительство имѣло, несомнѣнно подтверждаютъ, что равенство законовъ служитъ наиболѣе къ укрѣпленію связей соединяющихъ въ Имперіи различные народы" [1]).

Приблизительно такими же соображеніями руководствовался, если вѣрить легендѣ, халифъ Омаръ, приказавшій сжечь Александрійскую библіотеку, полагая, что она излишня, если книги, хранящіяся въ ней, повторяютъ то, что уже сказано въ Коранѣ, или вредна, если въ нихъ сказано другое.

Тенденція уложить весь правопорядокъ Имперіи въ единыя для всѣхъ областей „основанія" или законы, выразилась и въ рапортѣ, представленномъ Государю въ январѣ 1808 года [2]). Громадное по количеству объемлемыхъ нормъ уложеніе, которое комиссія все еще *должна* была сочинить, и никакъ не могла сочинить, должно было получить одинаковое дѣйствіе во всемъ государствѣ. „Единство есть отличительное свойство монархическаго правленія; единство за-

---

[1]) Отпечатанныя курсивомъ слова въ подлинникѣ *не* подчеркнуты.

[2]) Этотъ рапортъ (см. А. Г. С. связка № 262, дѣла ком. сост. законовъ) напечатанъ почти въ полномъ объемѣ въ трудѣ *П. М. Майкова*, „Журн. Мин. Юст." 1905, ноябрь, стр. 242.

коновъ и одинаковое ихъ дѣйствіе на всѣхъ подданныхъ служитъ залогомъ и естественной правоты и гражданскаго правосудія. Одни только мѣстныя обстоятельства могутъ допустить нѣкоторыя уклоненія отъ общихъ законовъ, но при таковыхъ уклоненіяхъ должны быть приняты въ соображеніе всѣ тѣ причины, которыя дѣлаютъ ихъ необходимыми. На семъ-то основаніи составляются въ комиссіи частныя постановленія для нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ, по ихъ мѣстнымъ и другимъ уваженіямъ, общіе законы оказываются неудобопримѣнимыми". Этимъ мѣстнымъ особенностямъ грозила еще и та опасность, что „русское уложеніе должно быть истинно русскимъ".

Но въ этихъ общихъ разсужденіяхъ, которыми наполнены всѣ рапорты комиссіи, въ сущности, ничего не содержалось положительнаго. Это были исключительно планы на будущія времена, проекты программъ, начертанія кодификаціи, одиимъ словомъ, дѣйствія подготовительныя, но не разрѣшеніе задачи. Они имѣли смыслъ только постольку, насколько за ними стояла реальная работа и реальное изученіе дѣйствующаго права; пока самое право не было приведено въ извѣстность, до тѣхъ поръ въ сущности нельзя было говорить ни о недостаткахъ его, ни о желательныхъ реформахъ его вообще и, въ частности, относительно мѣстнаго права—о возможности объединить его въ единомъ для всей Имперіи кодексѣ. Поэтому слѣдуетъ обратиться къ изученію этой внутренней, непоказной работы комиссіи. И тутъ получается нѣсколько иная картина.

Въ смыслѣ денежныхъ средствъ и численности личнаго состава, комиссія по штату 1804 г. была поставлена очень широко. На ея надобности отпускалось въ годъ 100.000 руб., сумма по тѣмъ временамъ очень большая; личный составъ ея, не считая низшаго персонала, состоялъ изъ 48 человѣкъ (изъ которыхъ десять переводчиковъ). Всѣ эти лица были распредѣлены по тремъ экспедиціямъ; первая вѣдала „основанія правъ" и общіе законы, вторая—частные законы, т. е. законы отдѣльныхъ провинцій и коммерцію. Эта „экспедиція" была особенно многочисленна; во главѣ ея стоялъ „референдарій", при немъ былъ помощникъ; для государственнаго хозяйства и финансовъ, а также и для коммерціи полагалось по 1 редактору. Одинъ редакторъ вѣдалъ право Малороссіи, двое —балтійскія права, и наконецъ, двое же—право польскихъ провинцій и Бѣлоруссіи; кромѣ того, при всѣхъ редакторахъ было по помощнику [1]). На третью экспе-

[1]) Штатъ этотъ напечатанъ въ „докладѣ". Всѣ должности замѣщались лицами,

дицію возлагалось наблюденіе за чисто редакціонной стороной кодекса.

Для мѣстныхъ правъ западныхъ губерній, однако, былъ назначенъ 9-го апрѣля 1804 г. только редакторъ, адъюнктъ правъ Адамъ *Повстанскій;* малороссійскіе законы долженъ былъ обрабатывать надв. сов. Федоръ *Давыдовичъ*, а переводчикомъ при нихъ состоялъ отставной маіоръ польской службы, Жуковскій. Впослѣдствіи число переводчиковъ было увеличено; изъ ихъ числа заслуживаютъ вниманія двое—Іосифъ Гореглядъ (Horehlad Wylaski) и Василій Копецкій [1]). Гореглядъ впослѣдствіи выступалъ съ самостоятельными трудами по юриспруденціи; отъ него осталось сочиненіе подъ заглавіемъ „Опытъ начертанія уголовнаго россійскаго права“ изд. въ С.-Пб. въ 1815 г.; оно было переведено на польскій языкъ (переводъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1817 г.).

Въ помощь Повстанскому для редактированія законовъ былъ затѣмъ приглашенъ адъюнктъ Виленскаго университета Зноско (19 августа 1805 г.), но онъ пробылъ въ этой должности всего одинъ годъ (до 4-го августа 1806), такъ такъ воспользовался командировкой отъ Виленскаго университета [2]) и покинулъ Петербургъ. Болѣе продолжительное время занималъ должность помощника редактора чиновникъ Павелъ Икосовъ [3]).

Главная работа, очевидно, лежала на Повстанскомъ. Трудно опредѣлить, какими научными свѣдѣніями онъ обладалъ, когда впервые приступилъ къ работѣ. Послѣ него осталось вообще немного ученыхъ трудовъ, да и они написаны уже значительно позже. Подъ своей фамиліей онъ выпустилъ „Wiadomosc o archiwum krajowem Kró-

---

выдержавшими соотвѣтствующее испытаніе. Поэтому, согласно журналу комиссіи отъ 23-го апрѣля 1804 г., были составлены правила объ испытаніяхъ, „коимъ подвержены“ желающіе поступить на мѣста редакторовъ, редакторскихъ помощниковъ и переводчиковъ. Аспиранты должны были представить разсужденіе или другую работу на тему, заданную изъ соотвѣтствующей области, при чемъ просматривалъ работу слѣдующій въ іерархіи комиссіи чинъ, т. е., напр., работу редактора просматривалъ референдарій (см. эту инструкцію А. Г. С. дѣла ком. сост. законовъ, связка № 248). Лицо, занимающее должность редактора, но не выдержавшее еще соотвѣтствующаго испытанія, именовалось „кандидатъ-редакторомъ“ (см., напр., журналъ 9-го апрѣля 1804 г. А. Г. С., дѣла ком. сост. законовъ, связка № 246, 1).

[1]) См. списокъ переводчиковъ, журн. комм. 7 марта 1809, а также и Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego, стр. 39 (объ этой книгѣ см. ниже).

[2]) См. журналы комиссіи 1805 г. и 1806 г. (А. Г. С., связка № 246).

[3]) Умеръ 12 апрѣля 1811 г. (см. Журналъ Коммисіи).

lewstwa Polskiego“ (Krakow, 1824), содержащую описаніе этого архива, который онъ ревизовалъ въ 1821 году [1]).

Нѣсколько болѣе сомнительно авторство приписываемой ему книги „Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego“. Wilno 1828 г. (227 стр.), такъ какъ она подписана только инициалами А. Р. Повстанскаго считаетъ авторомъ библіографъ Эстрейхеръ [2]), и, повидимому, онъ правъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя приведены въ книгѣ (см. особенно стр. 38 и 41), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что она написана лицомъ, близко стоявшимъ къ комиссіи составленіи законовъ. Самая же книга представляетъ разборъ книги Линде и статей Даниловича о Литовскомъ Статутѣ (статьи Даниловича были помѣщены въ Dziennik Wilenski за 1823 г.) и апологію русскаго перевода Статута, вышедшаго въ 1811 году. Книга Повстанскаго содержитъ нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, но не слѣдуетъ забывать, что она вышла въ 1829 году, т. е. 25 лѣтъ послѣ начала его работы въ комиссіи, и что за это время онъ пріобрѣлъ много новыхъ познаній; она не можетъ служить свидѣтельствомъ объ уровнѣ его свѣдѣній въ 1804 г. Можно даже больше сказать—она убѣждаетъ въ томъ, что онъ многому научился именно уже во время своихъ работъ.

Приступивъ къ работѣ, редакторы мѣстныхъ законовъ немедленно же убѣдились въ томъ, что имъ ничего не сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не будутъ установлены „общія основанія права“, и обратились въ присутствіе комиссіи съ просьбой сообщить имъ таковыя [3]). Это требованіе ихъ было, въ самомъ дѣлѣ, совершенно основательно, такъ какъ „по положенію о комиссіи составленія законовъ“ редакторы второй экспедиціи „по уваженію различія вѣры, климата, мѣстополо-

---

[1]) Объ этомъ см. *Burzynski*, Prawo Polskie I, стр. 150—214 и примѣч. 1 на стр. 214.

[2]) Bibl. polska, т. 3, стр. 519.—Сомнѣнія по этому поводу у *Ольшамовскаго*, Обязательность конституціи, стр. 103, неубѣдительны. Съ *Эстрейхеромъ* согласенъ *А. Х. Гольмстенъ*, *Журн. Юрид. Общества* 1896, февраль, стр. 39.

[3]) См. журналъ 28 мая 1804 г. Еще раньше, 9 апрѣля, „кандидатъ-редакторъ“ для польскихъ законовъ просилъ купить необходимыя для работы книги, но присутствіе комиссіи, т. е. министръ юстиціи и его товарищъ (см. 2-ой отдѣлъ полож. о комис. составл. зак., напечатанный въ докладѣ, стр. 26) нашли эту покупку излишней и предложили ему взять книги изъ Императорской Библіотеки (впослѣдствіи—Публичной), что и было исполнено. Но какія книги были вытребованы, я не могъ установить; списка ихъ нѣтъ и въ связкѣ № 218, гдѣ хранятся нѣкоторыя исполнительныя бумаги по журналамъ 1804 года; не нашелъ я его и въ дѣлахъ Императорской Публичной Библіотеки.

женія, языка, населенія и другихъ каждой провинціи особенныхъ отношеній извлекаютъ неопровержимыя (!) причины для исключеній изъ общихъ законовъ, *соглашаютъ оныя съ основаніями права* и устраняютъ всѣ таковыя частныя измѣненія къ общей связи и пользѣ всего Государства" (отдѣлъ 9, пунктъ 3) [1]. Но присутствіе ихъ просьбы удовлетворить не могло, и предложило имъ заняться „собраніемъ" законовъ. Тогда редакторы и обратились къ этой работѣ, уже больше не возвращаясь къ вѣчнымъ истинамъ „основаній".

Если судить по рапортамъ, представляемымъ Государю ежемѣсячно, первое время въ комиссіи работа кипѣла. Каждый мѣсяцъ заканчивался какой либо отдѣлъ или другое подраздѣленіе книги законовъ. Составлялись „статьи" (въ рапортахъ этотъ терминъ поясняется французскимъ словомъ „marginales"), въ которыхъ вкратцѣ излагалось содержаніе законовъ, а кромѣ того указывались ихъ источники, затѣмъ эти статьи поступали на утвержденіе присутствія комиссіи; изъ статей должны были быть извлекаемы и „основанія правъ". Эта послѣдняя работа была обставлена особенными предосторожностями: она должна была производиться самимъ присутствіемъ, какъ самая важная и отвѣтственная часть. Но до нея не дошли—кончилось все только составленіемъ статей для нѣкоторыхъ отдѣленій.

Въ такомъ порядкѣ было составлено отдѣленіе о лицахъ; 3-го іюля 1804 г. матеріалъ для него (изъ польскихъ и литовскихъ законовъ) уже былъ весь собранъ, но обработка его не была еще закончена, такъ какъ эта часть свода представлялась комиссіи и трудной и отвѣтственной. Но къ сентябрю видимо покончили съ этой частью, такъ какъ Повстанскій уже приступилъ было къ отдѣленію о „дѣяніяхъ", къ работѣ, которую, какъ уже выше упомянуто, онъ потомъ оставилъ, ибо теорія дѣяній должна быть едина для всей Имперіи. Въ началѣ марта 1805 г. онъ работалъ уже надъ законами брачными католическаго вѣроисповѣданія. Въ сентябрѣ того же года дошли до отдѣла о вещахъ и дополнялся отдѣлъ о лицахъ постановленіями изъ церковныхъ правилъ. Вопросъ о юридическомъ положеніи духовенства представлялъ, повидимому, большія затрудненія, ибо еще въ мартѣ 1806 года Повстанскій все время надъ нимъ работалъ. Затѣмъ приступили къ обработкѣ законовъ о судопроизводствѣ (маі 1806 г.). Проектъ устава судопроизводства съ изложеніемъ „status

[1]) Этотъ пунктъ Положенія повторенъ и въ инструкціи (§ 47) чиновникамъ комиссіи. Инструкція (въ рукописи) приложена къ журналу 28 апрѣля 1804 г.

ціо“ составлялся имъ въ іюнѣ 1806, при чемъ, по словамъ рапорта, онъ успѣлъ собрать и межевые законы и мѣстные уголовные. Потомъ дошла очередь и до законовъ о наслѣдствѣ, которые собирались въ выпискахъ.

Параллельно съ этими работами шло собираніе законовъ малороссійскихъ, которое было поручено Давыдовичу. Въ іюнѣ 1804 г.[1]) былъ приглашенъ переводчикъ для магдебургскихъ законовъ, и Давыдовичъ занялся своимъ дѣломъ столь же ретиво, какъ и его коллега Повстанскій. Изъ рапортовъ, представленныхъ Государю, видно, что къ іюлю уже было составлено 5 главъ свода, и въ дальнѣйшихъ отчетахъ постоянно упоминается, что Давыдовичемъ составляются или уже окончены выписки для такой-то главы свода,—подробно перечислять ихъ нѣтъ надобности. Такъ, напр., изъ рапорта отъ 3-го іюля 1805 г. видно, что собирались законы, относящіеся до деликтовъ; въ сентябрѣ того же года—относящіеся до вещей и наслѣдственныхъ правъ; надъ этимъ вопросомъ редактору пришлось долгое время потрудиться, ибо еще въ мартѣ 1806 г. онъ работалъ надъ нимъ. Давыдовичъ повидимому съумѣлъ приспособить общія рубрики книги законовъ къ мѣстнымъ источникамъ; такъ, напр., изъ рапорта отъ 8-го іюня 1806 года видно, что онъ составлялъ выписки для главы 13, о договорахъ, „основанныхъ на рискѣ или отважныхъ“, т. е. такой матеріи права, для разработки которой мѣстные законы даютъ не много, чтобы не сказать,—почти ничего.

Хотя въ архивѣ комиссіи теперь мнѣ не пришлось видѣть эти работы чиновъ ея, но, несомнѣнно, что они въ самомъ дѣлѣ были выполнены, и что въ рапортахъ сообщалась правда. Перечень всего сдѣланнаго II экспедиціей представляетъ журналъ входящихъ и исходящихъ изъ II экспедиціи бумагъ[2]), къ которому приложена и опись всего болѣе или менѣе законченнаго къ 1810 году. Изъ этого перечня видно, что редакторы писали даже больше, чѣмъ объ этомъ говорилось въ рапортахъ. Такъ, въ 1804 г. Повстанскій представилъ планъ, по которому намѣренъ онъ собирать польскіе и литовскіе законы; работалъ онъ и надъ историческимъ введеніемъ въ исторію законодательства польскаго; приступая къ обработкѣ крупнаго отдѣла (напр., постановленій церковнаго права), редакторъ составлялъ общій планъ, затѣмъ собиралъ выписки и дѣлалъ изъ нихъ сокращенное изложеніе.

---

[1]) Журналъ комиссіи 4 іюня 1804 г.

[2]) А. Г. С., дѣла комис. сост. зак. № 354.

Одна изъ такихъ работъ Давыдовича распубликована въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1861 г. кн. II, стр. 69—75, подъ заглавіемъ: „Краткое извлеченіе, взятое изъ правъ въ Малой Россіи употребляемыхъ, по которому слѣдуетъ изобразить тѣ права, согласно плану Высочайше конфирмованному“ [1]). Этотъ документъ можетъ, вѣроятно, служить образчикомъ всѣхъ вообще работъ комиссіи: онъ представляетъ изслѣдованіе въ общемъ очень не глубокое, но и не содержащее никакихъ несообразностей; источники, дѣйствовавшіе въ Малороссіи, перечислены далеко не исчерпывающимъ образомъ, но и безъ особенныхъ неточностей, и нѣкоторые типичные моменты подмѣчены вѣрно. Но, конечно, никакъ нельзя сказать, чтобы въ ней собраны были всѣ матеріалы.

Работа, несмотря на упорную дѣятельность редакторовъ, подвигалась медленно, рапорты, представляемые Государю, дѣлались все тоньше и тоньше, и къ 1809 году, когда комиссія была переформирована, въ области мѣстныхъ правъ западныхъ губерній, какъ видно изъ „реестра дѣлъ, обработанныхъ во II экспедиціи“, было закончено только: 1) „собраніе польскихъ и литовскихъ гражданскихъ законовъ съ объясненіями на I отдѣленіе, о лицахъ, II—о дѣяніяхъ, и III—о вещахъ; 2) собраніе „оныхъ же законовъ“ на I отдѣленіе, но безъ объясненій, обработанное въ 1804 г. редакторскимъ помощникомъ Икосовымъ; 3) собраніе гражданскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи“ [2]). Все же прочее, повидимому, осталось сырымъ матеріаломъ.

Но помимо этихъ работъ, производимыхъ въ самой комиссіи, вскорѣ послѣ ея образованія была предпринята одна вполнѣ разумная мѣра, къ сожалѣнію, однако, не принесшая тѣхъ плодовъ, которые можно было бы ожидать отъ нея. Именно, озабочиваясь скорѣйшимъ начертаніемъ законовъ, касающихся судебнаго обряда, комиссія рѣшила обратиться съ запросомъ къ судебнымъ мѣстамъ. Этимъ путемъ она разсчитывала ознакомиться съ употребляемымъ на практикѣ порядкомъ и, благодаря этому, избѣжать въ своемъ проектѣ „тонкостей и раздѣленій, отъ практическаго употребленія отвлеченныхъ“. Въ этихъ

[1]) У проф. *Леонтовича*, Исторія русскаго права, стр. 291 (№ 1223), этотъ документъ не точно отнесенъ къ царствованію Николая I.

[2]) См. цитир. дѣло № 351 (А. Г. С.). По поводу собранія малороссійскихъ законовъ отмѣчено, что оно составлено редакторомъ Давыдовичемъ, „по болѣзни коего и потомъ за сдѣланнымъ ему особымъ препорученіемъ дальнѣйшее собираніе законовъ сихъ остановилось“.

видахъ она рѣшилась разослать по судебнымъ мѣстамъ вопросные пункты. Эти вопросные пункты были разбиты на три класса: одинъ предполагался для губерній великороссійскихъ, другой для нѣмецкихъ, третій для польскихъ [1]). Запросные пункты были разосланы въ августѣ 1804 года [2]). Они были составлены по слѣдующей формѣ: въ первой графѣ прописывался самый текстъ вопроса, сочиненный въ комиссіи; во второй—отвѣтъ судебнаго мѣста, который давался на каждый вопросъ особо; въ третьей изображались ссылки на тѣ законы, по которымъ судебное мѣсто такъ поступаетъ. Для губерній западныхъ заголовокъ этой графы былъ отредактированъ въ такой формѣ: „по Литовскому ли Статуту или конституціи, по указамъ ли сенатскимъ, или предписаніемъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и какихъ, или по какимъ либо узаконеніямъ, вмѣсто уставовъ краю служащимъ, или по самому обыкновенію вообще или особенно введенному". Вопросовъ было составлено (для западныхъ губерній) 80; они касаются преимущественно формальной стороны судопроизводства, но затрагиваютъ всѣ стадіи процесса, начиная отъ опредѣленія подсудности и кончая аппеляціей. На эти вопросные пункты поступили отвѣты отъ многихъ присутственныхъ мѣстъ [3]). Изъ Волынской губерніи они были присланы на русскомъ языкѣ, при чемъ они были расположены въ томъ порядкѣ, какъ и самые вопросы, и вся вѣдомость была подписана вице-губернаторомъ Гроховскимъ. Изъ Кіевской на вопросы отвѣтилъ по порученію губернатора корреспондентъ вольно-экономическаго общества Реметинскій, не соблюдая предписанной комиссіей формы. Въ Витебской губерніи работа была подѣлена между различными учрежденіями. На одну часть составило отвѣтъ губернское правленіе; на другія—главный судъ, повѣтовый, городской (mieyeskii), эти—по польски, и наконецъ, городничій—по русски. Изъ Гродно былъ присланъ „порядокъ судебныхъ мѣстъ", а изъ Подольской губерніи былъ присланъ реестръ прошеній, поступившихъ въ судъ съ 1-го января 1802 по 1-е января 1803 гг. [4]). Нѣсколько опоздали съ отсылкой вопросовъ

---

[1]) См. цитир. „докладъ" стр. 71 (рапортъ 2 іюля 1804).

[2]) См. А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. (№ 585) „Вопросы, разосланные въ губерніи для изложенія отвѣтовъ о существующихъ порядкахъ судопроизводства", въ связкѣ № 447.

[3]) См. связку № 447 (А. Г. С., дѣла ком. сост. зак.).

[4]) Эти реестры находятся въ томъ же дѣлѣ (связку № 447), гдѣ хранятся отвѣты другихъ судебныхъ учрежденій, и можно думать, что они составляютъ *часть* присланнаго изъ Подольской губ.. а можетъ быть—и все.

въ малороссійскіе суды; хотя и были они составлены Давыдовичемъ еще въ ноябрѣ 1804 г., но отправили ихъ только въ февралѣ 1807 г.; отвѣтовъ на нихъ въ архивѣ я не встрѣтилъ.

На основаніи этихъ свѣдѣній предположено было составить „синоптическія таблицы обряда судобнаго"; одна изъ нихъ приложена къ рапорту 30-го іюля 1804 г. [1]), но она касалась только самыхъ общихъ предметовъ судоустройства и процесса; разсчитывали изготовить болѣе детальныя для отдѣльныхъ видовъ. Но для мѣстнаго права западныхъ губерній этого не сдѣлали [2]).

---

[1]) См. цитир. выше „докладъ", стр. 79 и приложеніе II.

[2]) Другая „общая" придуманная комиссіей мѣра, которая могла оказаться полезной при собираніи мѣстныхъ законовъ, именно избраніе особыхъ „*корреспондентовъ*", напротивъ, дѣлу составленія литовско-польскаго свода не помогла. Въ званіе корреспондентовъ предполагалось опредѣлять тѣхъ лицъ, познанія которыхъ могли быть полезными комиссіи; „корреспонденты, находящіеся въ провинціяхъ россійскихъ, съ симъ званіемъ пріемлютъ обязанность доставлять комиссіи свѣдѣнія о таковыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя должны входить въ соображеніе при составленіи законовъ" (см. „докладъ", стр. 80). Такихъ „корреспондентовъ" комиссія имѣла великое множество, но спеціалиста по литовскому праву между ними не было ни одного, Только въ самое послѣднее время существованія комиссіи почетнымъ корреспондентомъ былъ назначенъ варшавскій ученый *Линде* (10-го ноября 1822 г., см. дѣло ком. сост. зак., 1822 г., № 308). Но комиссіи слѣдовало озаботиться этимъ и раньше; можно было бы найти и подходящее лицо: въ 1804 году уже появилось сочиненіе Чацкаго объ источникахъ литовскаго права, и его познанія могли бы быть очень полезны. Но и вообще отъ *иностранныхъ* корреспондентовъ комиссія имѣла только одно разочарованіе. Большинство изъ нихъ ничего не дѣлало; немногіе, отнесшіеся внимательно къ дѣятельности комиссіи, могли только критиковать ее (какъ, напр., Фейербахъ). Зато другіе (какъ разъ тѣ, которые ничего не дѣлали) впослѣдствіи докучали денежными требованіями, такъ какъ по первоначальному предположенію имъ полагалось въ годъ 400 р. жалованья, но на дѣлѣ оно имъ не выплачивалось. Впервые обратился въ комиссію съ просьбой прислать ему жалованье (за много лѣтъ) *Тибо* (см. объ этомъ дѣло ком. сост. зак. № 811, 1821 г., по частному реестру д. ком. № 235). Сперанскій велѣлъ разсмотрѣть его ходатайство въ совѣтѣ комиссіи, и тамъ члены послѣдняго, Тургеневъ и Морозъ, высказались отрицательно, ссылаясь, между прочимъ, на то, что жалованье корреспондентамъ назначено подъ условіемъ „если они окажутся полезными", а Тибо ничего не дѣлалъ. Противъ этого возражалъ Розенкампфъ, указывая на то, что Тибо имѣетъ формальное право на жалованье. При этомъ по справкѣ обнаружилось, что жалованье корреспондентамъ вообще было уплочено только одинъ разъ (въ 1806 г.) и то только тремъ лицамъ: прусскому ученому Піатоли, Гёккингу и Клейну, по 396 р. Далѣе, по особому Высочайшему повелѣнію было пожаловано 5000 р. (но не изъ средствъ комиссіи) дочери корреспондента *Эргардта*, опекунъ которой догадался посвятить Александру I сочиненіе Эргардта „О наказаніи за уголовныя преступленія". Просьба Тибо не была уважена;

Если бы комиссія продолжала безъ всякихъ перерывовъ свои труды, то можетъ быть ей бы и удалось изготовить нѣчто законченное. Правда, судя по медленности движенія дѣла, на это потребовалось бы *очень* много времени, и добытый результатъ оказался бы вовсе не

та же участь постигла и ходатайство сына корреспондента, датчанина барона *Эгерса*, переданное Сперанскому въ 1830 году (см. А. Г. С. д. II отд. № 1018) и еще позже, наслѣдниковъ *Кирхейзена* (дѣло II отд. 1487). Всѣхъ корреспондентовъ, которымъ было назначено жалованье, было 13 (см. записку Балугьянскаго отъ 14 апрѣля 1826 г. въ дѣлѣ II отд. № 1, 1826 г., № 850). Въ этой запискѣ про денежные разсчеты съ ними приведено слѣдующее: „одинъ изъ нихъ (т. е. изъ корреспондентовъ) геттингенскій проф. Тибо утруждалъ въ 1821 г. просьбой блаженныя памяти Государя Императора о выдачѣ ему жалованья за прошедшія 15 лѣтъ; просьба сія не могла быть удовлетворена, потому что вся сумма на выдачу жалованья 13 корреспондентамъ за 15 лѣтъ простиралась бы до 80.000 р. и чтобы однимъ примѣромъ Тибо не подать поводъ къ требованіямъ всѣмъ прочимъ корреспондентамъ. Въ прошломъ году извѣстный ученостью своей геттингенскій профессоръ Гуго писалъ мнѣ, что онъ за прошедшее время ничего не требуетъ и что почелъ бы за милость, ежели бы ему въ будущее время Всемилостивѣйше пожалованное жалованье производимо было. Балугьянскій съ своей стороны поддерживалъ его просьбу, ибо осталось въ живыхъ только 3 корреспондента (кромѣ Тибо и Гуго—еще Фейербахъ), а, слѣдовательно, расходъ былъ бы и не такъ уже великъ, и потому что „Гуго и Тибо славные профессоры, извѣстные своими сочиненіями по праву римскому и гражданскому“. Но выдавать имъ жалованье за прошлое время и онъ не считалъ необходимымъ, „равно какъ и другимъ, или за смертію ихъ—наслѣдникамъ... потому что они въ трудахъ комиссіи не участвовали...“. Для указанныхъ трехъ корреспондентовъ онъ предлагаетъ назначить вмѣсто жалованья пенсію (въ томъ же размѣрѣ, 400 р. въ годъ), начавъ выдачу оной съ 1826 г. Но это представленіе Балугьянскаго не было утверждено.

Званіе корреспондента пріобрѣталось различно; первоначально ихъ избирала комиссія изъ числа славныхъ ученыхъ, или убѣдившись въ полезности даннаго лица, и избраннику выдавался дипломъ, для иностранцевъ—на латинскомъ языкѣ. Надъ сочиненіемъ текста этого диплома много трудились, что видно изъ оставшихся въ связкѣ № 451 корректуръ. Иногда самъ домогающійся званія заявлялъ ходатайство объ этомъ, представивъ „диссертацію“, такъ, напр., сдѣлалъ въ 1815 году Веттерштрандъ (мѣстный знатокъ балтійскаго права, см. журн. ком. 3-го марта и 31-го марта 1815 г. А. Г. С., связка № 246). Иногда самъ главноуправляющій комиссіей назначалъ корреспондентовъ своей властью,—такъ поступили съ Линде (см. цитир. дѣло № 308, 1822 г.); давалось это званіе и въ видѣ награды: такъ, напр., получилъ его Энгельгардтъ, предсѣдатель курляндскаго провинціальнаго комитета по составленію свода мѣстныхъ правъ (см. связку № 248, часть 2). Присланныя иностранными учеными рукописи хранятся въ А. Г. С., дѣла ком. сост. зак., связка № 451. Тамъ между прочимъ имѣются рукописи *Weber*, Bemerkungen zu d. Entwurf d. Kriminalgesetzbuches für d. Russische Reich (1816 г.), обширный манускриптъ *Lotz*, Entwurf e. allgemeinen Gerichts- und Processordnung; *Goeckingk*, Ueber die Organisa-

тотъ, который ожидали. Былъ бы сдѣланъ сводъ дѣйствующаго права, съ приблизительной вѣрностью выражавшій существующій правопорядокъ. О какомъ бы то ни было раціональномъ и осмысленномъ согласованіи его съ „вѣрой, климатомъ“ и пр. отдѣльныхъ мѣстностей не могло и рѣчи быть. Эта сторона работъ комиссіи совершенно стушевалась бы, ибо она не была никому подъ силу. Всѣ широкія обобщенія, съ такой щедростью расточаемыя въ рапортахъ комиссіи, при примѣненіи къ дѣйствительной работѣ обращались въ пустой звукъ,—что, впрочемъ, и неудивительно.

Но безплодная дѣятельность комиссіи не могла остаться незамѣченною. Къ концѣ 1808 г. для внесенія порядка въ нее и ближайшаго надзора за ней, туда былъ назначенъ Сперанскій, и съ этого момента начался новый періодъ ея существованія.

Первое засѣданіе присутствія комиссіи со Сперанскимъ состоялось 19-го ноября 1808 года [1]) и тогда же былъ намѣченъ рядъ преобразованій. Вмѣсто экспедицій были учреждены отдѣленія (числомъ шесть) и было рѣшено обрабатывать не всѣ части законовъ сразу, а одну за другой. Шестому отдѣленію уже прямо поручалось составленіе *свода* малороссійскихъ и польскихъ законовъ; прежняя программа комиссіи въ дѣлѣ собранія мѣстныхъ законовъ приводилась въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что можно было сдѣлать. Но успѣховъ отъ этого не оказалось никакихъ, ибо въ дѣйствительности все вниманіе было обращено на окончаніе общихъ для имперіи уложеній гражданскаго и уголовнаго, съ принадлежащими къ нимъ отдѣлами изъ судопроизводства. Къ этой работѣ былъ привлеченъ и Повстанскій; при распредѣленіи чиновниковъ по отдѣленіямъ онъ былъ переведенъ въ

---

tion d. Senats d. Russischen Reiches; его же, Darstellung d. Preussischen Justizorganisation; рукопись, озаглавленная „Brief d. H. *Gundelach* mit Anmerkungen über den 9 und 10 Titel des I Theiles d. preuss. Gesetzbuches“; Beiträge zur Erläuterung des Civilprocess, сочиненіе саксонскаго адвоката *Rousseau*; громадная тетрадь *Globig*, Grundriss zu einem neuen Gesetzbuch—она помѣчена полученною 15-го мая 1805 г., повидимому она впослѣдствіи была издана авторомъ въ печати подъ заглавіемъ „Hans Ernst *v. Globig*, System einer vollständigen Gesetzgebung, für die Kais. Russ. Gesetzekommission entworfen, II Aufl. 1815 и 1816; 3 тома (въ предисловіи сказано, что это переработка его проекта); тамъ же хранятся и разобранныя выше рукописи Фейербаха и Миттоли и кромѣ того нѣсколько мелкихъ Кирхейзена, Клейна и др., переписка съ Тибо и т. д.

[1]) См. обширный журналъ засѣданія 19-го ноября 1808 г.; подробности новаго устройства комиссіи, штатовъ и пр. см. у П. М. *Майкова*, *Журн. Мин. Юст.* 1905, ноябрь.

первое, которое вѣдало указанныя выше части уложенія, и хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значился начальникомъ шестого отдѣленія и въ качествѣ его помощника по этой части упоминается Анастасевичъ [1]), но на самомъ дѣлѣ мѣстными законами ему не пришлось заниматься [2]). За время послѣ 1809 г. самостоятельная дѣятельность комиссіи по собранію мѣстныхъ законовъ совершенно прекратилась. Это можно заключить, во-первыхъ, изъ того, что когда въ 1815 г. государственный секретарь запросилъ комиссію о произведенныхъ съ 1809 г. работахъ, то въ отвѣтѣ комиссіи нѣтъ ни слова о составленіи мѣстныхъ сводовъ. И далѣе, когда впослѣдствіи, уже при составленіи Свода Законовъ, въ тридцатыхъ годахъ стали разыскивать работы предшественниковъ, то оказалось, что „въ архивѣ II Отдѣленія не содержится никакихъ трудовъ по составленію Свода Законовъ Западныхъ губерній за все время съ 1809 по 1818 г., кромѣ нѣсколькихъ по частнымъ дѣламъ заключеній, требованныхъ отъ комиссіи, и замѣчаній на проектъ устава, составляемаго для Бѣлостокской области“ [3]).

Баронъ Александръ Нольде.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Штатъ 1809 г. помѣщонъ въ П. С. З. 7-го марта 1809 г. № 23525. Денежныя ассигнованія были сокращены до 79.000 р.

[2]) См., напр., дѣло 11-го апрѣля 1819 г. № 754 „о занятіяхъ на чиновниковъ комиссіи возлагаемыхъ“, изъ коего видно, что Анастасевичу было поручено составленіе главъ о наслѣдствѣ—изъ общаго уложенія и разныхъ реестровъ къ „систематическому своду“, т. е. опять-таки общихъ законовъ.

[3]) „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сост. Свода Зап. Зак.“—См., напр., журналъ 17-го мая 1821 г., когда комиссія давала заключенія по вопросу „объ отмѣнѣ конституціи 1726 г., запрещающей литовскимъ жителямъ пріобрѣтать отъ иностранцевъ облиговыя обязательства, или (8-го октября 1821 г.): „о прекращеніи дѣйствія межевыхъ судовъ надъ государственными имуществами въ Западныхъ губерніяхъ“. Эти заключенія составлялись *въ общемъ* тщательно и не плохо.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

I.

Въ англійской журналистикѣ яснѣе, чѣмъ гдѣ либо, проводится и сохраняется въ исторической преемственности разница между періодически выходящими сборниками „новостей дня“ политическаго и общественнаго характера и такими періодическими сборниками, въ которыхъ помѣщаются новости науки, искусства и литературы. Первые извѣстны у нихъ подъ общимъ названіемъ Newspapers, вторые—подъ названіемъ Periodicals, къ которымъ относятся разные виды Reviews, Magazines и т. д. Конечно, и въ періодической печати Англіи не можетъ быть вполнѣ строгаго и точнаго раздѣленія матеріала, отражающаго одну и ту же текущую жизнь, но англійскія Newspapers, по составу частей, гораздо меньше похожи на Reviews и Magazines, чѣмъ русскія „газеты“ на „журналы“.

Нѣтъ недостатка въ трудахъ, излагающихъ исторію англійской журналистики систематически [1]), но, по самому свойству предмета,

[1]) Въ 1850 г. Frederick Knight Hunt, одинъ изъ помощниковъ Диккенса въ редактированіи газеты Daily News, а потомъ и главный редакторъ ея, выпустилъ книгу въ двухъ томахъ: The Fourth Estate: Contributions towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press. London (главы II — V перваго тома посвящены журналистикѣ XVII вѣка). Гэнтъ самъ скромно говорилъ о своемъ трудѣ, что онъ составлялся отрывочно, въ свободные получасы; но, несмотря на это, его книга—серьезное сочиненіе, написанное съ любовью и воодушевленіемъ. Почти не имѣя предшественниковъ, Гэнтъ не гнался за библіографической полнотой и деталями. Для него исторія англійской прессы—исторія свободы мысли и печатнаго слова. Онъ слишкомъ расширяетъ свою задачу, давая картины настроенія умовъ при помощи длинныхъ выдержекъ изъ современныхъ документовъ: писемъ, воспоминаній, комедій и т. д. Съ другой стороны, вслѣдствіе громадности темы онъ не могъ

всегда будетъ оставаться для новыхъ изслѣдователей безчисленное множество темъ, требующихъ болѣе детальной разработки. Что слѣдуетъ считать началомъ англійской газеты? Каково отношеніе первыхъ газетъ къ иностраннымъ источникамъ? Какова историческая

самостоятельнымъ изученіемъ прибавить новое къ характеристикамъ и біографіямъ журналистовъ.

Alexander Andrews, у котораго было уже собрано немало матеріаловъ для подобнаго же труда, когда Гэнтъ опубликовалъ свою работу, напечаталъ свое сочиненіе въ 1859 г.: The History of British Journalism, from the Foundation of the Newspaper Press in England, to the Repeal of the Stamp Act in 1855 with Sketches of Press Celebrities. Въ главахъ II — VII перваго тома, разсказывая исторію англійской журналистики XVII вѣка, Андрьюсъ ограничилъ себя сравнительно съ Гэнтомъ въ томъ отношеніи, что касался трактатовъ политическихъ, эстетическихъ и т. д., лишь по скольку это было неизбѣжно нужно для исторіи періодической печати. Зато съ тѣмъ большими подробностями библіографическими онъ излагаетъ исторію собственно журнализма, иногда повторяя то, что уже сказано было Гэнтомъ, но чаще дополняя его своими матеріалами или придавая изложенію больше системы.

James Grant, въ своей трехтомной обработкѣ той же темы: The Newspaper Press: Its Origin- Progress--and present Position, 1871—1872 (томъ третій носитъ особое названіе: The Metropolitan Weekly and Provincial Press), не придалъ ничего новаго къ изслѣдованіямъ своихъ предшественниковъ въ тѣхъ главахъ (I — IV перваго тома), гдѣ онъ говоритъ о первомъ столѣтіи англійской прессы. Болѣе заботясь о популярности, чѣмъ о научности изложенія, Грэнтъ слишкомъ поспѣшно рѣшаетъ вопросы, для которыхъ у него нѣтъ никакихъ данныхъ. Но какъ легко читаемая, книга его имѣла успѣхъ.

Въ 1873 г. была сдѣлана изъ двухъ первыхъ томомъ Грэнта небольшая книга на нѣмецкомъ языкѣ: Geschichte der englischen Presse. Nach J. Grant's Newspaper Press frei bearbeitet von Julius Duboc, Dr. Phil., Hannover.

По Grant'у главнымъ образомъ составилъ бойко написанную книжку Charles Pebody: English Journalism, and the men who have made it. London. 1882 (Cassell's Popular Shilling Library).

Трудъ H. R. Fox Bourne: English Newspapers. Chapters in the History of Journalism. London. 1887 (въ двухъ томахъ) имѣетъ серьезное значеніе. Сознавая, что полная исторія англійской журналистики заняла бы многіе томы и нашла бы мало читателей, Фоксъ Борнъ излагаетъ предметъ очень сжато. Быть можетъ, это вредитъ легкости чтенія, но онъ самостоятельно пересмотрѣлъ матеріалы и сумѣлъ заполнить нѣкоторые пробѣлы у предшественниковъ и исправить нѣкоторыя ихъ ошибки, что можно сказать и относительно древнѣйшаго періода въ его изложеніи (глава I—III перваго тома). Главная цѣль сочиненія Фоксъ Борна — показать связь журналистики съ политической и литературной исторіей Англіи.

На французскомъ языкѣ есть хорошо написанная популярная книга M. Cucheval Clarigny: Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis. Paris. 1857 (въ двухъ частяхъ). Разсказывая въ общихъ чертахъ исторію англійской журналистики, составитель пользовался Hunt'омъ.

цѣнность матеріаловъ, содержащихся въ газетахъ времени междоусобной войны? Какъ начались и развивались періодическія изданія, которыя въ широкомъ смыслѣ слова можно назвать литературными? Одни эти вопросы въ исторіи англійской прессы XVII вѣка потребовали бы, для полнаго ихъ выясненія, немало труда отъ изслѣдователей. У насъ есть своя частная задача — болѣе детально изучить возникновеніе и начальное развитіе литературныхъ періодическихъ изданій въ Англіи. Но для этого необходимо предпослать очеркъ развитія политической англійской газеты въ XVII вѣкѣ.

Что нужно считать началомъ англійской газеты? Теперь уже оставлены попытки перебросить мостъ къ англійскимъ Newspapers, съ одной стороны, отъ тѣхъ рукописныхъ офиціальныхъ извѣстій, которыя выпускались римскими магистратами подъ названіемъ Acta diurna [1]); съ другой, отъ рукописныхъ листковъ съ новостями, которые подъ именемъ Gazetta выставлялись для публики въ Венеціи во время войны съ турками съ первой половины XVI вѣка. Самыя названія Journal (отъ латинскаго diurnus) и Gazette (вѣроятно, отъ gazetta— названіе мелкой венеціанской монеты, которой оплачивалось чтеніе) вошли въ употребленіе въ англійской періодической печати значительно позже ея начала [2]). Тѣ печатныя брошюры, съ которыхъ она дѣйствительно началась, на лицевой сторонѣ носили названіе News или, по тогдашнему правописанію, Newes — Новости.

Во всѣхъ странахъ обычай мѣняться новостями въ письмахъ предшествовалъ печатнымъ газетамъ. И въ Англіи Newsletters предшествовали Newspapers. Конечно, всѣхъ частныхъ корреспондентовъ

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ крупнаго и цѣльнаго сочиненія по исторіи англійской періодической печати ни переводнаго, ни самостоятельнаго. Небольшая статья С. Шашкова, написанная въ 70-хъ годахъ, по случаю выхода сочиненія J. Grant'a, грѣшитъ многими ошибками: „Газетная пресса въ Англіи" (Собр. соч. Шашкова, т. II, Спб. 1898 г.). Гораздо большею точностью отличается интересно составленный популярный „Очеркъ исторіи развитія періодической печати въ Англіи" Э. Пименовой въ сборникѣ статей, изданномъ редакціей журн. „Образованіе": „Періодическая печать на Западѣ". Спб. 1904 г.

[1]) Свѣдѣнія объ этой „ежедневной хроникѣ" собралъ Dr. Johnson, съ цѣлью показать ихъ сходство съ газетой новаго времени: The Gentleman's Magazine, vol. X, 1740 (Preface). Теперь доказано, что образцы такой римской газеты II—I вѣка до Р. Хр., которые часто приводились въ очеркахъ развитія періодической печати, есть подделка XVI вѣка. Ср. статью А. Малеина: Газеты у древнихъ римлянъ. Спб. 1893 г. Изд. жур. „Библіографъ".

[2]) Oxford Gazette съ 1665 г, The Weekly Journal съ 1716 г.

нельзя назвать предшественниками журналистовъ. Только тѣ изъ нихъ, которые дѣлали себѣ изъ этого профессію, собирая новости политическаго и общественнаго характера и болѣе или менѣе правильно пересылая ихъ лицамъ заинтересованнымъ, напримѣръ, государственнымъ людямъ, духовнымъ лицамъ, купцамъ и т. д., имѣютъ право на такое названіе. Обычай пересылать Newsletters сохранялся въ Англіи долго послѣ начала періодической печати и являлся естественнымъ дополненіемъ къ ней въ такія времена, когда газета, по цензурнымъ соображеніямъ тѣхъ или иныхъ людей, руководившихъ политикой, не могла сообщать всѣ новости [1]).

Собственно газета начинается тогда, когда подобные рукописные сборники новостей общественно-политическаго характера поступаютъ въ печать, и печатные листки или тетрадки съ новостями (newspapers) дѣлаются доступными многимъ. Вторымъ необходимымъ признакомъ газеты является то, что эти листки или тетрадки выходятъ черезъ извѣстные промежутки времени и связаны однимъ заглавіемъ и общей нумераціей.

У англичанъ, столь гордыхъ своей періодической печатью и той могущественной ролью, которую она играла въ ихъ исторіи, издавна существовало патріотическое стремленіе доказать, что ихъ страна была родиной газеты. Одинъ изъ первыхъ историковъ англійскаго журнализма Джорджъ Чальмерсъ въ концѣ XVIII вѣка заявлялъ: „Наша національная гордость можетъ быть удовлетворена, если мы скажемъ, что человѣчество обязано мудрости Елизаветы и благоразумію Бэрлея за первую газету. Эпоха испанской Армады есть также эпоха настоящей газеты (the epoch of a genuine newspaper)“ [2]). Говоря это, Чальмерсъ имѣлъ въ виду тѣ листки, частью рукописные, частью печатные, которые подъ заглавіемъ „Англійскій Меркурій“ съ датой 1588 г. хранятся теперь въ библіотекѣ Британскаго Музея [3]).

[1]) У Hunt'a, vol. I, pp. 21—29, и у Andrews'a, vol I, pp. 14—18, собраны свѣдѣнія о такихъ news writers или news correspondents въ XVI—XVIII вѣкѣ. Въ Британскомъ Музеѣ, въ коллекціяхъ манускриптовъ Harleian'a и Sloane, есть подлинники newsletters XVII вѣка. См. также Historical Manuscripts Commission. Twelfth Report, Appendix, Part VII. Здѣсь напечатаны newsletters конца XVII вѣка.

[2]) George Chalmers: The Life of Thomas Ruddiman. London. 1794 (p. 106). Andrews (I, 19—20) приводитъ списокъ изданій, преимущественно энциклопедическихъ словарей, которыя усвоили себѣ это мнѣніе.

[3]) English Mercurie находится въ Dr. Birch's collection, подъ № 4106; онъ состоитъ изъ семи номеровъ, изъ которыхъ три печатныхъ и четыре рукописныхъ.

Но въ 1839 г. Т. Уотсъ съ неопровержимой убѣдительностью доказалъ, что листки „Англійскаго Меркурія“ не подлинная газета конца XVI вѣка, какъ вслѣдъ за Дж. Чальмерсомъ, этимъ добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ, приняли ихъ многіе другіе, а подделка, не совсѣмъ искусная, которую по шрифту и бумагѣ можно отнести ко второй половинѣ XVIII вѣка [1]).

Такъ пало заблужденіе, питаемое патріотическимъ чувствомъ. Теперь принято считать 1622 годъ началомъ англійской періодической печати, такъ какъ изъ сохранившихся остатковъ древнѣйшихъ англійскихъ повременныхъ изданій ни одно не восходитъ дальше этого времени. Періодическіе сборники „новостей дня“ въ Германіи извѣстны съ 1615 г.—„Франкфуртскій Журналъ“ (Frankfurter Journal), а въ Голландіи съ 1616 г.—„Антверпенскія Новости“ (Antwerp Nieuwe Tijdinghen). Слѣдовательно, англійскія газеты не могутъ считаться первыми по времени въ Европѣ [2]). Въ сообщеніи новостей политическаго и общественнаго характера онѣ не были самостоятельны, повторяли въ переводѣ то, что печатали иностранныя газеты, главнымъ образомъ голландскія, хотя до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ взаимное отношеніе первыхъ и вторыхъ.

Когда нѣкоторые лондонскіе книгоиздатели стали выпускать съ 1622 г. еженедѣльные сборники новостей, важной особенностью ихъ было то, что они выходили періодически. Съ послѣдней четверти XVI вѣка въ Англіи были уже извѣстны подобные сборники „Новостей“ изъ разныхъ странъ, но они выходили случайно, безъ опредѣленнаго плана, по мѣрѣ накопленія матеріала, небольшими брошюрами [3]). Зачатки будущей газеты можно видѣть въ письмахъ профес-

---

[1]) Thomas Watts. A Letter to Antonio Panizzi, Esq., Keeper of the printed books in the British Museum, of the reputed earliest printed Newspaper, „The English Mercurie, 1588“. London. 1839. Исаакъ Дизраели, который самъ сначала поддался заблужденію Дж. Чальмерса въ своей статьѣ „Происхожденіе газетъ“, послѣ брошюры Т. Уотса высказалъ предположеніе, что эта поддѣлка была jeu d'esprit какого-нибудь любителя историческихъ древностей. I. Disraeli: Curiosities of Literature, 12th ed., 1841. Preface, IX.

[2]) См. статью: Newspapers (by Edward Edwards and Whitelaw Reid) въ Encyclopaedia Britannica, 9-th ed.

[3]) Andrews приводитъ (I, 26—7) списокъ названій древнѣйшихъ (1579—1620 гг.) брошюръ-сборниковъ новостей, большинство которыхъ въ существующихъ коллекціяхъ не сохранилось. Въ Брит. Музеѣ старѣйшій въ такомъ родѣ сборникъ находится въ Burney's collection. Это брошюра въ 28 страницъ, на заглавномъ листѣ которой значится. Newes out of Holland: Printed by T. S. for Nathanael Newbery. 1619.

сіональныхъ корреспондентовъ и въ печатныхъ сатирическихъ балладахъ, появлявшихся на злобу дня[1]). Оставалось прійти къ мысли печатать подобный матеріалъ періодически, подъ однимъ заглавіемъ, съ общей нумераціей. Послѣдніе признаки приложимы къ „Еженедѣльнымъ Новостямъ", которыя стали выходить въ Лондонѣ съ 1622 г., и отдѣльные номера которыхъ находятся теперь въ Британскомъ Музеѣ въ коллекціи газетъ Бэрнея[2]). Правда, заглавіе ихъ за время существованія до 1640 г. мѣнялось, нумерація велась не вполнѣ правильно[3]), издателями были разныя лица, извѣстія брались изъ иностранныхъ, главнымъ образомъ голландскихъ источниковъ[4]). Все же „Еженедѣльныя Новости" 1622 г. могутъ считаться началомъ англійской газеты, а главный ихъ издатель Натаніель Бэттеръ (ум. въ 1664 г.) если не первымъ англійскимъ журналистомъ, то первымъ

---

[1]) О такихъ балладахъ-сатирахъ на злобу дня второй половины XVI столѣтія говоритъ авторъ рукописной статьи, представляющей первую попытку историческаго очерка англійской газеты. Статья хранится въ Брит. Музеѣ, Harleian Miscellany, Codex 5910, vol. I, Part 5. Источникомъ свѣдѣній о древнѣйшихъ балладахъ и памфлетахъ на новости дня служатъ счетоводныя книги компаніи лондонскихъ книгопродавцевъ, опубликованныя въ последнее время Арберомъ: A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London; 1544—1640 A. D. By Ed. Arber. 5 Vols. London. 1875—1894.

[2]) Эта библіографическая драгоцѣнность включена въ первые шесть томовъ Burney's collection. Газетамъ въ первомъ и второмъ томѣ предшествуютъ парламентскія рѣчи, королевскія прокламаціи и нѣкоторые сборники новостей начала XVII в.

[3]) Первый сохранившійся номеръ этой серіи—„Еженедѣльныя Новости" отъ 23 мая 1622 г.: The Weekely News from Italy, Germanie, Hungaria, Bohemia, the Palatinate, France, and the Low Countries. Translated out of the Low Dutch Copie. London, Printed by J. D. for Nicholas Bourne and Thomas Archer. Имя Н. Боттера, какъ издателя, впервые встрѣчается на номерѣ отъ 25 сентября 1622 г.: Newes from most parts of Christendome. Especially from Rome, Italy, Spaine, France, the Palatinate, the Low Countries, and divers other places. London. Printed for Nathaniel Butter, and William Sheffard. Нумерацію онъ началъ вести съ октября 1622 г., насколько можно судить по оставшимся немногимъ разрозненнымъ номерамъ. Но и подъ общей нумераціей заглавія мѣнялись; напр.: Numb. 31. The Newes of this present Weeke. Numb. 32. The last Newes, etc.

[4]) Что первыя англійскія газеты переводились съ голландскаго, на это часто дѣлалось указаніе на заглавномъ листѣ; но у издателей были и другіе источники. Numb. 46 начинается слѣдующимъ образомъ: Whereas hitherto I have published for the Readers satisfaction divers letters both written and printed in the Dutch Tongue... I have now lighted upon other Letters, and other Authors, some in Latine, some in Spanish, and most in Italian... (More Newes from Europe... Printed for Nathaniel Butter and Thomes Archer. 1623).

предпринимателемъ, который систематически занялся газетнымъ дѣломъ [1]).

Первая англійская газета не имѣла ничего общаго съ литературой, а смышленаго книгоиздателя Н. Бэттера не за что назвать литераторомъ. Современные ему писатели, какъ, напримѣръ, Бенъ Джонсонъ, смѣялись надъ газетнымъ „складомъ новостей“ и надъ довѣрчивостью публики къ той лжи, которая изъ него распространялась [2]). Можно сказать, что вплоть до начала междоусобной войны газета въ Англіи не имѣла серьезнаго общественнаго значенія. Она была частнымъ предпріятіемъ, слабо организованнымъ. Изъ боязни властей, она не занималась обсужденіемъ политическихъ событій и избѣгала говорить о домашнихъ дѣлахъ. Она удовлетворяла лишь любопытству читателей и не пользовалась ни вліяніемъ, ни уваженіемъ.

Когда началась борьба парламента съ короной, газета сдѣлалась оружіемъ въ рукахъ обѣихъ партій—круглоголовыхъ и кавалеровъ. Долгій парламентъ не только сталъ издавать отчеты о своихъ засѣданіяхъ [3]), но заботился о томъ, чтобы черезъ періодическую печать противодѣйствовать вліянію короля [4]). Король не имѣлъ недостатка въ людяхъ, которые перомъ поддерживали его дѣло, особенно среди ученыхъ Оксфордскаго университета. Главныя квартиры двухъ враждебныхъ армій, республиканской и королевской, возили съ собой печатные станки. Каждая изъ борющихся сторонъ выпускала печатныя брошюры съ обзоромъ событій за истекшую недѣлю, освѣщая ихъ съ точки зрѣнія своихъ политическихъ и религіозныхъ идеаловъ. Обычное заглавіе этихъ враждующихъ еженедѣльныхъ газетъ, за двадцатилѣтній періодъ междоусобной войны, было „Меркурій“, при чемъ для отличія прибавлялись различныя прилагательныя: Меркурій Британскій, Меркурій Свѣдущій, Меркурій Политическій, Меркурій Придворный, Меркурій Обличительный, Меркурій Общественный, Меркурій

---

[1]) Весьма вѣроятно предположеніе Сиднея Ли, что Бэттеръ не только собиралъ новости, но и самъ излагалъ ихъ въ формѣ писемъ, будто бы полученныхъ отъ иностранныхъ корреспондентовъ. См. статью: Butter Nathaniel, въ Dictionary of National Biography, ed. by Leslie Stephen and Sidney Lee.

[2]) Въ комедіи Бена Джонсона The Staple of News, поставленной на сцену въ 1625 г., есть ясный намекъ на Натаніеля Бэттера (I актъ, 2 сц.).

[3]) Отчеты эти назывались: The Diurnall Occurrences, or Dayly Proceedings of both Houses, in this great and happy Parliament (съ 1641 г.).

[4]) Газета, издаваемая парламентомъ, называлась: The Kingdomes Weekly Intelligencer: sent abroad to prevent mis-information (съ 1643 г.).

Меланхолическій и т. д.[1]). Газеты эти дѣйствительно служили „вѣстниками", которые должны были разсказывать читателямъ о вновь происшедшихъ событіяхъ, убѣждая ихъ слѣдовать принципамъ народоправія и пуританства, или абсолютизма и епископальной церкви, смотря потому, изъ какой партіи онѣ исходили. И, какъ древній богъ ихъ имени, „Меркуріи" часто дѣйствовали воровски, неизвѣстно откуда появляясь, неизвѣстно кѣмъ издаваемые, преслѣдуемые противникомъ, похищая другъ у друга названія.

Люди, писавшіе для „Меркуріевъ", съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Н. Баттерь, могутъ быть названы журналистами. Марчемонтъ Недэмъ и Джорджъ Уайзеръ, стоявшіе на сторонѣ парламента, Джонъ Беркенгедъ, Питеръ Гейлинъ, Бруно Ривзъ, боровшіеся за короля, обладали и ученостью, и литературными способностями. У нихъ были политическія убѣжденія, что они доказывали своею жизнью, переживая несчастія своей партіи [2]). Поэтому „Меркуріи" періода междоусобной войны имѣютъ серьезное историческое значеніе, не только какъ почти подневная запись событій военныхъ и политиче-

---

[1]) Mercurius Britannicus, M. Pragmaticus, M. Politicus, M. Aulicus, M. Elencticus, M. Publicus, M. Melancholicus etc. Это названіе было естественнымъ для газеты, такъ какъ Меркуріемъ называли того, кто приносилъ новости, вѣстника, почтальона. (Ср. объясненіе слова Mercury у Webster: International Dictionary of the English Language, 1902). Повидимому, во Франціи „Меркурій" прежде всего сталъ употребляться въ смыслѣ періодическаго „Вѣстника". Въ Парижѣ послѣ 1610 г. вышла книга историческаго содержанія: Mercure François, ou la suitte de l'histoire de la paix, commençant l'an 1605... Такого рода историческихъ ежегодниковъ съ хронологическимъ обзоромъ событій вышло потомъ 25 т. Въ англійской періодической печати слово Mercurius, повидимому, впервые употреблено на одномъ изъ номеровъ „Еженедѣльныхъ Новостей" отъ 5 мая, 1625 г.: Numb. 20. The Continuation of our Weekly Newes... Printed by B. A. for Mercurius Britannicus. Въ междоусобную войну роялисты первые стали издавать въ Оксфордѣ съ января 1643 г.: Mercurius Aulicus, A Diurnall, communicating the intelligence, and affaires of the Court to the rest. of the Kingdome. Списокъ англійскихъ „Меркуріевъ" за это время можно составить лишь приблизительно, такъ какъ многіе изъ нихъ выходили очень безпорядочно. Ср. Nichols: Literary Anecdotes of the XVIII c. 1812, vol. IV, pp. 40—54. Andrews: The History of British Journalism, vol. I, pp. 38—41. Beljame: Le public et les hommes de lettres en Angleterre au XVIII s., 2-me éd., 1897, pp. 163—5.

[2]) Marchamont Nedham, 1620—1678. George Wither, 1588—1667. John Birkenhead, 1615—1670. Peter Heylin, 1600—1662. Bruno Ryves, 1596—1677. Изъ нихъ одинъ Nedham былъ измѣнчивъ. Отъ парламентской партіи онъ временно, по не вполнѣ яснымъ для насъ побужденіямъ, перешелъ на сторону короля; но потомъ опять возвратился къ парламенту.

скихъ, но какъ отраженіе мнѣній и настроеній борющихся партій. Для общей исторіи Англіи этого времени они хранятъ матеріалы, еще не вполнѣ использованные [1]).

Этотъ важный періодъ въ развитіи англійской политической газеты былъ неблагопріятенъ для возникновенія литературнаго журнала. Вся ученость, всѣ полемическія способности, все вдохновеніе уходило на борьбу, на защиту своихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній. „Меркуріи" нерѣдко содержали въ себѣ стихи, но это была не поэзія, а передовыя статьи въ стихахъ или краткое стихотворное изложеніе новостей, заключающихся въ номерѣ, для возбужденія интереса въ читателѣ.

Для примѣра приведу въ прозаическомъ переводѣ стихотвореніе, написанное вслѣдъ за казнью короля Карла I и напечатанное въ „Меркуріи Опытномъ", органѣ роялистовъ:

„Міръ теперь нашъ! Король мертвъ. „Святые" добились теперь всего. Слѣпой братъ можетъ вести слѣпую сестру и упасть въ высохшую канаву. Времена уже измѣняются къ лучшему. Каждый день новые акты. Теперь у насъ есть миръ и правда, какъ разъ навыворотъ".

„Упивайтесь, упивайтесь! Пейте кровью заздравные тосты! Нѣтъ ни Бога, ни дьявола. Что вы ни дѣлаете, удивительно хорошо, какъ бы ни было скверно. Брадшау теперь вашъ король, ваше евангеліе и вашъ законъ. Васъ уже нечему учить сорокѣ-проповѣднику".

„Короля Карла вы сдѣлали славнымъ. Народъ сдѣлался свободнымъ. Но какъ вы поступаете съ нимъ и съ нами, такъ чертъ поступитъ съ вами. Брадшау, берегись! Кромвель, будь увѣренъ, что

---

[1]) Главнымъ источникомъ для характеристики „Меркуріевъ" и ихъ авторовъ является сочиненіе по исторіи Оксфордскаго университета, написанное современникомъ междоусобной войны Anthony à Wood:—Athenae Oxonienses, an Exact History of all the Writers and Bishops who have had their education in the University of Oxford. (Новое изд. 1813—20 гг. въ 4 т.). Такъ какъ авторъ самъ былъ роялистъ, то оцѣнки его далеко не безпристрастны. Гэнтъ пытался ослабить впечатлѣніе отъ его злобныхъ нападокъ на журналистовъ парламентской партіи, особенно Nedham'a (Hunt, I, 103), но у него не было для этого никакихъ новыхъ матеріаловъ. Въ Dictionary of National Biography, очень цѣнномъ новомъ изданіи, на которое намъ приходится неоднократно ссылаться, біографіи всѣхъ названныхъ лицъ нашихъ новыхъ авторовъ, которые однако не задавались цѣлью глубже изучить ихъ журнальную дѣятельность. Исключеніе составляетъ статья проф. Firth'a о Nedham'ѣ, въ которой онъ извлекаетъ свѣжіе матеріалы непосредственно изъ журналовъ: Mercurius Britannicus, M. Pragmaticus, M. Politicus.

ты сидишь прочно! Ибо тысячи даютъ клятву, что этотъ годъ будетъ для васъ послѣднимъ".

„Никто не задираетъ меня безнаказанно" [1]).

Тонъ полемики въ то время вообще былъ грубъ, рѣзокъ, полонъ грязныхъ личныхъ разоблаченій. „Меркурій Врагъ-Меркуріевъ" очень не лестно характеризовалъ своихъ собратій по перу. Всю стаю газетныхъ лгуновъ (the whole bevy of New-lye-writers) онъ дѣлитъ на кавалеровъ и приверженцевъ парламента. Изъ первыхъ „Меркурій Опытный", по его словамъ, малый довольно остроумный, но у него

---

[1]) Перепечатываю это стихотвореніе съ соблюденіемъ современной ореографіи.

Mercurius Pragmaticus.

From Tuesday, January 30. to Tuesday, February 6. 1649.

The World's our own, the King is dead,
The saints have now gott all,
Blinde Brother may blinde Sister lead,
And in a Dry Ditch fall.
The times already mend, new Acts are ev'ry day,
Now we have Peace and Truth, the clean contrary way.
Quaffe on, Quaffe on, drink Healths in Blood,
There is no God nor Devill,
What ere you doe is wondrous good,
Let it be nere so Evill.
Bradshow is now your King, your Gospel and your Law,
You need not there be taught by any Preaching Daw.
King Charles you have made Glorious,
The People are made Free,
But as ye deal with Him and us,
Old Nick will deal with yee.
Bradshow beware, Cromwell be sure sit fast,
For thousands Vow, this yeer shall be your Last.
—Nemo me Impune Lacessit.

Подобнаго рода стихи на политическія темы можно найти въ „Меркуріяхъ" обоихъ лагерей: M. Aulicus, M. Britannicus, M. Elencticus, M. Publicus, M. Melancholicus etc. Впрочемъ, такъ какъ Оксфордскій университетъ былъ на сторонѣ короля, то у монархистовъ встрѣчается больше стиховъ. „Меркурій Поэтическій", сплошь написанный виршами политическаго содержанія, принадлежалъ къ этому лагерю: Mercurius Poeticus. Discovering the Treasons of a thing call'd Parliament, also giving perfect Intelligence, of all the most Remarcable undertakings from the Kingdome of Scotland, Pembrook Castle, and other Parts now in a Military posture, for the restoration of his Majesty, and the Lawes of the Kingdome. From Friday, May 5. to Friday May 13. 1648. Въ Брит. Музеѣ есть только одинъ этотъ номеръ.

больше остроумія, чѣмъ честности, и онъ самая большая каналья (Knave) изъ всей шайки. О большинствѣ другихъ, которыхъ не стоитъ разбирать по одиночкѣ, онъ отзывается такъ: „Всѣ они— пометъ человѣчества, геморой остроумія, горючій матеріалъ для ссоръ, жаровни ада или (какъ говоритъ американскій сапожникъ о модницахъ-женщинахъ)—гусиные потроха тщеславія, поросячьи ноги дряблости, болѣе годные на то, чтобы имъ дать пинка ногой, если бы они были изъ такого матеріала, которому можно дать пинка, чѣмъ на то, чтобы ихъ почитать или имъ потворствовать" [1]).

Всякій печаталъ что хотѣлъ. Но это было время не свободы печати, а хаоса печати. И монархисты, и республиканцы употребляли одинаковыя усилія, чтобы пресѣчь дѣйствіе опасныхъ для нихъ авторитета произведеній, но въ общей безурядицѣ междоусобной войны они были безсильны сдѣлать это. Цензура бездѣйствовала вслѣдствіе практической невозможности примѣнять ее къ дѣлу. На этомъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Предварительная систематическая цензура вырабатывалась католическимъ духовенствомъ съ начала XVI столѣтія, для противодѣйствія распространявшимся идеямъ реформаціи. Въ Англіи она начала было дѣйствовать, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ. Но когда Генрихъ VIII оторвалъ отъ Рима англійскую церковь и объявилъ самого себя ея главой, то естественно и цензорская власть перешла въ руки англійскаго короля и его епископовъ [2]). Подобно тому, какъ въ католическихъ странахъ іезуитскій орденъ охранялъ авторитетъ святой церкви и ея главы римскаго папы, такъ въ Англіи Звѣздная Палата, которая фактически была въ рукахъ епископовъ, охраняла

---

[1]) Mercurius Anti-mercurius, Communicating all Humours, Conditions, Forgeries and Lyes of Mydas-eard Newsmongers. Это не журналъ, а памфлетъ безъ даты. Сохранившійся въ Бодлеянской библіотекѣ въ Оксфордѣ экземпляръ переплетенъ вмѣстѣ съ газетами 1647—9 гг. въ коллекціи Гона. Привожу переведенное мѣсто съ соблюденіемъ ороографіи подлинника:

The are all the excrements of humanity, the hemrods of wit, the fire-brands of contention; the chafendishes of hell (or as the American Cobler speaks of fashion-loving women) the gyblets of vanity, the petti-toes of infirmity; fitter to be kickt, if they were of a kickable substance, than either honoured or humoured.

Въ Британскомъ Музеѣ сохранился, въ коллекціи Бэрнея, одинъ номеръ „Меркурія Врага-Меркуріевъ", защищавшаго парламентъ: Numb. 1. Mercurius Anti-Mercurius. Impartially Communicating Truth... Sept. 12—19. London. 1648.

[2]) Ср. очеркъ развитія цензуры въ Англіи во введеніи, которое Prof. J. Hales предпосылаетъ своему изданію: Milton. Areopagitica. Oxford. 1904.

авторитетъ англиканской церкви и ея главы короля [1]). Процессы Лейтона, Принна, Баствика, Бэртона, Лильборна показываютъ, какъ она дѣлала это при Карлѣ I. За сочиненіе и распространеніе книгъ, опасныхъ съ точки зрѣнія монархіи и англиканской церкви, виновныхъ, по приговору Звѣздной Палаты, подвергали очень высокому штрафу, били плетьми, выставляли къ позорному столбу, рвали имъ ноздри, клеймили щеки каленымъ желѣзомъ и сажали въ тюрьму. Даже скромный Бэттеръ со своими безобидными и безцвѣтными „Еженедѣльными Новостями" приходилъ въ отчаяніе отъ придирокъ королевскаго цензора и жаловался на него публикѣ въ 1640 году [2]).

Въ 1641 г., по настоянію парламента и съ согласія короля, Звѣздная Палата была упразднена. Но предварительная цензура, угнетавшая англійскую печать, отъ этого не пала, а лишь пришла въ временное бездѣйствіе. Сторонники народоправія и пресвитеріанства скоро увидѣли себя вынужденными, въ борьбѣ противъ монархіи и епископальной церкви, прибѣгнуть къ оружію, испытанному этими послѣдними. Въ 1643 г., когда уже началась междоусобная война, Долгій Парламентъ выпустилъ свое постановленіе объ упорядоченіи печати, которымъ имѣлъ въ виду защищать свои интересы такими же мѣрами, какими до тѣхъ поръ корона защищала свои. Парламентъ также назначалъ цензоровъ, ограничивалъ число типографій, устанавливалъ строгій надзоръ надъ ними, конфисковалъ безцензурныя изданія, подвергалъ авторовъ, державшихъ сторону короля, штрафамъ и тюремному заключенію. Даже Мильтонъ, написавшій въ 1644 г. въ своей „Ареопагитикѣ" самую краснорѣчивую защиту свободы слова, долженъ былъ послѣ казни короля исполнять цензорскія обязанности въ качествѣ секретаря республиканскаго парламента [3]). Однако несомнѣнно, что Долгій Парламентъ примѣнялъ менѣе суровыя наказанія къ враждебнымъ ему писателямъ, чѣмъ монархическое правительство Карла I къ людямъ, подрывавшимъ его авторитетъ своими сочине-

---

[1]) Цензурныя правила относительно печати формулированы Звѣздной Палатой декретомъ отъ 11 іюля 1637 г.: Decree of Starre-Chamber Concerning Printing.

[2]) The Continuation of the Forraine Occurrents for 5 weekes last past, containing many very remarcable Passages... January 11. 1640. Printed for Nathaniel Butter. Въ обращеніи къ читателю говорится, что прежній цензоръ (licencer) изъ партійнаго пристрастія часто не пропускалъ очевидной истины, а въ другихъ случаяхъ часто такъ перечеркивалъ и измѣнялъ, что издатели готовы были почти отказаться отъ печати.

[3]) D. Masson. The Life of John Milton. London. 1877. Vol. IV, pp. 324—335.

ніями. Да и трудно было парламенту уловлять своихъ враговъ въ это время политическаго раздвоенія Англіи.

Наступилъ 1660 годъ. Старыя традиціи одержали верхъ надъ новыми теченіями. Англійскій народъ, измученный продолжительными междоусобіями, неудовлетворенный республикой и протекторатомъ, молчаливо согласился на возвращеніе монархіи. Карлъ II вступилъ въ свои права, и парламентъ кавалеровъ озаботился тѣмъ, чтобы подавить послѣдніе остатки сопротивленія. На газеты, сообщающія политическія новости, обратили особое вниманіе. Мая 19-го 1662 г. прошелъ въ палатѣ лордовъ биль, устанавливающій правила цензуры [1]). Онъ представлялъ болѣе упорядоченный сводъ законодательныхъ мѣръ, которыя раньше примѣнялись въ отношеніи печати короною и пуританскимъ парламентомъ. Ново было въ царствованіе Карла II стремленіе правительства монополизировать періодическую печать.

Въ 1663 г. Роджеръ Лестрэнжъ (Roger L'Estrange), доказавшій въ прошедшую междоусобную войну на дѣлѣ свою преданность дѣлу короля и выступившій только что съ памфлетомъ о необходимости упорядоченія печати, получилъ патентъ на исключительное право писать, печатать и публиковать всякаго рода объявленія и извѣстія, имѣющія общественный характеръ [2]). Къ этому нужно прибавить, что Лестрэнжъ былъ тогда же назначенъ однимъ изъ цензоровъ, и что въ качествѣ таковаго онъ не только принималъ доносы о безцензурныхъ изданіяхъ, но и самъ присутствовалъ при обыскахъ типографій и арестахъ. Такимъ образомъ особенность положенія Лестрэнжа, созданная для него парламентомъ кавалеровъ, заключалась въ томъ, что въ его лицѣ, хотя и не надолго [3]), соединялись правительственный

---

[1]) An Act for preventing the frequent Abuses in printing seditious treasonable and unlicensed Bookes and Pamphlets, and for regulating of Printing and Printing Presses. The Statutes of the Realm. 14° Car. II. c. 33. Законъ этотъ былъ возобновленъ въ 1685 г.

[2]) По этому патенту Лестрэнжъ сталъ издавать, взамѣнъ прежнихъ офиціальныхъ изданій (The Kingdoms Intelligencer—по понедѣльникамъ и Mercurius Publicus—по четвергамъ), два новыхъ: 1) The Intelligencer; published for the Satisfaction and Information of the People. With Privilege—по понедѣльникамъ, съ 31-го августа 1663 г.; 2) The Newes, published for Satisfaction and Information of the People. With Privilege—по четвергамъ, съ 3 сентября 1663 г.

[3]) Скоро привилегія Лестрэнжа была нарушена тѣми, которые ее дали. Въ 1665 г. король и дворъ, изъ страха передъ чумою, переселились на время въ Оксфордъ, гдѣ для нихъ была основана новая офиціальная газета: The Oxford Gazette. Published by Authority—съ половины ноября 1665 г., выходившая два раза

журналистъ, цензоръ и полицейскій. Роль эту онъ выполнялъ охотно, такъ какъ былъ убѣжденъ, что королю и уполномоченнымъ имъ лицамъ принадлежитъ исключительное право руководить общественнымъ мнѣніемъ.

Но напрасно правительство Карла II, при помощи своихъ цензоровъ и шпіоновъ, угрозами штрафовъ, позорнаго столба, тюремныхъ заключеній и даже смертной казни [1]), старалось подавить всякую печатную оппозицію. Карлъ II (1660—1685) и Яковъ II (1685—1688) могли искусственными мѣрами задержать развитіе политической газеты, но не остановить его. Лестрэнжъ въ началѣ царствованія Карла II былъ убѣжденъ, что онъ даетъ для большой публики все, что ей нужно, если, въ качествѣ газетнаго монополиста, сообщаетъ ей, въ своемъ „Вѣстникѣ“ и „Новостяхъ“, краткій перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію парламента, и краткія извѣстія политическаго и общественнаго характера изъ жизни внутренней и внѣшней. Но и онъ скоро увидѣлъ, что правительство не можетъ держать всю прессу въ своихъ рукахъ, стараясь обезвреживать ее, какъ неизбѣжное зло. Въ Англіи уже назрѣвало общественное мнѣніе и его два основныхъ теченія, для обозначенія которыхъ съ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка входятъ въ употребленіе слова: тори (tory) и вигъ (whig). Самъ Лестрэнжъ съ 1681 года сталъ издавать газету „Наблюдатель“, въ которой обсуждались политическіе вопросы дня въ формѣ разговоровъ тори и вига [2]). У автора этихъ разговоровъ, которому платило королевское правительство, хотя въ это время онъ и не имѣлъ уже прежняго исключительнаго положенія, конечно, тори всегда одерживалъ верхъ надъ вигомъ. Но важно то, что даже такой горячій

въ недѣлю. Когда дворъ снова возвратился въ Лондонъ, туда перешла и новая газета, которая стала называться: The London Gazette. Published by Authority, съ № 24, февраля 1—5-го, 1666 г.

[1]) Типографъ John Twyn, арестованный при участіи Лестронжа въ 1663 г. за напечатаніе безъ цензуры памфлета, содержащаго между прочимъ ученіе, что право суда принадлежитъ не только правительственнымъ судьямъ, но и народу, былъ повѣшенъ и четвертованъ; члены его были выставлены у разныхъ воротъ города.

[2]) The Observator, in Question and Answer, съ 13-го апрѣля 1681 г., два раза въ недѣлю и чаще. Лестрэнжъ былъ крупной личностью. Andrews (I, 59—64) и особенно Fox Bourne (I, 32—39) строго осуждаютъ его за то, что онъ взялъ на себя роль монополиста періодической печати, но признаютъ его журнальныя способности. Статья Сидней Ли въ Dictionary of National Biography — L'Estrange, Sir Roger (1616—1704) интересна въ библіографическомъ отношеніи и какъ сводъ разнообразныхъ мнѣній объ этомъ самомъ выдающемся журналистѣ царствованія Карла II.

защитникъ королевскаго авторитета, какъ Лестрэнжъ, считавшій вреднымъ предоставлять обществу обсуждать политическіе вопросы, долженъ былъ въ своей газетѣ завести такого рода пренія. Со стороны технической за его „Наблюдателемъ“ слѣдуетъ признать заслуги въ развитіи англійской газеты. Медленно, но замѣтно газета изъ безличнаго сборника новостей, чѣмъ она только и была въ Англіи въ первой половинѣ XVII вѣка, превращается къ началу XVIII вѣка въ орудіе политическихъ партій.

Въ царствованіе Вильгельма III Оранскаго (1688—1702) произошло важное измѣненіе въ положеніи англійской печати, благодаря фактическому уничтоженію предварительной цензуры въ 1695 г. Маколей въ своей „Исторіи Англіи“ [1]) впервые обратилъ должное вниманіе на фактъ отмѣны предварительной цензуры, который, по его мнѣнію, способствовалъ больше дѣлу свободы и цивилизаціи Англіи, чѣмъ старая „Великая хартія“ или „Биль о правахъ“, представленный парламентомъ Вильгельму III при восшествіи его на престолъ. Дѣло въ томъ, что послѣ революціи 1688 г., смѣнившей Стюартовъ династіей Ганноверской, цензорская должность не была уничтожена. Новое правительство, въ которомъ руководство принадлежало вигамъ, лишь перемѣнило цензора, поставивъ своего сторонника Джемса Фрэзера [2]). Еще около семи лѣтъ оставался въ силѣ старый цензурный порядокъ. Цехъ книгопродавцевъ (Company of Stationers) долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ вновь печатаемыя книги, брошюры и газеты заносились въ цеховыя книги съ именами издателей; тайныя типографіи подлежали обыску уполномоченныхъ на то лицъ, а изданія ихъ конфисковались; иностранныя печатныя изданія не пропускались таможней, пока ихъ не просмотритъ цензоръ. Однако, новому правительству незачѣмъ было такъ бояться свободы печати, какъ прежнему. Стали говорить о стѣснительности предварительной цензуры для книжной торговли. Когда въ 1695 г. была назначена коммисія для пересмотра нѣкоторыхъ временныхъ законовъ, слѣдуетъ ли ихъ продолжить или прекратить, то такой вопросъ былъ поставленъ и относительно закона о предварительной цензурѣ—Licensing Act [3]). Коммисія высказалась за уничтоженіе послѣдняго, и нижняя палата согласилась

[1]) Macaulay, The History of England, Ch. XIX, XXI.

[2]) James Fraser. Послѣднимъ цензоромъ былъ Edmund Bohun, назначенный въ 1692 г.

[3]) Полное названіе этого закона см. выше стр. 311, прим. 1: An Act for preventing the frequent Abuses in printig...

съ этимъ мнѣніемъ, но верхняя считала нужнымъ контроль цензора надъ печатью. Однако, нижняя палата продолжала настаивать на мнѣніи комиссіи, и старый законъ о предварительной цензурѣ не былъ возобновленъ. Съ этихъ поръ, какъ говоритъ Маколей: „англійская литература была освобождена и освобождена навсегда отъ контроля правительства“ [1]).

Уничтоженіе предварительной цензуры, конечно, не обозначало, что король и парламентъ навсегда отказались отъ мысли, если не держать въ своихъ рукахъ, то по крайней мѣрѣ сдерживать печать угрозами суда. Правда, дальнѣйшія попытки воскресить Licensing Act не имѣли никакого успѣха [2]), но литературные процессы того времени показываютъ, что и парламентъ виговъ, и особенно парламентъ торіевъ въ слѣдующее царствованіе Анны готовы были сурово карать писателей и журналистовъ, которые мѣшались въ ихъ дѣла [3]). Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи извѣстный процессъ Даніеля Дефо, который, за свой памфлетъ „Какъ скорѣе всего раздѣлаться съ диссентерами“ [4]), былъ обвиненъ въ томъ, что онъ написалъ пасквиль на англиканскую церковь. Нижняя палата постановила брошюру сжечь, автора предать суду. По рѣшенію суда (1703 г.), Дефо долженъ былъ уплатить 200 марокъ штрафу, три раза стоять у позорнаго столба (pillory), просидѣть въ тюрьмѣ, „сколько угодно будетъ королевѣ“, и представить поручительство, что онъ будетъ „хорошо вести себя“ (good behaviour) въ теченіе семи лѣтъ.

Какъ ни строга бываетъ карательная цензура, все же она не такъ тормозитъ развитіе періодической печати, какъ цензура предварительная. Съ уничтоженіемъ послѣдней англійская пресса начинаетъ быстро расти количественно и совершенствоваться качественно. Въ царствованіе Вильгельма III появляются десятки новыхъ газетъ [5]). Размѣръ газетнаго листка дѣлается больше, печать отчетливѣе и убористѣе. Упорядоченіе государственной почты позволяло правильно

---

[1]) Мнѣніе Маколея отразилось въ новыхъ сочиненіяхъ, указанныхъ выше: Beljame, p. 264; Fox Bourne, I, pp. 52—3; Hales, Introduction, p. XL.

[2]) Такая попытка была сдѣлана въ 1697 г.

[3]) О процессахъ Dyer'а въ 1694 г., J. Salisbury въ 1697 г., J. Tutchin'а въ 1704 г. см. Fox Bourne. I, 58—62.

[4]) The Shortest Way with the Dissenters, 1702.

[5]) Въ хронологическомъ спискѣ англійской прессы, составленномъ Никольсомъ, съ 1695 г. по 1702 г. значится 41 названіе газетъ и другихъ періодическихъ изданій. J. Nichols.—Literary Anecdotes of the 18-th Century. Vol. IV. 1812.

разсылать изъ Лондона періодическія изданія нѣсколько разъ въ недѣлю. Самое слово „Почта" теперь такъ же часто стало употребляться въ заглавіяхъ газетъ, какъ въ эпоху междоусобной войны названіе „Меркурій". Почти одновременно появляются „Летучая Почта", „Маленькій Почтальонъ", „Почтальонъ", „Лондонская Почта", „Иностранная Почта" и др. [1]). Газеты дѣлаются болѣе содержательными и интересными. Цѣлый рядъ ихъ уже не ограничивается сообщеніемъ новостей, но обсуждаетъ событія съ точки зрѣнія виговъ или торіевъ.

Джонъ Тэтчинъ въ своемъ „Наблюдателѣ" (съ 1702 г.) [2]) усвоилъ діалогическую форму прежней газеты того же названія, которую издавалъ Лестранжъ. Но здѣсь редакторъ, взявшій на себя роль наблюдателя современной жизни, такъ горячо полемизировалъ съ торіями, обсуждая вопросы политическіе и общественные въ разговорѣ съ деревенскимъ жителемъ (Countryman), что сдѣлался жертвой суда и личной расправы.

Большимъ шагомъ впередъ въ развитіи англійской журналистики было „Обозрѣніе" Даніеля Дефо, о которомъ біографъ автора „Робинзона Крузо" сказалъ, что это самое великое, что онъ сдѣлалъ, не только по объему, но, быть можетъ, и по важности значенія [3]). Начавъ газету въ тюрьмѣ, куда его посадили за памфлетъ, осмѣивавшій преслѣдователей сектантовъ-диссентеровъ, Дефо продолжалъ свое изданіе послѣ выхода на свободу, давъ читателямъ въ теченіе девяти лѣтъ (1704—1713 гг.) болѣе 5.000 печатныхъ страницъ, написанныхъ почти исключительно имъ самимъ [4]). Ему пришлось прослѣдить значительную часть войны, которую Англія вела противъ Людовика XIV; онъ самъ былъ дѣятельнымъ агентомъ правительства по

---

[1]) The Flying Post, The Post Boy, The Post Man —всѣ съ 1695 г. The London Post, The Foreign Post—съ 1697.

[2]) The Observator выходилъ разъ въ недѣлю, потомъ дважды, листками in folio, начиная съ 1 апрѣля 1702 г.

[3]) William Lee.—Daniel Defoe: His Life, and recently discovered writings. Vol. I, 1869, p. 84.

[4]) Въ библіотекѣ Британ. Музея находится единственный полный экземпляръ этого изданія въ восьми переплетенныхъ томахъ. Первый номеръ перваго тома носитъ заглавіе: A Weekly Review of the Affairs of France: Purg'd from the Errors and Partiality of News-Writers and Petty—Statesmen, of all Sides. Saturday, Feb. 19. 1704. Съ третьяго тома и до конца газета называется: A Review of the State of the English Nation. Сначала „Обозрѣніе" выходило разъ въ недѣлю, потомъ дважды, трижды и, наконецъ, пять разъ вмѣстѣ съ приложеніемъ. Послѣдній номеръ отъ 11 іюня 1713 г.

возсоединенію Шотландіи съ Англіей (1706—1711 гг.). Обо всемъ этомъ и о многихъ другихъ предметахъ и вопросахъ политики внѣшней и внутренней Дефо писалъ не такъ, какъ первые журналисты, которые ограничивались сообщеніемъ новостей въ формѣ, похожей на наши телеграммы. Онъ далеко оставилъ за собой и газетныхъ полемистовъ-хроникеровъ эпохи междоусобной войны, и такихъ партійныхъ „наблюдателей“, какъ Лестрэнжъ и его подражатели, которые пользовались формой діалога для собесѣдованія съ публикой на политическія темы. Дефо можно назвать первымъ англійскимъ журналистомъ въ нашемъ смыслѣ слова, поскольку вообще можно говорить о „первенствѣ“ въ такой области, гдѣ все непрерывно течетъ и складывается изъ разнообразныхъ элементовъ предыдущаго [1]). Онъ началъ свою литературную дѣятельность памфлетами, а подъ конецъ ея сталъ писать романы. Его разнообразныя способности отразились на журнальныхъ работахъ, которыя всегда были его истинной профессіей [2]). Какъ ни измѣнчивъ былъ Дефо въ служеніи своимъ перомъ разнымъ политическимъ партіямъ и разнымъ вліятельнымъ лицамъ, стоявшимъ у власти; какъ ни справедливо историкъ журнализма можетъ негодовать за это на знаменитаго автора [3]), его „Обозрѣніе“ останется важнымъ звеномъ въ развитіи англійской прессы. Въ XVII в. тотъ, кто хотѣлъ дѣйствовать на умы читателей сложными доводами, скорѣе брался за памфлетъ, чѣмъ за газету, такъ какъ газета и по размѣрамъ своимъ въ то время не могла бы вмѣстить большой статьи [4]). Въ авторѣ

---

[1]) Дефо упрекали въ томъ, что онъ подражаетъ изданію Harry Care: Weekly Packet of Advice from Rome (1678—1683). Это былъ рядъ статей, излагавшихъ исторію папства для предостереженія протестантовъ. Дефо отвѣчалъ обвинителямъ, что важно не намѣреніе, а исполненіе (Introduction въ сентябрьскомъ приложеніи—A Supplemantary Journal, 1704).

[2]) Дефо (1661—1731) началъ писать политическіе памфлеты, повидимому, въ концѣ царствованія Карла II. Несомнѣнно авторство его памфлетовъ, которыми онъ поддерживалъ Вильгельма III. Расцвѣтъ журнальной дѣятельности относится къ царствованію Анны. Послѣ смерти Анны (1714 г.) Дефо занялся романами. „Робинзонъ Крузо“ выпущенъ въ 1719 г. Но потомъ до конца жизни онъ тайно работалъ въ газетахъ торіевъ, служа, какъ онъ увѣрялъ, дѣлу виговъ.

[3]) Въ нашей литературѣ особенно рѣзко обрушился на „великаго лжеца“ В. Лесевичъ: „Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писатель и общественный дѣятель („Русское Богатство“ за 1893 г., кн. 5, 7, 8). Сочиненіе, которому В. Лесевичъ главнымъ образомъ слѣдовалъ, написано въ болѣе спокойномъ тонѣ: W. Minto—Daniel Defoe. 1887 (English Men of Letters).

[4]) Въ нашу задачу не входило изученіе литературы англійскихъ памфлетовъ XVII в. Само по себѣ это было бы очень большой работой. Въ Британск. Музеѣ находится

„Обозрѣнія“ памфлетистъ соединился съ повѣствователемъ. Въ своей газетѣ онъ развертывалъ передъ читателями современную исторію, привычной рукой разбирая новости и толкуя ихъ смыслъ при помощи историческихъ сочиненій, которыя онъ нарочито для этого изучалъ, и тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ непосредственно изъ своихъ знакомствъ съ вліятельными политиками.

Мы можемъ закончить свой очеркъ ранняго развитія политической газеты въ Англіи указаніемъ на то, что къ началу XVIII вѣка выработалась еще одна важная особенность газеты нашего времени: техника газетнаго дѣла и количество читателей позволяли выпускать газетный листокъ каждый день. Съ 1702 г. началъ выходить „Ежедневный Курьеръ“ [1]).

Таковы были общія условія англійской періодической печати, въ которыхъ зародился и росъ литературный журналъ.

В. Лазурскій.

лучшая коллекція брошюръ и газетъ времени междоусобной войны, которую собралъ современникъ событій, лондонскій книгопродавецъ Thomason, и которая называется The King's Pamphlets, такъ какъ ее подарилъ музею король Георгъ III. Beljame (p. 166) считаетъ, что въ этой коллекціи собрано не менѣе 30.000 брошюръ. Если принять во вниманіе, что въ томы коллекціи переплетались также современныя газеты, которыя въ половинѣ XVII в. печатались въ нѣсколько страницъ обыкновеннаго размѣра книгъ и брошюръ, то на долю собственно памфлетовъ за періодъ въ двадцать лѣтъ все же останется громадное количество.

[1]) The Daily Courant. № 1. March 11, 1702. Газета выходила листками in folio что стало уже обычаемъ къ началу XVIII вѣка. Новости въ ней большею частью переводились изъ слѣдующихъ изданій: Leyden Gazette, Harlem Courant, Hague Gazette, Amsterdam Cazette, Paris Gazette.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя книги о Тибетѣ.

I.

1. *A. de Préville*. L'ouverture du Thibet. Le Bouddhisme et le Lamaïsme. Paris 1904. (La science sociale suivant la méthode d'observation, 19-e année — Deuxième période—9-e fascicule).—2. Capitaine *Anginieur*. En Asie Centrale. Turkestan—Thibet—Cachemir (1903). Paris 1904.—3. *Н. П. Сумцовъ*. Тибетъ. (Издатъ В. Березовскій). С.-Петербургъ 1905. — 4. *A. Henry Savage Landor*. Tibet and Nepal. Painted and described by—. London 1905.—5. *W. I. Ottley*. With mounted infantry in Tibet. London 1906.

Послѣднія событія въ Тибетѣ — англійская экспедиція, отъѣздъ Далай-ламы въ Монголію, его отъѣздъ изъ Урги—привлекли всеобщее вниманіе къ „странѣ ламъ" и вызвали появленіе цѣлаго ряда работъ, посвященныхъ Тибету, обозрѣть которыя намъ представляется не излишнимъ.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что весьма многія изъ появившихся о Тибетѣ книгъ ничего не прибавляютъ къ нашему, весьма пока еще не полному, знакомству съ этой любопытной страной: частью мы имѣемъ въ этихъ книгахъ разсказы мало подготовленныхъ путешественниковъ, частью работы неспеціалистовъ, считающихъ, что можно безъ всякой предварительной подготовки, на основаніи случайно подобранныхъ книгъ, писать свои собственныя книги.

Печальнымъ примѣромъ послѣдняго рода сочиненій служитъ работа г. де-Превилля. Задачи, которыя ставитъ себѣ эта небольшая (104 стр.) книга, чрезвычайно обширны. Въ виду проникновенія въ Лхасу, „священный градъ буддизма", англійской экспедиціи представляется случай

разсмотрѣть, что такое буддизмъ, какія причины вызвали его появленіе, исчезновеніе, сохраненіе или ростъ въ разныхъ странахъ; какимъ образомъ эта философская система стала религіей, общественною силою? Авторъ затѣмъ имѣетъ въ виду коснуться и вопроса о томъ, „каковы будутъ послѣдствія миссіи Іёнгхёсбондъ-Макдональда и что получится изъ того общенія между предпріимчивою европейскою расою и азіатскими расами, находящимися подъ вліяніемъ ламаизма, который эта миссія установляетъ"? (стр. 3). Съ какою же подготовкою и при помощи какого матерьяла г. де-Превилль взялся за разрѣшеніе такихъ обширныхъ и трудныхъ задачъ?

Спеціальной подготовки у автора, очевидно, нѣтъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ совершенно случайный, крайне неудовлетворительный подборъ литературы затронутыхъ вопросовъ, вполнѣ не самостоятельное къ нимъ отношеніе, незнакомство съ Азіей и съ тѣми восточными языками, которые были бы нужны для научной самостоятельности автора. Для буддизма онъ почти исключительно основывается на весьма въ свое время почтенномъ, но теперь устарѣвшемъ, трудѣ Бартэлэми Сентъ-Илера; нѣсколько случайныхъ ссылокъ на Васильева, книгою котораго надлежащимъ образомъ могутъ пользоваться только спеціалисты, не показываетъ знакомства автора съ буддизмомъ. Далѣе мы видимъ нѣсколько ссылокъ на Гюка, Симона (о Китаѣ), Рони, Каэна, Ламэресса, ссылки на такія сочиненія общаго характера, какъ Реклю, Мальтъ-Брёнъ, на нѣсколько случайныхъ книгъ и статей; этимъ исчерпываются всѣ источники, вѣрнѣе сказать, пособія, такъ какъ почти всѣ указанныя книги имѣютъ лишь значеніе пособій, которыми пользовался г. де-Превилль. Вполнѣ поэтому понятно сомнительное достоинство тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ съ такою подготовкою и съ такими пособіями.

Авторъ начинаетъ съ характеристики ученія буддизма, съ объясненія его метафизики или, какъ онъ выражается, „la métaphysique de Bouddha", причемъ онъ своей характеристикѣ предпосылаетъ нѣсколько странное замѣчаніе, что это — метафизика Будды — такъ какъ онъ (г. де-Превилль) ее понялъ, при помощи общеизвѣстныхъ текстовъ". То, что авторъ называетъ изложеніемъ метафизики Будды, есть смѣсь изъ изложенія четырехъ истинъ и двѣнадцати *нидамъ*; почему для автора это „un exemple de métaphysique effrénée", мы отказываемся понять. Напрасно также авторъ думаетъ, что ученіе Будды имѣетъ свою основу въ брахманскихъ жреческихъ школахъ, оно связано съ ученіями тѣхъ странствующихъ учителей, изъ которыхъ многіе и не были

брахманами и которыми всегда была полна Индія. Г. де-Превилль представляетъ себѣ очень просто и схематично развитіе религій въ Индіи: для него Индія, повидимому, одно цѣлое, гдѣ религіей съ давнихъ поръ завѣдывали брахманы „philosophes et penseurs par métier": Для всякаго, хоть немного знакомаго съ исторіей индійскихъ религій, очевидна полная неправильность такой „простой" точки зрѣнія. Далѣе авторъ, опираясь на то обстоятельство, что Будда не ссылался ни на какое откровеніе и ни на какое преданіе, устанавливаетъ, что „le Bouddhisme est un pur fait humain, un fait social, et nous devons l'étudier comme tel". Этимъ, повидимому, авторъ хочетъ сказать, что буддизмъ нужно изучать съ точки зрѣнія тѣхъ соціальныхъ условій, среди которыхъ онъ возникъ. Не отрицая пользы знакомства съ условіями жизни той среды, въ которой возникло ученіе Будды, мы думаемъ однако, что болѣе значенія въ изученіи религіознаго ученія имѣетъ изученіе какъ самихъ памятниковъ религіи, такъ и памятниковъ тѣхъ религій, изъ которыхъ изучаемая религія могла произвести заимствованія. Между тѣмъ, г. де-Превилль этого не дѣлаетъ; вмѣсто того онъ занятъ изложеніемъ общаго характера природы и спеціальнаго устройства Непала и мелкихъ гималайскихъ царствъ (очень, конечно, поверхностно, на основаніи Реклю и Мальтъ-Брёна), останавливаясь на вопросѣ о кастѣ. Средою и непринадлежностью Будды къ брахманской кастѣ авторъ объясняетъ отрицательное отношеніе основателя буддизма къ кастамъ. Г. де-Превилль не знаетъ, очевидно, что съ одной стороны, кромѣ Будды, многіе индійскіе вѣроучители отрицали институтъ кастъ, и что буддизмъ никогда не дѣлалъ, съ другой стороны, изъ вопроса о кастѣ боевого вопроса, приспособляясь, гдѣ нужно, къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Что же касается утвержденія автора, что тотъ же кастовый вопросъ помѣшалъ распространенію внѣ Индіи брахманства, то на это слѣдуетъ замѣтить, что прозелитизмъ былъ чуждъ брахманамъ, и потому съ ихъ стороны и не было попытокъ обращенія иноземцевъ; тѣмъ не менѣе, вопреки утвержденію автора, что „брахманство никогда не было распространено внѣ индійской расы", брахманство имѣло послѣдователей и въ Индо-Китаѣ и въ Индонезіи. И далѣе авторъ продолжаетъ свои мнимыя обобщенія: изъ факта, что Буддѣ явились на поклоненіе купцы вскорѣ послѣ того, какъ онъ достигъ просвѣтленія, г. де-Превилль выводитъ, что каста вайшьевъ—купцовъ на ряду съ кшатріями была особенно воспріимчива къ буддизму. Указаніе на эту склонность купцовъ къ буддизму онъ видитъ въ томъ, что только „буддійская секта Джай-

нитовъ (sic), состоящая почти исключительно изъ банкировъ и торговцевъ, сохранила и понынѣ буддизмъ на материкѣ". Утвержденіе это уже опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что джайны — не буддійская секта.

Удивительно, какъ просто и стройно г. де-Превилль объясняетъ и характеръ проповѣди буддизма, обращенной ко всему человѣчеству: это „вліяніе гималайской общественной среды" — и исчезновеніе буддизма изъ Индіи: онъ не смогъ обратить массу народа, деревенскую общину, которая держалась за касту, въ которой авторъ видитъ наслѣдственное ремесло. Конечно, это и ясно и просто, но безпощадныя свидѣтельства историческихъ фактовъ, съ которыми не далъ себѣ труда ознакомиться г. де-Превилль, говорятъ другое. И до буддизма и послѣ буддизма въ Индіи широкій успѣхъ имѣли ученія, отрицавшія въ принципѣ кастовое устройство — стоитъ, напримѣръ, только вспомнить объ успѣхахъ ислама въ Индіи, чтобы понять, что не кастовый вопросъ былъ причиной исчезновенія буддизма на его родинѣ, особенно если принять во вниманіе, какъ мы уже указали, что буддизмъ активно съ кастами не боролся; стоитъ указать на джайновъ, и такихъ указаній можно сдѣлать не мало. А что такое „вліяніе гималайской общественной среды", которое будто-бы обусловило характеръ проповѣди буддизма? Если бы авторъ заглянулъ въ вышедшее за годъ до его книги сочиненіе проф. Рисъ-Дэвидса „Buddhist India", то онъ, вѣроятно, вычеркнулъ бы тѣ свои страницы, которыя говорятъ о гималайской общественной средѣ, впрочомъ, вѣрно, и многое другое.

Утомительно слѣдить за мнимыми обобщеніями автора, которыя всѣ почти зиждутся на одномъ: на незнаніи фактовъ, на которыхъ надлежало бы строить эти обобщенія; и буддизмъ въ Китаѣ, и буддизмъ въ Тибетѣ изложены у него столь же невѣрно и столь же, извиняюсь за выраженіе, легкомысленно.

Съ конечными выводами г. де-Превилля о томъ, что буддизмъ— ламаизмъ измѣнится подъ давленіемъ западныхъ европейскихъ вліяній и что христіанству предстоитъ большое будущее въ „société thibétaine et celles de la steppe", мы согласиться не можемъ: христіанство тамъ, гдѣ оно въ Азіи сталкивалось съ культурными религіями, почти никакого успѣха не имѣло, и нѣтъ потому основаній ждать его и впредь; ламаизмъ, или какъ его вѣрнѣе называть буддизмъ, живучъ и слѣдуетъ ждать еще значительнаго его развитія, особенно если настоящему Далай-ламѣ удастся сохранить жизнь и престолъ. Для всякаго, кто хотя бы немного знакомъ съ тѣми стремленіями къ реформѣ и къ

прогрессу, которыя существуютъ въ средѣ ламъ, ясно, что буддизмъ далеко еще не сказалъ свое послѣднее слово въ Азіи.

Быть можетъ, мы излишне долго остановились на книжкѣ г. де-Превилля, отрицательныя качества которой уже слишкомъ очевидны, но мы позволили себѣ это сдѣлать, такъ какъ она является типичной представительницей цѣлаго ряда книгъ объ Азіи, которыя стали появляться въ послѣднее время и причина появленія которыхъ вполнѣ ясна. Интересъ къ Азіи сильно возросъ за послѣднее время, между тѣмъ востоковѣды-спеціалисты очень мало пишутъ книгъ доступныхъ и интересныхъ для читателя-любителя. Происходитъ это оттого, что они сознаютъ всю шаткость тѣхъ обобщеній, которыя они должны были бы сдѣлать, если бы хотѣли удовлетворить читателя неспеціалиста. И вотъ на мѣсто спеціалистовъ становятся смѣлые любители, въ родѣ г. де-Превилля, и даютъ желаемыя обобщенія; насколько они, конечно, желательны—другое дѣло. Лично мы думаемъ, что если дѣйствительно востоковѣды-спеціалисты нѣсколько и грѣшатъ нелюбовью даже къ попыткамъ широкихъ историческихъ обобщеній, то не сочиненіямъ того рода, къ которому принадлежитъ книга г. де-Превилля, восполнить этотъ пробѣлъ. Про подобныя книги можно только сказать: чѣмъ меньше ихъ будетъ писаться, тѣмъ лучше.

Книга капитана Анжиньёра и весьма извѣстнаго г. Лэндора относятся къ одной категоріи—описанію путешествій любителей—которая, къ сожалѣнію, ничего или очень мало вноситъ въ сокровищницу нашихъ знаній объ описываемыхъ въ этихъ путешествіяхъ странахъ. Изъ нихъ первая имѣетъ по крайней мѣрѣ достоинство скромности; авторъ, хотя и не совсѣмъ по нашему мнѣнію справедливо, считаетъ себя, правда, путешественникомъ, но не рѣшается учить другихъ тому, чего самъ не знаетъ. Приходится, конечно, недоумѣвать, для кого собственно предназначалъ капитанъ Анжиньёръ свою книгу? Маршрутъ экспедиціи г. Кросби[1]), въ которой онъ участвовалъ, не лишенъ интереса, такъ какъ проходитъ по малоизвѣстному западному Тибету; къ сожалѣнію, у капитана Анжиньёра не приведенъ даже дорожникъ, а маленькая, малоудовлетворительная карта не восполняетъ этого пробѣла. Сколько-нибудь новыхъ и интересныхъ этнографическихъ замѣтокъ нѣтъ, снимки не представляютъ интереса, за исключеніемъ одного: un lama faisant l'instruction à ses ouailles (стр. 88). Мы не помнимъ, чтобы гдѣ-нибудь видѣли столь удачное изображеніе лам-

---

[1]) Книги самого г. Кросби мы еще не видѣли.

скаго обученія. Такимъ образомъ въ книгѣ почти ничего новаго нѣтъ для спеціалиста, а для обыкновеннаго читателя она скучна.

Если намъ пришлось отнестись нѣсколько строго къ книгѣ капитана Анжиньера, то мы должны безусловно осудить книгу г. Лэндора, весьма не безъизвѣстнаго журналиста, прославившагося разсказомъ о пыткахъ, которымъ его подвергли тибетцы, разсказомъ, точная новѣрка котораго никогда не была сдѣлана и который опровергался тибетцами. Г. Лэндоръ относится свысока ко всѣмъ: и къ другимъ путешественникамъ, и къ альпинистамъ, и къ англійскому правительству, и къ тибетцамъ, ко всѣмъ рѣшительно, кромѣ самого себя. Къ сожалѣнію, онъ ничѣмъ не обосновываетъ такого отношенія, потому что самъ во всей книгѣ не сообщаетъ никакихъ цѣнныхъ свѣдѣній, что мы и постараемся доказать. Прежде всего надо отмѣтить, что главное въ книгѣ, повидимому, не текстъ, а иллюстраціи, ибо только эти иллюстраціи, изъ которыхъ часть въ краскахъ, объясняютъ непомѣрно высокую цѣну книги (20 sh.). Дѣйствительно, еслибъ эти 75 иллюстрацій въ цѣлую страницу были подобраны какъ слѣдуетъ, то и онѣ уже и въ научномъ и въ общеобразовательномъ отношеніи могли бы представить цѣнный и любопытный матеріалъ. Къ сожалѣнію, приходится прежде всего отмѣтить, что это все рисунки, а не фотографіи, что, при обязательности относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, является весьма серьезнымъ недостаткомъ. Причина нашего недовѣрія станетъ ясной, какъ только мы передадимъ содержаніе нѣкоторыхъ изображеній. Разъ приходится сомнѣваться въ вѣрности картинъ, то единственная изъ нихъ, которая могла бы представить интересъ, въ этнографическомъ отношеніи, возбуждаетъ сомнѣнія въ тѣхъ ея частяхъ, которыя мы не можемъ провѣрить по другимъ источникамъ: это рис. 62. An ambidexter Lama Sculptor carving an inscription on the Face of a Rock. Здѣсь изображенъ висящій въ веревочной петлѣ лама, который въ правой рукѣ держитъ стамеску, въ лѣвой молотокъ; точной формы инструментовъ разобрать нельзя, буквы, которыя онъ выбиваетъ изъ камня, сомнительны[1]), цвѣтъ его платья мало отвѣчаетъ тому темнопурпуровому цвѣту, въ который окрашиваютъ матерію въ Тибетѣ—такимъ образомъ картинка эта мало достовѣрна и не можетъ, конечно, служить надежнымъ матеріаломъ для этнографіи Тибета. Рядъ другихъ картинъ этнографическаго

[1]) У Лэндора въ текстѣ формула приведена (стр. 183) въ искаженной формѣ: Omni mani padmi hun вмѣсто правильной: Om mani padme hum.

характера мало интересенъ, такъ какъ или эти картины совершенно банальныя или лишенныя документальнаго характера—мы особенно упираемъ на послѣднее обстоятельство, потому что изъ двадцати приблизительно иллюстрацій автобіографическаго характера нѣкоторыя возбуждаютъ, какъ намъ кажется, вполнѣ справедливыя сомнѣнія относительно возможности изображеннаго. Вотъ эти иллюстраціи: An awkward moment—изображена отвѣсная съ небольшимъ карнизомъ скала; на карнизѣ всадникъ (г. Лэндоръ), болѣе половины туловища лошади виситъ надъ пропастью, лошадь держится только передними ногами, въ положеніи рѣшительно невѣроятномъ. Кромѣ того въ текстѣ въ связи съ рисункомъ есть одна необъяснимая подробность: переспугъ лошади, вызвавшій то обстоятельство, что она соскользнула со скалы, произошелъ по словамъ г. Лэндора оттого, что впереди показался человѣкъ въ красномъ плащѣ, который развѣвался; далѣе г. Лэндоръ говоритъ, что лошадь, взобравшись опять на карнизъ, бѣшено помчалась впередъ, держась вплотную скалы, со стороны противоположной пропасти; спрашивается, куда дѣлся при этомъ шедшій на встрѣчу человѣкъ? Онъ, судя по ширинѣ карниза, не могъ бы удержаться на немъ, если бы ему на встрѣчу скакала лошадь, спрятаться тоже, повидимому, ему было негдѣ. Къ сожалѣнію, г. Лэндоръ ничего ранѣе не говоритъ объ этомъ человѣкѣ, чѣмъ еще болѣе возбуждаетъ сомнѣнія относительно правдоподобности изображеннаго.

A perilous crossing, the highest Mountain Altitude ever reached by a Human Being, Within an Ace of being precipitated some 6.500 feet on to the Glacier below, A Balancing Feat, A Troublesome descent on Vertical Rocks--все картинки, изображающія автора въ маловѣроятныхъ положеніяхъ необыкновенной опасности: смотришь на нихъ и проникаешься глубокимъ недовѣріемъ къ автору; отчего это не фотографіи? невольно спрашиваешь себя, тогда трудно было бы не повѣрить, а такъ—рисунки, мало ли что можно нарисовать. Чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, мы показывали рисунки разнымъ лицамъ, и въ нихъ мы замѣчали то же недовѣріе.

Таково впечатлѣніе отъ главнаго въ книгѣ—рисунковъ, не лучше обстоитъ дѣло съ текстомъ. Правда, авторъ, какъ мы уже выше сказали, беретъ съ самаго начала самоувѣренный тонъ опытнаго путешественника и относится необыкновенно высокомѣрно ко всякимъ туристамъ и альпинистамъ и съ нескрываемымъ презрительнымъ недоброжелательствомъ къ англійскому правительству и его чиновникамъ.

Въ началѣ книги мы находимъ странное увѣреніе, что надо говорить не Himalaya, a Himahlyas, что будто бы подъ этимъ названіемъ „The range is Known all over Asia", тогда какъ Himalaya, по его увѣренію, „has no meaning whatever except to natives of these foggy little islands". Послѣ этого идутъ довольно странныя свѣдѣнія о снаряженіи съ утвержденіемъ, что авторъ былъ одѣтъ только въ самыя легкія одежды, простые башмаки безъ гвоздей и соломенную шляпу. Какимъ образомъ авторъ въ подобной одеждѣ переносилъ низкія температуры высокихъ горъ и снѣжныя бури, составляетъ, очевидно, его секретъ. Далѣе, на пространствѣ двухсотъ съ небольшимъ страницъ, авторъ даетъ довольно скучное описаніе странствованій по Непалу и Тибету. Никакого хорошаго дорожника нѣтъ, только безсодержательныя, фельетоннаго характера, повѣствованія о восхожденіяхъ на высочайшія горы—г. Лэндоръ заявляетъ, что былъ на высотѣ 23,490, высотѣ, еще никѣмъ до него недостигнутой—и о посѣщеніи глетчеровъ, получающихъ названіе членовъ семьи Лэндоръ. О самой странѣ, о ея природѣ и жителяхъ почти ничего нѣтъ, то немногое, что есть, можно было бы написать на основаніи книгъ гораздо подробнѣе и лучше, даже не выѣзжая изъ Англіи. Вообще вся книга производитъ также впечатлѣніе, что она написана лишь для того, чтобы доказать, что г. Лэндоръ очень распорядителенъ, очень храбръ, необыкновенный альпинистъ, вообще идеалъ путешественника. Цѣли своей она однако, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не достигаетъ и смѣло можетъ не быть вводима въ библіографію о Тибетѣ. Пришлось говорить о ней, потому что имя г. Лэндора пользуется, къ сожалѣнію, нѣкоторою популярностью и можетъ ввести въ заблужденіе того, кто судилъ бы по одному заглавію. Издана книга прекрасно, и внѣшность ея дѣлаетъ большую честь издателю, которому приходится пожелать, чтобы другіе тома этой серіи (Books illustrated in colour) имѣли содержаніе, болѣе отвѣчающее ихъ внѣшнему виду.

Слѣдующая разбираемая нами здѣсь книга не претендуетъ на самостоятельность и является попыткою въ сжатомъ и общедоступномъ видѣ изложить то, что извѣстно о Тибетѣ. Такой книги нѣтъ еще въ русской литературѣ, и при просмотрѣ со стороны лица, болѣе знакомаго съ предметомъ, чѣмъ г. Сувировъ, его книга могла бы оказаться не безполезной для читателя неспеціалиста. Къ сожалѣнію, г. Сувировъ не далъ никому просмотрѣть свою книгу, довѣряясь самымъ разнымъ источникамъ; нельзя не пожалѣть, что онъ не ограничился для текста прямо двумя книгами Вегенера и Гренара, взявъ

иллюстраціи изъ другихъ, болѣе разнообразно, чѣмъ Вегенеръ, иллюстрированныхъ сочиненій. Пять страницъ, посвященныхъ краткому обзору изслѣдователей Тибета „стараго и новаго времени", могли бы быть съ успѣхомъ выкинуты, въ нихъ рядъ ошибокъ и длинный список ничего не говорящихъ неспеціалисту собственныхъ именъ. Географическій обзоръ слѣдовало составить подробнѣе, для этой части матеріаловъ достаточно. Историческія свѣдѣнія страдаютъ случайностью, и пользованіе ими затруднено неправильнымъ начертаніемъ собственныхъ именъ (авторъ пользовался не вполнѣ умѣло иностранными начертаніями собственныхъ именъ), напр. Кублеи вмѣсто Хубилай, Теонъ-ка-па вмѣсто обычнаго у насъ Дзонхава. Изложеніе первоначальнаго буддизма и ламаизма вполнѣ неудовлетворительно. О Далай-ламѣ и тибетскомъ духовенствѣ много невѣрныхъ свѣдѣній, мѣстами сообщаются вещи прямо непонятныя: про Далай-ламу сказано, что „онъ есть воплощеніе небеснаго бодисвата (наз. Авалокита), той троицы, къ которой принадлежитъ Готама будды". Здѣсь, повидимому, у автора, какъ и въ ближайшихъ строкахъ, излагается непонятое имъ ученіе о такъ называемыхъ буддахъ созерцанія, небесныхъ буддахъ и человѣческихъ и о бодисатвахъ. Описаніе Лхасы, которое можетъ теперь быть самое подробное и правильное, неудовлетворительно. Главы о населеніи, объ администраціи, о торговлѣ и промышленности нѣсколько лучше. Свѣдѣнія о сношеніяхъ съ Англіей и объ англійскомъ походѣ могли быть обработаны тщательнѣе. Въ случаѣ, если бы книга подготовлялась къ новому изданію, мы позволили бы себѣ посовѣтовать автору подвергнуть ее внимательному пересмотру и непремѣнно обратиться за совѣтомъ къ спеціалисту.

Послѣдняя изъ разбираемыхъ нами книгъ выгодно отличается отъ предшествующихъ: она ставитъ себѣ очень скромную задачу—разсказать о роли пѣхоты въ конномъ строю во время послѣдняго англійскаго похода въ Тибетъ—и эту скромную задачу выполняетъ вполнѣ удовлетворительно. При этомъ авторъ сообщаетъ рядъ интересныхъ данныхъ о самомъ походѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ и о боевыхъ способностяхъ тибетцевъ. Послѣднее особенно интересно для насъ, такъ какъ маіоръ Оттлэ можетъ, конечно, считаться чрезвычайно компетентнымъ судьею въ данномъ вопросѣ. Общее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ ряда стычекъ и столкновеній, говоритъ несомнѣнно въ пользу мужества тибетцевъ, которые при надлежащей выучкѣ и хорошемъ вооруженіи были бы опаснымъ врагомъ. При совершенно первобытномъ вооруженіи они, разумѣется, должны были пасть жертвами дальнобой-

ныхъ ружей. Книга маіора Оттлея снабжена цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ фотографическихъ снимковъ—авторъ, въ отличіе отъ г. Лэндора, справедливо рѣшилъ, что документальныя иллюстраціи особенно цѣнны—какъ мѣстностей, такъ и походныхъ и боевыхъ сценъ, а также планомъ укрѣпленнаго лагеря въ долинѣ Чжяндзе. Небольшой этотъ трудъ является несомнѣнно полезнымъ, хотя и по задачѣ своей очень спеціальнымъ, вкладомъ въ современную литературу о Тибетѣ.

Въ настоящей статьѣ намъ пришлось говорить почти исключительно о книгахъ съ отрицательными достоинствами, въ слѣдующихъ статьяхъ мы разберемъ нѣсколько книгъ, отличающихся серьезными достоинствами и существенно содѣйствующихъ нашему знанію Тибета.

С. Ольденбургъ.

Новая исторія повѣсти и романа.

Nueva Biblioteca de Autores españoles bajo la direction del ex-mo S-r D. Marcelino Menendez y Pelayo. Origines de la novela. T. I. Introduccion. Tratado historico sobre la primitiva novela española por D. M. Menendez y Pelayo. Madrid. 1905.

Книга, обширное заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою первый томъ возобновленнаго монументальнаго и незамѣнимаго при изученіи испанской исторіи и литературы изданія „Biblioteca de autores españoles“ Риваданейры. Въ этомъ многотомномъ предпріятіи есть и существенные недочеты и пробѣлы, отсутствуетъ строгая филологическая критика. Въ настоящее время просвѣщенная издательская фирма Bailly-Baillere рѣшила возобновить монументальное изданіе Риваданейры и поручила общую редакцію изданія знаменитому ученому, историку литературы Менендесу и Пелайо, а редакцію отдѣльныхъ томовъ такимъ почтеннымъ ученымъ, какъ Рамонъ Пидаль, Адольфъ Бонилльи, Миръ, Санцъ. Котарело Мори, Маринъ и Гарсіа.

Нельзя не порадоваться этому предпріятію, имѣющему чрезвычайно важное значеніе для историковъ и историковъ литературы, которому предстоитъ подвинуть развитіе литературной критики значительно впередъ. Если мы вспомнимъ, что есть области въ исторіи литературы, имѣющія весьма важное значеніе и притомъ малоизвѣстныя и неразработанныя (исторія рыцарскаго романа, проповѣдь и ея культурное значеніе, автобіографіи); если мы вспомнимъ, что въ изданіе Риваданейры не вошли столь первоклассныя произведенія,

какъ „Селестина" и драматическія произведенія Тирсо де Молина,— продолженіе изданія Риваданейры является и вполнѣ своевременнымъ и отвѣчающимъ на запросы, предъявляемые исторіей и исторіей литературы.

Первый томъ, какъ уже замѣчено, принадлежитъ перу историка литературы Менендеса и Пелайо, не имѣющаго себѣ равнаго въ Испаніи и, пожалуй, даже въ Европѣ, и представляетъ собою критическое изслѣдованіе исторіи романа и повѣсти въ Испаніи въ средніе вѣка и эпоху Возрожденія въ связи съ восточной и греческой новеллистикой.

Слово *Novela*, стоящее въ заглавіи изслѣдованія, не соотвѣтствуетъ понятію *новелла*, а обнимаетъ всѣ формы повѣствовательнаго разсказа. Послѣ настоящаго изслѣдованія извѣстная монографія Dunlop'a: „History of fiction" окажется совершенно устарѣвшей, даже въ обработкѣ Ф. Либрехта.

Хотя сочиненіе Менендеса и Пелайо касается преимущественно испанской литературы, въ немъ приведено много сравнительнаго матеріала, и съ этой точки зрѣнія эта книга заслуживаетъ общаго вниманія и имѣетъ цѣну для исторіи всеобщей литературы. Это тѣмъ болѣе достопримѣчательно, что до послѣдняго времени испанскіе историки литературы, за немногими исключеніями, пользовались сравнительнымъ методомъ весьма слабо.

Книга Менендеса и Пелайо (532 стр. убористаго шрифта) распадается на восемь главъ. *Первая* глава посвящена обозрѣнію въ общихъ чертахъ повѣстей въ древности классической, греческой и латинской. *Вторая* глава повѣствуетъ о восточной повѣсти, переходѣ ея на западъ—въ частности въ Испанію. Здѣсь мы находимъ историческій очеркъ развитія сказки у арабовъ и испанскихъ евреевъ. Въ *третьей* главѣ мы читаемъ о вліяніи формъ восточной новеллистики на испанскую литературу въ средніе вѣка; мы читаемъ о Раймундѣ Луллін, Хуанѣ Мануэлѣ, Талаверѣ. Въ *четвертой* главѣ мы находимъ краткія, по словамъ автора, но чрезвычайно обстоятельныя и полныя указанія на рыцарскія книги. Послѣдовательно анализируются поэмы Каролингскаго цикла, вліяніе итальянскихъ поэтовъ, мотивовъ классической древности, греко-восточныхъ новеллъ, здѣсь же авторъ знакомитъ насъ со стоящими внѣ цикла повѣстями, съ цикломъ крестовыхъ походовъ и бретонскимъ цикломъ. Въ *пятой* главѣ мы читаемъ о возникновеніи національныхъ рыцарскихъ книгъ, о происхожденіи знаменитаго Ама-

диса Галльскаго, о каталонскихъ рыцарскихъ книгахъ, о Пальмеринѣ и о другихъ повѣстяхъ въ прозѣ и стихахъ.

Глава *шестая* посвящена сантиментальной повѣсти, ея происхожденію, вліянію Боккаччьо и Энея Сильвія на испанской почвѣ. Разбираются сочиненія Падрона, Діего де-Санъ Педро, Флореса, Сегуры и Діаца. Столь же обстоятельно анализируется вліяніе византійскихъ романистовъ Геліодора и Тація, Рейносо, Контрериса.

Седьмая глава посвящена исторической новеллѣ, рыцарскимъ книгамъ съ исторической основой, историко-политической повѣсти (Gevara) и исторической повѣсти на фонѣ войны съ маврами (Villegas, Hita), а также книгамъ, посвященнымъ сказочной біографіи.

Восьмая глава (послѣдняя) посвящена пастушеской новеллѣ, ея происхожденію, обстоятельнымъ образомъ уяснено вліяніе *Аркадіи* Саннацаро, имѣется анализъ сочиненій Сильвіо и Ребейра. Авторъ подробно говоритъ о *Діанѣ* Монтемайора, испанскихъ послѣдователяхъ этого писателя, а также о пастушескихъ повѣстяхъ, предшествующихъ *Галатеѣ* Сервантеса.

Изъ обозрѣнія содержанія книги Менендеса и Пелайо мы видимъ, что она задумана и проведена по очень широкому плану и, являясь первой исторіей испанской повѣствовательной литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ весьма важное значеніе и для исторіи романа вообще. Авторъ пользуется новѣйшими данными и, будучи прекраснымъ знатокомъ арабской и еврейской литературъ, высказываетъ наблюденія и обобщенія, доступныя ученому, искусившемуся въ изслѣдованіи этихъ вообще мало извѣстныхъ областей литературъ.

Превосходный знатокъ библіографіи, располагающій книжными средствами всѣхъ испанскихъ библіотекъ (директоръ Національной библіотеки), Менендесъ и Пелайо пользуется рѣдкими изданіями, исчерпывая все существенное.

Необыкновенная полнота матеріала книги, особенно въ испанскомъ ея отдѣлѣ, придаетъ ей важное научное значеніе, а необычныя въ ученыхъ трактатахъ легкость и изящество изложенія дѣлаютъ книгу Пелайо не только поучительнымъ, но и весьма пріятнымъ чтеніемъ. Въ качествѣ стилиста Менендесъ и Пелайо хранитъ лучшія традиціи прозаическаго краснорѣчія кастильской литературы, и въ этомъ отношеніи почтенный авторъ является однимъ изъ немногихъ ученыхъ, умѣющихъ соединять блескъ внѣшней формы съ глубиной эрудиціи. Критическій талантъ и опредѣленность выводовъ, къ которымъ прихо-

дитъ авторъ послѣ разбора сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, усугубляютъ цѣнность разсматриваемаго историко-литературнаго трактата.

Считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько данныхъ объ авторѣ разсмотрѣнной монографіи. Въ 1902 г. я писалъ (въ „Вѣстникѣ Европы") о замѣчательномъ сборникѣ, изданномъ испанскими и другими учеными къ юбилею Менендеса и Пелайо. И послѣ юбилея онъ продолжалъ работать съ замѣчательной энергіей.

Количество трудовъ Менендеса и Пелайо весьма велико, и почти всѣ они основаны на самостоятельномъ изученіи новаго матеріала. Его эрудиція поразительна, и не даромъ испанцы говорятъ, что онъ „знаетъ все" (sabe todo). Труды Менендеса и Пелайо могутъ быть раздѣлены на 3 главные отдѣла: 1) по философіи въ связи съ теологіей (сообразно съ характеромъ испанской философіи); 2) по исторіи литературы и эстетикѣ; 3) критическія изданія различныхъ литературныхъ произведеній, редактированіе сборниковъ старинныхъ романсовъ и т. п.

Въ монографіяхъ по исторіи философіи Менендесъ и Пелайо реабилитируетъ національную испанскую философію. Онъ раскрываетъ все богатство идей забытыхъ и игнорируемыхъ системъ. Таковы его обширные трактаты: *Los Heterodoxes en España. Los precursores de Kant en España, Plato en España.* Философскіе труды Менендеса и Пелайо необыкновенно богаты новымъ матеріаломъ и заключаютъ рядъ новыхъ взглядовъ. Авторъ отстаиваетъ цѣльность спеціально испанскаго философскаго міросозерцанія.

Работы Менендеса и Пелайо по исторіи литературы и критики составляютъ самый большой отдѣлъ. Нельзя указать сколько-нибудь замѣчательнаго писателя, оставленнаго ученымъ критикомъ безъ вниманія. Особенную цѣну имѣютъ многотомная „Historia de las idéas esteticas", „Estudios literarios",—рядъ изслѣдованій о писателяхъ Золотого вѣка, среднихъ вѣковъ и современныхъ. Сравнительнымъ методомъ Менендесъ и Пелайо владѣетъ прекрасно, зная новые языки и литературы запада, а также классическіе языки, еврейскій и арабскій. Такъ, литературная дѣятельность еврейскихъ и арабскихъ писателей XV и XVI вв. представляетъ предметъ спеціальнаго изученія Менендеса и Пелайо.

Едва-ли возможно перечислить хотя главнѣйшія изданія, вышедшія подъ редакціей Менендеса и Пелайо. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ гигантскую трудоспособность. Четырнадцать фоліантовъ критическаго изданія Лопе де Веги (изд. Академіи) съ введеніями и примѣчаніями поглотили бы всѣ силы менѣе трудоспособнаго автора.

Изданія Кальдерона, кастильскихъ поэтовъ, отдѣльныхъ памятниковъ XVI в. (Селестины), современныхъ писателей, переводы,—все это составляетъ громадную сумму труда и критическаго таланта. Прибавимъ къ этому, что Менендесъ и Пелайо отзывается на всѣ важнѣйшія литературныя явленія, перечитываетъ труды молодыхъ ученыхъ, читаетъ рѣчи и лекціи,—и мы невольно изумимся этой кипучей дѣятельности, чисто ученой, не имѣющей себѣ равной.

Къ отличительнымъ чертамъ личнаго характера Менендеса и Пелайо относятся его большая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и сочувственное отношеніе къ начинаніямъ молодыхъ.

Благодаря этимъ прекраснымъ качествамъ, всесторонней поддержкѣ, оказываемой труженикамъ, вокругъ Менендеса и Пелайо образовалась цѣлая школа опытныхъ филологовъ и историковъ литературы. Лучшія сочиненія по литературѣ, по изданію памятниковъ, критикѣ являются плодомъ дружной работы плеяды молодыхъ ученыхъ, любовно воспитанныхъ Менендесомъ и Пелайо.

Л. Шепелевичъ.

Н. И. Лазаревскій. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. Догматическое изслѣдованіе. 1905 г., 712 стр.

Вопросъ объ отвѣтственности за убытки, причиненные должностными лицами, безспорно имѣетъ огромный какъ теоретическій, такъ и практическій интересъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, насколько важно правильное его рѣшеніе какъ съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшаго лица, такъ и съ точки зрѣнія обезпеченія незыблемости правового порядка въ государствѣ. Какъ ни велико однако значеніе отмѣченной проблемы, до сихъ поръ она не нашла окончательнаго или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе общаго рѣшенія ни въ законодательствахъ, ни въ литературѣ. Напротивъ того: и въ практикѣ, и въ теоріи нашли мѣсто на этотъ счетъ разнообразныя и довольно рѣзко отличающіяся другъ отъ друга точки зрѣнія. Къ тому же нерѣдко законодательства, какъ, напр., наше, не даютъ сколько-нибудь законченныхъ и точныхъ постановленій по интересующему насъ предмету и все дѣло предоставляютъ по необходимости судебной и административной практикѣ. Если къ сказанному прибавить, что вопросъ объ отвѣтственности за убытки, причиненные должностными лицами, связанъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ какъ частнаго, такъ и публичнаго права, то предъ нами будетъ на лицо вся

важность, сложность и трудность его рѣшенія. Въ виду всего этого книга г. Лазаревскаго пріобрѣтаетъ особый интересъ. Но что же она намъ даетъ?

Г. Лазаревскій задался цѣлью не только изслѣдовать постановку и рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности за убытки, причиненные должностными лицами, на основаніи законодательствъ, судебной и административной практики разныхъ странъ и литературы предмета, но и отнестись къ этой постановкѣ и рѣшенію критически и показать, какъ желательно было бы рѣшить разсматриваемую имъ проблему de lege ferenda. Сообразно съ этимъ, желая охватить предметъ съ разныхъ сторонъ, онъ весьма подробно останавливается въ своей книгѣ на отвѣтственности за убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, какъ представителей казны по ея имуществамъ (часть первая, стр. 1—181), на отвѣтственности казны за убытки, причиненные должностными лицами въ области отношеній публичноправовыхъ (часть вторая, стр. 182—399), на отвѣтственности должностныхъ лицъ (часть третья, стр. 400—582) и на отвѣтственности самоуправляющихся единицъ (часть четвертая, стр. 583—712).

Отправнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи г. Лазаревскаго являются слѣдующія соображенія.

„По вопросу объ отвѣтственности казны за убытки, причиненные неправильными или преступными дѣйствіями должностныхъ лицъ, наше дѣйствующее законодательство не содержитъ никакихъ сколько-нибудь общихъ и принципіальныхъ постановленій. Руководящія начала въ этой области установлены правительствующимъ сенатомъ, который выработалъ слѣдующую, послѣдовательно проводимую имъ теорію.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда должностныя лица административныхъ управленій являются представителями государственной власти, они *лично* отвѣтствуютъ за дѣйствія, совершенныя ими во вредъ частнымъ лицамъ безъ законнаго къ тому основанія... Напротивъ того, когда они являются уполномоченными казны по ея имуществамъ, — отвѣтственность за дѣйствія ихъ, совершенныя съ цѣлью защиты имущественныхъ интересовъ казны, опредѣляется сообразно съ общимъ закономъ, въ силу коего вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ повѣренными при исполненіи порученій согласно съ даннымъ полномочіемъ (ст. 687 т. X ч. I Св. зак.)“.

„То же разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности казны, какое дано нашимъ сенатомъ, проводится и въ большинствѣ законодательствъ западной Европы и признается вполнѣ правильнымъ и западно-европейскою

юридическою литературою" (стр. 1—2). Эти „взгляды сената признаются не только теоретически вполнѣ правильными, но считаются и практически вполнѣ цѣлесообразными" (стр. 3). При этомъ „нельзя не обратить вниманія на то, что въ громадномъ большинствѣ государствъ, какъ и въ Россіи, то начало, что казна отвѣчаетъ за дѣйствія должностныхъ лицъ въ области отношеній фиска, казны, въ области отношеній по имуществамъ казеннымъ не установлено прямымъ закономъ, но выводится изъ общихъ началъ права, изъ самаго понятія казны, какъ юридическаго лица гражданскаго права, подчиненнаго всѣмъ постановленіямъ законовъ, по скольку для нея не сдѣлано прямого изъятія.

Это понятіе казны признается само собою разумѣющимся, естественнымъ, необходимымъ. Между тѣмъ существовали уже, существуютъ и посейчасъ государства, которыя безъ этого понятія обходятся.

Безотвѣтственность государства въ дѣлахъ публично-правовыхъ тоже въ громадномъ большинствѣ государствъ никакимъ прямымъ закономъ не установлена, но выводится изъ признанія коренной противоположности государства, какъ власти, государству, какъ фиску, противоположности, ничѣмъ еще не доказанной и принимаемой на вѣру" (стр. 3—4). Хотя въ то же самое время нужно замѣтить, что „самый принципъ неотвѣтственности государства въ дѣлахъ публично-правовыхъ въ настоящее время перестаетъ быть принципомъ общепризнаннымъ, и можно указать на рядъ государствъ, которыя признаютъ отвѣтственность казны въ дѣлахъ публичныхъ въ видѣ общаго правила (Саксонія, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ, Баварія, Эльзасъ-Лотарингія (?), Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Рейссъ старшей и Рейссъ младшей линіи, Саксенъ Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота) или же хотя и въ видѣ изъятія лишь для опредѣленныхъ категорій дѣлъ, но категорій настолько широкихъ, что практически эта отвѣтственность приближается къ общей (Франція)" (стр. 4).

Въ виду всего сказаннаго самъ собою выдвигается кардинальный вопросъ, „подлинно ли по самому существу государства область отношеній фиска по юридической природѣ своей представляетъ такія особенности, которыя дѣйствительно обусловливаютъ отвѣтственность казны (я бы сказалъ государства), какъ фиска, и исключаютъ возможность отвѣтственности ея (его) въ дѣлахъ по осуществленію публичной власти" (стр. 4 — 5). Чтобы разрѣшить эту основную тему, г. Лазаревскій останавливается на уясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, та или иная постановка которыхъ отражается на рѣшеніи разныхъ сторонъ

ся. Такъ, разсматривая отвѣтственность за убытки, происшедшіе отъ неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, какъ представителей казны по ея имуществамъ, онъ изслѣдуетъ вопросъ о судьбѣ казны въ отдѣльныхъ системахъ положительнаго права,—анализируя отвѣтственность казны за убытки, причиненные должностными лицами въ области отношеній публично-правовыхъ, старается раскрыть юридическую природу должности, наконецъ, говоря объ отвѣтственности самоуправляющихся единицъ, старается установить истинную сущность самоуправленія. Остановимся вмѣстѣ съ авторомъ на каждой изъ этихъ темъ.

Прошлое и современное состояніе вопроса о казнѣ, по его изслѣдованію, сводится къ слѣдующему.

Въ Римѣ, какъ показываютъ изслѣдованія Моммзена, „и въ императорскую эпоху понятія казны, какъ юридическаго лица частнаго права, подчиняющагося общимъ нормамъ гражданскаго права и общей гражданской подсудности, не существовало“ (стр. 11). „Тѣ юридическія отношенія, въ которыя вступало государство, не теряли своего публично-правового характера даже и въ томъ случаѣ, если это были отношенія чисто имущественнаго характера. Эти отношенія подчинялись своеобразному матеріальному и процессуальному праву“ (стр. 12).

„Въ средніе вѣка“ „ученію о фискѣ, какъ о государствѣ юридическомъ лицѣ, въ его имущественныхъ отношеніяхъ подчиняющемся общему гражданскому праву и общей гражданской подсудности, вовсе не было мѣста“.

„Идея фиска, какъ гражданско-правовой личности государства, получила особое развитіе и пріобрѣла характеръ извѣстнаго политическаго требованія“ въ Германіи и изъ Германіи распространилась по континенту Европы (17 стр.). Правда, „требованіе, чтобы имущественныя дѣла казны вѣдались общими гражданскими судами и разрѣшались на твердомъ основаніи гражданскихъ законовъ, еще и въ XVIII в. является лишь идеаломъ, отъ котораго дѣйствительность еще весьма сильно отстаетъ. Но идеалъ этотъ властно опредѣляетъ направленіе дальнѣйшаго развитія права. Въ Германіи идеалъ этотъ въ настоящее время является до извѣстной степени осуществленнымъ“ (стр. 26—27). Надо при этомъ замѣтить, что теорія фиска приводила къ серьезнымъ затрудненіямъ, именно, во-первыхъ, представлялось необходимымъ „установить раздѣленіе дѣлъ административныхъ и гражданскихъ“ (стр. 30), во-вторыхъ, создавалось „расщепленіе государ-

ства на двѣ части, изъ которыхъ каждая жила по своимъ законамъ" (стр. 31).

Вслѣдствіе этого германская юридическая наука запуталась въ вопросѣ о томъ, „долженъ ли фискъ быть признанъ особымъ юридическимъ лицомъ, или же это то же самое лицо, что и государство вообще".

„Позднѣйшіе германскіе юристы въ этомъ вопросѣ безпомощно разбрелись въ разныя стороны" (тамъ же): одни настаиваютъ на томъ, что „фискъ, какъ государство въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, и государство въ его публично-правовыхъ отношеніяхъ суть два разныхъ субъекта" (Кохъ, Штоббе, Эвельтъ, Герберъ, Ренне, Гирке), другіе въ томъ и другомъ случаѣ видятъ въ государствѣ одно и то же юридическое лицо (Генель, Цёпфль, Цорнъ, Г. Мейеръ, Отто Майеръ, Лабандъ, Еллинекъ, Арндтъ и др.). Но ни тѣ, ни другіе не приводятъ въ пользу своихъ взглядовъ никакихъ доводовъ (32 стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ то время, какъ многіе германскіе юристы считаютъ фискъ субъектомъ однихъ только имущественныхъ правъ гражданскаго, частнаго характера, цѣлый рядъ выдающихся юристовъ (съ Цахаріе во главѣ) подъ терминомъ фискъ понимаетъ государство, какъ субъектъ всѣхъ вообще имущественныхъ правъ, каковъ бы ни былъ ихъ юридическій титулъ — частно-правовой или публичный" (стр. 34). „Но если, для того, чтобъ быть послѣдовательнымъ и не устанавливать различія субъектовъ права тамъ, гдѣ этого различія въ дѣйствительности не существуетъ, понятіе фиска пришлось свести къ понятію государства, какъ субъекта имущественныхъ правъ вообще, и публичныхъ и частныхъ,—то ученіе о фискѣ окончательно теряетъ не только теоретическій, научный, но и практическій интересъ" (стр. 35). Тѣмъ не менѣе „разложеніе ученія о фискѣ, какъ объ особомъ отъ государства юридическомъ лицѣ гражданскаго права, сопровождалось въ Германіи неукоснительнымъ дальнѣйшимъ подчиненіемъ казны общему гражданскому праву и общимъ судамъ" (стр. 36).

„Въ дореформенной Франціи понятіе фиска, какъ государства, подчиняющагося въ имущественныхъ отношеніяхъ общему гражданскому праву и подсуднаго общимъ судамъ, вовсе не выработалось" (стр. 41). Въ настоящее время „въ имущественныхъ правоотношеніяхъ казны область примѣненія гражданской подсудности ограничивается сдѣлками и отношеніями, имѣющими сравнительно меньшее практическое значеніе. Все практически существенное (договоры поставки, договоры, связанные съ производствомъ общественныхъ ра-

ботъ, публичный доменъ государства) отошло въ область административной юрисдикціи и дѣйствія публичнаго права" (стр. 67) и такой порядокъ вещей не вызываетъ возраженій со стороны французской юридической литературы (ibid.).

Въ Англіи цѣлый рядъ историческихъ причинъ препятствовалъ образованію той идеи, что въ своихъ имущественныхъ дѣлахъ государство можетъ быть подсудно общимъ судамъ и быть подчинено общему праву. Понятіе о фискѣ, какъ о самостоятельномъ субъектѣ правъ, тамъ не выработалось (стр. 72 и сл.).

Наконецъ, Италія, благодаря реформѣ 1865 г., въ связи съ реформами 1880—1890 гг., перешла отъ системы, почти тожественной съ французской, къ системѣ, очень близко подходящей къ германской: государственныя имущества и дѣла по договорамъ имущественнаго характера, заключеннымъ казною, поступили въ вѣдѣніе общихъ судовъ и естественно подчинились дѣйствію общаго гражданскаго права (стр. 71).

Приведеннымъ системамъ противоположенія имущественныхъ отношеній государства тѣмъ его отношеніямъ, въ которыхъ оно выступаетъ, какъ публичная власть, соотвѣтствуетъ прежняя постановка отвѣтственности казны за убытки, причиненные должностными лицами, какъ представителями ея имущественныхъ интересовъ. Такъ, по германской системѣ казна отвѣчаетъ, какъ частно-правовое юридическое лицо (стр. 80). По системѣ французской „въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ признается подсудность государства общимъ гражданскимъ судамъ, и гдѣ государство, благодаря этому, перешло въ положеніе частно-правового юридическаго лица, въ видѣ общаго правила установилась" „и та же самая отвѣтственность казны за чиновниковъ, какая установилась для юридическихъ лицъ гражданскаго права за дѣйствія ихъ органовъ" (стр. 82).

„Въ области публично-правовой установилась въ видѣ общаго правила безотвѣтственность казны" (ibid.).

Что же касается промежуточной области, которую составляютъ отношенія, возникающія изъ domaine public, изъ contrats administratifs (договоры относительно общественныхъ работъ и казенныхъ поставокъ и т. п.), то „по отношенію къ этимъ дѣламъ основнымъ правиломъ является, что они подчинены дѣйствію code civil" (стр. 83). Но, „продолжая настаивать на томъ, что статьи гражданскаго кодекса непримѣнимы къ государству, административные суды начали признавать казну отвѣтственною въ цѣломъ рядѣ случаевъ, никакимъ спеціальнымъ за-

кономъ не предусмотрѣнныхъ“ (стр. 86). Въ этихъ случаяхъ административные суды ссылались на общіе принципы справедливости, equité, на общія начала права, principes généraux de droit, нашедшіе себѣ выраженіе въ 1382 и 1384 ст. code civil (стр. 88).

Въ Англіи принципъ неотвѣтственности короны есть основной принципъ права, выраженный настойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Тѣмъ не менѣе и здѣсь оказалось необходимымъ пойти на нѣкоторыя отступленія отъ него (напр., неправильное завладѣніе землей) (стр. 89).

Но съ особенной подробностью изслѣдуется вопросъ объ отвѣтственности казны въ Россіи (стр. 93—179).

Обращаясь къ прошлому теоріи фиска въ русскомъ правѣ, г. Лазаревскій приходитъ къ тому заключенію, что „теорія фиска, какъ государства, въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ подчиненнаго общимъ судамъ, въ московскомъ государствѣ никоимъ образомъ выработаться не могла. Въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго права, уже въ императорскій періодъ, это подчиненіе казны гражданскому праву и гражданской подсудности мало-по-малу вырабатывается“ (стр. 93). Окончательно она устанавливается лишь екатерининскимъ учрежденіемъ о губерніяхъ (стр. 97). „Но ни самый фактъ гражданской подсудности дѣлъ по „притязаніямъ частныхъ лицъ къ казнѣ по завладѣнію“, какъ дѣла эти называются по терминологіи Свода законовъ, ни тотъ общегражданскій характеръ этихъ дѣлъ, который выработался подъ вліяніемъ ихъ подсудности общимъ судамъ, не оказались достаточными для того, чтобъ заставить смотрѣть на казну, какъ на юридическое лицо, и конструировать казенное имущество, какъ имущество, находящееся въ собственности этого юридическаго лица“ (стр. 109). По мысли Сперанскаго, выраженной въ Св. зак. 1832 г., „право государства, казны на государственныя имущества есть нѣчто совершенно отличное отъ права частной собственности“. „Это право представлялось Сперанскому не правомъ собственности, а какимъ-то правомъ государственнаго обладанія“. „По этой конструкціи государство, казна является субъектомъ какого-то публично-правового „обладанія“, но не юридическимъ лицомъ гражданскаго права, не субъектомъ „обыкновеннаго“ права собственности“ (стр. 110). „Въ настоящее время государство, въ качествѣ земельнаго собственника, пользуется тѣми же правами, что и всякій собственникъ вообще, и то постановленіе дѣйствующаго Свода, что государство, въ качествѣ обладателя государственными имуществами, пользуется правами, которыя „различаются отъ права частной

собственности", уже перестало соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей" (стр. 113).

„Вопросъ о подсудности казны общимъ судамъ по дѣламъ, возникающимъ изъ договоровъ и обязательствъ, а также по дѣламъ о движимомъ имуществѣ, ведетъ свою исторію съ гораздо болѣе недавняго времени, чѣмъ вопросъ о подсудности казны гражданскимъ судамъ по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ" (стр. 116). Онъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ только судебными уставами 1864 г. (стр. 116—119).

Что касается отвѣтственности казны за дѣйствія ея должностныхъ лицъ въ области имущественныхъ отношеній, то такая отвѣтственность постепенно установилась. Рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи явилось изданіе тѣхъ же судебныхъ уставовъ 1864 г. Съ этого времени казна „стала отвѣчать за своихъ чиновниковъ, какъ всѣ юридическія лица отвѣчаютъ за свои органы, не потому, чтобы въ русскомъ законодательствѣ гдѣ-либо установлено то положеніе, что казна есть юридическое лицо гражданскаго права, или чтобы это положеніе вытекало изъ всей совокупности дѣйствующаго законодательства: этого положенія нигдѣ прямо не установлено".

„Отвѣтственность казны въ области имущественныхъ сдѣлокъ проникла въ наше право, благодаря тому, что потребность установленія отвѣтственности государства за убытки, причиненные чиновниками, давно уже сознавалась, и благодаря тому, что нѣкоторыя постановленія судебныхъ уставовъ, сами по себѣ не имѣвшія въ виду устанавливать отвѣтственность казны, позволили судамъ разсматривать иски къ казнѣ объ убыткахъ (ст. 1288 и 1302). А въ виду отсутствія въ нашемъ законодательствѣ какихъ-либо матеріально-правовыхъ нормъ для этихъ исковъ, къ нимъ практически оказалось необходимымъ примѣнять статьи 684 и 687 зак. гражд. и другія общія постановленія объ отвѣтственности" (стр. 157).

„Такое присхожденіе отвѣтственности казны въ русскомъ правѣ обусловливаетъ собою и предѣлы этой отвѣтственности: казна отвѣчаетъ только по тѣмъ дѣламъ, которыя подсудны гражданскимъ судамъ или которыя по существу своему могутъ оказаться имъ подсудными. Гдѣ исключена гражданская подсудность, тамъ нѣтъ и отвѣтственности казны, конечно кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда она установлена какимъ-либо спеціальнымъ закономъ" (стр. 158). На основаніи всего выше изложеннаго г. Лазаревскій приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

„Концепція государства, какъ юридическаго лица, въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ подчиняющагося нормамъ гражданскаго права, вовсе не является необходимой". „Государства могутъ жить и безъ этой концепціи. Она практична, цѣлесообразна, къ ней большинство государствъ пришло, но про нее нельзя говорить, что она необходима, что она съ неизбѣжностью, неустранимо вытекаетъ изъ самаго существа государства" (стр. 90).

Съ другой стороны нельзя утверждать, что „гражданская отвѣтственность казны за дѣйствія должностныхъ лицъ, завѣдующихъ ея имуществами, обусловливается тѣмъ, что казна есть юридическое лицо гражданскаго права: внутри себя, во всѣхъ отношеніяхъ между отдѣльными ея элементами, во всѣхъ нормахъ, регулирующихъ дѣятельность каждаго ея органа, казна есть насквозь явленіе публично-правовое. Въ своихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ, да и то не ко всѣмъ лицамъ и не во всѣхъ отношеніяхъ, казна принимаетъ лишь нѣкоторыя свойства юридическаго лица гражданскаго права" (стр. 91).

Мало того: концепція фиска не только не необходима, она даже отчасти вредна, вредна она потому, что „ограничиваетъ отвѣтственность казны одною, полуслучайно избранною областью". „Не юридическая природа казны требуетъ отвѣтственности ея за чиновниковъ, завѣдующихъ ея имуществами, а практическія потребности гражданскаго оборота" (стр. 92).

„Подчиненіе казны гражданскому праву и гражданскимъ судамъ не есть нѣчто необходимо вытекающее изъ самой природы государства, нѣчто такое, что теперь признается необходимымъ во всѣхъ странахъ и признавалось таковымъ во всѣ времена". „Подчиненіе тѣхъ или другихъ отношеній данному закону, предоставленіе ихъ вѣдѣнію того или другого государственнаго учрежденія, судебнаго или административнаго, не есть такого рода вопросъ, который по самой природѣ своей, по самому существу своему допускалъ бы лишь одинъ какой-либо отвѣтъ. Именно наоборотъ. Какъ мы видѣли, въ разныхъ законодательствахъ разсматриваемый вопросъ находитъ совершенно разные отвѣты. И оцѣнка этихъ отвѣтовъ" „возможна лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности, практичности ихъ" (стр. 180).

Поэтому въ частности въ Россіи надо дорожить гражданскою подсудностью имущественныхъ сдѣлокъ казны, но не во имя выдержанности и послѣдовательности проведенія фикціи „казны" какъ особаго отъ государства юридическаго лица, а во имя охраны тѣхъ реальныхъ интересовъ, которые у насъ могутъ быть охраняемы только судами и

которые неминуемо начали бы нарушаться, если бъ разрѣшеніе этихъ дѣлъ было передано въ руки администраціи". Такими реальными интересами являются не столько имущественные интересы отдѣльныхъ контрагентовъ казны, сколько интересы твердости права, интересы законности (стр. 181).

Разсмотрѣвъ отвѣтственность за убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, какъ представителей казны по ея имуществамъ, г. Лазаревскій переходитъ далѣе (часть вторая) къ анализу отвѣтственности казны за убытки, причиненные должностными лицами въ области отношеній публично-правовыхъ. Желая всесторонне уяснить и обосновать отвѣтственность казны за дѣйствія должностныхъ лицъ, какъ органовъ власти, онъ приводитъ прежде всего разнообразные взгляды, высказанные по этому вопросу въ юридической литературѣ. Оказывается, что одна група писателей признаетъ необходимость отвѣтственности казны за убытки, причиненные органами государственной власти, другая такую отвѣтственность отрицаетъ. Первая точка зрѣнія защищается какъ старыми частно-правовыми теоріями, такъ и новыми теоріями публично-правовыми. Вторая нашла мѣсто у нѣкоторыхъ писателей, опирающихся на публично-правовыхъ соображеніяхъ. Старыя частно-правовыя теоріи строили отвѣтственность казны на началахъ гражданскаго права объ отвѣтственности за представителя или выводили ее изъ страхового договора, а представители публично-правовой точки зрѣнія для доказательства того же положенія указываютъ на то, что государство не исполнило своей обязанности— черезъ посредство своихъ органовъ обезпечить имущество и жизнь гражданъ (стр. 228 Геффтеръ), или ссылаются на взаимныя права и обязанности, существующія между правительствомъ и гражданами (стр. 230 Мейстерлинъ), или останавливаются на томъ, что „если чиновники дѣйствуютъ какъ органы государства и предоставленными имъ полномочіями пользуются въ интересахъ государства, то ихъ дѣйствія должны юридически разсматриваться, какъ дѣйствія государства" (Цахаріе, также Виндшейдъ, Ротъ, Штоббе, Горенбергъ, Клевицъ, Штейнгель, стр. 237 и сл.).

Отрицатели отвѣтственности казны за противозаконныя дѣйствія чиновниковъ основываютъ свой взглядъ также на разныхъ соображеніяхъ. Они указываютъ на то, что противозаконныя дѣйствія чиновниковъ „совершаются не только безъ порученія государства, но и помимо его воли" (стр. 210, Моль), что государство—власть должно быть отличаемо отъ государства—фиска (Зейдель, Пилоти, Ренне, гражд. кассац.

деп. нашего сената, стр. 215 и сл.), что незаконныя дѣйствія чиновниковъ суть дѣйствія не власти, а частныхъ лицъ (Гирке, Прейссъ, Еллинекъ, Ленингъ, стр. 220 и др.); наконецъ, что отвѣтственность казны свяжетъ энергію администраціи, помѣшаетъ отмѣнѣ неправильныхъ дѣйствій и разоритъ казну (Мишу, Блюнчли, стр. 226—227). Всѣ эти теоріи г. Лазаревскій признаетъ неудовлетворительными и потому дѣлаетъ попытку дать вопросу объ отвѣтствености казны за неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ свою конструкцію. По его мнѣнію, научное обоснованіе отвѣтственности казны въ дѣлахъ публично-правовыхъ „возможно только въ томъ случаѣ, если будетъ констатировано существенное измѣненіе или господствовавшихъ юридическихъ представленій или фактическаго положенія вещей въ вопросахъ сопредѣленныхъ съ отвѣтственностью казны, если будетъ доказано, что тѣ воззрѣнія, въ виду которыхъ ранѣе не возникало убѣжденія въ необходимости отвѣтственности казны, или тѣ условія, которыя дѣлали эту отвѣтственость фактически невозможною, замѣнились другими, дѣлающими отвѣтственность казны согласною съ запросами современнаго правосознанія и практически осуществимою" (246). Такія измѣненія въ томъ и другомъ отношеніи дѣйствительно наступили въ новѣйшее время. Такъ, съ 80-хъ годовъ начинаетъ признаваться возможность отвѣтственности въ гражданскомъ правѣ за себя и за другихъ безъ вины (стр. 249), а въ отвѣтственности юридическихъ лицъ за вредъ, причиненный ихъ органами, „въ настоящее время склонны видѣть отвѣтственность какъ бы за собственныя дѣйствія" (стр. 250). Далѣе произошли крупныя измѣненія въ складѣ правительственной дѣятельности. Въ новѣйшее время весьма возросло количество публично-правовыхъ задачъ государства, вслѣдствіе чего создалась „масса точекъ соприкосновенія каждаго обывателя съ органами власти" и „вопросъ о томъ, кто отвѣчаетъ за могущіе быть ими причиненными убытки, пріобрѣтаетъ несомнѣнный практическій интересъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуто признаніе политическихъ правъ обывателей и, при мильярдныхъ бюджетахъ новаго времени, получилась „казначейская возможность" установить и реализовать отвѣтственность казны (стр. 252—254).

Всѣ эти „измѣненія въ господствующихъ ученіяхъ объ основаніяхъ отвѣтственности за убытки устранили непреодолимое юридическое препятствіе къ установленію отвѣтственности казны" и сдѣлали эту отвѣтственность необходимой (стр. 255); но въ то же самое время они не создали юридическаго ея обоснованія. Необходимо поэтому обратиться

къ изслѣдованію и разрѣшенію этого важнаго вопроса. Г. Лазаревскій ищетъ юридическаго обоснованія отвѣтственности казны въ юридическихъ отношеніяхъ „между государствомъ и его должностнымъ лицомъ, съ одной стороны, и тѣмъ же должностнымъ лицомъ и обывателемъ съ другой" (стр. 259). Это приводитъ автора къ ученію о должности, являющемуся важнѣйшимъ моментомъ въ его излѣдованіи. На ученіи о должности г. Лазаревскій останавливается съ особымъ вниманіемъ. Онъ излагаетъ цѣлый рядъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ теорій по этому вопросу и, найдя ихъ неудовлетворительными (стр. 281—282), въ заключеніе формулируетъ на этотъ счетъ свой взглядъ, сущность котораго сводится къ слѣдующему. „Должность не есть какое-то особое установленіе, юридическое лицо, существующее независимо и отдѣльно отъ чиновника: это простое словесное обозначеніе совокупности его полномочій, его правъ и обязанностей какъ органа государства" (стр. 288). „Если принять такое пониманіе должности, то обиходное представленіе о государственномъ механизмѣ должно существеннымъ образомъ измѣниться" (ibid.). Нужно признать, что „органомъ государства непосредственно является физическое лицо, чиновникъ" (295 стр.). „Совокупность органовъ государства, въ самомъ широкомъ смыслѣ: монарха (гдѣ онъ есть), парламента (гдѣ есть), чиновничества, органовъ самоуправленія, войска"... образуетъ правительство (стр. 294), а „государственная власть есть совокупность полномочій отдѣльныхъ органовъ государства" (стр. 292). „Не можетъ быть допущена конструкція, которая бы видѣла въ правительствѣ или въ должностныхъ лицахъ представителей государства, какъ юридическаго лица" (стр. 291). „Между государствомъ и органомъ не можетъ существовать отношенія мандата, довѣренности или полномочія, не только частно-правового, но и публичнаго, ибо тутъ нѣтъ двухъ субъектовъ права: чиновникъ есть субъектъ права, а государство, какъ правительство, есть простая совокупность субъектовъ, но не субъектъ" (стр. 293). „Но отсюда, спѣшитъ оговориться г. Лазаревскій, отнюдь не слѣдуетъ дѣлать того вывода, чтобы государство вообще не было субъектомъ правъ: свойства государства, какъ субъекта, проявляются всякій разъ, когда данное государство вступаетъ въ сношенія съ другимъ государствомъ. Государство является субъектомъ въ имущественныхъ отношеніяхъ. Оно является субъектомъ правъ и въ государственномъ правѣ" (стр. 294).

Этотъ рядъ разсужденій приводитъ г. Лазаревскаго къ заключенію, что и „неправильныя должностныя дѣйствія имѣютъ юридическую при-

роду дѣйствій должностныхъ". „Если, говоритъ онъ (стр. 296), государственное управленіе есть дѣятельность физическихъ лицъ, а не непогрѣшимыхъ абстрактныхъ установленій,—должностей,—то государственное управленіе нельзя предполагать неизмѣнно правильнымъ. А потому нельзя исключать изъ актовъ по государственному управленію и неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ" (ibid.). Изъ приведенной конструкціи отношеній между государствомъ и должностнымъ лицомъ дѣлается тотъ выводъ, что на казну должна падать отвѣтственность за неправильныя и преступныя дѣйствія должностныхъ лицъ.

Установивъ это общее положеніе, г. Лазаревскій переходитъ къ обзору постановленій на этотъ счетъ законодательствъ какъ иностранныхъ, такъ и русскаго. При этомъ оказывается, что отвѣтственность казны за убытки, причиненные должностными лицами при осуществленіи ими полномочій власти, постепенно все болѣе и болѣе завоевываетъ признаніе въ разныхъ государствахъ. Въ однихъ она устанавливается въ видѣ общаго правила, въ другихъ (большинство) путемъ распространенія ея отдѣльными законами на отдѣльные виды дѣлъ. Къ числу такихъ особенныхъ случаевъ отвѣтственности въ дѣйствующемъ правѣ западно-европейскихъ государствъ относится отвѣтственность за сохранность депозитовъ, за убытки, причиненные неправильными дѣйствіями чиновниковъ ипотечныхъ учрежденій, судовъ, нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, отвѣтственность за цензуру, таможню, за учрежденія по взиманію косвенныхъ налоговъ, за педагогическій персоналъ публичныхъ учебныхъ заведеній. Списокъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ устанавливается отвѣтственность казны, представляетъ въ отдѣльныхъ государствахъ чрезвычайное разнообразіе и постепенно все болѣе и болѣе увеличивается. Такимъ образомъ отвѣтственность казны несомнѣнно движется поступательно въ сторону все большаго и большаго своего развитія, при чемъ она падаетъ на государство въ первую очередь или является субсидіарной.

Тотъ же процессъ отчасти замѣчается и въ Россіи. Въ изъятіе изъ общаго правила, что казна не отвѣчаетъ за убытки, причиненные дѣйствіями должностныхъ лицъ при осуществленіи ими полномочій публичной власти, отдѣльные законы, а также административная и судебная практика постепенно начинаютъ допускать такую отвѣтственность (стр. 342—374).

Покончивъ съ вопросомъ объ отвѣтственности казны за убытки, причиненные должностными лицами, г. Лазаревскій въ третьей части своей книги переходитъ къ анализу отвѣтственности самихъ должно-

стныхъ лицъ. Здѣсь онъ останавливается на отвѣтственности лицъ административнаго вѣдомства и судей за убытки, происшедшіе какъ отъ неправильныхъ, такъ и преступныхъ дѣйствій тѣхъ и другихъ. При этомъ авторъ слѣдитъ за постановкой изслѣдуемаго вопроса по законамъ и въ судебной практикѣ не только Россіи, но и иностранныхъ государствъ и касается какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права. Критическій разборъ какъ положительнаго права, такъ и мнѣній писателей, сдѣланный съ большимъ искусствомъ, приводитъ г. Лазаревскаго къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ.

„Установленіе гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ обывателями за убытки, причиненные ихъ неправильными (не преступными) дѣйствіями, отнюдь не можетъ быть признано не только необходимымъ, но и желательнымъ". „Изъ существа юридической природы государственной (или общественной) службы нельзя извлечь никакого юридическаго основанія для отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ обывателями". „Поэтому является вполнѣ понятнымъ стремленіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствъ или вовсе устранить отвѣтственность чиновника передъ обывателемъ, замѣнивъ ее отвѣтственностью казны, или по крайней мѣрѣ возложить на казну субсидіарную отвѣтственность за чиновника". „Что касается убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ должности, то, пока основнымъ началомъ гражданскаго права является то положеніе, что каждый долженъ вознаградить тѣ убытки, которые причинены его уголовно наказуемымъ дѣяніемъ, не усматривается основаній для того, чтобы освобождать отъ этой отвѣтственности и должностныхъ лицъ". Это конечно не исключаетъ возможности и даже необходимости того, чтобы непосредственно передъ обывателемъ отвѣтственность за убытки, причиненные преступленіями должности, несла казна" (стр. 580—581).

Четвертая и послѣдняя часть (стр. 583—712) книги г. Лазаревскаго посвящена вопросу объ отвѣтственности самоуправляющихся единицъ.

„Вопросъ объ отвѣтственности самоуправляющихся единицъ за убытки, причиняемые ихъ должностными лицами, а также и вопросъ объ отвѣтственности этихъ должностныхъ лицъ самихъ за себя, по вѣрному замѣчанію г. Лазаревскаго, принадлежитъ къ наиболѣе спорнымъ въ наукѣ и судебной практикѣ" (стр. 583).

Дѣйствительно, по одному воззрѣнію, отвѣтственность самоуправляющихся единицъ во всемъ приравнивается къ отвѣтственности государствъ; по другому, къ самоуправляющимся единицамъ должны быть примѣнены принципы отвѣтственности обществъ и товариществъ ча-

стнаго права; наконецъ, третья точка зрѣнія старается найти то или иное среднее рѣшеніе.

Чтобы, при такихъ условіяхъ, найти правильный путь рѣшенія поставленной проблемы и дать ей правильную конструкцію, авторъ разсматриваемой книги считаетъ необходимымъ выяснить сущность самоуправленія, „твердо установить, что такое самоуправленіе" (584).

Съ этой цѣлью онъ представляетъ весьма интересный, полный и систематичный обзоръ разнообразныхъ теорій самоуправленія и дѣлаетъ имъ критическую оцѣнку. Критика приводитъ г. Лазаревскаго къ тому заключенію, что онъ не можетъ примкнуть ни къ одной изъ нихъ, считая ихъ неудовлетворительными и неспособными служить основаніемъ для разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности самоуправляющихся единицъ и ихъ органовъ за убытки, причиненные неправильными или преступными дѣйствіями послѣднихъ. Поэтому онъ пытается дать свою собственную, новую конструкцію самоуправленія. Эта конструкція выливается въ такія формулы: „самоуправленіе есть завѣдываніе государствомъ чрезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами мѣстнаго государственнаго управленія" (стр. 624) — или „самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе, гдѣ дѣйствительность децентрализаціи обезпечивается системою такого рода юридическихъ гарантій, которыя, создавая самостоятельность органовъ мѣстнаго государственнаго управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ создаютъ и тѣсную ихъ связь съ данною мѣстностью и ея населеніемъ" (стр. 638). Уяснивъ юридическую природу самоуправленія, г. Лазаревскій переходитъ къ разсмотрѣнію отвѣтственности за убытки, причиненные органами самоуправленія, и пользуется своей конструкціей для установленія предѣловъ и характера этой отвѣтственности. Въ рядѣ главъ подвергается обстоятельному и очень интересному анализу рѣшеніе даннаго вопроса въ разныхъ законодательствахъ и судебной практикѣ разныхъ странъ, а равно и въ юридической литературѣ. Особенно тщательно разработаны и разобраны русское законодательство и русская судебная практика. Въ итогѣ, опираясь на свою конструкцію самоуправленія, г. Лазаревскій настаиваетъ на томъ, что „отвѣтственность должностныхъ лицъ самоуправленія должна быть" „та же самая, что и у должностныхъ лицъ коронной службы". Затѣмъ „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда бы мы, на основаніи общихъ правилъ, признали казну отвѣтственною за дѣйствія должностного лица коронной службы, — мы должны признать и кассу самоуправляющейся единицы отвѣтственною за дѣйствія ея органовъ". „Исключеніе изъ этого правила

слѣдуетъ сдѣлать лишь для тѣхъ дѣлъ, изъ числа предоставленныхъ самоуправляющимся единицамъ, въ которыхъ ихъ должностныя лица поставлены въ положеніе, подчиненное органамъ казенной администраціи". Въ такихъ дѣлахъ отвѣтственность должна падать не на самоуправляющуюся единицу, а на казну (стр. 711). Что же касается отвѣтственности сельскихъ и городскихъ общинъ за убытки, причиненные на ихъ территоріяхъ народными скопищами, то, по мнѣнію г. Лазаревскаго, она юридически возможна только при томъ условіи, чтобы завѣдываніе полиціею и распоряженіе военною силою принадлежали общиннымъ властямъ (стр. 712). Болѣе того. Онъ высказывается даже въ пользу прямой отвѣтственности казны, ибо причиною народныхъ волненій всегда являются условія общія, а не мѣстныя, зависящія отъ общинныхъ властей (стр. 710). Таково въ существеннѣйшихъ чертахъ богатое содержаніе разсматриваемой книги г. Лазаревскаго.

Останавливаясь на оцѣнкѣ научнаго значенія этого сочиненія, необходимо признать, что оно отличается многими и выдающимися достоинствами.

Прежде всего, по сравненію съ другими сочиненіями, посвященными тому же вопросу, книга г. Лазаревскаго отличается наибольшей полнотой содержанія. Ни одна сколько-нибудь важная сторона изслѣдуемой проблемы не осталась незамѣченной авторомъ и каждая получила весьма тщательную научную разработку. Можно сказать, что работа г. Лазаревскаго представляетъ не одну, а нѣсколько монографій, связанныхъ другъ съ другомъ общностью ихъ основной темы. Далѣе г. Лазаревскимъ собранъ огромный и чрезвычайно разнообразный матеріалъ какъ изъ области законодательствъ и судебной практики разныхъ странъ, такъ и изъ области литературы предмета.

Въ научной обработкѣ этого матеріала г. Лазаревскій показалъ всю силу своей юридической мысли, несомнѣнный критическій талантъ и большое искусство систематическаго, яснаго и убѣдительнаго изложенія. Онъ чрезвычайно умѣло пользуется всей массой собраннаго матеріала для своихъ научныхъ выводовъ и построеній. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе тѣ главы книги, которыя посвящены анализу русской судебной и административной практики и русскаго законодательства. Тутъ автору приходилось преодолѣвать весьма большія затрудненія. Приходилось пользоваться отрывочными постановленіями, иногда намеками законовъ и разнородной практикой различныхъ учрежденій (старые департаменты сената, департаменты кассаціонные, государственный совѣтъ), чтобы изъ этихъ данныхъ воз-

становить болѣе или менѣе цѣльную картину юридическихъ отношеній. И надо признать, что г. Лазаревскому удавалось съ большимъ искусствомъ справляться съ своей трудной задачей. При этомъ необходимо также отмѣтить, что многіе вопросы русскаго права объ отвѣтственности за убытки, причиненные должностными лицами, разработаны имъ совершенно самостоятельно, оригинально и мастерски. Наконецъ, вся книга г. Лазаревскаго проникнута мыслью и стремленіемъ, основываясь на анализѣ дѣйствующаго въ разныхъ государствахъ права, раскрыть въ немъ элементы прогресса въ разсматриваемой области и дать въ новой конструкціи отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами, выраженіе назрѣвшимъ требованіямъ современнаго правосознанія, которое настаиваетъ на расширеніи отвѣтственности государства.

Всѣ эти достоинства сочиненія г. Лазаревскаго даютъ основаніе признать его выдающимся явленіемъ въ области литературы по государствовѣдѣнію не только русской, но и иностранной.

Но справедливость требуетъ рядомъ со всѣми положительными сторонами разсматриваемой книги отмѣтить также и ея недостатки. Послѣдніе главнымъ образомъ заключаются въ нѣкоторыхъ необоснованныхъ, противорѣчивыхъ, спорныхъ или просто неправильныхъ положеніяхъ и юридическихъ построеніяхъ. Къ числу такихъ положеній и построеній относятся тѣ, въ которыхъ выразились воззрѣнія г. Лазаревскаго на природу „казны“ (фиска), на отношеніе между государствомъ и его должностными лицами или, что то же, на природу должности и на существо самоуправленія.

Остановимся прежде всего на воззрѣніяхъ г. Лазаревскаго на „казну“. По мнѣнію г. Лазаревскаго, какъ было замѣчено раньше, „концепція государства, какъ юридическаго лица, въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ подчиняющагося нормамъ гражданскаго права, вовсе не является необходимою“.

„Государства могутъ жить и безъ этой концепціи. Она практична, цѣлесообразна, къ ней большинство государствъ пришло, но про нее нельзя говорить, что она съ неизбѣжностью, неустранимо вытекаетъ изъ самого существа государства“ (стр. 90). „Если“, говорится въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 35), „понятіе фиска пришлось свести къ понятію государства, какъ субъекта имущественныхъ правъ вообще, и публичныхъ, и частныхъ,—то ученіе о фискѣ окончательно теряетъ не только теоретическій, научный, но и практическій интересъ“.

Концепція фиска не только не необходима, она даже отчасти

вредна; вредна она потому, что „ограничиваетъ отвѣтственность казны одною, полуслучайно избранною областью". „Не юридическая природа казны требуетъ отвѣтственности ея за чиновниковъ, завѣдывающихъ ея имуществами, а практическія потребности гражданскаго оборота" (стр. 92).

Подчиненіе казны тѣмъ или другимъ законамъ, предоставленіе ея дѣлъ вѣдѣнію тѣхъ или другихъ учрежденій, судебныхъ или административныхъ,—это вопросы, допускающіе различные отвѣты, которые должны оцѣниваться лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности, практичности ихъ (стр. 180). Съ приведеннымъ взглядомъ г. Лазаревскаго на фискъ едва ли можно согласиться.

Несомнѣнно, что безъ концепціи государства, какъ юридическаго лица, подчиняющагося въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ нормамъ гражданскаго права, можно обойтись. Но доказываетъ ли это ненадобность и неправильность самой концепціи? Конечно, нѣтъ. Къ этой концепціи, по словамъ самого же г. Лазаревскаго, пришло большинство государствъ. Имъ же она признается практичной и цѣлесообразной. Есть, дѣйствительно, полное основаніе подчинить кругъ частно-правовыхъ отношеній, въ которыя вступаетъ государство со своими подданными, дѣйствію въ извѣстныхъ предѣлахъ нормъ гражданскаго права, признать такимъ образомъ государство субъектомъ гражданскаго права и въ этомъ смыслѣ сохранить понятіе „казны", „фиска". Это оправдывается не одними соображеніями практичности и цѣлесообразности, но вытекаетъ тоже изъ требованій справедливости и существа тѣхъ отношеній, въ которыя вступаетъ государство. Въ самомъ дѣлѣ, вступая въ отношенія частно-правового оборота, государство должно подчиняться и тѣмъ юридическимъ нормамъ, хотя бы съ нѣкоторыми отступленіями отъ нихъ, которыми регулируется этотъ оборотъ, т. е. нормамъ гражданскаго права. Что предписывается правомъ для опредѣленія отношеній между частными лицами, то должно быть примѣняемо къ такимъ же отношеніямъ и тогда, когда контрагентомъ въ нихъ является государство. Примѣненіе нормъ гражданскаго права къ имущественнымъ правоотношеніямъ казны нынѣ находитъ мѣсто даже въ такихъ странахъ, какъ Франція.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе въ вышеуказанномъ смыслѣ понятія фиска не приводитъ и къ раздвоенію государства. Среди государствовѣдовъ весьма значительная группа выдающихся представителей науки (Цёпфль, Генель, Цорнъ, Г. Мейеръ, Лабандъ, Еллинекъ и др.) вполнѣ

правильно различаетъ въ жизни государства сторону публично-правовыхъ и сторону частно-правовыхъ отношеній, но видитъ въ немъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ одно и то же юридическое лицо. Наконецъ, напрасно г. Лазаревскій, впадая въ самопротиворѣчіе, настаиваетъ на томъ, что концепція фиска даже отчасти вредна, такъ какъ „ограничиваетъ отвѣтственность казны одною, полуслучайно избранною областью“ (стр. 92). Такое ограниченіе отвѣтственности казны отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе принятія концепціи фиска. Неотразимымъ опроверженіемъ только что приведеннаго замѣчанія г. Лазаревскаго является практика государствъ Германіи (стр. 312—313).

Такимъ образомъ взглядъ г. Лазаревскаго на фискъ не можетъ быть признанъ правильнымъ.

Нельзя также вполнѣ согласиться и съ тѣмъ, что г. Лазаревскій говоритъ о должности или по поводу вопроса о должности. „Должность“, какъ мы знаемъ, по мнѣнію г. Лазаревскаго, не есть особое юридическое лицо, существующее отдѣльно отъ чиновника: „это простое словесное обозначеніе совокупности его полномочій, его правъ и обязанностей, какъ органа государства“ (стр. 288). „Органомъ государства непосредственно является физическое лицо, чиновникъ“ (295 стр.). Совокупность органовъ государства образуетъ правительство (стр. 294), а „государственная власть есть совокупность полномочій отдѣльныхъ органовъ государства“ (стр. 292). Между государствомъ и органомъ не можетъ существовать отношенія полномочія, ибо тутъ нѣтъ двухъ субъектовъ права: „чиновникъ есть субъектъ права, а государство, какъ правительство, есть простая совокупность субъектовъ, но не субъектъ“ (293 стр.). „Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ дѣлать того вывода, чтобы государство вообще не было субъектомъ правъ“. Оно является таковымъ въ области международныхъ сношеній, въ имущественныхъ отношеніяхъ и въ государственномъ правѣ (294 стр.). „Чтобы разобраться въ этомъ кажущемся противорѣчіи, говоритъ г. Лазаревскій, надо точно различать государство, какъ совокупность обывателей, и правительство, какъ совокупность органовъ, должностныхъ лицъ. Государство, поскольку оно можетъ входить въ юридическія отношенія съ третьими лицами (въ томъ числѣ и съ обывателями), есть юридическое лицо“ (стр. 294). На основаніи изложеннаго авторъ приходитъ къ заключенію, что на казну должна падать отвѣтственность не только за неправильныя, но и преступныя дѣйствія должностныхъ лицъ.

Не трудно отмѣтить въ этой цѣпи положеній рядъ разныхъ погрѣшностей. Прежде всего различеніе государства, какъ *правительства* [1]), и государства, какъ *совокупности обывателей*, — искусственно и неправильно: государство представляетъ изъ себя совокупность обывателей вмѣстѣ съ правительствомъ. Далѣе государство, по вѣрному замѣчанію г. Лазаревскаго, можетъ входить въ отношенія съ третьими лицами, и тогда оно есть юридическое лицо. Но о какомъ государствѣ здѣсь можетъ быть рѣчь—о государствѣ, какъ правительствѣ, или о государствѣ, какъ совокупности обывателей? Очевидно, о государствѣ въ послѣднемъ смыслѣ, ибо государство, какъ правительство, — не субъектъ права (стр. 293), хотя какъ субъектъ оно мыслимо только при наличности правительства (стр. 292). Такимъ образомъ, государство, повороченное со стороны правительства,—не субъектъ права, а со стороны обывателей—субъектъ! Но мало этого. Государство въ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ (напр., въ области международныхъ сношеній) выступаетъ въ качествѣ юридическаго лица и является субъектомъ правъ, но отъ имени государства дѣйствуютъ его органы, „чиновники", которые (напр., дипломатическіе агенты), по мнѣнію автора, тоже субъекты правъ (293 стр.). Слѣдовательно, вопреки конструкціи г. Лазаревскаго, и государство и его чиновники явятся субъектами правъ, а государство, кромѣ того, въ однихъ случаяхъ оказывается субъектомъ правъ, въ другихъ нѣтъ. Спрашивается, какъ же конструировать юридическія отношенія между этими двумя субъектами? Затѣмъ г. Лазаревскій говоритъ, что „между государствомъ и органомъ не можетъ существовать отношенія мандата, довѣренности или *полномочія*" (стр. 293), но въ то же самое время органы снабжены *полномочіями*. Возникаетъ естественно вопросъ, откуда же органы получаютъ эти полномочія? Отвѣтъ находимъ у автора. „Ему (т. е. органу, физическому лицу, чиновнику) законъ предоставляетъ для осуществленія извѣстныхъ задачъ управленія нѣкоторую степень власти" (стр. 295), т. е. въ концѣ концовъ полномочія, правительственныя права физическое лицо, становящееся „чиновникомъ", получаетъ отъ государства (ср. стр. 284), которое снова таки является ихъ субъектомъ. Такимъ образомъ, отмѣченная непослѣдовательность въ построеніи г. Лазаревскаго становится очевидной. Что касается представленія г. Лазаревскаго о должности и о должностномъ лицѣ, то, какъ вѣрно было уже замѣчено критикой (статья бар. А. Нольде въ Ж. Мин.

[1]) Курсивъ вездѣ мой.

Юст., ноябрь 1905 г., стр. 392), онъ въ противоположность нѣмецкой наукѣ, ипостазирующей абстрактное представленіе о должности, впалъ въ другую крайность, „усматривая въ должностныхъ лицахъ единственныхъ субъектовъ правительственныхъ правъ“, и не обратилъ надлежащаго вниманія на то, что понятіе должности есть абстрактный типъ, абстрактная юридическая квалификація конкретныхъ реальныхъ отношеній, которыя дѣйствительно могутъ быть осуществлены лишь живыми людьми. Такимъ образомъ разсмотрѣнная конструкція г. Лазаревскаго не можетъ быть признана удачной. Къ тому же для обоснованія имущественной отвѣтственности государства за его должностныхъ лицъ она и не представляется необходимой.

Еще большей необоснованностью и противорѣчіями отличается предложенная г. Лазаревскимъ конструкція самоуправленія.

Раскритиковавъ всѣ существующія въ наукѣ государственнаго права теоріи самоуправленія, г. Лазаревскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) „самоуправленіе есть осуществленіе правительственныхъ правъ по порученію отъ государства“;

2) „самоуправленіе есть дѣятельность, состоящая въ исполненіи мѣстныхъ задачъ государственнаго управленія“;

3) „сущность самоуправленія *нельзя видѣть въ осуществленіи задачъ управленія не самимъ государствомъ, а какими-либо другими публично-правовыми юридическими лицами*, которымъ государство передаетъ принадлежащія ему правительственныя права; слѣдовательно, *самоуправленіе есть исполненіе задачъ государственнаго управленія самимъ государствомъ*; и, наконецъ, 4) сущность самоуправленія нельзя видѣть и въ томъ, что государство дѣйствуетъ черезъ лицъ, принадлежащихъ не къ правительственному организму, а къ мѣстному обществу; слѣдовательно, *органы самоуправленія являются органами и представителями самого государства*“. Отсюда авторъ приходитъ къ такому положенію: „самоуправленіе есть завѣдываніе государствомъ черезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами мѣстнаго государственнаго управленія“ (стр. 624). Но это опредѣленіе не удовлетворяетъ самого автора. Онъ говоритъ, что „подобный выводъ носитъ чисто отрицательный характеръ, ибо онъ лишь отвергаетъ все, въ чемъ думали видѣть сущность самоуправленія, какъ системы управленія, по существу своему отличающейся отъ общей администраціи“ (ibid.).

Дѣйствительно, представляется совершенно необходимымъ поставить вопросъ о различіи между самоуправленіемъ и управленіемъ при по-

мощи правительственныхъ органовъ. Этотъ вопросъ и ставитъ самъ г. Лазаревскій и пытается дать на него отвѣтъ. Къ сожалѣнію, характеристика самоуправленія переплетается съ характеристикой „дѣйствительной децентрализаціи“ и не отличается достаточной опредѣленностью. Болѣе опредѣленно высказывается авторъ относительно средствъ обезпечить самостоятельность и успѣшность дѣятельности органовъ самоуправленія. Средства же эти сводятся къ слѣдующему.

1) „Ограниченіе компетенціи органовъ самоуправленія дѣлами мѣстнаго характера“, вслѣдствіе чего создается „совершенно особенный интересъ *должностныхъ лицъ самоуправленія* къ порученнымъ имъ дѣламъ“ (стр. 634), „какого никогда не можетъ быть у *казеннаго чиновника*“ (стр. 635). „Получается впечатлѣніе, *будто* (!) *въ противоположность чиновникамъ общей администраціи*, занятымъ казеннымъ, чужимъ дѣломъ, *органы самоуправленія*, или даже въ лицѣ ихъ все мѣстное населеніе, представителями котораго онъ *какъ будто* (!) является, вѣдаютъ свои собственныя дѣла, сами управляютъ ими“ (стр. 634).

2) „Установленіе точныхъ предѣловъ вмѣшательству центральныхъ установленій и присвоеніе предоставленной мѣстнымъ органамъ компетенціи характера правъ, снабженныхъ юридическими средствами защиты“, благодаря чему получается „въ высшей степени обезпеченное, самостоятельное положеніе органовъ самоуправленія“ (стр. 636). Такая „система правовой охраны компетенціи самоуправленія *придаетъ самоуправляющимся единицамъ характеръ юридическихъ лицъ*“ (стр. 637).

3) „Средствомъ замѣнить надзоръ высшихъ установленій контролемъ общественнаго мнѣнія является гласный характеръ дѣятельности, по крайней мѣрѣ, части органовъ самоуправленія, а засимъ избраніе должностныхъ лицъ самоуправленія и непремѣнно на болѣе или менѣе краткій срокъ“. „Выборы устанавливаютъ“ „извѣстный *представительный характеръ должностей органовъ самоуправленія*“ *и связываютъ ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ* (стр. 637).

Вслѣдъ за этимъ неожиданно авторъ заявляетъ, что „такъ какъ *органы самоуправленія*, даже будучи выборными, *несомнѣнно являются органами государства и юридически не могутъ быть признаны представителями мѣстнаго населенія*“ и такъ какъ дѣла, входящія въ компетенцію самоуправленія, все-таки „являются не собственными дѣлами мѣстнаго населенія, а дѣлами мѣстнаго государственнаго управленія, то *конструкція самоуправленія, какъ самодѣятельности мѣстнаго общества, является научно недопустимою*“. На основаніи всего

изложеннаго г. Лазаревскій приходитъ къ слѣдующему опредѣленію самоуправленія: „самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе, гдѣ дѣйствительность децентрализаціи обезпечивается системою такого рода юридическихъ гарантій, которыя, создавая самостоятельность органовъ мѣстнаго государственнаго управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ создаютъ и тѣсную ихъ связь съ данною мѣстностью и ея населеніемъ“ (стр. 638).

Свою теорію самоуправленія авторъ кладетъ въ основаніе юридическаго построенія отвѣтственности самоуправляющихся единицъ за убытки, причиненные ихъ органами. При этомъ онъ постоянно говоритъ о самоуправляющихся единицахъ и ихъ органахъ, признаетъ эти единицы „*вполнѣ обособленными отъ государства юридическими лицами*“ съ полной кассовой и имущественной обособленностью (вслѣдствіе чего отвѣтственность за должностныхъ лицъ самоуправленія должна падать на кассу самоуправляющейся единицы, но не на государственное казначейство (стр. 640, 641) и т. д. Приведенныя сужденія г. Лазаревскаго вызываютъ цѣлый рядъ возраженій.

Прежде всего приходится признать неудовлетворительнымъ самое опредѣленіе самоуправленія. Изъ этого опредѣленія совершенно не видно, почему для децентрализованнаго государственнаго управленія понадобилось изобрѣсть названіе самоуправленія и чѣмъ самоуправленіе отличается отъ государственнаго управленія. Въ немъ не собраны даже тѣ признаки самоуправленія, о которыхъ, правда не безъ самопротиворѣчій, упоминаетъ авторъ. Вмѣсто этого дается довольно абстрактная формула, въ которой попадаются признаки, лишенные всякаго юридическаго значенія, напр., „тѣсная“ связь органовъ мѣстнаго управленія съ мѣстностью. „Тѣсный“ — признакъ не юридическій. Затѣмъ г. Лазаревскій впалъ въ цѣлый рядъ противорѣчій. Такъ, онъ то не считаетъ возможнымъ видѣть „сущность самоуправленія въ осуществленіи задачъ управленія не самимъ государствомъ, а какими-либо другими публично-правовыми юридическими лицами“ (стр. 603 — 616, 624, ср. также стр. 638), то, наоборотъ, говоритъ о самоуправляющихся единицахъ, за которыми признаетъ значеніе юридическихъ лицъ (стр. 637, 641 и др.), вполнѣ обособленныхъ отъ государства, то далѣе противополагаетъ органы самоуправленія „казенному чиновнику“ или „чиновнику бюрократіи“ (стр. 635—636) и находитъ, что выборы устанавливаютъ извѣстный представительный характеръ должностей органовъ самоуправленія (637), то считаетъ органы самоуправленія органами государства (стр. 638),

которые не могутъ быть признаны представителями мѣстнаго населенія (638). Наконецъ, предложенная г. Лазаревскимъ конструкція самоуправленія и не нужна, ибо тѣ выводы, которые дѣлаются вслѣдствіе ея приложенія при рѣшеніи вопроса объ отвѣтственности самоуправляющихся единицъ за ихъ органы, частью могутъ быть получены отъ примѣненія другихъ теорій самоуправленія, частью изъ теоріи автора не вытекаютъ (напр., если органы самоуправленія являются органами государства, то, казалось бы, государство и должно было бы за нихъ отвѣчать, между тѣмъ за нихъ, по мнѣнію г. Лазаревскаго, должна отвѣчать самоуправляющаяся единица). Въ виду всего сказаннаго теорія самоуправленія, выставленная г. Лазаревскимъ, не можетъ быть принята.

Таковы крупнѣйшіе недочеты въ разсматриваемой книгѣ. На второстепенныхъ погрѣшностяхъ я останавливаться не буду.

Въ заключеніе все же нельзя не признать, что книга г. Лазаревскаго, безъ всякаго сомнѣнія, представляется выдающимся научнымъ изслѣдованіемъ, внесшимъ крупный вкладъ въ юридическую литературу.

И. Ивановскій.

З. Аваловъ. **Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней.** С.-Пб. 1905 г. 347 стр.

Извѣстно, что Франція является классической страной, въ которой строй управленія характеризуется проведеніемъ начала централизаціи и слабымъ развитіемъ самоуправленія. „Вотъ уже три столѣтія“, какъ она, по вѣрному замѣчанію г. Авалова (стр. VI), „шлифуетъ свое государственное единство, и нигдѣ не оказалось такого простора для централизаціи, какъ здѣсь, благодаря національной однородности и связности населенія и, затѣмъ, разрушенію провинцій и сословій“. „Тѣмъ не менѣе, централизаціи въ ея первоначальной строгости не удалось сохранить“ (стр. VII). Децентрализація и нѣкоторое развитіе самоуправленія совершались медленно, съ большими затрудненіями, цѣною борьбы.

Задачей разсматриваемаго изслѣдованія является раскрытіе этого процесса и уясненіе того, „какъ возникъ новѣйшій обликъ административной централизаціи, подъ какимъ идейнымъ знаменемъ и при какихъ условіяхъ въ ней пробивались бреши въ пользу начала противоположнаго, какъ ставится вопросъ о ней въ наше время“.

Для разрѣшенія этой задачи г. Аваловъ не входитъ въ разсмотрѣніе различныхъ элементовъ мѣстнаго управленія во всей ихъ совокупности, но ограничиваетъ область своего изслѣдованія лишь органами департаментскаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова (префектъ, департаментскій совѣтъ, департаментскія комиссіи). „Префектъ и департаментскій совѣтъ, говоритъ онъ,—вотъ основные элементы административной физіономіи департамента. Ихъ взаимоотношеніе является въ каждую пору его развитія рѣшающимъ для всей картины. Оставаясь всегда руководящимъ агентомъ центральной власти въ департаментѣ, префектъ въ началѣ XIX в. играетъ доминирующую роль и въ собственныхъ дѣлахъ послѣдняго; въ концѣ вѣка департаментъ въ лицѣ своего совѣта становится несомнѣннымъ хозяиномъ собственныхъ дѣлъ; префектъ превращается въ предупредительнаго и отвѣтственнаго исполнителя его постановленій, оставаясь попрежнему, хотя и не въ такой степени, источникомъ правительственнаго лучеиспусканія“ (стр. 151).

Отправнымъ пунктомъ изученія авторъ разсматриваемой книги избираетъ знаменитый законъ 28 плювіоза VIII года, къ которому дѣйствительно корнями своими прикрѣпляются современные элементы мѣстнаго управленія во Франціи. Законъ этотъ, насквозь проникнутый началомъ централизаціи, во главѣ департамента ставитъ правительственнаго агента—префекта и рядомъ съ нимъ съ весьма скромной ролью департаментскій совѣтъ, слагающійся изъ лицъ по назначенію правительства. Онъ существеннымъ образомъ измѣнилъ систему мѣстнаго управленія, введенную въ началѣ революціи. Съ закона 28 плювіоза VIII года „Франція получила административное устройство, въ рамкахъ котораго развивалось все 19-ое столѣтіе, и основныя черты котораго сохранились до нашихъ дней“ (стр. 59). Кореннымъ недостаткомъ, „прирожденнымъ порокомъ“ закона 28 плювіоза, по вѣрному мнѣнію г. Авалова, было то, что интересы мѣстнаго общества были имъ забыты. Между тѣмъ—„мѣстное общество не могло уложиться въ предписанныя ему рамки и фатально стремилось ослабить наложенныя на него путы и создать себѣ иныя, болѣе просторныя условія существованія“. Понятно поэтому, что „борьба за децентрализацію и самоуправленіе разыгрывалась во Франціи не разъ въ теченіе 19-го вѣка“.

Провинціальной Франціи не удалось расшатать бюрократической твердыни, созданной „административной хартіей“ 28 плювіоза. Но, шагъ за шагомъ, участіе земскихъ людей въ мѣстномъ управленіи все возрастало и соотвѣтственно уменьшалось или, вѣрнѣе, смягчалось

всемогущество центральной власти и ея мѣстныхъ агентовъ (стр. 62). Историческими вѣхами, указывающими на поступательное въ общемъ развитіе децентрализаціи и самоуправленія въ департаментскомъ управленіи во Франціи, являются законы 1833, 1838, 1848, 1852, 1866 и 1871 гг. съ цѣлымъ рядомъ къ нимъ примыкающихъ болѣе частныхъ законоположеній. Законъ 1833 г. ввелъ избраніе членовъ департаментскихъ совѣтовъ мѣстнымъ обществомъ вмѣсто назначенія ихъ правительствомъ, а на основаніи закона 1838 г. о компетенціи департаментскихъ совѣтовъ, объединившаго прежде изданныя законоположенія на этотъ счетъ (напр., законъ о финансахъ 1805 г., декретъ 9 апр. 1811 г. о передачѣ государствомъ въ полную собственность департаментамъ, округамъ и общинамъ національныхъ зданій), кругъ дѣлъ этихъ совѣтовъ расширился и за департаментами окончательно признано значеніе юридическаго лица. Послѣ этихъ реформъ въ періодъ іюльской монархіи значеніе департаментскихъ совѣтовъ возрасло весьма замѣтно. Они оказались не только представительными органами мѣстнаго управленія, но и вліятельными органами общественнаго мнѣнія страны по вопросамъ какъ мѣстнаго, такъ и общегосударственнаго значенія.

Въ 1848 г. обнаруживается новый поворотъ въ судьбѣ департаментскихъ совѣтовъ: въ ихъ составъ вводятся представители отъ каждаго кантона, засѣданія дѣлаются публичными, и при департаментскихъ выборахъ система ценза уступаетъ мѣсто всеобщему избирательному праву, только что введенному тогда во Франціи. Вскорѣ однако по отношенію къ департаментскимъ совѣтамъ были предприняты реакціонныя мѣры. Въ 1852 г. у нихъ были отняты гласность засѣданій и исконное право избирать свое бюро (то и другое было возстановлено впослѣдствіи). Члены бюро (предсѣдатели, вицепредсѣдатели и секретари) стали назначаться главой исполнительной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный декретъ 25 марта 1852 г. о децентрализаціи (восполненный декретомъ 1861 г.) расширилъ власть префекта и предоставилъ ему право утверждать цѣлый рядъ постановленій департаментскихъ совѣтовъ, которыя прежде требовали утвержденія министромъ. Но стѣсненія въ отношеніи департаментскихъ совѣтовъ и сосредоточеніе власти въ рукахъ органовъ правительства были понятны лишь при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Франція въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда внутренній порядокъ въ странѣ былъ возстановленъ и укрѣпленъ, правительство Наполеона III сдѣлало важный шагъ въ сто-

рону развитія децентрализаціи и самоуправленія. Законъ 18 іюля 1866 г. не только расширилъ компетенцію департаментскихъ совѣтовъ, но и увеличилъ степень ихъ власти, снабдивъ ихъ правомъ постановлять окончательныя рѣшенія по цѣлому ряду дѣлъ и освободивъ эти рѣшенія отъ необходимости утвержденія ихъ правительственной властью. За послѣдней сохранено лишь право отмѣны или пріостановки исполненія такихъ рѣшеній въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Сверхъ того, произведены были существенныя перемѣны въ департаментскомъ бюджетѣ.

Послѣднимъ этапомъ въ развитіи департаментскаго управленія является законъ третьей республики 1871 г. Онъ коснулся какъ компетенціи, такъ и устройства органовъ самоуправленія. Въ вопросѣ о компетенціи департаментскихъ совѣтовъ новый законъ замѣняетъ законы 1838 и 1866 гг. и даетъ лишь дальнѣйшее развитіе принципамъ послѣдняго. Новшество онъ вводитъ въ области устройства органовъ департаментскаго самоуправленія. Имъ создается новый органъ— департаментская комиссія для руководства и надзора за исполненіемъ постановленій департаментскихъ совѣтовъ. Однако, „несмотря на созданіе департаментской комиссіи, какъ замѣчаетъ г. Аваловъ, въ 1871 г. соотношеніе представительнаго и правительственнаго элементовъ въ департаментѣ не измѣнилось; префектъ остается его исполнительнымъ органомъ, а власть рѣшенія и контроля, принадлежавшая и прежде, въ принципѣ, департаментскому совѣту, теперь, благодаря учрежденію комиссіи, выигрываетъ въ полнотѣ и дѣйствительности. Главная задача и заслуга департаментскаго закона 1871 г. и заключается въ усиленіи власти совѣта (въ вопросахъ департаментскаго интереса) и принадлежащаго ему контроля надъ дѣятельностью префекта (какъ исполнителя его, т. е. совѣта, постановленій)“ (стр. 296—7).

Таковы основныя стадіи и достигнутые на практикѣ результаты въ развитіи идей децентрализаціи и самоуправленія во Франціи, представленные въ книгѣ г. Авалова. Но мало этого. Г. Аваловъ старается раскрыть весь сложный процессъ разсмотрѣннаго движенія возможно полно и освѣтить его возможно всесторонне. Онъ старается связать развитіе идей съ развитіемъ отношеній дѣйствительной жизни и уяснить значеніе тѣхъ разнообразныхъ условій и факторовъ, которые оказывали вліяніе на ходъ изучаемыхъ событій. Съ этой цѣлью ему приходится изслѣдовать не только тексты законовъ, но самые процессы и условія ихъ выработки и изданія, а также результаты примѣненія ихъ на практикѣ. И, дѣйствительно, въ книгѣ находимъ

не только характеристики законовъ и административныхъ распоряженій, но анализъ законопроектовъ, выработанныхъ какъ правительствомъ, такъ и отдѣльными частными лицами, обзоръ проектовъ реформъ и программъ (напр. нансійская), выставленныхъ политическими партіями и литературными теченіями, разсмотрѣніе ходатайствъ департаментскихъ совѣтовъ, трудовъ разныхъ комиссій и парламентскихъ преній, оцѣнку вліянія на законодательное творчество отдѣльныхъ лицъ—писателей и практическихъ дѣятелей (Редереръ), а равно фактическихъ условій управленія въ данную минуту и задачъ, преслѣдуемыхъ государствомъ, наконецъ, указаніе на связь характера мѣстнаго управленія съ основами государственнаго строя. Все это искусно укладывается авторомъ въ живую и стройную картину, проникнутую единствомъ плана и взаимною логическою зависимостью частей.

Составленіе и вырисовка этой картины указываютъ на широкую постановку задачи изслѣдованія, на солидное знакомство автора съ разнообразнымъ положительнымъ матеріаломъ, на добросовѣстное изученіе имъ довольно большой литературы предмета и на умѣнье использовать всѣ эти данныя для научныхъ построеній и выводовъ. Въ итогѣ выполненіе поставленной въ началѣ книги задачи изслѣдованія надо признать въ общемъ вполнѣ удачнымъ, а потому книга должна быть признана полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу по государствовѣдѣнію. Таковы несомнѣнныя достоинства разсматриваемаго сочиненія г. Авалова. Но есть въ немъ и слабыя стороны. Вотъ онѣ.

Прежде всего надо отмѣтить то обстоятельство, что г. Аваловъ, слѣдя за развитіемъ началъ децентрализаціи и самоуправленія во Франціи, слишкомъ суживаетъ область своего изученія. Онъ изслѣдуетъ только органы департаментскаго управленія и оставляетъ въ сторонѣ органы окружного и общиннаго управленія. Вслѣдствіе этого картина мѣстнаго управленія и провѣрка примѣненія началъ децентрализаціи и самоуправленія оказываются недостаточно полными.

Затѣмъ авторъ не останавливается на уясненіи понятій децентрализаціи и самоуправленія, а между тѣмъ это необходимо было сдѣлать, чтобы придать изслѣдованію болѣе точности и охарактеризовать воззрѣнія по этимъ вопросамъ французскихъ писателей и политическихъ дѣятелей.

Далѣе нѣтъ въ книгѣ надлежащей теоретической разработки вопроса о значеніи централизаціи и децентрализаціи, что было бы вполнѣ естественно сдѣлать въ связи съ изученіемъ мѣстнаго упра-

вленія Франціи. Это тѣмъ болѣе досадно, что къ этому предмету г. Аваловъ много разъ возвращается въ своемъ сочиненіи и излагаетъ мнѣнія множества писателей, но, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ общаго ихъ синтеза и не подвергаетъ ихъ критическому разсмотрѣнію.

Наконецъ, постановленія законовъ объ органахъ департаментскаго управленія излагаются въ сочиненіи г. Авалова въ самыхъ общихъ чертахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ возможно обстоятельный юридическій анализъ законоположеній этого рода и юридическая конструкція основанныхъ на нихъ отношеній существенно важны для рѣшенія той проблемы, которой посвятилъ свой трудъ нашъ авторъ. Правда, изслѣдованіе г. Авалова названо „политическимъ". Но и въ такомъ изслѣдованіи юридическая сторона разсматриваемаго вопроса должна была бы обратить на себя серьезное вниманіе, ибо юридическія нормы являются или реализованными формулами политики или исходными ея пунктами, а юридическія отношенія вліяютъ на направленіе политики или отражаютъ на себѣ ея вліяніе.

Всѣ эти недочеты не отнимаютъ однако же основанія признать разсматриваемое изслѣдованіе г. Авалова серьезнымъ научнымъ трудомъ, отличающимся многими несомнѣнными достоинствами.

И. Ивановскій.

Отвѣтъ профессору Е. В. Пѣтухову.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи февральской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (стр. 344—366) помѣщена рецензія профессора Е. В. Пѣтухова на мой очеркъ: „Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета" (Казань, 1904).

Рецензія не содержитъ въ себѣ обстоятельнаго разбора и оцѣнки моей книги, взаимнаго сопоставленія ея достоинствъ и недостатковъ, но, по выраженію самого автора (стр. 351, 354), состоитъ преимущественно изъ „частныхъ замѣчаній" и „мелочей", а также нѣсколькихъ указаній общаго характера, приведенныхъ въ концѣ рецензіи (стр. 365—366).

Само собой разумѣется, что даже при этой односторонней оцѣнкѣ, я, въ интересахъ научной истины, безпрекословно выслушалъ бы мнѣнія и указанія, правильно обоснованныя и обстоятельно провѣренныя. Но, къ сожалѣнію, отсутствіемъ и недостаточностью этихъ именно

данныхъ и погрѣшаетъ въ значительной степени критика профессора Пѣтухова, что и побуждаетъ меня отвѣтить на его рецензію и вкратцѣ разобрать ея замѣчанія и выводы.

На стр. 346 проф. Пѣтуховъ старается придать особое значеніе тому, что мною оставленъ безъ вниманія архивъ бывшаго Дерптскаго университета. На это я долженъ замѣтить, что, предпринявъ выясненіе „загадочной“ во многихъ отношеніяхъ личности Цеплина, я, согласно заявленію въ предисловіи своего труда (стр. XV—XXII), поставилъ себѣ задачей изслѣдовать относящіяся сюда данныя какъ въ самой Казани, такъ равно въ С.-Петербургѣ, Ригѣ, Ростокѣ и Гэттингенѣ, имѣя въ виду, что въ этихъ именно городахъ могли сохраниться наиболѣе существенные факты изъ жизни и дѣятельности перваго казанскаго профессора. Производить изысканія въ другихъ мѣстахъ, руководствуясь догадками и предположеніями, не входило въ мои планы уже потому, что это отодвинуло бы окончаніе моего труда на неопредѣленное время и результатъ отъ подобныхъ поисковъ, въ лучшемъ случаѣ, получился бы ничтожный. Къ этого рода даннымъ слѣдуетъ отнести и приведенную рецензентомъ единственную, крайне скудную ссылку, согласно которой Цеплинъ въ концѣ 1802 года, при открытіи университета въ Дерптѣ, былъ избранъ на каѳедру статистики (стр. 347). Фактъ этотъ стоитъ совершенно одиноко, безъ всякой связи съ дальнѣйшей карьерой Цеплина: его избраніе утверждено не было, и чрезъ два мѣсяца на его мѣсто назначено было другое лицо. Останавливаясь не въ мѣру подробно надъ этимъ скуднымъ сообщеніемъ, проф. Пѣтуховъ задаетъ вопросъ: „почему Цеплинъ не былъ назначенъ въ Дерптъ профессоромъ, несмотря на избраніе его въ совѣтъ?“ Полагаемъ, что если бы проф. Пѣтуховъ обратилъ вниманіе на 21 стр. нашего очерка, то онъ пришелъ бы къ тому заключенію, что Цеплинъ не былъ назначенъ профессоромъ въ Дерптъ, вѣроятно, потому, что не имѣлъ еще въ то время степени доктора, которую получилъ только въ іюнѣ 1804 года, т. е. спустя полтора года по своемъ избраніи въ Дерптѣ. Относительно же утвержденія рецензента, что указанное избраніе могло способствовать назначенію Цеплина въ Казань, необходимо замѣтить, что это ничѣмъ неоправдываемая догадка, такъ какъ, во-первыхъ, на это нѣтъ нигдѣ намековъ; во-вторыхъ, несостоявшееся утвержденіе въ Дерптѣ могло оказать скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное вліяніе на предложеніе Цеплину каѳедры въ Казани и, въ-третьихъ, что, на основаніи изложенныхъ мною данныхъ (стр. 9, 17—18), назначенію Цеплина въ Ка-

зань способствовала, кромѣ личнаго знакомства попечителя Румовскаго съ аспирантомъ, и рекомендація бывшихъ профессоровъ Цеплина—Шлэцера, Тихсена и петербургскихъ академиковъ. Возможность этихъ фактовъ, обусловливаемую какъ аналогичными случаями послѣдующихъ назначеній профессоровъ въ Казань, такъ и всей процедурой тогдашняго избранія представителей университетской науки, необходимо сначала опровергнуть, чтобъ имѣть основаніе утверждать, что случайное избраніе Цеплина въ лифляндскихъ Аоинахъ проложило ему путь къ назначенію въ Казань.

Еще болѣе маловажными слѣдуетъ признать указанія (стр. 348—349) относительно біографическихъ данныхъ о Цеплинѣ, приводимыхъ въ трудахъ его друга І. Х. Даля—въ изданіи Катилины Саллюстія (Брауншвейгъ 1800) и въ Commentatio exegetico-critica de authentia epistolarum Petrinae posterioris atque Iudae (Ростокъ, 1807). Изъ этихъ трудовъ рецензентъ дѣлаетъ выписки почти на цѣлой страницѣ и совершенно излишне, такъ какъ о Цеплинѣ упоминается въ нихъ мимоходомъ въ двухъ-трехъ строкахъ, при чемъ въ самомъ сообщеніи нѣтъ рѣшительно ничего новаго: Даль указываетъ только, что другъ его Цеплинъ, теперь профессоръ Казанскаго университета, будучи студентомъ въ Ростокѣ, способствовалъ напечатанію отрывковъ изъ неизданной рукописи Саллюстія, т. е. приводитъ тѣ свѣдѣнія, которыя, какъ удостовѣряетъ и проф. Пѣтуховъ (стр. 346), собраны полностью въ моемъ очеркѣ (стр. 8—9, 12, 21, 258—260). Относительно догадки рецензента (стр. 348), что однимъ сочиненіемъ Даля я пользовался „съ чужихъ словъ“, считаю нужнымъ замѣтить, что она невѣрна: упомянутыя изданія друга Цеплина я имѣлъ подъ рукою въ подлинникѣ, выписокъ же изъ нихъ не дѣлалъ по изложеннымъ выше причинамъ.

На стр. 349 проф. Пѣтуховъ упрекаетъ меня въ томъ, что я ссылаюсь на первое изданіе книги Паульсена: „Geschichte des gelehrten Unterrichts“, вмѣсто второго, вышедшаго въ 1897 году, и что я, говоря о состояніи философскихъ факультетовъ въ германскихъ университетахъ XVIII вѣка, упоминаю о шести профессурахъ вмѣсто пяти. Для выясненія этого я долженъ замѣтить, что первая часть моего труда была напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета раньше полученія въ Казани 2-го изданія книги Паульсена и, кромѣ того, въ этомъ новомъ изданіи нѣмецкаго ученаго нѣтъ такихъ существенныхъ данныхъ, которыя могли бы служить дополненіемъ къ изложеннымъ мною свѣдѣніямъ о нѣмецкихъ университе-

тахъ въ XVIII вѣкѣ. Что же касается до упоминанія „шести профессуръ" (вмѣсто пяти), то это не болѣе, какъ недосмотръ, исправленный въ дальнѣйшемъ изложеніи [1]).

Въ концѣ разбора первой главы моего труда профессоръ Пѣтуховъ высказываетъ сожалѣніе (стр. 350) „объ отсутствіи дословной цитаты" изъ письма Бротце къ Густаву Бергману. На мой взглядъ, я имѣлъ основаніе не приводить въ первой главѣ своей книги полностью этого письма, такъ какъ документъ этотъ касается почти всецѣло литературныхъ занятій Цеплина, при разборѣ которыхъ въ девятой главѣ письмо и изложено весьма обстоятельно, съ присоединеніемъ къ нему и нѣсколькихъ подлинныхъ выписокъ изъ нѣмецкаго текста (см. стр. 269).

Совершенно необоснованнымъ слѣдуетъ признать указаніе (стр. 351), что дѣятельности Цеплина въ совѣтѣ Казанскаго университета я посвятилъ не одну главу, а двѣ. Въ 1805 году образъ дѣйствій Цеплина имѣлъ преимущественно мирный характеръ, какъ это видно изъ составленнаго Цеплинымъ и Данковымъ „Объясненія" о порядкѣ совѣтскихъ засѣданій, изъ стараній профессора примирить Яковкина съ Ахматовымъ и изъ другихъ фактовъ, изложенныхъ въ IV главѣ моей книги. Совершенно другимъ характеромъ запечатлѣна дѣятельность Цеплина въ 1806 году, когда Яковкинъ чаще, чѣмъ когда-либо, сталъ нарушать права совѣта и, ссылаясь на авторитетъ отсутствующаго начальства, не разъ заявлялъ, что „мое мнѣніе есть мнѣніе попечителя и что онъ (Яковкинъ) можетъ сдѣлать счастливымъ или несчастнымъ того и того..." [2]). Естественно, что подобнаго рода самомнѣніе и деспотическія замашки должны были вызвать со стороны Цеплина и соотвѣтственную реакцію, выразившуюся въ открытой борьбѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣзкихъ протестовъ и пререканій, завершившихся увольненіемъ перваго казанскаго профессора. Такимъ образомъ, та „грань" или „отличіе", наличность котораго въ совѣтской дѣятельности Цеплина отрицаетъ профессоръ Пѣтуховъ, на самомъ дѣлѣ существуетъ, выдѣляется замѣтно, а потому и даетъ основа-

---

[1]) Вотъ это мѣсто (стр. 7): „Обновленіе коснулось, главнымъ образомъ, философскаго факультета, въ которомъ уже въ половинѣ XVIII вѣка насчитывалось не менѣе шести профессуръ: 1) логики и метафизики, 2) морали и естественнаго права, 3) физики и математики, 4) греческаго и еврейскаго языковъ, 5) всеобщей и нѣмецкой исторіи. Краснорѣчіе и поэзія обыкновенно имѣли одного представителя"... и т. д.

[2]) См. нашъ очеркъ, стр. 93—94.

тельный поводъ отвести особые отдѣлы двумъ періодамъ этой дѣятельности въ 1805 и 1806 гг.

Не могу также согласиться съ утвержденіемъ рецензента „о нѣкоторой степени идеализаціи мною личности Цеплина" (стр. 352), а также съ тѣмъ, что мною „допущено нѣсколько искусственное освѣщеніе всей картины его борьбы съ Яковкинымъ" (стр. 353—354). Характеризуя Цеплина и его дѣятельность, я придерживался исключительно объективной точки зрѣнія, не скрывая достоинствъ и недостатковъ перваго профессора Казанскаго университета, указывая всѣ тѣ его „промахи" и „темныя мѣста", которыхъ, вполнѣ справедливо, не отрицаетъ и авторъ рецензіи (стр. 352). Съ той же точки зрѣнія освѣщены и отношенія Цеплина къ Яковкину. Въ концѣ V главы (стр. 158 и слѣд.) обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ, чѣмъ вызвано было увольненіе Цеплина: его личными дѣйствіями и провинностями, или отношеніями къ нему Румовскаго и Яковкина? Отвѣтъ послѣдовалъ не въ пользу вершителей судебъ тогдашняго Казанскаго университета, такъ какъ и Румовскій и Яковкинъ не стояли на высотѣ своего положенія: попечитель, безконтрольно довѣрившись Яковкину, не только не предупреждалъ столкновеній съ нимъ оппозиціонной партіи въ университетѣ, но самъ сѣялъ рознь, открыто вызывая членовъ совѣта къ извѣтамъ другъ на друга [1]). Самъ же Яковкинъ, получившій отъ попечителя какъ бы carte blanche для завѣдыванія университетомъ, обуреваемый притомъ самовластіемъ, опутывалъ совѣтъ кознями и, не соглашаясь на компромиссы, возбуждалъ оппозицію и сѣялъ раздоры. Я не отрицалъ положительныхъ качествъ въ характерѣ и дѣятельности Яковкина и сознавалъ трудность его положенія среди лицъ, знакомыхъ съ условіями академической жизни [2]), но я не нашелъ надежныхъ опорныхъ пунктовъ и доказательствъ, которыя, по словамъ проф. Пѣтухова (стр. 353), „въ извѣстной степени смягчали бы вину Яковкина-администратора" въ его борьбѣ съ Цеплинымъ.

Продолжая изложеніе своихъ „частныхъ замѣчаній", проф. Пѣтуховъ указываетъ, что, говоря объ извѣстномъ авторитетѣ въ области статистики—Ахенвалѣ, я пропускаю труды по этому предмету—Iohn'а и Л. Б. Федоровича. Однако, рецензентъ не обратилъ вниманія, что въ данномъ случаѣ, кромѣ ссылки на спеціальную научную статью

---

[1]) *Н. П. Загоскинъ*, Исторія Казанскаго университета. т. I (Казань. 1902). стр. 178.

[2]) См. нашъ очеркъ, стр. 47—48, 92—93 и др.

въ словарѣ Брокгауза, у меня имѣется указаніе и на солидный трудъ Г. Штера „Статистика“ [1]), выясняющій затронутый мною вопросъ. Что касается до указанія проф. Пѣтухова (стр. 355), что ходъ преподаванія Цеплина возможно прослѣдить не только до конца 1805 г., какъ обозначено въ моей книгѣ (стр. 169), но на цѣлый годъ дальше, то, къ сожалѣнію моему, это одинъ изъ тѣхъ корректурныхъ недосмотровъ, отъ которыхъ не свободны и мелкія статьи [2]): вмѣсто 1805 года должно быть 1806 года и на слѣдующей страницѣ (170) своего труда я, дѣйствительно, дважды указываю на ходъ преподаванія Цеплина въ 1806 году.

На стр. 357 проф. Пѣтуховъ утверждаетъ, что мною не указаны причины „уравновѣшенности“ Цеплина во второй періодъ его профессуры и что „слишкомъ мало выяснено положеніе той нѣмецкой партіи ректора Брауна“, къ которой примкнулъ Цеплинъ. Указанныхъ вопросовъ я касался въ своей книгѣ не разъ и выясненію ихъ въ общемъ и въ частностяхъ отведены стр. 191, 192, 203, 208, 209, 213, 214, 229—231. Далѣе (стр. 361) рецензентъ заявляетъ, что въ моей книгѣ нѣтъ фактическихъ указаній на то, что Цеплинъ заботливо и умѣло относился къ своей службѣ библіотекаря гидрографическаго депо. Однако, засвидѣтельствованное архивными данными указаніе, что учрежденная въ 1832 году комиссія для пріема библіотеки послѣ смерти Цеплина нашла порученное ему учрежденіе въ полномъ порядкѣ и сохранности [3]),—именно говоритъ въ пользу служебной исполнительности и добросовѣстности Цеплина. На той же страницѣ проф. Пѣтуховъ утверждаетъ, что для сужденія о причинахъ рокового перелома въ умственномъ и нравственномъ настроеніи Цеплина не имѣется данныхъ. Согласиться съ этимъ не считаю возможнымъ, такъ какъ рецензентъ не опровергаетъ относящихся сюда указаній, сдѣланныхъ мною на основаніи особенностей характера Цеплина, а также и того отношенія профессора къ отголоскамъ дѣятельности въ Казани, которое онъ высказалъ незадолго до своей кончины (стр. 245—247). Относительно приведеннаго мною мнѣнія Берхольца (стр. 268), на которое указываетъ рецензентъ (стр. 363), я долженъ замѣтить, что эта ссылка сдѣлана мною не по поводу всего рукопис-

---

[1]) См. *Ученыя Зап. Казанскаго универс.* 1898 г. № 2.

[2]) Такъ, наприм., въ рецензіи проф. Пѣтухова напечатано (стр. 360, строка 3 снизу): географическаго депо, вм. гидрографическаго депо.

[3]) *Архивъ Морскою Мин.* Общее депо 1-го октября 1832 г. № 905; Гидрогр депо 1 отд. 9-го окт. 1833 г. № 216.—См. также нашъ очеркъ, стр. 242.

наго наслѣдія Цеплина, но единственно по отношенію къ приводимымъ имъ указаніямъ на русскія лѣтописи, указаніямъ, цѣнности которыхъ не отрицаетъ и нѣмецкій ученый. Я самъ, какъ и Бергхольцъ, признаю слабыя стороны историческихъ трудовъ Цеплина, дошедшихъ къ намъ въ рукописяхъ, и обстоятельно говорю объ этомъ на стр. 272—273 своего труда.

Нелишенными интереса слѣдуетъ признать указанія проф. Пѣтухова на отношенія графа Н. П. Румянцова и прибалтійскаго дѣятеля Фр. Г. Бунге къ Цеплину (стр. 358 и 362). Указанія эти подтверждаютъ и частью дополняютъ тѣ впервые мною собранныя и обработанныя данныя о сношеніяхъ перваго казанскаго профессора съ русскимъ меценатомъ и съ прибалтійскими кружками интеллигенціи, которымъ не разъ отведено мѣсто въ моемъ очеркѣ (стр. XV—XVII, 15—16, 185, 214, 232—233, 269). Любопытно также для характеристики Цеплина и приведенное рецензентомъ свидѣтельство о встрѣчѣ казанскаго профессора въ Москвѣ съ К. О. Калайдовичемъ (стр. 359). Что касается переписки Цеплина съ Фрономъ, указываемой проф. Пѣтуховымъ (стр. 365), то переписка эта сдѣлалась мнѣ извѣстной въ то время, когда печатаніе моего труда было почти закончено. Имѣя въ виду издать ее особо въ ближайшее время, считаю нужнымъ замѣтить здѣсь слѣдующее. Профессоръ Пѣтуховъ, сообщая объ этой перепискѣ, удостовѣряетъ (стр. 365), что „среди писемъ находится и черновой «рапортъ» Цеплина попечителю Румовскому отъ 1-го декабря 1813 года“. Но такъ какъ Румовскій скончался 8-го іюля 1812 года [1]), то, по словамъ рецензента, выходитъ, что Цеплинъ адресовалъ свой „рапортъ“ умершему за полтора года до того попечителю. При всей странности нѣкоторыхъ поступковъ Цеплина [2]), это едва-ли допустимо. Остается предположить, что сообщеніе проф. Пѣтухова ошибочно или въ обозначеніи года или въ передачѣ фамиліи попечителя.

Мнѣ остается еще отвѣтить проф. Пѣтухову на его общія замѣчанія относительно того, что „печатный матеріалъ мною собранъ не съ исчерпывающей полнотой“, что я „съ самаго начала представилъ себѣ Цеплина болѣе крупной личностью, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“, что „факты недостаточно введены мною въ обобщающія мѣста моей книги“, въ которой „немало лишняго“ (стр. 365—366).

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: Профессоръ Бронперъ, его дневникъ и переписка. Казань 1902, стр. CCXXIX, и нашъ очеркъ, стр. 188.

[2]) Относящіеся сюда факты см. въ нашемъ очеркѣ, стр. 105, 179, 216

„Значительную новизну матеріала“ самъ рецензентъ признаетъ главнымъ достоинствомъ моей книги (стр. 366), указанные же имъ въ этомъ отношеніи пробѣлы, за исключеніемъ трехъ, приведенныхъ выше, не имѣютъ существеннаго значенія. Авторъ не имѣлъ предшественниковъ на пути своихъ существенныхъ изысканій; „*исчерпывающая* полнота“—удѣлъ немногихъ трудовъ, появляющихся впервые. Къ личности Цеплина, какъ выяснено мною выше, я относился совершенно объективно и, указывая на его достоинства и недостатки, на слабыя стороны его научныхъ трудовъ, вовсе не представлялъ его себѣ „болѣе крупной личностью, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“. Какъ ученый и педагогъ, Цеплинъ въ средѣ первыхъ профессоровъ Казанскаго университета занимаетъ видное мѣсто, и его познанія по исторіи, географіи, этнографіи, статистикѣ цѣнили не только его приверженцы, какъ Френъ, I. Ѳ. Эрдманъ, гр. Румянцевъ и другіе, но и его противники, какъ Яковкинъ; спеціальное изученіе этихъ отраслей знанія признаетъ за Цеплинымъ и рецензентъ (стр. 360). Фактическимъ обобщеніямъ мною отведены цѣлыя страницы: 13—14; 47—49; 77—81; 92—94; 107; 110—111; 119—120 и другія, отчасти указанныя выше, при разборѣ мнѣнія объ „уравновѣшенности“ Цеплина и его отношеніяхъ къ партіи ректора Брауна. Неосновательнымъ приходится признать и утвержденіе относительно „лишняго“ въ моей книгѣ. На стр. 357 указывается, что собранныя мною данныя объ испытаніи студента Антенорова, а также указанія на заботы Цеплина объ адъюнктахъ и на сочиненія, разсмотрѣнныя отдѣломъ нравственно-политическихъ наукъ,—„едва ли могутъ представлять интересъ даже для самой подробной біографіи“. Мнѣ, однако, кажется, что всѣ эти свѣдѣнія вовсе не лишены интереса уже потому, что неразрывно связаны съ дѣятельностью Цеплина, какъ декана, характеризуя его въ отдѣльные моменты этой должности; во всякомъ же случаѣ, они несравненно цѣннѣе, чѣмъ рекомендуемыя профессоромъ Пѣтуховымъ (стр. 365, прим. 1) біографическія о Цеплинѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ „Gelehrte Teutschland“ — частью неправильныя [1]), частью вошедшія въ использованный мною словарь Реке и Напьерскаго [2]). Далѣе, изъ напечатанныхъ мною „приложеній“ рецензентъ

---

[1]) Сюда относится указаніе: „Zäplin, P. D. Fr., ward 181 (?) k. Russ. Hofrath“. См. нашъ очеркъ, стр. 242—243.

[2]) Только поправка: „Zäpelihn, P. D. Fr., Hauslehrer in Riga“—имѣетъ значеніе.

15 считаетъ лишними. Само собой разумѣется, что о цѣнности этихъ документовъ могутъ быть разныя мнѣнія, но нельзя отрицать и того, что всѣ изданныя мною приложенія непосредственно связаны съ научной, служебной и административной дѣятельностью Цеплина, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ не лишены вполнѣ значенія по формѣ и языку. Кромѣ того, всѣ приложенія, за исключеніемъ трехъ, впервые появляются въ печати и, въ виду недостаточной разработки архивнаго матеріала Казанскаго университета, имѣютъ немалый мѣстный интересъ. То обстоятельство, что напечатанное мною „Объясненіе Цеплина и Данкова" (прилож. № III) появилось раньше въ трудахъ Владимірова и Н. Н. Загоскина, не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ непригодности упомянутаго документа въ моей книгѣ, такъ какъ тогда проф. Пѣтухову пришлось бы признать излишнимъ и появленіе „Объясненія" въ исторіи Казанскаго университета Н. П. Загоскина. Что касается напечатанія мною статьи Цеплина „Извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи", то причины этого указаны мною на стр. 266. О библіографической рѣдкости этого труда можно судить и потому, что той книжки „Сѣвернаго Архива", въ которой онъ появился, не оказалось въ Казани, не исключая библіотекъ университетской и городской, не бѣдныхъ изданіями старинныхъ журналовъ.

Къ изложенному позволяю себѣ присоединить, что трудъ мой въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ нѣмецкомъ переводѣ и тогда, быть можетъ, онъ найдетъ себѣ въ иностранной критикѣ и надлежащую оцѣнку.

Д. Нагуевскій.

Книжныя новости.

Труды Вятской ученой архивной коммиссіи 1905 года. Выпуски: четвертый, пятый и шестой. Вятка, 1906.

Главное содержаніе названныхъ выпусковъ „Трудовъ" Вятской ученой архивной коммиссіи, по прежнему, составляютъ работы ея товарища предсѣдателя А. С. Верещагина. Въ четвертомъ выпускѣ напечатанъ его *„Лѣтописецъ старыхъ дѣлъ*, что учинилося въ Московскомъ государствѣ и во всей Русской землѣ въ нынѣшнія послѣднія времена". Изъ трехъ редакцій „Лѣтописца" А. С. Верещагинъ признаетъ за болѣе древній Рязанскій списокъ, по которому и изданъ „Лѣтописецъ". Начинающійся съ 1154 г. и заканчивающійся 1727 г. „Лѣтописецъ" повѣствуетъ больше всего о московскихъ собы-

тіяхъ, а о событіяхъ, касающихся Вятки, только начиная съ половины XVII вѣка. Извѣстія его кратки и не лишены хронологическихъ неточностей. Издается онъ, главнымъ образомъ, изъ-за того, что имъ „заключается пока циклъ памятниковъ вятской древней письменности лѣтописнаго характера, и что до подробнаго ознакомленія съ нимъ на него „возлагали большія надежды". Въ томъ же четвертомъ выпускѣ находимъ и *„Повѣсти о Великорѣцкой иконѣ святителя Николая"*, изданныя въ пяти спискахъ конца XVII и самаго начала XVIII вѣка, съ обширнымъ „послѣсловіемъ" А. С. Верещагина, въ которомъ онъ подробно останавливается на значеніи ихъ, происхожденіи, разнорѣчіяхъ и т. п.

Въ выпускѣ пятомъ-шестомъ напечатанъ извлеченный изъ Московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ *„Росписной списокъ стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровскаго, что онъ принялъ отъ воеводы отъ Василія Поликарповича Нарышкина на Вяткѣ два земляные города Хлынова въ 7184 (1676) г."*. Въ этомъ спискѣ заключается довольно полное описаніе гор. Хлынова въ 1676 г., въ началѣ воеводскаго управленія князя Прозоровскаго. Въ дополненіе къ нему помѣщены: „Росписной списокъ боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова, что онъ принялъ отъ Петра Дорошенки городъ Хлыновъ 7192 (1684) г." и „Отписка въ Новгородскій приказъ новоназначеннаго на Вятку воеводы Ивана Аѳонасьевича Матюшкина 7002 (1694) г.". Далѣе находимъ „Расходную книгу земскаго старосты города Хлынова Ивана Рѣпина 1678—1680 г.", напечатанную по рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ записяхъ, внесенныхъ въ эту „Расходную книгу", много цѣннаго матеріала для бытовой исторіи Вятскаго края и особенно много подробныхъ сообщеній о кормленіи воеводъ и приказныхъ людей на Вяткѣ. Изъ отдѣльныхъ документовъ, помѣщенныхъ А. С. Верещагинымъ въ этихъ выпускахъ, укажемъ на слѣдующіе: 1) указы и доношенія архіепископу Лаврентію Горкѣ; 2) грамоты царей: Василія Ивановича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича; 3) два документа о М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ по поводу высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго въ 1855 г., „Салтыкову проживать и служить, гдѣ пожелаетъ", и др.

Наконецъ нельзя не назвать еще двухъ статей г-жи Спасской—„Воспоминаніе о жизни въ Вяткѣ преосвященнаго Макарія (Миролюбова)" и „Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ", основатель извѣстнаго сталепушечнаго Обуховскаго завода (обѣ статьи въ четвертомъ выпускѣ „Трудовъ") и обширной біографіи сосланнаго въ Вятку тайнаго совѣтника А. Е. Жадовскаго, составленной И. И. Зубаревымъ (въ пятомъ-шестомъ выпускѣ).

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1905 годъ. Выпуски I, II, III и IV. 1906. Выпуски I и II—III. М. 1905—1906.

Благодаря иниціативѣ и стараніямъ довольно извѣстнаго русскаго генеалога Л. М. Савелова, въ концѣ 1904 г. въ Москвѣ возникло „Историко-родословное общество". Образованіе его было тѣмъ болѣе кстати, что существующее въ С.-Петербургѣ „Русское генеалогическое общество" уже около 8 лѣтъ, проявило свою дѣятельность только въ первые годы и ограничилось до сихъ поръ изданіемъ лишь двухъ томовъ своихъ „Извѣстій". Новое же „Исто-

рико-родословное общество въ Москвѣ", судя уже по изданнымъ выпускамъ его періодическаго органа, носящаго названіе „Лѣтопись", обѣщаетъ быть гораздо дѣятельнѣе, а его дѣятельность значительно плодотворнѣе, особенно если принять во вниманіе, что члены его ближе другихъ къ такимъ богатымъ сокровищницамъ въ области генеалогическихъ розысканій, какъ московскіе: архивъ министерства юстиціи, архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Румянцевскій музей и др.

Вотъ вкратцѣ содержаніе изданныхъ „Историко-родословнымъ обществомъ" всѣхъ шести выпусковъ „Лѣтописи" за первые 14 мѣсяцевъ его дѣятельности. Въ *первый* выпускъ вошла обстоятельная монографія Ю. В. Татищева—„Дѣятели смутнаго времени. I. М. И. Татищевъ". Во *второмъ* выпускѣ, по которому точнѣе можно опредѣлить общее содержаніе выпусковъ „Лѣтописи", подраздѣляющееся на отдѣлы: 1) „Изслѣдованія, біографіи, родословія", 2) „Семейные архивы, матеріалы", 3) „Замѣтки. Вопросы и отвѣты", 4) „Библіографія",—находимъ небезъинтересную статью С. В. Арсеньева о „Русскихъ дворянскихъ родахъ въ Швеціи" (Нащокиныхъ, Разладиныхъ, Калитиныхъ, Пересвѣтовыхъ и др.); затѣмъ—описаніе архива Костюриныхъ, съ родословной этого рода и описью документовъ, составленною Н. Мятлевымъ, и наконецъ, въ „приложеніи" довольно обширную статью Т. И. Вяземскаго: „Проф. И. Н. Чернопятовъ. (Къ двадцатипятилѣтію его кончины)".

Во главѣ *третьяго* выпуска встрѣчаемъ статью Л. М. Савелова: „Происхожденіе и составъ дворянства на Дону въ XVIII вѣкѣ"; затѣмъ въ отдѣлѣ „Матеріаловъ" — нѣсколько данныхъ о родѣ Ивинскихъ, сообщаемыхъ Ю. В. Татищевымъ, и наконецъ, въ „Замѣткахъ"—„Списокъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, которымъ жить на Москвѣ въ 1649 году", сообщенный по документамъ архива Оружейной палаты Ю. В. Арсеньевымъ. Въ *четвертомъ* выпускѣ В. Н. Смольяниновъ напечаталъ „Матеріалы для родословія князей Гедиминовичей, извлеченные изъ архива князя Ф. А. Куракина", куда вошли нигдѣ еще не напечатанныя: 1) „Объявленіе о родствѣ князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ. Отъ которыхъ чреслъ корень произведе, пишутъ лѣтописцы въ своихъ исторіяхъ"; 2) „Родство князей Трубецкихъ, Хованскихъ, Голицыныхъ и Куракиныхъ съ сторонними князьями, короли и съ цесарьми римскими"; 3) „Родство князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ не токмо съ корольми польскими, но и съ корольми гишпанскими, французскими, послѣдиже и съ цесарьми христіанскими".—(„Авторомъ вышеприведенныхъ трехъ статей", говоритъ г. Смольяниновъ въ своемъ предисловіи, „весьма плохо переведенныхъ съ польскаго въ первой четверти XVIII вѣка и безъ всякаго пониманія переписанныхъ въ послѣдней его четверти, былъ, вѣроятно, князь Янушъ-Антоній Вишневецкій († 1741) или кто-либо изъ его окружающихъ"); 4) „Переводъ съ письма господина князя Вишневецкаго, писаннаго изъ Львова іюля 7-го 1724 года"; 5) „Обученіе краткое о Ягеллонскомъ домѣ князей Корибутовыхъ"; 6) „Письмо князя Дм. М. Голицына къ князю Борису Куракину" и 7) „Письмо князя П. Вл. Долгорукова къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину". Въ отдѣлѣ замѣтокъ того же выпуска заслуживаютъ упоминанія: сообщеніе Н. Мурзанова о незаконной дочери императора Павла I, „дѣвицѣ Марѳѣ Павловнѣ Мусиной-Юрьевой", и „Переписка между генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ и

управляющимъ министерствомъ юстиціи княземъ Долгоруковымъ, по поводу объявленнаго женами декабристовъ Шаховскаго и фонъ-деръ-Бриггена желанія ѣхать къ мужьямъ ихъ".

Въ *первомъ* выпускѣ 1906 года заключаются небезъинтересныя генеалогическія данныя о родствѣ дворянъ: Нагихъ, Жулебиныхъ, Плещеевыхъ, Годуновыхъ, Телятевскихъ и др., сообщенныя Н. Мятлевымъ, и затѣмъ рядъ „документовъ" XVII и XVIII вѣковъ „къ родословной рода Арсеньевыхъ", а также „къ исторіи помѣстнаго быта XVII вѣка", извлеченныя изъ семейнаго архива Арсеньевыхъ. Наконецъ, въ выпускѣ *второмъ-третьемъ* того же 1906 года находимъ наиболѣе обстоятельную и провѣренную родословную князей Пожарскихъ, такъ какъ авторъ ея, Л. М. Савеловъ, пользовался не только всѣми печатными источниками, въ которые внесъ рядъ поправокъ, но и новыми архивными матеріалами, которые онъ извлекъ изъ грамотъ коллегіи экономіи и изъ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и которые напечаталъ въ „Приложеніяхъ" къ „Родословію князей Пожарскихъ".

Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны *Е. Линевой*. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Текстъ подъ редакціей академика Ѳ. Е. Корша. Выпускъ I. XLVIII+2 нен. + 2 табл. + 90 стр.

Давно уже признана важность изученія памятниковъ народнаго творчества, и не въ краткой замѣткѣ толковать объ этомъ. Но наиболѣе, если не самое важное значеніе имѣетъ изученіе народной пѣсни. Съ конца XVIII столѣтія и до настоящаго времени цѣлый рядъ ученыхъ занимался изслѣдованіемъ русской народной пѣсенной поэзіи, и всѣ они признавали за нею громадное значеніе, не только національное, но и общечеловѣческое. Нѣкоторые изъ ученыхъ находятъ въ ней даже „сохранившіеся остатки древнѣйшей изъ цивилизацій".

Предлагаемый сборникъ представляетъ первый опытъ записи многосложныхъ пѣсенъ съ помощью *фонографа* и даетъ цѣлый рядъ примѣровъ разнородныхъ пѣсенъ съ сохраненіемъ ихъ характерныхъ особенностей. Главная цѣль этого сборника—„*дать возможно точную запись многоголосной народной пѣсни, безъ всякихъ измѣненій и прикрасъ* [1]), въ томъ видѣ, какъ ее исполняетъ народъ, и такимъ образомъ содѣйствовать выработкѣ правильнаго метода для записыванія образцовъ народнаго творчества, по отношенію къ тексту и музыкѣ *неразрывно* связанныхъ между собою".

Своему сборнику пѣсенъ авторъ предпослалъ обширное предисловіе, въ которомъ высказываетъ свой взглядъ на труды предшествующихъ собирателей и на желательную постановку дѣла собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ. Сдѣлавши, сравнительно, строгую оцѣнку записей священника В. Ф. Трутовскаго (1782 г.) и Ивана Прача (1790 г.) и бросивши бѣглый взглядъ на работы позднѣйшихъ собирателей и записывателей напѣвовъ, г-жа Е. Линева излагаетъ свой взглядъ на народную пѣсню. „Въ народной великорусской пѣснѣ—говоритъ она—главный интересъ представляютъ: 1) голосоведеніе въ связи съ

[1]) Курсивъ вездѣ автора сборника.

ея гармоническимъ складомъ; 2) ритмъ; 3) особенности народнаго исполненія или импровизація".

Разобравши и изложивши способы изслѣдованія по двумъ первымъ пунктамъ, авторъ резюмируетъ два главныя положенія, которыми онъ руководился въ своей работѣ при перенесеніи пѣсни съ фонографа на ноты: „1) При записи *гармоническаго рисунка* важно выдѣлить сначала *основную мелодію*, которую ведетъ запѣвала, а потомъ занести на ноты отвѣтвляющіеся отъ нея голоса; 2) При записи *ритмическаго рисунка* нужно прежде опредѣлить, руководясь главнымъ удареніемъ стиха, *основной видъ такта*, и держаться его, допуская только временныя отклоненія отъ него въ силу требованій измѣняющагося логическаго акцента или другихъ соображеній".

Что же касается исполненія или импровизаціи, то, на основаніи знакомства съ разными пѣвцами, авторъ выдѣляетъ два стиля, въ зависимости отъ индивидуальности пѣвца: одинъ—строгій, другой, если можно такъ выразиться,—вольный. Первый—простъ, серьезенъ, выражаетъ сдержанное чувство; второй болѣе экспансивенъ: чувство вырывается наружу въ прихотливыхъ переливахъ голоса, пѣвецъ даетъ волю своей фантазіи и, съ умиленіемъ передъ пѣсней, точно лелѣетъ ее и всячески украшаетъ".

Вслѣдъ за предисловіемъ помѣщены: „Нѣсколько замѣчаній объ исполнителяхъ пѣсенъ", „Опытъ опредѣленія ладовъ народной пѣсни" и, очень любопытныя для лингвиста и для этнографа, „Оригинальныя народныя выраженія и замѣчанія о пѣніи", „Замѣчанія по поводу фонографа". Приложенныя графики (2 табл., 7 граф.) послужили автору для провѣрки своихъ выводовъ и для сравненія пѣсенъ, перенесенныхъ съ фонографа на ноты, съ записями, сдѣланными по слуху; они даютъ одновременно мелодическій и ритмическій рисунокъ пѣсни, а также выясняютъ отношеніе подголосковъ къ основному мотиву.

Пѣсенъ съ напѣвами въ сборникѣ всего 23,—самаго разнообразнаго содержанія и характера: лирическія (11), свадебная, плясовая, историческая, хороводная, юмористическая, игровая, бурлацкая, солдатская-историческая, тюремная, духовный стихъ, разбойничья и плясовая (на рожкахъ).

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ.

— *Митюковъ, А. К.* Отвѣтственность продавца за эвикцію въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Кіевъ. 1906. IV+153+II стр.

— *Пападимитріу, С. Д.* Ѳедоръ Продромъ. Историко-литературное изслѣдованіе. Одесса 1905. XXVI+452 стр. Цѣна 4 руб.

— *Тобинъ, А.* Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. С.-Пб. 1906. 40 стр.

— *Нагуевскій, Д.*, проф. Очеркъ развитія библіотеки классической филологіи при историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета (1887—1907 гг.). Казань 1906. 50 стр.

— Programm der Königlich Bayerischen Technischen Hochschule zu München für das Studienjahr 1905—1906. Dritte Ausgabe.—April 1906. 84 стр.

— Bericht über die Königliche Technische Hochschule zu München für das Studienjahr 1904—1905. Mit 3 Beilagen. München 1906. 103+8+29+18 стр.

— Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1905 годъ. М. 1906. 41 стр.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1905 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1906. 115 стр.

— Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава Българското Книжовно Дружество. Книга XXI. Нова редица книга трета. София 1905. 120+110+155+111+163+125+73+105+78+13+62+68+64+28+17 стр. Цѣна 5 лева.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Императорскаго русскаго географическаго общества, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ I. Часть первая. С.-Пб. 1905. X+256 стр.+3 карты+15 фототипій.— Часть вторая. С.-Пб. 1906. X+257—732 стр.+2 карты+38 фототипій.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

РАЗВИТІЕ ПРЕПОДАВАНІЯ ГЕОГРАФІИ ВЪ НѢМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ [1]).

I. Основы преподаванія географіи до Песталоцци.

О нѣмецкой народной школѣ, конечно въ ея первоначальныхъ основахъ, мы можемъ говорить лишь со времени реформаціи. Такъ какъ Священному писанію надлежало быть основаніемъ вѣры и жизни протестантовъ, то самымъ необходимымъ сдѣлалось въ эту эпоху умѣнье читать и понимать Священное писаніе, и потому реформаторы вообще переносятъ центръ тяжести обученія на религіозныя и словесныя дисциплины. Насколько они обращали вниманія въ дѣлѣ обученія на такъ называемые реальные предметы, особенно на географію, въ настоящее время не легко установить. Въ учебныхъ планахъ того времени географіи вовсе не отводилось мѣста.

Даже послѣ реформаціи еще довольно долгое время мы ничего не слышимъ о введеніи преподаванія географіи. Штурмъ въ Страсбургѣ и Тротцендорфъ въ Гольдбергѣ, извѣстные ректоры того времени, занимаются въ своихъ школахъ преимущественно латынью. Если гдѣ и занимались реаліями, то это происходило при помощи древнихъ латинскихъ писателей: Тацита, Плинія и Мелы. Двое послѣднихъ составили руководства по географіи.

Для насъ теперь является удивительнымъ, что въ эпоху великихъ

[1]) *H. Korsch.* Methodik des geographischen Unterrichts in der Volksschule. Braunschweig und Leipzig. 1903.

географическихъ открытій (южная оконечность Африки, морской путь въ Остъ-Индію, прежде же всего Америка) эти древніе римляне были научными авторитетами. „Вполнѣ справедливо К. ф. Раумеръ [1]) называетъ это время временемъ словеснаго реализма, когда даже въ реаліяхъ нельзя было освободиться отъ зависимости отъ толкованія древнихъ классиковъ" (Оберлендеръ).

Болѣе всего въ то время изучалась географія въ руководимой извѣстнымъ ректоромъ Михаиломъ Неандеромъ († 1595) школѣ въ Ильфельдѣ на Гарцѣ. Названный ректоръ написалъ руководство географіи, которое, во всякомъ случаѣ, содержитъ въ себѣ много страннаго. Тамъ, гдѣ его покидало почерпнутое у древнихъ классиковъ знаніе, онъ восполнялъ пробѣлы своими собственными свѣдѣніями, и поэтому въ его книгѣ большую роль играютъ мѣстности, встрѣчавшіяся на его жизненномъ пути, какъ, напр.: Гольдбергъ, Ильфельдъ, Миттенбергъ, Нордгаузенъ, Саганъ и Бреславль. Онъ разсказываетъ въ своей книгѣ о всѣхъ значительныхъ лицахъ, которыя получили образованіе въ Ильфельдской школѣ, при этомъ замѣчаетъ, что у него были и очень дурные ученики, и разсказываетъ исторію одного изъ нихъ, который былъ обезглавленъ.

Названныя здѣсь школы Тротцендорфа, Штурма и Неандера являются латинскими школами. „Первый признакъ преподаванія географіи въ народной школѣ обнаруживается около 1590 года и именно въ школѣ для бѣдныхъ, которая состояла при учрежденномъ Георгомъ I Гессенъ-Дармштадтскимъ сиротскомъ домѣ. Въ числѣ полезныхъ книгъ, которыя дѣти должны были читать въ опредѣленные дни и часы, наряду съ исторіей поименовывается также „космографія". Подъ нею подразумѣвается книга Севастьяна Мюнстера" [2]).

Такимъ образомъ въ высшихъ и низшихъ школахъ вѣка реформаціи географія весьма рѣдко выступала въ качествѣ учебнаго предмета.

Въ центрѣ слѣдующаго періода исторіи педагогики стоитъ Амосъ Коменскій (1592—1681). Его предшественники по духу, Беконъ Веруламскій (1561—1626) въ Англіи и Мишель де Монтэнь (1533—1592) [3])

---

[1]) Нѣм. географъ и педагогъ (1783—1865).

[2]) С. Мюнстеръ (1489—1552)—проф. въ Базелѣ. Его „Cosmographia" содержала популярное описаніе всѣхъ странъ.

[3]) М. Монтэнь—франц. мыслитель, много сдѣлавшій для выработки принциповъ общечеловѣч. гуманнаго воспитанія.

во Франціи, стремятся къ реальному знанію; Вольфгангъ Ратихій [1]), предтеча Коменскаго въ Германіи, выдвигаетъ на первый планъ обученіе отечественному языку въ противоположность латинскому, но почти совершенно не обращаетъ вниманія на предметы реальнаго свойства. Напротивъ, Коменскій видитъ въ географіи полноправный предметъ преподаванія даже и въ народной школѣ.

„Въ учебномъ планѣ, который онъ набросалъ для школы въ Патакѣ въ Венгріи, онъ назначилъ только одинъ часъ въ недѣлю для чтенія газетъ для того, чтобы воспитанники могли изучать исторію настоящаго и географію“ [2]). Часто упоминаетъ онъ о преподаваніи географіи въ Didactica magna. Уже материнская школа должна полагать начало астрономіи и географіи. „Первые шаги въ географіи будутъ сдѣланы тогда, когда дѣти научатся понимать, что̀ такое гора, долина, поле, рѣка, селеніе, крѣпость, городъ“. Въ школѣ родного языка, „въ предѣлахъ возраста отъ 6 до 12 лѣтъ“, должно имъ „изучать самонужнѣйшее изъ космографіи, особенно объ округлости неба, о шарообразномъ видѣ висящей по срединѣ земли; объ океанѣ, омывающемъ землю; о разнообразныхъ изгибахъ морей и рѣкъ; о болѣе значительныхъ частяхъ свѣта; о важнѣйшихъ государствахъ Европы; а въ особенности о городахъ, горахъ и рѣкахъ и различныхъ достопримѣчательностяхъ своего отечества“ (Вел. Дид. XXVIII, 6 и XXIX, 6, XI).

Такимъ образомъ, Коменскій желаетъ ранѣе собственно географическаго преподаванія объяснить основныя географическія понятія, нѣкоторымъ образомъ—въ наглядномъ преподаваніи географіи; ходъ обученія въ его народной школѣ аналитическій; однако необходимо обратить вниманіе на то, что онъ сильно настаиваетъ на знаніи собственнаго отечества. Употребительныя вспомогательныя средства для географическаго преподаванія Коменскій далъ въ своемъ Orbis pictus.

Также и Джонъ Локкъ въ Англіи требовалъ, почти въ одно и то же время съ Коменскимъ, введенія географіи въ школу. „Мальчикъ долженъ естественныя свойства глобуса запечатлѣть въ своей памяти, т.-е. онъ долженъ изучить отличительное положеніе частей твердой земной поверхности и моря съ различными названіями и дѣленіемъ на отдѣльныя страны“. „Позднѣе онъ долженъ быть введенъ

[1]) В. Ратихій (1571—1635)—педагогъ.

[2]) *Oberländer*, Der geogr. Unterricht nach den Grundsätzen der Bitterschen Schule.

въ сѣть на глобусѣ и ознакомленъ съ употребленіемъ ландкарты, равно и быть освѣдомленнымъ съ небеснымъ глобусомъ, съ міромъ планетъ и съ системой Коперника".

Такимъ образомъ извѣстными педагогами требовалось введеніе географіи въ народныя школы и высшія школы, проведеніе же этихъ требованій на практикѣ, однако, заставляло себя еще долго ждать, такъ какъ Германіи слѣдовало прежде всего залечить раны, которыя нанесла ей тридцатилѣтняя война.

„Школьный методъ" герцога Эрнста Благочестиваго [1]) есть первое школьное узаконеніе, въ которомъ опредѣляется, что преподаваніе географіи также должно быть введено въ школѣ. „Наряду съ сообщеніемъ свѣдѣній о людяхъ, животныхъ и растеніяхъ, ученикъ долженъ получить таковыя же о землѣ, законахъ и государственномъ устройствѣ, равно какъ и о сущности календаря. Далѣе было предписано, чтобы все, что требуется для преподаванія въ видѣ реалій, было подъ рукою. Различіе четырехъ странъ свѣта учитель долженъ показать на храмѣ, гдѣ алтарь всегда обращенъ къ востоку".

Вообще же, въ высшихъ школахъ географія введена впервые главою піетистовъ А. Г. Франке [2]). Въ его низшей школѣ географія, собственно какъ учебный предметъ, отсутствуетъ. Ученикамъ этого учебнаго заведенія она предлагается внѣ обыкновенныхъ учебныхъ часовъ, такъ сказать, въ видѣ игры. „Для этого должны быть употребляемы дѣтьми во время ихъ рекреаціонныхъ часовъ Mappae geographicae (т.-е. стѣнныя карты), и имъ будетъ очень пріятно, если только этому предпосылаются нѣкоторыя наставленія для учащихся, чтобы они могли другъ друга спрашивать, какъ раздѣляется міръ, и на какія земли и государства дѣлится, въ свою очередь, каждая часть свѣта, внутри которой находятся наиболѣе извѣстные города и гдѣ они расположены и т. д.".

Вѣроятно, эти слабыя начатки географіи въ народной школѣ скоро нашли себѣ подражаніе; такъ, въ 1744 году появляется уже вторымъ изданіемъ, въ воспитательномъ домѣ въ Цюллихау, книга Фр. Самуила Бока: „Благопреподающій деревенскій и городской школьный учитель", въ § 4 котораго содержится указаніе на то,

---

[1]) Герц. Саксенъ-Готскій (1601—1675), участникъ 30-лѣтней войны, ввелъ обязательное обученіе.

[2]) Августъ Германъ Франке—богословъ и педагогъ (1663—1727), основатель сиротскаго дома въ Галле.

„какъ можно преподать нѣкоторымъ дѣтямъ кое-что изъ географіи и землевѣдѣнія". Въ этомъ указаніи уже говорится о картахъ и пониманіи картъ и дается цѣлое методическое ученіе, по которому, напр., прежде всего должно приступать къ дѣлу съ оріентированія по странамъ свѣта.

12 августа 1763 года появился въ Пруссіи Генеральный Уставъ сельскихъ училищъ. Онъ былъ построенъ на принципахъ Франке, чтобы ученики были наставляемы „страху Божію и другимъ полезнымъ вещамъ". Къ этимъ полезнымъ вещамъ относятся также и географическія, а именно: 1) о раздѣленіи поверхности земли, 2) о четырехъ странахъ свѣта и объ океанахъ, 3) о наиболѣе важныхъ земляхъ въ Европѣ, 4) о десяти областяхъ Германіи и наиболѣе важныхъ земляхъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ и „наиболѣе значительныхъ островахъ вблизи Америки."

Впрочемъ, въ книгѣ Готтлиба Эндесфельдерса „Краткая географія для дѣтей" мы видимъ примѣръ того, какъ велось тогда это удѣляемое на долю дѣтей преподаваніе географіи. Объ Испаніи, напр., книжечка даетъ слѣдующій матеріалъ: 1. Какъ выглядитъ Испанія на картѣ? — Какъ раскинутая телячья шкура. 2. Каковы ея обитатели? — Они остроумны и постоянны, но высокомѣрны и лживы. 3. Къ кому испанцы питаютъ презрѣніе? — Къ женщинамъ. 4. Въ какомъ городѣ Испаніи женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ? — Въ Саламанкѣ. 5. Сколько приходится женщинъ на одного мужчину? — Шесть. 6. Какое мѣсто показывается въ Саламанкѣ? — Подземелье, въ которомъ сатана имѣлъ школу. 7. Какая провинція, благодаря своей плодородности, называется житницею Испаніи? — Андалузія. 8. Какую честь должны оказывать женщины мужчинамъ? — Онѣ должны прислуживать имъ за столомъ, и хорошо, если на ихъ долю останется, что ѣсть. 9. Какой самый извѣстный госпиталь въ мірѣ? — Госпиталь въ Компостеллѣ. 10. Кто не считалъ бы для себя постыднымъ жить въ этомъ роскошномъ госпиталѣ? Императоръ, короли и князья. 11. Какая мѣстность извѣстна удивительнымъ колоколомъ? — Виллія.

Далѣе слѣдуютъ еще восемь вопросовъ и отвѣтовъ и въ заключеніе отрывокъ „о курьезныхъ вещахъ въ Испаніи" слѣдующаго содержанія: 1. Кто долженъ въ Испаніи очень точно наблюдать за вѣрностью календаря? — Самъ король. 2. Какъ испанцы отказываютъ нищимъ, просящимъ на улицѣ милостыню? — Сударь, извините, при мнѣ нѣтъ ни одной монеты. 3. Кто въ Испаніи не пьетъ вина? —

Женщины и дѣвушки. 4. Гдѣ нѣтъ вовсе отхожихъ мѣстъ? — Въ Испаніи. 5. Въ какой мѣстности выкапываются живыя рыбы изъ земли? — Между Пиринейскими горами и рѣкою Парбенъ. 6. Какое вино получило свое названіе отъ кожаныхъ мѣшковъ? — Секъ. 7. Почему? — Потому что оно сохраняется въ кожаныхъ мѣшкахъ.

Изъ этихъ попытокъ явствуетъ, что глобусъ и карты мало употреблялись въ то время въ преподаваніи, а географическій научный и учебный матеріалъ состоялъ въ незначительныхъ историко-статистическихъ замѣткахъ или же, въ болѣе или менѣе, любопытныхъ и куріозныхъ мелочахъ.

Въ этомъ отношеніи филантропы произвели нѣкоторую перемѣну. Уже предшественникъ нѣмецкихъ филантроповъ, Руссо (1712—1778) возстаетъ противъ такого географическаго преподаванія, которое весь матеріалъ почерпаетъ изъ книгъ. Онъ говоритъ: „При какомъ бы то ни было изученіи, одни наименованія, безъ идеи о представляемыхъ ими вещахъ, ровно ничего не значатъ. А межъ тѣмъ, ребенка только и учатъ этимъ наименованіямъ, не будучи никогда въ состояніи довести его до пониманія вещей, представляемыхъ этими наименованіями. Думаютъ обучить его землеописанію, а научаютъ только видѣть карты; обучаютъ именамъ городовъ, странъ, рѣкъ, а онъ не можетъ постичь существованія ихъ въ другомъ мѣстѣ, а не на бумагѣ, гдѣ ему ихъ указываютъ. Помню, я видѣлъ гдѣ-то географію, которая начиналась такъ: „Что такое земля? — Это картонный глобусъ". Такова именно дѣтская географія. Я считаю за фактъ, что нѣтъ ни одного ребенка, лѣтъ десяти, который, просидѣвши года два надъ сферой, космографіей и географіей, сумѣлъ бы на основаніи данныхъ ему правилъ добраться изъ Парижа до Сенъ-Дени. Я считаю за фактъ, что не найдется ни одного, который по плану отцовскаго сада сумѣлъ бы, не заблудившись, обойти всѣ его извороты. Вотъ каковы эти ученые, умѣющіе въ любое время указать, гдѣ Пекинъ, гдѣ Испагань, гдѣ Мексика и всѣ остальныя страны міра".

„Вы хотите обучать этого ребенка географіи и отправляетесь за глобусами, земными и небесными, за картами; сколько инструментовъ! Къ чему всѣ эти представленія? Почему не показываете ему прежде всего самый предметъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, о чемъ вы ему говорите?

Первыми географическими пунктами для него будутъ городъ, гдѣ онъ живетъ, и дача его отца; потомъ пойдутъ: промежуточная мѣстность, текущія по сосѣдству рѣки, наконецъ—видъ солнца и способъ

оріентироваться. — Пусть онъ самъ составитъ карту всего этого,— карту самую простую и сначала состоящую изъ двухъ только предметовъ, къ которымъ онъ мало-по-малу присоединитъ и другіе, по мѣрѣ ознакомленія и оцѣнки ихъ разстояній и положенія".

„Вообще, только тогда вещь замѣняйте знакомъ, когда вамъ невозможно показать ее; ибо знакъ поглощаетъ вниманіе ребенка и заставляетъ его забывать о вещи, имъ представляемой".

„Вещей, вещей давайте! Я не перестану повторять, что мы слишкомъ много значенія придаемъ словамъ; своимъ болтливымъ воспитаніемъ мы создаемъ лишь болтуновъ" [1]).

Изъ этихъ словъ, взятыхъ изъ „Эмиля", одного изъ главныхъ произведеній Руссо, вытекаетъ, что Руссо рекомендуетъ начинать обученіе географіи съ обзора и знанія родины, требуя при этомъ синтетическаго метода обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе, по его мнѣнію, должно основываться на непосредственной наглядности.

Послѣдователями Руссо въ этомъ отношеніи являются нѣмецкіе филантропы, между которыми самый значительный — Зальцманъ (1744—1811) въ Шнепфенталѣ. Въ этомъ воспитательномъ учрежденіи преподаваніе географіи находилось подъ руководствомъ Гутса Мутса [2]), который давалъ возможность своимъ ученикамъ обозрѣвать родину, герцогство Готу, при помощи далекихъ путешествій съ ними. Зальцманъ [3]) описываетъ свой методъ преподаванія въ сочиненіи: „Еще кое-что о воспитаніи" слѣдующимъ образомъ: „Прежде, чѣмъ мои воспитанники будутъ знать о продуктахъ Остъ- и Вестъ-Индіи, они должны сначала изучить продукты деревни своей и Тюрингенскаго лѣса. Прежде, чѣмъ мы будемъ болтать о Карпатскомъ лѣсѣ и Пиндѣ, прежде, чѣмъ мы ознакомимся съ Парижемъ, Лиссабономъ, Римомъ и Аѳинами, мы должны уже быть знакомы съ цѣпью горъ, у подошвы которыхъ мы живемъ, посѣтить Инзельсбергъ, посмотрѣть на Франконію, Гессенъ, Тюрингію, по крайней мѣрѣ, увидѣть нѣкоторыя деревни и города, съ тѣмъ, чтобы освоиться съ статистикой Готы. Поэтому вся болтовня дитяти, которое вовсе не имѣетъ ясныхъ понятій о естественномъ и политическомъ устройствѣ родной провинціи, — о Карпатскихъ горахъ, о формѣ правленія и о доходахъ

---

[1]) „Эмиль" Руссо. Пер. П. Первова. Изд. К. Тихомирова и А. Адольфа. 1896.

[2]) Гутсъ Мутсъ, Іоганнъ-Фридрихъ, нѣм. педагогъ (1759—1839), ввелъ преподаваніе гимнастики въ школахъ и положилъ начало преподаванію географіи.

[3]) Христіанъ Готтильфъ Зальцманъ—нѣм. педагогъ (1741—1811).

во Франціи и Китаѣ—есть ничто иное, какъ безсмыслица и даже хуже. Скворецъ вовсе не думаетъ ни о чемъ, когда говоритъ, и такое дитя есть нѣчто совершенно фальшивое".

Далѣе Зальцманъ разсказываетъ еще, какъ наказывается пренебреженіе родиновѣдѣніемъ:

„Я зналъ одного человѣка, который такъ хорошо направилъ своего сына въ географіи, что онъ могъ щеголять этимъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Однажды сынъ и отецъ утѣшались своимъ искусствомъ, какъ зашла рѣчь о русской арміи, которая должна пройти черезъ Пруссію и Померанію и соединиться съ пруссаками; сынъ спросилъ, какъ это возможно, чтобы столько людей помѣстилось на такомъ маленькомъ клочкѣ бумаги, какою была Пруссія. Отецъ, весьма изумленный, замолчалъ, покраснѣлъ и отложилъ преподаваніе географіи сыну еще на пять лѣтъ." Къ этому Зальцманъ присоединяетъ: „Я думаю, что мои воспитанники, если они видѣли герцогство Готу in natura и потомъ на спеціальной и генеральной картѣ, не должны ставить такихъ вопросовъ."

Филантропамъ мы обязаны и другими достойными вниманія совѣтами. Одинъ изъ нихъ, Шютцъ, даетъ намъ такое предостереженіе въ своей методической книжкѣ: „Первые шаги въ обученіи должны быть очень неспѣшны для того, чтобы никакія ложныя понятія не дали прочнаго корня."

Далѣе требуется, чтобы Германія была изучена болѣе обстоятельно, чѣмъ остальная Европа, чтобы страны могли быть показаны на картѣ, глобусѣ и плоскошаріи, подвергнуты взаимному сравненію, при чемъ требуется черченіе простыхъ контуровъ страны. Шютцъ требуетъ ежедневно одного часа географическихъ игръ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти стремленія не производили своего непосредственнаго вліянія на народныя школы; ихъ вообще было очень немного, и потому помянутые воспитатели стояли отъ нихъ довольно далеко. Многіе изъ зародившихся въ срединѣ 18 вѣка школьныхъ регламентовъ не требуютъ преподаванія географіи. Большое вліяніе на постановку географіи въ народныхъ школахъ имѣлъ баронъ Эбергардъ фонъ-Роховъ [1]) благодаря изданному имъ въ 1776 году „Другу дѣтей", въ которомъ также были изложены „самыя общія основанія описанія земли" при употребленіи глобуса. Въ школахъ Рохова въ теченіе 2 недѣльныхъ часовъ читались и объяснялись

[1]) Фридрихъ Эбергардъ Роховъ—нѣмецкій педагогъ (1734—1805).

подлежащія географическія статьи изъ „Друга дѣтей". По примѣру Рохова было создано скоро много такихъ „дѣтскихъ друзей", и географическіе отрывки для чтенія обработывались въ нихъ подобнымъ же образомъ.

Такъ географія стала мало-по-малу предметомъ вниманія въ народной школѣ, но проводилась не въ духѣ и по смыслу филантроповъ. Лишь на долю позднѣйшаго времени досталось и здѣсь возвысить наглядность до основного принципа.

2. Отношеніе Песталоцци и его послѣдователей къ преподаванію географіи.

Переходя къ 19 вѣку, необходимо, прежде всего, вспомнить о вліяніи человѣка, которому удалось „повернуть колесницу школьнаго дѣла Европы"—Генриха Песталоцци [1]) (1746—1827). Его вліяніе на обученіе этому предмету также было очень значительно.

Правда, тотъ способъ, какимъ ведется преподаваніе географіи въ его заведеніяхъ, находится, вообще, въ прямомъ противорѣчіи къ его основному „символу вѣры" въ дѣлѣ обученія: „наглядность есть безусловное основаніе всякаго знанія". Однако, способъ обученія географіи, какъ его описываетъ Песталоцци въ сочиненіи „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей", далекъ отъ наглядности. Онъ пишетъ:

„Одно изъ подраздѣленій Европы есть Германія. Сперва ребенокъ долженъ, какъ можно лучше, запомнить главное раздѣленіе Германіи на 10 округовъ; затѣмъ ему будутъ предложены для чтенія города Германіи, сначала только въ алфавитномъ порядкѣ; но предварительно каждый изъ этихъ городовъ будетъ обозначенъ цифрою того округа, въ которомъ онъ находится. Какъ скоро ребенокъ будетъ бѣгло читать эти города, его знакомятъ съ тою связью, въ которой эти цифры находятся съ подраздѣленіями главныхъ рубрикъ, и въ нѣсколько часовъ ребенокъ оказывается въ состояніи распредѣлить весь рядъ городовъ Германіи по подраздѣленіямъ ея главныхъ рубрикъ. Если, напр., ему предложатъ слѣдующія мѣста Германіи, обозначенныя цифрами:

Аахенъ — 8	Арбергенъ — 10	Альшаузенъ — 3
Ааленъ — 3	Агремонтъ — 8	Альслебенъ — 10

[1]) Н. Веригинъ, I. Г. Песталоцци. Изд. „Кн. Дѣла". М. 1898.

Абенбергъ — 4	Ала — 1	Альтбунцлау — 11
Абертанъ — 11	Алленъ — 5	Альтона — 8
Аглеръ — 1	Аллендорфъ — 5	и т. д.,

то онъ прочтетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Аахенъ находится въ Вестфальскомъ округѣ,
Абенбергъ—въ Франконскомъ округѣ,
Акенъ—въ Нижнесаксонскомъ и т. д.

Такимъ же образомъ ребенку прямо дается возможность съ перваго же взгляда на цифру или знакъ, по которымъ главная рубрика раздѣляетъ предметъ его разряда, опредѣлить, къ какому отдѣлу принадлежитъ каждое слово этого разряда, и, такимъ образомъ, превратить алфавитную номенклатуру въ научную" [1]).

Болѣе механическаго преподаванія, чѣмъ это, не бываетъ. Наглядный матеріалъ не нуженъ; области и мѣстности изучаются на память; при этомъ еще есть такія мѣстности, которыя вовсе не имѣютъ значенія. Если таково было дѣйствительно практическое преподаваніе географіи Песталоцци, то его совершенно слѣдуетъ отбросить. Несмотря на это, однако, Песталоцци въ методикѣ географіи занимаетъ почетное мѣсто. Прежде всего, онъ возвысилъ этотъ предметъ „между предметами общаго человѣческаго образованія", и многіе учителя, которые примкнули къ Песталоцци, пошли по его пути. Въ своихъ сочиненіяхъ Песталоцци рекомендовалъ синтетическій ходъ обученія, т. е. такой, который идетъ отъ близкаго къ отдаленному,— именно то, что, по примѣру Риттера, теперешній образцовый учитель географіи ставитъ себѣ конечною цѣлью преподаванія географіи, т. е. указать такимъ образомъ причинную зависимость географическихъ явленій. Этого требуетъ Песталоцци еще тогда, когда говоритъ: „Въ географіи развиваются взаимныя соотношенія, и на этомъ фундаментѣ воспитанники приготовляются къ чистому и широкому разсмотрѣнію исторіи земли и людей и ихъ взаимнаго другъ на друга вліянія".

Эти теоріи великаго учителя были перенесены въ практику его помощниками, особенно Тоблеромъ и Геннингомъ. Первымъ былъ Геннингъ, который для осуществленія вышеупомянутыхъ идей выступаетъ съ доводами въ своей книгѣ: „Руководство къ методическому преподаванію географіи" (1812). Въ ней онъ говоритъ: „Всякій чело-

[1]) Сочиненія Песталоцци. Изд. К. Тихомирова и А. Адольфа.

вѣкъ долженъ начинать свое знаніе о землѣ съ познанія той самой части земной поверхности, которая находится передъ его взоромъ. Каждое созерцаніе и каждое знаніе, которыя онъ здѣсь пріобрѣтаетъ, служатъ для него фундаментомъ, средствомъ нагляднаго поясненія для всѣхъ подобнаго рода данныхъ, которыя онъ воспринимаетъ черезъ посредство сужденій очевидцевъ". „Онъ направляется отъ родины, разсматриваетъ землю и воду, метеорологію и климатъ, минералы, растенія и животныхъ родины и заканчиваетъ курсъ родиновѣдѣнія сообщеніемъ гражданскаго устройства и нѣкоторыхъ простыхъ понятій изъ астрономической географіи. Затѣмъ слѣдуетъ всеобщая топическая географія, которая дѣлится на физическую и политическую" [1]).

Въ то же время, т. е. послѣ неудачной войны и войнъ за освобожденіе, въ прусской народной школѣ началась правильная жизнь. Философы и государственные люди того времени вѣрили, что если въ ней поработать въ духѣ и силѣ Песталоцци, то народъ могъ бы сдѣлаться истинно образованнымъ. Хотя вся страна, благодаря наполеоновскимъ войнамъ, находилась въ состояніи крайняго обѣдненія, тѣмъ не менѣе, можно было отозваться о положеніи дѣла такимъ образомъ: „Ни одинъ народъ ни въ какое угодно время не потребовалъ такъ много средствъ (на это дѣло) и не привелъ столько силъ въ движеніе, чтобы поднять народное образованіе, какъ Пруссія въ 1808—1820 годахъ".

Такимъ образомъ дѣйствовало и преуспѣвало преподаваніе географіи въ прусскихъ народныхъ школахъ. Директоры семинаріи Гарнишъ и Дистервегъ послужили этому дѣлу особенно. Гарнишъ, уже охваченный распространившимися, благодаря Карлу Риттеру, идеями „сравнительнаго землевѣдѣнія", хотѣлъ установить связь землевѣдѣнія съ минералогіей, ботаникой, зоологіей, физикой, антропологіей, этнографіей, политикой и исторіей при помощи особаго предмета міровѣдѣнія, для котораго онъ написалъ особое руководство. Въ немъ онъ хотѣлъ начать обработку матеріала съ родины и концентрически направляться до ознакомленія съ небесными тѣлами. Онъ же составилъ нѣсколько географическихъ книгъ для чтенія юношества и описаній путешествій и странъ.

Въ то время, какъ Гарнишъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи въ Саксоніи, ареной дѣятельности Дистервега былъ Рейнъ. Въ

[1]) *Hupfer*, Methodik des geogr. Unterr. S. 92.

1835 году онъ издалъ, при участіи другихъ лицъ, „Путеводитель для нѣмецкихъ учителей", — методическое сочиненіе, въ которомъ статья о преподаваніи географіи обработана Карломъ Борманомъ.

Въ 1840 году Дистервегъ издалъ свою „Популярную астрономію и математическую географію". Это сочиненіе разсчитано на самообученіе учителей, и это первое популярное руководство даже до настоящаго времени является однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этой области.

Песталоцци и его послѣдователи достигли въ преподаваніи географіи слѣдующаго:

1. Они поставили географію въ число общеобразовательныхъ предметовъ.

2. Они потребовали синтетическаго хода обученія ея.

3. Въ зависимости отъ этого, они начинали ее съ родиновѣдѣнія.

4. Они поставили на первый планъ въ географіи физическій элементъ.

5. Они обратили особое вниманіе на причинную зависимость географическихъ данныхъ.

6. Они заботились о развитіи самодѣятельности учащихся.

7. Благодаря имъ, преподаваніе географіи вошло въ прусскія народныя школы.

3. Карлъ Риттеръ и его значеніе въ дѣлѣ преподаванія географіи въ народной школѣ.

Въ настоящее время вездѣ, гдѣ бы ни изучалась географія, какъ учебный предметъ, будетъ ли это въ университетѣ, средней или народной школѣ, она изучается въ новѣйшемъ духѣ, и именно по идеѣ Риттера.

Карлъ Риттеръ родился въ 1779 году въ Кведлинбургѣ. Рано потерявъ отца, онъ былъ воспитанникомъ филантропина въ Шнепфенталѣ, гдѣ обучался географіи подъ руководствомъ Г. Мутса. Позднѣе онъ, будучи воспитателемъ Бетмано-Голльвексеновскаго дома во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, совершалъ съ его воспитанниками путешествіе по Швейцаріи и Италіи. Въ домѣ своего начальника онъ познакомился съ А. фонъ-Гумбольдтомъ. Послѣдній произносилъ здѣсь свою извѣстную лекцію о степяхъ и пустыняхъ, и Риттеръ воодушевился его высокогеніальными идеями. Въ 1809 г. онъ былъ еще

разъ въ Швейцаріи, гдѣ нѣсколько разъ встрѣчался съ Песталоцци. Въ 1819 г. онъ сдѣлался профессоромъ исторіи въ гимназіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а въ 1820 г. — профессоромъ географіи въ университетѣ и военной школѣ въ Берлинѣ, гдѣ онъ жилъ до своей смерти въ 1859 г. и неустанно работалъ въ области географіи.

Уже въ 1803 году Риттеръ напечаталъ сочиненіе — изслѣдованіе „О горныхъ высотахъ Германіи съ двумя картами", а въ 1804 году появился первый томъ его „Настольной книги о Европѣ". Здѣсь мы видимъ уже, чего хотѣлъ Риттеръ, видимъ взглядъ новой географической школы. „Моею цѣлью было возвысить читателя до живого взгляда на всю землю, продукты ея природы и искусства, на міръ человѣчества и природы, и все это поставить передъ глазами, какъ взаимносвязанное цѣлое, такимъ образомъ, чтобы главнѣйшіе выводы о природѣ и людяхъ выяснялись сами собою, благодаря взаимному сопоставленію. Земля и ея обитатели находятся въ очень тѣсной взаимной зависимости, и одну составную часть безъ другихъ невозможно представить во всѣхъ ея размѣрахъ. Поэтому исторія и географія всегда должны оставаться неразлучными спутниками. Страна вліяетъ на жителей, а жители вліяютъ на страну. Ясно, что до сихъ поръ главное вліяніе свойства природы въ географіяхъ слишкомъ легко и поверхностно разсматривается, и я поставилъ для себя особенною цѣлью показать это вліяніе. Подобно тому, какъ хронологія есть основа исторіи, безъ помощи которой перепутываются всѣ факты,—точно также необходимою является для меня основою географіи физическая обусловленность. Она — скелетъ, вокругъ котораго все остальное только мясо и мускулы; она даетъ полную взаимную связь (частей) и каждой части—свой особенный характеръ и свою жизнь".

Уже здѣсь Риттеръ обращаетъ свое особенное вниманіе на органическую взаимную связь и внутреннее соотношеніе различныхъ географическихъ элементовъ земныхъ пространствъ, въ особенности вліяніе земли на ея обитателей; при этомъ физическую географію онъ ставитъ основаніемъ всякаго землеописательнаго преподаванія. Этотъ способъ изслѣдованія онъ называетъ въ своемъ главномъ сочиненіи „Землевѣдѣніе въ отношеніи къ природѣ и къ исторіи человѣка, или всеобщая сравнительная географія, какъ вѣрное основаніе знанія и обученія въ физическихъ и историческихъ наукахъ"—*сравнительной* географіей. Но отъ этихъ словъ дѣло нисколько не выиграло, и Оскаръ Пешель, географъ въ Риттеровскомъ направленіи, говоритъ о своемъ учителѣ, что онъ вовсе не разрѣшилъ задачи сравнительнаго

землевѣдѣнія. По выраженію Гумбольдта, „богатство естественныхъ наукъ заключается не столько въ изобиліи, сколько въ связи явленій". Того же искалъ Пешель и въ географіи. Не тотъ долженъ считаться свѣдущимъ географомъ, кто знаетъ большее число явленій, но тотъ, кто умѣетъ самымъ лучшимъ образомъ вывести изъ географическихъ явленій вытекающія слѣдствія или кто можетъ изобразить географическія явленія, какъ результатъ цѣлаго ряда причинъ. Между прочимъ, онъ считалъ очень важнымъ опредѣлить большее или меньшее расчлененіе материка тѣмъ, что сравнилъ береговое протяженіе материка съ его пространствомъ; однако это дѣлалось не для того, чтобы искать перехода къ какой-либо первоначальной формѣ, но чтобы сдѣлать осязаемой разницу формъ и показать, насколько большое расчлененіе материка благотворно и отсутствіе его расчлененія неблаготворно вліяютъ на развитіе его обитателей, — какъ неуклюжая форма и замкнутость Африки отразились на типѣ негра, а изящное, столь богатое развитіемъ, береговое строеніе Европы сказалось на высокой духовной природѣ ея обитателей" [1]). При этомъ способѣ дѣйствія идетъ рѣчь не столько о сравненіи, сколько о задачѣ показать и установить, что различные географическіе моменты стоятъ во взаимной причинной зависимости, въ особенности—указать вліяніе земли на ея обитателей и значеніе нашей планеты, какъ одного большого воспитательнаго дома для человѣческаго рода.

Въ то же самое время работалъ и Александръ фонъ-Гумбольдтъ (1769 — 1859), какъ сооснователь болѣе новой школы. „Оба они (Риттеръ и Гумбольдтъ) — великіе мыслители въ области сравнительнаго землевѣдѣнія, хотя они и шли разными путями. Гумбольдтъ достигалъ своей цѣли помощью естественныхъ наукъ и кругосвѣтныхъ путешествій; Риттеръ возвысился благодаря занятіямъ всемірно-исторической географіей и благодаря своей теоріи о кругосвѣтныхъ путешествіяхъ".

Такимъ образомъ, благодаря этимъ обоимъ ученымъ, въ области землевѣдѣнія создалась новая метода преподаванія географіи, которая, прежде всего, имѣла значеніе только для университета. Въ ихъ направленіи работали дальше знаменитые ученые, изъ которыхъ необходимо назвать фонъ-Роона, Кирггофа, Ратцеля, Лемана и фонъ Рихтгофена. Вскорѣ нашлись также методики, которые плодотворно примѣнили географическія идеи Риттера въ среднихъ школахъ. Въ числѣ тако-

[1]) *O. Peschel*, Abhandlungen zu vergleichenden Erd- und Völkerkunde I, S. 377.

выхъ можно поименовать: Пютца, фонъ-Роона, Доммериха, Даніеля, Зейдлица, Гите, Оберлендера, Рихтгофа, Пенка и др., которые проводили положенія Риттера частью въ учебникахъ по географіи, частью въ методическихъ руководствахъ.

Естественно, вліяніе этого умственнаго движенія не могло не коснуться народной школы. Мы идемъ по пути Риттера, хотя это проявляется у насъ въ географическомъ преподаваніи не столько въ количествѣ явленій, сколько въ связи ихъ; для насъ признакомъ методическаго обученія служитъ не множество рѣкъ, горъ, городовъ, которые ученики могутъ перечислить, сколько осмысленное усвоеніе географическаго матеріала. Мы обращаемъ вниманіе въ настоящее время на ту точку зрѣнія, которую мы принимаемъ въ разсчетъ при изученіи страны, а именно: географическое положеніе, горизонтальное раздѣленіе, геологическое строеніе, вертикальное дѣленіе, орошеніе, климатъ, минералы, растенія, животныя, населеніе и политическое устройство не стоятъ изолированно другъ отъ друга, но находятся въ логической связи и составляютъ сравнительную географію. Ученики мало-по-малу, подъ руководствомъ учителя, изучаютъ законы о расположеніи и взаимной связи географическихъ предметовъ и явленій. Такой способъ занятій долженъ, естественно, дѣйствовать гораздо болѣе образовывающимъ образомъ, чѣмъ прежніе. Онъ соотвѣтствуетъ также добытому отъ психологіи пути обученія, идетъ отъ созерцанія къ мысли и способствуетъ, посредствомъ болѣе частаго примѣненія добытыхъ положеній, также твердому запечатлѣнію его. Этимъ способомъ для ученика дѣлается яснымъ закономѣрное на землѣ, посредствомъ описаній и т. д. пробуждается чувство, благодаря чему интересъ къ наукѣ не будетъ дремать и географія будетъ дѣйствовать также на его волю.

Такимъ образомъ, здѣсь путь для всякаго преподаванія по выводамъ ученія о душѣ, какъ это указано Гербартомъ и его послѣдователями, соединяется съ спеціальною цѣлью сравнительнаго землевѣдѣнія.

Въ народной школѣ сороковыхъ годовъ предыдущаго столѣтія имѣли самое большое значеніе Гарнишъ, Дистервегъ, Циманъ и Форманъ. Благодаря Дистервегу, Форману и Фингеру, родиновѣдѣніе по Риттеру стало высоко цѣниться. Было введено и черченіе картъ. Въ то же время въ народныхъ школахъ свобода жизненнаго развитія была подавлена тремя прусскими регламентами отъ 1, 2 и 3 октября 1854 года, коими установлялись нормы элементарнаго преподаванія

въ евангелическихъ учительскихъ семинаріяхъ. Въ 3-мъ регламентѣ говорится: „Если позволяютъ обстоятельства назначить въ послѣдніе дни, и по крайней мѣрѣ, для старшихъ классовъ шесть часовъ обученія, то можно употребить еще три часа для отечествовѣдѣнія и природовѣдѣнія и одинъ часъ для рисованія. Если же для отечествовѣдѣнія и природовѣдѣнія нѣтъ необходимости вовсе удѣлять особенные часы, то сообщеніе необходимыхъ въ этой области свѣдѣній имѣетъ быть производимо посредствомъ объясненія соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ книги для чтенія". Слѣдовательно, на отечествовѣдѣніе, т.-е. исторію и географію, и природовѣдѣніе приходилось три часа, а на географію только одинъ часъ; само собою понятно, такого времени было слишкомъ мало для этого предмета, и если въ то время географія невысоко цѣнилась въ семинаріяхъ, то учителя работали еще менѣе: о разумномъ, наглядномъ и сравнительномъ преподаваніи не было и рѣчи. Чаще всего преподаваніе географіи было курсорнымъ толкованіемъ существующихъ въ книгѣ для чтенія матеріаловъ географическаго содержанія. Всѣ подобнаго рода преимущества этой методы не имѣли значенія для прусской народной школы.

Наконецъ, появились 15 октября 1872 г. „общія положенія". Съ ними наступила для народной школы во всѣхъ отношеніяхъ новая эпоха, а также и для преподаванія географіи. Она дѣлается обязательнымъ предметовъ каждой народной школы, и для нея назначаются даже необходимыя наглядныя и учебныя пособія. Соотвѣтствующія методическія положенія обращаютъ главное вниманіе на то, чтобы синтетическо-аналитическій ходъ обученія соединялся съ нагляднымъ и оживленнымъ преподаваніемъ, не преслѣдуя полноты программы. Книга для чтенія должна служить оживленію, дополненію и повторенію преподаваемаго.

30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ велась работа по этимъ положеніямъ, были для народной школы большою благодатью. Метода преподаванія все болѣе и болѣе совершенствовалась въ риттеровскомъ направленіи. Однако, при этомъ для народной школы выработался очень правильный взглядъ, что если въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе сравнивающій моментъ, то усвоеніе конкретнаго матеріала является самымъ главнымъ дѣломъ.

Въ это время преимущественно много сдѣлано для усовершенствованія учебныхъ пособій; карты и картины издаются теперь въ особенно превосходномъ видѣ.

Благодаря новымъ положеніямъ для учительскихъ образовательныхъ учрежденій отъ 1 іюля 1901 года, сдѣлалось возможнымъ давать будущимъ учителямъ интенсивное образованіе по географіи какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методическомъ отношеніяхъ.

Преподаваніе географіи въ нѣмецкой народной школѣ, какъ показываетъ этотъ историческій очеркъ, сдѣлалось однимъ изъ молодыхъ самостоятельныхъ предметовъ народной школы. Пожелаемъ же ему и далѣе преуспѣвать и идти по проторенной до сихъ поръ дорогѣ.

Н. Вершининъ.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(31-е мая—4-е іюня 1906 года).

I.

Научные съѣзды, и особенно по „гуманитарнымъ“ наукамъ, составляютъ въ Россіи большую рѣдкость, почти новинку. Уже это одно заставляло отнестись съ интересомъ къ инціативѣ Перваго русскаго съѣзда по педагогической психологіи. Инціатива его исходила отъ совѣта „Педологическихъ курсовъ“, организованныхъ въ 1904 г. при столь извѣстномъ всей Россіи и столь много сдѣлавшемъ для русской педагогіи „Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній“. Извѣстно, какую крупную просвѣтительную роль играло у насъ въ теченіе довольно долгаго времени военное вѣдомство, хранившее завѣты освободительной эпохи 60-хъ годовъ. Когда педагогическая мысль была абсолютно изгнана изъ нашей гражданской, „толстовской“ средней школы, она пріютилась около военнаго вѣдомства. И даже послѣ того какъ въ самомъ военномъ вѣдомствѣ, съ отставкой Д. А. Милютина, пошло иное направленіе, „Музей военно-учебныхъ заведеній“ хранилъ — въ лицѣ своего директора генералъ-лейтенанта А. Н. Макарова — завѣты лучшихъ дней. Когда къ намъ пришло изъ Европы и Америки „педологическое“ движеніе, оно нашло себѣ пріютъ здѣсь же. Отсюда же вышелъ и тотъ съѣздъ, о которомъ мы сейчасъ даемъ отчетъ.

Организаціонный комитетъ съѣзда составился изъ 67 лицъ; предсѣдателемъ его былъ избранъ А. Н. Макаровъ, товарищами предсѣдателя: академикъ В. М. Бехтеревъ, П. Ѳ. Каптеревъ и А. П. Не-

чаевъ, казначеемъ докторъ А. А. Крогіусъ, секретаремъ М. Н. Коноровъ [1]).

Комитетъ выработалъ для съѣзда слѣдующую программу вопросовъ: 1) психологія, какъ предметъ преподаванія въ высшей и средней школѣ; 2) психологія въ ея отношеніи къ школьной гигіенѣ; 3) психологическія основы воспитанія и обученія (причемъ въ примѣчаніи было оговорено, что „программа съѣзда не исключаетъ также докладовъ и по другимъ вопросамъ психологіи и психопатологіи"). Было постановлено, что членами съѣзда могутъ быть: преподаватели въ высшей и средней школѣ, врачи учебныхъ заведеній, представители ученыхъ обществъ и учебно-воспитательныхъ учрежденій, лица, заявившія себя трудами въ области психологіи, физіологіи и школьной гигіены, а также лица, принимавшія участіе въ лабораторныхъ психологическихъ изслѣдованіяхъ. „Гостями" могли быть всѣ лица, интересующіяся педагогической психологіей и школьной гигіеной; гости пользовались всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, за исключеніемъ участія въ выборѣ должностныхъ лицъ и въ голосованіи постановленій съѣзда. Членскій взносъ былъ опредѣленъ въ 3 руб. Комитетъ энергично пропагандировалъ съѣздъ, такъ что число членовъ и гостей, принимавшихъ въ немъ участіе, оказалось значительнымъ (около 500 человѣкъ).

Прежде чѣмъ излагать ходъ занятій съѣзда, я сдѣлаю краткую характеристику сказавшихся на немъ запросовъ и настроеній. Центральнымъ и преобладающимъ было, несомнѣнно, направленіе „педологическое", ставившее задачу съѣзда въ изученіи дѣтскаго организма и дѣтской души во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Рядомъ съ нимъ сказывались два другія направленія, изъ которыхъ одно стремилось расширить рамки съѣзда въ теоретической области, а другое выдвигало общественно-практическіе вопросы. Первое выразилось, напримѣръ, въ рѣчахъ профессора Г. И. Челпанова, желавшаго, чтобы съѣздъ былъ

[1]) Я не привожу здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ (напримѣръ, относительно „Краткосрочныхъ педологическихъ курсовъ", организованныхъ при съѣздѣ) детальныхъ данныхъ въ виду того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выйдетъ подробный отчетъ о съѣздѣ, къ которому я и направляю читателей за подробностями. Тамъ будутъ также напечатаны, полностью или въ сокращенномъ видѣ, и многіе изъ прочитанныхъ на съѣздѣ докладовъ. Другіе доклады будутъ постепенно появляться въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Лица, интересующіяся какимъ-либо изъ докладовъ, могутъ обращаться за справками въ Организаціонный Комитетъ Съѣзда (С.-Пб., Соляной городокъ).

обще-психологическимъ, а не только педагогически-психологическимъ, а еще болѣе въ докладѣ академика В. М. Бехтерева, предлагавшаго расширить съѣзды по психологической психологіи такъ, чтобы они превратились въ „съѣзды русскихъ психологовъ и неврологовъ". Въ сущности, однако, оба эти совершенно справедливыя и цѣнныя сами по себѣ желанія были скорѣе заявленіями о необходимости новой инициативы, новыхъ организацій, чѣмъ поправками къ той, которая осуществилась въ видѣ I-го съѣзда по педагогической психологіи.

Напротивъ, общественно-практическое направленіе не противорѣчило рамкамъ, положеннымъ въ основаніе состоявшагося съѣзда. Что практическая дѣятельность находится въ тѣснѣйшей связи съ теоретическимъ изученіемъ того объекта, съ которымъ имѣетъ дѣло эта дѣятельность, — это вещь ясная и не нуждающаяся въ доказательствахъ. Но, съ другой стороны, эта практическая работа далеко не сводится цѣликомъ на теоретическое изученіе предмета — въ данномъ случаѣ дѣтскаго организма и дѣтской психики: на „педологію". Эта дѣятельность должна считаться еще съ вопросами о той *цѣли*, къ которой она должна стремиться, о той *средѣ*, въ которой ей приходится дѣйствовать (во всемъ разнообразіи этой среды: національномъ, классовомъ, религіозномъ и т. д.), объ *исторіи* самой этой дѣятельности и о традиціонно-культурномъ ея элементѣ, о различныхъ *практическихъ средствахъ*, все вновь и вновь выдвигаемыхъ задачами этой дѣятельности („системы" образованія и ихъ учебные планы, пріемы, выдвигаемые „новой школой", и ихъ цѣнность сравнительно со старыми, и т. д., и т. д.). Несомнѣнно, что все это вопросы крайне важные для практическихъ задачъ воспитательно-учебнаго дѣла, и тѣмъ не менѣе они не входятъ въ „педологію" въ собственномъ смыслѣ — въ смыслѣ экспериментальнаго изученія дѣтскаго организма и дѣтской души.

Однако, какъ я уже сказалъ, вопросы эти, съ другой стороны, и не противорѣчатъ „педологіи"; въ сущности, постановка и рѣшеніе ихъ *предполагаются* и „педологами",—только они не стоятъ у нихъ на первомъ планѣ—быть можетъ, просто потому, что и педологія, и общественно-практическая педагогика настолько разрослись и обогатились такимъ разнообразнымъ матеріаломъ, что совмѣщеніе въ равной степени обѣихъ этихъ отраслей становится уже не подъ силу одному человѣку. Однако, по сущности своей онѣ вполнѣ совмѣстимы: одна изъ нихъ дополняетъ другую. А потому имъ слѣдовало бы предоставить возможность не стѣснять другъ друга въ работѣ; на слѣ-

дующемъ съѣздѣ слѣдовало бы образовать особую секцію по общественно-практической педагогикѣ. Вопросы этого порядка постоянно приходится рѣшать учителю, воспитателю, родителямъ. И если эти темы будутъ оставлены въ тѣни, то это поведетъ лишь къ тому, что, какъ и теперь, каждому придется рѣшать ихъ по своему, на основаніи личнаго и случайнаго опыта: какъ и теперь, педагогическіе дѣятели будутъ въ этой области лишены выгодъ работы коллективнаго ума и обмѣна мыслей.

II.

Перехожу къ изложенію работъ съѣзда въ порядкѣ его засѣданій.

Съѣздъ былъ открытъ въ 2 часа дня 31-го мая въ большой аудиторіи Соляного Городка предсѣдателемъ Организаціоннаго комитета А. Н. Макаровымъ, сказавшимъ небольшую рѣчь о задачахъ съѣзда и доложившимъ присланныя съѣзду привѣтствія: отъ В. К. Константина Константиновича, отъ одесскаго профессора Н. Н. Ланге и отъ предсѣдателя Государственной Думы С. А. Муромцева; послѣднее привѣтствіе было покрыто особенно продолжительными и живыми аплодисментами публики. Секретарь Организаціоннаго комитета М. Н. Коноровъ сообщилъ о ходѣ работъ комитета по подготовкѣ съѣзда; а затѣмъ слѣдовали привѣтственныя рѣчи нѣкоторыхъ изъ делегатовъ, командированныхъ на съѣздъ учеными и учебными учрежденіями и общественными организаціями. Делегатъ Академіи наукъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій указывалъ въ своей рѣчи на связь психологіи и педологіи съ общественными науками и на важность психологическихъ знаній для историка и соціолога. Академикъ В. М. Бехтеревъ (делегатъ отъ Военно-Медицинской академіи), приводя эпиграфъ къ Тургеневской „Нови“, пожелалъ съѣзду обработать „новь“ педагогической психологіи „не поверхностно проходящей сохой, а глубоко забирающимъ плугомъ“. Делегатъ отъ историко-филологическаго факультета Казанскаго университета приватъ-доцентъ В. Н. Ивановскій обратилъ вниманіе на необходимость объединить и резюмировать при съѣздахъ, подобныхъ настоящему, всю ту работу, какая производится по всей Россіи педагогическими обществами, семейно-педагогическими и родительскими кружками; а затѣмъ, указывая на глубокій кризисъ, переживаемый средней школой, настаивалъ на необходимости отрѣшиться отъ прежней системы, покоившейся исключительно на внѣшнемъ авторитетѣ, и обосновать реформу школы на

непререкаемыхъ, объективныхъ авторитетахъ, однимъ изъ которыхъ должна быть наука вообще, и въ частности психологія, какъ индивидуальная, такъ и общественная. Делегатъ отъ Московской духовной академіи профессоръ психологіи П. П. Соколовъ говорилъ о необходимости для нашей современной, особенно средней, школы бросить, наконецъ, тотъ канцелярскій шаблонъ, по которому она старается обработывать личность учениковъ, и начать серьезно и добросовѣстно считаться съ ихъ индивидуальностью. Затѣмъ выступилъ делегатъ отъ „Лиги образованія“ Г. А. Фальборкъ, горячо призывавшій къ обновленію школы въ видахъ возстановленія въ ней попранныхъ правъ личности учащихся: цѣлью новой школы должны быть не тѣ или иныя соображенія государственнаго порядка, а благо и счастье самой личности учащагося. Каждая освободительная эпоха даетъ крупный толчокъ развитію педагогическихъ идей; великая французская революція выдвинула идеи и планы Руссо и Кондорсэ,—и русская освободительная борьба должна также дать намъ новые педагогическіе принципы. Слѣдующею была рѣчь делегата Всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію Я. И. Душечкина, говорившаго о крайне тягостномъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи учителей и указавшаго на настоятельную необходимость расчистить путь для ихъ свободной и плодотворной дѣятельности. Далѣе произносили привѣтственныя рѣчи делегаты: отъ общества содѣйствія физическому развитію—г. Архангельскій, отъ слушателей педагогическихъ курсовъ при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній—г. Румянцевъ и отъ С.-Петербургской духовной академіи — профессоръ педагогики протоіерей С. А. Соллертинскій. Послѣдній ораторъ въ своей рѣчи высказалъ и свои взгляды на психологическую науку.

Въ концѣ засѣданія къ съѣзду обратилась съ небольшой горячей рѣчью г-жа Каминская. Выражая съѣзду благодарность за его инниціативу, она призывала его къ возможно болѣе широкой популяризаціи принциповъ научной психологіи и указывала на то, до какой степени это необходимо: дѣти въ наше время не могутъ не отзываться на общественные вопросы; волей или неволей и они несутъ на своихъ плечахъ непосильную тяжесть борьбы, надрывающей ихъ силы; сколько отъ этого происходитъ семейныхъ драмъ, обостряемыхъ еще тѣмъ, что родители не понимаютъ психики своихъ дѣтей и своимъ къ нимъ отношеніемъ только еще отягчаютъ ихъ страданія!

Закончилось дневное собраніе рѣчью делегата историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета привать-доцента

И. И. Лапшина, посвященной памяти недавно скончавшагося нѣмецкаго философа Э. Гартмана [1]). Охарактеризовавъ обще-философскіе взгляды Гартмана и признавъ его мыслителемъ, хотя и очень талантливымъ, но все же второго порядка, ораторъ указалъ на ту сторону его сочиненій, которая имѣетъ отношеніе къ задачамъ съѣзда: Гартманъ былъ превосходный—точный и осмотрительный—истолкователь чужихъ философскихъ системъ и психологическихъ теорій. Его сочиненія—„Geschichte der Metaphysik" и „Die moderne Psychologie"—могутъ служить надежными руководствами для имманентной, внутренне-логической экзегезы и критики излагаемыхъ въ нихъ ученій.

III.

Вечернее засѣданіе 31-го мая началось въ 8 час., подъ предсѣдательствемъ проф. Кіевскаго университета Г. И. Челпанова. Первымъ читался докладъ привать-доцента А. Ѳ. Лазурскаго: „О составленіи характеристикъ". На основаніи двухлѣтнихъ изслѣдованій учащихся слушателями Педологическихъ курсовъ докладчикъ разобралъ различные методы составленія характеристикъ учащихся дѣтей. Многообразіе индивидуальностей дѣлаетъ необходимымъ для наблюдающаго пользованіе опредѣленной схемой наблюденій; должна быть гарантирована возможно большая объективность и фактичность наблюденій, а также возможность ихъ провѣрки и контроля. Болѣе точный и научный „экспериментальный" методъ изученія характеровъ слишкомъ сложенъ, требуетъ слишкомъ большого времени для того, чтобы педагогъ могъ имъ пользоваться въ своей житейской практикѣ. Въ практикѣ приходится ограничиваться болѣе простымъ „методомъ наблюденія", записывая всѣ или же только главнѣйшія проявленія индивидуальности ребенка. Значительная часть доклада А. Ѳ. Лазурскаго была заимствована имъ изъ работъ: „Опытъ составленія фактически обоснованныхъ характеристикъ" и „Матеріалы для характеристики", помѣщенныхъ въ 3-й „Книжкѣ педагогической психологіи" [2]). Къ этимъ статьямъ мы и отошлемъ читателя, желающаго получить болѣе детальныя свѣдѣнія по этому вопросу.

---

[1]) Рѣчь эта напечатана въ газетѣ „Страна" (31-го мая).

[2]) „Книжки педагогической психологіи", составляемыя подъ редакціей А. П. Нечаева, представляютъ собою особое періодическое изданіе внутри, такъ сказать, журнала „Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма", выходящаго подъ редакціей акад. В. М. Бехтерева.

Въ преніяхъ по поводу доклада А. Θ. Лазурскаго В. Н. Ивановскій указывалъ на то, что характеристика отдѣльныхъ сторонъ каждой данной личности представляетъ болѣе новый методъ изученія характеровъ (раньше занимались преимущественно составленіемъ исчерпывающихъ классификацій всѣхъ возможныхъ характеровъ) и что ближайшей очередной задачей въ томъ направленіи, по которому идетъ докладчикъ, должно быть упрощеніе каталога характеризуемыхъ свойствъ личности, выдѣленіе изъ нихъ наиболѣе основныхъ и указаніе того, какъ эти основныя связаны съ остальными, производными; отъ этого методъ изученія личности приблизится къ требованіямъ практической жизни. Θ. О. Ольденбургъ указалъ на то, что характеристики могутъ быть двухъ родовъ: либо научныя („клиническія"), либо практическія—менѣе детальныя. А. Н. Макаровъ указалъ на ту осторожность, съ какой надо обходиться съ характеристиками учащихся: наблюденія производились въ интернатѣ и т. д.; все это могло нѣсколько измѣнять истинное положеніе дѣла.

Вторымъ былъ прочитанъ докладъ В. Н. Ивановскаго: „Нѣсколько словъ объ отношеніи нашей средней школы къ общественности". Средняя школа давно уже потеряла сочувствіе большинства учащихся, ихъ родителей и вообще всего русскаго общества: не имѣя въ глазахъ ихъ внутренняго, моральнаго авторитета, она держалась только внѣшнимъ—страхомъ; но за послѣднее время и эта опора рухнула, и мы видимъ рядъ въ высшей степени тяжелыхъ и ненормальныхъ явленій въ жизни средней школы. Выходъ изъ этого положенія одинъ: школа должна вернуть себѣ утраченный ею моральный авторитетъ; она должна перестроиться на такой основѣ, которая внушала бы уваженіе и довѣріе значительному большинству родителей и учащихся—вообще народа. Извѣстныя ограниченія воли учащихся—и, быть можетъ, даже немалыя—необходимы; но они должны имѣть за себя не произволъ циркуляровъ, а общественное мнѣніе. Въ Англіи ограниченія эти налагаются во имя національнаго идеала „джентльмэна", во Франціи (со времени франко-прусской войны)—во имя демократическаго патріотизма, въ Германіи—(частію) во имя „національнаго единства", „великой и могучей нѣмецкой имперіи", „торгово-промышленнаго прогресса" и т. д. Пусть нѣкоторые изъ этихъ лозунговъ—не самаго высокаго въ нравственномъ отношеніи порядка: важно то, что они раздѣляются значительной частью націи. То же должны сдѣлать и мы: благоустроенная и истинно національная школа создастся у насъ только тогда, когда за ея созданіе возьмется самъ народъ—

въ лицѣ своихъ представителей, когда народъ поставитъ своей школѣ тѣ цѣли, которымъ онъ дѣйствительно симпатизируетъ, которыя имѣютъ нравственный авторитетъ въ его глазахъ. Только такая школа можетъ быть прочной. При разнообразіи потребностей и интересовъ отдѣльныхъ группъ и классовъ народа, рѣшеніе можетъ состояться только въ формѣ компромисса, линія котораго опредѣлится, въ концѣ концовъ, тѣмъ, что называютъ „реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ". Этотъ компромиссъ, эта средняя линія должна предоставить извѣстную, даже значительную, свободу для проявленія отдѣльныхъ группъ потребностей, для „общественной индивидуализаціи" школы. Свои воззрѣнія докладчикъ формулировалъ въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Старое недовольство большинства учащихся и ихъ родителей порядками нашей средней школы выразилось, въ связи съ переживаемымъ Россіей общественнымъ кризисомъ, такими явленіями, какъ забастовки учащихся, ихъ самоубійства, покушенія на убійство или убійства ими начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ лицъ, и т. д.

2) Причина разстройства школы въ томъ, что школа, давно утратившая (въ цѣломъ) *внутренній*, моральный авторитетъ и державшаяся съ тѣхъ поръ только *внѣшнимъ* авторитетомъ и страхомъ наказаній, теперь не можетъ болѣе опираться и на этотъ внѣшній авторитетъ: *страхъ исчезъ*.

3) Единственнымъ выходомъ изъ положенія является то, чтобы школа вновь завоевала себѣ внутреннюю силу и авторитетность. Поэтому всѣ попытки регулировать школьную жизнь, оставаясь на *старой* почвѣ, т. е. пользуясь исключительно внѣшними средствами („это запретить", „это разрѣшить на такихъ-то условіяхъ", „это недопустимо, безсмысленно" и т. д.), идутъ мимо цѣли и помочь не могутъ.

4) Внутренній авторитетъ школа можетъ найти только въ такой коренной реформѣ, которая, въ общемъ, удовлетворяла бы ожиданія народа. Такая реформа можетъ быть проведена только представительнымъ учрежденіемъ, признаваемымъ за правомочное большинствомъ россійскихъ гражданъ, при чемъ, само собою очевидно, эта реформа не можетъ осуществиться безъ проведенія остальныхъ заявленныхъ народными представителями требованій.

5) Разсматривая современные проекты реформы школы, стоящіе на почвѣ сознанія необходимости для нея внутренняго авторитета, можно замѣтить, что ихъ главныя тенденціи таковы: а) школа должна быть не правительственной, а народной; она должна перестать быть

орудіемъ правительственной политики—instrumentum regni (отсюда такія требованія, какъ смѣняемость учителей только по суду, неполученіе ими чиновъ и орденовъ, свобода обученія и открытія частныхъ школъ старыхъ и новыхъ типовъ и т. д.); б) школа должна стать болѣе демократической, доступной всему народу, и въ то же время быть подъ постояннымъ контролемъ народа, а именно: печати (отмѣна всѣхъ запрещеній касаться въ печати школьныхъ порядковъ и фактовъ изъ школьной жизни), мѣстныхъ самоуправленій (городскіе и земскіе школьные совѣты и представители отъ земствъ и городовъ въ различныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ на мѣстахъ дѣло образованія, и въ педагогическихъ совѣтахъ), родителей (собранія родителей, выборъ ими директора школы изъ состава ея учителей, представительство родителей въ педагогическихъ совѣтахъ преимущественно для освѣдомленія родителей о ходѣ дѣлъ); в) должна быть предоставлена извѣстная самостоятельность учащимся въ области самообразованія, обсужденія своихъ дѣлъ, сношеній съ начальствомъ (старосты) и т. д.

Наконецъ, послѣдній тезисъ докладчика имѣлъ характеръ практическаго предложенія. „Желательно, чтобы съѣздъ выбралъ комиссію для собиранія, разработки и изданія матеріаловъ по школьному вопросу (школьное движеніе, проекты реформы школы и т. д.)“. На послѣднемъ засѣданіи съѣзда (вечеромъ 4-го іюня) предложеніе это было принято.

По поводу этого доклада происходили продолжительныя пренія. Д. А. Дриль сказалъ: докладчикъ упустилъ изъ виду ту роль, какую играетъ въ распаденіи школы, въ самоубійствахъ и убійствахъ учащихся, дегенерація (98% воспитанниковъ Пажескаго корпуса съ тѣми или другими стигматами дегенераціи; алкоголизмъ учащихся). Женщина-врачъ г-жа Демидовичъ: реформа школы должна быть основана на самомъ знаніи; чтобы школа шла хорошо, нужно хорошо учить, заботиться о физическомъ здоровьи учащихся и поддерживать любимыхъ дѣтьми педагоговъ. Г. Лебединцевъ: выборъ директора родителями неосуществимъ; необходима автономія школы. Г. Коше: въ Германіи школа высока потому, что она не занимается политикой. Г. Цибульскій: во Франціи и Италіи запрещено въ школѣ поднимать вопросы—патріотическій и религіозный.

Докладчикъ, въ своемъ отвѣтѣ, настаивалъ на томъ, что заявленія оппонентовъ относительно германской, французской и итальянской школы суть ссылки на *факты*; онъ же спрашиваетъ о *при-*

чинахъ этихъ фактовъ: *почему* въ Германіи, Франціи и Италіи *слушаются* этихъ запрещеній (предполагая, что ихъ дѣйствительно исполняютъ), а у насъ не слушаются? Или, другими словами, почему школа въ этихъ странахъ имѣетъ тотъ внутренній авторитетъ, котораго она лишена у насъ?

IV.

1-го іюня утромъ одновременно происходили засѣданія двухъ секцій. Въ первой секціи (подъ предсѣдательствомъ проф. Н. П. Соколова) было доложено сначала сообщеніе А. А. Крогіуса: „Отношеніе психологіи къ другимъ научнымъ дисциплинамъ“. Свой интересный докладъ, затрогивавшій многіе основные вопросы психологіи и философіи, г. Крогіусъ резюмировалъ въ такихъ положеніяхъ. Всѣ наши знанія о реальномъ мірѣ могутъ быть сведены къ двумъ большимъ группамъ: къ наукамъ о мірѣ физическомъ и наукамъ о мірѣ духовномъ. Это раздѣленіе кардинальное. Естествознаніе и науки о духѣ отличаются другъ отъ друга: 1) по объекту, 2) по методу изслѣдованія. 1) Міръ физическій пространственъ; процессы психическіе не имѣютъ никакихъ пространственныхъ опредѣленій. Попытки энергетической психологіи установить единство въ измѣреніи психическихъ и физическихъ процессовъ съ помощью понятія энергіи несостоятельны, такъ какъ основаны на смѣшеніи понятій. Законъ Вебера-Фехнера тоже не устанавливаетъ для психическихъ и физическихъ процессовъ какого-нибудь единаго мѣрила. Математическая формулировка Фехнеромъ Веберовскихъ наблюденій недопустима, такъ какъ ощущенія не содержатъ въ себѣ количественнаго элемента. Ученіе о локализаціи психическихъ процессовъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, какъ дѣлаютъ это обыкновенно физіологи. Душевную жизнь нельзя разлагать на атомы, какъ физическій міръ. Психическіе процессы получаютъ свой характеръ и значеніе лишь въ живой связи съ переживающимъ ихъ субъектомъ. 2) Естествознаніе руководится внѣшнимъ наблюденіемъ; основной методъ психологіи есть самонаблюденіе (которое нельзя смѣшивать съ непосредственнымъ переживаніемъ). Чужая душевная жизнь познается путемъ „прочувствованія“ (Einfühlung), дополненнаго данными самонаблюденія. Различіе между психологіей и другими науками о духѣ—общественно-историческими, съ одной стороны, нормативными—съ другой, неопредѣленно и условно. Нельзя противопологать психологію, какъ науку номотетическую, исторіи, какъ наукѣ идіографической. Въ той и другой наукѣ эти два начала переплета-

ются. Нормативныя науки—логика, этика и эстетика—отправляются отъ изученія фактовъ сознанія. Сознаніе нормативной закономѣрности есть фактъ нашего внутренняго опыта. Нормативныя науки подвергаютъ этотъ фактъ анализу и оцѣнкѣ. Психологія, какъ наука о фактахъ сознанія, лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ наукъ о духѣ.

Пренія по этому докладу сосредоточились преимущественно на вопросѣ объ отношеніи между различными аспектами психологической науки, особенно между субъективнымъ и объективнымъ изученіемъ духа. Проф. Г. И. Челпановъ, выразивъ докладчику благодарность за стремленіе примирить два до сихъ поръ враждовавшія направленія психологіи, настаивалъ на необходимости возможно дальше проводить субъективный анализъ, не спѣша съ примѣненіемъ къ изучаемому вопросу объективнаго эксперимента; въ частности, проф. Челпановъ находилъ недостаточнымъ тотъ анализъ, на какомъ остановился въ своихъ доложенныхъ наканунѣ опытахъ А. Ѳ. Лазурскій (постановка рукой точекъ и устный счетъ — явленія не однородныя; второе сложнѣе, въ немъ есть элементы не чисто нервно-механическіе). Правильность постановки опытовъ А. Ѳ. Лазурскаго доказывали А. П. Нечаевъ и самъ ихъ авторъ. А. Н. Кремлевъ выразилъ мнѣніе, что вражда между экспериментальной и теоретической психологіей есть только отраженіе болѣе широкой и общей борьбы между идеализмомъ и матеріализмомъ въ наукѣ. Большинство такъ называемыхъ матеріалистовъ забываютъ, что о сущности явленій духа мы не только *ignoramus*, но и *ignorabimus*. Приватъ-доцентъ В. Е. Игнатьевъ и приватъ-доцентъ А. Н. Бернштейнъ подчеркивали значеніе объективнаго эксперимента въ психологіи, придавая ему большее значеніе, чѣмъ это допускалъ докладчикъ. Въ психологіи, говорилъ А. Н. Бернштейнъ, метафизическая и экспериментальная стороны равноправны. Первая разсматриваетъ категоріи или отдѣльныя способности, вторая изучаетъ комплексы. Объекты, сущность которыхъ сверхчувственна и метафизична, также подлежатъ измѣренію. Данныя, добытыя путемъ естествознанія, должны служить для обобщеній и построеній философскаго характера. В. Н. Ивановскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, въ преніяхъ неправильно ставится вопросъ о различныхъ „аспектахъ“ психологіи. Противополагая психологію метафизическую экспериментальной и считая эту классификацію исчерпывающей, забываютъ объ основномъ аспектѣ психологіи — феноменистически-интроспективномъ. Правильнѣе „виды“ или аспекты психологіи группировать такъ:

Психологія

- Метафизическая — въ ея различныхъ видахъ: спиритуалистическая, матеріалистическая, дуалистическая и такъ далѣе.
- Феноменистическая
  - Интроспективная
    - Эмпирическая.
    - Экспериментальная
  - Экстраспективная
    - „Сравнительная".
    - (Объективно-) экспериментальная и физіологическая.

Оппонентъ настаивалъ особенно на слѣдующихъ пунктахъ: 1) на опредѣленномъ разграниченіи психологіи метафизической отъ феноменистической, 2) на отнесеніи психологіи матеріалистической къ числу подвидовъ психологіи метафизической, 3) на признаніи интроспективнаго эксперимента возможнымъ совершенно въ той же мѣрѣ, въ какой мы признаемъ возможность интроспективнаго наблюденія. Терминъ „экстраспективный" оппонентъ предлагаетъ, въ качествѣ коррелята къ „интроспективный"; „экстраспективный" будетъ значить: наблюдающій *извнѣ*, истолковывающій состоянія сознанія черезъ посредство ихъ біологическихъ *выраженій* или физіологическихъ *сопровожденій*. Такое указаніе отдѣльныхъ сторонъ или аспектовъ психологіи устанавливается только въ цѣляхъ анализа; психологія же есть конечно, единая наука. А. А. Крогіусъ отвѣчалъ оппонентамъ.

Вторымъ шелъ докладъ В. Н. Ивановскаго: „О преподаваніи педагогики въ русскихъ университетахъ" [1]). Настоящая педагогическая дѣятельность, способность оказывать благотворное, воспитывающее вліяніе, имѣетъ своей основой педагогическій талантъ — личный, непередаваемый даръ возбуждать душу и умъ воспитываемаго. Этотъ даръ, для правильнаго своего приложенія, требуетъ простора — полной свободы, самостоятельности учителя и возможности отдаваться дѣлу такъ, какъ его этотъ учитель понимаетъ и любитъ. Однако, и при наличности этихъ двухъ условій: таланта и благопріятнаго внѣшняго положенія учителя, ему нужно педагогическое образованіе. Въ Англіи распространеніе педагогическихъ познаній и идеаловъ въ уни-

[1]) Часть этого доклада была взята авторомъ изъ его статьи „О преподаваніи педагогики", помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета" за 1904 г.

верситетахъ и среднихъ школахъ имѣетъ преимущественно практическій характеръ: учатся изъ примѣра лучшихъ педагоговъ. Во Франціи и Германіи педагогика преподается въ университетахъ и теоретически. У насъ, въ Россіи, съ самаго XVIII вѣка идетъ рядъ колеблющихся, неувѣренныхъ попытокъ ввести въ университетахъ преподаваніе педагогики и организовать практическую подготовку учителей; однако, попытки эти успѣха не имѣли и съ 60-хъ годовъ XIX вѣка оставлены окончательно. Теперь вопросъ о преподаваніи педагогики въ русскихъ университетахъ возникъ опять. Преподаваніе педагогики у насъ очень желательно. Оно должно носить характеръ научный, а не демонстративно-практическій. Желательно созданіе штата преподавателей различныхъ педагогическихъ дисциплинъ; но вопросъ о необходимости учрежденія особой каѳедры педагогики, которая давала бы ученыя степени по этой „наукѣ", по меньшей мѣрѣ споренъ. Желательно введеніе въ подготовку будущихъ учителей курсовъ по гигіенѣ, педологіи, общей педагогикѣ (если ее нельзя читать вмѣстѣ съ однимъ изъ отдѣловъ педологіи) и исторіи педагогики. Курсы эти должны назначаться для студентовъ какъ филологовъ, такъ и физико-математиковъ. Слѣдуетъ ли требовать прохожденіе всѣхъ этихъ курсовъ отъ всѣхъ лицъ, намѣревающихся посвятить себя учительской карьерѣ, это зависитъ отъ того объема, въ какомъ указанныя науки будутъ преподаваться. Если, напримѣръ, курсы по педологіи будутъ обширны и разнообразны, то можетъ быть установленъ извѣстный минимумъ. Преподаваніе должно вестись такимъ образомъ, чтобы возможно болѣе возбуждать самодѣятельность студентовъ. Не слѣдуетъ гнаться за призрачной полнотой курса. Лучше потратить время на обсужденіе самостоятельныхъ (хотя бы и элементарныхъ) студенческихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, чѣмъ прочесть бѣглый и сухой, хотя бы и полный курсъ.

Въ виду поздняго времени преній по докладу В. Н. Ивановскаго не было; было принято предложеніе перенести ихъ на послѣдній день занятій съѣзда, на 4-е іюня,—однако и 4-го іюня времени для нихъ не осталось.

Во второй секціи въ утреннемъ засѣданіи 1-го іюня (предсѣдатель профессоръ Харьковскаго университета П. Э. Лейкфельдъ) были прочитаны доклады: Ц. П. Балталона „Опыты по эстетикѣ цвѣтовъ и музыкальныхъ воспріятій", М. И. Успенскаго „Значеніе войны въ душевной жизни дѣтей" и доктора Оршанскаго „О дѣтской книгѣ".

Ц. П. Балталонъ въ обстоятельномъ докладѣ, сопровождаемомъ цѣ-

лымъ рядомъ пояснительныхъ или резюмирующихъ эксперименталь-ный матеріалъ таблицъ и схемъ, доказывалъ, что „эстетическое чувство или чувство красоты имѣетъ источникомъ чувство отношеній сходства и что степень эстетической пріятности зависитъ отъ количества, силы и живости отношеній сходства, сосредоточенныхъ въ опредѣленномъ воспріятіи и достаточно оттѣненныхъ элементами различія". Эти соображенія о природѣ эстетическаго чувства, полученныя экспериментальнымъ путемъ, позволяютъ, по мнѣнію докладчика, объяснить и біологическое развитіе этого чувства общими законами борьбы и приспособленія. Наконецъ, „тотъ же эстетическій принципъ сходства отношеній позволяетъ установить и классификацію изящныхъ искусствъ съ этой точки зрѣнія". Въ преніяхъ было замѣчено, что принципъ докладчика врядъ ли можетъ, въ его простой формѣ, лечь въ основу такихъ искусствъ, какъ живопись, скульптура или поэзія, такъ какъ тогда вся ихъ задача сводилась бы къ возможно болѣе точному изображенію любого факта дѣйствительности (г. Лебединцевъ); что сходство (ритмъ, симметрія) является только условной основой европейскаго искусства: восточная музыка, напримѣръ, считаетъ диссонансомъ сочетаніе большой терціи (Н. Г. Первухинъ); что пріятность звуковыхъ соотношеній объясняется скорѣе соотношеніями колебаній основныхъ тоновъ, чѣмъ совпаденіями обертоновъ (Т. Д. Ѳаддеевъ).

Докторъ Оршанскій сдѣлалъ обзоръ состоянія дѣтской иллюстрированной книги въ Европѣ. Родиной художественной дѣтской книги является Англія первой трети XVIII вѣка; и до сихъ поръ книги эти въ Англіи довольно хороши. Въ Германіи также серьезно взялись за это дѣло и изучаютъ его теоретически; во Франціи до самаго послѣдняго времени на него не обращали должнаго вниманія. Докладчикъ предлагаетъ съѣзду поставить вопросъ о дѣтской книгѣ въ число программныхъ вопросовъ слѣдующаго съѣзда и признать необходимость разработки его совокупными усиліями воспитателей и представителей искусства и литературы.

V.

Въ вечернемъ засѣданіи 1-го іюня съѣзду первымъ было доложено краткое сообщеніе Н. Д. Енько—„Къ вопросу о преподаваніи психологіи". Докладчикъ, стоя на чисто физіологической точкѣ зрѣнія, требовалъ, чтобы „результаты изслѣдованій, производимыхъ надъ

другими людьми, излагались какъ результаты изслѣдованій по функціональной физіологіи нервной системы, а не какъ результаты субъективной психологіи". Докладчику было замѣчено (П. А. Соколовымъ), что физіологическій языкъ не можетъ замѣнить психологическаго при описаніи душевныхъ явленій.

Вторымъ читался докладъ профессора Г. И. Челпанова—„О преподаваніи психологіи въ средней школѣ". Указавъ на постоянныя колебанія учебныхъ плановъ въ Германіи, то вводившихъ, то отмѣнявшихъ въ гимназіяхъ преподаваніе психологіи, докладчикъ остановился на прочныхъ традиціяхъ преподаванія психологіи въ гимназіяхъ австрійскихъ. Затѣмъ, на основаніи своего личнаго опыта преподаванія психологіи въ 4-хъ классахъ двухъ Кіевскихъ гимназій въ теченіе послѣдняго учебнаго года, профессоръ Челпановъ доказывалъ, что психологія доступна пониманію учащихся, что преподаваніе психологіи должно служить, главнымъ образомъ, подготовительной ступенью къ изученію философіи (отсюда, по мнѣнію докладчика, необходимость ввести въ курсъ гимназій „раціональную психологію" — ученіе о душѣ), что изъ вопросовъ экспериментальной психологіи надо вводить въ курсъ только тѣ, которые служатъ для иллюстраціи общихъ принциповъ психологіи: не слѣдуетъ знакомить учениковъ съ психологическими экспериментами, имѣющими только методологическое значеніе. Вообще преподаваніе экспериментальной психологіи не слѣдуетъ возводить въ принципъ: въ психологіи и помимо экспериментальныхъ данныхъ есть множество вопросовъ, которые могутъ быть преподаваемы и вполнѣ сохраняютъ свое образовательное значеніе; кромѣ того, для правильной постановки преподаванія экспериментальной психологіи необходимо, чтобы самъ преподаватель былъ вполнѣ хорошо знакомъ съ ея пріемами, а такихъ учителей въ Россіи пока нѣтъ. Психологія, по наблюденіямъ докладчика, очень интересуетъ учащихся: многіе изъ нихъ заявляли въ теченіе учебнаго года, что они имѣли уже случаи наблюдать въ реальной жизни проявленія законовъ ассоціаціи идей, безсознательныхъ ассоціацій, апперцепціи, симпатическаго подражанія и т. д. Учащіеся заявляли докладчику о томъ, что желательно было бы ввести въ курсъ психологіи, съ одной стороны, такіе вопросы, какъ вопросы о душѣ, о свободѣ воли, а съ другой—такіе, съ которыми они сталкиваются въ повседневной жизни (психологія животныхъ, гипнотизмъ, развитіе памяти, развитіе воли).

Докладъ профессора Челпанова возбудилъ оживленныя пренія. А. П. Нечаевъ доказывалъ, что въ средней школѣ не можетъ пре-

подаваться психологія, какъ наука; тамъ мѣсто лишь психологіи, какъ учебному предмету. При этомъ учащійся долженъ понять, что онъ стоитъ только у порога храма науки, долженъ получить интересъ къ тому, что находится за порогомъ этого храма, и полюбить его. В. П. Ивановскій находилъ, что гимназическій курсъ психологіи профессора Челпанова, насколько можно судить по прослушанному докладу, представляется слишкомъ неподвижнымъ, слишкомъ прочно фиксированнымъ для того, чтобы быть живымъ; къ тому же профессоръ Челпановъ требуетъ подробной официальной программы курса, которая также будетъ стѣснять учителя. Могутъ быть многіе совершенно индивидуальные пріемы преподаванія психологіи (напримѣръ, съ бо́льшимъ участіемъ біологическаго и соціально-психологическаго элемента), и не надо мѣшать имъ излишнимъ фиксированіемъ курса программой и требованіемъ пройти весь „предметъ" въ его школьныхъ рамкахъ. Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ изложилъ свой методъ преподаванія психологіи: онъ начинаетъ съ объясненія значенія ряда психологическихъ терминовъ, стараясь въ то же время вызвать и систематизировать уже имѣющійся у учащихся запасъ психологическаго матеріала (психическихъ переживаній), а затѣмъ въ широкой мѣрѣ пользуется для иллюстрацій литературнымъ матеріаломъ (повѣстями Тургенева и др.). Въ дальнѣйшемъ ходѣ преподаванія методъ постепенно становится все точнѣе, и термины повседневной жизни замѣняются научными. Затѣмъ возражали П. С. Карцевъ, П. А. Соколовъ, В. В. Успенскій, г. Цибульскій, В. Е. Игнатьевъ и еще нѣсколько лицъ. В. В. Успенскій настаивалъ на необходимости перенести курсъ психологіи въ гимназіяхъ изъ 7-го класса въ 8-й, предостерегалъ отъ исключительнаго преобладанія въ курсѣ экспериментальнаго матеріала и требовалъ, чтобы часть экспериментовъ, для наглядности, была продѣлана надъ каждымъ изъ учащихся. В. Е. Игнатьевъ указывалъ на хаотичность состава курса средней школы, образовавшагося изъ ряда пристроекъ и надстроекъ и не основаннаго ни на какомъ общемъ принципѣ, и настаивалъ на важности біологической точки зрѣнія, которая должна быть всюду проведена.

Послѣ доклада проф. Челпанова, М. И. Коноровъ показалъ рядъ простѣйшихъ приборовъ, при помощи которыхъ можно произвести въ классѣ рядъ демонстраціонныхъ психологическихъ экспериментовъ, и перечислилъ важнѣйшіе изъ такихъ экспериментовъ. По поводу нѣкоторыхъ изъ показанныхъ опытовъ были сдѣланы замѣчанія профессоромъ Челпановымъ и другими членами съѣзда.

VI.

Утреннее засѣданіе 2-го іюня происходило подъ предсѣдательствомъ привать-доцента Московскаго университета А. Н. Бернштейна. Засѣданіе началось интереснымъ докладомъ С. И. Шохоръ-Троцкаго „О періодѣ полового созрѣванія и его требованіяхъ съ точки зрѣнія педагогической психологіи“. Періодъ полового созрѣванія обусловливаетъ глубокія измѣненія не только въ физической, но и въ умственной сферахъ учащихся: онъ характеризуется измѣнчивостью настроенія, отсутствіемъ внимательности, мечтательностью и тому подобными явленіями. Этотъ періодъ требуетъ къ себѣ исключительнаго вниманія и семьи, и школы. Чтобы облегчить и урегулировать этотъ процессъ созрѣванія и соотвѣтствующей ему перестройки всего организма, нужно сдѣлать программу преподаванія для учащихся въ этомъ возрастѣ (т. е. въ 4, 5 и 6 классахъ) болѣе подвижной и уменьшить объемъ курсовъ этихъ классовъ; надо устранить пагубное въ это время для организма умственное переутомленіе: занятія въ этомъ возрастѣ могутъ ограничиваться преимущественно переработкой уже пріобрѣтенныхъ знаній. Съ другой стороны, для этого періода необходимъ физическій трудъ, цѣлесообразно выбранныя эстетическія удовольствія (не всѣ таковыя, вѣроятно, полезны; надо сначала рѣшить, какія полезны, какія вредны) и самостоятельное творчество. Коснувшись вопроса о „выбываніи“ учащихся изъ школъ въ періодъ полового созрѣванія, докладчикъ настаивалъ на необходимости виднаго вліянія на рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ школьныхъ врачей-гигіенистовъ; только совмѣстные труды врачей и педагоговъ могутъ указать, какъ совмѣстить интересы гигіены ученика съ интересами школы. Въ качествѣ профилактическаго средства противъ извращенія полового чувства у дѣтей, докладчикъ рекомендовалъ бесѣды съ глазу на глазъ съ учащимися на соотвѣтствующія темы и ознакомленіе ихъ съ анатоміей и физіологіей.

Докладъ возбудилъ весьма оживленныя пренія, въ которыхъ приняло участіе болѣе 10 членовъ съѣзда. Ѳ. Г. Каменскій говорилъ о необходимости совмѣстнаго обученія половъ, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ 4 классахъ. Священникъ Н. П. Адвокатовъ въ горячей рѣчи нападалъ на окаменѣлость, неподвижность нашихъ программъ и всякихъ школьныхъ рамокъ: когда педагоги будутъ свободными художниками и будутъ знакомы съ психологіей, исчезнотъ многое нежелатель-

ное. Програму школы надо разбить на небольшіе циклы, по 6 недѣль въ каждомъ, какъ это дѣлаютъ въ Америкѣ; это дастъ возможность пропускать одинъ или болѣе такихъ цикловъ въ острые моменты періода полового созрѣванія—съ минимальной потерей времени. Кромѣ того, учителю должно быть предоставлено право измѣнять програму въ зависимости отъ способностей и потребностей дѣтей. П. А. Соколовъ указалъ на то, что неодновременность періода полового созрѣванія у двухъ половъ (у мальчиковъ приблизительно на 2 года позже) мѣшаетъ совмѣстному обученію; въ періодъ созрѣванія нужно больше движенія и надо изгнать все, что взвинчиваетъ нервную систему. А. С. Виреніусъ подчеркиваетъ физіологическую основу психическихъ измѣненій, свойственныхъ этому періоду, и настаиваетъ на необходимости длиннаго періода отдыха—каникулъ, для возстановленія вещества и энергіи, затрачиваемыхъ въ учебное время. В. Е. Игнатьевъ и И. И. Казасъ дѣлаютъ рядъ замѣчаній о физическихъ упражненіяхъ учащихся въ періодъ созрѣванія, о спортѣ, эстетическомъ образованіи и совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ. М. Ф. Рабиновичъ доказываетъ, что внимательное отношеніе къ періоду созрѣванія и соотвѣтствующее проведеніе его есть задачи не школы, а семьи; а для этого надо популяризовать правильныя физіологическія воззрѣнія въ широкой публикѣ. Врачъ В. Рахмановъ замѣтилъ, что въ наше время у дѣтей извѣстнаго возраста совершаются параллельно два процесса; политическія событія захватили ихъ умственную сферу, и въ то же время они переживаютъ періодъ полового созрѣванія. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ наиболѣе впечатлительныя дѣти становятся прямо ненормальными: они совершаютъ поступки, противорѣчащіе всему строю ихъ личности. Говорить здѣсь о свободной волѣ и сознательныхъ поступкахъ не приходится; тѣмъ болѣе нельзя говорить о полной сознательности дѣтей при совершеніи ими такъ называемыхъ политическихъ преступленій. Съѣздъ долженъ заявить, что карать дѣтей за нихъ каторгой и смертной казнью значитъ совершать моральное и физическое убійство людей душевно больныхъ. А. Н. Бернштейнъ предложилъ поставить въ програму слѣдующаго съѣзда вопросъ о согласованіи интересовъ гигіены дѣтей въ періодъ полового созрѣванія съ требованіями школы. Отвѣчая оппонентамъ, докладчикъ указалъ, что на первое мѣсто, въ качествѣ занятіїі дѣтей въ періодъ созрѣванія, онъ ставилъ не эстетическія удовольствія, а физическій трудъ, что о спортѣ онъ говорилъ исключительно здоровомъ, что онъ не высказывалъ желанія за-

медлить процессъ созрѣванія (ибо это невозможно), что изъ эстетическихъ занятій рисованіе рекомендуется профессоромъ Мержеевскимъ, что во главѣ учебныхъ заведеній должны стоять не непремѣнно врачи, а и педагоги, разъ они освѣдомлены въ анатоміи, физіологіи и гигіенѣ, а изъ врачей только тѣ, которые изучали педагогическія дисциплины и имѣютъ философскую подготовку.

Вторымъ шелъ докладъ Я. И. Ковальскаго „О наглядности и наглядныхъ пособіяхъ въ дѣлѣ обученія". Вотъ тезисы этого доклада: 1) Необходимо различать наглядность внѣшнюю и наглядность внутреннюю: первая достигается соотвѣтственнымъ подборомъ пособій, а вторая—правильнымъ веденіемъ объясненій. 2) Во многихъ случаяхъ вполнѣ цѣлесообразныя пособія могутъ быть устроены или собраны при весьма незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ. 3) Правильное пользованіе наглядными пособіями требуетъ отъ преподавателя весьма серьезной подготовки. 4) Поэтому для правильной постановки дѣла обученія въ учебныхъ заведеніяхъ необходимо, чтобы учебныя вѣдомства обратили болѣе серьезное вниманіе на вопросъ о наглядныхъ пособіяхъ и съ этой цѣлью озаботились устройствомъ съѣздовъ и краткосрочныхъ курсовъ для учителей и учительницъ, желающихъ работать въ указанномъ направленіи.—Послѣ доклада г. Ковальскій демонстрировалъ рядъ пособій по наглядному обученію (пособія эти находятся въ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній, въ Соляномъ городкѣ).

Послѣ этого А. П. Нечаевъ прочелъ три интересныхъ сообщенія, представляющія резюме нѣкоторыхъ изъ работъ, производившихся въ Лабораторіи экспериментальной психологіи (въ Соляномъ городкѣ): а) „О вліяніи дѣтскихъ садовъ на богатство и переработку представленій у дѣтей" (авторы: О. Максимовичъ и А. Нечаевъ), б) „Къ вопросу о психологіи классныхъ сочиненій" (М. А. Минцловой) и в) „О цѣлесообразныхъ методахъ заучиванія въ отношеніи ихъ къ природной силѣ памяти" (Б. Е. Соколова) [1]). Изъ перваго сообщенія видно, что запасъ представленій, у дѣтей, бывшихъ въ дѣтскихъ садахъ, богаче и переработка ихъ идетъ успѣшнѣе; притомъ у мальчиковъ это замѣтнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ. По поводу этихъ докладовъ были пренія, въ которыхъ принимали участіе гг. Юргенсъ, Игнатьевъ и Балталонъ.

---

[1]) Всѣ эти сообщенія будутъ опубликованы въ „Книжкахъ педагогической психологіи".

VII.

Вечернее засѣданіе 2-го іюня, подъ предсѣдательствомъ В. П. Ивановскаго, началось докладомъ приватъ-доцента А. Н. Бернштейна и доктора Т. Ф. Богданова: „Коэффиціентъ воспріимчивости (запоминанія) у дѣтей школьнаго возраста“ [1]). Подъ коэффиціентомъ воспріимчивости (Merkfähigkeit) докладчики подразумѣваютъ формулу, по которой региструется результатъ изслѣдованія способности запоминанія по методу, предложенному въ 1903 г. Бернштейномъ. Изслѣдованіе дѣтей показало, что коэффиціентъ этотъ закономѣрно измѣняется по возрастнымъ группамъ, характеризуя постепенность развитія способности запоминанія. Сопоставленіе индивидуальнаго коэффиціента съ средними данными можетъ способствовать разрѣшенію ряда практическихъ воспитательныхъ задачъ. Докладчики брали узнаваніе 9 видѣнныхъ ранѣе геометрическихъ фигуръ среди 16 другихъ, сходныхъ съ видѣнными, и установили извѣстную закономѣрность развитія этой способности узнаванія съ возрастомъ дѣтей. А. П. Нечаевъ указалъ на большія удобства и изящество метода изслѣдованія докладчиковъ. А. Ѳ. Лазурскій интересовался узнать, не примѣняли ли докладчики и методъ воспроизведенія, а также производили ли они повторные опыты. А. Н. Бернштейнъ отвѣтилъ, что они пробовали работать и по методу воспроизведенія, но онъ не далъ отчетливыхъ результатовъ потому что: 1) при воспроизведеніи фигуръ играетъ огромную роль случайное обстоятельство—способность рисованія, 2) при воспроизведеніи ошибокъ можетъ быть очень много и самыхъ разнообразныхъ, что мѣшаетъ выводу,—тогда какъ при узнаваніи ошибокъ меньше и онѣ однородны. Что же касается повторности опытовъ, то докладчикъ убѣдился, что для чистоты выводовъ опытъ долженъ быть однократнымъ: при повтореніи показанія начинаютъ затемняться вліяніемъ привычки.

Вторымъ былъ прочитанъ докладъ Х. В. Корчинскаго „Обученіе—образованіе“, въ которомъ излагались психологическіе принципы, на которыхъ докладчикъ построилъ свой „Букварь“.

Третьимъ шелъ докладъ П. Ф. Каптерева „Аналогіи въ развитіи человѣка и человѣчества“, резюмировавшійся въ слѣдующихъ тези-

[1]) Работа эта была напечатана въ одномъ изъ нѣмецкихъ психологическихъ журналовъ.

сахъ: ·) Нѣкоторыя свойства нашихъ давнихъ предковъ, созданныя въ нихъ условіями жизни, унаслѣдованы нами и обнаруживаются соотвѣтственными стремленіями, инстинктами и дѣйствіями у дѣтей. 2) Общій ходъ психическаго развитія личности аналогиченъ развитію человѣчества: отъ господства простого воспроизведенія къ творчеству, отъ матеріальнаго и конкретнаго къ духовному и отвлеченному, отъ грубо эгоистическаго къ относительно альтруистическому, отъ непосредственной, рефлективной реакціи къ разумной волѣ. 3) Вышеуказанныя аналогіи значительно затемняются краткостью исторіи развитія личности сравнительно съ продолжительностью исторіи рода. 4) Для серьезнаго изученія развитія личности необходимымъ пособіемъ служитъ исторія культуры человѣчества, а потому исторія культуры должна войти въ составъ учебныхъ предметовъ педагогическихъ курсовъ.

Докладъ г. Каптерева возбудилъ оживленныя пренія, при чемъ большинство возражавшихъ указывало на устарѣлость и ненаучность принадлежащей Гербарту мысли о параллелизмѣ психологическаго онто- и филогенеза. Схема эта искусственна и обнаруживаетъ пессимистическій взглядъ на природу человѣка; понятіе „жестокости" къ дѣтямъ не примѣнимо; и въ современности понятіе это примѣнимо лишь къ тѣмъ, кто убиваетъ свободу, право и мысль (А. Н. Кремлевъ). Профессоръ С. А. Соллертинскій привѣтствуетъ предложеніе ввести въ программу педагогическаго образованія изученіе исторіи культуры—въ указанныхъ докладчикомъ цѣляхъ. Слѣдующій оппонентъ (г. Торре) указываетъ на то, что для педагогики и педагога важно не просто констатировать извѣстные элементы въ психикѣ ребенка, а оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія извѣстнаго этическаго критерія; а это докладчикъ совершенно обошелъ. Н. Д. Филипповъ и г. Пичета сопоставляютъ неопредѣленныя аналогіи Гербарта съ данными современной этнографіи и соціологіи и доказываютъ неудовлетворительность схемы Гербарта. Докторъ Маляревскій и докторъ Радинъ говорятъ объ опасности полагаться на аналогіи. Г. Любомудровъ сообщилъ о тѣхъ безвыходныхъ трудностяхъ, въ какія ставила его схема Гербарта, когда онъ пытался примѣнить ее въ своихъ педагогическихъ построеніяхъ. В. А. Крогіусъ указалъ на то, что „аналогію между развитіями можно провести либо въ томъ случаѣ, если схожіе періоды смѣняются одинаковымъ образомъ, либо тогда, когда періоды двухъ развитій—хотя бы въ перетасованномъ, такъ сказать, видѣ—сами по себѣ представляютъ сходства. Но ни той, ни другой мысли нѣтъ въ

докладѣ. Въ немъ нѣтъ указанія на то, чтобы въ развитіи индивидуума былъ такой періодъ, когда преобладали бы черты, характерныя, напримѣръ, для земледѣльческаго періода. Напротивъ, черты эти (если даже считать ихъ унаслѣдованными отъ земледѣльческаго періода, что во многихъ случаяхъ, какъ уже указано оппонентами, можетъ быть подвержено сильному сомнѣнію) свойственны всѣмъ возрастамъ. Поэтому, правильнымъ заглавіемъ доклада было бы: „О нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни предшествующихъ періодовъ человѣчества, встрѣчающихся у современнаго человѣка". Но тогда трудно сказать, что можно отсюда извлечь для педагогики и психологіи дѣтскаго возраста".

Послѣднимъ читалъ свой докладъ г. Гершельманъ: „О психологическихъ основахъ школьной дисциплины", вызвавшій замѣчанія только со стороны А. П. Нечаева и А. Н. Макарова; послѣдній замѣтилъ, что докладъ врядъ ли можно обсуждать, потому что докладчикъ не выяснилъ своего исходнаго пункта—не указалъ, какъ въ его пониманіи дисциплина относится къ воспитанію.

VIII.

Утреннее засѣданіе 3-го іюня, происходившее подъ предсѣдательствомъ приватъ-доцента Московскаго университета В. Е. Игнатьева, началось рѣчью профессора Петербургскаго университета А. И. Введенскаго, посвященной „Памяти русскаго психолога и физіолога И. М. Сѣченова", послѣ которой собраніе почтило память почившаго вставаніемъ.

Затѣмъ г. Янковскій прочиталъ докладъ г. Енько „Объ обученіи глухонѣмыхъ" и продемонстрировалъ методы, описанные въ докладѣ, на нѣсколькихъ воспитанникахъ петербургской школы глухонѣмыхъ, директоромъ которой состоитъ г. Енько. Достигаемые школой результаты довольно значительны: дѣти исполняютъ приказанія учителя, довольно внятно отвѣчаютъ ему, короткими фразами обмѣниваются другъ съ другомъ, хоромъ и въ одиночку читаютъ буквы и слоги, производятъ на доскѣ простыя ариѳметическія дѣйствія. Демонстрація эта возбудила очень большой интересъ въ членахъ съѣзда, задававшихъ г. Янковскому цѣлый рядъ вопросовъ, въ отвѣтъ на которые онъ давалъ подробныя объясненія.

Затѣмъ слѣдовали два связанные сходствомъ темъ доклада: Н. Н. Щербинина „Вырожденіе среди учащихся въ средней школѣ; вліяніе

этого фактора на успѣхи и поведеніе учащихся" и Е. П. Радина „Дегенеративно-прогенеративный типъ личности въ періодъ возмужалости; его воспитаніе и будущее".

Докторъ Щербининъ, на основаніи детальнаго изслѣдованія 311 учениковъ двухъ коммерческихъ училищъ, нашелъ, что большинство (около $^2/_3$) учащихся отягчено болѣе или менѣе тяжелой невро- и психопатической наслѣдственностью; у большинства ихъ есть тѣ или другіе признаки физическаго или психическаго вырожденія. Огромное число дегенерантовъ среди дѣтей школьнаго возраста должно остановить на себѣ серьезное вниманіе общества. Не во власти школы устранить причины дегенераціи дѣтей, лежащія въ ненормальныхъ условіяхъ нашего соціальнаго строя; но школа должна считаться съ этими фактами и стараться ослабить и смягчить природные недостатки, руководясь полнымъ и всестороннимъ знаніемъ индивидуальности каждаго учащагося, добытымъ путемъ тщательнаго психо-физіологическаго изслѣдованія. Докладчикъ признаетъ какъ количественную недостаточность своихъ наблюденій, такъ и неполную ихъ убѣдительность, зависящую отъ того, что всѣ изслѣдованныя имъ дѣти принадлежатъ къ одному и тому же общественному классу—къ крупной и мелкой буржуазіи, но думаетъ, что и крестьянство дало бы не болѣе утѣшительные результаты, такъ какъ и на немъ уже сильно сказалось вліяніе алкоголизма, сифилиса, голодовокъ и другихъ общественныхъ бѣдствій.

Въ преніяхъ по этому докладу принимали участіе Д. А. Дриль, И. Л. Бродскій, Г. А. Фальборкъ, А. Н. Макаровъ, г-жа Демидовичъ, г-жа Ильина, гг. Морозовъ и Синявскій. Первый изъ оппонентовъ подчеркнулъ всю широту и глубину процесса вырожденія, совершающагося сейчасъ и въ средѣ буржуазіи (изслѣдованіе д-ра Щербинина), и въ простомъ народѣ и въ высшихъ классахъ. „Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, сказалъ онъ, литература твердила правительству и обществу объ опасностяхъ и причинахъ вырожденія; говорили: „не спаивайте народъ,—старайтесь устранить условія вырожденія; вы сѣете вѣтеръ, а пожнете бурю"... Въ настоящее время мы переживаемъ выращенную нами бурю, и пусть хоть теперь попытаются бороться и устранить причины психо-физическаго вырожденія породы—величайшаго общественнаго бѣдствія". Д. А. Дриль закончилъ предложеніемъ включить въ программу слѣдующаго съѣзда вопросъ о вырожденіи и образовать для изученія его особую секцію. Въ концѣ засѣданія предложеніе это было принято собраніемъ.

Г. Бродскій замѣтилъ, что крестьянство и рабочіе не дегенерируютъ: „отсюда вѣетъ мощью; здѣсь люди физически и нравственно здоровые. Оздоровленіе школы возможно, только если въ нее будетъ доступъ трудовымъ слоямъ,—школа должна быть менѣе дорогой. Привилегированныя учебныя заведенія должны быть уничтожены. Оздоровленіе школы тѣсно связано съ широкими соціальными преобразованіями: въ трудовомъ государствѣ и молодежь будетъ физически и нравственно здоровой". А. Н. Макаровъ указалъ на важное значеніе воспитанія (или отсутствія такового) для психическаго здоровья дѣтей: изъ „трудныхъ" въ воспитательномъ отношеніи учениковъ кадетскихъ корпусовъ, собираемыхъ со всей Россіи въ г. Вольскъ, огромный процентъ представляли сироты, лишенные матерей. Другіе оппоненты указывали на важную роль врачей въ школахъ—въ дѣлѣ борьбы съ вырожденіемъ, а также на чисто школьныя условія, угнетающія дѣтей (г-жа Ильина: „учатъ слишкомъ много, слишкомъ рано, слишкомъ скучно").

Докладъ д-ра Радина носилъ общій, не экспериментальный, характеръ; авторъ его указывалъ на частое существованіе „прогенеративныхъ" чертъ у дегенерантовъ и призывалъ къ этому факту вниманіе воспитателей [1]).

IX.

Вечернее засѣданіе 3-го іюня, подъ предсѣдательствомъ В. Е. Игнатьева, началось съ доклада С. И. Шохоръ-Троцкаго: „Преподаваніе математики съ точки зрѣнія требованій психологіи". Вотъ тезисы этого доклада: 1) Преподаваніе математики, какъ и всякаго предмета, должно считаться съ требованіями психологіи. 2) Въ математикѣ много матеріала, котораго нельзя преподавать: ему надо учить. Это обстоятель-

[1]) Вотъ конспектъ доклада: Дегенераты низшаго и высшаго порядка. Психопатическое обезцѣненіе личности и цѣнность нѣкоторыхъ чертъ (прогенерація). Эгоцентризмъ, будучи выраженіемъ односторонности, является двигательною силою дегенеративно-прогенеративной личности. Его разновидности, страсть къ самопроявленію и самозащитѣ, негативизмъ и подражательность (истерія), обиліе самокритики (неврастенія), незнающія границъ самооборона и самопроявленіе (параноическій бредъ преслѣдованія и величія). Раздражительная слабость, какъ общая формула вырожденія. Интенсивность единичныхъ актовъ въ противоположеніи къ широтѣ, связности, координаціи ихъ. Излишняя динамичность прогенеративно-дегенеративной личности, какъ педагогическій факторъ; отрицательныя и положительныя стороны. Предсказаніе будущаго—сомнительное.

ство еще болѣе подтверждаетъ, какъ важны психологическія точки зрѣнія при такъ называемомъ преподаваніи математики. 3) Области числа, пространства и движенія, какъ области, изъ которыхъ черпается матеріалъ математики, какъ науки и какъ учебнаго предмета, требуютъ вниманія съ психологическихъ точекъ зрѣнія. 4) Необходимо при преподаваніи математики держаться тѣхъ же точекъ зрѣнія, которыя психологія предъявляетъ къ другимъ учебнымъ предметамъ: а именно, полнаго и неустаннаго вниманія къ слѣдующимъ условіямъ пріобрѣтенія знаній и навыковъ: къ чувственнымъ воспріятіямъ, къ соотвѣтствующимъ ощущеніямъ, къ возникающимъ на этой почвѣ представленіямъ, къ надлежащей выработкѣ понятій и идей, къ возбужденію извѣстныхъ желаній и стремленій, къ привитію и возбужденію извѣстныхъ настроеній и эмоцій, къ выработкѣ извѣстныхъ волевыхъ импульсовъ, къ удовлетворенію возбужденнаго интереса, къ испытанію удовольствія по поводу удовлетворенія этого интереса и къ цѣлесообразнымъ и сознательнымъ поступкамъ.

Затѣмъ прочиталъ свой докладъ „Черты изъ психологіи слѣпыхъ" А. А. Крогіусъ, выставившій слѣдующія положенія: 1) Представленія, составленныя съ помощію осязательно-двигательныхъ ощущеній, отличаются у слѣпыхъ меньшею точностью, чѣмъ у зрячихъ. 2) Слуховыя воспріятія у слѣпыхъ совершеннѣе, чѣмъ у зрячихъ. Слѣпые въ большей степени люди слухового, чѣмъ двигательнаго типа. 3) Слѣпые лучше, чѣмъ зрячіе, усваиваютъ и перерабатываютъ доступныя для нихъ содержанія (при прочихъ равныхъ условіяхъ). Послѣ прочтенія доклада собранію были продемонстрированы нѣкоторые изъ методовъ обученія слѣпыхъ. Въ преніяхъ М. К. Мухинъ указалъ на цѣнность доклада д-ра Крогіуса, на многочисленность и тщательность его наблюденій и привелъ справку, что слѣпыхъ въ Россіи считается около 248 тысячъ, учебныхъ же заведеній для слѣпыхъ у насъ только 28, въ виду чего крайне необходимо значительное увеличеніе ихъ числа. Цѣлый рядъ цѣнныхъ замѣчаній по психологіи слѣпыхъ сдѣлалъ г. Лейко, обратившійся къ собранію съ просьбой помочь экспериментальному изслѣдованію психическихъ особенностей слѣпыхъ.

Третьимъ былъ прочитанъ докладъ проф. Н. П. Соколова: „Наслѣдственность зрительныхъ схемъ" [1]). Докладчикъ наблюдалъ въ одной семьѣ тожественные зрительные образы, связанные съ понятіями (особый видъ такъ называемой audition colorée), у представителей двухъ

[1]) Интересный докладъ этотъ не поддается краткому изложенію.

смежныхъ поколѣній. Въ преніяхъ, въ которыхъ принимали участіе П. Ѳ. Каптеревъ, акад. В. М. Бехтеревъ, В. В. Успенскій, д-ра Рахмановъ и Радинъ и г. Первухинъ, указывалось преимущественно на то, что всего правильнѣе объяснить наблюдавшійся докладчикомъ фактъ не наслѣдственностью, а общностью тѣхъ или иныхъ элементовъ опыта; наслѣдственъ тутъ, вѣроятно, только общій конкретный складъ ума.

Послѣднимъ въ этомъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ д-ра А. С. Виреніуса: „О постановкѣ психологическихъ изслѣдованій надъ учащимися въ классахъ, съ точки зрѣнія спеціалистовъ по гигіенѣ и тѣлесному воспитанію“ [1]).

Въ преніяхъ было между прочимъ указано, что необходимо производить изслѣдованія не только надъ учащимися, но и надъ учащими (д-ра Хрущовъ и Рабиновичъ). Другія замѣчанія касались той классификаціи характеровъ, которую принялъ докладчикъ и которую онъ заимствовалъ у А. Бэна.

X.

Въ утреннемъ засѣданіи 4-го іюня д-ръ Е. П. Радинъ прочелъ свое сообщеніе: „Нервно-психическая гигіена учащихся въ отношеніи къ физическому здоровью и учебно-воспитательной задачѣ средней школы“. Докладъ состоялъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ высказывалъ свои общія соображенія по поставленному имъ вопросу, а во второй— описывалъ педагогическія нововведенія, принятыя въ томъ учебномъ заведеніи (7-классное коммерческое училище въ Лѣсномъ, подъ Петербургомъ), при которомъ онъ состоитъ врачемъ. Вотъ краткіе тезисы къ первой части этого доклада. Упадокъ физическаго здоровья является часто показателемъ вырожденія, какъ основной причины нервно-психической слабости. Полнаго параллелизма здѣсь однако не наблюдается. Забота о лѣченіи нервно-больныхъ дѣтей требуетъ вмѣшательства врача спеціалиста. Нервно-психическая профилактика распадается на 3 отдѣла: 1) устраненіе вредныхъ для физическаго здоровья условій, 2) учебный курсъ и воспитаніе, отвѣчающія запросамъ ума, чувства и воли психически развивающагося ребенка, 3) устраненіе вредныхъ для психическаго здоровья условій. Осуществленіе нервно-психической профилактики возможно только въ средней школѣ

[1]) Сообщеніе д-ра Виреніуса будетъ помѣщено полностью въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, почему я не привожу здѣсь его положеній.

новаго типа, въ которой роль школьнаго, психологически подготовленнаго врача должна быть очень значительна.

Дополнительныя свѣдѣнія о порядкахъ того учебнаго заведенія, о которомъ говорилъ д-ръ Радинъ, далъ г. Никоновъ, директоръ того же училища. Въ общемъ, въ основу этихъ нововведеній положены пришедшіе къ намъ изъ Англіи принципы „новой школы"; желающихъ познакомиться съ этимъ начинаніемъ мы отсылаемъ къ отчету и брошюрѣ объ этой школѣ, которыя продавались на выставкѣ при съѣздѣ.

Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ Н. С. Карцева — „Совѣщательные для родителей кабинеты" (докладъ этотъ шелъ отъ имени Петербургскаго родительскаго кружка). Вотъ нѣкоторыя изъ его положеній: 1) Недостатокъ знаній по психологіи и физіологіи ребенка часто вводитъ родителей въ большія ошибки. 2) Положеніе родителей, желающихъ вдуматься въ судьбу дѣтей, часто затрудняется тѣмъ, что у нихъ нѣтъ возможности въ нужный моментъ получить надлежащій совѣтъ. 3) Родители, отвлекаемые текущими обязательными занятіями, не могутъ знать хорошія и дурныя стороны различныхъ воспитательно-образовательныхъ воздѣйствій, преимущества и недостатки различныхъ учебныхъ заведеній, а также разнообразные виды послѣднихъ. 4) Такіе недостатки въ знаніяхъ заставляютъ родителей дѣйствовать наобумъ, что часто пагубно отражается на дѣтяхъ и, сверхъ того, пріучаетъ самихъ родителей несерьезно относиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ дѣтямъ. 5) Для облегченія родителей въ затрудненіяхъ неотложнаго характера, полезно было бы во всѣхъ большихъ городахъ открыть учрежденія, гдѣ бы они могли получать справки и совѣты по вопросамъ воспитанія и образованія. 6) Съ осени текущаго года С.-Пб. Родительскій кружокъ, приступая къ первоначальному осуществленію этого дѣла, открываетъ два совѣщательныхъ для родителей кабинета. Одинъ — по вопросамъ образованія нормальныхъ дѣтей, завѣдовать которымъ долженъ образованный педагогъ, хорошо знакомый съ текущей педагогической жизнью. Второй кабинетъ предназначается для вопросовъ по образованію ненормальныхъ дѣтей; завѣдывать имъ долженъ педагогъ-психіатръ. 7) Даваемые родителямъ совѣты и справки могутъ быть или узко-фактическаго характера или же основанные на личномъ довѣріи родителей къ представителямъ кружка. Во всякомъ случаѣ, кружокъ несетъ нравственную отвѣтственность только при томъ условіи, если въ выборѣ своемъ остановится на недостаточно серьезныхъ людяхъ. 8) Въ затруднительныхъ случаяхъ, по желанію родителей и съ согласія завѣдующаго кабине-

томъ, собирается все совѣщательное бюро кружка, состоящее изъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ педагогіи, изъ врачей и юриста. 9) Если возможно будетъ вести записи по даваемымъ вопросамъ и отвѣтамъ, то онѣ представятъ новыя данныя по воспитанію и обученію въ Россіи. 10) Совѣщательное бюро и кабинеты могутъ современемъ такъ расширить свою дѣятельность, что будутъ полезны не только родителямъ, но и педагогамъ (биржа труда, изданіе книгъ, рецензіи и т. д.).

Докладъ вызвалъ много возраженій: говорили, что такое бюро будетъ давать только шаблоны. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, послѣ преній съѣздъ согласился съ основной мыслью доклада, что и выразилъ въ отдѣльномъ постановленіи. Въ преніяхъ г. Моложавинъ указалъ на практику Кавказскихъ школъ, гдѣ имѣется извѣстное общеніе между педагогами и родителями, роль же совѣщательнаго кабинета играетъ выборный кружокъ изъ тѣхъ и другихъ.

Слѣдующимъ шелъ рефератъ А. П. Кремлева—„О необходимости введенія преподаванія психологіи и психіатріи въ систему высшаго юридическаго образованія". Съѣздъ согласился съ идеей докладчика и призналъ такую необходимость отдѣльнымъ своимъ постановленіемъ.

XI.

Вечернее засѣданіе 4-го іюня, подъ предсѣдательствомъ А. П. Макарова, началось докладомъ Т. Д. Фаддеева—„О педагогическомъ факультетѣ"; докладъ этотъ составлялъ результатъ работъ особой комиссіи, состоявшей преимущественно изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ медицинскаго факультета Московскаго университета. Вотъ резюме доклада: педагогика есть наука; а потому для изученія ея необходимы спеціальныя научно-учебныя педагогическія учрежденія—педагогическіе факультеты, въ составъ которыхъ должны входить „экспериментальныя школы" (впрочемъ, одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ кружка, отъ имени котораго былъ предложенъ докладъ, А. Н. Бернштейнъ указалъ, что идея „экспериментальныхъ школъ" принадлежитъ не этому кружку, а представляетъ личный взглядъ Т. Д. Фаддеева). Въ докладѣ была указана и примѣрная схема преподаванія на педагогическихъ факультетахъ.

Затѣмъ слово было дано академику В. М. Бехтереву, который въ очень длинной и обстоятельной рѣчи доказывалъ, что рамки съѣздовъ по педагогической психологіи должны быть расширены такъ, чтобы

они превратились въ съѣзды, охватывающіе всѣ отрасли и области неврологіи, психологіи и психопатологіи. Параллельно съ такими съѣздами должны существовать „всероссійскій союзъ психологовъ и неврологовъ" и „психо-неврологическій институтъ". Проекты академика Бехтерева встрѣтили дружный отпоръ; указывали, что это совсѣмъ новая иниціатива, которая не можетъ и не должна уничтожить начатаго опредѣленнаго и яснаго, хотя и болѣе узкаго, дѣла. А. П. Нечаевъ предлагалъ другое: основать, въ прямой связи съ настоящимъ съѣздомъ и какъ его результатъ, особый „Педологическій институтъ". Послѣ продолжительныхъ преній было постановлено отложить окончательное рѣшеніе этого вопроса до слѣдующаго съѣзда.

Этимъ были исчерпаны внесенные на съѣздъ доклады. Остальная часть послѣдняго засѣданія была занята обсужденіемъ и вотированіемъ резолюцій, которыя я сейчасъ и перечислю. Было рѣшено: 1) признать для слѣдующаго съѣзда необходимой постановку программныхъ вопросовъ и освѣщеніе ихъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, референтами и корреферентами; 2) поставить въ программу слѣдующаго съѣзда вопросъ объ отношеніи средней школы къ періоду полового созрѣванія дѣтей и намѣтить соотвѣтствующихъ докладчиковъ; 3) поставить въ программу слѣдующаго съѣзда также вопросъ о вырожденіи и образовать для разработки его особую секцію; 4) поставить въ эту программу вопросъ о составленіи образцовой книги для дѣтскаго чтенія; 5) признать необходимымъ учрежденіе самостоятельной каѳедры психологіи и психіатріи на юридическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ и въ другихъ высшихъ юридическихъ школахъ; 6) признать желательнымъ учрежденіе совѣщательныхъ кабинетовъ для родителей, куда бы послѣдніе могли обращаться за разрѣшеніемъ вопросовъ, касающихся различныхъ сторонъ воспитанія ихъ дѣтей; 7) признать желательнымъ устройство курсовъ по наукамъ, необходимымъ для пониманія природы дѣтей, не только въ крупныхъ центрахъ, но по возможности и по всей Россіи; 8) образовать на будущихъ съѣздахъ особую секцію по школьной гигіенѣ; 9) признать, что важная и плодотворная работа школьнаго врача можетъ быть выполнена имъ не при теперешнемъ, безправномъ, а при вліятельномъ положеніи его въ школѣ; 10) образовать особую комиссію для собиранія, обработки и изданія матеріаловъ о тѣхъ явленіяхъ душевной жизни учащихся, въ которыхъ выражается ихъ протестъ противъ школьнаго и общественнаго режима; 11) одобрить въ принципѣ мысль о постановкѣ въ Петербургѣ памятника творцу рус-

ской педагогіи К. Д. Ушинскому и принять надлежащія мѣры къ осуществленію этого дѣла; 12) одобрить слѣдующія положенія, составленныя во время занятій съѣзда группой преподавателей психологіи относительно преподаванія этой науки въ средней школѣ: а) преподаваніе психологіи должно входить, какъ обязательная составная часть, въ курсъ общеобразовательной школы всѣхъ типовъ—какъ мужской, такъ и женской; б) считая предложенную въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія программу психологіи въ общемъ удовлетворительной, признать необходимымъ, чтобы минимальная программа была вырабатываема на ближайшихъ психологическихъ съѣздахъ на основаніи педагогическаго опыта; в) если преподаватель знакомъ съ экспериментальной психологіей, то слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ пріобрѣтеніе учебнымъ заведеніемъ коллекціи наиболѣе необходимыхъ приборовъ и постоянное пользованіе экспериментами, въ качествѣ иллюстраціи общихъ положеній психологіи; но считать это обязательнымъ для всѣхъ преподавателей въ настоящее время не признается возможнымъ; г) для правильной постановки преподаванія психологіи необходимо предварительное ознакомленіе учащихся въ одномъ изъ предшествующихъ старшихъ классовъ α) съ основами анатоміи и физіологіи, β) съ акустикой и оптикой; д) желательно, чтобы университеты и другія учрежденія, располагающія необходимыми учеными силами и соотвѣтствующими пособіями, организовали вакаціонные курсы для ознакомленія преподавателей съ экспериментальной психологіей.

Наконецъ, постановлено образовать Организаціонный комитетъ, которому поручить всю подготовку второго съѣзда (включая и образованіе комиссій по выдвинутымъ на съѣздѣ вопросамъ), разработку вопросовъ о союзѣ русскихъ дѣятелей по педагогической психологіи и о педологическомъ институтѣ и исполненіе постановленій настоящаго съѣзда.

Въ этотъ комитетъ постановлено просить войти: ген.-лейт. А. Н. Макарова, академика Бехтерева, П. Ѳ. Каптерева, А. Н. Нечаева, В. Е. Игнатьева, А. Н. Бернштейна, Вл. Н. Ивановскаго, А. А. Крогіуса, А. Ѳ. Лазурскаго, М. И. Конорова и П. П. Соколова, съ правомъ приглашать въ составъ комитета и другихъ лицъ.

Въ заключеніе было постановлено выразить отъ имени съѣзда благодарность В. К. Константину Константиновичу за присланное имъ съѣзду привѣтствіе и за тѣ услуги, какія оказало съѣзду главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, а также послать привѣтствія

слѣдующимъ иностраннымъ психологамъ и педологамъ: Стенли Холлу (Америка), В. Вундту (Лейпцигъ), Шуйтену (Антверпенъ), Лаю (Карлсруэ), А. Бинэ (Парижъ), Мюллеру (Геттингенъ), Мейману (Кенигсбергъ) и Рейну (Іена).

Кромѣ того, постановлено было благодарить предсѣдателя Государственной Думы С. А. Муромцева и товарища предсѣдателя Н. А. Гредескула за присланныя съѣзду привѣтствія и члена Думы А. Г. Сипягина, посѣтившаго одно изъ засѣданій съѣзда [1]). Государственной Думѣ послано слѣдующее привѣтствіе: „Первый русскій съѣздъ по педагогической психологіи, заканчивая свои занятія и обращаясь съ горячимъ привѣтствіемъ къ Государственной Думѣ, считаетъ долгомъ заявить о своемъ сочувствіи существеннымъ задачамъ, намѣченнымъ Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать увѣренность въ необходимости устранить препятствіе къ умиротворенію Россіи возстановленіемъ единства между законодательными и исполнительными органами правительственной власти. Для съѣзда ясно, что только министерствомъ, пользующимся довѣріемъ большинства народныхъ представителей, могутъ быть открыты широкіе пути для проведенія въ жизнь тѣхъ дорогихъ началъ просвѣщенія, надъ изученіемъ которыхъ сосредоточивались труды съѣзда. Да почерпнетъ же Государственная Дума во главѣ съ высокочтимымъ ея предсѣдателемъ въ сознаніи общественнаго сочувствія и поддержки богатый запасъ одушевленія и энергіи при исполненіи трудной задачи мирнаго законодательнаго обновленія Россіи".

Затѣмъ съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ.

XII.

Послѣ закрытія съѣзда значительное количество его участниковъ осталось въ Петербургѣ и продолжало работать подъ вліяніемъ толчка, даннаго съѣздомъ.

Образовались двѣ группы: преподавателей психологіи и преподавателей педагогики, разработавшія схемы тѣхъ вопросовъ о препо-

---

[1]) А. Г. Сипягинъ сказалъ на этомъ собраніи краткую рѣчь, переданную тогда же газетами въ слѣдующихъ словахъ: „Я самъ былъ педагогомъ, люблю учебно-воспитательное дѣло, и потому мнѣ особенно пріятно посѣтить вашъ съѣздъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Государственная Дума будетъ обсуждать вопросъ о всеобщемъ начальномъ образованіи. Я надѣюсь, что дѣятели съѣзда окажутъ намъ своими трудами помощь въ столь серьезномъ дѣлѣ".

даваніи этихъ наукъ, которые желательно разработать къ слѣдующему съѣзду по педагогической психологіи. Въ виду большого практическаго значенія этихъ вопросовъ я привожу ихъ здѣсь.

Вопросы относительно преподаванія психологіи поставлены такіе: а) положеніе психологіи, логики и элементовъ философіи среди другихъ предметовъ курса средней общеобразовательной школы; б) отношеніе между преподаваніемъ психологіи и логики; в) отношеніе между преподаваніемъ психологіи и логики, съ одной стороны, а съ другой—курсами русскаго языка и словесности; г) отношеніе между преподаваніемъ теоретическаго курса психологіи и практическаго педагогики; д) вопросъ о введеніи въ курсъ среднихъ общеобразовательныхъ школъ элементовъ философіи; е) желательныя измѣненія въ существующихъ программахъ психологіи и логики; ж) методическая разработка какъ всего курса психологіи и логики, такъ и отдѣльныхъ вопросовъ этихъ дисциплинъ; з) разборъ учебниковъ, примѣняемыхъ въ средней школѣ; и) составленіе коллекцій приборовъ по экспериментальной психологіи примѣнительно къ потребностямъ средней школы, а также коллекцій таблицъ, діаграммъ, схемъ и рисунковъ, желательныхъ для иллюстрированія курса психологіи; і) о внѣурочныхъ, практическихъ и теоретическихъ, занятіяхъ по психологіи и логикѣ; к) о самостоятельномъ чтеніи учащихся по психологіи и логикѣ; примѣрные списки книгъ, статей и отрывковъ изъ болѣе крупныхъ сочиненій, пригодныхъ для этой цѣли.

По преподаванію педагогики группа преподавателей, имѣвшая три засѣданія, выработала слѣдующіе вопросы, которые и передала въ организаціонный комитетъ съ просьбой выдвинуть ихъ, въ качествѣ программныхъ вопросовъ, на II-мъ съѣздѣ:

1) Нужна ли педагогика, какъ отдѣльный предметъ, въ общеобразовательномъ курсѣ средней женской школы, въ томъ случаѣ, если въ этотъ курсъ введена будетъ психологія?

2) Каковы должны быть составъ и содержаніе курса педагогики въ этомъ случаѣ?

3) Не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ курса педагогики отдѣлъ о физическомъ воспитаніи, присоединивъ его къ курсамъ естествовѣдѣнія или гигіены?

4) Какое количество учебныхъ часовъ должно быть отведено на преподаваніе педагогики?

5) Способы преподаванія педагогики; роль бесѣдъ, учебника, внѣкласснаго чтенія и т. д.

6) Преподаваніе педагогики въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій, въ связи съ общимъ характеромъ курса этого класса.

7) Практическія занятія учащихся по педагогикѣ: дневники, характеристики, дежурства, пробные уроки и т. п.

8) Произведенія изящной словесности, какъ пособіе для преподаванія педагогики.

9) Критическій обзоръ: а) учебниковъ педагогики, б) пособій для учителя, в) книгъ для внѣкласснаго чтенія учащихся.

10) Способы окончательной провѣрки педагогической подготовленности учащихся.

11) Способы пополненія педагогическихъ знаній учащихъ (собранія, съѣзды, курсы, спеціально педагогическіе отдѣлы при библіотекахъ учебныхъ заведеній и т. д.).

Въ заключеніе я упомяну о нѣкоторыхъ связанныхъ со съѣздомъ учрежденіяхъ. Прежде всего, при съѣздѣ была устроена „Выставка по педагогической психологіи", состоявшая изъ 4 отдѣловъ: 1) школьной гигіены, 2) экспериментальной психологіи и психофизіологіи, 3) спеціальной литературы, 4) школьнаго отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ экспонентами были: учебная администрація Финляндіи (по порученію финляндскаго сената), врачебно-санитарный отдѣлъ департамента народнаго просвѣщенія, клиника дѣтскихъ болѣзней проф. Н. П. Гундобина (при Военно-Медицинской академіи), Педологическіе курсы и Музей Военно-учебныхъ заведеній и г. Тимоховичъ. Во второмъ отдѣлѣ были выставлены аппараты для экспериментальныхъ изслѣдованій по психологіи, физіологіи, гигіенѣ и фонетикѣ, а также діаграммы и таблицы, иллюстрирующія результаты нѣкоторыхъ работъ по педологіи. Въ третьемъ—книги, имѣющія интересъ для лицъ, интересующихся педологическими вопросами. Въ четвертомъ—разные предметы, характеризующіе современное положеніе педагогической практики въ разныхъ русскихъ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ для нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей (15 учрежденій и отчеты многихъ другихъ). Въ теченіе недѣли послѣ съѣзда выставка была открыта для публики; отъ времени до времени давались объясненія выставленныхъ предметовъ.

Въ связи со съѣздомъ и выставкой лекторами Педологическихъ курсовъ было издано чрезвычайно полезное пособіе: „Каталогъ книгъ по психологіи, психопатологіи, педагогикѣ, гигіенѣ, анатоміи и физіологіи", гдѣ указаны заслуживающія довѣрія и доступныя сочиненія по этимъ наукамъ. Мнѣ кажется, что это изданіе можетъ быть очень

полезно какъ преподавателямъ, такъ и школьнымъ врачамъ, родителямъ и вообще лицамъ, интересующимся вопросами воспитанія [1]).

Члены съѣзда (всего ихъ было около 500) сдѣлали въ теченіе его и послѣ него рядъ экскурсій въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Многіе остались также на „Краткосрочные педологическіе курсы" (5—15 іюня), на которыхъ лекціи читались профессорами: Гундобинымъ (по гигіенѣ), Тархановымъ (по физіологіи), Лазурскимъ (индивидуальная психологія), Нечаевымъ (экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ педагогикѣ), Грибоѣдовымъ (психопатологія въ ея отношеніи къ педагогикѣ) и другими. Слушателей курсовъ было 141 человѣкъ.

Каковы же оказались результаты I-го съѣзда по педагогической психологіи, а также состоявшихся при немъ курсовъ? Первое, что оказалось несомнѣннымъ, это то, что среди дѣятелей нашей средней школы есть большой спросъ на научное знаніе. Мы привыкли къ „классическому" отсутствію всякаго идейнаго интереса, къ классически-чиновничьей психикѣ учителя нашей „классической" школы, и мы часто забываемъ изъ-за этого типа, сколько живой жажды знанія есть въ учительской средѣ. Надо было видѣть тотъ прямо страстный интересъ, какой проявили къ дѣлу слушатели Педологическихъ курсовъ, чтобы понять это! Второй результатъ—это взаимное ознакомленіе между собою учителей изъ разныхъ мѣстъ Россіи, образованіе еще одной сѣти живыхъ центровъ для общей культурной работы. Далѣе, несомнѣнно, будутъ имѣть значеніе для участниковъ съѣзда и для слушателей курсовъ, а черезъ нихъ и для школы вообще, тѣ свѣдѣнія, которыя они получили на курсахъ, и тѣ вопросы, которые дебатировались на съѣздѣ. Наконецъ, этотъ съѣздъ пополнилъ и расширилъ подготовительную работу Организаціоннаго комитета: выдвинутъ цѣлый рядъ программныхъ вопросовъ для будущаго съѣзда; поставлены на обсужденіе нѣкоторые вопросы въ заслушанныхъ, но не обсужденныхъ докладахъ (напр., вопросъ о преподаваніи педагогики въ университетахъ) и т. д.

Этотъ съѣздъ долженъ быть возможно лучше использованъ дѣятелями школы. Необходимо, чтобы его участники, съ одной стороны,

---

[1]) „Каталогъ" изданъ фирмой К. Л. Риккера въ Петербургѣ и безплатно высылается ею всѣмъ желающимъ.

дѣлали на мѣстахъ сообщенія о съѣздѣ, а съ другой—чтобы мѣстныя педагогическія организаціи (педагогическія общества, семейно-педагогическіе и родительскіе кружки, попечительные комитеты и педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній и т. д.), а также и отдѣльныя лица постарались подѣлиться своимъ опытомъ или поставить вопросы и дать для ихъ освѣщенія матеріалъ будущему съѣзду. Такая всероссійская работа придастъ большое значеніе трудамъ будущихъ съѣздовъ. Въ добрый часъ!

Вл. Ивановскій.

ГЕРБАРТЪ, ШТРЮМПЕЛЬ И ИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СИСТЕМЫ.

ГЛАВА III.

Штрюмпель и его научно-педагогическая дѣятельность.

> Ich hege die Ueberzeugung, dass Herbarts Philosophie die übrigen Systeme unserer Zeit an spekulativem Gehalte und an Fruchtbarkeit der Resultate in theoretischer, wie in praktischer Hinsicht bei weitem überragt: meine aber deshalb nicht, dass sie schon diejenige Vollkommenheit erreicht habe, mit der das Denken völlig zufrieden sein könnte.
>
> *Strümpell* [1]).

Адольфъ Генрихъ Людвигъ *Штрюмпель* родился 23-го іюня н. с. 1812 года въ небольшомъ городѣ *Шёппенштэдтъ* герцогства Брауншвэйгъ.

Первоначальное обученіе Штрюмпель получилъ въ городскомъ училищѣ своего родного города. Кромѣ того, по древнимъ языкамъ занимался съ нимъ одинъ изъ мѣстныхъ пасторовъ, имѣвшій на него значительное воспитательное вліяніе. Мать Штрюмпеля, женщина весьма умная, имѣла также большое вліяніе на своего сына.

[1]) „Я продолжаю имѣть убѣжденіе, что философія Гербарта многимъ превосходитъ остальныя системы настоящаго времени своимъ спекулятивнымъ содержаніемъ и обиліемъ результатовъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ направленіи; но этимъ самымъ я не предполагаю, что она уже достигла той степени совершенства, чтобы мышленіе было вполнѣ ею довольно". (См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher" von Teubner. II Abteilung. 1899. S. 537. Этою статьею мы пользуемся и въ дальнѣйшемъ изложеніи).

На 14-мъ году Штрюмпель поступилъ въ гимназію Catharineum въ г. Брауншвэйгѣ, гдѣ ректоромъ былъ выдающійся филологъ и педагогъ Трауготъ Фридеманъ. 17-ти лѣтъ Штрюмпель окончилъ гимназическій курсъ и сталъ посѣщать коллегію Carolinum, представлявшую собою университетъ въ небольшомъ масштабѣ. Въ этой коллегіи преподавали выдающіеся ученые Генке, Грипенкерль, Эмперіусъ, Дедекиндъ, Петри и др.

Особенно большое вліяніе на студентовъ имѣлъ въ то время профессоръ Грипенкерль, ученикъ и восторженный приверженецъ Гербарта, бывшій также долгое время учителемъ въ школахъ Песталоцци и Фелленберга. Этотъ профессоръ сразу увлекъ молодого Штрюмпеля, и послѣдній отдался сполна изученію философіи и педагогики. Благодаря этимъ своимъ занятіямъ Штрюмпель ближе сошелся съ Грипенкерлемъ и сталъ бывать у послѣдняго въ домѣ. Здѣсь пришлось ему, когда онъ былъ уже весь проникнутъ благоговѣніемъ передъ великими педагогическими идеями Гербарта, познакомиться съ самимъ авторомъ новыхъ педагогическихъ ученій, проѣзжавшимъ въ 1830 г. черезъ Брауншвэйгъ и посѣтившимъ своего ученика Грипенкерля. „Глубокое впечатлѣніе“, говоритъ Штрюмпель, „которое произвела на меня импонирующая наружность этого человѣка, можетъ быть понятно лишь тому, кто въ состояніи припомнить изъ собственнаго опыта въ юности духовное значеніе такого переживанія, гдѣ живой образъ умственно и нравственно выдающейся личности, которая уже издали чрезвычайно высоко цѣнится, предстанетъ предъ восторженною душою молодого человѣка“.

Гербартъ пригласилъ Штрюмпеля къ себѣ въ Кёнигсбергъ. Въ слѣдующемъ году Штрюмпель послѣдовалъ приглашенію Гербарта и переѣхалъ въ Кёнигсбергъ.

Два года усердно работалъ Штрюмпель въ Кёнигсбергѣ по избраннымъ имъ предметамъ—философіи и педагогикѣ. Онъ не только посѣщалъ университетскія лекціи, но и принималъ дѣятельное участіе въ педагогической семинаріи, которою руководилъ Гербартъ. Кромѣ того, Штрюмпель интересовался и нѣкоторыми другими науками, помимо своей спеціальности; это были науки филологическія, естественныя и математическія.

Въ 1833 г. Штрюмпель сдалъ свой докторскій экзаменъ и защитилъ диссертацію „De methodo philosophica“ на степень доктора философіи.

Изъ Кёнигсберга Штрюмпель переѣхалъ въ Боннъ, а затѣмъ въ

Лейпцигъ для пополненія своихъ научныхъ знаній. Въ Лейпцигѣ онъ прослушалъ между прочимъ лекціи Дробиша по *математической психологіи*.

По отъѣздѣ изъ Кёнигсберга Штрюмпель продолжалъ поддерживать сношенія со своимъ геніальнымъ учителемъ путемъ непрерывнаго обмѣна съ нимъ письмами. Однако, эта дружба продолжалась не долго. Причиною непріязненныхъ отношеній Гербарта къ своему до того времени любимому ученику послужила попытка со стороны Шрюмпеля внести въ основаніе Гербартовской психологіи нѣкоторыя новыя начала, которыя, по его мнѣнію, дали бы возможность дополнить и развить психологическую теорію Гербарта. Эти новаторскія стремленія Штрюмпеля не могли войти въ рамку тѣхъ математическихъ методовъ, которыми такъ увлекался въ то время Гербартъ въ своихъ геніальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ міра *душевныхъ представленій*, и съ этой точки зрѣнія могли казаться даже ненаучными. Гербартъ осыпалъ своего ученика упреками въ томъ, что онъ „забылъ" психологію своего учителя, что „онъ пошелъ изъ психологическаго сада по ложному пути", и вскорѣ прекратилъ со Штрюмпелемъ всякія сношенія.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на выясненіи указаннаго недоразумѣнія, возникшаго между Гербартомъ и Штрюмпелемъ на почвѣ принциповъ, долженствующихъ лежать въ основѣ научной психологіи: объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ, но позволимъ себѣ лишь указать на аналогичный фактъ, имѣвшій мѣсто въ вопросѣ объ аксіомахъ геометріи между нашимъ геніальнымъ геометромъ Лобачевскимъ и другими выдающимися представителями математическихъ наукъ. Когда Лобачевскій предложилъ свою безсмертную систему не-эвклидовой геометріи, то многіе изъ ученыхъ совсѣмъ не понимали ея глубокаго научнаго смысла, и нѣкоторые, какъ, напримѣръ, академикъ Остроградскій, высказывали даже сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Лобачевскаго. Нѣчто подобное случилось и съ новаторскими идеями Штрюмпеля въ области психологіи.

Разрывъ съ Гербартомъ имѣлъ пренепріятныя послѣдствія для Штрюмпеля. Послѣдній долженъ былъ оставить всякія надежды на продолженіе своей академической карьеры въ предѣлахъ Германіи, такъ какъ послѣдователи Гербарта пріобрѣли уже въ то время громадное вліяніе въ германскихъ университетахъ и поддерживали лишь сторонниковъ ортодоксальнаго гербартіанства, т. е. лицъ, не отступавшихъ ни на іоту отъ формъ, созданныхъ Гербартомъ.

Штрюмпель попытался еще разъ искать примиренія со своимъ учителемъ и для этой цѣли изложилъ свои новыя научныя идеи въ особой рукописной статьѣ съ самымъ старательнымъ ихъ обоснованіемъ. Эту статью онъ отправилъ Гербарту съ просьбою разсмотрѣть мотивы, побуждающіе его отстаивать свои принципы. Гербартъ подумалъ, что статья предназначена для печати и отвѣтилъ Штрюмпелю слѣдующимъ образомъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1835 г.: „Wäre der mir übersandte Aufsatz von einer anderen Hand als der Ihrigen, so würde ich ihn mit der einfachen Bemerkung zurückschicken, es scheine mir nicht zweckmässig, mich darauf einzulassen. Er ist aber von *Ihnen*. Es kommt gar sehr in Betracht, dass der Aufsatz kein Brief und keineswegs in solcher Form abgefasst ist, als wäre er bloss für Sie und für mich bestimmt. Der Brief redet von einer reifen Frucht, die gegessen sein wolle. Im Aufsatze ist von mir als einer dritten Person gesprochen worden—mit Wem? Es werden sogenannte Beweise als schlagende Beweise gerühmt—um Wem zu imponieren? Die Frage, ob ich den Aufsatz wohl geduldig durchlesen würde? scheint dem, mit seiner Beredsamkeit anderwärts hingewendeten Verfasser, gar nicht einzufallen. Unter diesen Umständen müssen Sie Sich nicht wundern, wenn mir etwa ein Ausdruck in die Feder läuft, als ob wir nicht allein wären, und als ob ich Jemandem laut meine offene Meinung sagte. Sie sind nicht jung genug, pamit man sich die Voraussetzung erlauben dürfte, Sie hätten Ihr Verfahren nicht von allen Seiten, und in seiner ganzen Bedeutung, wohl erwogen. Und ich bin nicht alt und nicht schwach genug, um, wo ich schweige, aus blosser Gemächlichkeit zu schweigen“ [1]).

---

[1]) „Если бы присланная мнѣ статья была не ваша, а кого-нибудь другого, то я отправилъ бы ее назадъ съ замѣткою, что считаю нецѣлесообразнымъ входить въ ея разсмотрѣніе. Но она отъ *васъ*. Конечно, надо принять во вниманіе особенно то, что статья не есть письмо и что она ни въ какомъ случаѣ не облечена въ форму, которая предназначала бы ее лишь для васъ и для меня. Письмо говорить о зрѣломъ плодѣ, который желалъ бы, чтобы его скушали. Въ статьѣ говорится обо мнѣ какъ о третьемъ лицѣ—съ кѣмъ? Прославляются такъ называемыя „доказательства“ какъ рѣшающія доказательства—чтобы импонировать, но кому? Вопросъ, хватитъ ли у меня терпѣнія прочесть статью, кажется, совсѣмъ не приходитъ на умъ автора, обратившагося со своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ постороннимъ лицамъ. При такихъ обстоятельствахъ вы не должны удивляться, если у меня срывается такое выраженіе, будто мы не одни и будто я кому-нибудь громко высказываю мое открытое мнѣніе. Вы не слишкомъ молоды (Штрюмпелю было 23 года), чтобы возможно было допустить предположеніе, что вы не взвѣсили вашихъ дѣйствій всесторонне и въ ихъ полномъ значеніи. И я не слишкомъ старъ и не дряхлъ, чтобы въ случаѣ, когда я молчу, молчать лишь изъ-за удобства и покоя“.

Въ отвѣтъ на письмо Штрюмпеля, разъяснившаго Гербарту то, что статья совсѣмъ не предназначалась къ печати и что въ ихъ научный споръ посвященъ лишь Дробишъ, послѣдовало нѣсколько болѣе любезное письмо Гербарта:

Геттингенъ, 13-го авг. 1835.

„Нѣсколько дней тому назадъ, дорогой г-нъ докторъ, пріѣхалъ я изъ Пирмонта и только нѣсколько часовъ, какъ я выбралъ время раскрыть ваше письмо. Что прежде всего обратило мое вниманіе, это вы узнаете здѣсь вполнѣ открыто“.

„Ваша чувствительность не меньше, чѣмъ я предполагалъ; также и то я долженъ былъ предвидѣть, что вы, въ вашихъ глазахъ, будете вполнѣ правы. Но достойныя уваженія черты вашего характера просвѣчиваютъ; это оцѣнилъ *я* по достоинству; и мнѣ доставляетъ удовольствіе увѣрить васъ въ этомъ“.

„Вы знаете, конечно, какъ другіе отнеслись ко мнѣ. Если бы я смѣшалъ васъ съ ними, то несомнѣнно вы не получили бы отъ меня отвѣта, такъ какъ ваше удаленіе отъ меня стало ясно уже съ прошлаго ноября“.

„Отвѣтъ, который я вамъ далъ, могъ быть лишь краткимъ, такъ какъ я уже здѣсь началъ курсъ леченія минеральными водами. Цѣль отвѣта была предупредить васъ, если вы еще желаете слушать предупрежденія“.

„То, что ваша статья была предназначена лишь для Дробиша и для меня, вы сообщаете мнѣ *теперь*! По статьѣ этого не было видно; наоборотъ, она казалась стремящейся въ публику. Что изъ того совсѣмъ легко могло бы выйти, объ этомъ вы должны были предвидѣть“.

„Если бы я желалъ теперь вамъ сказать что-нибудь пріятное о вашей статьѣ, то это могло бы быть то, что вы выбрали положеніе по отношенію ко мнѣ, какъ опытный полководецъ; именно съ этой стороны могло быть нападеніе, которое я не долженъ былъ оставить безъ вниманія, какъ это дѣлаютъ многіе другіе. Вы, конечно, знали, что я, коль скоро моя психологія и метафизика поставлены въ кажущееся взаимное противорѣчіе, не могу этого спокойно видѣть“.

„Безспорно, вамъ и каждому другому вполнѣ свободно принадлежитъ право испытать, достаточно ли мое изложеніе той и другой науки ихъ взаимно пронизываетъ, или нѣтъ. Но разъ при этомъ должно остаться дружественное отношеніе, то, конечно, необходима

весьма большая осторожность какъ въ формѣ изысканія, такъ и въ формѣ лекціи, дабы безъ основанія не смутить мнѣній.

„Почему образъ вашей личности во мнѣ совсѣмъ измѣнился, «знаетъ только Богъ»?—Не такъ ужъ сильно это измѣненіе, какъ вы думаете; во всякомъ случаѣ вы не должны подозрѣвать никого третьяго. То однако несомнѣнно, что я еще раньше, чѣмъ извѣстный листъ отъ меня попалъ въ ваши руки, изъ вашихъ собственныхъ обнаруженій противъ меня въ письмахъ, сказалъ себѣ, что придетъ время, когда я долженъ буду выступить съ объясненіями противъ штрюмпелевской философіи. Можетъ быть я зналъ это раньше васъ самихъ.

„Теперь позвольте мнѣ, какъ вашему старому другу, высказать мое искреннее желаніе и просьбу, чтобы вы въ вашихъ отношеніяхъ были осторожнѣе, чѣмъ до сего времени. Въ другомъ мѣстѣ можетъ кончиться хуже, чѣмъ у меня. Не всегда удается съ самозащитой—и самосохраненіемъ. Коль скоро мы покидаемъ область реаловъ въ собственномъ смыслѣ, даетъ знать себя возмущеніе (Störung).

„Однако объ этомъ вопросѣ я не желаю впередъ вынудить вашего рѣшенія. Просмотрите еще разъ мое письмо; среди вопросовъ въ его концѣ третій покажетъ вамъ, что вы, коль скоро пожелали бы на него отвѣтить, имѣли бы въ своемъ распоряженіи нить къ нашему взаимному чисто научному объясненію.

„Прежде всего долженъ васъ просить о вашемъ адресѣ, дабы съ увѣренностью послать вамъ вашу статью обратно. Сообщите ли вы тогда мнѣ подробнѣе о той формѣ, какъ вы предполагаете покинуть нѣмецкое общество, этого я буду ожидать. На самомъ дѣлѣ я начинаю вѣрить этому, такъ какъ ваше перо, теперь по крайней мѣрѣ скорѣе, чѣмъ раньше, можетъ дать вамъ возможность просуществовать литературнымъ трудомъ.

Вашъ *Гербартъ*".

Послѣ этого письма вскорѣ Гербартъ возвратилъ Штрюмпелю его рукописную статью со своими разъясненіями и замѣтками [1]), которыя

[1]) Д-ръ Шпитцнеръ сообщилъ мнѣ, что означенная рукописная статья, содержанію которой много симпатизировалъ Дробишъ, была послана еще одному изъ учениковъ Гербарта—профессору Берлинскаго университета Кербаху, извѣстному издателю новаго критическаго изданія трудовъ Гербарта и „Monumenta Paedagogica", который эту рукопись не возвратилъ обратно. Годъ тому назадъ скончался проф. Кербахъ, и можетъ быть въ его бумагахъ, которыя еще не приведены въ порядокъ, найдется и эта рукопись.

однако не переубѣдили Штрюмпеля, и послѣдній пошелъ своею собственною дорогою въ области научныхъ изслѣдованій.

Подобно тому, какъ когда-то Гербартъ для разрѣшенія мучившихъ его философскихъ сомнѣній обратился къ практикѣ дѣла воспитанія, и Штрюмпель рѣшилъ провѣрить свои идеи путемъ наблюденій надъ развитіемъ души ребенка подъ вліяніемъ обученія и воспитанія. Для этого Штрюмпель при содѣйствіи своего пріятеля—профессора Дерптскаго университета Іеше нашелъ себѣ въ 1835 г. мѣсто домашняго учителя у графа Медема въ Курляндіи, которое занималъ въ теченіе почти десяти лѣтъ, воспитывая двухъ сыновей графа.

Д-ръ Шпитцнеръ на основаніи имѣющихся у него документовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ переходъ Штрюмпеля къ практической педагогической дѣятельности: «Не въ „сферы вселенной“ хотѣлъ онъ устремить свой взоръ, чтобы выяснить и укрѣпить свои воззрѣнія, а въ „земную жизнь, городскую и домашнюю“, чтобы сначала въ *нихъ* сферахъ понять, съ какимъ правомъ можно говорить о *матеріальномъ* и о *духовномъ*, гдѣ находится основаніе ихъ различія, какъ глубоко можетъ проникнуть разумъ, „чтобы психологически взвѣсить и объяснить возможность высшихъ продуктовъ человѣческаго духа: размышленія, избранія цѣлей, внутренняго нравственнаго законодательства и управленія“».

Практическая дѣятельность Штрюмпеля въ роли воспитателя сыновей графа Медема дала ему много матеріала для размышленія: „полезные житейскіе опыты, душевныя заботы и радости, глубокозахватывающія побужденія къ самоиспытанію и самопознанію, въ особенности же къ научной оріентировкѣ въ наиболѣе тонкихъ соотношеніяхъ педагогической теоріи и практики“. По различнымъ наброскамъ, сдѣланнымъ Штрюмпелемъ въ это время и сохранившимся до настоящаго времени (у д-ра Шпитцнера), можно заключить о замѣчательномъ стараніи Штрюмпеля въ выполненіи его воспитательскихъ обязанностей и объ его высокоталантливомъ умѣніи использовать опытный матеріалъ для построенія теоретическихъ воззрѣній. Такимъ образомъ явилась его замѣчательная работа, до сихъ поръ не напечатанная, „Der Begriff vom Individuum, herausgehoben aus dem Netze der praktischen Begriffe, welche der Pädagoge zu erzeugen hat“, которую онъ представилъ лѣтомъ 1837 г. въ „Курляндское общество для литературы и искусства“, при своемъ вступленіи въ члены этого общества. Главною же работою Штрюмпеля за означенный періодъ надо

считать его сочиненіе „Kritik der Herbartschen Metaphysik“, появившееся въ 1840 г., т. е. за годъ до смерти Гербарта.

Осенью 1843 г. Штрюмпель получилъ отъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа Крафтштрэма любезное приглашеніе выполнить необходимыя формальности для полученія званія привать-доцента Дерптскаго университета. Штрюмпель послѣдовалъ этому приглашенію и въ январѣ 1844 г. открылъ уже курсъ лекцій по „Введенію въ философію, психологію и педагогику“. Лекціи Штрюмпеля имѣли большой успѣхъ, и вслѣдствіе этого въ апрѣлѣ 1845 г. онъ получилъ экстраординарную профессуру теоретической и практической философіи и педагогики. Въ апрѣлѣ 1849 г. Штрюмпель получилъ, наконецъ, и ординарную профессуру по этой каѳедрѣ, которую онъ занималъ до 1871 г.

Въ періодъ своей профессорской дѣятельности въ Дерптѣ Штрюмпель опубликовалъ слѣдующія сочиненія: Die Pädagogik der Philosophen Kant, Fichte, Herbart (1843), Die Vorschule der Ethik (1844), Die Verschiedenheit der Kindernaturen (1844), Entwurf der Logik (1846), Die Universität und das Universitätsstudium (1848), Die Geschichte der griechischen Philosophie (1854—1861), Lehrpläne für Knabenelementarschulen des Dorpater Lehrbezirks mit den nötigen Erläuterungen und Ergänzungen, entworfen unter Mitwirkung erfahrener Schulmänner (1869), Erziehungsfragen (1869).

Однако, главную часть своихъ трудовъ за этотъ періодъ Штрюмпель посвящаетъ чисто практической педагогической дѣятельности по организаціи школьнаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Къ этой дѣятельности Штрюмпель былъ призванъ новымъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа—графомъ Кэйзерлингомъ, который сразу оцѣнилъ способности Штрюмпеля и его безграничную преданность дѣлу обученія и воспитанія юношества.

Кромѣ устройства педагогической семинаріи при университетѣ, Штрюмпель положилъ много заботъ на открытіе новыхъ школъ различныхъ типовъ и реорганизацію старыхъ гимназій, учительскихъ семинарій, окружныхъ училищъ, школъ для продолженія образованія (Fortbildungsschulen) и народныхъ школъ. Для этой цѣли Штрюмпель неоднократно ѣздилъ по порученію русскаго правительства въ Германію, Швейцарію и Францію для изученія школьнаго дѣла и для приглашенія выдающихся педагоговъ для занятія преподавательскихъ мѣстъ въ школахъ прибалтійскаго края. На учительскихъ конференціяхъ Штрюмпель вырабатывалъ совмѣстно съ учителями новые учебные

планы и обсуждалъ съ ними всевозможные вопросы педагогической практики.

Самъ Штрюмпель лично принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ обученія въ Дерптской учительской семинаріи и въ „Дерптской школѣ для продолженія образованія". Кромѣ того, онъ читалъ многія публичныя лекціи и устраивалъ вечера для собесѣдованія съ родителями.

Эта плодотворнѣйшая дѣятельность Штрюмпеля въ дѣлѣ народнаго образованія въ январѣ 1871 г. должна была прекратиться. Штрюмпель выслужилъ 25-лѣтнюю пенсію и не былъ оставленъ на новое пятилѣтіе, такъ какъ при баллотировкѣ въ университетскомъ совѣтѣ получилъ 22 избирательныхъ шара изъ 37, а по уставу требовалось двѣ трети всѣхъ шаровъ.

Весною 1871 г. Штрюмпель переѣхалъ въ Лейпцигъ и началъ здѣсь второй періодъ своей академической дѣятельности въ качествѣ приватъ-доцента. 15-го іюля этого же года онъ былъ удостоенъ званія „ординарнаго почетнаго профессора", а 30-го декабря былъ назначенъ „членомъ королевской испытательной комиссіи для кандидатовъ на высшія учительскія должности".

Въ Лейпцигскомъ университетѣ Штрюмпель читалъ лекціи по весьма разнообразнымъ отдѣламъ философіи и педагогики: по исторіи философіи, логикѣ, психологіи, этикѣ, по философіи религіи и права, по общей и психологической педагогикѣ, по педагогической патологіи и др. Въ этихъ лекціяхъ Штрюмпель излагалъ весьма обоснованно и убѣдительно результаты своихъ собственныхъ изслѣдованій и многолѣтнихъ наблюденій изъ предыдущей практической дѣятельности. Замѣчательное краснорѣчіе и благороднѣйшія, въ высшей степени гуманныя воззрѣнія Штрюмпеля собирали въ его аудиторію многочисленныхъ слушателей и приковывали сердца молодежи къ вдохновеннымъ рѣчамъ талантливаго лектора. Извѣстность Штрюмпеля, какъ выдающагося ученаго и блестящаго оратора, вскорѣ распространилась за предѣлы университетскихъ сферъ, и многія общества стали его приглашать для чтенія рефератовъ; болѣе 40 рефератовъ на различныя темы его спеціальности были имъ прочитаны такимъ образомъ— въ торговомъ и учительскомъ ферэйнахъ, въ Шреберовскихъ ферэйнахъ, въ консерваторіи, въ концертномъ залѣ и т. д.

Большую пользу принесла дѣятельность Штрюмпеля при Лейпцигскомъ университетѣ также дѣлу подготовки молодыхъ силъ для практики обученія. Въ 1872 г. въ лѣтнемъ семестрѣ Штрюмпель организовалъ при университетѣ практическія занятія по педагогикѣ и велъ

ихъ безъ перерыва въ теченіе 34 семестровъ. На этихъ практическихъ занятіяхъ обсуждались всевозможные педагогическіе вопросы, какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Особенно много разнообразія вносилось въ практическія занятія, благодаря участію въ нихъ многихъ педагоговъ-практиковъ—изъ учителей народныхъ школъ, которые приносили сюда на безпристрастный судъ науки и философіи самые животрепещущіе вопросы школьнаго дѣла.

„Теорія и практика должны были идти рука объ руку и разстояніе между ними должно было по возможности уменьшаться научными путями“—говоритъ д-ръ Шпитцеръ объ этихъ практическихъ занятіяхъ. „Штрюмпель *выше всего цѣнилъ*“, говоритъ его бывшій ученикъ, директоръ семинаріи д-ръ Кааль, *„свободу научнаго мышленія*. Штрюмпель былъ совершенно чуждъ того старовѣрчества, того односторонняго слѣдованія собственному мнѣнію, той нетерпимости, однимъ словомъ—всего того, чѣмъ нѣкоторые изъ гербартіанцевъ, и не менѣе другихъ Циллеръ, принесли столько вреда гербартовскому направленію. У него каждый взглядъ могъ быть свободно высказываемъ, если только для дѣла онъ имѣлъ хотя нѣкоторое значеніе. Вслѣдствіе всего этого его практическія занятія столь сильно возбуждали ихъ соучастниковъ къ самодѣятельности“.

Характеръ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждались на практическихъ занятіяхъ Штрюмпеля, прекрасно изображаютъ изданія „Pädagogische Abhandlungen von Mitgliedern des von Professor Strümpell geleiteten wissenschaftlich-pädagogischen Praktikums“. Въ VI томѣ этихъ трудовъ, въ предисловіи, профессоръ Вендтъ приводитъ такъ сказать символъ вѣры учениковъ Штрюмпеля: „Мы чтимъ Гербарта и признаемъ направленіе его ученика Штрюмпеля за самый цѣлесообразный путь къ развитію и усовершенствованію гербартовской педагогики; но мы не приносимъ присяги на вѣрность словамъ Гербарта, а также и не составляетъ свойства нашего учителя—объявлять мнѣнія, не сходныя съ его воззрѣніями, несовмѣстимыми съ понятіями психологической педагогики“.

26-го апрѣля 1894 года Штрюмпель отпраздновалъ 25-тилѣтній юбилей своей академической дѣятельности при Лейпцигскомъ университетѣ. Маститый юбиляръ, имѣвшій уже 82-хъ лѣтній возрастъ, получилъ множество самыхъ теплыхъ привѣтствій отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, являвшихся лично къ юбиляру или присылавшихъ свои привѣтствія изъ различныхъ мѣстъ Германіи и другихъ странъ.

Послѣ означеннаго юбилея Штрюмпель еще 5 лѣтъ бодро продол-

жалъ свою научно-педагогическую дѣятельность при Лейпцигскомъ университетѣ до своей кончины, послѣдовавшей 18-го мая 1899 года.

Мы не будемъ подробно разбирать всѣхъ весьма разнообразныхъ печатныхъ трудовъ Штрюмпеля, а ограничимся лишь краткимъ очеркомъ его наиболѣе оригинальныхъ изслѣдованій по психологической педагогикѣ. Слѣдующую же главу мы посвятимъ исключительно изслѣдованіямъ Штрюмпеля о педагогическихъ недостаткахъ дѣтей и въ ней мы покажемъ, что эти изысканія являются результатомъ строго послѣдовательнаго развитія великой гербартовской идеи о *прерывной* математической закономѣрности, которая въ настоящее время весьма подробно разработана трудами Московской математической школы и особенно Н. В. Бугаевымъ. Мы увидимъ, что не Штрюмпель отступилъ отъ главнаго основанія всей гербартовской философіи и педагогики, а самъ Гербартъ въ своей психологіи увлекся простотою, точностью и механичностью изслѣдованій помощью математическаго анализа и впалъ даже въ нѣкоторое противорѣчіе со своими остальными воззрѣніями, на что было указано однимъ изъ критиковъ гербартовской психологіи—Фридрихомъ Ланге въ его сочиненіи „Geschichte des Materialismus“ (1866). Послѣдній говоритъ, что при наличности душевнаго механизма, какъ въ психологіи Гербарта, мы имѣли бы самое надежное доказательство физической закономѣрности всѣхъ психическихъ явленій, къ чему и стремится матеріализмъ. Штрюмпель въ своихъ „*законахъ психическаго механизма*“ исправляетъ увлеченія своего учителя, вводя въ закономѣрность психическаго механизма идеи прерывности и комбинацій въ подробномъ изложеніи четвертаго закона „*образованія рядовъ*“ (Gesetz der Reihenbildung), т. е. тѣ идеи, которымъ самъ Гербартъ придавалъ громадное значеніе въ другихъ отдѣлахъ своей философіи и въ педагогикѣ, но пренебрегъ въ своей психологіи, и которыя лежатъ въ основѣ новой математической науки—*аритмологіи*. Кромѣ того, Штрюмпель идетъ дальше и для объясненія высшихъ психическихъ явленій считаетъ необходимымъ разсматривать еще закономѣрности *цѣлей* или *немеханическія нормирующія* закономѣрности, которымъ въ математикѣ соотвѣтствуютъ закономѣрности, изучаемыя въ теоріи вѣроятностей.

Всѣ эти важныя дополненія гербатовскихъ изслѣдованій впервые были приведены Штрюмпелемъ въ систему въ его сочиненіи „Psychologische Pädagogik“ (1880 г.), содержаніе котораго мы изложимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ.

„Психологическая педагогика“ Штрюмпеля содержитъ 26 главъ и

представлять собою въ общемъ изложеніе психологическихъ вопросовъ, имѣющихъ особенное значеніе для педагогики; вслѣдствіе этого означенному сочиненію болѣе подходящимъ названіемъ было бы „педагогическая психологія".

Въ главахъ 1—13 излагаются основы психологіи на гербартовскихъ началахъ съ дополненіями самого Штрюмпеля. Главы 14 и 15 (Die Bildsamkeit des Kindes) служатъ переходомъ ко второй части, и въ нихъ выясняется, что основной идеѣ педагогики „способности ребенка къ образованію" (die Bildsamkeit des Kindes) могутъ удовлетворить предыдущія воззрѣнія на психологическія явленія. Дальнѣйшія главы устанавливаютъ внутреннюю связь вопросовъ педагогики и психологіи, а также развиваютъ подробно дополненія Штрюмпеля къ гербартовской психологіи.

Изъ главъ первой части особенно важны: глава 7—„Послѣдовательная и одновременная дѣятельность представленій. Механическій и нормированный ходъ представленій", глава 8—„Психическія причинности" и глава 11—„Границы психическаго механизма". Въ этихъ главахъ Штрюмпель является горячимъ противникомъ матеріализма съ его стремленіемъ физическаго объясненія *всѣхъ* явленій духовнаго міра, но въ то же время онъ считается съ *фактами*, даваемыми матеріализмомъ при указаніи связи психической дѣятельности и сопутствующихъ ей физическихъ явленій. Въ главѣ 11, особенно въ ея концѣ, ясно *устраняется* Штрюмпелемъ *всякое противорѣчіе между дѣйствующимъ механически „психическимъ механизмомъ" и „немеханически дѣйствующими психическими причинностями"* [1]). Здѣсь же Штрюмпель поясняетъ нормирующую дѣятельность высшихъ психическихъ причинностей по отношенію къ механически дѣйствующимъ причинностямъ аналогіей съ нормирующею дѣятельностью человѣка въ природѣ, когда послѣдній, пользуясь силами природы, направляетъ ихъ сообразно своимъ цѣлямъ, какъ это прекрасно изображено неизвѣстнымъ поэтомъ въ отвѣтѣ человѣка суровой природѣ въ стихотвореніи [2]), цитируемомъ Н. В. Бугаевымъ, а можетъ быть имъ же самимъ составленномъ:

---

[1]) Конецъ этой главы изображаетъ соотношеніе тѣлесныхъ и духовныхъ процессовъ человѣка *почти тожественно* съ полученнымъ *совершенно независимо* математическими соображеніями представленіемъ этого соотношенія въ моемъ сочиненіи „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы", стр. 36. Юрьевъ. 1905.

[2]) См. „Вопросы философіи и психологіи" кн. 45, 1898 г. или въ моемъ сочи-

Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ: свобода!
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви правды и добра изъ мощныхъ рукъ.
И гордо говоритъ: Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу не вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,—
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
Мертва ты и слѣпа въ своей красѣ суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни тьма,
Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ слѣдъ я оставлялъ тяжелаго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну на всегда...

Болѣе опредѣленное соотношеніе и совмѣстное существованіе въ процессахъ человѣческаго организма физико-механическихъ причинностей и немеханически дѣйствующихъ свободныхъ причинностей Штрюмпель разъясняетъ въ главѣ 18-й въ тѣхъ строкахъ, которыя приведены ниже дословно.

Во второй части разсматриваемаго сочиненія Штрюмпеля наиболѣе важною является глава 18—„Законы психической причинности, пока она имѣетъ лишь механическій характеръ“. Эта глава даетъ точныя указанія законовъ міра душевныхъ представленій, еще ненормированнаго высшими душевными факторами, и составляетъ дополненіе къ главѣ 6, гдѣ былъ уже отмѣченъ *прерывный*, *аритмологическій* характеръ этого міра: движеніе, связь, *раздѣленіе*, *сопротивленіе* и *уступчивость* (Nachgiebigkeit) представленій разсматривались въ главѣ 6, какъ *формальныя условія* психической причинности.

Штрюмпель устанавливаетъ здѣсь четыре закона:

1. *Законъ косности* (инерціи) *представленій и связанныхъ съ ними душевныхъ состояній* (Das Gesetz der Beharrung), заключающійся въ томъ, что каждое состояніе души само по себѣ стремится быть неизмѣннымъ[1]). Изъ этого закона вытекаютъ такія слѣдствія: а) не

ненія: „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“. 2-ое изд. Юрьевъ. 1904 г.

[1]) У Н. В. Бугаева въ его монадологіи имѣется этотъ законъ, но расчлененный на три закона: *законъ косности, законъ монадологической солидарности и за-*

требуется допущенія никакой особой „силы души“, какъ, напримѣръ памяти, чтобы сохранить содержаніе сознанія—ощущенія, представленія, понятія, чувствованія и т. д. Услышанный тонъ звучалъ бы вѣчно въ душѣ, перенесенная боль чувствовалась бы вѣчно, если бы каждое изъ этихъ состояній было только одно въ душѣ. b) Тотъ фактъ, что наше духовное состояніе не все находится въ одно время въ сферѣ сознанія, обусловливается дѣйствіемъ другихъ причинъ—существованіемъ другихъ законовъ, которымъ душа должна подчиняться одновременно съ закономъ косности. c) Каждое состояніе души по отношенію къ другимъ въ силу косности обусловливаетъ *сопротивленіе*, т. е. дѣйствуетъ какъ *сила*, благодаря чему создаются опредѣленныя отношенія между состояніями души. d) *Величина* силы сопротивленія прежде всего можетъ быть принята пропорціональной *силѣ сознанія* или *интенсивности дѣйствительно пережитаго душею въ данномъ состояніи*, т. е. величинѣ участія инертной души въ данномъ ея состояніи. Изъ этого положенія должны исходить всѣ педагогическія правила и совѣты, на основаніи которыхъ развиваютъ *самостоятельность* воспитанника, дѣлаютъ ему что-нибудь *нагляднымъ* и *яснымъ*, приводятъ его къ *пониманію* разсказаннаго и продуманнаго и, наконецъ, на основаніи которыхъ возбуждаютъ у воспитанника *вниманіе*, *сочувствіе* и *углубленіе въ себя*. e) Если какое-нибудь состояніе души изъ сознательнаго переходитъ подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ причинъ въ безсознательное, то по устраненіи этихъ причинъ состояніе души принимаетъ прежній сознательный характеръ. Слѣдовательно, совершенно излишне понятіе о *самостоятельной душевной силѣ воспоминанія*. Возникновеніе въ сознаніи прежняго состоянія души происходитъ какъ *естественное стремленіе* послѣдняго въ силу закона косности, коль скоро исчезаетъ для него *принужденіе* со стороны выйти изъ сферы сознанія. Въ отношеніи къ представленіямъ означенное стремленіе можно условно назвать „душевною способностью репродукціи“. Терминъ Гербарта „свободно поднимающееся представленіе“ вполнѣ соотвѣтствуетъ разсматриваемому случаю. f) Наконецъ, изъ закона косности слѣдуетъ, что состоянія души, сдѣлавшись безсознательными, продолжаютъ однако вліять на сознательное душевное содержаніе и сохраняютъ, по мнѣнію Штрюмпеля, причинныя связи, которыми обладали въ сферѣ сознанія. Такимъ обра-

---

конъ капитализаціи прошлаго. Другіе законы Штрюмпеля въ явной формѣ не выражены въ монадологіи Бугаева.

зомъ, сознательное душевное содержаніе детерминируется также и пережитыми душею состояніями. Отсюда вытекаетъ подтвержденіе „способности души къ образованію", какъ способности „перехода отъ неопредѣленности къ постоянству" (Гербартъ), ибо пережитое душею въ силу вышесказаннаго, въ нѣкоторой степени опредѣляетъ ея *настоящее* и *будущее*.

2. *Законъ смежности* (Das Gesetz der Continuität), заключающійся въ томъ, что въ силу постулата Гербарта душа есть существо простое, недѣлимое, а посему *всѣ душевныя состоянія имѣютъ* взаимную связь, такъ сказать, лежатъ смежно другъ съ другомъ. По дальше изъ словъ самого Штрюмпеля мы увидимъ, что ни терминъ „непрерывности" (Continuität), ни терминъ, нѣсколько нами измѣненный, „смежности" не подходятъ для 2-го закона. Здѣсь вполнѣ подходитъ другой болѣе общій математическій терминъ—терминъ *„аритмологической зависимости"*; это выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ Штрюмпеля.

Изъ 2-го закона слѣдуетъ, во-первыхъ, что не требуется никакой особенной способности или „силы синтеза" для того, чтобы установилась связь между ощущеніями, представленіями и другими отдѣльными состояніями души, такъ какъ всякое временное проявленіе единства сознанія есть естественное слѣдствіе реальнаго единства души. Затѣмъ, Штрюмпель выводитъ и другія детальныя слѣдствія изъ 2-го закона объ единствѣ сознанія помимо всякихъ *контрастовъ* и *противоположностей* ощущеній, представленій и стремленій, особенно входитъ онъ въ детали *сліянія* и *соединенія* (Verschmelzungen und Complexionen) *представленій*, и вытекающія отсюда усиленія или ослабленія способности сопротивленія однихъ представленій другимъ.

3. *Законъ исключенія* (Das Gesetz der Ausschliessung), состоящій въ томъ, что каждому содержанію сознанія принадлежитъ единственный самостоятельный актъ, исключающій всякій другой. Изъ этого закона прежде всего, какъ слѣдствіе, вытекаетъ объясненіе исчезанія представленія. Затѣмъ, изъ него совмѣстно съ закономъ смежности вытекаетъ необходимость для представленія нѣкотораго комплекса стремиться въ сферу сознанія, если одно изъ послѣднихъ уже находится въ сферѣ сознанія. И т. д.

4. *Законъ образованія рядовъ* (Das Gesetz der Reihenbildung), состоящій въ томъ, что подобныя представленія, т. е. имѣющія нѣкоторыя тожественныя части, образуютъ рядъ представленій. Подъ *рядомъ представленій* здѣсь надо понимать извѣстное число приве-

денныхъ въ порядокъ представленій, такъ что послѣдовательность ихъ идетъ постоянно по опредѣленному правилу и вызывается сознаніе этой совмѣстной связи ихъ по опредѣленному правилу и въ опредѣленномъ порядкѣ. Штрюмпель выясняетъ большое значеніе этого душевнаго закона, безъ котораго мы не могли бы имѣть никакого представленія о *порядкѣ* или *правилѣ* въ массѣ міровыхъ явленій. „Въ законѣ образованія рядовъ", говоритъ Штрюмпель, „лежитъ первый регулятивный принципъ, который, будучи самъ механическимъ, вліяетъ властно на психическій механизмъ и понуждаетъ его образовывать въ продуктахъ то, что непосредственно не содержится въ факторахъ послѣдняго".

Далѣе (стр. 229—232) мы находимъ въ разсматриваемомъ сочиненіи дѣйствительно классическое мѣсто—по глубинѣ мысли почтеннаго автора, которое позволимъ себѣ привести здѣсь дословно. Здѣсь выясняется именно *свободо-связность, аритмологичность* [1]) психическаго механизма, дающая возможность высшимъ, не механически дѣйствующимъ причинностямъ проявлять свою нормирующую дѣятельность, дающая возможность человѣку проявлять *свободу воли*.

„Конечно должна существовать опредѣленная связь между двумя группами причинностей, изъ которыхъ одна представляетъ господствующую въ душѣ физическую необходимость, другая же—высшую, стоящую надъ физической необходимостью возможность дѣйствія и страданія души. Въ другомъ мѣстѣ была уже неоднократно выдвинута и обоснована та мысль, что всѣ механическія явленія служатъ собственно лишь для того, чтобы дать возможность проявленію болѣе глубокаго душевнаго содержанія и такимъ образомъ вызвать къ жизни содержанія сознанія и формы, въ которыхъ душа запечатлѣваетъ свою интеллектуальность (intelligible Natur) и получаетъ возможность шествовать дальше по пути высшаго и болѣе совершеннаго развитія. Когда выступаютъ эти новыя содержанія сознанія и формы, кромѣ непринимаемой нами покамѣстъ во вниманіе причинности расположенія духа (Kausalität der Stimmung), начинаютъ свою дѣятельность тѣ причинности, которыя мы по ихъ особенностямъ различали, какъ *логическую, эстетическую, нравственную* и какъ причинность *самоопредѣленія*. Между этими послѣдними и причинностями механическими долженъ существовать, какъ было уже сказано, промежуточный членъ.

[1]) Позволяю себѣ рекомендовать читателю прочесть конецъ этой главы еще разъ послѣ прочтенія слѣдующей гл. IV.

въ которомъ, съ одной стороны, механизмъ продолжаетъ дѣйствовать дальше, съ другой—условіе новыхъ причинностей также содержится".

„Роль этого посредничества въ исторіи временнаго развитія души сообщается тремъ законамъ—смежности, исключенія и образованія рядовъ и именно каждому особеннымъ образомъ, при томъ сообщается она такъ, что каждый изъ нихъ воспринимаетъ нѣкоторое участіе въ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ немеханическихъ причинностей".

„Законъ смежности имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что содержанія сознанія, ощущенія и представленія соединяются такимъ образомъ и попадаютъ въ такія извилины (Abläufe), что душа, когда все это придетъ въ полный покой, въ этомъ и черезъ это погружается въ состояніе *эстетическихъ* чувствованій. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, дѣлается возможнымъ проявленіе *эстетической причинности*" [1]).

„Законъ исключенія имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что душа, коль скоро происходитъ исключеніе между двумя или нѣсколькими содержаніями сознанія, переживаетъ черезъ это *логическое* чувствованіе. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, является возможность проявленію *логической причинности*".

„Законъ образованія рядовъ имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что онъ отчасти дополняетъ и расширяетъ, какъ дѣйствія смежности и исключенія, такъ и чувствованія эстетическія и логическія, отчасти же даетъ душѣ побужденіе преобразовать ихъ въ опредѣленныя содержанія представленія и перевести ихъ изъ міра чувствованій въ міръ понятій. Вслѣдствіе этого законъ образованія рядовъ вліяетъ развивающе на дѣйствія эстетическихъ и логическихъ причинностей, въ чемъ даетъ себя знать его выдающееся значеніе, какъ для эстетическаго, такъ и для интеллектуальнаго продолженія образованія (Fortbildung) души. Его значеніе для интеллектуальнаго образованія, т. е. для появленія и преумноженія знаній и познаній истинъ, выражается въ дѣйствительности въ томъ обстоятельствѣ, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи большая часть знаній и познаній, какъ это имѣетъ мѣсто въ точныхъ наукахъ, получается логическимъ образованіемъ (Fortbildung) извѣстныхъ рядовъ, какъ именно рядовъ *пространственныхъ* и *числовыхъ*. Это значеніе закона образованія рядовъ документируется особенно сильно тѣмъ, что почти всѣ *объяснительныя* науки,

[1]) Это будетъ гораздо понятнѣе, если „законъ смежности" назвать „закономъ аритмологической зависимости", какъ было мною предложено выше. Этотъ новый терминъ, собственно говоря, охватываетъ собою и „законъ образованія рядовъ".

прежде чѣмъ достигнуть этого высшаго логическаго характера, работали надъ *систематизаціей* ихъ матеріала, т. е. подъ дѣйствіемъ закона образованія рядовъ, и что въ этихъ работахъ умъ также испыталъ первыя и продолжительныя радости и отчасти еще испытываетъ и теперь. Но съ другой стороны *законъ образованія рядовъ* претендуетъ на особое предпочтеніе, потому что онъ способствуетъ также появленію въ душѣ *нравственной* причинности и посему особенно важенъ для *нравственнаго* и *правового* образованія. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что примитивныя нравственныя чувствованія имѣютъ ихъ начало сполна въ дѣйствіи рядовъ, образующихся среди представленій съ активною тенденціей, т. е. среди желаній и волевыхъ возбужденій. Это будетъ яснѣе, если обратить вниманіе на то, что всѣ отношенія между содержаніями сознанія, которыя обыкновенно носятъ спеціальныя названія *соотношеній* или *пропорцій*, также подходятъ подъ понятіе *ряда*. Нравственныя чувства преобразуются черезъ наиболѣе выразительное образованіе рядовъ въ *нравственныя сужденія*, а эти въ свою очередь логическою дѣятельностью снова систематизируются въ рядовой порядокъ".

„Наконецъ, связь причинности самоопредѣленія съ психическимъ механизмомъ заключается въ томъ фактѣ, что послѣдній собираетъ представленія въ нѣкоторую группу, изъ которой проистекаетъ сознаніе *утвержденія* или *отрицанія*. Коль скоро эти представленія налицо, они могутъ сами сдѣлаться *силами*, такъ что будетъ проявляться то сознаніе утвержденія, то сознаніе отрицанія. Но для того, чтобы это могло произойти, долженъ быть обоимъ доставленъ матеріалъ, а для этого служитъ также все то, что произведено другими причинностями. Къ послѣднему же принадлежитъ несомнѣнно тотъ фактъ, что человѣкъ чувствуетъ то влеченіе къ благоденственному состоянію (Wohlsein), то отталкиваніе отъ причиняющаго боль состоянія (Wehesein), онъ слѣдуетъ то однимъ мотивамъ, то противоположнымъ, то эстетическому сужденію, то голосу своей совѣсти, и какъ часто одно или другое появляется, можетъ выступить также познаніе, что утвердить и къ чему отнестись отрицательно, вмѣстѣ съ тѣмъ—что выдвинуть какъ желательное и что—какъ нежелательное. Отсюда ясно, что лишь въ самоопредѣленіи находитъ свое окончательное завершеніе соотношеніе между механическими и свободно дѣйствующими причинностями, такъ какъ въ актахъ самоопредѣленія принимаютъ участіе *всѣ остальныя причинности*".

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи содержанія осталь-

ныхъ главъ „Психологической педагогики“ Штрюмпеля, которыя въ общемъ посвящены выводу различныхъ слѣдствій изъ предыдущихъ психологическихъ изслѣдованій, — слѣдствій, имѣющихъ значеніе для педагогики.

На изложенныхъ нами въ краткихъ чертахъ воззрѣніяхъ Штрюмпеля на взаимоотношенія тѣлесныхъ и духовныхъ процессовъ въ человѣкѣ построена также его замѣчательная классификація педагогическихъ недостатковъ дѣтей въ сочиненіи „Die pädagogische Pathologie“.

Въ слѣдующей главѣ IV-й мы покажемъ, что означенную классификацію можно также вывести, исходя изъ *понятій объ аритмологическихъ* и *вѣроятностныхъ причинностяхъ*, слѣды которыхъ имѣются уже въ педагогическихъ изслѣдованіяхъ Гербарта и теорія которыхъ особенно подробно разработана въ трудахъ Московской математической школы. Такимъ образомъ, мы установимъ общее математическое основаніе педагогическихъ системъ Гербарта и Штрюмпеля.

ГЛАВА IV.

Педагогическая патологія Штрюмпеля и ея отношеніе къ педагогикѣ Гербарта [1]).

> Der Erzieher hat in allen Fällen an den in den jeweiligen faktischen Verhältnissen, wie in der Individualität, in der Familie, in Sitten und Gewohnheiten, in Neigungen und Interessen u. s. w. liegenden natürlichen Potenzen ununterbrochen festzuhalten und seine Zwecke an der dadurch tatsächlich bestimmten Entwicelungsgang anzuschliessen, selbst dann, wenn er mit ihnen in Opposition sein muss. *Strümpell* [2]).

Въ моей статьѣ „Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur-und Geisteswissen-

[1]) Содержаніе этой главы будетъ напечатано въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ также на нѣмецкомъ языкѣ во вновь учреждаемомъ журналѣ „Vierteljahrsschrift für pädagogische Untersuchungen“, который предназначается, главнымъ образомъ, для изслѣдованій въ направленіи Штрюмпеля. Этотъ журналъ будетъ издаваться въ г. Альтенбургѣ подъ редакціей д-ровъ А. Шмидта и А. Шпитцнера.

[2]) Воспитатель долженъ во всѣхъ случаяхъ придерживаться непрерывно естественныхъ потенцій, лежащихъ въ наличныхъ фактическихъ соотношеніяхъ, какъ-то: въ индивидуальности, въ семьѣ, въ обычаяхъ и привычкахъ, въ наклонностяхъ и инте-

schaften" [1]) были указаны слѣды понятія *аритмологической* или *прерывной* закономѣрности въ изслѣдованіяхъ двухъ Дерптскихъ профессоровъ: Г. *Тэйхмюллера* и Александра ф. *Эттингена*. Изслѣдованія Штрюмпеля, въ которыхъ причинныя зависимости этого рода получили уже громадное практическое значеніе, были мнѣ совсѣмъ не извѣстны и съ ними я познакомился лишь послѣднее время.

Въ настоящее время я нашелъ и первоисточникъ всѣхъ этихъ идей бывшихъ дерптскихъ профессоровъ Штрюмпеля, Эттингена и Тэйхмюллера, которые столь мужественно вели борьбу противъ сильнаго, господствовавшаго теченія послѣдняго полустолѣтія, выразившагося въ физико-механическомъ представленіи міровыхъ явленій, и изслѣдованія которыхъ вслѣдствіе этого едва признаются точною наукою даже въ настоящее время.

Означенный первоисточникъ находится въ геніальныхъ философскихъ изслѣдованіяхъ Гербарта. Отсюда почерпнулъ свои замѣчательныя идеи и развилъ ихъ до громаднаго практическаго значенія ученикъ Гербарта — Штрюмпель. Отсюда же извлекъ многія положенія своего классическаго сочиненія „Moralstatistik" А. ф. Эттингенъ, хотя не непосредственно, а лишь изъ различныхъ сочиненій Дробиша.

Независимо отъ Гербарта шло развитіе идеи аритмологической закономѣрности въ трудахъ Московской математической школы. Здѣсь эта идея была весьма подробно разработана благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ въ области теоріи чиселъ и теоріи вѣроятностей, произведеннымъ академикомъ *Чебышевымъ*, профессорами: *Давидовымъ*, *Цингеромъ*, *Лѣтниковымъ*, *Бугаевымъ*, *Некрасовымъ* и другими членами Московскаго Математическаго Общества.

Въ этой главѣ я имѣю въ виду вкратцѣ изложить нѣкоторые результаты указанныхъ изслѣдованій Московской математической школы и изъ нихъ, какъ слѣдствіе, вывести классификацію Штрюмпеля для педагогическихъ недостатковъ дѣтей, попутно же я покажу явные слѣды этихъ идей въ трудахъ Гербарта, на которыхъ въ сущности построена вся философія и педагогика послѣдняго, и лишь его мате-

---

ресахъ и т. д.; онъ долженъ приспособить свои цѣли къ опредѣленному такимъ образомъ фактически ходу развитія, даже въ томъ случаѣ, если онъ съ ними находится въ оппозиціи. (См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher" von Teubner. II Abteilung. 1899. S. 543).

[1]) Въ журналѣ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904.

матическая психологія представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ этихъ общихъ основаній.

Физическія причинности подлежатъ непосредственному опытному изслѣдованію и посему въ существованіи ихъ не приходится сомнѣваться. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ причинностями духовной жизни, которыя почти не поддаются внѣшнему опытному изученію и изслѣдованіе которыхъ по необходимости должно исходить изъ фактовъ внутренняго сознанія. Этотъ методъ однако не вполнѣ признается точной наукой, и посему возникающія изъ него понятія многими учеными считаются просто за иллюзію человѣческаго воображенія.

Блестящее развитіе физическихъ наукъ въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи вполнѣ естественно побудило ученыхъ попытаться примѣнить шаблоны физическихъ изслѣдованій также и въ наукѣ о духѣ, часто безъ достаточнаго критическаго отношенія. Такимъ образомъ произошли въ наукѣ о духѣ всевозможныя парадоксальныя гипотезы, которыхъ слѣдствія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Многіе ученые и философы стали утверждать, что всѣ міровыя явленія подчинены лишь законамъ физическихъ причинностей и что другихъ причинностей совсѣмъ не существуетъ. Какъ слѣдствіе изъ этого, явилось отрицаніе свободной воли и всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣка: добро и зло, красота, справедливость стали разсматриваться какъ иллюзіи человѣческаго воображенія. Отсюда же явились въ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени столь распространенныя фаталистическія и пессимистическія воззрѣнія на все человѣческое существованіе. *Матеріализмъ* или *детерминизмъ* есть общее названіе всѣхъ этихъ научныхъ и философскихъ стремленій, получившихъ въ настоящее время столь господствующее значеніе и претендующихъ на названіе точной науки.

Однако, мало по малу, ученые стали замѣчать, что физико-механическое представленіе міровыхъ явленій ведетъ къ слѣдствіямъ, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и исключаютъ вполнѣ естественныя этическія и эстетическія стремленія человѣка. Нѣкоторыми учеными было допущено, „что существуетъ такая дѣятельность души, которая совершенно обособленно отъ другихъ состояній и проявленій можетъ ввести въ настоящее содержаніе сознанія изъ себя самой нѣкоторое состояніе или проявленіе и при томъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія“ [1]). Допущеніе такой дѣятельности ведетъ

[1]) Эти слова и нижеприведенныя взяты изъ „Psychologische Pädagogik“ Штрюмпеля. См. стр. 83.

къ понятію о *трансцендентальной свободѣ воли* и къ ученію о *трансцендентальномъ идеализмѣ*. „Причина такого допущенія", говоритъ Штрюмпель, „заключается въ томъ, что дѣйствующія наряду съ механическими—другія, особыя, психическія причинности не были достаточно подмѣчены, и было рѣшено устранить деспотическую власть механизма простымъ ея отрицаніемъ и допущеніемъ душевной дѣятельности, стоящей внѣ всякой связи съ фактами сознанія. Наше изложеніе однако показало, что рядомъ съ механизмомъ существуютъ въ душѣ еще и другія причинности, которыя также какъ и механизмъ вырабатываютъ нѣчто новое, однако не слѣпо и безсознательно дѣйствующими основаніями, а черезъ содержанія, въ которыхъ проявляются въ сознаніи части самой сущности души, выходящія изъ предѣловъ наличнаго и его механизма *сообразно съ ихъ значеніемъ и черезъ ихъ значеніе* (welche über das Tatsächliche und dessen Mechanismus *wegen ihres Werthes* und *durch ihren Werth* hinausgehen)".

Эти слова Штрюмпеля достаточно [1]) характеризуетъ философское направленіе, которое идетъ главнымъ образомъ отъ Гербарта и которому, по моему мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ названіе *„реалъ-идеализма"*. Это направленіе, можно сказать, красною нитью проходитъ черезъ всѣ изслѣдованія Гербарта (въ противовѣсъ детерминизму и трансцендентальному идеализму), но его значеніе особенно выдвигается Гербартомъ въ вопросахъ педагогики, хотя не въ столь явной формѣ, какъ у Штрюмпеля. Напримѣръ, въ своемъ критическомъ очеркѣ „Ueber das Verhältniss des Idealismus zur Pädagogik" Гербартъ говоритъ [2]):

„Случайно пришлось мнѣ какъ-то снова просмотрѣть „Рѣчи" Фихте „къ нѣмецкой націи". Весьма охотно я останавливаюсь на этомъ дѣйствительно блестящемъ моментѣ его жизни. Его нравственная энергія, жизненный принципъ его ученія болѣе подходилъ именно для дѣятельности среди громадной опасности, чѣмъ для теоріи. И въ 1808 г. онъ имѣлъ случай себя оправдать, ибо его свободное, мужественное ученіе стало тогда дѣйствіемъ".

„Онъ сказалъ свое слово во время, однако это же время опредѣлило и его мысли. Песталоцци процвѣталъ, и Фихте, не предвидя истиннаго успѣха ни въ надеждахъ, ни въ сомнѣніяхъ, вдругъ сталъ педагогомъ. Конечно, весьма трудная метаморфоза для идеалиста!"

---

[1]) Болѣе ясно это изложено въ словахъ Штрюмпеля, приведенныхъ въ концѣ предыдущей главы.

[2]) *Hartenstein'sche* Ausgabe. Bd. XI. S. 325.

„Первое, что онъ преподнесъ, были *обнаруженія полнѣйшаго детерминизма*, также черезчуръ утрированныя, какъ и его ученіе о свободѣ. Новое воспитаніе, въ противоположность старому, будто должно рѣшительно и непогрѣшимо, по правиламъ образовывать и опредѣлять дѣйствительныя жизненныя побужденія и дѣйствія своихъ воспитанниковъ. Будто въ разсчетѣ на свободную волю воспитанника лежитъ первая погрѣшность прежняго воспитанія, ясное признаніе его безсилія и ничтожества“.

Точно также въ своей рѣчи „Ueber Erziehung unter öffentlicher Mitwirkung“ Гербартъ говоритъ [1]):

„Не только въ дѣйствительно-существующихъ государствахъ, но главнѣйшимъ образомъ въ идеѣ государства, какъ послѣднее должно быть, весьма важно дать себѣ ясный отчетъ правильнаго совмѣстнаго дѣйствія многихъ и различныхъ лицъ въ отношеніи управленія и культуры. Кто этого не сдѣлалъ, тотъ, конечно, долженъ быть погруженъ въ мечтанія *Руссо*, которыя не потому мечтанія, что не выполнимы, но потому, что не должны и не смѣютъ (dürfen) быть выполненными. Вѣдь свобода и равенство *Руссо* есть равный произволъ всѣхъ; неравенство *Платона* есть подчиненіе всѣхъ разуму и долгу“.

Наконецъ, въ „Umriss der pädagogischen Vorlesungen“ (Einleitung § 3) Гербартъ высказываетъ свой строгій приговоръ о недопустимости детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ области педагогики:

„Философскія системы, въ которыхъ воспринятъ фатализмъ или трансцендентальная свобода, сами собою исключаются изъ педагогики. Вѣдь онѣ не могутъ безъ непослѣдовательности вмѣстить въ себѣ понятія о способности къ образованію (Bildsamkeit), которое указываетъ на переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству (zur Festigkeit)“.

Для того, чтобы наиболѣе рѣшительнымъ образомъ обнаружить недопустимость детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ наукахъ о духѣ, обратимся къ математикѣ, какъ наукѣ, въ которой вылилась вся спекулятивная мощь человѣческаго духа. Гербартъ неоднократно выдвигаетъ въ своихъ трудахъ громадное значеніе математики при критической оцѣнкѣ философскихъ обобщеній и абстракцій: „обязанность математики“, говоритъ онъ, „предотвращать опасности философіи“. Точно также высоко оцѣнилъ

[1]) Ibid. S. 367.

математическія понятія другой знаменитый знатокъ человѣческой души—Фридрихъ *Фрёбель*, положившій ихъ въ основаніе своего безсмертнаго метода „дѣтскихъ садовъ“ для воспитанія дѣтей младшаго возраста.

„Человѣческій духъ“, говоритъ Фрёбель, „и математика также нераздѣльны, какъ чувствованія человѣка (Menschengemüth) и религія“. „Форма, величина, число“, говоритъ онъ же [1]), „столь важны для жизни, для пониманія ея формъ и образовъ, для прозрѣнія въ ихъ внутреннее содержаніе“.

Собственно говоря, математика есть ничто другое, какъ ученіе о всевозможныхъ математически мыслимыхъ формахъ причинностей, т. е. *математика есть точная наука о причинностяхъ*.

Хотя въ математикѣ исподволь строятся все новыя и новыя формы причинностей, чисто теоретически, помимо всякихъ практическихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе эта въ высшей степени отвлеченная работа нашего духа имѣетъ какую-то таинственную цѣлесообразность, такъ какъ ея результаты непрестанно находятъ столь блестящія примѣненія въ другихъ наукахъ, изъ которыхъ многія имѣютъ также громадное практическое значеніе. Вышеприведенныя слова Фрёбеля о нераздѣльности человѣческаго духа и математики вполнѣ разъясняютъ означенную таинственную цѣлесообразность и значеніе отвлеченно построенныхъ въ математикѣ шаблоновъ по отношенію къ другимъ сферамъ дѣятельности человѣческаго духа.

Въ 1900 г. мнѣ удалось доказать [2]), что построенная химиками съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ споровъ *атомистическая структурная теорія*, которая дала почти всѣ блестящія открытія современной химіи, *своими формальными методами вполнѣ совпадаетъ* съ весьма спеціальнымъ отдѣломъ математики—*съ символическою теоріею инваріантовъ*. Въ этой главѣ я имѣю въ виду установить подобный же фактъ относительно основъ гербартовскаго философскаго и педагогическаго направленія, въ особенности въ изслѣдованіяхъ Штрюмпеля, и относительно философско-математическихъ основъ весьма разнообразныхъ изслѣдованій Московской математической школы.

Если весьма спеціальныя теоріи математики имѣютъ уже громадное

---

[1]) Frau Dr. *H. Goldschmidt*, Ideen über weibliche Erziehung. Motto zum 5. Vortrag.

[2]) На русскомъ языкѣ изложено въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества за 1901 г.—въ статьѣ „О совпаденіи методовъ формальной химіи и символической теоріи инваріантовъ“.

значеніе для другихъ наукъ, то мы имѣемъ полное право разсчитывать, что лежащая въ основѣ всей математики классификація математически построенныхъ причинностей можетъ служить намъ руководящей нитью при разсмотрѣніи научно-философскаго міровоззрѣнія съ его системою разнообразныхъ причинностей, подобно тому какъ геометрическая классификація пространственныхъ формъ служитъ намъ при наблюденіи безконечно-разнообразныхъ формъ и образовъ природы. Эта аналогія даетъ намъ поводъ *разсматривать всю математику, какъ геометрію формъ и образовъ въ сферѣ физическихъ и духовныхъ причинностей.*

Въ математикѣ каждая причинная связь между двумя или многими перемѣнными величинами x, y, z.... устанавливается при помощи математическихъ операцій, и понятіе „причинности" переводится въ понятіе „функціи". Для выясненія этого мы приведемъ слѣдующій простой примѣръ:

Если какому-нибудь тѣлу сообщить нѣкоторое количество x тепла, то его температура y измѣнится. Причина измѣненія температуры y лежитъ въ тепловомъ качествѣ тѣла и въ количествѣ x, сообщаемой ему теплоты. Для математическаго построенія этой причинной связи между x и y надо найти такую математическую функцію (т. е. нѣкоторый комплексъ математическихъ операцій), которая устанавливала бы то же соотношеніе между x и y, какое въ нашемъ примѣрѣ устанавливается тепловымъ качествомъ тѣла.

Если мы обозначимъ черезъ k удѣльную теплоту тѣла (т. е. количество k теплоты нагрѣваетъ 1 фунтъ даннаго тѣла на 1°), черезъ p—вѣсъ тѣла въ фунтахъ, черезъ y_0—температуру тѣла до нагрѣванія, то по сообщеніи тѣлу количества x тепла его температура y будетъ опредѣляться формулой:

$$y = y_0 + \frac{x}{kp.}$$

Въ этой формулѣ x называютъ *независимой перемѣнной*, а y—*зависимой перемѣнной* или *функціей* отъ x. (Въ общемъ, если y есть какая-нибудь функція отъ x, то пишутъ $y = f(x)$, или $y = F(x)$, или $y = \varphi(x)$ и т. д.).

Подобно предыдущему, дѣйствующія при расширеніи совершенныхъ газовъ причинности изображаются формулой:

$$v = \frac{v_0 p_0}{p}(1 + \frac{1}{273} t),$$

въ которой v_0, p_0 суть объемъ и давленіе, соотвѣтствующіе темпера-

турѣ 0°, а v, p—объемъ и давленіе при t^0. Это такъ называемый законъ Гэй-Люссака въ связи съ закономъ Маріотта. Здѣсь v есть функція двухъ независимыхъ перемѣнныхъ p и t.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи безчисленныхъ типовъ математическихъ функцій, а ограничимся лишь ихъ главной классификаціей, которая приводитъ къ дѣленію всей математики на два громадныхъ отдѣла—*на математическій анализъ* и *аритмологію*.

Если независимое перемѣнное x измѣняется *непрерывно*, то зависимое перемѣнное y можетъ измѣняться или *непрерывно*, или же *прерывно* (скачкообразно). Въ первомъ случаѣ y называется *непрерывною функціей* отъ x, во второмъ—*прерывной функціей* отъ x.

Отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи перваго рода, называется *математическимъ анализомъ*; отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи второго рода, называется *аритмологіей*.

Функція, представляющая въ вышеприведенномъ примѣрѣ измѣненіе температуры тѣла, есть функція непрерывная, но существуютъ также функціи прерывныя. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить весьма детально изученная Бугаевымъ функція $y = E\varphi(x)$, имѣющая то значеніе, что y равняется *цѣлому* числовому значенію $\varphi(x)$ [1]. Для большей ясности мы разсмотримъ весьма простой случай, когда $\varphi(x)$ есть выраженіе $2x+3$, т. е. разсмотримъ функцію $y = E\ (2x+3)$, которая имѣетъ числовыя значенія, равныя цѣлымъ числамъ среди числовыхъ значеній $2x+3$. Если $x=0$, то $y=3$; если $x=0{,}5$, то $y=4$.

Если же x получаетъ какое-нибудь значеніе между 0 и 0,5, то y *неизмѣнно* остается при значеніи 3. Отсюда слѣдуетъ, что *непрерывному* измѣненію x между 0 и 0,5 соотвѣтствуетъ *постоянное* значеніе $y=3$, которое дѣлаетъ скачекъ на значеніе $y=4$, когда $x=0{,}5$. Такимъ же образомъ идетъ измѣненіе x и y дальше: x постоянно измѣняется непрерывно, а y при этомъ или остается неизмѣннымъ, или измѣняется скачками по цѣлымъ числамъ 4, 5, 6, 7 и т. д., соотвѣтствующимъ всѣмъ значеніямъ x въ промежуткахъ 0,5 и 1, 1 и 1,5, 1,5 и 2, 2 и 2,5, и т. д.

Подобное соотношеніе существуетъ въ области физіологическихъ

[1]) E обозначаетъ первую букву французскаго слова „entier". Теоріи функцій этого типа посвящены многія изслѣдованія Бугаева, напечатанныя въ различныхъ томахъ „Математическаго Сборника".

явленій между раздраженіемъ и ощущеніемъ: каждое ощущеніе (y) можетъ быть результатомъ весьма разнообразныхъ раздраженій, или одного раздраженія (x), мѣняющагося въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Функціи вида $y = E\varphi(x)$, въ которыхъ одно перемѣнное измѣняется непрерывно, а другое—прерывно, называются *полуаналитическими*. Но существуютъ также функціи, въ которыхъ оба перемѣнныхъ измѣняются прерывно. Послѣднія функціи суть *аритмологическія функціи* въ собственномъ смыслѣ; примѣрами такихъ функцій могутъ служить многочисленныя числовыя функціи, въ которыхъ и независимое перемѣнное, и сама функція могутъ имѣть лишь цѣлыя числовыя значенія, т. е. могутъ измѣняться скачками по цѣлымъ числамъ.

Гербартъ придавалъ громадное значеніе изученію извѣстныхъ въ то время немногихъ аритмологическихъ функцій, что видно, напримѣръ, изъ его статьи „Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung", гдѣ онъ подробно разсматриваетъ различныя числовыя функціи теоріи соединеній и теоріи фигурныхъ чиселъ [1]).

Теорія непрерывныхъ функцій, или математическій анализъ, заимствовала изъ понятія непрерывности и связаннаго съ нимъ понятія предѣловъ ея могущественный методъ безконечно-малыхъ величинъ или дифференціальное и интегральное исчисленія.

Этотъ отдѣлъ математики, благодаря работамъ геніальныхъ математиковъ послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтій, достигъ уже весьма высокой степени развитія. Аритмологія же вслѣдствіе гораздо большей сложности ея вопросовъ, касающихся весьма разнообразныхъ формъ прерывности, въ своемъ развитіи значительно отстала отъ анализа. Наиболѣе разработанною является та часть ея, которая трактуетъ о свойствахъ функцій цѣлыхъ чиселъ и которая называется теоріей чиселъ. Лишь послѣднее время аритмологія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и начинаетъ разсматривать вопросы болѣе общаго характера.

Кромѣ анализа и аритмологіи математика имѣетъ еще два значительныхъ отдѣла: геометрію и теорію вѣроятностей, къ которымъ вполнѣ примѣнимы методы анализа и аритмологіи. Геометрія обладаетъ также и самостоятельными методами. Теорія вѣроятностей или точная наука о *случайныхъ* явленіяхъ, напротивъ того, до сихъ поръ еще

---

[1]) Hartenstein'sche Ausgabe. Bd. XI, S. 112—116, 234—241. О значеніи соединеній на стр. 461 (Aphorismen zur Pädagogik).

не выработала самостоятельныхъ методовъ и ограничивается лишь примѣненіями методовъ анализа и аритмологіи.

Вполнѣ естественно то, что математическій анализъ, вслѣдствіе своего быстраго развитія, играетъ въ настоящее время господствующую роль среди различныхъ примѣненій математики. Съ его помощію развились механика, астрономія, физика и, наконецъ, новый отдѣлъ химіи—физическая химія или химическая энергетика. Въ этомъ и кроется, по мнѣнію Бугаева, причина того, что современныя систематизаціи явленій природы носятъ слѣдующіе слѣды непрерывныхъ функцій: 1) непрерывность явленій; 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ; 3) возможность понимать и оцѣнивать явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ; 4) возможность складывать элементарныя явленія въ одно цѣлое; 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени.

Эти характерныя черты аналитическихъ причинностей и составляютъ какъ разъ сущность современнаго научно-философскаго міровоззрѣнія. Онѣ явились какъ понятія, безусловно необходимыя для примѣненія *математическаго анализа* къ изученію природы.

Послѣ того какъ аналитическое міровоззрѣніе утвердилось въ основныхъ наукахъ о природѣ и сообщило послѣднимъ общность и универсальность, оно стало входить постепенно въ привычку людей науки и проникать въ біологію, психологію и даже соціологію. Попытка *Дарвина* установить законъ непрерывнаго происхожденія видовъ есть ничто другое, какъ слѣдствіе сдѣлавшагося обычнымъ въ наукѣ аналитическаго міровоззрѣнія.

Универсальность и *безусловная необходимость* или *фатальная неизбѣжность* суть характерныя черты аналитическихъ причинностей. Наоборотъ, *индивидуальность* и *свобода* сопутствуютъ аритмологической причинности, что особенно ясно видно на измѣненіи функціи $y = E\varphi(x)$ Бугаева.

Мы видѣли въ примѣрѣ $y = E(2x + 3)$, что каждому *индивидуально* стоящему значенію y (3, 4, 5 ...) соотвѣтствуютъ *свободно измѣняющіяся* въ предѣлахъ 0 и 0,5, 0,5 и 1, 1 и 1,5 значенія x.

Блестящія открытія въ физикѣ и астрономіи, полученныя въ послѣднія два, три столѣтія примѣненіемъ математическаго анализа, доказываютъ вполнѣ ясно то, что физическія и астрономическія явленія носятъ характеръ универсальности и фатальной неизбѣжности, иначе

они не помѣстились бы въ рамки непрерывныхъ функцій, въ схемы математическаго анализа.

Остальныя явленія, разсматриваемыя въ наукахъ химіи, біологіи, психологіи и соціологіи, требують уже преимущественнаго примѣненія методовъ аритмологіи, такъ какъ въ нихъ замѣтна роль индивидуальности и свободы. Конечно, совсѣмъ нѣтъ основанія навязывать этой категоріи явленій понятія универсальности и фатальной неизбѣжности, необходимыхъ лишь для примѣненій анализа и непригодныхъ для методовъ аритмологіи. Къ сожалѣнію, исторія развитія химіи, наукъ біологическихъ и соціальныхъ даетъ много примѣровъ навязыванія этимъ наукамъ, наперекоръ дѣйствительности, чуждыхъ имъ понятій непрерывныхъ причинностей. Это удалось мнѣ особенно ясно показать относительно химіи.

Въ цѣломъ рядѣ работъ, особенно же подробно въ ранѣе указанной статьѣ въ Журналѣ русск. Физ.-Хим. Общества, доказано мною, что химическія изслѣдованія, несмотря на старанія знаменитаго французскаго химика Бертолле ихъ механизировать и вдвинуть въ схемы математическаго анализа, сами собою выбились на путь аритмологическій и такимъ образомъ обнаружили прерывный характеръ химическихъ причинностей.

Просматривая труды Гербарта по метафизикѣ, я недавно нашелъ и у него (Hartenstein'sche Ausgabe, Bd. II. S. 468—473) довольно пространную критику изслѣдованій Бертолле, основанную на идеѣ о прерывности. Это обстоятельство навело меня на мысль о значеніи указанной идеи для всего гербартовскаго направленія, и дальнѣйшее изученіе трудовъ Гербарта подтвердило мнѣ справедливость этой мысли относительно всей философіи Гербарта, за исключеніемъ его психологіи.

Съ этой точки зрѣнія геній Гербарта почти сто лѣтъ тому назадъ прозрѣлъ, что воззрѣнія Бертолле чужды характеру химическихъ явленій, и позднѣйшее развитіе химіи вполнѣ оправдало мысли Гербарта. Именно теорія соединеній, которой Гербартъ приписывалъ столь большое значеніе въ дѣлѣ обученія, въ ея дальнѣйшемъ развитіи въ формѣ атомистической структурной теоріи обусловила быстрое блестящее развитіе химіи за послѣднія 30 лѣтъ.

Однако самъ Гербартъ въ своихъ математико-психологическихъ изслѣдованіяхъ отступилъ отъ общей идеи своей философіи и сдѣлалъ ошибку, подобную ошибкѣ Бертолле: онъ попытался примѣнить къ изслѣдованію психическихъ процессовъ методы *математическаго*

анализа, вслѣдствіе чего ему пришлось навязать всѣмъ психическимъ процессамъ излишнюю механичность, впасть въ несвойственный его философіи матеріализмъ. Эти изслѣдованія Гербарта вполнѣ вѣрны лишь для низшихъ психическихъ явленій, какъ показываютъ изслѣдованія Штрюмпеля, высшіе же процессы требуютъ методовъ теоріи соединеній или вообще аритмологическихъ пріемовъ, такъ какъ въ направленіи механико-аналитическомъ ни Гербарту, ни его послѣдователю Дробишу изучить ихъ не удалось. Въ нѣкоторомъ отношеніи математическую психологію Гербарта можно уподобить, по ея въ общемъ громадному значенію для психологіи, элементарной геометріи Эвклида, которая хотя и имѣетъ колосальное значеніе для всѣхъ геометрическихъ изысканій, однако ея принципы пришлось расширить и дополнить при изученіи высшихъ геометрическихъ вопросовъ, и такимъ образомъ появились новые отдѣлы геометріи: аналитическая геометрія, геометрія безконечно-малыхъ величинъ, высшая геометрія, числовая геометрія и, наконецъ, неэвклидова геометрія или воображаемая геометрія Лобачевскаго. Если сравнительно простые геометрическіе вопросы потребовали столь много научныхъ системъ для ихъ изслѣдованія, то безъ всякаго сомнѣнія область психическихъ явленій не можетъ быть сполна изучена математическими методами Гербарта, тѣмъ болѣе что послѣдніе носятъ черезчуръ механическій характеръ. Это понялъ 23-лѣтній ученикъ Гербарта—Штрюмпель и сталъ стремиться дополнить математическую психологію своего учителя извѣстными уже намъ новыми принципами немеханическаго характера.

Если даже химическіе атомы для изслѣдованія ихъ свойствъ потребовали аритмологическихъ методовъ, допускающихъ проявленіе свободы и индивидуальности изучаемыхъ элементовъ, то безспорно подлежатъ изслѣдованію по схемамъ аритмологіи свойства и взаимоотношенія элементовъ біологическихъ и соціальныхъ, обладающихъ еще болѣе сложными индивидуальными свойствами и несомнѣнными началами свободы.

Знаменитая теорія Дарвина въ *дальнѣйшихъ* своихъ примѣненіяхъ служитъ прекраснымъ примѣромъ навязыванія міру живыхъ существъ неисчерпывающей всѣхъ его свойствъ непрерывной закономѣрности. И дѣйствительно, въ настоящее время въ біологіи вырабатываются уже аритмологическія теоріи—*мутаціонная теорія де-Вриза* и *теорія гетерогенезиса* покойнаго академика *Коржинскаго*. Все это было уже четверть вѣка тому назадъ категорически предсказано *Тэйхмюллеромъ*

при помощи спекулятивныхъ соображеній, отчасти математическаго характера, въ его знаменитой критикѣ дарвинизма [1]).

Что касается соціологіи, то здѣсь много заблужденій и много совершенно превратныхъ воззрѣній на все человѣческое существованіе внесъ *кетлеизмъ*, происшедшій изъ неправильныхъ постулатовъ „соціальной физики" знаменитаго бельгійскаго астронома и соціолога *Кетле*.

Само названіе „соціальная физика" характеризуетъ сполна заблужденія, созданныя кетлеизмомъ. Попытка навязать соціальнымъ явленіямъ при ихъ изслѣдованіи шаблоны физическихъ причинностей, со свойственною послѣднимъ непрерывною закономѣрностію и фатальною неизбѣжностью, создала столько печальныхъ заблужденій, которыя уже болѣе полустолѣтія тяготѣютъ надъ интеллигентными классами. Эти заблужденія произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе отрицанія свободы воли и свободы дѣйствія человѣка и подчиненія послѣдняго фатальной необходимости.

Александръ *ф.-Эттингенъ* основательно возражалъ на неправильныя допущенія кетлеизма въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Moralstatistik" [2]). Н. В. Бугаевъ показалъ приведенными выше вкратцѣ философско-математическими изслѣдованіями, что понятіе свободы не исключается математическимъ детерминизмомъ, если въ послѣднемъ приняты въ разсчетъ аритмологическія функціи.

П. А. Некрасовъ совершенно разрушилъ эти заблужденія, доказавъ строго математически, что свобода воли человѣка не только совмѣстима съ грандіозною закономѣрностію соціальныхъ явленій, но есть даже conditio sine qua non существованія этой закономѣрности. Это замѣчательное предложеніе П. А. Некрасовъ получилъ, какъ прямое слѣдствіе изъ *главнаго условія* теоремы Чебышева о средне-ариѳметической нѣсколькихъ величинъ: „Случайныя массовыя событія должны быть *независимыми* другъ отъ друга; только въ этомъ случаѣ примѣненіе средне-ариѳметической даетъ вѣрные результаты, въ противномъ же случаѣ—никогда".

Такъ какъ результаты примѣненія средне-ариѳметической къ явленіямъ соціальнымъ дали правильныя, повторяющіяся изъ года въ годъ числа, то надо признать, что въ человѣческой дѣятельности имѣется

[1]) Darwinismus und Philosophie. Dorpat. 1877.

[2]) Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialethik. 3. Auflage. 732+CLII стр. Erlangen. 1882.

такой факторъ, который раціонально изолируетъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Для поясненія этого разсмотримъ слѣдующій наглядный примѣръ.

Если въ какомъ-нибудь большомъ городѣ число пожаровъ отдѣльныхъ домовъ повторяется изъ года въ годъ лишь съ небольшими отклоненіями, то на основаніи главнаго условія теоремы Чебышева мы можемъ утверждать, что городъ имѣетъ раціонально организованную изоляцію (брандмауэрами, значительными разстояніями, хорошими пожарными средствами и т. д.), т. е. что пожаръ одного дома есть случайное явленіе, независимое отъ пожара сосѣдняго дома.

Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ методовъ теоріи вѣроятностей—аритмологическій методъ среднихъ величинъ примѣнимъ только въ томъ случаѣ, когда случайныя событія соціальной жизни матеріально разграничены, индивидуализированы, а ихъ связь остается лишь внѣ нашего чувственнаго міра, связь метафизическая, однако вполнѣ закономѣрная, такъ какъ она поддается точному изслѣдованію при помощи теоріи вѣроятностей. Эта связь *раціональная*, потому что она, какъ мы видимъ, познается при помощи теоріи вѣроятности, которая, по словамъ *Лапласа*, „есть ничто другое, какъ здравый смыслъ переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не отдавая себѣ сознательнаго отчета“. Слѣдовательно, случайныя явленія въ соціальной жизни людей, кажущіяся на первый взглядъ неподчиненными никакому закону, при ближайшемъ разсмотрѣніи обладаютъ закономѣрностью, но закономѣрностью совсѣмъ особаго характера, не основанною на законѣ причинности, а покоющеюся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ ограниченному уму человѣка абсолютнымъ Интеллектомъ.

Несмотря на то, что эти новыя формы причинностей, проявляемыхъ духовною жизнью людей, подлежатъ аритмологическимъ и даже аналитическимъ методамъ изслѣдованія, для нихъ будутъ несомнѣнно выработаны спеціальные вѣроятностные методы, которые дадутъ возможность еще глубже проникнуть въ ихъ таинственныя свойства.

Современная теорія вѣроятностей убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые наиболѣе простые случаи этихъ формъ причинностей мыслимы математически. Въ геометріи тоже имѣются спеціальные вопросы, которые не поддаются рѣшенію съ помощью аналитическихъ и аритмологическихъ методовъ, а требуютъ особыхъ чисто геометрическихъ пріемовъ изслѣдованія.

Наши предыдущія изслѣдованія приводятъ насъ къ тому заключенію, что всего существуетъ *три главныхъ класса* математическихъ причинностей: 1) *аналитическія* или *непрерывныя*, 2) *аритмологическія* или *прерывныя* и 3) *вѣроятностныя* или *свободныя причинности съ характеромъ телеологическимъ.*

Дабы избѣжать вредной односторонности въ научныхъ изслѣдованіяхъ явленій физическихъ и духовныхъ, необходимо имѣть въ виду всѣ эти три главныхъ класса математически мыслимыхъ причинностей. Съ такой точки зрѣнія сложнѣйшія въ мірѣ процессы—жизненные процессы человѣка могутъ быть представлены безъ противорѣчій слѣдующей схемой.

Уже физіологическія процессы человѣка должны подлежать дѣйствію весьма разнообразныхъ аритмологическихъ причинностей, такъ какъ даже химическіе процессы, какъ мы показали выше, носятъ аритмологическій характеръ. Факторы внѣшняго міра могутъ дѣйствовать на физіологическій механизмъ человѣка только въ томъ смыслѣ, что послѣдній въ извѣстные моменты принужденъ совершать вполнѣ опредѣленныя движенія, въ другіе же промежутки времени, повторяющіеся даже весьма часто, направленіе движенія можетъ быть неопредѣленнымъ—или въ одну сторону, или въ другую, или въ третью и т. д., при томъ *безъ малѣйшаго нарушенія физическихъ законовъ.* Такія причинныя соотношенія съ *извѣстной долей свободы* знакомы намъ изъ разсмотрѣнія функціи y=E (2x+3).

Подобное представленіе свободныхъ явленій міра, хотя въ довольно примитивной и неясной формѣ, мы находимъ у Гербарта въ его предисловіи ко 2-му тому метафизики: „Повсюду (въ его метафизикѣ) будетъ обнаруживаться, что объясненіе *міра явленій* подобно разрѣшенію уравненія съ помощью ихъ невозможныхъ корней, которые, хотя и невозможны, однако должны быть точно и вѣрно опредѣлены, дабы вычисленіе пунктуально достигло его цѣли".

Въ вышеуказанныхъ критическихъ промежуткахъ времени, въ которыхъ направленіе движущагося подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ физіологическаго механизма остается неопредѣленнымъ, это направленіе выбирается взвѣшиваніемъ цѣлей, т. е. чисто духовной работой души и безъ примѣненія матеріальной энергіи. Здѣсь жизненный процессъ протекаетъ, слѣдовательно, въ томъ или другомъ направленіи подъ дѣйствіемъ причинностей вѣроятностныхъ.

Означенные критическіе моменты въ движеніи физіологическаго механизма, которые столь благопріятны для свободнаго дѣйствія че-

ловѣка, могутъ быть весьма часты, если организація индивидуума достигаетъ сравнительно высокой степени развитія, и весьма рѣдки, если индивидуумъ находится на низшей ступени развитія организма или если онъ обладаетъ различными тѣлесными недостатками.

Эти разсужденія приводятъ насъ прямо къ первой группѣ педагогическихъ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля:

1. *Группа недостатковъ, проистекающихъ изъ преобладанія тѣлесныхъ вліяній надъ психическими процессами.*

Наши предыдущія изслѣдованія вполнѣ выясняютъ, какое „преобладаніе тѣлесныхъ вліяній на психическіе процессы" имѣется въ виду въ этой формулировкѣ Штрюмпеля. Низкое качество связи матеріальныхъ элементовъ живого организма, съ преобладаніемъ физическихъ, т. е. непрерывныхъ причинностей, похищаетъ у организма свободу проявленія его психическихъ свойствъ, давитъ его духовную самостоятельность и самодѣятельность и заставляетъ его быть игрушкой суровой физической природы. Такое именно „преобладаніе" вліяній мертвой природы надъ психическими процессами въ живомъ организмѣ характеризуетъ первую штрюмпелевскую группу недостатковъ.

Въ своей „Die pädagogische Pathologie" (S. 201) Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе виды относящихся сюда недостатковъ дѣтей, съ которыми приходится считаться при обученіи и воспитаніи:

Изнѣженность, вялость, недостатокъ тѣлесной подвижности, любовь къ удобству, инертность, лѣность.—Застѣнчивость, наклонность къ плачу, къ испугу, къ боязни, слабость—въ смыслѣ большой чувствительности и чрезмѣрной раздражимости, вообще многія проявленія такъ называемой нервозности, которая уже у дѣтей бываетъ нерѣдко.—Недостатокъ чувствительности по отношенію внѣшнихъ вліяній какъ толчокъ, давленіе; нечистоплотность (Unreinlichkeit) именно въ отношеніи Secretionsorgane.—Лакомство, вообще наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, половыя заблужденія.—Вспыльчивость, кипятливость (sich leicht ereiferndes, aufbrausendes Wesen), наклонность сердиться, наклонность вдругъ разсердиться, частое удрученное состояніе и упадокъ духа, чрезмѣрная рѣзкость въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, слишкомъ неспокойное поведеніе, т. е. не быть въ состояніи смирно сидѣть или стоять, спокойно держать руки, пальцы и т. д., распущенность, смѣхъ не во время, неудержимая веселость.—Своеволіе съ шумными движеніями, съ крикомъ и плачемъ.—Недостатокъ или совершенное отсутствіе сочувствія печалямъ, страданіямъ, радостямъ другихъ.—Холодность (Empfindungskälte), наклонность къ

жестокости, вообще грубость въ различныхъ видахъ.—Часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Къ этой же группѣ Штрюмпель относитъ принадлежащіе болѣе медицинской патологіи недостатки: *истерическія явленія*, *идіотическія состоянія* и въ особенности всѣ случающіеся также въ дѣтскомъ возрастѣ *психозы*.

„Изъ самой сущности предположеннаго источника этихъ недостатковъ“, говоритъ Штрюмпель, „слѣдуетъ то, что обыкновенные недостатки этой группы должны быть отнесены къ различіямъ *тѣлесной конституціи*, прирожденнаго—des Naturells (также темперамента, если о немъ можетъ быть рѣчь относительно дѣтей), также аффектовъ, наклонностей, инстинктивныхъ стремленій (Triebe), чувственныхъ стремленій, страстей, задержекъ и ускоренностей движеній, вообще они должны быть отнесены также къ различіямъ въ состояніи тѣлеснаго здоровья. Здѣсь находитъ себѣ дѣйствительное оправданіе изреченіе „mens sana in corpore sano“, которое выражаетъ не цѣль педагогики, но существенное условіе, при которомъ воспитаніе можетъ надѣяться достигнуть своихъ видовъ и цѣлей наиболѣе надежнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого съ означенными недостатками должно имѣть дѣло, наиболѣе и главнымъ образомъ при сообщеніи тѣлу силы и при укрѣпляющемъ тѣло и душу *управленіи* (Regierung) ребенкомъ“.

Въ полномъ согласіи съ этими принципами Штрюмпеля находятся педагогическія воззрѣнія Бугаева, которыя были высказаны послѣднимъ въ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію средней школы [1]) и которыя суть прямые и послѣдовательно продуманные выводы изъ философско-аритмологическихъ изслѣдованій покойнаго математика. Въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ Бугаевъ является горячимъ поборникомъ того, чтобы школа озаботилась воспитаніемъ и развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, потому что ощущенія даютъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ, а, слѣдовательно, и нашимъ понятіямъ и сужденіямъ. Для развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ прежде всего требуется гигіеническій уходъ за ихъ отправленіемъ, а затѣмъ—упражненіе этихъ органовъ при помощи изученія такихъ предметовъ, гдѣ приходится прибѣгать къ наблюденію дѣйствительности, природы, дѣлать описанія, сравненія,

[1]) Труды этой комиссіи въ настоящее время напечатаны. Нѣкоторыя цитаты словъ Бугаева имѣются въ моемъ сочиненіи: Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьевъ 1905.

гдѣ имѣются формы и краски. Даже общими мускульными упражненіями нельзя пренебрегать, такъ какъ они способствуютъ правильному развитію всего организма вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ въ частности.

„Здоровье, внѣшнія чувства и эмоціи, правильно развитыя воспитаніемъ и наблюденіемъ", говоритъ Бугаевъ, „это та черноземная почва, на которой покоятся и самыя дарованія и великіе таланты".

„Только на почвѣ правильно развитыхъ внѣшнихъ чувствъ можетъ сформироваться и большой здравый смыслъ—элементъ, столь необходимый для всякой личной и общественной жизни".

„Повторяю, плохо развитыя внѣшнія чувства ослабляютъ содержаніе и силу интеллектуальныхъ проявленій человѣка".

„Мало того, они притупляютъ и развитіе многихъ эмоцій, и въ особенности одной наиболѣе важной эмоціи—эстетической. Недаромъ говорятъ нѣкоторые художники, что искусство есть мышленіе въ образахъ".

„Какъ же правильно развиться эстетическому чувству, если за мышленіемъ или вовсе не стоитъ, или стоитъ блѣдный и безсодержательный образъ".

Продолжимъ наши изслѣдованія о дѣятельности человѣческаго организма и разсмотримъ форму связи физіологическаго механизма съ душою. Послѣдняя, по Гербарту, есть *существо реальное* и въ соединеніи съ тѣлеснымъ механизмомъ она даетъ новый подвижной механизмъ, который Штрюмпель называетъ *психическимъ механизмомъ*; это есть ничто другое, какъ комплексъ представленій, образуемыхъ въ душѣ физіологическими процессами.

Низкое качество соединеній въ этомъ механизмѣ обусловливаетъ вторую группу недостатковъ по классификаціи Штрюмпеля:

2. *Группа недостатковъ, обусловливаемая нарушеніями равновѣсія* (Störungen und Alterationen) *и дефектами, которые появляются въ психическомъ механизмѣ изъ внутреннихъ основаній.*

Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе педагогическіе недостатки, относящіеся къ этой группѣ:

Затрудненное и недостаточное удержаніе видѣннаго, слышаннаго, вообще воспринятаго внѣшними чувствами, трудное и медленное заучиваніе наизусть. Затрудненное и медленное воспоминаніе, частое появленіе неправильной репродукціи, частое смѣшиваніе одного съ другимъ въ актѣ представленія, слабая, ограниченная и медленная репродукція, хотя быстрое схватываніе и удержаніе представленій, но и быстрое

забываніе, и другіе, такъ называемые, недостатки памяти.—Слишкомъ быстрое теченіе представленій и скачкообразные переходы однихъ въ другія. Безсмысленная (ausschweifende) фантазія, наклонность къ фантазмамъ (Phantasmen), съ чѣмъ родственны смѣшные и между ними также возбуждающіе юморъ поступки дѣтей.—Невнимательность въ первичномъ смыслѣ, т. е. слабое и недостаточное увеличеніе дѣятельности представленія и отсюда же, такъ сказать, безпросвѣтность представленнаго, поверхностное отношеніе при смотрѣніи и слушаніи, вообще поверхностное разсмотрѣніе и наблюденіе.—Болтливость, наклонность вмѣшиваться въ разговоры (Naseweisheit). Наклонность къ разсѣянности, при чемъ представленія блуждаютъ безъ опредѣленныхъ мотивовъ, забывчивость, перебѣганіе съ одного на другое (Flüchtigkeit) вслѣдствіе недостаточнаго углубленія въ представленіе.—Недостатокъ фантазіи среди представленій воспоминанія, т. е. трудность представить отсутствующее, недостатокъ фантазіи пространства, времени, чиселъ и ритма, неправильное или недостаточное чувство порядка какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Затрудненное и медленное пониманіе обыденной рѣчи вслѣдствіе недостаточнаго воспріятія (Perception) или недостаточнаго усвоенія (Apperception).—Затрудненное и медленное пониманіе грамматической и логической связи представленій, т. е. трудное образованіе понятій.—Недостатокъ воспріимчивости для новыхъ представленій, отсутствіе интереса къ чему-нибудь, отсутствіе концентраціи актовъ представленій, выходящихъ изъ предѣловъ самыхъ обыкновенныхъ, т. е. отвердѣніе представленнаго безъ перехода въ стремленіе (интересъ), отвращеніе къ духовной работѣ, лѣность въ мышленіи.—Безпомощность даже въ самыхъ обыкновенныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, неловкость при отсутствіи всякаго тѣлеснаго недостатка.—Нерѣшимость, блужданія безмотивныхъ представленій уже во время появленія желанія. Недостатокъ памяти въ желаніяхъ. Капризы (Launenhaftigkeit) вслѣдствіе слишкомъ большого или слишкомъ продолжительнаго возбужденія при кажущейся обидѣ или отказѣ въ чемъ-нибудь.—Другая часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы можно раздѣлить, по моему мнѣнію, на двѣ подгруппы: къ первой подгруппѣ принадлежатъ недостатки, характеризуемые слабостью напряженія представленія, т. е. недостаточностью ихъ интенсивности; ко второй подгруппѣ слѣдуетъ отнести недостатки, характеризуемые низкимъ качествомъ *аритмологическихъ* связей, которыя господствуютъ во взаимныхъ соединеніяхъ предста-

вленій, т. е. низкимъ качествомъ такого рода, что движенія представленій при переходѣ ихъ въ стремленіе обладаютъ слишкомъ малой степенью свободы для того, чтобы имѣть возможность подчиниться внутреннимъ качествамъ души съ ихъ вѣроятностными причинностями. Это подраздѣленіе на двѣ подгруппы можно усмотрѣть и у Штрюмпеля въ слѣдующихъ его словахъ:

„Недостатки этой группы лежатъ, такимъ образомъ, преимущественно въ *жизни представленій* дитяти и въ ея недостаточной конституціи,—недостаточной для образованія логическихъ причинностей и для необходимыхъ сочетаній ихъ съ переходящими въ стремленіе и желаніе представленій. Поэтому они принимаются во вниманіе, насколько они имѣются налицо, для выясненія и оцѣнки такъ называемыхъ интеллектуальныхъ способностей въ предѣлахъ между малопонятностью, ограниченностью, полною тупостью и талантомъ, геніемъ. Вслѣдствіе этихъ основаній съ означенными ошибками приходится имѣть дѣло преимущественно при *обученіи* (Unterricht)".

При воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на представленія, переходящія въ стремленіе и желанія, могутъ возникнуть недостатки, составляющіе третью группу классификаціи Штрюмпеля:

3. *Группа недостатковъ, происходящихъ изъ неправильныхъ соотношеній между психическимъ механизмомъ и свободными причинностями, равно какъ и изъ дефектовъ послѣднихъ.*

Вѣроятностныя причинности свободны, независимы отъ условій внѣшняго чувственнаго міра, какъ это мы видѣли изъ предложенія Чебышева-Некрасова, однако ихъ дѣйствія вполнѣ закономѣрны и подлежатъ точнымъ математическимъ изслѣдованіямъ теоріи вѣроятностей. Эти дѣйствія не имѣютъ характера абсолютной необходимости причинностей физическихъ, они имѣютъ характеръ *понужденій, мѣрныхъ вліяній* [1]), хотя часто при благопріятныхъ условіяхъ вліяніе можетъ перейти въ необходимость. Здѣсь такимъ образомъ имѣетъ мѣсто главная задача воспитанія — создать и закрѣпить означенныя *благопріятныя условія* при воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на теченіе представленій и черезъ это на *желанія* и *дѣйствія* воспитанника. Эти наши соображенія дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ то, какъ осуществляется „понятіе о способности къ образованію (Bildsamkeit),

[1]) О понятіи *мѣры* и *направленія* такихъ вліяній читатель можетъ найти въ моей статьѣ: Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. 2-е изд. стр. 29. Юрьевъ. 1901.

которая есть переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству" (Herbart's Umriss der pädagogischen Vorlesungen. Einleitung § 3).

Возможность такого перехода отъ вѣроятностей и случайностей къ достовѣрностямъ и законностямъ при операціяхъ съ вѣроятностными причинностями доказывается многочисленными изслѣдованіями теоріи вѣроятностей и ея разнообразными приложеніями къ соціальнымъ явленіямъ. Нѣчто подобное имѣется также въ теоріи мнимыхъ количествъ, играющихъ столь важную роль въ изслѣдованіяхъ современной математики: здѣсь оперируютъ съ различными мнимыми количествами, а въ результатѣ получаются вполнѣ реальныя величины.

Родственность вѣроятностныхъ причинностей со способностями сужденія или, по терминологіи Штрюмпеля, со свободно дѣйствующими причинностями вполнѣ устанавливается вышеприведенными словами Лапласа: „Теорія вѣроятностей въ сущности есть ничто иное, какъ здравый смыслъ, переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не давая себѣ сознательнаго отчета".

Штрюмпель различаетъ пять видовъ свободно дѣйствующихъ причинностей: 1) *Причинность душевныхъ чувствованій* (die Kausalität des Gefühlslebens der Seele), которая вызываетъ образы благоденствія и страданія, счастливаго и несчастнаго бытія; 2) *логическая причинность* (die logische Kausalität), которая обусловливаетъ своею дѣятельностью пониманіе и разумъ (Verstand u. Vernunft); 3) *эстетическая причинность* (die ästhetische Kausalität), которая обусловливаетъ пониманіе и расположеніе къ *вѣчно-прекрасному* (ewig Schönes); 4) *причинность совѣсти* (die Kausalität des Gewissens), которая приводитъ къ сознанію *вѣчно-нравственныхъ истинъ* (ewig sittliche Wahrheiten); 5) *причинность самоопредѣленія или свободы воли* (die Kausalität der Selbstbestimmung oder der Willensfreiheit), которая дѣлаетъ возможнымъ то, что опредѣленное другими причинностями общее сознаніе обратилось бы въ самостоятельную, стремящуюся къ совершенству личность.

Вышеприведенныя слова Лапласа устанавливаютъ тожество разсматриваемыхъ въ теоріи вѣроятностей причинностей съ формами логической причинности Штрюмпеля. Возможно ли и другія свободно дѣйствующія причинности Штрюмпеля сполна вдвинуть въ шаблоны вѣроятностныхъ причинностей, въ этомъ при настоящемъ состояніи теоріи вѣроятностей приходится сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе и тѣ, и другія обладаютъ значительнымъ родствомъ, такъ какъ соціальныя

явленія, въ которыхъ дѣйствуютъ, конечно, всѣ виды свободныхъ причинностей души человѣка, подлежатъ изслѣдованіямъ методами теоріи вѣроятностей. Весьма возможно также, что теорія вѣроятностей при ея дальнѣйшемъ развитіи выработаетъ новые виды своихъ причинностей, которые будутъ болѣе родственны другимъ свободно дѣйствующимъ причинностямъ Штрюмпеля, чѣмъ ея современныя.

Общее свойство всѣхъ свободно дѣйствующихъ причинностей Штрюмпеля есть несомнѣнно *цѣлесообразность* ихъ дѣйствій. Даже у эстетической причинности нельзя не признать этого свойства, хотя цѣли прекраснаго часто бываютъ столь далеки нашему сознанію. „Красота", говоритъ Кантъ, „есть форма цѣлесообразности нѣкотораго предмета, на сколько она воспринимается на послѣднемъ безъ представленія самой цѣли" [1]).

О родственномъ отношеніи между различными формами свободныхъ причинностей и о громадномъ значеніи для человѣческихъ желаній и дѣйствій эстетической причинности высказалъ Бугаевъ въ вышеупомянутой коммиссіи весьма важныя мнѣнія, которыя стоятъ весьма близко къ гербартовскимъ воззрѣніямъ „объ эстетическомъ изображеніи міра. какъ главномъ занятіи воспитанія".

„Правильное развитіе эстетической эмоціи нужно не одному писателю и художнику; оно необходимо и ученому. Умственныя операціи пріобрѣтаютъ особую силу, когда онѣ сопровождаются стройностью и художественностью изложенія. Ученому необходимо не только доказывать, но и убѣждать".

„Мы въ значительной степени замѣчаемъ упадокъ эстетическихъ эмоцій и на литературномъ стилѣ теперешнихъ писателей и на нашемъ неуваженіи къ родному языку. Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ".

„Какъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи отъ Пушкина и Лермонтова. Конечно, не вся вина въ этомъ лежитъ на одномъ утилитарномъ направленіи нашего общества. Значительная часть вины въ этомъ падаетъ на нашу школу, которая въ погонѣ за формами разныхъ языковъ позабыла то, что придаетъ особенную силу, конкретность, гармонію и художественную красоту рѣчи".

„Эстетическія эмоціи нужны для облагороженія человѣка и для

---

[1]) „Schönheit ist Form der Zweckmässigkeit eines Gegenstandes insofern sie ohne Vorstellung eines Zweckes an ihm wahrgenommen wird".

внесенія идеальнаго элемента въ наше общежитіе. Онѣ необходимы также для правильнаго проявленія воли".

„Идеи цѣлесообразности и активности лежатъ въ тѣсной связи съ эстетическими чувствами гармоніи, соотвѣтствія и свободнаго художественнаго творчества".

„Не должно въ школѣ все направлять такъ, чтобы въ учащемся развивались только одни пассивныя добродѣтели и таланты. Не одно пассивное знаніе имѣетъ значеніе. Для человѣка необходимо, чтобы знаніе было дѣятельно, чтобы оно могло приспособляться къ проявленію активной стороны человѣка".

„Знаніе должно служить на пользу окружающей среды, должно возбуждать волю къ дальнѣйшему самостоятельному и самодѣятельному развитію. Гдѣ нѣтъ активности, тамъ нѣтъ и творчества. Творчество же играетъ великую роль въ жизни каждаго общества".

„Настоящая школа, воспитывая и отдавая предпочтеніе пассивной сторонѣ духа надъ активной, какъ бы обнаруживаетъ сочувствіе буддійской нравственности".

„Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы человѣкъ свободно, самодѣятельно и самостоятельно стремился къ совершенствованію себя и другихъ".

Эти слова покойнаго математика приведены мною съ тою цѣлью, чтобы показать его глубоко продуманное мнѣніе о взаимномъ отношеніи свободныхъ причинностей человѣческой души и такимъ образомъ оправдать для послѣднихъ названіе вѣроятностныхъ, которое при современномъ состояніи теоріи вѣроятностей, строго говоря, можно приписать лишь логическимъ причинностямъ.

Теперь мы перейдемъ къ третьей группѣ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля, которая была уже указана нами выше и теперь послѣ выясненія характера свободно дѣйствующихъ причинностей будетъ намъ болѣе понятною.

Недостатки этой группы проистекаютъ изъ низкаго качества новаго механизма, который, говоря кратко, занятъ *вычисленіемъ вѣроятностей*, взвѣшиваніемъ цѣлей, и который сообразно своимъ вычисленіямъ сообщаетъ психическому и физіологическому механизму движеніе въ томъ или другомъ направленіи. Этому новому механизму можно дать названіе *телеологическаго* или *цѣлеполагающаго механизма*.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на одно мѣсто въ сочиненіи Штрюмпеля „Psychologische Pädagogik" (S. 75), могущее повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

„Не незначительная часть", говоритъ Штрюмпель, „прекраснаго, особенно все то, что связано съ однимъ развивающимся по величинѣ представленіемъ и что спеціально подходитъ подъ названіе *высоко выдающагося* (das Erhabene), дѣйствуетъ *поднимающимъ образомъ* (erhebend), т. е. освобождаетъ изъ-подъ давленія механизма и открываетъ сознаніе неограниченнаго и безконечнаго". Собственно говоря здѣсь не должно быть рѣчи объ освобожденіи „изъ-подъ давленія механизма", такъ какъ душа не обладаетъ матеріальными силами; она можетъ лишь дѣйствовать въ томъ смыслѣ, что свобода аритмологическихъ связей въ психическомъ механизмѣ будетъ правильно использована для цѣлей ея свободныхъ причинностей, при чемъ принципъ сохраненія матеріальной энергіи не долженъ нарушаться. Правильное и цѣлесообразное направленіе въ психическомъ механизмѣ регулируется чувствомъ работы, какъ Бугаевъ въ своей статьѣ „О свободѣ воли" [1]) говоритъ: „Чувство работы имѣетъ высокое практическое значеніе. Оно присутствіемъ своимъ указываетъ, въ какой мѣрѣ мы руководимся реальными мотивами, способными къ осуществленію, а не побужденіями фиктивными и несообразными. Оно ослабленіемъ своимъ указываетъ, что воля дѣйствуетъ въ направленіи цѣлесообразномъ и вѣрномъ".

Наши предыдущія разсмотрѣнія и интерпретаціи достаточно разъясняютъ намъ характеръ недостатковъ третьей группы, состоящихъ въ различныхъ неправильностяхъ такъ сказать вычислительнаго аппарата для цѣлей движенія физіологическаго и психическаго механизмовъ. Такимъ образомъ намъ станутъ понятнымъ и отдѣльные виды этихъ недостатковъ, перечисляемые Штрюмпелемъ въ его педагогической патологіи:

Неуживчивость въ обращеніи съ другими (Unverträglichkeit), наклонность считать себя всегда правымъ (Rechthaberei), наклонность къ ссорѣ, духъ противорѣчія. — Недостатокъ откровенности, замкнутость.—Лесть, ханжество, наклонность вводить въ заблужденіе, лживость.—Наклонность критиковать, обвинять, подводить подъ подозрѣніе, оклеветать.—Исканіе во всемъ собственной пользы, выгоды, обманъ, воровство.—Своеволіе (Eigensinn), непослушаніе, неповиновеніе, упорство, Hartnäckigkeit, упрямство, Verstockheit. — Нескромность, наклонность мнить въ себѣ какое-нибудь высокое качество (Eitelkeit, Eigendünkel), хвастливость, величавое отношеніе къ слабѣй-

---

[1]) Труды Московскаго Психологическаго Общества. Вып. III, 1889.

шимъ, гордость.—Завнсть, радость потерямъ другихъ, месть, злостность (Bosheit).—Нелюбезность, неблагодарность.—Невѣжливое, рѣзкое, оскорбительное поведеніе, отсутствіе чувства приличія (Schicklichkeitssinn), чувства права, чувства чести, сознанія долга.—Слабость воли въ отношеніи выполненія намѣченнаго, недостатокъ въ постоянствѣ желанія, непослѣдовательность въ желаніи и въ отношеніи между желаніемъ и дѣйствіемъ.—Недостатокъ эстетическихъ чувствъ, вообще ограниченное или неправильное понятіе о прекрасномъ.—Недостатокъ чувствъ благожелательныхъ или ведущихъ къ отказу себѣ въ чемъ-нибудь или къ самопожертвованію, вообще недостатокъ чувствъ спеціально нравственныхъ.—Недостатокъ возбудимости къ религіозному настроенію.—Третья часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы по самому ихъ характеру подлежатъ исправленію главнымъ образомъ при помощи *воспитанія*, что видно также изъ слѣдующихъ словъ Штрюмпеля.

„Недостатки этой группы приходятся главнымъ образомъ на счетъ образованія чувствованій и характера, вообще на счетъ оформливанія сознанія въ видѣ опредѣленной личности. Рядомъ съ управленіемъ и обученіемъ вслѣдствіе этого, находитъ себѣ и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ существенную задачу въ томъ, чтобы, соединившись съ патологіей и совмѣстно съ обученіемъ, поддержать свое положительное вліяніе на развитіе всего лучшаго въ ребенкѣ, и все это въ концѣ концовъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль—подвести подъ власть разума, убѣжденія и руководимаго идеальными цѣлями желанія тѣлесный и психическій механизмъ“.

Не трудно обратить вниманіе на то, съ какою точностью классификація Штрюмпеля указываетъ тѣ области, въ которыхъ важное гербартовское подраздѣленіе педагогическихъ средствъ на управленіе, обученіе и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ (Regierung, Unterricht und Zucht) находитъ свое осуществленіе. Ни у самого Гербарта, ни у кого-либо изъ его послѣдователей нѣтъ такого яснаго представленія, какимъ образомъ при воздѣйствіи этими тремя видами педагогическихъ средствъ на воспитанника достигаются цѣли педагогики и какъ оправдывается черезъ это понятіе о способности къ образованію, т. е. переходъ отъ неопредѣленности къ желательному постоянству.

Наконецъ, остаются еще недостатки, происходящіе отъ неправильныхъ соотношеній между свободными причинностями, которые появ-

ляются главнымъ образомъ при дальнѣйшемъ развитіи ребенка—при переходѣ въ юношескій возрастъ, когда начинаетъ играть выдающуюся роль *причинность самоопредѣленія*. Эти недостатки Штрюмпель относитъ къ *четвертой* группѣ. Мы не будемъ на нихъ останавливаться: наши математическія интерпретаціи не могутъ дать точнаго представленія о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ формъ свободно дѣйствующихъ причинностей, такъ какъ сами формы этихъ причинностей еще не установлены точною наукою о случайныхъ явленіяхъ.

Проф. В. Алексѣевъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

*Систематическій курсъ начальной географіи. Популярно-изложенный для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для городскихъ школъ и вечернихъ классовъ. Составленъ *Ю. Назаровой*. Москва. 1905. Цѣна 50 коп.

Самое названіе новаго учебника „Систематическій курсъ" обнаруживаетъ въ авторѣ стремленіе къ чему-то оригинальному. Обыкновенныя названія „Начальная географія" или „Краткій курсъ" очевидно не удовлетворяютъ автора, который стремится къ систематичности, вѣроятно научной, и забываетъ, что учебникъ долженъ быть построенъ на соображеніяхъ педагогики, а не научной систематики. Въ предисловіи авторъ еще яснѣе обнаруживаетъ свои стремленія и развиваетъ взглядъ на географическій учебникъ. „Цѣль изданія учебника, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы поставить начальную географію въ то положеніе, какое она должна занимать, какъ учебный предметъ, способствующій развитію учащихся". Далѣе авторъ говоритъ, что учебная географія должна преподаваться „на научныхъ данныхъ, изложенныхъ въ строгой послѣдовательности". Затѣмъ авторъ неблагосклонно отзывается о появившихся въ послѣднее время учебникахъ географіи и упрекаетъ послѣдніе въ отсутствіи послѣдовательности въ изложеніи матеріала. „Систематическимъ курсомъ" названъ учебникъ потому, что въ немъ „послѣдовательно изложены тѣ научныя данныя, которыя

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

должны служить основою для нормальнаго курса географіи. Такое отношеніе къ другимъ учебникамъ и указаніе на якобы несомнѣнныя достоинства своей книги показываютъ значительную степень авторскаго самомнѣнія, безъ котораго можно было бы легко обойтись.

Книга г-жи Назаровой раздѣляется на двѣ неравныя части: математическую и физическую географію. Первая (32 стр.) содержитъ данныя о горизонтѣ, истинномъ видѣ земли, глобусѣ, географической сѣткѣ, движеніяхъ земли и небесныхъ свѣтилахъ. Вторая часть несравненно обширнѣе (47 стр.) и содержитъ въ себѣ раздѣленіе суши и моря, океаны, воздухъ, главы о водѣ, морскихъ теченіяхъ, растеніяхъ, животныхъ и человѣкѣ.

Главное неудобство учебника г-жи Назаровой заключается въ томъ, что, ради систематичности, всѣ данныя математической географіи поставлены въ началѣ курса. Эти свѣдѣнія, конечно, не представляютъ неодолимыхъ препятствій для усвоенія учениками, но, во всякомъ случаѣ, они наиболѣе трудны и мало интересны для дѣтей. Необходимо ученіе о движеніи земли вокругъ солнца и объясненіе временъ года отложить до отдѣла о климатѣ; сюда же нужно отнести и вопросъ о тепловыхъ поясахъ. Если же мы будемъ проходить весь отдѣлъ математической географіи безъ всякихъ пропусковъ, то на этотъ отдѣлъ потребуется слишкомъ много времени, такъ что придется сократить отдѣлъ физической географіи, что составило бы потерю для учениковъ. При томъ вопросъ о движеніи земли вокругъ солнца можно объяснить только наглядно, помощію теллурія, и помѣщать подробное объясненіе этого вопроса въ учебникѣ для учениковъ, начинающихъ географію, безполезно.

Переходя къ частностямъ, мы прежде всего замѣтимъ, что поставленныя въ заголовкѣ всего курса опредѣленія географіи, географіи математической и физической совершенно излишни. На стр. 8-й страны горизонта опредѣляются безъ помощи гномона, а между тѣмъ это единственно точный и простой способъ опредѣленія странъ свѣта.

На 10-й стр. планъ помѣщенъ послѣ понятія о глобусѣ. Съ плана обыкновенно начинаютъ, при томъ съ плана классной комнаты, наиболѣе удобнаго пространства для обозрѣнія во время урока. Г-жа Назарова почему-то беретъ планъ двора, придаетъ ему очень правильную форму и искусственно распредѣляетъ на немъ предметы — скамейку, дрова и дерево. Неудачное нововведеніе.

На 12 стр. находится опредѣленіе карты, что нужно было бы сдѣлать послѣ ученія о сѣткѣ, такъ какъ послѣдняя составляетъ

главное отличіе карты отъ плана. Самое опредѣленіе карты довольно любопытно: „Большія части земли, изображенныя на бумагѣ, называются географическими картами".

При описаніи сѣтки на глобусѣ (стр. 13) совсѣмъ не упоминается первый меридіанъ. Говорится только о главномъ меридіанѣ и только ему одному приписывается свойство дѣлить землю на восточное и западное полушарія. Очевидно, авторъ самъ не ясно представляетъ себѣ то, о чемъ ему приходится излагать.

На стр. 26-й и другихъ повторяется выраженіе *прямые* солнечные лучи, какъ будто они бываютъ кривыми, и даже есть слово „прямѣе", вмѣсто того, чтобы сказать: направленіе лучей, болѣе приближающееся къ отвѣсному.

На стр. 34-й находится довольно странное опредѣленіе берега: „мѣсто, гдѣ суша и вода соприкасаются между собою, называется берегомъ." Но мѣста такого соприкосновенія измѣняются, напримѣръ, во время приливовъ и отливовъ.

На 37-й страницѣ авторъ вводитъ новый терминъ „замкнутое море", которое отличается отъ „внутренняго моря". Какъ примѣръ перваго, авторъ приводитъ Караибское море, отдѣленное отъ океана островами. Примѣромъ внутреннихъ морей могутъ служить Средиземное и Балтійское. Опредѣленіе внутренняго моря довольно замысловато: это „большая часть океана, вдавшаяся въ материкъ такъ, что соединяется съ океанами *одною или нѣсколькими полосами воды*". Такихъ отличій въ научной географіи не проводится. Отличаются по глубинѣ средиземныя моря и береговыя. Первыя окружены сушей и отличаются большою, почти океанскою глубиною, вторыя, хотя иногда и имѣютъ, подобно Балтійскому морю, замкнутое положеніе, но глубина ихъ незначительна.

На той же страницѣ находится неточное опредѣленіе пролива, какъ „узкой полосы воды". Узкій—понятіе относительное; Беринговъ проливъ имѣетъ 100 километровъ ширины, а Мозамбикскій проливъ—400 километровъ.

На стр. 41 находится неправильное опредѣленіе низменности, какъ поверхности, поднимающейся надъ уровнемъ океана до 500 ф. Давно уже за предѣлъ низменности берутъ 200 метровъ или почти 100 саженъ.

На стр. 51 землетрясенія приводятся въ связь только съ вулканической дѣятельностью, что составляетъ крупную ошибку противъ

науки. Землетрясенія въ г. Вѣрномъ и Шемахѣ, а также и послѣднее землетрясеніе въ Санъ-Франциско никакого отношенія къ вулканизму не имѣютъ.

На стр. 55-й находится еще одна, или даже нѣсколько ошибокъ противъ геологіи.

„Опустившіяся мѣста (земной коры), говоритъ авторъ, называются сбросами, или сдвигами, а поднявшіяся—складками, или горами".

Сбросами называются не только опусканія (грабенъ), но и поднятія (хорстъ). Горы происходятъ не только изъ складокъ земной коры, но также и изъ сбросовыхъ поднятій.

На 57-й страницѣ приведено не совсѣмъ понятное выраженіе: „верхніе слои (воздуха) очень рѣдки".

Стр. 62. При объясненіи происхожденія вѣтра г-жа Назарова впала въ обыкновенную ошибку многихъ учебниковъ, въ которыхъ принимается за единственную причину движенія воздуха разность въ температурѣ различныхъ его слоевъ. „Движеніе воздуха или вѣтеръ бываетъ всегда изъ мѣстъ менѣе нагрѣтыхъ въ мѣста болѣе нагрѣтыя", говоритъ авторъ. А какъ же объяснить теплые или даже горячіе вѣтры, дующіе въ разныхъ странахъ, напримѣръ, самумъ?

На той же страницѣ авторъ, повидимому, старается ввести въ объясненіе движенія воздуха атмосферное давленіе, но дѣлаетъ это такъ неудачно, что остается совершенно непонятнымъ, что онъ желаетъ сказать.

На 63-й страницѣ находится совершенно невѣроятное объясненіе муссоновъ: „Когда въ Африкѣ, на югѣ отъ экватора бываетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь зима, а въ южной Азіи, на сѣверѣ отъ экватора, въ то же время, лѣто, въ теченіе котораго южная часть Азіи сильно нагрѣвается прямыми (!) лучами лѣтняго солнца" и т. д.

Авторъ забываетъ, что муссоны происходятъ отъ разницы въ давленіи воздуха на материкѣ Азіи и на поверхности сосѣднихъ океановъ. Африка здѣсь не при чемъ и особенно „африканская зима къ югу отъ экватора", о которой говоритъ авторъ.

Кромѣ того, авторъ совершенно забываетъ о муссонахъ восточной Азіи, область которыхъ достигаетъ до 60-й параллели. Такое неудачное объясненіе должно оставить въ головахъ учениковъ совершенно неправильное представленіе о причинѣ муссоновъ и вѣтровъ вообще.

А. Соколовъ.

Учебникъ товаровѣдѣнія *П. П. Федотьева*, профессора С.-Петербургскаго Политехническаго института. Съ 94 рис. въ текстѣ. 303 стр. Цѣна 2 руб. С.-Пб. 1906 г.

Въ старшихъ классахъ учебныхъ заведеній министерства финансовъ, перешедшихъ нынѣ въ министерство торговли и промышленности, преподается товаровѣдѣніе съ цѣлью дать учащимся положительныя познанія о происхожденіи, свойствахъ и способахъ испытанія предметовъ торговли. Вопросъ о постановкѣ преподаванія товаровѣдѣнія, о содержаніи и объемѣ этого предмета обсуждался на двухъ послѣднихъ съѣздахъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, на спеціальныхъ секціяхъ ихъ, посвященныхъ коммерческому образованію (см. Тр. 2-го Съѣзда, секц. коммерческаго образованія, 1895—1896 гг. и Тр. IV секціи коммерческаго образованія III съѣзда, 1903—1904 гг. С.-Пб.). Болѣе всестороннему обсужденію разсматриваемый вопросъ подвергся на съѣздѣ директоровъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ коммерческихъ училищъ, который былъ созванъ учебнымъ отдѣломъ министерства финансовъ въ 1902 г. въ Петербургѣ. Въ выпущенныхъ этимъ учебнымъ отдѣломъ въ свѣтъ матеріалахъ по коммерческому образованію приведены обстоятельные доклады г. Пашкова (преподаватель товаровѣдѣнія Харьковскаго комм. учил.)—„Къ вопросу о методѣ преподаванія товаровѣдѣнія въ коммерческихъ училищахъ", проф. Я. Я. Никитинскаго—„Положеніе товаровѣдѣнія въ ряду предметовъ преподаванія средней коммерческой школы", проф. П. П. Петрова—„Организація и программа практическихъ занятій по товаровѣдѣнію въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ". Къ вышеупомянутымъ матеріаламъ приложено „Описаніе практическихъ работъ по товаровѣдѣнію, производимыхъ учащимися въ лабораторіи Московскаго коммерческаго училища", составленное преподавателемъ училища проф. Я. Я. Никитинскимъ и лаборантомъ В. Вильямсомъ. Описаніе снабжено рисунками и чертежами. Эти матеріалы отпечатаны въ 1902 г. Съ 1902 г. по 1905 г. я редактировалъ небольшой листокъ по коммерческому образованію, и за 4 года его существованія въ немъ напечатаны статьи по методикѣ товаровѣдѣнія, принадлежавшія А. А. Калачеву и А. Н. Альмедингену, а также была перепечатана замѣчательная по своему содержанію записка проф. Руднева (нынѣ уже скончавшагося) по вопросу о преподаваніи товаровѣдѣнія.

Такимъ образомъ, читатель видитъ, что русская педагогическая литература по товаровѣдѣнію до 1906 г., до появленія учебника

г. Федотьева, была сравнительно, напримѣръ, съ нѣмецкой или французской довольно значительная. На протяженіи менѣе чѣмъ десяти лѣтъ у насъ накопился литературный матеріалъ по товаровѣдѣнію и казалось бы, что составитель учебника долженъ прежде всего ознакомиться съ этой литературой, чтобы знать, въ какомъ положеніи находится вопросъ о методикѣ преподаванія товаровѣдѣнія, о содержаніи и объемѣ предмета.

Долгъ каждаго работника въ печати изучить трактуемый имъ вопросъ. И нельзя представить себѣ профессора, который пишетъ трактатъ, не изучивъ предварительно того, что было напечатано по вопросу, которымъ занятъ профессоръ. Если наталкиваешься на обратный фактъ, то онъ производитъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Трудъ профессора долженъ быть образцомъ для учащихся, показывающимъ, какъ слѣдуетъ относиться къ научной разработкѣ предмета. Предисловіе, которымъ снабдилъ г. Федотьевъ свой учебникъ, производитъ грустное впечатлѣніе. Въ этомъ предисловіи авторъ обнаружилъ полное незнаніе литературы по методикѣ товаровѣдѣнія.

„Среди другихъ спеціальныхъ наукъ, входящихъ въ курсъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, пишетъ г. Федотьевъ въ своемъ предисловіи, товаровѣдѣніе до сихъ поръ [т. е. до 1906 г.] [1]) занимаетъ нѣсколько неопредѣленное положеніе въ томъ смыслѣ, что не установлены болѣе или менѣе точно ни объемъ предмета, ни характеръ подлежащихъ усвоенію знаній“. Это положеніе г. Федотьева было бы справедливо въ 1902 г., и то только отчасти, такъ какъ и до этого времени преподаваніе товаровѣдѣнія въ нѣкоторыхъ коммерческихъ училищахъ (Московская практическая академія коммерческихъ наукъ, Московское коммерческое училище, Харьковское, Варшавское, частное коммерческое училище В. Ф. Штюрмера въ Петербургѣ и др.) уже было поставлено правильно, что выяснилось на съѣздѣ по коммерческому образованію въ 1902 г. въ С.-Петербургѣ. Въ 1903—1904 гг. въ Петербургѣ была устроена выставка при III съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. На этой выставкѣ былъ спеціальный отдѣлъ по коммерческому образованію, и г. Федотьевъ, если бы онъ тогда занимался товаровѣдѣніемъ, могъ бы найти въ этомъ отдѣлѣ несомнѣнные факты, которые убѣдили бы нашего профессора, что работа коммерческой школы идетъ быстро впередъ, что толковать о неопредѣленномъ по-

[1]) Вставка принадлежитъ автору рецензіи.

ложеніи товаровѣдѣнія не приходится, что если гдѣ-нибудь таковое и есть, то это уже вина самой школы, такъ какъ выбраться на правильный путь имѣется полная возможность: примѣры для подражанія на лицо. Въ такомъ же положеніи находится вопросъ о содержаніи и объемѣ товаровѣдѣнія, какъ предмета обученія. Напрасно г. Федотьевъ не заглянулъ хотя бы въ Матеріалы съѣзда 1902 г., состоявшагося по инціативѣ учебнаго отдѣла министерства финансовъ. Тамъ онъ прочелъ бы, что вопросъ о содержаніи и объемѣ товаровѣдѣнія окончательно выясненъ соединенными трудами гг. преподавателей. Если бы г. Федотьевъ солидно изучилъ всю литературу по вопросу о постановкѣ преподаванія теоретическаго и практическаго курса товаровѣдѣнія, если бы онъ осмотрѣлъ практическія лабораторіи, устроенныя при многихъ коммерческихъ училищахъ, если бы онъ хоть перелистовалъ прекрасную книжку проф. Я. Я. Никитинскаго и В. Вильямса („Описаніе практическихъ работъ по товаровѣдѣнію, производимыхъ учащимися въ лабораторіи Московскаго коммерческаго училища", Москва, 1900 г. 61 стр.), то тогда, конечно, онъ не далъ бы въ своемъ предисловіи совершенно неправильную оцѣнку положенія учебнаго дѣла въ отношеніи товаровѣдѣнія. Онъ, очевидно, судилъ о преподаваніи товаровѣдѣнія по какому-нибудь уродливому учебному заведенію, въ которомъ преподаютъ товаровѣдѣніе при содѣйствіи одного мѣла и классной доски, безъ кабинетовъ и лабораторіи. Г. Федотьевъ свое несправедливое положеніе не подтвердилъ никакими фактами; онъ просто ограничился тѣмъ, что высказалъ его и не далъ себѣ труда привести доказательства.

Не подозрѣвая того, что еще въ 1902 г. отлично выяснено отношеніе естествознанія къ товаровѣдѣнію, г. Федотьевъ въ 1906 году заявляетъ, что „товаровѣдѣніе должно опираться на свѣдѣнія по разнымъ отдѣламъ естествознанія", что товаровѣдѣніе есть *„прикладное естествознаніе"* (курсивъ г. Федотьева).

Я уже не упоминаю о томъ, что еще проф. Китара, Ильенковъ, Е. Н. Андреевъ, проф. Рудневъ, наконецъ Лесгафтъ, Рейнботъ и др. давно писали и говорили на лекціяхъ на ту же тему.

Естествознаніе отнюдь не составляетъ всего содержанія товаровѣдѣнія и никогда нельзя назвать эту науку прикладнымъ естествознаніемъ.

У товаровѣдѣнія есть собственныя задачи, свои запросы и свои методы для изученія товара. Техническая сторона товара далеко не исчерпываетъ всего изученія объекта торговли. Естествознаніе

для товаровѣдѣнія только пособіе, средство, нисколько не въ большей степени, чѣмъ коммерческая географія, статистика, политическая экономія, сельское хозяйство, гигіена, технологія и т. д. Изъ всѣхъ отдѣловъ естествознанія только химія и микроскопія занимаютъ преобладающее мѣсто въ практическомъ товаровѣдѣніи.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ знаній товаровѣдъ выбираетъ только тѣ свѣдѣнія, которыя выясняютъ *качественную* сторону товара, ибо это есть *важнѣйшая задача товаровѣдѣнія*. Съ одной технологіей и съ однимъ естествознаніемъ нельзя разрѣшать товаровѣдскія задачи.

Преподаватель товаровѣдѣнія, понимающій сущность этого интереснаго и живого знанія, читаетъ журналы и книги экономическіе, сельско-хозяйственные, промышленные, техническіе, торговые для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи жизненный матеріалъ для выясненія учащимся *мѣста* и *значенія* даннаго товара въ живой торгово-промышленной дѣятельности страны, для выясненія, какъ отражаются на *качествѣ* товара различныя стороны какъ климатическія, такъ и культурныя. Иной разъ для товаровѣда необходимо даже выяснить вліяніе нѣкоторыхъ соціальныхъ условій. Этимъ широкимъ матеріаломъ преподаватель товаровѣдѣнія достигаетъ того, что сознаніе учащихся расширяется, крѣпнетъ, передъ ними открываются перспективы метода товаровѣдскаго изученія товара, развивается способность ставить вопросы и умѣть находить, собирать данныя для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Всякому понятно, что такое товаровѣдѣніе не узко-технологическое, а дѣйствительно научное. Вотъ такому-то пониманію товаровѣдѣнія и не соотвѣтствуетъ учебникъ г. Федотьева, который справедливѣе назвать такъ: *краткій перечень технологическихъ свѣдѣній о разныхъ предметахъ*.

Въ современномъ научномъ товаровѣдѣніи методы испытанія товаровъ занимаютъ крупное мѣсто, и далѣе мы увидимъ, какъ обработалъ эту статью товаровѣдѣнія г. Федотьевъ.

Г. Федотьевъ говоритъ, что „не существуетъ нормальныхъ учебниковъ“ (по товаровѣдѣнію), и нѣсколько далѣе сообщаетъ въ своемъ предисловіи, что „нормальный учебникъ не долженъ быть загроможденъ номенклатурой товаровъ, но имѣть цѣлію характеристику группъ съ описаніемъ преимущественно всѣмъ извѣстныхъ и доступныхъ предметовъ и отдѣленіемъ существеннаго отъ мелочей“.

Учебникъ не долженъ представлять номенклатуру объектовъ изученія и товаровѣдѣніе въ этомъ отношеніи не исключеніе. Отрицательныя стороны нормальнаго учебника, выставленныя г. Федотьевымъ

почему-то по отношенію къ товаровѣдѣнію, общія для всѣхъ учебниковъ.

Каковы же положительныя требованія для нормальнаго учебника товаровѣдѣнія? Г. Федотьевъ выставилъ только одно: характеристики группъ товаровъ.

А методы испытанія товаровъ не нужны? А общая идея изученія товара не нужна? Однако, прежде чѣмъ давать характеристику группъ товаровъ, вѣдь необходимо установить *принципъ классификаціи товаровъ*, принципъ группировки ихъ.

Но представьте наше удивленіе, когда оказалось изъ послѣдующихъ строкъ предисловія, что проф. Федотьевъ самъ себя обезоружилъ. Г. Федотьевъ пишетъ такъ: „въ немъ не мѣсто ни подробностямъ классификаціи товаровъ, ни многочисленнымъ цифровымъ даннымъ".

Дать характеристику группъ товаровъ нельзя безъ группировки товаровъ, группировать товары и значитъ классифицировать ихъ, но этого нельзя допустить въ нормальномъ учебникѣ по опредѣленію г. Федотьева, ибо въ немъ не мѣсто классификаціямъ. Г. Федотьевъ требуетъ, чтобы въ нормальномъ учебникѣ описывалось то, что всѣмъ извѣстно и доступно. Но зачѣмъ тогда „описывать", если это всѣмъ извѣстно?

Теперь посмотримъ, какъ выполнилъ г. Федотьевъ свою невозможную задачу, изгоняя изъ учебника классификацію товаровъ и стремясь въ то же время дать характеристику группъ товаровъ.

Будемъ помнить, что наличность этихъ характеристикъ есть неотъемлемый признакъ нормальнаго учебника товаровѣдѣнія. Тщетно будемъ искать въ учебникѣ проф. Федотьева характеристикъ группъ товаровъ: ихъ нѣтъ! Характеристикъ группъ товаровъ, столь необходимыхъ, по мнѣнію автора учебника, нѣтъ въ учебникѣ. Вотъ доказательства этого по истинѣ удивительнаго казуса.

Открываемъ статью подъ заглавіемъ „Искусственные строительные матеріалы минеральнаго происхожденія" (стр. 16—21); она начинается фразой: „Матеріалами для приготовленія искусственныхъ строительныхъ камней и цементовъ служатъ глина, песокъ, известнякъ, гипсъ" (пропущенъ мергель), а затѣмъ за этой фразой слѣдуетъ уже кирпичное производство. Гдѣ же тутъ характеристика? Далѣе: статейка „Керамика и стекло" (стр. 22—29) начинается прямо съ огнеупорныхъ издѣлій. Вотъ, наконецъ, статейка о топливѣ (стр. 30—48); неужели и здѣсь г. Федотьевъ забылъ, что онъ пишетъ нормаль-

ный учебникъ. Никакой характеристики столь важнаго товара, какъ горючіе матеріалы, г. Федотьевъ не далъ въ своемъ учебникѣ, а привелъ на 13 строчкахъ такія свѣдѣнія, которыя сообщаются ученикамъ младшихъ классовъ на урокахъ природовѣдѣнія. Посмотрите, какой содержательной характеристикой проф. Федотьевъ снабжаетъ статейку о продуктахъ обработки веществъ животнаго царства. „Животное царство (,) помимо питательныхъ веществъ и волокнистыхъ матеріаловъ (,) доставляетъ еще сырые матеріалы для фабрично-заводской промышленности. Наибольшее значеніе представляетъ переработка жировъ (мыло, стеаринъ, глицеринъ) и обработка шкуръ животныхъ (кожевенное производство, мѣха). Меньшее значеніе представляютъ кости, роговыя вещества и волосъ“. Вотъ и вся характеристика! Такія микроскопическія, отрывочныя свѣдѣнія проходятъ въ младшихъ классахъ на урокахъ естествознанія. Ничего товаровѣдскаго въ этихъ элементарныхъ коротенькихъ фразахъ г. Федотьева не имѣется. Непониманіе товаровѣдѣнія заставило г. Федотьева начать свой учебникъ статьей о воздухѣ, который, по мнѣнію г. Федотьева, является товаромъ потому, что для жилищъ необходимы приспособленія для вентиляціи (?!).

Открываемъ статейку „искусственныя удобренія“ (стр. 94 — 98). Вы думаете, что она начинается съ общей характеристики товаровъ, служащихъ для удобренія, въ которую должны войти методы для оцѣнки этихъ товаровъ? Г. Федотьевъ рѣшаетъ дѣло проще: онъ начинаетъ... со способовъ обработки земли! Въ книгѣ г. Федотьева нѣтъ товаровѣдскихъ характеристикъ, какъ нѣтъ и товаровѣдскихъ свѣдѣній, а есть краткая технологія. Напрасно вы будете искать литературы предмета. Теперь понятно, почему у г. Федотьева нѣтъ методовъ испытанія товаровъ, исходящихъ изъ научныхъ данныхъ. Методы испытанія, которыми живутъ нынѣ дѣйствующія товаровѣдскія лабораторіи въ нашихъ коммерческихъ училищахъ, неизвѣстны г. Федотьеву, и онъ изъ осторожности просто умолчалъ о нихъ, ограничился лишь самыми элементарными указаніями и то не вездѣ.

Для доказательства, что методы испытанія товаровъ отсутствуютъ въ учебникѣ г. Федотьева, возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Въ статейкѣ „Минеральныя краски“ (стр. 89—93) методы испытанія исчерпываются фразой: „при изслѣдованіи красокъ руководствуются частью химическимъ анализомъ, частью практическими испытаніями“, но, въ чемъ эти послѣднія заключаются, не сообщено. Посвящено только нѣсколько строкъ „укрывистымъ“ (?) краскамъ, при чемъ методъ

опредѣленія кроющей способности красокъ изложенъ поверхностно. Методы испытанія прядильныхъ матеріаловъ совершенно пропущены; понятіе объ указномъ вѣсѣ отсутствуетъ, а между тѣмъ это существенное товаровѣдское испытаніе прядильныхъ матеріаловъ, продаваемыхъ на вѣсъ. Указной вѣсъ прядильныхъ матеріаловъ имѣетъ большое экономическое значеніе, онъ вліяетъ на цѣны прядильныхъ товаровъ, а потому товаровѣдъ долженъ знать, какъ опредѣляется указной вѣсъ и какое онъ имѣетъ значеніе. Всякій товаровѣдъ согласится съ нами, что въ курсѣ товаровѣдѣнія нельзя обходить молчаніемъ указной вѣсъ хлопка, льна, пеньки, джута, шерсти и шелка.

Г. Федотьевъ не далъ понятія въ своемъ учебникѣ о пряжѣ, ибо *пропустилъ вопросъ объ опредѣленіи нумера пряжи*, а безъ этого понятія нельзя дать товаровѣдскія свѣдѣнія о тканяхъ. И дѣйствительно, все, что далъ г. Федотьевъ о тканяхъ, представляетъ одну голую и очень неполную номенклатуру тканей. Понятіе о титрѣ шелка у г. Федотьева не выяснено, ибо онъ ограничился однимъ краткимъ опредѣленіемъ (стр. 125), не сообщивъ, какъ и въ какихъ единицахъ опредѣляется титръ шелка. Въ товаровѣдѣніи шелка величина титра не мелочь, а существенно важная для уясненія самого товара. Микроскопическое испытаніе прядильныхъ матеріаловъ (стр. 126—127) изложено у г. Федотьева безъ микрохимическихъ и макрохимическихъ реакцій; о самой работѣ испытанія не приведено ни одного слова. Г. Федотьевъ думаетъ, что иголкой можно разъединять волокна. Ученикъ VII-го класса Московскаго коммерческаго училища, прошедшій подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей методъ микроскопическихъ испытаній, знаетъ, что для раздѣленія волоконъ надо примѣнять мацерацію.

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы признать учебникъ г. Федотьева неудовлетворительнымъ, но число ихъ можно было бы увеличить, такъ какъ въ каждой отдѣльной статейкѣ найдутся промахи относительно методовъ испытанія (напримѣръ, статейки о мукѣ, чаѣ, кофе и т. д.). Вотъ, впрочемъ, еще выдающійся по своему характеру примѣръ научнаго отношенія къ дѣлу: „испытаніе достоинства чая, пишетъ г. Федотьевъ на стр. 162, производится спеціалистами приготовленіемъ очень крѣпкихъ (?) настоевъ съ водой и пробой ихъ на вкусъ". Это все, что сказалъ профессоръ о методахъ испытанія чая! Въ практическихъ лабораторіяхъ по товаровѣдѣнію опредѣляютъ процентное содержаніе золы въ чаѣ (очень важное для установки качества чая), опредѣляютъ количество веществъ, перехо-

дящихъ изъ чая въ растворъ при нормальной заваркѣ, опредѣляютъ удѣльный вѣсъ водной вытяжки различныхъ сортовъ чая, наконецъ, разсматриваютъ подъ микроскопомъ растертые распаренные листья, чтобы открыть типичные элементы и т. д. Г. Федотьевъ надѣлалъ массу ошибокъ противъ того естествознанія, которое онъ призналъ за основу товаровѣдѣнія. Ошибки г. Федотьева въ этомъ отношеніи весьма элементарны. Вотъ ихъ перечень, хотя далеко неполный.

На страницѣ 100 читаемъ: „внутри каждаго гнѣзда (въ плодѣ хлопчатника) [1]) находятся сѣмена, покрытыя слоемъ перепутанныхъ волоконъ“; это не волокна, а *волоски*.

На стр. 106 стебель травянистаго растенія льна названъ „стволомъ“. Представленіе о шерсти спутано съ представленіемъ о волосѣ (стр. 121), и учащійся не пойметъ, чѣмъ отличается шерсть отъ волоса. Корнеплоды и бобовыя растенія, совершенно самостоятельные ботаническіе виды, г. Федотьевъ назвалъ „злачными суррогатами“ (стр. 146).

Анатомическое строеніе хлѣбнаго зерна совершенно перепутано, такъ какъ пропущенъ гіалиновый слой и не дано правильнаго представленія о перикарпіумѣ и перисперміумѣ (стр. 156). Мучнистаго тѣла въ зернѣ г. Федотьевъ не нашелъ.

Невѣрно сказано на стр. 162, что „чай представляетъ собой высушенныя (е) листья чайнаго дерева“. Въ этой фразѣ двѣ ошибки; одна техническая, другая—ботаническая. Чайный кустъ, но не дерево. Чай не только высушенные листья, а листья, подвергнутые очень сложной обработкѣ, послѣ которой только и получается товаръ, чай. Если эту обработку не изложить въ учебникѣ (г. Федотьевъ пропустилъ ее), то ученики не поймутъ, что такое чай. Если же ученикъ отвѣтитъ словами г. Федотьева, что чай—высушенные листья чайнаго куста, то такого ученика необходимо остановить, поправить. Чайные листья подвергаютъ особому томленію, вяленію, спеціальному броженію, затѣмъ скручиванію и поджариванію.

На стр. 248 читаемъ: „съ веществомъ кожи соединяются (дубильныя вещества) съ образованіемъ дубленой кожи“, а на стр. 249: „дубильное вещество не соединяется съ веществомъ кожи“. То соединяется, то не соединяется—какія же свѣдѣнія получитъ ученикъ? На стр. 10: „чистые сорты песку представляютъ чистый кремнеземъ или кремнекислоту“. Это невѣрно, ибо кремнеземъ окись кремнія, а кремневая кислота—гидратное, водное соединеніе кремнезема. На

---

[1]) Вставка наша.

стр. 47: „при сгораніи всякаго углеродистаго вещества углеродъ превращается въ углекислоту“. При какомъ сгораніи? Неполное сгораніе даетъ въ результатѣ окись углерода, а не двуокись.

Г. Федотьевъ не различаетъ понятія о тѣлѣ отъ понятія о веществѣ и слова эти путаетъ, что видно, напр., на стр. 55.

На стр. 62 читаемъ: „для бессемерованія необходимо брать чистые сорта чугуна, не содержащіе сѣры и фосфора“. Это — очень грубая уже не товаровѣдская, а общетехническая ошибка, непростительная для преподавателя не только высшей, но и средней школы. Бессемеръ предложилъ дѣлать въ своей ретортѣ (конверторѣ) кремнистую набойку, при которой дѣйствительно нельзя было переплавлять сорта чугуна, содержащіе фосфоръ. Но въ 1878 г. Томасъ предложилъ замѣнить кремнистую набойку доломитовой, благодаря чему фосфористые чугуны возможно перерабатывать на сталь по способу Бессемера.

На стр. 115 читаемъ: „качество шерсти зависитъ отъ части тѣла животнаго“. Тонина, мягкость, шелковистость, извитость шерсти зависятъ отъ породы животнаго, а затѣмъ отъ ухода за животнымъ. Вѣрно, что шерсть животнаго не одинакова на различныхъ частяхъ его тѣла, но вѣдь нельзя же такъ выразиться, какъ это сдѣлалъ г. Федотьевъ. Понятія о шерстяномъ штапелѣ, о сортировкѣ шерсти по анализу штапеля у г. Федотьева нѣтъ (т. е. нѣтъ того, что самое главное въ товаровѣдѣніи шерсти), а поэтому и вся его коротенькая статейка о шерсти не даетъ знанія товаровѣдскаго и къ товаровѣдѣнію не относится.

Съ педагогической точки зрѣнія учебникъ г. Федотьева страдаетъ не менѣе крупными недостатками, изъ которыхъ самый главный — *отсутствіе общей идеи и дурное изложеніе*. Учась по учебнику г. Федотьева, ученикъ не можетъ отдать себѣ яснаго понятія о задачахъ и вопросахъ товаровѣдѣнія, онъ получитъ превратное представленіе о товаровѣдѣніи какъ о предметѣ, состоящемъ изъ краткихъ опредѣленій какихъ-то продуктовъ, не пріобрѣтетъ познанія даже о пользѣ товаровѣдѣнія для коммерческой дѣятельности. Процессы производствъ изложены безъ связи съ качественной стороной товара; отсутствіе *торговыхъ свѣдѣній* о товарѣ только усугубитъ тягостное впечатлѣніе и заставитъ усумниться въ необходимости самого предмета обученія.

Изложеніе у г. Федотьева очень сухое, отрывистое и оно дѣлаетъ его учебникъ какимъ-то бездушнымъ словаремъ, пестрѣющимъ гру-

быми ошибками. Чтобы указать *всѣ* ошибки г. Федотьева, пришлось бы написать не рецензію въ нѣсколько страницъ, а цѣлую книгу. Изъ такого учебника не извлечетъ ученикъ стремленія къ самостоятельной работѣ, не возбудятся у него и вопросы, ибо мысли не на чемъ остановиться.

Группировка матеріала у г. Федотьева скорѣе технологическая, чѣмъ товаровѣдская, и потому получилась такая несообразность, что мануфактурные товары разбиты на три статейки, не связанныя общей мыслью, а совершенно разобщенныя. Г. Федотьевъ помѣщаетъ отдѣльную статейку о печахъ, не имѣющихъ отношенія къ товаровѣдѣнію, старается иллюстрировать ихъ чертежами и въ то же время пропускаетъ статьи о колоніальныхъ и упаковочныхъ товарахъ.

Вся книжка г. Федотьева носитъ на себѣ отпечатокъ торопливой работы, безъ всякой заботы о томъ, насколько надо быть осторожнымъ и *хорошо приготовленнымъ*, когда берешь на себя трудъ составлять учебникъ для школы. Школа дѣло святое, ее беречь и любить надо.

Александръ Альмедингенъ.

*Kurzer Ueberblick über die deutsche Literatur bis zur zweiten Blütezeit. In leichtverständlicher Sprache für russische Schulen zusammengestellt von *I. Schilling*. Riga. 1905. Стр. VI+57+36. Цѣна со словаремъ 75 коп.

Планъ вышепоименованной книжки задуманъ довольно удачно: въ весьма краткой формѣ, но хорошимъ и вполнѣ доступнымъ для русскихъ учениковъ языкомъ, сообщаются самыя существенныя данныя изъ нѣмецкой литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая перечисленіемъ и краткою оцѣнкою сочиненій Клопштока. Содержаніе книжки раздѣляется на 7 частей—періодовъ, которымъ предпосылается краткое введеніе подъ заглавіемъ: „Aus vorgeschichtlicher Zeit“ и „der indogermanische Sprachstamm“.

Періоды эти слѣдующіе: I. Von der ältesten Zeit bis zum Jahre 800 nach Christo. II. Von Karl dem Grossen (800) bis zum 12 Jahrhundert (1100). III. Die erste Blütezeit der deutschen Literatur (1100—1300). IV. Der Niedergang der Poesie. V. Die Poesie im Zeitalter der Reformation (1500—1624). VI. Die Poesie in den Händen der Gelehrten oder die Periode der Nachahmung (1624—1748). VII. Die zweite Blütezeit der deutschen Literatur.

Въ каждомъ періодѣ перечисляются, въ самой сжатой формѣ, главнѣйшія сочиненія, относящіяся къ данному времени: излагается крат-

кое ихъ содержаніе съ нѣкоторою оцѣнкою внутреннихъ и внѣшнихъ ихъ достоинствъ, и, гдѣ можно, сообщаются главнѣйшія данныя изъ біографіи авторовъ указанныхъ сочиненій. Къ учебнику приложенъ краткій нѣмецко-русскій словарь (Vokabularium).

Внѣшняя сторона книжки весьма изящна: бумага очень хороша и печать, въ разныхъ шрифтахъ, прекрасна.

Книжка эта можетъ оказаться весьма полезнымъ пособіемъ какъ въ нѣмецкихъ школахъ, такъ и въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ проходится нѣмецкая литература.

Цѣна—75 коп. за 57 стр. текста и 36 стр. словаря черезчуръ высока.

Я. Моръ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ 1906 года.

— *Шейда, К.* Опыты по химіи для начинающихъ. Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Пб. 1906. 188 стр. (Библіотека для самообразованія. Выпускъ 5-й).

— *Сергѣевичъ, В. И.* Всеобщее избирательное право. С.-Пб. 1906. 42 стр. Цѣна 30 коп. (Изъ „Журн. Мин. Юст." май 1906 г.).

— Маякъ. Литературно-публицистическій сборникъ. Изданіе А. Лугового. I. Съ 3-мя фототипіями. С.-Пб. 1906. 275 стр. Цѣна 1 руб. 35 коп.

— *Горшеневъ, А. А.* Самоучитель стенографіи. Популярныя лекціи. Второе изданіе. С.-Пб. 1906. 73 стр. Цѣна 1 руб.

— *Бернштейнъ, Р.* и *В. Маркевальдъ.* Физика видимаго и невидимаго. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Битнера. Съ рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 88 стр.

— *Гейльборнъ, А.* и *Л. Бергъ.* Антропологія и этнографія въ основныхъ чертахъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Битнера. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 62 стр.

— Краткій систематическій словарь всемірной литературы подъ редакціей В. В. Битнера. Часть первая. Съ рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 96 стр.

— *Шапошниковъ, Н. А.* Наша ученно-учебная критика. (Разборъ статьи проф. Кояловича). М. 1906. 38 стр.

— *Чернышевъ, В.* О программѣ будущей народной школы. С.-Пб. 1906. 16 стр. Цѣна 10 коп.

— *Новомбергскій, Н.* Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. С.-Пб.

1905. XXI+191 стр. Цѣна 2 руб.—То же. Томъ II. С.-Пб. 1906. L+341+13 стр. Цѣна 3 руб.

— *Новомбергскій, Н.* Колдовство въ Московской Руси XVII-го столѣтія. (Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи, т. III, ч. I). С.-Пб. 1906. XXXII+134+II стр. Цѣна 1 руб.

— *Багалѣй, Д. И., Сумцовъ, Н. Ө.* и *Бузескулъ, В. П.* Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905). Изданіе университета. Харьковъ 1906. VII+329+XIV стр.

— *Остроумовъ, Н. П.* Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи. Съ пятью оригинальными рисунками. Ташкентъ 1906. 171 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Круковскій, Адр.* Характеръ творчества Ибсена. Изданіе газеты „Свободное Слово". Вильна 1906. 35 стр. Цѣна 10 коп.

— *Брюкнеръ, проф.* Русская литература въ ея историческомъ развитіи. Въ 2 частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. І. Саввинскаго, подъ редакціей В. В. Битнера. Часть І. Съ портретами и снимками съ картинъ. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 141 стр.

— *Тейхманнъ, проф.* Жизнь и смерть. Проблема жизни. Переводъ съ нѣмецкаго І. І. Сонина, подъ редакціей В. В. Битнера. Съ рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 64 стр.

— *Шустеръ, проф.* Популярныя лекціи низшей и высшей математики. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Д. Исакова, подъ редакціей В. В. Битнера и съ введеніемъ: „Значеніе математики и ея краткая исторія". Со многими портретами и чертежами. Изданіе „Вѣстника Знанія". С.-Пб. 1906. 130 стр.

— *Бѣлозерскій, Ж.* Слово и дѣло въ „Правдивомъ словѣ" Р. Кёлера. М. 1906. 167 стр.

— *Езерскій, Ө.* Учебникъ счетоводства. Полная теорія всѣхъ системъ въ двухъ книгахъ и трехъ частяхъ. Книга І. Часть І. Упрощенная тройная система, какъ позднѣйшее слово науки. Изданіе шестнадцатое. XVI+176 стр. Цѣна 75 коп.

— *Степановъ, П. П.* Учебникъ космографіи. По программѣ женскихъ гимназій Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи и женскихъ духовныхъ училищъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1906. 107 стр. Цѣна 75 коп.

— Историческій обзоръ дѣятельности Виленскаго учебнаго округа. 1803 $\frac{24}{I}$ 1903 гг. Подъ общей редакціей помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго. Часть первая. Отдѣлъ первый. 1803—1812 гг. Составилъ Ю. О. Крачковскій. Вильна 1905. 565+XIII+IV стр. Цѣна 3 руб.

— Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1905 годъ. Тифлисъ 1906. XXVII+24+20+13+23+17+9+10+8+5+2+2+1.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ 1906 ГОДУ.

Университетскій уставъ 1863 года, окруженный всѣмъ обаяніемъ славной „эпохи шестидесятыхъ годовъ", долженъ былъ уступить мѣсто уставу 1884 года. Ровно столько же времени было суждено просуществовать и этому послѣднему: въ 1905 году и онъ уступилъ мѣсто— но только не новому уставу, а „временнымъ правиламъ", заключавшимъ въ себѣ возвращеніе къ принципамъ устава 1863 года. Затрудненіе, обусловленное необходимостью согласовать эти временныя правила съ неотмѣненными частями отжившаго устава, чувствовалось, увы, очень недолго: черезъ мѣсяцъ послѣ своего открытія университетъ пересталъ жить и дѣйствовать, и въ его аудиторіяхъ водворилась прежняя зловѣщая тишина.

Необходимость замѣны устава 1884 года другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ психологіи университетской среды, ощущалась уже давно — собственно, съ самаго момента его появленія. При графѣ Деляновѣ борьба была глухая, но упорная; при Н. П. Боголѣповѣ она прорвалась наружу и вызвала репрессіи; при генералѣ Ванновскомъ въ 1901 году законность стремленій университетской среды была признана свыше и получила министерскую санкцію въ видѣ извѣстныхъ „18 вопросовъ", предложенныхъ совѣтамъ университетовъ. Отвѣты были выработаны совѣтами сначала въ комиссіяхъ, а затѣмъ и in pleno въ цѣломъ рядѣ засѣданій. Я живо помню это радостное, кипучее время дружной совѣтской работы: обновленіе всего строя академической жизни казалось столь близкимъ, столь несомнѣн-

нымъ! Къ сожалѣнію, по окончаніи совѣтской работы опять наступила волокита, а затѣмъ и полный застой; лишь въ 1905 году министерство приступило къ выработкѣ новаго проекта устава. Къ этой работѣ были привлечены и нѣкоторые профессора по назначенію; и именно это послѣднее обстоятельство подорвало авторитетъ министерскаго проекта. Одновременно и образовавшійся въ томъ же 1905 году академическій союзъ выдѣлилъ изъ своей среды комиссію для выработки своего „проекта главныхъ основаній устава", общаго для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній; этотъ проектъ былъ обнародованъ въ № 40 „Права" за 1905 годъ. Конечно, проектъ союза не имѣетъ за собой совокупности профессорскихъ коллегій: какъ извѣстно, академическій союзъ имѣетъ въ своей средѣ не всѣхъ профессоровъ, а только объединившихся на общей, хотя и очень просторной политической „платформѣ"... той самой, впрочемъ, которая получила Высочайшую санкцію въ манифестѣ 17-го октября. Если, такимъ образомъ, по своему происхожденію проектъ союза и можетъ быть названъ партійнымъ, то объ его содержаніи этого никакъ сказать нельзя—какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Министерскій проектъ былъ разосланъ въ совѣты университетовъ; тѣ избрали каждый по особой „уставной" комиссіи; выработанные въ этихъ комиссіяхъ проекты подверглись новому обсужденію въ совѣтахъ; наконецъ, совѣтскія предположенія были препровождены черезъ совѣтскихъ делегатовъ въ делегатскій съѣздъ, созванный министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. И. Толстымъ и состоявшій—это полезно помнить—исключительно изъ избранниковъ университетскихъ совѣтовъ. Этотъ-то съѣздъ и вырабатываетъ въ настоящее время уставъ, которому, надѣемся, будетъ присвоено наименованіе устава 1906 года. Каковъ онъ будетъ, говорить преждевременно; все же заслуживаетъ упоминанія фактъ, что — между тѣмъ какъ почти всѣ совѣты отнеслись отрицательно къ министерскому проекту—проектъ академическаго союза имѣлъ очень замѣтное вліяніе на ихъ предположенія: такъ проектъ петербургскаго университета почти во всѣхъ существенныхъ пунктахъ совпадаетъ съ проектомъ союза. Замѣчу, во избѣжаніе недоразумѣній, что это совпаденіе отнюдь не слѣдуетъ объяснять численнымъ преобладаніемъ „союзниковъ". Въ совѣтѣ петербургскаго университета они образуютъ меньшинство, въ уставной комиссіи имъ принадлежала лишь половина голосовъ; но главное — то, что на голосованіи по отдѣльнымъ пунктамъ принадлежность или непринадлежность къ союзу почти

вовсе не отражалась. Нѣтъ; это совпаденіе доказываетъ только, что, при всей пестротѣ политическихъ убѣжденій, въ академическихъ вопросахъ профессора разныхъ партій идутъ рука объ руку; а это— фактъ столь же знаменательный, сколь и отрадный.

Нижеподписавшійся, какъ членъ уставной комиссіи Петербургскаго университета, принималъ участіе въ выработкѣ всѣхъ пунктовъ петербургскаго проекта; членомъ делегатскаго съѣзда онъ не состоялъ, что и развязываетъ ему руки по отношенію къ содержанію настоящей статьи. Само собою разумѣется, что высказываемыя здѣсь убѣжденія—мои личныя, за которыя несу отвѣтственность одинъ я; а впрочемъ, не преслѣдуя никакой агитаціонной цѣли, я буду стараться не столько развивать свои личные взгляды на затронутые вопросы, сколько всесторонне ихъ освѣщать. Само собою разумѣется также, что я могу коснуться не всѣхъ вопросовъ, по которымъ происходили и происходятъ пренія, а только главнѣйшихъ. Таковыми я считаю вопросы 1) о подвѣдомственности; 2) о выборномъ началѣ; 3) о коллегіальномъ управленіи; 4) о младшихъ преподавателяхъ; 5) о студентахъ; 6) о системѣ прохожденія наукъ; 7) о даваемыхъ университетомъ правахъ и 8) о штатахъ—разумѣя подъ этими послѣдними лишь составъ каѳедръ-профессуръ, а отнюдь не вопросъ объ окладѣ, отъ обсужденія котораго совѣты по весьма естественнымъ соображеніямъ такта совершенно отказались.

1. Вопросъ о подвѣдомственности.

Отношеніе университета къ государственной власти можетъ быть построено либо на принципѣ подвѣдомственности, либо на принципѣ экстерриторіальности; и нѣтъ сомнѣнія, что ревнителю старинной академической традиціи этотъ послѣдній принципъ представляется наиболѣе заманчивымъ. Университетъ, какъ самодовлѣющая единица, civitas academica, управляемая коллегіей профессоровъ съ періодически смѣняемыми ректоромъ и деканами во главѣ, при участіи коллегіи младшихъ преподавателей въ видѣ своего рода нижней палаты, со своей конституціей, обязательной для каждаго вступающаго въ него члена, какъ civis academicus, отъ ректора до студента-новичка; со своей неприкосновенной территоріей, финансами, своими судами, своей..... да ужъ будемъ послѣдовательны: своей вооруженной охраной; связанный съ государственной властью лишь своего рода международнымъ договоромъ. Да, это было бы хорошо... слишкомъ хорошо для

нынѣшняго болѣе чѣмъ скувернаго времени. Предоставимъ же осуществленіе этой прекрасной и гордой идеи болѣе прекраснымъ и гордымъ людямъ, чѣмъ мы; людямъ, которые будутъ говорить о забастовкахъ, обструкціяхъ, бойкотахъ, проскрипціонныхъ спискахъ, университетскихъ митингахъ и прочихъ радостяхъ нынѣшней академической жизни — такимъ же тономъ, какимъ мы нынѣ говоримъ объ ордаліяхъ, еретикахъ и вѣдьмахъ.

Итакъ—подвѣдомственность; лучшаго мы не стоимъ. А разъ это такъ, то отнесеніе университетовъ къ кругу вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія уже не можетъ подлежать сомнѣнію; спорить можно только о томъ, какія должны быть промежуточныя звенья между университетами и министромъ и въ какихъ предѣлахъ допустимо вмѣшательство министерской власти въ университетскія дѣла.

Начнемъ со второго вопроса, такъ какъ отъ его рѣшенія зависитъ отчасти и рѣшеніе перваго. Въ уставѣ 1884 года власть совѣта была доведена почти до нуля въ сравненіи съ властью представителя министерства; но и въ министерскомъ проектѣ 1905 года этотъ послѣдній въ качествѣ утверждающаго органа упоминается черезчуръ часто. Въ виду этихъ историческихъ условій извѣстная реакція въ противоположную сторону была бы въ совѣтскихъ проектахъ вполнѣ понятной; но именно поэтому къ ней, какъ къ продукту преходящихъ факторовъ, слѣдовало бы относиться критически. Это — одна сторона дѣла; есть и другая. Эта другая сторона — то, что я называю „*дедуктивной политикой*“; къ ней, надо сказать правду, бываетъ особенно склоненъ нашъ братъ профессоръ, въ силу чего я и могъ собрать за послѣднее время политической жизни (или политическихъ судорогъ) довольно богатый матеріалъ. Вмѣсто того чтобы считаться съ реальными условіями нашего быта, мы исходимъ изъ принциповъ и, развивая ихъ въ строгой логической послѣдовательности, составляемъ схему, очень подкупающую нашъ умозрительный разсудокъ своей красивой стройностью. Если же намъ доказываютъ, что эта конструкція, примѣненная къ дѣйствительности, вредна для такихъ-то и такихъ-то явленій жизни, то мы отвѣчаемъ, видоизмѣняя классическій отвѣтъ французскаго фанатика эпохи революціи: périssent les colonies plutôt que les principes... то есть, собственно говоря, мы рѣдко бываемъ такъ откровенны, но все-таки такъ выходитъ. Здѣсь соблазнъ этой дедуктивной политики былъ особенно великъ: надлежало развить во всей послѣдовательности дорогой намъ принципъ автономіи. Къ этимъ двумъ сторонамъ дѣла прибавилась и третья: тѣ специ-

фическія чувства, которыя сопровождаютъ представленія о министрахъ, министерствахъ и т. д., какъ элементахъ „отживающаго бюрократическаго строя": приходилось постоянно напоминать, что вѣдь мы имѣемъ въ виду будущихъ конституціонныхъ министровъ, и очень трудно было радикально освободиться отъ этого привкуса бюрократизма.

Приступимъ, однако, къ дѣлу. Само собою разумѣется, что министру должны быть представлены всѣ постановленія совѣта, для осуществленія которыхъ нужны внѣуниверситетскіе факторы (въ родѣ испрошенія особыхъ суммъ изъ казны); объ этомъ и спору быть не можетъ. Споръ возникаетъ по отношенію къ другимъ вопросамъ — тѣмъ, напримѣръ, по которымъ желательны единообразныя постановленія всѣхъ русскихъ университетовъ. То есть, въ этой неопредѣленной формѣ вопроса споръ, собственно, тоже исключается: разъ единообразіе признано желательнымъ, то его, за неимѣніемъ другого объединяющаго органа, иначе нельзя и осуществить, какъ прибѣгая къ министерству. Но въ томъ-то и дѣло, что трудно на практикѣ придумать такой вопросъ, по которому строгіе ревнители автономіи не согласились бы скорѣе пожертвовать единообразіемъ, чѣмъ этимъ священнымъ въ ихъ глазахъ принципомъ; я, по крайней мѣрѣ, не берусь. Слѣдуетъ третья группа вопросовъ, касающаяся внутренняго быта каждаго отдѣльнаго университета; она-то и составляла яблоко раздора. Допустима ли, скажемъ, министерская санкція какъ ограниченіе выборнаго начала, этого палладіума университетской автономіи?

Вотъ тутъ-то и сказывается опасность дедуктивной политики: съ перваго взгляда каждый университетскій дѣятель будетъ склоненъ отвѣтить: нѣтъ. А между тѣмъ достаточно перейти съ почвы принциповъ на почву дѣйствительности, чтобы наличность такого стимула или тормаза показалась въ извѣстныхъ случаяхъ желательной. Возьмемъ хотя бы тѣ факты, которые подняли наиболѣе нареканій на уставъ 1863 года: продолжительныя пустованія профессуръ, къ серьезному вреду для учебнаго дѣла, но къ выгодѣ либо финансовъ университета, либо того или другого коллеги, которому поручалось чтеніе соотвѣтственныхъ курсовъ съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ; вотъ тутъ-то существованіе такой угрозы, какъ возможность назначенія свыше штатнаго замѣстителя пустующей каѳедры могло бы оказаться очень полезнымъ. Но я иду дальше: я представляю себѣ совѣтскую баллотировку съ ея случайностями, съ есте-

ственнымъ вліяніемъ на нее преходящихъ политическихъ или иныхъ конъюнктуръ; допустите окончательность такого рѣшенія — и зло станетъ непоправимымъ. Тутъ-то и является желательнымъ арбитръ, къ которому могло бы обратиться побитое на выборахъ, но правое меньшинство; а для этого необходимо предоставить высшей инстанціи право кассаціи, право veto. У насъ боятся, какъ бы это правило не выродилось въ административный произволъ; что жъ, обставимъ его такъ, чтобы этотъ произволъ былъ затрудненъ. Постановимъ, чтобы избранникъ совѣта считался утвержденнымъ ipso jure, если въ теченіе извѣстнаго времени не послѣдуетъ *мотивированной* кассаціи со стороны министра,—со всѣми послѣдствіями этого утвержденія. Такъ, дѣйствительно, взглянуло на дѣло большинство членовъ петербургской уставной комиссіи; желательно, чтобы эта точка зрѣнія стала всеобщей. Не чрезмѣрностью притязаній, какъ это думаютъ многіе, а разумнымъ самоограниченіемъ человѣкъ доказываетъ свои права на дѣйствительную жизнетворную свободу.

Переходимъ ко второму или, собственно, къ первому изъ поставленныхъ выше вопросовъ: вопросу о *посредствующихъ звеньяхъ* между министромъ и университетами. До сихъ поръ по всѣмъ уставамъ такимъ посредствующимъ звеномъ считался попечитель; таковымъ онъ остался и по министерскому проекту 1905 года. Между тѣмъ петербургскій университетъ уже въ 1901 году высказался противъ сохраненія попечительской власти; понятно, что онъ и нынѣ остался при своей тогдашней точкѣ зрѣнія.

Все же раздавались голоса и въ пользу попечителя. Разсуждали такъ: непосредственное подчиненіе университетовъ министру (или, фактически, его товарищу или замѣстителю) сводится къ централизаціи университетскаго дѣла; напротивъ, отнесеніе ихъ къ кругу вѣдѣнія попечителей отдѣльныхъ учебныхъ округовъ равносильно его децентрализаціи. А такъ какъ въ настоящее время децентрализація пользуется большимъ обаяніемъ, то съ этой точки зрѣнія и попечительская власть пріобрѣтала особую, нѣсколько парадоксальную окраску либерализма. Мнѣ же кажется, что эти соображенія скорѣе эмоціональнаго характера. Требованіе разумной децентрализаціи вполнѣ удовлетворено предоставленной отдѣльнымъ университетамъ автономіей; тотъ органъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ служить интересамъ ихъ объединенія, а не еще большаго разобщенія. Выражусь яснѣе. Что такое замѣститель министра? Символъ объединенія, въ скромныхъ предѣлахъ административной санкціи, Петербургскаго университета съ Московскимъ,

Кіевскимъ и т. д. А что такое попечитель? Символъ административнаго объединенія Петербургскаго университета со всѣмъ петербургскимъ же аппаратомъ среднихъ и низшихъ школъ и его разобщенія съ Московскимъ и прочими университетами. А при такой постановкѣ вопроса точка зрѣнія Петербургскаго университета становится вполнѣ понятной. Впрочемъ, справедливость требуетъ заявить, что въ рѣшеніи нашей дилеммы провинціальные университеты заинтересованы гораздо болѣе Петербургскаго, и что имъ, поэтому, должно бы было быть предоставлено рѣшающее слово. Для насъ, петербужцевъ, разница невелика, будемъ ли мы сноситься съ министромъ черезъ то или другое должностное лицо; для нихъ же наличность или отсутствіе своего мѣстнаго административнаго органа—вопросъ существенный. Благотворно ли дѣйствуетъ на совѣты провинціальныхъ университетовъ близость такого административнаго органа и исходящій отъ него магнетическій токъ? У меня есть кое-какія наблюденія по этой части; но лучше будетъ предоставить слово имъ самимъ.

Такъ рѣшается дѣло при современныхъ условіяхъ, на почвѣ реальной психологіи и реальной политики; не будемъ, однако, забывать и объ идеалахъ. Съ нихъ я началъ настоящую главу; ими ее и закончу. Если идеаломъ устройства университетовъ представляется экстерриторіальная и самодовлѣющая civitas academica, то идеаломъ ихъ контроля и объединенія можетъ быть только... какъ бы выразиться? Ну, скажемъ: *амфиктіонія академическихъ республикъ*. Каждый совѣтъ отправляетъ въ столицу своимъ представителемъ одного изъ своихъ заслуженныхъ профессоровъ (или по желанію, академика, почетнаго доктора и т. д.); эти представители и составляютъ академическую амфиктіонію, высшую контрольную и кассаціонную инстанцію по всѣмъ университетскимъ дѣламъ; ея предсѣдатель, періодически смѣняющійся — rector magnificentissimus всѣхъ русскихъ университетовъ. Прошу извиненія за термины; ими я хотѣлъ лишь подчеркнуть идеальный характеръ предлагаемой мною мѣры. А впрочемъ, я думаю, что приблизиться къ указанному идеалу можно бы и не въ столь отдаленное время, оставаясь на будничной почвѣ подвѣдомственности. Для этого достаточно было бы установить, чтобы нашъ rector magnificentissimus и былъ тѣмъ посредствующимъ звеномъ, о которомъ идетъ рѣчь, между университетами и министромъ; въ его рукахъ сосредоточивались бы всѣ университетскія дѣла. Такъ какъ членами нашей амфиктіоніи... или, если это благозвучнѣе, университетской комиссіи—были бы заслуженные профессора, получающіе пенсію, то ихъ содержаніе не при-

чинило бы казнѣ особыхъ убытковъ; а уже для арбитража въ случаѣ какихъ-нибудь раздоровъ въ университетской средѣ никто не былъ бы призваннѣе ихъ. Вообще, чѣмъ болѣе присматриваешься къ этому проекту, тѣмъ цѣлесообразнѣе представляется онъ; въ уставной комиссіи и въ совѣтѣ о немъ мало говорили, но мнѣ кажется, что подумать о немъ стоитъ.

2. Вопросъ о выборномъ началѣ.

По уставу 1884 г., какъ профессора, такъ и секретари, деканы и ректоръ назначались свыше; по министерскому проекту 1904 г. въ соотвѣтствіи съ „временными правилами", равно какъ и по проектамъ академическаго союза и (за это можно поручиться) всѣхъ совѣтовъ, всѣ они избираются самой университетской средой. Здѣсь, такимъ образомъ, разница между обоими уставами—1884 и предположительнымъ 1906 г.—кажется наиболѣе рѣзкой; на дѣлѣ она была въ значительной степени смягчена теоріей и еще болѣе практикой.

Дѣйствительно, мы должны тутъ различать положеніе профессоровъ отъ положенія академическихъ магистратовъ; оно—неодинаково. Со всею строгостью право назначенія могло быть проведено только въ отношеніи этихъ магистратовъ; что же касается профессоровъ, то министерство само связало себѣ руки, требуя отъ кандидата на профессора ученой степени—въ теоріи докторской, а на практикѣ по крайней мѣрѣ магистерской. Этимъ оно, во-первыхъ, ставило свой выборъ въ зависимость отъ университетскаго, такъ какъ присуждать ученыя степени могли, разумѣется, только университеты; а во-вторыхъ, крайне ограничивало его просторъ, такъ какъ обладающихъ требуемой квалификаціей было всегда очень немного. Это въ теоріи; практика же пошла еще дальше въ смыслѣ смягченія административнаго произвола. За все время дѣйствія устава 1884 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ только одинъ профессоръ (нынѣ покойный) былъ назначенъ свыше; всѣ остальные были предварительно избираемы факультетами. Дѣлалось это негласно, по закрытіи офиціальнаго засѣданія; деканъ представлялъ результаты выборовъ факультета на утвержденіе министра—разумѣется, тоже неофиціально,—и тогда, офиціально, происходило его „назначеніе". Памятенъ отвѣтъ покойнаго министра Делянова одному кандидату, пожелавшему быть переведеннымъ въ Петербургскій университетъ: „Нѣтъ, батенька",—сказалъ онъ ему со свойственнымъ ему добродушіемъ,—„вы ужъ лучше проведите свою кандидатуру черезъ петербургскій (соотвѣтственный) факультетъ: этого

факультета я и самъ боюсь". Съ провинціей, какъ это водится, стѣснялись меньше; но и здѣсь чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе министръ отказывался отъ своей прерогативы и предоставлялъ факультетамъ замѣщеніе пустующихъ профессуръ.

Объ этомъ полезно помнить и въ интересахъ самой истины, и въ видахъ посильнаго опроверженія ходячей легенды, будто подъ вліяніемъ министерскаго права назначенія сильно измѣнился—разумѣется, къ худшему—составъ профессоровъ русскихъ университетовъ. Измѣнился ли онъ, это еще вопросъ, о которомъ я, какъ восьмидесятникъ, предпочитаю не говорить; но что министерство тутъ не при чемъ, это, послѣ сказаннаго, ясно. А положеніе наше было дѣйствительно странно и даже не лишено извѣстнаго комизма: мы усердно стремились къ возвращенію намъ отнятой у насъ автономіи; либеральная печать, спасибо ей, намъ въ этомъ дѣятельно помогала, но увы, какъ на главный аргументъ неизмѣнно указывала на „ухудшеніе профессорскаго состава". Такимъ образомъ, насъ поносили, чтобы намъ же услужить. Случалось даже, что и иной изъ нашей среды въ полемическомъ азартѣ хватался за этотъ рискованный аргументъ, отъ чего комизмъ положенія еще усугублялся. Разумѣлъ онъ при этомъ, вѣроятно, кумушекъ пять-шесть... А можетъ быть, впрочемъ, и самого себя: отъ насъ станется.

Опаснѣе этого права назначенія, чисто бумажнаго, было министерское право увольненія профессора. Страдала отъ него главнымъ образомъ провинція; лишь въ министерство Н. П. Боголѣпова гроза стряслась и надъ Петербургскимъ университетомъ, который въ одинъ прекрасный день, благодаря такому акту административнаго произвола, былъ лишенъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими приватъ-доцентами, и одного изъ своихъ талантливѣйшихъ и лучшихъ профессоровъ. Впрочемъ, какъ ни была велика нанесенная пострадавшимъ и всей университетской средѣ обида—она же, можно сказать, переполнила чашу и этимъ самымъ подготовила либеральную реакцію въ министерство генерала Ванновскаго. Достаточно удостовѣрено, что покойный министръ готовъ былъ отказаться отъ назначенія профессоровъ: весь споръ шелъ объ академическихъ магистратахъ и, главнымъ образомъ, ректорѣ.

Здѣсь, дѣйствительно, министерская прерогатива была серьезна: хотя она и была ограничена составомъ совѣтовъ и факультетовъ,—назначенія извнѣ не допускалось—все же, при численности этихъ коллегій, это ограниченіе было не особенно существенно. Важнѣе было претворяющее вліяніе всей академической среды; его послѣдствіемъ

было то, что, по крайней мѣрѣ, въ Петербургскомъ университетѣ антагонизмъ между ректоромъ и совѣтомъ былъ ощутителенъ, можно сказать, лишь при первомъ „ректорѣ по назначенію", котораго онъ и свелъ въ преждевременную могилу. Его преемникъ за все время своего ректорства пользовался уваженіемъ и любовью своихъ коллегъ; да и при остальныхъ отношенія, если не считать двухъ острыхъ вспышекъ розни подъ вліяніемъ окружавшихъ событій, были хорошія: ректоръ прекрасно понималъ, что, какъ ни какъ, а онъ намъ свой братъ, а деканы, разумѣется, и подавно. Такимъ образомъ, министерство должно было убѣдиться, что его право назначать академическихъ магистратовъ ничего, кромѣ odium'а, ему не принесло, и если оно въ 1901 г. еще дорожило, по крайней мѣрѣ, назначеннымъ ректоромъ, то единодушные протесты совѣтовъ не могли не поколебать этого его рѣшенія. Дѣйствительно, съ сентября 1905 г. всѣ академическіе магистраты въ русскихъ университетахъ—выборные, и нѣтъ основаній полагать, что этотъ палладіумъ университетской автономіи въ ближайшемъ будущемъ можетъ быть у насъ отнять.

Зато на смѣну прежней дилеммѣ явилась новая; она гласитъ: *факультетъ или совѣтъ*? Затрагиваетъ она, конечно, не ректорскіе выборы—въ отношеніи ихъ исключительная компетенція совѣта не подлежитъ сомнѣнію—но зато всѣ остальные. Разовьемъ ее въ примѣненіи къ выборамъ профессора; каковыми должны они быть, во-первыхъ, съ точки зрѣнія дедуктивной,—во-вторыхъ, съ точки зрѣнія реальной политики?

Съ точки зрѣнія дедуктивной политики дѣло представляется такъ. Новый автономный уставъ долженъ быть по возможности полнымъ контрастомъ къ бюрократическому уставу 1884 г. и въ такой же мѣрѣ приближаться къ автономному же уставу 1863 г. Между тѣмъ, по уставу 1863 г., профессора избиралъ совѣтъ, по уставу 1884 г. фактически, какъ мы видѣли, факультетъ; отсюда слѣдуетъ, что и по новому уставу его выборъ долженъ быть предоставленъ совѣту.

Или такъ. Совѣтъ университета, состоящій изъ профессоровъ, представляетъ собою автономную коллегію. Никто не можетъ быть членомъ автономной коллегіи иначе, чѣмъ по ея избранію. Итакъ, выбирать профессора долженъ совѣтъ.

Съ точки зрѣнія реальной политики, напротивъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ. Желательно обставить профессорскіе выборы такъ, чтобы по возможности обезпечить побѣду именно наилучшему кандидату; этого требуютъ интересы самого дѣла, которому мы слу-

жимъ, и поэтому-то мы ту политику, которая выдвигаетъ эту точку зрѣнія, называемъ реальной. Въ какой же области долженъ отличаться профессоръ, чтобы получить эпитетъ наилучшаго? Первымъ дѣломъ, въ области науки—первымъ дѣломъ потому, что рѣчь идетъ объ университетѣ; затѣмъ, въ области учебной; наконецъ, въ области житейскихъ отношеній. Теперь спрашивается: какая коллегія, по реальнымъ условіямъ, болѣе приспособлена къ тому, чтобы оцѣнить достоинство кандидата? Въ области науки несомнѣнно факультетъ—объ этомъ и спора быть не можетъ; въ этомъ отношеніи компетенція факультета является не только преобладающей, но даже исключительной. Въ области учебнаго дѣла совѣтскіе коллеги также могутъ имѣть свое мнѣніе, хотя и не равное по вѣсу: конечно, только факультетъ можетъ знать, насколько курсъ кандидата солиденъ, насколько онъ поспѣваетъ за наукой, но интересно ли онъ читаетъ, владѣетъ ли своей аудиторіей—это бываетъ извѣстно и другимъ. Наконецъ, въ области житейскихъ отношеній всѣ коллеги пользуются одинаковымъ правомъ голоса. Изъ сказаннаго ясно: чѣмъ болѣе центръ тяжести будетъ перенесенъ въ факультетъ, тѣмъ болѣе мы будемъ имѣть гарантій, что выборъ профессора состоится согласно съ интересами науки и учебнаго дѣла, то есть, говоря по просту, съ интересами университета; чѣмъ болѣе, напротивъ, этотъ центръ тяжести будетъ отодвинутъ въ совѣтъ, тѣмъ болѣе житейскіе интересы (то есть, по условіямъ данной минуты и еще надолго, политическіе) будутъ преобладать надъ университетскими.

Вотъ къ чему сводится, въ сущности, наша дилемма; послѣ сказаннаго покажется вполнѣ естественной точка зрѣнія Петербургскаго университета, согласно которой роль совѣта сводится къ формальному утвержденію въ тѣхъ случаяхъ, когда кандидатъ прошелъ въ факультетѣ со значительнымъ большинствомъ голосовъ (2/3 и болѣе), и можно только пожалѣть о томъ, что эта точка зрѣнія не была усвоена делегатскимъ съѣздомъ. Конечно, если серьезнаго перевѣса не было, то положеніе дѣлъ измѣняется: нельзя требовать отъ совѣта, чтобы онъ безоговорочно присоединился къ постановленію случайнаго, быть можетъ, большинства. Тогда на его долю естественно выпадаетъ почетная роль арбитра; а какъ обставить этотъ арбитражъ для того, чтобы обезпечить интересы науки и учебнаго дѣла—это другой вопросъ, который мы въ виду его и спеціальнаго, и сложнаго характера, можемъ оставить въ сторонѣ.

3. Вопросъ о коллегіальномъ управленіи.

По уставу 1884 г., университетскій режимъ былъ бюрократическимъ, по скольку университетомъ управлялъ назначенный административнымъ порядкомъ ректоръ во главѣ „правленія“, составленнаго изъ назначенныхъ же лицъ, исполняя предписанія попечителя и министра и лишь въ рѣдкихъ и маловажныхъ случаяхъ обращаясь къ содѣйствію совѣта. Напротивъ, по новому уставу, предваренному уже „временными правилами“ 1905 г., хозяиномъ университета долженъ быть совѣтъ: ректоръ — избранникъ совѣта и не болѣе какъ primus inter pares.

Правда, на ряду съ совѣтомъ существуютъ факультеты съ ихъ деканами; но разграниченіе ихъ компетенцій — кромѣ только что обсужденнаго избирательнаго права — не представляетъ особыхъ принціпіальныхъ затрудненій въ виду естественности и самоочевидности требованія, чтобы учебныя дѣла сосредоточивались въ факультетахъ, а административныя и общія — въ совѣтахъ; споръ можетъ касаться лишь частностей, которыя для насъ здѣсь неинтересны. Зато вотъ гдѣ возникаютъ трудности.

Новымъ уставомъ на мѣсто единоличнаго ректора съ его немногочисленнымъ правленіемъ поставленъ совѣтъ, т. е. коллегія, состоящая уже нынѣ у насъ, въ Петербургѣ, изъ 70 слишкомъ членовъ и имѣющая состоять въ будущемъ — если наши желанія исполнятся — изъ сотни и болѣе. Само собою разумѣется, что такая многоголовая коллегія не можетъ вѣдать всѣ, въ томъ числѣ и текущія дѣла: она должна выдѣлить изъ своей среды небольшую по составу комиссію,— ту самую, къ которой уже начинаетъ прививаться древнеакадемическій терминъ „сенатъ“... Впрочемъ, виноватъ: если бы это разумѣлось само собою, то и разногласій бы не было, а между тѣмъ таковыя есть. Дедуктивная политика даетъ о себѣ знать и здѣсь: утверждаютъ, что учрежденіемъ этого сената подрывается принципъ совѣтской автономіи, что на мѣсто ея вводится какая-то „олигархія“. Имъ возражаютъ: что же, вы хотите, чтобы совѣтъ въ полномъ составѣ засѣдалъ по два раза въ недѣлю?—„Нужды нѣтъ“—Да вѣдь перестанутъ ходить! — „Périsse l'université plutôt que les principes“! Но, конечно, такіе интрансигенты совѣтскаго самоуправленія составляютъ меньшинство; большинство же согласно въ томъ, что совѣтъ въ полномъ составѣ можетъ быть только законодательнымъ и кон-

тролирующимъ органомъ, собираемымъ лишь изрѣдка (въ нормальное время не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ) для важныхъ дѣлъ; текущая же административная работа должна происходить въ комиссіяхъ. Бояться „олигархіи“ нечего тамъ, гдѣ рѣшительно всѣ члены управляющихъ комиссій—выборные.

Среди этихъ комиссій сенатъ—первая, но не единственная. Само управленіе университетскимъ зданіемъ требуетъ людей со спеціальнымъ дарованіемъ, съ такъ называемой хозяйственной жилкой; такихъ среди насъ, людей науки, сравнительно немного, ихъ придется просить, чтобы они заняли соотвѣтственныя мѣста, и притомъ на довольно продолжительное время. Итакъ, „хозяйственный комитетъ“ естественно становится рядомъ съ сенатомъ, получая совершенно опредѣленную компетенцію. Такое же обособленное положеніе долженъ занять и „попечительный комитетъ“, вѣдающій дѣла о стипендіяхъ, пособіяхъ, студенческой столовой и т. д.; тутъ въ интересахъ дѣла желательно участіе младшихъ преподавателей, а равно и самихъ студентовъ. Труднѣе... и даже прямо до неразрѣшимости труденъ вопросъ о дисциплинарномъ судѣ; имъ придется заняться въ связи съ вопросомъ о студентахъ вообще.

Остановимся на *сенатѣ*. Въ его необходимости согласно, какъ уже было сказано, большинство; спорнымъ является лишь вопросъ объ его составѣ. Ректоръ, проректоръ, деканы — естественные его члены, о нихъ спору нѣтъ; но затѣмъ спрашивается: 1) нужны ли, кромѣ нихъ, и не магистратскіе „члены сената“, или нѣтъ? и 2) на какіе сроки избирать указанныхъ магистратовъ, а равно, если они будутъ признаны желательными, и „сенаторовъ“? Оставляя въ сторонѣ частности, ограничимся лишь тѣмъ, что представляетъ принципіальный интересъ.

Уставъ 1863 г. зналъ, кромѣ совѣта, только правленіе, состоявшее изъ ректора (съ проректоромъ) и декановъ; на этомъ основаніи многіе и теперь предлагаютъ ограничиться этими двумя органами. Противъ этого, однако, говоритъ слѣдующее.

Чѣмъ малочисленнѣе управляющая коллегія, тѣмъ менѣе сочтетъ она себя въ правѣ дѣйствовать отъ имени совѣта, тѣмъ чаще будетъ она къ нему обращаться. При уставѣ 1863 г., когда и совѣтъ былъ сравнительно немногочисленъ, и дѣла менѣе сложны, это не встрѣчало особыхъ затрудненій; теперь же положеніе измѣнилось и необходимость усилить составъ правленія и превратить его въ сенатъ — не болѣе какъ послѣдствіе измѣнившихся условій. Это—разъ. А за-

тѣмъ, то же осложненіе дѣлопроизводства можетъ потребовать отъ управляющей коллегіи и выдѣленія особыхъ комитетовъ для надлежащей подготовки того или другого дѣла или порученія таковаго отдѣльному члену; такъ и съ этой точки зрѣнія необходимъ усиленный составъ этой коллегіи. Къ этому дѣло и сведется на практикѣ, какъ бы оно ни было рѣшено въ уставѣ. Допустимъ, что въ уставѣ будетъ рѣчь только о правленіи: никто не можетъ воспрепятствовать этому правленію, когда дѣла перерастутъ его силы, испросить у совѣта причисленія къ нему еще нѣсколькихъ выборныхъ членовъ. А поэтому цѣлесообразнѣе заранѣе предусмотрѣть эту необходимость учрежденіемъ теперь же такого органа, который бы удовлетворялъ новымъ потребностямъ. Къ этому и сводится предложеніе Петербургскаго университета, чтобы въ составъ сената входило, кромѣ магистратовъ, еще по два члена отъ каждаго факультета, а всего четырнадцать.

Второй вопросъ — вопросъ о срокѣ службы какъ магистратовъ, такъ и сенаторовъ; станемъ тутъ прямо на почву реальной политики и разберемъ его 1) съ точки зрѣнія отдѣльныхъ профессоровъ и 2) съ точки зрѣнія дѣла.

Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ профессоровъ приходится разсуждать такъ. Я—профессоръ и желаю имъ остаться въ теченіе всей жизни, пока хватитъ силъ, но административная должность, хотя бы и по университету, для меня лишь обуза, и я желалъ бы къ ней отнестись хотя и вполнѣ добросовѣстно, но все же съ наименьшей затратой времени и энергіи. Насъ будетъ, надѣемся, около сотни; изъ этой сотни не менѣе двадцати будутъ засѣдать въ сенатѣ и комитетахъ, стало быть, одна пятая. Другими словами, если срокъ службы будетъ годичный, то мнѣ черезъ каждые четыре года придется гдѣ-нибудь управлять, каждый разъ вновь знакомясь съ дѣломъ и вновь къ нему припоровляясь. Это для меня положительно невыгодно; нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ сдвинуть годы моей административной службы такъ, чтобы пріобрѣтенной за первый годъ инерціей воспользоваться по крайней мѣрѣ для второго, а то и для третьяго года.

Съ точки зрѣнія дѣла важно, чтобы въ каждой управляющей коллегіи образовалась традиція; иначе получатся скачки, дѣйствія ощупью, вредныя для дѣла и сбивающія съ толку канцелярію и прочій подвѣдомственный персоналъ. А между тѣмъ ясно, что при ежегодной, да и вообще при всякой полной смѣнѣ состава никакой традиціи образоваться не можетъ: весь накопленный матеріалъ зна-

нія и опытности пропадетъ непроизводительно, и новому составу придется вновь его добывать. Итакъ, необходимо, чтобы часть коллегъ оставалась въ должности въ то время, какъ другая часть сойдетъ съ административной арены; тогда новички будутъ на первыхъ порахъ учиться у старшихъ по должности коллегъ, а затѣмъ въ свою очередь станутъ совѣтчиками для слѣдующей смѣны. А для этого нуженъ по крайней мѣрѣ двухгодичный срокъ административной службы — я лично былъ бы даже за болѣе продолжительный срокъ. Пусть, скажемъ, въ четные годы выбываетъ ректоръ, а въ нечетные— его помощникъ; въ четные — два декана, а въ нечетные—остальные два; въ четные—четыре сенатора, а въ нечетные — другая четверка. Такое рѣшеніе вопроса представляется, думается мнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

4. Вопросъ о младшихъ преподавателяхъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ болѣе или менѣе тихими и холодными вопросами; когда-то и они кипѣли лавой, теперь же они поросли солидной корой, терпѣливо выносящей тяжелую поступь Логоса. Совсѣмъ не то — тѣ, къ которымъ мы переходимъ теперь: здѣсь первое мѣсто въ спорѣ принадлежитъ эмоціональнымъ элементамъ.

Когда изъ Рима былъ изгнанъ Тарквиній Гордый, власть естественно перешла въ руки патриціевъ. Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ надъ ними стряслась бѣда въ видѣ всеобщей политической забастовки плебеевъ, результатомъ которой явился народный трибунатъ со всѣми его послѣдствіями. У насъ дѣло пошло еще быстрѣе: 27-го августа избавились мы отъ своего Тарквинія Гордаго, устава 1884 г., но не прошло и десяти недѣль совѣтскаго режима, и на академическомъ горизонтѣ сталъ вырисовываться призракъ сецессіи младшихъ преподавателей въ поддержаніе опредѣленныхъ академико-политическихъ „требованій“.

Въ виду присущаго дѣлу эмоціональнаго элемента прошу позволенія тотчасъ формулировать свое мнѣніе. Оно совпадаетъ съ тѣмъ, которое нашло себѣ выраженіе и въ проектѣ комиссіи академическаго союза, и въ проектѣ Петербургскаго университета (говорю—„совпадаетъ“, такъ какъ я высказалъ его много раньше, въ началѣ сентября 1905 г., въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и оно тогда же проникло въ печать) и гласитъ такъ: желательно

участіе ограниченнаго числа *делегатовъ* отъ коллегіи младшихъ преподавателей въ засѣданіяхъ какъ факультетовъ, такъ и совѣта. Этотъ исходъ представляетъ собою середину — надѣюсь, золотую — между двумя крайними мнѣніями: недопущеніемъ ихъ вовсе и допущеніемъ либо полностью, либо въ значительномъ составѣ. Постараюсь его обосновать.

Но тутъ мы съ первыхъ же шаговъ наталкиваемся на неудоборазрѣшимое затрудненіе: каковъ составъ той группы университетскихъ дѣятелей, которые именуютъ себя младшими преподавателями или (по усвоенному академическимъ союзомъ термину) преподавателями младшихъ степеней? Ихъ имена суть многи: доценты, приватъ-доценты, лекторы, ассистенты, лаборанты, хранители, прозекторы, ординаторы, не исключая и такихъ специалистовъ, какъ ученый садовникъ и астрономъ-наблюдатель, а равно и оставленныхъ при университетѣ, этихъ загадочныхъ хрисаллидъ, о принадлежности которыхъ и понынѣ идутъ споры. Но главное—вовсе не эта терминологическая пестрота; будь все дѣло въ ней, мы, профессора, предоставили бы нашимъ младшимъ коллегамъ въ ней разбираться, т. е. опредѣлить составъ своей коллегіи, и просто приняли бы къ свѣдѣнію ихъ рѣшеніе. Затруднительнѣе этой формальной и внѣшней — реальная и внутренняя пестрота; затруднительнѣе потому, что ею обусловливается и различное отношеніе къ университету, различная степень заинтересованности въ его преуспѣяніи. Скажу напрямикъ: не будь этого элемента — не было бы и антагонизма между старшей и младшей корпораціями.

Мы всѣ, профессора, были когда-то „младшими преподавателями"; равнымъ образомъ и между нынѣшними младшими преподавателями много такихъ, которые вскорѣ займутъ наше мѣсто. Съ этой группой мы легко столкуемся: „сословнаго" различія между нами нѣтъ, сравненіе съ патриціями и плебеями здѣсь рѣшительно неумѣстно; если угодна параллель изъ древне-римской жизни, то я сослался бы на отношенія между centuriae juniorum и seniorum одной и той же трибы. Какъ мы провели бо́льшую и лучшую часть своей жизни профессорами, а не младшими преподавателями, такъ и имъ предстоитъ то же самое; умалять, поэтому, значеніе профессорской коллегіи для нихъ вовсе не выгодно, такъ какъ они этимъ самымъ умалили бы свое собственное наслѣдство... „Но все же", скажутъ, „есть и между ними рьяные борцы". Знаю; это—біологическій радикализмъ, неопасный и даже врядъ ли всегда серьезный; при всемъ томъ это—

самая академическая изо всѣхъ группъ младшихъ преподавателей. Ея представители — люди со степенями или наканунѣ таковыхъ, магистры, доктора. Пока они поневолѣ, за недостаточностью своего университетскаго оклада или вознагражденія, отвлечены посторонней службой; все же они смотрятъ на университетъ какъ на центръ своихъ интересовъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе душой въ него переселяются. Распредѣлены они приблизительно равномѣрно по всѣмъ факультетамъ; если же они особенно преобладаютъ на историко-филологическомъ, то это объясняется тѣмъ, что здѣсь младшіе преподаватели другихъ категорій почти отсутствуютъ. И въ этомъ, кажется, заключается причина исконно-прекрасныхъ отношеній между профессорами и младшими преподавателями именно на этомъ факультетѣ.

Другую категорію составляютъ младшіе преподаватели со спеціальными именами ассистентовъ, лаборантовъ, прозекторовъ; они состоятъ только при факультетахъ съ демонстраціями и лабораторіями, т. е. при физико-математическомъ и медицинскомъ. Они тоже видятъ въ университетѣ главный центръ своихъ интересовъ, но ихъ отношеніе къ нему существенно другое. Процентъ будущихъ профессоровъ между ними значительно меньше, и не они задаютъ тонъ; многіе большую и лучшую часть своей жизни проводятъ „младшими" преподавателями. Это создаетъ у нихъ своего рода соціальный вопросъ и способствуетъ кое-гдѣ ихъ консолидаціи въ особую „лаборантскую" партію; обостренности отношеній значительно содѣйствуетъ и то, что они (пользуясь ихъ терминологіей) „прикрѣплены" каждый къ своему профессору или „закабалены" ему и поэтому всячески имъ „эксплуатируются". Чувствуя себя „рабами", „илотами", „паріями" академической общины, они всего ждутъ только отъ себя и настойчиво, поэтому, требуютъ, увеличенія своихъ правъ; въ ихъ средѣ, можно сказать, и зародилось все движеніе, о которомъ повѣствуется здѣсь.

Третья категорія—это тѣ, для которыхъ академическій титулъ приватъ-доцента является лишь красивымъ и, подчасъ, прибыльнымъ орнаментомъ ихъ прочей, преимущественно внѣуниверситетской дѣятельности; они преобладаютъ на юридическомъ и опять-таки на медицинскомъ факультетахъ. Тамъ это—чиновники, приходящіе къ намъ изъ своихъ канцелярій подышать академическимъ воздухомъ и освѣжить свой запыленный умъ общеніемъ съ молодежью; здѣсь это — врачи съ частной практикой, на которую титулъ приватъ-доцента университета дѣйствуетъ оживляющимъ стимуломъ не хуже мускуса. Въ

Петербургѣ за отсутствіемъ медицинскаго факультета, младшіе преподаватели этой категоріи не особенно даютъ знать о себѣ; зато въ другихъ университетахъ процентъ ихъ очень великъ—болѣе половины.

При всемъ томъ слѣдуетъ помнить, что по уставу 1884 г., при которомъ составилась—кажется, безъ исключенія,—вся нынѣшняя корпорація младшихъ преподавателей, ни совѣтъ, ни факультетъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на ея пополненіе. Обыкновенно молодой человѣкъ, выдержавшій экзаменъ на магистра, подавалъ прошеніе на имя попечителя и имъ утверждался въ званіи приватъ-доцента. Вообще, какъ Тарквиніи, притѣсняя патриціевъ, покровительствовали плебеямъ, такъ точно и уставъ 1884 г., всячески умаляя значеніе профессорской коллегіи, въ то же время старался поднять и поддержать приватъ-доцентуру. Выходитъ такимъ образомъ, что нынѣшнее движеніе младшихъ преподавателей, направленное къ расширенію ихъ правъ, прямое продолженіе реакціонной министерской политики, нашедшей себѣ выраженіе въ уставѣ 1884 г.

Для представителей дедуктивной политики среди профессоровъ это достаточное основаніе, чтобы отнестись къ нему отрицательно; и дѣйствительно, именно наиболѣе рьяные ревнители устава 1863 г. и отвергли всякое участіе младшихъ преподавателей какъ въ совѣтахъ, такъ и въ факультетахъ. Не увлекаясь ихъ чрезмѣрной прямолинейностью, постараемся объективно разобраться въ поставленномъ вопросѣ, обсуждая его: 1) съ точки зрѣнія интересовъ дѣла и 2) съ точки зрѣнія самолюбія замѣшанныхъ академическихъ группъ.

Прежде всего интересы университетскаго дѣла требуютъ, чтобы его ходъ зависѣлъ отъ людей зрѣлыхъ знаніями и опытностью и въ то же время всѣми фибрами своей души привязанныхъ къ университету. Въ этомъ, кажется, сомнѣнія быть не можетъ—и равнымъ образомъ и въ томъ, что таковыми являются именно старшіе, а не младшіе преподаватели. Вѣдь достаточно поставить вопросъ: какъ отозвалось бы уничтоженіе университета на преподавателѣ той или другой коллегіи. Для профессора оно почти что равносильно потерѣ всего смысла его существованія—особенно въ провинціи, гдѣ университетъ является уже не главнымъ, а единственнымъ полемъ его дѣятельности; онъ если и оправится отъ удара, то съ надломленными силами, съ истощеннымъ запасомъ жизненной энергіи. Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи находятся тутъ младшіе преподаватели—даже оставляя въ сторонѣ третью категорію, для которой академическій титулъ представляется коэффиціентомъ болѣе или менѣе орнаменталь-

наго характера. Имъ еще не такъ трудно измѣнить направленіе своего жизненнаго пути; несчастье университета поразитъ ихъ съ значительно ослабленной силой.

Высказаннымъ только что соображеніемъ совершенно исключается, разумѣется, участіе младшей коллегіи in pleno въ факультетахъ и совѣтахъ, которое свелось бы, въ виду преобладающей численности этой коллегіи, къ постоянной маіоризаціи профессоровъ младшими преподавателями; имъ же исключается и предлагаемый нѣкоторыми делегаціонный совѣтъ, составленный въ одинаковой мѣрѣ изъ старшихъ и младшихъ преподавателей. Повторяю: преобладаніе профессорской коллегіи, соотвѣтствующее ея большей опытности и большей заинтересованности въ преуспѣяніи университета—прямое, естественное и справедливое требованіе здраваго смысла, имѣющаго въ виду интересъ дѣла, а не что-либо иное.

Но можно ли сказать, что этимъ заодно исключается и всякое участіе младшихъ преподавателей въ совѣтскихъ и факультетскихъ дѣлахъ? Очевидно, нѣтъ. Интересы дѣла требуютъ, чтобы каждый вопросъ, подлежащій рѣшенію въ совѣтахъ или факультетахъ, подвергся предварительно возможно всестороннему освѣщенію, а между тѣмъ несомнѣнно и то, что младшіе преподаватели часто имѣютъ возможность освѣтить его съ особой и не всегда безынтересной стороны. Они участвуютъ въ дѣлѣ преподаванія наравнѣ съ профессорами и притомъ (по демонстративнымъ такъ сказать наукамъ) въ болѣе непосредственномъ общеніи со студентами; ихъ мнѣніе поэтому можетъ оказаться интереснымъ и драгоцѣннымъ не только въ дѣлахъ, такъ или иначе затрагивающихъ ихъ собственную корпорацію, но и по всѣмъ вообще учебнымъ и студенческимъ дѣламъ. Я не буду здѣсь говорить о томъ, насколько благотворно можетъ подѣйствовать умѣренная доза приватъ-доцентскаго элемента въ качествѣ „антитоксина" противъ профессорской косности или „допинга" (прошу у своихъ сочленовъ по академическому союзу извиненія за эти плагіаты); не буду говорить потому, что я, двадцатилѣтній членъ профессорской коллегіи, этой косности въ ней не наблюдалъ. Наблюдавшіе пусть говорятъ.

Итакъ, что же можно возразить противъ предлагаемаго здѣсь участія делегатовъ младшихъ преподавателей въ засѣданіяхъ профессорскихъ коллегій? „Не можетъ быть членомъ автономной коллегіи человѣкъ, не ею избранный". По моему, это—та же дедуктивная политика; но пусть будетъ такъ. Что же мѣшаетъ намъ обставить дѣло

такими условіями, чтобы делегаты отъ младшихъ преподавателей оказались также избранниками профессорскихъ коллегій? Самымъ простымъ средствомъ къ осуществленію этой разумной идеи была бы предусмотрѣнная еще древнеаѳинскимъ государственнымъ правомъ такъ называемая αἵρεσις ἐκ προκρίτων: младшіе преподаватели намѣчаютъ извѣстное число (скажемъ, 16) кандидатовъ; изъ нихъ совѣтъ баллотируетъ (скажемъ, 8) делегатовъ. Но такъ какъ эта идея у насъ, въ силу разныхъ неумѣстныхъ ассоціацій, сопровождается неизмѣннымъ бюрократическимъ привкусомъ, то можно остановиться на предложеніи Петербургскаго университета: младшіе преподаватели баллотируютъ въ делегаты лишь тѣхъ изъ своей среды, которые обладаютъ докторскою степенью. Такъ какъ эта степень присуждается совѣтомъ, то получившее ее лицо не можетъ не считаться его избранникомъ... Если бы это предложеніе прошло, то къ представленію о докторской степени прибавилась бы отнынѣ еще одна черта: присуждая ее, совѣтъ этимъ самымъ квалифицируетъ получающаго, какъ кандидата въ члены совѣта; полагаю, что противъ такого рѣшенія дѣла самые строгіе приверженцы дедуктивной политики ничего не могли бы имѣть.

А разъ мы признаемъ желательнымъ участіе лишь делегаціи отъ младшихъ преподавателей въ ограниченномъ составѣ членовъ, то вопросъ о характерѣ предоставляемаго имъ голоса—совѣщательномъ или рѣшающемъ—теряетъ свою остроту. Всякое ограниченіе, будучи обиднымъ для самолюбія ограничиваемаго, должно быть мотивировано; а разъ опасность маіоризаціи устранена малочисленностью делегаціи, то какая же можетъ быть мотивировка? Я думаю поэтому, что всякія ограниченія тутъ излишни: члены-делегаты во всемъ должны быть равноправны съ членами-профессорами.

Впрочемъ, мы тутъ уже затронули ту область, которую предполагали разсмотрѣть особо: область самолюбія. Правду говоря, въ спорахъ объ участіи или неучастіи младшихъ преподавателей вопросы самолюбія играютъ преобладающую роль; вопросъ о самомъ дѣлѣ и его интересахъ въ сравненіи съ ними отступаетъ на задній планъ. Самолюбіе профессоровъ требуетъ полнаго исключенія младшихъ преподавателей, самолюбіе этихъ послѣднихъ полнаго равноправія съ первыми; въ этой постановкѣ вопросъ не разрѣшимъ. Но бываетъ самолюбіе законное и самолюбіе незаконное; и вотъ я думаю, что если сосредоточиться на первомъ, то положеніе окажется менѣе безнадежнымъ.

Прежде всего законное самолюбіе профессоровъ несовмѣстимо съ

участіемъ въ ихъ коллегіяхъ всѣхъ младшихъ преподавателей, такъ какъ оно въ теоріи равносильно постоянной маіоризаціи старшихъ младшими, а на практикѣ—вытѣсненію профессоровъ изъ правящихъ университетскихъ коллегій. Это послѣднее мало принимается во вниманіе; а между тѣмъ дѣло станетъ вполнѣ ясно, если углубиться нѣсколько въ профессорскую психологію. Имѣйте же въ виду, господа, что средній типъ профессора—это человѣкъ на исходѣ пятаго десятка, т. е. такой, которому при нормальныхъ условіяхъ остается прожить какихъ-нибудь 15 лѣтъ. Солнце въ зенитѣ, научный кругозоръ широкъ, научныхъ проблемъ назрѣло множество—и вотъ тайный голосъ твердитъ намъ: все, что ты можешь сдѣлать въ области твоей науки, все, чѣмъ ты разсчитываешь отплатить кормившему тебя народу и этимъ оправдать твое существованіе—все это ты долженъ умѣстить въ узкую рамку этихъ 15 лѣтъ, которыя тебѣ еще осталось прожить. Этотъ тайный голосъ—директива всей профессорской психологіи; мы не знали его, когда были приватъ-доцентами, а теперь онъ преслѣдуетъ насъ, точно кошмаръ. И вотъ вы зовете меня въ совѣтъ; что жъ, это мой долгъ, я пойду. Но я въ правѣ требовать, чтобы этотъ вечеръ, который я на него изведу, представлялъ изъ себя какую-нибудь, хотя бы скромную цѣнность—не для меня, конечно, а для дѣла. Теперь въ совѣтѣ насъ семьдесятъ, ходитъ сорокъ съ небольшимъ—тутъ мой голосъ имѣетъ свое значеніе. Найду нужнымъ вмѣшаться въ пренія—получаю слово черезъ $^1/_4$ часа. Мнѣ возражаютъ—я черезъ дальнѣйшую $^1/_4$ часа имѣю возможность отвѣтить. При новомъ уставѣ насъ будетъ (съ увеличеніемъ штатовъ) сотня, ходить будетъ около семидесяти; обстоятельства измѣнятся нѣсколько къ худшему, но все же не очень. Но вотъ вы впускаете къ намъ еще человѣкъ двѣсти (ужъ не меньше) младшихъ преподавателей; тутъ цѣнность моего голоса опредѣляется дробью $^1/_{300}$ или, на практикѣ, $^1/_{200}$, я чувствую себя сопричисленнымъ къ Stimmgesindel. Я прошу слова—меня записываютъ, но увы, до меня записано 12 ораторовъ; очередь дойдетъ до меня черезъ $1^1/_2$ часа, а къ тому времени то, что я хочу сказать теперь, станетъ совершенно излишнимъ; я или откажусь отъ слова, или скажу нѣчто другое по поводу послѣднихъ рѣчей. Мнѣ возражаютъ; я хочу отвѣтить.—„Виноватъ“, говоритъ мнѣ предсѣдатель съ неловкой улыбкой, „у меня записано еще двадцать ораторовъ—быть можетъ, совѣтъ найдетъ нужнымъ, за позднимъ временемъ, закрыть списокъ?“ И конечно, совѣтъ находитъ это нужнымъ,—я первый. Прибавьте къ этому постоянную маіоризацію профессоровъ гораздо болѣе много-

численной группой младшихъ коллегъ—и спросите самихъ себя: да кто же изъ насъ послѣ этого станетъ ходить въ совѣтъ? Скажутъ: да вѣдь ведутся же плодотворныя пренія въ парламентахъ, еще болѣе многочисленныхъ. Да, конечно; но вѣдь тамъ и техника вырабатывается особая: партіи собираются отдѣльно, намѣчаютъ своихъ ораторовъ, значительная часть работы производится въ комиссіяхъ и т. д., и на выработку этой техники депутаты тратятъ не мало времени. Если вы ждете того же отъ университетскихъ совѣтовъ, то поставьте сразу крестъ на всей ученой и учебной дѣятельности профессора.

Таково требованіе законнаго самолюбія профессора—чтобы его корпорація пользовалась преобладающимъ значеніемъ въ управленіи университетомъ, не болѣе. Оттуда до исключенія младшихъ преподавателей еще далеко, и никакой логическій мостъ не ведетъ къ этому выходу. Теперь спрашивается: каково требованіе законнаго самолюбія младшихъ преподавателей? Подлинно ли состоитъ оно въ томъ, чтобы, маіоризируя своихъ старшихъ коллегъ, захватить полную власть надъ университетомъ? Спросимъ младшихъ преподавателей первой категоріи, для которыхъ приватъ-доцентство является только преддверіемъ къ профессурѣ: они поймутъ, что вовсе не въ ихъ интересахъ требовать для себя чрезмѣрныхъ правъ въ теченіе этого предварительнаго stage'а съ тѣмъ, чтобы потерять (фактически) всѣ права на время своей профессорской дѣятельности. Спросимъ коллегъ третьей категоріи, для которыхъ университетская дѣятельность—только побочная: они, равнымъ образомъ, должны понять, что, пользуясь всѣми правами въ центральной области своей жизни, они поступаютъ несправедливо, лишая насъ нашихъ правъ въ той области, которая для насъ является центральной. Остается вторая категорія, наиболѣе заинтересованная изо всѣхъ; признаемъ естественность ихъ желаній, но протестуемъ противъ ихъ чрезмѣрности. Къ тому же, эта категорія сосредоточена— у насъ въ Петербургѣ—въ одномъ только факультетѣ, такъ что и ея интересы можно признать только факультетскими, а не общеуниверситетскими.

Итакъ, вотъ посредствующій исходъ, вотъ естественная почва для компромисса: делегація отъ младшихъ преподавателей, въ ограниченномъ составѣ членовъ, какъ въ факультетахъ, такъ и въ совѣтѣ. Какъ разъ въ это время, когда я пишу эти строки, вопросъ о ней разбирался и на третьемъ съѣздѣ академическаго союза, и на делегатскомъ съѣздѣ профессоровъ по выработкѣ устава. И здѣсь, и тамъ она была отвергнута: тамъ—въ пользу единой коллегіи изъ профес-

соровъ и младшихъ преподавателей, „гдѣ образованіе таковой окажется возможнымъ“, какъ гласила коварная въ своей неопредѣленности оговорка; здѣсь—въ пользу полнаго исключенія младшихъ преподавателей. На съѣздѣ академическаго союза преобладали младшіе преподаватели, на съѣздъ профессоровъ они не были допущены вовсе; а такъ какъ первое рѣшеніе было постановлено раньше второго, то заключеніе post hoc, ergo propter hoc не будетъ рискованнымъ. Другими словами: позволительно предположить, что именно непомѣрная притязательность младшихъ преподавателей, обнаруженная ими м. пр. на съѣздѣ академическаго союза, стала причиной полнаго проигрыша ихъ дѣла на съѣздѣ профессоровъ.

Если бы этотъ проигрышъ былъ окончательнымъ, о немъ лучше бы было не говорить; это значило бы—безъ пользы растравлять не зажившую рану. Но, разъ постановленіе съѣзда имѣло лишь предварительный характеръ, дѣло еще поправимо, и его благополучный окончательный исходъ зависитъ въ значительной степени отъ дальнѣйшей тактики нашихъ младшихъ коллегъ. Вотъ почему я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ объ этой ихъ тактикѣ и въ правѣ разсчитывать, что они къ нимъ отнесутся безъ обидчивости и съ тою же благожелательной объективностью, съ какою я ихъ пишу.

Дѣйствительно, я полагаю, что ихъ дѣло было бы выиграно уже теперь, если бы не та совершенно излишняя враждебность и раздражительность, которую они проявили въ его веденіи съ самаго начала. Конечно, злоба совершаетъ нынѣ свое торжествующее шествіе по всей Россіи, ею заражены всѣ общественныя и даже частныя отношенія; не всегда разберешь, поскольку человѣкъ, а тѣмъ болѣе группа, состоитъ сознательнымъ производителемъ, и поскольку—безсознательнымъ носителемъ этой злобы. Много желчи безо всякой нужды разливается повсюду, напрасно истощая и отравляя общественный организмъ; но нигдѣ, можно сказать съ увѣренностью, это изліяніе не было такъ безцѣльно и неосновательно, какъ въ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ я говорю здѣсь. Лучшая иллюстрація—послѣдній съѣздъ академическаго союза, посвященный почти исключительно вопросу о младшихъ преподавателяхъ при преобладающемъ участіи этихъ послѣднихъ.

Не могли же они не знать, что присутствующіе члены-профессора—ихъ союзники и заступники въ своихъ совѣтахъ; казалось бы, хоть здѣсь, на этой почвѣ, были всѣ данныя для мирной и дружной совмѣстной работы. И что же? Въ самомъ началѣ преній членамъ-

профессорамъ бросается упрекъ, что они, заранѣе сговорившись, пришли, чтобы по своему рѣшить, не обсуждая его, приватъ-доцентскій вопросъ. И коллеги оратора не только не протестуютъ противъ этого голословнаго и ложнаго обвиненія—они тутъ же, въ первую голову, избираютъ его въ комиссію. Въ томъ же духѣ происходило и дальнѣйшее; напрягались всѣ силы, чтобы добиться резолюціи въ крайнемъ и утопистическомъ духѣ, самыя умѣренныя и невинныя поправки со стороны профессоровъ отвергались, сыпались комплименты по ихъ адресу,—однимъ словомъ, мы уже тогда предвкушали, каковы будутъ совѣтскія засѣданія въ случаѣ образованія „единой коллегіи“, и многіе изъ насъ, я увѣренъ, говорили себѣ: нѣтъ, лучше отставка, чѣмъ такая „совмѣстная работа“. Но этотъ конецъ лишь соотвѣтствовалъ началу и средней части. Вездѣ—крайнія требованія, въ исполнимость которыхъ сами требующіе не вѣрили, исходя изъ того соображенія, что нужно много требовать, чтобы получить хоть что-нибудь, и не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое впечатлѣніе производитъ на профессорскую коллегію эта скорѣе коммерческая, чѣмъ академическая, тактика. Вездѣ та же подозрительность и враждебность, поведшая къ составленію такихъ оскорбительныхъ бумагъ, которыя неловко даже было читать въ совѣтѣ; младшіе преподаватели какъ будто боялись уронить свое достоинство, соблюдая въ отношеніи своихъ старшихъ коллегъ миролюбивый и благожелательный тонъ. И, несмотря на это, когда въ совѣтѣ Петербургскаго университета обсуждался вопросъ объ участіи въ немъ делегаціи отъ младшихъ преподавателей въ это переходное время,—онъ былъ рѣшенъ отрицательно лишь очень незначительнымъ большинствомъ. Стало быть, не будь того враждебнаго отношенія, о которомъ я говорилъ,—можно съ увѣренностью утверждать, что онъ былъ бы рѣшенъ положительно. Я даже знаю, что это—такъ.

Отсюда, впрочемъ, для правильно разсуждающаго слѣдуютъ не одна, а двѣ морали. Первая ясна сама собою: младшіе преподаватели должны отрѣшиться отъ той неосновательной и безцѣльной приправы враждебности, которой они лишь затрудняютъ положеніе своихъ заступниковъ въ совѣтахъ. Они могутъ это сдѣлать, такъ какъ именно они, по своему духовному развитію, — не безсознательные носители злобы, а люди, понимающіе, что они дѣлаютъ. Вторая мораль—не для нихъ, а для насъ; она гласитъ такъ: нужно устранить тѣ условія, которыя способствуютъ зарожденію и укрѣпленію враждебности, нужно разрушить средостѣніе—таковъ вѣдь лозунгъ нашей эпохи—также и

между обѣими преподавательскими корпораціями университетовъ. Это средостѣніе существуетъ, пока существуетъ полная отчужденность обѣихъ корпорацій, пока младшая совершенно устранена отъ всякаго участія въ управленіи университетомъ: она ослабнетъ и исчезнетъ, когда въ правящихъ коллегіяхъ будутъ присутствовать постоянныя делегаціи отъ младшихъ преподавателей. Благодаря имъ, эти послѣднія вскорѣ убѣдятся, что ихъ враждебность была чисто односторонней, что никакого недоброжелательства по отношенію къ нимъ у ихъ старшихъ коллегъ не имѣется; а постоянная работа на пользу общаго дѣла, одинаково всѣмъ дорогого, не замедлитъ проявить свое оздоровляющее и умиротворяющее дѣйствіе. Итакъ, мы должны, несмотря на все, твердо настаивать на требованіи участія означенныхъ делегацій и неукоснительно защищать эту среднюю позицію на оба фронта; въ ней—залогъ мирнаго развитія въ будущемъ всего академическаго дѣла.

А это развитіе, думается мнѣ, поведетъ само собою къ образованію новыхъ живыхъ и животворящихъ академическихъ организмовъ. Окрѣпнетъ и консолидируется коллегія младшихъ преподавателей, получивъ чрезъ свою делегацію свой голосъ и органъ въ автономномъ совѣтѣ: вмѣсто теперешнихъ „требованій" и „протестовъ", она займется обсужденіемъ и выработкой предложеній по всему строю академическаго быта параллельно съ самимъ совѣтомъ. Для всесторонняго освѣщенія этихъ предложеній и она, вѣроятно, пожелаетъ имѣть въ своей средѣ делегацію отъ старшихъ коллегъ, а равно, съ другой стороны, и делегацію отъ студентовъ,—такъ что она обратится въ живую и интересную арену для столкновенія мнѣній и станетъ важнымъ совѣщательнымъ органомъ общеуниверситетской жизни... Только совѣщательнымъ? Да, конечно; иного рѣшенія не допускаютъ, какъ мы видѣли, интересы самого дѣла. Нечего насъ поэтому упрекать, что мы подносимъ нашимъ младшимъ коллегамъ лишь невзрачную лепешку, вмѣсто того хлѣба, котораго они отъ насъ ждутъ... и „требуютъ". Конечно, на дрожжахъ злобы тѣсто всходитъ пышнѣе, но я сомнѣваюсь, чтобы его питательность выигрывала отъ этой приправы.

5. Вопросъ о студентахъ.

Вопросъ о студентахъ въ своей самой общей постановкѣ тожественъ съ университетскимъ вопросомъ, поскольку смыслъ существованія университетовъ состоитъ въ даваемомъ ими студентамъ выс-

шемъ образованіи; выдѣляя его, мы этимъ самымъ отвлекаемся отъ этой общей постановки и разсматриваемъ его въ тѣхъ его сторонахъ, которыя не входятъ въ понятіе высшаго образованія... Т. е., спросятъ, въ менѣе существенныхъ? Да, конечно, но все же достаточно важныхъ.

Ихъ двѣ: отрицательная и положительная. Первая сводится къ вопросу объ университетскомъ судѣ, вторая—къ вопросу объ организаціи студенчества. Уставъ 1884 г. къ первому отнесся очень внимательно: была учреждена инспекція, очень развѣтвленная, и даны широкія полномочія ректору и правленію. Второй вопросъ, напротивъ, былъ имъ прямо исключенъ: для него не было студенчества, а были только студенты, въ качествѣ отдѣльныхъ посѣтителей университета.

Что касается новаго устава, являющагося на смѣну уставу 1884 г., то всѣмъ предварительнымъ и предположительнымъ формамъ, въ которыя онъ вылился по сіе время, обща въ разсматриваемой здѣсь области одна черта: неохота. Да,—неохота биться надъ разрѣшеніемъ вопроса, который при нынѣшней обостренности отношеній представляется просто неразрѣшимымъ. Прослѣдимъ это въ частности.

Прежде всего, вопросъ объ университетскомъ судѣ. Идеальный принципъ экстерриторіальности требовалъ бы, конечно, самаго широкаго его развитія: всѣ вообще дѣла, въ которыхъ civis academicus былъ бы обвиняемымъ или отвѣтчикомъ, должны бы быть подсудны университетскому (это не значитъ еще: профессорскому) суду. Само собою разумѣется, что объ этомъ никто и не думаетъ; все же полезно представить себѣ, что университетскій судъ и университетская автономія являются коррелятами, и что расширеніе перваго—прямое послѣдствіе расширенія второй. Тѣмъ не менѣе, и объ этомъ расширеніи никто изъ насъ не мечтаетъ; совершенно наоборотъ: необходимость университетскаго суда—такая ложка дегтя, которая въ состояніи отравить цѣлую бочку университетской автономіи. Этотъ его характеръ вызванъ обоими элементами, неизбѣжно присущими всякому суду: элементомъ слѣдствія и элементомъ кары.

Слѣдствіе—это значитъ, доносъ и допросъ: надлежитъ вызвать первый и произвести второй. Я думаю, врядъ ли найдется другая пара понятій, болѣе противная академическому складу ума и характера, чѣмъ эта. Инспекцію, бравшую на себя раньше весь odium по этой части, мы отмѣнили; но этимъ самымъ мы, хотя бы и въ самой скромной долѣ, поставили себя на ея мѣсто. А въ этомъ дѣлѣ и самой скромной доли достаточно. Вотъ почему, между прочимъ, Петербург-

скій университетъ воздержался отъ учрежденія особаго дисциплинарнаго суда изъ профессоровъ. Нетрудно предвидѣть, что охотниковъ на должность судей среди насъ не найдется вовсе; если же обратить эту должность въ повинность, то можно поручиться, что многіе изъ тѣхъ, кому придется ее отбывать, предложатъ себѣ вопросъ: не лучше ли—отставка?

Кара... что же, присмотримся, если угодно, къ академической пенологіи. Возможныя взысканія (къ которымъ тѣлесныя, разумѣется, не принадлежатъ) распадаются на слѣдующія группы: матеріальныя (штрафы), физическія (лишеніе свободы), нравственныя (выговоры) и въ качествѣ высшаго—исключеніе изъ академической среды. Изъ нихъ штрафы по отношенію къ экономически несамостоятельнымъ людямъ, каковы, въ большинствѣ случаевъ, студенты, непримѣнимы. Лишеніе свободы, т. е. карцеръ, въ принципѣ ненавистно студенчеству, какъ „дѣтское" наказаніе, и безъ скандала введено быть не можетъ. Выговоры дѣйствительны только тогда, когда они исходятъ отъ единомыслящей среды: подобно тому, какъ правительственные выговоры были безцѣльны по отношенію къ „оппозиціонной" профессурѣ, такъ точно и выговоры „оппозиціонной" профессуры не произведутъ никакого эффекта на „революціонное" студенчество. Остается—увольненіе, въ его различныхъ степеняхъ. Итакъ, профессорскій судъ будетъ органомъ увольненія студентовъ; благодарю покорно.

По почему же, спросятъ, университетскій судъ оказался возможнымъ, скажемъ, въ Германіи? Потому, отвѣчу, что тамъ слѣдственная часть упрощена, а пенологія осложнена до полной почти безобидности. Начнемъ съ послѣдней. Прежде всего, выговоры тамъ удерживаютъ свое значеніе именно по той причинѣ, по которой они у насъ его имѣть не могутъ: тамъ профессора и студенты сливаются въ одну общую и единомыслящую академическую среду. Затѣмъ, карцеръ никакой злобы противъ себя не возбуждаетъ: на него смотрятъ какъ на естественный коррективъ зарвавшейся молодости, какъ на простую непріятность, ничуть не затрагивающую нравственное существо человѣка; нѣмецкій студентъ, столь чуткій къ вопросамъ чести... быть можетъ, именно поэтому не суетъ своей амбиціи туда, гдѣ ей не мѣсто. Мало того: карцеръ окруженъ даже извѣстнымъ ореоломъ, какъ одинъ изъ аттрибутовъ студенческой жизни; къ нему относятся съ добродушнымъ юморомъ. Загляните, если придется, въ карцеръ Гейдельбергскаго университета: его показываютъ, какъ своего рода достопримѣчательность. Его стѣны испещрены надписями, часто въ

стихахъ: по этимъ надписямъ вы убѣдитесь, что настроеніе заключенныхъ не имѣло ничего общаго съ настроеніемъ шильонскаго узника. Въ мое время въ прусскомъ парламентѣ шла рѣчь объ уничтоженіи университетскаго суда съ его послѣдствіями; студенчество къ этой идеѣ относилось несочувственно. Однажды популярный профессоръ Шмоллеръ, онъ же и депутатъ, прямо съ засѣданія пришелъ въ свою густо набитую аудиторію: „Господа!", были его первыя слова, „карцеръ спасенъ!". Радостный топотъ (замѣняющій тамъ наши рукоплесканія) пронесся по всей залѣ.—Около того же времени Бисмаркъ получилъ отъ своей геттингенской alma mater титулъ почетнаго доктора; депутація поднесла ему по этому случаю и планъ университета. Взоры старика весело забѣгали по корридорамъ и заламъ знакомаго нѣкогда зданія и остановились на какомъ-то подозрительномъ квадратикѣ: „А это что такое?"—Это, ваше сіятельство, карцеръ.—„Какъ же, помню", сказалъ онъ, смѣясь, „самъ въ немъ сидѣлъ".

При такомъ отношеніи студенчества и общества—и задача суда перестаетъ быть неприятной: взысканія, имъ назначаемыя, довольно безобиднаго характера, увольненіе—не единственная, а именно высшая кара, къ которой прибѣгаютъ крайне рѣдко и за дѣло. А поэтому и слѣдствіе не представляетъ особыхъ затрудненій; „ну-ка, коллега", говоритъ судья, „разскажите, какъ было дѣло". И коллега, со сконфуженной улыбкой, разсказываетъ. Нѣмецкій студентъ, я уже сказалъ, чутокъ къ вопросамъ чести; и ужъ, конечно, не угрожающій ему карцеръ заставитъ его рисковать своимъ уваженіемъ къ самому себѣ. А такой santa hermandad, которая бы ему разрѣшала давать честное слово всуе, тамъ не водится.

Да, единомыслящая академическая среда—вотъ необходимое условіе для здороваго, нормальнаго университетскаго суда; она будетъ у насъ, когда революціонный психозъ оставитъ нашу молодежь, но не раньше. А потому и вопросъ объ университетскомъ судѣ пока неразрѣшимъ. Какъ къ нему отнесется новый уставъ въ своей окончательной редакціи, предусмотрѣть трудно; несомнѣнно то, что нормальное рѣшеніе можетъ дать лишь будущее.

Въ такомъ же безнадежномъ положеніи находится и вопросъ объ организаціи студенчества. Новый уставъ, при всемъ своемъ отличіи отъ устава 1884 г., по своей лаконичности въ отношеніи этого пункта можетъ съ нимъ поспорить. Если тотъ смотрѣлъ на студентовъ какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, то этотъ принимаетъ подъ

эгиду университета только научные и литературные кружки студентовъ, во всемъ же прочемъ отсылаетъ своихъ питомцевъ къ „общимъ узаконеніямъ“. Объ организаціи не сказано ни слова.

Этотъ фазисъ — пессимистическій синтезъ изъ двухъ одинаково оптимистическихъ, хотя и діаметрально противоположныхъ другъ другу тезисовъ: устава 1884 г. и реформы ген. Ванновскаго 1901 г. Разсмотримъ вкратцѣ эволюцію, знаменуемую этими тремя моментами.

Оптимизмъ устава 1884 г. былъ оптимизмомъ *бюрократическимъ*: былъ онъ основанъ на распространенной въ Россіи вѣрѣ въ самодовлѣющую силу приказа. Его вдохновители исходили изъ убѣжденія, что всякая студенческая организація неизбѣжно должна принять политическій, революціонный характеръ—и нельзя сказать, чтобы это убѣжденіе было неправильно. Желая этому противодѣйствовать, они запретили всякую организацію; былъ изданъ соотвѣтствующій приказъ, всякій поступающій студентъ обязывался своей подписью его соблюдать, а для вящшей дѣйствительности той или другой мѣры были даны соотвѣтствующія наставленія инспекціи. Результатомъ было то, что именно та часть студенчества, которая была заинтересована въ университетскомъ порядкѣ, была лишена возможности сплотиться, такъ какъ именно университетскій порядокъ ей это запрещалъ. Что же касается той, которая была заинтересована въ разрушеніи университетскаго порядка, то ей всѣ эти мѣры были только на руку, и притомъ втройнѣ. Во-первыхъ, своей полной безвредностью: начальственный запретъ, разумѣется, былъ въ ея глазахъ лишь стимуломъ, данная подпись, по ученію santa hermandad, ни къ чему не обязывала, а въ лапы инспекціи попадали только пижоны, для передѣлки. Во-вторыхъ, тѣмъ, что онѣ разъединяли и обезсиливали ту бóльшую часть студенчества, которая была заинтересована въ сохраненіи университетскаго порядка и поэтому, будучи организована, оказала бы наиболѣе сильное и дѣйствительное сопротивленіе ея поползновеніямъ. Наконецъ, въ-третьихъ, тѣмъ, что эти начальственныя мѣры, какъ мѣры противъ академической свободы, помогали ей вербовать въ свои ряды также и всѣхъ друзей этой послѣдней и вести долгое время борьбу на академической почвѣ, привлекая симпатіи и тѣхъ, кто врядъ ли согласился бы участвовать въ ихъ политической кампаніи.

Такъ-то уставъ 1884 г. своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ студенческой организаціи достигъ результатовъ прямо противоположныхъ тѣмъ, которыхъ отъ него ожидали: онъ дезорганизировалъ студенчество какъ таковое, но въ то же время сплотилъ именно тѣхъ,

въ которыхъ видѣлъ своихъ главныхъ враговъ. Кризисъ произошелъ въ министерство покойнаго Н. П. Боголѣпова, который и палъ его жертвой. Затѣмъ наступилъ переломъ и второй противоположный первому, *академически*-оптимистическій фазисъ дѣла. Хотя онъ связанъ съ именемъ ген. Ванновскаго, но справедливость требуетъ замѣтить, что онъ цѣликомъ принадлежитъ Петербургскому университету. Отъ министра исходилъ лишь запросъ, точнѣе, вопросъ, одинъ изъ „18"; отвѣтили мы. Споры были продолжительны. Желательность организаціи студенчества признавало огромное большинство; спрашивалось, однако, слѣдуетъ ли относиться къ ней чисто пассивно, предоставляя самому студенчеству организоваться по мѣрѣ силъ и разумѣнія, или же мы должны прійти ему на помощь. Казалось, большинство склонялось въ пользу перваго, гораздо болѣе удобнаго и безопаснаго для насъ предложенія, которое къ тому же нетрудно было облечь въ благовидную форму; помню сильную и убѣжденную рѣчь, произнесенную тогда однимъ вліятельнымъ среди насъ и популярнымъ среди студентовъ коллегой. Онъ упрекалъ насъ въ томъ, что мы, выговоривъ въ своихъ „отвѣтахъ" цѣлый рядъ выгодъ для себя, боимся принести жертву для выгоды студентовъ; онъ соглашался, что роль руководителей студенческой организаціи будетъ „могилой всякой популярности", но утверждалъ, что нашъ нравственный долгъ—не отступать и передъ этой, самой тяжелой для профессора перспективой. Эта рѣчь переубѣдила и меня, и другихъ; большинство, хотя и не очень значительное, высказалось въ пользу активнаго участія профессоровъ въ дѣлѣ организаціи студенчества. Эта часть предложеній Петербургскаго университета, какъ извѣстно, получила министерское утвержденіе раньше другихъ; москвичи отнеслись къ нему отрицательно, но мы, связанные своимъ рѣшеніемъ, должны были приняться за его осуществленіе. Была избрана совѣтская комиссія, получившая позднѣе имя „кураторской"; попалъ въ нее въ числѣ первыхъ и я. Такъ какъ надъ нею теперь принято насмѣхаться, то я считаю себя въ правѣ охарактеризовать ея психологію.

Въ основу ея дѣятельности легло довѣріе къ студенчеству въ его совокупности, и вотъ почему я ея воззрѣніе назвалъ академически-оптимистическимъ. Убѣжденіе, что всѣ студенты, какой бы они ни были партіи, на дѣлѣ одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы та передача знаній, которой служитъ университетъ, совершалась возможно безпрепятственно и возможно успѣшно — это убѣжденіе столь естественно, что на его почвѣ показалось вполнѣ достижимымъ объединеніе

и примиреніе всѣхъ студентовъ безъ какого бы то ни было насилія надъ чьими бы то ни было политическими мнѣніями. Трудность усматривалась лишь въ томъ, чтобы призвать всю массу студенчества интересоваться своими дѣлами: уже слишкомъ привыкла она, подъ сѣнью устава 1884 г., къ протекціонной системѣ, къ тому, чтобы ей свыше была уготована возможность заниматься; этотъ индифферентизмъ къ собственнымъ дѣламъ и надлежало устранить. И это удалось; если сравнить то рвеніе, которое проявило петербургское студенчество въ 1901 г. въ дѣлѣ выбора старостъ, съ ихъ абсентизмомъ въ томъ же дѣлѣ въ 1905 г., то нельзя будетъ не сознаться, что въ этомъ отношеніи дѣятельность совѣтской комиссіи увѣнчалась успѣхомъ... Замѣчу тутъ же, что этотъ успѣхъ былъ вполнѣ заслуженъ. По подсчету секретаря комиссіи, она за первое полугодіе своего существованія имѣла болѣе 70 засѣданій, не менѣе 3 ч. каждое. Помню, что весь досугъ уходилъ на это дѣло; отъ всѣхъ занятій наукою пришлось отказаться. Такую важность придавали мы дѣлу эманципаціи студенчества.

Но пока въ совѣтской комиссіи люди зрѣлые и пожилые съ юношескимъ воодушевленіемъ работали надъ обновленіемъ университета при помощи студенчества—на сторонѣ, тайкомъ, люди молодые со старческою расчетливостью и хитростью строили планы разрушенія этой открытой и искренней работы и вторичнаго, окончательнаго закабаленія студенчества себѣ. Правда, противодѣйствовать организаціи оказалось рискованнымъ; ужъ слишкомъ великъ былъ подъемъ. Нѣтъ, нужно было использовать ее. Для этого первымъ дѣломъ надлежало навязать студенчеству своихъ партійно-окрашенныхъ кандидатовъ въ возможно большомъ числѣ: было это не трудно, такъ какъ въ распоряженіи желающихъ были готовыя уже организаціи, между тѣмъ какъ прочее студенчество, повторяю, было совершенно не организовано. Вторая задача—окрасить въ тотъ же цвѣтъ возможно большее число безпартійныхъ. А когда и это было исполнено, можно было сдѣлать и третій шагъ—заставить весь совѣтъ старостъ подъ первымъ попавшимся предлогомъ подать въ отставку.

Попутно шла другая тоже успѣшная работа: придирки, карикатуры, клевета противъ членовъ совѣтской комиссіи и обвиненіе ихъ въ „неискренности“ (обычная тактика этихъ господъ—валить съ больной головы на здоровую). Старосты подали въ отставку; на слѣдующій же день появились опять прокламаціи отъ тайныхъ организацій, ясно показавшія, для чего нужна была эта отставка. Такъ-то обманъ сту-

денчества удался вполнѣ: его лишили тѣхъ представителей, которыхъ оно избрало само, и подчинили самозваннымъ заправиламъ, которыхъ оно ни въ лицо, ни по имени не знало. Съ тѣхъ поръ оно опять на помочахъ; результатомъ были всѣ дальнѣйшія сотрясенія университета вплоть до того длительнаго паралича, который начался въ январѣ 1905 г.

Исторію эту сообщить было необходимо: именно крушеніемъ академическаго оптимизма 1901 г. объясняется третій, пессимистическій фазисъ организаціоннаго вопроса, знаменуемый отношеніемъ къ нему новаго устава. События 1901 г. отошли въ прошлое, изъ тогдашнихъ студентовъ немногіе остались въ университетѣ; а изъ рядовъ новопоступившихъ раздаются зачастую упреки по нашему адресу за наше безучастное якобы отношеніе къ ихъ дѣламъ, за то, что мы не оказали никакой поддержки безпартійнымъ изъ ихъ среды. Причина, надѣюсь, теперь ясна. Не мы отказали въ поддержкѣ, а намъ въ ней отказали: болѣе того, что мы сдѣлали въ 1901 г., не могъ бы сдѣлать никто. Теперь мы рѣшили предоставить самимъ студентамъ дѣло ихъ организаціи; никто изъ насъ, я въ этомъ увѣренъ, не согласится повторить опыты 1901 г.

Согласны они допустить нейтрализацію университета—будутъ занятія, будетъ и политика. Несогласны—не будетъ въ зданіи университета ни того, ни другого. Вопросъ поставленъ ребромъ, и отвѣтить на него должны сами студенты.

Для этого они прежде всего, каждый въ отдѣльности и всѣ сообща, должны отказаться отъ того позорнаго индифферентизма, который они проявили въ октябрѣ 1905 г., когда выборныя собранія откладывались по два и по три раза за недостаточностью состава и проходили въ концѣ концовъ при участіи $^1/_3$ и менѣе избирателей. Пусть они такъ и знаютъ, что ихъ тогдашнее равнодушіе—главная вина того застоя, на который они сѣтуютъ теперь. Они охотно выставляютъ на видъ, что тѣ, которые нынѣ именуютъ себя представителями студенчества, въ сущности избраны лишь ничтожнымъ меньшинствомъ; а кто виновенъ въ томъ, что избирало лишь меньшинство? Пора перестать разсчитывать на опеку свыше: не тѣ времена. Кому лѣнь пользоваться правами свободы, тому и быть рабомъ.

Мы, профессора, желаемъ открытія университета для науки, а не для революціи; но мы не желаемъ также введенія въ университетъ полиціи или войска для противодѣйствія революціи. Нормальныя функціи университета начнутся тогда, когда студенты соединятся съ нами

въ этомъ желаніи; въ противномъ случаѣ онъ открытъ не будетъ... а если и будетъ, то не нами.

А кѣмъ же?

Спрашивать объ этомъ можно. Вопросъ объ отставкѣ профессоровъ,—сначала вынужденной, а съ октября 1905 г. и добровольной—носится въ воздухѣ и можетъ матеріализоваться каждую минуту. Ну, мы уйдемъ; кто насъ замѣнитъ? Такъ какъ причина нашего ухода—затруднительность нашего положенія, обусловленная оговорками и направо, и налѣво, то замѣнить насъ могутъ, теоретически разсуждая, тѣ, для кого либо той, либо другой категоріи оговорокъ не существуетъ. Т. е. либо тѣ, кто согласенъ открыть университетъ для революціи, либо тѣ, кто согласенъ читать подъ охраною шашекъ и штыковъ.

Первая картина: мы уходимъ и насъ замѣняютъ... допустимъ—наши младшіе коллеги. Идея богатая: и студенческій, и приватъ-доцентскій вопросъ разомъ рѣшены. Курсы читаются—такъ, между дѣломъ; всѣ довольны, такъ какъ недовольныхъ убрали. Только надолго ли? Нѣтъ, не надолго. Вѣдь дѣло въ томъ, что мы всѣ, cives academici, изъ одного тѣста испечены; если же психологія наша различна, то потому, что насъ раздѣляетъ возрастъ (я уже намекнулъ выше на этотъ „біологическій радикализмъ“) и въ зависимости отъ него—*чувство отвѣтственности*. Оно всего сильнѣе у насъ, профессоровъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы стали автономны. Оно значительно слабѣе у младшихъ преподавателей, что и даетъ имъ психологическую возможность красиво драпироваться Гракхами, Маратами и Фра-Дьяволами и величать насъ въ печати бюрократами, черносотенцами и т. д. Оно совсѣмъ отсутствуетъ у студентовъ, обреченныхъ уставомъ 1884 г. на длительное младенчество и все еще не свыкшихся съ мыслью, что расхлебывать завариваемую ими кашу придется имъ же. При этихъ условіяхъ понятно, что младшимъ преподавателямъ легче шагать вровень со студентами, чѣмъ нашему брату, но все же только до извѣстныхъ предѣловъ. Теперь, фрондируя противъ насъ, они этихъ предѣловъ не замѣчаютъ; но пусть они очутятся на нашемъ мѣстѣ—и дилемма сразу возникнетъ передъ ними такъ же отчетливо, какъ теперь передъ нами. Человѣку, чувствующему свою нравственную отвѣтственность, только до нѣкоторыхъ поръ можно идти рука объ руку съ человѣкомъ, никакой отвѣтственности не чувствующимъ; это—психологическій труизмъ. Ставъ на наше мѣсто,

они испытають и нашу психологію; испытавъ нашу психологію, они испытаютъ и нашу участь. Ушли мы, уйдутъ и они.

Вторая картина. Ушли всѣ, и старшіе и младшіе; ихъ мѣста заняли—другіе, люди военной выправки, крѣпкіе не столько знаніемъ, сколько нервами. Они читаютъ, ихъ слушаютъ. Что читаютъ и что слушаютъ? Господи, курсы... мало ли нами составлено руководствъ и оставлено записокъ; теперь читать по нимъ не такъ трудно. Слушающихъ значительно меньше, чѣмъ было при насъ; но при предполагаемыхъ условіяхъ и это считается плюсомъ. Пускаютъ по билетамъ; со ступенекъ входа, съ поворотовъ лѣстницъ, да еще кое-откуда весело киваютъ штыки. Опять всѣ довольны... по той же причинѣ, что и выше. Къ фасаду университета прибита мраморная доска, на ней надпись: „Въ этомъ домѣ—жила и трудилась—русская наука—скончалась скоропостижно 16 окт. 1905—миръ праху ея!"

Откровенно говоря, эта вторая картина гораздо правдоподобнѣе первой. Она, впрочемъ, едва не стала дѣйствительностью еще полгода назадъ, когда $^3/_4$ изъ насъ были обречены на увольненіе, т. е. всѣ поголовно, такъ какъ и остальная четверть при этихъ условіяхъ, конечно, не усидѣла бы, да и „младшіе" послѣдовали бы за нами: они вѣдь все-таки люди хорошіе. А затѣмъ, написанная мною картина обладаетъ всѣми залогами живучести: такой университетъ можетъ просуществовать очень долго, какъ это доказываетъ Востокъ.

Если жъ кто ни въ той, ни въ другой картинѣ не видитъ особой прелести, то онъ долженъ по мѣрѣ своихъ силъ способствовать осуществленію условій, при которыхъ только и возможенъ научный университетъ. Пусть наша молодежь, предлагающая намъ „исполнить нашъ долгъ и открыть университетъ", обращаетъ свой призывъ къ тѣмъ, кто завелъ въ университетахъ осенью прошлаго года несовмѣстимые съ академической жизнью порядки. Единственный залогъ ея преуспѣянія—добровольное подчиненіе студентовъ академическимъ законамъ. Пусть они не мечтаютъ, что они могутъ быть хозяевами въ университетѣ: его не будетъ, пока они не откажутся отъ этой мечты. Со всей своей реальной властью, основанной на силѣ, а не на разумѣ, они ничего не достигли, кромѣ разрушенія; подобно родственнымъ столь же уродливымъ явленіямъ современной политической жизни, и эта сила слаба вслѣдствіе своего чисто отрицательнаго характера: она у всѣхъ отнимаетъ и никому ничего не даетъ. За увлеченіями рабочаго движенія послѣдовала безработица и голодъ: и студенческое движеніе ничего, кромѣ умственнаго голода, въ результатѣ не дало.

Рабочее движеніе сдѣлало Россію данницей Запада, уничтоживъ то скромное промышленное самодовлѣніе, которымъ мы пользовались до сихъ поръ; я думаю, то же будетъ и здѣсь.

Конечно, безъ чистой науки мы, какъ „заурядъ-нація“, можемъ обойтись; но медики, техники и т. д. будутъ намъ нужны и впредь. Ихъ-то и придется выписывать изъ-за границы: опять иностранцы будутъ командовать, и у нихъ будетъ въ подчиненіи безвольная славянская нація—φύσει δούλη, какъ сказалъ бы Аристотель. И наша современная молодежь долгимъ рабствомъ своихъ зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтъ заплатитъ за свою несбыточную мечту быть госпожею своихъ природныхъ и призванныхъ руководителей; она пойметъ тогда то, чего не желаетъ понять теперь: что разумное самоограниченіе—единственный залогъ свободы.

6. Вопросъ о системѣ прохожденія наукъ.

Если по большинству изъ обсужденныхъ до сихъ поръ вопросовъ новые порядки знаменуютъ собою возвращеніе къ буквѣ или духу устава 1863 г., то въ отношеніи системы прохожденія наукъ они обѣщаютъ произвести крутой поворотъ отъ всей доселѣшней системы опеканія и контроля къ полной свободѣ слушанія, ограниченной лишь естественной послѣдовательностью и зависимостью другъ отъ друга самихъ наукъ. Предполагается, говоря короче, окончательно порвать съ „курсовой“ системой и перейти къ „предметной“.

Что такое „курсовая система“—извѣстно всѣмъ: это—прямое продолженіе гимназіи, съ замѣномъ лишь эротематическаго преподаванія лекціоннымъ. Студентъ состоялъ на второмъ или третьемъ курсѣ такъ же, какъ онъ раньше гимназистомъ находился въ шестомъ или седьмомъ классѣ; онъ слушалъ предметы и участвовалъ въ занятіяхъ, пріуроченныхъ къ его курсу, и при переходѣ на слѣдующій высшій курсъ подвергался установленному экзамену; если онъ проваливался, то онъ оставлялся въ томъ же курсѣ на дальнѣйшій годъ. Правду говоря, нѣкоторую реформу въ этомъ отношеніи предполагали ввести авторы устава 1884 года, устраняя самый терминъ „курсъ“ и, что важнѣе, междукурсовые экзамены, взамѣнъ которыхъ былъ установленъ заключительный экзаменъ заразъ для всѣхъ предметовъ факультетскаго преподаванія. Эти требованія къ памяти и выдержкѣ студентовъ оказались, однако, чрезмѣрными. Всѣ экзаменаторы 1890 г. помнятъ панику, которая царила тогда въ первомъ выпускѣ, кончившемъ курсъ по новому уставу: они шли,

точно на вѣрную смерть. Узнало о ней и министерство; былъ данъ лозунгъ: экзаменовать снисходительно. Не безъ нѣкотораго злорадства былъ онъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію: въ немъ усмотрѣли первое официальное признаніе несостоятельности ненавистнаго устава. А впрочемъ, экзаменовали дѣйствительно со снисхожденіемъ— можно сказать, неслыханнымъ. Чего только ни наслышались мы за этотъ экзаменъ! Мы выпускали ботаниковъ, не отличавшихъ листьевъ мака отъ листьевъ ясеня, выпускали филологовъ, кончавшихъ Иліаду взятіемъ Трои. На нихъ смотрѣли какъ на жертвы; но затѣмъ былъ заявленъ энергичный и дѣйствительный протестъ. Его результатомъ явился „полукурсовой экзаменъ", сдаваемый при переходѣ со второго курса на третій; часть этого экзамена была затѣмъ перенесена въ первый курсъ, и status quo былъ почти возстановленъ. Вмѣстѣ съ курсовыми экзаменами появились и ихъ докучливые придатки: „закладываніе" и условные переводы, вносящіе столько путаницы въ факультетскіе списки. Все же съ этимъ мирились, и жилось, хотя безъ блеска, но сносно.

Теперь, однако, вмѣстѣ съ мыслью о преобразованіи университета явилась и мысль о предметной системѣ, хорошо извѣстной многимъ профессорамъ по ихъ заграничнымъ командировкамъ, и извѣстной съ хорошей стороны. Студентамъ она извѣстна не была, и большинство ее сводило къ сокращенію экзаменовъ, съ которымъ она ничего общаго не имѣетъ, и облегченному переводу съ курса на курсъ. Все же дѣло мало по малу стало выясняться: обращались цѣлыми курсами и факультетами къ свѣдущимъ профессорамъ, читались доклады и сообщенія „о предметной системѣ"; идея понравилась, такъ что многія группы студенчества стали даже „требовать" немедленнаго ея осуществленія. Правда, въ пользу этого осуществленія—если не „немедленнаго", то скорѣйшаго,—говорило одно обстоятельство, хотя и случайное, но вѣское: вслѣдствіе несостоявшагося въ маѣ 1905 г. перевода студентовъ на высшіе курсы образовалась во всѣхъ университетахъ т. наз. „пробка", окончательное разсосаніе которой, даже при наилучшихъ условіяхъ, не могло состояться раньше 3 лѣтъ. Переходъ къ предметной системѣ обѣщалъ устранить также и это неудобство.

Въ чемъ однако состояла бы эта предметная система? Во-первыхъ, въ возможной дифференціаціи и возможномъ углубленіи изученія наукъ; во-вторыхъ, въ свободѣ слушанія ихъ на какомъ угодно „курсѣ" (точнѣе, независимо отъ курсовъ), а равно и въ значительной

свободѣ сдачи экзаменовъ по нимъ. Возьмите естественный факультетъ: вы получаете группу химическую, группу географическую, группу біологическую, группу сельскохозяйственную и т. д. Возьмите историко-филологическій: тутъ вы имѣете группы классическую, историческую, лингвистическую, славянскую и т. д. Каждый студентъ, поступая въ университетъ, выбираетъ себѣ ту группу, которая лежитъ ближе къ его способностямъ или наклонностямъ, по ней слушаетъ лекціи, участвуетъ въ практическихъ занятіяхъ и сдаетъ экзамены.

Идея сразу подкупаетъ своею разумностью и симпатичностью; все же, примѣняя ее къ нашимъ нравамъ, мы получаемъ рядъ опасностей, объ устраненіи которыхъ слѣдуетъ своевременно позаботиться для того, чтобы спасти ее отъ крушенія. Приведу главнѣйшія изъ нихъ.

Во-первыхъ, студентъ-новичокъ легко можетъ „потеряться" среди множества группъ незнакомыхъ ему предметовъ. Во избѣжаніе этой опасности слѣдуетъ составить толковыя программы, которыя облегчали бы студентамъ выборъ и группъ, и порядка прохожденія зарегистрованныхъ въ нихъ предметовъ. Этотъ порядокъ особенно важенъ на физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ одинъ предметъ часто имѣетъ своимъ предположеніемъ другой и непонятенъ для того, кто его не прошелъ; для гуманитарныхъ наукъ онъ не такъ важенъ, зато здѣсь имѣетъ нѣкоторое практическое значеніе дѣленіе курсовъ на общіе и спеціальные.

Во-вторыхъ, могутъ найтись такіе виртуозы, которые пожелаютъ въ какіе-нибудь два семестра сдать всѣ экзамены—что, при условіи соотвѣтственнаго таланта, и усерднаго натаскиванія вовсе не такъ невозможно. Въ виду нежелательности этого типа надлежитъ назначить минимальный срокъ какъ для прохожденія всего курса наукъ, такъ и для приступленія къ первому экзамену. Не столь опасны, вслѣдствіе меньшей соблазнительности, „старыя дѣвы"; но все же полезно, въ видахъ противодѣйствія славянской лѣни, назначеніе также и максимальнаго срока, по прошествіи котораго studiosus sine studio выбываетъ изъ числа гражданъ академической общины.

Въ-третьихъ, грозитъ опасность слишкомъ ранней и узкой спеціализаціи, дающей ремесленниковъ, но не ученыхъ и подавно не учителей; для противодѣйствія ей надлежало бы въ каждую группу включить извѣстное небольшое число „общихъ" предметовъ. Такими на всѣхъ факультетахъ должны бы были быть предметы философскаго и энциклопедическаго характера, а на историко-филологическомъ, въ силу историческихъ условій, также и „античность" въ принятомъ зна-

ченіи этого слова. Сверхъ того, было бы полезно, думается мнѣ, введеніе понятія „смежной" группы съ обязательнымъ сокращеннымъ экзаменомъ по ней. Примѣръ: студентъ изучаетъ группу русской исторіи и по ней подвергается экзамену; но рядомъ съ ней для него обязателенъ и экзаменъ изъ „смежной" группы всеобщей исторіи, хотя и въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ для спеціалиста по всеобщей исторіи. Конечно, такихъ смежныхъ группъ могла бы быть не одна, а двѣ или даже нѣсколько.

А за устраненіемъ этихъ опасностей предметная система представляетъ серьезныя выгоды въ смыслѣ не только большей свободы, но и большей научности университетскаго преподаванія. Теперь, при курсовой системѣ, у насъ строгая спеціализація очень затруднительна; мы посылаемъ своихъ „оставленныхъ при университетѣ" для таковой за границу и этимъ создаемъ обидную для русской науки легенду, будто у насъ нѣтъ научныхъ силъ для серьезной подготовки начинающаго ученаго. На дѣлѣ же, если у насъ чего и нѣтъ, то именно возможности читать спеціальные курсы, не укладывающіеся въ рамки курсового преподаванія. Впрочемъ, этотъ вопросъ другимъ своимъ концомъ связанъ съ вопросомъ о штатахъ, и мы къ нему еще вернемся; здѣсь же мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на другое требованіе, безъ исполненія котораго свобода слушанія станетъ чисто фиктивной, и вся предметная система обратится въ ту же курсовую съ облегченіемъ лишь сдачи экзаменовъ.

А именно: *необходимо растянуть преподаваніе на весь день*, съ 9 часовъ утра (а на югѣ и съ 8) и до 10 часовъ вечера, съ двухчасовымъ перерывомъ (3—5) для обѣда—какъ это принято въ Германіи. Въ настоящее время хронологическая рамка у насъ ничтожно мала: офиціально 9—4, причемъ однако—по крайней мѣрѣ, у насъ въ Петербургѣ—только часы 11—2 дѣйствительно посѣщаемые. При такихъ условіяхъ никакая серьезная спеціализація невозможна: я не могу объявить ни одного спеціальнаго курса такъ, чтобы онъ не совпадалъ съ какимъ-нибудь обязательнымъ для моихъ предполагаемыхъ слушателей курсомъ. Прибавьте къ этому другія невзгоды. Посѣщаемые часы берутся профессорами чуть не съ бою, въ аудиторіяхъ постоянный недостатокъ, приватъ-доцентамъ негдѣ пристроиться и т. д. Разумѣется (что нужно прибавить для несвѣдущихъ), это не значитъ, что студентъ долженъ сидѣть въ университетѣ весь день или дважды ходить на лекціи, что при нашихъ разстояніяхъ неисполнимо. При свободѣ слушанія онъ свое расписаніе составляетъ самъ, сообразуясь

со своими удобствами; въ одни дни недѣли онъ будетъ слушать утреннія, въ другіе—вечернія лекціи. Со временемъ можетъ выработаться и особая система (примѣрно такъ: 10—2 „групповые" курсы, 9—10, 2—4 и 5—7 общіе и спеціальные, 7—10 практическія упражненія и научные кружки); но, конечно, безъ стѣсненій и излишней регламентаціи.

Обыкновенно противъ этой идеи возражаютъ, что нашимъ студентамъ по вечерамъ неудобно ходить въ университетъ, такъ какъ въ это время многіе изъ нихъ даютъ уроки. На это я отвѣчу, что—ужъ если признавать рѣшающее значеніе за студентами, лишь на половину принадлежащими университету—то есть у насъ и довольно значительный контингентъ такихъ, которые именно днемъ заняты въ различныхъ конторахъ. Теперь они ходятъ въ университетъ только для экзаменовъ; тогда же они получатъ возможность посѣщать хоть вечернія лекціи. Во всякомъ случаѣ, намъ остается одно изъ двухъ: или осуществить предлагаемую здѣсь мѣру, или отказаться отъ идеи свободы слушанія и спеціализаціи преподаванія.

7. Вопросъ о правахъ.

Вопросъ „о правахъ" гласитъ въ болѣе точной постановкѣ такъ: долженъ ли выдаваемый университетомъ дипломъ давать получающему права государственной службы? Съ точки зрѣнія дедуктивной политики отвѣтъ на него зависитъ отъ отвѣта на вопросъ о подвѣдомственности. Если мы признаемъ принципъ подвѣдомственности, то отвѣтъ будетъ положительный; если нѣтъ, то отрицательный.

Тѣмъ болѣе пріятно, что уже уставъ 1884 г. отрѣшился въ данномъ случаѣ отъ дедуктивной политики: признавая принципъ подвѣдомственности, онъ въ то же время отнялъ у университетовъ право распоряжаться правами государственной службы. Университетъ выдаетъ своимъ питомцамъ лишь свидѣтельство о зачетѣ восьми семестровъ, которое никакихъ служебныхъ правъ имъ не даетъ, а только удостовѣряетъ ихъ подготовленность къ сдачѣ испытаній въ государственныхъ комиссіяхъ. Эти послѣднія составлялись по теоріи министромъ изъ какихъ ему угодно будетъ знающихъ лицъ, были подчинены не ректору, а попечителю, и даже дѣйствовали не въ университетѣ, а въ какомъ угодно будетъ попечителю помѣщеніи. Но на практикѣ составъ комиссіи по необходимости сталъ тотчасъ чисто факультетскимъ, по представленію декановъ; только въ назначеніи предсѣдателя министръ долгое время сохранилъ также и на практикѣ

право выбора, но и его по неволѣ пришлось брать изъ профессоровъ, только другихъ университетовъ. А съ 1903 г. предсѣдателями испытательныхъ комиссій въ видахъ экономіи стали назначаться деканы, и этимъ былъ устраненъ послѣдній элементъ ихъ обособленности отъ факультетовъ.

Тѣмъ не менѣе академическіе проекты новаго устава стали въ этомъ отношеніи на точку зрѣнія устава 1884 г.: университетскіе дипломы должны давать только академическія права, а отнюдь не права государственной службы. Разумѣется, въ отношеніи этихъ послѣднихъ мы можемъ держаться только политики безразличія, отказываясь отъ всякихъ положительныхъ постановленій и предоставляя починъ правительственнымъ органамъ. Если такому-то министерству угодно будетъ опредѣлить, чтобы обладающіе такимъ-то университетскимъ дипломомъ пользовались такими-то служебными правами, то протестовать противъ этого было бы и безцѣльно и безсмысленно: вѣдь это значило бы протестовать противъ оказываемаго довѣрія. Итакъ, повторяю, университеты просто игнорировали вопросъ о служебныхъ правахъ—и это безусловно самое разумное и корректное, что они могли сдѣлать.

Зато къ вопросу объ академическихъ правахъ они отнеслись съ полнымъ вниманіемъ—другими словами, по вопросу о *степеняхъ*. До сихъ поръ на всѣхъ факультетахъ (кромѣ медицинскаго) присуждались двѣ степени, магистерская и докторская, причемъ въ силу обычая требованія къ той и другой диссертаціи стали одинаковы, такъ что докторство стало своего рода плеоназмомъ—тѣмъ болѣе, что магистерство само по себѣ никакихъ правъ не давало: приватъ-доцентура была пріурочена къ магистрантству (т. е. къ сдачѣ магистерскаго экзамена), профессура, даже экстраординарная, къ докторству. Тѣмъ не менѣе нельзя было сказать, что докторство рядомъ съ магистерствомъ было излишнимъ. По несовершенству всего человѣческаго могло случиться (и случалось), что въ магистры человѣкъ „проскакивалъ", и низкопробность его диссертаціи обнаруживалась уже post factum... „Какъ?" спросятъ, „послѣ факультетскаго отзыва, послѣ защиты?". Что дѣлать, да. Вѣдь факультетскій отзывъ пишется однимъ спеціалистомъ, которому коллеги-неспеціалисты въ довѣріи не отказываютъ, а признаніе защиты неудовлетворительной—такой позоръ, что къ нему прибѣгаютъ только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ (явнаго плагіата, напримѣръ).—Но вотъ въ печати начинаютъ появляться отзывы внѣуниверситетскихъ и иногородныхъ спеціалистовъ—и прису-

дившій степень факультетъ убѣждается, что онъ присудилъ ее дѣйствительно недостойному ученому. Вотъ тутъ-то и хорошо, что получившему ее предстоитъ еще докторство для достиженія полнаго академическаго равноправія: ужъ тутъ-то къ нему, разумѣется, отнесутся построже.

Повторяю: извѣстная доля пользы тутъ была, но все же не такая, чтобы изъ-за нея стоило заводить такой громоздкій аппаратъ, какъ двѣ крупныя диссертаціи. Поэтому вопросъ при его новомъ разсмотрѣніи былъ рѣшенъ иначе и, думается мнѣ, болѣе раціонально.

Двустепенность была удержана; но первая степень была сдѣлана болѣе или менѣе общедоступной, вторая—доступной лишь самостоятельнымъ дѣятелямъ въ области науки. Полученіе первой степени было обусловлено 1) тщательнымъ экзаменомъ по избранной группѣ наукъ (а, по моему предложенію, и сокращеннымъ по одной изъ смежныхъ группъ) и 2) представленіемъ небольшой, но хорошей и самостоятельной научной работы непремѣнно въ печатномъ видѣ (это послѣднее требуется именно въ виду сохраненія того удобства, о которомъ рѣчь была только что).—Съ академической точки зрѣнія эта первая степень, не дающая правъ на занятіе ни профессуры, ни даже приватъ-доцентуры, является главнымъ образомъ подготовительной для слѣдующей высшей степени, поэтому ее и предлагается назвать *кандидатской*. Выборъ этого термина подсказывался также и тѣмъ соображеніемъ, что наименованіе первой степени „магистерской" повело бы къ своего рода „девальваціи" магистерства, обидной для нынѣшнихъ магистровъ.

Достиженіе второй и высшей *докторской* степени предлагается обусловить: 1) представленіемъ солидной по содержанію и (гдѣ это требуется дѣломъ) по объему диссертаціи—разумѣется, тоже печатной; 2) примыкающимъ къ этой диссертаціи „коллоквіумомъ" въ закрытомъ засѣданіи факультета, на которомъ всѣ члены получаютъ возможность задавать кандидату вопросы по всѣмъ пунктамъ и въ области диссертаціи, а также и по смежнымъ областямъ, для удостовѣренія самостоятельности его работы и солидности его научной подготовки и 3) публичной защитой въ торжественномъ засѣданіи факультета, какъ было до сихъ поръ.

При такой постановкѣ дѣла дифференціація степеней предполагается достаточная для того, чтобы мотивировать право на существованіе и той, и другой: первая—для многихъ, вторая—для избранныхъ. Въ то же время условія нѣкоторымъ образомъ параллельны: кандидатскому

испытанію соотвѣтствуетъ докторскій коллоквіумъ, кандидатской работѣ—докторская диссертація. Но именно въ виду этого можетъ возникнуть вопросъ, нужна ли, кромѣ того, и публичная защита докторской диссертаціи, нарушающая этотъ параллелизмъ? Въ Германіи этотъ докторскій диспутъ большею частью отмѣненъ, а если гдѣ и удержанъ, то сведенъ къ простой формальности; имѣемъ ли мы основаніе особенно дорожить этимъ пережиткомъ среднихъ вѣковъ?

Думаю, что да. Мы имѣемъ полное основаніе радоваться тому, что этотъ диспутъ, который во времена оны былъ самымъ живымъ элементомъ университетской жизни, у насъ сохранился, и притомъ не какъ формальность, а съ удержаніемъ всей своей силы, какъ пробный камень для таланта кандидата, — той силы, которую за нимъ обезпечиваетъ здравый смыслъ и которую только интеллектуальная трусость современнаго поколѣнія могла у него отнять, чтобы поставить на его мѣсто тяжелую и безсильную батарею критикъ, репликъ и дупликъ. И еще болѣе должны мы радоваться тому, что у насъ и участіе общества къ „промоціямъ“ болѣе живое, чѣмъ за границею. Да: какъ это ни звучитъ странно, при несомнѣнно болѣе интенсивной научной жизни на Западѣ—публичныя защиты диссертацій только у насъ остались дѣйствительно „публичными“, привлекая въ университетъ не только обычный составъ академической семьи, но и постороннюю публику. Это—въ высшей степени отрадное явленіе; интересъ къ публичнымъ диспутамъ въ обществѣ несомнѣнно есть, и мы должны имъ дорожить. Не говоря о другихъ, болѣе общихъ или болѣе субъективныхъ причинахъ — нельзя не признать, что именно этотъ интересъ спасаетъ публичные диспуты отъ превращенія въ пустую формальность, не давая имъ покрыться тиною будничности и рутины, столь опасной для нихъ въ нашъ изолирующій и неблагопріятный для совмѣстной научной работы вѣкъ.

Нѣтъ: публичные диспуты у насъ—живой институтъ, а мы таковыми не такъ богаты, чтобы съ легкимъ сердцемъ упразднять тѣ, которые у насъ есть. Не упразднять ихъ слѣдуетъ, а усовершенствовать; а этого можно достигнуть, если и диспутантъ, и его оппоненты будутъ думать не о себѣ только, но также и о своей аудиторіи. Теперь, говоря правду, противъ этого много грѣшатъ; диспутъ часто сводится къ послѣдней корректурѣ диссертаціи оппонентами. „На стр. такой-то у васъ сказано то-то“... Увы, въ рукахъ публики диссертаціи нѣтъ; да и если кто ее имѣетъ—отъ автора, или по „праву захвата“ —гдѣ ему такъ быстро разобраться, какова связь инкриминируемой фразы съ темой

автора и построеніемъ его доказательства! А между тѣмъ, „положенія“ (или „тезисы“) авторомъ обязательно представляются, и получить ихъ можетъ всякій; насколько плодотворнѣе и интереснѣе былъ бы диспутъ, если бы оппоненты возражали такъ: „Ваше пятое положеніе гласитъ такъ-то; доказываете вы его такъ-то, такъ-то и такъ-то. Съ первымъ и вторымъ доказательствомъ я согласенъ, но противъ третьяго имѣю возразить слѣдующее“... Теперь диспутантъ нерѣдко бываетъ вынужденъ согласиться, что у него на стр. 5, 10 и еще дюжинѣ другихъ дѣйствительно наврано; публика, не зная, что дѣло идетъ о мелочахъ, получаетъ впечатлѣніе, что онъ по всѣмъ пунктамъ разбитъ—и недоумѣваетъ, когда въ концѣ концовъ защита, по установленной формулѣ, „признается удовлетворительной“. При предлагаемомъ здѣсь способѣ и это неудобство устраняется; пропорція между отвоеванной у диспутанта областью и удержанной имъ сразу представлена въ правильномъ видѣ; ни иллюзіи, ни недоумѣнія не можетъ быть.

Еще разъ: докторскій диспутъ можетъ и долженъ быть усовершенствованъ; но именно для этого онъ долженъ быть сохраненъ, какъ заключительный, торжественный актъ всего академическаго cursus honorum.

8. Вопросъ о штатахъ.

Желательность расширенія преподавательскихъ кадровъ въ университетахъ была въ принципѣ признана уже покойнымъ генераломъ Ваиновскимъ, который въ своихъ обращенныхъ къ университетамъ вопросахъ не забылъ также и объ этой сторонѣ дѣла. Университеты не замедлили тогда же очень опредѣленно высказаться въ томъ же смыслѣ; ихъ пожеланія, хотя и не скоро, были приняты къ свѣдѣнію министерствомъ, и ихъ послѣдствіемъ было значительное увеличеніе числа профессуръ въ министерскомъ проектѣ 1905 года. Еще болѣе неотложнымъ сталъ вопросъ теперь, съ принятіемъ предметной системы: вѣдь не забудемъ, что при этой системѣ прежняя широта факультетскаго образованія отчасти приносится въ жертву въ видахъ большаго его углубленія, большей спеціализаціи. А этой большей спеціализаціи учебнаго плана съ наличными преподавательскими силами достигнуть нельзя: необходимо ихъ увеличить.

Та же предметная система, въ связи съ вопросомъ о степеняхъ, поставила ребромъ и вопросъ объ отношеніи каѳедръ къ профессурамъ, который до сихъ поръ оставался неяснымъ, такъ что эти тер-

мины даже употреблялись promiscue. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ каждый студентъ былъ студентомъ опредѣленнаго факультета, разряда или отдѣла: посредствующей единицы между этимъ отдѣломъ и входящими въ его составъ отдѣльными науками онъ не замѣчалъ. Какъ студентъ-филологъ историческаго отдѣла, онъ слушалъ лекціи по исторіи древней, средней, русской, церковной и т. д.; каждой наукѣ соотвѣтствуетъ особая профессура, но соотвѣтствуетъ ли каждой профессурѣ особая каѳедра — надъ этимъ вопросомъ ему нечего было и задумываться. Теперь же уже не то: нашъ студентъ будетъ изучать уже не просто исторію, а исторію всеобщую, или русскую, или церковную съ прилежащими дисциплинами; понятіе каѳедры, какъ высшая единица въ отношеніи профессуръ, выдѣляется само собой.

Къ тому же результату придемъ мы и разсматривая вопросъ въ связи съ вопросомъ о степеняхъ. Я защитилъ диссертацію, скажемъ, о крестьянскихъ войнахъ XVI вѣка; тема, такимъ образомъ, историческая. Получивъ за нее доктора, я вмѣстѣ съ тѣмъ получаю право читать—что именно? Неужели только о крестьянскихъ войнахъ? Понятно, что такая ограниченная квалификація была бы нелѣпа; мнѣ врядъ ли даже придется читать такой ультра-спеціальный курсъ. Итакъ, новую исторію? Это уже лучше; и несомнѣнно, что, какъ профессоръ, я сосредоточусь на ней. Но допустимъ, что въ моемъ университетѣ для средней исторіи представителя не будетъ; кому поручитъ факультетъ ея чтеніе? Естественно, мнѣ; а для этого я долженъ обладать соотвѣтственными правами. Итакъ, я получаю степень доктора всеобщей, а не одной только новой исторіи; мы имѣемъ *каѳедру* всеобщей исторіи, въ составъ которой входятъ *профессуры* древней, средней, новой исторіи... или, проще говоря три профессуры съ предоставленіемъ ихъ носителямъ права съ общаго согласія подѣлить между собой свой научный матеріалъ.

Итакъ: степени пріурочиваются къ каѳедрамъ, но въ составѣ каждой каѳедры входятъ нѣсколько профессуръ. О частностяхъ здѣсь говорить не мѣсто; это—дѣло факультетовъ. Все же есть одна каѳедра, имѣющая общій интересъ, въ отношеніи которой предполагается произвести довольно крупную реформу.

Эта — каѳедра *богословія*. До сихъ поръ ея положеніе было такъ сказать сверхфакультетское: слушаніе лекцій и экзаменъ были по уставу обязательны для всѣхъ студентовъ православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ факультетовъ; представитель каѳедры, не будучи пріуроченъ ни къ одному изъ факультетовъ, пользовался правомъ голоса во

всѣхъ. Очевидно, законодатель руководился тѣмъ соображеніемъ, что интеллигенту-православному полезно знать и внѣ предѣловъ гимназическаго курса догматы и философію исповѣдываемой имъ религіи, и что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ сдѣлать соотвѣтственные курсы общеобязательными. Въ первомъ онъ, пожалуй, былъ правъ, но во второмъ ошибался, какъ это показалъ опытъ. Аудиторія профессора богословія, вмѣсто тѣхъ тысячъ, которыхъ къ нему направлялъ уставъ, сводилась къ скромной кучкѣ дѣйствительно религіозно настроенныхъ людей; экзамены стали тягостной для обѣихъ сторонъ формальностью, часто съ обезпеченной полнымъ невѣждамъ минимальной тройкой; такъ какъ профессора богословія стѣснялись пользоваться предоставленнымъ имъ во всѣхъ факультетахъ правомъ голоса, то они фактически не имѣли никакого ни въ одномъ, и ихъ сверхфакультетское положеніе само собою превратилось во внѣфакультетское.

Само собою разумѣется, что новый уставъ не могъ долѣе допустить этого ненормальнаго положенія: существованіе постановленія, фактически несоблюдаемаго, дѣйствуетъ развращающе на людей, такъ какъ учитъ ихъ столь же легкомысленно относиться и къ другимъ, неудобнымъ для нихъ законамъ. А такъ какъ немыслимо было сдѣлать лекціи по богословію также и фактически обязательными, то оставалось только отказаться отъ этой обязательности и въ принципѣ. Такъ поступили и составители министерскаго проекта 1905 года: оставляя внѣфакультетскій характеръ богословія неприкосновеннымъ, они однако признали его факультативнымъ. Сами профессора, однако, на своихъ совѣщаніяхъ не сочли возможнымъ удовольствоваться этой полумѣрой. Дебаттировались два предложенія: одно сводилось къ полному упраздненію соотвѣтственной каѳедры, другое—къ ея пріуроченію къ какому-нибудь факультету. Большинство высказалось въ пользу этого послѣдняго предложенія, и вотъ почему. Такъ какъ богословскій факультетъ въ русскихъ университетахъ отсутствуетъ, то профессура богословія стала въ нихъ хоть нѣкоторымъ его суррогатомъ; а между тѣмъ ясно, что въ видахъ коопераціи наукъ, необходимой для полной ихъ плодотворности, наличность хотя бы такого суррогата весьма желательна. Далѣе: и въ интересахъ преподаванія этой желательности оспаривать нельзя. Насколько цѣннымъ и общеинтереснымъ можетъ быть преподаваніе богословія, показываетъ примѣръ берлинскаго профессора Гарнака: хорошо бы и для нашихъ Гарнаковъ держать двери въ университетѣ открытыми. А уже если удержать богословіе, то относительно факультета, къ которому его слѣдуетъ

пріурочить, сомнѣнія быть не могло: таковымъ могъ быть только историко-филологическій, имѣющій уже въ своемъ составѣ смежную каѳедру „исторіи церкви". Съ нею-то и предполагается соединить каѳедру богословія, образуя единую, при двухъ профессурахъ, каѳедру „исторіи и философіи христіанской религіи". Положеніе профессора богословія отъ этой реформы можетъ только выиграть: вмѣсто своего нынѣшняго фактически внѣфакультетскаго положенія онъ получитъ прочное мѣсто и голосъ въ историко-филологическомъ факультетѣ, а съ нимъ и вліяніе на учебное дѣло, котораго онъ теперь на самомъ дѣлѣ лишенъ.

Таково предложеніе Петербургскаго университета; желательно, чтобы оно было утверждено законодательной властью—а равно и прочія его предложенія, направленныя къ расширенію преподавательскихъ кадровъ во всѣхъ факультетахъ и, слѣдовательно, къ углубленію и усовершенствованію всего учено-учебнаго дѣла; это—для неспеціалиста наименѣе интересная часть нашего проекта, но для дѣла она важнѣе, можно сказать, чѣмъ всѣ другія. Но для того, чтобы наши пожеланія увѣнчались успѣхомъ, слѣдуетъ помнить одно: *Петербургскій университетъ*, дѣлая свои предложенія въ указанномъ направленіи, *имѣлъ въ виду свои нужды и свои силы*, и вовсе не хотѣлъ создавать обязательной для всѣхъ русскихъ университетовъ рамки. То же самое дѣлалъ и говорилъ онъ и въ 1901 г.; къ сожалѣнію, министерская комиссія никакъ не могла усвоить себѣ этой точки зрѣнія, не могла отрѣшиться отъ предвзятой идеи, что штаты должны быть по всей Россіи одинаковы. А такъ какъ для всероссійскаго шаблона предложенные Петербургомъ штаты показались ей—вполнѣ справедливо—черезчуръ роскошными, то она ихъ и сузила. Если это произойдетъ теперь вторично,—а къ этому дѣло, какъ будто, клонится,—то этимъ всей русской наукѣ будетъ нанесенъ серьезный ущербъ. Да будетъ мнѣ, поэтому, позволено сказать нѣсколько словъ въ объясненіе и защиту нашей точки зрѣнія.

Въ основу нашихъ предложеній легли два соображенія, которыя я и разовью одно за другимъ.

Во-первыхъ—да не посѣтуютъ на меня наши провинціальные коллеги, если я скажу, что столичный университетъ долженъ быть по части преподаванія обставленъ богаче и разнообразнѣе провинціальнаго. За границей это—азбучная истина: никто не требуетъ, чтобы въ Берлинѣ было не болѣе каѳедръ и профессуръ, чѣмъ въ Мюнстерѣ, въ Парижѣ—не болѣе, чѣмъ въ Лиллѣ, въ Римѣ—не болѣе, чѣмъ

въ Мачератѣ. Тутъ нѣтъ никакой столичной спѣси, а простое признаніе существующаго положенія дѣлъ. Въ столицѣ студентовъ—столько тысячъ, сколько въ иномъ провинціальномъ университетѣ сотенъ: отсюда слѣдуетъ, что здѣсь возможны такіе курсы, для которыхъ тамъ и слушателей не найдется. Съ другой стороны, есть такія, чисто научныя и неприкладныя каѳедры, для которыхъ ученыхъ представителей наберется на всю Россію два-три; если, такимъ образомъ, столичные кадры распространить и на всѣ провинціальные университеты, то тамъ соотвѣтственныя каѳедры будутъ значиться только на бумагѣ. Есть, затѣмъ, предметы, плодотворное изученіе и преподаваніе которыхъ немыслимо безъ особыхъ учрежденій (библіотекъ, музеевъ и т. д.), имѣющихся въ столицахъ и отсутствующихъ въ провинціи. Но главное соображеніе — это финансовое. Петербургъ предлагаетъ для себя хорошо обставленные и каѳедрами, и профессурами, и доцентурами кадры, которые потребуютъ отъ казны соотвѣтственныхъ затратъ. Если эти затраты помножить только на единицу или на двѣ, то это бремя посильное; если же на девять, то объ осуществленіи нашего плана и думать нечего, и Россія не будетъ имѣть ни одного вполнѣ научно обставленнаго университета.

Другое соображеніе вытекаетъ изъ индивидуальныхъ особенностей каждаго университета. У насъ за малочисленностью этихъ высшихъ учебныхъ учрежденій, каждое изъ нихъ является интеллектуальнымъ центромъ огромной области съ особеннымъ, только для нея характернымъ составомъ населенія. Въ сущности, даже такіе сравнительно близкіе къ центру университеты, какъ Харьковскій или Казанскій, носятъ уже окраинный характеръ; подавно его носятъ Кіевскій, Одесскій и Томскій, не говоря уже о Варшавѣ и Юрьевѣ, или о позорно обойденной Вильнѣ; понятно, что и нужды у нихъ своеобразныя. Каѳедра урало-алтайской филологіи очень умѣстна въ Казани и будетъ еще болѣе умѣстна въ Томскѣ; заводить ее въ Кіевѣ было бы нелѣпо. Напротивъ, „козакологія" найдетъ себѣ много поклонниковъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, но будетъ довольно безпочвенной въ Юрьевѣ.

Вотъ почему по вопросу о штатахъ слѣдуетъ считаться исключительно съ индивидуальнымъ характеромъ каждаго университета и требовать отъ каждаго представленія своихъ, соразмѣренныхъ съ собственными нуждами и силами, кадровъ. Центральная же власть пусть торгуется, если этого требуетъ состояніе казны, но торгуется опять-таки съ каждымъ университетомъ въ отдѣльности, а не пытается втиснуть Петербургъ въ казанскую рамку и организовать по

одному трафарету Юрьевъ, Одессу и Томскъ. Довольно натерпѣлись мы отъ этой аракчеевщины; пора хоть теперь внять голосу здраваго смысла и считаться съ реальными условіями реальной, неизбѣжно дифференцирующей жизни.

* * *

Но, конечно, было бы непростительнымъ оптимизмомъ—полагать, что съ принятіемъ охарактеризованнаго здѣсь въ своихъ основахъ новаго устава будутъ устранены всѣ невзгоды академическаго быта. Мы составляли его, точно удобное, теплое платье для тяжело больного; и нашъ больной съ грустными чувствами будетъ смотрѣть на свой новый нарядъ, думая про себя: когда-то еще доведется мнѣ его надѣть?

Насъ утѣшаютъ: университетъ выживетъ. Надежда есть, но увѣренности нѣтъ. Она была бы, если бы вѣра въ науку, въ ея необходимость и ея благотворную силу была дѣйствительно такъ прочна въ Россіи, какъ на Западѣ; но именно этого-то у насъ нѣтъ. Будь она— тогда и нынѣшней университетской простраціи бы не было, тогда наша молодежь бы знала, что никакое увлеченіе политикой не должно ей препятствовать удѣлять часть своего времени и наукѣ; вѣдь и сражающіеся въ траншеяхъ удѣляютъ часть своего времени ѣдѣ, а наука для интеллигенціи—тотъ же насущный хлѣбъ. На одной изъ сентябрьскихъ сходокъ въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета были произнесены однимъ изъ молодыхъ ораторовъ позорныя слова: „мы смѣемся надъ тѣми, которые теперь слушаютъ какую-то ботанику или химію“, и ему апплодировали; въ этотъ день университетъ былъ развѣнчанъ. Помню глубокое уныніе, овладѣвшее нами, когда мы объ этомъ узнали; какъ ни какъ, а этого мы отъ нашей молодежи не ожидали: такъ откровенно враги науки до тѣхъ поръ не осмѣливались проповѣдывать ей свой обскурантизмъ. Видно, весенняя забастовка сдѣлала свое дѣло. Положимъ, и во французскую революцію ситойены, провожая на казнь великаго Лавуазье, кричали ему вслѣдъ, что республика не нуждается въ химикахъ; но вѣдь то была толпа санкюлоттовъ, а не интеллигентная молодежь, носительница самыхъ свѣтлыхъ идеаловъ страны.

Скажутъ: и у насъ не всѣ таковы. Знаю; оттого-то я и сказалъ раньше, что надежда есть. Но много ли тѣхъ, которые не таковы? И смогутъ ли они преодолѣть умственный санкюлоттизмъ?... Впрочемъ, я не желаю быть неправильно истолкованъ, будто я пригла-

шаю ихъ бороться со своими товарищами. Вовсе нѣтъ: не съ людьми имъ предстоитъ борьба, а со лживыми идеями. Вѣдь и тотъ ораторъ, котораго я охарактеризовалъ только что, не отъ себя говорилъ; и даже не онъ говорилъ, можно сказать, а духъ умственной тьмы глаголалъ его устами. Нѣтъ, повторяю, не съ санкюлоттами разума призываю я ихъ бороться — вѣрю, что такихъ у насъ въ университетѣ нѣтъ — а именно съ умственнымъ санкюлоттизмомъ, пока еще не поздно.

Пишу эти строки какъ разъ въ день годовщины Петербургскаго университета. Когда-то этотъ день видѣлъ академическую семью въ сборѣ: читался отчетъ, произносилась ученая рѣчь, раздавались награды молодымъ труженикамъ за ихъ первые успѣшные шаги на избранномъ поприщѣ. Но это было давно: однажды молодежи было внушено, что актъ слѣдуетъ сорвать, и акта не стало. Съ этого времени началось явное паденіе университета, доведшее его мало по малу до нынѣшней летаргіи. Празднованіе университетской годовщины было перенесено въ частныя собранія; нынче что-то и о такомъ празднованіи не слышно. Боюсь, день пройдетъ незамѣтно, какъ самый будничный въ году.

Все же мнѣ хотѣлось бы почтить по мѣрѣ силъ забитую и поруганную alma mater. Посвящаю ей свою статью: resurrecturae!

Ѳ. Зѣлинскій.

ОРГАНИЗАЦІЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ [1]).

VII.

Ученическій журналъ.

1) Въ большинствѣ учебныхъ заведеній ученики издаютъ собственный журналъ, при чемъ кто-нибудь изъ старшихъ воспитанниковъ назначается его редакторомъ, а одинъ изъ учителей помогаетъ ему вести дѣло, если въ этомъ является надобность.

(Лондонъ, *Гартвелъ Джонсъ*).

2) Гимназическимъ союзамъ дозволено издавать, съ разрѣшенія директора, газеты и періодическія изданія. Послѣднія совершенно безвредны.

(Стокгольмъ, *Якобсонъ*).

3) Ученики не могутъ издавать своего журнала, по крайней мѣрѣ,— безъ одобренія директора.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Маленькіе ученическіе журналы издаются въ отдѣльныхъ школахъ и допускаются начальствомъ, если не содержатъ ничего предосудительнаго. Попытка учредить всеобщій школьный журналъ была отклонена нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ чего не возобновлялась.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Иногда старшіе ученики въ школѣ издаютъ маленькій ученическій листокъ, иногда же спеціально избранное учебное заведеніе издаетъ общій листокъ для извѣстной группы школъ. Никто противъ

---

[1]) *Продолженіе*. См. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

этого ничего не имѣетъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода журналы составляются въ тонѣ совершенно безвредномъ.

(Кольдингъ, *Бруннъ*).

6) Мнѣ ничего неизвѣстно про журналъ, который бы издавали наши ученики.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Ни одинъ ученикъ безъ разрѣшенія ректора не имѣетъ права принимать участіе въ какомъ-нибудь собраніи внѣ своей домашней среды, участвовать въ театральныхъ представленіяхъ, концертахъ, произносить рѣчи, или печатать что бы то ни было. (Послѣдній пунктъ школьнаго устава § 25).

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Издавать ученикамъ школьные журналы у насъ не разрѣшается.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Выдающіяся сочиненія учениковъ печатаетъ само учебное заведеніе.

(Ссо, *Базэнъ*) [1]).

10) У учениковъ нѣтъ своего журнала, и не имѣютъ права читать газетъ въ учебномъ заведеніи.

(Парижъ, *Жорженъ*).

11) Почти каждый ученикъ ведетъ свой дневникъ, въ который онъ записываетъ всѣ явленія школьной жизни; иногда въ составленіи такого дневника-журнала принимаетъ участіе весь классъ, или даже все учебное заведеніе. Во всякомъ случаѣ подобное изданіе можетъ касаться только фактовъ внутренней жизни учебнаго заведенія.

(С.-Пб., *Гюттинг*).

13) За послѣдніе 22 года ученики два раза пытались основать

---

[1]) *Въ трехъ послѣднихъ годичныхъ отчетахъ „Acta et Gesta“ лицея Lakanal помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи воспитанниковъ этого заведенія: Jeux et Récreations, par E. Bergerson, élève de réthorique.— Lycées de France et Collèges d'Angleterre, par Sidney Clifford, élève de IV-ème B.—Les Mystères du parc, par Léon Gurtzwiller, élève de réthorique supérieure.—Après une année de réthorique supérieure, par I. Chesseau, élève de réthorique sup.—Impressious d'un „Bizuth“, élève de prém. supér. и т. д.

свой журналъ; но, пренебрегая совѣтами преподавателей, не могли, разумѣется, создать ничего серьезнаго. Такимъ образомъ появилось лишь очень небольшое количество номеровъ этого журнала.

(Лиссабонъ, *Коеліо*).

15) Ученическіе журналы обыкновенно очень недолговременны. Въ данный моментъ среди воспитанниковъ циркулируетъ листокъ, посвященный главнымъ образомъ спорту.

(Амстердамъ. *Поутсма*).

16) Мы ничего не имѣемъ противъ издаванія учениками журнала.

(Амстердамъ, *Роне*).

17) Мнѣ совершенно неизвѣстны случаи, чтобы ученики издавали свой собственный журналъ. Я не счелъ бы этого слишкомъ полезнымъ. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ у насъ ближе еще не затрогивался.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) У нашихъ учениковъ до сихъ поръ не возникало желанія издавать собственный журналъ.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Въ Австріи ученики не имѣютъ своего собственнаго журнала. Журналъ для молодежи, разсчитанный на воспитанниковъ средней школы, издается однимъ изъ преподавателей гимназіи.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Ученикамъ вообще не разрѣшается издавать собственные журналы; исключенія однако бываютъ.

(Линцъ, *Ленеръ*).

25) Ученикамъ, собственно, не разрѣшается издавать собственный журналъ; точно также они не имѣютъ права печатать свои литературныя произведенія. Я долженъ однако замѣтить, что въ журналѣ, издаваемомъ союзомъ преподавателей, все-таки помѣщаются и ученическія произведенія.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Журналъ школьный существуетъ, но издается не воспитанниками, а преподавателями. Есть однако и среди учениковъ такіе, которые пишутъ и печатаютъ. Я, собственно, не имѣю ничего противъ

того, чтобы воспитанникамъ была предоставлена возможность самостоятельно выказывать свои литературныя дарованія, особенно если они придерживаются правды; но я не терплю подражаній новѣйшимъ французскимъ авторамъ. Замѣчу съ удовольствіемъ, что съ нѣкотораго времени на литературные труды нашей школьной молодежи стали оказывать вліяніе національные поэты.

(Бухарестъ, *Богданъ-Дница*).

VIII. Распредѣленіе учебнаго дня.

1) Часы занятій бываютъ обыкновенно: съ 8 до 9, затѣмъ съ 10 до 12 и, наконецъ, съ 2 до 4 или болѣе. Впрочемъ, время занятій измѣняется сообразно съ характеромъ школы и съ тѣмъ, приходятъ ли ученики на весь день или нѣтъ. Каждый урокъ продолжается обыкновенно 1 часъ.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*).

*Занятія бываютъ съ 9.30—до 1 часу и съ 2.30 до 4 часовъ ежедневно, за исключеніемъ среды и субботы, когда уроки заканчиваются въ 12.30.

(King's College School, Wimbledon Common).

**Занятія бываютъ съ 9.30 до 1 часу и съ 3 до 5, за исключеніемъ субботы.

(St. Paul's School, Brook Green W.).

***Занятія бываютъ съ 9.30 до 3.30 ежедневно, съ получасовыми перерывами въ 11.30 и въ 2 часа; по средамъ занимаются съ 9 ч. до 1.30—съ однимъ перерывомъ.

(Blackrock College. C. S. Sp., Dublin).

*****Расписаніе уроковъ въ англ. колледжѣ Harrow Schooll.**

Классы отдѣленія классическаго: IV_2 (I), IV_1 (II), R(emove), (III), $R(emove)_2$ (IV), $S(hell)_1$ (V), $S(hell)_2$ (VI), V_2 (VII), V_1 (VIII), VI_2 (IX), VI_1 (X), VII (ученики этого класса состоятъ репетиторами).

Классы отдѣленія реальнаго: M(oderne) IV^2 (I), M. IV^1 (II), M. S^2 (III), M. S^1 (IV), M. R^2 (V), M. R^2 (VI) и т. д.

Въ каждомъ классѣ ученикъ остается отъ одного триместра до 1 года (три триместра).

Классъ B_2 (IV классич. отд.).

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
7,30—8,45	Новый Завѣтъ на греч. языкѣ.	Еврипидъ.	Еврипидъ.	Еврипидъ.	Французск. языкъ.	Еврипидъ.
10—11	—	—	—	—	—	—
11—12	Ариѳметика.	Сочин. латин. стиховъ.	Ариѳметика.	Французъ. авторъ.	Исторія Англіи или Римская исторія.	Исторія Англіи или Римская исторія.
12—12,45	Естеств. науки.	Пригот. урок.	—	—	Приготов. урок.	—
12,45—1,30	—	Сочин. латин. стих., Овидій.	Естествен. науки.	Ариѳметика.	Исторія.	Ариѳметика.
3.30—4,15	Латинск. соч.	—	Латинск. соч.	—	Греч. сочиненіе.	—
4,15—5	Приготов. урок. Грамматика.	—	Пригот. уроковъ. Римскій авторъ и лат. грам.	—	Пригот. уроковъ. Римскій авторъ и лат. грам.	—
5—6	Вергилій.	—	Вергилій.	—	Вергилій.	—

Воскресенье: 3—4: Ветхій Завѣтъ на англійскомъ языкѣ.

Классъ V_1 (VIII классич. отд.).

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
7,30—8,45	Новый Завѣтъ на греч. языкѣ. Апостолъ на евр. языкѣ.	Еврипидъ. Геродотъ, VII. Заучиваніе наиз. Гамлета.	Греческіе авторы. Греческая грамматика.	Греческіе авт. Греческая грам.	Греческіе авторы. Греческая грамматика.	Греческіе авторы. Греческая грамматика.
10—11	—	—	—	—	—	—
11—12	Исторія Англіи (Елисавета и Марія Ст.).	Римская ист. до смерти Суллы.	Гомеръ Il. XII.	Горацій. Цицеронъ. (Pro Milone).	Математика. Французскій языкъ.	Греческіе и римскіе авторы.
12—12,45	Приготовленіе уроковъ.	Франц. языкъ.	12,15—1,30: Сочин. латинскихъ стиховъ.	Приготовленіе уроковъ.	—	Греческое сочиненіе. Греческое стихосложеніе.
12,45—1,30					Французскій языкъ.	
3,30—4,15	—	—	—	—	—	—
4,15—5	Математика.	—	Математика.	—	Математика.	—
5—6	Римскіе авторы. Латинская грам.	—	Римскіе авторы. Латинская грам.	—	Римскіе авторы. Латинская грам.	—

Воскресенье: 3—4: Ветхій Завѣтъ на французскомъ языкѣ.

Классъ М. IV^a (Первый реальный).

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
7,30—8,45	Новый Завѣтъ на французскомъ языкѣ.	Латинскій авторъ. Исторія.	Геометрія.	Англійскій авторъ.	Исторія Англіи.	Черченіе.
10—11	—	—	—	—	—	—
11—12	Латинскій авторъ.	Ариѳметика или алгебра.	Французскій авторъ.	Ариѳметика или алгебра.	Французскій авторъ. Грамматика.	Ариѳметика или алгебра.
12—12,45	—	Приготовленіе уроковъ.	—	Географія.	Приготовленіе уроковъ.	—
12,45—1,30	Геометрія.	Приготовленіе уроковъ.	Алгебра или геометрія.	—	Приготовленіе уроковъ.	Французская грам.
3,30—4,15	Пѣніе или рисованіе.	—	Латинская письмен. работа.	—	Пѣніе или рисованіе.	—
4,15—5	Приготовленіе уроковъ.	—	Приготовленіе уроковъ.	—	4,30—6: Письмен. раб. на французск. языкѣ.	—
5—6	Французскій авторъ.	—	Латинскій авторъ.	—	4,30—6: Письмен. раб. на французск. языкѣ.	—

Воскресенье 3—4: Ветхій Завѣтъ на англійскомъ языкѣ.

Классъ M. VI (Послѣдній реальный).

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
8,30—8,45	Новый Завѣтъ.	Географія. Франц. авторъ.	Англійскій авторъ. Заучиваніе наизусть.	Исторія Англіи. Заучив. франц. отрывковъ.	Геометрія.	Французскіе авторы.
10—11	—	Математика.	—	Математика.	Латинскій языкъ.	Математика.
11—12	Нѣмецкій яз. Естеств. науки.	—	Нѣмецкій языкъ.	—	Французскій языкъ.	—
12—12,45	Приготовленіе уроковъ.	—	—	Приготовленіе уроковъ.	Спеціальн. предм. (по выбору).	—
12,45—1,30	Приготовленіе уроковъ.	Спеціальн. предм. (по выбору).	Математика.	Приготовленіе уроковъ.		Нѣмецкій языкъ.
3,30—4,15	Латинскій языкъ.	—	Французская литература.	—	Французская литература.	—
4.15—5	—	—	—	—	4,30—6. Французское сочиненіе.	—
5—6	Геометрія.	—	Латинскій языкъ.	—		—

Воскресенье 3—4: Ветхій Завѣтъ на англійскомъ языкѣ.

Военное отдѣленіе (Послѣдній классъ).

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
7,30—8,45	Новый Завѣтъ на французскомъ языкѣ.	Исторія Англіи.	Латинскій авторъ. Исторія Рима.	Математика.	Математика.	Исторія Англіи.
10—11	—	Физика.	—	—	Французскій языкъ.	Французскій языкъ.
11—12	Латинское сочиненіе.	Химія.	Французскій авторъ.	Француз. авторъ.	Математика.	Естественн. исторія.
12—12,45	Приготовленіе уроковъ.	Математика.	—	Приготовленіе уроковъ.	Математика.	12,30—1,30 Космографія.
12,45—1,30			Латинскій авторъ.			
3,30—4,15	3,30—4,30. Математика.	—	Химія.	—	Математика.	—
4,15—5		—	4,30—6: Исторія.	—	Физика.	—
5—6	Черченіе.	—		—		—
—	—	6,40—8: Рисованіе.	—	6,40—8. Географія.	—	—

Воскресенье 3—4: Ветхій Завѣтъ по французски.

(Взято изъ статьи B. Minssen'a „Un établissement d'enseignement secondaire“ въ „Revue internationale de l'Enseignement par la Societé de l'Enseignement supérieur“, tome L, 1905, стр. 251—259).

2) Ежедневно бываетъ 5 уроковъ, по 45 минутъ каждый. Распредѣляются они слѣдующимъ образомъ: съ 8 до 10 часовъ и съ 12 до 3, или же съ 8 до 11 и съ 1 до 3 часовъ. Послѣ сорокапяти-минутнаго урока слѣдуетъ перерывъ въ 10 минутъ. Каждый день ученики занимаются 40 минутъ гимнастикою. Урокъ гимнастики бываетъ въ 10 часовъ, послѣ двухъ предметныхъ уроковъ, или же въ 11-ть, послѣ 3 предметныхъ уроковъ. Въ первомъ классѣ еженедѣльно — 28 часовъ занятій, въ послѣднемъ — 30. Одинъ день въ недѣлю посвященъ исключительно письменнымъ работамъ (не больше 6-ти часовъ). На домъ письменныя работы не задаются у насъ. Дни письменныхъ работъ постоянно мѣняются. Къ понедѣльнику уроки никогда не задаются.

(Стокгольмъ, *Якобсонъ*).

(См. табл. на стр. 170).

3) Повсюду у насъ мальчики посѣщаютъ школу ежедневно лишь одинъ разъ: съ 8 до 2 часовъ. Каждый день бываетъ по 6 уроковъ, каждый урокъ длится $^3/_4$ часа.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Уроки у насъ продолжаются съ 9 часовъ утра до 3 часовъ, или съ 8 часовъ до 2 часовъ подрядъ. Каждый урокъ длится 45—50 минутъ. Въ 11 часовъ устраивается отдыхъ въ 15 или 20 минутъ для завтрака.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Уроки продолжаются обыкновенно съ 8 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни; въ нѣкоторыхъ же школахъ, какъ, напримѣръ, здѣсь, въ Кольдингѣ,—съ 8 часовъ до 1 ч. (6 уроковъ по 45 минутъ + рекреація).

(Кольдингъ, *Брунъ*).

6) Ученіе распредѣляется у насъ на до-полуденные и послѣ-полуденные часы, при чемъ отдѣльные предметы не назначаются непремѣнно въ опредѣленное время. При составленіи плана уроковъ принимается, однако, во вниманіе, чтобы занятія гимнастикою бывали лишь съ 9-ти часовъ утра или послѣ трехъ часовъ пополудни, а также, чтобы зимою съ 8 до 9 часовъ утра и съ 3 до 4 часовъ дня (когда темно) не назначались такіе уроки, во время которыхъ неизбѣжно слѣдуетъ пользоваться классною доской или стѣнными картами (какъ, напримѣръ, чистописаніе, географія, рисованіе). Обязательные предметы

*Расписаніе уроковъ въ двухъ послѣднихъ классахъ Стокгольмской гимназіи.

	Часы.	Низш. VII (Nedre sjunde klas.).			Высш. VII (Öfre sjunde klas.).		
		Реал. В.	Реал. А.	Классич.	Реал. В.	Реал. А.	Классич.
Понедѣльникъ.	8—8.45	Рис.	Матем.	Латин.	Математика.		Латин.
	8,55—9,40	Англ.	—	—	—		—
	12—12,45	Матем.	Нѣм.	Рис.	Нѣмецкій.		Рис.
	12,55—1,40	—	Англ.	Нѣм.	Шведскій.		Матем.
	1,50—2,35	Шведскій.		Матем.	Рисованіе.		Нѣм.
Вторникъ.	8—8,45	Матем.	Зак. Бож.	Лат.	Химія.		Исторія и геогр.
	8,55—9,40	Франц.	Матем.	Англ.	Физика.		Латин.
	12—12,45	Зак. Бож.	Филос.	Швед.	Матем.	Англ.	Физ.
	12,55—1,40	Ист. и геогр.	Физ.	Зак. Б.	Англ.	Ист. и геог.	Швед.
	1,50—2,35	Нѣм.	Франц.	Исторія и геогр.	Ист. и геогр.	Фран	цузскій.
Среда.	8,—8,45	Хим.	Матем.	Лат.	Ист. и геог.	Мат.	Зак. Б.
	8,55—9,40	Ист. и геогр.	—	—	Франц.	—	Латин.
	12—12,45	Физ.	Ист. и геогр.	—	Законъ Божій.		Біол.
	12,55—1,40	Франц.	Англ.	Матем.	Швед.	Нѣмецк.	Англ.
	1,50—2,35	Нѣм.	Хим.	Франц.	Біологія.		Матем.
Четвергъ.	8—8,45	Мат.	Ист. и геог.	Лат.	Математика.		Исторія и геогр.
	8,55—9,40	—	Зак. Бож.	—	—	Ист. и геогр.	Матем.
	12—12,45	Шведскій.		Нѣм.	Философія.		Физ.
	12,55—1,40	Анг.	Нѣм.	Матем.	Рисованіе.		Латин.
	1,50—2,35	Рисованіе.		Исторія и геогр.	Англ.	Фран	цузскій.
Пятница.	8—8,45	Ист. и геог.	Анг.	Англ.	Законъ Божій.		Матем.
	8,55—9,10	Франц.	—	Зак. Б.	Франц.	Мат.	Филос.
	12—12,45	Матем.	Физ.	Біол.	Химія.		Зак. Б.
	12,15—1,40	Хим.	Біол.	Физ.	Нѣмец.	Англ.	Латин.
	1,50—2,35	Зак. Бож.	Матем.	Лат.	Матем.	Швед.	—
Суббота.	8—8,45	Физ.	Ист. и геог.	Филос.	Физика.		Матем.
	8,55—9,40	—	Рис.	Исторія и геогр.	—		Швед.
	12—12,45	Біол.	Физ.	Исторія и геогр.	Франц.	Англ.	Латин.
	12,45—1,40	Франц.	Хим.	Лат.	Мат.	Ист. и геог.	Англ.
	1,50—2,35	Филос.	Франц.	Швед.	Ист. и геогр.	Мат.	Исторія и геогр.

*(Arbetsordning vid Nya Elementrskolan i Stockholm läsåret $190^5/_6$).

обыкновенно преподаются съ 8—11 часовъ и съ 2 до 4 часовъ. Въ старшихъ классахъ бываетъ иногда урокъ и съ 11 до 12 часовъ. Необязательные предметы распредѣляются съ 11—12 часовъ, съ 4—6, а лѣтомъ также съ 7—8 часовъ утра. Въ среду и въ субботу пополудни не бываетъ уроковъ по обязательнымъ предметамъ. Въ 10 часовъ утра устраивается перерывъ въ четверть часа; въ 11 часовъ утра, а, равнымъ образомъ, и въ 4 часа пополудни бываетъ десятиминутная рекреація. Урокъ послѣ такой перемѣны продолжается 45 или 50 минутъ. Въ декабрѣ и январѣ, когда дни короче, это распредѣленіе мѣняется слѣдующимъ образомъ: 1-й урокъ: съ 8 ч. 15 м. до 9 ч., 2-й урокъ: съ 9 ч.—10 ч., 3-й урокъ: съ 10 час. 10 м.—11 час.

Прежде бывали короткіе перерывы также въ 9 часовъ и въ 3 ч.; въ настоящее время есть стремленіе къ введенію ихъ опять. Еще сильнѣе у насъ агитація въ пользу введенія въ школѣ и канцеляріи англійскаго распредѣленія времени.

И дѣйствительно, теперь уже признается возможнымъ въ классической гимназіи перенести всѣ научные предметы (т. е. всѣ уроки за исключеніемъ гимнастики, рисованія и др.) на до-полуденное время. Въ одной изъ здѣшнихъ гимназій былъ недавно произведенъ такой опытъ, который увѣнчался благопріятнымъ успѣхомъ.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Только въ среду и въ субботу дается свободное по-полуденное время. Въ остальные дни уроки бываютъ какъ до, такъ и послѣ полудня. Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣлались попытки устроить до полудня 5 часовъ занятій, а въ послѣ-полуденные часы преподавать только техническіе предметы: гимнастику, пѣніе, рисованіе и чистописаніе. Уроки продолжаются по 50 минутъ, до-полуденные же по 45-ти минутъ. Законъ Божій, математика, грамматика (въ языкахъ) назначаются преимущественно до 12 часовъ; чтеніе авторовъ, физика, географія, исторія—послѣ полудня.

(Хемницъ, *Фикельшереръ*).

8) Дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ весьма различно. Такъ, въ Берлинѣ уроки по научнымъ предметамъ бываютъ въ послѣ-полуденные часы максимально два раза въ недѣлю, чаще же всего одинъ разъ. Послѣ 12 часовъ назначаются обыкновенно техническіе предметы (пѣніе, гимнастика). Опредѣленныхъ правилъ, которыми бы мы

руководствовались въ распредѣленіи предметовъ, нѣтъ. Урокъ продолжается всегда 50 минутъ.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Уроки продолжаются, въ среднемъ, 5 часовъ ежедневно. На каждый урокъ полагается 1 часъ, за исключеніемъ старшаго отдѣленія, гдѣ урокъ длится 2 часа.

(Ссо, *Базэнъ*).

(См. табл. на стр. 173).

10) Каждый урокъ продолжается 1 часъ. По правиламъ, полагается ежедневно по 4 часа занятій: 2 утромъ и 2 вечеромъ. Однако, на самомъ дѣлѣ число уроковъ обыкновенно превосходитъ эту норму; особенно въ старшихъ классахъ. Такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ для учениковъ реторическаго класса уроки распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Утромъ	1. греч. яз., съ 8 — 9 ч.	Вечеромъ.	3. франц. яз. съ $2^1/_2$—$3^1/_2$ ч.
	2. лат. яз., съ 9—10 ч.		4. греч. яз. съ $3^1/_2$—$4^1/_2$ ч.

Кромѣ того, утромъ съ $10^1/_4$ до $11^1/_4$ ч. бываютъ новые языки.

Послѣ уроковъ приходящіе (составляющіе большинство) расходятся по домамъ. Пансіонеры же отдыхаютъ или занимаются. Послѣдніе встаютъ въ 6 ч. утра, а ложатся въ 9 час. веч.

Мы, преподаватели, даемъ лишь уроки. Внѣ-классный надзоръ за пансіонерами возложенъ на воспитателей (répetiteurs).

(Парижъ, *Жоржень*).

11) Каждый урокъ продолжается 1 часъ. Ежедневно бываетъ только 4 урока, но учебный день заканчивается лишь въ 4 ч. Промежутки между уроками идутъ на подготовку.

(С.-Пб. *Гютине*).

12) Каждый урокъ продолжается часъ. Ежедневно бываетъ отъ трехъ до четырехъ уроковъ. Распредѣленіе и пользованіе остальнымъ временемъ, проводимымъ учениками внѣ школы, т. е. дома, зависитъ лишь отъ родителей послѣднихъ. Такимъ образомъ, дома ученики распоряжаются временемъ свободно, сообразуясь со своимъ удобствомъ и нуждами.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

(См. табл. на стр. 174).

***Расписаніе уроковъ въ трехъ старшихъ классахъ (Première supérieure, Mathématiques et Philosophie) въ лицеѣ «Lakanal».**

	Часы.	Первый старшій классъ.	Классъ математики. A	B	Классъ философіи. A	B
Понедѣльникъ.	10—12	—	Черченіе.		Рисованіе.	—
	1½—2½	Рефератъ.	Физика.		Филос. Объясн. автора.	
	2½—3½	Латинскій языкъ.	Физика.		Латинскій.	
	3½—4½	Латинскій языкъ.	Физика.		Физика.	
	5—6	Новые языки.	—		—	
Вторникъ.	8¼—9¼	Философія.	Математика.		Философія.	
	9¼—10¼	Философія.	Математика.		Философія.	
	10½—11½	—	Философія.		—	
	1½—2½	Въ 1-мъ семестрѣ	практическія занятія,		во 2-мъ—исторія.	
	2½—3½	Француз. языкъ.	Практич. занятія по		Философія.	
	3½—4½	Француз. языкъ.	физикѣ и естеств. наук.		Философія.	
Среда.	8¼—9¼	Исторія.	Новые языки.		Новые языки.	
	9¼—10¼	Ист. искусствъ.	Географія. Исторія.		Исторія. Географія.	
	10½—11½	Исторія.	Ест. науки. Рефераты и		практ. зан. по гигіенѣ.	
	1½—2½	—	Физика.		—	
	2½—3½	Латинскій языкъ.	Естественныя		науки.	
	3½—4½	Латинскій языкъ.	Естественныя		науки.	
Четвергъ.	8¼—9¼	Француз. языкъ.	Математика.		Философія.	
	9¼—10¼	Француз. языкъ.	Математика.		Философія.	
	10½—11½	Философія.	—	Новые языки.	—	Новые языки.
Пятница.	8¼—9¼	Латинскій языкъ.	Математика.		Химія.	
	9¼—10¼	Латинскій языкъ.	Математика.		Химія.	
	10½—11½	Рефератъ.	10½—12 Рисованіе		Латинскій.	—
	1½—2½	—	Физика.		Исторія.	
	2½—3½	Новые языки.	Исторія.		Исторія.	
	3½—4½	Новые языки.	Исторія.		Исторія.	
Суббота.	8¼—9¼	Исторія.	Математика.		Философія.	
	9¼—10¼	Исторія.	Математика.		Философія.	
	10½—11½	Философія.	Новые		языки.	
	1½—2½	Рефератъ.	—		—	
	2½—3½	Француз. языкъ.	Практ. зан. по естеств. наукамъ.		Математика.	
	3½—4½	Француз. языкъ.	Физика.		Математика.	
	5—6	Рефератъ.	—		—	

(Lycée Lakanal, Emploi du temps. Année scolaire 1905—1906).

*Расписаніе уроковъ въ институтѣ кардинала Цисперосъ въ Мадридѣ.

Курсы.	Предметы.	Дни.	Часы.
1.	Кастильскій языкъ.	Понед., среда, пятн.	10—11
	Географія Европы.	Вторн., четв., суб.	10—11
	Элемент. ариѳм. и геометрія.	Понед.. среда, пятн.	11—12
	Чистописаніе.	Вторн., четв., суб.	11—12
	Законъ Божій.	Вторн., четв., суб.	12—1
2.	Латинскій языкъ.	Вторн., четв., суб.	10—11
	Географія Испанія.	Вторн., четв., суб.	12—1
	Ариѳметика.	Понед., среда, пятн.	10—11
	Законъ Божій.	Понед., среда. пятн.	12—1
	Гимнастика.	Понед., среда, пятн.	11—12
3.	Латинскій языкъ.	Понед., среда, пятн.	11—12
	Исторія Испаніи.	Вторн., четв.. суб.	11—12
	Геометрія.	Ежедневно.	10—11
	Французскій языкъ.	Вторн., четв., суб.	$8^1/_2—9^1/_2$
	Законъ Божій.	Среда.	12—1
	Гимнастика.	Вторн., четв., суб.	12—1
4.	Риторика и поэтика.	Вторн., четв.. суб.	12—1
	Французскій языкъ.	Понед., среда, пятн.	$8^1/_2—9^1/_2$
	Всеобщая исторія.	Понед., среда, пятн.	10—11
	Алгебра и тригонометрія.	Ежедневно.	11—12
	Рисованіе.	Понед., среда, пятн.	3—4
5.	Психологія и логика.	Вторн., четв., суб.	12—1
	Исторія литературы.	Понед., среда, пятн.	12—1
	Физика.	Ежедневно.	11—12
	Физіологія и гигіена.	Понед., среда, пятн.	$3^1/_2—4^1/_2$
	Рисованіе.	Вторн., четв., суб.	3—4
6.	Этика.	Понед., среда, пятн.	12—1
	Естествовѣдѣніе.	Ежедневно.	$2^1/_2—3^1/_2$
	Земледѣліе.	Ежедневно.	9—10
	Пѣніе.	Понед., среда, пятн.	10—11

(Cuadro de las asignaturas del Grado de Baduller, Catedraticos que las tunen a su cargo locales, dias y horas de clase en el curso de 1905 á 1906).

13) Обыкновенно урокъ продолжается 50—55 мин., за исключеніемъ рисованія, на которое полагается 1 часъ 25 минутъ. У учениковъ первыхъ классовъ бываетъ ежедневно по 3 урока, въ старшихъ же классахъ: 3 раза въ недѣлю по 3 и 3 раза по 4 урока. Свободные дни—лишь воскресенье и праздники.

Чрезмѣрный наплывъ учениковъ заставляетъ устраивать параллельные классы (coetus): въ младшемъ классѣ бываетъ 5 отдѣленій, въ среднемъ 3, а въ старшемъ 2 отдѣленія. Благодаря такимъ обстоятельствамъ одной группѣ учениковъ уроки даются утромъ (съ 8 до 12 ч.), другой же—послѣ полудня (съ 12 до 4 ч.). Впрочемъ, детали часто мѣняются, въ силу разныхъ обстоятельствъ.

Данный отвѣтъ касается лишь начальной школы.

(Лиссабонъ, *Н. Коелйо*).

*Въ португальскихъ лицеяхъ бываетъ обыкновенно 3 урока до полудня и 2 или 3 вечеромъ. Промежутки между уроками даются въ 15 минутъ. Урокъ предметный длится 1 часъ, на рисованіе посвящается полтора часа въ младшихъ классахъ и 2 часа въ среднихъ. На приготовленіе уроковъ требуется въ младшихъ классахъ не болѣе 10 часовъ въ недѣлю, въ среднихъ 10—12 часовъ, въ старшихъ 15—18 (Корол. декр. отъ 18 апр. 1895 года).

(Взято изъ статьи Dr. Schiller'а „Die Reform des höheren (Sekundär-) Unterrichts im Königreich Portugal“ въ Deutsche Zeitschrift für ausländ. Unterrichtswesen, 1905—1906, стр. 168—169).

14) Уроки продолжаются не больше часу. Уроки музыки и пѣнія могутъ быть получасовые.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Занятія бываютъ два раза въ день, за исключеніемъ среды и субботы (въ эти дни занимаются только утромъ). Продолжительность урока можетъ быть различная, смотря по учебному заведенію. Въ среднемъ урокъ продолжается отъ 50 до 60 минутъ.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Занятія въ школѣ бываютъ два раза въ день. Урокъ продолжается около часу.

(Амстердамъ, *Роне*).

(См. табл. на стр. 176).

17) Ученики вообще свободны отъ занятій въ среду и въ субботу послѣ полудня. За послѣднее время число свободныхъ по-полуденныхъ

*Расписаніе уроковъ въ 4-хъ послѣднихъ классахъ Амстердамской гимназіи.

	Часы.	V A.	V B.	VI A.	VI B.
Понедѣльникъ.	9	Греческій.	Латинскій.	Исторія.	Географія.
	10	Нѣмецкій.	Англійскій.	Латинскій.	Исторія.
	11	Исторія.	Англійскій.	Французскій.	Греческій.
	1	—	Французскій.	—	Космографія.
	2	Англійскій.	Греческій.	Англійскій.	Естествен. науки.
Вторникъ.	9	Космографія.	Геометрія.	Нѣмецкій.	Латинскій.
	10	Латинскій.	Нѣмецкій.	Греческій.	Геометрія.
	11	Греческій.	Нѣмецкій.	Гимнастика.	Гимнастика.
	1	Исторія.	—	Латинскій.	—
	2	Латинскій.	Космографія.	Исторія.	Нидерландск. яз.
	3	Гимнастика.	Гимнастика.	Греческій.	Космографія.
Среда.	9	Французскій.	Латинскій.	Географія.	Алгебра.
	10	Греческій.	Химія.	Геометрія.	Исторія.
	11	Латинскій.	Геометрія.	Латинскій.	Геометрія.
	12	Геометрія.	Греческій.	Римск. древности.	Химія.
Четвергъ.	9	Англійскій.	Космографія.	Гимнастика.	Гимнастика.
	10	Греческій.	Алгебра.	Греческій.	Греческій.
	11	Латинскій.	Нѣмецкій.	Латинскій.	Англійскій.
	1	Латинскій.	—	Греческій.	Латинскій.
	2	—	Нидерландскій.	Нидерландскій.	Нѣмецкій.
	3	—	Латинскій.	—	Греческій.
Пятница.	9	Латинскій.	Англійскій.	Латинскій	Географія.
	10	Греческій.	Латинскій.	Греческій.	Алгебра.
	11	Гимнастика.	Гимнастика.	Алгебра.	Латинскій.
	1	—	Исторія.	Греческій.	Греческій.
	2	Нѣмецкій.	Геометрія.	Космографія.	Французскій.
	3	Англійскій.	Греческій.	Латинскій.	—
Суббота.	9	Латинскій.	Нидерландскій.	Греческій.	Греческій.
	10	Греческій.	Греческій.	Исторія.	Естествен. науки.
	11	Нидерландскій.	Латинскій.	Латинскій.	Космографія.
	12	—	Естествен. науки.	—	—

(Gymnasium van Amsterdam, Tabel der Lesuren, 190⁵/₆).

часовъ увеличилось. При составленіи плана я стараюсь, насколько позволяютъ обстоятельства, назначать уроки языковъ и математики до 12 часовъ. Каждый урокъ продолжается, въ среднемъ, 50 минутъ, но, вѣроятно, скоро сократимъ его до 45-ти минутъ.

(Бернъ, *Финслеръ*).

19) Въ гимназіяхъ въ Вѣнѣ уроки по обязательнымъ предметамъ бываютъ лишь до полудня, съ 8 до 12 часовъ; въ другихъ городахъ, а равнымъ образомъ и во всѣхъ реальныхъ училищахъ (не исключая вѣнскихъ) занятія происходятъ какъ до полудня, съ 8 до 11—12 час., такъ и послѣ полудня, съ 2 до 4—5 часовъ, за исключеніемъ среды и субботы, когда полуденные часы свободны. Въ остальныхъ случаяхъ послѣ 12-ти часовъ преподаются необязательные предметы (freie Gegenstände), зависящіе отъ выбора воспитанника, какъ то: рисованіе, пѣніе, стенографія, иностранные языки, гимнастика (если, конечно, рисованіе и пѣніе не обязательны, что бываетъ далеко не всегда). Урокъ продолжается 50 минутъ; между отдѣльными уроками бываютъ перерывы въ 5, 10 или 15 минутъ.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Въ нашей гимназіи на классъ приходится 25—27 обязательныхъ учебныхъ часовъ. Такъ какъ до 12-ти часовъ должно быть обыкновенно 4 урока, то на послѣ-полуденное время осталось бы 1—3 уроковъ. На практикѣ это, однако, осуществляется рѣдко по разнымъ причинамъ, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе необходимости устраивать параллельные классы, при одномъ только гимнастическомъ залѣ и одной только физической аудиторіи. Такимъ образомъ, въ каждомъ классѣ бываетъ зачастую 4 по-полуденныхъ урока. Порядокъ чередованія предметовъ не установленъ. Латинскій и греческій возможно чаще назначаются на первый часъ; впрочемъ иногда приходится переносить эти уроки на 3-й или 4-й часы. Урокъ продолжается 50 минутъ. Между отдѣльными уроками бываетъ перерывъ въ 10 минутъ; въ 10 часовъ—рекреація, продолжающаяся 20 минутъ.

(Линцъ, *Ленсръ*).

22) Каждый урокъ продолжается одинъ часъ или полтора часа въ старшихъ классахъ и 2 часа въ младшихъ. Ежедневно бываетъ 5, 4 или 3 урока. Даются они въ два пріема: до полудня и послѣ полудня.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Расписаніе уроковъ въ 2-хъ послѣднихъ классахъ греческаго лицея въ Левкадѣ.

УРОКИ.	ДНИ НЕДѢЛИ.					
	Понед.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
			3-й классъ.			
Греческій	8—10	8- 10	8—9	8—10	8—10	8—9
Латинскій	2—3	—	2—3	—	2—3	—
Математика. . . .	10—11	—	10—11	—	10—11	—
Законъ Божій. . .	—	—	9—10	—	—	9—10
Французскій . . .	11—12	—	11—12	—	11—12	—
Исторія	—	10—11	—	10—11	—	10—11
Физика.	—	2—3	—	2—3	—	2—3
Психологія	—	—	—	—	3—4	—
Гимнастика. . . .	3—4	11—12	—	11—12	—	11—12
			4-й классъ (выпускной).			
Греческій.	8—10	8—10	8—9	8—10	8—10	8—9
Латинскій.	—	2—3	—	2—3	—	2—3
Математика. . . .	—	10—11	—	10—11	—	10—11
Французскій . . .	—	11—12	—	11—12	—	11—12
Законъ Божій . . .	—	—	9—10	—	—	9--10
Исторія	10—11	—	10—11	—	10—11	—
Физика.	11—12	—	11—12	—	11—12	—
Космографія. . . .	3—4	—	3—4	—	—	—
Логика	—	—	—	—	3—4	—
Гимнастика	3—4	3—4	2--3	3—4	2—3	—

(Сообщено директоромъ *Далла*).

24) Каждый урокъ продолжается 55 минутъ, за исключеніемъ одного—въ 9 часовъ, который длится 50 минутъ. Занимаются у насъ съ 8 до 12 часовъ и съ 2 до 4 или до 5 часовъ.

(Смирна, *Ганники*).

25) Ученіе происходитъ какъ въ до-полуденные часы, съ 8 до 12, такъ и въ по-пополуденные, съ 2 до 4. Лишь въ четвергъ послѣ 12 часовъ ученики всегда свободны. Учебныя заведенія имѣютъ, однако, право освобождать учениковъ отъ послѣ-обѣденныхъ уроковъ и въ другіе дни. Въ Бѣлградѣ ежедневно даются до 12 часовъ всѣ 4 урока, дабы остальная часть дня была свободна. Урокъ длится 45 минутъ. Послѣ каждаго урока слѣдуетъ рекреація въ 15 минутъ. Математика и языки обыкновенно назначаются до полудня.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Каждый урокъ длится 50 минутъ.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

IX.

Посѣщеніе уроковъ.

1) Въ элементарныхъ школахъ обученіе для всѣхъ обязательно, поэтому назначаются особые инспектора для наблюденія за тѣмъ, чтобы всѣ дѣти до 13—14-лѣтняго возраста посѣщали школу. Указанный контроль, однако, въ средней школѣ не примѣняется; но родители и опекуны сами заботятся о томъ, чтобы дѣти аккуратно посѣщали училище. Впрочемъ, надо сознаться, что со стороны мальчиковъ замѣчается иной разъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго посѣщенія уроковъ. Во всякомъ случаѣ, если ученикъ не является въ классъ, то должна быть представлена уважительная причина; въ противномъ случаѣ, онъ исключается изъ училища.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*) [1]).

2) Ученикъ долженъ аккуратно ходить въ школу. При каждомъ пропускѣ уроковъ слѣдуетъ представить директору свидѣтельство о болѣзни или другой уважительной причинѣ неявки.

---

[1]) *Уставы школъ: King's College School (Wimbled. Com.), St. Paul's School (Brook Green), Harrow School, Repton School (London), Trinity College (Glenalmond), Blackbrorok College (Dublin) требуютъ самаго аккуратнаго посѣщенія школы и опредѣляютъ строгое наказаніе, въ случаѣ манкировки.

Въ штрафномъ журналѣ (который каждую недѣлю смотрятъ родители) есть особая графа; въ ней отмѣчаются пропуски. Родители, слѣдовательно, знаютъ, манкируютъ ли ихъ дѣти или нѣтъ. Кто неприлеженъ, тотъ удаляется. У насъ и для прилежныхъ недостаточно школъ; лѣнивцы могутъ уходить.

(Стокгольмъ, *Якобсонъ*).

3) Каждый ребенокъ въ Норвегіи, даже самый бѣдный, обязанъ посѣщать школу отъ 7 до 15 лѣтъ. Этого требуетъ законъ. Родители, которые не исполняютъ даннаго требованія, привлекаются къ отвѣтственности: они подвергаются денежному штрафу или аресту. Ученики среднихъ школъ обязаны также посѣщать школу ежедневно и не имѣютъ права пропустить ни одного урока безъ крайней необходимости или спеціальнаго разрѣшенія директора. Если же ученикъ не былъ въ состояніи явиться въ школу по уважительной причинѣ (напримѣръ, по болѣзни), то, придя вновь, онъ долженъ принести изъ дому записку, объясняющую его неявку и указывающую причину послѣдней. Если воспитанникъ отсутствуетъ хотя бы на одномъ только урокѣ по неуважительной причинѣ, то наказывается за это, какъ за крупный проступокъ. Въ случаѣ повторенія, мальчикъ исключается изъ школы.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Уклоненія отъ уроковъ въ средней школѣ вообще не бываетъ (конечно, не считая единичныхъ случаевъ, строго наказуемыхъ самими родителями). Контроля со стороны школьнаго начальства не существуетъ, такъ какъ нѣтъ въ немъ и надобности. Въ народныхъ школахъ дѣло обстоитъ иначе.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

5) Посѣщеніе народной школы (отъ 7 до 14 лѣтъ) подвергается контролю. За пропуски уплачивается денежный штрафъ.

(Кольдингъ, *Бруннъ*).

6) О неправильномъ посѣщеніи школы не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ случаѣ неявки ученика въ гимназію, его отецъ или опекунъ долженъ оправдать письменно или устно его отсутствіе. Кромѣ того, кто желаетъ освободиться отъ уроковъ по какому бы то ни было поводу, долженъ исходатайствовать разрѣшеніе у ректора.

Въ каждомъ классѣ ведется списокъ отсутствующихъ учениковъ,

который подвергается контролю самого ректора. Продолжительное отсутствіе или отпускъ должны быть засвидѣтельствованы докторомъ.

(Мюнхенъ, *Э. Б.*).

7) Школа контролируетъ посѣщеніе уроковъ, по крайней мѣрѣ— у насъ. Наибольшій процентъ нашихъ учениковъ живетъ у родителей и не пропускаетъ уроковъ безъ основательной причины. Наказанія за незаконные пропуски строги.

(Хемницъ, *Фикельшерерь*).

9) Инспекторъ каждый день провѣряетъ число приходящихъ учениковъ въ каждомъ классѣ. Если кто не пришелъ въ лицей, то долженъ обязательно представить записку родителей, удостовѣряющую причину неявки.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Ученики посѣщаютъ школу аккуратно. Всѣ пропуски отмѣчаются, при чемъ администрація извѣщаетъ о нихъ родителей. Ученикъ не можетъ вернуться въ классъ, не представивъ удостовѣренія родителей.

(Парижъ, *Жорженъ*).

11) Ученики посѣщаютъ школу очень охотно. Отсутствовать они могутъ только по болѣзни, при чемъ ихъ родители должны всегда объяснять причину неявки.

Если воспитанникъ не является въ училище безъ уважительной причины, то онъ вычеркивается изъ списка учениковъ.

(С.-Пб. *Гютине*).

12) Ученики должны обязательно присутствовать на урокахъ. Учитель каждый день провѣряетъ списокъ учениковъ. Если воспитанникъ не былъ 8 разъ на урокахъ, даваемыхъ черезъ день, или пропустилъ 16 уроковъ, которые даются ежедневно, то онъ наказывается устраненіемъ отъ обычныхъ экзаменовъ и можетъ приступить къ испытаніямъ лишь въ сентябрѣ.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Въ общемъ, ученики посѣщаютъ учебное заведеніе охотно, и число ежедневныхъ пропусковъ весьма ограничено. Многіе воспитанники не пропускаютъ ни одного урока въ теченіе всего года, но кромѣ прилежныхъ учениковъ бываютъ, конечно, и такіе, которые очень мало работаютъ: это пассивныя, вялыя дѣти. Если мальчикъ не является три

дня сряду въ училище и не представляетъ свидѣтельства родителей, то школа немедленно дѣлаетъ запросъ о причинѣ неявки. Въ случаѣ пропуска третьей части всѣхъ уроковъ, воспитанникъ лишается права перехода въ слѣдующій классъ.

(Лиссабонъ, *Коелiо*).

14) Хорошіе ученики охотно посѣщаютъ школу; что касается дурныхъ, то случается различно. Родители всякій разъ извѣщаются о пропускахъ и должны ихъ мотивировать.

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Ученикъ можетъ пропускать уроки только въ случаѣ болѣзни. При каждой неявкѣ родители обязаны письменно засвидѣтельствовать, что послѣдняя произошла съ ихъ вѣдома. Такимъ образомъ, случаевъ уклоненія отъ уроковъ у насъ не бываетъ.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Ученики очень усердно посѣщаютъ школу. За правильностью посѣщенія послѣдней слѣдитъ одинъ только директоръ.

(Амстердамъ, *Роне*).

17) Посѣщеніе воспитанниками училища въ достаточной мѣрѣ контролируется школою. Особенныхъ мѣръ для этого не требуется. Неявка ученика въ классъ должна быть засвидѣтельствована его родителями или лицами, замѣняющими послѣднихъ.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Опаздыванія наказываются посредствомъ оставленія послѣ класса, но вообще рѣдко приходится имѣть съ этимъ дѣло. Манкировокъ же совсѣмъ не бываетъ.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Посѣщеніе гимназіи контролируется школьной инспекціей (въ классныхъ журналахъ отмѣчаются всѣ отсутствующіе ученики). Каждая неявка воспитанника должна быть оправдана его родителями посредствомъ письменнаго извѣщенія; необоснованные пропуски вліяютъ на отмѣтки по поведенію, иногда же могутъ повлечь за собою исключеніе изъ учебнаго заведенія.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Воспитанники нѣмецкихъ учебныхъ заведеній посѣщаютъ школу очень усердно. Они идутъ въ гимназію охотно, такъ какъ чувствуютъ себя въ училищѣ удобно и уютно. Присутствіе учениковъ въ классѣ

провѣряется каждый часъ. По цѣлымъ годамъ не бываетъ случаевъ умышленнаго уклоненія отъ посѣщенія уроковъ.

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Ученики посѣщаютъ лицеи охотно. Учитель обязанъ сообщать каждый день директору фамиліи отсутствующихъ, а семья каждаго изъ такихъ воспитанниковъ должна мотивировать его неявку. Ученики, пропускающіе много уроковъ, подвергаются наказанію; пропустившіе же треть всего числа данныхъ уроковъ должны держать октябрьскій экзаменъ, каковы бы ни были баллы, полученные ими за успѣхи.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Мальчики посѣщаютъ школу усердно. Если случаются въ данномъ отношеніи исключенія, то директоръ, примѣняя разныя мѣры взысканій, заставляетъ учениковъ не уклоняться отъ обязанностей.

(Левкада, *Далла*).

24) За немногими исключеніями пропуски — рѣдки. Если устное оправданіе со стороны ученика, пропустившаго уроки, не внушаетъ довѣрія, въ такомъ случаѣ требуется письменное заявленіе его отца или опекуна. Понятно, что по отношенію къ хорошимъ, серьезнымъ ученикамъ мы удовлетворяемся большей частью ихъ собственнымъ объясненіемъ неявки въ классъ.

(Смирна, *Ганники*).

25) Посѣщеніе уроковъ контролируется. Усердіе въ посѣщеніи зависитъ отъ духа, господствующаго какъ въ школѣ, такъ и въ каждомъ классѣ. Въ общемъ манкировокъ у насъ очень много. За послѣднее время въ сербскихъ школахъ учреждена должность врача, который обязанъ посѣщать больныхъ учениковъ, по указанію директора или класснаго наставника. Существуетъ правило, въ силу котораго учебное заведеніе можетъ уволить воспитанника даже за одинъ незаконный пропускъ (1 часъ), но такое требованіе, насколько я знаю, не исполняется. Впрочемъ, если ученикъ не посѣщаетъ школы въ теченіе 8 дней и не увѣдомитъ класснаго наставника о своей неявкѣ, то онъ вычеркивается изъ списка.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Учителя обязаны всюду слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики вели себя прилично и исполняли всѣ обязанности. Посѣщеніе уроковъ контролируется, какъ слѣдуетъ. Если ученикъ отсутствуетъ всю недѣлю,

или пропуститъ по одному предмету 8 уроковъ, то считается выбывшимъ, и его фамилія вычеркивается изъ списка. Но если онъ можетъ мотивировать свое отсутствіе, то принимается обратно. Въ данномъ случаѣ родители, къ сожалѣнію—и врачи также, очень легко сочиняютъ болѣзнь или выдумываютъ какую-нибудь другую причину.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

X. Распредѣленіе учебнаго года.

1) Учебное время распадается обыкновенно на три періода:

a) съ сентября (когда начинается учебный годъ) до декабря;

в) съ января до Пасхи;

c) съ Пасхи до средины лѣта.

На каникулы полагается: на Рождество 2, 3 или 4 недѣли, на Пасху—2 или 3 недѣли, лѣтомъ—7 или 8 недѣль.

(Лондонъ, *Гартвель Джонсъ*) [1].

2) Учебный годъ начинается 21—24 августа и кончается 6—9 іюня; на рождественскіе праздники полагается время съ 22-го декабря по 15-е января, на Пасху же дается 8 дней. Лѣтнія каникулы бываютъ отъ начала іюня до конца августа. Учебныхъ дней 214.

(Стокгольмъ, *Якобсонъ*).

3) Учебный годъ начинается обыкновенно 22-го августа и заканчивается 1-го іюля. Въ году бываетъ приблизительно 39 учебныхъ недѣль, т. е. 235 учебныхъ дней, изъ которыхъ 10 уходитъ на годичныя испытанія; правильныхъ учебныхъ дней такимъ образомъ—225. Лѣтнія каникулы продолжаются 7 недѣль съ лишнимъ; зимнія, т. е. рождественскія съ 22-го декабря по 8-е января; пасхальныя—недѣлю; на Троицу дается 4 дня.

(Драмменъ, *Винтеръ*).

4) Учебный годъ начинается 21-го августа и кончается 8-го іюля.

(Копенгагенъ, *Драхманъ*).

---

[1]) *Въ King's College School (Wimbledon Common) 1-й семестръ 190⁶/₇ уч. года начинается 2 мая, 2-й 19 сент., 3-й 16 января (Prospectus).

**Въ St. Paul's School (Brook Green) на отдыхъ дается: 14 дней на Пасху, по 3 дня на Вознесеніе и Троицу, 6 недѣль на лѣтнія каникулы, 3 дня въ ноябрѣ и 4 недѣли на Рождество (Prospectus).

***Въ Repton Shool (London) полагается 5—4 нед. на Рождество, 3—4 на весеннія каникулы и 7 недѣль на лѣтнія каникулы (Prospectus).

5) Учебный годъ начинается 21-го августа и продолжается до 8-го іюля, учебныхъ дней приблизительно 230. Лѣтнія каникулы продолжаются 6 недѣль; рождественскія—2 недѣли; пасхальныя—1 недѣлю, весеннія (Троица)—1 недѣлю.

(Кольдингъ, *Брунъ*).

6) Учебный годъ начинается 18-го сентября и кончается 14-го іюля. Въ году ученики свободны 11 дней на Рождество, 17 дней на Пасху и $3^1/_2$ дня на Троицу. Общее число учебныхъ дней составляетъ въ году отъ 215 до 220.

(Мюнхенъ, *Э. В.*).

7) Начало учебнаго года приноровлено къ Пасхѣ, вслѣдствіе чего мѣняется постоянно. Болѣе цѣлесообразнымъ представляется поэтому порядокъ южныхъ нѣмецкихъ школъ, по которому учебный годъ начинается въ сентябрѣ и кончается въ іюлѣ. На Рождество и на Пасху дается у насъ по 2 недѣли, на весеннія каникулы (Троицу) и осеннія каникулы (Michaelis) по 1-й недѣлѣ.

(Хемницъ, *Финкельшереръ*).

8) Начало учебнаго года зависитъ отъ праздника Пасхи. 2-е полугодіе начинается со дня св. Михаила (Michaelis). Пасхальныя каникулы продолжаются 14 дней, весеннія (Троица) — 5 дней, лѣтнія каникулы—5 недѣль (за предѣлами Берлина только 4 недѣли), осеннія (Michaelis)—9 дней (въ Берлинѣ—1 недѣлю), рождественскіе праздники—2 недѣли.

(Берлинъ, *Замтеръ*).

9) Учебный годъ начинается обыкновенно 1-го октября и продолжается до конца іюля. Лѣтнія каникулы продолжаются два мѣсяца; новогоднія — 5, 6 дней; пасхальныя — двѣ недѣли. Для отдыха въ теченіе недѣли дается воскресенье и послѣполуденные часы въ четвергъ.

(Ссо, *Базэнъ*).

10) Школьный годъ начинается 14-го октября, а кончается 1-го августа. Въ настоящее время идетъ рѣчь о томъ, чтобы кончать годъ 14-го іюля. На Пасху дѣлается перерывъ въ 2 недѣли.

Кромѣ того, въ теченіе года ученикамъ дается 8 свободныхъ дней (новый годъ, вторникъ на масляницѣ (Mardi Gras), Духовъ день др.). Если отнимемъ еще четверги и воскресенья, то получимъ около 200

учебныхъ дней въ году. Нужно, однако, прибавить, что многіе классы работаютъ и въ четвергъ утромъ.

(Парижъ, *Жорженъ*).

11) Учебный годъ начинается 1-го октября и кончается въ концѣ іюля. Лѣтнія каникулы продолжаются 2 мѣсяца; рождественскія— недѣлю; пасхальныя—5 дней; во всемъ году не болѣе 4, 5 праздниковъ, въ которые не бываетъ занятій. Время для отдыха обнимаетъ около 3-хъ мѣсяцевъ, рабочее же около 9-ти мѣсяцевъ.

(С.-Пб. *Гютине*).

12) Учебный годъ начинается у насъ перваго сентября и кончается въ послѣднихъ числахъ мая. Іюнь и сентябрь посвящаются экзаменамъ. Лѣтнія каникулы продолжаются весь іюль и августъ; рождественскія—съ 15-го декабря до 10-го января. На Пасху дается 8 дней.

(Мадридъ, *Коммелеранъ*).

13) Учебный годъ начинается 7 или 8 октября и кончается 30-го іюля. Рождественскія каникулы продолжаются 2 недѣли; масляница— 4 дня, на Пасху дается 12 дней; на лѣтнія каникулы—2 мѣсяца (августъ и сентябрь). Іюнь и іюль посвящаются заключенію учебнаго года, итогамъ, обсужденію отмѣтокъ и экзаменамъ. Самые уроки кончаются 30 мая. Въ году по уставу полагается 146 учебныхъ дней и 45 экзаменаціонныхъ. За послѣднее время число свободныхъ отъ занятій дней увеличилось: въ нынѣшнемъ учебномъ году (1905—1906) насчитывалось уже 28 новыхъ праздничныхъ дней. Я долженъ замѣтить, что преподаваніе отъ этого сильно страдаетъ.

(Лиссабонъ, *Коеліо*).

14) Годъ начинается 1-го октября и заканчивается въ послѣднихъ числахъ іюля. Лѣтнія каникулы продолжаются два мѣсяца, зимнія— съ 24 декабря до 2 января, пасхальныя—двѣ недѣли. Кромѣ того, ученики свободны отъ занятій: по четвергамъ послѣ полудня и по вторникамъ, если время позволяетъ; затѣмъ занятій не бываетъ въ воскресенья и въ церковные праздники, 2-го ноября (поминовеніе усопшихъ), 15-го ноября и 21-го іюля (табельные дни).

(Льежъ, *Дрюмо*).

15) Учебный годъ продолжается съ перваго сентября по 14-е іюля приблизительно. Отъ 14-го іюля по 1-е сентября—лѣтнія каникулы.

Съ 24-го декабря по 7-е января—зимнія каникулы, 10 дней дается на пасхальныя каникулы.

(Амстердамъ, *Поутсма*).

16) Учебный годъ начинается въ началѣ сентября, кончается въ началѣ іюля. Продолжительность года около 250 дней. Зимнія каникулы продолжаются 15 дней, весеннія—15, лѣтнія—50 дней.

(Амстердамъ, *Роге*).

19) Школьный годъ начинается въ срединѣ апрѣля и кончается въ концѣ марта. Каникулы продолжаются весною — 2, лѣтомъ — 5, осенью—3, зимою—2 недѣли.

(Бернъ, *Финслеръ*).

18) Школьный годъ начинается послѣ Пасхи, а кончается въ срединѣ или концѣ марта, въ зависимости отъ Пасхи.

(Бернъ, *Прейсверкъ*).

19) Школьный годъ начинается обыкновенно 15-го сентября, кончается 15-го іюля, при чемъ первое полугодіе заканчивается 15-го февраля. Лѣтнія каникулы у насъ продолжаются, слѣдовательно, 2 мѣсяца. Въ году, не считая воскресеній и церковныхъ праздниковъ, ученики отпускаются: на Рождество—на 10 дней, на Пасху—на 10 дней, на Троицу—4 дня и 15-го февраля (когда кончается первое полугодіе)—на 3 дня. Всѣхъ учебныхъ дней, такимъ образомъ, въ среднемъ 230.

(Вѣна, *Мужикъ*).

20) Сверхъ каникулярнаго времени, рождественскихъ и пасхальныхъ ферій, директору дается еще право назначать въ году два свободныхъ дня, которыми обыкновенно пользуются для болѣе отдаленныхъ прогулокъ.

(Линцъ, *Ленеръ*).

22) Школьный годъ начинается 1-го октября, а кончается приблизительно 31-го іюля. Лѣтнія каникулы продолжаются съ 1-го августа по 1-е октября. Рождественскія и пасхальныя каникулы должны составлять вмѣстѣ 2 недѣли. Кромѣ того, воспитанники свободны отъ занятій всѣ воскресенья и праздники, какъ церковные, такъ и гражданскіе, 3 послѣдніе дня карнавала и первый день великаго поста.

(Неаполь, *Аматуччи*).

23) Учебный годъ начинается 3-го сентября и кончается 3-го іюля. Каникулы продолжаются 2 мѣсяца. Весь сентябрь назначается на дополнительныя и вступительныя испытанія. Что касается уроковъ, то они начинаются регулярно 1-го октября и заканчиваются 5-го іюня. На рождественскіе праздники отпускаютъ воспитанниковъ на недѣлю, а на Пасху на 8 дней. Число учебныхъ дней въ году не превышаетъ 160-ти.

(Левкада, *Далла*).

24) Немного лѣтъ тому назадъ, по моему проекту, въ училищѣ было введено у насъ нѣсколько иное, чѣмъ въ другихъ школахъ, подраздѣленіе школьнаго года: учебный годъ начинается теперь около 10-го сентября. Передъ рождественскими праздниками производятся по всѣмъ предметамъ письменные экзамены (по нѣкоторымъ второстепеннымъ предметамъ преподаватели могутъ, по желанію, производить лишь одни устные экзамены). Къ испытаніямъ допускаютъ ученика лишь тогда, когда на основаніи предварительныхъ репетицій окажется, что молодой человѣкъ усвоилъ достаточно пройденный курсъ. Послѣ экзаменовъ происходитъ двухнедѣльный перерывъ (Рождество, Новый годъ, Крещеніе). Съ января до Пасхи идутъ безпрерывно уроки и репетиціи. На Пасху полагается двѣ недѣли. Апрѣль и май посвящаются повторенію пройденнаго въ каждомъ классѣ. Въ іюнѣ происходятъ главные экзамены—письменные и устные—по всѣмъ предметамъ; іюль и августъ даются для каникулъ.

Я много настаивалъ на принятіи и введеніи отмѣченнаго распредѣленія учебнаго времени, такъ какъ оно казалось мнѣ естественнымъ и соотвѣтствующимъ потребностямъ школьной жизни; и, дѣйствительно, благодаря такому плану, рождественскія и пасхальныя каникулы достигаютъ своей цѣли, т. е. даютъ ученикамъ возможность отдохнуть и заняться на свободѣ, чѣмъ угодно. Если же праздничныя каникулы предшествуютъ экзаменамъ, и ученики въ это время обременяются подготовкою къ испытаніямъ, то они не могутъ ни отдохнуть, ни запастись силами къ возобновленію занятій. Я, напримѣръ, во время праздниковъ по своимъ предметамъ (математикѣ, физикѣ, химіи) рекомендую ученикамъ лишь нѣкоторыя пріятныя и полезныя занятія, опыты и т. под. Учебныхъ дней въ году бываетъ около 200.

(Смирна, *Ганники*).

25) Школьный годъ начинается 11-го августа и кончается 15-го іюня. Занятія должны начинаться не позже 20-го августа, но вслѣд-

ствіе большого наплыва вновь поступающихъ и тѣсноты помѣщенія, они начинаются, по крайней мѣрѣ—въ Бѣлградѣ, еще позже. Кромѣ лѣтнихъ каникулъ, есть у насъ еще рождественскія и пасхальныя каникулы, которыя продолжаются по 10 дней; нѣтъ занятій и въ установленные церковью праздники.

(Бѣлградъ, *Шевичъ*).

26) Учебный годъ начинается 9-го сентября и кончается 15-го іюня. Рождественскія каникулы продолжаются съ 24-го декабря по 7-е января; пасхальныя—двѣ недѣли; кромѣ того, мы празднуемъ около 15 церковныхъ и національныхъ праздниковъ.

(Букарестъ, *Богданъ-Дница*).

С. Цыбульскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. С. ДРИНОВЪ.

(Некрологъ).

28-го февраля скончался въ Харьковѣ ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ славяновѣдѣнія Маринъ Степановичъ Дриновъ, на 68-мъ году жизни. На его похороны пріѣзжала спеціально командированная болгарскимъ правительствомъ депутація съ министромъ народнаго просвѣщенія въ Болгаріи профессоромъ Шишмановымъ во главѣ. Дриновъ былъ болгаринъ по происхожденію, всю свою трудовую ученую жизнь отдавшій русскому Харьковскому университету. Когда осенью 1898 года исполнилось 25-тилѣтіе службы М. С-ча на харьковской университетской каѳедрѣ, его товарищи чествовали его, выражая ему знаки уваженія, какъ прекрасному человѣку и крупному ученому. Тогда же былъ задуманъ юбилейный сборникъ въ его честь, изданіе котораго, къ сожалѣнію, задержалось по недостатку средствъ, хотя матеріаломъ онъ вполнѣ обезпеченъ, но нѣкоторыя изъ статей (напримѣръ, проф. Сумцова, проф. Ляпунова) вышли уже отдѣльными брошюрами.

Лишь только стало извѣстно въ Болгаріи объ университетскомъ юбилеѣ М. С. Дринова въ Харьковѣ, какъ одно изъ ученыхъ обществъ въ Софіи („Българско-то природоизпитателно дружество“) 23-го октября 1898 года пригласило всѣ софійскія болгарскія ученыя и литературныя общества, а также редакціи журналовъ собраться и обсудить, какъ почтить Дринова, первый ученый трудъ котораго на болгарскомъ языкѣ („Погледъ врьхъ происхожданье-то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія“) былъ имъ оконченъ 1-го апрѣля 1869 года и тогда же изданъ въ Вѣнѣ. По предложенію

предсѣдателя на этомъ собраніи, профессора Златарскаго, рѣшено было отпраздновать въ Софіи 30-тилѣтіе ученой и политической дѣятельности М. С. Дринова 23-го апрѣля 1899 года, т. е. въ популярный у болгарскаго народа Георгіевъ день, знаменующій начало весны, празднованіе котораго сопровождается весьма древними и характерными обрядами. М. С. Дриновъ не могъ пріѣхать въ Софію къ устраиваемому въ его честь празднику, и хотя онъ отговорился ссылкою на служебныя обязанности, но несомнѣнно мы будемъ ближе къ правдѣ, если скажемъ, что единственною причиною была крайняя скромность покойнаго ученаго и болгарскаго государственнаго дѣятеля, всегда старавшагося уклониться отъ всякихъ выступленій и манифестацій. Тогда болгарами былъ посланъ М. С. Дринову изящно написанный старославянскими кирилловскими письменами адресъ, начинавшійся словами: „Висбкооучени сънародниче" за многочисленными подписями отъ имени слѣдующихъ болгарскихъ „дружествъ": литературнаго (книжовнаго), экономическаго, земледѣльческаго, инженерно-архитектурнаго, ветеринарнаго, общества поддержки искусствъ въ Болгаріи, физико-математическаго, природоиспытательнаго, учительскаго—и отъ имени журналовъ и періодическихъ изданій, выходящихъ въ Софіи: Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, Български прегледъ, Юридическо списание, Воененъ журналъ, Воинишка Сбирка, Училищенъ Прегледъ, Мисълъ, Медицински Сборникъ и Путешественикъ. Мы съ умысломъ привели это перечисленіе софійскихъ ученыхъ обществъ и изданій, принявшихъ участіе въ адресѣ и юбилеѣ М. С. Дринова въ 1899 году. Когда начиналъ свою дѣятельность Дриновъ, болгары не имѣли ни ученыхъ обществъ, ни изданій и журналовъ, а Софія была небольшой полутурецкій городокъ, въ которомъ не могло возникнуть и мысли о какомъ бы то ни было болгарскомъ обществѣ съ культурными цѣлями. Всѣ эти общества и изданія возникли въ теченіе 20-ти лѣтъ послѣ освобожденія Болгаріи, и лишь первое общество „книжовное" начало свое существованіе въ 1869 году въ Браилѣ при участіи тогда начинавшаго свою ученую дѣятельность М. С. Дринова. Что долженъ былъ чувствовать покойный болгарскій патріотъ и русскій ученый при столь ясно документированномъ быстромъ ростѣ культурной жизни родного ему болгарскаго народа, въ исторіи возрожденія котораго онъ принималъ столь живое и близкое участіе?...

М. С. Дриновъ родился въ 1838 году въ городкѣ Панагюриштѣ, у подножія Балканъ, въ сѣверной Ѳракіи, въ семьѣ бѣдной и про-

стой. У болгаръ въ эту пору уже проявилось съ силою сознаніе необходимости поднять народное просвѣщеніе, чтобы имѣть возможность дать отпоръ огречиванію народа и притязаніямъ фанаріотовъ. Венелинъ уже „открылъ" Болгарію и болгарскій народъ. Богатые болгарскіе купцы въ Букурештѣ, Константинополѣ, но особенно въ Россіи— въ Одессѣ, Нѣжинѣ и другихъ городахъ, представляя единственную болѣе образованную и культурную, а слѣдовательно и аристократическую среду, почувствовали свой долгъ передъ народомъ, чтобы дать ему средства для борьбы за права своей національности. Благодаря помощи и покровительству одесскихъ болгаръ Априлова и Палаузова, возникло въ болгарскомъ городкѣ Габровѣ въ 1835 году первое болгарское училище, получившее извѣстность перваго разсадника болгарскаго просвѣщенія. Съ той поры борьба за болгарскую церковь и школу противъ ихъ эллинизаціи тянулась до освобожденія Болгаріи, принявъ болѣе опредѣленныя формы, и отчасти продолжается и въ наше время, иногда становясь даже болѣе ожесточенною, чѣмъ борьба съ турками, напримѣръ, въ Македоніи. Еще въ 1877 — 78 годахъ и послѣ въ придунайскихъ городахъ можно было встрѣтить болгаръ, пишущихъ по болгарски греческими буквами, такъ какъ они учились въ начальныхъ греческихъ училищахъ, при помощи которыхъ фанаріотское духовенство надѣялось эллинизировать болгаръ. Въ 1839 г. вышелъ хаттишерифъ султана, обѣщавшій гражданскія права и равноправность турецкимъ подданнымъ. По всей Болгаріи стали возникать постепенно школы, ибо была надежда на ихъ защиту. Дриновъ учился въ Панагюриштѣ, своемъ родномъ городкѣ, и сталъ затѣмъ даже учителемъ одной изъ болгарскихъ школъ, но онъ понималъ недостаточность своего просвѣщенія и слышалъ о возможности получить его въ Россіи. Въ 1858 году, уже имѣя 20 лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ свою родину и направился въ Россію. Послѣ трехлѣтней подготовки въ Кіевѣ къ поступленію въ университетъ, Дриновъ переѣхалъ въ Москву и тутъ былъ принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета.

Это было въ 1861 году. Въ это славное время общаго оживленія и подъема духовныхъ силъ народа, — время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—къ славянамъ и славянству въ старой столицѣ Россіи относились съ большимъ интересомъ. Благородное славянофильство выступило активно, русскій патріотическій національзмъ пріобрѣталъ опредѣленныя формы выраженія, въ публицистикѣ уже получилъ громкое имя И. С. Аксаковъ, выдвигался М. Н. Кат-

ковъ, какъ защитникъ прогресса и преобразованій русской жизни и единства и цѣлости Русскаго государства и въ то же время сильный противникъ антигосударственныхъ и антинародныхъ ученій, уже возникалъ славянскій комитетъ, при участіи всѣхъ видныхъ силъ Москвы, уже зарождалась мысль о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, осуществившаяся въ 1867 году.

Въ Московскомъ университетѣ въ ту пору училось уже немало болгаръ, изъ которыхъ иные оставались въ той же Москвѣ учителями гимназій, какъ Райко Жинзифовъ, Петко Каравеловъ, Нешо Бончевъ, товарищъ Дринова какъ по родному городу, такъ и по ученію, и др. Историко-филологическій факультетъ Московскаго университета въ это время блисталъ такими выдающимися учеными и профессорами, какъ Соловьевъ, Буслаевъ, Бодянскій, Леонтьевъ, Тихонравовъ, Ешевскій. Бодянскій при этомъ былъ первый профессоръ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія, со времени ея основанія въ Московскомъ университетѣ. Въ русскомъ и особенно московскомъ обществѣ тогда уже вѣялъ тотъ духъ, который нашелъ свое воплощеніе въ чудныхъ образахъ повѣсти „Наканунѣ“ тогда еще все выше росшаго великаго художника Тургенева. Все это отражалось и на общественномъ настроеніи, и на молодыхъ славянахъ, приходившихъ на русскую землю искать просвѣщенія.

Начавъ подготовку къ высшей школѣ въ 20 лѣтъ, Дриновъ долженъ былъ отличаться большимъ трудолюбіемъ. Въ 1865 году, имѣя уже 27 лѣтъ отъ роду, Дриновъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Вскорѣ онъ принялъ на себя обязанности домашняго учителя въ семействѣ княгини Голицыной (урожд. Чертковой), что дало ему возможность побывать въ разныхъ мѣстахъ Европы и провести значительное время въ Италіи. Онъ теперь нашелъ возможность употребить свои досуги на изученіе прошлыхъ судебъ славянства, особенно своего родного болгарскаго народа, съ которымъ онъ никогда не порывалъ связей. Вскорѣ ему пришлось быть въ Прагѣ, гдѣ лишь недавно умеръ Шафарикъ и живъ еще былъ Палацкій. О. М. Бодянскій, считая себя ученикомъ Шафарика, держался въ своихъ лекціяхъ мнѣній этого основателя дѣйствительной науки о славянахъ и вселялъ особенное уваженіе въ своихъ слушателяхъ къ этимъ обоимъ чешскимъ ученымъ и славнымъ дѣятелямъ въ исторіи чешскаго возрожденія. Дриновъ въ Прагѣ проникся большимъ уваженіемъ къ чешской наукѣ о славянахъ, разыскивалъ памятники, относящіеся къ болгарскому прошлому и учился

пріемамъ и методу ихъ разработки. Всѣ его умственные интересы были въ ту пору тѣсно связаны съ родною землею и болгарскимъ народомъ. Тогда какъ разъ обострилась борьба между болгарами и Фанаромъ, не уступавшимъ болгарамъ въ удовлетвореніи ихъ справедливаго желанія—имѣть свое болгарское высшее духовенство и воскресить повсюду въ болгарскихъ церквахъ славянское богослуженіе, вмѣсто введеннаго насильственно—греческаго. Поэтому первою статьею Дринова была: „Страшны ли сѫ за народность-та ни̂ фанариоти-тѣ и іезуити-тѣ?", написанная имъ въ Женевѣ и напечатанная за подписью „М. Бояковъ" въ журналѣ „Врѣме" въ 1866 году (№№ 12 и 14), который тогда издавалъ въ Царьградѣ Т. Бурмовъ. Уже эта статья, имѣвшая ближайшее отношеніе къ очень живому въ ту пору болгарскому церковному вопросу, показала, что болгары въ лицѣ ея автора пріобрѣтаютъ своего серьезнаго ученаго историка. Вѣроятно, не разъ еще отзывался Дриновъ въ скудной тогда болгарской періодической печати, а быть можетъ и русской, по важнымъ для болгаръ вопросамъ. Обязанность молодыхъ болгарскихъ изслѣдователей, для освѣщенія этой интересной и важной эпохи въ новой жизни болгарскаго народа, непосредственно подготовившей освобожденіе его отъ вѣкового ига, — разыскать эти статьи Дринова и по его перепискѣ возстановить ходъ развитія и вообще отношеній и роли этой крупной личности въ исторіи болгарскаго возрожденія. Извѣстно также его „Писмо до български-тѣ читалища", подъ псевдонимомъ „Н. Божковъ" въ „Лѣтоструѣ" Данова (отъ августа 1869 г., по словамъ А. Теодорова въ „Сборниче", изданномъ въ честь Дринова въ Софіи въ 1900 г.), въ которомъ онъ побуждаетъ собирать народныя произведенія и изучать болгарскій языкъ. Въ томъ же 1869 году 1-го апрѣля М. С. Дриновъ окончилъ въ Прагѣ, гдѣ провелъ большую часть времени въ 1868 и 1869 годахъ, трудъ: „Погледъ врьхъ произхожданье-то на българскій народъ и начало-то на българска-то исторія" и напечаталъ его въ Вѣнѣ, а въ іюнѣ далъ еще другое изслѣдованіе: „Исторически прѣгледъ на блъгарска-та църква отъ само-то й начало и до днесь" [1]). Эти двѣ его ученыя статьи опредѣлили главный характеръ всѣхъ его дальнѣйшихъ ученыхъ разысканій и трудовъ.

Въ это время болгарскимъ патріотамъ, наконецъ, удалось со-

---

[1]) Русскій переводъ этой статьи помѣщенъ былъ въ Московскомъ журналѣ „Православное Обозрѣніе" за 1870 годъ.

здать учено-литературное общество подъ именемъ „Българско-книжовно дружество“ въ Браилѣ, на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія общества, попытки основать которыя восходятъ къ 40-ымъ годамъ XIX столѣтія. Было рѣшено основать „Сборникъ“ съ ученымъ матеріаломъ и статьями, главнымъ образомъ, по болгарскому языку, исторіи и словесности и ежемѣсячный журналъ „Периодическо Списание“. Для веденія этого изданія и вообще литературныхъ предпріятій „книжовнаго“ общества въ 1869 г. были избраны М. С. Дриновъ,—въ ту пору еще путешествовавшій по Европѣ и занимавшійся, между прочимъ, въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ, въ Неаполѣ и даже Казамиччіоло (на островѣ Искіи) разыскаціемъ документовъ по исторіи болгаръ и болгарскихъ поселеній въ Италіи и на островахъ въ XIII и XIV вѣкахъ,—Василій Друмевъ, тогда окончившій курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и впослѣдствіи извѣстный болгарскій дѣятель митрополитъ Климентъ, немало пострадавшій и въ заточеніи въ жестокій періодъ власти временщика Стамбулова,—и Василій Стояновъ, учившійся въ Пражскомъ университетѣ и вернувшійся оттуда на родину въ 1868 г. Дриновъ принималъ большое участіе въ этомъ изданіи и въ судьбахъ общества, хотя только посредствомъ письменныхъ сношеній. Его участію придавалось столь важное значеніе, что его голосъ имѣлъ характеръ рѣшающаго. Къ этому времени относится рядъ статей Дринова, помѣщенныхъ въ „Періодическомъ Списаніи“, котораго вышло въ старой серіи, съ 1870 по 1876 годъ, всего 12 книгъ. Статьи эти посвящены вопросамъ по древней исторіи Болгаріи и отчасти вошли впослѣдствіи въ переработкѣ въ его русскія изслѣдованія. Тутъ также онъ обнародовалъ нѣкоторые важные для болгарской исторіи документы, извлеченные имъ изъ европейскихъ архивовъ, или сообщалъ факты, имъ оттуда извлеченные, и далъ описаніе рукописей. Здѣсь, между прочимъ, имъ напечатано обстоятельное описаніе ватиканскаго списка болгарскаго памятника XIV вѣка,—времени царя Іоанна Асѣня,—Манассійной лѣтописи, при чемъ онъ обратилъ большое вниманіе на многочисленныя миніатюры этого памятника, важныя для исторіи болгарскаго искусства. По словамъ профессора Г. Златарскаго (Сборниче, стр. 46), Дриновъ особенно цѣнилъ и хранилъ около 20 снимковъ, сдѣланныхъ съ этихъ миніатюръ для него въ Римѣ хорошимъ живописцемъ, и все надѣялся украсить ими хорошую болгарскую исторію. Въ своихъ статьяхъ онъ касается также вопроса объ отношеніяхъ болгарской и сербской церкви „прѣдъ сѫдилищте-то на Лионский съборъ въ 1274 г.“ (Пер. Спис. VII—VIII)

и говоритъ о началѣ Самуиловой державы, вопросъ о которой былъ имъ обстоятельно разработанъ въ его докторской диссертаціи впослѣдствіи. Въ это же время онъ знакомитъ и русское общество съ весьма важнымъ для болгарскаго народа церковнымъ вопросомъ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ московскомъ журналѣ „Бесѣда“ въ 1873 г., подъ заглавіемъ: „Болгарія и константинопольская церковь“, ибо какъ разъ тогда, по фирману султана 28-го февраля 1870 г., возникъ болгарскій экзархатъ и вскорѣ послѣдовало отлученіе, наложенное византійскимъ патріархатомъ и соборомъ на возникшую болгарскую церковь (16-го сентября 1872 г.). Этою статьею М. С. Дриновъ началъ свою ученую и литературную дѣятельность въ русской наукѣ и литературѣ.

Къ числу лучшихъ работъ Дринова этого времени относится біографія Паисія, автора „Исторіи славено-болгарской“ (1762 г.), при чемъ онъ впервые опредѣляетъ значеніе этого труда. Статья носитъ заглавіе: „От. Паисій, негово-то врѣме, негова-та история и учеництѣ му“ (Пер. Сп. 1873, IV). Тутъ Дриновъ впервые опредѣлилъ важность труда и дѣятельности Паисія, какъ перваго дѣятеля въ исторіи пробужденія народнаго самосознанія у болгаръ. Вообще можно замѣтить характерный фактъ въ исторіи возрожденія славянъ какъ западныхъ, такъ и южныхъ, что оно всюду у нихъ начиналось воскрешеніемъ памяти о быломъ славномъ періодѣ въ жизни народа и потому получало какъ бы толчокъ отъ археологическихъ и историческихъ, иногда по своему характеру даже примитивныхъ, трудовъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Дриновъ возвращается въ Россію и приступаетъ къ магистерскому экзамену въ Москвѣ. Здѣсь онъ не находитъ уже на славянской каѳедрѣ своего учителя О. М. Бодянскаго, оставившаго университетъ въ 1868 году, когда совѣтъ университета оскорбилъ этого основателя славянской каѳедры въ Москвѣ, забаллотировавъ его при выборахъ на пятилѣтіе, послѣ истеченія 25-лѣтняго срока его службы. Каѳедру славянской филологіи занималъ просвѣщенный и трудолюбивый А. Л. Дюверну, замѣчательный лингвистъ, уже въ ту пору изучавшій болгарскій языкъ. Среди членовъ факультета въ это время былъ уже Н. А. Поповъ, занимавшійся исторіей югославянъ. Выдержавъ магистерское испытаніе по предметамъ каѳедры славяновѣдѣнія, Дриновъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію въ „Чтеніяхъ“ Общества Исторіи и Древностей (1872 г., 4 кн.), которыя редактировалъ его учитель Бодянскій,—это было его первое крупное ученое изслѣдованіе: „Засе-

леніе Балканскаго полуострова славянами". Весною 1873 года онъ защитилъ эту книгу на публичномъ диспутѣ и получилъ степень магистра, открывшую ему доступъ къ университетской каѳедрѣ.

Осенью 1873 г. М. С. Дриновъ становится доцентомъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ, по избранію факультета и совѣта, при участіи столь авторитетныхъ ученыхъ судей по русской и славянской филологіи, какъ братья Петръ и Николай Лавровскіе. Съ той поры М. С. Дриновъ отдаетъ всѣ свои силы университету и русской наукѣ, но не прерываетъ своихъ связей съ Болгаріей и роднымъ ему народомъ и его литературою. Вскорѣ пришлось ему и активно выступить въ роли устроителя жизни возрожденной Болгаріи.

Въ 1876 г. въ тѣхъ же „Чтеніяхъ" появляется вторая его диссертація—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ", доставившая Дринову послѣ диспута степень доктора славянской филологіи, и онъ тогда же становится экстраординарнымъ, а съ 20-го декабря того же 1876 г. ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, которую и занималъ до конца своей жизни. Вообще въ составѣ профессоровъ Харьковскаго университета, кстати замѣтимъ, нерѣдко бывали нерусскіе славяне, имѣвшіе ученую извѣстность и въ русской, и въ родной для нихъ по происхожденію ученой литературѣ: такъ, въ 20-ыхъ годахъ каѳедру физики занималъ тамъ Аѳанасій Стойковичъ, сербъ, въ 30-ыхъ годахъ былъ тамъ же профессоромъ братъ польскаго поэта Мицкевича, полякъ, въ 70-ыхъ годахъ Дриновъ, болгаринъ, занялъ весьма важную славянскую каѳедру, а Шерцль, чехъ,—каѳедру сравнительнаго языкознанія.

Оба вышеназванные труда сразу дали почетное мѣсто М. С. Дринову среди ученыхъ изслѣдователей прошлыхъ судебъ славянства. Въ своемъ трудѣ о „Заселеніи Балканскаго полуострова славянами" Дриновъ пришелъ къ выводу, что начало этого заселенія относится къ концу II вѣка и окончилось въ VII столѣтіи. Свои выводы онъ основываетъ какъ на обстоятельномъ изученіи историческихъ свидѣтельствъ и старой этнографіи, такъ и на филологическихъ и лингвистическихъ данныхъ. Если позднѣйшая разработка этого вопроса не всегда подтверждаетъ тѣ или другіе выводы Дринова, то все же главное его положеніе о первыхъ поселеніяхъ славянъ за Дунаемъ задолго до V вѣка, какъ думалъ Шафарикъ, находитъ многихъ послѣдователей и защитниковъ. По пріемамъ и по матеріалу, которыми пользовался Дриновъ для своей диссертаціи, сразу было видно, что выступаетъ на поле русской науки новая крупная сила. Это появле-

ніе крупнаго ученаго изъ среды воспитывавшихся или учившихся въ Россіи молодыхъ болгаръ было торжествомъ для самихъ болгаръ, тѣмъ болѣе, что онъ казался самородкомъ: вѣдь онъ пришелъ въ Россію учиться 20-ти лѣтъ, подобно нашему Ломоносову, и былъ первымъ болгариномъ—настоящимъ ученымъ, стоявшимъ на высотѣ требованій европейской науки. Ему потребовалось лишь семь лѣтъ для того, чтобы окончить курсъ самаго славнаго въ славянствѣ университета, при строгихъ требованіяхъ того времени, и онъ успѣлъ въ другія семь лѣтъ, несмотря на то, что долженъ былъ отдавать значительную часть своего времени на житейскую работу, не только подготовиться къ ученому труду, но и дать рядъ ученыхъ изслѣдованій, достаточно капитальныхъ, чтобы занять почетное мѣсто въ очень ревнивомъ ученомъ ареопагѣ.

Докторская его диссертація — „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“ представляетъ монографію, весьма важную для юго-славянской исторіи. Тутъ онъ ярко освѣтилъ вѣкъ царя Симеона, славнѣйшую эпоху въ древней исторіи болгаръ, и, раскрывъ отношенія къ славянамъ въ эту эпоху, объяснилъ характеръ и значеніе распаденія болгарскаго царства на западную и восточную части и основанія державы царя Самуила. Дриновъ доказывалъ, что на царство Самуила должно смотрѣть, какъ на продолженіе болгарскаго царства послѣ паденія сѣверной Болгаріи со столицею въ Преславѣ подъ власть Византіи, и что слѣдовательно политическая жизнь болгарскаго народа продолжалась еще около столѣтія послѣ походовъ русскаго князя Святослава и побѣдъ императора Цимисхія.

Оба эти труда вообще важны для исторіи югославянъ, и если антагонисты болгаръ, какъ нынѣ уже покойный бѣлградскій профессоръ Панта Сретьковичъ (сербъ), старались умалить ихъ ученое значеніе обвиненіемъ въ тенденціозности и односторонности, то другіе вполнѣ присоединялись къ мнѣніямъ и выводамъ Дринова, какъ, напримѣръ, загребскій профессоръ Таде Смичиклясъ (хорватъ) по вопросамъ старой хорватской исторіи. Недовѣрчивое и даже отрицательное отношеніе Дринова къ сообщеніямъ Константина Багрянороднаго возбудили было споръ въ русской литературѣ (профессора Гротъ и Флоринскій). Дриновъ исходилъ изъ положенія, что всѣ южные славяне представляли въ древнее время много небольшихъ племенъ, которыя объединились впослѣдствіи въ болѣе крупное этнографическое цѣлое подъ именемъ хорватовъ, сербовъ и т. д., образовавшихъ затѣмъ и свои политическіе организмы.

Историческія изслѣдованія и впослѣдствіи, главнымъ образомъ, занимали Дринова, что видно изъ нѣсколькихъ его небольшихъ, но всегда интересныхъ трудовъ. Правда, онъ не далъ больше ни одного цѣльнаго крупнаго труда по этой области славяновѣдѣнія, но его обстоятельные ученые разборы и рецензіи чужихъ трудовъ и статьи (Иречка, Болгарская исторія въ Čas. Česk. Muz. и Archiv'ѣ Ягича въ 1876 г.; Ѳ. И. Успенскаго: Образованіе второго болгарскаго царства,—въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, прилож. къ т. XXXIX; его статья нѣсколько полемическаго характера по отношенію сербскихъ претензій на Македонію въ Сборникѣ Офейкова: La Macedoine, 1887 г.; разборъ сочиненій покойнаго Сырку по эпохѣ Евѳимія Търновскаго, 1900 г. и др.) даютъ ясное свидѣтельство, что покойный харьковскій профессоръ продолжалъ ученую разработку древней исторіи болгаръ въ тиши своего кабинета. Особенно цѣннымъ трудомъ этого рода представляется его статья: „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ“ (Визант. Врем., т. 1 и 2. 1894 и 1895 г.). Дриновъ воспользовался произведеніями этого іерарха, занимавшаго архіепископскую каѳедру въ Охридѣ въ первой четверти XIII вѣка, чтобы освѣтить политическія и церковныя отношенія балканскихъ государствъ въ XIII вѣкѣ между собою и съ Никейской имперіей и эпиро-солунскимъ деспотствомъ во время латинской имперіи въ Византіи.

Къ этому ряду работъ М. С. Дринова примыкаютъ его труды, имѣющіе ближайшее отношеніе къ исторіи болгарской литературы. Таковы, напримѣръ, его замѣтка о нѣсколькихъ забытыхъ сочиненіяхъ Софронія Врачанскаго (Пер. Сп. 1884 г.), о Паисіи (ib. 1886 г.), о первой болгарской типографіи въ Солуни и нѣкоторыхъ напечатанныхъ въ ней книгахъ (ib. 1889 г.), о болгарскихъ книжарахъ XVI в. Трайковѣ изъ Софіи и Трифунѣ изъ Скопіи (ib. 1895 г.), его статья въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (въ 1885 г.)— „Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ“ и др.

Всѣ эти работы М. С. Дринова свидѣтельствуютъ о глубокой вдумчивости и остротѣ ученаго анализа и тщательности наблюденій нашего покойнаго ученаго.

Несмотря на то, что Дриновъ, по своему ученому настроенію и укладу, долженъ быть причисленъ къ историкамъ, онъ много и усердно занимался вопросами, имѣющими филологическое значеніе. Онъ хорошо понималъ, что изученіе славянъ и ихъ прошедшаго тѣсно свя-

зано съ работою надъ исторіей ихъ языковъ и изученіемъ діалектовъ. Притомъ на его долю, долю перваго крупнаго ученаго сына болгарскаго народа, выпала и обязанность не только авторитетно говорить о предѣлахъ болгарскаго языка, опредѣляющаго и новые предѣлы болгарской народности, но и установить въ извѣстной степени книжныя формы выраженія и самое правописаніе нарождающейся новоболгарской литературы.

Еще начиная съ 40-хъ годовъ нѣкоторыя болгарскія изданія, выходившія столь рѣдко, печатались письменами церковно-славянскими, напр., журналъ „Любословіе“ (К. Фотинова, 1845 г.) въ Смирнѣ, и если и нынѣ нельзя признать окончательно установившимся болгарское правописаніе, то въ 60-хъ годахъ оно было крайне непослѣдовательно. Дриновъ, имѣвшій ученую филологическую подготовку, началъ свои труды въ этой области статьею: „За ново-българско-то азбуке“ (Пер. Спис. 1870, т. II), написанною по поводу вопроса о правописаніи, принятомъ въ изданіяхъ браильскаго книжовнаго дружества. Тутъ уже въ немъ сказался знатокъ болгарскаго языка и его нарѣчій. Вообще его филологическая подготовка и работа надъ изученіемъ болгарскаго языка дали ему возможность стоять на твердой почвѣ въ изысканіяхъ какъ историческихъ, такъ и этнографическихъ.

По авторитетному отзыву профессора Б. М. Ляпунова въ его статьѣ: „Краткій очеркъ научной дѣятельности М. С. Дринова“, предназначенной въ невышедшій еще юбилейный сборникъ въ его честь, „изъ лингвистическихъ статей М. С-ча, кромѣ большихъ отзывовъ о словаряхъ болгарскаго языка Дювернуа и Герова, выдѣляется особенно классическая статья о произношеніяхъ глухихъ звуковъ въ болгарскихъ говорахъ, помѣщенная въ V томѣ Ягичева „Архива“ (1881 г. Die Wiedergabe des altslovenischen ѫ und ъ im Neubulgarischen). Въ ней обнаруживается тонкая наблюдательность и интересъ къ фонетическимъ изслѣдованіямъ“. Дѣленіе всей массы болгарскихъ говоровъ на четыре группы по произношенію общеславянскихъ ѫ и ъ въ новоболгарскомъ языкѣ принято всѣми позднѣйшими изслѣдователями болгарской діалектологіи и лишь видоизмѣняется въ частностяхъ и пополняется новыми данными и наблюденіями. Для характеристики филологическихъ взглядовъ Дринова представляетъ значительный интересъ его рецензія книги профессора Антона Калины: „Studyja nad historiją języka bulgarskiego“, помѣщенная въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ А. С. Будиловича (1892 г.).

Несмотря на то, что въ Московскомъ университетѣ въ ту пору,

когда учился въ немъ Дриновъ, не было еще настоящаго преподаванія по каѳедрѣ сравнительной грамматики, а лингвистическія изученія ограничивались главнымъ образомъ изученіемъ санскрита, персидскаго или арабскаго языковъ, подъ руководствомъ профессора Петрова, и студенты выслушивали лишь курсы по исторіи русскаго языка у Буслаева, да получали нѣкоторыя свѣдѣнія по сравнительной грамматикѣ изъ курсовъ Бодянскаго, М. С. Дриновъ рано проникся сознаніемъ важности для славистики строгихъ сравнительно-грамматическихъ штудій. Доказательствомъ этой его подготовки можетъ служить то, что въ 1875 г., т. е. во *второй* годъ его преподаванія съ каѳедры Харьковскаго университета, ему было поручено написать отзывъ о замѣчательномъ изслѣдованіи: „Записки по русской грамматикѣ" такого крупнаго ученаго, какъ Потебня, представленномъ имъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора славяно-русской филологіи. М. С. Дриновъ съ честью исполнилъ порученіе факультета и далъ такой обстоятельный и серьезный отзывъ, что профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ нынѣ извлекъ его изъ архива и напечаталъ цѣликомъ въ своей статьѣ: „Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова", предназначенной также въ составъ еще невышедшаго вышеупомянутаго сборника въ честь Дринова.

Третій родъ трудовъ М. С. Дринова посвященъ этнографіи болгаръ. Какъ человѣкъ, вышедшій изъ среды простого народа, онъ отлично зналъ многія стороны быта и обычаи болгаръ. Эта отрасль научнаго изученія имѣла и имѣетъ вообще для славянъ, а для югославянъ въ особенности, большое значеніе и въ политическомъ смыслѣ: имъ нужно еще размежеваніе народностей между собою. До сихъ поръ еще проявляющіеся то съ меньшею, то съ большею силою и иногда доходящіе до ожесточенія и кровавыхъ столкновеній споры между сербами и болгарами о предѣлахъ ихъ народности и языка, имѣютъ и сторону крайне важную для текущаго дня. Дриновъ, какъ болгарскій патріотъ, не могъ оставаться равнодушнымъ къ этимъ вопросамъ. Не будучи склоннымъ къ публицистикѣ — намъ неизвѣстны его статьи въ газетахъ, хотя имѣемъ нѣкоторыя основанія полагать, что онъ не былъ чуждъ участія въ болгарской журнальной печати въ 80-хъ годахъ—онъ служилъ разрѣшенію споровъ и недоумѣній научными изслѣдованіями въ области этнографіи.

Въ 1875 г., какъ разъ въ ту пору, когда болѣе или менѣе ясно обозначились первыя вѣянія того духа, который привелъ къ освобо-

жденію Болгаріи, Дриновъ совершилъ ученую поѣздку по болгарскимъ странамъ. Тутъ рядомъ съ собираніемъ данныхъ по изученію болгарскихъ нарѣчій и рукописной старины Дриновъ сдѣлалъ наблюденія надъ современнымъ положеніемъ болгарскаго народа. Въ Харьковѣ онъ прочелъ публичную лекцію въ ноябрѣ 1876 г. о современномъ положеніи болгаръ, которая составила содержаніе его статьи, помѣщенной имъ во 2-мъ томѣ „Славянскаго сборника", издававшагося въ Петербургѣ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, подъ заглавіемъ: „Болгарія наканунѣ ея погрома". Въ ней онъ даетъ обстоятельную характеристику положенія болгаръ въ Пловдивскомъ округѣ до панагюрскаго возстанія, вызвавшаго крайнія жестокости со стороны турокъ.

Но вотъ началась наша освободительная славянская война 1877—78 годовъ съ Турціей. Нужны были знатоки страны для строительства новаго быта болгарскаго народа, воззваннаго къ новой политической жизни мощнымъ велѣніемъ Царя-Освободителя и трудомъ русскаго народа. 3-го августа 1877 г. Дриновъ былъ командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго арміей великаго князя Николая Николаевича и состоялъ при канцеляріи князя В. А. Черкасскаго. Когда послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Балканы вводилось гражданское управленіе въ софійскомъ санджакѣ, то губернаторомъ его былъ назначенъ Алабинъ, бывшій предсѣдатель казенной палаты въ Саратовѣ и стоявшій во главѣ депутаціи, которой саратовская городская дума поручила поднести знамя болгарскому ополченію, а софійскимъ вице-губернаторомъ М. С. Дриновъ. Назначеніе это состоялось 20-го декабря 1877 года, когда наши побѣдоносныя войска уже вступали въ Софію. Послѣ кончины князя Черкасскаго, происшедшей какъ разъ въ день заключенія Санъ-Стефанскаго мира, 19-го февраля 1878 г., былъ назначенъ императорскимъ коммиссаромъ, какъ извѣстно, Дондуковъ-Корсаковъ, прибывшій въ Филиппополь въ началѣ мая. При немъ былъ учрежденъ совѣтъ изъ начальниковъ отдѣловъ, въ числѣ которыхъ былъ назначенъ и М. С. Дриновъ, въ качествѣ управляющаго отдѣломъ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ въ Болгаріи. Назначеніе его на эту должность состоялось 30-го мая 1878 г. Какъ природный болгаринъ и въ то же время воспитанникъ и профессоръ русскаго университета и знатокъ страны и ея прошлаго, Дриновъ былъ неоцѣненный совѣтникъ для русскаго уполномоченнаго, призваннаго устроить освобожденную Болгарію и дать формы для ея новой государственной жизни. Къ его голосу внимательно прислуши-

вался князь Дондуковъ-Корсаковъ во всѣхъ дѣлахъ. Самый выборъ будущей столицы Болгаріи былъ сдѣланъ по настойчивому и рѣшительному совѣту Дринова. Многимъ казалось, что столицею возникающаго болгарскаго княжества, отъ котораго, по рѣшенію Берлинскаго конгресса, была отдѣлена въ особую политическую единицу Восточная Румелія, соединившаяся съ княжествомъ лишь впослѣдствіи, послѣ переворота въ 1885 г., должна быть выбрана древняя столица Болгарскаго царства времени Асѣней—Търново. Австрійская дипломатія также усердно поддерживала это мнѣніе, стараясь отодвинуть, по возможности, дальше отъ границъ Македоніи политическій центръ нарождающагося болгарскаго государства. Былъ созданъ планъ перенести мѣсто пребыванія императорскаго коммиссара изъ Филиппополя въ Търново, гдѣ должно было собраться первое представительство Болгаріи для выработки устава, и затѣмъ признать этотъ городъ столичнымъ. Но подъ вліяніемъ М. С. Дринова князь Дондуковъ-Корсаковъ рѣшилъ переѣхать въ Софію, древнюю Сердику, городъ менѣе значительный въ ту пору, но расположенный на равнинѣ у подножія цѣпи Витошскихъ горъ, за которыми недалеки Рыльскія горы съ священнымъ историческимъ для болгарскаго народа, полнымъ преданій, монастыремъ св. Іоанна Рыльскаго. А тамъ уже многострадальная и прекрасная Македонія, изъ-за которой уже спорятъ между собою болгары, сербы, греки и даже румыны и на которую уже простираетъ свою руку съ сѣвера австро-венгерская политика...

Покойный профессоръ Дриновъ принималъ близкое участіе при выработкѣ такъ называемаго органическаго устава для Болгаріи, представленнаго въ учредительное собраніе въ Търновѣ въ февралѣ 1879 г. Многія статьи нынѣшней болгарской конституціи представляютъ текстъ въ болгарскомъ переводѣ, выработанный Дриновымъ. Тогда же въ собраніи депутатовъ Дриновъ прочелъ отъ имени императорскаго коммиссара обширное изложеніе дѣйствій русскихъ властей за время оккупаціи Болгаріи. Въ качествѣ управляющаго дѣлами просвѣщенія и церкви, М. С. Дриновъ не только возстановилъ существовавшія до войны училища, но и положилъ начало многимъ новымъ какъ начальнымъ, такъ и среднимъ и спеціальнымъ училищамъ, очень заботился о преподавательскихъ силахъ, объ учебникахъ, программахъ и т. д., положилъ основаніе народной библіотекѣ въ Софіи и замышлялъ основаніе серьезной болгарской газеты. Благодаря ему, „Книжовно дружество" перенесло свое пребываніе изъ Браилы въ Софію и расширило свою дѣятельность, получивъ вскорѣ

затѣмъ отъ правительства ежегодную значительную субсидію (12.000 франковъ). Съ 1882 г. оно стало вновь издавать „Периодическо Списание", которое съ той поры до нынѣ выходитъ аккуратно, давая много важныхъ статей для изученія болгарскаго народа и страны.

Недаромъ болгары въ день юбилея Дринова въ 1899 г. постановили назвать одну изъ улицъ своей столицы именемъ Дринова. „При посѣщеніи Болгаріи, говоритъ проф. Сумцовъ въ некрологѣ М. С-ча (Южный Край, 1-го марта 1906 г., № 8716), Дринову отводили министерскій вагонъ, митрополитъ софійскій встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью на главной площади; имя Дринова носитъ одна изъ лучшихъ софійскихъ улицъ; портреты его на школьныхъ тетрадяхъ".

Но окончилась русская оккупація,— Болгарія получила своего князя въ лицѣ принца Александра Баттенбергскаго, и М. С. Дриновъ спѣшитъ возвратиться къ своей каѳедрѣ въ Харьковъ. Съ той поры онъ остается вѣренъ своему университетскому дѣлу и наукѣ, хотя болгары и ихъ правители не разъ дѣлали ему самыя блестящія предложенія, привлекая его въ Болгарію. Въ 1881 г. ему былъ предложенъ постъ предсѣдателя государственнаго совѣта въ Софіи, но онъ отъ него отказался. Что руководило имъ въ этомъ непринятіи столь почетнаго и важнаго поста въ юной Болгаріи, трудно сказать, но можно предполагать съ большими основаніями, что, не считая себя обладающимъ способностями, нужными для выдающейся государственной дѣятельности, въ высшей степени скромный, простой и пріученный своими научными занятіями къ серьезному и строгому критическому отношенію и къ себѣ лично, и ко всему совершающемуся, Дриновъ предвидѣлъ приближающееся время неурядицъ въ Болгаріи, приведшихъ къ удаленію изъ страны князя Александра Баттенбергскаго, къ стамбуловщинѣ и такъ называемому палочному періоду въ жизни его родной страны. Онъ былъ искренно и всецѣло преданъ Россіи и, конечно, могъ видѣть ошибки русской политики, но никогда не могъ стать въ ряды какихъ бы то ни было противниковъ Россіи, а тѣмъ болѣе руссофобовъ. Онъ остался болгариномъ, русскимъ по духу и лишь русскимъ ученымъ.

Но оставаясь въ Россіи, онъ занимался преимущественно всѣмъ тѣмъ, что относится къ болгарамъ, и почти всѣ его труды цѣликомъ посвящены этому славянскому народу. Его болгарскія и русскія статьи освѣщали съ разныхъ сторонъ прошлое или бытъ болгаръ. Между статьями его этнографическаго характера, относящимися къ этому періоду дѣятельности Дринова, слѣдуетъ отмѣтить его статью: „Нѣ-

сколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ Славянъ", помѣщенную въ 1887 г. въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества". Дриновъ, какъ выше было уже отмѣчено, занимался изученіемъ обычаевъ и преданій болгарскаго народа. Еще въ 1876 г. въ *Периодическомъ Списаніи* были напечатаны имъ собранныя болгарскія народныя пѣсни, при чемъ онъ показалъ, что помощью его правописанія можно отличать различныя болгарскія нарѣчія. Вышеотмѣченная статья Дринова была имъ написана по поводу извѣстнаго сборника Ястребова: „Обычаи и пѣсни турецкихъ славянъ" (1886 г.). Покойный Ястребовъ, бывшій консуломъ въ Призренѣ, былъ большой сербофилъ и, какъ таковой, относился съ извѣстнымъ недружелюбіемъ и подозрительностью къ болгарамъ. Дриновъ въ своей статьѣ доказывалъ, что славяне въ Македоніи и въ частности въ Дебрскомъ округѣ—болгары по народности. Указавъ различныя неточности въ записяхъ, изданныхъ Ястребовымъ въ этой книгѣ пѣсенъ, Дриновъ, между прочимъ, выясняетъ, что праздникъ „Славы" встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ болгарской земли съ тѣми или другими измѣненіями, и что слѣдовательно его нельзя считать исключительно сербскимъ. Но извѣстно, что сербскіе этнографы считаютъ его однимъ изъ самыхъ важныхъ и рѣшительныхъ признаковъ принадлежности извѣстной мѣстности или группы населенія къ сербской народности, и это мнѣніе объ исключительно сербскомъ характерѣ этого празднованія „Славы" такъ распространено среди сербовъ, что у нихъ существуетъ положеніе, принимаемое какъ аксіома: „Гдје је слава, ту је србин". Такимъ образомъ, Дриновъ, опровергая это мнѣніе, опровергалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ трудъ Ястребова, и этимъ подрывалъ силу аргументовъ, на основаніи которыхъ македонское населеніе причислялось къ сербской народности.

Нашу замѣтку о трудахъ Дринова окончимъ указаніемъ на написанные имъ некрологи: профессора В. В. Макушева (1883 г.), въ которомъ разсматриваются его труды, имѣющіе ближайшее отношеніе къ болгарской исторіи, И. С. Аксакова (1887 г.), съ которымъ Дриновъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и котораго глубоко чтилъ, и Нешо Бончева (скончал. въ 1878 г.), согражданина и товарища по ученію.

М. С. Дриновъ участвовалъ въ основаніи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ и въ его трудахъ принималъ живое участіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ

предсѣдателемъ этого общества. За свои ученыя заслуги онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты всѣхъ академій въ славянскихъ странахъ: Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, польской въ Краковѣ, чешской въ Прагѣ, югославянской въ Загребѣ и вообще почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, особенно болгарскихъ.

Въ рѣчи, сказанной въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества 8-го марта 1906 г. въ присутствіи болгарской депутаціи, пріѣзжавшей на похороны Дринова, Е. К. Рѣдинъ такъ охарактеризовалъ покойнаго М. С. Дринова: „Это былъ человѣкъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ отличался необыкновенною добротою, привѣтливостью, чистой, ясной, открытой душою, преисполненной любви ко всему доброму, прекрасному. Ко всѣмъ людямъ, товарищамъ онъ относился доброжелательно, готовъ всегда былъ услужить, помочь всѣмъ, чѣмъ могъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ, не было мѣста враждѣ, раздору, не было мѣста и лжи, лукавству. Умъ ясный, здравый, смотрящій всегда въ глубину дѣла, онъ любилъ также во всемъ ясность, справедливость, соединенную съ гуманностью, съ сочувствіемъ положенію человѣка, къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ въ его жизни, дѣлахъ"... (Историч. Вѣстн. 1906 г., іюнь, стр. 969).

Этою характеристикою личности М. С. Дринова закончимъ его некрологъ, но напомнимъ, что его библіотека должна представлять предметъ необычайнаго интереса, особенно цѣнна она будетъ впослѣдствіи: въ ней найдется, вѣроятно, все, что появлялось на болгарскомъ языкѣ со времени возникновенія новой болгарской словесности, а его связи и сношенія съ выдающимися дѣятелями эпохи освобожденія Болгаріи какъ русскими (Аксаковымъ, кн. Черкасскимъ, кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ и др.), такъ и болгарскими даютъ высокое историческое значеніе и его рукописному архиву. Неужели не найдется ни одного русскаго учрежденія, которое сумѣло бы и смогло пріобрѣсти и сохранить эти богатства въ Россіи для будущихъ изслѣдователей этого важнаго періода нашей исторіи и болгарскаго возрожденія?

П. Кулаковскій.

Профессоръ Б. М. Ляпуновъ къ своей вышеупомянутой статьѣ присоединилъ весьма полную и обстоятельную библіографію ученыхъ трудовъ и сочиненій покойнаго Дринова.

П. К.

РЕГИЛЛЬСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Повѣсть о пораженіи латинъ при Регилльскомъ озерѣ, сама по себѣ занимающая весьма видное мѣсто въ преданіи о начальной исторіи римской республики, имѣетъ еще и спеціальное значеніе въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, въ этой повѣсти, и единственно только въ ней, сохранился старинный терминъ triginta populi для обозначенія латинъ; съ другой стороны, въ регилльской повѣсти впервые появляются римскіе диктаторы, вслѣдствіе чего она представляетъ существенный интересъ и въ вопросѣ о происхожденіи диктатуры. Значеніе и содержаніе термина XXX populi мы попытались опредѣлить въ 7 главѣ „Вопросовъ древняго Лаціяˮ[1]. Вопросу о возникновеніи римской диктатуры будетъ посвящена отдѣльная статья. Въ настоящее время мы намѣрены представить общій разборъ регилльской повѣсти въ связи съ той обстановкой, въ которой она появляется въ нашихъ источникахъ.

I. Составъ и обстановка повѣсти у Ливія и Діонисія.

1. По Ливію, въ 501 году латинскіе XXX populi составили заговоръ противъ римлянъ, подстрекаемые тускуланцемъ Октавіемъ Мамиліемъ[2], зятемъ Тарквинія Гордаго, который, послѣ крушенія надеждъ на помощь Порсены, нашелъ убѣжище въ Тускулѣ[3]. Въ виду этой опасности, къ которой присоединились еще недоразумѣнія съ сабинянами, римляне рѣшили избрать диктатора, впервые въ римской исторіи.

[1] *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, августъ, 359 сл.

[2] Liv. 2, 18, 3: triginta iam coniurasse populos concitante Octavio Mamilio.

[3] Liv. 2, 15, 7: Tarquinius spe omni reditus incisa exulatum ad generum Mamilium Octavium Tusculum abiit.

Такое рѣшеніе мотивировалось у нѣкоторыхъ анналистовъ недовѣріемъ къ тогдашнимъ консуламъ, которыхъ подозрѣвали въ принадлежности къ тарквиніевской партіи [4]). Но при этомъ Ливій заявляетъ, что собственно даже и не было извѣстно, какіе это были консулы, равно какъ существовало разногласіе также въ вопросѣ о томъ, кто былъ первымъ диктаторомъ римской республики, такъ какъ одни считали таковымъ Тита Ларція, другіе, напротивъ, Манія Валерія [5]). Самъ Ливій примыкаетъ къ мнѣнію первыхъ, выставляя первымъ диктаторомъ Т. Ларція [6]).

Диктаторъ Ларцій, избранный такимъ образомъ прежде всего противъ латинъ, не предпринимаетъ, однако, противъ нихъ ровно ничего, да и сами латины въ разсказѣ Ливія совершенно исчезаютъ изъ виду. Изъ диктатора для войны съ латинами Т. Ларцій превращается въ бездѣятельное пугало, устрашавшее, главнымъ образомъ, плебеевъ, а на второмъ планѣ также сабинянъ [7]). Еще болѣе спокойно проходитъ слѣдующій (500) годъ, отмѣченный именами консуловъ Ser. Sulpicius M. Tullius [8]). Только уже въ 499 году открывается война съ латинами.

Своему разсказу объ этой латинской войнѣ Ливій предпосылаетъ заявленіе о томъ, что Пренестъ отпалъ отъ латинъ и перешелъ на сторону римлянъ [9]); но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи пренестинцы совершенно отсутствуютъ, такъ что не видно, ради чего Ливій упоминаетъ о нихъ. Эта замѣтка о пренестинцахъ является и вообще изолированной, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ (гл. 19) Ливій не даетъ никакихъ другихъ указаній не только на предшествовавшія обстоятель-

---

[4]) Liv. 2, 18, 4: quibus consulibus, quia ex factione Tarquiniana essent,—id quoque enim traditur,—parum creditum est.

[5]) Ibid. § 5—6.

[6]) Споръ о первомъ диктаторѣ обусловливался различіемъ хронологическаго распредѣленія матеріала: для тѣхъ, кто ставилъ впереди регилльскую повѣсть, первымъ диктаторомъ являлся Т. Ларцій; если же она помѣщалась послѣ разсказа о побѣдителѣ сабинянъ, то первымъ диктаторомъ оказывался Маній Валерій.

[7]) Liv. l. c. §§ 8—11.

[8]) Являясь простой хронологической затычкой, заполнившей пробѣлъ между 501 и 499 годами, консулы Сервій Сульпицій и Маній Туллій обязаны своимъ существованіемъ вымышленному разсказу о заговорѣ, представленномъ въ видѣ копіи катилинской смуты, съ цѣлью противопоставить самовластнымъ поступкамъ Цицерона корректныя дѣйствія древнихъ консуловъ, потребовавшія все-таки искупительной жертвы (Dion. 5, 53).

[9]) Liv. 2, 19, 2: Praeneste ab Latinis ad Romanos descivit.

ства и условія войны, но и на связь съ послѣдующими событіями. Все дѣло исчерпывается тутъ исключительно только разсказомъ о битвѣ и побѣдѣ диктатора А. Постумія. Не указано даже, какъ и почему избранъ былъ диктаторъ.

Разсказъ начинается просто съ того, что диктаторъ Авлъ Постумій и его начальникъ конницы Титъ Эбуцій столкнулись съ латинами при Регилльскомъ озерѣ въ тускуланской области и немедленно вступили въ бой. Не сказано ни слова о приготовленіяхъ къ битвѣ, о выступленіи въ походъ и о самомъ походѣ до мѣста битвы. Нѣтъ даже обычныхъ указаній на расположеніе отрядовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Повѣствователь вводитъ читателя прямо in medias res, чисто эпическимъ способомъ. Притомъ во всемъ этомъ разсказѣ только заключительная сцена имѣетъ характеръ массоваго сраженія, въ то время какъ все прочее состоитъ изъ ряда послѣдовательныхъ картинъ, изображающихъ единоборство вождей, которые въ концѣ концовъ всѣ оказываются убитыми или ранеными, за исключеніемъ одного только римскаго диктатора. Эта своеобразная черта разсказа о Регилльской битвѣ подмѣчена самимъ Ливіемъ.[10]).

Лишь только столкнулись оба непріятельскія войска, какъ сейчасъ же Тарквиній Гордый, несмотря на свой престарѣлый возрастъ [11]), верхомъ на конѣ бросается противъ римскаго диктатора, но, получивъ рану въ бокъ, уводится изъ битвы подбѣжавшими къ нему воинами.

Съ другой стороны римскій магистръ конницы Эбуцій [12]) кинулся, также верхомъ, на тускуланца Октавія Мамилія, который, замѣтивъ его движеніе, самъ выѣхалъ ему навстрѣчу. Оба они направляютъ другъ противъ друга свои копья. Мамилій пронзаетъ руку Эбуція, а послѣдній наноситъ Мамилію рану въ грудь. Раненаго Мамилія латины уводятъ въ задніе ряды, въ то время какъ Эбуцій остается въ строю.

Но и раненый Мамилій вслѣдъ за этимъ снова возвращается въ сраженіе, хотя и только для того, чтобы побудить къ бою сына Тарквинія (безъ имени). Когда же молодой Тарквиній выступаетъ во главѣ

---

[10]) Liv. l. c. § 5.

[11]) Ib. § 6: quamquam iam aetate et viribus erat gravior.—По Діонисію (6, 11) Тарквинію тогда было около 90 лѣтъ.

[12]) Ливій помѣщаетъ его здѣсь ad alterum cornu, изъ чего слѣдуетъ, что онъ представлялъ себѣ диктатора и магистра занявшими мѣста на обоихъ флангахъ, причемъ не видно, кто командовалъ въ центрѣ. См. вын. 17.

отряда римскихъ изгнанниковъ (cohors exulum Romanórum), то навстрѣчу ему выходитъ верхомъ Маркъ Валерій, братъ Публиколы, и направляетъ свое копье противъ Тарквинія. Молодой противникъ не выдержалъ натиска Валерія и сталъ отступать. Тогда Валерій погнался за нимъ, стремительно врѣзываясь въ средину непріятелей, пока не свалился мертвымъ съ лошади; при паденіи на землю собственное его оружіе прикрыло сверху тѣло погибшаго.

Послѣ этого въ бой вступила свита (cohors praetoria) римскаго диктатора съ его легатомъ Т. Герминіемъ во главѣ. Противъ Герминія снова выступилъ Мамилій, но сейчасъ же повалился на землю, убитый однимъ взмахомъ копья Герминія. Послѣдній сталъ снимать доспѣхи съ убитаго врага, но тутъ же самъ былъ смертельно раненъ метательнымъ дротикомъ и умеръ въ римскомъ лагерѣ, куда его отнесли, какъ побѣдителя.

Наконецъ, римскій диктаторъ приказалъ конницѣ спѣшиться и выйти на сраженіе. Образовавъ первый рядъ римскаго войска, всадники заслонили антесигнановъ своими круглыми щитами, подъ прикрытіемъ которыхъ пѣхота оправилась настолько, что, когда латины подались назадъ, всадники снова могли сѣсть на коней и, идя впереди пѣхоты, окончательно разгромить врага. Этому успѣху римскаго оружія содѣйствовалъ съ одной стороны данный диктаторомъ въ этотъ моментъ битвы обѣтъ построить въ Римѣ храмъ въ честь Кастора, а съ другой—обѣщаніе наградъ воинамъ, которые и ворвались въ лагерь латинъ, преслѣдуя ихъ по пятамъ.

„Вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ". Этими словами Ливій заканчиваетъ свой разсказъ, добавивъ еще замѣтку о томъ, что диктаторъ и его магистръ возвратились въ Римъ съ тріумфомъ. Но совсѣмъ не указано, куда дѣвались разбитые латины и почему римляне не воспользовались своей рѣшительной побѣдой для наказанія тускуланцевъ и ихъ подстрекателя Тарквинія. Весь разсказъ Ливія о латинской войнѣ въ этомъ мѣстѣ сводится къ изображенію одной только битвы, безъ предварительныхъ дѣйствій и безъ послѣдствій. Заключительными словами Ливія: „вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ" исчерпывается все содержаніе его разсказа о войнѣ съ латинами въ 499 году. Регилльская битва стоитъ у него совершенно особнякомъ.

2. Совсѣмъ иначе дѣло обставлено у Діонисія, разсказъ котораго объ этой войнѣ съ латинами представляетъ собою хорошо закругленное прагматическое повѣствованіе съ изложеніемъ предварительныхъ

и заключительныхъ обстоятельствъ международнаго и военнаго характера.

Дѣйствія противъ латинъ и въ частности противъ тускуланцевъ открываетъ еще первый диктаторъ Т. Ларцій, совершенно бездѣйствующій у Ливія. Однако и у Діонисія Ларцій является скорѣе въ роли дипломата, чѣмъ военачальника, и, не доводя дѣла до рѣшительныхъ мѣропріятій, въ концѣ концовъ заключаетъ съ латинами перемиріе на годъ [13]). По истеченіи этого года латины, подстрекаемые Мамиліемъ и Тарквиніемъ, готовятся снова къ войнѣ съ римлянами [14]). Но этой войнѣ сочувствуютъ только аристократы, въ то время какъ простой народъ стоитъ на сторонѣ римлянъ, такъ что многіе даже покидаютъ родину и переселяются въ Римъ. Римляне съ своей стороны отправляютъ противъ латинъ три отряда, изъ которыхъ однимъ командуетъ диктаторъ А. Постумій, другимъ магистръ Т. Эбуцій, а третьимъ Т. Виргиній. Послѣдній выступаетъ тутъ на сцену потому, что Діонисій, въ отличіе отъ Ливія, относитъ войну къ 496 году, когда консулами были A. Postumius T. Virginius [15]).

Пока римляне собрались въ походъ, латины успѣли разгромить Корбіонъ и получить поддержку отъ анційскихъ вольсковъ, ожидая такой же помощи и отъ остальныхъ вольскихъ народовъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства Постумій поспѣшилъ перейти въ наступленіе, прежде чѣмъ къ латинамъ подойдутъ ожидаемые вспомогательные отряды ихъ союзниковъ. Узнавъ о наступленіи римлянъ, латины, предводительствуемые Октавіемъ Мамиліемъ и Секстомъ Тарквиніемъ, сыномъ Тарквинія Гордаго, расположились лагеремъ на горѣ вблизи Регилльскаго озера. Подошедшій сюда диктаторъ Постумій избралъ для своего лагеря еще болѣе возвышенное мѣсто. Подобнымъ образомъ поступилъ и прибывшій нѣсколько позднѣе консулъ Виргиній. Лагерныя мѣста диктатора и консула были избраны ими съ такимъ разсчетомъ, чтобы отрѣзать у латинъ пути къ Риму: консулъ загородилъ лѣвую дорогу, диктаторъ — правую. А магистру Эбуцію диктаторъ приказалъ занять третье мѣсто, въ тылу у латинъ, такъ чтобы отрѣзать у нихъ подвозъ провіанта. Вслѣдствіе этого противъ Эбуція выступилъ Секстъ Тарквиній, намѣреваясь сбить его съ занятой имъ позиціи, что, однако, не удалось. Такимъ образомъ, латины, охвачен-

[13]) Dion. 5, 76.
[14]) Ibid. 6, 2 сл.
[15]) Liv. 2, 21, 3.

ные римлянами съ трехъ сторонъ и опасаясь недостатка въ провіантѣ, оказались вынужденными вступить немедленно въ рѣшительное сраженіе, не дожидаясь прибытія шедшихъ имъ на помощь вольскихъ отрядовъ. Съ другой стороны и римляне, перехватившіе письма вольсковъ, также спѣшили сразиться раньше полученія латинами подкрѣпленій. Вся эта мотивировка необходимости сраженія отсутствуетъ у Ливія.

Для битвы оба непріятельскія войска выстроились въ слѣдующемъ боевомъ порядѣ [16]): на лѣвомъ крылѣ римлянъ сталъ Эбуцій [17]), противъ него со стороны латинъ Октавій Мамилій; на правомъ крылѣ помѣстился консулъ Виргиній, противъ него Секстъ Тарквиній; средину занялъ диктаторъ Постумій, а противъ него выстроился отрядъ римскихъ бѣглецовъ подъ начальствомъ другого сына Тарквинія Гордаго, Тита Тарквинія. Завязали перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ, какъ и подобаетъ, легковооруженные, а затѣмъ уже тронулись легіоны тяжеловооруженныхъ. Также и эта прелюдія, составленная по обычному шаблону описанія битвъ, отсутствуетъ у Ливія.

Ходъ же самой битвы изображенъ затѣмъ у Діонисія въ той же послѣдовательности картинъ единоборства, какъ это имѣется и у Ливія, но съ нѣкоторыми отступленіями въ частностяхъ, а въ общемъ съ замѣтнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы картинамъ единоборства придать по возможности колоритъ массоваго сраженія.

Какъ у Ливія, такъ и у Діонисія битва открывается единоборствомъ Постумія и Тарквинія, причемъ раненый Тарквиній одинаково выбываетъ изъ строя. Но только это не старикъ Тарквиній Гордый, какъ у Ливія, а его сынъ Титъ, хотя Діонисій тутъ же замѣчаетъ, что Лициній и Геллій называли здѣсь именно самого Тарквинія Гордаго. Замѣна старика его сыномъ оказывалась сама собою цѣлесообразной въ виду преклоннаго возраста царя Тарквинія, которому въ то время, по разсчету Діонисія, должно было быть уже около 90 лѣтъ.

Затѣмъ сражаются магистры Эбуцій и Октавій Мамилій съ подобнымъ результатомъ, какъ и у Ливія: оба героя были ранены, но такъ что обоихъ пришлось вынести изъ битвы, послѣ чего, однако, Мамилій сейчасъ же возвращается на свое мѣсто.

Напротивъ, раненаго Эбуція на лѣвомъ флангѣ замѣняетъ легатъ М. Валерій. Возвратившійся въ сраженіе Мамилій вступаетъ въ едино-

---

[16]) Dion. 6, 5.

[17]) Отсюда и ливіево ad alterum cornu, см. вын. 12.

борство также и съ Валеріемъ и убиваетъ его. У Ливія соперникомъ Валерія въ этой сценѣ является молодой Тарквиній, въ то время какъ роль возвратившагося въ сраженіе Мамилія ограничивается только увѣщаніемъ, обращеннымъ къ молодому Тарквинію, вождю римскихъ бѣглецовъ. Кромѣ того, Діонисій опускаетъ черту безразсудства Валерія, заставляя его погибнуть болѣе почетнымъ образомъ отъ руки главнаго вождя латинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Діонисія введена частность, отсутствующая у Ливія: тѣло убитаго М. Валерія отстаиваютъ два его племянника, Публій и Маркъ, сыновья Публиколы, и при этомъ исполненіи долга родственной любви погибаютъ оба.

Единоборство четвертой пары, Мамилія и Герминія, происходитъ и у Діонисія въ томъ же видѣ, какъ у Ливія: оба героя взаимно убиваютъ другъ друга.

Рѣшающій оборотъ битвы также, по Діонисію, произведенъ былъ диктаторомъ Постуміемъ при содѣйствіи всадниковъ. Однако, въ отличіе отъ Ливія, Діонисій выводитъ здѣсь на сцену со стороны латинъ Секста Тарквинія, который погибаетъ здѣсь при той обстановкѣ, которая у Ливія присвоена смерти Валерія. Въ этой заключительной сценѣ латины у Ливія не выставляютъ никакого вождя.

Когда такимъ образомъ погибли всѣ латинскіе вожди, то латины бросились бѣжать, а римляне, преслѣдуя ихъ по пятамъ, заняли ихъ лагерь, въ которомъ нашли богатую добычу. Изъ 43.000 латинскихъ воиновъ послѣ сраженія уцѣлѣло менѣе 10.000 [18]); въ плѣнъ взято 5.500 латинъ [19]).

Едва кончилась битва при Регилльскомъ озерѣ, какъ донесли римскому диктатору, что приближаются вольски, шедшіе на помощь латинамъ. Но, узнавъ о результатѣ битвы, вольски немедленно повернули домой, не вступая въ сраженіе. Послѣ этого римляне и латины поладили между собою, возстановивъ взаимную дружбу [20]). Съ вольсками же въ слѣдующемъ 495 году дѣло дошло до войны, которая также окончилась побѣдою римлянъ, взявшихъ тогда и разграбившихъ Свессу Помецію [21]). А все это переплетается съ внутренней борьбой сословій въ Римѣ [22]).

3. По Діонисію, Регилльская битва происходитъ въ 496 году,

[18]) Dion. 6, 12.
[19]) Ib. 6, 17.
[20]) Ib. 6, 18, 21.
[21]) Ib. 6, 29.
[22]) Ib. 6, 22 сл.

причемъ съ самаго же начала причастными къ латинской войнѣ оказываются и вольски; вслѣдъ за этимъ, въ 495 году, состоялось съ одной стороны примиреніе съ латинами, а съ другой — походъ противъ вольсковъ, кончившійся взятіемъ Свессы Помеціи. Напротивъ, у Ливія Регилльская битва пріурочена къ 499 году и притомъ внѣ всякой связи съ вольсками. Затѣмъ слѣдуютъ три совершенно безсодержательные года, въ теченіе которыхъ отношенія между римлянами и латинами остаются какими-то неопредѣленными [23]). Только въ 495 году обстоятельства выясняются, но выясняются они здѣсь уже вполнѣ согласно съ изложеніемъ Діонисія. Приступая къ разсказу о событіяхъ 495 года, Ливій мотивируетъ войну съ вольсками указаніемъ на помощь, которую вольски хотѣли оказать латинамъ въ Регилльской битвѣ, но не успѣли сдѣлать этого, такъ какъ римскій диктаторъ поспѣшилъ завязать сраженіе до прибытія вольскихъ вспомогательныхъ отрядовъ [24]); въ разсказѣ о 499 годѣ объ этомъ не сказано ни слова. Въ 495 году вольски пытались поднять латинъ противъ римлянъ. Но латины, помня о своемъ недавнемъ (recens) пораженіи, рѣшительно отказали вольскамъ въ содѣйствіи. Обрадованные такимъ поведеніемъ латинъ, римляне возвратили имъ 6.000 плѣнныхъ [25]), на существованіе которыхъ въ самомъ разсказѣ о Регилльской битвѣ Ливіемъ не было сдѣлано никакого указанія. Въ свою очередь благодарные латины, въ отвѣтъ на такое великодушіе римлянъ, послали цѣнный даръ въ храмъ капитолійскаго Юпитера, И вообще между римлянами и латинами водворилась тогда такая идиллическая дружба, какой никогда не было [26]). Вольски же согласились сперва выдать 300 заложниковъ, но дѣло все-таки дошло до войны, разсказъ о которой Ливій, согласно съ Діонисіемъ, переплетаетъ съ внутренней ссорой патриціевъ и плебеевъ.

II. Разнорѣчія варіантовъ Ливія и Діонисія.

Вполнѣ очевидно, что, въ распоряженіи Ливія находились два различные варіанта о латинской войнѣ, изъ которыхъ одинъ, пріуроченный къ 499 году, представлялъ собою одну голую повѣсть о

---

[23]) Liv. 2, 21, 2: triennio deinde nec certa pax nec bellum fuit.

[24]) Liv. 2, 22, 1.

[25]) Ibid. § 4. Это — круглое число тѣхъ 5.500 плѣнныхъ, о которыхъ говоритъ Діонисій (6, 17).

[26]) Ibid. § 7.

Региллъской битвѣ, безъ всякаго отношенія къ вольскамъ; другой же варіантъ, тотъ самый, который воспроизведенъ у Діонисія, былъ пріурочепъ къ 496 году и заключалъ въ себѣ прагматически полное освѣщеніе Регилльской битвы въ ряду другихъ событій, относимыхъ къ этому же времени. Изложеніе Діонисія является такимъ складнымъ и гладкимъ, что, не будь Ливія, трудно было бы доискаться тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ соткано это искусное повѣствованіе, столь подозрительное своей прагматической ясностю и полнотою.

Въ этомъ второмъ варіантѣ съ Регилльской битвой скомбинирована въ одно связное цѣлое война противъ вольсковъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ разрушеніе Свессы Помеціи. Благодаря особому случаю, вызванному недоразумѣніемъ со стороны добросовѣстнаго Ливія, мы имѣемъ возможность указать не только причину такого сцѣпленія вольской войны съ латинской, но и подлинную форму извѣстія о войнѣ съ вольсками 495 года. Разсказъ Ливія и Діонисія о войнѣ изъ-за Помеціи, пріуроченный къ 495 году, представляетъ собою явный дубликатъ извѣстія о войнѣ съ аврунками изъ-за той же Помеціи, сообщеннаго Ливіемъ подъ 503—502 годами [27]). Если здѣсь отбросить фразеологическій элементъ, привнесенный для оживленія разсказа, то эта война съ аврунками сводится къ слѣдующимъ даннымъ. Въ 503 году двѣ латинскія колоніи, Помеція и Кора, отпали отъ римлянъ къ аврункамъ [28]). Вслѣдствіе этого римляне предприняли походъ противъ аврунковъ и осадили Помецію, но, получивъ 300 заложниковъ, вернулись съ тріумфомъ домой; въ слѣдующемъ 502 году война возобновилась и Помеція была уничтожена: городъ разрушенъ, земля отобрана и продана, а жители частью казнены, частью проданы въ рабство. Подобнымъ образомъ и въ 495 году римляне, отправившись войной противъ вольсковъ, получили отъ Помеціи и Коры 300 заложниковъ [29]), послѣ чего возвратились домой [30]). Однако вольски все-таки произвели нападеніе на римлянъ, которые отбросивъ вольсковъ къ Свессѣ Помеціи, овладѣли этимъ городомъ

---

[27]) Liv. 2, 16, 8—17, 4.

[28]) § 8: eodem anno duae coloniae Latinae, Pometia et Cora, ad Auruncos deficiunt.

[29]) Liv. 2, 22, 2.

[30]) Получившійся здѣсь промежутокъ времени восполненъ волненіями плебеевъ (Liv. 2, 23—24).

и предали его разграбленію [31]). Тожество обѣихъ этихъ войнъ вполнѣ очевидно. Вся разница здѣсь въ томъ, что враги римлянъ въ одномъ случаѣ названы аврунками, въ другомъ—вольсками. Кромѣ того, въ противоположность къ сцѣпленію вольской войны съ латинской, къ войнѣ съ аврунками латины причастны лишь постольку, поскольку дѣло касается отпаденія двухъ латинскихъ колоній

Версія съ именемъ аврунковъ представляетъ собою небольшую замѣтку, исчерпывающую дѣло въ немногихъ словахъ; напротивъ, война противъ вольсковъ изложена въ болѣе пространной редакціи, съ пріобщеніемъ, кромѣ латинской войны, также и плебейскихъ волненій. Краткая форма первой версіи сама собою говоритъ въ пользу ея преимущества передъ второй. Въ обѣихъ версіяхъ война происходитъ въ два пріема. Но между тѣмъ, какъ въ войнѣ съ вольсками получаются два похода противъ Помеціи въ теченіе одного и того же 495 года, война съ аврунками распредѣлена между двумя смежными годами, 503 и 502. Также и это обстоятельство указываетъ на преимущество версіи съ именемъ аврунковъ. Двойной походъ въ обоихъ случаяхъ получился отъ того, что извѣстіе о судьбѣ Помеціи восходитъ къ греческому источнику, исчислявшему время по олимпіадамъ, годы которыхъ не совпадаютъ съ годами римскаго календаря, начинаясь въ серединѣ одного года и оканчиваясь въ серединѣ слѣдующаго. Въ греческомъ источникѣ гибель Помеціи значилась подъ 2 годомъ 69 олимпіады, соотвѣтствующимъ двумъ смежнымъ половинамъ 503 — 502 римскихъ годовъ. Этимъ источникомъ и могъ быть историкъ Тимей, первый примѣнявшій послѣдовательно счетъ по олимпіадамъ.

Подлинные аврунки появляются въ римской исторіи впервые только въ 345 году и притомъ еще въ качествѣ мало извѣстнаго римлянамъ народа, внушавшаго страхъ диктатору Л. Фурію во время его похода въ эту невѣдомую область [32]). А въ V столѣтіи страна аврунковъ была отдѣлена отъ римлянъ вольсками, занявшими южный Лацій, гдѣ находилась и Помеція. Поэтому переименованіе вольсковъ въ аврунковъ въ извѣстіи о гибели Помеціи, а слѣдовательно и это самое извѣстіе, не можетъ быть приписано римскому автору. Такое переименованіе оказывалось возможнымъ только со стороны кампан-

---

[31]) Liv. 2, 25, 5.

[32]) Liv. 7, 28. См. „Начало мировой политики римской республики и конецъ Лаціи". *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1904, августъ, 375.

скихъ грековъ, которые, не разбирая этнографическаго различія варварскихъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кампаніи, обобщали ихъ подъ названіемъ авзоновъ (Αὔσονες), по имени ближайшаго къ нимъ племени [33]), въ отличіе отъ мѣстныхъ туземцевъ въ самой Кампаніи, называвшихся Ὀπικοί = Osci (Opsci). Но и греки уже въ IV столѣтіи знали подлинное имя вольсковъ: Ὀλσοί [34]). Поэтому извѣстіе о Помеціи, въ которомъ вольскамъ дано еще общее наименованіе авзоновъ, должно быть признано восходящимъ къ греческому источнику V столѣтія, близкому ко времени разрушенія Помеціи. Этимъ источникомъ могла быть только греко-кампанская лѣтопись V вѣка, повѣствовавшая о знаменитомъ куманскомъ тиранѣ Аристодемѣ и его отношеніяхъ въ Лацію [35]). Изъ кампанской лѣтописи свѣдѣнія объ эпохѣ Аристодема (каковы: побѣда его подъ Ариціей и время переселенія послѣдняго Тарквинія въ Кумы) проникли въ сочиненія греческихъ историковъ, начиная съ Тимея (въ III столѣтіи), а отсюда и въ римскую анналистику, начиная еще съ Фабія Пиктора (каково его извѣстіе о добычѣ изъ Помеціи, обращенной на постройку Капитолійскаго храма) [36]).

Двукратное повтореніе разсказа о гибели Помеціи указываетъ на двукратное заимствованіе этого извѣстія изъ греческихъ историковъ двумя разными авторами. Одинъ, болѣе освѣдомленный въ этнографическихъ вопросахъ древней Италіи (какимъ являлся, въ частности, Катонъ въ своихъ Origines), принимая это извѣстіе, назвалъ греческихъ авзоновъ, какъ и слѣдовало, настоящимъ латинскимъ именемъ вольсковъ. Но этотъ авторъ писалъ въ такое время, когда консульскіе фасты первыхъ десятилѣтій республики не были еще окончательно составлены, и когда, слѣдовательно, относимыя къ этому времени событія могли быть размѣщаемы вообще только въ относительномъ хронологическомъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, стушевалось различіе между годомъ олимпіады и годомъ римскаго календаря, а съ другой, — въ окончательной хронологической схемѣ дѣло оказалось пріуроченнымъ не къ тому году. Затѣмъ дру-

---

33) Отсюда и поэтическое названіе Ausonia для обозначенія древнѣйшей Италіи.

34) „Вопросы древняго Лація". *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, іюнь, 279.

35) Тамъ же, іюль, 330 сл.

36) Напротивъ, біографія Аристодема у Діонисія основывается на источникѣ, болѣе древнемъ, чѣмъ Тимей, какъ видно изъ того, что въ этой біографіи не примѣняется еще счетъ по олимпіадамъ.

гой, болѣе поздній, авторъ вторично заимствовалъ изъ греческаго источника подлинную редакцію извѣстія о Помеціи съ сохраненіемъ имени авзоновъ въ латинской формѣ и съ удержаніемъ хронологической даты подлинника. Валерій Анціатъ, послужившій источникомъ для Діонисія, не зналъ еще этой второй версіи.

Сравнительно давнее происхожденіе перваго варіанта явствуетъ также изъ того, что ко времени Валерія Анціата война съ вольсками оказывалась уже прочно соединенной съ латинской войной. Второй варіантъ раскрываетъ основаніе такого соединенія: значащее въ подлинной редакціи отпаденіе двухъ „латинскихъ колоній" [37]) явилось тѣмъ посредствующимъ звеномъ между вольской войной и войной съ латинами, которое въ окончательномъ видѣ и привело къ прагматическому сцѣпленію обоихъ этихъ дѣлъ, причемъ Регилльская битва, въ качествѣ общаго предпріятія всѣхъ латинъ, поставлена была на первомъ мѣстѣ, въ то время какъ переходъ двухъ латинскихъ городовъ на сторону вольсковъ представлялся какъ бы послѣдствіемъ неудачи, постигшей союзныхъ латинъ при Регилльскомъ озерѣ.

Въ краткой редакціи извѣстія о гибели Помеціи, сообщенной у Ливія подъ видомъ войны съ аврунками, эта война не имѣетъ никакого отношенія къ латинамъ, сражавшимся при Регилльскомъ озерѣ. Съ другой стороны, и регилльская повѣсть въ редакціи, данной Ливіемъ, является еще совершенно свободной отъ какого бы ни было участія вольсковъ въ предпріятіи латинъ. Оба эти дѣла—Регилльская битва и гибель Помеціи—въ подлинномъ видѣ составляютъ два самостоятельныя, обособленныя явленія. Разсказъ о латинской и вольской войнахъ въ обработкѣ, данной у Діонисія и дополнительно также у Ливія, свидѣтельствуетъ лишь о характерѣ историческаго метода младшихъ анналистовъ, созидавшихъ связную исторію изъ разрозненнаго матеріала.

Въ регилльской повѣсти, и только въ ней одной, латины носятъ характерное названіе: XXX populi. Діонисій даетъ полный списокъ этихъ 30 латинскихъ народовъ [38]). Въ этотъ фантастическій списокъ, составленный, во всякомъ случаѣ, послѣ Суллы и, повидимому, даже не ранѣе временъ Августа [39]), включены и пренестинцы. Въ отличіе

---

[37]) О значеніи этого термина въ данномъ случаѣ, см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, іюль, 336 и 396.

[38]) Dion. 5, 61.

[39]) „Вопросы древняго Лація" (гл. 7), 368 сл.

отъ Діонисія, Ливій прямо заявляетъ, что пренестинцы тогда не участвовали въ заговорѣ латинъ противъ римлянъ: Praeneste ab Latinis ad Romanos descivit [40]). Для самаго разсказа о Регилльской битвѣ замѣтка о пренестинцахъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ римляне сражаются одни безъ всякой помощи со стороны пренестинцевъ, а также и у самихъ латинъ не имѣется никакой группировки ихъ отрядовъ отъ отдѣльныхъ populi. Единственное исключеніе составляетъ только главный вождь латинъ Октавій Мамилій, названный, въ частности, тускуланцемъ. Послѣднее обстоятельство и даетъ возможность опредѣлить происхожденіе замѣтки Ливія о пренестинцахъ. Лишенная значенія для изложенія хода битвы замѣтка о пренестинцахъ пріобрѣтаетъ надлежащій смыслъ только, какъ результатъ работы археолога, пожелавшаго опредѣлить составъ тѣхъ латинъ, которые сражались съ римлянами при Регилльскомъ озерѣ и которые въ самой повѣсти обозначены были общимъ наименованіемъ triginta populi. Въ качествѣ вождя этихъ латинъ выступаетъ тускуланецъ. Основываясь на этомъ, данный археологъ заключилъ, что тутъ шло дѣло о тѣхъ латинахъ, которые собирались для общихъ совѣщаній въ рощѣ Діаны на территоріи Ариціи, такъ какъ во главѣ этого арицинскаго союза латинъ стоялъ именно Тускулъ. Въ надписи на жертвенникѣ богини въ Арицинской рощѣ перечислены были участники этого союза, и вотъ въ числѣ ихъ пренестинцы не значились [41]); стало быть, пренестинцы не находились и среди тѣхъ латинъ, которые сражались при Регилльскомъ озерѣ подъ предводительствомъ тускуланцевъ. Таковъ смыслъ замѣтки Ливія: Praeneste ab Latinis descivit. А такъ какъ означенная надпись изъ рощи Діаны въ Ариціи дошла до насъ черезъ посредство Катона (въ его Origines), то возможно и даже правдоподобно, что также и замѣтка о пренестинцахъ, а слѣдовательно и самая редакція регилльской повѣсти, принятая Ливіемъ, восходятъ къ тому же Катону. Только Катона при его глубокой освѣдомленности о древнѣйшихъ судьбахъ латинскихъ городовъ, могло не смущать выраженіе XXX populi, совсѣмъ не соотвѣтствовавшее условіямъ того времени, къ которому пріурочивалась регилльская повѣсть, когда Тускулъ стоялъ во главѣ всего только 8 городовъ, изъ которыхъ два—Кора и Помеція—являлись къ тому же уже только номинальными участниками этого союза.

---

[40]) Liv. 2, 19, 2.

[41]) „Вопросы древняго Лаціяʺ (гл. 6), 345.

Помимо общаго различія въ обстановкѣ регилльской повѣсти, также и въ изложеніи самаго хода битвы имѣются нѣкоторыя частныя отступленія, отличающія разсказъ Діонисія отъ редакціи повѣсти у Ливія.

Искусственный характеръ переработки частностей у Діонисія особенно нагляденъ по отношенію къ консулу Т. Виргинію, который вводится сюда только для того, чтобы стать во главѣ одного изъ придуманныхъ трехъ отрядовъ и чтобы надлежащимъ образомъ заполнить мѣсто въ диспозиціи боевого порядка передъ битвой; въ самой же битвѣ Виргиній совершенно исчезаетъ изъ виду.

Въ первой сценѣ единоборства на поединокъ съ диктаторомъ Постуміемъ выходитъ у Діонисія не старикъ Тарквиній, а его сынъ Титъ. Эта несущественная для повѣсти замѣна одного Тарквинія другимъ вызвана хронологическими соображеніями, опредѣлявшими для даннаго времени такую глубокую уже старость царя Тарквинія, которая дѣлала неправдоподобнымъ личное участіе его въ сраженіи. По вычисленію Діонисія, въ 496 году, къ которому онъ относитъ Регилльскую битву, 14 лѣтъ спустя послѣ низверженія Тарквинія [42]), послѣднему было уже 90 лѣтъ [43]). Поэтому Діонисій и считаетъ возможнымъ упрекнуть анналистовъ Геллія и Лицинія [44]), равно какъ и послѣдователей перваго (οἱ περὶ Γέλλιον) въ томъ, что они выводятъ участникомъ битвы такого дряхлаго старца. Конечно, несмотря на точныя ариѳметическія вычисленія, упрекъ Діонисія является только образчикомъ наивныхъ критическихъ пріемовъ тогдашнихъ историковъ, не подозрѣвавшихъ, что самое число лѣтъ царствованія Тарквинія Гордаго скомбинировано произвольно и что также дата сверженія Тарквинія, которую Діонисій опредѣляетъ 509 годомъ (вмѣсто ливіевой даты 510 по эрѣ Варрона), взята слишкомъ высоко: по даннымъ куманской лѣтописи, паденіе Тарквинія произошло только около 495—494 годовъ. Притомъ упрекъ, обращенный Діонисіемъ по адресу Лицинія и Геллія съ послѣдователями [45]), свидѣтельствуетъ, что другіе,

[42]) Dion. 4, 7.

[43]) По другому счету, ему должно было быть даже уже около 110 лѣтъ (Dion. l. c.).

[44]) Dion. 6, 11.

[45]) Кстати сказать, указаніе Діонисія на послѣдователей Геллія звучитъ какъ бы намекомъ на Ливія, также принимающаго здѣсь именно царя Тарквинія. Такъ какъ Геллій старше Лицинія, то слова Діонисія: Λικίννιος καὶ οἱ περὶ Γέλλιον, съ постановкой Геллія на второмъ мѣстѣ, слѣдуетъ, повидимому, понимать въ смыслѣ: „Лициній и *вообще* послѣдователи Геллія“.

болѣе древніе анналисты [46]) называли здѣсь не царя Тарквинія Гордаго, а вообще только Тарквинія, безъ всякаго опредѣленія, какъ это замѣчается еще у Ливія по отношенію къ молодому Тарквинію въ сценѣ единоборства съ М. Валеріемъ. Въ редакціи повѣсти у Ливія встрѣчается только одинъ молодой Тарквиній, и притомъ безыменный. Вслѣдствіе замѣны престарѣлаго царя его сыномъ, въ разсказѣ Діонисія получилось два сына Тарквинія, которыхъ поэтому пришлось обозначить для отличія именами: одинъ названъ Титомъ, другой Секстомъ. Впрочемъ, и по Ливію [47]), за царемъ Тарквиніемъ въ изгнаніе послѣдовали два его сына; однако это число взято, повидимому, именно изъ того варіанта регилльской повѣсти, который данъ у Діонисія. Если же Ливій не поименовалъ тѣхъ двухъ сыновей, которые послѣдовали за отцомъ въ изгнаніе, то это объясняется тѣмъ, что имя Секста оказывалось для него неумѣстнымъ, такъ какъ про этого героя легенды о Лукреціи тутъ же сообщается, что онъ отправился въ свой удѣльный городъ Габіи, гдѣ потомъ погибъ отъ козней своихъ противниковъ.

Болѣе существенна передержка въ третьей сценѣ единоборства. По Ливію, Маркъ Валерій выходитъ здѣсь на поединокъ съ молодымъ безыменнымъ Тарквиніемъ. А этотъ послѣдній оказывается жалкимъ соперникомъ, испугавшимся Валерія и трусливо попятившимся назадъ. Въ свою очередь, Валерій является безразсудно горячимъ человѣкомъ: опрометью бросившись вслѣдъ за отступающимъ трусомъ, онъ врѣзывается въ толпу враговъ и тутъ погибаетъ безславною смертью, не сразившись даже съ своимъ противникомъ. У Діонисія сохранена гибель Валерія, но она обставлена болѣе почетнымъ для него образомъ: вмѣсто трусливаго сына Тарквинія въ противники данъ ему самъ вождь латинъ, Октавій Мамилій, а погибаетъ онъ не въ толпѣ враговъ, а въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Мало того, геройская смерть его сопровождается еще подвигомъ двухъ другихъ Валеріевъ, сыновей Публиколы и племянниковъ убитаго Марка, отважно выручавшихъ тѣло своего дяди и также поплатившихся жизнью за эту свою pietas. Безразсудная смерть Марка Валерія оказывается, такимъ образомъ, у Діонисія замѣненною геройскою смертью цѣлыхъ трехъ Валеріевъ. Въ такой передѣлкѣ этой части повѣсти нетрудно подмѣтить руку Ва-

---

[46]) Правдоподобно, что Геллій пользовался Катономъ, какъ Гелліемъ, въ свою очередь, Лициній Макръ (*Peter*, Hist. Rom. rell. CCXXXXI).

[47]) Liv. 1, 60, 2.

лерія Анціата, вообще не стѣнявшагося измѣнять произвольно традицію ради вящаго прославленія рода Валеріевъ и даже обогащать римскую исторію вымышленными героями Валеріями. Можно поэтому полагать, что свой разсказъ о Регилльской битвѣ со всей ея обстановкой Діонисій заимствовалъ у Валерія Анціата [48]), на котораго, впрочемъ, указываютъ также громадныя цифры убитыхъ и плѣнныхъ латинъ, сообщенныя тѣмъ же Діонисіемъ. Напротивъ, редакція Ливія взята имъ, вѣроятно, изъ Лицинія Макра, который черезъ посредство Геллія получилъ ее отъ Катона [49]).

Вслѣдствіе передѣлки третьей сцены во славу Валеріевъ, безразсудный способъ смерти Марка оказался вакантнымъ. Но онъ не исключенъ изъ повѣсти, а перенесенъ на другое лицо: такимъ именно образомъ погибаетъ у Діонисія Секстъ Тарквиній въ заключительной сценѣ битвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у Діонисія получается какъ бы восполненіе пробѣла версіи Ливія. По Ливію, въ финальной части повѣсти диктаторъ Постумій не имѣетъ никакого противовѣса на сторонѣ латинъ. Введеніемъ въ эту сцену Секста Тарквинія здѣсь получается такая же пара соперниковъ, какая имѣется во всѣхъ предшествующихъ сценахъ. Схема попарнаго сопоставленія героевъ проведена, такимъ образомъ, послѣдовательно до самаго конца, и недочетъ версіи Ливія оказывается исправленнымъ. Однако такое исправленіе врядъ ли можетъ быть признано удачнымъ. Правда, пара вождей налицо, но нѣтъ того, что характеристично для предшествующихъ сценъ, нѣтъ, именно, единоборства. Секстъ Тарквиній вовсе не борется съ Постуміемъ, а съ римскими всадниками, среди которыхъ и погибаетъ по образцу ливіева Валерія. У Ливія Постумію даже и не присваивается роль главнаго героя со стороны римлянъ въ заключительной сценѣ. Эта роль принадлежитъ тамъ всецѣло римскимъ всадникамъ. Постумій ограничивается только увѣщаніемъ, обращеннымъ къ всадникамъ, а затѣмъ, когда они вступаютъ въ дѣло, Постумій совершенно стушевывается. Устраняя такую бездѣятельность римскаго диктатора, Діонисій ставитъ его во главѣ ринувшихся въ бой всадниковъ. Однако это уже прямое искаженіе ситуаціи, такъ какъ, по дополнительному экскурсу самого Діонисія, римскими всадниками въ этой сценѣ предводительствовали діоскуры, которые и являются собственно главными героями заключительной части повѣсти. Возвративъ

48) *Kiessling*, De Dionysi Halicarnassei antiquitatum auctoribus Latinis, 23 сл.
49) См. выше, вын. 46.

діоскурамъ ихъ мѣсто въ повѣсти, мы получаемъ не только надлежащую полноту послѣдней сцены, но и вообще такой финалъ повѣсти, который, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, стоитъ несравненно выше редакціи Діонисія, подгоняющей конечную сцену къ типу предшествующихъ картинъ единоборства вождей.

Поправки, внесенныя въ регилльскую повѣсть Валеріемъ Анціатомъ, версія котораго воспроизведена у Діонисія, вызваны частью критическими соображеніями (устраненіе престарѣлаго Тарквинія), частью стремленіемъ къ уравненію послѣдней сцены съ остальными, частью, наконецъ, просто тенденціозными побужденіями во славу Валеріевъ. Одна черта обща какъ Діонисію, такъ и Ливію,—именно отсутствіе діоскуровъ, устраненныхъ изъ повѣсти подъ вліяніемъ того просвѣщеннаго критицизма временъ Цицерона и Варрона, который путемъ очищенія историческихъ разсказовъ отъ чудеснаго элемента (каково, напр., рожденіе Ромула и Рема отъ Марса) разсчитывалъ установить историческую достовѣрность такихъ разсказовъ. Возстановленіемъ діоскуровъ въ принадлежащемъ имъ мѣстѣ регилльская повѣсть пріобрѣтаетъ недостающую ей въ изложеніи Ливія цѣльность построенія съ подобающимъ финаломъ: хотя вожди сами выходятъ другъ противъ друга на личную борьбу, но все-таки они не въ состояніи рѣшить дѣло своими геройскими подвигами; побѣда склоняется на одну изъ воюющихъ сторонъ только благодаря участію въ этой борьбѣ самихъ боговъ.

III. Діоскуры.

Согласно съ критическимъ недовѣріемъ своего времени къ сверхъестественному элементу въ историческомъ преданіи, Ливій устраняетъ діоскуровъ изъ регилльской повѣсти, поскольку дѣло касается ихъ личнаго присутствія въ битвѣ. Но самая идея помощи со стороны діоскуровъ сохранена, однако лишь въ видѣ незримаго покровительства божества благочестивому человѣку. Диктаторъ же Постумій заручился такимъ благоволеніемъ боговъ тѣмъ, что въ критическій моментъ битвы, когда въ дѣло вступили всадники, далъ благочестивый обѣтъ построить въ Римѣ храмъ въ честь Кастора: nihil nec divinae (=обѣтъ діоскурамъ) nec humanae (=обѣщаніе наградъ воинамъ) opis dictator praetermittens aedem Castoris vovisse fertur [60]). Вотъ все, что осталось у Ливія отъ легенды о діоскурахъ, а Діони-

[60]) Liv. 2, 19. 12.

сій устранилъ совсѣмъ даже такой слабый намекъ на значеніе діоскуровъ для финальной части повѣсти. Только уже послѣ того, какъ онъ довелъ до конца свой разсказъ въ переработанномъ видѣ, онъ даетъ дополнительный экскурсъ съ подробнымъ изложеніемъ легенды о діоскурахъ [51]). Содержаніе этого экскурса состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ рѣшительную минуту, когда вступили въ дѣло всадники Постумія, между ними появились два юные воина, „красотою и ростомъ далеко превосходившіе людей нашего времени“. Они ѣхали впереди (спѣшившихся, по Ливію) всадниковъ, поражая своими копьями попадавшихся имъ навстрѣчу латинъ и наводя на латинское войско паническій ужасъ. А вечеромъ того же самаго дня, когда латины потерпѣли пораженіе, въ Римѣ на форумѣ появились два такіе же юноши въ военныхъ доспѣхахъ, рослые и красивые, по своему внѣшнему виду какъ будто только-что вышедшіе изъ сраженія, ведя за повода своихъ взмыленныхъ коней. Напоивъ лошадей и обмывъ ихъ водой изъ небольшого, но глубокаго водоема подлѣ храма Весты (=lacus Iuturnae), юноши разсказали собравшейся около нихъ толпѣ народа о подробностяхъ битвы и объ одержанной римлянами побѣдѣ. Послѣ этого оба всадника исчезли и не могли быть найдены, несмотря на самые тщательные поиски городского префекта. Когда же на другой день получено было отъ диктатора донесеніе, подтвердившее всѣ показанія таинственныхъ юношей, то стало яснымъ, что это были сами діоскуры. Въ память объ ихъ чудесномъ явленіи построенъ былъ храмъ Кастора и Поллукса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣли въ день Регилльской битвы, а водоемъ, гдѣ они поили и купали лошадей, призпанъ былъ съ тѣхъ поръ священнымъ. Ежегодно въ день квинтильскихъ идъ, считавшихся годовщиной регилльской побѣды, главари всадниковъ (οἱ μέγιστοι ἱππεῖς) [52]) совершали торжественное жертвоприношеніе. Въ тотъ же день equites equo publico, собравшись за городомъ около святилища Марса, одѣтые въ трабеи, съ оливковыми вѣнками на головахъ, въѣзжали верхомъ въ городъ, построившись правильными рядами по трибамъ и центуріямъ [53]), и въ этомъ видѣ проѣзжали мимо храма Кастора.

Легенда о чудесной помощи, оказанной римлянамъ діоскурами въ Ре-

---

[51]) Dion. 6, 13.

[52]) Т. е., вѣроятно, tribuni celerum (см. *Hermes*, 1905, 112).

[53]) Дѣленіе на три трибы (Ramnes Tities Luceres) характерно для sex suffragia, дѣленіе на простыя центуріи—для прочихъ XII centuriae equitum. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, декабрь, („Римскія три трибы“), 576, прим. 1.

гилльской битвѣ, пользовалась большою популярностью [54]). Къ ней пристегивались также разныя бытовыя особенности по обычаю римскихъ археологовъ, любившихъ пріурочивать возникновеніе какого-либо обычая къ тому или другому опредѣленному событію римской древности. Такъ, напримѣръ, родъ Домиціевъ, къ которому принадлежалъ и императоръ Неронъ, носилъ прозваніе Ahenobarbi (отецъ Нерона: Cn. Domitius Ahenobarbus), и вотъ было придумано слѣдующее толкованіе возникновенія этого cognomen [55]). Діоскуры, появившись послѣ Регилльской битвы на римскомъ форумѣ, приказали одному молодому римлянину, присутствовавшему при ихъ разсказѣ о побѣдѣ, сообщить эту новость городскимъ властямъ и при этомъ, въ знакъ ихъ божественной силы, дотронулись до его черной бороды и превратили ее въ красную; съ тѣхъ поръ за потомками этого гражданина осталось навсегда прозвище „Краснобородый". Такого же рода и замѣчаніе Ливія [56]) о томъ, что, одновременно [57]) съ обѣтомъ построить храмъ Кастору, диктаторъ обѣщалъ также награды тѣмъ, кто первый и кто второй ворвется въ лагерь непріятелей. У Плинія [58]) эта награда опредѣлена въ видѣ золотого вѣнка, установленнаго Постуміемъ для воина, первымъ ворвавшагося въ непріятельскій лагерь [59]).

Къ числу такихъ археологическихъ дополненій принадлежитъ и обѣтъ диктатора построить храмъ. У Діонисія не упомянуто объ обѣтѣ ни въ разсказѣ о битвѣ, ни въ дополнительномъ экскурсѣ о діоскурахъ. Въ самой повѣсти сообщалось, судя по Діонисію, только о чудесномъ содѣйствіи діоскуровъ въ битвѣ и о томъ, что въ тотъ же день они появились на римскомъ форумѣ, въ память чего и построенъ былъ храмъ Кастора на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они поили и купали своихъ измученныхъ лошадей. Обѣтъ диктатора придуманъ былъ, повидимому, только дополнительнымъ образомъ въ видѣ раціоналисти-

---

[54]) Cic. n. d. 2, 2, 6; 3, 5, 11 и 13; Tusc. 1, 12, 28. Val. Max. 1, 8. 1, 1. Flor. 1, 5, 4 и 1, 28, 14 сл. Plut. Coriol. 3; Aem. Paul. 25.—Эта легенда приспособлялась и къ другимъ битвамъ, каковы: битва съ кимврами (Flor. 1, 38. 20. Plin. n. h. 7, 86) и битва при Фарсалѣ (Dio, 41, 61).

[55]) Suet. Nero 1. Plut. Paul. 25.

[56]) Liv. 2, 19, 12.

[57]) Выраженіе: nec divinae nec humanae opis соотвѣтствуетъ двойному обѣщанію диктатора, богамъ (храмъ) и людямъ (награды).

[58]) Plin. n. h. 33, 11, 38.

[59]) У Флора (l. c.) имѣются еще другія дополненія этого рода: римскіе всадники пустили своихъ лошадей, бросивъ повода, а диктаторъ кинулъ знамя въ толпу враговъ, заставивъ, такимъ образомъ, своихъ воиновъ выручать знамя.

ческаго пріема, дававшаго возможность устранить изъ повѣсти чудесную черту. Личное присутствіе діоскуровъ въ битвѣ замѣнено было обѣтомъ диктатора по шаблону позднѣйшихъ временъ.

Освященіе храма Кастора, построеннаго по сосѣдству съ lacus Juturnae, относилось къ 484 году [60]). И вотъ замѣчательно, что подъ этимъ же 484 годомъ у Діодора значится война съ тускуланцами [61]), о которой въ прочихъ источникахъ нигдѣ болѣе не упоминается. Въ наличной формѣ регилльской повѣсти латины фактически подмѣняются тускуланцами: битва происходитъ въ тускуланской области, и руководство всѣмъ этимъ предпріятіямъ латинъ, какъ въ подготовительной стадіи (concitante Octavio Mamilio), такъ и во время битвы принадлежитъ тускуланцу Октавію Мамилію. Въ виду послѣдняго обстоятельства, латинская война у Цицерона [62]) прямо называется войной съ тускуланцемъ Октавіемъ Мамиліемъ. А такъ какъ извѣстіе Діодора о войнѣ римлянъ съ тускуланцами въ 484 году стоитъ совершенно особнякомъ, противорѣча всей традиціи о дѣлахъ Лація въ теченіе перваго столѣтія республики со времени Регилльской битвы, то нужно полагать, что какъ у Цицерона, такъ и у Діодора подъ войной съ тускуланцами подразумѣвается именно война, кончившаяся пораженіемъ латинъ, предводительствуемыхъ тускуланцами, при Регилльскомъ озерѣ. Другими словами, въ источникѣ Діодора, которымъ предположительно можно считать анналиста Кассія Гемину, регилльская повѣсть сообщалась еще въ непосредственной связи съ датой дедикаціи храма Кастора. Хронологическое опредѣленіе Регилльской битвы, принятое Ливіемъ (499 годъ) и Діонисіемъ (496 годъ), принадлежитъ, такимъ образомъ, уже позднѣйшимъ анналистамъ: Лицинію Макру (дата Ливія) и Валерію Анціату (дата Діонисія). Причина перенесенія регилльской повѣсти съ 484 года на болѣе раннее время сама собою очевидна. Участвовавшій въ битвѣ Тарквиній принятъ былъ Гелліемъ и его послѣдователями за Тарквинія Гордаго. Но этотъ послѣдній по даннымъ, извлеченнымъ изъ греческихъ источниковъ, умеръ въ Кумахъ въ 495 году [63]); стало быть, онъ не могъ сражаться въ 484 году. Усвоеніе даты смерти Тарквинія повлекло за

[60]) Liv. 2, 42, 5.—Даты постройки римскихъ общественныхъ храмовъ, начиная съ храма Капитолійскаго Юпитера, въ общемъ болѣе или менѣе достовѣрны; основаніемъ для опредѣленія этихъ датъ служила капитолійская эра.

[61]) Diod. 11, 40.

[62]) Cic. Att. 9, 10; n. d. 2, 2.

[63]) Liv. 2, 21. 5.

собою и перемѣщеніе Регилльской битвы ко времени до 495 года, какъ года смерти Тарквинія. А дата эта сдѣлалась извѣстной не ранѣе временъ Цицерона, такъ какъ еще Варронъ принималъ версію о смерти Тарквинія въ Тускулѣ [64]). Первоначальная же попытка хронологическаго опредѣленія регилльской повѣсти естественно примыкала къ датѣ освященія храма Кастора, въ прямой зависимости отъ указанія самой повѣсти на сооруженіе этого храма въ память чудеснаго появленія діоскуровъ на римскомъ форумѣ.

По Ливію, обѣщанный диктаторомъ Постуміемъ храмъ Кастора освященъ сыномъ диктатора 15-го іюля 484 года [65]). Что касается, прежде всего, этого сына диктатора, то и онъ, конечно, появился тутъ только вслѣдствіе разобщенія Регилльской битвы съ датой освященія храма. Пока регилльская повѣсть значилась подъ 484 годомъ, не было никакой необходимости въ устраненіи диктатора отъ акта дедикаціи. Опредѣленіе же дня освященія дано было храмовымъ праздникомъ. Въ этотъ именно день, 15-го іюля [66]), совершалось жертвоприношеніе главарями всадниковъ (tribuni celerum) и происходилъ всадническій парадъ (transvectio equitum), установленный, однако, только въ 304 году цензорами Фабіемъ и Деціемъ [67]). Но, рядомъ съ этимъ, существовала еще другая дата для храма Кастора: въ календаряхъ освященіе храма Кастора значилось подъ 27-мъ января [68]). Изъ этихъ двухъ датъ, 15-го іюля и 27-го января, первая считается обыкновенно болѣе древнею, основною, въ качествѣ дня освященія храма, построеннаго Постуміемъ; напротивъ, 27-ое января принимается, какъ дата новаго освященія храма послѣ перестройки, предпринятой Тиберіемъ и Друзомъ въ 6 году по Р. Хр. [69]). Однако, въ пользу преимущества даты 27-го января, помимо ея присутствія въ календарѣ Нумы, можно указать и на то, что также въ Остіи праздникъ діоскуровъ былъ пріуроченъ къ 27-му января. Поэтому Виссова [70]) находитъ болѣе правильнымъ признать именно 27-ое января подлиннымъ днемъ освященія храма Кастора, построеннаго въ 484 году;

---

[64]) „Вопросы древняго Лацiя". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905, іюль, 335, вып. 27.

[65]) Liv. 2, 42, 5.

[66]) Dion. 6, 13: ἐν μηνὶ Κοιντιλίῳ ταῖς καλουμέναις εἰδοῖς.

[67]) Liv. 9, 46, 15: ab eodem (Fabio Maximo) institutum dicitur, ut equites idibus Quintilibus transveherentur.

[68]) Ov. fast. 1, 705 сл. CIL. I², p. 308.

[69]) Ср. *Peter* ad fast. l. c. *Aust*, de aedibus sacris, 43.

[70]) *Wissowa*. Religion und Kultus der Römer, 217.

относительно же указанія Ливія на 15-ое іюля Виссова полагаетъ, что тутъ Ливій ошибся, принявъ за дату освященія храма предполагаемую дату Регилльской битвы. Однако такое толкованіе значенія 15-го іюля врядъ ли удачно. Жертвоприношеніе, совершавшееся въ этотъ день главарями всадниковъ, свидѣтельствуетъ о религіозномъ характерѣ іюльскихъ идъ. А если выраженіемъ Діонисія: οἱ μέγιστοι ἱππεῖς обозначены, что очень правдоподобно, старинные tribuni celerum, не имѣвшіе въ послѣднія столѣтія республики никакого практическаго значенія, то ихъ жертвоприношеніе въ день іюльскихъ идъ является пережиткомъ весьма глубокой древности [71]). Ко дню жертвоприношенія старинныхъ celeres пріурочено было потомъ и установленное въ 304 году празднество всадниковъ. Такимъ образомъ, можно полагать, что календарная дата 27-го января и есть дѣйствительная дата освященія храма Кастора, въ то время какъ 15-го іюля представляетъ собою дату жертвоприношенія целеровъ, существовавшаго еще раньше постройки храма Кастора, а потому и не имѣвшаго никакого отношенія къ діоскурамъ. Такое отношеніе получилось только въ связи съ установленіемъ въ 304 году ежегодной transvectio equitum [72]). Если же Ливій признаетъ 15-ое іюля датой освященія храма Кастора, то это можетъ быть такое же археологическое заключеніе, какъ и утвержденіе Діонисія, что этотъ день считался годовщиной Регилльской битвы.

Впрочемъ новѣйшія данныя изъ раскопокъ на римскомъ форумѣ даютъ возможность и для иного толкованія даты 15-го іюля, согласно съ показаніемъ Ливія. При этихъ раскопкахъ по сосѣдству съ храмомъ Кастора открыто было еще и другое мѣсто съ остатками культа діоскуровъ, а именно надъ самимъ lacus Iuturnae, водой котораго діоскуры поили и омывали своихъ лошадей послѣ Регилльской битвы [73]). Въ бассейнѣ этого водоема найдены были обломки мраморной группы діоскуровъ съ лошадьми, производящіе впечатлѣніе греческой работы

---

[71]) О богослужебныхъ функціяхъ трибуновъ целеровъ см. Dion. 2, 64: τοῖς ἡγεμόσι τῶν κελερίων, καὶ γὰρ οὗτοι τεταγμένας τινὰς ἱερουργίας ἐπετέλουν.

[72]) Царскіе celeres не находятся ни въ какой генетической связи съ республиканскими equites. Присутствіе трибуновъ целеровъ совмѣстно съ понтификами при пляскѣ саліевъ на комиціи (19-го марта) показываетъ, что tribuni celeres являются пережиткомъ того же періода римскаго быта, какъ и сами саліи, въ качествѣ военныхъ жрецовъ.

[73]) Val. Max. 1, 8, 1, 1: ad lacum Iuturnae suum equorumque sudorem abluere visi sunt. Flor. 1, 28, 14.

изъ первой половины V столѣтія[74]), т. е. какъ разъ изъ того времени, къ которому относится постройка храма Кастора[75]). Поэтому правдоподобно, что въ 484 году сооружено было лишь небольшое святилище діоскуровъ надъ самымъ lacus Iuturnae, вмѣщавшее въ себѣ найденную нынѣ группу діоскуровъ, и что большой храмъ Кастора, находившійся нѣсколько поодаль, на пространствѣ, отдѣленномъ отъ lacus Iuturnae довольно широкимъ проходомъ, воздвигнутъ былъ только впослѣдствіи, быть можетъ, даже въ прямой связи съ установленіемъ ежегодной transvectio equitum[76]). Въ такомъ случаѣ показанная Ливіемъ дата освѣщенія храма Кастора, 15-ое іюля, могла бы относиться къ этому позднѣйшему большому храму, въ то время какъ календарная дата 27-го января касалась бы первоначальнаго святилища, сооруженнаго въ 484 году и продолжавшаго существовать и впослѣдствіи, какъ доказываютъ уцѣлѣвшіе остатки мраморной группы діоскуровъ.

Въ регилльской повѣсти діоскуры являются въ роли покровителей всадниковъ, и это представленіе присуще и большому храму Кастора въ связи съ праздникомъ іюльскихъ идъ. Греки издавна смотрѣли на діоскуровъ, преимущественно какъ на представителей искусства верховой ѣзды[77]). Иногда, правда, дѣлалось различіе между обоими братьями тѣмъ, что Кастору спеціально присвоивалась верховая ѣзда, въ то время какъ Поллуксъ представлялся кулачнымъ бойцомъ[78]). Однако такое различіе, притомъ даже не совсѣмъ устойчивое (встрѣчается также обмѣнъ ролями), свойственно было только собственной Греціи, да и то не повсемѣстно. Напротивъ, въ Сициліи и въ южной Италіи господствовало представленіе о діоскурахъ, какъ о парѣ бо-

---

74) *Neue Jahrb. f. Klass. Alt.* 1902, 379. пр. 1.

75) Найденные обломки мраморной группы не однородны: кромѣ архаическихъ частей есть и позднѣйшія дополненія,--другой работы и изъ другого мрамора. Изъ этого заключаютъ, что группа подверглась когда-нибудь насильственному поврежденію, вызвавшему необходимость въ основательномъ обновленіи. Такое поврежденіе группы и могло произойти во время галльскаго погрома.

76) Въ римскомъ храмѣ Кастора выставлена была мѣдная доска съ надписью о правахъ кампанскихъ всадниковъ, полученныхъ ими въ 340 году („Начало міровой политики римской республики", 392 сл.). Въ постановкѣ такой надписи не было необходимости, конечно, сейчасъ же въ 340 году и въ ближайшіе года, пока Капуя была еще достаточно могущественна; она получаетъ свой смыслъ только съ конца этого столѣтія, когда измѣнились обстоятельства.

77) *Roscher*, Myth. Lex. I, 1154 сл.

78) Hor. c. 1, 12, 26: hunc equis, illum superare pugnis nobilem

жественныхъ всадниковъ [79]). Скачущими верхомъ на коняхъ діоскуры изображались на монетахъ Сиракузъ, Тиндариды, Тарента. Также на произведеніяхъ тарентской керамики діоскуры часто появляются съ всадническими аттрибутами. Діоскуры-всадники имѣются и на монетахъ бруттіевъ, а также на монетахъ луканскаго Песта и кампанской Нуцеріи. Въ частности, на бруттійскихъ монетахъ діоскуры-всадники изображены со звѣздой надъ головой каждаго; таково также изображеніе діоскуровъ на монетахъ латинской колоніи Венузіи. Эта черта указываетъ на отношеніе обоихъ божественныхъ всадниковъ къ мореплаванію [80]). По образцу серебряной монеты бруттіевъ также римскіе денаріи даютъ діоскуровъ-всадниковъ въ матросскихъ шапкахъ [81]). Сочетаніе образа божественныхъ всадниковъ съ водяной стихіей характеристично для южной Италіи.

Въ городахъ Великой Греціи культъ діоскуровъ пользовался большой популярностью. Въ концѣ VI столѣтія эпизефирійскіе локры, тѣснимые кротоніатами, отправили пословъ въ Спарту, бывшую однимъ изъ главныхъ мѣстъ культа діоскуровъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать этихъ боговъ на помощь, и діоскуры исполняли ихъ просьбу. Когда дѣло дошло до сраженія между локрами и кротоніатами на рѣкѣ Сагрѣ, то діоскуры, верхомъ на бѣлыхъ коняхъ и въ красныхъ плащахъ, лично приняли участіе въ битвѣ и своимъ вмѣшательствомъ склонили побѣду на сторону покровительствуемыхъ ими локровъ [82]). Поскольку дѣло касается участія діоскуровъ въ битвѣ, локрійская легенда является несомнѣннымъ прототипомъ регилльской повѣсти [83]). хотя и съ нѣкоторыми отступленіями въ частностяхъ [84]). Заимствованіе же римлянами локрійской легенды нельзя считать абсолютно невозможнымъ въ вѣкъ борьбы послѣдняго Тарквинія съ куманскимъ тиранномъ Аристодемомъ, т. е. во времена, близкія къ построенію храма, освященнаго въ 484 году. Однако болѣе правдоподобно, что это случилось только послѣ того, какъ римляне, благодаря завоеванію Кампаніи, вошли въ близкія сношенія съ греками южной Италіи. т. е.

---

[79]) *Hermes*, 1905. 101 сл. (статья *Helbig*'а).

[80]) Ср. Hor. c. 1, 3, 2: sic fratres Helenae, lucida sidera; 1. 12, 27: quorum simul alba nautis stella refulsit.

[81]) *Филол. Обозр.* V, 1, 24.

[82]) Iustin. 22, 2, 10 сл. Diod. 8. 32. Strabo, 5, 261 сл.

[83]) *Mommsen*, R. G. I[6], 437 сл. *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, 216, прим. 7.

[84]) *Neue Jahrb.* 1. c. 372.

не ранѣе второй половины IV столѣтія. Внесеніе діоскуровъ въ регилльскую повѣсть обусловлено заимствованнымъ изъ той же Великой Греціи представленіемъ о діоскурахъ, какъ о покровителяхъ всадниковъ, а это, въ свою очередь, находится въ очевидной связи съ преобразованіемъ римской конницы, вызвавшимъ установленіе въ 304 г. ежегодно transvectio equitum и также заимствованнымъ отъ южно-италійскихъ грековъ.

За послѣднее время въ области древностей сдѣлано одно мелкое открытіе, имѣющее, однако, весьма существенное значеніе для исторіи римскихъ всадниковъ вообще и, въ частности, для ихъ роли въ конституціи Сервія Туллія. Дѣло въ томъ, что на центуріи всадниковъ, установленныя Сервіемъ Тулліемъ, принято было смотрѣть, какъ на обыкновенную конницу въ смыслѣ отряда, сражающагося верхомъ. Между тѣмъ обнаружилось, что и греческіе всадники, по роду своего боевого назначенія, первоначально были такіе же пѣшіе фалангиты, какъ и всѣ гоплиты первыхъ имущественныхъ классовъ, отличаясь отъ остальныхъ гоплитовъ тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находились лошади, но не для участія въ битвѣ, а только для облегченія передвиженія, особенно во время преслѣдованія непріятеля. Преобразованіе конныхъ гоплитовъ въ настоящую конницу, участвующую верхомъ въ самомъ сраженіи, начало исподволь распространяться только въ V столѣтіи: въ Аѳинахъ оно осуществилось между 477—472 годами, а въ Спартѣ лишь въ 424 году. Въ Великую Грецію это нововведеніе проникло, повидимому, еще позднѣе. Установленіе въ 304 году ежегодной transvectio equitum является признакомъ того, что римляне освоились съ новымъ назначеніемъ конницы только около этого времени. Въ 340 году, когда они еще только начали водворять свою власть въ Кампаніи, понятіе объ equites было еще равносильно понятію о высшемъ имущественномъ классѣ, какъ видно изъ присвоенія названія equites кампанскимъ аристократамъ-землевладѣльцамъ [85]), Въ регилльской повѣсти римскіе всадники оказываются еще всецѣло на положеніи прежнихъ конныхъ гоплитовъ: въ сраженіе они вступаютъ въ пѣшемъ строю, и только тогда, когда латины подались назадъ, они вскакиваютъ на лошадей для преслѣдованія непріятеля. Но съ этимъ пережиткомъ старины соединено уже упоминаніе о всадническомъ храмѣ въ Римѣ и представленіе о діоскурахъ, какъ о покровителяхъ всадниковъ, причемъ повѣствователь, повидимому, пред-

---

[85]) См. „Начало міровой политики римской республики", гл. 4.

ставлялъ себѣ діоскуровъ сражающимися верхомъ на коняхъ съ самаго же начала появленія ихъ во главѣ сражающихся римскихъ всадниковъ, изображая ихъ, такимъ образомъ, уже въ положеніи преобразованной конницы. Эта черта и указываетъ на внесеніе діоскуровъ въ регилльскую повѣсть не ранѣе конца IV столѣтія.

Найденные въ lacus Iuturnae остатки мраморной группы діоскуровъ доказываютъ, что съ самаго начала введенія въ Римѣ культа діоскуровъ они представлялись въ образѣ всадниковъ. Однако то обстоятельство, что для ихъ святилища избрано было тѣсное мѣсто надъ краемъ водоема, позволяетъ догадываться, что мотивомъ для введенія этого культа служилъ не ихъ всадническій образъ, а, напротивъ, ихъ отношеніе къ водяной стихіи. Выше уже была отмѣчена связь діоскуровъ съ мореплаваніемъ. Много матеріала, доказывающаго отношеніе этихъ божественныхъ всадниковъ къ водѣ вообще, собрано Петерсеномъ [86]). Въ дополненіе къ этому Дейбнеръ [87]) отмѣтилъ разныя данныя, могущія имѣть спеціальное примѣненіе къ lacus Iuturnae. Этому озеру приписывалась цѣлебная сила [88]). Открытыя по сосѣдству съ lacus Iuturnae постройки съ группой маленькихъ комнатъ представляли собою, по толкованію Дейбнера, нѣчто въ родѣ лечебнаго заведенія, въ которомъ ютились пользовавшіеся водой озера. На возможность такого толкованія указываютъ найденныя здѣсь же статуи боговъ-цѣлителей—Аполлона и Эскулапа. Такой же богиней-цѣлительницей является и сама богиня Ютурна, какъ можно судить по этимологіи ея имени отъ слова iuvare [89]). По мысли Дейбнера, также и діоскуры появились на берегу этого озера въ качествѣ боговъ, имѣвшихъ отношеніе къ водяной стихіи, а въ данномъ случаѣ, въ частности, къ цѣлебной силѣ воды въ озерѣ Ютурны. Божба mecastor и ecastor, употреблявшаяся по преимуществу женщинами [90]),

[86]) *Röm. Mitth.* XV (1900), 344 сл.

[87]) *Neue Jahrb. f. Klass. Alt.* 1902, 303 сл.

[88]) Varro, l. l. 5. 71: Iuturna, quod laborantes iuvare consuevit. Serv. Aen. 12, 139.

[89]) Чтеніе Diuturna (Cic. Clu. 101. Flor. 1, 28, 24) критически ненадежно, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ предшествуетъ слово, оканчивающееся на d: ad, apud (диттографія). Форма же Iuturna засвидѣтельствована найденною на мѣстѣ надписью: Iuturnai sacrum (CIL. VI 3700).

[90]) Gell. 11, 6.—Противовѣсомъ является божба мужчинъ edepol или pol, въ которой, по аналогіи съ ecastor, можно усматривать имя второго діоскура Pollux. Въ такомъ случаѣ, мужское edepol могло возникнуть въ видѣ шутливаго передразни-

была бы совершенно непонятна, если бы діоскуры представлялись римлянамъ исключительно только, какъ патроны верховой ѣзды и какъ покровители всадниковъ. Напротивъ, женская божба именемъ Кастора легко объяснима, если озеро Ютурны имѣло значеніе общенароднаго лечебнаго мѣста, цѣлебной водой котораго пользовались особенно женщины. Мраморная группа, остатки которой найдены на днѣ бывшаго озера Ютурны, доказываетъ, что діоскуры съ самаго же начала введены были въ Римѣ въ образѣ всадниковъ. Если же на первыхъ порахъ выдвигалось, въ частности, ихъ отношеніе къ водѣ, которымъ и былъ обусловленъ выборъ мѣста для ихъ первоначальнаго святилища на берегу озера Ютурны, то другая сторона ихъ функцій, заключающаяся въ ихъ всадническомъ образѣ, могла получить преимущественное значеніе только впослѣдствіи, чему и соотвѣтствуетъ постройка новаго всадническаго храма Кастора на форумѣ при сохраненіи стараго святилища на лечебномъ озерѣ.

Преобразованіе римской конницы, совершившееся въ концѣ IV столѣтія по греческимъ образцамъ, естественно могло сопровождаться и усвоеніемъ воззрѣнія на діоскуровъ, какъ спеціальныхъ покровителей всадниковъ, вслѣдствіе того близкаго общенія съ греками южной Италіи, которое установилось со времени занятія Кампаніи. Напротивъ, самое введеніе культа діоскуровъ, выразившееся въ 484 году въ постройкѣ ихъ святилища на берегу озера Ютурны, не могло явиться результатомъ непосредственнаго подражанія грекамъ. Вслѣдствіе нашествія вольсковъ на южный Лацій и перехода въ ихъ руки Помеціи, Коры и Анція, римляне, наравнѣ съ прочими городами сѣверной части Лація, оказывались совершенно отрѣзанными отъ Кампаніи и, слѣдовательно, и отъ непосредственныхъ сношеній съ греками южной Италіи [91]). Въ городахъ же, находившихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Римомъ, культъ діоскуровъ встрѣчается лишь спорадически: кромѣ Тускула онъ засвидѣтельствованъ только въ Корѣ, Ардеѣ и Остіи. Однако Кора въ это время находилась въ рукахъ вольсковъ и подъ ихъ владычествомъ потеряла, подобно Помеціи, всякое значеніе; обновленіе этого города послѣдовало только послѣ латинской войны 338 года [92]).

ванія женскаго ecastor, причемъ возможно, что основное восклицаніе pol составляло только случайное созвучіе съ именемъ Поллукса.

[91]) Сношенія съ греческимъ міромъ и ввозъ въ Римъ произведеній греческой промышленности направлялись въ то время черезъ этрусскій городъ Цэре, а главными посредниками въ этихъ сношеніяхъ были массилійцы.

[92]) „Начало міровой политики", 478.

А въ Остію культъ діоскуровъ перешелъ изъ Рима, какъ видно изъ тожества тамошняго праздника съ римской датой (27 января), а также изъ участія въ остійскомъ праздникѣ діоскуровъ римскаго магистрата; притомъ спеціальнымъ божествомъ Остіи былъ Вулканъ [93]).

Подобнымъ образомъ въ Ардеѣ наиболѣе видное мѣсто принадлежало культу Венеры [94]). Напротивъ, въ Тускулѣ первенствующее значеніе, подобное значенію культа капитолійскаго Юпитера въ Римѣ, принадлежало культу діоскуровъ. Этотъ культъ считался даже прямо отличительной чертой Тускула [95]). На монетахъ римскихъ магистратовъ, происходившихъ изъ Тускула, изображались діоскуры какъ спеціальныя божества ихъ родного города [96]).

На тускуланскихъ надписяхъ засвидѣтельствована коллегія храмовыхъ служителей Кастора и Поллукса (aeditui) съ магистромъ во главѣ, крупное значеніе которой видно изъ факта передачи въ ея вѣдѣніе также и мѣстнаго императорскаго культа [97]). Поэтому римскій культъ діоскуровъ могъ быть заимствованъ только изъ Тускула [98]), гдѣ въ свою очередь онъ долженъ былъ водвориться еще въ періодъ этрусскаго владычества, оставившаго свой слѣдъ и въ самомъ названіи этого города.

Культъ діоскуровъ введенъ былъ въ Римъ въ 484 году. А незадолго передъ тѣмъ, въ 493 году, заключенъ былъ, по договору Кассія, союзъ римлянъ съ латинами, подъ которыми необходимо разумѣть тѣ шесть латинскихъ городовъ, которые уцѣлѣли отъ нашествія вольсковъ [99]). Во главѣ этихъ городовъ, составлявшихъ арицинскую федерацію, стояли тускуланцы, съ которыми римляне въ теченіе всего перваго столѣтія республики находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ [100]). Даже еще въ 381 году, когда, по Ливію [101]), между римлянами и тускуланцами возникло несогласіе, дѣло кончилось предоставленіемъ Тускулу полныхъ правъ римскаго гражданства [102]), оформленныхъ,

93) CIL. XIV, p. 4.
94) „Вопросы древняго Лація,“ 404.
95) Cic. div. 1, 43, 98. Fest. p. 343.
96) См. примѣчаніе къ CIL. XIV 2603.
97) CIL. XIV, p. 254.
98) *Wissowa*, Religion und Kulus der Römer, 213.
99) „Вопросы древняго Лація“, гл. 6.
100) Цитаты собраны въ CIL. XIV, p. 253.—О Diod. 11, 10 см. выше.
101) Liv. 6, 25 сл.
102) Liv. 6, 26, 8: nec ita multo post civitatem impetrarunt. Dio fr. 28. Dion. 14, 9: πάντων μεταδόντες, ὧν τοῖς Ῥωμαίοις μετῆν.

вѣроятно, въ видѣ взаимнаго обмѣна гражданскими правами [103]). Все это заставляетъ думать, что въ 484 году культъ діоскуровъ былъ усвоенъ римлянами именно потому, что это были боги дружественныхъ Риму тускуланцевъ. Принятіе діоскуровъ въ число римскихъ боговъ являлось весьма крупнымъ актомъ вниманія къ тускуланцамъ, дружба съ которыми, въ виду ихъ первенствующаго положенія въ арицинской федераціи латинъ, имѣла въ то время очень существенное значеніе для Рима, угрожаемаго съ одной стороны Веями, а съ другой—вольсками. Введеніе культа діоскуровъ обусловливалось политическими соображеніями.

Во всякомъ случаѣ, въ 484 году должны были существовать исключительно благопріятныя условія для принятія діоскуровъ въ число римскихъ боговъ, какъ видно изъ того, что они всецѣло были сравнены съ богами патриціанской религіи путемъ сооруженія ихъ святилища въ чертѣ священнаго помэрія, вслѣдствіе чего діоскуры никогда также не появляются въ числѣ тѣхъ чужихъ (греческихъ) боговъ, культъ которыхъ (съ лектистерніями) находился въ вѣдѣніи коллегіи толкователей сивиллиныхъ книгъ. Вплоть до Второй пунической войны это единственный примѣръ такого отношенія къ чужимъ богамъ [104]); даже храмы Сатурна, Меркурія и Цереры, освященные въ 497, 495 и 493 годахъ, должны были довольствоваться мѣстомъ за чертой помэрія подъ Капитоліемъ и на склонѣ Авентина [105]). Причину такого удивительнаго преимущества, оказаннаго діоскурамъ, Виссова находитъ въ томъ, что это были боги латинскаго города и, слѣдовательно, какъ бы и свои собственные, такъ какъ римляне принадлежали къ тому же латинскому племени. Однако, напримѣръ, культъ арицинской Діаны оказывался латинскимъ культомъ даже и по своему происхожденію, и, тѣмъ не

---

[103]) Мнѣніе, что въ 381 году тускуланцы получили только civitas sine suffragio, основано на преувеличенномъ, по примѣру Ливія, представленіи о тогдашнемъ могуществѣ римской республики.

[104]) Правда, имѣется еще другой примѣръ этого рода по отношенію къ ara maxima, посвященной Геркулесу. Однако въ этомъ случаѣ дѣло касается только переименованія на греческій ладъ туземнаго dius Fidius.

[105]) *Виссова* (стр. 243) напрасно довѣряетъ сообщенію Діонисія (6, 17 и 94), что, подобно храму Кастора, также и храмъ Цереры обѣщанъ былъ диктаторомъ Постуміемъ въ Региллькой битвѣ. Скорѣе заслуживаетъ довѣрія извѣстіе того же Діонисія (6, 94), что храмъ Цереры освященъ былъ Кассіемъ. Въ такомъ случаѣ дата освященія этого храма (493), связаннаго съ именемъ Кассія, могла послужить основаніемъ для пріуроченія къ этому именно году его консульства и заключенія имъ союза съ латинами

менѣе, храмъ Діаны вынесенъ былъ за черту помэрія, на Авентинъ. Діоскурамъ оказано было чрезвычайное преимущество не потому, что это—латинскіе боги, а потому, что это были главные боги тускуланцевъ, дружба которыхъ имѣла для римлянъ въ то время чрезвычайно важное значеніе. Отношеніемъ діоскуровъ къ водяной стихіи опредѣлялся въ частности только выборъ мѣста при lacus Iuturnae [106]).

При такихъ обстоятельствахъ весьма знаменательно, что въ регилльской повѣсти главными врагами римлянъ со стороны латинъ являются тускуланцы, въ то время какъ тускуланскіе боги стоятъ на сторонѣ римлянъ, сражаясь противъ гражданъ собственнаго своего города. Благодаря этому, повѣсть получаетъ такую враждебную тускуланцамъ окраску, какая абсолютно не годится ни для V столѣтія, ни даже для начала IV. Въ данномъ видѣ, съ своей тенденціей, явно направленной противъ тускуланцевъ, регилльская повѣсть могла быть обработана не ранѣе второй половины IV столѣтія, когда римская республика стала уже великой державой, настолько сильной, что римляне могли смотрѣть свысока на бывшихъ своихъ друзей, успѣвшихъ превратиться къ этому времени въ самыхъ заурядныхъ муниципаловъ. Въ 328 году, по поводу какого-то недоразумѣнія въ комиціяхъ [107]), возникла жестокая вражда между tribus Pollia и tribus Papiria, изъ которыхъ послѣдняя состояла, главнымъ образомъ, изъ тускуланцевъ [108]). Діоскуры оказываются ярыми противниками тускуланцевъ, потому что самъ авторъ наличной редакціи регилльской повѣсти питалъ такія враждебныя чувства къ Тускулу. Его и можно искать поэтому въ составѣ трибы Pollia послѣ 328 года.

Всѣ признаки говорятъ въ пользу того, что регилльская повѣсть получила данную форму не ранѣе конца IV столѣтія.

---

[106]) *Helbig* (Die Castores als Schutzgötter des römischen Equitatus. *Hermes*, 1905, 101 сл.) соединяетъ заимствованіе культа діоскуровъ изъ Тускула съ заимствованіемъ оттуда же греческой организаціи римскихъ equites, а все это онъ относитъ еще къ VII и даже къ VIII столѣтію до Р. Хр. Объ организаціи тускуланскихъ всадниковъ намъ ничего неизвѣстно. Но если она была такою же, какъ у римлянъ, то послѣднимъ не зачѣмъ было тутъ подражать спеціально тускуланцамъ, такъ какъ образцы общественнаго быта шли тогда изъ Этруріи.

[107]) Тускуланцевъ обвиняли въ томъ, что они сочувствуютъ враждебнымъ Риму Велитрамъ и Привернy.

[108]) Liv. 8, 37, 12. Val. Max. 9, 10, 1: Papiria tribus, in qua plurimum Tusculani in civitatem recepti potuerunt. neminem umquam candidatum Polliae tribus fecit magistratum.

IV. Основной смыслъ регилльской повѣсти.

При всемъ томъ въ повѣсти остались нѣкоторые слѣды, свидѣтельствующіе о томъ, что редакція ея, составленная въ концѣ IV столѣтія, является лишь переработкой другой, болѣе древней, формы сказанія о регилльскомъ пораженіи латинъ.

Особенно характернымъ пережиткомъ глубокой старины является обозначеніе латинъ, сражавшихся при Регилльскомъ озерѣ, посредствомъ термина triginta populi. Во всей римской исторіи это названіе встрѣчается только одинъ разъ, въ повѣствованіи о Регилльской битвѣ. У Ливія сказано: triginta iam coniurasse populos concitante Octavio Mamilio satis constabat [109]), а Діонисій представилъ даже полный списокъ тѣхъ 30 городовъ, которые будто бы тогда coniuraverunt (ὅρκους ἔδοσαν ἀλλήλοις) [110]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Діонисій сознательно отожествляетъ эти XXX populi съ латинами арицинской федераціи, вставляя двукратное упоминаніе о ихъ собраніяхъ въ Ферентинской рощѣ [111]). Такое воззрѣніе находится въ полномъ согласіи съ наличнымъ текстомъ регилльской повѣсти, по которому во главѣ возмутившихся латинъ стоятъ тускуланцы. Однако, вмѣстѣ съ діоскурами, также и тускуланцы внесены въ повѣсть редакторомъ, жившимъ уже въ періодъ непосредственныхъ сношеній римлянъ съ южно-италійскими греками, но еще въ такое время, когда былое главенство Тускула въ арицинскомъ союзѣ латинъ не успѣло изгладиться изъ народной памяти. Во второй половинѣ IV столѣтія арицинская федерація принадлежала уже прошлому. А если въ это время и могла еще сохраняться память о бывшей роли тускуланцевъ въ латинскомъ союзѣ, продержавшейся въ полной силѣ до начала того же IV столѣтія, то точное число участниковъ былой арицинской федераціи было, конечно, скоро забыто, послѣ того какъ изъ реальнаго факта она превратилась въ преданіе старины. Анахронизмъ, заключающійся въ терминѣ XXX populi, свидѣтельствуетъ о томъ, что регилльская повѣсть въ первоначальной формѣ касалась другой группы латинъ, а не тѣхъ 6 латинскихъ городовъ, которые въ теченіе V столѣтія и еще въ началѣ IV составляли арицинскій союзъ подъ главенствомъ Тускула.

Помимо регилльской повѣсти память о былыхъ XXX populi сохра-

---

109) Liv. 2, 18, 3.

110) Dion. 5, 61. См. „Вопросы древняго Лація“, гл. 6, 368.

111) Dion. 5, 50 и 61: εἰς Φερεντῖνον, ἐν Φερεντίνῳ.

нилась еще только въ церемоніалѣ латинскаго праздника, ежегодно справляемаго римлянами на Албанской горѣ. Въ вѣкъ Діонисія числилось всего 47 участниковъ этого празднества [112]). Это количество получилось путемъ дополнительнаго присоединенія 17 историческихъ участниковъ къ основному списку, состоявшему всего изъ 30 албанскихъ populi. Значительная часть сообщенныхъ Плиніемъ названій этихъ XXX populi, не поддается географическому опредѣленію. Но видно, что область основныхъ албанскихъ populi простиралась по обоимъ берегамъ Аніена, охватывая на югѣ всю мѣстность вокругъ Албанской горы внизъ до Коріолъ, а на сѣверѣ всю стрѣлку между Аніеномъ и Тибромъ [113]). Выясненные нами предѣлы территоріи албанскихъ XXX populi представляютъ возможность подойти и къ вопросу о топографическомъ опредѣленіи загадочнаго Регилльскаго озера.

По Ливію, Регилльская битва происходила въ тускуланской области [114]). Въ вѣкъ Ливія Регилльское озеро, повидимому, уже не существовало, вслѣдствіе чего Ливій и могъ пріурочить его къ тускуланской области, согласно той роли, которую тускуланцы играютъ въ наличной редакціи повѣсти. Однако такому пріуроченію противорѣчатъ нѣкоторыя другія данныя. Подъ 460 годомъ Ливій сообщаетъ о томъ, что, вслѣдъ за подавленіемъ возстанія сабинянина Аппія Гердонія, консулы готовились созвать центуріатскія комиціи за чертой трибунскихъ полномочій и что для этой цѣли было ими избрано мѣсто ad lacum Regillum [115]). Изъ этого слѣдуетъ, что Регилльское озеро необходимо искать in agro Romano (а вовсе не in agro peregrino, какимъ былъ ager Tusculanus). А ager Romanus въ то время обнималъ собою только территорію древнѣйшихъ 17 сельскихъ трибъ [116]). Далѣе, родъ Клавдіевъ считалъ своей родиной сабинскую мѣстность, называвшуюся Региллами [117]) или Инрегилломъ [118]), вслѣдствіе чего Клав-

[112]) Dion. 4, 49.

[113]) „Вопросы древняго Лація", 367.

[114]) Liv. 2, 10, 3: ad lacum Regillum in agro Tusculano. Діонисій не опредѣляетъ мѣста Регилльскаго озера, но, повидимому, предполагаетъ его тамъ же.

[115]) Liv. 3, 20, 4: crastina die armati ad lacum Regillum adsitis; § 6: augures iussos adesse ad Regillum lacum locumque inaugurari, ubi auspicato cum populo agi posset.

[116]) См. „Основная территорія римской общины". *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1902, іюнь.

[117]) Suet. Tib. 1: patricia gens Claudia orta est ex Regillis, oppido Sabinorum,

[118]) Liv. 2, 16, 4: Appius Claudius Inregillo Romam transfugit.

діи пользовались прозваніемъ Regillenses или Inregillenses [119]). А эту мѣстность приходится предполагать, конечно, въ предѣлахъ tribus Claudia, т. е. въ той части стараго ager Romanus, которая лежала за Аніеномъ [120]), образуя стрѣлку между этой рѣкой и Тибромъ. Отсюда явствуетъ, что полумиоическое Регилльское озеро принадлежало не только вообще къ ager Romanus, но и, въ частности, къ территоріи ближайшей къ Риму зааніенской трибы. Перемѣщеніе озера въ тускуланскую область получилось лишь примѣнительно къ „тускуланской“ редакціи регилльской повѣсти. Первоначально тускуланцы здѣсь не причемъ.

Въ первоначальной формѣ повѣсти о регилльскомъ пораженіи латинъ не могло быть тускуланцевъ [121]) уже потому, что въ періодъ организаціи албанскихъ XXX populi, память о которыхъ навсегда сохранилась ad sacra въ латинскомъ праздникѣ на Албанской горѣ, еще совсѣмъ не существовало Тускула, какъ показываетъ, съ одной стороны, отсутствіе его въ спискѣ Плинія, а, съ другой—самое названіе Tusculum. Это названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ Тускулъ созданъ былъ только въ этрусскую эпоху (Tusci), когда старая организація Лація, остаткомъ которой являются албанскіе XXX populi, была вытѣснена новой городской организаціей по типу греческой πόλις [122]).

Если же территорія старыхъ XXX populi простиралась на сѣверъ за Аніенъ до береговъ Тибра (Фидены) и если Регилльское озеро находилось въ этой сѣверной части въ предѣлахъ tribus Claudia, то изъ этого слѣдуетъ, что опасность, угрожавшая латинскимъ XXX populi и заставившая ихъ сосредоточить свои войска около Регилльскаго озера, надвигалась на нихъ изъ-за Тибра. А такъ какъ въ регилльской повѣсти выступаютъ Тарквиніи, то естественно предположить,

119) Liv. 8, 15, 5. CIL. IV (fasti triumph.) s. 190; *Pais*, II, 342, 2. Впрочемъ названіе Inreg. получилось только путемъ раскрытія аббревіатуры Crassinreg., что можетъ быть раздѣлено не только въ Crass. Inreg., но и въ Crassin. Regill.

120) Liv. 2, 16. 5: ager trans Anienem vetus Claudia tribus appellata.

121) См. „Вопросы древняго Лація“, 367 и 407.

122) Не было тамъ, слѣдовательно, и тускуланца Октавія Мамилія, который позднѣйшимъ редакторомъ повѣсти поставленъ во главѣ тускуланцевъ во вниманіе къ тому выдающемуся положенію, которое родъ Мамиліевъ занималъ въ старомъ Тускулѣ: въ 460 году надъ войскомъ, поспѣшившимъ на помощь римлянамъ во время возстанія Аппія Гердонія, стоялъ одинъ изъ Мамиліевъ (Liv. 3, 18). Производство Октавія Мамилія въ зятья Тарквинія есть результатъ комбинаціи, основанной на ихъ дружественной связи въ регилльской повѣсти.

что первоначально дѣло касалось здѣсь той опасности, которая угрожала Лацію со стороны надвигавшихся съ сѣвера этрусковъ и которая кончилась полнымъ пораженіемъ латинъ и порабощеніемъ Лація со стороны этрусскихъ Тарквиніевъ. Но въ такомъ случаѣ въ основной редакціи повѣсти должно было заключаться другое распредѣленіе ролей главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Тарквинія и диктатора: первый долженъ былъ находиться во главѣ „римлянъ“ [123]), а второй во главѣ латинъ. Первоначальное мѣсто диктатора на сторонѣ латинъ правдоподобно и по существу дѣла, такъ какъ римская диктатура возникла только въ 438—437 годахъ, и притомъ сперва лишь въ видѣ случайнаго явленія. До того времени существовали только латинскіе диктаторы, и притомъ въ качествѣ нормальной союзной магистратуры арицинской федераціи. Кстати замѣтимъ, что диктаторомъ въ основной редакціи повѣсти нужно считать Т. Ларція и что А. Постумій пріобщенъ къ повѣсти только добавочнымъ образомъ, о чемъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ [124]). Обмѣнъ ролей Тарквинія и диктатора могъ совершиться не ранѣе конца V столѣтія, но умѣстно отнести и это на счетъ дѣятельности окончательнаго редактора повѣсти, жившаго столѣтіемъ позже, когда латинскіе диктаторы болѣе не существовали, а бывали уже одни только римскіе диктаторы.

Въ связи съ предполагаемымъ нами основнымъ смысломъ регилльской повѣсти можно объяснить и слѣдующій, во всякомъ случаѣ довольно странный, фактъ, заключающійся въ томъ, что въ повѣсти имѣется конница только на сторонѣ римлянъ; въ латинскомъ войскѣ ея нѣтъ вовсе, хотя вожди ихъ сражаются верхомъ [125]). Организація римскихъ всадниковъ покоится на конституціи Сервія Туллія [126]), составляя въ ней весьма существенный элементъ. А эта конституція могла быть введена только подъ давленіемъ этрусскихъ суверенов,

---

[123]) О терминѣ Romani (Ῥωμαῖοι) для обозначенія этрусскаго правительства въ въ Римѣ ср. „Вопросы древняго Лація“, 337.

[124]) Въ статьѣ „Первый римскій диктаторъ“.

[125]) Правда, еще до введенія конституціи Сервія Туллія въ Римѣ существовали какіе-то celeres, сохранившіеся въ видѣ пережитка старины ad sacra въ связи съ прочимъ штатомъ старыхъ reges sacrorum, преемниковъ мѣстныхъ римскихъ царей тарквиніевскаго періода. Однако о функціяхъ этихъ celeres ничего неизвѣстно, и даже самое толкованіе ихъ въ значеніи конницы только гадательно („Римскіе три трибы“, гл. II, вып. 21), хотя и вполнѣ правдоподобно.

[126]) Поэтому, на основаніи одного только присутствія діоскуровъ въ регилльской повѣсти, нельзя заключать, что вмѣстѣ съ культомъ тускуланскихъ боговъ изъ того же Тускула римляне заимствовали и организацію конницы (см. вып. 106).

какъ доказываетъ полное уравненіе плебеевъ съ патриціями въ дѣлѣ военной службы. Стало быть, организація римскихъ всадниковъ въ данномъ видѣ проникла въ Римъ изъ Этруріи. Первоначально всадники находились на положеніи конныхъ гоплитовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи лошадой для облегченія передвиженія и для преслѣдованія непріятеля, въ то время какъ собственно въ сраженіи они составляли только отборную часть пѣшей фаланги перваго класса. Если же эта организація всадниковъ проникла черезъ Этрурію, то, слѣдовательно, у латинъ, при первомъ ихъ столкновеніи съ этрусками, этой организаціи еще не было. Поэтому присутствіе отряда конныхъ гоплитовъ на сторонѣ регилльскаго побѣдителя само по себѣ, безъ участія діоскуровъ, могло произвести на лишенныхъ этой организаціи латинъ то впечатлѣніе, которое въ окончательной редакціи повѣсти приписывается діоскурамъ. Конные фалангиты, въ данномъ случаѣ, сыграли роль, подобную роли слоновъ въ войскѣ Пирра. Отсутствіе конницы у латинъ составляетъ также одинъ изъ признаковъ древности основного матеріала регилльской повѣсти.

Въ предполагаемомъ нами первоначальномъ видѣ повѣсть о пораженіи латинъ при Регилльскомъ озерѣ являлась скорбнымъ отголоскомъ народной памяти о томъ, какъ погибла свобода старыхъ XXX populi и какъ водворилось этрусское владычество надъ латинами. Отношеніе ко временамъ послѣ паденія владычества Тарквиніевъ регилльская повѣсть получила только въ новой „тускуланской“ редакціи не ранѣе конца IV столѣтія до Р. Хр.

„Вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ“.—Эти заключительныя слова повѣсти у Ливія сильно напоминаютъ собою заключительныя фразы народныхъ сказокъ. Также и общій характеръ повѣсти подходитъ къ типу народно-эпическихъ разсказовъ. Повѣствователь прямо приступаетъ къ дѣлу, къ описанію битвы, какъ собственнаго предмета своего разсказа, не заботясь о томъ, какъ его герои попали на мѣсто сраженія. Вниманіе слушателя сосредоточивается на вождяхъ, а въ заключеніе на отрядѣ всадниковъ, какъ фактора, рѣшившаго исходъ битвы. Вожди борются попарно и выходятъ на борьбу поочередно, одна пара за другой. Весь разсказъ распадается на рядъ послѣдовательныхъ сценъ. При этомъ реальная сторона разсказа довольно однообразна: всѣ герои выѣзжаютъ на поединокъ верхомъ и всѣ они дѣйствуютъ копьями. Искусство разсказчика всецѣло направлено къ разнообразію ситуацій въ отдѣльныхъ сценахъ.

Общее впечатлѣніе, производимое регилльской повѣстью, весьма

удачно опредѣлено еще Нибуромъ. Повѣсть представлялась ему эпически изящною былиною о богатыряхъ [127]), въ которой сраженіе изображено въ видѣ единоборства вождей, на подобіе Иліады. При Регилльскомъ озерѣ погибаетъ все поколѣніе богатырей; со сцены сходятъ представители героической эпохи и начинается новое время [128]). Такому впечатлѣнію соотвѣтствуетъ наше предположеніе, что въ основаніи регилльской повѣсти лежитъ мотивъ о гибели Лацiя подъ натискомъ этрусковъ. При наличной „тускуланской" редакціи нѣтъ никакой гибели Лацiя, такъ какъ вслѣдъ за регилльскимъ пораженіемъ латинъ идетъ союзъ Кассія, въ которомъ латины появляются на положеніи вполнѣ равноправныхъ союзниковъ римлянъ.

Мотиву о гибели Лацiя удовлетворяетъ и толкованіе Целлера [129]), по мнѣнію котораго регилльская повѣсть основана на преданіи о покореніи Лацiя римлянами. Однако, согласно съ своей теоріей о сабинскомъ происхожденіи римскихъ патриціевъ, Целлеръ подъ именемъ латинъ разумѣетъ плебеевъ, то есть мѣстное латинское населеніе, порабощенное пришлыми патриціями-сабинянами. Самая же битва при Регилльскомъ озерѣ не историческій фактъ, а одна изъ тѣхъ выдуманнымъ картинъ сраженій, которыми вообще такъ изобилуетъ римская исторія въ анналистической обработкѣ.

Подобно Нибуру, также Швеглеръ считаетъ Регилльскую битву заключеніемъ героическаго періода римской исторіи. Но тутъ же, соотвѣтственно своему отрицательному отношенію къ былинной теоріи Нибура, опошляетъ значеніе регилльской повѣсти предположеніемъ, что въ основаніи ея лежитъ историческій фактъ изъ того именно времени, къ которому онъ пріуроченъ въ анналистикѣ [130]), и что этотъ фактъ сводится къ небольшой конной стычкѣ при Регилльскомъ озерѣ, въ которой римляне одержали верхъ надъ тускуланцами; эта маленькая побѣда римлянъ въ тогдашнее смутное для нихъ время (in jener Zeit der Trübsal) обрадовала ихъ до такой степени, что они поспѣшили раздуть это событіе до размѣровъ великаго пораженія латинъ [131]). Швеглеръ искажаетъ тутъ одну изъ самыхъ существен-

---

[127]) *Niebuhr*, I⁴, 582: ist nur Heldenlied; 584: episch schön.

[128]) Ib. 385: im alten Gedicht das ganze Zeitalter unterging; die Männer der Heroenzeit sind aus der Welt geschieden.

[129]) *Zöller*, Latium und Rom, 190.

[130]) *Schwegler*, II, 62: historische Thatsache; 199: dass ihm etwas thatsächliches zu Grunde liegt.

[131]) Ibid. 201, прим. 3 и 4.

ныхъ чертъ повѣсти, заключающуюся въ томъ, что конница имѣется только на одной сторонѣ; о конной стычкѣ не можетъ быть здѣсь рѣчи, кромѣ того, и потому, что римскіе всадники сражаются въ пѣшемъ строю и вскакиваютъ на коней только тогда, когда битва оказалась уже проигранной латинами.

Также Ине [132]) видитъ въ регилльской повѣсти отголосокъ историческаго событія изъ начальныхъ временъ республики. Онъ допускаетъ возможность, что въ нѣкоторыхъ латинскихъ городахъ, въ томъ числѣ особенно въ Тускулѣ, дѣйствительно существовали приверженцы изгнаннаго изъ Рима Тарквинія, но при этомъ онъ склоненъ считать регилльскую войну, предпринятую въ интересахъ изгнаннаго Тарквинія, не общимъ предпріятіемъ всего Лація, а дѣломъ лишь нѣсколькихъ городовъ и даже одного только Тускула. Однако, при такомъ взглядѣ, совершенно стушевывается характерный для регилльской повѣсти терминъ XXX populi, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся въ римской исторіи.

Напротивъ, Моммзенъ [133]), отрицая вообще всякое историческое значеніе регилльской повѣсти, толкуетъ ее, какъ простую этимологическую легенду, возникшую изъ прозвища Постуміевъ Regillenses, подобно тому какъ, по его же мнѣнію, легенда о спасеніи Капитолія Манліемъ развилась изъ его прозвища Capitolinus. Въ этомъ толкованіи регилльской повѣсти заключается несомнѣнная доля правды, но лишь постольку, поскольку дѣло касается пріобщенія къ повѣсти Постумія. Въ анналистической обработкѣ преданія о пораженіи латинскихъ XXX populi имѣются два диктаттора, Т. Ларцій и А. Постумій. Само собою очевидно, что въ народно-эпической былинѣ могъ быть только одинъ диктаторъ, а таковымъ нужно считать не Постумія, а, напротивъ, Т. Ларція.

Историческое значеніе Регилльской битвы отрицаетъ, конечно, и Паисъ. Но при этомъ онъ даетъ довольно цѣнное указаніе [134]) на то, что Регилльская битва въ своихъ частностяхъ является до нѣкоторой степени дублетомъ битвы при Арсіи [135]), въ которой погибъ Брутъ, миѳическій основатель римской республики. Сходство обоихъ разсказовъ неоспоримо, но главнымъ образомъ только въ деталяхъ. Изгнан-

---

[132]) *Ihne*, Röm. Gesch. I², 80.

[133]) *Mommsen*, R. F. II, 292.

[134]) *Pais*, Storia di Roma, I, 1, 423 и 468: la battaglia del lago Regillo nei suoi particolari è la repetizione di quella dell' Arsia.

[135]) Liv. 2, 6.

ный Тарквиній, собравъ войска тарквинійцевъ и веентянъ, отправляется походомъ противъ римлянъ. На встрѣчу этрусскимъ войскамъ выступаютъ оба консула перваго года республики, Брутъ и Валерій. Впереди шелъ Брутъ во главѣ конницы, за нимъ слѣдовалъ Валерій съ пѣхотой. Также и впереди этрусковъ шла конница подъ начальствомъ сына Тарквинія Арунта; сзади шла пѣхота, предводительствуемая самимъ Тарквиніемъ. Арунтъ, завидѣвъ Брута, издали устремился противъ него, и такимъ же образомъ поступилъ и Брутъ. Столкновеніе обоихъ вождей было столь стремительно, что оба они оказались убитыми наповалъ, пронзивъ другъ друга своими копьями. Тѣмъ временемъ подоспѣла пѣхота: на одномъ крылѣ римляне опрокинули веентянъ, на другомъ—тарквинійцы римлянъ. Результатъ оказывался нерѣшительнымъ. Тѣмъ не менѣе ночью Тарквиній ушелъ съ своими войсками и распустилъ ихъ по домамъ. Римляне въ ту же ночь были оповѣщены о своей побѣдѣ, услышавъ изъ сосѣдняго лѣса Arsia громкій голосъ лѣсного бога Сильвана, который сообщилъ имъ, что въ битвѣ у этрусковъ пало однимъ человѣкомъ больше, чѣмъ у римлянъ и что, слѣдовательно, сраженіе выиграно римлянами. А такъ какъ по утру обнаружилось исчезновеніе этрусковъ [136]), то Валерій, подобравъ непріятельскіе доспѣхи, возвратился съ тріумфомъ въ Римъ и устроилъ тамъ торжественные похороны своему товарищу Бруту. Такимъ образомъ сходство битвы при Арсіи съ Регилльской битвой заключается, во-первыхъ, въ единоборство Брута и Арунта и, во-вторыхъ, въ чудесномъ оповѣщеніи римлянъ о ихъ побѣдѣ.

Однако есть и пункты различія. Самое замѣтное отличіе битвы при Арсіи касается конницы: въ противоположность къ коннымъ гоплитамъ регилльской повѣсти всадники Брута и Арунта появляются уже въ роли самостоятельнаго рода оружія согласно съ позднѣйшимъ типомъ организаціи конницы. Весьма существенное значеніе имѣетъ второй пунктъ различія, заключающійся въ томъ, что противниками римлянъ въ Арсійской битвѣ являются одни только этруски безъ всякаго участія латинъ. Притомъ битва происходитъ при Арсіи, т. е. по дорогѣ въ Цэре, куда изгнанный изъ Рима Тарквиній первоначально

---

[136]) Такое таинственное исчезновеніе этрусковъ, описанное Ливіемъ, замѣнено у Діонисія (5, 16) болѣе мотивированной версіей. Голосъ Сильвана слышали не только римляне, но и этруски, а послѣдніе исчезли не сами собою, а подъ натискомъ римлянъ, ворвавшихся въ ту же ночь въ лагерь враговъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ слышанъ былъ голосъ Сильвана.

удалился въ изгнаніе [137]). Стало быть, движеніе войска Тарквинія предполагается направленнымъ со стороны цэритской области. Если же въ его войскѣ цэритяне отсутствуютъ, то это позволяетъ думать, что преданіе объ Арсійской битвѣ, въ качествѣ мѣстной легенды, пріуроченной къ лѣсу Arsia, въ своей основѣ сложилось еще въ періодъ дружественныхъ отношеній между римлянами и цэритянами, установившихся съ самаго же основанія республики, какъ послѣдствіе событій, заставившихъ Тарквинія покинуть не только Римъ, но и свой родной городъ Цэре и искать убѣжища въ Кумахъ. На это же время указываетъ и присутствіе веентянъ, въ качествѣ неизмѣнныхъ враговъ римлянъ въ первое столѣтіе республики. Наличная же редакція арсійскаго сказанія, благодаря присутствію въ ней тарквинійцевъ, отражаетъ въ себѣ уже условія покоренія южной Этруріи въ серединѣ IV столѣтія [138]), а время окончательнаго оформленія сказанія опредѣляется изображенною въ немъ ролью конницы.

Возможно, что арсійское сказаніе, бывшее жизнеспособнымъ еще въ IV столѣтіи, какъ показываетъ его приспособленіе къ условіямъ тогдашняго времени [139]), послужило образцомъ для обработки регилльской повѣсти въ новой редакціи, и въ частности для внесенія въ нее діоскуровъ въ подражаніе чудесной помощи арсійскаго Сильвана.

V. Построеніе II книги Ливія.

Итакъ регилльская повѣсть о пораженіи латинскихъ XXX populi въ своей основѣ отражаетъ народную память о временахъ, предшествовавшихъ водворенію въ Лаціи городского строя. Въ этомъ отношеніи она примыкаетъ къ циклу историческихъ сказаній о нашествіи сабинянъ, также воспроизводящихъ память о временахъ до-тарквиніевской эпохи. Однако для вопроса о построеніи анналистической традиціи въ предѣлахъ II книги Ливія можетъ быть принята во вниманіе только наличная форма регилльской повѣсти въ ея „тускуланской“ редакціи, сложившейся въ данномъ видѣ не ранѣе самаго конца IV столѣтія, и въ этомъ смыслѣ она является ровесницей арсійскаго сказанія, также получившаго окончательную форму не раньше

[137]) Liv. 1, 60, 2.

[138]) Liv. 7, 15, 10; 7, 19, 2 сл.

[139]) Заслуживаетъ вниманія, что въ арсійской повѣсти выступаетъ консулъ P. Valerius Publicola. А въ 353 году, когда произошло присоединеніе цэритской области, однимъ изъ консуловъ былъ M. Valerius Publicola.

второй половины того же столѣтія. Еще въ началѣ III столѣтія народно-эпическое творчество продолжало проявлять свою жизнеспособность, какъ доказываетъ, напр., пріобщеніе къ сказанію о битвѣ на форумѣ храма Юпитера Статора, построеннаго въ 293 году [140]).

Рядомъ съ этимъ въ началѣ III столѣтія начала развиваться письменная исторіографія, сперва въ нѣдрахъ коллегіи понтификовъ, а вскорѣ послѣ этого и въ формѣ общедоступныхъ литературныхъ произведеній. Съ 296 года [141]) матеріалъ Ливія замѣтно обновляется. Здѣсь впервые приводятся легіоны съ ихъ нумераціей и численностью, съ указаніемъ ихъ начальниковъ и мѣста назначенія; тогда же впервые появляются офиціальныя данныя о prodigia съ мѣропріятіями сената и т. д. [142]). Тогда же, въ періодъ Первой пунической войны, верховнымъ понтификомъ состоялъ Тиберій Корунканій, который, по правдоподобной догадкѣ А. О. Энмана, первый свелъ въ систему историческій матеріалъ архива понтификовъ, восполнивъ свой трудъ доступными для него свѣдѣніями о начальной исторіи Рима и въ частности о древнихъ царяхъ [143]). Въ ближайшее послѣ Корунканія время выступаетъ Нэвій съ своимъ сатурническимъ эпосомъ о Первой пунической войнѣ, въ первыхъ двухъ книгахъ котораго излагалась древнѣйшая исторія Рима, начиная съ Энея. А вслѣдъ за Нэвіемъ возникаетъ богатая анналистическая литература. Понятно, почему матеріалъ народно-эпическихъ сказаній, насколько онъ попадалъ въ зарождавшуюся въ III столѣтіи исторіографію римлянъ, оказывается фиксированнымъ въ такихъ чертахъ, которыя указываютъ на бытовыя условія того же или ближайше предшествовавшаго времени.

Подлинныя свѣдѣнія офиціальной хроники понтификовъ восходятъ не далѣе середины V столѣтія до Р. Хр., точнѣе не далѣе 464 года, т. е. начинаются только съ первыхъ главъ третьей книги Ливія. Все то, что̀ имѣется въ первыхъ двухъ книгахъ Ливія, создано, слѣдовательно дополнительнымъ образомъ. Это касается не только матеріала, но и его хронологическаго распредѣленія. То и другое является результатомъ работы многочисленныхъ писателей, пополнявшихъ и

---

140) См. „Легенда о близнецахъ“, 126.

141) Liv. 10, 18.

142) См. *Philol.* 1895, 158.

143) См. „Начало міровой политики“, 482.—На счетъ дѣятельности Корунканія можно отнести особенно не только такія данныя о Нумѣ Помпиліи, какъ, напримѣръ, церемоніалъ его избранія, но и явно тенденціозное превращеніе его въ преемника Ромула.

исправлявшихъ по своему разумѣнію сдѣланное ихъ предшественниками.

Регилльская повѣсть, заимствованная изъ народно-эпической устной словесности, представляетъ собою назидательный образчикъ анналистическихъ пріемовъ, какъ въ обработкѣ матеріала, такъ и въ опредѣленіи хронологіи. Такъ какъ для времени до 464 года не было официальной лѣтописи и, слѣдовательно, не было первоначально и консульскихъ фастовъ, то пріурочиваемыя къ этому времени событія размѣщались, насколько это было возможно по признакамъ, заключавшимся въ самомъ матеріалѣ. Въ „тускуланской" редакціи регилльской повѣсти такимъ признакомъ являлось указаніе на храмъ Кастора, построенный въ память чудеснаго явленія діоскуровъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они поили своихъ лошадей. А такъ какъ освѣщеніе этого храма относилось къ 484 году (на 22 году капитолійской эры), то подъ этимъ же годомъ помѣщена была и регилльская повѣсть, упоминавшая о поводѣ построенія храма. По храмовой традиціи, удостовѣренной, какъ можно полагать, надписью, подобно надписи на Капитолійскомъ храмѣ, строителемъ храма являлся одинъ изъ Постуміевъ, родъ которыхъ носилъ прозвище Regillenses. На основаніи истолкованія этого прозвища въ смыслѣ побѣднаго титула, согласно съ позднѣйшими примѣрами этого рода, строитель храма А. Постумій, вмѣстѣ съ тѣмъ, признанъ былъ и регилльскимъ побѣдителемъ, вслѣдствіе чего въ повѣсти оказались теперь два диктатора.

А такъ какъ Постумію отдана была побѣда и, слѣдовательно, конецъ войны, то за Т. Ларціемъ, прежнимъ единственнымъ диктаторомъ повѣсти, осталось только начало, что̀ и опредѣлило хронологическую послѣдовательность обоихъ. Слѣдъ пріуроченія регилльской повѣсти къ 484 году сохранился въ извѣстіи Діодора о войнѣ съ тускуланцами въ этомъ именно году. Если же источникомъ Діодора служилъ Кассій Гемина, то, слѣдовательно, такая хронологія Регилльской битвы принималась этимъ современникомъ Третьей пунической войны, и притомъ, вѣроятно, еще по примѣру Катона, введшаго эту повѣсть впервые въ составъ анналистическаго матеріала.

Затѣмъ, не ранѣе временъ Суллы, изъ греческихъ историковъ извлечена была дата смерти Тарквинія въ Кумахъ и опредѣлена 495 годомъ. А такъ какъ по регилльской повѣсти Тарквиній во время этой битвы оказывался еще въ живыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого являлись необходимость перемѣстить регилльскую повѣсть ко времени, предшествовавшему году смерти Тарквинія. Опорою для пріисканія

новой даты Регилльской битвы служило извлеченное тогда же изъ греческихъ источниковъ извѣстіе о войнѣ римлянъ съ „аврунками“, въ которомъ упоминалось объ отпаденіи двухъ латинскихъ „колоній“. Эта измѣна двухъ латинскихъ городовъ въ греческомъ источникѣ значилась подъ 503—2 годами (= ol. 69,2). Вслѣдъ за нею и помѣщена была регилльская повѣсть, причемъ 501 годъ отданъ диктатору Т. Ларцію, а 499 годъ—диктатору А. Постумію. Отпаденіе двухъ латинскихъ колоній являлось здѣсь такимъ образомъ какъ бы прелюдіей общаго заговора всѣхъ латинскихъ XXX populi. Такова была датировка анналиста Лицинія Макра, современника Суллы, умершаго въ годъ преторства Цицерона. Въ результатѣ регилльская повѣсть оказалась всунутой между „аврункской“ войной и ея дублетомъ, раньше уже (вѣроятно, со временъ Катона) вошедшимъ въ римскую анналистику подъ названіемъ войны съ вольсками.

Подъ 494 годомъ занесена побѣда дитактора М. Валерія надъ сабинянами. Пока регилльская повѣсть значилась подъ датой освященія храма Кастора, пораженіе латинъ слѣдовало такимъ образомъ за побѣдой надъ сабинянами. Когда же регилльская повѣсть была перенесена къ 501—499 годамъ, то получился обратный порядокъ: диктаторъ Валерій оказался позади диктаторовъ Ларція и Постумія. Анналистъ Валерій Анціатъ снова возвратилъ первенство своему сородичу, помѣстивъ сначала побѣду диктатора Валерія и соотвѣтственно этому отодвинувъ латинскую войну къ 498—496 годамъ въ непосредственное сосѣдство съ годомъ смерти Тарквинія. Изложеніе этихъ событій у Ливія основывается частью на редакціи Лицинія Макра, частью на изложеніи Валерія Анціата, причемъ свое отступленіе отъ послѣдняго онъ оправдываетъ въ полемической замѣткѣ о первомъ диктаторѣ [144]).

Вообще замѣтно, что древнѣйшіе анналисты принимали болѣе низкіе даты для хронологическаго опредѣленія событій, относимыхъ ими къ начальнымъ временамъ республики. Съ большой правдоподобностью можно утверждать это и о нашествіи Порсены. Подъ 477—476 годами Ливій повѣствуетъ о войнѣ съ веентянами, въ которой нельзя не признать явнаго дублета военныхъ дѣйствій этрусковъ подъ начальствомъ Порсены. Результатъ похода Порсены, заключавшійся въ отобраніи у римлянъ за-тибрскихъ septem pagi съ передачей ихъ веентянамъ, доказываетъ, что этотъ походъ предпринятъ былъ въ интересахъ Вей, но никакъ не Тарквинія. Притомъ и у Ливія Тарквиній

[144]) Liv. 2, 21, 3 сл.

фигурируетъ только во вступительной главѣ къ разсказу о Порсенѣ [145]), имѣющей цѣлью собственно только прагматизировать его походъ противъ Рима; въ дальнѣйшихъ главахъ Тарквиній совершенно стушевывается. Изъ этого можно заключить, что имя Тарквинія пристегнуто было къ сказанію о Порсенѣ только дополнительнымъ образомъ. Но разъ Тарквиній оказался примѣшаннымъ къ этому дѣлу, то, конечно, было необходимо отнести разсказъ о Порсенѣ къ болѣе раннему времени. Война съ веентянами въ 477—476 годахъ являются остаткомъ первоначальнаго хронологическаго опредѣленія похода Порсены, разсказъ о которомъ, въ этомъ первоначальномъ видѣ, примыкалъ къ легендѣ о гибели Фабіевъ въ борьбѣ съ Веями. Подобнымъ образомъ преданіе объ учрежденіи народнаго трибуната пріурочивалось, вѣроятно, къ болѣе позднему времени, соотвѣтствующему 471 году консульскихъ фастовъ.

Въ пользу предположенія, что древнѣйшіе анналисты принимали болѣе низкія даты для начальныхъ временъ республики, говоритъ и самый характеръ консульскихъ фастовъ, особенно перваго десятка лѣтъ. Самъ Ливій свидѣтельствуетъ, что у его предшественниковъ замѣчалось большое разногласіе, какъ въ хронологическомъ опредѣленіи событій, такъ и относительно консуловъ [146]). Наличная редакція консульскихъ фастовъ того времени, принятая какъ Діонисіемъ, такъ и Ливіемъ на основаніи официальныхъ фастовъ, составленныхъ въ періодъ тріумвирата (не ранѣе 36 года), обнаруживаетъ любопытныя частности.

Въ погонѣ за именами консуловъ составителямъ фастовъ большую услугу оказала, между прочимъ, и регилльская повѣсть. До установленія Варроновой эры, основанной на искусственномъ синхронизмѣ сверженія Тарквинія съ сверженіемъ послѣдняго аѳинскаго тиранна Гиппія въ 510 году, начальнымъ годомъ республики считался 507 годъ [147]), какъ годъ освященія храма Юпитера [148]), съ котораго велся

---

[145]) Liv. 2, 9.

[146]) Liv. 2, 21, 4: tanti errores implicant temporum aliter apud alios ordinatis magistratibus, ut nec qui consules secundum quos, nec quid quoque anno actum sit, digerere possis.

[147]) Эту дату принималъ и Полибій (508—7 годъ) и Діодоръ (507—6). Различіе между ними зависитъ отъ различнаго перевода римскаго 507 года на годъ олимпіады: у Полибія захвачена часть предшествующаго, у Діодора часть послѣдующаго года.

[148]) Къ этому году, т. е. къ третьему году республики по Варроновой эрѣ, от-

счетъ капитолійской эры: post aedem Capitolinam dedicatam [149]). Консулами этого перваго года республики были приняты Горацій и Валерій, первый въ качествѣ магистрата, освятившаго храмъ согласно надписи, а второй, какъ авторъ закона о провокаціи. А въ консулы слѣдующаго затѣмъ 506 года попали регилльскіе герои T. Larcius и T. Herminius [150]). Имя Т. Ларція повторяется и въ числѣ консуловъ 501 [151]) и 498 [152]) годовъ, т. е. именно тѣхъ годовъ, къ которымъ двѣ разныя версіи относили избраніе перваго диктатора; для консульскихъ фастовъ использованы безпристрастно обѣ версіи. Имя Т. Эбуція, начальника конницы въ Регилльской битвѣ, внесено въ фасты 499 года [153]), а имя диктатора А. Постумія въ фасты 496 года [154]); также и въ этомъ случаѣ использованы равномѣрно двѣ различныя даты хронологическаго опредѣленія Регилльской битвы. Наконецъ, и М. Валерій произведенъ въ консулы 505 года [155]) вмѣстѣ съ Постуміемъ, который, однако, здѣсь получилъ имя Публія. Такимъ образомъ всѣ герои регилльской повѣсти нашли себѣ мѣсто среди консуловъ того времени. Присутствіе имени Аппія Клавдія въ числѣ консуловъ 495 [156]) года позволяетъ предполагать, что преданіе о переселеніи въ Римѣ рода Клавдіевъ первоначально пріурочивалось къ этому году и что къ 504 году, подъ которымъ оно значится у Ливія [157]), оно перенесено уже впослѣдствіи, въ связи съ общимъ удлиненіемъ начальнаго періода. Особенно замѣчательны консулы 500 года, взятые изъ пасквиля на Цицерона [158]). Подобными вымышленными консулами являются A. Sempronius и M. Minucius, включенные въ начальные фасты два раза, подъ 497 и 491 годами, изъ чего слѣдуетъ, что выдуманный разсказъ о мѣропріятіяхъ по удешевленію хлѣба пріуро-

---

несено освященіе храма у Dion. 5, 35 и Tac. h. 3, 72.—У Ливія первые три года скомканы въ два года. Ср. 3, 39, 3: Valeriis et Horatiis ducibus pulsi reges.

[149]) Plin. n. h. 33, 1, 19.

[150]) Dion. 5, 36.—Пріобщеніе этихъ же двухъ именъ къ разсказу о Порсенѣ (Liv. 2, 10, 6) свидѣтельствуетъ о позднемъ происхожденіи наличной редакціи.

[151]) Dion. 5, 50. Liv. 2, 18: Postumus Cominius et T. Larcius.

[152]) Dion. 5, 59. Liv. 2, 21: Q. Cloelius et T. Larcius.

[153]) Dion. 5, 58. Liv. 2, 19.

[154]) Dion. 6. 2. Liv. 2, 21.

[155]) Изъ этого явствуетъ, что фасты этихъ годовъ получили свою окончательную редакцію уже послѣ обнародованія труда Валерія Анціата.

[156]) Dion. 5, 37. Liv. 2, 16.

[157]) Liv. 2, 16, 4.

[158]) См. выш. 8.

чивался разно, у однихъ къ датѣ храма Сатурна (497), въ качествѣ казнохранилища, у другихъ же къ 491 году, ради соединенія съ остальной легендой о Коріоланѣ.

Матеріалъ, изъ котораго составилась вторая книга Ливія, въ первоначальномъ своемъ видѣ состоялъ изъ ряда разрозненныхъ разсказовъ, сгруппированныхъ въ болѣе или менѣе случайномъ порядкѣ, который позднѣйшею критикою исправлялся и видоизмѣнялся согласно замѣченнымъ ею признакамъ. Единственною опорою для хронологическаго опредѣленія событій того времени на первыхъ порахъ развитія римской анналистики служили храмовыя даты капитолійской эры: 507 храмъ Юпитера, 497 храмъ Сатурна, 495 храмъ Меркурія, 493 храмъ Цереры [159]), 484 храмъ Кастора. Въ вѣкъ Суллы къ этому присоединились извлеченныя изъ греческихъ источниковъ даты смерти Тарквинія (495), битвы при Ариціи (508) и войны съ аврунками. Вотъ въ этомъ и состоитъ вся хронологическая основа второй книги Ливія. Консульскіе фасты до 464 года [160]), придавшіе этой книгѣ характеръ лѣтописи, составляютъ заключительный элементъ, который, за недостаткомъ стараго матеріала нуждался, въ значительномъ количествѣ дополненій въ шаблонной формѣ войнъ съ сабинянами, вольсками, эквами и веентянами, придуманныхъ по образцу матеріала третьей книги.

И. Нетушилъ.

---

159) Датировка для secessio plebis подъ 494 годомъ получилась, несомнѣнно, путемъ комбинаціи съ датой храма Цереры, между тѣмъ какъ первоначально въ анналахъ это преданіе объ учрежденіи плебейской магистратуры значилось, быть можетъ, только подъ 471 годомъ консульскихъ фастовъ.

160) Также *Моммзенъ* (R. G. I⁸, 462) признаетъ консульскіе фасты въ достаточной мѣрѣ надежными, только начиная съ 463 года.

КЪ МЕНАНДРУ.

Въ сохраненномъ Аѳинеемъ (XIII, 559 e, ed. Kaibel) отрывкѣ изъ комедіи Менандра Ἀρρηφόρος ἢ Αὐλητρίς (=Kock, III, fr. 65), отрывкѣ, представляющемъ изъ себя діалогъ между лицомъ, на опытѣ разочаровавшимся въ прелестяхъ брачной жизни, и лицомъ, желающимъ жениться, есть одинъ стихъ, дошедшій до насъ не вполнѣ цѣлымъ, и до сихъ поръ, насколько я знаю, остающійся не дополненнымъ.

Когда лицо, стремящееся къ браку, несмотря на доводы, приводимые собесѣдникомъ, упорствуетъ въ своемъ намѣреніи, то собесѣдникъ говоритъ ему напослѣдокъ:

πέραινε. σωθείης δὲ νῦν· ἀληθινὸν
εἰς πέλαγος αὑτὸν ἐμβαλεῖς γὰρ πραγμάτων,
οὐ Λιβυκόν, οὐδ' Αἰγαῖον........,
οὗ τῶν τριάκοντ' οὐκ ἀπόλλυται τρία
πλοιάρια· γήμας δ' οὐδὲ εἷς σέσωσθ' ὅλως.

Послѣ Αἰγαῖον въ рукописномъ преданіи Аѳинея не сохранилось слова, заключавшаго собой стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ясно, что этимъ словомъ могло быть скорѣе всего названіе какого-нибудь моря, не особенно пріятнаго по своимъ свойствамъ для мореплавателей. Такимъ mare desideratum Grotius предлагалъ считать Египетское море (οὐδ' Αἰγύπτιον), Meineke—Іонійское (οὐδ' Ἰωνικόν), Cobet—Сицилійское (οὐδὲ Σικελικόν), а Kock—Критское (οὐδὲ Κρητικόν). Но всѣ эти дополненія грѣшатъ, на мой взглядъ, тѣмъ, что всѣ они случайны, благодаря чему всѣ съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ быть замѣнены цѣлымъ рядомъ другихъ.

Отсюда ясно, что надо найти такое дополненіе, которое, опираясь

на литературный источникъ, не представляло бы собой чего-нибудь случайнаго въ соединеніи съ Αἰγαῖον. Такимъ источникомъ могутъ служить для насъ слѣдующія, направленныя противъ μῖμοι и подчеркивающія опасность отъ послѣднихъ для христіанъ, слова Іоанна Златоуста: καίτοι γε εὐκολώτερον ἄν τις τὸ Αἰγαῖον καὶ Τυρρηνικὸν παραδράμοι πέλαγος μετὰ ἀσφαλείας ἢ τὴν θεωρίαν ταύτην (Migne, P. G. LVII, 80). Ср. также слова того же Златоуста: καὶ ὁ μὲν Αἰγαῖος (κόλπος) διὰ τὰ πνεύματά ἐστι χαλεπός· ὁ δὲ πορθμὸς ὁ Τυρρηνικὸς διὰ τὴν στενοχωρίαν (Migne, P. G. LVIII, 737).

На основаніи этихъ текстовъ, изъ которыхъ въ первомъ можно при желаніи видѣть отдаленную реминисценцію изъ Менандра, я и предлагаю читать интересующій насъ стихъ слѣдующимъ образомъ:

οὐ Λιβυκὸν οὐδ' Αἰγαῖον, οὐ Τυρρηνικόν.

Г. Церетели.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ IV

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(іюль и августъ 1906 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшія повелѣнія.

Стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

Стран.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Отзывы о книгахъ:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Отзывы о книгахъ:

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ**.

(Вышла 1-го августа)

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994